

УДК 59(081)
ББК 26я44
В35

Составитель
академик *Э.М. Галимов*

Вернадский В.И.

Собрание сочинений : в 24 т. / В.И. Вернадский ; под ред. академика Э.М. Галимова ; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН ; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. – М. : Наука, 2013– . – ISBN 978-5-02-038093-6.

Т. 18. Письма жене – Н.Е. Вернадской (1895–1940 гг.) / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов. – 2013. – 623 с. – ISBN 978-5-02-038131-5 (в пер.).

Предлагаемое Собрание сочинений в 24-х томах включает почти все научные работы В.И. Вернадского, тексты выступлений, дневники и основную часть его эпистолярного наследия. Основу настоящего издания составили тематические выпуски, публиковавшиеся в виде отдельных книг, начиная с 1992 г., в серии «Библиотека трудов академика В.И. Вернадского» Комиссией РАН по разработке научного наследия В.И. Вернадского. В собрание включены также избранные сочинения В.И. Вернадского в пяти томах, изданные Институтом геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского Российской академии наук (тогда АН СССР) в 1954–1960 гг., а также прижизненные и другие издания.

В 18-м томе публикуются письма В.И. Вернадского жене Н.Е. Вернадской. Первый блок писем, охватывающий переписку в период 1886–1894 гг. помещен в предшествующем 17-м томе. Данный 18 том включает письма с 1895 по 1940 г. Всего 585 писем. Эти письма не только раскрывают душевные качества ученого. Они полны интересных идей и оценок. В.И. Вернадский делится с женой планами, своими представлениями об общественно-политическом устройстве России и других стран. Многие письма написаны из-за границы.

ISBN 978-5-02-038093-6
ISBN 978-5-02-038131-5 (т. 18)

© Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского, 2013
© Галимов Э.М., составление, предисловие, 2013
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЕМНАДЦАТОМУ ТОМУ*

В личном фонде В.И. Вернадского сохранилось 1586 писем к Н.Е. Вернадской. Первые 430 писем публикуются в предшествующем 17-м томе собрания сочинений. Эти письма не только раскрывают душевные качества ученого, они полны интересных идей и оценок. В.И. Вернадский делится с женой своими планами, представлениями об общественно-политической жизни России и других стран. Многие письма написаны из-за границы.

В настоящем томе публикуются письма, охватывающие период с 1895 по 1940 г. Всего 585 писем.

Первый блок писем относится к переписке 1895–1900 гг. Н.Е. Вернадская (до замужества Старицкая) была высокообразованной женщиной, происходившей из интеллигентной семьи. Она знала несколько иностранных языков. В трудные минуты В.И. Вернадский искал и находил опору в жене,веря ей свои надежды и разочарования, говорил об охватывавших его сомнениях. Он пишет: «Трудно мне одному без Наташи. Хочется скорее быть вместе с ней – она для меня и поддержка, и с ней моя нестойкая мысль укрепляется и очищается...» (страницы автобиографии В.И. Вернадского. Изд. «Наука». М., 1981, стр. 83). Иногда это желание иметь опору проявляется даже в некоторой требовательности. Он пишет в письме жене в октябре 1890 г.: «...важно, что бы ты могла работать над одним и тем же. Такое дело представляется, например, в задуманной мной теории научных идей, и теперь я все более и более знакомлюсь с древним миром, для того тебе выбираю для чтения только то, что считаю важным при наивозможно малой трате времени (Софокл, новые диалоги Платона) и теперь просил тебя прочесть летопись Тацита. Но ты и не начала! А время, когда можешь читать, читала «Вестник Европы» и тому подобные журналы, – это все времяпровождение, а не чтение...».

Подобно большинству неординарных, по-настоящему одаренных людей, В.И. Вернадскому, особенно в молодые годы, были свойственны сомнения в себе, в своих силах, в своих способностях, крайне самокритичное отношение к своим достижениям. Он писал: «...«только немногим из мечтателей удалось чего-нибудь добиться, и потому я говорю, что может быть я никуда не гожусь, и потому у меня являются дни отчаяния, дни, когда я вполне и мучительно больно сознаю свою неспособность, свое неумение и свое ничтожество» (из письма Н.Е. Вернадской 2 июля 1887 г.). «...Боже, хоть немного бы веры в свой дух, хотя бы немного самоуверенности. Право, даже завидуешь само-

---

* См. общее предисловие к настоящему собранию сочинений В.И. Вернадского, первый том, стр. 3–5.

уверенным людям. В сущности, ведь они всегда больше достигают» (из письма Н.Е. Вернадской, 5 сентября 1893 г. Моршанск). В одном из писем жене он упоминает о посещении Третьяковской галереи вместе с приехавшими иностранцами, участниками проходившего тогда в Петербурге VII Международного геологического конгресса (август 1897 г.): «С ними был я в Третьяковской галерее. Меня самого поразило ее богатство, несомненно огромная талантливость русского гения, и я переживал хорошее чувство патриотизма, когда присутствовал при искреннем, постепенно нарождавшемся в иностранцах чувстве удивления, восхищения. Я говорю – о хорошем чувстве патриотизма – т.к. это было чувство итогов, ясное сознание целесообразности русской общественной жизни в общей жизни человечества». И далее в том же письме: «И мне чудится иногда и с трудом отгоняются тупые страдания нашего забытого, нашего исстрадавшегося и почти сведенного на скотское существование народа, которого мы лишь верхние представители...» (из письма к Н.Е. Вернадской 26 августа, 1897 г., Москва). «Прочел с величайшим удовольствием три тома сочинений Островского – много он мне дал совершенно неожиданного. Я впервые начал понимать его. Точно так же как Щедрин, он проник в глубину тех слоев русского общества, которые являлись и являются устоями русской государственной машины – бюрократии и мещанства в широком смысле слова. Эти создания исторической жизни Московской Руси проходят здесь со всеми своими достоинствами и недостатками: бедностью или отсутствием мысли, наивной безнравственностью, погоней за личными интересами и в то же время нередко с доходящей до героизма покорностью судьбе и упорством, цепкостью, позволяющими им жить и находить возможность человеческого существования в самых немыслимых, невозможных условиях...» (Из письма к Н.Е. Вернадской 20 апреля 1896 г.).

Вторая часть переписки, вошедшая в этот том, относится к периоду с 1901 по 1908 г. Это время особенно высокой общественно-политической активности В.И. Вернадского. Он пишет в статье «О профессорском съезде» («Наши дни», 20 декабря 1904 г.): «Профессора высших учебных заведений – университетов и технических институтов – нигде в цивилизованном мире не поставлены в настоящее время в столь унижительное положение, как у нас в России... Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, ... он не может быть уверен, что по произволу администрации и по неизвестным ему причинам он в один прекрасный день не будет устранен от дорогой ему деятельности. И это устранение может произойти в самой грубой и унижительной форме, без всякой возможности выяснить и понять случившееся...»

Эта статья сыграла роль в создании общественной организации профессоров и преподавателей высшей школы – «Академического союза». Его первый съезд состоялся в марте 1905 г. В.И. Вернадский был одним из учредителей этого и последующих съездов.

В марте 1906 г. В.И. Вернадский избран в Государственный Совет в числе 6 членов от Академии наук и университетов. В июле 1906 г. В.И. Вернадский подал в отставку из членов Государственного Совета в знак протеста против роспуска указом царя Государственной Думы 8 июня 1906 г. Но в январе 1908 г. вновь был избран в Государственный Совет.

В 1902–1903 гг. В.И. Вернадский прочитал в Московском университете курс лекций по истории естествознания: «Очерки по истории современного научного мировоззрения». Эта работа включена в 11-й том собрания сочинений. В 1904 г. вышел 1-й том «Основ кристаллографии». В 1903 г. он принимается за «Опыт описательной минералогии». Первый выпуск «Самородные элементы» был напечатан в 1908 г. Эти труды В.И. Вернадского включены во 2-й и 3-й тома собрания сочинений.

Последний блок писем В.И. Вернадского к Н.Е. Вернадской включает период с 1909 по 1940 г. Число писем, написанных и сохранившихся в этот период, относительно невелико. Супруги в эти годы разлучались меньше.

После отставки из Московского университета в 1911 г., завершившей более чем 20-летний период преподавательской деятельности В.И. Вернадского в Московском университете, В.И. Вернадский с семьей переезжает в Петербург.

Ознакомившись с открытием радиоактивности Анри Беккерелем и работами Пьера и Мари Кюри-Складовской, В.И. Вернадский был чрезвычайно увлечен перспективами использования радиоактивности в качестве источника энергии: «... В эти годы не только русская история сделала бесповоротный шаг к новому, но и в мировом научном движении совершились события величайшей важности – происходит полная революция в представлениях о веществе, начинается не менее глубокое изменение в науках о жизни. Явления радиоактивности, начатки воздухоплавания, опытный метод в биологических науках пустили за это время глубокие корни, и их ростки мы чувствуем всюду кругом: они все изменяют в сложившемся в XVIII веке научном мировоззрении. Мы переживаем теперь более глубокие изменения картины мира, чем те, которые были даны в течение всего XIX столетия со всем блеском его кипучей умственной деятельности. Перед нами открываются горизонты негданные – даже в самых смелых и фантастических утопиях будущего...» (Из статьи «Перед съездом», 28 декабря, 1909 г.). 5 января 1910 г., находясь в Париже, он пишет в письме к Н.Е. Вернадской: «...Сегодня утром... еще раз заеду в Институт к М-ме Кюри... Знаешь, с минералого-кристаллографической точки зрения, мы несравненно впереди. И по характеру работы и по методам и по количеству работающих – никакого сравнения. В своеобразной научной работе французской мне кажется они берут лишь большей вековой талантливостью, своеобразной традицией, создавшей им положение в мировом научном мире» (Из письма к Н.Е. Вернадской 5/18 января 1910 г. Париж).

В 1910 г. на годовичном собрании Академии наук В.И. Вернадский выступает с докладом: «Задачи дня в области радия». Добываются средства для проведения экспедиций с целью поиска урановых руд. В 1912 г. В.И. Вернадский организовал и возглавил постоянно действующую Радиевую экспедицию Академии наук.

С началом войны 1914–1918 гг., когда выявилась неподготовленность сырьевой базы России, В.И. Вернадский выступил с инициативой создания в Академии наук Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЭПС).

В период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. В.И. Вернадский пишет в письме к Н.Е. Вернадской (19 июля 1917 г.): «Сейчас очень тревожно за судьбу демократии. Получаются чрезвычайно печаль-

ные результаты ее применения. Конечно, и без этого было бы плохо. Но тут полное рабство духа, и мысли, и воли».

С 1918 по 1921 г. В.И. Вернадский провел на Украине, где он организовал Украинскую Академию наук и Таврический Университет.

Первое письмо Н.Е. Вернадской в советский период датировано 11 августа 1912 г. из Мурманской биологической лаборатории. В этом письме В.И. Вернадский пишет: «Сейчас много думаю о загранице, но не знаю, насколько это удастся устроить, а между тем для научной работы это было бы необходимо».

В июне 1922 г. В.И. Вернадский с женой и дочерью выехал за границу. Вернулся В.И. Вернадский в Ленинград в марте 1926 г. Это годы плодотворной работы над крупными обобщениями, состоявшимися в его работах по геохимии и развитию учения о биосфере.

Следующее публикуемое письмо В.И. Вернадского жене датируется 26 мая 1926 г. В.И. Вернадский почти ежегодно выезжает в зарубежные командировки: в 1927 г. – в Германию, Норвегию, в 1928 и 1929 гг. – Германию, Чехословакию, 1932 г. – Германию, Францию, 1933–1936 гг. – в Чехословакию, Польшу, Францию, Англию, Германию.

В 1928 г. биогеохимический отдел КЭПС был реорганизован в биогеохимическую лабораторию Академии Наук, директором которой В.И. Вернадский оставался до конца жизни. В 1934 г. лаборатория вместе с другими академическими учреждениями была переведена из Ленинграда в Москву. В 1937 г. В.И. Вернадский выступил с докладом «О значении радиогеологии для современной геологии» на XVII Международном геологическом конгрессе, состоявшемся в Москве.

Во время Великой Отечественной войны В.И. Вернадский с семьей были эвакуированы и жили в местечке Боровое в Казахстане. Здесь Н.Е. Вернадская скончалась 3 февраля 1943 г.

18-й том собрания сочинений публикуется по тексту собраний писем, составленных Н.В. Филипповой под редакцией Б.В. Левшина и изданных в книгах: «В.И. Вернадский. Письма Н.Е. Вернадской (1895–1900)», Изд. «Техносфера», вторая книга под тем же названием Изд. «Наука», 2003 г., и третья – под тем же названием (1909–1940), Изд. «Наука», 2007 г. В составлении последней принимал участие также В.С. Чесноков. Примечания к письмам принадлежат составителям.

Э.М. Галимов

ПИСЬМА 1895–1900 гг.

№ 434

[Ранее 6 мая 1895 г., Москва]¹

Май, 1895

Дорогая моя Натуся, я сейчас уезжаю в деревню. Посылаю тебе письмо Александру Александровичу², которое перешли ему заказным в Иркутск. Оно вышло очень личным, но я высказал свою мысль как мог, и я бы хотел, чтобы оно до него дошло³. Я не ездил на экскурсии, а вчера занимался у себя. Много думал над работой⁴. В последние недели совершенно неожиданно для самого меня моя тема расширилась, и мне приходится заниматься все больше и больше оптикой. Вопросы меня начинают серьезно интересовать. Летом хочу заняться основательно некоторыми отделами теоретических знаний, которые мне необходимы, – механикой, оптикой; напишу летом теоретическую часть работы, историческую и часть моей экспериментальной работы. Я хочу внимательно заняться метеорологической оптикой (круги около Солнца и т.д.), так как подобные явления можно вызывать в кристаллах. Меня начинает интересовать моя тема еще потому, что она, по-видимому, дает совсем странное понятие о некоторых явлениях строения вещества, над которыми я мало задумывался. По-видимому, удастся разбить вещество на отдельные правильные геометрические части, так, что на взгляд, связь не нарушается, хотя в действительности все твердое тело состоит из мелких частиц, отделенных со всех сторон безвоздушными или заполненными воздухом пространствами. Можно сделать видимым такое строение с помощью некоторых механических явлений (мне удалось) и с помощью оптических (давно известных явлений астеризма в кристаллах, но раньше не связанных с изучаемым мною явлением). Так как связь не нарушена, а отдельные части висят, то это возможно лишь благодаря проявлению сил сцепления, и, может быть, их удастся измерить.

Мне так грустно, что тебя нет, моя дорогая Наталочка. Так я привык к твоему баловству. Что Гусик?⁵ Как вы доехали, мои дорогие?⁶

Целую тебя крепко – поцелуй Гагочку и всех наших. А теперь надо кончить, так как надо ехать в деревню⁷, а я еще и не думал укладываться. Жду с нетерпением письма.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 42, лл. 10–11.

---

¹ Письмо написано ранее 6 мая, о нем говорится в письме № 435, но отправил его В.И. Вернадский позднее.

² Корнилов.

³ В письме от 13 мая 1895 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Мне оно не показалось резким, потому что в нем нет никакой резкой, личной ноты. Ты высказываешь прямо и открыто

до конца свою мысль. Мне не представляется, чтоб его письмо твое огорчило. Впрочем, оно может и огорчить его, но я думаю, он поймет, что только друг мог написать ему так открыто» (ф. 518, оп. 3, д. 261, л. 7).

4 Речь идет о работе над докторской диссертацией «Явления скольжения кристаллического вещества», которую В.И. Вернадский защитил в С.-Петербургском университете 20 мая 1897 г.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Н.Е. Вернадская с сыном уехала на отдых в Полтаву к родителям.

⁷ В свое имение Вернадовку.

№ 435

6 мая 1895 г., Вернадовка

Вернадовка, 6.V 1895

Дорогая Натуся!

Пишу два слова, так как боюсь, что ты беспокоишься, не получая от меня письма. Я написал тебе было письмецо из Москвы¹ с письмом Ади² – заказное – и не успел отправить – запер его в стол и не мог открыть ящика стола и должен был спешить на поезд, куда и так чуть не опоздал. Напишу тебе подробнее отсюда – сейчас идет поезд, и пока целую тебя, Гусю³ и наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 42, л. 4.

---

¹ См. письмо № 434.

² А.А. Корнилов.

³ Г.В. Вернадский.

№ 436

[9]¹ мая 1895 г., [Москва]²

Вторник, май, 1895

Родная моя Натуся, я сегодня приехал из деревни, но целый день не мог писать и теперь пишу через силу – мне нездоровится, должно быть, инфлюэнца: страшно сильно болит голова, жар и озноб, болит горло, тошнит и большая слабость. Целый день я лежал – спал и дремал. И у меня пропал весь день! Я пишу тебе, так как обещал писать в случае нездоровья. Завтра напишу еще. Как досадно, вчера здесь были Марк³ и Паша⁴, и я их не видел! О деревне напишу потом, а теперь не пишется.

Посылаю тебе письмо к Аде⁵: Дмитрий Иванович⁶ находит его несколько резким. Я его не послал, так как забыл здесь в столе. Здесь, в Москве, нашел скверные вести: масса арестов, между прочим Муринова, содержателя книжного магазина.

Я так рад был получить от тебя письмецо, моя драгоценная, моя Натуня, моя радонька. Гусику⁷ скоро напишу.

Твой Владимир

Поцелуй всех наших.

Оп. 7, д. 42, л. 5.

---

¹ Письмо написано 9 мая, так как следующее письмо, написанное 11 мая, в 1895 г. приходилось на четверг, следовательно, вторник – 9 мая (см.: *Селешников С.И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1972. С.199).

² Из содержания письма видно, что оно написано в Москве: «Здесь, в Москве, нашел скверные вести...»

³ М.М. Любошинский.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ А.А. Корнилов (см. письмо № 434).

⁶ Шаховской.

⁷ Г.В. Вернадский.

№ 437

11 мая 1895 г., Москва

11, май, 95, Москва

Дорогая моя Натуня! От тебя всего одна маленькая записочка. Я же уже пишу тебе 4 или 5 письмо. Отчего ты так мало пишешь? Здесь Паша¹, и сегодня мы были с ним на ужасной, бесцветной выставке С.-Петербургских художников. Не стоило и ходить. Я чувствую себя почти совсем хорошо. Очевидно, сразу захватила инфлюэнца.

На днях – во вторник – начнутся экзамены. Уже теперь студенты все зубрят старательно и усердно. Неприятная это обязанность. Тут уже работать будет трудно. Я думаю, что в промежутках съезжу к Мите² и Паше. У нас здесь ряд новостей. Капниста увольняют³. Ему неожиданно предложили место сенатора – говорят, что это для него не повышение. На его место назначают Боголепова⁴, но неизвестно, согласится ли он принять это место. Ему одновременно предлагают Министерство народного просвещения и В.К.С.А.⁵ В случае его отказа, говорят, назначается Вельяминов-Зернов⁶ из Киева и, наконец, – самое плохое – Аничков⁷. В Москве по поводу отставки Капниста злорадствуют. Вчера был в заседании о Комитете грамотности. Любопытны сведения о заседаниях С.-Петербургской Комиссии, состоявшей под председательством Великого князя Константина Константиновича⁸ из представителей чиновных лиц. Самое страшное право – это право назначения в Комитет грамотности и в их Советы (Советы выборные из 20 человек, утверждаемых Министерством народного просвещения) неограниченного числа лиц Великого князя Константина Константиновича по его желанию. Говорят, поднимались разговоры о необходимости назначения туда губернаторов и *tutti quanti*⁹. Права общих собраний урезаны, права Советов чрезвычайно увеличены. Теперь получены сведения из С.-Петербурга, что это дело опять затормозилось. Проект был найден некоторыми слишком либеральным, и Зинченко¹⁰ от имени Победоносцева¹¹ на самом заседании Комиссии выразил протест против

ряда пунктов. Говорят, государь выразил желание, чтобы дело о Комитетах было отложено до осени. Более подробных сведений еще нет – и о причинах ходят самые разнообразные слухи¹². В Комиссии всеобщего обучения¹³ вчера у нас под конец начались довольно оживленные прения, и мы с Якушкиным очутились вдвоем против всех, находя вредным и опасным теперь подымать вопрос необходимости казенной поддержки земствам для проведения всеобщего обучения. В субботу будет решительное последнее заседание. Чем более я обдумываю этот вопрос, тем более убеждаюсь в правильности своего взгляда. Я взял на себя разработку финансовых (земских) вопросов о сельской школе на основании отдельных отзывов, полученных в Комиссии (с 1 июня по 20 июля), и думаю, что ты мне в этом поможешь. К 20 июля я верну весь материал назад, в Москву.

В.¹⁴ привез из С.-Петербурга сведения о ходе и положении жалобы Московского губернского училищного совета на министра¹⁵ в Сенат по поводу твоей жалобы. В Сенате оно еще не было и может быть рассматриваемо лишь при личном присутствии министра. Имеет шансы пройти.

Я понемногу подбираю материал для работы на лето. Тема моя расширилась, но зато она и будет интереснее и солиднее. Я полагаю, что осенью я все же ее окончу¹⁶. Ну, да там увидим. Во всяком случае, мне кажется, у меня результаты получаются хорошие.

Крепко целую тебя, Гусика¹⁷ и всех наших.

Твой Владимир

Вчера получил письмо от мамы¹⁸. Перешлю.

Оп. 7, д.42, лл. 6–7.

¹ П.Е. Старицкий.

² Д.И. Шаховской.

³ Павел Александрович Капнист с 1880 по 1895 г. был попечителем Московского учебного округа.

⁴ Николай Павлович Боголепов в 1895 г. был назначен на пост попечителя Московского учебного округа вместо уволенного П.А. Капниста, а министром народного просвещения он был назначен в 1898 г.

⁵ Великий князь Сергей Александрович. Имеется в виду служба в Московском комитете грамотности, почетным президентом которого был Великий князь.

⁶ Имеется в виду В.В. Вельяминов-Зернов – попечитель Киевского учебного округа (с 1888 г.).

⁷ Имеется в виду Николай Михайлович Аничков – директор Департамента народного просвещения (1884–1896), а с 1896 г. товарищ министра народного просвещения.

⁸ Очевидно, речь идет о совещании председателей различных ведомств, которое состоялось 27 апреля 1895 г. в Петербурге. На нем решался вопрос о дальнейшей судьбе обоих Комитетов грамотности – Московского и С.-Петербургского. На рассмотрение был предложен новый устав С.-Петербургского комитета грамотности, который должен был быть преобразован в Общество ревнителей народного образования. Проект устава не удовлетворил ни сторонников, ни противников комитетов. Решение вопроса о судьбе комитетов было отложено до осени.

⁹ И все им подобные (ит.).

¹⁰ Игнатий Климентович Зинченко в это время был управляющим контролем при Святейшем Синоде.

¹¹ Константин Петрович Победоносцев – в это время обер-прокурор Святейшего Синода.

¹² Оба комитета грамотности – и Московский и С.-Петербургский – прекратили свое существование по высочайше утвержденному 17 ноября 1895 г. положению Комитета министров. По этому положению комитеты лишались самостоятельности в своей деятельности и со всем имуществом передавались в ведение Министерства народного просвещения. После такого решения правительства начался массовый выход из состава комитетов, что произвело сильное впечатление на общество.

¹³ Точнее, Комиссия о введении в России всеобщего обучения была избрана Московским комитетом грамотности 9 марта 1894 г. в составе 15 членов. Председателем был избран А.И. Чупров, товарищем председателя – В.Е. Якушкин, секретарем – А.Ф. Гартвиг, членами – В.И. Вернадский, Д.И. Шаховской, И.Н. Сахаров, Д.И. Тихомиров, С.Г. Смирнов, И.П. Боголепов и др. Свои задачи при начале деятельности Комиссия сформулировала следующим образом: «... 1) изучение фактической продолжительности пребывания детей в школе, 2) определение количества детей школьного возраста в связи с продолжительностью пребывания в школе, 3) определение числа необходимых при всеобщем обучении школ, 4) определение стоимости содержания школ в связи с вопросом об их типе и источниках средств» (см.: Обзор деятельности Комитета грамотности, состоящего при Имп. московском обществе сельского хозяйства. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1894. С. 28–29). Изучение положения школьного дела намечалось как путем сношений с земскими, городскими и иными учреждениями и лицами, так и путем изучения тех данных, которые имеются в литературе. Комиссия быстро и успешно приступила к практической деятельности. Ею была разработана программа вопросов, которую они, начиная с 26 сентября 1894 г., стали рассылать в земские и городские управы, церковные братства и частным лицам, связанным с народным образованием. До ноября 1894 г. было уже получено около 150 ответов от земских управ, инспекторов народных училищ и других лиц. Работа Комиссии была прервана в самом начале ее деятельности, в 1895 г., в связи с прекращением деятельности Московского комитета грамотности (см. комментарий № 12).

¹⁴ Личность установить не удалось.

¹⁵ В 1895 г. министром народного просвещения был Иван Давидович Делянов.

¹⁶ См. комментарий № 4 к письму № 434.

¹⁷ Г.В. Вернадский.

¹⁸ Анна Петровна Вернадская.

№ 438

15 мая 1895 г., Москва

15 мая 1895, Москва

Дорогая моя, меня серьезно беспокоит твое молчание. За все время я получил лишь две маленькие твои записочки, последнюю от 1 мая, и в них совсем ничего нет – они удивительно малосодержательны¹. Я, кажется, пишу тебе 4 или 5-е письмо без ответа. Я начинаю беспокоиться – не случилось ли у вас что-нибудь?

Завтра у меня начинаются экзамены. Эти дни у нас в университете хаос. Огромная, недисциплинированная толпа медиков все ломает и разрушает. Отпечаток чего-то чуждого обычному течению нашей жизни в ней чувствуется, и я понимаю ясно все студенческие мнения, весь их страх перед «новыми» тенденциями студенчества... мне боязно, что, в конце концов, утилитарно-практическое направление возьмет верх в этой среде и университет превратится в какой-нибудь институт П.С.², хотя бы, да еще без его внешнего лоска. Единственный выход – это более широкое развитие студенческой жизни, их взаимный нравственный контроль, тесная, вдумчивая товарищеская жизнь. Невольно встает перед глазами картина других порядков, нашего теперешнего университета, где царствует грубая сила и где все давится, что только

может дать настоящую выдержку и развитие. В этой массе медиков-студентов, где интерес к знанию слаб и где не может быть он поднят профессурой, которая также в общем стоит вдали от знаний, ясно чувствуется значение утилитарно-идейных стремлений – пользы человечества или народа, которые также могут помочь им выбраться. Среди печальных и странных явлений среди студентов-медиков, о которых я писать не буду, передо мной особенно сильно и больно встает мысль, что я не исполняю своего дела в университете, что я также встал в стороне от всего совершающегося, как и старшие мои товарищи. Стоит ли этого возможность сделать «что-нибудь» в будущем? Не важнее ли теперь же стать в иное положение по отношению ко всей университетской жизни? Жизнь не ждет, и то, что не сделано теперь, может не оказаться нужным, когда откроется возможность действовать. Да и сам облеживаешься, чрезвычайно легко засыпаешь или приспосабливаешь свои идеи к своему личному удобству.

У меня это время прорвалась долго сдерживаемая беспощадная, настоящая критика самого себя, всех последних лет моей жизни. И больно встает передо мной эта жизнь с ее неумением настоящей идейной деятельности, с ее излишними компромиссами, со слабостью моего ума, с мелким пошибом моего знания и отсутствием характера. Теперь, когда надо жить, бороться, когда надо найти выход из тяжелого теперешнего положения, особенно сильно и больно чувствуется недостаточность моего знания и слабость ума, который не может вполне разобраться в окружающих явлениях и сделать их более ясными себе и другим. И я чувствую, что если бы меньше плыть по течению, если бы больше действовать, не боясь настоящего труда, можно бы было сделать – а теперь как-то тяжело, как-то странно под густой мглой окутывающих меня неисполненных мечтаний этих лет... Было какое-то во многом барское времяпровождение, и, в конце концов, не было ни серьезной работы мысли, ни настоящих усилий воли. Я пишу это вовсе не с какой-то болезненной слабостью. Наоборот.

В Комиссии всеобщего обучения³ вопрос о помощи государства земству в достижении всеобщего обучения отложен до осени. Теперь является весьма важным и опасным внесенное Победоносцевым⁴ в Государственный Совет предложение об ассигновании 3¹/₂ млн руб для церковно-приходских школ. Ты уже читала об этом в газетах. Одновременно Победоносцев внес согласие Витте⁵ на эту затрату и согласие Филиппова⁶. Таким образом, с финансовой стороны оно обставлено сильно. Особенно любопытна записка Т. Филиппова: он выбрасывает массу всякой хулы на земскую школу, но любопытно сознание, что именно теперь, когда грань между интеллигенцией и народом все сглаживается, необходимо оградить народ от вредных влияний и т.д. Рассказывают, что этой «реформой» куплено согласие Победоносцева на уничтожение земских начальников. Но это, может быть, рассказы лишь лиц, хоть как-нибудь старающихся видеть розово. С государственной точки зрения реформа безобразна: устраивают повсюду инспекции наподобие министерской и т.д. Очевидно, вопрос должен быть решен сразу, но это считается неудобным⁷.

Целую тебя крепко, Гусю⁸, наших.

Твой Владимир

Что же ты не пишешь, дорогая? И письма пишешь так, как будто из-за формы?

Оп. 7, д. 42, лл. 2–3.

¹ В письме от 18 мая 1895 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Что касается твоего упрека в бессодержательности писем, то я ничего не имею возразить. Я сама согласна с этим. У меня тоже идет работа критики самой себя. Я тоже нахожу ум свой слабым, не умею разобраться среди всех сложных явлений жизни. Мне все представляется, что я ничего не могу сказать, что бы не было избито, что бы изобличало живую работу мысли. И это сознание томит, заставляет быть сдержанной, особенно с тобой. Я точно ощущаю какую-то вину. Помимо того, что не удовлетворена собой как человеком, у меня гнетущее ощущение вины перед тобой, неоправданных надежд, неосуществленного товарищества. Пишу я это также не из слабости. Я не предаюсь этому настроению, но твое письмо вызвало эти излияния. Думаю, что твое настроение много зависит от моего неумения стоять рядом с тобой, поддерживать и бодрить собственной работой [...] но что об этом говорить. Один может быть выход. Если я серьезно сумею поставить свою жизнь, избавиться от суеты, обезличивающей и надрывающей духовные силы, или пропасть!» (ф. 518, оп. 3, д. 261, лл. 11–12).

² Возможно, Институт путей сообщения.

³ См. комментарий № 13 к письму № 437.

⁴ См. комментарий № 11 к письму № 437.

⁵ Сергей Юльевич Витте в 1895 г. был министром финансов.

⁶ Терентий Иванович Филиппов в 1895 г. был государственным контролером.

⁷ При министре народного просвещения Д.А. Толстом (1866–1880) начался процесс собирания начальных школ разных ведомств в ведении Министерства народного просвещения. Этот процесс продолжался и при его преемниках, но сосредоточить управление начальным народным образованием всецело в своих руках Министерство не удалось. И в 80-х годах его значение как главного руководителя этого дела начинает оспаривать духовное ведомство. Вопрос о церковно-приходских школах неоднократно рассматривался Комитетом министров, в основном на основании заявлений обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. В 1882 г. по решению Государственного Совета было разрешено обер-прокурору Святейшего Синода по сношению с министром народного просвещения перевести часть средств из сметы Министерства народного просвещения в смету Святейшего Синода начиная с 1883 г. В 1887 г. Государственным Советом поручено было обер-прокурору Святейшего Синода и министру народного просвещения подготовить вопрос о возможности сосредоточить первоначальное народное образование в одном ведомстве. Дважды – в 1893 и 1895 гг. – это поручение Государственным Советом подтверждалось, но в 1897 г. при обсуждении ходатайства обер-прокурора о дополнительном ассигновании средств на церковно-приходские школы и школы грамоты Государственный Совет отменил возложенное на обер-прокурора и министра народного просвещения в 1887 г. поручение на том основании, что дело начального народного образования представляет такие обширные и важные задачи, достижение которых не может быть посылно для одного какого-либо сословия, учреждения или ведомства (см.: Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб.: Изд. М-ва народного просвещения, 1902. С. 652).

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 439

18 мая 1895 г., Москва

Москва, 18.V 95

Дорогая моя Натуся, я был сегодня очень обрадован получением твоей записки и письма Гуськи¹. Он делает успехи. Ему я пишу. Я в самом разгаре экзаменов. Обедаю в 9 часов вечера и теперь пишу тебе после целого дня экзаменов. Во многом они отвечают лучше, но все же много ответов ужас-

ных. Но уже, несомненно, начинают свыкаться с моими требованиями. При правильной постановке практических занятий вполне возможно заставить их сдать курс порядочно. В будущем году я успею и поведу более правильно практические занятия. У меня в первый день был ассистентом очень мне понравившийся д-р Левицкий – первый до сих пор доктор, который очень глубоко и хорошо понимает и студенчество, и университетскую жизнь, и научную деятельность. Я думаю, у него есть определенные, близкие мне, общие идеалы. Но зато сегодня – это такой удивительный тип наивного дельца, какого я никогда не встречал. Главное, он все свои пожелания, все свои затаенные цели вполне наивно рассказывает. Не знаешь, цинизм ли это или даже такая глупая наивность, которая лишает заведомо циничные вещи их сути, окутывает их какой-то оболочкой. У него четверо детей, надо есть, и вот он, получив звание приват-доцента, мечтает о более выгодном месте – у нас в Тамбове старшим врачом! Все упрощает меня, чтобы я рекомендовал его Чолокаеву² и Чичерину!³ А он уже и через архиерея, и через губернатора, и через всяких лиц у всех царапается и стоит на задних лапках! Со студентами он в раскрепасных отношениях – он им ставит хорошие отметки (может быть, слушателя приобретет – наивно добавляет), и к нему, очевидно, уже кое-кто из студентов забежал! А теперь трудное положение – и «слушателей» потерять не хочется, и меня – тамбовского гласного да еще знакомого с нужными людьми ему! – не хочется раздражать. И он вертится и находит разные прекрасные пути пройти между двух огней. И все это пошло, с грубою лестью и с московским амикошонством! Брр... Об общественной и земской и университетской жизни – абсолютно никакого понятия – это что-то далекое, далекое, и только тогда, когда оно так или иначе приближается к его желудку, к его карману, к его семье, он оценивает и расценивает, соображает и поступает в этих странных обстоятельствах. А у него 23 «научные» самостоятельные работы, 2 перевода, диссертация в 500 страниц, и какой к ней отзыв был – из-за одного отзыва стоит ему сразу получить место главного доктора. Я встретился с ним года 2–3 назад на железной дороге и не знал, как отвязаться, а теперь судьба опять столкнула. Право, он злит меня так, что я жаляю, что нет у меня и лень писать, а то он так и просится на бумагу...

До сих пор у меня все-таки ряд двоек, хотя значительно меньше прошлого года. Целый ряд студентов отвечают прекрасно, а многие вполне осмысленно. Во многом мы все – преподаватели – сильно виноваты. А между тем теперь, когда по новому уставу мы лишены всякой возможности действовать на молодежь, когда нет возможности раздвинуть и изменить сообща рамки преподавания, регламентируемого в петербургских канцеляриях, как-то больно сознавать свое бессилие. В будущем году я, однако, решительно попытаюсь дальше изменить свой курс, стоя на почве, на которой начал становиться в этом году.

Не знаю, поеду ли я к Мите⁴ и Паше⁵. Хотя, может быть, завтра на денек съезжу, так как устал все-таки после экзаменов. В Полтаву на день-два приеду почти наверное. Федор⁶ и Маша⁷ хотят приехать, но требуют решительного, письменного отзыва о лихорадках от врача (Берви – ты обещала? – Они ждут). Здесь недавно был проездом Мих.Алекс. Дьяк.⁸, который вернется, и уехал в Харьков к главному врачу Гиршман. Он все так же мил. Останавливался у меня.

Здесь есть целый ряд всяких известий. Дело о церковноприходских школах быстро рассмотрено в Государственном Совете⁹. Оно было назначено на этот четверг. Дело о Комитете грамотности отложено; говорят, Победоносцев напугал Великого князя Константина Константиновича либеральностью нового устава Комитета грамотности!¹⁰

Крепко целую тебя, и всех наших, и Гусика.

Твой Владимир

Знаешь, экзамен для меня каждый раз есть сознательная проверка постановки мною и другими преподавания за год. Родятся вопросы, и видишь прорехи. Но поставлен в такие условия, что лишь несколько можешь лишь менять свое. А в общей университетской жизни отрезан – как всякий профессор!

Оп. 7, д. 42, лл. 8–9.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.Н. Чолокаев в 1895 г. был Тамбовским губернским предводителем дворянства.

³ Борис Николаевич Чичерин – гласный Кирсановского уездного и Тамбовского губернского земств.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Ф.Ф. Ольденбург.

⁷ М.Д. Ольденбург.

⁸ Михаил Александрович Дьяконов – преподаватель истории русского права на юридическом факультете Юрьевского университета. См. письмо № 441.

⁹ См. комментарий № 7 к письму № 438.

¹⁰ См. комментарий № 8 к письму № 437.

№ 440

21 мая 1895 г., Москва

Дорогая моя Натуся, моя милая, ненаглядная девонька! Вчера я получил твое письмо. Ты неверно понимаешь то недовольство моей деятельностью и жизнью, о котором я тебе писал в прошлом письме¹. Оно зависит от дилетантизма моего ума и от недостатка характера и сильной воли, и эти черты проявились у меня с самого детства. Я чувствую и вижу, что я не умею делать то, что следовало бы делать, и я укажу тебе на несколько резких примеров. Меня интересуют вопросы, связанные с историей науки, но я ничего для этого не делаю, я нахожу нужным писать – и не пишу. Много разных проектов у нас обсуждалось зимой – а что я для этого сделал? И так во всех мелочах и моей ученой, и моей общественной жизни. Это какое-то приспособление к житейским условиям – малый взнос в жизнь деятельной инициативы. Я был все это время, если хочешь, советчиком, наблюдателем, пассивно стойким человеком – мысль моя работала, но борцом, но активным, деятельным лицом я не был. И это одинаково вредно отражается и на моей научной, и на моей общественной деятельности. Отчасти это сибаритство – мне неприятно выставлять себя вперед и входить во всю борьбу с личными самолюбиями, интересами и т.д. А между тем это отражается вредно на всей моей деятельности, так как при всяком положении я нахожу интерес к наблюдению

и одинаково могу ужиться и в сфере научных – естественно-исторических, и в сфере общественных, хозяйственных и т.д. интересов. А при бесконечности окружающего немудрено всюду, куда толкнет случай, останавливаться и продолжать жить в сфере мысли. Поэтому я и считаю большим своим недостатком отсутствие личного честолюбия. Ну, да я убежден, что я с этим справлюсь и справлюсь главным образом потому, что мне кажется, что отсутствие активности отражается на силе самой моей мысли, а эта сторона для меня слишком дорога.

А ты моя дорогая, ненаглядная Натуня, напрасно и скверно мучаешь себя тем, что ты мне пишешь. Эти годы совместной жизни с тобой мне чрезвычайно дороги, быть с тобой, около тебя – для меня счастье, и я тебя так же люблю, как полюбил с самого начала. И мне теперь, после девяти лет нашей жизни, так же кажутся странными и чуждыми твои колебания, как казались они странными в первые месяцы нашей близости. Они навеяны тебе всяческими предрассудками, связанными с представлениями о семейной жизни, – из житейской сутолоки².

Я почти наверное приеду в Полтаву, мне хочется повидать Марию Ивановну и Егора Павловича³ – да и тебе будет легче ехать со мною. А затем надо приняться скорее за работу. Хочется вполне обработать теоретическую часть диссертации⁴. Она неожиданно расширилась под влиянием тех новых данных, о которых я тебе писал. Мне кажется, при некотором усилии мысли я могу еще глубже проникнуть в область этих явлений. Надо только серьезно заняться оптикой, механикой и анализом, и я хочу летом около 2–3 часов в день аккуратно этому посвящать. Весь день я распределю правильно.

До 15 июля у меня еще будет работа с материалом, который по школе всеобщего обучения⁵. Я посылаю тебе вместе со статьей Ади⁶ и «Русскими Ведомостями» (зачем они тебе?) и статью Гартвига⁷. Весь этот материал будет в нашем распоряжении до 15 июля. Я хочу заняться вопросом о стоимости школы в связи с крестьянскими платежами, так как меня интересует стоимость местного управления крестьянству, в связи с волостными и сельскими расходами. Этим путем возможно, мне кажется, наиболее сильно выразить государственное значение бессловной мелкой земской единицы. И вообще я хочу серьезно заняться финансовыми вопросами нашей государственной жизни.

Экзамены мои у медиков кончились. Мой ассистент⁸, о котором я тебе писал, уговорил меня переменить большинство 2 на 3 (около 12—13), и я ему весьма благодарен. Сам я ни за что этого бы не сделал, а тут мог прекрасно прикрыться его отметкой. Я отказался поставить 3 лишь 4–5 студентам, не знавшим кристаллографии, так как у них были практические занятия, и для первокурсников, испорченных гимназией, должна быть в этом отношении известная дисциплина. План постановки преподавания на медицинском факультете на почве усиленных практических занятий у меня сильно выяснился во время экзаменов.

К Мите⁹ я не поехал – устал. Теперь у нас готовятся естественники, и опять гам и шум в аудитории.

Целую тебя крепко, Гусю¹⁰ и наших.

Твой Владимир

21, май, 1895, Москва

Р.С. В Твери новая управа, назначенная из 3-х земских начальников, делает безобразия¹¹. Они разогнали массу лиц. В Тверскую больницу они никого не могут найти на место М.И. Петрункевича, отказавшегося от звания главного врача. Они требуют особых «патриотических» направлений в ведении больницы, как заявили одному из московских врачей, было согласившемуся. Тот ответил, что он считает обязанностью врача лечить, а не заниматься патриотической деятельностью и отказался. Среди земских страховых агентов они также не утвердили целый ряд лиц из соображений вроде того, что дети какого-то, по сплетням, не крещены и т.д. В Бурашеве все врачи подали в отставку, и там теперь идет кавардак. В «Московских Ведомостях» уже появился ряд статей о Тверской фронде, так как Тверское общество всюду ставит препятствия деятельности Управы и т.д. По-видимому, осеннее Земское собрание будет бурное, так как совершен ряд беззаконий. У меня был интересный разговор с Михаилом Ивановичем Петрункевичем – он определенно ставит своей задачей земскую деятельность, верно, в Твери. Ивану Ильичу¹², я думаю, это очень радостно. Любопытен инцидент в Перми: вышла брошюра – программа одного адвоката, посвященная вопросу о современном положении, где он указывал на необходимость расширения крестьянских наделов, мер к улучшению их экономического положения и т.д. Цензура пропустила брошюру, а затем ее изъяли, так как в конце автор прозрачно намекает на необходимость земского собора. Рейнбот теперь требует суда над автором и собою? Знает ли Егор Павлович¹³ статью «Старого профессора» (Судейкина), посвященную Бунге и критике Вышнеградского?¹⁴ Я могу привезти.

Оп. 7, д. 42, лл. 12–13.

¹ См. письмо № 438.

² См. комментарий № 1 к письму № 438.

³ Старицкие.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁵ См. письмо № 437 и комментарий № 13 к нему.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ Андрей Федорович Гартвиг – секретарь Комиссии по вопросу о всеобщем обучении при Московском комитете грамотности, который, так же как и В.И. Вернадский, принимал участие в разработке программы, рассылавшейся земским, городским и иным учреждениям, для получения сведений о состоянии школьного образования на местах.

⁸ Доктор Левицкий; см. письмо № 439.

⁹ Д.И. Шаховской.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

¹¹ В 1889 г. Тверским губернатором был назначен московский земец, реакционер П.Д. Ахлестышев. С этого времени в губернии началась систематическая борьба администрации с земством. В 1894 г. председателем управы был избран С.Д. Квашнин-Самарин, а в члены – А.А. Демьянов, врач Б.Б. Костылев и А.А. Римский-Корсаков, но первые три не были утверждены, а последний в такой ситуации сам отказался. Председателем был назначен кандидат правых А.С. Паскин, а членами – Ф.В. фон Отт и П.М. Карякин.

¹² Петрункевич.

¹³ Старицкий.

¹⁴ Судейкин В.Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов: (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского Старого профессора). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895.

25 мая 1895 г., [Москва]¹

25, май, 1895

Дорогая моя Натуся! Вчера кончились экзамены у естественников. Теперь остались последние экзамены в Государственной комиссии, и 30 мая я их покончу. Но не знаю, выеду ли 30 мая к тебе, так как у меня еще много здесь всяких мелких дел по Кабинету и по работе, и я бы еще очень хотел видеть Петрункевичей, которые приезжают 1–2 июня. Верно, выеду в Полтаву около этого времени. Кухарку отправлю раньше – она была у меня, и я ее отправлю 30 мая, что с ней надо сговариваться? Сколько надо заплатить Дарье?² Какое-то платье твое не принимает портниха, и я везу тебе его в Полтаву. Масса всяких хозяйственных забот, и я вполне теряюсь среди них. Туська меня избаловала. У меня теперь гостят Митя³ и Михаил Александрович⁴. Гиршман его несколько успокоил – он уже усердно работает в архиве. Его рассказы о Дерпте и о происходящих там вакханалиях грустны. Всюду одна и та же мгла окутывает всю нашу Русь. И когда приходится только подумать, с каким трудом и с какими препятствиями достигается каждый шаг у нас, трудно по достоинству оценить всю потерю и весь тот вред, который наносится стране годами такой жизни. Я теперь читал массу всяких романов – прочел с большим и глубоким интересом «Lourdes» Золя⁵, читаю Щедрина, прочел [Венфильдского] священника (какое типическое протестантское грубое произведение). Право, я уверен, что протестантство ближе, может быть, католичества и православия к первоначальному характеру христианской церкви, но тем более оно грубо, тем более оно наполнено фетишизмом и тем более оно поражает своей узкой и, в сущности, бессердечной моралью. Собственно говоря, только протестанты-мистики приближались к высшим ступеням нравственности. Перечел я опять многие вещи Бомарше, Мольера, Диккенса, Монтескье «Lettres persanes»⁶ и т.д. Мне хочется ближе познакомиться с французской и английской старинной литературой и ознакомиться для Гуськи⁷ с историческим романом.

У нас вот уже 2 недели холода. Третьего дня было до 2¹/₂ градусов мороза, и температура не подымается никогда выше 10°! Вот так лето! Если будет такая погода в деревне – будет нехорошо. Все время температура даже днем не выше 7–8°, а к утру доходит до 3–4! Меня начинают несколько смущать известия, приходящие из многих мест, – как бы опять не было неурожая.

Вещи я еще не отправил. Все это время Сомс.⁸ или было некогда, или были праздники. Отправлю завтра или послезавтра, так как еще очень многое надо уложить и я не умею.

Целую тебя крепко, и Гусика, и наших.

Твой Владимир

Вышла новая программа по самообразованию – Петербургского кружка⁹. Она мне еще менее нравится, чем Московская. Уж очень она личная – все ее составители указывают главным образом свои сочинения, например по социологии из 24 статей – Кареев указал 13 своих! Программа по геологии, составленная Антоновичем, точно так же заключает отпечаток всех его сим-

патий и антипатий (личных) и т.д. Не безынтересна программа по русской истории, составленная Мякотиным.

Оп. 7, д. 42, лл. 14–15.

¹ Письмо написано в Москве, так как в нем речь идет об экзаменах в университете.

² Прислуга в доме Вернадских.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ Дьяконов, см. письмо № 439.

⁵ См., например: *Zola E. Lourdes*. P.: Bibliothèque-Charpentiers, 1894.

⁶ См., например: *Montesquieu Ch.-L. Lettres persanes*. P.: Leconte, 1829. 2 Vol.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Фамилия написана сокращенно, личность установить не удалось.

⁹ Речь идет о подготовленных С.-Петербургским Комитетом грамотности обзорах народно-учебной литературы. До закрытия Комитета были напечатаны три из них: «Систематический обзор русской народно-учебной литературы / Сост. по поручению С.-Петербургского Комитета грамотности, специальной комиссией. Вып. I. Отдел по родному языку; Вып. II. Отделы: по медицине и гигиене, по гимнастике, по ручному труду, по рисованию и черчению и по пению; Вып. III. Отдел по естествоведению». СПб., 1895.

№ 442

[30 мая 1895 г., Москва]¹

Дорогая моя Натуся!

Сегодня иду на последний экзамен. Выеду не раньше четверга, так как много еще всякого дела. Сегодня вечером приезжают Петрункевичи, а в четверг заседание Правления², куда я приду защищать приобретение кристалла топаза в 100 руб., о котором я тебе говорил. Вчера приехал Дмитрий Сократович³. Выглядит он неважно. Варшавские доктора его несколько успокоили, но он говорит, что чувствует теперь себя хуже, чем раньше. Весь он поглощен своими проектами в связи с выставкой.

Вещи отправлены прямо в Вернадовку. На днях пошлю и вторую партию. Тутька перестала писать – вообще чрезвычайно ты неаккуратна в письмах! Книгу Ламе-Флери⁴ с более крупной печатью не достал, говорят, Готье другого издания нет – это старинная книга, вышедшая из продажи.

Надо идти. Целую тебя крепко, Гусю⁵, наших. Теперь тепло – хорошо.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 42, л. 16.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Правление Московского университета.

³ Старынкевич.

⁴ Очевидно, имеются в виду работы французского писателя Ж.Р. Ламе-Флери, вышедшие в Москве в типографии В.Г. Готье. См., например: *История средних веков в рассказах для детей*. М., 1869; *Древняя история в рассказах для детей*. М., 1869; *Новая история для детей*. М., 1869.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 443

6 августа 1895 г., Москва

Москва, воскресенье, 6 августа 1895

Дорогая Натуся, доехал я хорошо. П. Ник.¹ видел на вокзале. Они едут к Умовым, и у Умовых освободится дача с середины августа. П.Н. говорит – вот бы Вам поселиться вместе. Петрункевичи не получили твою карточку, я их застал в хлопотах, Иван Ильич² 2 недели был болен, и, правду сказать, мне больно видеть его таким – ему этот дом не в пользу. Он пополнел, но какой-то зловещей полнотой. И как ни приятно было их видеть, мне было тяжело видеть его таким... Скорее бы они уезжали в Крым. От Ивана³ получено письмо, которое тебе перешлю, – он обещает выплатить долг в 1¹/₂ года, затем просит достать еще 300–350 руб., которые взяла у них З.А.⁴ Посылаю письмо – реши, что ответить. Но я думаю, пусть лучше добывает у Лельки⁵. Обольянинову я пишу. Я получил из Железнодорожного департамента бумагу, что сделано распоряжение о выдаче билетов прямого сообщения через Тулу–Ряжск и на Вернадовку, и на Богоявленск etc. вследствие моего заявления. Вот уже не ожидал я такого результата. Хилков⁶, должно быть, вводит «американские порядки».

Всего тебе лучшего. Целую тебя, мою ненаглядную, и Гусю⁷. Так без тебя пусто здесь. Желудок мой не совсем.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 42, л. 17.

¹ Очевидно, Павел Николаевич Милюков.

² Петрункевич.

³ И.М. Гревс.

⁴ Зоя Алексеевна Зарудная.

⁶ Лев Александрович Обольянинов.

⁷ Михаил Иванович Хилков – в это время министр путей сообщения.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 444

7–8 августа 1895 г., Москва

Вторник, 7 август. 1895, Москва

Дорогая моя Натуся, сегодня от тебя нет письма, хотя оно должно было быть. Я еще не начал настоящим образом заниматься: вчера раскладывался etc., а сегодня хотел заниматься, но мешает страшная мигрень, так что я занимаюсь очень мало и сверх сил. Может быть, вечером она утихнет, и тогда можно будет заняться.

8 авг., утро

Сейчас иду в университет и буду уже сегодня заниматься. В доме почти ничего не сделано, и я отправлюсь сегодня к хозяину заплатить ему за месяц

и объясниться по поводу отсутствия переделок. Возня, право. Кажется, он делает все лишь для вида.

Я обедаю у Петрункевичей и вижу с ними каждый день. Дом у них будет превосходный – они его капитально переделывают. Флигель, может быть, мал – ты увидишь сама, так как они не хотят его сдавать никому, кроме близких людей. Но реши сама, стоит ли съезжать на два года.

От тебя нет никаких писем, моя дорогая, и это очень удивляет меня, так как ты обещала мне написать из Богоявленска. Так тут пусто и глухо в квартире без тебя, моя ненаглядная, нежно любимая Туся, и так тяжело, что ты не будешь сюда еще 2 месяца! Всегда Тутька так устраивает осень.

Сегодня впервые я нахожусь в рабочем настроении и надеюсь – работа пойдет хорошо. Но все это так трудно сказать, так много разнообразных условий могут помешать ей. Я это время немного обдумывал ее общий ход, и хотя будет весьма трудно, но все-таки надеюсь, более или менее справлюсь. Много я думал это время и о хозяйстве с общей точки зрения, и обо всех наших государственных обстоятельствах. Много говорил с Иваном Ильичом¹, и мы во многом с ним согласились. Он едет завтра к П. Ник.² – тащили меня, но я не поехал. Надо заниматься, да и лень теперь двигаться.

Сегодня посылаю эту записочку – надо идти. Завтра или послезавтра напишу больше и перешлю письма.

Целую тебя крепко, горячо, моя ненаглядная Туся, мое золотое сердечко. Гусика³ крепко поцелуй. Как мне здесь тяжело и грустно без тебя.

Твой Владимир

Оп. 7, д.42, лл.18–19.

¹ Петрункевич.

² Очевидно, П.Н. Милюков.

³ Г.В. Вернадский.

№ 445

10 августа 1895 г., [Москва]¹

10 авг. 1895

Дорогая моя Натуся, мое золотое сердечко, вчера я получил твое письмо и так ему был рад. Я надеюсь, ты совсем хорошо доехала до Полтавы, и я теперь жду твоих оттуда писем. Я пока устроился так, что с 10 часов до 6¹/₄ – 6¹/₂ часов вечера в университете, а затем иду к Петрункевичам, где обедаю (Анастасия Сергеевна² баловала меня даже больничною едою. Мой желудок совсем поправился только вчера-сегодня). Вечером я ухожу от них и иду домой, но пока занимался мало – один вечер отнял Александренко, приехавший из Варшавы и усыплявший меня подробными рассказами о своих работах в архивах. Он занимается дипломатической историей XVIII в. Но у него нет живого огня и лишь тлится искра. И среди многих интересных подробностей от теряет целое, но я вполне и ясно понимаю все значение и такой работы – типа работ Гонкура. В них есть своя поэтическая жилка. Вчера вечером мы с Митей³ были у Лаппо-Данилевских, которые приехали сюда на несколько

дней. Елена Дмитриевна⁴ очень устала и утомилась с дороги. Много говорил я с Иваном Ильичом⁵, Анастасией Сергеевной и Митей. Митя едет в Крым, вероятно, один (я даже, может быть, несколько назойливо настаивал на этом последнем условии). Его зовут к себе Иван Ильич и Анастасия Сергеевна, которые поселяются около Массандры с Литвиновыми. Он жалуется на большую слабость – физическую и умственную – и думает, что это не нервная усталость, а следствие малокровия и слабой деятельности сердца. Последнее есть следствие, по-видимому, его болезни года 2 назад в Москве. Он хотел сегодня идти к доктору. Если это так, то, может быть, страшно ему ехать одному... Зимой он хочет уехать на месяца 2 за границу.

Обедал у Петрункевичей, отдыхаешь от университетской работы среди живой и интеллигентной беседы. Мы много толковали о всяких вопросах, связанных с общими задачами. Много вызывает разговоров у меня с Митей написанное мною в деревне. Он выставляет ряд аргументов против, с которыми, впрочем, я согласиться не могу. Для меня в этих спорах все более и более укореняется необходимость постановки в первую голову в нашей современной жизни экономических и политических интересов народных масс. А между тем как-то кругом практическая постановка этих вопросов и обсуждение с этой точки зрения окружающего – слабо и мало.

Сегодня или завтра пойду к Кабат⁶ – узнаю от него о результатах нашего издательства. Здесь говорят, что Комитеты грамотности будут весьма скоро прямо закрыты⁷. В «Русских Ведомостях» помещено письмо в защиту Штивен-Гарбова, когда-то близкого к Рачинскому, сторонника церковно-приходских школ, изменившего свой взгляд под влиянием обстоятельств.

Работа моя идет пока слабо. Но я надеюсь весьма скоро ее подвинуть. Крепко целую тебя, мое сокровище, и Гусика⁸. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 42, лл. 20–21.

¹ Письмо написано в Москве, так как В.И. Вернадский приехал в Москву до начала учебного года писать диссертацию и никуда не уезжал. См. последующие письма.

² Петрункевич.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ Лаппо-Данилевская.

⁵ Петрункевич.

⁶ Возможно, Иван Иванович Кабат, в 1895 г. директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел.

⁷ См. комментарии № 8 и 12 к письму № 437.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 446

14 августа 1895 г., Москва

Понедельник, 14 авг. 1895, Москва

Дорогая моя Натуся, моя ненаглядная, горячо любимая! Вчера мне мешали написать тебе: целый день проездом в Могилев провел Ремезов, который просил тебе очень кланяться. Ты теперь, должно быть, уже в Крыму. Не знаю, как вы устроитесь и не стесните ли Келлеров. Анастасия Сергеевна¹ выезжает на днях в Крым и предлагает подыскать вам там дачу, если ты

хочешь, то напиши им на имя Павла Александровича Бакунина в Чукут-Юр, около Ялты. Там же будет и Митя², который уезжает (один) в эту субботу. Петрункевичи не отвечали тебе, так как письма твоего они не получили, что и немудрено при хаосе их переезда. Доктор Сергиевский дал относительно успокоительные сведения о здоровье Мити: слабый пульс и т.п. считает следствием переутомления и находит, что ему просто надо отдохнуть. Органических повреждений нет.

Мне довольно много мешают, так как много проезжающих друзей, с которыми приятно и хочется видиться. Мешает работе еще мигрень, которая бывает не раз. Но работа, думаю, пойдет ничего себе, и у меня все более и более выясняется тема и материал. Мне страшно хочется развязаться с этой обузой – диссертацией³, которая висит надо мной и не дает работать над тем, что мне нужно, и я мечтаю, как после ее окончания примусь за систематическое приготовление себя по экспериментальной оптике (в будущем году открою специальный курс по световым свойствам кристаллов) и вернусь к интересующей меня теме полиморфизма. Надеюсь к концу ноября привести диссертацию в такой вид, чтобы начать печатать. Но кто знает? Теперь я сверх экспериментальной работы довольно усердно разбираюсь в теории упругости, для чего мне приходится заниматься и некоторыми отделами высшей математики, которые знаю плохо. Недели через 2–2¹/₂ закончу совсем сводку и критику наблюдений моих предшественников; останется лишь критика теорий, за которую я примусь. А затем начну систематическое изложение своей теории. В то же время буду заканчивать экспериментальную часть. За это время вышли две работы, очень близкие к моей теме, одна, берущая часть ее, – венского профессора Чермака⁴ – еще мне известна лишь по заглавию (это работа нескольких лет), другая – Фойгта⁵ в Геттингене – более близкая к моей теме, но узкая по задачам. Много мешает, что библиотека открыта лишь во вторник и четверг. Теперь с 20 августа будет открыта уже ежедневно. Ты видишь, моя дорогая, что я вхожу в работу. Если бы ты знала, как мне часто, постоянно недостает тебя, моей ненаглядной, любимой, дорогой Натуси. И хотя я рад твоему пребыванию в хорошем климате и у моря, но все же хотел бы скорее видеть тебя здесь.

Крепко целую тебя, мою радость. Гусика⁶ поцелуй и скажи ему, что я очень рад, что он вел себя хорошо при переезде до Полтавы. Как-то до Крыма? Мой сердечный поклон Келлерам и Винбергам. Что они? – напиши.

Твой Владимир

P.S. Здесь самые дикие слухи. Говорят, Муравьев слетает за «либерализм» (sic!)⁷. Комитеты грамотности опять, говорят, остаются нетронутыми⁸ (Гейден убедил будто бы Государя⁹).

Об Алек. Алекс.¹⁰ ругательная статья в органе Победоносцева «Церковные Ведомости». От Ивана¹¹ есть письмо, что Обольянинов дает ему 1000 руб., а 350 руб. я решил взять у Марка¹² вместо 1000 руб., на которые тот согласился.

Оп. 7, д. 42, лл. 22–23.

¹ Петрункевич.

² Д.И. Шаховской.

³ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁴ Возможно: *Tschermak Gust. Über gewundene Bergkrystalle*. Wien, 1894.

⁵ Возможно: *Voigt W. Bestimmung relativer Wärmeleitfähigkeiten nach der Isothermenmethode*. Göttingen, 1897.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Возможно, Н.В. Муравьев – в 1895 г. министр юстиции, но слухи не подтвердились, министром был до 1905 г.

⁸ См. комментарий № 8 и 12 к письму № 437.

⁹ Петр Александрович Гейден, весьма сочувственно относившийся к Комитету грамотности, в марте 1895 г. был избран президентом Вольного экономического общества, при котором состоял С.-Петербургский Комитет грамотности.

¹⁰ Личность установить не удалось.

¹¹ И.М. Гревс.

¹² М.М. Любошинский.

№ 447

17 августа 1895 г., [Москва]¹

Четверг, 17 авг. 95

Дорогая моя, ненаглядная Натуня! Вчера получил я твое письмо из Харькова² и пишу тебе в «Карабах». Я послал туда заказное письмо с целым рядом полученных писем. Твой вид вышло завтра-послезавтра. Я очень боюсь, что вы стесните Келлеров, конечно, не ты, а Мака³. Ну, да уже раз ты решилась все-таки ехать – дело сделано. Напиши, если надо, Петрункевичам – они уехали во вторник. Им писать надо по следующему адресу: Павлу Александровичу Бакунину, Ялта, для передачи etc. Анастасия Сергеевна расспрашивала меня о даче, какую тебе надо, об условиях, но я ничего не мог ответить. Напиши сама, если надо переменить. Очень я боюсь, что стесните Келлеров. К Петрункевичам, вероятно, приедут Милюковы. Их поездка к Умовым расстроилась. Письмо твое Анастасии Сергеевне все же пошлю, а от нее было тебе письмо, которое я тебе отослал. А Петрункевичи думают, что у них найдется помещение для Милюковых.

Я теперь начинаю работать все с большим интересом, хотя работа идет очень медленно. Но я очень строго и определенно ставлю теперь диссертацию как главную цель своей работы и очень надеюсь кончить ее в первой половине года⁴. Вот было бы приятно, и осталось бы время для другой работы, более свободной. Тема при обработке несколько расширяется, но в общем я все более и более выясняю себе этот вопрос и очень надеюсь справиться с ним более или менее как следует. Тогда во вторую половину года буду издавать курс минералогии⁵ и работать по оптике и электричеству – хочу *de facto*⁶ пройти сам экспериментально все главнейшие явления этих областей и стану дольше заниматься высшей математикой. Только тогда смогу приступить вполне свободно к интересующим меня вопросам полиморфизма. Мне этот вопрос в связи с моей темой выясняется вполне ясно, и мне кажется, его удастся – вопреки теперешним стремлениям связать все с химическим составом – этим x из x -ов – свести на простые задачи механики, на особый класс явлений деформации. Теперь я вожусь с металлами; куски кристалла я запаиваю в металлы – делаю разные пробы – и, изменяя формы металлов, пользуясь их ковкостью и тягучестью, изменяю – деформирую вложенные в

них кристаллы. Буду еще делать опыты с каучуками. Результаты получаются любопытные.

До окончания диссертации я никаких работ брать на себя не хочу. Лишь в октябре и декабре отнимут время земские собрания, а в ноябре также земский съезд⁷ – видишь, какие все условия малоблагоприятные! Много возьмут времени лекции. Но все же так или иначе, раньше или позже, в этом году справлюсь.

Крепко целую тебя, мою драгоценную, и Гусика⁸. Машу целую. Мой сердечный поклон Келлерам и Винбергам. Что маленькая Н. Клейбер?⁹

Целую тебя.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 42, лл. 24–25.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 445.

² В Харькове Н.Е. Вернадская была проездом из Полтавы в Крым, где отдыхала с сыном Георгием и сестрой.

³ М.Е. Старицкая.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁵ *Вернадский В.И.* Краткий курс минералогии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1895.

⁶ Фактически (лат.).

⁷ В.И. Вернадский имел в виду Всероссийский съезд сельских хозяев, который был созван Московским обществом сельского хозяйства в Москве и проходил с 10 по 20 декабря 1895 г. На этот съезд были приглашены все председатели Губернских и Уездных земских управ. Накануне съезда после длительных переговоров министр земледелия А.С. Ермолов разрешил включить в повестку дня земскую тематику: «Какими мерами земские учреждения могут содействовать развитию сельского хозяйства?» На съезде председатель Московской губернской земской управы Д.Н. Шипов был избран председателем Земской секции. В своих постановлениях съезд предлагал разграничить круг действий министерства и местных общественных учреждений. Постановления съезда были представлены в Министерство земледелия и государственных имуществ, где в то время разрабатывался вопрос о местных органах министерства по сельскохозяйственной части, но не были приняты во внимание.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Ниночка Клейбер – дочь умершего друга В.И. Вернадского Иосифа Андреевича Клейбера. В письме от 16 августа 1895 г. из Карабаха Н.Е. Вернадская писала: «Ниночка выросла, прелестная девочка. На меня всегда страшную тоску нагоняет видеть Лидию и Ниночку. Так вспоминается Иосиф Андреевич. Память о нем с годами становится все дороже. Ищешь его черты в неопределенных, нежных, детских чертах его дочери, и так больно, что он не видит ее и не может восхищаться ею» (ф. 518, оп. 3, д. 261, л. 30–30 об.).

№ 448

20 августа 1895 г., Москва

Москва, 20 авг. 1895

Дорогая моя Натуся!

От тебя все еще нет писем из Биюк-Ламбата. Как-то ты устроилась, моя дорогая?

У нас скоро начнутся лекции; говорят, что ввиду коронации¹ все занятия окончатся раньше – чуть ли не в марте или апреле, так что опять будет кутерьмистый год и масса времени пропадет. Вот уже неудобная вещь эти праздники, совсем мешают правильному ходу занятий. Я начну чтение лекций у

естественников в конце этой или в начале следующей недели. У медиков – в начале сентября. Среди работы по диссертации² как-то мало успеваешь работать для лекций. Да и вообще работается неважно.

Здесь у меня Дмитрий Иванович³. Он едет во вторник отдохнуть в Крым. Кажется, А. Ник.⁴ тоже туда стремится – ей скучно в деревне, по словам Дмитрия Ивановича, и он обещал найти дачу в Чукурлате! Его гнетет статистика (Федор⁵ писал, что Управа будет требовать судом) – и ведь всего-всего 2 месяца хорошей работы и все конечно! Право, уж не знаешь, как это можно себя так распускать.

Хотя я и сам работаю вроде этого и гораздо легче правильнее судить-рядить других. При дальнейшем ходе моей работы у меня усиливается критика и неудовлетворение своими методами экспериментальной работы, и все более и более открывается самых существенных недочетов в знании. А работа теоретическая подвигается очень медленно, едва-едва. В общем я очень недоволен своей работой, и было бы благоразумнее сузить тему, но выбросить таким способом самую для меня интересную – общую часть – не решусь. Сверх теории упругости, которую я прохожу медленно, но основательно, я теперь засаживаюсь за критику приложений теории Браве, Зонке, Малляра и Федорова к явлениям сцепления. В их приложениях чудится мне логическая ошибка, но смогу ли доказать – не знаю. Сверх того, я специально штудирую работы Фойгта по теории упругости кристаллов, подошедшего к этому же вопросу, который я изучаю, с другой стороны. И когда все это я кончу – не знаю. А экспериментальная часть работы у меня совсем в хаосе!

Вчера вечером у меня был Сахаров с предложением издания газеты!⁶ Он надеется на Дмитрия Ивановича, меня, Ивана Ильича⁷ и т.д. Все та же старая песня. Выдвигает вопрос о приобретении той же самой газетки – бесцензурной и с большой программой – «Вестника», владелец которой скончался. Но издавать теперь в России газету – немыслимо – или, во всяком случае, чрезвычайно трудно. Сахаров, по-видимому, увлекся довольно сомнительным успехом Кривенки, добившегося бесцензурного «Нового обозрения»⁸. Да и сведения его о «Вестнике», кажется, запоздали. Надо о «Вестнике» все-таки узнать.

Здесь еще никого не видел. В Геологическом и Минералогическом кабинете я пока все один. Шкляревскому я писал, чтобы он возвращался к 20 августа. Здесь разнесся слух, что Дм. Дм. Протоп.⁹ арестован в Николаевске – не известно за что.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Гусика¹⁰ поцелуй. Мой поклон всем.

Твой Владимир

Туся! Ты увезла все ключи, так что мне пришлось купить деревянную суповую ложку и т.д. Отчего ты мне их все не передала?

Пересылаемые письма сохрани.

Оп. 7, д. 42, лл. 26–27.

¹ Коронация Николая II проходила в Москве 14 мая 1896 г.

² См. комментарий № 4 к письму № 434.

³ Шаховской.

⁴ А.Н. Шаховская.

⁵ Ф.Ф. Ольденбург.

⁶ Издание газеты осуществлено не было.

⁷ Петрункевич.

⁸ В 1895 г. Сергей Николаевич Кривенко с другими пайщиками приобрел у Ивана Андреевича Баталина «Новое слово» (1895–1897) – ежемесячный литературно-научный и политический журнал.

⁹ Очевидно, имеется в виду член Совета (Бюро) (с 1893 г.) С.-Петербургского комитета грамотности Дмитрий Дмитриевич Протопопов.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 449

21 августа 1895 г., Москва

Дорогая моя Натуся!

Вчера послал я тебе письмо с письмами Селикова и т.д. Сегодня посылаю твой вид, так как раньше не удалось его послать – оказалось, что в субботу не работают в университетской канцелярии, и пришлось ждать до понедельника. Пишу из университета всего несколько слов. Митя¹ уезжает завтра. Он зайдет к тебе дня через 2–3 после своего приезда.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Гусика² поцелуй. Мой сердечный поклон всем К.³ и В.⁴

Твой Владимир

Москва, 21 авг. 95

Ровно неделю держали вид – такая кутерьма теперь в канцелярии.

Оп. 7, д.42, л.28.

---

¹ Д.И. Шаховской.

² Г.В. Вернадский.

³ Очевидно, Келлерам.

⁴ Очевидно, Винбергам.

№ 450

25 августа 1895 г., Москва

Москва, 25 авг. 1895, утро

Дорогая моя, родная Натуся, я всегда так жду твоих писем и так всегда рад их получать. Очень рад, что ты устроилась хорошо. Работа моя¹ идет медленно и очень неопределенно; опытами я почти не занимаюсь, так как хочется разобраться в теории вопроса окончательно. А работы страшно много, и при моем плохом знании математики и малой усидчивости эта работа идет еще медленнее. Легкомысленно, должно быть, было брать тему по механике кристаллов, а в то же время обладать едва-едва заметными знаниями в этой области. Но с другой стороны, это все меня заставило значительно подвинуться в математике. Как-то чем дальше подвигаешься в работе, тем больше, тем значительнее кажутся пробелы и тем полнее чувствуешь свое незнание. Но вести работу, не касаясь существа вопроса, а идя обычным кристаллографическим путем, – нельзя, раз зародилось понимание настоящего

разрешения вопроса. Теперь я главным образом штудирую Todhunter'a «History of the theories of elasticity» – оказалось 3 огромных тома, из которых один первый около 900 страниц! И он дает мне весьма много².

Хотел в понедельник начать чтение лекций, но, должно быть, не успею – во-1-х, не успею подготовиться к первой лекции и, во-2-х, у нас не кончатся в университете переделки. Странные здесь нравы! Когда я приехал, никаких работ не начинали, а когда я отправился объясняться в Правление, то мне заявили, что по донесению инженера работы у нас уже окончены! Этого самого университетского инженера мне удалось залучить только вчера, а работать в Кабинете начали с неделю. Разрешена работа вся, которую я просил (всего на 100 руб.), а когда начали делать, то инженер желал весьма цинично сделать на смету всей работы только часть ее, заявив сперва, что я об остальной не просил, потому что в бумаге, где я о ней писал, я пишу о ней неясно, и т.д. Между тем то, что он хотел сделать вместо всей работы, едва ли могло стоить 30–40 руб.! Вчера даже он был принужден с этим согласиться и обещал сделать главную часть работы из сбережений сметы, которую он составил на часть! Хорошо составляются сметы в Правлении... Когда-нибудь будет любопытная сторона университетского устава 1884 г. – это бесконтрольное хозяйничанье чиновников. При старом уставе вся эта работа была бы под действительным контролем профессоров.

Первую лекцию у естественников я сделаю возможно сжате и приступлю к курсу сразу. Но все же надо хорошенько подготовиться и для такой работы; мне хочется точнее установить пределы теперешней научной теории строения кристаллического вещества, из которой незаконным, нелогическим путем питаются разные фантазии о строении химических соединений.

Вчера был у меня Кетриц, который едет путешествовать по России, все так же мил, добр – он такой же все остается неизменный.

Здесь нового мало. Ходит по рукам какой-то циркуляр Дурново и Победоносцева, указывающий на опасность воскресных школ и советующий меньше разрешать их, но я его не видел. Для примера приведена, говорят, «зловредная» деятельность воскресных школ в Ельце, Тифлисе и какой-то в Москве!³

Был я у Миклашевского. Приехала его жена и Алекс. Ник.⁴ Ив. Ник.⁵ был летом опасно болен (плеврит с осложнениями) и мало оправился.

Я послал тебе твой вид заказным. Посылаю записку Федора⁶.

Крепко целую тебя, мою дорогую, ненаглядную, любимую Натусю. Гулю⁷ крепко поцелуй. Поклон всем.

Твой Владимир

Митя⁸ уехал и, я надеюсь, был у вас.

Оп. 7, д. 42, лл. 29–30.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 434.

² *Todhunter Isaac*. History of the theories of elasticity. Cambridge: Univ. press, 1886. Vol. 1.

³ Имеется в виду секретное письмо министра внутренних дел Ивана Николаевича Дурново обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву от 18 марта 1895 г. за № 2603 относительно воскресных школ. Этому письму была посвящена статья В.И. Ленина «О чем думают наши министры?» для газеты «Рабочее дело» (см.: В.И. Ленин. С.С. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 2. С. 75–80). В статье приводится цитата из письма: «Сведения, получаемые в течение последних лет, свидетельствуют, что лица неблагонадежные в политическом отно-

шении, а также часть учащейся молодежи известного направления, по примеру 60-х годов, стремятся к поступлению в воскресные школы в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т.д. Такое систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием средств для существования, так как обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явление представляет собою одно из средств борьбы на легальной (законной) почве с существующим в России государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов» (Там же. С. 77). И далее: «Кончается письмо перечислением «неблагонадежных» учителей в церковноприходской воскресной школе при московской фабрике Товарищества Прохоровской мануфактуры, воскресной школы в г. Ельце и предполагаемой школы в г. Тифлисе. Г-н Дурново советует г. Победоносцеву заняться «тщательной проверкой лиц, допускаемых к занятиям в школах... С особым ужасом говорит г. министр, что школа в г. Ельце «помещается за рекой Сосной, где живет преимущественно простой» (о, ужас!) «и мастерской народ и где находится железнодорожная мастерская»» (Там же. С. 80).

⁴ Александр Николаевич Миклашевский.

⁵ И.Н. Миклашевский.

⁶ Ф.Ф. Ольденбург.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Д.И. Шаховской.

№ 451

27 августа 1895 г., Москва

27 авг. 1895, Москва, воскресенье

Дорогая моя Натуся, сегодня я наверное надеялся получить от тебя письмо, а его нет. А обещала писать аккуратно.

Эти дни работается как-то неважно. Лекции думал завтра начинать, но не придется, – все еще не готово, и это такая неприятная возня с университетскими порядками. Завтра опять придется возиться с перестройками.

В пятницу была здесь Александра Алексеевна¹, которая вчера уехала в С.-Петербург по моему совету и Вас. Порф.² Она вся полная энергии, но придется ей там неважно. Они сделали крупную ошибку: не заручились большинством на земских выборах, и на земских выборах Хотяинцев и К^о явились с двойными голосами (через жен) и забаллотировали всех остальных³. Но у них не хватило своих лиц для полного числа гласных и назначены дополнительные выборы. Во всяком случае, Александра Алексеевна не может теперь рассчитывать на Земское уездное собрание, и это большая потеря, тем более что все это было легко и возможно обеспечить. К ней приезжал для дознания вице-губернатор, который, по ее жалобе, что Хотяинцев угрозами заставил крестьян отменить приговор на открытие земских школ, произвел дознание на сходке, и крестьяне единогласно подтвердили, что земский начальник насильно заставил их отменить приговор, грозя разорить их продажей последнего за недоимки. Но ей запретили открыть учительскую школу, которую было разрешили, и она, не узнав о причине от Боголепова⁴, отправилась в С.-Петербург, чтобы узнать о причине этой меры, исходящей уже от Министерства народного просвещения. В случае надобности она подаст жалобу царю. Ее книжку⁵ разрешили в цензуре, но запретили перепечатку постановления Епархиального совета, которую она хотела сделать, и Александра Алексеевна подала жалобу в Главное цензурное управление. Ей, во всяком случае, придется уехать, я думаю, из Нижнего, и она думает устраиваться в Москве.

Вернулся Шкляревский, и мы стали теперь деятельно готовиться к занятиям. Фосс не приезжал, а Строжевского не утвердили и в земской школе, признав вполне неблагонадежным, и он уехал на Урал, к себе.

В свободное время я перечитывал теперь Ломоносова, Державина и некоторых других старых русских стихокропателей. Удивительно мало и редко видишь талантливое. Неужели и народы должны идти постепенно. Я этому как-то не верю. Или вообще везде 18-й век не был веком великих поэтов (кроме конца века). Я купил Венгерова: «Русская поэзия»⁶ и теперь на сон грядущий и среди работы к диссертации⁷ ее просматриваю. Любопытна причина таких волн в талантливости людей: великие поэты 16–17 веков (Франция, Англия) и затем конец 18 и первая половина 19-го – почти во всех цивилизованных странах, а затем все замерло. И теперь едва-едва доживают кое-где остатки – старики. Так, говорят, – я их не знаю – новейшие англичане – Суинберн, Моррис, умершая в этом году Россетти. Но затем нигде великих поэтов. То же самое какое-то периодическое течение можно заметить и в творчестве научном, общественном, художественном. Особенно удивительно ясно это в истории искусства и математики – да и философии. И всюду, всюду.

Чем дальше в лес, тем больше дров, и все труднее становится уверенно работать с диссертацией. Я как-то необычайно ясно чувствую свое незнание, всю нестройность и случайность моих знаний, и это мешает мне работать. Как-то неприятно, когда и видишь, и чувствуешь недостатки и только недостатки работы. Право, я дорого бы дал, если бы имел больше сомнений, больше самоуверенности. Мне кажется, только тогда работа принимает личный, живой характер, а то она какая-то механически-спокойная. И это страшно вредит ее качеству. Да, наконец, и надо бы больше и сильнее стоять за «себя» в работе. Но сделать это все трудно, не забывшись, – да и неприятно. Слишком я дилетант в науке.

Вести отовсюду неважные. Москвичи утешаются в современном положении, повторяя чьи-то слова, характеризующие историю нынешнего царствования: сперва было криво, потом дурно, затем вито-перевито, а теперь победоносно. И много рассказывают в этаком духе. Ну, да проживем – увидим.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Если бы ты знала, как мне нужны твои письма, Туся моя, писала бы чаще. Гусю⁸ поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 42, лл. 31–32.

¹ Очевидно, Штевен.

² Очевидно, Василий Порфирьевич Вахтеров.

³ Речь идет об Арзамасском уездном земском собрании и земском начальнике Д.В. Хотяинцеве, в руках которого власть в уезде находилась (с 70-х годов XIX в.) в течение нескольких десятилетий. Он выступал за передачу земских школ в руки духовенства, был активным противником участия губернского земства в развитии народного образования, возглавлял «правых» в Нижегородском губернском земстве (см.: *Веселовский Б.Б.* История земства. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. Т. IV. С. 429–440).

⁴ Н.П. Боголепов в это время был попечителем Московского учебного округа.

⁵ *Штевен А.А.* Из записок сельской учительницы. СПб., 1895.

⁶ *Русская поэзия* / Под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Типо-литография А.Э. Винике, 1893–1895. Т. 1. До 1895 г. вышли вып. 1–5.

⁷ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 452

30 августа 1895 г., [Москва]¹

№ 1²

30 авг. 95

Дорогая моя, родная Натуся, вчера от тебя была всего открытая карточка. Ты пишешь страшно неаккуратно. Ты жалуешься, что иногда долго не получаешь от меня писем, но я думаю, не пропадают ли письма, так как я вкладываю тебе другие. Я начинаю с сегодняшнего дня их нумеровать.

Сегодня почти совсем не могу заниматься, сильно болят голова и зубы, и пишу тебе через силу. У меня неприятность: украли из Кабинета мое осеннее пальто, так что придется покупать – расход совсем несвоевременный. Да и пальто новое. Верно, рабочие-водопроводчики.

Мне очень не нравится, что ты купаешься в море. Я вообще боюсь, что ты там себя ведешь неосторожно. И вообще-то я совсем не сочувствовал твоему стремлению в Крым, а если еще ты и Гага³ будете болеть – уже ваша поездка будет совсем ни до чего.

Здесь у нас холодно и скверно. Работаю я плоховато – особенно головные боли мне часто досаждают. В понедельник начинаю лекции. Пока не пишу ничего, а то письмо запоздает.

Крепко целую тебя и Гусю, Мару⁴. Мой поклон всем.

Твой Владимир

Оп.7, д. 42, л. 33.

---

¹ Письмо написано в Москве, так как начинался учебный год в университете и В.И. Вернадский никуда из Москвы не выезжал; в письме есть упоминания о работе в Кабинете и о начале чтения лекций.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ М.Е. Старицкая.

№ 453

2 сентября 1895 г., [Москва]¹

2 сент. 95

Дорогая моя Натуня, от тебя уже 4 дня нет писем! А между тем ты ведь отдыхаешь в Крыму, в сущности говоря, ничем не занята и могла бы писать, хотя бы коротенькие письма. Послезавтра у меня первая лекция, и мне к ней довольно много пришлось готовиться. Собственно с завтрашнего дня у нас входит жизнь в свою колею. Всю эту неделю придется посвятить главным образом лекциям да Кабинету. Над работой своей мало смогу сделать. Вчера был здесь Аргутинский проездом в Казань. Он проработал хорошо в Берлине и в очень повышенном настроении едет в Казань, поглощенный своей научной работой. Рассказывал много интересного про германскую жизнь. Я очень рад, что его работа хорошо пошла, и он вполне успокоился. Вчера же была Юл. Ник.² Как ты хочешь устроиться на зиму с Гулей³? Юрковского еще нет, не видел, но едва ли ему выгодно ждать с уроками до середины октября.

Не пригласила бы ты Юл. Ник. – она у Сах.⁴, по-видимому, не будет. Русский язык Юрковский едва ли возьмет⁵.

Крепко целую тебя, Гусю.

Твой Владимир

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, Ее Высокопревосходительству Александре Петровне Келлер, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, имени «Карабах».

Оп. 7, д. 42, л. 34.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 452.

² Очевидно, Юлия Николаевна – учительница Г.В. Вернадского; фамилию установить не удалось.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Очевидно, у Сахаровых.

⁵ В письме от 8 сентября 1895 г. из имения «Карабах» в Крыму Н.Е. Вернадская писала: «Юрковский мне говорил, что он придет в конце сентября. Так что мы приедем почти одновременно с ним. Вряд ли ему возможно будет начать уроки раньше начала октября. Я очень дорожу, придаю огромную важность тому, чтоб Юрковский с ним занялся эту зиму. Мне казалось, что и ты придаешь этому значение. Юл. Ник. же я совсем не знаю как учительницу, и вряд ли она сможет дать то, что мы надеялись получить от Юрковского. Во всяком случае, я решительно против того, чтоб приглашать ее давать уроки. Ты пишешь, что Юрковский не возьмет русского языка, но я тогда займусь с ним русским языком. Я надеюсь, что ты ничего не говорил с Юл. Ник. об уроках. Меня бы ужасно огорчил такой исход» (ф. 518, оп. 3, д. 261, лл. 58–59 об.).

№ 454

5 сентября 1895 г., Москва

Дорогая моя Натуся, страшно ты меня огорчаешь своими письмами. Ты совсем почти не пишешь. За последние 10 дней я имею от тебя лишь 2 короткие, совершенно холодные записочки. При таких условиях как-то трудно писать, потому что если бы у тебя была **потребность** писать мне, ты нашла бы время. Да я и не знаю, каким **делом** ты занята. Может быть, у тебя не будет времени и читать письма? Ну, да что поделаешь – а только нехорошо ты поступаешь, моя дорогая Натунька, моя любимая.

Начал я лекции и завтра начну читать и медикам. Моя первая лекция была очень неудачна, так как я сконфузился, а читать написанное не мог, так как потерял очки, а в слабых ничего не вижу. Работаю я так себе, как-то все-таки весьма вяло. Диссертация¹ подвигается крайне медленно, и за экспериментальную часть совсем настоящим образом не принимался. Это время много приезжих – был Кетр.², снова Александра Алексеевна³ из С.-Петербурга, Кауфман, Ю. Ник.⁴ и т.д. Кауфман приехал из Сибири, виделся с Адей⁵ в Иркутске, который принял его страшно сухо и не пригласил к себе, так что К.⁶ был страшно огорчен и поражен; он говорит, что он в Иркутске не мог после того ни с кем знакомиться. В свите своего губернатора Александр Александрович должен скоро, до коронации, приехать в С.-Петербург. Александра Алексеевна имела в С.-Петербурге объяснение с министром народного просвещения⁷, и тот ей сказал, что меры, принятые против нее Министерством народного просвещения, произведены по указанию Победоносцева. Ей едва ли будет какая-нибудь возможность добиться изменения принятой против нее меры. Чи-

тала ли ты смешной устав о рабочих домах – это повторение тех же приемов, которыми опутали Александра III со знаменитым Обществом поощрения труда в начале 80-х годов. И вообще видна одна и та же политика. В «Журнале Министерства народного просвещения» напечатана прелюбопытная речь Победоносцева об Александре III, произнесенная им пред ныне царствующим, в которой Победоносцев сравнивает Александра III с Александром I, касается вопроса о самодержавии, и вся речь является очень ясной педагогической речью⁸. Это время я сверх научных всяких вещей читаю Шпрингера историю искусства⁹ (чрезвычайно интересную) и Диккенса.

Крепко целую тебя и Гулю¹⁰. Ты меня очень больно огорчила своим молчанием и неохотой уделить мне хоть немного своего времени среди всяких твоих удовольствий или дел.

Гусю целую.

Твой Владимир

P.S. Жду от тебя перевода. Сергей¹¹ прислал.
5 сент. 95, Москва

Оп. 7, д. 42, лл. 35–36.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 434.

² Очевидно, Бернад Эрнестович Кетриц.

³ Штевен.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 453.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ Очевидно, Александр Аркадьевич Кауфман.

⁷ В 1895 г. министром народного просвещения был Иван Давыдович Делянов.

⁸ В.И. Вернадский имеет в виду речь К.П. Победоносцева «Государь император Александр Александрович», произнесенную им на заседании Императорского русского исторического общества 6 апреля 1895 г., публиковавшуюся несколько раз. См., например: Русский архив. М., 1906. Кн. I. С. 619–624.

⁹ Шпрингер А.Г. История искусств. СПб.: «Ясная поляна», 1909.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

¹¹ С.Ф. Ольденбург.

№ 455

6 сентября 1895 г., Москва

Мне очень тяжело, моя дорогая, что от тебя давным-давно нет писем. Я знаю и уверен, что тебе хочется иногда писать мне, но все-таки мне больно и тяжело это отсутствие всяких известий от тебя, моя дорогая, глупенькая Натуся. Мне это отсутствие мешает и настоящим образом заниматься – еще ни в один свой отъезд ты не писала так мало. Точно тебе не о чем писать мне или твое сердце и твоя мысль не имеют ничего сказать мне. И еще мне тяжелее сознавать, что мешает тебе не дело какое-нибудь, не какая-нибудь серьезная работа или красивая обязанность сердца, а пустая рассеянная *far-niente*¹. Может быть, я так и ошибаюсь – но мне вследствие этого еще тяжелее. Я не думаю, чтобы письма пропадали, так как и в твоих письмах или, вернее, открытых карточках, которые ты иногда присылаешь, я читаю ту же самую неохоту писать. Мне кажется, что мешает тебе странная и смешная, если могу

выразиться, «книжная» или «прописная» неуверенность твоя в силе моего к тебе чувства. Мне даже странно писать тебе это, до такой степени я не могу понять этого твоего чудачества. Ты проявила его в самые первые времена нашего знакомства, и с тех пор оно – уже не по моей вине – у тебя так и осталось. Я не знаю, как проявляются и каковы чувства других людей – дают ли они больше и в какой форме удовлетворения другим людям, чем мое чувство, но меня всегда больно поражала эта странная черта твоего отношения ко мне. Я думаю, что если бы мое чувство к тебе было иного характера – из этого твоего отношения – прямой исход – ревность. И я думаю, что это и есть неудовлетворенная ревность – с моей стороны к ней повода не находится, да и твой высокий настрой атрофировал в тебе эту способность. Но зародыши ее остались и дали эту недоверчивость и этот страх перед своими мнимыми или существующими недостатками и их влиянием на будущую совместную жизнь. Очень может быть, влияет и мое весьма отвлеченное и скептическое отношение к жизни. Но, моя дорогая, глупенькая Натуня, мне кажется, ты должна бороться с этой некрасивой чертой твоей личности и не давать ей отражаться на наших отношениях. Неужели ты думаешь, что мне важна какая-нибудь внешняя мишура? С годами человек становится только еще более скептичен к жизни; смерть близких и дорогих людей, сознание своего бессилия, слабости своего ума и чувства налагают на человеческий характер, и житейские радости принимают более мимолетный характер. Но ведь все это не отражается ни на глубине чувства, ни на горячем отношении и близости к другому человеку. В эти годы зрелости мысли и характера особое значение приобретают вопросы менее личного характера, и в спокойных, мужественных чертах может складываться дальнейшая жизнь. Твое вечное сомнение в прочности моего к тебе отношения как-то странно, и, мне кажется, давно бы уже пора было тебе убедиться в его мнимости. Не на каких-нибудь данных веры или морали может обуславливаться прочность союза, их выдумали люди позже, там где вера или мораль только сдерживают союз, его в действительности нет. Этот союз держится более глубокими устоями, едва ли вполне поддающимся логическому анализу, – и я не буду разбирать их. Но с точки зрения той, которой я держусь, мне кажутся мелкой суматохой все твои страхи, суматохой, вызванной в сильной степени всякими обобщениями будничной жизни и скользящей и по твоей душе лишь по поверхности.

Вчера я послал тебе письмо, сегодня мне захотелось тебе еще все это приписать.

Целую тебя крепко, моя единственная, любимая Натуня. Гусю² поцелуй.

Твой Владимир

P.S. Извести непременно скорее Елизавету Николаевну Корнилову, что обещанные нами 1000 руб. ей выплатит Обольянинов.

6 сент. 1895, Москва

Оп. 7, д. 42, лл. 37–38.

---

¹ Праздность (ит.).

² Г.В. Вернадский.

№ 456

8 сентября 1895 г., [Москва]¹

8 сент. 95

Дорогая моя Наталочка, посылаю тебе полученную сегодня записку Федора². Видишь, у них все плохо³. Я очень боюсь, кто у них врачом – уже эта Пушкина! Надо надеяться, что будет благополучно.

Крепко целую тебя, Гусю⁴. Вчера получил, наконец, от тебя письмо.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 42, л. 39.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 452.

² Ф.Ф. Ольденбург.

³ Была тяжело больна жена Ф.Ф. Ольденбурга, и Вернадские были очень обеспокоены. В письме от 10 сентября 1895 г. из имени «Карабах» Н.Е. Вернадская писала: «Вчера получила несколько успокоительную телеграмму из Твери: “Положение неопределенное. Последние дни температура ниже”. Как-то легче стало на душе после нее» (ф. 518, оп. 3, д. 261, л. 67–67 об.).

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 457

11 сентября 1895 г., Москва

Москва, сент. 11. 1895

Дорогая моя, родная, ненаглядная Натуся! Наконец, сегодня я получил от тебя письмо. Редко ты пишешь, моя милая, золотая девонька. У меня уже в полном разгаре теперь лекции и входят вполне в колею практические занятия. Сегодня, впрочем, день очень трудный, масса была гостей – были здесь и в университете братья Микл.¹, Юрковский, Ю.Н.² и Анна Серг. Мил.³ Юрковский предлагает 3 раза в неделю по 2 часа; он согласен и русский язык. Ты с ним переговори сама, но помни, что он теряет месяц, так как ждет Гагу⁴ и не берет другой урок, и этот месяц не должен ему быть денежно пропашим. Мне бы очень хотелось, чтобы ты приехала уже скорее, моя рыбка; и в доме – я все как-то не справляюсь. Земское собрание назначено на 4 октября. Было бы приятнее, если бы ты приехала раньше моего отъезда в Моршанск, так как иначе ужасная передрыга до конца октября! Отчего тебе не приехать в конце сентября. Так бы это было хорошо, моя ненаглядная. Миклашевский говорил мне сегодня, что меня хотят пригласить читать минералогию в Техническом училище⁵, и я думаю, что, может быть (если пригласят), я возьмусь – так или иначе надо увеличивать свой заработок, иначе мы не справимся и, главное, не расплатимся с долгами. Лекций там около 2 часов в неделю, следовательно, всего будет 7 часов в неделю, что не обременительно. Я уменьшил в этом году часть практических занятий, т.е. для занятий с паяльной трубкой вместо 4 часов прошлого года будет всего 2 часа – из них один час будет падать на Ан. Ор.⁶ Сверх соображений материальных есть иные соображения, которые также склоняют меня принять место в Техническом училище. Впрочем, может быть, найдут другого. Мне едва ли придется с тобой посоветоваться,

так как надо будет решиться скорее. Во всяком случае, надо будет искать известного заработка, так как эти годы из имения все будет уходить в него же и надо добиться не увеличения лежащего на имении долга. Если увеличить доход свой, то возможно довольно быстро уплатить долги и привести имение в течение немногих лет в более нормальное положение. Вместе с тем через немного лет можно начать выплачивать лежащий на имении долг.

Свои лекции кристаллографии я, вероятно, решусь издавать теперь же⁷; заставляет меня на это решиться: 1) неудобство для работы студентов, 2) ошибки в старом курсе, которые я теперь очень ясно вижу, 3) удобство до издания вполне публичного сделать еще одно студенческое издание, 4) уверенность, что потом это будет гораздо труднее сделать, чем теперь. Наконец, экземпляров старого курса⁸ в продаже нет, и, следовательно, желательно и необходимо иметь новое. Это прибавит мне работы, но я почти на это решился. В корректуре ты мне поможешь?

Работа по диссертации⁹ подвигается крайне медленно, и эти дни я как-то мало расположен работать.

Крепко целую тебя, мою ненаглядную, дорогую Натусю; Гусика поцелуй. Приезжай в конце сентября.

Твой Владимир

P.S. Посылаю тебе письмо Федора¹⁰, сегодня полученное. Ю.Н. получила письмо от Свешниковой, которая пишет, что Маше¹¹ лучше.

Приезжай в конце сентября, Туська. А то ты на словах одно, а на деле всегда стремишься отложить свой приезд. Может быть, я на Земское собрание и не поеду.

Оп. 7, д. 42, лл. 40–41.

¹ А.Н. и И.Н. Миклашевские.

² См. комментарий № 2 к письму № 453.

³ Анна Сергеевна Милюкова.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ В.И. Вернадский в Московском техническом училище не преподавал. В письме от 16 сентября 1895 г. из имения «Карабах» в Крыму Н.Е. Вернадская писала: «Здесь застала твое письмо, где ты говоришь о своем намерении принять уроки в Техническом училище. Ужасно этому не сочувствую и умоляю, если ты еще не дал согласия, не давай его, если же дал – отказать. Они могут подыскать тебе заместителя. Мы несколько раз касались с тобой вопроса о добавочном заработке, и я всегда умоляла тебя не брать посторонних университету лекций. Я крайне не сочувствую этому способу обременять свою жизнь и мысль, ничем не вознагражденные, занятиями ради вовсе не необходимого заработка. Наконец, я готова помы мыть, чтоб ты не брал лишних лекций на свои плечи. Гораздо важнее, чтоб ты обдумал статью об университетах и написал ее, а также написал многое, о чем думал и на что не хватало времени. Ты меня очень огорчишь, если навалишь на себя эти лишних 7 часов в неделю! Очень прошу тебя отказаться от этого Технического училища!» (ф. 518, оп. 3, д. 261, лл. 74 об. – 75).

⁶ Анатолий Орестович Шкляревский – в это время ассистент Минералогического кабинета Московского университета.

⁷ *Вернадский В.И.* Лекции по кристаллографии для студентов-медиков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1896.

⁸ *Вернадский В.И.* Лекции по кристаллографии. М.: Изд. студ. физ.-мат. фак-та Моск. ун-та, 1894.

⁹ См. комментарий № 4 к письму № 434.

¹⁰ Ф.Ф. Ольденбург.

¹¹ М.Д. Ольденбург. См. письмо № 456 и комментарий № 3 к нему.

14 сентября 1895 г., [Москва]¹

Сент. 14, 1895

Дорогая моя Натуся!

Вчера получил твое письмо – я получаю твои письма аккуратно и их не забывая, как ты думаешь, но писала ты не аккуратно, и это видно по твоим номерам. Сперва отвечу на твои вопросы. Земское собрание будет 4 октября. Я не знаю, удастся ли мне поехать на все собрание, может быть, я буду всего на 2 дня, т.е. уеду на 3 дня, так числа 4–7 октября. Может быть, не придется и ехать. Я тебе не писал долго о дне собрания, так как думал, что ты из-за этого отложишь свой приезд сюда, между тем как я весьма хочу, чтобы ты приехала в 20-х числах сентября. Я думаю, что если ты приедешь к 8–9 октября (к моему возвращению, если я поеду на все собрание), то: 1) будет поздно сделать необходимые поправки в квартире. Кое-что сделано, но я думаю, это не все, и, право, я не знаю, что тебе надо и хочется. Много я возился со Стариковым², но ничего не понимаю. Он все оттягивает, а я твоих с ним переговоров не знаю³. 2) Если удерживать Юрковского, то надо начинать с Гагой⁴ заниматься вовремя. Да я и не знаю причины, зачем тебе оттягивать свой приезд. Наконец, удобнее, чтобы вся возня эта была кончена к концу сентября. Наконец, моя дорогая Натуся, мне тяжело без тебя и хочется скорее быть вместе. Работы много, а я чувствую себя здесь один на бивуаке. Приезжай скорее, моя родная девонька.

Письма часто уносят домой, так как Дуня готовит внизу и иногда не слышно почтальона.

Я теперь часто дома, так как много у меня теоретической работы. Работаю неважно – как-то слишком разбрасываясь и урывками. Настроение мое неважное.

Относительно Паульсена я тебе давно писал и просил его мне прислать.

Я теперь начинаю подумывать, не издать ли мне теперь же мой курс – 1-ю часть – геометрическую кристаллографию⁵ – прямо пустить его, как книгу? Приехала бы скорее – посоветовались бы.

Крепко целую тебя, мою родную. Гусика поцелуй.

Твой Владимир

Моя ненаглядная Натунька, приезжай в **конце сентября**.

От Ольденбургов никаких известий после 10 сентября⁶.

Оп. 7, д. 42, лл. 42–43.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 452.

² Стариков – владелец дома в Москве на углу Поварской ул. и Трубниковского пер., куда переехали Вернадские.

³ В письме от 10 сентября 1895 г. из имения «Карабах» в Крыму Н.Е. Вернадская писала: «Настой, чтоб хозяин сделал новые двери (обе) на кухне, как он обещал, иначе будет невозможно стряпать на кухне, слишком холодно. Он также обещал исправить наружные двери у двора на черном ходе. Не плати ему до этих исправлений за квартиру. Исправил ли он W.C., как обещал?» (ф. 518, оп. 3, д. 261, л. 67 об.).

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ См. комментарий № 7 к письму № 457.

⁶ См. комментарий № 3 к письму № 456.

18 сентября 1895 г., [Москва]¹

18 сент. 95

Дорогая моя Натуня, моя милая девонька! Сегодня ночью получил я твою телеграмму. Но мне ведь еще не предлагали читать в Техническом училище – мне лишь передал Миклашевский от своего зятя Руднева², что меня хотят они (т.е. профессора) пригласить читать. Но приглашение идет через здешних власть имущих – от Боголепова и К^о, и от них я ничего не получал, никакого извещения. Они легко могут не захотеть. Во всяком случае, я тебе передал слух, и, право, я не знаю, отчего ты так телеграфируешь³. Очень жаль, что тебя не будет здесь, когда я решу. Не стоит обсуждать вопрос по поводу простого слуха, но мне кажется, есть много условий, заставляющих посмотреть на этот вопрос иначе, чем смотришь ты. Сверх материального вопроса, важного не только с точки зрения уплаты долгов, для поездки за границу, имеет значение то, что это место дает мне почву вне университета и возможность научной работы и дает мне определенное положение в Москве – то, что может дать и не дать диссертация, так как Министерство может прямо не утвердить меня профессором. Для материального нашего положения нужен еще весьма значительный заработок, так как иначе не скоро удастся съездить за границу, что, однако, очень важно. Я не думаю, чтобы эта работа оттянула диссертацию⁴: все равно, придется взять ту или иную работу.

В университете теперь ничего нового нет – но в общем нехорошо. Чупрова до сих пор не утверждают (ему минуло 25 лет профессуры), и он пока не читает!⁵ Иванова⁶ выгнали из женских коллективных уроков, консерватории и т.д. без всякого объяснения причин, по распоряжению Власовского⁷. Пока в университете он читает, но, должно быть, временно.

На днях у меня был Алферов (ты его, должно быть, помнишь). Он зашел узнать, не захотим ли мы присоединиться к компании, желающей устроить совместное образование детей, доведя их до 4–6 класса, но не приравнивая к гимназическому курсу, давая более разумное преподавание и лишь дав возможность выдержать в 4 и 6 классах гимназии экзамены. В общем я думаю, это то, чего ты хочешь. Но есть препятствие: 1) дети 10 лет, следовательно, довольно подвинуты и 2) родители желают преподавания православных догматов и пригласили священника. Последнее лично для меня является основным препятствием. Тогда отчего не в гимназию отдать? А родители неверующие!! Я сказал ему, что все-таки тебе передам: во всяком случае, должно быть, возможно чего-нибудь добиться помимо гимназии? Но для всего этого надо тебе приехать скорее, а ты сидишь. Твоя шуба пойдет лишь завтра. Ввиду всех вопросов – квартиры, воспитания Гаги⁸ и, может быть, вопросов, связанных с устройством заработка, я думаю, тебе следовало вернуться до моего отъезда в Вернадовку, если я поеду на Земское собрание.

Выплатил я 500 руб. долга и еще 200 руб. выплатим Гославскому (Гревсу), но ввиду цен и т.д. наших построек не знаю, как мы устроимся. Юрковский просит, если можно, 150 руб. вперед за свои уроки, так как на эти деньги едет его жена за границу. Я обещал ему устроить это. В месяц за 6 часов в неделю – 25 руб.? (он думал 20 руб.).

Крепко целую тебя, мою дорогую.

Твой Владимир

Приезжай скорее, а то в квартире ничего не будет сделано. Из того, что ты пишешь, ничего не сделано⁹.

Оп. 7, д. 42, лл. 44–45.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 452.

² Имеется в виду Владимир Матвеевич Руднев, в Московском техническом училище читал курс лекций – строительное искусство.

³ См. комментарий № 5 к письму № 457.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁵ Александр Иванович Чупров был оставлен при Московском университете на 5 лет (с 29 июня 1895 г.) по учебной части Министерства народного просвещения (см.: Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1896 г. М., 1898. С. 12).

⁶ Гавриил Афанасьевич Иванов – профессор историко-филологического факультета Московского университета.

⁷ Очевидно, обер-полицеймейстер Москвы Александр Александрович Власовский.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ См. коммерциальный № 3 к письму № 458.

№ 460

21 сентября 1895 г., [Москва]¹

Дорогая Натуня, моя родная! Шубу тебе отправил 3-го дня – должно быть, скоро получишь. У нас теперь опять тепло. Очень жду тебя скорей – может быть, уже не писать? Не писать ли в Полтаву? Дня на два туда заезжай, конечно, а то, верно, Мария Ивановна и Егор Павлович² ждут тебя и Гагу³. Пишу несколько слов из университета, где у нас сегодня практические занятия с медиками до 7 часов, а в 7 часов хочу пойти в заседание Общества испытателей природы.

Крепко целую тебя.

Твой Владимир

21 сент. 95

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный Берег Крыма, Е. Вр. Александре Петровне Келлер, с просьбою передать Н.Е. Вернадской, имение «Карабах».

Оп. 7, д. 42, л. 46.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 452.

² Старицкие.

³ Г.В. Вернадский.

№ 461

[25 сентября 1895 г., Москва]¹

Дорогая моя Натуня!

Пишу тебе всего два слова, чтобы сообщить, что очень тебя жду, мою дорогую. Работа моя понемногу идет. Так или иначе кончу в этом году.

В Твери вести плохие: Марии Дмитриевне² стало хуже. Говорят, причиной – заражение при родах! Это просто ужасно.

Целую тебя, Гагу³, всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высочайшему Превосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбою передать **Н.Е. Вернадской**.

Оп. 7, д. 42, л. 47.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Ольденбург; см. комментарий № 3 к письму № 456.

³ Г.В. Вернадский.

№ 462

30 ноября 1895 г., Тамбов

30 нояб. 95, Тамбов

Дорогая моя Натуся!

Сегодня второй день собрания¹ для меня. Идет оно чрезвычайно вяло, князь Чолокаев, председатель, или постарел, или же почему-то тянет собрание. Мы с Марком² попали в Комиссию, но и там дело идет вяло. По вопросу о телесных наказаниях – еще не вполне определено; почти несомненно будет жалоба в Сенат на губернатора, который цинично и безобразно написал (и напечатал) о своем противозаконном отношении к постановлению собрания. Вопрос об общем решении вопроса о телесных наказаниях едва ли пройдет; главные возражения: 1) так как он теперь ставится, ясно желание общего решения – белыми нитками сшито, а между тем так он может пройти, 2) целый ряд земцев искренно (например, С.И. Попов) сомневается в праве земства ставить вопрос более широко, 3) так, как он теперь стоит, – за него приходится выдержать много борьбы и т.д. Я еще не знаю, как будет дело дальше. Наконец, раздаются голоса: мол, вредно теперь земству просить об этом, так как в царском манифесте о коронации³ будет объявлено об отмене телесного наказания как царской милости. В таком случае частичное ходатайство земства совсем вредно. Адреса по поводу коронации запрещены, о чем объявлено. Инструкция о дорожных сооружениях ставит дело в более удобные рамки (не отнимает из рук земства), так что наше решение во многом должно быть изменено.

Крепко целую тебя и Гусика⁴. Как он?

Твой Владимир

На обороте: **Москва**, Наталье Егоровне **Вернадской**, угол Поварской ул. и Трубниковского пер., д. Старикова.

Оп. 7, д. 42, л. 48.

¹ Имеется в виду Губернское земское собрание.

² М.М. Любощинский.

³ См. комментарий № 1 к письму № 448.

⁴ Г.В. Вернадский.

3 декабря 1895 г., Тамбов

Тамбов, 3 дек. 95

Дорогая моя Натуся, среди собрания совершенно нет времени писать. То заседания собрания, то комиссии, то всякие осмотры и визиты. Так, сегодня и вчера утром мы с Марком¹ осматривали новое помещение под управу и т.д., которое собираемся покупать. Обедаем не дома – а все в гостях, так что из собрания на обед, а затем в Комиссию, и времени нет. И сегодня идем на обед к Чичериным. Собрание идет медленно; из 123 докладов не окончили и 20. Много времени занял вопрос о телесном наказании, который принял здесь своеобразную окраску. Мы кончили с ним в Комиссии вчера и, верно, только, сегодня окончательно покончим. Губернатор² представил отзыв министра о незаконности нашего ходатайства, причем министр определил право ходатайств земства территориально. Вследствие этого вопрос об отмене наказания отошел на второй план. Вопрос стал так: есть ли необходимость ввиду такого ответа министра пересмотреть наше прошлогоднее постановление. Дебаты были очень горячие. Переговорив, мы решили ставить вопрос по существу лишь при пересмотре коренном вопроса, но стоять самим на непересмотре предложения, так как незаконное предложение министра не может нас заставлять вновь пересматривать наше постановление. Собрание громадным большинством решило вопрос не пересматривать, и вчера Комиссия большинством 12 против 2 решила предложить собранию жаловаться в Сенат на губернатора и министра (Дурново)³ за его отклонение ходатайства и за толкование права ходатайства земства как территориальное. Пишет предложение Комиссии – Б.Н. Чичерин. Вчера же в Комиссии прошло предложение Новикова (совершившего salto-mortale⁴: он стал врагом розог, церковных школ и т.д.) об отчислении 25% смет на начальное народное образование (земские школы) на губернский счет с целью побудить уезды к расширению дела народного образования. Предложение это встретило сильное сопротивление, но почти наверное пройдет в собрании. В то же время, в принципе, решено счесть народное низшее образование не только делом уездным, как было раньше, но и губернским – почему к будущему собранию внести проект этого участия (должно быть, на постройку школ). Много есть и других вопросов, несомненно интересных, но я как-то занимаюсь этим скорее добросовестно, но душа моя все-таки далека от всех этих вопросов. Предложение Новикова провалилось, но прошло предложение, чтобы Губернская управа к следующему собранию представила соображения, в чем должна заключаться деятельность Губернского земства (до сих пор ее не было) для низшего народного образования.

Крепко целую тебя, дорогая. Выеду во вторник. Не знаю, как попаду к Мил.⁵ Что Гуся?⁶

Твой Владимир

На обороте: Москва, Е.Вр. Наталье Егоровне **Вернадской**, угол Поварской ул. и Трубниковского пер., д. Старикова.

Оп. 7, д. 42, л. 49.

¹ М.М. Любощинский.

² Владимир Платонович Рокасовский.

³ И.Н. Дурново.

⁴ Смертельный прыжок (ит.).

⁵ Возможно, Миллюков.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 464

20–21 апреля 1896 г., [Москва]¹

20.IV 1896

Дорогая моя, ненаглядная Натуня! Вчера я получил, наконец, твое письмо из Полтавы. Теперь мы очень скоро свидимся, так как 26 апреля или около этого числа я выезжаю к тебе на несколько дней, а оттуда еду прямо или через Вернадовку на Урал. Здесь, в Москве, теперь шумно, пошло и уродливо – на каждом шагу бесчисленное множество военных, жандармов, полиции. Всюду аляповатые, безвкусные шесты, башни, колонны. Весь университетский двор переполнен жандармами и полицейскими; в помещении университета устроена для них столовая и т.д. Хочется скорее уехать от этого гама, показательного «великолепия» и официального любоначала². Это время мне как-то мало приходилось читать и думать. Прочел с величайшим удовольствием 3 тома сочинений Островского – много он мне дал совершенно неожиданного. Я впервые начинаю понимать его. Точно так же, как Щедрин, он проник в глубину тех слоев русского общества, которые являлись и являются устоями русской государственной машины, – бюрократии и мещанства в широком смысле слова. Эти создания исторической жизни Московской Руси проходят здесь со всеми своими достоинствами и недостатками: бедностью или отсутствием мысли, наивной безнравственностью, погоней за личными интересами и в то же время нередко с доходящей до героизма покорностью судьбе и упорством, цепкостью, позволяющими им жить и находить возможность человеческого существования в самых немислимых, невозможных условиях. И на этом фоне проходят здесь все те же общечеловеческие черты, которые так ярко проявляются во всякой великой комедии, – те черты, которые не зависят ни от времени, ни от исторических условий и везде одни и те же – основной фон человеческой жизни, застывший и неподвижный веками. У Ан. Серг.³ я взял просмотреть собрание очерков Rosny, тобою любимого «Résurrection»⁴, – бледно, слабо, видны попытки выжать новое – найти какое-то дополнение к обычным описаниям жизни французских романистов. Для знатока французского языка, может быть, найдется живое и новое в формах и образах, но на меня это не оставляет как-то никакого влияния. Мне кажется, это попытка ввести известную сентиментальную струнку в описание жизненных сцен, возрождение чего-то старого, которое напоминает старых великих сентименталистов в широком смысле – в смысле чувства единства природы и значения в жизни мелких радостей личного чувства и близости к природе.

Вчера моя мысль перенеслась в далекое прошлое – иногда передо мной необычайно ярко и сильно проходит какое-то сознание единства и неподвижности, если могу так выразиться, исторического процесса. В этом смысле мне всегда много дает комедия, так как это – вместе со сказкой – единственная форма, которая дает тебе понятие о духовной жизни человечества при самых разнообразных исторических условиях, в разных климатах и местах

за последние 2000–2500 лет. И она дает чувство единства и чувство того, что исторический «прогресс» в значительной степени иллюзия, т.е. что-то более общее, глубокое, которое не нарождается, а постоянно всюду неизменно проходит во всем разнообразии кажущихся явлений.

С большим и глубоким интересом прочел я вчера статью Соловейчика, давшего сводку выводов из открытых в последние годы остатков Египетского архива, содержащего переписку фараонов с вассалами в Палестине за 1500 лет до Р.Х.⁵

21 апреля 1896

Мне хочется, как только покончу со своей диссертацией⁶, углубиться в изучение математики и некоторых философских систем. Все менее и менее становится для меня понятным процесс эволюции – исторический процесс в широком смысле. Иногда он мне начинает казаться известным перенесением на окружающее антропоморфических представлений – детства, мужества, старости человека, и то же самое представление сказывается в подведении великого хаоса в мировую систему Канта–Лапласа, в теорию эволюции Дарвина, в понятие исторического прогресса и т.д. А между тем, если есть что-нибудь абсолютное, вечное, – оно тем самым **исключает** понятие прогресса. И его нет в целом ряде глубоких философских или религиозных систем...

Вчера был на Передвижной выставке. Она произвела на меня тяжелое впечатление. Это мертвый византизм; одна-две живые ноты, остальное занимает салонный пейзаж – своего рода *nature morte*⁷. Все без смысла и без жизни – лишь 2–3 вещи Шишкина всегда юны, сильны, живые, а остальные Дубовские, Досекины и т.д. – не дай ты Боже. Как кругом в жизни, так и здесь, в нашем русском искусстве, мало борьбы, мало живого сильного стремления. Мне кажется, на бледном тяжелом фоне русской жизни завядают ростки...⁸

Оп. 7, д. 43, лл. 4–5.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из содержания письма: «Здесь, в Москве, теперь шумно, пошло и уродливо...»

² Речь идет о подготовке Москвы к коронации Николая II, которая проходила 14 мая 1896 г.

³ Очевидно, А.С. Петрункевич.

⁴ *Rosny Joseph-Hector. Résurrection. P.: E. Plon etc., 1895.*

⁵ О какой статье Ильи Исидоровича Соловейчика идет речь, установить не удалось; в списке его трудов, опубликованном в книге: «Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914)». М., 1915. Т. II. С. 182, указанная статья не значится.

⁶ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁷ Картина, рисунок, изображающие «мертвую природу» (франц.).

⁸ Конец письма не сохранился.

№ 465

13 мая 1896 г., Златоуст

Златоуст, 13, май, 1896

Дорогая моя, родная, пишу тебе наугад, не зная, где ты теперь.

Сегодня утром добрался до Златоуста, так как наш поезд сильно запоздал. Сейчас еду за 28 верст в Кусинский завод, откуда 16-го вернусь в Златоуст.

Только к этому времени приедет Соколов. Я тебе пишу подробное письмо, а пока лишь несколько слов. Местность здесь удивительно красивая.

Железная дорога от Аши до Златоуста дает такие удивительные, красивые виды, каких я никогда не видал. Масса своеобразного, кое-где напоминает Тироль, а иногда в грандиозном масштабе Саксонскую Швейцарию.

Самый город расположен на берегу огромного озера (искусственного)¹, и с балкона гостиницы вид на 3 стороны на разнообразные вершины гор. Начальник округа оказался близким родственником Хлопина, и я с его стороны встретил всякое содействие. Надеюсь воспользоваться хорошо. Поездка по округу обещает быть очень любопытной.

Крепко целую тебя, Гусю². Мой сердечный поклон Гольштейн. Как-то ты доехала, моя дорогая?

Твой Владимир

Натуся, моя радость, береги себя, не измучивайся. Я так сильно тебя люблю.

На обороте: **Париж, Франция**, Madame A. de Holstein, Avec prière de rem. à M-me Vernadsky, 29 avenue de Vagram, Paris.

Оп. 7, д. 43, л. 6.

¹ Озеро, образованное от запруды реки Ая.

² Г.В. Вернадский.

№ 466

17 июня 1896 г., на пароходе, плывущем по Каме

На Каме, 17, июнь, 1896

Дорогая моя, ненаглядная Натуся, пишу тебе после долгого молчания, но мои письма не могли бы дойти раньше этого письма, которое пойдет завтра из Казани. Моя поездка кончилась, и я возвращаюсь назад – заеду в Вернадовку, Моршанск, Рязань и через дней 6, около 22 июня, буду в Москве. Там засяду за работу. Ужасно мне хочется проехать к тебе, повидать тебя, и я мечтаю о следующем устройстве моего лета – недель 5 просижу в Москве и закончу первые 3–4 главы из 4–5 глав работы целиком, а последнюю вчерне¹. Единственное препятствие может быть следующее: в теоретической части у меня есть одно сомнение, которое может быть разрешено или быстро, или мне не удастся преодолеть препятствие (главным образом благодаря моим плохим знаниям в высшей математике), и тогда я могу на нем застрять. Я думаю, однако, что вопрос мною решен правильно, и тогда частности сойдутся – тогда это работа 5–4 дней. Литературная часть и большая часть экспериментов и их разработок вчерне совершенно закончены. Затруднения являются: 1) в новой проверке удельного веса – займет 3–5 дней, 2) в новых измерениях скольжения с помощью изобретенного мною прибора – займет неделю, 3) в теоретической разработке распыления. Я по возможности сокращу всю эту работу, хотя бы в ущерб ее достоинства, так как моя мысль опять направляет меня к химическим и оптическим работам, чего требует и правильная постановка научных исследований в Кабинете. Я закончу тогда мои работы в связи с моей

магистерской диссертацией, чего я не касался с 1891 г. Если мне при хорошей работе и выдержке удастся закончить работу почти целиком к 1 августа, то с 1 августа до 8 сентября (занятия начнутся не ранее 9 сентября) я хочу проехать за границу, повидаться с тобой, моя бесценная Натуся, мое сокровище (как я хочу этого!), ознакомиться в Берлине и Геттингене с новыми приборами и, если возможно, посетить Минералогические музеи и одно-два ближайших месторождения – в Гельсингфорсе, Стокгольме и Христиании. По моим расчетам, проведя с тобой дней 7–10, это не займет у меня более положенного срока. Я думал бы тогда через С.-Петербург выехать в Гельсингфорс, Стокгольм, Христианию и морем проехать к тебе в Нормандию, на обратном же пути провести день в Геттингене и дня 2–3 в Берлине. Может быть, весь этот план разлетится вдребезги, но я постараюсь его провести. Моя поездка на Урал с заездом в Полтаву стоила мне около 250 руб., я думаю, заграничная будет стоить не меньше. Несмотря на это и на то, что мы выйдем опять из бюджета, я решусь на это: когда еще придется уехать, а для более быстрой моей научной работы – такая поездка для меня совершенно необходима.

Из Тагила, откуда я писал тебе в последний раз, мы проехали в Кушву, оттуда в Березники, Усолье и с Березников (приблизительно на широте С.-Петербурга) спускались по Каме до Казани (больше 1200 верст Камой). Из поездки мы везем около 35 пудов камней! Для того чтобы данные этой поездки не пропали, необходимо еще много работы книжной и музейной, лабораторной. Если моя университетская деятельность будет продолжаться, то я думаю направить систематическую работу Кабинета по минералогии – на изучение Урала, и мне не раз еще придется вернуться на Урал.

Эти дни на пароходе я перечитал ряд местных изданий по геологии, минералогии, археологии и истории Урала, и я еще до сих пор под впечатлением ужасной, кровавой истории крепостного права и казенного управления уральскими заводами. Многое мне все более и более уясняется из таких старых указаний, и до сих пор живы здесь на Урале на каждом шагу следы прошлых страданий. Ничего подобного в целом не испытывала никакая другая область России – и имена Демидова, Зотова, Лазарева, Строганова, Шувалова и *tutti quanti*² поколений горных инженеров носят неизгладимые позорные пятна мучителей. Я набросаю тебе общие заметки об Урале, так как раньше не писал почти вовсе.

Меня на Урале больше всего заинтересовали следующие общие черты: 1) необыкновенное рудное богатство Урала, во многом еще нетронутое и которое явится долго неисчерпаемым источником для будущего, 2) постепенное, донныне продолжающееся расхищение государственных земель и наиболее богатых мест новыми и старыми влиятельными придворными или капиталистическими магнатами. Таковы имения Строгановых, Шуваловых, Голицыных, Всеволожских, Зотовых, Абамелик-Лазаревых, Демидовых и т.д. Лучшие земли находятся в их полном или посессионном наследственном владении. Этот процесс продолжается потихоньку до сих пор. Так, в Богословске³ существует частный (Половцевых) медный рудник (раньше казенный – проданный в этом столетии, в 1-й половине). Казенные рудники – Волков и Гулишевский – прекратили разработку, чтобы не делать **конкуренции**. Отдельные владельцы получают миллионные субсидии от казны (например, Половцевы), иногда безвозвратно (например, все солепромышленники около

Усолья) в виде дарового леса (они платят лишь 53% стоимости!) – Строгановы, Шуваловы, Голицыны, Любимовы и т.д. Целые округа, наиболее богатые, сданы частным компаниям – например, Миасский и Березовский сданы в виде монополии частной компании Гинцбурга, Асташева, графа Левашева с необычайными правами к прямому вреду и утеснению населения огромной области и в прямой убыток казне. Последняя отдача произошла года 2 назад. Теперь появилась новая огромная золотопромышленная К° – из Половцевых, Шуваловых и целого ряда других лиц (с великими князьями), которая, по-видимому, грозит тем же для Сибири и незахваченных частей Урала. Казенные леса расхищаются и сдаются в распоряжение отдельным частным благоприятствуемым заводам. 3) Наряду с этим глубоко невежественное, рутинное казенное управление. Взятничество царит в полной силе. Сравнение ведения дела на заводах казенных и на заводах частных, делаемое иногда в один и тот же день, заставляет иногда приходить в недоумение. Подбор лиц в казенных заводах и управлении тоже необычный. Как пример приведу тебе следующий. С нами в Златоустовский округ был командирован инженер-москвич с целью научиться первым основаниям геологических и минералогических изысканий. Его посылают на разведки (5000 руб. в год!), и он должен был, по его словам и по словам горного начальника Писарева, открыть и изучить золото в «дикой» местности по р. Киолиму (находящейся под управлением Писарева). В этой «дикой» местности мы были, и частная К° уже 4–5 лет как не только разведала, но и выбрала золото! Ученики Уральского горного училища (среднее учебное заведение) выгодно в смысле **знаний** и интереса отличаются от казенных горных инженеров! Понятно при этом, что **аренда**, хотя бы и убыточная, по сути для казны с точки зрения фискальной выгоднее. 4) Здесь всюду видно сознание необходимости «разведать» Урал, а между тем теперь за эти бесчисленные годы работы разных инженеров – не оказалось ни музея образцов (безусловно необходимого), ни карт, ни геологических знаний. Всяду недостаток людей образованных и могущих произвести правильную разведку минералогическую и геологическую. Начинают тратиться на это большие средства – но эти траты казны и многих частных заводов будут брошенными деньгами. В Златоусте 5000 руб. тратятся невеждами, и едва ли будет толк, в Миасских приисках К° тратит до 30 000 руб., но, мне кажется, для виду, а фактическая разведка идет хищниками, в Кыштыме не могут найти человека (соблазняли нас), у Демидовых только начинают и, кажется, пойдут правильно, в Кушве, в казенном Гороблагодатском округе разведки (до 10 000 руб.) ведутся без всяких научных знаний и до сих пор, ухлопали деньги, и так всюду, и это там, где можно вести дело так же точно, строго и с таким же верным успехом, как в математических отраслях инженерного искусства! Пока я нашел только **одно** правильно разведанное месторождение – в имении Балашова! Да и то, посетив рядом Успенские месторождения, мы наткнулись на никелевую руду, которую выбрасывали вон, как ненужную глину!! Если бы такие деньги находились в руках правильно поставленного научно образованного человека, они дали бы не то. Я понимаю, почему выбрали в одной из железных К° – Стрижова, а не захотели горного инженера, почему кыштымский управитель не может найти человека и т.д. 5) Наряду с этим полное неустройство коренного населения. До сих пор реформа 1861 г. не окончена на Урале, с этого года начинают выделять земли. Крестьяне не

устроены. Во многих заводах боятся вследствие этого бунтов. На Кыштымских заводах рабочие отказываются в приеме уставных грамот, смотрят на землю как на свою и в год до 700–800 судебных дел (в одном заводе) о незаконном захвате земли – тут, так же как и в платиновых приисках Демидова (где все «начальники» вооружены), доходит до вооруженных столкновений и т.д. Вместе с тем истребление лесов, полное стеснение всякого свободного общественного почина, отсутствие печати... Лишь хорошее экономическое благосостояние населения большинства мест отличает эти места, но, говорят, судя по официальным и земским данным, и здесь быстро идет разорение...

Пока до свидания, моя родная, ненаглядная. Я все мечтаю о свидании с тобою. Гусика⁴ поцелуй. На его письмо ответчу на пароходе же.

Твой Владимир

Как быть с квартирой?

Оп. 7, д. 43, лл. 7–8.

¹ Речь идет о докторской диссертации, см. комментарий № 4 к письму № 434.

² И все им подобное (ит.).

³ В 1941 г. переименован в Карпинск.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 467

21 июня 1896 г., Вернадовка

Вернадовка, 21 июня 1896

Дорогая моя, неоценимая Натуся, боюсь, что мое письмо не успеет к почте, и потому пишу эту записку. Сегодня вечером уезжаю в Моршанск и в воскресенье буду в Москве. Здесь мне все напоминает тебя, мою дорогую, мою горячо любимую, и я чувствую, что мне много дороже становятся эти места вследствие твоего присутствия. Всюду, на каждом шагу, я встречаюсь с напоминанием о тебе, моя родная Наталочка, и, может быть, даже наши «ссоры» здесь способствовали этому. Свел счета. Резюме года неважное: доход с 1 апреля 1895 г. по 1 апреля 1896 г. был всего 5719 руб. 50 коп., а расход на текущие потребности имения – 3666 руб. 11 коп., следовательно, оставалось всего 2053 руб., из них мы уплатили проценты по долгам, податей и т.д. 1236 руб., значит, чистого дохода на нашу долю пришлось бы всего 817 руб., а мы издержали на имение гораздо больше: 500 руб. выплатили долгов и издержали на постройки (рига, баня, картофельный сарай и фундамент нового дома) – 1133 руб., так что мы не только ничего не приложили, но даже внесли (сверх новых долгов имения – Марку и т.д.) – 461 руб. Между тем теперь совершенно немыслимо жить в старом доме Попова и приходится его строить – это почти последняя крупная затрата (около 1000 руб.) на постройки – еще амбар года через 4, и тогда крупные затраты на имение закончатся. И я надеюсь, что через год-два мы с тобой в этом отношении станем на ноги. Даже в такой исключительно скверный год (ввиду цен) мы бы могли, не делая капитальных затрат, получить около 800 руб. По приезде в Москву примусь за диссертацию¹ – не знаю, позволит ли она (а равно искание квартиры, пере-

езд и устройство ее) приехать за границу. А из твоего письма я вижу, что ты предполагаешь, как всегда, пробыть до поздней осени, чуть не до зимы? Конечно, если ты так страшно желаешь операции – я не буду сопротивляться, но взгляд мой на это ты знаешь. Моя уральская поездка только теперь начинает выясняться передо мной, и мне освещается много сторон как общественных, так и научных. Вынес я очень много.

Крепко целую тебя, мою дорогую умненькую дурочку. Гусика² поцелуй.

Твой Владимир

На обороте: Париж, Франция, Madame A. de Holstein, Avec prière de rem. à **M-me N. Vernadsky**, 29 Avenue de Wagram, Paris, France.

Оп. 7, д. 43, л. 9.

---

¹ См. комментарий № 4 к письму № 434.

² Г.В. Вернадский.

№ 468

22 июня 1896 г., Моршанск

Моршанск, 22 июня 1896

Моя дорогая, ненаглядная Натуся, вчера получил я в Вернадовке твое письмо со вложением карточки. Меня беспокоит Гулино¹ здоровье: не очень ли все это сильные средства, как души, так и воздух океана?² Ты не в каждом письме пишешь о его здоровье – пиши в каждом. Пишу тебе на вокзале, в ожидании поезда – поезда так сходятся, что в Рязань приезжаю ночью и потому у Мил.³ не буду, но мне придется приехать еще раз в деревню, и тогда заеду, если они в Рязани. Иначе я должен терять еще один день, а я и так запоздал в Москву на два дня против положенного срока. В Моршанске устроил все дела с банком, мне придется еще раз приехать сюда в конце июля – для предварительного обсуждения в Управе проекта введения всеобщего обучения в Моршанском уезде, который Управа вносит осенью в Земское собрание. Как мне ни неудобно это, а необходимо быть, – так как в Собрании придется проводить этот проект, кроме Управы, – мне и Давыдову, который болен. Я сговорился с Серг. Исид. Поп.⁴ о приезде для предварительного обсуждения и Мити⁵. Не знаю, можно ли ему будет. Все эти общественные дела мне становятся все тяжелее и тяжелее, и я исполняю их как тяжелую повинность. Хочется всего больше уйти в научную работу, в которой я вижу больший смысл, и равно в организации научной работы, т.е. в то, что составляет суть университетской жизни – хотя я вполне и сильно сознаю долг университета быть связанным с общественной жизнью. Все это еще более делает сомнительным мой приезд. А равно грозным призраком поднимается вопрос о квартире, вселяющий мне священный ужас и давящий меня как кошмар⁶. Переговорить с Герценштейном? Во всяком случае, мне необходимо будет перед началом лекций освежиться недели на две, и я тогда проеду в Финляндию и, может быть, Стокгольм.

Дорогой читаю довольно плохую историю скандинавской литературы Горна⁷ – много для меня нового, и меня сильно заинтересовала сознатель-

ная и богатая талантами жизнь Исландии в блестящий период ее федеративной демократии, и я невольно ишу здесь доказательств блага национальных, мелких самоуправляющихся общин – как в жизни Греции, Италии времен Возрождения, Соединенных Штатов и т.д. Что бы дала наша раса при таком устройстве? Как все задавлено, пришиблено, скошено! Читаю перевод «Илиады» Минского – во многом хорош, хотя далеко не вполне удачен, но сама «Илиада» жива, юна и прекрасна⁸.

Крепко, крепко целую тебя, мою радость, мою Натуню. Как сильно люблю я тебя.

Твой Владимир

На обороте: **Кот дю Нор, Франция, Madame N. Vernadsky, Grand Hôtel des Boins Ollivro-Blanchard, Plage de Trestraon en Perros-Guirec (Côtes du Nord), France.**

Оп. 7, д. 43, л. 9а.

¹ Г.В. Вернадский.

² В письме от 16/28 июня 1896 г. из Парижа Н.Е. Вернадская писала: «Владимир Августович (Гольштейн) несколько разочарован в действии душ на Гулю, у которого вскоре после прекращения хины возобновились пароксизмы; третьего дня был легкий пароксизм, а сегодня очень сильный со рвотой и очень повышенной температурой. Я теперь вижу, что необходимо было решиться на поездку за границу, у него слишком упорная и серьезная лихорадка, чтоб тянуть дело» (ф. 518, оп. 3, д. 262, л. 464–464 об.). «Я стараюсь быть бодрой и не поддаваться тоске и опасению за здоровье Гули. Но в общем ничего хорошего нового не вижу, никаких еще результатов от лечения и радикальной перемены климата. Посмотрим, что даст океан» (там же, л. 466).

³ П.Н. Милюков за цикл лекций в Нижнем Новгороде об «общественных движениях в России» в 1894 г. приказом Министерства народного просвещения был исключен из Московского университета с запрещением преподавать где бы то ни было, а Министерство внутренних дел начало следствие и распорядилось выслать его в административном порядке из Москвы в Рязань, где он прожил 2 года.

⁴ Сергей Исидорович Попов.

⁵ Д.И. Шаховской.

⁶ В письме от 16/28 июня 1896 г. из Парижа Н.Е. Вернадская писала: «Необходимо, чтоб ты нанял сухую квартиру. Мне очень неприятно, что эта скучная обязанность опять легла на тебя, но нужно быть благоразумным и отнестись к ней серьезно, иначе и лечение ни к чему не приведет. Лучше всего в маленьком доме во втором этаже» (ф. 518, оп. 3, д. 262, л. 466–466 об.).

⁷ Горн Ф.В. История скандинавской литературы с древнейших времен до наших дней: С приложением этюда Ф. Швейцера. Скандинавское творчество новейшего времени / Пер. К. Бальмонта. М.: Тип. К.Т. Солдатенкова, 1894.

⁸ Гомер. Илиада / Пер. и предисл. Н.М. Минского. М.: Тип. К.Т. Солдатенкова, 1896.

№ 469

23 июня 1896 г., Москва

23 июня 1896, воскресенье, Москва

Дорогая моя Наталочка, сегодня утром приехал сюда – писем от тебя не нашел ни здесь, ни в университете. Ходил на почту, так как думаю, что с письмами какая-нибудь путаница. Петрункевичей нет, а их дворник-татарин ничего не понимает, но почта оказалась закрытой! Пойду узнавать завтра. Завтра примусь за работу и понемногу войду в нее – завтра же начну поиски

квартиры и скоро переезд. Об этом мне не хочется писать тебе. Это такое отвратительное занятие, что я не хочу писать тебе о нем и не хочу, чтобы ты мне писала о квартирах! В одной маленькой записке ты уже начала!¹ Переехать я хочу скорее, так как я тут на бивуаке, а это мне мешает работать. Едва ли в связи с переездом я справлюсь и с диссертацией, и с деньгами для поездки, так как много уйдет денег и времени на переезд и т.д., так что, вероятно, за границу мне ехать не придется. Тут я видел Пав. Иван.², который работает очень хорошо, и сейчас вечером я иду к нему же. Пишу тебе эту записку, так как марок нет. От Мити³ есть письмо, которое перешлю завтра, он пишет и о Стар.⁴, который завален работой. Миклашевский⁵ получил кафедру не в Ярославле, а в Харькове. Он, говорят, здесь. Я много хочу сделать *⟨в⟩* это время, но все зависит от настроения, постараюсь взять себя в руки, хотя обстоятельства для спешной и точной работы малоблагоприятны. Меня беспокоит Гулино здоровье – будет ли ему *⟨полезно⟩* купанье? Действительно ли океан лучше моря? Что говорит Гольштейн о его здоровье?⁶ Что ты думаешь делать на океане? Чем займешься? Напиши обо всем этом подробно.

Крепко тебя целую, дорогую, всегда люблю, и мысль моя часто и часто с тобой.

Твой Владимир

P.S. В Роскове Корсакова, не поможет ли она Вам? Говорила Павлова, Ал. Петр.⁷ вернулся с [дачи], больной.

На обороте: Кот дю Нор, **Франция**, Madame N.Vernadsky, Plage de Trestraon en Perros-Guirec (Côtes du Nord), Grand Hôtel des Boins Ollivro-Blanchard, France.

Оп. 7, д. 43, л. 10.

¹ См. комментарий № 6 к письму № 468.

² Очевидно, П.И. Новгородцев.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ Иван Николаевич.

⁶ См. комментарий № 2 к письму № 468.

⁷ Алексей Петрович Павлов.

№ 470

29 июня 1896 г., Москва

Москва, 29, июнь, 1896

Дорогая моя, родная Натуня, вчера от тебя не было письма, как я ждал. Я понемногу работаю над диссертацией¹. Я изменил план работы, сильно его упростил – так что, если бы не квартира, я бы наверное приехал к тебе. Квартира мне мешает необыкновенно – трудно писать на бивуаке (и у Петрункевичей, а скоро и в университете у Павлова начнутся переделки), когда нет своего угла, а кроме того, она приводит меня в нервное возбуждение, и я почти что теряю возможность работать после 2-часовых поисков квартиры и злой становлюсь. Пока никак не могу с этим справиться – а она лишает меня совсем сил работать. Я решил на неделю оставить поиски, так как чувствую, что иначе я ничего не сделаю. Все же для научной работы требуется некоторое

спокойствие и удобство работы. План своей диссертации я изменил теперь так². Первая работа «О явлениях скольжения в кристаллах» – может быть, я только ее и представлю как диссертацию (общее заглавие: «Физико-кристаллографические исследования») – будет состоять из 5 глав: I. Введение (уже написал). II. Явления скольжения в каменной соли. III. Явления скольжения в известковом шпате. IV. Явления скольжения в некоторых других веществах и сводка известных случаев скольжения. V. Связь плоскостей скольжения с симметрией кристаллов. VI. Заключение. Я упростил работу тем, что исхожу из частного к общему, и не даю раньше общий обзор, поневоле, в таких систематических работах, основанных в значительной степени на чужих данных. Для глав II–IV и отчасти для V вся подготовительная работа большей частью кончена. Глава VI будет очень короткая. Сверх того, я приготовлю к печати и вторую часть «Физико-кристаллографических исследований» – «О поверхностном изменении кристалла в связи с его физическими свойствами». Вчерне эта часть написана – осталась ее переработка, для чего материал большей частью собран. У меня есть еще готовый материал для третьей работы – «Об оптических аномалиях в связи с явлениями скольжения», краткий реферат о которой я напечатал в «Bulletin» Общества, но эту часть я решил отложить до осени, так как здесь есть много новых опытов. Если успею, то напечатая в октябре, а нет – так после защиты диссертации³.

Если бы работать как следует, то в недели три можно все кончить и ехать свободно. Если квартира задержит меня, то я к середине или к началу августа поеду в Павловск и сделаю несколько поездок по Финляндии, может быть, все-таки проеду в Стокгольм и Упсалу. Но это не заменит мне свидания с тобой, моей дорогой Наталочкой, и я сильно огорчен этим, тем более что боюсь, что ты будешь оттягивать, по обыкновению, свой приезд до глубокой осени. Да, вот еще, если ты решишь делать операцию, я предпочитаю, чтобы ты сделала ее в Москве у Галактионова, а не в Париже, вдалеке от меня. Я совсем иначе измучаюсь. Так что на операцию в Париже я решительно не согласен.

Видел здесь Миклашевского⁴, вполне довольного своей кафедрой. Он едет на днях в Харьков устраиваться. Вижу Митю⁵ каждый день, но я устаю от работы, а он от разных денежных хлопот, и разговор у нас не вяжется. Митя сообщил мне, Алекс. Иванович Яроцкий женился на Нине Винберг.. Завтра увижу Федора⁶ – проездом из Нижнего. Здесь все идет своей чередой – медленно и тихо. Говорят о ряде мер против печати (!), которую находят очень «свободной». Вчера «Неделе»⁷ объявлено второе предостережение.

Крепко целую тебя, мою радость – мою глубоколюбимую Наталочку. Гусика⁸ поцелуй. Что говорит Гольштейн о твоих лихорадках? Так на операцию в Париже я решительно не согласен.

Целую тебя и Гагочку.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 43, лл. 11–11а.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 434.

² План диссертации В.И. Вернадский сохранил в таком виде почти полностью. Сравн.: *Вернадский В.И.* Явления скольжения кристаллического вещества // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. ест.-истор. 1897. Вып. 13. С. I–III.

³ Вернадский В.И. О причине некоторых оптических аномалий в кристаллах // Бюлл. Моск. о-ва испыт. природы. 1897. Т. 10, № 4.

⁴ Иван Николаевич.

⁵ Д.И. Шаховской.

⁶ Ф.Ф. Ольденбург.

⁷ Петербургская еженедельная политическая и литературная газета либерального направления выходила с 1868 по 1901 г. Издатель-редактор П.А. Гайдебуров, а с 1893 г. – его сын В.П. Гайдебуров.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 471

[25 июля 1896 г., Москва]¹

Дорогая Натуся!

Послал сегодня письмо Гаге² и забыл написать, что я был у бывшего квартиранта: он жил 3 года и говорит, что квартира, несмотря на 2 печи, теплая и сухая. Камин они топили в большие морозы – ниже 13° не было. В последний год лишь несколько холоднее первых двух – но ниже 13° утром в морозы не было. Съехал – мала квартира. Завтра Самсонов (и я) перевозит вещи. Сегодня послали телеграмму в С.-Петербург от имени попечителя и обещают послезавтра добыть разрешение на получение паспорта. В субботу или воскресенье выеду. Времени мало для Швеции.

Целую крепко.

Твой Владимир

Гуське писал я о лодке. Но на лодке его пускать не надо.

На обороте: **Кот дю Нор, Франция**, Madame N.Vernadsky, Grand Hôtel des Boins Ollivro-Blanchard, Plage de Trestraon en **Perros-Guirec** (Côtes du Nord), France.

Оп. 7, д. 43, л. 1.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

№ 472

26 июля 1896 г., [Москва]¹

Пятница, июль, 26, 1896

Дорогая моя Наталочка!

Сегодня уже вещи перевезены на квартиру – я сижу здесь из-за паспорта. Быстрота наших сообщений следующая: 4 июля я подал просьбу ректору, а из Москвы от попечителя она пошла 19 июля! Надеюсь завтра получить паспорт; сейчас иду в полицию, а затем в университет. Еду в субботу или, самое позднее, в понедельник в Петербург и числа 3–4 августа буду в Берлине, где пробуду несколько дней. Туда – *poste restante* – пиши. Как поеду оттуда – не знаю. Еще не решил, успею ли съездить в Стокгольм, или же вместо поездки туда проеду в Копенгаген, Гамбург и на Гарц. Из Гарца или из Берлина прямо отправлюсь к тебе, моя дорогая Тутя. Или лучше раньше заехать в Париж (дешевле?). Напиши мне об этом скорее, сейчас же в Берлин (мне это надо знать

скорее, так как я думаю взять Rundreisebillett². Это гораздо дешевле – если только будет возможно.

Целую крепко тебя, мою радость. Гусика³ поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 43, л. 12.

---

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания.

² Билет круговой поездки (нем.).

³ Г.В. Вернадский.

№ 473

30 июля 1896 г., Павловск

Павловск, 30 июля 1896

Дорогая моя Натуня, моя радость! Послезавтра уезжаю в Берлин, где надеюсь получить от тебя письма. Сюда еще не дошло твое письмо, которое я просил тебя направить сюда. Маму¹ застал я постаревшей, похудевшей – все такой же. С ней я разговаривал... и играл в карты! Так проживу эти дни. Сегодня был несколько часов в Павловском парке, вспоминал старые места, которые мне близки по детским и юношеским воспоминаниям. Сколько здесь я перечувствовал и передумал. Я еще помню целый ряд мыслей, которые дали мне первые углубления в естественные науки, так как первые более сознательные чтения в этом отношении и были у меня в Павловском парке. Обыкновенно с книгой я удалялся далеко в глухие места, и здесь космос Гумбольдта, космология Путяты, астрономические статьи Лапласа, Проктора и других дали мне необычайно много. И до сих пор многое перечувствованное как-то без слов и без образов полусознательно чувствуется – вспоминается общее настроение. Здесь я прошел по аллеям, по которым часами гуляли с Дьяконовым, моим другом еще по гимназии, умершим на втором или третьем году университета. Молчаливый обыкновенно Дьяконов был близок лишь со мной; необычайно некрасивый, монгольского типа, выносливый и коренастый – он отличался необычной в русской молодежи того времени художественной чуткостью и любовью к прекрасному, огромной начитанностью и довольно смелым умом. Мы с ним проводили иногда часы в прогулках по пустынным местам Павловского парка. Позже, уже на втором курсе, я его видел реже – здесь же. Он перенес сильное нравственное потрясение, оставшееся во многом для меня неясным – полюбил какую-то женщину или девушку, его наружность сыграла здесь с ним жестокую шутку, и он умер, как-то сгорел, перейдя через сильное нервное расстройство. Опять без ясных образов, но с сильным бессловным чувством прежнего настроения вспомнилась мне милая, всеми забытая фигура старого друга, которого наружный и внутренний облик так сильно противоречили друг другу...

Моя дорогая Натуня, я так сильно хочу к тебе и так страстно люблю тебя, мою единственную, бесценную.

Твой Владимир

Гусика² поцелуй.

На обороте: **Кот дю Нор, Франция**, Madame N.Vernadsky, Grand Hôtel des Boins Ollivro-Blanchard, Plage de Trestraon en Perros-Guirec (Côtes du Nord), **France**.

Оп. 7, д. 43, л. 13.

---

¹ А.П. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

№ 474

2/14 августа 1896 г., Берлин

Берлин, 2/14 авг. 1896

Дорогая моя Натуся, доехал сюда сегодня хорошо, но здесь ни в одной гостинице не мог достать комнаты – все переполнено, и кое-где лишь есть комнаты в 7, 12 и т.д. марок. Все по случаю выставки. Так что здесь я пробуду минимум. Нанял комнату за 4 марки в частной квартире какой-то г-жи Клингмюллер на Mittelstrasse. Пробуду недолго. Завтра поищу Аргут.¹ – может быть, устроюсь иначе. Отсюда я отправлюсь в Стассфурт и на Гарц и затем уже в Париж. Напиши мне сюда еще один раз (так как, может быть, пробуду) и одновременно карточку poste restante в Ганновер. Я не знаю, заезжать ли мне в Париж после или раньше поездки к тебе. Это реши, моя родная. В Париже у Гольштейнов остановиться неудобно, но какая гостиница? Пока мой маршрут следующий: Берлин – думал раньше около 5 дней – Стассфурт через Магдебург (где ночую) – из Стассфурта в Ганновер; из Ганновера делаю Rundreise² по Гарцу и возвращаюсь в Ганновер. Из Ганновера через Ахен и, может быть, Геттинген в Париж или к тебе и оттуда через Лейпциг и Дрезден и, может быть, Фрейберг назад в Москву.

Крепко целую тебя, мою драгоценную, неоценимую.

Твой Владимир

Гагочку³ поцелуй.

На обороте: Madame N.Vernadsky, Grand Hôtel des Boins Ollivro-Blanchard (Côtes du Nord), Plage de Trestraon en Perros-Guirec, France.

Оп. 7, д. 43, л. 14.

---

¹ Очевидно, Петр Михайлович Аргутинский-Долгоруков, который в это время был в Берлине.

² Круговая поездка (нем.).

³ Г.В. Вернадский.

№ 475

[2 сентября 1896 г., Москва]¹

Дорогая моя Натуся, только что приехал в Москву. Еще все не устроено, да еще Самсонова сегодня не нашел. Завтра хотя бы несколько разберусь. Всю дорогу от Варшавы ехал с Виноградовым², с которым много говорили об университете, религии, истории, семье и личной нравственности. Он очень много и интересно рассказывал про Данию и Норвегию. Много говорили интимно, и он в такой беседе совсем иной.

Крепко целую тебя и **жду**, мою ненаглядную, Гусю³ поцелуй.

Твой Владимир

На обороте: **Пар Франция**, Кот дю Нор, Перрос-Гипек. Madame N. Vernadsky, Hôtel des Boins Ollivro-(Blanchard), Plage de Trestraon Perros-Guirec, France.

Оп. 7, д. 43, л. 3.

---

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Возможно, профессор, историк-медиевист Московского университета П.Г. Виноградов.

³ Г.В. Вернадский.

№ 476

[27 сентября 1896 г., Москва]¹

Дорогая моя Наталочка!

У нас все благополучно. Пишу тебе два слова, так как надеюсь, что скоро вернешься. Гуля² хотел тебе писать сегодня. Он ведет себя хорошо. Все это время я занят главным образом окончанием всяких вычислений и т.п. для работы³, которую хочу печатать. Работаю так себе. Вчера вечером был у меня Фокш и просидел весь вечер. Как здоровье Егора Павловича?⁴

Целую тебя крепко. Поцелуй наших.

Твой Владимир

Ни от Ивана⁵, ни из железной дороги известий нет.

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, кв. **Старицких**.

Оп. 7, д. 43, л. 15.

---

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁴ Старицкий.

⁵ И.М. Гревс.

№ 477

30 сентября 1896 г., [Москва]¹

30 сент. 96

Дорогая моя, ненаглядная Наталочка!

Пишу несколько слов, так как сейчас еду в таможеню за твоими вещами. Глупенькая Наталочка, ты перепутала все: не сказала, как отправить – на предъявителя и т.д., и не дала своей фамилии (т.е. не сама написала) – они отправили г-же Вернадской и т.д., адрес также неверен. Так как я знаком в таможене с чиновником, то надеюсь, что мне выдадут. Но ты не оставила и всех ключей!! За твои вещи придется заплатить около 15–20 руб., что ставит меня теперь в весьма затруднительное положение. От тебя не было письма вчера – я так ждал. У нас все это время были то Маша², то Федор³ и Митя⁴, так что

все время в доме был кавардак. Работаю так себе. Гулю⁵ почти не вижу, так как ухожу утром, а возвращаюсь к обеду, в 7-м часу, а в 8 часов Гуля ложится спать... Он большую часть времени у Герценштейнов, я думаю зайти к ним сегодня.

Целую тебя крепко, мою рыбочку, мою дорогую Натусю. Поцелуй всех наших и Егора Павловича⁶. Отчего ты не написала о его здоровье вчера? Из Моршанска ничего еще нет.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбою передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 43, л. 16.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Очевидно, М.С. Гревс.

³ Ф.Ф. Ольденбург.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Старицкий.

№ 478

3 октября 1896 г., [Москва]¹

3 окт. 96

Дорогая Наталочка!

Пишу два слова. Гуля², оказывается, написал тебе о моем нездоровье, и я пишу, чтобы ты не беспокоилась. Он мне, впрочем, заявил, что он «конечно» написал так, что ты не можешь беспокоиться. Мне уже давно все не по себе – с желудком и головными болями, а вчера на ночь началось страшное расстройство желудка – пришлось раз 40 бегать в день, большая слабость и сильная головная боль. Вчера я целый день пролежал, а сегодня чувствую себя лучше и уже работаю с грехом пополам в университете, откуда и пишу тебе. Вчера целый день не ел, а сегодня на строгой диете. Очень это неприятно, так как на днях надо ехать в Моршанск³, где почти невозможно устроить сносный режим. Уезжаю я 5-го, в субботу, а если ты в это время приезжаешь, то могу в крайнем случае уехать в воскресенье и даже с огромным трудом (чего бы не хотел) в понедельник. От тебя жду со дня на день телеграммы. Гулю можно оставить на Ал. Алекс.⁴

Крепко целую тебя, мою дорогую, драгоценную, любимую Наталочку. Так неприятно, когда тебя нет.

Я все-таки весь разбит, точно после тяжелой болезни.

Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 43, л. 17.

---

¹ Письмо написано в Москве, так как в нем В.И. Вернадский пишет о занятиях в университете.

² Г.В. Вернадский.

³ В Моршанске проходило очередное Уездное земское собрание.

⁴ Александра Александровна Глаголева.

5 октября 1896 г., [Москва]¹

Октябрь, 5, 1896

Дорогая моя, ненаглядная Наталочка!

Очень я огорчен, что ты огорчена моим малым писанием, но я все жду тебя, мне не хочется писать при таком неопределенном положении, и затем те общие сведения, какие я мог бы писать тебе, – тебе писал Гуля². Наконец, все это время мне не по себе, и я не хотел огорчать и тревожить этим тебя. Ни о какой «холодности» не может быть и речи, моя глупенькая деточка. Даже стыдно – очень – тебе это думать. Разве не знаешь ты, как сильно и горячо люблю я тебя, мою единственную. Но нельзя же судить человека по схеме, и что же мне делать, если я не подхожу к построенной тобою схеме любящего человека, а приближаюсь к схеме холодно-любящего? Завтра я уезжаю – признаюсь, не вполне спокойный за Гулю: Ал. Алекс.³ очень мила и хороший человек, но абсолютно лишена всякой инициативы и понимания многих житейских условий, а твоя Гавриловна⁴ совсем не внушает мне доверия. Очень жаль, что к этому времени ты не можешь приехать, моя рыбка драгоценная. Я вернусь около 11 числа октября, так что придется мне их надолго оставить одних. Пиши мне в Моршанск, Уездная земская управа – гласному В.И. Вернадскому⁵. Не будь злой и не казни меня отсутствием твоих писем. Чувствую себя неважно. Вот уже 6-й или 7-й день почти непрерывная головная боль.

Целую всех.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 43, л. 2.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

³ Глаголева.

⁴ Прислуга в доме Вернадских.

⁵ См. комментарий № 3 к письму № 478.

10 декабря 1896 г., Москва

Москва, 10 дек. 1896

Дорогая моя Наталочка! От тебя мы еще не имеем известий, кроме телеграммы. Думал было написать тебе сегодня утром, вчера вечером – да все то то, то другое задерживало, совсем я отвык писать. А между тем от тебя жду письма с нетерпением. Все это время много работы в Кабинете, но как-то работаешь лениво и неаккуратно. Больше всего смущает меня неаккуратность моя в работе и в жизни, но взять себя в руки в этом отношении, заставить все делать как следует как-то нет сил и умения и главным образом настоящей охоты. На каждом шагу масса не сделанного, нужного – всякой переписки,

свиданий, исполнение всяких мелких и крупных обещаний, и все это накапливается – стараешься обо всем этом не думать.

Письмо мое прервалось. Заходил из С.-Петербурга Чарнолуцкий¹ с письмом Сергея². Производит очень хорошее и живое впечатление. Все-таки это бодрые, преданные делу люди, и они, я убежден, много могут сделать³. Теперь он в Москве в поисках за деньгами – им надо около 15 000 руб. для окончательного приведения к концу начатого С.-Петербургским комитетом грамотности изложения состояния народного образования в России к январю 1895 (г.). Материал собран удивительный и для частной инициативы совершенно невиданный. Довольно сказать, что ответы они получили более чем из 40 000 школ! Делу этому сильно вредило закрытие С.-Петербургского комитета грамотности, но теперь оно идет. Отрывочный разговор с ним произвел на меня хорошее впечатление, как-то сразу почувствовалось, что в нем живет живая, спокойная вера в свое дело и он неуклонно ее проводит. А наряду с этим мелкие делишки Московского комитета грамотности. По отношению к Петербургскому я чувствую себя виноватым, так как не понял его общественного значения и, между прочим, не поддержал начинания их в Моршанском земстве, когда мог. Их деятельность раскрылась мне позже⁴. Все это время не видел Митю⁵ – хотел зайти сегодня, но задержал Чарнолуцкий. От Анны Николаевны⁶ знаю, что собравшаяся у него «оппозиция» считает, что надо протестовать «словесно», тащила его – Митю – в Совет нового общества и убедила его баллотироваться в члены ревизионной комиссии⁷, и я боюсь, что Митя куда-то полезет со всеми этими Ив. Ник. Сах.⁸, Люб.⁹ и tutti quanti¹⁰, которыми он так любит себя окружить. Неужели русская жизнь не даст других людей, или нет у нее настоящей, живой, смелой общественной мысли, которая бы сгруппировала настоящих людей, а не обезличенных, московских пискарей. Как-то не хочется и говорить, и думать обо всем этом. Сегодня бедные «Русские ведомости» написали статью о студенческих беспорядках. Вот уже истинно кошка с мышкой – но что они написали! Это совсем из Щедрина. Ты ведь слышала, что вышел циркуляр, приглашавший редакции высказаться по поводу правительственного объявления. Но как же им высказаться, когда все основное заключается в критике самого следствия, в сомнении в данных, какие объявлены, и в указании на необходимость настоящего правильного суда, а не тех административных решений, о которых объявлено. Между прочим, все о ректоре, несомненно, ложь. Не знаю, случайно или в связи с этим – его обязанности теперь, говорят, исполняет Зверев – может быть, эти дни?¹¹ Может быть, это все и неверно, но факт такой объявленной лжи должен подорвать и без того небольшой авторитет Некрасова. Это время я много возился с корректурами. Кроме корректуры диссертации¹², корректировал еще лекции. Я решил издать в этом году лекции (по) минералогии¹³ и не издавать кристаллооптику и электрические свойства кристаллов. Хотя это будет и трудно, но только так можно будет настоящим образом поставить работу преподавания. Готовлюсь кое-как к диссертации Глинки и много для этого читаю – читаю широко, т.е. стараюсь охватить вопрос не узко прикладным образом. Это время поэтому трачу на чтение основных вещей по петрографии и многих работ по силикатам, которые забросил было с диссертацией. Наладилась в этом году работа специалистов в лаборатории, и все это опять заставило меня

уйти в химию. Масса мыслей, и многое становится ясным. Еще бы 3–4 года такой работы...

Надо кончить, и иду бросить письмо.

Крепко целую тебя, мою нежную, дорогую рыбку, мою Наталочку. Поцелуй всех наших.

Гуля¹⁴ ведет себя прекрасно.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 43, лл. 18–19.

¹ 27 апреля 1893 г. Владимир Иванович Чарнолуский был избран одним из секретарей С.-Петербургского комитета грамотности.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду последний состав Совета С.-Петербургского комитета грамотности, который был избран в апреле 1893 г.: В.Ю. Скалон – председатель, А.М. Тютрюмов и Г.А. Фальборк – товарищи председателя, Э.Э. Анерт, М.А. Лозинский, Д.Д. Протопопов и В.И. Чарнолуский – секретари. Под руководством данного Совета начался самый плодотворный период деятельности С.-Петербургского комитета грамотности. К 1 января 1894 г. было 644 члена, к 1 января 1896 г. – 1025. Увеличились также денежные обороты. Общий баланс Комитета в 1893 г. 33 809 руб. 38 коп., в 1895 г. – 65 462 руб. 39³/₄ коп. Комитет закупил книги для 110 читален и выпустил в свет 721 600 экз. новых изданий. К 1896 г. было подготовлено к печати 241 литературное произведение (см.: С.-Петербургский Комитет грамотности (1861–1911). СПб.: Слово, 1911. С. 28–30).

⁴ Речь идет об организации сводной работы по народному образованию, предпринятой С.-Петербургским комитетом грамотности, а после его закрытия – Статистической комиссией Вольного экономического общества (подробно об этой работе см.: Отчет о положении исследования народного образования в России, производимого Имп. Вольным экономическим обществом в связи с общим положением школьной статистики в России. Читан Г.А. Фальборком и В.И. Чарнолуским в общем собрании Вольного экономического общества 17 апреля и в Статистическом отделении Московского юридического общества 22 апреля 1898 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1898).

⁵ Д.И. Шаховской.

⁶ Шаховская.

⁷ Очевидно, речь идет о новом Комитете грамотности, который был создан при Министерстве народного просвещения и от которого отказались почти все члены бывшего Московского комитета грамотности.

⁸ Иван Николаевич Сахаров.

⁹ Очевидно, Любенков. См. комментарий № 8 к письму № 385.

¹⁰ И все им подобные (ит.).

¹¹ В письме от 13 декабря 1896 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Некрасов ездил в Петербург и этим объясняется его замещение Зверевым» (ф. 518, оп. 3, д. 262, л. 132).

¹² См. комментарий № 4 к письму № 434.

¹³ *Вернадский В.И.* Лекции по минералогии, читанные студентам-медикам в 1897–1898 гг. М.: Изд. студ. Моск.ун-та, 1898; или: Лекции по минералогии. М.: О-во распр. полез. книг, 1898.

¹⁴ Г.В. Вернадский.

№ 481

16 декабря 1896 г., [Москва]¹

16 декабря 96

Дорогая моя, драгоценная Наталочка!

Пишу несколько слов, чтобы ты не волновалась, не получая долго писем. Сегодня диспут Глинки, и я едва-едва подготовился. Работалось плохо и не писалось. Теперь буду тебе писать аккуратно, так как мне часто хочется

писать тебе, моей драгоценной, горячо любимой Наталочке. Гулю² вчера от-правил, он очень хотел ехать, но я не совсем спокоен, так как Ал. Ал.³ в та-ких житейских делах весьма нераспорядительна, и не знаю, вышлет ли Аня⁴ лошадей. Телеграмму послал я ей в субботу утром, а приедет Гага сегодня, в понедельник днем.

Целую тебя, мою родную. Пиши. Сегодня пишу. Поцелуй наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, Институтская, д. Янович, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Полтава.

Оп. 7, д. 43, л. 20.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

³ Глаголева.

⁴ А.Е. Любошинская.

№ 482

16 декабря 1896 г., Москва

Москва, 16.XII 1896

Дорогая моя, родная Наталочка, я так огорчен, потому что чувствую, что огорчил тебя своим неаккуратным писанием. А между тем мне так часто хо-телось писать тебе, и я так жду каждую твою строчку, моя нежно любимая Нагуся.

Сегодня пишу тебе вечером, перед тем как лечь. Гага¹ уехал, и я теперь совсем один в доме. Как-то странно и неуютно. Чай пил у Петрункевичей, куда прошел для прогулки, но у нас теперь тепло, 2–3° мороза, и всюду в квартире жарко. Сперва отвечу тебе на вопросы. Гревсов известит Павел Ива-нович², который теперь, завтра, туда едет, проездом в Дерпт. Он попросит его передать Ел. Конст.³ Мне хочется уехать в СПб. числа 26–27, и я не знаю, приедешь ли ты к этому времени и как вообще мне располагать временем в этом смысле. Ты пишешь о высылке вида для переписи – но ведь перепись в январе? Извести об этом немедленно.

С диссертацией несколько застрял⁴, так как пришлось работать для дис-пута Глинки, который сегодня сошел. В сущности говоря, и для этого диспута я работал мало, но как-то не работается в это время другим делом. Теперь сильно нагоню. Сегодня подпишу для окончательного печатания 4-й лист⁵. Может быть, до праздников напечатаю половину. Я видел Митю⁶ недавно у Петрункевичей. Он теперь уехал по делам в Ярославль. Так до сих пор он не приступал к своей работе. А уже прошло полгода нашего русского рабочего сезона... Он сам, кажется, не рад, что пошел в ревизионную комиссию, пы-тается как-то это объяснить, но говорит, что надо было выйти из заседания⁷. Все это как-то плохо. Сах.⁸ забаллотирован и мечет гром и молнии⁹. Ив. Ил.¹⁰ и некоторые другие, может быть, предъявят иск о нарушении своих прав в суде. На заседании¹¹ учинил скандал Кизеветтер¹², который требовал пропус-ка и явился без повестки, и Гольцев¹³ сыграл роль квартального надзирателя. Гольцев, говорят, держит себя совсем плохо и еще хуже, чем прежде...

Здесь в последнее время идут довольно смутные слухи. Говорят о пошатнувшемся положении Витте, и в то же время теперь какие-то неопределенные толки о возможности усложнений – чуть не войны – с Турцией. Все это очень неясно, но начинает тревожить здешнее общество. Говорят, в Варшаве была паника на бирже и т.д., а здесь все это передается в самом раздутом виде (вроде слухов о занятии Константинополя нашими войсками с согласия Европы и т.д.). Трудно сказать, насколько это все верно, но я боюсь, что без осложнений в ближайшем будущем не обойдется...

У нас в университете все по-прежнему. Нескольким профессорам (Зелинскому и другим), не читавшим во время беспорядков, объявлен выговор, чуть ли не высочайший, так как Некрасов объяснял всю историю царю.

Много я думал это время в связи с диссертацией Глинки. И опять у меня пробудился интерес к давно нетронутым – с Парижа и первых лет здешней жизни – работам над силикатами. Невольно теперь как-то больше задумываешься над некоторыми более общими вопросами, и иногда кажется, что старая чья-то теория о наступающей поре синтеза в расцвет полного мужества (или наступающей старости?) имеет свой *raison d'être*¹⁴. Но я оставлю в стороне эти вопросы, так как мне все-таки не будет удовлетворением вся такая работа.

Все сильнее (и давно у меня этого не было) меня начинает охватывать раздумье об известной большей целесообразности жизни. До сих пор я как-то жил, больше приспособляясь к окружающим течениям, и не являлся ясным и определенным **борцом** как в научной, так и в общественной жизни. Как-то жизнь казалась так разнообразной и, в сущности говоря, так мало интересовала по сравнению с известной мелочной умственной деятельностью, что я только подчинялся ей, **выбирая**, а не **создавая** себе дорогу. Не могу сказать, чтобы я теперь с охотой вступил на новый путь, но я думаю, что хочешь не хочешь – а так или иначе это придется. Придется прекратить – невольно – известное дилетантское отношение к жизни и к науке и начать созидательную и воинственную деятельность. Надо лишь для этого почувствовать себя на своих ногах, так как мне противна всякая мысль о чужой одежде.

Вечера два было таких, что не работалось. Такие нервны вечера бывают у меня, кажется мне, во время идущего во мне бессознательного процесса мысли, результат только такой работы становится мне ясным. И у меня как-то теперь чрезвычайно ясна стала мысль в ряде научных вопросов. В это время я просмотрел (если хорошо кончались) глупейшие романы – бесталаннейшие в «Русской мысли»¹⁵, а затем с увлечением читал и читаю «Историю Греции» Белоха¹⁶. Целую тебя крепко, мою дорогую Натусю. Пиши мне, моя деточка. Наших целую.

Твой Владимир

Посылаю телеграмму Гаги. Где лежит твой вид – ведь я выдал тебе раньше. А теперь надо платить 1 руб. 60 коп. вновь. На Московских коллективных уроках запрещено читать Мануйлову и Иванову.

Оп. 7, д. 43, лл. 21–22.

¹ Г.В. Вернадский.

² Новгородцев.

³ Возможно, Елена Константиновна Старынкевич.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁵ В письме от 13 декабря 1896 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Очень тебе благодарна, что так подробно обо всем пишешь, только ты не сказал мне, который лист диссертации ты корректировал и сколько страниц текста сдал в типографию?» (ф. 518, оп. 3, д. 262, л. 131).

⁶ Д.И. Шаховской.

⁷ В письме от 18 декабря 1896 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Как обидно, что Митя дал себя уговорить баллотироваться в члены ревизионной комиссии. В сущности, у него, верно, мало веры в людей, что он окружает себя такими неинтересными сотрудниками. Я не верю, что в России не было более живых, отзывчивых, более сильных по мысли людей, чем Сахаров, Любенков? Есть эти люди, а Митино бессилие и слабость, его грусть и апатия происходят от того, что он их не находит, может быть, не верит в их существование» (ф. 518, оп. 3, д. 262, лл. 131 об. – 132). И позднее, в письме от 19 декабря, Наталия Егоровна писала: «Очень меня огорчает, что Митя впутался в новое общество грамотности и в ту серую, мещанскую компанию, которою он любит окружать себя. Бедный Дмитрий Иванович! Ему просто не повезло в жизни, во всем неудача, и, верно, потому в нем вырастает ужасный упадок сил. Его нужно поддерживать, не только лично нежностью и братским отношением, но быть товарищем в его деятельности, у него нет товарищей, всюду самое безотрадное одиночество» (ф. 518, оп. 3, д. 262, лл. 149 об. – 150).

⁸ И.Н. Сахаров.

⁹ Возможно, речь идет о выборах во вновь созданном при Министерстве народного просвещения Комитете грамотности вместо упраздненного Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства, в котором И.Н. Сахаров с 24 ноября 1893 г. был секретарем.

¹⁰ Очевидно, И.И. Петрункевич.

¹¹ Возможно, речь идет о заседании вновь созданного Комитета грамотности при Министерстве народного просвещения.

¹² Александр Александрович Кизеветтер – член Московского комитета грамотности с 27 апреля 1894 г.

¹³ Виктор Александрович Гольцев – член Совета Московского комитета грамотности с 30 ноября 1894 г.

¹⁴ Смысл (фр.).

¹⁵ В «Русской мысли» в 1896 г. печатались романы: И.Н. Потапенко «Подвальный этаж», Н. Анненкова-Бернард «Кара», П. Эрвье «Арматура» и др.

¹⁶ *Beloch C. Griechische Geschichte. В., 1893–1904. Bd. 1–4.*

№ 483

17 декабря 1896 г., Москва

17 декабря 1896, Москва

Дорогая моя Натуся, от тебя сегодня нет письма – должно быть, ты не пишешь мне, не получив моего. Глупенькая моя Натуська, до сих пор все еще сидишь со своим книжным или условным, извне захваченным представлением о взаимных людских отношениях. А между тем они так индивидуальны, и кому интересна личная психология, тому так много забавы в раздумывании над индивидуальностью и в подмечании ее особенных черт. Меня всегда удивляло неуклонно сохраняющееся у тебя какое-то не то недоверчивое, не то удивленное отношение к мелочам житейским – точно наша любовь действительно подошла к рамкам тех психологических или не знаю каких случаев, к которым ты их мысленно отнесла. Туська страшно заботится о своем гоноре в целом ряде мелочей, тебя иногда больно, до глубины, огорчают такие слова, выражения или впечатления, которые могут огорчать лишь человека вечно настороже, как будто ты сомневаешься в том чувстве глубокой любви, которая нас так давно связывает. Моя глупенькая, глупенькая Наталочка.

И если я тебе не писал аккуратно первые дни твоего отъезда – мало ли какие бывают настроения, а я думаю, нет ничего вреднее и опаснее – не с точки зрения внешней прочности брака, а с точки зрения его счастья – как установление **привычки**, в чем бы она не заключалась...¹

Работается неважно. Меня больше всего гнетет масса неисполненного, обещанного дела, и, оглядываясь на него, как-то хочется его бравировать. И вот вместо настоящего дела делаешь что-нибудь более легкое, приятное или неизбежное. Сегодня целый день почти провел в разборке минералов для окончательной раскладки нашей уральской коллекции, привезенной этим летом: что для дальнейшего расследования, что прямо в коллекцию, а что в особые специальные коллекции. Замучил Анатолия Орестовича², который на днях уезжает, а теперь худой, бледный, мрачный. Я приставал к нему, думая, что он болен. А он, оказывается, страдает здесь душой и из-за всех московских историй, и из-за каких-то передрыг на личной почве (честолюбие, самолюбие и т.д.), идущих в школе Вагиной. Утром был Глинка, он диспутом доволен, по-видимому, но, кажется, ему очень досталось – по крайней мере посторонняя публика, студенты говорили, что мы напрасно его пропустили, что слишком слабая его работа и т.д. В своих возражениях я старался касаться только главного и старательно не касался мелочей, которые могли бы поставить его в смешное или глупое положение (а у него их было много), но впечатление он от диспута, кажется, оставил плохое. Может быть, я напечатала вывод из его работы, который он не сделал, так как его не заметил, но который мне, кажется, удалось ясно вывести.

Больше всего следовало бы взять в руки свою работу и меньше дилетантства в ней! А между тем в таком выяснении всех вопросов лишь самому себе, в постоянной, все глубже идущей ориентировке в избранной области, не отвлекаясь научной уличной жизнью, если можно так сказать, есть своего рода прелесть. И если бы здесь не было вредных черт, связанных с несоразмерностью ума единичного человека и окружающего его, – все было великолепно – напротив – но я думаю, что легко потеряться в частности или завлечься тонкостями. Нечто вроде того, что переживается теперь, кажется мне, всей современной литературой и искусством – с их смесью условности, эрудиции и какой-то дряблости, так как личность подавляется организовавшейся машиной – наукой, искусством или чем бы то ни было. Размышляя о появлении совершенно внезапном и сразу целого ряда талантов в эпохи создания и сравнивая замирание талантов в эпохи последующие, я не знаю, на чем остановиться – на неизвестных ли нам законах психологии гениев или же на гибели индивидуальности от готовых рамок. Посмотри, какие все современники: маленький пример – Тургенев, Толстой, Достоевский и т.д. Рафаэль, Микельанджело и т.д., Моцарт, Бетховен и т.д., и т.д., всюду, в самых мелочах. Особенно сильно в истории науки. И может быть, та дисциплина, та **школа** научная, создать которую стремишься теперь, вредна для дальнейшего развития...

Ну, да – побачим.

Крепко целую тебя, мою родную, горячо любимую Натусю. Поцелуй наших. Пиши.

Твой Владимир

¹ В письме от 21 декабря 1896 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Если я верю кому-нибудь безусловно, вполне, то это тебе. Но ты как будто не понимаешь, что письма пишутся по вдохновению, что их нельзя писать по заказу в известные дни, если они не получают отклика. Я это не говорю об нашей нынешней переписке. Я, напротив, довольна и удовлетворена вполне твоими письмами. Я возражаю лишь на высказанный тобой взгляд. Отчего ты все обьясняешь во мне горором, а не хочешь допустить, что у меня, так же как у тебя, мало ли какие бывают «настроения», как ты пишешь. Я ведь вообще не умею тебе писать писем, особенно когда нахожусь при таких условиях, как теперь: серая однообразная жизнь, с малым чтением, не возбуждающая мысли [...] Ты там весь живешь отвлеченной мыслью, такими тебе кажутся скучными томительные чувства, настроения, что я не умею с тобой делиться ими. Они ведь очень неуловимы и могут быть высказываемы лишь при интересе к ним, при сильном отклике» (ф. 518, оп. 3, д. 262, лл. 124–125 об.).

² Шкляревский; см. комментарий № 6 к письму № 457.

№ 484

20 декабря 1896 г., Москва

Москва, 20.XII 1896

Моя дорогая Наталочка, моя родная, так всегда, всегда мне дороги твои письма, и так я их жду. Они переносят меня ближе к тебе, к твоему дорогому мне настрою, мягкому, нежному, любящему. И вместе с тем всегда тебя не оставляет общее.

Эти дни я писал опять неаккуратно. Как-то день проходил, и многое хотелось тебе передать, моя любимая, но какие-нибудь совершенно неважные житейские мелочи не давали писать так, как хотелось бы тебе написать.

Теперь здесь Александра Алекс.¹ С ней я говорил немного – то ее, то меня нет дома. Она осталась все та же, но, знаешь, мне иногда кажется, что то, что в ней было красиво – широкое стремление (временами) и Идее – исчезнет и заменится только одной внешней, хотя бы и важной стороной этого стремления – практическим делом. Но в ней – и в муже ее², по-видимому, много неустановившегося, и я думаю, все это разрешится в хорошем смысле. Она приехала неудачно – тебя нет, нет Дмитрия Ивановича³, и ей придется, может быть, уехать, не повидав его – *sic transit*⁴... Не знаю – не признак ли чего-то более широкого, смелого, свободного ее любовь к мужу, чем вериги Дмитрия Ивановича, которые он понес не как сильный, разумный человек, а как бедный умом, но сильный сердцем юродивый. И юродивый иногда поступает правильнее и, в конце концов, лучше для других, но это такой глупый случай. А Дмитрий Иванович все же пожертвовал собою затхлому русскому мещанству и его отвратительным сереньким добродетелям.

Вчера было собрание по Комитету грамотности у Ивана Ильича⁵; на котором я не был. Оно было устроено по инициативе Марии Ивановны В.⁶ Оно было интересное, и решили устроить еще раз консультацию юридическую и подать гражданский иск в суд на Совет Комитета. Мне только одно жаль, что в числе Совета – подсудимых в общественном смысле – будет и Дмитрий Иванович... Хотя он и подавал отдельные мнения, но его неудачная политика компромиссов, может быть, поставила его в ложное положение. Я не был там потому, что, наконец, вчера попал в концерт – в квартетное собрание, куда

взял билет, а раньше был в заседании Общества естествоиспытателей, где Павлов делал весьма любопытный доклад⁷. Вернулся поздно и нашел приглашение Ивана Ильича. Но я бы вообще ничего не имел против того, чтобы вообще не принимать никакого участия в Комитете грамотности. Мне прямо противно с ними считаться и добиваться своих прав в учреждении, которое я не уважаю.

Видел вчера я одного из наших тамбовских гласных – собрание было, по-видимому, очень живое и кончилось полной победой либеральной группы.

Провели участие Губернского земства в народном образовании, и бюджет на народное образование увеличился почти на 60 000 руб. в год – для нашего уезда это около 5000–6000, причем принципиально решили не тратить деньги на церковно-приходские или подведомственные духовному ведомству школы. Может быть, мне придется поехать на экстренное собрание (в январе или феврале), так как один из вопросов, который я считаю важным и хочу провести, отложен. Это вопрос о более правильной постановке призрения подкидышей, которые – бедные детишки – теперь вымирают.

Эти дни с помощью Мороховца и Самойлова я учусь фотографии и начинаю ею все более и более интересоваться. Фотографии моих препаратов для диссертации удаются прекрасно, и я начал устраивать фотографические приспособления у себя в Кабинете. Вещь эта очень интересная, и я давно уже собирался начать этим заниматься.

Работа моя идет хорошо – в смысле всякого выяснения вопросов и работ специалистов, но в последнее время мало приходилось работать лабораторным путем, если не считать фотографии. Между тем я как-то привык не считать работой ни книжную работу, хотя бы стоящую большого труда, ни писание, поэтому у меня в такие дни и недели несколько неудовлетворенное чувство. Но я очень доволен работой специалистов: открылся новый минерал (Самойловым), есть ряд новых результатов и у других работающих, и я чувствую, что наш Кабинет начинает становиться на настоящую научную дорогу. И в этом чувстве я нахожу некоторое удовлетворение. В будущем году у меня будет работать Попов, работа которого обещает быть интересной, и он останется еще для этого в Москве.

Сегодня получил, 20 декабря, – всего 948 руб. (из них надо будет выплатить 400 руб. – останется 548 руб., и я верну 50 руб. Ивану Ильичу).

Крепко целую тебя, мою неоцененную деточку.

Обещают в типографии напечатать еще 2–3 листа⁸ до праздников. Поцелуй наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 43, дл. 25–26.

¹ Очевидно, А.А. Штевен (в замужестве Ершова) – член Московского комитета грамотности с 22 декабря 1893 г.

² Михаил Дмитриевич Ершов – член Московского комитета грамотности с 3 декабря 1891 г.

³ Шаховской.

⁴ Этим все и кончилось (лат.).

⁵ Петрункевич.

⁶ Очевидно, Мария Ивановна Водовозова – член Московского комитета грамотности с 22 февраля 1895 г.

⁷ А.П. Павлов в Обществе испытателей природы сделал сообщение о новом выходе каменноугольного известняка в Саратовской губ. и о дислокациях правого побережья Волги (см.: Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1896 г. М., 1898. С. 43).

⁸ Печаталась диссертация В.И. Вернадского.

№ 485

[До 27 декабря 1896 г., Москва]¹

Дорогая моя Натуня! Посылаю тебе письма Гагочки². Их я прошу сохранить.

Сегодня ждал от тебя письма, но его не было. Теперь сижу дома – думал пойти к Янжул, но как-то не хочется. Масса работы, да, в сущности, не хочется сохранять внешних светских отношений. Их отсутствие – своего рода независимость и благо тем, кто это может сделать. Гораздо лучше и приятнее жизнь среди друзей, чем среди знакомых.

Сдал я уже больше половины диссертации³, но работа идет очень медленно. Я могу совсем свободно ехать и после 27 декабря в С.-Петербург⁴, так что я тебя подожду. Не знаю, как – Гулю везти? Собственно для мамы⁵ надо бы. Надо с ней списаться – удобен ли ей приезд, можно ли у ней остановиться – тебе и Гуле по крайней мере и т.д.

Теперь не пишу больше, так как много всякого писания. Завтра напишу. Целую тебя, мою радость, мою ненаглядную.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 60, лл. 48а-48б.

¹ Письмо написано в 1896 г., так как в нем В.И. Вернадский пишет: «Сдал я уже больше половины диссертации...», которую он защитил 20 мая 1897 г., и не позднее 27 декабря, о чем упоминается в письме.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий № 4 к письму № 434.

⁴ См. письмо № 486.

⁵ А.П. Вернадская.

№ 486

30 декабря 1896 г., [Москва]¹

30.XII 1896

Дорогая моя Натуся!

Не писал все это время, так как крепко надеялся сегодня видеть тебя здесь. Теперь же Аня² пишет о своей болезни, от тебя вчера было письмо, что ты думаешь 2-го января лишь выехать, а может быть, позже, и я опять тебе пишу несколько слов. Остаюсь я, а не еду, так как и так уже сильно задержано печатание, а всякая такая поездка еще дольше отсрочит и без того затянувшееся печатание³. Так что я хочу отложить. Если бы ехать – надо было много раньше ехать, когда типографию не надо было понуждать, но тогда никого бы и в Петербурге не видел.

Мне совсем теперь не пишется тебе, моей дорогой.

Крепко целую и жду тебя скорее, мою родную Тусю. Сегодня Ваня⁴ и Илюша⁵ занимались у нас. Я согласен, что Гуле надо было не ехать в С.-Петербург, но думаю, что ему уже пора вернуться, и для А.А.⁶ это надо.

Крепко целую тебя.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 43, лл. 27–28.

---

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: «Остаюсь я, а не еду, так как и так уже сильно задержано печатание...»

² А.Е. Любошинская.

³ Речь идет о печатании докторской диссертации В.И. Вернадского.

⁴ Очевидно, Ваня Сахаров – сын И.Н. Сахарова.

⁵ Очевидно, Илюша Шаховской – сын Д.И. Шаховского.

⁶ Очевидно, Глаголева.

№ 487

16 июня 1897 г., Миасский завод

Миасский завод, июнь, 16, 1897

Дорогая моя, ненаглядная Натуся, вот уже ровно 7 дней, как не писал тебе. Но я предупредил тебя, что долго не буду писать. Все время ездил по деревням, вне всякой возможности сообщаться с миром, так как письма пришли бы значительно позже, чем эта записка. Ее спешу послать тебе, чтобы скорее дать весточку. Поездкой доволен. Видел много. Сегодня день отдыха – пишу утром – приехали ночью. Завтра едем к озеру Еланчик и вернемся еще сюда. Отсюда еще думаю сделать одну-две поездки.

Крепко целую тебя, мою горячо любимую, мою дорогую Наталочку, теперь не пишу, так как иначе поздно придет письмо. Напишу вечером сегодня. Поцелуй крепко всех.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Е.Вр. Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбою передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 44, л. 3.

№ 488

22 июня 1897 г., Миасский завод

Миасский завод, 22.VII 1897

Дорогая моя Наталочка, ты все жалуешься, что не получаешь от меня писем, а лишь карточки. Но все время почти приезжаешь вечером, а утром уезжаешь, и так много всяких обязательных мелочей, что совершенно не успеваешь писать. Во время больших остановок всегда пишу. Теперь не писал несколько дней – не был опять в цивилизованных местах. В Тургояке почта ходит так, что мое письмо ты получила бы позже этого. Поездкой доволен. Завтра еду в Екатеринбург. Мне хочется уже скорее быть с тобою, моей доро-

гой. После этого письма не пиши или пиши в Москву. Из Екатеринбурга буду телеграфировать. Телеграфируй туда (до востребования), ехать ли мне за тобой в Полтаву? В Екатеринбурге буду 24–27, а затем еду по Каме до Казани.

Крепко тебя целую, мою горячо любимую деточку.

Твой Владимир

Оп.7, д.44, л.2.

№ 489

26 июня [1897 г.]¹, Екатеринбург

Июнь, 26, Екатеринбург

Дорогая моя, драгоценная Наталочка, сегодня получил от тебя письмо и выезжаю сегодня в Москву, где буду 1 июля и оттуда думаю через день-два выехать в Шмеек². Если ты хочешь, чтобы я заехал в Полтаву за тобой, телеграфируй мне в Москву. Я не знаю, попаду ли в этом году на Кавказ. Год обещает быть очень тяжелым: полный неурожай охватил огромную область России, и я думаю, что этот год отзовется губительно при нынешней системе хозяйства и управления. С другой стороны, уже числа 12–13 июля я опять из Шмеека должен ехать в Москву для конгресса³. Неужели ты не будешь это время в Шмееке? Ехать прямо в Полтаву тоже, может быть, не совсем удобно, так как мне надо получить билет и т.п. для конгресса в Петербурге, если они не выслали его в Москву. Вчера к ночи только вернулся из Шабров, куда делал поездку для того, чтобы набрать минералы, которые считаю новыми и которые нашел в прошлом году, сейчас еду верст за 5, а днем уезжаю.

Целую крепко.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 44, л. 1.

¹ Год устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Курортное местечко на берегу Балтийского моря в Эстляндской губ.

³ VII Международный геологический конгресс.

№ 490

26 августа 1897 г., Москва

Москва, 26 августа 97

Дорогая моя Натуся, эти дни не писал тебе – только что приехал вчера, и в суматохе первого дня прошло время. И теперь пишу это письмо в С.-Петербург, а в Шмеек отправляю небольшую карточку. Мне хочется иметь тебя скорее здесь, возле, где я могу больше следить за твоим здоровьем, знать, что тебе, моей неоценимой, дорогой Наточке, хорошо и уютно. Теперь меня лишь временами тянет на Кавказ, а больше хочется остаться здесь, и я думаю, что едва ли поеду туда. Сейчас после конгресса¹ я уеду дня на два в

деревню, на один день в Моршанск и в самом начале сентября думаю быть здесь – числа 1 или 2. Едва ли поступлю иначе, но все же еще не пишу тебе наверное – буду телеграфировать. Меня охватывает теперь все более и более желание приняться за мою обычную, строгую, научную работу – бесконечное множество больших и малых, новых и старых вопросов и возможных их решений все вырисовывается и выясняется в научной области. И кажется, столько интересного, так много надо работать и так много можно понять, и узнать, и увидеть в этой области, что поездка на Кавказ – новое в природе и в крае – отходит все дальше и дальше. Между тем долгая поездка отложит и отодвинет значительную часть моей работы, так как в лекциях придется **нагонять** потерянное время. Между тем теперь я смогу повести это дело правильно и аккуратно. Ехать на неделю – не стоит, и моя впечатлительность к таким поездкам в этом году притупилась. Я так устал от людей «конгресса», что хочу отдохнуть в лабораторной работе. Наконец, мне важно в этом критическом для хозяйства и трудном для нас годе не тратить лишнее. Туристическая поездка на Кавказ ничего не даст мне при беспокойстве о тебе и при угрызениях бесцельной траты на нее при голоде и мучениях в нашей местности. Поездка на Кавказ идентична с отложением поездки в Земское собрание – а в этом году, может быть, туда необходимо быть и надо подготовиться. Ничего этого я не смогу сделать, если поеду, так как придется нагонять потерянное, и физически уму не будет времени, и мне не будет возможности остановиться на вопросах дня... Наконец, мне хочется скорее быть с тобой, мою светлую деточкой. Вероятно, поэтому получишь телеграмму о моем скором возвращении в Москву. Много есть к этому и иных доводов.

Весь день сегодня занят был конгрессом. Меня поймал Грот, и почти весь день я провел с ним и некоторыми другими. Теперь вечером пишу тебе. С ними был я в Третьяковской галерее. Меня самого поразило ее богатство, несомненная огромная талантливость русского гения, и я переживал хорошее чувство патриотизма, когда присутствовал при искреннем, постепенно нараждавшемся в иностранцах чувстве удивления и восхищения. Я говорю – о хорошем чувстве патриотизма – так как это было чувство итогов, ясное сознание целесообразности русской общественной жизни в общей жизни человечества. Я долго не забуду удивление, восхищение и восторг довольно замкнутого швейцарца-альпиниста Гейма перед лесными этюдами Шишкина. Эти несколько часов я вновь провел, быстро и сжато переживая наше общественное движение. Что-то принесет ему новое настроение, которое теперь рисуется в русском обществе, – сознательность демократического идеала, постановка «интеллигенцией» своей задачи слитно с «народом» – исчезновение в ее сознании и в сознании поборников мрака мифа о розни между «интеллигенцией» и «народом», что принесут ближайшие годы – годы, может быть, тяжелые и страшные. Неужели приближается время кризиса? И мне хочется до боли понять – есть ли теперь в России элементы нового надвигающегося бедствия – нового голода? И мне чудятся иногда и с трудом отгоняются тупые страдания нашего забитого, нашего исстрадавшегося и почти сведенного на скотское существование народа, которого мы лишь верхние представители. Иногда это чувство сильно и ясно...

Много интересного в разговорах. Если все пойдет, как шло, – через немногое лет можно будет поставить все преподавание и научную работу на впол-

не правильную почву и сравняться с самыми лучшими институтами Запада. Я чувствую, что пошел правильно, направив главные усилия на выработку научных работников и создание традиции научной работы.

Целую тебя крепко, мою деточку, и Гагочку² поцелуй, и всех друзей.

Твой Владимир

Мне хочется скорее тебя иметь возле себя. Как-то и жутко, и тяжело, и огорчительно, и **серьезно-глубоко**. Не могу подобрать ясных слов для выражения моего чувства по поводу твоего состояния³.

У Ш.⁴ умерла девочка, и он уехал.

Моя статья в «Хуторянин» помещена⁵.

В.

Оп. 7, д. 44, лл. 4–5.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 489.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.Е. Вернадская ждала ребенка.

⁴ Фамилия написана сокращенно и неразборчиво.

⁵ *Вернадский В.И.* Признаки железных руд в Полтавской губернии// Хуторянин, Полтава. 1897. № 32.

№ 491

27 августа 1897 г., Москва

Москва, 27 авг. 97

Дорогая моя деточка! Я уже тебе писал, что я, вероятно, не поеду на Кавказ. Обдумав все, решил не ехать теперь. Завтра еду на дня два в деревню, а затем в понедельник, самое позднее во вторник, буду здесь, в Москве; в четверг начинаю лекции. Был сегодня по делам (у нас не хватает газа) у ректора¹ и объяснялся с ним насчет назначения меня профессором. Разговор был довольно оригинальный – из него я усмотрел, что они уже вели об этом разговор с Боголеповым². Он заявил, что место есть, деньги есть, фактически я исполняю эту обязанность, но что для «промации» необходим мой разговор (по-видимому, политического характера) с Боголеповым, а он возвращается в конце сентября или начале октября. Мне к нему надо будет (или было – весною) прямо отправиться. Ректор начал мне даже объяснять суть предстоящего мне разговора, но нас прервали. Первое время в этом году будет трудно: Анатолий Орестович³ будет на Кавказе, а Самойлов опасно заболел и едва ли быстро оправится, так что придется недели три читать почти без помощников. На квартире у нас все благополучно. Посылаю письмо в С.-Петербург, так как надеюсь, что ты переехала уже в Питер.

Крепко и нежно тебя целую. Гагочку⁴ поцелуй.

Твой Владимир

На обороте: Петербург, Его Высокопревосходительству Ивану Михайловичу Гревсу, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Васильевский остров, б линия, д. № 49.

Оп. 7, д. 44, л. 6.

¹ Ректором Московского университета в это время был Григорий Эдуардович Зенгер (1897–1899).

² Н.П. Боголепов в это время был попечителем Московского учебного округа (1895–1898).

³ Шкляревский.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 492

10 декабря 1897 г., [Тамбов]¹

Дек. 10. 1897, среда

Дорогая моя Натуся!

Пишу тебе два слова – перед комиссией. В комиссию я попал сегодня – меня выбрали. Марка² нет – прислал он телеграмму, что болен. Заседания довольно интересны, и я понемногу вхожу в дела. Хотя и тяжело оставлять работу в университете, но много нового открывается, новых сторон жизни, и продумываешь многое. Очень приятно было видеть некоторых наших старых студентов, которые здесь работают в Земстве. **Очень жду от тебя** писем, моя дорогая, горячо любимая Натуся. Береги себя.

Крепко целую Гусю³. Пишу тебе в чужой квартире – у Серебряковых – и потому нескладно.

Целую.

Твой Владимир

Береги себя, моя деточка.

На обороте: Москва, Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Борисоглебский пер. (у Поварской), д. Писемской.

Оп. 7, д. 44, л. 8.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² М.М. Любошинский.

³ Г.В. Вернадский.

№ 493

[14] декабря 1897 г., [Тамбов]¹

Воскресенье, 1897, дек.

Дорогая моя Натуся, пишу опять спешно. Хотел было выехать сегодня, но поеду завтра и буду, должно быть, во вторник. Собрание идет медленно – но много важных вопросов, где присутствие всякого лишнего голоса желательно. Я боюсь, однако, что в очень важном вопросе о народном образовании мне придется не быть. Сегодня идет продовольственный вопрос; принципиальная борьба сосредоточивалась на вопросе о круговой поруке – стремление части Собрания насильственно переложить платежи за голод на беднейшую часть населения. В комиссии было состоялось такое постановление большинства, но затем удалось вновь перерешить и отбросить вопрос, и, кажется, победим и в Собрании. Любопытно: симпатичная речь губернатора о продовольственном деле не допущена цензурой (т.е. им же) в «Губернских ведомостях»! Прошло довольно важное постановление об эмеритальных служащих (т.е. пенсии на-

родного учителя), и мне пришлось для доклада влезть во всякие пенсионные кассы (очень сомнительный проект был Савича). Вчера весь вечер прошел в удивительных пререканиях со здешними педагогами (директор народного училища предпочел курсы пения и отказал курсам педагогов – курсы пения мы провалили), а затем смотритель земского пансиона (сирот) дал безобразные правила, и вчера в комиссии он совершенно был уничтожен. Но его понятия (и понятия здешних педагогов) ужасающи. Комиссия отбросила правила (лишение еды, запрещение чтения – кроме дозволенного в библиотеке и т.д.) и решила пригласить порядочный персонал и т.д.

Целую тебя крепко, мою родную. Чувствую себя так себе.

Твой Владимир

На обороте: Москва, Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Поварская ул., Борисоглебский пер., д. Писемской.

Оп. 7, д. 44, л. 9.

---

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

№ 494

6 сентября 1898 г., Москва

Москва, воскресенье, 6 сент. 98

Дорогая моя Натуся, по возвращении моем из С.-Петербурга вчера нашел твою телеграмму о болезни Нинуси¹. Я очень беспокоюсь, как ты теперь одна можешь справиться, и нет ни Паши², ни [Мити]³. Не приехать ли мне? У меня лекции еще не начались, так как у нас ремонт. Мне надо быть в среду на заседании факультета – так как выборы Алексата, надо готовиться к лекциям, ввести лаборатории в работу и т.п., но, в сущности, могу в среду же или четверг уехать до воскресенья вечером. Телеграфируй, – не приехать ли мне к тебе. Родненькая, моя дорогая Натуся, так все беды одна за другой на тебя обрушиваются!

С нетерпением жду телеграммы в ответ на мои две. Вчера я получил твою телеграмму до посылки моей, и я боюсь, не чередуются ли лучшие и худшие состояния деточки? И отчего это с ней могло случиться, с такой маленькой.

Я хотел бы, чтобы скорее вы были здесь, а то как-то беспокойно, неладно на душе. И мне очень хочется видеть мою бедненькую деточку.

Согласно твоему письму, не нанял прислуги. Завтра с утра придут полотеры и начнут вставлять рамы. Очень холодно, и моему ревматизму значительно хуже – я думаю, должно быть, перемена погоды, и в квартире у нас холодно. Как только все войдет в колею, начну массаж.

Переговоры с С.А.⁴ были неудачны. Расскажу, как только приедешь.

Здесь, сколько могу, устрою квартиру. В университет нанял Гаврилу⁵. Его жена родила на днях.

Крепко и нежно целую тебя, мою бедненькую и любимую.

Твой Владимир

¹ Нина Владимировна Вернадская.

² П.Е. Старицкий; Н.Е. Вернадская отдыхала у старшего брата в Людиново, в письме от 30 августа 1898 г. писала: «Паша уезжает за границу [...] уезжает сегодня, это устроилось неожиданно» (ф. 518, оп. 3, д. 264, л. 1).

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Возможно, Сергей Александрович Короленко – муж сестры В.И. Вернадского Екатерины Ивановны. См. письмо № 496.

⁵ Гаврила Павлович Щедров, его В.И. Вернадский нанял на должность служителя при Минералогическом кабинете.

№ 495

8 сентября 1898 г., С.-Петербург

СПб., 8 сентября, 98

Дорогая моя Натуся! Наконец, вчера вечером получил ответ на мои телеграммы. Я совсем не мог эти два дня заниматься, все ждал телеграммы (получил 5-го и 6-го, а ответ получил 7-го), и на душе было беспокойно и грустно. Если бы не важное заседание факультета, которое будет завтра, я бы не задумываясь приехал бы к тебе и теперь, может быть, завтра уеду. Лекций нет; может быть, можно будет готовиться к ним у тебя. Мне так хочется быть возле тебя в эти минуты и так тяжело быть вдали. Бедненькая моя, глупенькая Ниночка¹ – так сразу начинает жизнь болями. Смотрела ли ты ей горло? Очень странно, что Нина и няня заболели вместе.

Я так ждал тебя в Москве, а теперь, верно, еще неделя пройдет, пока ты приедешь; так это тяжело. Мне так хотелось бы приглубить тебя, мою дорогую, исстрадавшуюся Натусю. Все скверное, злое – все горькое и холодное – ушло – безвозвратно из моей души, и мне хочется быть возле тебя, моей бедненькой.

Здесь видел Пав.Ив.² Он теперь временно заменяет Зверева³ (в том положении, как был я). В декабре⁴ уедет писать диссертацию. Павел Николаевич Милюков получил отставку (и неустойку) в Софии и хлопочет о возвращении в Россию. Тебе есть письмо от Елены Ивановны⁵ (через Павла Ивановича) – она очень была больна (чахотка?), и ее выслали (по нездоровью) из Берлина. Переслать письмо? Сергей⁶, которого я видел в С.-Петербурге (он неважен по здоровью), говорил, что Дмитрию Ивановичу⁷ губернатор⁸ заявил, что ни на какую земскую должность он не может быть утвержден, и их положение очень трагично. Он же рассказывал мне про Дм. Сокр.⁹ Он боится, что его там совсем обойдут: заставляют подписывать очень двусмысленные бумаги и т.п.

В общем все неважно. Знаешь, Краснов женился? Мне ничего он об этом не писал. Я жду тебя и детей. Целую.

Твой Владимир

¹ Н.В. Вернадская.

² Очевидно, П.И. Новгородцев – приват-доцент юридического факультета Московского университета.

³ П.И. Новгородцев заменил в университете Н.А. Зверева, который в феврале 1898 г. был назначен товарищем министра народного просвещения.

⁴ П.И. Новгородцев в 1899–1900 учебном году продолжал читать лекции в Московском университете.

⁵ Новгородцева.

⁶ С.Ф. Ольденбург.

⁷ Д.И. Шаховской.

⁸ Борис Владимирович Штюрмер.

⁹ Д.С. Старынкевич.

№ 496

8 ноября 1898 г., С.-Петербург

СПб., воскресенье, 8.XI 98

Дорогая моя, родная Натуся, пишу тебе несколько слов. Так все это тяжело и грустно. Мама¹ умерла совершенно внезапно, вчера в 3¹/₂ часа дня; еще за час у нее были сестры², а Ольгу Петр.³ она отправила уплатить деньги за могилу отца⁴ в Лавру и много хлопотала об отправлении нам какой-то посылки, которую ты, должно быть, теперь получила. Никакого прямого повода не было, но она все время сильно волновалась и еще накануне много и долго волновалась из-за дела с С.А.⁵ Верно, много ей повредило это дело, хотя, может быть, она жила и поддерживалась этой нервной деятельностью. Она в этот день и накануне жаловалась на разные боли, но отказывалась обратиться к доктору. Она мало изменилась, и сегодня я решился еще раз призвать доктора, который произвел вновь констатирование смерти. Она много раз и так часто боялась быть погребенной заживо, что я решился это сделать. Никакого сомнения быть не могло. Похороны будут во вторник утром, и в тот же день с почтовым я уеду, так что в среду буду в Москве. Верно, с вокзала прямо проеду на лекцию, а оттуда к тебе, к моей дорогой Натусе, моей драгоценной, горячо любимой большой деточке. Верно, в пятницу опять выеду в С.-Петербург на один день для того, чтобы привести в ясность всякие деловые отношения, связанные со смертью мамы, и помочь сестрам в них распутаться. Здесь на панихиде видел Софью Марковну⁶ (она так изменилась, что я ее не узнал!) – она меня просила зайти переговорить о Катином деле⁷. Она говорит, что не писала тебе только потому, что все ждала более определенного ответа из Комитета прошений, где скоро обещали дать ответ Алек. Иван.⁸ Дело Катини вообще стоит лучше, чем нам это казалось. Но у Кати очень тяжелое настроение – самобичевание и самообвинение в смерти мамы. И я думаю этого у нее нельзя отнять никакими словами.

Сегодня я ездил в институт за Ньютой⁹. Ее отпустили со мной и были в этом отношении необыкновенно гуманны и человечны, чего я никак не ожидал от института. И в разговоре с Ньютой – у нее проглядывает та же грустная нота – что все это дело сказалось в смерти мамы.

Как все это тяжело и грустно, и как всегда смерть тяжела и безнадежна. Но как она тесно связана со всеми решениями нашей общественности, которые целым ритуалом и формой отнимают от нее всякий характер исключительности... Эти «мелочи жизни» – пускают свои корни на всем.

Моя дорогая Натуся, как сильно, сильно бьется мое сердце любовью к тебе, и как ты мне дорога и близка, моя исстрадавшаяся деточка. Нинусю¹⁰ крепко целую (Лидия Карловна¹¹ слышала, что она «красавица») – поцелуй Гусика¹².

Твой Владимир

Оп. 7, д. 45, лл. 6–7.

¹ А.П. Вернадская.

² Екатерина Ивановна Короленко и Ольга Ивановна Алексеева.

³ Возможно, Ольга Петровна Константинович, сестра А.П. Вернадской.

⁴ Иван Васильевич Вернадский.

⁵ См. комментарий № 4 к письму № 494.

⁶ Возможно, Старицкая.

⁷ Очевидно, речь идет о бракоразводном процессе С.А. Короленко с сестрой В.И. Вернадского Екатериной Ивановной и о ее материальном обеспечении.

⁸ Личность установить не удалось.

⁹ Анна Сергеевна Короленко.

¹⁰ Н.В. Вернадская.

¹¹ Очевидно, Лидия Карловна Вульфферт.

¹² Г.В. Вернадский.

№ 497

9 ноября 1898 г., С.-Петербург

СПб., 9 нояб. 98

Моя дорогая, родненькая Натуся, я был так рад иметь о тебе известие от Алекс. Алекс.¹ Я уже взял билет на поезд в 2¹/₂ часа, но очень боюсь, что опоздаю на него, и тогда приеду с почтовым поездом, но, во всяком случае, раньше поеду на лекции. Мне очень досадно, что придется опять приехать, очень многие вопросы трудны: дальнейшая судьба Ольги² и Марьи Петр.³ – Виктории Ив.⁴ и т.п. Расходов по похоронам я беру на себя третью часть (около 300–350 руб.), хотел взять половину, но Катя⁵ об этом не хочет и слышать. Придется устроить ежемесячную ренту Ольге Петровне и Марии Петровне – это такой расход, который безусловно необходим, и в нем я буду участвовать в 3-й части. Напиши Гольштейнам – надо ли им посылать 60 руб. за Светозара⁶.

Был у Софьи Марковны⁷, но к ней не зашел – она боится болезней, а у Бори⁸ не то ангина, не то инфлюэнца, не то брюшной тиф. Если ты боишься, что я могу заразить, то могу раньше отправиться в баню: ты меня об этом предупреди в университет.

Все так здесь грустно. Видел пока только Сергея⁹ и Сашу¹⁰ из старых друзей. Моя дорогая Натуся, так тяжело в С.-Петербурге, что должен быть вдали от старых друзей, и так трудно чувствовать, что порвана связь навсегда – между Иваном¹¹ и мной, тобой и Машей¹². Навсегда ли она порвана? И не может ли живое усилие многое вернуть? Есть ли у нас эта живая сила? Вероятно – ее не будет. Я знаю, что много вины лежит в моем характере, холодном, но способном на временные безумные вспышки. Но я так сильно

и больно чувствую, чего мы себя лишили и как ослабли вследствие этого в борьбе и в жизни. Все же **один** дурной поступок не должен красной нитью отзываться в дальнейшей жизни, и даже если таких поступков много. Как это ни странно, но к Ивану у меня теперь чувство сильнее – может быть, потому что больнее – может быть, потому что исчезло равенство, чем прежде. Дети и родители, мужчина и женщина и т.д., всегда сильное чувство между неравными личностями. А у меня на душе есть тяжелый поступок, от которого Иван свободен. Может быть, мое настроение не отвечает настроению твоему и Гревсов, и вы чувствовали или почувствуете это в другое время. Так часто бывает в жизни, как приглядишься, и я думаю, что оттого вообще не может существовать моногамическая семья или общее правило и так редка она как исключение. Знаешь, вспоминая – я почти не нахожу ни одного примера ее существования.

Если будет Корнилов, не забудь известить молодых людей – одного из них фамилия Ордынский и известить можно через А.Ив. Чупрова.

Крепко и нежно целую тебя, и Гулю¹³, и Ниночку¹⁴.

Твой Владимир

Только что получил твое письмо и Гагино.

С Катей были тяжелые разговоры: она себя винит в смерти и временами посторонние дают тоже чувствовать и высказывают при ней... и Нюта¹⁵.

Оп. 7, д. 45, лл. 8–9.

---

¹ Возможно, Александра Александровна Ершова. Очевидно, письмо от 8 ноября 1898 г., в котором Н.Е. Вернадская писала: «Дорогой мой, в душе так беспорядочно и тяжело; в ней то потрясающее впечатление и чувство, которые производит всякая смерть близкого человека [...] Я с тобой все время [...] Георгию я сказала о смерти бабушки только сегодня утром. Он был очень потрясен, плакал, побледнел» (ф. 518, оп. 3, д. 264, л. 7–7 об.).

² Возможно, Константинович.

³ Возможно, Константинович.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ Е.И. Короленко.

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ Возможно, Старицкая.

⁸ Борис Кирович Алексеев.

⁹ С.Ф. Ольденбург.

¹⁰ Возможно, А.С. Зарудный.

¹¹ И.М. Гревс.

¹² М.С. Гревс.

¹³ Г.В. Вернадский.

¹⁴ Н.В. Вернадская.

¹⁵ А.С. Короленко.

№ 498

31 мая 1899 г., [Москва]¹

Понедельник, 31 мая 99, утро

Дорогая моя, родная Натуся, пишу утром несколько слов. Так неуютно и пусто тут без тебя, моей дорогой, милой Натуси. Вернулся я в 3 часа домой – Нина² еще спала. Когда она проснулась, и я взял ее на руки, она была, как всегда, страшно ласковая и нежная – очень веселенькая. Иногда вскрикивала

от удовольствия. Она много раз вспоминала и звала тебя и разводила ручонками, не видя «амы», «мамы». Няня говорит, что и раньше она тебя звала и вечером, засыпая, и сегодня утром – вот когда я пишу, слышу ее голосок: «мама!» Вчера у нее был насморк, но голос, мне кажется, совсем вернулся. Вечером у меня был Анатолий Медведев, проездом из Одессы в Архангельск, где он с семьей проводит лето.

Крепко, нежно целую тебя, мою дорогую, любимую Натуню. Погода сегодня лучше.

Твой Владимир

Слышен лепет Нинуськи.

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская, д. Янович.

Оп. 7, д. 45, л. 10.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Н.В. Вернадская.

№ 499

2 июня 1899 г., [Москва]¹

2, июнь, 99, утро

Дорогая моя Наталочка!

Так тебе теперь тяжело², и так хотелось бы мне быть теперь возле тебя. Что-то делается теперь у вас. Как Мария Ивановна?³ Я совсем не знаю, как и когда везти Нину⁴. Вчера она много раз тебя вспоминала и раз даже плакала проснувшись, что не было мамы! Такая она нежная девочка. У ней еще есть насморк, но в общем она совсем здорова. Вчера она проспала почти без перерыва с 7 часов вечера до 6 часов утра! И встала сегодня веселенькая, ласковая, все целуется. Погода у нас была ужасная, но сегодня хорошо, и я надеюсь, ее скоро можно будет везти – но куда? От тебя нет никаких известий.

В такие минуты смерти всякие утешения отходят на второй план. В сущности, человек только может покоряться неизбежному.

Целую тебя, мою дорогую, крепко. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская, д. Янович.

Оп. 7, д. 45, л. 11.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Умер Е.П. Старицкий – отец Наталии Егоровны Вернадской.

³ Старицкая.

⁴ Н.В. Вернадская.

3 июня 1899 г., Вернадовка

Вернадовка, 13.VI 99, воскресенье

Моя дорогая Наталочка, очень благодарю тебя за телеграмму о Ниночке¹. Сегодня отсылаю тебе телеграмму о Гуле² – надеюсь, он выедет вовремя. В Харькове пробуду довольно долго, так как приеду скорым утром, а уеду курьерским днем, надеюсь все сделать: купить, что надо, и т.д. В среду утром буду в Севастополе и начну работу.

У нас здесь совсем не жарко, идут дожди, ожидается очень недурной урожай: пострадали только озимые. Сегодня ездил смотреть школу: здание прекрасно расположено и, мне кажется, очень хорошо. Оно сложено уже почти все из кирпича – скоро будут делать крышу. Едва ли кончат до зимы. Против Мазинга теперь агитирует Вольский, который обиделся, что он не пригласил его на Пушкинское празднество. Насмешка судьбы: сына Вольского (технолога) выслали к отцу!

Все эти дни был погружен во всякие счета и хозяйственные расчеты. Натуся, а мы с тобою не написали отчета о пожертвованиях – нельзя ли это сделать?³ Предлагают снять у нас около 2 десятин земли для постройки мельницы, хлебного амбара и т.п. около станции – не знаю, давать ли?

Мне очень часто вспоминается Ниночка, и сердце бьется нежностью к этому маленькому, дорогому существу. Напиши мне подробнее об ней, когда она будет говорить и ходить. Мне кажется, я только теперь более ясно понял отцовское чувство, а раньше, во время детства Гули, я очень мало был отцом.

Книгу Ревиля⁴ – 1-й том – А.И.⁵ отошлет тебе заказным. Если бы не его (Ревиля) довольно пошлая христианская мораль, она была бы очень завлекательна, но и так книга переносит в интересную среду и дает довольно правильный исторический масштаб, так что я до сих пор полон впечатлениями, вынесенными из ее чтения. И меня больше всего интересует: 1) отхождение на второй план всех вопросов морали, всех сторон обычных людских стремлений – если **рассуждать** и идти логическим путем – перед жизнью, неизбежным справедливым концом которой является смерть. А справедливость, естественность и, пожалуй, теоретическую желательность смерти я ясно чувствую. 2) Совсем иное дает **чувство** – сострадание, **любовь**. Но 3) мораль – это разум, перенесенный в область чувства. И то, что так странно дисгармонирует в протестантстве, есть коренное противоречие, внесенное с самого начала христианства. Говорят – христианство есть учение о нравственности. А мне кажется, если есть что вечного в христианстве, это та его сторона, которая отрицает нравственность, так как для любви, сострадания, всепрощения – нет норм, нет нравственности, нет неизбежно узких логических формул – морали... Мне хочется очень, чтобы ты прочла эту книгу.

Целую тебя крепко, мою дорогую Натуню, что Гусик? – его надеюсь скоро увидеть, что Мария Ивановна?⁶ Поцелуй ее.

Владимир

Мою дорогую Нинусю крепко и нежно расцелуй от меня.

Оп. 7, д. 45, лл. 12–13.

¹ Н.В. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

³ В письме от 23 июня 1899 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я все хочу заняться отчетом о голоде. Это необходимо, но не знаю, как уходит мое время, ничего не успеваю делать» (ф.518, оп.3, д.265, л.41–41 об.).

⁴ *Révil Joseph. Études géologiques dans les Alpes occidentales, contributions à la géologie des chaînes intérieures des Alpes françaises.* P.: Impr. nationale, 1904. Vol. 1.

⁵ Очевидно, А.И. Попов.

⁶ Старицкая.

№ 501

16 июня 1899 г., Севастополь

Севастополь, 16, июнь, 99

Сегодня мы приехали сюда, моя дорогая Натуся. Я не послал тебе ввремя телеграммы и очень этим беспокоюсь. Пошлю завтра рано утром. Теперь пишу эти несколько строк, так как завтра в 6 часов утра выезжаем в Байдары и будем там целый день – вернемся в Севастополь лишь к ночи. Гуля¹ ведет себя хорошо. Надеюсь, ему будет не скучно с нами – я серьезно всматриваюсь в его жизненное «я» и в наши с ним отношения. Во многом себя останавливаю. Надеюсь, что у нас не сложится в жизни крупного разлада. Есть всегда в стремлении отцов и матерей к своим детям сторона насилия, желания наложить на детей готовой ту схему житейских отношений и условных форм, к которой они сами пришли путем жизненного опыта. В этой чисто биологической черте – сквозит старинное животное чувство человеческого существа, и потому оно так сильно и так гибко и неуловимо. Я помню по себе, как оно было несоразмерно тяжело для всякой личности – для того человека, каким я был Гулиных лет. Я думаю, впрочем, он много меня мягче и не такой скептик по отношению к себе, каким был в его годы я.

Попов и Дмитриев здесь. Сегодня мы приехали поздно (поезд сильно опоздал), и мог только съездить в Херсонский монастырь и сделать нужные закупки. Между прочим, я купил Гуле башмаки – иначе ему невозможно.

О бумагах Егора Павловича² я сговорился с Сашей³. Я не помню, чтобы Джаншиев⁴ возвращал нам бумаги, взятые у Георгия?⁵ Во всяком случае, все эти бумаги находятся в целости. Те письма, о которых ты пишешь, целы – но едва ли Егору Павловичу было бы приятно, чтобы ими теперь пользовались.

Крепко поцелуй от меня всех. Мою ненаглядную крошку много раз поцелуй – ей я посылаю и отдельное письмо, «которое прошу передать» от ее папы.

Целую тебя, мою Натусю, нежно и крепко. Пиши письма, твоего в Севастополе не нашел.

Владимир

Оп. 7, д. 45, лл. 15–16.

¹ Г.В. Вернадский.

² Старицкий.

³ Возможно, А.С. Зарудный.

⁴ Григорий Аветович Джаншиев, журналист, автор нескольких статей о Е.П.Старицком; см., например: Эпоха великих реформ. СПб.: Литография Б.М. Вольфа, 1907 (10-е изд.). С. 783–790.

⁵ Г.Е. Старицкий.

19 июня [1899 г.]¹, Севастополь

Севастополь, 19, июнь, утро

Дорогая моя, родная Натуня, вчера получил я здесь твое письмо, отправленное еще до отъезда Гули², и, таким образом, я лишен всяких о тебе известий после его отъезда. Надеюсь, что я еще буду иметь здесь известия о тебе, и Нинусе³, и всех, т.е. что ты еще написала мне сюда после отъезда Гули. Ждать до Феодосии известий о Вас так трудно. Пиши мне теперь в Керчь, до востребования.

Что-то ты теперь делаешь, моя дорогая, и что делает моя драгоценная, маленькая детка. Лучше ли теперь она ползает? Верно, когда я вернусь, она будет совсем хорошо ходить. Остригли ее?

Гуля ведет себя очень хорошо. Я внимательно к нему присматриваюсь – многое в его природе мне чуждо, но я думаю, у него есть такая черта, которая облегчит во многом его дальнейшую деятельность: интерес у него очень личный, т.е. он быстро связывает интерес и научной и т.п. области с собой, со **своими** знаниями, со своей реакцией по отношению к этому явлению и т.п. Я думаю, что это настоящая, живая, созидательная струя жизни, проявление личности – так как настоящая человеческая жизнь только и создается усилием личности. Только непрерывное **усилие** – т.е. созидательное отношение личности к миру – дает оттенок настоящей жизни нашему земному существованию. Интерес у него есть, и он старается придать ему те **формы**, в которые он укладывается кругом. Это видно и в слоге, и вообще во всем характере его наблюдательности; любопытны в этом отношении разговоры с ним о писателях. Он очень искренен, грубовато временами наивен, но я думаю, душа у него мягкая, чуткая. Себя он очень сдерживает. Боюсь я, что, как ни стараюсь, временами слишком к нему пристаю⁴.

Поездка моя пока идет очень удачно. То, что хотел видеть в Байдарах – условия генезиса кальцита – мог наблюдать в общих чертах. Я считал на основании некоторых теоретических предположений, что это кальцит не обычного происхождения в осадочных породах. Два раза ездили туда Попов и Воларович, которым я указывал на это обратить внимание, и ничего не нашли, наконец, Соколов в прошлом году решительно указал на его обычное осадочное происхождение. Чисто кристаллографические данные трудно с этим соединялись, и мне удалось действительно найти и доказать присутствие каких-то других пород в Байдарах, по-видимому, туфов. Тут я купил очень ценный материал для начатой мною работы об этом кальците. Вчера были в Георгиевском монастыре, где много интересного и чудный, удивительный вид.

Целую тебя нежно и люблю. Поцелуй мою детку.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 45, л. 14–14а.

¹ Письмо датируется 1899 г., так как в нем говорится об экскурсии в Крым, в которую он брал сына Георгия, она проходила в 1899 г.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ В письме от 23 июня 1899 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я очень, очень рада тому, что ты взял с собой Гулю на экскурсию. Я уверена, что умственная связь, которая между вами образуется, будет очень, очень важной для него, сделается источником силы и многого хорошего. Я придаю огромное значение вашей близости и необыкновенно благодарна тебе за вдумчивое отношение к нему» (ф. 518, оп. 3, д. 265, л. 40–40 об.).

№ 503

20 июня 1899 г., Севастополь

Севастополь, 20.VI 99

Дорогая моя Натуся, от тебя нет сюда известий. После отъезда Гули¹ я ничего не знаю и отправляю тебе завтра телеграмму. Завтра еду в Бахчисарай, а оттуда в Симферополь. Пиши мне в Керчь. Надеюсь в Феодосии найти от тебя письмо.

Сегодня мы остались здесь день, чтобы привести в порядок все наши дела – отправить камни, сделать записи и т.п. Завтра в Бахчисарае мы часть дня проведем в довольно туристической поездке – будем осматривать кое-какие остатки старины, а затем отправимся на месторождение кила, если удастся узнать, где его ломают. Около Симферополя проведем дня 2–3, а затем поедем в Карасу-Базар, Судак, Феодосию. Гуля отправился теперь купаться с Дмитриевым в море, он ведет себя очень хорошо, кажется, не скучает, разве сегодня – так как очень жарко, мы пишем и занимаемся скучной укладкой, а ему почти нечего делать.

Симферополь 22.VI

Так и не дописал тебе письмо и кончаю сегодня вечером. Сегодня получил твою телеграмму и очень рад был иметь быстрые известия. Маршрут нашей поездки изменился – едем прямо в Феодосию, так как кил, который меня интересует, добывается теперь главным образом около Бахчисарая. Нельзя сказать, чтобы мне удалось выяснить условия его образования, но я получил порядочный материал и кое-что удалось выяснить. Из Феодосии, куда приедем завтра ночью, поедем в Керчь, и начнется главная наша поездка в связи с сопками. Сегодня сфотографировали и осмотрели маленькую сопку в Аяне (около 19 верст от Симферополя), открытую Поповым. Ездим мы с большим комфортом; чувствуем себя с Гулей хорошо: у меня болят, однако, очень часто зубы, и если они разболются настоящим образом, будет крайне неприятно.

Среди этой поездки, связанной с определенными – более или менее – конкретными научными задачами – мысль моя постоянно обращается к более глубоким и коренным вопросам веры и знания. Два впечатления особенно сильно мною теперь переживаются. Я чувствую какую-то расслабленность и отсталость своей мысли по этим вопросам, непривычку к тонкому и ясному мышлению и отсутствие знания, а с другой стороны, передо мной все более и более сильно выступает сознание безотрадности жизни. Я не могу сказать, чтобы это было пессимистическое настроение, так как пессимизм предполагает веру в неисполненную или неисполнимую желательную целесообразность. А я теперь сомневаюсь в самой целесообразности: я не думаю, чтобы она могла дать какое бы то ни было удовлетворение. Анализ беспощадно разрушает все положения и все формы закономерности, а искать выходы

в мистических интуициях разного рода – опять-таки нет возможности и нет охоты благодаря сознанию исторического опыта. Среди впечатлений природы (удивительные картины дал вчера Чуфут-Кале), среди точного научного наблюдения и выяснения конкретных условий отдельных природных явлений, среди мысли о близких, о Нинусе, о пережитом – постоянно красной нитью врываются эти впечатления более общего, основного, самого важного. И нет сил – ни сил ума, ни сил знания, ни сил воли!.. Начал я читать довольно любопытную книгу Ольденберга² о Будде в отвратительном русском переводе. Напишу позже.

Поцелуй мою дорогую Ниночку³; часто ее вспоминаю и как-то существом своим сильно чувствую.

Крепоко целую тебя. Поцелуй наших.

Твой Владимир

Гуля просит сказать, что хотел написать – но уложили спать.

Оп. 7, д. 45, лл. 17–18.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² *Ольденберг Герман*. Будда, его жизнь, учение и община / Пер. П. Николаева. М.: Изд. 3-е, Д.П. Ефимова, 1898.

³ Н.В. Вернадская.

№ 504

24 июня 1899 г., Феодосия

Феодосия, 24.VI 99

Моя дорогая Натуня, пишу тебе несколько слов, которые отвезет Гуля¹. Я отправляю его раньше, так как встретился здесь с Андрусовым и Павловым и с ними вместе сделаю поездку по Керченскому полуострову. Брать же Гулю в эту поездку боюсь, так как она очень утомительная и сильная жара будет ему очень непривычна.

Очень рад я был получить здесь от тебя письма, моя дорогая, и узнать о Нинуське². Мне так досадно, что я не успел купить ей туфельки в Бахчисарае, а здесь такая гадость, что я покупать их не хочу. Гуля ведет себя очень хорошо – но я думаю, что часто мелочно раздражителен и требователен по отношению к нему. Все это он выслушивает как-то очень мягко и нежно, так что мне часто бывает перед ним совестно. В то же время отдельные черты его меня сильно шокируют временами, хотя все это, может быть, не что иное, как проявление большой детскости, не лакированности в светские рамки его природы. Я боюсь, что вся эта поездка ему мало дала: 1) мы ее сократили благодаря внешним обстоятельствам и тем самым в значительной степени уменьшили ее полезность для Гули, и 2) мы относительно мало с ним говорили. Как часто бывает среди очень близких людей – разговоры идут вялые, отдельными фразами и урывками, так как люди очень хорошо друг друга знают. Это сглаживается среди равных, но это вносит невольно новые черты в отношения родителей и детей. Во всяком случае, я надеюсь, эта поездка может служить ему известным разнообразием в общем строе его жизни и как таковая будет ему полезна.

Эти два дня прошли как-то безалаберно в переездах и в неисполненных попытках экскурсий: нет ничего хуже такого времяпровождения неопределенного и довольно бесцельного. Я больше всего не люблю во время своих поездок такие дни без ясного и точного дела.

Пиши мне теперь в **Темрюк** Кубанской обл., до востребования. Очень жду от тебя известий. Теперь мы выедем на лошадях и будем ехать до Керчи дня 4 или 5. Писем писать будет неоткуда. Пиши.

Крепко и нежно целую тебя. Поцелуй мою дорогую золотую деточку.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 45, лл. 19–20.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

№ 505

2 июля 1899 г., [Керчь]¹

2, июль, 99, утро

Дорогая моя, пишу тебе два слова. Вчера я сделал большую экскурсию на сопки, но, увы, все мои трубки лопнули, и газов мне собрать не удалось! Отвратительное русское стекло, а заграничного под руками не было! Мы теперь во многих случаях готовы платить значительно дороже, лишь бы иметь уверенность в качестве стекла, а то, как теперь, – напрасны и труды и деньги!

На пароход я не попал и приехал вечером <через> 3 дня на лошадях. Здесь застал свою молодежь в подавленном состоянии и отчаянии, они посылали даже телеграмму в Полтаву. Пробуду в Керчи еще завтра, сделаю поездку в сторону.

Крепко целую тебя и всех. На днях напишу подробнее. Мою дорогую крошку поцелуй крепко. Помнит ли она меня? Целую тебя.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 45, л. 21.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

№ 506

2 июля 1899 г., Керчь

Керчь, 2 июля 99

Дорогая моя Натуся, до сих пор не имею здесь никаких известий от тебя. Немудрено, впрочем, так как в Керчь почта приходит (и уходит) два-три раза в неделю. Это в городе с пароходным сообщением!

Завтра еду в Яныш Такыл, верстах в 30 от Керчи, а затем в понедельник в Тамань. Пиши мне теперь во Владикавказ.

Что делает моя дорогая дочка?¹ Я так часто и постоянно вспоминаю про нее. Боюсь, что слишком сильно полюбил ее, а между тем, может быть, в этом и есть настоящая жизнь, т.е. в чувстве, которым вносится в жизнь многое, что не подвергается безжалостному разрушению анализом. Мне как-то рисуется Нинуся на полу, протягивающая, сидя, мне свои ручонки и обернувши ко мне свою дорогую мордочку. Иногда грустно, что ее нет. Особенно тяжело это в такие минуты, как теперь, когда на душе очень тяжело и безотраднo, так как все более и более захватывает разрушительная работа разума, не оставляющая, в конце концов, ничего без сомнения и приводящая все к вполне, может быть, правильному, но довольно скучному решению. Я боюсь, что я очень плохой спутник в таком настроении, но, может быть, это и незаметно для моих товарищей – по крайней мере, я стараюсь не давать им это чувствовать. Но невольно накладывается черта отношений и к окружающему, и к тем научным вопросам, которые возбуждаются во время совместных поездок. Любовь к такому маленькому, нежному существу, как Нинуся, вносит неизбежную работу, помимо всяких общих интересов, и этим дает временную, но конкретную цель жизни...

Павлов сегодня уехал в Боржом. Я почти с ним не виделся, но я чувствовал в нем какое-то тяжелое, грустное настроение и потребность близости, которую он не сумел высказать. А я в общем в таком злом настроении, что мне не хотелось и не хочется сделать шага вперед к сближению с людьми, хочется скрыть и то, что проявляется из моей личности, – не потому, чтобы я дорожил своей самостоятельностью, а потому что мне моя личность тяжела и неприятна. Я с ним сговорился сделать совместно экскурсию по Полтавской губ. после 10 августа. Переговори об этом, когда увидишься с Ольховским.

Здоровье мое так себе. В общем временами устаю, но я думаю, что все это обойдется и войдет в свою колею очень быстро. На Таманском полуострове я не думаю пробыть более 5 дней и числа около 11-го – 12-го июля буду во Владикавказе. Я постараюсь взглянуть на картины Кавказских гор без **пони-мания**, постараюсь их почувствовать – хотя когда чувствуешь картину страны со знанием, тогда на душе становится грустно, хотя настроение бывает «высокое». Это я часто переживаю, проезжая Малороссию, где передо мной встает в охватывающем всего меня образе картина народа-неудачника. Это чувствуешь здесь, на месте древних греческих колоний... Вечером несколько дней тому назад я подъезжал к одной из станций между Керчью и Феодосией, и перед глазами открылся древний вал неизвестного народа, отделявший Керченский полуостров от Азовского до Черного моря, – он дал мне всю картину былого этой местности. А хотелось бы почувствовать природу без «глагола времен».

Целую тебя и всех нежно. Ниночку мою дорогую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 45, лл. 22–23.

¹ Н.В. Вернадская.

9 июля 1899 г., Темрюк

Темрюк, 8, июль, 99

Сегодня приехал в Темрюк, моя дорогая, и здесь застал твою лаконическую телеграмму, это было первое известие со времени моего отъезда. В Керчи, хотя я пробыл там 4 дня, я не получил твоего письма.

В Темрюке пробудем еще завтра. Около города находится огромная сопка – Гнилая Гора, над которой мы провозились сегодня часа 3 и провозимся завтра, по крайней мере, часов 6. Я очень много вынес из поездки по Таманскому полуострову для изучения сопочных процессов, и при изучении внешних – тектонических их особенностей – для меня ясна их связь с вулканами, а не с источниками, как их обыкновенно считают. Таманские сопки имеют иногда совершенно правильную форму вулканических конусов – например, Кукуобо (Горила Гора) возвышается на 50 саженей, имеет 3 версты в окружности и удивительно напоминает правильный вулкан. Я пишу тебе, моя дорогая Натуся, не потому чтобы хотел делать описание в письмах к тебе этих сопок, а потому что мне дорого и приятно, когда ты входишь в мою работу. Я мечтаю, что с тобою в Полтаве прочту вслух «Историю земли» Неймайра¹ (хочешь?). Это введет тебя во многое, чем я теперь занимаюсь. Если хочешь – надо будет выписать эту книгу к 10 августа.

Мы делаем глазомерную съемку всех особенностей рельефа сопок – отверстий, откуда выходят газы или выливается грязь, взаимного расположения конусов, грязевых озер, трещин и т.п. **Впервые** для этих местностей (и для сопок вообще) получают правильные **планы** сопок, и при этом получают любопытные данные, основанные на измерении. В прошлом году мы для пробы так сняли Еникальскую сопку, и в этом году мы сняли ее вновь, причем констатировали определенные новые изменения, которые указывают на изменения, связанные с движениями земной коры в этой местности. Я считаю сопки одним из важных земных процессов, связанных с движением газов в земной коре, и их изучение позволит выяснить многие любопытные данные. Мы сняли таким образом 6 сопок в Крыму и 5 на Таманском полуострове (одну нашли новую, никем не описанную) и получили богатый и **точный** материал для дальнейшей работы. Во всяком случае, есть кое-какие опорные пункты для работы. Кроме того, мы имеем много фотографий, причем сопки снимаются впервые! Эту работу без лабораторного исследования продуктов мы издадим с Поповым осенью же².

Другой удачной стороной моей поездки является то, что мне удалось открыть богатые руды алюминия – боксита, впервые найденного в России. Теоретически я предугадал его нахождение в этих местах, и в Яныш Такыле около Керчи, и в Железном Роге близ Тамани открылись передо мной богатые его залежи, описанные частью как глина, частью как бедная железная руда. Рано ли, поздно ли боксит будет иметь крупное значение, так как алюминий идет (относительно) мало вследствие двух причин чисто временного характера: 1) вследствие неумения избавляться от некоторых малых примесей, вредных для его свойств, т.е. неумения приготовить вполне однородный продукт, и 2) вследствие неуспеха в получении хороших сплавов его с другими металла-

ми. Я очень верю в будущее этого легкого и прочного металла и, может быть, попытаюсь утилизировать находку практически.

Среди всех этих поездок мы сильно забросили записи, не проявили фотографий и всем этим надеемся заняться во Владикавказе, куда поедем утром 10-го июля и приедем днем 11-го. Как распределю время во Владикавказе – не знаю, зависит многое от встречи с Орловским, которому завтра телеграфирую. Отчасти зависит и от моего ревматизма: начали опять немного болеть ноги. Но я буду очень осторожен – не беспокойся, моя Натуня. Одна нога немного болит, потому что меня покусала собака на кордоне около Железного Рога (не бешеная и укусила больно, но немного). Я надеюсь очень, что мой ревматизм не разыграется – такого приступа, как тогда перед Харьковом, не было.

9, июль, утро

Идет дождь, и я не знаю, как удастся устроить наши измерения на Гнилой Горе. Досадно, если даром остались в Темрюке, и если погода не улучшится, придется уезжать, ничего не сделавши. А в дождь на сопках работать нельзя, да по ним и не проберешься.

Сидеть в Темрюке совсем не привлекательно. Это полудеревня, полугород – пустой, глухой, расположенный среди плавней и вблизи мелкого моря с сырой, болотистой атмосферой. Некоторые пригороды (слободки) расположены так, что вместо улицы – болото, в котором экипаж едет по воде до середины колес, купаются ребятишки и т.п., растут болотистые растения, гуляют цапли. Около домов стоят лодки, служащие для переправы жителей, а пешеходы переходят улицы, подняв платье выше колен, а иногда до пояса. И так не только улица слободки – **почтовая** (sic!) дорога от Ахтанизовской до Темрюка, нанесенная на карту на протяжении нескольких верст, имеет такой характер: ни мостов, ни гатей, телеграфные столбы стоят в воде, экипажи идут по 1/2 колеса в воде, в которой плавают головастики и местами мелкая рыба, у самой дороги или на дороге местами бреднями ловят рыбу, а пешеходы идут по воде примитивным способом, задравши платье. Теперь кое-где (но очень мало) начали делать гати, но засыпают их сыпучим песком, т.е. делают их непроезжими. Ничего подобного я никогда не видел, сколько ни ездил по России. Среди таких плавней (Кубани) затерялся Темрюк – городишко с богатым или зажиточным земледельческим или рыбацким населением. Просидеть без нужды здесь не хочется – в городе никакой жизни, он кажется вечером и днем полужаснувшим, большая часть его имеет характер большого села. Наконец, здесь царят комары среди болотистого царства. Здесь на Кубани в станицах и хуторах народ живет богато – едва ли очень сильно будет чувствоваться неважный неурожай этого года. А между тем **что** дает эта зажиточная жизнь? Кое-какие «культурные» привычки, большая чистота в домах (на нас в станицах смотрели как на обидчиков и варваров, когда мы справлялись о клопах), сады около хат – население чисто малорусское, и нет ни голода, ни холода, нет того ужаса, который так сильно, больно, бесконечно тяжело давит при посещении русской деревни. Здесь местами – на хуторах – может вполне воцариться – и, может быть, кое-где и существует – та своеобразная идиллия безмятежного счастья в простоте привычек, которая рисовалась как идеал еще писателями древности и в наше время вызвана к живому обсуждению Толстым. Мне делается иногда тяжело, когда подумаешь об этой жизни, в

которой в значительной степени все достигается тем путем, что не остается места в жизни работе мысли: эта жизнь тяжела тем, что здесь вся цель – **ясна**. Нет места исканию, нет места сомнению, т.е. тому, что составляет наше счастье. Тихая семейная жизнь, простое довольство, достигаемое упорным трудом изо дня в день, отдых в семье или среди простых сердцем людей, вдали от вечных глубоких, **мучительных**, но прекрасных вопросов, поставленных человеческой историей! Как-то не тянет меня к такой жизни, и кажется она мне медленной смертью. Читала ли ты древних авторов, которые не раз сильнее Толстого рисовали такие картины – идеалы?

Надо кончать. Что моя дорогая Нинуся?³ Я постоянно о ней думаю, чувствую всем своим существом биение ее молодой жизни. Знаешь, я боюсь, что так к ней привыкну, что мне трудно будет оставлять ее.

Крепко целую тебя, поцелуй Гусю⁴ – как он себя ведет? Собирает ли гербарий, пусть мне напишет. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Пиши в Тифлис.

Оп. 7, д. 45, лл. 24–27.

¹ *Неймайр М.* История Земли. СПб.: Просвещение, 1897–1898. Т. 1–2.

² *Вернадский В.И., Попов С.П.* Еникальские грязевые вулканы. М., 1900.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 508

20 июля 1899 г., Владикавказ

Владикавказ, 20.VII 99, утро

Дорогая моя, вчера вечером вернулся во Владикавказ из Казбека и сейчас уезжаю в Алагир. Моя поездка приходит к концу, и я уже хочу ее скорее кончить; все как-то нездоровится – болят голова, ноги, зубы и т.д. – одним словом, *malaise*¹. Это время принимаю хину, фенацетин. Благодаря этому с некоторым усилием делаю экскурсии – например, последнюю на Курос-Цвери около Казбека, где находят кварцы, все время пришлось делать с сильнейшей зубной болью. Вот неприятное положение. Может быть, все это следствие того, что я как сильный и здоровый человек не привык к мелким нездоровьям. Во всяком случае, хочется отдохнуть. На ледник (Цея) я не решусь отправиться, так как и без того нехорошо, а пробуду это время внизу, так что мне остается один день трудной экспедиции – завтра на жилы свинцового блеска на Ардоне. Оттуда вернусь во Владикавказ, в Тифлис, где пробуду дня два и через Батум вернусь в Полтаву, где буду около 1 августа. Что моя Нинуська?² Так хочется скорее увидеть крошку.

Военно-Грузинская дорога до Казбека в высшей степени интересна, и я вернусь еще на Кавказ – теперь вижу кое-какие обрывки.

Моя дорогая, любимая Натуня, хочется скорее к тебе и отдохнуть. Поцелуй Гулю³ и всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 45, л. 28.

¹ Недомогание (фр.).

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

№ 509

20 августа 1899 г., Москва

20 авг. 99, Москва

Дорогая моя Натуня, пишу тебе несколько слов. До сих пор ничего нет определенного, кроме одних **слухов**. Называют как предназначенных к удалению (иногда даже называют некоторых удаленными) – Гамбарова, Зелинского, Умова, меня, Дена и Озерова¹. Но до сих пор нет ничего определенного и никто ничего не знает – по крайней мере, конечно, не знает никто, стоящий в стороне от власти имущих. С сегодняшнего дня должны начаться лекции – университет считается открытым², и прямо глупо с их стороны тянуть дело до приезда студентов и начала занятий: как они организуют правильно преподавание в первом полугодии, когда и так уже весь прошлый год прошел неправильно. Я не понимаю такого промедления: или это просто московские канцелярские порядки, или мера с петербургскими профессорами произвела нежелательный шум, или какая-нибудь задержка местного характера. Во всяком случае, что-нибудь они предпринимают, и все это разъяснится раньше 1 сентября. Меня не удивит, если они часть мер предпримут к 1 января. А затем вот еще несколько московских новостей: Соколовский назначен ординарным профессором³, Тихомиров, говорят, назначается ректором, а Тарасов⁴ – его помощником⁵. Якушкин выслан из Москвы в Ярославль за речь о Пушкине (за прочтение запрещенного стихотворения Пушкина). Видел Александра Ивановича Петрункевича, который едет за границу учиться – его брат Владимир Иванович никуда не мог поступить, так как ему предложили подписать унижительную форму прошения (такую форму предлагают только некоторым), он поступает вольноопределяющимся, но и тут до сих пор ему не дают свидетельства о благонадежности... Чувствуешь какую-то совершенно циничную расправу, так как не ждут никакого отпора...

Хотя я думаю, что все же это временное бедствие над университетами и что они переживут этих новых Руничей и Магницких⁶, но все же, может быть, приятнее было бы уйти и оставить обезображенные университеты. Если не удалиться в другую деятельность, то следует, может быть, искать кафедры в учебных заведениях другого министерства.

Так как ничего не известно, то я тебе и не телеграфировал.

Гуля⁷, по-видимому, очень доволен гимназией. Я думаю, что ему очень сильно тебя недостает.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую. Что Нинуся⁸, моя крошка? Поцелуй Марию Ивановну⁹.

Твой Владимир

P.S. Я забыл проститься с Над. Викт.!!!¹⁰

¹ Под предлогом предотвращения студенческих «беспорядков» (см. комментарий № 2) министр народного просвещения Н.П. Боголепов усилил инспекцию и уволил неугодных ему либеральных профессоров. На основании данных полиции были уволены петербургский профессор Н.И. Кареев, московский профессор Ю.С. Гамбаров и приват-доценты Петербургского университета М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, И.М. Гревс, М.И. Свешников.

² 15 февраля 1899 г. в Московском университете началась первая студенческая забастовка. Она была организована в поддержку забастовки студентов Петербургского университета, выступивших против полицейских порядков в университете 8 февраля в день годовщины университета. К 20 февраля забастовка охватила почти все учебные заведения России, в ней приняло участие свыше 25 тыс. студентов. Студенты требовали расширения академических свобод и общего улучшения условий университетской жизни. На другой день после начала забастовки из Московского университета были отчислены 58 студентов, из них 9 человек без права поступления в Московский университет, 17 февраля администрация исключила еще 74 студента. Но карательная политика университетской администрации лишь усилила студенческие протесты. Студенты отказывались начать занятия до возвращения всех исключенных и сосланных студентов. В марте университет был закрыт. Студенты считались исключенными, но им предоставлялось право подачи прошений об обратном приеме. Для руководства забастовкой и выработки общих требований студенты высших учебных заведений различных городов избрали Исполнительный комитет, который в полном составе был арестован на первом же заседании. Вновь созданный Исполнительный комитет подвергся той же участи. На студенческие требования царское правительство ответило исключительно репрессивными мерами. 29 июля 1899 г. были опубликованы временные правила об отбывании воинской повинности в виде наказания воспитанникам высших учебных заведений, исключенным за участие «скопом в беспорядках». В конце 1899 г. студенческое движение было разгромлено. Университеты потеряли много студентов. Студенты были отданы в солдаты, высланы в северные губернии, исключены без права поступления в какой-нибудь университет, уехали учиться за границу.

³ В 1899 г. в Московском университете был только один ординарный профессор Соколовский – доктор римского права юридического факультета Павел Емельянович (Эмильевич), но он в этом звании с 1895 г.

⁴ Иван Трофимович Тарасов в это время – ординарный профессор полицейского права и секретарь юридического факультета Московского университета.

⁵ Помощник ректора Московского университета А.А. Тихомиров 19 августа 1899 г. был назначен ректором университета на 4 года, а его помощником с 4 сентября 1899 г. – ординарный профессор Евгений Нефедьев.

⁶ Члены Главного правления училищ Министерства народного просвещения попечитель С.-Петербургского округа (с 1815) Д.П. Рунич и попечитель Казанского округа (с 1819) М.Л. Магницкий проводили разрушительную некомпетентную политику в отношении университетов и в историю русского просвещения вошли как синонимы реакционеров – губителей университетов.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Н.В. Вернадская.

⁹ Старицкая.

¹⁰ Надежда Викторовна Янович.

№ 510

22 августа 1899 г., [Москва]¹

22 авг. 99, утро

Дорогая моя Натуня, вчера неожиданно заболел Гуля². Хорошо еще, что мы не пошли в баню, как было собралось. Утром вставши он жаловался на боль в «горле» – но там ничего не оказалось, и так как у него был очень сильный насморк и не было жара, не болела голова и т.д., то я его отпустил

в гимназию. Когда я вернулся домой, то застал его уже ясно нездоровым. Вечером я хотел было ехать за Кабановым, но пришел Юрковский, который внимательно осмотрел его. Вероятно, у него инфлюэнца: у него жар (вчера вечером 38,3 и сегодня утром 36,1), небольшой бронхит, в груди нет ничего, точно так же и в горле (оказывается глупый Гуля называет «горлом» верхнюю часть груди, где лежат бронхи!), нехорош желудок (хотя на словах Гуля все увертывается и по обычаю – очень меня в нем огорчающему – дает формально правильные, но сознательно ложные сведения – например, спрашиваешь: «Хорош ли желудок?» – «Как всегда» и т.д.).

Я его уложил в постель еще до прихода Юрковского, и затем мы ему дали касторку (вот он разнежен и избалован – целая история ему давать), сейчас дадим хину и фенацетин и положим компресс на желудок. Вероятно, инфлюэнца: если что будет серьезнее, сейчас же дам тебе знать телеграммой.

В гимназию, конечно, завтра не пущу. Алекс. Алекс.³ очень внимательно за ним ухаживает, но какой он мнительный и изнеженный нервами! Так как, в сущности, он страшно боится болезни, то решается даже принимать неприятные лекарства, когда видит, что ничего не поделаешь. Я не понимаю, где он захватил болезнь: теперь болеют очень многие – а может быть, в гимназии?

Хочу, чтобы это письмо пошло скорее, и потому не пишу больше. О себе ничего определенного не знаю. Вчера видел одного из приятелей Алекс. Ив.⁴ – ассистента Тихомирова, который слышал, что удалены только Гамбаров, и Иванов, и, может быть, Зелинский. Но все это слухи. Передают об удалении из всех университетов 22 профессоров и преподавателей. Здесь уже вывешено глупое, раздражающее студентов объявление Тихомирова о форме, за которой будет следить полиция. Юрковский получил место в Волоколамске (Московская губ.), жене его лучше. Слава Богу, что они устроились. Милюкову⁵ разрешили приехать в Россию (Киев), кроме Московской и С.-Петербургской губ., и дозволили из Киева просить разрешения приехать в С.-Петербург для личных переговоров с министром (Боголеповым) – едва ли это может иметь какие-нибудь последствия. В Софию приезжал какой-то жандармский полковник, который разобрал дело Милюкова и нашел, что его обвинения были ложны и что он может занять кафедру в Софии, но теперь это уже поздно. Вчера видел Кишенск.⁶, который говорит, что Алекс. Ивановна⁷ поехала или едет к Марии Ивановне⁸. Надо кончать.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую. Так без тебя тут пусто и неуютно – надо нам с Гулей скорее под твое крылышко. Нинусю⁹ – мою радость – поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 45, лл. 32–33.

¹ Это письмо и последующие написаны в Москве, так как к началу учебного года В.И. Вернадский с сыном приехал в Москву и никуда из Москвы не уезжал.

² Г.В. Вернадский.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Очевидно, А.И. Петрункевич.

⁵ В 1897 г. П.Н. Милюков получил приглашение читать лекции в Софийском Высшем училище в Болгарии, это приглашение совпало с высылкой Милюкова из России на два года. По доносу русского представителя в Софии Ю.П. Бахметьева он был освобожден от должности

профессора в конце 1897 г. В 1899 г. окончилась ссылка, и ему разрешили вернуться в Петербург (об этом подробно см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 1. С. 186 и сл.).

⁶ Возможно, Дмитрий Павлович Кишенский – в 1899 г. патолого-анатом медицинского факультета Московского университета.

⁷ Возможно, Александра Ивановна Свечина – сестра М.И. Старицкой.

⁸ Старицкая.

⁹ Н.В. Вернадская.

№ 511

23 августа 1899 г., [Москва]¹

23 авг. 99, утро

Дорогая моя Натуся, пишу несколько слов, чтобы успокоить тебя, о Гуле². У него температура нормальная, и Б. Андр.³, который вчера вечером осматривал его, посоветовал дня два продержать его дома, а затем пустить в гимназию. Еще не пускаем, так как у него теперь остался небольшой бронхит. В общем он здоров, и никаких других болезненных признаков у него нет.

Об университете нет ничего нового⁴. Сейчас иду на лекцию, но едва ли будут студенты.

Крепко и нежно целую тебя. Поцелуй мою дорогую крошку⁵.

Твой Владимир

Здесь видел Цебр.⁶, который тебе кланяется. Он помирился с женой, и они едут вместе в Дерпт. Мальчик, о котором ты хлопотала, устроен.

Не забудь отчет о голоде. Пришли. Целую Маку⁷ и Марию Ивановну⁸.

В.

Оп. 7, д. 45, л. 34.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 510.

² Г.В. Вернадский.

³ Вероятно, Борис Андреевич Юрковский.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 509.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Очевидно, Владимир Михайлович Цебриков.

⁷ М.Е. Старицкая.

⁸ Старицкая.

№ 512

25 августа 1899 г., [Москва]¹

25 авг. 99, утро

Дорогая моя Натуся, от тебя вчера не было ни слова, и я беспокоюсь о Ниночке², так как дня два тому назад ты написала о том, что у нее грипп, и больше ни слова! В Гулином письме третьего дня ты о ней ничего не написала. Гуля³ пошел в гимназию; он совсем здоров, только у него небольшой насморк, но держать из-за насморка невозможно. Пока – насколько видно из

его рассказов – кажется, можно будет ему в гимназии учиться хорошо, но совершенно необходимо следить все время за ходом его работы и его мысли. Не знаешь, как быть: я помню по себе, как мне неприятны были все расспросы о чтении и т.п., и вообще эта опека имеет дурные стороны, а с другой стороны, нельзя оставлять без всякого надзора, так как всегда есть опасность банального учения, распространения того бюрократического духа, который (а не система – классическая или реальная) представляет главное зло гимназии. Знаешь, состав учителей лучше, чем я ожидал; директор преподает латинский и греческий языки положительно не банально, и Гуля при его любви к грамматике – занимается и будет ими заниматься с интересом. Также не дурно, по-видимому, будет преподавание истории и географии. Преподает Тарасов, один из участников кружка Виноградова, в хрестоматии которого он печатал очерки по истории искусства. Связанный Иловайским, он советует им излагать и учить не по нему, как пособие он дал Петрушевского, а затем позволил пользоваться всякой книгой для рассказа (по русской истории), но с указанием источника, откуда они рассказывают. Он советовал им для урока главным образом читать. И вот Гуля, по моему мнению, отнесся к этому крайне формально: он первый урок приготовил по Иловайскому и прочитал позже Петрушевского. Я с ним читал Костомарова, и мне кажется, надо обратить более серьезное внимание на его чтение: у него много лени, и его натура при внешней способности может легко пойти в готовых рамках бюрократической гимназии. Он будет учиться хорошо – но будет **исполнять** требования. Едва ли ему придется сохранить интерес и знания в области естественных наук; необходимо выбрать живые предметы, ближе стоящие к рамкам гимназического преподавания, и таким на первом месте должна быть история, дающая смысл всему грамматическому строю нашей средней школы. Важно обратить внимание на его чтение и работу в этой области. Смешно смотреть на среднее образование как на бессвязную школу: она не может давать всего – нет **общего** образования (из верхушек всех наук): в основе школы или должен стоять человек в его общественной логике и жизни: т.е. язык и история, или человек в его борьбе с природой, т.е. математические и естественные науки. Соединить это совсем – нельзя.

Здесь, кажется, пострадали только Гамбаров⁴ и Иванов⁵. Но удивительно, как никто не знает и ходит только масса слухов. В пятницу начинаю курс – в субботу Совет, где сообщат нам циркуляры министра. Тихомиров устраивает особые представления ему студентов первокурсников... Лугинин⁶ назначен профессором. О Гахе⁷ справлюсь сегодня или завтра: вчера не удалось поймать инспектора, они совсем завалены и сбиты с толку всякими хлопотами. Крепко целую тебя и мою крошку. Очень вас жду. Нинусю я видел сегодня во сне. Целую всех.

Твой Владимир

Для Гули **очень важно** твое возможно быстрое возвращение сюда.

Оп. 7, д. 45, лл. 35–36.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 510.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ См. письмо № 513 и комментарий № 2 к нему и письмо № 514.

⁵ Возможно, В.И. Вернадский имел в виду заслуженного ординарного профессора историко-филологического факультета Московского университета Г.А. Иванова, но он был оставлен в университете.

⁶ Приват-доцент В.Ф. Лугинин в 1899 г. был назначен сверхштатным экстраординарным профессором на кафедре химии Московского университета.

⁷ Н.Е. Вернадская спрашивала о поступившем в Московский университет студенте Семине Михайловиче Гахе, так как он был уроженцем Полтавы; о нем см. письмо № 513.

№ 513

27 августа 1899 г., Москва

Москва, 27 авг. 99, утро

Дорогая моя Натуля! О Гахе¹ справился. Он принят – не известили его по ошибке. Мне сказали, будто третьего дня ему послано официальное извещение на его письмо. Здесь очень скверно и тяжело. Мне бы очень хотелось, чтобы ты была это время здесь, так как о многом надо бы было поговорить, посоветоваться, решить вместе. Удален один Гамбаров²; удален еще в июле, будто бы по требованию Министерства внутренних дел, но, по-видимому, тут личная месть Боголепова. Он за границей, говорят, сюда приезжает. Затем подал в отставку Чупров³; прошение об отставке он мотивировал запрещением докторов читать ему лекции, т.е. болезнью. Как быть, если выйдет еще несколько человек хотя бы «по болезни»? В числе кандидатов на кафедру Чупрова выдвигается харьковский – Миклашевский. Все это очень сложно и грустно – а главное, едва ли виден какой-нибудь просвет. Меня берет сомнение – оставаться ли в университете, постоянно находясь под возможностью внезапного, беспричинного удаления, или уйти из университета, пока еще есть достаточно сил для начала новой деятельности. Уйти «по болезни» – разве это открытый протест? Или если уйдет много «по болезни» – общественное значение факта сохранится? А с другой стороны, тяжело самому оставлять Кабинет, лишать себя средств дорогой мне научной работы и, может быть, навсегда закрывать возможность работы в той области, в которой работал до сих пор. Так много сделано предварительной работы, затрачено труда и лет жизни, и бросить все неоконченным. Конечно, до известной степени, фикция – представление о незаконченности, и не все ли равно, кончена или нет искусственно поставленная жизненная задача? Но с другой стороны, только теперь открылась передо мной широкая область настоящей научной работы и закончились подготовительные годы. Часть моего предварительного труда я могу утилизировать, издав мои лекции, и на это достаточно года работы. Но это небольшая часть предположенного, начатого, подготавливаемого годами. Конечно, я не брошу научной мысли и научной работы, но придется искать других путей, работать с меньшим удобством – среди больших затрат сил на добывание средств к жизни. Наконец, я чувствую известные обязательства по отношению к моим ученикам; я оставляю в стороне научное руководство, но я думаю, что даже самое существование некоторых из них в лаборатории с моим уходом прекращается. Так видно и из разговоров с нами (Я.Ф.⁴, П.К.⁵). Т.е. я прекращаю и их возможность научной работы. Жаль оставлять все для университета, так как он совершенно губится, если заполнится чиновниками, но, может быть, вообще мы присутствуем при окончательной гибели универ-

ситетов в России, и они заменяются живыми политехниками, нам более подходящими к грубой и некультурной форме русского государства? А с другой стороны, ужас берет, если университет превратится в то, во что превратился с выходом Ч.⁶ и Г.⁷ юридический факультет – в собрание абсолютных ничтожеств и невежд, один-два ученых на всем факультете, из которых один туп (Комаровский)!⁸ А ведь меня они могут заменить, например, Карножицким!.. Трудно решить, и очень мне жаль, что тебя нет здесь в это трудное, смутное время; в письмах ничего не передашь.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую. Поцелуй мою крошку⁹. Как ее здоровье? Как она себя чувствует? От тебя вчера не было писем и очень в них мало написано. Целую всех.

Твой Владимир

Про Нинусю ты в письмах совсем не пишешь!

Посылаю письмо заказным, так как, по-видимому, письма пропадают. Говорят, их теперь усиленно читают.

Оп. 7, д. 45, лл. 37–38.

¹ Очевидно, С.М. Гах.

² В отчете Московского университета за 1899 г. записано: «Уволен, по прошению, экстраординарный профессор, статский советник Гамбаров» (см.: Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1899 г. М., 1901. С. 14).

³ А.И. Чупров в 1899 г. был оставлен в штате Московского университета, но в конце 1900 г. «выбыл из числа штатных профессоров с сохранением профессорского звания и права преподавания в университете, по выслуге 30 лет по учебной части Министерства народного просвещения» (см.: Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1900 г. М., 1901. С. 12).

⁴ Яков Филиппович (Владимирович?) Самойлов.

⁵ Очевидно, Павел Карлович Алексат.

⁶ А.И. Чупров, см. комментарий № 3.

⁷ Ю.С. Гамбаров, см. комментарий № 2.

⁸ В отчете Московского университета за 1899 г. приводится список ординарных и экстраординарных профессоров к 1 января 1900 г.: деканом юридического факультета был Александр Алексеев, ординарными профессорами – Александр Чупров, Леонид Камаровский, Петр Мрочек-Дроздовский, Иван Тарасов, Георгий Колоколов, Павел Соколовский, Дмитрий Самоквасов, Михаил Духовской, Николай Суворов, Лев Кассо, экстраординарный профессор – Вениамин Хвостов (см.: Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1899 г. М., 1901. С. 14–17).

⁹ Н.В. Вернадская.

№ 514

29 августа 1899 г., Москва

Авг. 29, 1899, Москва

Дорогая моя Натуня, от тебя так мало известий – ты пишешь только коротенькие отрывочные записочки... Я хочу ехать к Ивану Ильичу¹ в пятницу, 5 сентября, это единственный мне возможный день. Поезд мой уходит в 12 часов ночи, так что, если ты приедешь утром или вечером 5-го, то я тебя встречу. Было бы приятнее, если бы ты приехала 4-го. В другие дни мне совсем нельзя выехать. Видел вчера Гамбарова. Единственная причина, выставляемая против него, – его **образ мыслей**, несогласный с образом мыслей Министерства.

Выгонять человека из-за «образа мыслей» – это верх цинизма. Другое объяснение – личная месть Бог.² Никаких других мотивов, судя по объяснению попечителя (месть – это, конечно, не попечитель говорит), – нет. Гамбаров уехал в С.-Петербург, он подает сам в отставку³, если только ему удастся устроить пенсию, ему не хватает какого-то срока, и он может получить новую пенсию только по болезни (2000 руб.). Чупров подал прошение по болезни и тоже просит зачесть ему какое-то время, иначе ему не выйдет полная пенсия⁴. Ходит слух о выходе Тимирязева⁵. Федор⁶ прислал письмо своего брата Сергея⁷, который хочет выйти из университета.

Для меня все это совсем не так ясно, как, по-видимому, чувствует Сергей. Конечно, приятнее было бы уйти отсюда, но бросать самому научную работу в избранной области – для меня очень тяжелая жертва. А когда выходят более старые по болезни и с необходимыми заботами о сохранении пенсии, выходить без всего – едва ли разумно. Но очевидно, положение профессора непрочно, и надо искать соответственной должности, где бы была под рукой лаборатория. Может быть, я узнаю про Киев. Очень мне досадно, что тебя нет это время.

В такое нервное время работается плохо, но все же я начал работать и надеюсь, во всяком случае, этот год провести не даром. Знаешь еще про профессоров: из С.-Петербурга удален Поссе, который частным образом вел переговоры о лекциях в Электротехническом институте. Он получил эти лекции, но совершенно неожиданно оказался отчисленным от университета. Свешников удален из Военной академии и т.п. и потерял лекции во всех высших учебных заведениях (не знаю про лицей). У нас теперь любопытная история: никто не идет к Тихомирову в помощники⁸. Конечно, найдут кого-нибудь, но пока неудачно.

Крепко целую тебя, Нинусю⁹, всех. Как быть с Гулиными уроками у М-ше Tripet?

Целую нежно.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 45, лл. 39–40.

¹ Петрункевич.

² Очевидно, Н.П. Боголепов.

³ См. комментарий № 2 к письму № 513.

⁴ См. комментарий № 3 к письму № 513.

⁵ К концу 1899 г. К.А. Тимирязев «выбыл из числа штатных профессоров, с сохранением профессорского звания и права преподавания в университете, по выслуге 30 лет по учебной части Министерства народного просвещения» (см.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1899 г. М., 1901. С. 12). И только в 1902 г. «крамольный» профессор был освобожден министерскими чиновниками от обязательного чтения лекций в университете.

⁶ Ф.Ф. Ольденбург.

⁷ С.Ф. Ольденбург.

⁸ См. комментарий № 5 к письму № 509.

⁹ Н.В. Вернадская.

№ 515

30 августа 1899 г., [Москва]¹

Авг. 30 1899

Дорогая моя! Пишу несколько слов: я вчера написал², что уеду к Ивану Ильичу в пятницу, 5-го, и буду назад в воскресенье, 7-го. В числах я ошибся: уеду в пятницу, 3-го, и буду назад в воскресенье, 5-го. Гуля³ здоров.

Крепко и нежно целую тебя и мою дорогую детку⁴. Как-то она теперь – маленькая баловница. Больше писать не буду, так как жду вас.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Е.Вр.Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 45, л. 41.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² См. письмо № 514.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 516

17 сентября 1899 г., [Москва]¹

Дорогая моя!

Был у Лянца – он тоже думает, что эта сыпь связана не с местной причиной, а с нарушением обмена, т.е. признает ее артрического или ревматического характера. Лечение должно быть общее.

Лянец – совсем не тот, про кого я думал, – симпатичный.

Твой Владимир

17.IX 99

Оп. 7, д. 45, л. 42.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

№ 517

3 октября 1899 г., Моршанск

Моршанск, 3 окт. 99

Дорогая моя Натуня, так я был рад получить известие о дорогой Ниночке¹: так как-то сильно, глубоко, нежно привязан я к ней, и мне недостает видеть ее. Я очень жду твоего письма, чтобы знать, как ты теперь себя чувствуешь и не сильно ли утомляешься, помогает ли няня? Завтра, вероятно, будет твое письмо.

Собрание деловое². В общем идет недурно, и все же всякое собрание кончается чем-нибудь хорошим – так и теперь решено строить больницу, и вообще много разных более мелких улучшений по организации медицинской помощи. Я всегда несколько вхожу в местную жизнь, и мне чувствуется мед-

ленная, сдавленная, но живая все же жизнь русского общества, и кругом стоят тесные узкие стены, которые давят и глушат все хорошее. Есть известная поэзия и, может быть, известная мощь в том, что все же пробивается многое хорошее, несмотря ни на что. В бурю и главным образом в печальные мглы сумерки все же тянется к свету отовсюду зелень, трава и побеги...

Завтра еду на день в Вернадовку и, должно быть, в пятницу буду в Москве, может быть, в четверг. Мой день здесь располагается так: в 10 часов заседание, к которому я еще пишу резюме решений докладной комиссии, в 12^{1/2} часов перерыв до 1^{1/2} (я обедаю и завтракаю у С.И. Попова), от 1^{1/2} до 4^{1/2} – заседание, потом обед и в 8 часов вновь заседание комиссии до 11 часов. Читаю только урывками и дорогой, прочел почти весь 1-й том Платона, и такое удаление в вечное, чувство преемственности человеческой мысли и жизни как-то хорошо настраивает.

Между прочим, почтовое ведомство предлагает устроить почтовую станцию в Вернадовке, но требуется содействие местных владельцев – я, со своей стороны, выразил участие в своей доле (должно быть, придется дать землю). Все же это огромное удобство. Они хотят открыть почтовую станцию вскоре по открытии новой ветви.

Крепко и нежно целую тебя. Поцелуй Гулю³ и Ниночку. Помнит ли Ниноля своего папу?

У Попова – трое милейших детей. Мне так досадно, что я ничего не привез им из Москвы. Чтó-то ты делаешь, дорогая?

Твой Владимир

Оп. 7, д. 45, лл. 43–44.

¹ Н.В. Вернадская.

² Моршанское уездное земское собрание.

³ Г.В. Вернадский.

№ 518

19 апреля 1900 г., [Москва]¹

Суббота, 19.4 1900

Дорогая моя Натуся, должно быть, ты теперь в Полтаве. Бедненькая – сильно устала. Вернувшись с вокзала, я застал Гулю², который не спал, ты получила письма из Полтавы и Орла – он их **вскрыл**, прочел, нашел в них рецепты и очень волновался, не зная что делать. Я не решился заметить ему, что нельзя вскрывать писем – он сделал это с такою *bona fide*³, весь проникнутый чувством семейственности, которое еще не затронуто у него ни критикой мысли, ни критикой жизни. При отсутствии настоящей религиозной жизни – это самое сильное, большое и глубокое, во что он вошел и чего касаться можно очень лишь осторожно. По письму Нины⁴ я ничего не делал – решил ждать твоего извещения.

Сегодня послал тебе телеграмму, а теперь Гуля жалуется на нездоровье – лег в постель, так как у него, говорит, сильно болит голова. Температура даже несколько ниже нормальной (36,2), с утра был весел, у него был товарищ, и они еще недавно играли в снежки. Вчера (с 11 до 7^{1/2} часов) он провел в

семье этого своего нового друга, кажется милой. Ел с аппетитом и говорит, желудок в исправности. Ни насморка, ни кашля нет. Я не знаю, что это у него. Няня думает, что он скучает по тебе и, может быть, это присоединяется.

Ниночка⁵ пока очень весела и здорова.

У меня сегодня несколько болит горло, был кашель – инфлюэнца, и я стараюсь не подходить к Ниночке. То же, по-видимому, кашель и т.д. у Елены⁶.

Вот тебе несколько сведений о нас – формального характера. Если у Гули будет жар и т.д., то завтра утром дам тебе телеграмму.

Без тебя так пусто и грустно. Я очень надеюсь, что ты не даром проестьшься и вынесешь много хорошего и живого из свидания с Марией Ивановной⁷.

Нина тебе пишет и говорит: Нина!

Она стоит возле и требует, чтобы я писал, а сама смотрит, и как только я останавливаюсь, говорит: «Писать, папа, еще писать!»

Вчера у меня был Павел Иванович⁸, сегодня Линд.⁹ Эти три дня я могу быть больше дома, но с понедельника мне все же придется весь день не быть дома. Если будет болен Гуля, как-нибудь устроюсь, чтобы быть больше дома.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 2–3.

---

¹ Письмо написано в Москве, что следует из содержания: В.И. Вернадский пишет о детях, доме и т.д.

² Г.В. Вернадский.

³ По доброй воле, чистосердечно (лат.).

⁴ Н.Е. Жедринская, которая жила в Орле.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Возможно, няня в семье Вернадских.

⁷ Старицкая.

⁸ Очевидно, Новгородцев.

⁹ Очевидно, Борис Александрович Линденер.

№ 519

20 мая 1900 г., Москва

20, май, 1900, Москва

Дорогая моя Натуня, вчера решил было совсем не ехать в Вернадовку, а сегодня перерешил и вечером – в 10 часов – уезжаю. Дело в том, что мои экзамены оканчиваются не 30, а 31 мая, так что я могу быть в Вернадовке только 2 июня и, следовательно, не раньше 7–8 июня попаду в Полтаву? Теперь же дела устраиваются так, что экзамены начнутся 26 мая (26, 27, 30 и 31), и я пробуду 22, 23, 24 мая в деревне и уеду 25-го. Надеюсь кончить все так, чтобы мне не пришлось ехать еще раз. Выеду из Москвы 1 или 2 прямо в Полтаву – так что буду в Полтаве 2-го или 3-го июня.

Моя дорогая, ненаглядная Натуся, ты уже теперь подъезжаешь к Харькову и, верно, ждешь не дожدهшься свидания с деточкой. Так бы я хотел ее

повидать. Теперь увижу скоро. Сегодня приехал Паша¹ – едет в Людиново; он не взял еще места – но ему предлагают несколько, и на осень у него есть большие проспекты². Он совсем молодцом. Вечером мы оба уезжаем. Тороплюсь послать тебе оба прилагаемых письма.

Крепко и нежно тебя целую, мою горячо любимую, дорогую Тусю. Береги себя. Поцелуй детей и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, л. 4.

¹ П.Е. Старицкий.

² П.Е. Старицкий с 1895 г. был директором Людиновского машиностроительного и чугунолитейного завода и Сукресненского чугунолитейного завода Московского акционерного общества Мальцевских заводов и работал в этой должности до 1901 г.; с 1902 г. – главный мастер Невского механического и судостроительного завода в С.-Петербурге.

№ 520

23 мая 1900 г., Вернадовка

Вернадовка, 23.V 1900

Дорогая моя Натуня, наконец, вчера днем получил я твою телеграмму и успокоился – я хотел уже посылать вторую. Я очень рад, что попал сюда раньше – дела все главные кончил и могу 1-го или 2-го июня выехать прямо в Полтаву. Ведь так лучше? Я жду с нетерпением твоих известий и свиданий с Ниночкой¹, и сам очень жду ее видеть: я не могу проходить мимо малышей, чтобы не вспомнить своей крошки, сердце забивается сильнее, и смотришь на них с невольной нежностью.

Здесь холода, тепла настоящего совсем нет, все шли дожди, и в солнечные дни, например, сегодня, прохладно. Утром было 3°, а теперь только 11–12. Совсем холодная весна. Хлеба все очень хороши.

Был в Подъеме, в школе – она почти закончена и вышла очень недурна (до сих пор мы затратили на нее 2004 руб.), в конце лета будет совсем закончена. Хочется устроить ее и внутри по возможности хорошо, только чудак Мазинг, например, не хочет сделать две комнаты для учителя, а делает одну большую и закладывает окно! Едва удалось добиться, чтобы он не поместил сторожа в классе жить! Класс большой, и, по-видимому, школа будет совсем хороша. Я представил *carte blanche*² Мазингу и настаиваю только на крупном (например, чтобы сторож не жил в классе). Ведь жить там ему.

У меня перед отъездом был Юрковский. Я ему говорил о выплате денег Герц.³ Он говорит, что они решили делать месячные выплаты, осенью тебе передадут часть суммы. С него вычитали 60 руб. в казну за военную службу, они устраивались и оттого не могли теперь же выплачивать. В день отъезда у меня было большое общество: Юрковский, Беккер, Паша⁴, Павел Иванович⁵. Паша производит очень хорошее впечатление. Я с ним говорил о Стар.⁶ – он говорит, что легко получить место фабричного инспектора или т.п. Вообще же теперь большая заминка в местах (то же говорит и Беккер) для инженеров-техников. Мне кажется, совсем нельзя оставить Ст. в такой апатии и надо деятельно что-нибудь сделать для этого. В июне Паша будет в Полтаве.

Телеграмму Гр. («горячо поздравляем»)⁷ оставил Елене⁸, а немецкую пошлет Павел Иванович, который ее исправил. В университете навалил работу на Павла Карловича⁹ и Анатолия Орестовича¹⁰, которые были так милы, что взяли весь прием коллекции Румянцевского музея на себя «с удовольствием». Рукопись о Ломоносове сдал в печать¹¹.

Моя дорогая, ненаглядная Натуня, моя бедненькая, я так жду известий о твоём здоровье и так мне хочется быть опять с тобою, моей Натусей. Я думаю лето устроить так, чтобы в начале июня сделать (из Полтавы) поездку в Кривой Рог и в Полтавскую губ., а с 15–13 июня начать лечение. В Крым, должно быть, не поеду.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую Натуню. Поцелуй Гулю¹² и цыпленка¹³. Всех наших целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 5–6.

¹ Н.В. Вернадская.

² Предоставить полную свободу действий (фр.).

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Новгородцев.

⁶ Возможно, Д.С. Старынкевич, который в 1890 г. получил диплом инженера-технолога механического отделения Петербургского технологического института.

⁷ Очевидно, поздравительная телеграмма Гревсам в связи с защитой Иваном Михайловичем диссертации.

⁸ См. комментарий № 6 к письму № 518.

⁹ Алексат.

¹⁰ Шкляревский.

¹¹ *Вернадский В.И.* О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии. М.: О-во любит. ест., антр. и этногр., 1900.

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ Н.В. Вернадская.

№ 521

25 мая 1900 г., Вернадовка

Вернадовка, 25.V 1900

Дорогая моя, сейчас выезжаю в Москву, и завтра с утра экзамены. Кончил я все дела и, должно быть, 1-го или 2-го буду в Полтаве. Может быть, остановлюсь на день в Харькове свидеться с Красновым. От тебя имею только телеграмму и так жду известий о твоём здоровье, о Нинусе¹, моей дорогой крошке (или она теперь большая?). Как ты нашла Гулю?² Надеюсь в Москве иметь от тебя письмо, и ты мне пиши так, чтобы иметь письмо 31-го, или уже поздно получишь мое письмо? Здесь виделся только с Мазингом и Поповым, целые дни считал, ходил и ездил по хозяйству, искал – не вполне удачно – песок, так как для предполагаемых построек хотелось бы [делать] дома кирпич. По моим расчетам, должен был под наружным моренным слоем встретить песчаные слои меловой системы, а нашел тончайший озерный осадок, очевидно, какого-нибудь огромного озера, которое занимало нашу местность до ледникового покрова. Эти слои здесь неизвестны – стоило бы изучить, теперь

некогда. Хозяйство нашел в полном порядке, и с этого года мы уже войдем вполне в свое хозяйство без сдачи земли. На все потребовалось 10 лет – как много времени! Теперь становится новая задача, как вести дело дальше, так как трехполье долго держаться не может. У меня всякие планы.

Здесь холодно, и хотя в саду в полном цвету сирень, рябина, яблоня, все же хочется погреться – старые кости любят тепло. А я здесь едва-едва не дрог. И в солнечные дни – холодный ветер.

Помимо хозяйства, уходил все более и более в разные вопросы в связи с ходом человеческой мысли. Кончил 2-й том «Истории картезианства» Булье³ и теперь читаю (дорогою кончу) «Историю медицины» Пагеля⁴ – в общем так много захватывающего, интересного, и столько является мыслей, иногда так быстро бьется мысль, что я **чувствую** это в голове, и невольно останавливаясь перед наплывом толпящихся, недоканчивающихся в сознании идей, впечатлений и мечтаний. Все больше уходишь в эту область...

Моя дорогая, моя любимая, бедненькая, моя единственная Натуня – как злой тяжелый сон многое прошлое, и только тяжело, что нельзя многое вернуть и изменить, чтобы его не было. Воля и мысль могут, может быть, хоть несколько исправить и загладить нанесенное зло. Ничего не поделаешь.

Нежно и крепко тебя целую. Поцелуй детей и наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 7–8.

¹ Н.В. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

³ *Bouillier Fr. Histoire de la philosophie Cartésienne. P., 1854.*

⁴ См., например: *Пагель Ю.Л. Очерк развития медицины в XIX столетии. СПб.: Мед. журн. д-ра Окса, 1902.*

№ 522

27 мая 1900 г., Москва

Москва, 27.V 1900

Дорогая моя Натуня, вчера получил здесь твое письмо и так был ему рад. Сперва отвечу на твои вопросы. Едва ли что смогу сделать для Гольштейн¹. Я теперь совершенно завален экзаменами и сидеть несколько дней в Москве из-за этого – невозможно. Да, наконец, теперь, вероятно, все-таки дела делать поздно. Я заеду к Гольцеву (вероятно, не застаю – так как могу зайти только на праздники), 30-го и 31-го я занят сплошь от 9¹/₂ часов утра до 9–10 часов вечера, так как, кроме экзамена, будут еще совет и факультет (не буду дома и обедать). А потом ему напишу. Эти дела надо отложить до осени. Относительно Ивановны, может быть, ты права (тем более, что странно как-то пропали 3 руб. у нее – потом расскажу), но теперь поздно, так как я с ней переговорил раньше: она очень хочет остаться; ей лучше, и она надеется, что было временное ухудшение. До твоего письма я с нею переговорил на почве прежнего нашего с ней разговора – и выгонять человека как-то тяжело и по нашему положению не необходимо².

Моя дорогая Натуся, так хочется скорее видеть тебя и детей и мою Нинуську³, эту маленькую эгоистку, но ее «я» – простое и безвредное – так мило, что в этом возрасте эгоизм даже красив и нормален. Выеду 1-го вечером с курьерским, так как надо еще закончить мелкие дела – кое-что купить и т.д. В Полтаве буду 2-го, если не остановлюсь в Харькове у Краснова, или днем 3-го. Теперь пишу после экзамена, как-то очень устал и утомился – скорее тяжелыми впечатлениями общего характера – плохими, в высшей степени малокультурными ответами, чувством исполнения какой-то ненужной, канцелярской работы. Да и среди всех самооправданий современным положением профессора в русском университете много чувствуешь и своей вины в этой малой затронутости облика молодежи культурным веянием. Все это трудно и тяжело.

С большим нетерпением жду твоего письма и новых известий о Ниночке. Береги себя и не ходи слишком много.

Крепко и нежно тебя целую, поцелуй детей и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 9–10.

---

¹ В письме от 24 мая 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Александра Васильевна очень просит тебя вытребовать у Гольцева ее романы на английском языке, присланные ею раньше Гольцеву и забракованные им, но которые он не возвратил. А также просит тебя снести Гольцеву все новые романы, которые она пришлет или уже прислала тебе в Москву для него. Может быть, он их поручит перевести ей для журнала. Устрой это дело» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 21–21 об.).

² В письме от 21 мая 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Про Ивановну думала, лучше было бы с ней расстаться, так как она мне прямо сказала, что ей у нас не по силам. Пусть отыщет место легче. Это обуза ее иметь и лишний огромный расход за лето» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 13–13 об.). И позднее в письме от 24 мая 1900 г. Н.Е. Вернадская писала: «Дорогой мой, хотя это тебе тяжело и неприятно, но я очень хотела бы, чтоб ты рассчитал Ивановну. Не стоит ее оставлять при квартире. Она мне очень не понравилась в последнем объяснении. Лучше заплати ей лишнее, а квартиру сдай дворнику. Все равно с ней придется расстаться, потому что она слишком слаба. А она просто требует новые послабления. А впрочем, сделай как хочешь. Высказываю свое мнение после последнего беззастенчивого вымогательства» (ф. 518, оп. 3, д. 266, лл. 21 об., 17–17 об.).

³ Н.В. Вернадская.

№ 523

29 мая 1900 г., Москва

29, май, 1900, утро, Москва

Дорогая моя Натуся, вчерашнее письмо твое меня несколько встревожило, я боюсь, что ты слишком много возишься и недостаточно осторожна¹. Не утомляешься ли ты с Нинусей?² Нинуся уже здесь последнее время была большей пискуньей, чем раньше.

Мне хочется уже скорее уехать, и теперь проведу здесь только 3–4 дня. Я думаю, не лучше ли устроить так, чтобы начать брать ванны вскоре по приезде и уехать за границу не 15-го, а 10-го июля – тогда у меня не будет времени за границей так в обрез. Но это все мы решим с тобою в Полтаве. Вчера у меня целый день были гости, и сегодня я опять не дома, а 30–31 совсем страдные дни. Вчера у меня были Лаппо³, Попов, Павел Иванович⁴,

Иван Ильич⁵. Бакунин умер – до конца сохранив сознание и полный блеск ума. Иван Ильич говорит, что никогда он не видел такой философской смерти при полном интересе к жизни. Сохранилась, между прочим, рукопись (недоконченная) «Возражения на критику чистого разума» Канта, которую Павел Александрович⁶ начал в середине февраля этого года. Умер он ночью, к утру, а еще вечер провел с Петрункевичем в живой беседе. Иван Ильич думает издать, что возможно, из его статей и написать о нем статью. Анастасию Сергеевну⁷ я еще не видел – пойду к ней сегодня вечером. Иван Ильич говорит, что она не вполне хорошо себя чувствует, смерть Павла Александровича повлияла на нее, конечно. Известия о земских делах – очень неутешительны. По-видимому, и в общем собрании Государственного совета вопрос не пройдет, но государь, конечно, согласится с меньшинством. Придется уходить из земства. Жизнь растет, но исчезают (временно) **формы** общественной деятельности: надо уходить к вечным источникам силы и независимым от бюрократической и государственной машины вопросам знания, философии, искусства и с точки зрения этих общечеловеческих основ разрушать ту плесень и гниль, которая теперь всем завладевает. Вас. Вас.⁸ арестован в Киеве на собрании, слушавшем какой-то реферат. Есть большие данные предполагать, что тут была ловушка и по отношению к Василию Васильевичу личная месть местного жандарма, человека в высшей степени непорядочного. Но и в С.-Петербурге о нем знают мало. Лаппо производит на меня очень хорошее впечатление, он говорит, что Иван Михайлович⁹ очень доволен диспутом, который был очень оживленный¹⁰. Проспектов для будущего Гревс в С.-Петербурге не видно. Он не думает, чтобы в здоровье Кати Гревс было что-нибудь опасное. На меня производит впечатление, что газета Йоллоса – надежды на разрешение не имеет. Сегодня иду обедать к Миклашевскому (sic!) с Лаппо и Павлом Ивановичем (который вчера начал набело переписывать диссертацию), а вечером и Петрункевич был у Павловых – прощался – все то же впечатление и так всегда тяжело, когда черт связывается с младенцем. А Алексей Петрович¹¹ прямо попадает в совет нечестивых при полной невинности... Его вид неважен.

Моя дорогая, горячо любимая Натуська – хочется скорее к тебе, отдохнуть. В Полтаву беру разные работы, хочется уйти от глупой суতোлки экзаменов.

Крепко и нежно тебя целую. Поцелуй детей. Что Гуля?¹² Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 11–12.

¹ В.И. Вернадский очень беспокоился о здоровье жены, так как она в апреле перенесла операцию.

² Н.В. Вернадская.

³ А.С. Лаппо-Данилевский.

⁴ Новгородцев.

⁵ Петрункевич.

⁶ Бакунин.

⁷ Петрункевич.

⁸ Очевидно, В.В. Водовозов.

⁹ Гревс.

¹⁰ См. комментарий № 7 к письму № 520.

¹¹ Павлов.

¹² Г.В. Вернадский.

№ 524

29 мая 1900 г., [Москва]¹

29.V 1900

Дорогая моя Натуся! Сегодня послал тебе письмо, а теперь отправляю два письма Кати² и письмо из Парижа (я его вскрыл и прочитал), так как увидел, что Гольштейн.

Крепко и нежно целую.

Твой Владимир

Скоро буду.

Оп.7, д.46, л.13.

---

¹ Письмо написано в Москве, см. письмо № 523 от этого же числа.

² Очевидно, Е.И. Короленко.

№ 525

31 мая 1900 г., Москва

31.V 1900, Москва

Дорогая моя Натуся, очень меня беспокоит твое нездоровье¹. Я не думаю, однако, чтобы тебе можно было ехать в Крым купаться², так как Покровский говорил, что можно начать не раньше конца июня и едва ли хорошо ехать с места на место. Из его слов я вынес впечатление, что поправление и должно идти не так уже быстро. Пишу последний раз из Москвы, так как завтра постараюсь уехать (если достану билет). Только завтра будет готов заграничный паспорт, не знаю, когда удастся увидеть Покровского (так как сегодня у меня сплошь занято время с утра до вечера). Остановлюсь в Харькове (получил телеграмму от Краснова), так что в Полтаве буду 3-го июня утром или вечером. Вернее – вечером. Относительно Ивановны³ я уже тебе писал, что теперь менять поздно, и я решил ее оставить, так как никаких данных к перерешению не могу найти, кроме чисто формальных. Лучше ты и не беспокойся. Моя дорогая Натуся, крепко и нежно тебя целую и люблю.

Твой Владимир

Туська в каждом письме – половину об Ивановне, а об Нинусе⁴ в последнем ни слова! Право, меня Ивановна не интересует. Нежно целую.

Оп. 7, д. 46, л. 14.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 523.

² В письме от 28 мая 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «У меня к тебе большая просьба. Сходи к Покровскому и узнай, не лучше ли на июнь и июль мне поехать купаться в Крым» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 25–25 об.).

³ См. комментарий № 2 к письму № 522.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 526

4 июля 1900 г., Фастов

Фастов, 4.VII 1900

Дорогая моя, пишу несколько слов из Фастова, где нам приходится ждать поезда несколько часов, ходили было в местечко – пыльно, скучно, грязно и бедно, жарко, и вернулись опять на вокзал. Начальник станции телеграфировал в Киев, говорит, что, **вероятно**, будут места, но что иногда – благодаря Парижской выставке – поезда бывают переполнены. Сюда доехали прекрасно – в обоих случаях (и в Полтаве, и в Знаменке) добыли маленькое купе, благодаря практичности Паши¹ или который очень энергичен. Но еще долго ехать. В вагоне душно и особенно досаждают совершенно невозможная пыль. Очень жду от тебя известий, моя дорогая Натуся, я очень беспокоюсь, как ты теперь себя чувствуешь: вчера была такая усталость. Что моя Нинуся?² Вспоминала меня или нет?

Крепко и нежно целую тебя, Гулю³, Нину⁴ и всех наших.

Твой Владимир

Не забудь передать книгу Ольх.⁵ (одна книга у Гули, он должен и отнести до отъезда в Музей). Крепко целую.

На обороте: Полтава, Е.Вр. Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 46, л. 15.

¹ П.Е. Старицкий.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.Е. Жедринская.

⁵ Очевидно, Михаил Александрович Ольховский.

№ 527

[19 июля 1900 г., Берлин]¹

Дорогая моя Натуся, сегодня приехали в Берлин, и я пишу тебе эти несколько строк – позже напишу подробнее. Доехали хорошо – от Александрова взяли спальный (2-го класса) и прекрасно выспались. Отсюда я думаю выехать послезавтра рано утром, завтра еду в Steglitz, около Берлина. От Берлина нет прямых путей до Гааги, и до Гааги почти 12 часов пути – может быть, придется ночевать в Утрехте.

Крепко и нежно тебя целую, мою дорогую. Поцелуй детей. Что Нинуся² – с нетерпением жду известий – будут, должно быть, в Гааге.

Целую всех.

Твой Владимир

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская, д. Янович, **Poltawa, Полтава, Russie.**

Оп. 7, д. 46, л. 19.

¹ Дата (н. ст.) и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке. По старому стилю, принятому в России, открытка была отправлена 6 июля.

² Н.В. Вернадская.

Гаага, 9/22 1900

Дорогая моя Натуся, ночью приехал в Гаагу, сегодня утром купался в Шевенингене и думаю здесь пробыть, должно быть, все время купанья, до поездки во Францию. Здесь получил, наконец, первые известия от тебя, моя дорогая, от 4 июля. Из Берлина не написал тебе, отсюда хочется написать подробнее.

Вчера ехал целый день. В Гаагу приехал в 1-м часу ночи по здешнему (по-берлински – во 2-м) – больше 13 часов переезда в курьерском поезде. Уже при приближении к Голландии вагоны опустели – все спутники повернули сперва на Кельн (в Париж), затем в Флиссинген (в Лондон) – местное движение почты незаметно в курьерском поезде. В Гааге нас высадило два пассажира, ночью извозчиков не было, и я отправился странствовать с носильщиком, отыскивая ночлег. Объяснялся кое-как с помощью немецкого языка, в первой гостинице места не оказалось, и я попал в другую – рядом, в небольшой отель Шмидта, хозяин которой (несмотря на фамилию) не говорит по-немецки, но говорит по-французски. Устроился по 2¹/₂ флорина (=2 руб.) за комнату с утренним завтраком (порция чая или кофе, яйца, масло, сыр и хлеб) – большая комната в сад на улице около вокзала и против «Гаагского леса» – прямо против гостиницы столетние деревья и пасутся стада ланей... Тут же рядом каналы, наполненные стоячей водою с барками и лодками, и кругом кишат электрические конки и узкоколейные железные дороги. Немного шумно и дорого – завтра поищу поудобнее, сегодня воскресенье и ориентироваться трудно. Сейчас как встал, побежал на почту за твоим письмом, а затем поехал в Шевенинген – переезд около 10 мин (конки каждые 3–4)² – в вагоне туристы, иностранцы и масса нянь и матерей с маленькими детишками, а те снабжены лопатами и т.п. – едут на plage. На некоторых какие-то чепцы вроде раковины Nautilus'a – не могу сказать, чтобы очень хорошие: ты такие хотела? Огромный, роскошный пляж на культурно улучшенных дюнах, и сегодня в первый же раз купался. Пробыл в воде недолго – сперва ощущение не особенно приятное, но потом почувствовал всю прелесть купания и буду купаться с наслаждением – свежая, бодряя вода (утром в 7 часов было 15 °R – я купался в 11 часов), холода не ощущаешь, большая волна, превосходное мелкое песчаное дно. Это характер воздушной души. Все купанье будет недорого – с бельем каретка стоит около 75 cent (т.е. около 65 коп.), может быть, буду брать свое белье – надо купить – и тогда будет стоить (абонемент) 40 cent. В море ввозят каретку на лошади и там оставляют. Можно купаться без костюма, или большинство в минимальном костюме (в мужском отделении), но я устрою себе минимальный костюм (Badelosen), так как дамы преспокойно прогуливаются в отведенном для мужского купанья участке. После купанья я около часу гулял на пляже – не хотелось уходить – соленый воздух наполнен запахом «морской травы». Кругом всюду рой детишек – так хотелось бы привезти на такой plage нашего дорогого пюпсика – так ему полезно и хорошо побегать в этой бодрящей обстановке. На меня купанье подействовало обратно тому, что говорил Кабан.³ – не вызвало зноба, но скорее усилило испарину, не лишило сна, а, наоборот, несколько нагнало сонливость, так что я только что (пишу тебе днем – в 4 часа) немного подремал. Все эти ночи в Берлине спал ужасно – отчаянная была жара – здесь прохладно. Может быть, немного

устал с дороги, так что не хотелось идти в музей, и сегодня я только сделаю еще прогулку в лежащий против отеля «лес» (сперва парк, а потом переходит в лес на расстоянии больше часа ходьбы). Я думаю все время пробить здесь, так как: 1) переезды очень дороги, 2) хочется воспользоваться временем для работы. Если, как я надеюсь, здешняя библиотека богата произведениями XVII и XVIII вв., я смогу далеко подвинуть свою работу о кристаллографах XVII столетия, большинство которых тесно связано с голландской умственной жизнью этого времени. Утро до 12 часов буду проводить в Шевенингене, от 1 до 5 – библиотека и музей, а затем после 5 у меня остаются свободными вечера – опять для прогулок, чтения и изучения голландского языка. На 13–14 дней, которыми располагаю, достаточно.

Голландию видел мало – проехал большей частью ее ночью, и, должно быть, не будет времени ознакомиться порядочно с нею, но времени на все не хватит, и лучше сделать что-нибудь малое, чем погнаться за всем и ничего не добиться. В Берлине видел интересовавшие меня приборы и переговорил в Штеглитце с лучшим механиком Лебссом о приборах для нас и об изменениях, которые я хотел бы, чтобы он сделал в приборе. Виделся с Klein'ом – как-то настоящей умственной жизни не чувствуется, и на меня производит Минералогический институт университета (впечатление) как-то мертвенно застывшего – но какие средства! Они купили в 1897 г. за несколько десятков тысяч марок коллекции эрцгерцога Стефана, а в 1899 г. за **150 000** марок еще другую коллекцию Янсона, и в ней удивительные экземпляры. Рядом с этим **отсутствии работников**, нет сил справляться с материалом. В этом одном из самых больших минералогических институтов Европы работает, кроме персонала, – 4–5 человек и то петрографов. По минералогии и кристаллографии ни одного практиканта, кроме студентов – не специалистов... Отчасти, конечно, виноват Клейн, отчасти строй здешней жизни, дающей слишком много иных, более захватывающих исходов. Но несомненно, многое делает сухое, затхлое, мертвое понимание задач минералогии и кристаллографии, которое здесь царит.

Надо кончать. Все время слежу за китайскими делами⁴ – известий мало, и как-то не читалось, только телеграммы. Здесь в Гааге другой интерес – во всех табачных на окнах – новые телеграммы из Южной Африки. А между тем чувствуется крупный поворотный период в истории человечества, который переживаем. Потомки поймут лучше нас историю нашего времени. Дорогой читал кое-какие любопытные издания – финляндские и т.п.

Моя дорогая Натуся, моя любимая, так меня беспокоит твоя усталость – я и уехал, оставив тебя усталой. Что Гуля?⁵ – ты об нем напиши. Детей крепко целую. Не забыла меня Нинуся?⁶ Целую всех.

Твой Владимир

P.S. Если бы не Паша⁷, я был бы в Берлине в трудном положении: по ошибке я перевел в Гаагу больше денег, чем следовало, и для берлинских покупок (купил кое-что) их не осталось: занял у Паши 50 марок – верну ему здесь или в Париже. Пиши. Нежно и крепко целую.

Оп. 7, д. 46, лл. 16–17.

¹ Письмо написано в июле, так как в Гааге В.И. Вернадский был в июле, см. письмо № 530.

² Т.е. 3–4 мин.

³ Николай Александрович Кабанов.

⁴ В 1899–1901 гг. в Китае проходило народное антиимпериалистическое Ихэтуаньское восстание (названное иностранцами боксерским). В июне 1900 г. ихэтуани вступили в Пекин, но восстание было разгромлено совместными войсками Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, царской России, Италии и Австро-Венгрии.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ П.Е. Старицкий.

№ 529

10/23 июля 1900 г., Гаага

№ 2¹

Гаага, 10/23.VII 1900

Дорогая моя Натуся, сегодня получил твое письмо от 5-го – так ему рад, но меня очень беспокоит твоя усталость. Моя дорогая, я вовсе не думаю, чтобы у тебя иссяк интерес мысли², но я думаю, что надо постоянно работать для того, чтобы текущая жизнь не поглотила **незаметно**, и мне кажется, ты как-то не считаешь это делом, и является лишь *neben Sache*³. Сегодня брал 24-ю ванну – море очень бурное, северный ветер, но приятно и бодряще. Я решил устроиться в пансионе, так как в гостинице и неудобно и дорого, но все же устроился довольно дорого – 4 fl.50 (т.е. 3 руб. 60 коп.), считая голландский завтрак утром, в 12 часов завтрак 2-й, в 6^{1/2} – 7 обед и вечером, если хочу, – чай. Большая комната в центре города, около леса и конок в Шевенинген. Здесь было страшно шумно, и пансион хозяин хотел только за 6 флоринов. Я думаю работать и сегодня купил голландский словарь и книгу Меинзма «Спиноза и его друзья», по-голландски⁴, которую буду читать. Хочется сделать возможно больше, в то же время я совсем не в настроении ездить с места на место, а хочется пожить на одном месте вдали от шума и сутолоки. Пробуду в Гааге до 22 июля, а потом через Брюссель и Париж поеду в Бурж, если устроилась экскурсия, а если нет, то в Париж⁵ и после опять куда-нибудь на море. Ты так и рассчитай для писем. Как адрес Гольштейн? Адрес для писем после 22 июля /3 августа – Париж.

Целую крепко, и нежно, и горячо. Гуле пишу в Богоявленск⁶.

Твой Владимир

Мою драгоценную крошку⁷ целую.

На обороте: Е.Вр. Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Полтава, Russie**.

Оп. 7, д. 46, л. 18.

¹ Номер письма, проставленный В.И. Вернадским.

² В письме от 5 июля 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Ты будешь огорчен, что я вряд ли устно [смогу] много читать с Нинусей первое время. Хотя думаю, что когда мелочи жизни войдут в колено – я не буду уставать и буду успевать читать. Не думай, что во мне иссяк интерес к мысли. Я чувствую, что он во мне силен и глубок. Я даже думаю, что освободилась от многих оков, стеснявших мою самостоятельную мысль» (ф.518, оп.3, д.266, л. 29–29 об.).

³ Чем-то вроде смеха (нем.).

⁴ *Meinsma Koenraad Olge*. Spinosa en zijn Kring: Historisch-kritische Studiën over Hollandsche Vrijgeesten's. Gravenhage: M. Nijhoff, 1896.

⁵ В августе В.И. Вернадский принял участие в работе VIII сессии Международного геологического конгресса, который проходил в Париже.

⁶ В Богоявленске жила А.Е. Любошинская, сестра Н.Е. Вернадской, у которой отдыхал Г.В. Вернадский.

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 530

11–12/24–25 июля, 1900 г., Гаага

№ 3¹

Гаага, 11/24. VII 1900

Дорогая моя, ненаглядная Натуся, это просто ужасно, что ты так усташь – не отдыхаешь летом перед зимою! Может быть, как-нибудь все-таки надо устроить, чтобы ты проехала в Крым? Когда вернется кто-нибудь к Марии Ивановне?² Не может ли приехать Нина³ или Аня?⁴

Сегодня жаркий день и теплое море – купаться великолепно, и я бы с удовольствием купался два раза, но буду исполнять предписание Кабанова. Поселился я в Гааге, но, может быть, напрасно: вечерами здесь очень сыро – по каналам и паркам стелется иногда туман – резкая разница с Шевенингеном, который (по крайней мере, *plage* и прилегающие части) защищен дюнами от низких болотистых и луговых мест.

12/25.VII 1900, утро

Вчера не дописал письма – вечером был опять в Шевенингене – и обратно: там туман, в Гааге прекрасно. Я думаю все-таки прожить здесь дней 5–6 и потом, если будет возможно, переселиться в Шевенинген – там прекрасен океан и хочется больше чистого воздуха.

Начал вчера работать в библиотеке и приводить в порядок материалы по истории кристаллографии XVII в.⁵, многого не достаю, но я хочу сперва привести в порядок и сделать, что возможно. Получается совершенно иная картина развития, чем предполагали: неизвестные и забытые кристаллографы выдвигаются более ярко. Основной закон ясно был виден двумя такими учеными – Дависсоном и Эр. Бартолином, над которым теперь работаю. В истории кристаллографии много затрагивается более общих вопросов, и мне кажется, мне удастся дать довольно ясное понятие о работе и **зарождении** мысли в этой области. Моя жизнь здесь складывается довольно регулярно. Встаю $\langle$ в $\rangle$ 8–9 часов (надо вставать раньше), иду на почту, 10–11 – библиотека, в 11 еду в Шевенинген, купаюсь и гуляю по *plage*'у, затем к часу возвращаюсь домой, завтракаю и от 1 часа 20 $\langle$ мин. $\rangle$ до 4 часов – библиотека, после 4 – делаю прогулку в лес, возвращаюсь домой к 5^{1/2} – 6, в 6^{1/2} – обед, после обеда еду в Шевенинген и возвращаюсь к 9 – 9^{1/2}. Мне нравится вдаль от толпящейся у курзала публики гулять во время отлива по *plage*'у, красив закат солнца. Вечером часов до 11–12 читаю.

Вчера в Шевенингене встретил Н.Ф. Филатова с семьей, он купался (сегодня уехал) 3 недели, спрашивал, купался ли наш «малюк», просил тебе кланяться. Так ужасно, что наш драгоценный Нинок⁶ не купается или не ползает в песке: ей в будущем году очень полезно, и надо это сделать. Я часто, постоянно вспоминаю свою крошку.

Здесьняя жизнь во многом своеобразна, и в этом своеобразии, соединенном с необычайной устойчивостью, ее сила и известное изящество. Мне вообще

кажется, что только небольшие единицы – народы, живущие своею жизнью, могут дать силу вырабатывать личность. Или надо разбиться на единицы, живущие своей жизнью (как англосаксонская раса). Многие мелочи поражают в голландской жизни, в Гааге, например, всюду продают молоко (газированное и простое), как у нас сельтерскую воду или лимонад, масса деревьев – главным образом платанов, гладкие стволы которых покрыты зеленым налетом водорослей (от влаги воздуха?), так что ты гуляешь в платановом лесу, точно в каком-то древнем папоротниковом. При влажности воздуха иногда чрезвычайно красивые тени и оттенки. Всюду масса велосипедов, есть автомобили и т.п., а наряду с этим солидные голландцы прогуливаются в черных длинных сюртуках и цилиндрах, женщины, особенно по воскресеньям, одеты в какие-то необычайные головные уборы. Масса каналов в городе, по которым неуклюже двигаются лодки и барки, и рядом – в городе же – электрические и паровые конки. Под квартирами – конюшни, и, ходя по улицам, ты видишь иногда все время только конюшни... Народ некрасивый, только местами мелькают смуглые лица южан, должно быть, потомков маранов⁷ и испанских и португальских евреев. Поражает какой-то странный румянец женщин и детей – пятнами, точно застой крови, – от вечного сырого воздуха? Но наряду чувствуется крепкая, цепкая сила.

Нежно целую тебя и люблю.

Твой Владимир

Нинусю и Гулю (я ему писал в Богоявленск)⁸, Марию Ивановну целую.

Твой Владимир

Газеты (читаю со словарем) совсем не отчаиваются за буров.

Оп. 7, д. 46, лл. 20–21.

¹ Номер письма, проставленный В.И. Вернадским.

² Старицкая.

³ Н.Е. Жедринская.

⁴ А.Е. Любошинская.

⁵ В.И. Вернадский начал работать над книгой: «Основы кристаллографии». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1903.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ В средневековых Испании и Португалии – евреи, официально принявшие христианство.

⁸ См. комментарий № 6 к письму № 529.

№ 531

13/26 июля 1900 г., [Гаага]¹

№ 4²

13/26.VII 1900, утро

Дорогая моя Натуся, вчера опять было твое письмо, я так им рад и так их жду. Моя жизнь здесь идет очень правильно, и я с наслаждением купаюсь в океане – теперь стало тепло; вчера в 7¹/₂ часов утра было больше 16 °R, а когда я купался – больше, тихо, и далеко можно было пройти в море. Начал работать в библиотеке, и хотя я очень многого не достаю, но ведь это единственная большая библиотека около морских купаний (если не считать Неаполя), так что

выбирать не приходится. Работа разрастается, и я все более ориентируюсь. Хочу взять вопрос в связи с изучением философского движения этого времени. Мне приходится коснуться следующих лиц, работавших по кристаллографии: Кеплер – Ван Гельмонт – Дависсон – Декарт – Гассенди – Э. Бартолин – Левенгук – Бойль – Гук – Стенон – Гульельмини – Гюйгенс. Большинство из них играли крупную роль в умственном и философском движении века. Но уже теперь для меня ясно, что наши представления о ходе развития этой отрасли знания неверны. И вообще поразительно слабо разработана история мысли!

Настроение мое это время какое-то неважное: точно я не знаю, зачем я сюда попал, как-то не видишь смысла здешней жизни. Конечно, я знаю, что можно аргументами доказать неправильность этого чувства. Но чувство все же остается. Считать (смыслом) лечение как-то-странно.

Днем

Сегодня получил твою карточку. Часто думаю о дорогой крошке³ – так хотелось бы, чтобы ей была хорошая жизнь, но, в сущности, как может быть это достигнуто? Может быть, ее поколение будет более радостное, будет больше жить разными сторонами жизни, будет обладать большей возможностью действовать. Я послал сегодня заказным ей несколько картинок, напиши, получили ли. Сегодня было чудное, очень бурное море. Далеко уходить в море не пускают, да сегодня волна бьет. Вчера вечером был в концерте в Шевенингене – оркестр недурной, и какой-то пианист из Парижа играл очень хорошо, но как-то салонно, безжизненно чудные вещи. Я просидел вечер с удовольствием, и как-то все пришло в равновесие – я всегда чувствую на себе такую возвышающую силу музыки – хорошей. Завтра будет там симфонический концерт, сегодня тоже, но вещи как будто не в моем вкусе (некоторых композиторов я, впрочем, не знаю), и не пойду, должно быть, – поеду после обеда к океану. Завтра хочу днем поехать в Лейден на несколько часов. Еще не начинал переписывать свою статью – вечером устаешь и сейчас же ложишься, а утром просыпаешься поздно. В общем очень много времени уходит на беспорядочное шлянье по городу. Так и сегодня. В общем и жизнь видишь мало; да и так она проста своими общечеловеческими, самыми интересными чертами!.. Особенно резко видно это на *plage*'е, где соединены все возрасты в огромном количестве, разодетые и нередко расфранченные, но в которых, помимо всех их национальностей, так и глядит всюду трагикомизм жизни.

Сейчас – 6¹/₂ – надо идти обедать, сперва были две англичанки (мать и дочь – довольно вульгарные, особенно дочь), а теперь еще наехала семья из 4-х каких-то бельгийских или северофранцузских буржуа. Обедаем одновременно, но за отдельными столиками или в отдельных углах стола и только раскланиваемся. Кормят так много, что я стараюсь есть возможно меньше, а то только и делаешь, что ешь.

Целую тебя нежно и крепко, мою дорогую. Поцелуй Нинусю и всех. Какая ты милая, что каждый день пишешь.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 22–23.

¹ Письмо написано в Гааге. См. письмо № 530 от 11/24 июля из Гааги, где он пишет: «Я думаю все-таки прожить здесь дней 5-6...».

² Номер письма, проставленный В.И. Вернадским.

³ Н.В. Вернадская.

14/27 июля 1900 г., [Гаага]¹

14.VII 1900, утро

Дорогая моя Натуся!

Сегодня еду в Лейден и пишу тебе поэтому несколько слов. Еще пробуду здесь дней 8–9, так что надеюсь иметь от тебя письма (сюда идут 4–5 дней). Дальше пиши мне по следующему адресу: Париж, poste restante, Bureau [de l'Alma], № 112, à l'Exposition. Я еще не получил никакого ответа из Парижа, но писал отсюда Барруа.

Вчера вечером было бурное море и довольно прохладно – сегодня хорошо, свежо и солнечно, жары здесь почти нет – должно быть, близость океана. Я теперь довольно погрузился в XVII в., и многое рисуется в моем уме, но я чувствую такие пробелы в своем знании и такое неумение писать, что временами хочется бросить работу. Трудно иногда синтезировать мысль, и отношения некоторых философских школ не ясны.

Моя дорогая, родная Натуся, так мне хочется, чтобы тебе было хорошо и чтобы ты чувствовала себя совсем бодрой и сильной. Не очень ли ты утомляешься с деткой?² Вспоминает ли она иногда меня?

Посылаю тебе присланное тобою письмо Самойлова (другое было от Шкляревского – в нем тебе нет ничего интересного) – он пишет о своих. Ты мне хотела прислать адрес Гольштейнов?

Сегодня у меня весь день пройдет вне домашней работы, а надо переписывать статью – я еще не начал: сейчас пойду на почту, потом поеду в Шевенинген, в 12 часов едет поезд в Лейден – из Лейдена вернусь в 5¹/₂ часов вечера и после обеда, в 7¹/₂, будет симфонический концерт в Шевенингене (Глюк, Бетховен и Чайковский), куда думаю поехать. Вечером я захожу обыкновенно еще в кафе, где читаю газеты – «Daily News»³, «Figaro»⁴ и «Frank. Zeitung»⁵. А между тем надо переписывать. Возьму себя в руки.

Крепко и нежно целую и люблю тебя, мою Натусю. Ниночку, золотко, поцелуй. Что Гуля?⁶ – перешли его письма. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 24–25.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 531.

² Н.В. Вернадская.

³ «The Daily News» – английская буржуазная газета, выходившая в Лондоне с 1846 по 1930 г.

⁴ «Le Figaro» – ежедневная газета, издается в Париже с 1826 г. до настоящего времени. Одна из старейших и наиболее информированных буржуазных газет Франции.

⁵ «Frankfurter Zeitung» – газета крупных немецких биржевиков, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 г.

⁶ Г.В. Вернадский.

15/28 июля 1900 г., Гаага

15/28.VII 1900, Гаага

Дорогая моя, родная Натуся, вчера получил твою карточку об отъезде няни. Я думаю, конечно, что раз она не может справляться теперь с Ниной¹, то лучше сделать так, как ты хочешь, т.е. ее сделать горничной². Но, может быть, она могла бы еще год-два пробыть при Нине? Все-таки она ее искренно любит и баловница-няня в детстве много дает хорошего и славного. Я признаю отдельные вредные влияния, но во всем этом есть много **хорошего**. Недаром Нинуся любит свою комнату, няня сумела сделать ей дороною детскую.

Сегодня от тебя не было письма – на почте получил только телеграмму из Киля от Паши³, что во вторник они приезжают. Я рад видеть Пашу (уюду, должно быть, в пятницу), но огорчен, не имея карточки от тебя, так как в последнем письме ты писала о нездоровье Гули⁴.

Возвращаюсь к вопросу о няне. Мне кажется, вообще лучше не делать перемен, если возможно: будет ли легче тебе с той девушкой, о которой ты пишешь (я ее не знаю)? Весьма желательно, чтобы дома мог быть надежный и более или менее преданный человек, на котором остается Нина, когда нас не бывает дома. Может быть, няня, после некоторого отдыха, войдет в установленную колею и не будет портить. Вообще я думаю, что раз встретился человек, искренно привязанный к ребенку, лучше его не менять. Найдешь ли лучшего? Ведь никакого дела няня вести сама не может, а так или иначе она отдала два года Нинусе – только частью они платятся деньгами.

Писала ли ты Ю.Н.⁵ о Гуле?

Вчера был в Лейдене, который гораздо более живописен и самобытен, чем Гаага. Старинные дома и новые, построенные в подражание и развитие того же типа, узкие улицы и почти полное отсутствие движения на улицах придает городу какой-то странный древний вид. Около вокзала я попал на настоящую голландскую Kermesse⁶ с балаганами, различными лотками, где продаются какие-то местные и экзотические вещи – связки угрей и бананы, какие-то тонкие копченые рыбки, и рядом стоят вафельные балаганы, пищит музыка, суда на каналах разукрашены флагами... Проехал часть Голландии – поля, всюду заливные луга и пасется скот – пестрый – черный с белым. Старинные мельницы – картина довольно своеобразная. И все же, по существу, **чуждая** жизнь – какое-то чувство полной отдаленности от тех общих интересов, какие звучат невольно кругом. Я как-то чувствую себя здесь в тупике. Вероятно, так чувствует себя европеец у нас в России? В Лейдене посетил Минералогический музей – самый богатый в Голландии. Университеты поставлены здесь бедно, их собственные средства забраны (печальное наследие французского централизма), а государство дает мало средств. Кафедры минералогии и геологии заняты всюду одним лицом: они всюду жалуются на невозможность работать. Нет достаточно и средств на ассистентов. Студентов мало. Минералогические собрания, по-видимому, очень богатые, лежат в «магазине», неразобранные за недостатком сил – ждут лучшего будущего. В Лейдене был в чудном ботаническом саду. Все в нем производит впечатление – поддержки старого, некогда мощного и сильного – в XVII столетии.

В самоуправляющийся богатый Лейденский университет стекались отовсюду: в это время немецкие университеты были в упадке. И теперь здесь есть талантливые люди – но не видно научной, живой жизни. Часть профессоров немцы, голландцы не идут, и положение профессора по сравнению с Германией мизерное. Вечером был в симфоническом концерте в Шевенингене, вернулся поздно и немного читал Meinsma «Spinosa en zijn Kring...»⁷ – подвигается медленно, медленно.

Сегодня начну переписывать свою статью. Работал хорошо в библиотеке, странный ее состав – самая большая библиотека Голландии, но чрезвычайно мало немецких книг, нет самых обычных справочных сочинений (например, «Grande Encyclopedie» или «Истории философии» Ибервега)⁸, писатели XVII в. представлены слабо. Но зато – **никаких** формальностей и никакого полицейского надзора, так что даже непривычно. В читальном зале выставлены все новинки библиотеки – берешь сам и т.д.

Крепко и нежно целую тебя, мою Натусю. Поцелуй детей и всех.

Твой Владимир

Вчера слышал прекрасные отрывки из балета Чайковского – надо непременно пойти. Как-то следить тревожно за положением дел в свете. Чувствуется близкое значение новых для Европы интересов – Японии, Соединенных Штатов с их политиканскими привычками (например, значение близких выборов президента), выступающего вдали морского могущества Австралии (South Greatec Britain...). Практические вопросы глушат интересы мысли. В политике – великие, крупные события, а в области мысли и искусства – бедный александринизм и символически-декадентские течения!⁹

Оп. 7, д. 46, лл. 26–27.

¹ Н.В. Вернадская.

² В письме от 5 июля 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «... няне сегодня немного лучше, но доктор сказал, что ей еще довольно долго нельзя поднимать ничего тяжелого. Поэтому решила ей дать отпуск (когда она оправится) [...] Няня стала такой нервной, что общение с ней не было полезно Нине. Усилились ее природные недостатки – неряшливость, рассеянность и растерянность [...] Но она такой хороший человек и такой преданный, что невозможно отбросить ее, как изношенные сапоги, хотя она, может быть, и вредна Нине» (ф. 518, оп. 3, д. 266, лл. 27–27 об., 30). Позднее, в письме от 9 июля, Наталия Егоровна писала: «Я думаю, что если няня будет настаивать на возвращении, то придется взять кухарку с приборкой комнат, а ее сделать горничной для легкой работы. Она, правда, очень беспорядочная, но все-таки хороший человек и привязанный к Нине. Для Нины же пригласим девицу, рекомендованную Юлей Николаевной. Пишу об этом подробно, потому что мне важно знать твое мнение» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 38).

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Личность установить не удалось.

⁶ Ярмарка с гуляньем в Бельгии и Голландии (фр.).

⁷ См. комментарий № 4 к письму № 529.

⁸ См., например: *Ибервег Фр.* История философии. СПб., 1876.

⁹ Последний абзац дописан на полях л. 27 (об.).

№ 534

16/29 июля 1900 г., Гаага

Гаага, 29/16.VII 1900

Дорогая моя, сегодня второй день от тебя нет писем, и я начинаю беспокоиться. Если завтра не будет – пошлю телеграмму. Делаю разные предположения, боюсь, не случилось ли чего. Сегодня два раза был в почтамте и на телеграфе – ничего нет. Опоздал из-за этого на поезд в Амстердам, откуда только что вернулся. Видел в Амстердаме мало – чрезвычайно интересную картинную галерею и самый город, оригинальный, большой порт – делает совсем иное впечатление, чем Лейден или Гаага. Здесь чувствуется настоящая нервная жизнь Голландии, ее связь с миром. Обо всем напишу позже. Пока крепко и нежно целую тебя и всех. Пиши, моя дорогая. На экскурсию Де Лоне попал и уезжаю отсюда, должно быть, в пятницу днем. Парижский адрес послал.

Твой Вл. Вернадский

Очень как-то тяжело, не имея твоих писем, и равно возможны разные гипотезы: 1) что-нибудь случилось, 2) письмо затерялось или ты не писала, 3) стала писать в Париж? Жду завтра. Отсюда я пишу каждый день.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russic, Полтава**.

Оп. 7, д. 46, л. 28.

№ 535

17/30 июля 1900 г., Гаага

17/30.VII 1900, Гаага

Дорогая моя, наконец, сегодня получил твои письма от 10–12 и успокоился. Карточка от 10-го вместо Гааги попала в Ригу! (ты пишешь «Гага»). Завтра жду Пашу¹, но они не телеграфируют часа приезда, а из Гамбурга есть 4 поезда (характерно для торговых сношений – с Берлином один поезд (прямой), а с Гамбургом – 4 – это все сообщения с Амстердамом). Уезжаю отсюда в пятницу в 12 часов дня в Париж, где буду в тот же день вечером около 11 часов ночи. Очень неудобно приехать и ночевать в Париже, но ничего не поделаешь: я хотел сперва ночевать в Брюсселе и рано утром выехать, но из Брюсселя (5 часов до Парижа) **нет** утренних поездов! В Париже пробуду один день и в тот же день выеду в Бурж. Мне надо взять в Париже билеты, заплатить деньги и т.п. В общем я доволен, что попал в эту экскурсию – она обещает быть интересной. Вот еще вопрос: здесь довольно дорого, и эта поездка моя, благодаря купанью, быстрым переездам и конгрессу, обойдется значительно дороже, и в Париже я могу очутиться без денег. Я уже писал Попову (и раньше с ним условился), чтобы он мне 30 июля–1 августа (между этими днями) выслал в Париж 150–200 руб. Но из Вернадовки можно переслать только русскими деньгами и из Пичаева в Париж – боюсь дойдут не скоро. Нельзя ли

сделать так, чтобы ты на несколько дней достала 150 руб. и выслала мне их в Париж **переводом** на мое имя (W. Vernadsky), заказным письмом по указанному адресу в poste restante (30 июля–1 августа) из Полтавы, а Попов бы в это же время выслал тебе в Полтаву деньги. Так что 150 руб. ты могла бы вернуть в начале же августа. Если Попов придет 200 руб., перешли 50 руб. мне позже. Если это можно сделать, сейчас же напиши Попову (ему об этой комбинации я ничего не писал) – я буду спокойнее с деньгами. Купаний возьму **13** и после экскурсии еще съезжу на несколько дней уже во Франции. Купаться хорошо, это время стало значительно холодней – но приятно. Чувствую себя недурно, но временами в правом колене слабая ревматическая боль. Если она не увеличится, то это совсем ничего.

Вчера был в Амстердаме (1¹/₄ часа езды от Гааги): это совсем другой город, иного типа, который мне как-то многое осветил в Голландии. Это порт Европейского континента, самый большой город в Голландии, и на его внешнем облике чувствуется более широкая, общечеловеческая сторона голландской жизни. Попал я в Амстердам только в 2 часа, в 3-м, и сейчас же поехал в картинную галерею, которую осматривал до 5 часов, потом часа 2–3 блуждал по городу. Попал в дождливую погоду, которая придавала еще более унылый вид голландскому пейзажу: лугам, иногда тщательно обработанным огородам, разделенным канавами и каналами. До самого Амстердама все та же картина: тот же пестрый – черный с белым – скот и овцы, местами болотистые лески или засаженные порослями дюны. Амстердам – огромный город, который поражает некоторыми солидными, массивными постройками, порт, вокзал железной дороги, общественные здания и магазины несколько заставляют чувствовать силу современного инженерного искусства и нередко красивы в своей массивности и силе. Все здесь приспособлено не к Голландии с ее мелкими потребностями, а к требованиям Европейского континента. А ресторан, где я обедал (какого-то Краска польского – самый большой в Амстердаме), вероятно, самый большой кафе-ресторан, который я видел. Ходя по Амстердаму, я как-то почувствовал силу или остаток старинной силы Голландии. И теперь ведь она живет в значительной степени эксплуатацией Индии и всемирной торговлей. Амстердам один из **новых** европейских портов, создание 19 в., и все растет и увеличивается. Наряду с этим здесь теперь тяжелое настроение, так как извека он был центром бриллиантового дела – с Африканской войной тысячи рабочих без хлеба. Здесь это – общественное бедствие. Самый город производит любопытное впечатление благодаря тому, что и новые постройки производятся в стиле, более или менее выдержанном и отвечающем XVI–XVII вв., – так же солидно, мрачно и на вид неуютно. Всюду камень – все прибрано, растения размерены (но их много – и опять платаны и т.п.). Всюду каналы, переполненные барками. Но из подражания едва ли что создается – мне кажется, будущее нашего зодчества – это переработка инженерных созданий – в них будущая сила человечества, и они, конечно, выльются в красивые, новые формы. А пока эти новшества печальны. Всюду на старых по типу домах торчат какие-то вентиляционные и т.п. трубы, указывающие на потребности старой гигиены.

Здесь слежу с болезненным чувством за ходом событий. И мне иногда становится страшно возможности осенью больших столкновений. Знаешь, что интересно – в более светлом свете – это конгресс в Лондоне представителей негритянских рас и образование Панафриканской ассоциации². Многое детское – но

я думаю, это в будущем одно из видных явлений нашей жизни. Читал их заседания, невольно становится тяжело за европейца, и они (образованные негры) обращаются к чувству стыда европейского общества. Английские газеты выбирают оттуда сведения о дурном обращении с ними (кафров)³ [банту], но еще хуже положение негров в Капской колонии⁴. И то и другое хорошо.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую. Поцелуй нежно Нинусю⁵ – не забыла папу? Какие известия от Гули?⁶ Целую всех.

Твой Владимир

Посылаю заказным 8 карточек для Нинули.

Оп. 7, д. 46, лл. 29–30.

¹ П.Е. Старицкий.

² Речь идет о Панафриканской конференции, которая была созвана в Лондоне в 1900 г. по инициативе созданной в 1898 г. Африканской ассоциации. Панафриканизм – политическое движение, первоначально было лишь паннегритянским движением, направленным на объединение негров в борьбе против расовой дискриминации. После Второй мировой войны его основной целью стало освобождение всех колониальных народов Африки независимо от их расы и цвета кожи.

³ Название, данное европейскими колонизаторами южноафриканскому народу коса.

⁴ Капская колония – голландское, а затем английское владение в Южной Африке, в настоящее время – в составе ЮАР.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 536

18/31 июля 1900 г., Гаага

31/18, июль, 1900, Гаага

Сегодня от тебя опять нет письма, моя дорогая Натуся, но я надеюсь получить завтра два: так неаккуратна все-таки почта. Получил телеграмму от Паши¹ (из Кельна), что они приехали прямо в Париж – я отсюда выезжаю в пятницу, взявши 13-ю ванну, в тот же день буду в Брюсселе, где переночую и 4-го днем приеду в Париж. Я должен быть в Бурже не 5-го, как думал, а 6-го рано утром, так что из Парижа уеду 5-го. Весь этот день, должно быть, пробуду в Кломаре и в разной возне по экскурсии. В библиотеке хорошо работаю, хотя и не много часов – многое мне выясняется и начинает получаться целая картина: начал набрасывать. Сегодня работал всего 1½ часа – днем хочу пойти в здешний собор «Groote Kerk» (большую церковь), где очень интересный для меня – Бах и др. – концерт на органе. Завтра думаю съездить в Дельфт. У нас переменилась погода и довольно холодно – на океане волна большая, но очень приятно – вода теплее воздуха. Мой ревматизм немного напоминает о себе. Немецкой статьи переписал уже половину и до отъезда из Гааги отправлю ее. Я тебе писал о деньгах, напиши мне в Париж (poste restante, 112, [Place de l'Alma], È l'Exposition), как ты решила сделать.

Горячо и нежно целую тебя, мою любимую. Нинулика² моего расцелуй. Целую всех.

Твой Владимир

Что Гуля?³ и Георгий?⁴

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава, Poltawa, Russia.**

Оп. 7, д. 46, л. 31.

¹ П.Е. Старицкий.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Г.Е. Старицкий.

№ 537

19 июля/1 августа 1900 г., Гаага

Гаага 1.VIII/19.VII 1900

Дорогая моя Натуся, я так рад был получить твое письмо – это первый ответ на мои письма из Гааги. Но я не знаю, аккуратно ли ты получаешь их: я пишу **каждый день** – письмо или закрытую карточку. То большое письмо, о котором ты пишешь, кажется, второе. Я первую отправил тебе сейчас по приезде карточку.

Уже собираюсь уезжать. Эти дни серая погода. Сегодня купался, но ревматизм дает себя знать, и я не знаю, не лучше ли оставить на время купанье. Сегодня кончил работать в библиотеке, в самую последнюю минуту достал то, что мне надо и чего нет в Москве, – «Philosophicale transactions...» Королевского общества за первые годы (1661–1699), и просмотрел их до конца 17 столетия¹. Много выясняется очень любопытное. Удивительно непонимание – и странно сознавать, что, может быть, то же сам испытываешь и делаешь. Одно из важнейших открытий было сделано в 1669 г. Эр. Бартолином в Копенгагене, в 1697 г. оно было вновь разработано Гюйгенсом – это свойства кристаллов раздваивать свет и явления так называемой поляризации света. На этих явлениях построена вся кристаллография и современная теория света. Экспериментального материала было уже достаточно в работе Бартолина. Но все это было забыто целиком, и лишь в начале XIX столетия все вновь открыто, изучено, составило эпоху в истории науки. Я думал, что эти работы не обратили на себя внимания, но теперь нашел, что Бартолин вполне сознавал значение явления, издал его три раза – в отдельной книге, в письме к Королевскому обществу и позже в философском сочинении, которого пока не могу достать. В Королевское общество он прислал и самый материал, они повторили его опыты и не поняли, а в числе членов были Бойль, Гук, Ньютон, и опыты делал Гук. Точно, помимо ясного логического значения опыта, надо нечто еще, чего не хватило в это время.

Вчера был в концерте в церкви – некоторые вещи на меня произвели сильное впечатление, особенно арии Баха (орган со скрипкой – в первый раз слышал), мне казалось, что эти звуки как-то проникают в меня глубоко, глубоко что им ритмически отвечают какие-то движения души и все мое хорошее, сильное собирается в полные гармонии движения. Слышал знаменитую тройную фугу Баха – красоту ее сознаю, но она оставила меня холодным, может быть, вследствие – как мне казалось – сухой игры Коопмана на органе. Я совсем начинаю увлекаться музыкой – хочется ознакомиться с ее теорией

и историей. Сегодня вечером, если не будет дождя, поеду опять в концерт в Шевенингене. Благо это – при общей дороговизне – здесь дешево – в Шевенингене вход 80 коп., в Groote Kerk – 20 коп. с афишей.

В нашем пансионе теперь больше народу. Я остаюсь в стороне, больше англичане и американцы. Пробовали со мной заговаривать, но я отвечал, что «I understand English, but can not speak...»² Но вчера невольно пришлось разговаривать с соседом, молодым американским инженером, приехавшим за своей сестрой, которая утром уехала. Они разъехались. Вечером, после обеда, мы пешком пошли в Шевенинген – одну из моих прогулок, там я оставил его в концерте, а сам уехал заниматься. Очень милый инженер из Мериленда, и мы много с ним говорили. Но Боже, на каком я говорил языке: у меня все перемешалось – здесь объясняюсь большей частью по-французски, пишу статью по-немецки, учусь по-голландски (газеты читаю довольно свободно, начал 2-ю главу Meinsma)³ и при необходимости объясняться по-английски – я забыл английские слова и вспоминал французские, немецкие, то голландские! Кое-как объяснились. Прогулка в Шевенинген прекрасная – пройдя немного улицей, выходишь в старинный парк (Oud Scheveningen – у тебя есть на карточке) и так идешь до Scheveningen'a. Это старинный охотничий – когда-то – лесок короля. Минуя несколько домов Шевенингена, выходишь прямо на набережную – к океану... Всего от моей квартиры минут 45–40 ходьбы.

Статью завтра кончу переписывать и постараюсь завтра же отправить.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую, любимую Натусю. Поцелуй Ниночку⁴. Очень хочется иметь скорее известия о Гуле⁵. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 32–33.

¹ «Philosophical transactions of the Royal Society of London» издаются с 1664 г. (1661 – описка у В.И. Вернадского) до наших дней.

² Я понимаю по-английски, но не могу говорить (англ.).

³ См. комментарий № 4 к письму № 529.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 538

20 июля/2 августа 1900 г., Гаага

2.VIII/20.VII 1900, Гаага

Дорогая моя Натуня, это последнее письмо из Гааги. Завтра уезжаю в Брюссель. Сегодня послал письмо и статью Гроту¹ – не знаю, получит ли он их, так как он уезжает на конгресс в Париж², где я его увижу. Сегодня купался, но море бурное, погода переменилась, так что завтра, должно быть, не буду купаться и уеду в Брюссель рано утром. Вчера ревматизм довольно сильно давал себя чувствовать, так что я не знал, купаться ли, но сегодня почти совсем нет болей, и я купался, несмотря на ветер. Оделся только теплее: мне кажется, меня несколько раз продуло после купанья. Но так как погода переменилась, то лучше, должно быть, завтра не купаться. Взял я всего 12 ванн.

Сегодня здесь праздник – рождение королевы-матери. На улицах флаги, большое оживление – пение, много приезжих, вероятно, из окрестных деревень и городков – голландцев в национальных костюмах, женщин в каких-то странных [чепчиках] с металлическими побрякушками, со странными прическами, в платьях с голыми руками, тесно перевязанными около плеча и потому красными, несколько вздутыми. Кругом крики, свистки, всюду разъезжают огромные шарманки и наигрывают какой-то скверный – должно быть, голландский – марш. На улицах масса военных, ездит много лотков с разными разностями – кокосовыми орехами, пряниками, фруктами, игрушками. Но особенно это праздник для детей – многие из них разукрашены национальными бутоньерками или имеют желтую гвоздику (?) в петлице, для них на разных площадях карусели и т.п., и они всюду копошатся, и кричат, и веселятся. Уже вчера против моего окна было большое детское возбуждение – оказывается, им ставили карусель, а теперь здесь с утра толпы детей, звонки и всюду их поставщики – продавцы с лакомствами и игрушками. Раздаются песни, но рядом с этим все магазины открыты, и обычная жизнь идет своим порядком.

С большой тревогой читаешь и всматриваешься в совершающееся кругом. Что-то грозное и тяжелое видится в будущем. Здесь речь Вильгельма, взывавшего к гуннам и желавшего уподобить немцев гуннам, вызвала общее осуждение, и «Indépend. Belge»³ очень остроумно заметила, что эта речь достойна Туана... Не знаю, было ли в русских газетах, что против передачи железной дороги от Тану в Тянцин протестовали английские и американские адмиралы, но большинство решило в пользу русских. В палате Бродрик дал удивительный ответ, из которого видно, что английское правительство примирилось с неизбежным фактом и не скрыло своего *contre soeur*⁴. Между тем из всего ясно, что восстановили дорогу русские... А что делается в Манчжурии – оттуда здесь только переводы русских известий. Вообще поразительна бедность известий – больше всего в немецких, отчасти английских газетах.

Голландской живописи видел мало – только две главные галереи в Гааге и Амстердаме. В общем меня голландцы трогают мало, кроме Рембрандта, конечно, который, однако, стоит особняком. Тихий их пейзаж и жанр мало говорят сердцу, хотя я не могу отрицать, что картины Стена и немногие Ван Остаде дают многое душе – выражением душевных движений в жанре. Но того, что дала и дает мне итальянская старая живопись, я напрасно ищу в голландцах. Но я, конечно, очень доволен, что видел их здесь – особенно в Амстердаме. Конечно, было бы очень интересно углубиться и изучить это искусство, но на это нет ни времени, ни сил...

Сегодня было от тебя письмо, моя дорогая Натуся, я так их всегда жду. Сейчас зайду на почту и направляю все письма в Париж.

Нежно и крепко целую тебя и люблю, и **мою Нинусю**⁵ поцелуй крепко. Скажи ей, папа целует и все думает о ней. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 34–35.

¹ *Vernadsky W.* Zur Theorie der Silikate // Zeitschrift für Kristallographie und Mineralogie. 1901. Bd. 34, H.1.

² См. комментарий № 5 к письму № 529.

³ «L'Indépendance Belge» – либеральная буржуазная газета, выходила в Брюсселе с 1831 г.

⁴ Против сердца (фр.).

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 539

23 июля/5 августа 1900 г., Париж

23.VII/5.VIII 1900, Париж, утро

Дорогая моя, ненаглядная Наталочка, вчера провел целый день в Париже, но не успел написать тебе и пишу теперь перед тем, как идти. Сегодня или днем в 3 часа, или вечером в 8 часов (в таком случае в 1-м классе, но имею 50% скидки) еду в Бурж. Завтра с утра начинается экскурсия. В этой экскурсии – только один, кажется, лично мне знакомый французский геолог де Маржери и один, с которым мы обменивались работами, Фогт из Христиании. Человек 12–15 остальных мне неизвестны. Два очень мне интересны – Де Лоне и Фогт, и поездка с ними меня привлекает.

Приехал в Париж ночью – наш поезд запоздал – загорелся было локомотив около бельгийской границы. Пошел искать ближайшую простую гостиницу и нашел отвратительную Hôtel des Belges, где за 7 франков переночевал, но утром же съехал. Теперь я переехал в ту гостиницу, где Паша¹ – Hôtel de Jersey, около итальянского квартала – сносно и недорого (пока плачу за комнату 8 франков, но они обещают 5 франков в мои другие приезды). Отправился с утра пешком по Парижу – понемногу узнавал его, сперва был в бюро Геологического конгресса. Моя скидка за билет до Парижа, тобой присланная, пришла в Гаагу в день отъезда моего, и я получил ее только здесь, так что не мог ею воспользоваться (потерял рублей 5–7). Прошелся по Boulevard'am S. Germain, S. Michel (помещается бюро в Ecole des Mines), и много, много дум наваял на меня Париж. Во многом впечатление было тяжелое, так как вспоминалось старое время и невольно подводился **итог** духовной жизни прожитых 10 лет. Этот итог **для меня** в значительной степени отрицательный, и я чувствовал довольно тягостное настроение, из которого не хотелось выходить. Тяжелым камнем лежало мое поведение по отношению к И.², и его образ неотступно временами напоминал о себе, сильное чувство дилетантизма в жизненной научной работе также ярко и строго вырисовывалось. Мне кажется, что моя мысль подернута дымкой и моя воля связана туманом и я сознательно ничего не делаю, чтобы из него выйти. В его успокаивающем, укачивающем действии я нахожу удобные формы для «спокойной» умственной жизни. Если из моей научной деятельности выходило что-нибудь или выйдет – это выходило помимо направляющего сознательного, напряженного действия моей воли, выходило само собой. Я чувствую, что моя личность, мое внутреннее «я» еще почти не проявлялось в жизни, и как-то сильно чувствовалось, что, как в облаке, окутанный от жизни и ее сильных воздействий пеленою, прохожу я жизнь – дилетантом – в своем мире, туманном и неясном. Итак, прошли молодые года. Еще тяжелее было чувство, связанное с друзьями. 10 лет, и такая разница отношений, и я думаю, во многом этом **моя** вина больше других, так как я жизнью поставлен был в лучшие, чем многие из них, условия, и я чувствую, что сильнее других. Но и здесь все рушилось... Удастся ли создать вновь? Собрать и не дать распасться уцелевшим – очень

все же большим и еще сохранившим связь частей – обломкам. Ничего больше я не желаю, как этого, и я чувствую, что если бы удалось не дать порваться старым дружеским связям, много бы можно сделать и лучше, более ясна была бы жизнь...³

Прервали Паша и Цуринов, и с ними мы пошли по Парижу, на минутку в Лувр и затем на выставку. Там я предложил им со мной расстаться, так как мы друг другу мешали, а через неделю я опять буду здесь. Мне не хочется – и некогда – продолжать письмо, моя дорогая, моя любимая Наталочка. Напишу об этом после. Сейчас надо ехать на Орлеанский вокзал. Был вчера у Гольштейнов. Они со дня на день ждут рождения ребенка. Очень хорошо с ними виделся, хотел было заехать сегодня, но решительно не было времени. Буду у них 11-го и напишу тебе о них позже.

Пашу здесь видел мало. Я поймал его вечером – остановился в его гостинице (где будет мой адрес в Париже), но они с Цуриновым вернулись часов в 10. Он чувствует себя хорошо, очень огорчен, что он совсем ни от кого не имеет известий, кажется, Георгия⁴ Паша не застанет в Шевенингене, так это жаль. Ему напишет Паша и я в Шевенинген. Паша уезжает 5/18 из Парижа в Америку.

Я думаю ехать из Парижа в <Le> Tréport, по совету Александры Васильевны⁵, в Нормандию – надо будет дней 5–6 чем-нибудь заняться – есть книги.

Выставка грандиозна. Я был сегодня часа 2¹/₂ и внимательно осмотрел только часть рудного отдела. Много интересного. И Париж **полон** умственных ресурсов – все-таки славный город и самый крупный, культурный в Европе. Что моя бесконечно любимая Нинуля?⁶

Крепко и нежно целую ее и тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 36–37.

¹ П.Е. Старицкий.

² Очевидно, И.М. Гревс.

³ В письме от 28 июля 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я в совсем ином настроении, чем ты. У меня больше совсем нет иллюзий насчет кружка и нет веры. И главное, я не хочу ни обмана, ни самообмана, не хочу приподнятого настроения, не соответствующего глубине чувства. Для меня несомненно, что кружок давно погиб, уцелели отдельные дружеские связи, но такие, какие существуют между многими людьми кругом, – не то исключительно святое, о котором мечтали. Зачем пытаться воскрешать мертвое. Нет ни религии, ни веры, ни идеи, объединяющих кого-нибудь из вас больше, чем других образованнейших русских людей. Нужно уметь примиряться с фактами. Мне кажется, есть гордость и сила также и в сознании – трезвом и печальном – существующего» (ф. 518, оп. 3, д. 266, лл. 79 об., 84).

⁴ Г.Е. Старицкий.

⁵ Гольштейн.

⁶ Н.В. Вернадская.

№ 540

24 июля/6 августа 1900 г., Монлюсон

Монлюсон 24.VII/6.VIII 1900

Моя дорогая Натуся, пишу несколько слов из Монлюсона, куда приехал ночевать. Сегодня началась экскурсия, и я очень доволен. Огромное большинство не приехало и поставило Де Лоне в неприятное положение, едем

вчетвером – Де Лоне, Фогт, я и молодой французский геолог Лемуан. Для меня такая поездка небольшой компанией еще лучше, так как больше видишь, а Де Лоне и Фогт – как два тех лица в Европе (француз и норвежец), которые больше всего знают и работают в области генезиса минералов и руд, так что лучших условий нельзя и ждать. Все три спутника очень симпатичны. Сегодня были на железных рудах и рудах лития (в Монтитра), олова, каолина. Ревматизм мой сегодня лучше. Вл. Вас.¹ говорит, что не думает, чтобы морские купания имели значение, – как и Кабанов считает, что у меня это, вероятно, следствие «толстоты», т.е. неправильного обмена. Очень советует иодистый натрий и прописал мне.

Крепко целую. Поцелуй дочку² и всех.

Твой Владимир

На обороте: Е.Вр. Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russie**, Полтава.

Оп. 7, д. 46, л. 38.

---

¹ Описка у В.И. Вернадского, очевидно, Владимир Августович Гольштейн.

² Н.В. Вернадская.

№ 541

27 июля/9 августа 1900 г., Клермон-Ферран

Клермон-Ферран, 9.VIII/27.VII 1900

Дорогая моя, драгоценная Натуся, моя поездка очень хорошо идет и интересно, но мне тяжело – так давно не иметь известий от тебя, ничего не знать о Нинусе¹ – как-то беспокойно. Я беспокоюсь, что если бы это было нужно – ты не знаешь моего адреса – экстренного. Это – Bureau du Congrès géologique. 62, Boulevard St. Michel, Paris (во все время конгресса и после до [конца]). Сегодня телеграфирую в Париж и получу корреспонденцию всю завтра вечером в Романеше. Послезавтра вечером буду в Париже. Останусь один-два дня и поеду к морю, если погода будет благоприятная. В общем здесь довольно холодно, а третьего дня нас весь день мочил дождь. Но все же видел много, и довольно интересны общие разговоры со спутниками: один – француз, аристократ, bon enfant², очень умный, другой норвежец Фогт – наивный с блестящими идеями, живой вполне человек, менее культурный. Очень мил один из спутников – молодой француз. Выношу из поездки много. Целую нежно.

Твой Владимир

На обороте: Е.Вр. Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russie**, Полтава.

Оп. 7, д. 46, л. 39.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Добрый, славный малый (фр.).

30 июля/12 августа 1900 г., Париж

Париж, 12.VIII/29.VII¹ 1900

Дорогая моя, драгоценная Натуся, наконец, сегодня я получил все твои письма и после большого и тяжелого волнения, наконец, стал спокоен духом, а то все время раньше было очень беспокойно. В Романеше, куда по телеграмме выписал письма, получил только письмо Маки², которой пишу сегодня или завтра. Рано утром отправился я на выставку, на почту и прочел с радостью все твои письма, моя дорогая, горячо любимая Наталочка. И так я рад был слышать о Нинусе³: я часто вспоминал ее и много думал о ней, и она близка сердцу моему, но я лишен способности воспроизводить лица близких, дорогих людей, и мне тяжело, что я, закрыв глаза, не могу видеть ее дорогое, милое личико. Раньше всего отвечу по порядку на все вопросы, заключающиеся в твоих письмах. Сегодня утром был на выставке, потом поехали с Пашей⁴ и Георгием⁵ к Гольштейнам, где были очень неудачно среди многих посторонних, оттуда с ними к Анастасии Сергеевне Зарудной (совсем постарела) зашли обедать, и теперь я и Паша (живем рядом) пишем письма. Посоветовавшись с Гольштейнами, я решил не ехать теперь на море – по следующим причинам: 1) могу опоздать и приехать 19. Эти 5 дней **никакого** значения иметь не могут; 2) все время холодно, и хотя теперь предсказывают наступление теплых дней, но когда это будет? 3) я могу застудить свой ревматизм, который дает себя чувствовать: во время болей купанья в море могут быть вредны. Гольштейн думает, что мне надо похудеть и очень советует иодистый калий. Но его лучше принимать дома. Мне очень неприятно огорчать тебя, но я думаю, что иное решение было бы формальным решением, а это проистекает от неохоты ехать – которое есть – но здесь действует относительно слабо. Теперь отвечу на твои вопросы (19–25 июля):

Во-первых, относительно Гули⁶ – адрес Самойлова: местечко **Ивановка**, Славяносербского уезда Екатеринославской губ., Епифану Матвеевичу Панкееву, для передачи. Я ничего не имею (против) относительно твоего плана житья Гули с няней, но предпочел бы Самойлова и даже, пожалуй, M-Ile Tripet, я думаю, Гуля иначе будет очень одинок, т.е. будет так чувствовать, и, наконец, мало ли какие могут быть затруднения и довольно сложные вопросы в его гимназической жизни. Может быть, во всяком случае, хорошо написать Самойлову. Относительно денег: Самсонов должен прислать деньги 20 августа тебе, и к 15-му Попов должен прислать тебе 150 руб., которые и могут пойти для Гули. В случае необходимости можно реализовать и больше в деревне. Напиши Попову. 3) На хозяйство большая часть денег теперь берется из банка и опять целиком покрывается в течение года: это оборотная сумма (до 2000–3000 руб.). Но из банка приходилось брать и для других расходов, и ее не хватает, поэтому Попов делает беспроцентный (de jure) заем до 700–800 руб., во-первых, от некоторых более зажиточных крестьян (процент платится хозяйственными услугами: правом выбора земли при сдаче, некоторой скидкой цены и т.п.) или от покупателей – постоянных – наших продуктов. В общем, конечно, это нежелательно, и мы неуклонно идем к уничтожению этого. Я думаю года через 2–3 прекратим.

Поездкой своей я очень доволен, и об ней напишу тебе подробнее вскоре. Теперь только некоторые чисто личные впечатления: несмотря на то что Де Лоне и Фогт – самые лучшие из живых знатоки этой отрасли минералогии, я не чувствовал совсем себя в положении ученика, а наоборот – равным. Обсуждения, и споры, и общие поднимаемые вопросы были очень интересны. По предложению Фогта – редактора лучшего и единственного журнала по этим вопросам – «Zeitschrift für praktische Geologie», издающегося в Берлине, я взял на себя постоянное сотрудничество по России и буду принимать в нем близкое участие. В общем много вынес, и надо теперь все это привести в порядок.

Надо кончать. Паша сейчас идет бросить письма, и оно пойдет тогда завтра утром.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую. Поцелуй Нинулю мою и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 40–41.

¹ Описка у В.И. Вернадского. 12 августа н. ст. соответствует 30 июля ст. ст.

² М.Е. Старицкая.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Г.Е. Старицкий.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 543

31 июля/13 августа 1900 г., Париж

Париж, 13.VIII/31.VII 1900

Дорогая моя Наталочка, моя любимая Тутя, сегодня я получил твоё тревожное письмо о Марии Ивановне¹. Неужели ты думала, что я показываю твои письма? Иногда я читаю Георгию² или Паше³ вслух некоторые места, по большей части сообщаю им на словах. О том, о чем ты пишешь, конечно, ничего им не скажу, хотя думаю, что это нехорошо – особенно по отношению ⟨к⟩ Паше⁴.

Относительно няни я уже тебе писал вчера. Не знаю, сколько правды в том, что она пишет, но, как уже я писал вчера, я предпочитаю, конечно, надзор M-Ile Tripet поселению с няней одного Гули⁵, так что выбор: 1) Юл.Н.⁶ и 2) Самойлов или M-Ile Tripet⁷.

Я остался здесь на эти пять дней и надеюсь, что ты не очень огорчена, лишь после зрелого размышления и после совета Гольштейна я не поехал: на океане бури, здесь довольно прохладно – вечером холодно, и мои боли обострились в конце Шевенингена, теперь болит только левая нога, а раньше обе.

Попов пишет мне, что 15 августа вышлет тебе 350 руб., но твоих денег я не получал – сохранила ли ты квитанции? Уже второе письмо твоё после того, в котором ты пишешь, что выслала деньги, – а их еще нет. Если не будет завтра, надо будет выяснять дело. Послала ли ты денежным? Всегда лучше посылать не деньгами, так как пропажа перевода (личного) неопасна.

Много очень интересного, и я усердно занимался сегодня на выставке, но в общем мне хотелось бы скорее быть на месте, дома. И мне грустно без Нинульки⁸. В такой бивуачной жизни слишком часто напрашивается мысль о цели работы, гнетет чувство бесцельности и раздробленности работы – этого нет, когда приходится делать определенное дело. А между тем ведь все время работаешь и много выносишь. Все же я несколько подготавливаю поездку на залежи алюминиевых руд, если только мне продолжат командировку. Здесь на выставке я присматриваюсь к этому производству, и его будущее для меня несомненно. Те руды, которые вижу, не лучше мной найденных. Первым делом по приезде в Москву обработаю эти руды.

Поездка с французскими учеными по Франции сделала на меня довольно сильное впечатление: я как-то понял всем существом силу и богатство Франции – богатство такое, до которого нам долго, долго не дойти. Богатая страна, умеют пользоваться всеми уголками и создавать оригинальные, своеобразные новые производства, энергия и выносливость, проникновение всюду больших или меньших капиталов и забота об их помещении в различные дела России, Африки, Америки и т.д., и т.д. – с этим сталкиваешься на каждом шагу и всюду невольно ближе вдумываешься в такое оригинальное значение Франции в мировой жизни: помимо ее культурного влияния, Франция в значительной степени – как бы банкир и инициатор мировой промышленности, причем всюду вся эта деятельность раздроблена, создается огромной личной инициативой. Странно такое ее проявление при необычной централизации общественной и государственной жизни. Довольно скрытая в Париже, будничная, рабочая жизнь чувствуется всюду в стране, и я получил как бы ощущение ее силы. Ничего подобного не дает путешествие по Италии (по крайней мере, Южной), где чувствуешь жизнь красивую, но не настоящую. Впрочем, говорят, Северная Италия – другое. Через два дня конгресс, но я думаю быть на нем немного – только вечера буду проводить вместе или на заседаниях. Боюсь, как бы не пришлось мне купить черную пару.

Моя дорогая Натуска, как, должно быть, тебе теперь тяжело, но я надеюсь, что ты пока напрасно беспокоишься: если бы было очень серьезно, Л.А.⁹ предупредил бы Пашу.

Поцелуй мою драгоценную детку – скоро я ей пришлю еще картинок и здесь поищу игрушек.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 42–43.

¹ Старицкая.

² Г.Е. Старицкий.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ В письме от 26 июля 1900 г. Н.Е. Вернадская писала из Полтавы: «Тебе одному [...] пишу пока тебе одному и очень прошу никому не говорить о содержании моего письма. Я хочу быть уверенной, что могу тебе говорить все, что хочу, не сомневаясь, что ты никому другому не скажешь без моего разрешения, хотя бы считал меня неправой в моем молчании. Я все это время ужасно терзаюсь за маму. Она себя очень плохо чувствует, ее обычное недомогание, но сильнее. Она часто лежит, плохо спит и даже согласилась посоветоваться с Леонидом Алексеевичем. Леонид Алексеевич не нашел ничего угрожающего теперь и сказал, чтоб я еще несколько дней ничего не писала братьям, так как мама больше всего тревожится, чтоб не помешать им

путешествовать. Я боюсь для нее страданий, больше всего боюсь страданий. Леонид Алексеевич знает, что Паша собирается в Америку, и сказал, не останавливать его, что нет близкой опасности и, может быть, совсем нет опасности. Он может убедиться в этом через несколько дней. Он меня даже просил забыть о своем сомнении и верить, что все скоро пройдет» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 77). Позднее в письме от 31 июля Наталия Егоровна писала: «...утром был Леонид Алексеевич. Он очень доволен состоянием здоровья мамы и совершенно успокоил меня. Он очень умеет ухаживать за мамой, что очень трудно. Но он с такой любовью навязывает ей свои услуги, что обезоруживает ее» (там же, л.73).

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Возможно, Ю.Н. Миклашевская.

⁷ См. письмо № 561 и комментарий № 4 к нему.

⁸ Н.В. Вернадская.

⁹ Леонид Алексеевич Ионин – врач семьи Старицких.

№ 544

2/15 августа 1900 г., Париж

2/15.VIII 1900, Париж, утро

Дорогая моя, вчера от тебя не было письма – но из твоего письма к Георгию¹ я знаю, что все было благополучно. Я очень беспокоюсь, не получая от тебя денег. Судя по письму, сегодня 9-й день, как они отправлены, и если сегодня их не будет, я буду тебе телеграфировать, чтобы ты вытребовала их. Моя глупенькая Туська, я именно и хотел избежать этого способа пересылки как менее безопасного и потому просил выслать тебя, а не Попова. Никакой опасности в именном переводе не было бы, даже если бы он пропал: денег здесь без нужды не пересылают. Еще более будет неприятно и невыгодно, если ты переслала мелкие бумажки: можно менять без потери только 100-рублевые бумажки. Никак я не думал, что ты так сделаешь – для чего же я не хотел посылать их из Моршанска! На почте говорят, нет ли ошибки в адресе, и сегодня я пойду в 3 отделение, где они могут пропасть. В адресах ты неаккуратна (например, в заказных нет французских надписей – *recommandé*²). Я боюсь, нет ли просто мошенничества на почте. Деньги у меня пока есть, но на экскурсии не хватит.

Вчера весь день мало работал на выставке: утром бегал по поводу денег, затем был днем в концерте на органе и вечером с Георгием и Пашей³ в *Comédie-Française* на Мольере. Давали «*Avare*» и «*Malade imaginaire*». Играли очень хорошо, но значительно шаржировали, отчасти применяясь к требованиям публики и к установившейся традиции. Много в этих пьесах уже устарелого, но я смотрел все же их с большим удовольствием.

Завтра конгресс, и начнется менее свободное время, так как будет много знакомых – сегодня или завтра, вероятно, отправлюсь к Гольштейнам. В общем поездка в Кламар всегда берет день – во всяком случае, его разбивает, так что довольно трудно. Гольштейны мало изменились: Владимир Августович от увлечения немцами перешел к более справедливому отношению к французам; Александра Васильевна по-прежнему *au courant*⁴ различных современных построений и течений частью в художественном, частью в светски и этически общественном. Связь с Россией у них сохранилась и интерес также. Теперь они поглощены предстоящими родами. Наташа⁵ сильно изменилась и в общем подурнела. Семенов производит хорошее впечатление, но я думаю,

ему придется крайне трудно: он думает теперь поступить на год в электротехнический институт и затем иметь заработок. Правда, это заработок верный – но для одинокого, а не для семейного. Я думаю, все же он пробьется. Ни Уку, ни Мику⁶ не видел. Про Мику они говорят, вероятно, преувеличивая, как о карьеристе и т.п. Кажется, они переезжают в Россию, а с Якунчиковыми и К^о у Гольштейнов более или менее резкие ссоры или натянутые отношения, так как те поступили нехорошо с Семеновым на выставке, откуда тот ушел. Живут они прекрасно в Кламаре, но очень тяготится Александра Васильевна трудностью сообщения с Парижем. Время наложило свою печать на все и не дало нашему поколению и их поколению приложить непрерывно свои силы на общественную деятельность. Так, их жизнь кажется в сущности прошлой, а в нынешней есть только доживание.

Крепко и нежно целую тебя, мою Натусю. Поцелуй драгоценную Нину-сю⁷. Постоянно ее вспоминаю.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 44–45.

¹ Г.Е. Старицкий.

² Заказное (фр.).

³ П.Е. Старицкий.

⁴ В курсе (фр.).

⁵ Наталия Владимировна Семенова.

⁶ Дети Гольштейнов.

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 545

3/16 августа 1900 г., Париж

3/16.VIII 1900, Париж, выставка

Дорогая моя, сегодня от тебя опять нет письма. Твои письма все становятся меньше и меньше, и, наконец, сегодня их нет... Я понимаю, что тебе, может быть, теперь мало времени писать, но все же грустно, и о Нине¹ я давно ничего не знаю. Последнее твое письмо от 27-го (ты по ошибке адресовала на главный почтамт), а Георгий² и Паша³ имели от тебя письма от 29. Деньги вчера получил, они шли 7 дней – еще не менял.

Сейчас заседание конгресса⁴ – верно, просто торжество открытия, но я пойду, просто чтобы повидать, кто приехал. Целый день сегодня на выставке, утром с Георгием на художественном отделе, а потом я осматривал Rue du Nations, ряд павильонов отдельных государств – кое-что есть интересное. Выставка поражает своими размерами, и многое можно здесь вынести. Вечером, если не пойду с кем-нибудь из близких «специалистов» куда-нибудь, поеду к Гольштейнам.

Паша на днях уезжает, и Георгий поедет его проводить до Гавра. Я переселился, пока – с Пашей (Щуринов уехал), но, кажется, напрасно, так как все-таки быть трудно не одному в комнате, хотя я очень люблю Пашу, да, наконец, он скоро уезжает, и его комната дороже (10 франков – вдвоем по 5). Вечером устал от хождения и благодаря парижским расстояниям – устаю и мало могу

что делать. В общем хочется вернуться к систематичной работе. Когда ты думаешь вернуться в Москву? Приедешь ли с Нинусей к 1-му сентября или нет? Если я получу отпуск до 15 сентября, все же вернусь в Москву, должно быть, раньше, так как уеду из Клермон-Феррана прямо в Аррьеж и в Прованс на бокситы, а оттуда довольно быстро в Россию.

Вдумываясь и всматриваясь в выставку, выносишь много и много видишь – но как-то еще больше остается видеть. Сегодня мне очень много дал художественный японский отдел, где одновременно видно два течения – японское древнее – подражание и развитие? старым японским мастерам, передающим природу и движение, и новое современное – жанр и пейзажи в той чуждой нам среде. Как-то сильно чувствуется единое, вечное **стремление к истине**, которое теперь все более и более захватывает весь мир. В художественном отношении интересны испанские художники, но я пока видел только одни намеки.

В настоящее время чувствуется сильно «прикладное искусство» – плафонная живопись и изящество и красота в изделиях и мелких вещах наряду с тем, что нет ничего крупного – созидательного в области жизни и мысли, если не считать крупных политических тенденций нашего времени и гуманитарного настроения (на исходе?).

Целую тебя нежно, мою дорогую Наталочку. Поцелуй мою Нину – **постоянно** ее вспоминаю. Что Гуля?⁵ Пишу ежедневно.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 46–47.

¹ Н.В. Вернадская.

² Г.Е. Старицкий.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Международный геологический конгресс. См. комментарий № 5 к письму № 529.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 546

4/17 августа 1900 г., [Париж]¹

4/17.VIII 1900

Дорогая моя Натуня, сегодня получил твое письмо от 28–29 и карточку от 30. Так рад всегда иметь от тебя вести, а то я совсем как-то мало знаю, что ты думаешь и делаешь, – ты в письмах совсем ничего не пишешь. На твое письмо отвечаю потом – сегодня как-то совсем не в настроении. Но вообще я не думаю, чтобы ты любила (и раньше) общаться – ты скорее любишь выслушивать других... Завтра утром уезжают Паша² и Георгий³ – последний до Гавра проводит Пашу. Вчера было 1-е заседание конгресса⁴, и я провел много времени с Гротом, с которым много говорил. Письмо мое его не застало, но, вероятно, он поместит мою статью, если поймет ее⁵. Если мой немецкий язык так плох, он пришлет в Москву. Судя по возражениям его и Фогта, я думаю, моя теория в общем верна. У Семенова родился сын Алексей⁶ – благополучно, но Наташа не может сама кормить, так как молоко есть, но нет сосцов. Владимир Августович⁷ надеется, что это пройдет, хотя он говорит – иногда от

этого нельзя кормить. Я его встретил сегодня на улице. Поеду к ним завтра. Сегодня только что после завтрака пришел на выставку – утром был в бюро (они было устроили его на Boulevard Saint-Michel) и покупал черный костюм у «Belle jardin». В моем не вполне удобно. Пришлю тебе на днях новый томик Mirbeau «Journal d'une femme de chambre»⁸, о котором говорят много здесь – кажется, так себе.

Моя дорогая, любимая Натуня, так бы мне хотелось, чтобы тебе было хорошо. Поцелуй Нинулю⁹. Мне без нее скучно, и меня трогает, что она меня не забыла. Целую нежно.

Твой Владимир

Настроение мое неважное, ревматизм еще есть.

На обороте: Е.Вр. Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Poltawa, Poltava, Russie.

Оп. 7, д. 46, л. 48.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² П.Е. Старицкий.

³ Г.Е. Старицкий.

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 529.

⁵ См. комментарий № 1 к письму № 538.

⁶ Внук А.В. и В.А. Гольштейн.

⁷ Гольштейн.

⁸ *Mirbeau O. Le Journal d'une femme de chambre*. P.: E. Fasquelle, 1900.

⁹ Н.В. Вернадская.

№ 547

5/18 августа 1900 г., Париж

18/5. VIII 1900, Париж

Дорогая моя, любимая Натуня, сегодня от тебя было письмо, и я как-то спокойнее. Утром уехал Паша¹, и Георгий² поехал проводить его до Гавра – из Гавра Георгий думает ехать в Руан и Биарриц. Париж его как-то утомил. Пишу тебе несколько слов на выставке, на днях напишу подробнее. Все время как-то уходит с парижскими расстояниями. Мне не хочется пропустить день без письма к тебе. Не знаю, буду ли иметь здесь время ответить на твое письмо 28, но я хочу только сказать, что я никогда не говорил о возобновлении «Братства» – его, я думаю, de facto³ никогда не было, говорю только о возобновлении и поддержании дружеских связей, вне узкого круга семей⁴.

Поцелуй крепко и нежно мою Нинуську⁵ – как-то всегда грустно без нее и даже странно, что она дает такой свет жизни – маленький котеныш. Я под впечатлением ужаса, который недавно – на этих неделях – случился с 2-мя французскими учеными, с которыми постоянно сталкиваешься, – с Барруа, потерявшим от чахотки полного талантов взрослого сына, и Бертрана – маленькую дочку, которую задавило обвалом, другую спасли. Не могу с ними говорить спокойно. Такой трагикомизм жизни.

Целую нежно и крепко.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, Poltawa, Полтава, Russie.

Оп. 7, д. 46, л. 49.

¹ П.Е. Старицкий.

² Г.Е. Старицкий.

³ Фактически (лат.).

⁴ См. письмо № 539 и комментарий № 3 к нему.

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 548

6/19 августа 1900 г., Париж

Париж, 6/19.VIII 1900

Моя дорогая Натуся, вчера уехал Паша¹ – Георгий² пошлет телеграмму из Гавра об его отъезде. Вы, должно быть, уже получили ее. Эти дни здесь очень душно и жарко – должно быть, будет гроза, если будет так в Оверни, будет трудно ездить. На конгрессе³ бываю немного – ужасные расстояния заставляют тратить массу времени. Сегодня еду к Гольштейнам. Я еще не был у них после рождения ребенка⁴.

Вот, например, тебе мой день – вчерашний. Утром проводил Пашу и затем отправился на выставку – было утреннее заседание конгресса по прикладной геологии, которое меня интересовало, так как должен был быть доклад о положении вопроса об осушении Зюйдерзее. Этим путем Голландия должна значительно увеличить свою площадь – должна создаться новая провинция, и если это осуществится, произведена будет огромная, очень важная работа в Европе. Но прежде чем я выслушал доклад об этом и, главное, видел карты, пришлось выслушать скучнейшие доклады – болтовню двух очень известных геологов. Осушение Зюйдерзее интересует меня особенно теперь, после того как я побывал в Голландии. Доклады не имеют смысла в конгрессе. И они представляют пережиток старого, здесь должны быть экскурсии, демонстрации, деловые специальные обсуждения, может быть, общие речи выдающихся ученых. Ходить на доклады я не стану. Оттуда отправился осматривать выставку – французские колонии – и часть ее осмотрел. В 3 часа было назначено посещение Muséum (National) d'Histoire Naturelle – минералогического, геологического и палеонтологического музеев, давался общий обзор, но специальный, настоящий обзор отдельно – надо прийти как-нибудь утром. Кое-что интересное, однако, было. Езда от выставки до Jardin des Plantes 1¹/₄ часа. Нам прислали от президента республики билеты в оперу и Comédie-Française, и Фогт – норвежец, который взял 2 билета, предложил идти вместе. Из Jardin des Plantes я отправился переодеться домой, а затем пообедал и прямо в театр. Давали неизвестную мне пьесу – «Les Cabotins» М. ...⁵ Игра великолепная, так что я, несмотря на жару, прослушал все время с большим наслаждением. Тонко, изящно, и даже некоторый шарж и разные глупые выходки à la Полишинель не испортили впечатления. Пьеса чисто французская, с очень легким скепсисом и буржуазным фоном. Оттуда прошел пешком домой с молодым учеником Грота – кристаллографом Воробьевым. Новый тип русского ученого – выуче-

ника немцев, не желающего идти в профессию (есть средства), но желающего научно работать: есть привычка работать, знание методов – во всяком случае, новое и хорошее явление в минералогии и кристаллографии. Растет много новых, молодых. Что-то они дадут? Воробьев не производит впечатления таланта – работ его еще не знаю. Вернулся домой в начале 2-го – заходил в кафе пить лимонад – прочел газеты, но не спалось долго. Игра все-таки волнует, и мысль бродила, подводила итоги, и так без всякой узды обрывками носились воспоминания, мечты будущего, планы работ, впечатления и оценка окружающего. Видеть близко людей, вести разговоры как-то не хочется, многое тяжело, скучно, многое шокирует или наводит на насмешливое настроение, и не хочется касаться всего окружающего. Но все же невольно сталкиваешься. И французская жизнь показала мне в этот приезд как-то чрезвычайно ясно свою рабочую, деловую сторону. Интересное новое явление – сближение с немцами. На конгрессе, когда немцы не понимали, французы объясняли по-немецки – всюду вывески – *man spricht deutsch*⁶. В целом ряде вопросов французы уступают, и неповоротливые немцы продолжают иногда – в диссонанс – идти по старому пути. Новое явление – женщины-ученые – жены профессоров – жены Лакруа, Ст.Менье, Кюри и т.д., которые принимают деятельное участие в их работах и, вероятно, представляют уголок мира (традиции французского протестантства?), не затронутый романистами. Да и те теперь рисуют *femme nouvelle*⁷ иного типа. Не знаю, посылать ли тебе *Mirbeau*⁸ – дает и так интересно, и все же, мне кажется, очень случайно.

Целую крепко и нежно тебя, мою дорогую. Поцелуй бесценную девочку⁹. Что Гуля?¹⁰ Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 50–51.

¹ П.Е. Старицкий.

² Г.Е. Старицкий.

³ См. комментарий № 5 к письму № 529.

⁴ См. письмо № 546 и комментарий № 6 к нему.

⁵ Фамилия автора написана неразборчиво. Возможно, это пьеса «*Les Cabotins de la politique*».

⁶ Говорят по-немецки (нем.).

⁷ Новую женщину (фр.).

⁸ См. комментарий № 8 к письму № 546.

⁹ Н.В. Вернадская.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 549

7/20 августа 1900 г., Париж

20/7.VIII 1900, Париж

Дорогая моя Натуся, вернулся вечером и хотел писать тебе, но застал телеграмму и записку Георгия¹, который сейчас зайдет, он приехал из Гавра, куда провожал Пашу². Целый день сегодня ходил по разным делам – утром был на выставке, осматривал научный отдел, а затем был у Вырубова (не застал), выбирал и заказывал для университета кое-какие приборы и минералы,

был в книжном магазине. По парижским расстояниям на все это надо много времени – вернулся после обеда – уже 9-й час. В общем чувствую себя так себе. Как-то чувствуешь себя не у дела, и хочется уже вернуться к определенной работе в Москве. Я жалею, что просил отпуск до 15 сентября, и думаю, что приеду около 1-го. Только что пришел Георгий. Паша уехал хорошо, впрочем, он писал об этом.

Целую нежно и крепко тебя. Поцелуй Нинулю³ – все время о ней думаю. Целую всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Poltawa, Полтава, Russie.

Оп. 7, д. 46, л. 52.

---

¹ Г.Е. Старицкий.

² П.Е. Старицкий.

³ Н.Е. Вернадская.

№ 550

8/21 августа 1900 г., Париж

Париж, 21/8.VIII 1900

Дорогая моя Натуся, вчера не успел написать тебе, как хотел. Эти дни много разных впечатлений, но главным образом в связи с выставкой. На конгрессе¹ бываю мало, и как-то туда не тянет. Сегодня утром зашел ненадолго повидать народ, и оттуда пошел вместе с Чернышевым – академиком – осматривать некоторые отделы выставки. Оба мы пошли от заседания, но, в конце концов, мешали друг другу. Он совсем нервно усталый, вареный – вернулся только что из Шпицбергена, и больше всего ему хотелось отдохнуть. Мне же как-то тяжело «отдыхать», постоянно есть желание придать пребыванию своему вид дела. Мы мешали друг другу, и я чувствовал, что угнетаю его, и он злил меня. Разговор не клеился, и едва-едва можно было выцарапывать что-нибудь интересное. Я чувствую себя в таких случаях нагоняющим скуку, и, в сущности говоря, как-то быстро в уме упрощается человек, с которым приходится говорить, остается ясная, простая сила или резко выраженные оттенки, которые все те же, знакомые, известные и в своей простоте не дающие удовлетворения моему уму или сердцу. Чернышев – хороший специалист, ученый с огромным опытом, знанием, но без философского ума, без смелой мысли, без широкого образования. Он в центре геологической международной работы, много видел, но его общественная мысль не идет дальше сознания русского достоинства, и в этом отношении звучит нотка шовинизма, отчасти неизбежная для Homo novus², каким в настоящее время еще отзывается в науке русский ученый... Все так ясно, и все так понятно, и ничего не может быть, что бы коснулось души или сердца. Между прочим, он как раз теперь напечатал ряд заметок о Ломоносове, в которых пришел к тем же в общем выводам, как и я.

Но зато после обеда пробыл в канадском и индейском отделах и осмотрел и нашел массу для себя интересного. Несомненно, никогда я не мог бы

сразу, в такой короткий срок видеть столько данных для интересующих меня вопросов генезиса минералов, а все же сильно какое-то чувство – желание вернуться в Москву – работать. Может быть, именно обилие материала возбуждает мысль, и хочется не собирать новые и новые данные, а придавать им привычную обработку, фасонировать в привычной форме... Но тяжела сутолока большого города, необычная обстановка, далекая от кабинетной и лабораторной работы, которая создалась в моей жизни...

Постоянно чувствуется отсутствие Нинуси³, которую невольно вспоминаю при виде всякого ребенка, при проявлениях детского веселья, детских движений. Я не могу восстановить ее образ – ее лицо, но как-то всем существом своим ощущаю ее движения, вспоминаю и переживаю те отдельные – немножко неловкие – проявления любви и ласки, эти первые лепеты ее сердечка и ее раскрывающейся души. Быстро пройдут эти ее годы, и раскроется на время ее душа – как одно мгновение в общем, кажущемся нам мировом порядке... Можем ли мы дать ей проявиться во всем ее хорошем, лучшем, чем наша жизнь?.. Мне хочется знать заранее, будешь ли ты около 1 сентября в Москве – это было бы важно для Гули⁴, но есть в этом желании и доля эгоизма. Я думаю вернуться, во всяком случае, в самом начале сентября, а может быть, к 1 сентября, и не будет еще Нинули в Москве? Но, конечно, это злые, скверные желания эгоизма...

В твоём письме ты спрашиваешь о Гуле – конечно, как сложились обстоятельства, надо воспользоваться м-лле Tripet, но я думаю, вредно оставлять его после 1-го сентября, и если я, паче чаяния, продолжу поездку, надо приехать тебе. У Гули много большого в связи с кажущимся ему нашим отношением. Ты пишешь о Ханелесе⁵. Но о Гольштейнах нечего и думать: они совершенно завалены Наташей и маленьким ребенком. Сообщение с Clermont'ом отвратительное, Владимир Августович⁶ теперь усиленно занят. Семенов на электротехническом конгрессе, и Александра Васильевна⁷ не может выйти из дому. Я как-то был у них и, как близкий, не стеснял, но посторонние теперь их стесняют. И Ханелес попадает в неудобный момент. Маки здесь нет – он в Швейцарии. Когда я был у Гольштейнов, я их, в сущности, не видел. Быть долго с Ханелесом я решительно не могу. И с Георгием⁸ и Пашей⁹ виделся лишь урывками.

Знаешь, Похитонова (Лазарева) теперь устроилась. У них двое детей, и она, говорят, вся ушла в них. Он кончил электротехнический институт и теперь получил порядочное место в Швейцарии – от всех «движений» отстал. Только теперь стал на ноги.

Надо кончать. Крепко целую тебя, мою дорогую. Пиши в Клермон (Clermont-Ferrand), poste restante. Поцелуй Нинусю и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 53–53а.

¹ См. комментарий № 5 к письму № 529.

² Новый человек (лат.).

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ В письме от 3 августа 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «... очень прошу тебя, попроси Гольштейнов хорошенько принять и обогреть, помочь связями и пр. Семена Абрамовича Ханелеса – земского врача Любошинских. Они его очень любят и очень просят ему

устроить это знакомство, тем более что он языка не знает. Если Гольштейны теперь слишком поглощены Наташей, пусть познакомят его с Макой. И ты помоги, чем можешь» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 87–87 об.).

⁶ Гольштейн.

⁷ Гольштейн.

⁸ Г.Е. Старицкий.

⁹ П.Е. Старицкий.

№ 551

10/23 августа 1900 г., [Париж]¹

23/10.VIII 1900, утро

Дорогая моя Натуся, пишу несколько слов утром. Вчера вечером был с Георгием² в опере на «Валькирии» Вагнера. В общем на меня произвело сильное впечатление – очень мужественной музыки, и мне бы хотелось еще раз слышать и чтобы понять и пережить то, что в первый раз отзывалось в моей душе большими штрихами. Вчера целый день провел с русскими – Мушкетов и К^о, осматривали научные институты Парижа, которые нам показывали. Сейчас иду пить кофе с Георгием (если он не уехал), а оттуда в Jardin des Plantes осматривать более детально Минералогический музей Лакруа. Много интересного, и на днях напишу подробнее. Но я очень боюсь, что у меня не хватит денег на обратный путь – в общем все чрезвычайно дорого, и очень прошу тебя выслать и достать (бедная Туся!) мне 70–100 руб. (**выслать русскими деньгами**) в Клермон-Ферран (Clermont-Ferrand), poste restante. Я буду там в последний раз 22–24 августа, так что могу получить деньги, если ты вышлешь 16–17 августа (лучше 16). Я пишу Попову, чтобы он тебе выслал еще 100 руб. Мне так неприятно, что вышло это так неудобно, но конгресс и выставка сделали жизнь дороже, и 102 франка я заплатил за сюртук! Нежно и крепко целую тебя, мою дорогую.

Твой Владимир

Поцелуй драгоценную крошку³.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. **Янович**, Poltawa, Полтава, Russie.

Оп. 7, д. 46, л. 54.

---

¹ Письмо написано в Париже, что следует из его содержания: «... осматривали научные институты Парижа».

² Г.Е. Старицкий.

³ Н.В. Вернадская.

№ 552

11/24 августа 1900 г., Париж

11/24.VIII 1900, Париж

Дорогая моя Натуня, сегодня от тебя не было письма. Ты мне пишешь в своей последней карточке, что не получаешь из Парижа писем, как получала их раньше, но я пишу почти каждый день, может быть, один или два дня не успел написать, так что ты должна получить. Мне и хочется писать тебе,

моей дорогой, и хочется скорее быть вместе. И мою дорогую, драгоценную Нинусю¹ вспоминаю непрерывно – меня очень тронуло, что она вспомнила, что я ее наказывал, «моя глупышка» – мой бесконечно дорогой детеночек... Я тебе писал в последней карточке – вчера, прося прислать мне денег в Клермон-Ферран (Clermont-Ferrand) (Франция) 70–100 руб. (русскими деньгами не переводом), мне очень трудно ставить тебя в тяжелое положение их доставать, но я боюсь засесть в Клермон-Ферране, а Попов не сумеет послать. Ему я пишу, чтобы он тебе выслал. Выслал ли он тебе 350 руб.? (200 в возврат взятых и 150 руб. на расходы). Мне эта поездка стоила дорого. Теперь у меня еще больше 515 франков (т.е. не тронуты почти присланные тобою 200 руб.), но еще много расходов – около 180 франков экскурсия в Клермон, поездка туда и домой, не заплачено в гостиницу, а я нанял комнату за 8 франков в день (порядочную – как-то не сумел устроиться дешево). Жизнь стоила дороже 1) благодаря Голландии и купанью, 2) экскурсиям с европейцами, 3) выставке. Пока были братья Старицкие², тоже было дороже с едой, так как они привыкли к лучшей обстановке. И как-то я не успел вставить рамки. Купил немного – белье, платье, чемодан, кое-какие книги...

Я решил не оставаться позже 1-го сентября. Вынес много – нечего еще сидеть, надо приняться за работу. Я с нетерпением жду от тебя известий, когда ты вернешься. И мне кажется, войду в жизнь в этом году – полный сил и **желаний**. У меня масса проектов – научных – новых мыслей, идей и ясное сознание достижения. Знаешь, в душе у меня иногда теперь является скверное чувство – какое-то сознание своей силы. Я пишу – скверное, потому что мне иногда – и часто – кажется, что это тот самообман, который часто встречаешь кругом и ясно видишь, как оно ложно и неверно. Но в разговорах и столкновениях с окружающими невольно это чувство все-таки берет верх. И если оно не вполне ложно, то оно выразится в жизни.

Сегодня утром я пробыл с Термье, заместителем Малляра, профессором в Ecole des Mines. Он показывал свои работы, коллекции, был крайне любезен, и я доволен, что познакомился с ним. В разговоре он выигрывает, и, может быть, из него выработается хороший заместитель Малляра – часть наших работ столкнулась. После завтрака отправился на выставку, где провел главное время в удивительной выставке (золота и руд) Западной Австралии. Мне не только ее показали слегка – но дали подробные объяснения, позволили все рассмотреть вблизи, и в эти 1¹/₂–2 часа очень многому учишься и видишь такое, чего нельзя взять из книг. С выставкой я почти покончил – еще раз в рудный отдел и затем пройду, если будет время, в художественный. В понедельник хочу уезжать.

Приехал Шкляревский, я его еще не видел. Сегодня утром встретился, и мы вместе пообедали с Щербатским. Он теперь замещает С. Ольденбурга в С.-Петербургском университете, и я очень был рад поговорить с ним. Он полон научных планов и произвел на меня впечатление умного человека.

Среди текущей работы я мало вижу народу и хочу завтра пойти на банкет, чтобы повидать кое-кого. А то уеду, никого почти не увидев. Мне хочется уже скорее в Москву – к себе, в семью, и мне верится, что и тебе, моей Наталочке, хочется быть вместе.

Целую нежно и крепко.

Твой Владимир

Пиши в Клермон, Hôtel de la poste. Телеграфируй туда, если выслала деньги.

Оп. 7, д. 46, лл. 55–56.

¹ Н.В. Вернадская.

² Павел Егорович и Георгий Егорович.

№ 553

13/26 августа 1900 г., Париж

26/13.VIII 1900, Париж

Дорогая моя Натуся, на днях уезжаю из Парижа, и 29 начинается моя экскурсия в Клермоне. Здесь уже видел очень много, совершенно достаточно. Сегодня целый день смотрел картины – сперва в Лувре, а потом на выставке. Много получается впечатлений, и все время мысль и чувство сильно работают, но теперь устал, и потому мало пишется. Уеду при первой возможности – мне осталось только уложить книги и камни, сделать кое-какие мелкие покупки и только. Думаю уехать во вторник утром, если успею.

Художественная выставка очень интересна, но выдающегося немного. Из скульпторов Трубецкой¹ резко выдвинулся и получил grand prix², в числе отделов интересны Франция, Испания и Япония. В последней видны новые мотивы, навеянные иной культурой и природой. Во всей выставке – во всех странах – на меня произвели впечатление попытки как бы частью подражать, частью развить старые течения – то, что сказывается во влиянии³ эллинов и главным образом Боттичелли, в России у Васнецова в византийских образцах, в Германии и у скандинавов – в древненемецких. То же в Японии, Франции и т.д. Импрессионисты, некоторые отдельные новые эффекты красок отходят на второй план, и все больше и больше выступает ученая или псевдоученая живопись. В общем слишком много условного. Я не верю в будущее этого искусства, и мне кажется, что есть одно новое течение, которое выразилось слабо и которое должно захватить старую и новую технику и ввести в искусство **чувство**. Это чувство в жанре скользит в симпатичной мне форме у одного современного голландского художника – Израэльса – в превосходных картинах, которые впервые поразили меня в Гааге и Амстердаме и две из которых есть на выставке. Частью типы из жизни еврейской, частью вообще бедноты, отдельные моменты жизни, когда в позе, в движениях, прямо в жизни данного лица выливаются общие условия строя. Те – moments suprêmes⁴ жизни – не геройские подвиги, а серые, будничные, но общечеловеческие. Мне как-то кажется, что в жизни только моментами отражается окружающее своими вечными основами – в минуты горести, иногда радости, иногда в минуты раздумья, после дела или в иные минуты пылкой работы. Эти моменты – красивые даже в печальном и тяжелом – должен схватить художник и должен остановить то мгновение, когда здесь промелькнула вечная сторона жизни. А вся остальная жизнь слишком сложна, смешана – это гул и шум, а не музыкальные аккорды. Отдельное стремление к этому мы замечаем всюду – в великих портретах, пейзажах, исторических и жанровых картинах, но стремление к этому заметно у очень немногих художников. Из старых, например, всегда

почти у Рембрандта! Понравившиеся мне картины Израэльса – старый продавец-еврей, усталый, задумавшийся в лавке, и в лице его – бессознательно для него – промелькнуло сияние вечной стороны жизни. Другая – называется «С работы» – в сумраке почти ночи – мать с ребенком возвращается домой с охапкой колосьев. Здесь тяжелый уловленный Израэльсом факт в самой рамке природы красив, хотя страшен по связанному с ним страданию, но красив по той стороне человеческого чувства, которое проявляется в такие минуты борьбы – за ребенка – одинокой, слабой женщины. Я пишу тебе и чувствую, как мои слова ослабляют и обезличивают то, что чувствую, что хотелось бы – и не умею выразить. У Трубецкого великолепная мать – и ребенок (особенно личико ребенка). Много на выставке любимых мной мелких отделов искусства – гравюр и медального искусства. Это последнее в связи с горельефом – искусство будущего.

Вчера вечером пошел на «банкет» – на ужин, который давали членам конгресса французские ученые-геологи. Хотелось повидаться, проститься с уезжающими. Все это собрание происходило в новом вокзале на Quai d'Orsay – огромном здании, которым здесь восхищаются, но которое меня шокирует и кажется мне уродливым. Но зала, где обедало свободно около 400 человек, – великолепна. Сел в русской компании – и было не особенно весело. Здесь Сяецкий с женой, с которой я познакомился, Сяецкий (помнишь в Париже?) очень тебе кланяется – он совсем старый (как Аргутинский), так что я его не узнал. После, вечером, пошел с русской же компанией и зашел выпить лимонад в кафе, но под конец сбежал от них, от зливших меня глупо-скабрзных рассказов.

Крепко и нежно, горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй Нинулю⁵, которую так хочется видеть и приголубить.

Целую Марию Ивановну⁶ и Маку⁷.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 57–58.

¹ Паоло (Павлу Петровичу) Трубецкому на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. был отведен целый отдел, высшую награду «Grand prix» он получил за представленные скульптуры «Лев Толстой верхом» и «Дети».

² Высшая награда (фр.).

³ Неразборчиво написано одно слово.

⁴ Наивысшие моменты (фр.).

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Старицкая.

⁷ М.Е. Старицкая.

№ 554

15/28 августа 1900 г., Париж

15/28.VIII 1900, Париж, утро

Дорогая моя Натуся, завтра рано утром начинается моя вторая экскурсия, и я уезжаю из Парижа, а затем в Москву, к себе, в семью. Мне так хочется быть вместе, а за Нинусей¹ – бесценной дочкой – я совсем соскучился. Смейся с Гольштейнами, что это проявление отцовского чувства – один из признаков старости.

Вчера я был у Гольштейнов и вернулся поздно вечером. Застал их всех, Наташа² все еще не встает, они много возятся с маленьким. В общем чувствовалось что-то скрытое, тяжелое, чего ни они не касались, ни я. Мне кажется, я попал после какого-то большого семейного решения – неизбежного, но тяжелого. Они заявили мне, что с апреля переезжают в Париж и поселяются двумя квартирами рядом – Семеновы и они с Укой. Говорят об этом бодро, но *da ist der Hund begraben*³, и так было временами тяжело чувствовать, что перед ними, при всей любви их между собою, стал неизбежный вопрос несложной жизни резко. Александра Васильевна⁴ говорит, что вдали уже виднеется настоящая старость, когда они с Гольштейном останутся дожидать жизнь вдвоем... Мне как-то не хотелось касаться всех этих вопросов и чувств, и до известной степени мы обходили эту временно тяжелую почву. А в живом разговоре об общих вопросах – о Франции, философии и отдельных конкретных воспоминаниях и казусах – прошел вечер – хорошо и приятно. Но все же чувствовался невысказываемый фон иной умственной и нравственной атмосферы, который временами прорывался, отходил в сторону от более коренных и общих вопросов и опять надвигался... И мне казалось, когда я ушел, что он как наволоком охватил и занес их души после моего ухода. Было темно и черная звездная ночь с парижским туманом, когда я шел к вокзалу. И вспомнились мне слова Ницше, приведенные Александрой Васильевной: «*Tief man dachte in dem Tag, noch tiefer in der Nacht*»⁵. Я всей душой с этим не согласен. Ночью надвигается страх в разных проявлениях, формах и сознательности, и он не делает думу глубже, а лишь отводит ее в иное – ложное – русло. Ночные думы не глубже, и менее смелы, больше проникнуты чуждым свободному человеческому уму чувством. Невольно, возвращаясь к вокзалу по совершенно безлюдным темным улицам Кламара, когда временами раздавались звуки чуждого мне языка, в совершенно чужой обстановке, приходили в голову эти слова, и ясно и сильно чувствовалось, как неверны и искусственны они: только в полном сиянии дня – существо света, а не мрачной тьмы – человеческий разум и человеческое чувство – находит полную гармонию своей деятельности...

Сегодня пройду еще раз на выставку осмотреть кое-какие отделы, зайду в книжные магазины и затем оставлю Париж. Когда ты едешь в Москву? Я надеюсь быть там около 1-го. Жду в Клермон-Ферране телеграммы твоей о деньгах. Я тебе уже писал, что боюсь, что мне не хватит денег на обратный путь (70–100 руб.), и просил, если можешь, в Клермон-Ферран выслать и известить телеграммой. А Попову напиши, чтобы выслал тебе.

Нежно и крепко тебя целую, мою Натусю. Поцелуй дорогую, неоценимую Нинулю.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 59–60.

¹ Н.В. Вернадская.

² Н.В. Семенова.

³ Вот где собака зарыта (нем.).

⁴ Гольштейн.

⁵ Глубоко думается днем, но еще глубже ночью (нем.).

№ 555

16/29 августа 1900 г., Клермон-Ферран

Клермон-Ферран, 16/29.VIII 1900

Дорогая моя Натуся, начинается снова экскурсия, и я рад, что уже ближе к Москве. Когда ты туда приезжаешь? Что моя дорогая Нинуська?¹ Завтра в 6 часов утра выезжаем к вулканам Оверни и должны взойти на две горы – *Puy de Dôme* и *Puy (de) Chopine*, только бы была хорошая погода. Писал я тебе о деньгах, но в крайнем случае доберусь до Москвы, у меня осталось около 120 франков за уплатой всех расходов по экскурсии, так что добраться можно. Но думаю, что ты мне выслала в Клермон, и жду твоей телеграммы. Попову напиши сама, здесь в Клермоне поместился в одной комнате с Обручевым, симпатичным геологом, исследователем Сибири и Китая. В общем, думаю, будет здесь интересно и вынесу достаточно.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую, и мою маленькую птичку.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская, д. Янович, *Poltawa*, Полтава, *Russie*.

Оп. 7, д. 46, л. 61.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 556

17/30 августа 1900 г., Клермон-Ферран

17/30.VIII 1900, Клермон-Ферран

Дорогая моя Натуня, пишу тебе несколько слов вечером, вернувшись после экскурсии. Сегодня нас пригласил город Клермон на раут, но я не пошел и набрасываю тебе несколько слов. Устал, хочется спать, но хочется написать тебе. Сегодня получил твою телеграмму – надеюсь, через неделю получу деньги, а уехать могу отсюда через неделю, когда кончается экскурсия.

Поездка сегодня чрезвычайно интересная, мы всходили на две горы *Puy de Dôme* (около 1400 m) и *Puy (de) Chopine*. Вся эта местность имеет огромный научный интерес, хорошо изучена, но до сих пор здесь возбуждаются новые и новые геологические вопросы. Вид, который открывается с этих гор, ближе всех на Земле приближается к лунным ландшафтам и когда передается в гомографюре, получается полная иллюзия.

Во время поездки много говоришь с разными людьми, и временами бывают интересные разговоры. Но еще больше выносишь впечатлений из рассмотрения того, что видишь. И многое виденное сегодня объяснило мне и сделало понятным генезис идей некоторых выдающихся французских ученых. К некоторым вопросам – довольно важным – поколебался мой скепсис – я увидел, что явление гораздо более серьезное, чем я предполагал. Надо вновь его изучить и выяснить.

Но, несмотря на весь интерес, хочется скорее назад, и я буду непременно около 1 сентября. Жду известий, когда ты будешь. А по Нинусе¹ совсем соскучился.

Нежно и крепко целую тебя, мою любимую, дорогую, и Нинулю.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 62–63.

¹ Н.В. Вернадская.

№ 557

22–23 августа/4–5 сентября 1900 г., Мон-Дор

Monts Dore, 4.IX/22.VIII 1900

Дорогая моя, ненаглядная Натуся, пишу из Мон-Дора, опять вечером после очень интересной, но довольно утомительной экскурсии. Мы сделали пешком больше 18–20 верст, встали в 4 часа утра, и хотя теперь 9 часов вечера, но я скоро лягу спать, так как устал, а завтра восхождение на самую высокую гору Средней Франции – Sancy – и надо встать в 6 часов. Чувствую себя теперь более или менее хорошо, и мой ревматизм эти дни меньше дает себя чувствовать, должно быть, такие поездки все-таки полезны!

В Клермоне получил твои письма, в которых ты мне поручаешь получить письма у Семенова и также купить подарки. Но это уже поздно. Нинусе¹ искал-искал и почти ничего не нашел. Письмо твое (от 16) о высылке денег получил вчера в Клермоне, и, должно быть, деньги пришли сегодня или придут завтра. Вернусь в Клермон послезавтра вечером. Оттуда думаю отправиться в Россию через Милан–Вену, остановлюсь в Милане, может быть, в Любеке и Вене. От Лели² получил телеграмму из Копенгагена, и едва ли можно с ней здесь встретиться.

Все время на людях, и много выносишь при столкновении с ними, но в общем долго быть в таких условиях трудно. И теперь в Мон-Доре, где я имею отдельную комнату, я пользуюсь некоторым отдыхом. Часть членов конгресса отправилась в даровой театр, часть сидит в «салоне» – особом, предоставленном конгрессу. Я было сунулся туда, но там сидят дамы, и я ушел к себе и пишу тебе эти несколько строк, а сейчас лягу.

5.IX/23.VIII 1900, утром

Для того чтобы не даром пропала поездка, необходимо переработать и отработать виденный материал, но я не знаю, буду ли иметь на это время и охоту. Выяснилось для меня современное положение некоторых, довольно основных вопросов петрографии и общей минералогии, которые до сих пор я не мог себе представить ясно.

Ты мне пишешь о своем возвращении к 15 сентября³. Конечно, мне очень тяжело и грустно еще так долго не видеть Нинусю, но делай здесь, как хочешь. Я не думаю, чтобы эти две недели имели какое-нибудь значение для Нинуси, и мне кажется, тут только два может быть вопроса – о Гуле⁴ и Марии Ивановне⁵. Для Гули я считаю безусловно вредным и нежелательным такое продление без нас, и я думаю, ты недостаточно серьезно к этому относишься. Но так как я возвращаюсь к 1–3 сентября, то этот вопрос исчезает. Остается

желание Марии Ивановны, и я думаю тебе все это виднее. И хотелось бы сделать больше по ее желанию.

Вчера не закончил письма и лег спать и почти сейчас же уснул. Теперь перед кофе – в 5^{1/4} утра – набрасываю тебе, моя дорогая, эти несколько строк. Все время мысль и сердце полны семьей. Пришел Мишель Леви и др., надо кончать.

Целую нежно и крепко тебя, и Нунолю, и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 46, лл. 65–66.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Очевидно, О.И. Алексеева.

³ В письме от 16 августа 1900 г. Из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я предполагала вернуться к 15 сентября, так как жаль Ниночку увозить из сада и так рано ее запирают в городе на зиму. Кроме того, не хочется и мамочку покидать так рано, хотя, конечно, сердце будет рваться и к тебе и Гуле. Просто не знаю, как быть» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 107–107 об.).

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Старицкая.

№ 558

25 августа/7 сентября 1900 г., Мон-Дор

Monts Dore, 7.IX/25.VIII 1900, утро

Дорогая моя Натуся, сейчас уезжаю из Мон-Дора в Клермон и оттуда при первой возможности, если не получу от тебя каких-нибудь особенных известий, в Россию. Билет (с 50%) у меня до Модано, и почти наверное я еду в Милан, где остановлюсь один день, а затем не знаю – или через Падую–Любек–Вену (с остановкой в Любеке), или через Мюнхен–Дрезден с заездом в Стригау. Между 1–3 буду в Москве. Напиши мне на квартиру, адрес M-Ile Tréport. За Гулю¹ надо ведь платить в гимназию. Пиши в Москву.

Нежно и крепко целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Poltawa, Полтава, Russie.

Оп. 7, д. 46, л. 67.

---

¹ Г.В. Вернадский.

№ 559

26 августа/8 сентября 1900 г., Шамбери

Chambéry, 8.IX/26.VIII 1900

Дорогая моя Натуся, пишу тебе несколько слов с дороги. Скоро выезжаю из Франции и буду, должно быть, около 1–3 сентября в Москве. Остановлюсь лишь, должно быть, в Милане и Дрездене, может быть, в Мюнхене. Хочется уже скорее вернуться. Когда ты приедешь в Москву?¹ В последних твоих

письмах нет об этом известий. Какой адрес Гули?² Деньги получил в Клермоне. Хочется скорее быть вместе и Нинулю³ хочется видеть скорее. В Дрездене надеюсь иметь от тебя известия – туда направил письма из Клермона.

Крепко и нежно целую тебя и мою дорогую деточку.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, Poltawa, Полтава, Russie.

Оп. 7, д. 46, л. 68.

---

¹ В письме от 31 августа 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я тебе уже писала, что хочу выехать отсюда 12-го днем» (ф. 518, оп. 3, д. 266, л. 20 об.).

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

№ 560

27 августа/9 сентября 1900 г., Милан

Милан, 9.IX/27.VIII 1900

Дорогая моя Натуся, приехал сегодня в Милан, ночевал в Турине, так как наш поезд опоздал и последний поезд в Милан ушел. Сегодня же уезжаю дальше, но еду на Вену, а не на Дрезден, так как так дешевле, скорее и лучше сходятся поезда. 1-го сентября или 31 августа буду в Москве. В Дрезден телеграфировал, чтобы получить твои письма, которые туда направил из Клермон-Феррана. В Вене или пробуду между поездами до вечера следующего дня, или только переночую (приезжаю после отхода быстрого поезда в Россию). Чувствую себя так себе – не совсем здоровится, обычное последствие экскурсий – желудок. Был только что в соборе и в картинной галерее. Как-то тихо, грустно. Странно, как разное впечатление одних и тех же вещей в разное время: значительно меньше дают мне теперь картины, хотя здесь есть превосходные, тонкие, полные духовного чувства вещи Луини. Интересна и новая выставка миланских художников – за 4 года. Но я совсем не в туристическом настроении и как-то устаю ходить без цели по городу, а мысль работает и широко, глубоко, сильно захватывает, когда касается разных общих вопросов, или тяжело, мучительно давит, когда вспоминается прошлое. Надо за работу и хочется за работу, так как многое выясняется. Когда приедешь ты с Нинулей?¹ Детские движения, их жизнерадостность и простота чувств часто невольно напоминают мне мою дорогую девочку и хочется скорее ее видеть.

Целую нежно.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Poltawa, **Полтава**, Russie.

Оп. 7, д. 46, л. 69.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 561

1 сентября 1900 г., [Москва]¹

Дорогая моя Натуся, сегодня приехал сюда и застал Гулю² дома – искалеченного, с повязанной рукой (разрыв связок) и ногой больной. Я очень огорчен, взволнован и удивлен тем, по меньшей мере, легкомыслием, с каким ты и Аня³ устроили Гулю⁴: на попечение Ивановны и Елены!⁵ Если бы мне могла прийти в голову возможность подобного «устройства», я приехал бы раньше из-за границы. Не буду писать об этом ничего больше, так как боюсь написать лишнее. Сегодня или завтра зайду к доктору Афанасьеву, который лечит Гулю.

Доехал благополучно, Гуля выглядит ничего себе, рука у него не болит.
Целую.

Твой Владимир

1 сентября 1900.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 46, л. 69а.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

³ А.Е. Любошинская.

⁴ В письме от 29 августа 1900 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я очень беспокоюсь за Гулю. Пожалуйста, телеграфируй мне, как только ты приедешь в Москву. Мне спокойно будет знать, что он не один, а с тобой. Аня его устроила на квартире. Она так мудра, что я верю в то, что так было лучше. Все же мне немного жутко. Особенно с тех пор, как он перестал писать» (ф. 518, оп. 3, д. 266, лл. 117 об.–118).

⁵ Прислуга в доме Вернадских.

№ 562

2 сентября 1900 г., Москва

2 сентября 1900, Москва

Дорогая моя Натуся, вчера был у доктора Афанасьева (очень мне понравился – друг Кишенского), который лечит Гулю¹. Он говорит, что надеется, что удар не будет иметь последствий, перелома – к его удивлению – нет; но место удара **скверное** – как раз такое, в котором бывают переломы. Все связки левой кисти руки **порваны**. У Гули теперь тяжелая повязка – с доской, завтра он снимет повязку, должно быть, а в понедельник Гуля пойдет в гимназию. Но рука должна быть еще долго на перевязи. На ноге у Гули рана около двугривенного величиной, происхождение ее для меня совсем темное – в объяснении Гуля путается. Афанасьев думает, что он расчесал, Гуля отрицает. Он без призора, все ходит и двигается, когда ему надо полулежать, – и болезнь затянулась. Да и невесело ему одному с Ивановной и Еленой² – с 23 августа! Я все не могу прийти в себя и как-то не понимаю, **как** Аня³ так легкомысленно бросила Гулю и как ты **могла** не приехать!! Неужели Аня тебе не написала?

И как-то мне тяжело. У меня теперь масса работы – постараюсь больше времени проводить дома.

Нежно целую тебя и мою драгоценную крошку⁴.

Твой Владимир

Моя глупенькая Туся, и как-то сердисься на тебя, и сердце все же с тобою, моей Натусей.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 46, л. 70.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² См. комментарий № 5 к письму № 561.

³ А.Е. Любошинская.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 563

3 сентября 1900 г., Москва

3.IX 1900, Москва

Дорогая моя Натуня, Гуля¹ идет уже завтра в гимназию – опухоль на руке еще есть и, верно, все это долго не пройдет, но боли нет, и Афанасьев позволил ему выйти. Сегодня был у Кишенских – очень они милы. Дмитрий Павлович говорил мне, что разрыв у Гули все-таки очень силен. Надо надеяться, что все пройдет хорошо.

Гуля ведет себя очень хорошо. К нему часто приходят товарищи – Миша² главным образом, он, по-видимому, занимается, но не думаю, чтобы такой ненормальный образ жизни был ему полезен.

Сегодня у меня были Юрк.³ и его сестра. Вал.Феод.⁴ совсем плохо, но Бор.Андр. не теряет надежды – ее лечит Штейн. Они заходили, чтобы устроить ей лучшую еду, и завтра Иван⁵ приготовит ей две котлеты из кур и кисель. Все это так грустно. Беккеры уехали в Крым, где Бор. Вал.⁶ взял место. Здесь видел еще Новгородцева, который хорошо работает. Вчера у меня был Яков Филиппович⁷. С Самойловым, кажется, Гуля и Аня⁸ поступили нехорошо, но это все ты разберешь, приехав.

Поцелуй мою драгоценную крошку⁹, так мне без нее тяжело и жутко. Целую тебя нежно – мою дорогую Натусю – и всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству, Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская, д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 46, л. 71.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Личность установить не удалось.

³ Б.А. Юрковский.

⁴ Юрковская.

⁵ Повар в семье Вернадских.

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ Самойлов.

⁸ А.Е. Любощинская.

⁹ Н.В. Вернадская.

№ 564

26 сентября 1900 г., Вернадовка

Сентябрь, 26, 1900, Вернадовка

Дорогая моя, кругом холодно, страшная буря, вьюга – мне как-то не по себе, болит голова и захватывает то нездоровье, которое последнее время так часто дает о себе знать... Мне хочется написать тебе, моей дорогой Наталочке. И на душе невесело. Много подымается тяжелых воспоминаний, и сознание, сильное, глубокое и яркое, сделанного мною зла давит и душит. Это то настроение, о котором говорится: скорбит сердце и как гнет какой-то лежит на душе. Так часто и плотно иногда облекает такое настроение мою душу... А рядом с этим сознание своей слабости, какое-то болезненное нежелание проявлять свою волю и ясное чувство неизбежности и необходимости это сделать. То гордое чувство, которое и раньше мучило меня, сознание вороны в павлиньих перьях, теперь временами охватывает меня мучительно. Хочется отойти от жизни, и как-то слабо отказываешься от навязчиво все глубже и глубже проникающего в душу повеления своей собственной личности властно и смело ворваться в жизнь и, помимо своей мысли, оставить в ней след своей воли. А затем беспощадная критика – какой-то внутренний иронический смех – над всем – над мыслью, над «волей», над миром и над желанием сделать хорошее, доброе, вечное. И во всей наготе появляется бледность моего духа, слабость и сибаритство ума и изнеженность и безразличность моей воли. И горько и обидно – и скорее уходишь в случайно установившиеся рамки текущей работы и не хочешь думать до конца. Нет веры в свою мысль и личность, полная насмешка над слабостью и случайностью своего ума, и усталость еще больше охватывает – усталость прожившего человека...

Я написал тебе эти строки, слабо и не вполне – как всякие слова – передающие беспорядочную смену и противоречивое одновременное сосуществование моих впечатлений, мыслей и обрывков чувств. И боюсь, что они огорчат тебя, мою бедненькую Натусю, но не хочется не писать их, так как все-таки это попытка передать тебе понимание моего настроения.

Сегодня весь день принимал счета, разбирался в разных сторонах хозяйства – ездил в Подъем, осматривал выстроенную школу. Она очень хороша на вид. Уже стоила 2648 руб. – на столько мы в 2 года погасили свой долг, и я думаю, в конце концов, она дойдет до суммы 2800–2900 руб. Останется неуплаченного долга из Колиного капитала – 1400–1600 руб., я еще не расчел (было 4000 руб. с %). Еще несколько лет, и погасим долги – в этом году уплатим Любощинским (в феврале – 670 руб., останется долгу им около 800–900 руб., было 3000 руб.). Останется Петрункевичу, Паше¹. Может быть, удастся заплатить и Петрункевичу. В близком будущем мелькает мысль об освобождении от долгов, которые мне крайне тяжелы и неприятны, и будет возможность более свободно тратить деньги на ясно, конкретно понимаемое хорошее и быть более свободным.

Школу передам земству. Завтра земское собрание², и я отовсюду слышу, что меня там ждут. И я не знаю, как тебе выразить, как мне это тяжело. Быть на виду, быть в положении так или иначе вождя – это такое тяжелое, мучительно мне неприятное состояние. А между тем, рассуждая холодным рассудком, я понимаю, что при теперешнем положении Моршанского земства – это так и быть должно: на безрыбье и рак рыба, но тяжело и противно быть в положении рака, ставшего de facto³ рыбой. Если бы я мог ясно убедить себя (в) ненужности той культурной работы, которая делается земством! или которой могу иногда достигать и я, благодаря случайно сложившемуся моему положению в собрании! Но в действительности здесь на месте все эти меры принимают для меня ясную форму конкретно доброго, нужного дела. И как на искус идешь на собрание. Здесь все-таки на месте возникают старые нужды: нужна больница, необходимо расширение школы такой-то и такой-то, ясно сознается необходимость именно этой дороги или расширения единственного места обучения – прогимназии, и все это неотвязчиво не поддается мелким дрожаниям и неладам твоего внутреннего «я». Моршанского земства – благодаря большому бюджету – новая фиксация, кажется, **совсем** не коснется. На месте эта мера произвела тяжелое впечатление и проникла далеко⁴...

Любопытно и для меня крайне ново другое явление, о котором говорят кругом: год, как говорят, «крестьянский» – высокие цены на работу и хороший урожай сразу подняли крестьянское «благополучие», они достигли давно ушедшего от них достатка, т.е. того ничтожного достатка, который рушится от первого неурожая. Но психически это фактор в жизни здешней местности **крупнейший**. Увеличивается количество скота, появляются съемщики земли, повышается ее аренда. Об этом говорит и Попов, и Марк⁵, и говорят и соседи в вагоне про Воронежскую губ., и Архип Екушев т.д. Для меня это почти неожиданно, ново. И я стараюсь вдумать в значение и смысл этого нового. Любопытна также другая новая реформа податная⁶, отстранившая полицию от взимания податей. Совпадение одновременно интересно.

Целую нежно мою Нинусю⁷, Гулю⁸ и тебя. Жду в Моршанске известий о Гулином здоровье и о Нинусе – моей баловнице.

Оп. 7, д. 46, лл. 71а–72.

¹ П.Е. Старицкий.

² Имеется в виду Земское собрание Моршанского уезда.

³ Фактически (лат.).

⁴ Речь идет о законе от 12 июня 1900 г. о предельности земского обложения. С инициативой данного закона в 1898 г. выступила комиссия при Министерстве внутренних дел. Внимание Министерства привлек быстрый рост земских смет, что противоречило политике царского правительства по ограничению деятельности земств. По закону, в сущности, произошла фиксация обложения 1900 г. Впоследствии разрешалось увеличение обложения на 3% в год, т.е. закон ограничивал рост смет земств. Оценивая этот закон, Б. Веселовский писал: «Закон 12 июня 1900 г. резко идет наперекор всему развитию земской деятельности [...] он вносит страшный произвол в отношении отдельных земств, и, в конце концов, он как бы поощряет те земства, которые раньше поступали “расточительно” и больше повысили свои сметы. Тяжелее всего фиксация отзывается на тех земствах, которые прежде не развивали широко своей деятельности, не “обременяли” плательщиков излишними налогами. Наконец, устанавливается фиксация, со специальной целью уменьшить рост земского обложения, не оправдывается и соображением об обременительности этого роста: цена на землю, например, растет еще значительнее обложения» (Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. I. С. 152).

⁵ М.М. Любоцинский.

⁶ Речь идет о законе, утвержденном 23 июня 1899 г. «О порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ». Самая существенная часть закона касалась вопроса о надзоре за поступлением податей, т.е. о передаче этого надзора из рук полиции в руки земского начальника и податного инспектора (подробно об этом см., например: *Шванебах П.Х.* Наше податное дело. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. С. 131 и сл.).

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 565

29 сентября 1900 г., Моршанск

Моршанск, 29 сентября 1900, утро, пятница

Дорогая моя Натуся, думаю, завтра ночью выеду и в воскресенье буду в Москве. Собрание¹ – деловое – мне много работы, так как я секретарем собрания и в первый раз приходится много говорить. В общем фиксация² сильно отразится, но она вызвала реакцию: все вопросы народного образования и т.п. проходят почти единогласно, почти вся сумма, которой мы распоряжаемся, уходит на народное образование; в этом году открываем новых 7 школ, увеличиваем жалованье учителям (собрание постановило {прошло в комиссии}, что фиксация не позволяет увеличить жалованье до 300 руб. в год, как мы это находим необходимым, но 360 руб. учителя будут получать не через 20, а через 10 лет), прогимназию превращаем в гимназию и т.п. Придется кое от чего отказаться: отнимется всякое пособие церковному ведомству, уничтожаем жалованье инспектору народного училища и т.п., закрываем приют подкидышей. В общем при стесненных финансах мы выйдем в этом году хорошо. Из крупных постановлений – принята в принципе сеть больниц (надо будет много новых), но вводить не можем из-за фиксации и постепенно к 1903–1902 гг. соберем³ средства, во всех школах, где более 70 учителей⁴, вводим новых 2-х учителей, устроим школьную комиссию, ходатайствуем перед Губернским земством об открытии в Тамбове учительской семинарии и т.п. Большая часть этого прошла в комиссии, но принятие в собрании несомненно почти.

Целую крепко.

Твой Владимир

Поцелуй Нинулю⁵ и Гулю⁶.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Поварская, Борисоглебский пер., д. Писемского, **Москва**.

Оп. 7, д. 46, л. 73.

¹ Земское собрание Моршанского уезда.

² См. комментарий № 4 к письму № 564.

³ Сверху вписано слово «начало».

⁴ Описка у В.И. Вернадского, очевидно, надо: «учеников».

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 556

30 ноября 1900 г., [Тамбов]¹

30 ноября 1900

Дорогая моя Натуся, сегодня я уже в Собрании² – довольно скучном. Особенно важных вопросов пока не было – мог бы приехать и к завтрашнему дню. Надо надеяться, что Собрание кончится раньше, чем я думал. Пока все идут разные довольно мелкие дела, эти дни – все связанные с разными ветеринарными постановлениями. Очень большой вопрос здесь – крупные скандалы в женской фельдшерской школе, которые проникли и в печать и которые требуют коренной реформы. Один из врачей обвиняется общественным мнением и ученицами (сперва и врачами) в безнравственных поступках, но между тем, кажется, это общее направление здешних врачей, вследствие плохой постановки губернской больницы. Мне кажется, это дело должно быть расследовано судом.

Поселились с Марком³ вместе. Попал я в комиссию⁴, так что много будет работы. Тут всюду инфлюэнца, которая свирепствует в очень скверной форме. Кругом больные. Что моя Нинуля⁵ – дорогая бедненькая детишка? Что Гуля?⁶

Крепко и нежно целую тебя. Береги себя.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Поварская, Борисоглебский пер., д. Писемского, **Москва**.

Оп. 7, д. 46, л. 74.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Имеется в виду Земское собрание Тамбовской губ.

³ М.М. Любошинский.

⁴ В 1900 г. В.И. Вернадский был вновь избран членом докладной комиссии.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 567

2 декабря 1900 г., [Тамбов]¹

Суббота, 2.XII 1900

Дорогая моя, до сих пор нет от тебя никаких известий, и если я завтра не получу от тебя письма, буду телеграфировать. Все-таки нехорошо так оставлять без всякой вести. Может быть, письма пропали или ты неверно их адресуешь, но их нет ни в Управе, ни в Собрании, ни в гостинице.

Собрание² довольно интересное. Поднят только один более важный вопрос: о реорганизации больницы, вопрос, который сильно дебатруется в комиссии. Он затрагивает кое-какие принципиальные вопросы – а то идут все разные мелочи. Что моя Нинурка?³ Так грустно не иметь никаких известий.

Крепко и нежно целую тебя и детей.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Поварская, Борисоглебский, д. Писемской, **Москва**.

Оп. 7, д. 46, л. 75.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 2 к письму № 566.

³ Н.В. Вернадская.

№ 568

3 декабря 1900 г., Тамбов

3.XII 1900, Тамбов

Дорогая моя Натуся, наконец, сегодня получил твои два письма и успокоился. Я уже собирался тебе телеграфировать. Собрание¹ все еще такое же длительное, хотя теперь начинают идти более важные дела. Я думаю, что собрание растает во вторник или среду, и в тот же день я выеду. Остались вопросы народного образования – не знаю удастся ли отстоять. В общем при ясном и сознательном интересе к этим всем земским вопросам, при полном понимании важности земства – мне с каждым годом все труднее и труднее эта работа, так как она тяжела мне необходимостью говорить, спорить и вообще той стороной, которая связана со всяким убеждением и отстаиванием своих мнений. Я вполне сознаю всю ненормальность этого чувства, и иногда мне кажется это какое-то психическое больное настроение. Когда со мной соглашаются, ко мне прислушиваются и исполняют мое желание – я **чувствую** удивление и в значительной степени неприятное впечатление. Я как раз в таком положении теперь с больницей. Как я рад был получить известие о детях, о тебе и о моей Нинусе². Скажи ей, что я ее нежно целую. Целую всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Борисоглебский пер., д. Писемской, **Москва**.

Оп. 7, д. 46, л. 76.

---

¹ См. комментарий № 2 к письму № 566.

² Н.В. Вернадская.

ПИСЬМА 1901–1908 гг.

№ 569

24 января 1901 г., [Москва]¹

24.I 1901, вечером

Дорогая моя Натуся, пишу несколько слой на открытой карточке, так как хочется непременно послать сегодня письмо, а марок здесь нет. Дети здоровы. Посылаю письмо Гули², который уже спит или засыпает. Нинуся³ еще ложится. Она очень весела, шалила и играла много с лошадью, хохотала и чувствует себя отлично. У нее был в гостях Юрий Сахаров, и няня говорит, что они играли хорошо. Проснулась она уже после того, как я пришел (в 5 час). Гуля с насморком, кашляет, к М-лле⁴ не пошел, так как «ему не по себе», – уверяет, что не Faules Fieber⁵, к французско-немецкому, но мы сговорились, что это в последний раз. Я не настаивал, так как и ты говорила, и он достаточно благоразумен при таком **прямом** решении. Принес отметки – кругом 5. Нового в университетской жизни ничего пока, и в С.-Петербурге спокойно. Сегодня был факультет, я чувствую себя не особенно хорошо, так как не настоял в одном частном деле, касающемся одного лица (из принципа), где бы должен был настоять. Какое-то неуменье и нежеланье настаивать там, где было нужно. Все-таки это некоторая неприспособленность к жизни: фактически ведь вся жизнь в мелочах. А так создается привычка скверная. Ну да сделанного не воротись, а дальше надо иначе.

Крепко и нежно целую. Поцелуй всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Архив РАН, ф. 518, оп. 7, д. 37, л. 4.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Георгий Владимирович Вернадский.

³ Нина Владимировна Вернадская.

⁴ Mademoiselle – мадемуазель (фр.).

⁵ Ленивая лихорадка (нем.).

№ 570

27 января 1901 г., Москва

27.I 1901, Москва

Дорогая моя Натуся, вот уже прошло несколько дней, как ты уехала. Хочется скорее видеть тебя – так неуютно и грустно без тебя. Пишу тебе утром из дома, вчера и сегодня (суббота) ухожу в университет после завтрака. Толь-

ко в понедельник, среду и четверг должен быть утром в университете. Гуля в гимназии, Нинуся² собирается идти гулять, поев яичко и немного языка. Она весела, игрива и большая шалунишка. Ведет себя очень хорошо и чувствует, кажется, тоже. Сегодня она утром расспрашивала меня, где ты, в какой Полтаве, зачем там, что делаешь. Выложила всю серию своих «зачем?», «где?», «что делает?»

У Гули кашель, в общем меньше, но вид у него не особенно хороший. Вчера Ал. Ник. Меркулов (который здесь теперь занимается) осмотрел ему горло и советует спросить специалиста, так как ему кажется, что связки горла несколько страдают. Он думает, что кашель чисто горлового происхождения и такой кашель проходит очень медленно. Как ты приедешь – надо будет тебе заняться Гулиным горлом. Советует полоскать танином, не пить горячего-холодного, по утрам обтирать горло холодной водой. Лечение более радикальное – откладываю до твоего возвращения.

Гуля ведет себя очень хорошо. Он пишет тебе аккуратно каждый день, так что я пишу тебе поэтому реже. Мы с ним начали читать, но эти дни у меня были вечером то Бекар.³, то Меркулов, так что с Гулей я был меньше.

Вчера послал тебе телеграмму и два пришедших на твое имя письма (от Ани⁴ и из С.-Петербурга). Вчера получил длинное письмо от Кати⁵ – она расспрашивала о Гале⁶. Видно большое непонимание между матерью и дочерью: очень может быть, так и должно быть в огромном большинстве случаев – верно, будет и у нас. Я постараюсь ответить ей на все ее вопросы. Очень мне жаль, что тебя нет, чтобы обсудить кое-что.

Вчера вечером был у Павла Ивановича⁷ – а днем у Зел.⁸, который просил зайти меня, чтобы сообщить свою поездку в С.-Петербург. Глупая и унижительная для профессора история: донос инспекции по поводу пения! Никак даже представить себе нельзя было, чтобы это могло быть поводом такого значения. Ему кое-что грозит, но «не худшее». История с Павлом Ивановичем кончается, кажется, его победой: мол Комар.⁹ просит о переходе на другую кафедру, поговаривают о посредничестве для сглаживания отношений между старым графом и Павлом Ивановичем. В пятницу он читает о Соловьеве в Психологическом обществе¹⁰ – возьму билет и для тебя.

Вчера я дал согласие на чтение на юбилее Марковникова¹¹. Не люблю я всех этих празднеств и чтений, но: 1) чувствую обязанность прочесть минимум одну лекцию общего содержания в год, 2) считаю полезным, чтобы на этом празднестве был представитель нейтральной группы профессоров, стоящих вне их ссор, и 3) считаю для себя крайне полезным рамки, заставляющие выяснить некоторые общие вопросы. Буду читать о нефти как природном теле – еще не знаю, на что обращу главное внимание и какой дам заголовок, должно быть: учение о нефти в науке за последние сто лет¹². Так думается об этом много, и, если хватит силы, то можно изложить красиво и интересно. Хочется мне дать лекции оттенок, выясняющий правильный научный метод и указывающий на современное хаотическое состояние мысли в этом вопросе как следствие недостатка точного философского мировоззрения. Теперь для этого опять обращаюсь к XVIII столетию, к Бюффону.

Работа моя с Поповым идет хорошо – недели через 1¹/₂–2 ее кончим и, если получим те результаты – совершенно новые, как я жду, то хочу написать

ее по-французски и пошлю (от общего имени) к Фуке, попробую поместить в издании Парижской академии, так как факт неожиданный и общий¹³.

В университете спокойно. Есть все шансы думать, что если в С.-Петербурге и Киеве не произойдет нового, очень резко жестокого, то здесь будет спокойно.

В университете занимался еще обработкой коллекции минералов с границ Китая, присланной Обручевым, – очень интересной.

Целую нежно и жду. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Об Ак.¹⁴ нет известий, верно, пустой слух.

Оп. 7, д. 47, лл. 5–6.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ Очевидно, Бекарюков.

⁴ Анна Егоровна Любошинская.

⁵ Екатерина Ивановна Короленко.

⁶ Анна Сергеевна Короленко, в семье звали Ньюта, Галя.

⁷ Новгородцев.

⁸ Очевидно, Николай Дмитриевич Зелинский.

⁹ Леонид Алексеевич Комаровский.

¹⁰ *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл. С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1901, январь-февраль. С. 112–130.

¹¹ Речь идет о торжественном праздновании 25 февраля 1901 г. 40-летия научной и учебной деятельности Владимира Васильевича Марковникова, которое происходило в Политехническом музее в Москве под председательством президента Общества любителей естествознания Дмитрия Николаевича Анучина. В.И. Вернадский выступил с научным докладом «О нефти как природном теле в конце XIX века».

¹² *Вернадский В.И.* Нефть как природное тело в науке XIX столетия // Ж. рус. физ.-хим. о-ва. 1901. Т. 33, отд. 2, вып. 4.

¹³ Совместная статья В.И. Вернадского и С.П. Попова в 1901 г. в издании Парижской академии не была напечатана.

¹⁴ Фамилия написана сокращенно и неразборчиво, личность установить не удалось.

№ 571

26 марта 1901 г., [Москва]¹

26.III 1901, утро

Дорогая моя Натуся, так без тебя тут пусто. Нинуся² еще спала, когда я вернулся, и спала до 6¹/₂ час, по временам похрапывая! Вечером она была немного сонная (переспала и **скучала за тобою**) – легла спать в начале 11-го. Няня ей ставила градусник – было 36,0. Сегодня встала веселая и живая. Очень обрадовалась Клавдии Николаевне³, которую сейчас же захватила. Мне кажется, она теперь быстро растет и начинает теперь несколько «скучать» без общества. К Толстому вчера не пошел, как-то разболелись ноги и т.д., да и мне неловко отнимать от него время. Буду это время усиленно работать. Назначение Ван.⁴ – что бы из этого в конце концов ни вышло – крупный шаг и несомненно вначале сразу вставит жизнь в свои рамки.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую. Привет всем близким.

Твой Владимир

От Гули⁵ больше известий нет.
P.S. Поцелуй Олю⁶, Борю⁷, няню.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Ольге Ивановне **Алексеевой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Фонтанка, 17, **Петербург**.

Оп. 7, д. 47, л. 7.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Н.В. Вернадская.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Имеется в виду назначение 24 марта 1901 г. на пост министра народного просвещения Петра Семеновича Ванновского, который до этого по высочайше возложенному на него поручению занимался расследованием причин студенческих выступлений в С.-Петербургском университете в феврале 1899 г.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Ольга Ивановна Алексеева.

⁷ Борис Кирович Алексеев.

№ 572

27 марта 1901 г., [Москва]¹

27.III 1901, утро

Дорогая моя, у нас все благополучно – Нинуся² гуляла и сейчас пойдет гулять – весела и жива по-прежнему. Она много возится с Клавдией Николаевной³, которая приходит каждый день. Теперь она одевается гулять, очень шалит, немного кокетничает. Очень она быстро развивается – даже как-то заметно – теперь ее интересуют счет и сказки. Слушает их, сидя молча, с напряженной, интересующейся мордочкой. Я начал заниматься. Вчера вечером у меня был Яков Филиппович⁴, с которым мы заканчиваем обзор работ по минералогии России для сборника Криштафовича⁵, и придет еще сегодня вечером. Все вечера заняты такими недоконченными делами.

Крепко целую. Мой сердечный привет всем друзьям. Телеграмму Гули⁶ послал вчера к Гревсам. Олю⁷, Борю⁸, няню поцелуй, Киру⁹ кланяюсь.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Ольге Ивановне **Алексеевой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Фонтанка, 17, **Петербург**.

Оп. 7, д. 47, л. 8.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Н.В. Вернадская.

³ См. комментарий № 3 к письму № 571.

⁴ Самойлов.

⁵ *Вернадский В.И., Самойлов Я.В.* Обзор работ по минералогии России за 1897 и 1898 гг. // Ежегодник геологии и минералогии России, 1900–1901. Т. 4, отд. 3.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ О.И. Алексеева.

⁸ Б.К. Алексеев.

⁹ Кир Алексеевич Алексеев.

№ 573

28 марта 1901 г., [Москва]¹

Среда, 28.III 1901, утро

Дорогая моя, пишу последнюю записку: надеюсь, скоро приедешь. У нас все благополучно. Нина² весела, здорова – шалит, играет, гуляет. Ждет пятницы, когда ты приедешь. О Гуле³ писала Аня⁴. Он хорошо доехал, и все там здоровы.

Целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Ольге Ивановне Алексеевой с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Фонтанка, 17, Петербург.

Оп. 7, д. 47, л. 9.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ А.Е. Любоцинская.

№ 574

29 апреля 1901 г., Москва

29.IV 1901, Москва, утро

Дорогая моя Натуся¹, сегодня я один-одинешенек, и моя маленькая деточка² не пришла меня будить, как она делала эти дни. Как-то она доехала, баловница? Так все эти мелкие оттенки чувства заполняют жизнь – в сущности, их проявление и представляет обыденную красоту жизни, что нам так дорого, являются наиболее близкими нам тонами.

Вчера устал и рано лег спать, но долго не мог заснуть, просматривал какой-то глупый французский роман (полудетский, хорошо кончающийся, с прописной гуманитарной моралью), и в то же время мысль вне этой внешней оболочки работала над другим, и так странно иногда прорывались следы, выводы этой настоящей, глубокой работы. Не знаю, испытывала ли ты это – в серьезном, глубоком настроении, когда совсем чувствуется настоящая переработка **настроением** важного и идейного – в это время внешне занимается мысль иным – идет в другой рамке, и вдруг, как луч, промелькнет какой-нибудь вывод, воспоминание, какое-нибудь наведение, или навеянная ими фантазия, или картина из того, что скрыто и для самого, но, в сущности, составляет настоящий настрой души в данную минуту. Затем опять потухает, опять пройдет связная мелочь поверхностного занятия ума, и вновь через некоторое время промелькнет. Ты лишь ощущаешь серьезность настроения, но не даешь ему всецело овладеть и снаружи своею мыслию...

Вчера был довольно интересный Совет – Федорова выбрали в доктора единогласно³. Я представлю записку того, что сказал в Совете о его деятельности. Выбрали в профессора и Дьяконова⁴. Я клал налево – после того, что выяснилось из прений. Несомненно, такого рода выборы неправильны: нельзя ограничивать такими узкими, формальными рамками право избрания. Если бы баллотировались все кандидаты в Совете – Дьяконов бы не про-

шел. Он, по-видимому, хороший человек, но ограниченный и плохой ученый. Вчера рассказывали некоторые профессора о своем свидании с Ванновским⁵. По-видимому, его окружила здесь стена, и он до известной степени вынес отсюда фантазмагорию. Он сам кому-то сказал, что я могу знать в С.-Петербурге лишь то, что мне доложит директор департамента. Был у него председатель комиссии Зернов⁶ и, говорят (Зернова в Совете не было), имел интересный разговор: о комиссии Ванновский почти не знал, о ее значении для успокоения студентов совсем не имел понятия (ему доложили, что все это дело начальства с университетской полицией). Он сказал, что Совет пошел навстречу его желаниям: как раз теперь в С.-Петербурге изготовлено обращение во все советы университетов с предложением дать ответы по некоторым основным вопросам университетского быта, и если советы сразу не могут, пусть выберут комиссии. Ответы должны быть даны к 1 октября 1901⁷. Из разговора с другим профессором выяснилось, что вопросы поставлены определенные, например: «Какие неудобства представляет назначенный ректор и какие преимущества выборного?», «Как относится Совет к землячествам?»⁸ и т.п. Зернов изложил программу ответа комиссии⁹ – всю, кроме вопроса об инспекции, которого не решался затронуть¹⁰. По поводу автономии университета Ванновский сказал, что он этого слова не любит, но просил Зернова изложить, что комиссия понимает под этим, и в разговоре заявил, что избранию профессорских коллегий сочувствует, но лично против избрания ректора, хотя не считает этого своего мнения окончательным: может быть, Вы меня и убедите, – сказал он. Организациям студенческим – и курсовым и земляческим – сочувствует. В разговоре с другими профессорами и З.¹¹ он указал, что он против совмещений профессорства в нескольких учебных заведениях, но понимает, что для прекращения этого необходимо повысить содержание профессоров. Вообще он, Ванновский, думает, что правильно можно поставить дело, только увеличивши бюджет Министерства народного просвещения по крайней мере втрое.

В общем неизвестно, что будет. Гуля¹² уехал хорошо. Жду от него телеграмму. Твоя брошка (с жемчужиной) была найдена Матрешей¹³ на полу и спрятана мною. Белье принесли все. Посылаю одновременно вчера пришедшее письмо М. Гревс – я его не распечатывал, так как ты мне успеешь ответить, если там что есть о твоей статье. Елена¹⁴ пойдет к Аф.¹⁵ завтра – сегодня я проспал, и она к 9 час не успевала. Вчера вечером заходил Павел Иванович¹⁶. Говорят, Павел Николаевич¹⁷ высылается в Полтаву.

Целую тебя нежно, моя дорогая, и мою бесценную Нинулю. Целую всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 10–11.

¹ Н.Е. Вернадская с дочерью уехала на отдых в Полтаву.

² Н.В. Вернадская.

³ Имеется в виду ординарный профессор Московского сельскохозяйственного института, горный инженер Евграф Степанович Федоров, которому по совокупности научных трудов Советом Московского университета была присвоена степень доктора минералогии и геогнозии.

⁴ В отчете Московского университета за 1901 г. имеются сведения о присвоении степени доктора Е.С. Федорову и ординарному профессору Томского университета доктору медицины

Кашенко – степени доктора зоологии, Дьяконов в отчете не упоминается (см.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1901 г. М., 1902. С. 87).

⁵ П.С. Ванновский посетил Московский университет 25 апреля и пробыл в нем всего один час (с 15-00 до 16-00 час). Его встречали попечитель Московского учебного округа П.А. Некрасов, ректор университета А.А. Тихомиров, помощник ректора Е.А. Нефедьев и деканы факультетов, в актовом зале собрались профессоры всех факультетов и инспекторский персонал, которые были представлены министру. Министр выступил с краткой речью. 27 апреля П.С. Ванновский посетил общежитие студентов им. императора Николая II в сопровождении все тех же лиц – попечителя, ректора, помощника ректора и одного профессора А.И. Кирпичникова. В тот же день он уехал в Петербург (см.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1901 г. М., 1902. С. 80–87).

⁶ Имеется в виду Комиссия для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни под председательством заслуженного профессора Д.Н. Зернова, которая была избрана Советом Московского университета 28 февраля 1901 г. В ее состав вошли: В.И. Герье, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, Н.А. Умов, К.А. Андреев, В.К. Цераский, Л.А. Комаровский, И.Т. Тарасов, М.В. Духовской, А.Б. Фохт, А.А. Бобров.

⁷ С назначением П.С. Ванновского на пост министра народного просвещения началась подготовительная работа по пересмотру действовавших уставов и штатов университетов и других высших учебных заведений. 29 апреля 1901 г. через попечителей учебных округов было предложено советам университетов и соответствующим коллегиям в других высших школах высказать свои соображения о желательных изменениях в уставах и штатах. Кроме того, Министерство поставило ряд конкретных вопросов и потребовало от университетских коллегий мотивированных ответов (см.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 708). См. комментарий № 4 к письму № 571.

⁸ Таких вопросов было 18:

«1. Как должны быть поставлены должности ректора и деканов? В частности, какие неудобства представляет ректор по назначению правительства и какие преимущества может иметь ректор, избираемый профессорскою коллегией?

2. Какие изменения желательны в распределении предметов ведомства факультетов, правления и совета?

3. Не следует ли отменить особую плату в пользу отдельных преподавателей?

4. В каком размере должно быть увеличено штатное содержание профессоров, при котором они, не обременяя себя посторонними университету занятиями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научным и преподавательским трудам и не только читать лекции, но и деятельно вести практические занятия со студентами?

5. В случае увеличения штатного содержания профессоров до указанного размера возможно ли допускать занятие ими других должностей вне университета или службу их по вольному найму в других учреждениях? Если возможно, то какие должности и какие занятия по вольному найму совместимы с званием и обязанностями профессора? В связи с этим желательно ли сохранить ст. 467 общего устава университетов (Свод законов. Т. XI, ч. 1. 1893 г.), или она требует изменения и в каком смысле?

6. Какие меры должны быть приняты, чтобы установить живой и деятельный контроль факультетов над полнотою, научностью и достоинством преподавания отдельных преподавателей?

7. Не нужны ли на многолюдных курсах помощники профессоров, в особенности для ведения практических занятий со студентами? Если нужны, то какое служебное положение должны занимать эти помощники и в каких отношениях находиться как к профессорам, при которых они состоят, так и к факультету?

8. Какие изменения желательны в положении приват-доцентов, чтобы обеспечить университеты достойными лицами для замещения свободных кафедр? Не следует ли ограничить число приват-доцентов и точнее определить их права, обязанности, ответственность и служебное положение?

9. Какие вообще меры должны быть приняты для правильного и успешного приготовления молодых людей к профессорскому званию?

10. Какие меры могли бы привлечь студентов к более усердным, чем ныне, занятиям и поднять уровень получаемого ими университетского образования?

11. Не следует ли восстановить курсовые экзамены с допущением к ним экстернов, где это по характеру знаний возможно? Точно так же не следует ли допустить экстернов к одно-временному экзамену по всем факультетским предметам для получения диплома об окончании университетского курса?

12 и 13. Нужно ли предоставлять служебные права оканчивающим университетский курс? Нужно ли сохранить государственные экзамены, и если нужно, то в каком виде и на каких основаниях?

14. Какие меры желательны для сближения профессоров и студентов и для усиления воспитательного влияния первых на последних?

15. Не следует ли допустить студенческие организации и собрания студентов для обсуждения студенческих дел? Если следует, то какие и на каких условиях? Не признаются ли полезными курсовые старосты как посредники между студентами, профессорами и университетской администрацией?

16. Не следует ли восстановить университетский суд по делам и проступкам студентов?

17. Не следует ли, независимо от сего, вести особый студенческий (товарищеский) суд специально для разбора поступков студентов, противных правилам чести? Если следует, то каковы должны быть организация сего суда, контроль над ним и его отношение к университетскому начальству?

18. Какие изменения желательно ввести в постановку университетской инспекции?» (ЦИАМ, ф. 418, оп. 70, д. 586, лл. 25-46).

⁹ См. доклад комиссии, избранной советом Московского университета 28 февраля 1901 г., для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни (ЦИАМ, ф. 418, оп. 70, д. 586, лл. 1-41). Обширный доклад, хорошо аргументированный, комиссия заключила следующими выводами:

«1. Главной причиной университетских беспорядков последних лет нужно признать усилившуюся среди студентов потребность в товарищеском общении, выразившуюся в неразрешенных организациях.

2. Принимавшиеся против этого и все усиливавшиеся репрессивные меры лишь спланивали эти организации и усиливали общее недовольство студентов университетскими порядками.

3. Как для предотвращения подобных беспорядков, так и из педагогических соображений необходимо разрешить студентам вступать в организации, цели, круг деятельности и ответственность которых должны быть определены особыми данными им уставами или инструкциями.

4. Согласно с этим должна быть видоизменена инструкция для инспекции и сужена компетентность последней.

5. Проступки студентов против университетских порядков и правил подлежат, если эти проступки могут повлечь за собою увольнение из университета, особому университетскому суду, составленному из избираемых советом университета членов, частью из судебной корпорации и частью из профессоров.

6. Упорядочение студенческого быта возможно лишь при увеличении влияния профессоров и университетского совета на студенчество, будет ли это следствием восстановления прежней автономии совета или в крайнем случае специальной организации, для этой цели установленной» (Там же, лл. 40-41).

¹⁰ Инспекция комиссия отвела в своем докладе несколько страниц текста: «...Современная инспекция превратилась в довольно сложный полицейский механизм с весьма разнообразными функциями, начиная от простого наблюдения за внешним порядком и кончая тайным сыском и предугадыванием намерений... В настоящее время меры, практикуемые инспекцией при выполнении возложенных на нее обязанностей, достигли крайних пределов. Так, чины инспекции вслушиваются в разговоры студентов, как скоро они собираются в числе 4-5 человек; наблюдают за чтением, причем такое наблюдение простирается до вытребования получаемых писем; студентов, имеющих дело до профессора вне часов его лекций, конвоируют к профессору со служителями; подсматривают во время лекций через приотворенные двери аудитории; через служителей инспекции строго следят за тем, чтобы в данное время были в университете только те студенты, которым предстоит слушание лекций... Все эти обстоятельства создают условия, при которых о моральном отеческом влиянии инспекции не может быть и речи. Его место заступают неуважение, недоверие, боязнь, презрение и даже ненависть ко

всему институту инспекции со стороны студентов. Трудно даже приблизительно определить размеры того зла, которое вносится в университетскую жизнь крайним недоверием молодежи и обязанностью инспекции “всеми зависящими от нее мерами” предупреждать и пресекать проступки студентов (§ 2), не отказываясь, следовательно, и от деятельности агентов тайного сыска...» (ЦИАМ, ф. 418, оп. 70, д. 586, л. 34).

¹¹ Возможно, Д.Н. Зернов.

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ Прислуга в доме Вернадских.

¹⁴ Прислуга в доме Вернадских.

¹⁵ Очевидно, Николай Николаевич Афанасьев. В письме от 4 мая 1901 г. Н.Е. Вернадская писала: «...получила вчера вечером твое письмо со вложением карточки Афанасьева» (ф. 518, оп. 3, д. 267, л. 15), см. также письмо № 577.

¹⁶ Новгородцев.

¹⁷ Возможно, Милуков.

№ 575

1 мая 1901 г., Москва

№ 2¹

1.V 1901, утро, Москва

Дорогая моя Натуся, посылаю тебе карточки Афанс.² и т.д. Кому ты отдала исследовать глисты? Ответ (по почте) удивителен по невежеству – сохрани его.

Не знаешь ли – не взяла ли ты письма Гольштейна? Надо ему отвечать, а их здесь нет. Не спрятала ли ты их себе после того, как показывала Павлу Ивановичу³?

Сколько надо платить дворнику и когда? Твоя брошь была найдена Матрешей⁴, которая, найдя ее на полу, спрятала ее ко мне в футляр от часов. Она уехала в тот же день. От Т...⁵ никого не было.

Вчера был на выставке передвижников. В общем серая и безжизненная. Несколько прекрасных портретов-настроений Репина, виды русской природы и еще чаще виды отдельных настроений природы: сумерки, весна, закат и т.д. – Дубовского, Жуковского, Волкова. Жанр начинает принимать тенденциозный характер, и мне кажется, что снова изменится характер произведений, как, несомненно, меняются общественное направление и настрой. Меня потянуло за город, мне хотелось опять увидеть бедные, но дорогие черты русской природы и в то же время уйти куда-нибудь в ее окраины, где встречает совсем иная обстановка – в горы, к морю, в дикую глушь. Потянуло на экскурсию. А вчера еще Орловский прислал в подарок великолепные фотографии Кавказа и зовет к себе. Потом пришел Уваров, который устроился на Чиатуре – на марганце, и предлагает там устроить хорошо экскурсию. Так и потянуло. Но ничего не поделаешь. Чувствую себя гораздо лучше – немного болят – большей частью по утрам – рука и ступня ноги. Самочувствие тоже лучше. Только устаю эти дни. Я кончаю теперь определение забайкальских минералов, присланных Обручевым (сегодня – завтра кончу), и через день с Сергеем Платоновичем⁶ заканчиваем обзор нашей поездки по сопкам в 1899 г. Еще работы много. Вчера наконец прислал Криштафорович корректуру начала нашей статьи с Самойловым⁷, а его нет, так что на меня будет больше работы теперь.

Я послал тебе вчера письмо М.С. Гревс, если она пишет тебе что-нибудь о твоей статье – напиши. Сегодня пересылаю письмо к няне.

Что-то моя дорогая ненаглядная Нинуля⁸? Вспоминает ли меня или забыла? С нетерпением жду известий о ее впечатлениях в Полтаве. Целую нежно.

Твой Владимир

Целую всех наших.

Оп. 7, д. 47, лл. 12–13.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 15 к письму № 574.

³ Новгородцев.

⁴ Прислуга в доме Вернадских.

⁵ Личность установить не удалось.

⁶ Попов.

⁷ См. комментарий № 5 к письму № 572.

⁸ Н.В. Вернадская.

№ 576

3 мая 1901 г., [Москва]¹

№ 3²

3.V 1901

Дорогая моя Натуся, вчера вечером получил твое первое письмо из Полтавы. Что моя дорогая детка³? – чего она так кашляет, надеюсь, ты мне скоро о ней напишешь. Я не совсем понимаю твой план поездки в Крым: ведь мы поселились в Полтаве для того, чтобы быть вблизи Марии Ивановны⁴, а переезжать в Крым – нужно ли? Конечно, делай как хочешь. Мне, однако, было бы очень тяжело опять и в этом году не брать Галю⁵, и без особой нужды этого делать не следует. В прошлом году так вышло – у меня есть какое-то чувство, что мы делаем против желания и известной уверенности – моей матери. Так что я бы хотел, чтобы ты без крайней нужды не решалась устраиваться без Гали. Я, как мы сговорились, написал сестре Кате⁶ сперва только принципиально, но вскоре обещал ей написать более точно: как только ты выяснишь вопрос о даче.

Теперь вопрос о лете. Поездка в Крым меня не очень привлекает: все-таки это будет бивуак и очень мало интересный – мне не хочется видеть много людей, а в Крыму этого не избежишь. Конечно, если пребывание в Полтаве будет утомлять Марию Ивановну, то не поехать ли в Вернадовку потом – тем более, что А...⁷ не советовал мне приезжать в Москву прямо с очень южного климата. Теперь вот еще. Земское выборное собрание будет в Моршанске **19 июня**, и в этот день я непременно должен быть в Моршанске – иначе я не попаду в гласные, а я не хочу пока оставлять земскую службу. У нас выборы никогда не могут состояться, и все приехавшие объявляют себя гласными – так что приехать надо. Если мы будем в Полтаве, то я приеду оттуда – не сидеть же мне в Вернадовке до 19-го – лучше прервать ванны на два-три дня, что вполне возможно. Не знаю, когда удастся уехать из Москвы, так как около этого времени должен быть важный Совет, на котором будут решаться дела комиссии – может быть, он будет 26-го, тогда я его подожду.

Во всяком случае, напиши мне, как быть в связи с тем, что мне надо быть в Моршанске 19 июня. Если прервать ванны, разделив их на две половины, это вполне возможно.

Время идет довольно быстро, но так неуютно теперь в большой пустой квартире. Я, впрочем, как-то не в настроении кого бы то ни было видеть и сижу дома – кое над чем работаю, читаю.

Крепко и нежно целую тебя и мою дорогую деточку (помнит она меня?). Поцелуй наших.

Твой Владимир

P.S. Дворник вчера приходил за жалованьем и сказал, что ты ему платишь в месяц 1 руб. 90 коп., да еще за выставку окон 20 коп. Так и летом? Скажи няне, что она не зашила совсем мое белье, и я теперь в довольно затруднительном положении.

Оп. 7, д. 47, лл. 14–15.

---

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: «Не знаю, когда удастся уехать из Москвы, так как около этого времени должен быть важный Совет...»

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Старицкая.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ Е.И. Короленко.

⁷ Очевидно, Н.Н. Афанасьев.

№ 577

4 мая 1901 г., Москва

4.V 1901, Москва

Дорогая моя, вчера был так рад получить твое письмо: сперва не заметил было твоей собственноручной приписки и думал, что ты посылаешь мне свой бюллетень. Меня все же очень беспокоит моя крошка¹ (хотя теперь она совсем не такая маленькая), и я надеюсь, что сегодня получу от тебя о ней весточку. Я не думаю, чтобы это был «коклюш» – под именем которого в общезнании называют, кажется, разные вещи – ведь и Л.А.² не считает ее кашель «коклюшем»? Вспоминает ли меня моя деточка? А я постоянно и часто припоминаю ее, и так грустно и пусто временами без нее.

У нас стоит эти дни прекрасная погода, и я собираюсь на днях поехать за город. Мне хочется знать скорее твое решение относительно лета. Из приложенного письма Кати³ ты видишь, что Галя⁴ едва ли к нам приедет. Все-таки я чувствую некоторое неприятное ощущение: недостаток искреннего активного проявления желания – все же мы прошли **мимо** молодой развертывающейся жизни. Конечно, обстоятельства довольно сложны, но будь больше активного желания – этого бы не было.

Заметила ли ты изменившийся тон газет по вопросу об университетской реформе? Гораздо более убежденный в ее возможности. Особенно это заметно из «Московских ведомостей», которые начинают петь (надолго ли?) минорно. В речи директорам гимназий Ванновский говорил об излишней продолжительности курса. О С.-Петербурге ничего с твоего отъезда не знаю. Вчера у меня была Ел. Ив. Свеч.⁵ справляться о Фед. Изм.⁶ (я думаю – любезное проведывание нас), она тоже ничего не знает после проезда Врангелей.

Здесь в Москве большое волнение продолжают производить покушения на девушек и женщин. Пострадала на днях одна знакомая Павла Карлов.⁷ – подросток – рана не заживает и думают, что она чем-нибудь отравлена (говорят даже о сифилитическом яде!). Недавно пострадала одна из актрис – а между тем полиция бездействует. В газетах всякие известия прекратились – очевидно, запрещено писать.

Мое время идет монотонно. У меня была масса запущенных писем, и я обыкновенно все утро дома: в университете у меня в кабинете невозможный гам – учатся к экзамену, который будет во вторник, потом иду в университет и возвращаюсь домой к 6 1/2. Вечера был все дома – через день приходит Сергей Платонович⁸, и мы работаем над сопками. Сегодня хочу зайти к П.И.⁹ и Линду, который вчера был и не застал меня.

Не помню – писал ли тебе, что Тихон.¹⁰ женился и с женой уехал на экскурсию – на Печору. От Анат. Ор.¹¹ хорошие вести: он совсем поправляется – ходит уже почти свободно.

Крепко и нежно тебя целую, мою дорогую. Поцелуй от папы нежно и крепко мою Нинулю. Пусть она меня помнит. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 16–17.

¹ Н.В. Вернадская.

² Леонид Алексеевич Ионин.

³ Е.И. Короленко.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Возможно, описка у В.И. Вернадского: не «Ел.», а Александра Ивановна Свечина – родная сестра матери Н.Е. Вернадской.

⁶ Федор Измайлович Родичев.

⁷ Павел Карлович Алекса^т.

⁸ Попов.

⁹ Новгородцев.

⁹ Возможно, Николай Николаевич Тихонович.

¹⁰ Анатолий Орестович Шкляревский.

№ 578

5 мая 1901 г., [Москва]¹

5.V 1901

Дорогая моя Натуся, пишу несколько строк. Сегодня получил циркуляр Ванновского: вопрос об университетской коренной реформе официально поднят², и теперь – я думаю – очень многое, если не все, зависит от того, найдутся ли в университетской среде сильные и смелые люди долга, которые сделают что должны в этот важный момент в истории русского просвещения. В своем циркуляре Ванновский между прочим говорит: «Не стесняя какими-либо рамками суждений советов и ожидая их мнений по всем вопросам, которым, в интересах дела, они придадут значение, я, со своей стороны, желал бы иметь их мотивированные заключения по прилагаемым к настоящему предложению вопросам». Вопросы выбраны и поставлены **превосходно**³. В них видна программа, и пересмотр делается на почве устава 1863 г.⁴ Вый-

дет или не выйдет из всего этого что-нибудь – трудно сказать, но факт не может быть вычеркнут и взят назад. Срок заключений к 1 октября и даже раньше. Во вторник вечером назначено экстренное заседание Совета⁵. Уже теперь начинается большое возбуждение в профессорской коллегии и ясно сознание важности момента. Вероятно, летом придется писать настоящую мотивированную записку в Совет, а во вторник, может быть, будет баталия с Тихом.⁶, Алекс.⁷ и К⁰. Я хочу летом ответить на поставленный вопрос определенно и разработать в связи с критикой реформы 1884 г.⁸ Посмотрим, что будет.

Адя⁹, говорят, еще не выпущен. Нат. Ант.¹⁰ справлялась, и ей ответили, что они пока не разобрались, столько у них – у полиции – работы, что они не знают, серьезно или не серьезно он замешан и долго ли его задержат. Говорят, Фед. Изм.¹¹ тоже уже не дома. Выпустили Поссе. Это известия, идущие из случайных сведений, но, может быть, верные – от ученых-геологов.

Вчера приехали Анастасия Сергеевна и Иван Ильич¹². Я так был рад их видеть. Вечером они были у меня – много говорили, и сегодня я пойду к ним (сговорились было у меня – я даже купил апельсинов, хлеб и т.п., но только что получил записку Ивана Ильича – просит к себе: Анастасия Сергеевна утомилась). При таких свиданиях ретроспективно повторяешь прожитое. Вчера помешал нам заехавший ко мне Вахт.¹³

Посылаю тебе лекции Павла Ивановича¹⁴.

Крепко и нежно целую тебя. Поцелуй мою бесконечно любимую крошку¹⁵. Жду с некоторой тревогой твоего о ней письма. Целую всех.

Твой Владимир

Не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем – пишу ежедневно почтой – см. №№.

Так называемый «анализ» (!) Соколова давно отослал.

Оп. 7, д. 47, лл. 17а–17б.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: В.И. Вернадский пишет о заседании Совета Московского университета и т.д.

² См. комментарий № 7 к письму № 574.

³ См. комментарий № 8 к письму № 574.

⁴ По принятому в 1863 г. Уставу, управление университетами перешло в ведение коллегии профессоров, на все должности (от ректора до лаборантов) избирали лиц, получивших большинство голосов при баллотировке на заседании Совета университета, был введен специальный университетский суд, который рассматривал все судебные дела преподавателей университетов и студентов. Судей избирал Совет университета. Все это было отменено Уставом университетов 1884 г. (см. комментарий № 8).

⁵ Заседания Совета Московского университета по обсуждению вопроса об университетской реформе начались 8 мая 1901 г. В мае-июне Совет провел 9 заседаний, после чего во время летних каникул разработка вопросов, поставленных министром народного просвещения, продолжалась членами Совета. Советом была избрана комиссия для выработки проектов мотивированных ответов на вопросы. В осеннем семестре было проведено еще 11 заседаний Совета. Советом были утверждены мотивированные ответы на вопросы (см. комментарий № 8 к письму № 574) министра (текст см.: ЦИАМ, ф. 418, оп. 70, д. 586, лл. 25–47 об.).

⁶ А.А. Тихомиров, в это время ректор Московского университета.

⁷ Александр Семенович Алексеев, в это время декан юридического факультета Московского университета.

⁸ Имеется в виду реформа, в результате которой был принят новый Устав университетов 1884 г. По нему университеты лишались автономии, отменялась выборность ректора, деканов,

профессоров. Устав порвал связь между профессорской коллегией и органами университетского управления, поставив профессоров в положение чиновников. Профессора назначались попечителями учебного округа, за ходом преподавания был установлен надзор, отменялся университетский суд и учреждалась должность инспектора для надзора за студентами, назначаемого Министерством народного просвещения, со специальным штатом и полицейскими функциями. Увеличивалась плата за учение, студентам было запрещено издание научных трудов.

⁹ Александр Александрович Корнилов. В апреле 1901 г. А.А. Корнилов был арестован за письмо-протест, которое он подписал вместе с другими членами Союза писателей. Письмо было направлено против грубого разгона демонстрации молодежи, которая состоялась 4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге. Полиция не церемонилась, были жестоко избиты и арестованы не только участники демонстрации, но и люди, случайно оказавшиеся на площади (см. комментарий № 6 к письму № 582). После 20 дней сидения в тюрьме А.А. Корнилов по распоряжению министра внутренних дел был выслан из Петербурга на 2 года, и на это же время ему было запрещено бывать в Петербургской и Московской губерниях и во всех университетских городах.

¹⁰ Наталия Антиповна Корнилова.

¹¹ Родичев.

¹² Петрункевичи.

¹³ Возможно, Василий Порфирьевич Вахтеров.

¹⁴ Новгородцев.

¹⁴ Н.В. Вернадская.

№ 579

7 мая 1901 г., [Москва]¹

№ 6²

7.V 1901, утро

Дорогая моя Натуся, вчера от тебя не было письма, и я ничего не знаю о Нинуське³ – моей дорогой девочке. Все-таки пока она не вполне здорова – ты бы мне писала каждый день, несколько беспокожно на душе не знать про нее. Теперь опять началось несколько нервное время в связи с циркуляром Ванновского, о котором я писал тебе вчера. Завтра Совет, сегодня вечером у нас частное совещание – и все это время мне приходится иметь ряд совещаний с отдельными профессорами. Есть теперь некоторое опасение, что Тихом.⁴ – Алексеев⁵ и К^о будут пытаться созвать новую комиссию по своему вкусу. Трудно сказать, что из всего этого выйдет: во всяком случае, от слов переходит к делу, и известную ответственность перед переживаемым моментом я глубоко и сильно чувствую. Хотя несколько утомился от постоянных переживаний и нервных впечатлений: все же я совсем не общественный или политический деятель...

Вчера у меня обедали Анастасия Сергеевна и Иван Ильич⁶ и Павел Иванович⁷. Было очень хорошо, и мы много говорили обо всем – главным образом об университете, о переживаемом моменте, о философии. Так всегда после этих бесед как-то лучше и полнее себя чувствуешь. Мы собираемся с Павлом Ивановичем проехать к ним на один-два дня.

Ник. Алекс.⁸, которого я вчера видел, имел известие от Анны Сергеевны⁹ – все дело в том же положении... На лето у меня масса планов: придется возиться с запиской об университетских делах, хочется заняться Кантом и высшей математикой, написать по-немецки статью из главных результатов докторской диссертации, обработать курс кристаллографии. А затем буду больше заниматься с Гулей¹⁰. И едва на все это хватит лета. Мне очень хочется видеть мою дорогую Нинулю – я так ярко и глубоко-сердечно представлял ее полные жизненной ра-

дости восторги при виде травы, цветов, букашек, о чем ты писала мне в последнем письме, и так бы хотелось быть в это время там, вблизи нее.

Чувствую себя так себе: боли в ногах и руках сильно уменьшаются. И сегодня совсем их не испытываю. От времени до времени принимаю аспирин.

Дома все в порядке, однако ряда мелочей нет, может быть, ты спрятала – например, тушилка, пресс-папье моей матери – Гера на львице и т.п. Они исчезли в первый же день.

Посылаю письмо Старицкого – я ему ответил.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую Натусю, и мою девочку драгоценную. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 18–19.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 578.

⁵ См. комментарий № 7 к письму № 578.

⁶ Петрункевичи.

⁷ Новгородцев.

⁸ Возможно, Николай Алексеевич Милюков, племянник Павла Николаевича Милюкова.

⁹ Возможно, Анна Сергеевна Милюкова.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 580

8 мая 1901 г., [Москва]¹

8.V 1901, утро

Вчера получил от тебя, моя дорогая Наталочка, два письма, которые меня очень встревожили, и сегодня я посылаю телеграмму о здоровье моей дорогой Нинуси², нашей баловницы. Неужели у нее коклюш: я надеюсь очень, что нет, так как Гуле³ значительно лучше, и здесь, в Москве, говорят, ходит какой-то особый кашель, напоминающий на первый взгляд коклюш, но de facto совсем иной, особая форма фарингита. Меня в этом уверял Ауновский, который теперь au courant⁴ всех медицинских новостей, он уже кончает курс.

Вернувшись с экзамена около 6 час вечера – кончаю это письмо. Сейчас пообедаю и – в Совет до ночи. Как-то все пройдет. Вчерашнее предварительное заседание произвело на меня довольно унылое впечатление: все устали и не привыкли к такой деятельности, отвыкли от обсуждения всего дела в Совете. Лучшие люди ушли, и воспитались (новые) на пассивной оппозиции – а это совсем не то, что теперь нужно. В такие моменты я как-то особенно горько чувствую то полное отсутствие умения действовать и говорить в общественных собраниях, каким я обладаю. А так много надо было бы сказать!

Сдают экзамены так себе. Сегодня прекрасная погода – тянет за город, и я думаю 13-го мая отправиться на экскурсию. Но сегодня моя мысль с тобою, и я много думаю и чувствую с моей дорогой Нинулькой. Я очень надеюсь и, мне кажется, читаю и в твоих письмах, что ты несколько преувеличиваешь и видишь мрачнее ее болезнь, чем она есть в действительности. Но иногда является сомнение – а если нет?

С Клавдией Николаевной⁵ постараюсь списаться и свидеться на днях. Не знаю, как она подойдет к Нине, а также не особенно, думаю, хорош твой план списаться с Олей⁶. Я бы скорее взял теперь к Нине **простого человека**, хотя не могу уверенно стоять на этом. Едва ли для **временной** замены няни стоит привозить отсюда. Мне кажется, ты должна с ней вырешить дело до конца: остается она или нет. Тут что-то есть недоговоренное.

Целую тебя нежно, мою дорогую, и мою Нинуську. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 20–21.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ В курсе (фр.).

⁵ Личность установить не удалось.

⁶ О.И. Алексеева.

№ 581

9 мая 1901 г., Москва

9.V 1901, Москва, утро

Дорогая моя Натуся, вчера вечером получил я твое письмо о коклюше – но еще утром, беспокоясь о Ниноле¹ драгоценной (помнит она меня?), я послал тебе телеграмму и сегодня ночью получил ответ, что, по мнению врачей, это не коклюш. Жду подробностей. Под влиянием письма я говорил вчера вечером с Филатовым, которого видел в Совете, и говорил как о коклюше. Он был удивлен, что у Гули² коклюш, спрашивал меня, не высказывал ли он тебе сомнений, что, конечно, может быть abortивная форма, но странно. Он считает, что пребывание Гули у Ани³ вполне безопасно – заразить он уже теперь не может. Относительно Нины он спрашивал – есть ли у нее особый какой-то свистящий звук кашля, если нет – ни рвоты, ни частые кашли судорожные коклюша не доказывают, у таких маленьких детей это бывает. Спрашивает, не повышалась ли температура и как желудок? Он говорит, что если коклюш, то хорошо, что летом, и просил передать тебе, чтобы ты держала ее больше на воздухе и только в сильный ветер или дождь – дома. Я думаю, что он не верит, что у Гули коклюш, так как в конце концов рассказал о странной форме ларингита, которой заболел Снижарный и которая похожа на коклюш, но за коклюш ни сам Снижарный, ни они ее признать не решаются, но и на ларингит непохоже...

Вчера вечером – Совет, и на нем мы провели все, что решили накануне: Алексеев и юридический факультет, как они говорили раньше, а потом «некоторые профессора юридического факультета» (среди речей Соколовский перешел на сторону наших предложений и наивно высказался, что он хочет помирить волков (т.е. Алексеева и К^о) и овец (т.е. теперешнюю комиссию)). Они сговорились и представили ряд предложений, от которых должны были отказаться, под видом внешней благопристойности хотели передать в значительной степени ведение дела в руки **новой** комиссии из

членов, остающихся летом в Москве (т.е. Алексеев, Нефедьев, Тихомиров и т.д.! – Умов очень ясно указал на прозрачность такого подбора), и думали похоронить старую, сдав в новую комиссию заключения старой и выражения на старую. Мы настаивали на обсуждении вопросов Советом *in pleno*⁴: 1) ввиду важности вопросов, 2) необходимости взаимного uznания, 3) в таких общих обсуждениях только и выяснятся все стороны вопроса. Так и решено, и теперь до 1-го июня будет по вечерам ряд очень важных и интересных заседаний Совета⁵. Этим до известной степени задержан мой выезд из Москвы. Старая комиссия⁶ остается и сделает доклад в Совет. Первое заседание Совета в субботу, и мы поставили на обсуждение коренные вопросы (Тихомиров пытался – неудачно – один из второстепенных). Я хочу представить в субботу сжатый доклад-тезисы о функциях Совета и Правления...

Крепко и нежно целую тебя и мою горячо любимую, бедненькую, нежную детку. Поцелуй всех. Леониду Алексеевичу⁷ кланяюсь сердечно.

Твой Владимир

Филатов тебе очень кланяется.

Оп. 7, д. 47, лл. 22–23.

¹ Н.В. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

³ А.Е. Любошинская.

⁴ В полном составе (лат.).

⁵ См. комментарий № 5 к письму № 578.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 574.

⁷ Ионин.

№ 582

10 мая 1901 г., [Москва]¹

10.V 1901, вечером

Дорогая моя Натуся, сегодня получил твое более успокоительное письмо о Нинусе² – драгоценной. Бедненькая она. Я так сильно за ней соскучился, и хотелось бы ее повидать, мою баловницу.

Вчера весь день провел на вокзалах. Утром провожал Машу Гревс с детьми и Еленой Васильевной³. Корнилова выпустили⁴ (он и Наталия Антип.⁵ живут в квартире Гревсов), но подробности неизвестны. Родичев освобожден от домашнего ареста. Говорят, ему где-то сказали, что «дело» об адресе Вяз.⁶ начнется после окончания более важных. Какая жалкая (и странная) маленькая Шура Гревс! Вечером вторично ездил на вокзал – проезжал Кир⁷ в Японию – он едет на 1/2 года и вернется с Витте, который ранней осенью будет на Дальнем Востоке, Борис⁸ здоров. Кир говорит, что «ему» удалось достать Максиму Михайловичу место заведующего таможенной в Ялте⁹, так что Катя¹⁰ может быть более покойна.

Я очень боюсь, что мне здесь придется сидеть до 1-го июня – ввиду Советского заседания, так одному неуютно. Пиши.

Крепко и нежно целую тебя и нашу дорогую детусю. Целую всех.

Твой Владимир

Беденькая Натуська – с Нининой болезнью и смертью Наталии Николаевны¹¹. Какой странный указ о Государственном совете: говорят, возвращено ему право инициативы, но, может быть, это пустые толки.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская, д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 24.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ Личность установить не удалось.

⁴ См. комментарий № 9 к письму № 578.

⁵ Корнилова.

⁶ Адрес Вяземскому, члену Государственного совета, был составлен в связи с решением Николая II освободить его от участия в делах Совета и выслать из Петербурга. Причиной послужило нечаянное участие Вяземского в студенческой демонстрации протеста против репрессий, примененных к студентам Киевского университета: 183 студента, участвовавшие в волнениях, были отданы в солдаты. 4 марта 1901 г., выйдя из Казанского собора в Петербурге, он оказался среди молодежи, с которой расправлялась полиция во главе с градоначальником Клейгельсом. Вяземский сделал Клейгельсу замечание, что находит меры, принятые им, чрезмерно суровыми и предлагает принять меры более умеренные. Клейгельс заявил, что здесь распоряжаться может только полиция, а о мнении кн. Вяземского он доложит государю императору. Через несколько дней всем стало известно решение императора. В своем дневнике 25.III 1901 г. В.И. Вернадский записал: «В обществе усиленно теперь подписывается адрес Вяземскому, пропагандируемый гр. Л.Н. Толстым. Им составлен. Уже поданы первые листы, и Вяземский ответил письмом Льву Николаевичу, в котором пишет, что согласен с основной мыслью адреса и что уверен, что Государь узнает правду. Отношение к подписи разное. Страх и перед таким адресом у некоторой части мирной – иногда довольно радикальной – публики велик...» (ф. 518, оп. 2, д. 6, л. 27 об.).

⁷ Муж родной сестры В.И. Вернадского К.А. Алексеев был назначен агентом Министерства финансов России в Японии, до этого он был управляющим канцелярией департамента сборов Министерства финансов, по рекомендации С.Ю. Вите (министра финансов) был назначен русским финансовым советником при корейском императоре (май 1897–март 1898).

⁸ Б.К. Алексеев.

⁹ В справочнике: *Еленина Евг.* Ялта и окрестности. Ялта: Тип. Н.В. Яхтина, 1901, управляющим портовой таможни значится М.М. Болсунов.

¹⁰ Е.И. Короленко.

¹¹ Рерберг.

№ 583

12 мая 1901 г., [Москва]¹

13.V 1901, утро

Дорогая моя Натуся, теперь экзамены – самое тяжелое время. Сейчас, сегодня, кончаются экзамены у естественников, а вечером – Совет². Погода теплая, и очень хочется уже уехать из города. Посылаю накладную на Гулин³ велосипед. Получил вчера письмо от Кати⁴: она с радостью посылает Галю⁵ к нам – по твоему письму. Ты, вероятно, писала ей, что я могу провезти ее до Полтавы. Может быть, действительно мне благоразумнее ехать теперь прямо в Полтаву – а около 15–16 июня проехать в Вернадовку. Ведь я тебе писал,

что 19 июня у меня избирательное собрание. Только как быть с ваннами. Боюсь, что меня задержат здесь до 1 июня. Я был рад, что Галя едет к нам – так тяжело было перед памятью матери. Очевидно, и Катя очень этого хочет. Галя едет с арфой. Тебе очень кланяется Грабарь, который спрашивает о Нинусе⁶ и ее зайчике. Письмо его не посылаю, так как он дает полный отчет о Дерптском совете⁷ и проектах – мне теперь нужный.

Мне очень грустно без моей деточки. Не забыла она меня? Надо кончать и идти на экзамен.

Целую тебя нежно, мою дорогию, и Нинулю, и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 25–26.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² См. комментарий № 5 к письму № 578.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Е.И. Короленко.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Совет Дерптского университета.

№ 584

13 мая 1901 г., [Москва]¹

13.V 1901, утро, воскресенье

Дорогая моя! Вчера получил первое более успокоительное письмо о Нинуске². Очень бы мне хотелось ее видеть: (ее) мне очень недостает. Посылаю тебе немецкий текст моего письма к Оствальду – исправь и перешли его мне.

Вчера вечером было 1-е заседание Совета³ – во вторник – 2-е.

Как видишь, быстро и часто. Все первое заседание было посвящено вопросу об избранном и назначенном ректоре. Совет большинством **всех** голосов против **одного** (Тихомирова) решил, что правильная постановка университетской жизни возможна только при выбранных ректоре и декане, и решил этот свой взгляд положить в основу своих дальнейших рассуждений об ответе министру. До известной степени такой результат баллотировки был для нас неожидан. О неудобствах назначенного ректора говорили очень многие, о нежелательности выборного – один Тихомиров, который предлагал «директора» университета – из **бывших** профессоров. Два профессора (Соколовский и Сабанеев) благоразумно вышли перед баллотировкой. Мне больше всего понравилось, как держали себя Зернов, Герье, А.П. Павлов, Андреев и т.д. Я думаю, это решение будет иметь большое значение для хода всего дальнейшего обсуждения. По частным известиям, в С.-Петербурге, Харькове, Варшаве, Казани и Юрьеве – в общем в общих основах всюду выставляется необходимость автономии: не знаю про Киев, Таллин и Одессу, но, вероятно, и там.

Между прочим, Тимирязев в своей речи все время пользовался твоим переводом Паульсена, и меня спрашивали некоторые профессора, где можно достать эту брошюру и т.д.⁴

Об арфе я пишу Кате⁵, что мы очень рады, конечно, и ничем это стеснить нас не может? Где ты наняла дачу?

Раз везти Галю⁶, то мне надо ехать прямо в Полтаву теперь же, а в Вернадовку поехать около 17 июня и всего на дней 6. Вернусь с Гулей⁷. Как мне хочется ужасно видеть нашу Нинуську.

Нежно и крепко целую тебя и деточку. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Тушилку нашел на указанном месте. Елена⁸ очень хорошо все ведет. Ей сколько жалованья? И как ты с ней условилась насчет лета?

Оп. 7, д. 47, лл. 27–28.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ См. комментарий № 5 к письму № 578.

⁴ *Паульсен Фридрих*. Немецкие университеты и их историческое развитие / [сокр.] пер. с нем. Н.Е. Вернадской под ред. В.И. Вернадского. М.: магазин Книжное дело, 1898.

⁵ Е.И. Короленко.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Прислуга в доме Вернадских.

№ 585

14 мая 1901 г., [Москва]¹

14.V 1901

Дорогая моя Натуся, твое последнее письмо о здоровье Ниночки² очень меня встревожило – и ларингит, и бронхит, и желудок! Бедная деточка. Напиши мне, пожалуйста, о ней подробнее, так как из твоих писем я ничего почти о ней не знаю. Как она спит? Что и как ест? Гуляет много или нет? Сильно похудела и изменилась? Чем и как ее лечат? Как долго можно ждать такого состояния и когда может наступить улучшение? Сильная бывает рвота или нет? Что думает Л.А.³ о ее глистах? Очень прошу тебя мне больше о ней писать, так тяжело мало знать о ней. Как она проводит день?

В твоём последнем письме ты пишешь о новом своём плане и, между прочим, говоришь, что Нине лучше будет в Полтаве, чем на даче. Отчего? Разве ты наняла дачу нехорошую, без сада, «городскую»? Ведь воздух за городом все-таки иное. И вообще – где ты наняла дачу?

Я ничего не понимаю в твоём плане. Ты говоришь, чтобы Галя⁴ приехала со мной после 19 июня, но ведь ты писала Кате⁵, и она уже отказала Модзалевским. Наконец 19 июня я буду в Моршанске – сидеть до 19 июня здесь, в Москве, или ехать в деревню и оттуда навстречу Гале в Москву – и ненужно и неудобно. Уже лучше тогда устроиться иначе как-нибудь. Что-то есть в твоих письмах недоговоренного, и они как-то меня иногда огорчают. Я совершенно не знаю, что писать Кате, я вполне понимаю, что тебе тяжело оставлять Марию Ивановну⁶ даже для дачи, откуда ты можешь ездить в Полтаву почти каждый день, но ведь раз уже мы хотели устраиваться вместе – невозможно все время все менять.

Письмо Кати о Гале я тебе послал. Ответь ей. Я думаю выехать отсюда в Полтаву, как только позволят заседания Совета – самое позднее 1 июня и ранее – 27 мая. Из Полтавы уеду через 2 недели на несколько дней в Вернадку и Моршанск и затем опять вернусь в Полтаву. Я думаю, это будет самое благоразумное. Если нельзя привозить Галю – **телеграфируй мне сейчас же**. Чувствую себя так себе.

Целую крепко и нежно тебя, и бедную деточку, и всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 29.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ Ионин.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Е.И. Короленко.

⁶ М.И. Старицкая.

№ 586

15 мая 1901 г., [Москва]¹

15.V 1901

Дорогая моя Натуся! Очень меня беспокоит болезнь Нинуси² и так всей душой рвусь к ней. Я все-таки очень неспокоен и как-то мало могу себе уяснить ее состояние. Здесь теперь Петр Мих.³, который остановился у меня на дня два. Он, кажется, думает, что это коклюш, но я не мог ему объяснить самых обычных симптомов, так как ты мне о них ничего не писала. Какова у нее температура? Вообще пиши мне о ней подробнее. Я непременно хочу приехать прямо в Полтаву из Москвы по окончании экзаменов, так как мне тяжело не видеть деточки, и я очень сильно о ней беспокоюсь и за ней соскучился. Напиши мне о Гуле⁴ или перешли его письмо – я давно о нем ничего не знаю.

Теперь о твоём летнем плане. Я не знаю, какое может быть спокойствие Марии Ивановне⁵, когда мы наедем все – Галя⁶, Гуля, я. Я боюсь, что это только утомит Марию Ивановну. Я думаю, что ты напрасно написала Кате⁷ о Гале – должно быть, надо было устроить так, чтобы Галя к нам не ехала, а мне уехать лечиться за границу. Хотя я бы еще более беспокоился за Нинуську. Так же, как теперь, я боюсь, что наше поселение в Полтаве будет только вредно для Марии Ивановны. Именно поэтому главным образом я и хотел, чтобы ты наняла дачу. Как ни хорошо в Институтской – все-таки воздух там городской, в саду душно, и я совершенно не согласен с тобой, чтобы Нинуське там и за городом было бы одинаково. По-моему, это неверно. Конечно, я не знаю, какую ты наняла дачу – по-видимому, без купанья?

Теперь, раз ты написала Кате о Гале, решай сама, как устроиться. Я очень боюсь, что так, как ты предлагаешь, будет очень тяжело для Марии Ивановны

и едва ли легко Евд. Ив.⁸ с целым домом, заполненным народом. Мне кажется, ты погналась за несовместимым.

Чувствую себя так себе. От времени до времени возвращаются боли. Хочется отдохнуть – устал от всей зимы, от сутолоки, от нервного волнения. Очень жду от тебя ответа – как быть с Галей. Хочется уехать отсюда 25-го, самое позднее 1-го июня, до которого останусь только в крайнем случае.

Поцелуй крепко, горячо мою дорогую деточку, мою Нинуську. Крепко целую тебя. Целую всех. Передай Леониду Алексеевичу⁹ мой самый дружеский привет и горячую благодарность за все, что он делает для нас.

Твой Владимир

Сейчас иду на Совет¹⁰, а завтра вечером факультетское заседание, посвященное обсуждению некоторых вопросов Ванновского¹¹, а днем экзамен. Страдное время.

Оп. 7, д. 47, лл. 30–31.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ Очевидно, Петр Михайлович Аргутинский-Долгоруков.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Старицкая.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Е.И. Короленко.

⁸ Очевидно, Евдокия Ивановна Голицына.

⁹ Ионин.

¹⁰ См. комментарий № 5 к письму № 578.

¹¹ См. комментарий № 8 к письму № 574.

№ 587

17 мая 1901 г., [Москва]¹

17.V 1901, четверг, утро

Целые дни теперь очень занят – экзамены и заседания, посвященные обсуждению вопроса университета. Да еще Марковников и Зелинский сводят счеты, и в субботу очень неприятное вечернее заседание факультета. Мне вообще хотелось бы скорее уехать, и очень беспокоюсь о Ниночке² – на душе смутно, беспокойно... Хочу в пятницу вечером, если будет свободно, пойти в симфонический концерт, если будет что-нибудь из (программы) мне по душе. Сейчас иду на экзамен – и так все дни, кончая субботой.

Что будет с университетом, совсем неясно. Можно ждать и хорошего и скверного, но я думаю, что хотя реформа будет и хромая – она все же даст возможность **дышать** в университете.

Относительно гимназий ты прочти. Сегодня в «Русских ведомостях»³ – это почти окончательный проект министерства, и как раз теперь заседание комиссии в С.-Петербурге для окончательной его отделки для представления в Государственный совет. Из Москвы вызван туда Кирпичников⁴. Вчера в факультете была любопытная бумага Ванновского – он переслал для отзыва факультетов и правления университета бумагу Некрасова⁵, который входил к

нему с бумагой, что, по мысли покойного министра⁶, необходимо перекроить (из полицейских соображений) проектируемые большие аудитории в строящихся зданиях – в маленькие. Ванновский заявил, что ему вопрос не ясен, и он потребовал отзывы факультетов и правления – есть ли необходимость в этой реформе с учебной точки зрения. Надо отдать справедливость Тихомирову, что он выступал решительно против проекта попечителя.

Катя⁷ пишет, не прислать ли Галю⁸ одну, но я думаю, лучше ее повезти, и мне самому хочется скорее видеть нашу бедную детку. Очень она похудела?

Чувствую себя так себе.

Крепко и нежно целую тебя, мою Натусю. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Ты пишешь, у вас жара – а у нас вчера скверная дождливая погода, сегодня солнце – но мне хочется жары и солнца. Поцелуй детусю. Что Гуля⁹?

Видел Адольфа¹⁰, – он не советует Гуле пропускать начало занятий: он думает будущий год посвятить главным образом чтению авторов, начнут читать какого-нибудь латинского поэта, и он считает, что все объяснения вначале очень важны. Он вообще очень удивляется, что, пропуская так много, Гуля совсем не отстаёт и *au courant*¹¹ всех объяснений, считает его выдающимся мальчиком.

Оп. 7, д. 47, лл. 32–33.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ Русские ведомости. 1901. № 134, 17 мая. С. 1 [По телефону (от наших корреспондентов) из Петербурга. 16 мая. Сообщаем вкратце некоторые положения предлагаемой реформы средней школы...].

⁴ А.И. Кирпичников – профессор Московского университета.

⁵ Павел Алексеевич Некрасов – в это время попечитель Московского учебного округа.

⁶ Имеется в виду Николай Павлович Боголепов.

⁷ Е.И. Короленко.

⁸ А.С. Короленко.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Андрей Викентиевич Адольф – директор Московской 5 мужской гимназии, в которой учился Г.В. Вернадский.

¹¹ В курсе (фр.).

№ 588

18 мая 1901 г., [Москва]¹

18.V 1901

Дорогая моя Натуся, сегодня все время с тревогой и ожиданием жду твоего письма о Нинусе². Вчера была краткая карточка, и потом, почти вечером, вернувшись из Совета³, нашел твою телеграмму, что ты телеграфировала Кате⁴ не посылать Галю⁵, и в ней **хотя бы слово** о Нинусе! И теперь мне не пишется и не занимается и на душе тревожно. Вернувшись с экзамена, я просматривал «Пиквика» Диккенса⁶, отдельные места которого всегда на меня хорошо действуют, – кое-что читал, чтобы занять время и много раз подходил к письменному ящику, но почему-то письма нет, или оно сегодня запоздало. Скоро должен прийти Сергей Платонович⁷ заниматься со мною, и я не успею написать.

Только что принесли твое письмо от 16-го, и я только еще более взволновался. И нельзя приехать! Завтра и затем в среду и четверг (23 и 24) экзамен, а 22 и 23, 28 заседания Совета и факультета, 28-го главное заседание, посвященное обсуждению доклада комиссии. Я так рвусь к моей дорогой детке, и мне так тяжело без нее, и я так мало, так мало о ней знаю. Я думаю, все же я пошлю тебе телеграмму – как долго длится судорожный период болезни – ведь уже 3 недели, как она больна – неужели еще долгие недели! И отчего бронхит – она простудилась?

Еще 11–12 дней мне быть вдаль от нее – только бы ее положение не ухудшилось, и так тревожно и тяжело на душе. Я заставляю себя и работать, и не волноваться без нужды и очень горячо прошу тебя, напиши мне хоть одно письмо подробнее про нее. Я очень понимаю, что тебе трудно, мало времени – но все же хотя одно письмо более подробное можешь мне написать. Так тяжело мало знать – иногда в твоих письмах-записках о ней два-три слова и как-то все мне неясно.

Напиши мне скорее, приезжать ли с Галей. Я думаю выехать, если не будет чего-нибудь экстренно важного, 29 мая, самое позднее 1-го июня, и с Катей снесусь телеграммой. Ведь коклюш для взрослых очень редко заразителен.

Относительно средней школы – слух о Кирпичникове не вполне правилен. Из Москвы вызван он, Виноградов, Некрасов и доктор Игнатъев – заседания этой петербургской комиссии будут в конце мая. Еще здесь инцидент Зелинский–Марковников. Очень боюсь, что мне придется здесь выступить очень активно, так как инцидент грозит внести тяжелое и дурное решение в факультет. Кажется, выступают старые дразги, где опять играет роль Мензбир. Как все это тяжело и печально.

Крепко и нежно целую тебя, мою бедненькую Натусю. Так бы хотелось быть вместе. Поцелуй моего бесценного детенка, скажи ей, что я скоро к ней приеду. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 34–35.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ См. комментарий № 5 к письму № 578.

⁴ Е.И. Короленко.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ *Диккенс Чарлз*. Пиквикский клуб. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1898.

⁷ Попов.

№ 589

20 мая 1901 г., [Москва]¹

20.V 1901, утро

Дорогая моя, родная Натуся, вчера получил телеграмму, что Нине² лучше, и твое огорченное – сердитое письмо, которое тоже меня несколько успокоило о Нинульке. А накануне твое письмо об ее обмороке и о том, что она сильно похудела и ничего не ест, и странная телеграмма о Кате³, где ничего не было о Нинуське, очень меня взволновали и встревожили. Моя дорогая На-

туса, мне так больно, что эти последние мои письма должны были быть тебе неприятны и тяжелы, и я так понимаю, что ты и сама теперь больна и беспокоишься и волнуешься за Марию Ивановну⁴ и Аниных⁵ детей, но в письмах моих невольно сказалось и то волнение и беспокойство о нашей дорогой, драгоценной детке, какое я чувствую здесь, далеко от нее, так мало и так неясно зная о ее здоровье и о ней. Во всяком случае – ничего я не хотел написать такого, что бы огорчило тебя. Относительно плана жизни в Полтаве или на даче – единственное, что меня тревожило и тревожит, это беспокойство для Марии Ивановны – наезда такой оравы. Может быть, конечно, это лучше, чем уезжать тебе на дачу, оставляя Марию Ивановну с Евдокией Ивановной⁶, но все же это лучшее из зол. А перспектива быть одним из зол – не является приятной перспективой для лета. Я думаю, что мы недостаточно внимательно отнеслись к обстоятельствам жизни в Полтаве, хотелось быть вместе, а между тем здесь есть известные обязанности и обстоятельства, которые: 1) не позволяют тебе уехать из Полтавы и 2) жизнь огромной семьей ложится тяжелым бременем на силы Марии Ивановны, для которой так хотелось делать лучше... Но теперь трудно из этого выйти, и как быть – решим на месте. Тебя огорчило мое слово «недоговоренное» – оно касалось этих условий жизни в Полтаве, а никак (не) твоих или других отношений к Кате или Гале⁷, как, я вижу, ты поняла, из твоего письма.

Если меня ничто не задержит, выеду 29 мая. Выеду с Галей – Кате пишу и буду телеграфировать, но хочу поехать с таким поездом, чтобы иметь возможность в Харькове повидаться с Красновым.

Вчера кончился экзамен у медиков, и теперь осталось всего 2 экзамена – в среду и четверг. Мне придется экзаменовать по геологии, чтобы помочь А.П.⁸ Так хочется скорее быть вместе с тобой, моя любимая, бедная Натуська, – повидать нашу дорогую детку. Моя душа полна ею, и я часто и глубоко о ней думаю, и сердце бьется любовью к ней, и летит мысль к ее будущему. Жизнь – один миг, и в ней много тяжелого, безотрадного, но хочется, чтобы миг этот для нее был прекрасен и чтобы тяжелое и безотрадное меньше коснулось ее своим физическим ужасом. В этом чувстве моем к ней есть для меня устой жизни.

Сегодня вечером собрался с Пав. Ив.⁹ пойти за город. К нам присоединяется и Лаппо¹⁰, который теперь здесь работает в архиве. Он как-то мало знает нового про С.-Петербург.

Крепко и нежно целую тебя и мою детку. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 36–37.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Н.В. Вернадская.

³ Е.И. Короленко.

⁴ Старицкая.

⁵ А.Е. Любошинская.

⁶ Е.И. Голицына.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ Алексей Петрович Павлов.

⁹ П.И. Новгородцев.

¹⁰ Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский.

21 мая 1901 г., Москва

21.V 1901, Москва

Дорогая моя Натуся, вчера получил твое письмо о Нинусе¹, которое меня несколько успокоило по отношению к ней, но теперь беспокоюсь о тебе, моей дорогой, бедненькой Туське. Что у тебя с сердцем? Отчего ты мне раньше об этом не писала? Моя бедненькая, ты, верно, совсем перемучилась с болезнью и страданием при невозможности помочь ей – нашей дорогой детке и беспокойством за Марию Ивановну² и Аню³. И я еще огорчил тебя своими последними письмами, моя бедная Туська. В такое время гораздо лучше быть вместе, и я стремлюсь скорее в Полтаву, к тебе, моей дорогой любимой Натусе. Неприятно быть врозь. Я очень надеюсь выехать 29 мая, на другой день после Совета, и думаю, что едва ли важный Совет продолжится. Тогда 30 мая буду с тобою – еще целых 9 дней. От Кати⁴ получил телеграмму о дне выезда, и так отвечал ей, и приеду с Галей⁵. Доклад комиссии напечатан и очень интересен – для меня выясняются в общем основы университетского устройства⁶, и я в Полтаве хочу засесть за него⁷. Виноградов увез мои книги и планы, не могу их достать: обещает привезти их мне 27-го – он в Харькове изучает этот материал. Я обдумываю еще статью о реформе гимназий и думаю сперва ее закончить к началу июня⁸. Мне кажется, во всех толках недостаточно точно и резко выступает основной принцип: необходимость расширения **прав** общества образовывать гимназии различных **типов** и предоставления по возможности упругих программ гимназиям, которые предоставили бы возможность разумной инициативы и самостоятельности педагогическим советам. Необходимым условием является предоставление университетским советам права решать самим, каким частным учебным заведениям они разрешают без экзаменов выпускать учеников в университеты. Теперь я изучаю официальное, к сожалению, тайное издание – «Материалы С.-Петербургской комиссии» Боголепова прошлого года. Любопытны. Мысль невольно бродит в этих вопросах. Что бы ни вышло из всего, несомненно, факт крупной общественной важности – обсуждение русским обществом всех этих вопросов. Нельзя будет выкинуть из жизни общего мнения всех университетов о необходимости восстановления автономии – это факт, который всем известен и который не принять во внимание не так удобно.

Здесь говорят, кажется, верно, о крупном решении Государственного совета: подавляющим большинством голосов (63 : 8) он не принял министерского проекта финляндской воинской реформы, из-за которой загорелся сыр-бор в Финляндии.

От Ади⁹ письмо – он пишет к тебе: его ни слова не спрашивали о его подписях и совершенно непонятно, почему его захватили было¹⁰! Горького выпустили под домашний арест¹¹, Лесгафта, говорят, высылают из С.-Петербурга¹²! Недели 2 тому назад о Пав. Ник.¹³ были верные известия, что его года на 2 выпускают в один из городов Европейской России.

Моя дорогая, моя горячо любимая Натуся, так мне хочется и к тебе, и к нашей бедненькой баловнице. Целую крепко вас обеих. Поцелуй всех.

Твой Владимир

¹ Н.В. Вернадская.

² Старицкая.

³ А.Е. Любошинская.

⁴ Е.И. Короленко.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ См. комментарий № 5 к письму № 574.

⁷ См.: *Вернадский В.И.* Об основаниях университетской реформы. М., 1901.

⁸ Статья не была написана.

⁹ А.А. Корнилов.

¹⁰ См. комментарий № 9 к письму № 578.

¹¹ А.М. Горького арестовали в ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. 17 мая он был освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья и заключен под домашний арест. 3 июня освобожден из-под домашнего надзора и отдан под особый надзор полиции по месту жительства в Нижнем Новгороде. 21 сентября Горькому объявлено под расписку о высылке его из Нижнего Новгорода под надзор полиции. После лечения в Крыму он переехал жить в Арзамас.

¹² Петр Францевич Лесгафт – инициатор второго протеста (первый протест – 44 писателей). Все 99 человек, подписавшие протест против избиения студентов – участников Демонстрации на Казанской площади в Петербурге (см. комментарий № 9 к письму № 578 и комментарий № 6 к письму № 582), были признаны опасными для русской государственности и получили предписание о немедленном выезде из Петербурга. Год П.Ф. Лесгафт жил в Териоках. Через год был амнистирован и возвращен в Петербург, но ему было предложено немедленно выехать «в командировку» за границу еще на полгода.

¹³ П.Н. Милюков был арестован зимой 1900 г. за участие в собрании, посвященном памяти П.Л. Лаврова. Без предъявления обвинения Милюкова продержали в тюрьме 6 месяцев, после чего выпустили, но запретили жить в Петербурге, а приговор обещали объявить впредь. После тюрьмы он жил сначала в Финляндии, в курортном городке Ловисе, а затем на станции Удельная около Петербурга. Весной 1902 г. стал известен приговор – полгода тюрьмы. После трех месяцев, проведенных в «Крестах», он был досрочно освобожден по ходатайству проф. В.О. Ключевского, а весной 1903 г. уехал в Америку читать лекции по истории политической мысли в России.

№ 591

23 мая 1901 г., [Москва]¹

23.V 1901

Дорогая моя Натуся, сегодня снова не пишешь о себе: напиши непременно. Я надеюсь через неделю выехать. Завтра последний экзамен: придется сидеть из-за заседаний Совета². А я так рвусь к вам. Приеду на неделю, так как надо будет спешить в деревню, где, как видишь из письма Попова, было несчастье. Убыток пустой, но очень жалко быка – я этого Аксидора вижу как живого: это порядочный бык чистой симментальской породы, который был куплен теленком и вырос у нас. Даже странно, как я его конкретно представляю себе – с красивой мордой и поступью. Не понимаю, как они его не успели вывести – должно быть, растерялись. Теперь опять надо покупать теленка и ждать 2–3 года. Надо, во всяком случае, поехать скорее в деревню: я думаю поехать 10–11 июня. Чувствую себя так себе, вчера опять начались боли в колене. Очень уже это надоело. Сейчас надо идти на заседание факультета, а утро и день ушли под экзамен и трудную корректуру³.

Горячо и нежно целую тебя и Нинуську⁴. Конфеты ей пойду покупать завтра.

Твой Владимир

Гулины⁵ письма отсылаю прямо Марии Ивановне⁶.

Оп. 7, д. 47, лл. 40–41.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² См. комментарий № 5 к письму № 578.

³ О корректуре какой работы идет речь, установить не удалось.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Старицкая.

№ 592

24 мая 1901 г., [Москва]¹

24.V 1901

Дорогая моя Наталочка, на днях буду с вами – так рвусь всей душой. Сегодня кончились экзамены – остались факультетские и советские дела², и хотя они будут до 1 июня, я уеду 29, так как наиболее важное – 28. Конечно, если не будет чего-нибудь экстренного. Крепко целую и Нинусю³.

Твой Владимир

Посылаю накладную моих вещей.

Оп. 7, д. 47, л. 42.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Дела комиссии Совета Московского университета; см. комментарий № 5 к письму № 578.

³ Н.В. Вернадская.

№ 593

27 мая 1901 г., [Москва]¹

27.V 1901

Дорогая моя Натуся, на днях буду, и теперь не пишется. Я очень надеюсь выехать 29.V. Так уже рвусь скорее в Полтаву. Это мое последнее письмо – разве еще придется остаться.

Теперь укладываюсь, заканчиваю всякие дела. Теперь пишу тебе это письмо – а у меня сидит Анатолий Орестович²! Ему гораздо лучше, температура нормальная, и почти наверное это не туберкулез – так что хорошо. На вид он ничего, но все еще очень слаб.

Приехал он сюда, говорит, посоветоваться с докторами, но в действительности просто соскучился по кабинету и университетской жизни. Я теперь очень надеюсь, что он поправится.

Аде³ объявили решение – на 2 года запрещен въезд в столицы и университетские города, то же Родичеву, Лесгафту, каким-то Гурович и Каравая (литераторы), также Мурикову. Затем на 3 года – Поссе, Ермолаев (издатель «Жизни»), Кулябко, Корецкий и Никонов. Аде не объявили, в чем его обвиняют, и он вполне недоумевает! Дали 2 недели срока для окончания петербург-

ских дел. Он едет сперва к матери в Галахи и ищет места и занятий. Нельзя ли ему что устроить в Полтаве?

Так хочется скорее видеть нашу балованную дочурочку, и я постоянно, о ней думаю, и так мне ее недостает.

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую Туею. Поцелуй Нинулю⁴ и всех.

Твой Владимир

Так рад за Аню – Марка⁵.

Оп. 7, д. 47, лл. 43–44.

---

¹ См. комментарий № 1 к письму № 578.

² Шкляревский.

³ А.А. Корнилов; см. комментарий № 9 к письму № 578.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Любошинские.

№ 594

11 июня 1901 г., Ряжск

11.VI 1901, Ряжск

Дорогая моя, едем с Гулей¹ в Вернадовку, куда приедем завтра рано утром. Гуля почти совсем здоров, похудел – чувствует себя хорошо. Все дела Любошинские – переделали, и все похудели и устали. У Машуры² 3-й день температура³ нормальная и, по словам врача, видевшего ее третьего дня, воспалительный процесс остался только в одном бронхе. Дети кашляют немного, но сильно похудели и побледнели. Марк⁴ думает, что они захватили коклюш еще во время приезда в Москву: когда Гуля приехал в Никольское, они уже кашляли.

В Харькове видел Краснова – у него родилась уже 1 1/2 месяца назад дочка Вера. Теперь она в деревне с женой.

Крепко и нежно целую тебя, и дорогую Нинулю⁵, и всех.

Твой Владимир

Скажи Нинуле, что везу ей Гулю.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 45.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Мария Марковна Любошинская.

³ В подлиннике – «t».

⁴ Марк Маркович Любошинский.

⁵ Н.В. Вернадская.

13 июня 1901 г., Вернадовка

Вернадовка, 13.VI 1901

Дорогая моя, от тебя не было письма, и я не знаю ничего о Нинуське¹, которую постоянно вспоминаю. Гуля² уехал с Ал. Ив.³ верхом, и я пишу тебе утром в тени, в саду, который теперь разросся и становится красивым. Чудная погода – не жарко и ясно, но за этой погодой сказывается грозный признак бедности. Уже 1 1/2 месяца засуха, и хлеба начинают гибнуть: если продержится без дождей еще неделю, то будет неурожай со всеми последствиями. С Заволжья и Поволжья идут и теперь грозные толки, и может повториться страшный голодный год 91–92 гг. Так на душе беспокойно, и невольно болезненно сильно переживаешь общую беду. У нас пока надежда на средний урожай не потеряна, но трудно сказать, что будет дальше...

В общем здесь хорошо, а Гуля, кажется, очень доволен – у него есть привязанность и стремление к своему углу, которое так сильно и естественно развито во многих детях. Он теперь говорит, что надеется, что ты захочешь провести здесь лето, и он бы так хотел его здесь провести. Я рад, что он приехал, и мне хочется, чтобы он более сроднился со здешней местностью, которая будет его, и, очевидно, эти детские впечатления составляют одно из прелестей детства, которого мы оба – более горожане – да еще русских условий – почти были лишены. Гуля и теперь вспоминал и сравнивал все с тем временем, которое провел здесь семь лет назад. Как быстро прошло время – **семь** лет, а кажется так недавно. Невольно все сильнее и яснее становится мысль и чувство прошлого – то **чувство** старения, которого так ты не любишь. Для Нинуськи здесь, думается мне, было бы привольно – ей, маленькой, в молодом саду, так это гармонирует с ее миром, так как и природа – облочка – здесь ей соответствует. Но, конечно, что же загадывать о будущем.

О Любошинских я тебе писал. У них план продолжить осень и ехать со всей семьей на Адриатику или Черное море. Все дети бледные и худые и Аня⁴ все-таки неважно выглядит, неизвестно, хватит ли у нее молока. Все-таки и коклюш тяжел, да и так они, вероятно, не особенно здоровы.

Они говорят, что Гуля вел себя превосходно. Теперь здесь он помогает мне сводить счета и хочет ближе ориентироваться в жизни здешней. Мне кажется, у него увеличился тот грустный фон, который так характерен для его душевного настроения. Настрой этот довольно бессознателен, но ведь всегда может быть подыскано ему сознательное содержание, и в этом направлении всегда идет душевная жизнь таких натур. Что моя Нинуся – моя дорогая баловница – я так часто и постоянно ее чувствую.

Целую нежно ее, тебя и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 46–47.

¹ Н.В. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

³ Очевидно, Александр Иванович Попов.

⁴ А.Е. Любошинская.

№ 596

15 июня 1901 г., Вернадовка

Вернадовка, 15.VI 1901

Дорогая моя Натуся, твои два письма 10–11.VI получил и очень тебя за них благодарю – тебе, должно быть, трудно было их писать из-за жары. Здесь сегодня в первый раз чувствуется зной – хотя очень терпимый, а эти дни была превосходная погода, удовольствие от которой только отравляется отсутствием дождей и медленной порчей – может быть гибелью – урожая. Если еще неделю не будет дождей – будет **очень** плохо. Кругом молебствия по полям к Богу, как в далекие времена, всюду та же картина – мозаичности мысли. Завтра еду на выборы, на днях кончу счета и думаю около 18–19 июня выехать в Полтаву. Здесь я каждый день делаю поездки по окрестностям и пытаюсь выяснить себе строение местности, частью из общего интереса, частью из желания найти в имении песок для необходимого бы кирпичного завода. Пока неудачно, но на границе земли нашей и даже на нашей нашел марганцевую руду, впрочем, очень неважного качества и практически неинтересную. Но научно она меня очень заинтересовала, и у меня ясно выясняется картина ее генезиса и рождается ряд мыслей. Гуля¹ молодцом и очень хорошо ведет себя, он совсем взрослый по отношению к миру и отчасти обществу и дитя по отношению к людям. Любопытно его стремление дать уму вехи из конкретных фактов. Постоянно вспоминаю Нинулю², сердце полно нежности к ней. Целую вас обоих. Поцелуй всех.

Владимир

С большим удовольствием прочел книжку Мерца³ о Лейбнице, которую хотел бы, чтобы ты прочла, а теперь читаю «Три разговора» Соловьева⁴.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 48.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ *Merz J.T. Leibniz*. Edinburgh; London: W. Blackwood and sons, 1884.

⁴ *Соловьев В.С. Три разговора* // Книжки недели, 1899, октябрь, с. 5–37; 1899, ноябрь, с. 126–159; 1900, январь, с. 150–187.

№ 597

20 августа 1901 г., Саратов

Саратов, 20.VIII 1901

Дорогая моя Натуся, вчера приехал сюда и не успел написать тебе. Видел очень хорошо Адю¹ и много с ним говорил. Он чувствует себя очень хорошо и бодро и много работает – я думаю, что поставит дело отлично. Застал его в живом, бодром, рабочем настроении. Он скоро ждет сюда свою жену – пока ему довольно трудно в гостиничной жизни. Между прочим, он мне читал свое – очень хорошее – письмо, которое он послал государю – оно дошло, и

есть известия, что оно произвело впечатление. Он в нем ничего не искал, но говорит, что испытал на себе наказание без возможности добиться объяснения вины и защиты, считает долгом своим как верноподданный довести о таких порядках до сведения Его Императорского Величества. Написано прямо, открыто и просто².

Здесь, в Саратове, я познакомился с некоторыми отдельными людьми, и некоторые беседы были очень интересные. Все время почти было сплошь занято. Теперь пишу к вечеру, когда Адя в редакции, и я только что вернулся с экскурсии. Здесь сделал небольшую экскурсию в самом городе, для меня интересную в связи с интересующими меня минеральными процессами в осадочных породах. Познакомился и делал ее с молодым здешним почвоведом Н.А. Димо, учеником Сибирцева, произведшим на меня отличное впечатление. Они производят точное почвенное исследование губерний и ведут его очень хорошо, с настоящим научным интересом и живым отношением к жизни. С ним у меня завяжутся настоящие связи. После Сибирцева не осталось вполне окрепших учеников, но он бросил семя, которое не замрет, и мне хочется, чем могу, поддержать его. Логически из этой работы вырастет земский естественно-исторический музей. Был в здешнем Обществе естествознания и в высшей степени интересной единственной в России – биологической речной станции. Все сделано почти без средств, с небольшими частными пожертвованиями, инициативой отдельных частных лиц – и поэтому, может быть, оно носит особенно живой характер. Они пробиваются и бьются идейно. Между тем получают интересные результаты, главным образом в совсем не изученной фауне низших животных – в Волге открываются измененные некоторые формы, считавшиеся морскими (часть Волги находится на месте морского рукава, шедшего до Уфы в геологически новое время, может быть, при человеке или на заре его формирования) – в то же время интереснейшая фауна паразитов и болезней рыб. Минералогические и геологические коллекции – самая слабая часть. Но создалась библиотека, интересные зоологические и ботанические собрания, собрание научных препаратов. Душой дела два-три человека... К удивлению, в здешнем Радищевском художественном музее встретил большую минералогическую коллекцию, в довольно порядке. Она имеет научное значение, так как происходит от начала 19 или конца 18 столетия и дает образцы с Урала, с исчезнувших рудников. Для меня было много интересного, и я просидел сегодня над ней часа 4. Хочу поместить о ней заметку в «Саратовском дневнике», и напишу ее завтра³. Составлял ее, судя по датам и записям, какой-то неизвестный любитель, бывший для своего времени **впереди**, она составлена с научным чутьем. Один из таких неведомых научных работников, которые, в сущности, создают культурную среду общества. Меня вообще сильно интересует роль «малых сил» в общей культурной истории мысли. К сожалению, мало успел осмотреть собрание картин Радищевского музея, которое интересно – есть много оригиналов Боголюбова, Бронникова, но есть картины и рисунки Репина, Перова, Сорок, Флавицкого и многих других (в том числе рисунок Александра III (вид Нижнего) – я его не нашел – до Вильгельма). Очень любопытны некоторые бюсты, например бюст Вл. Соловьева работы Гинцбурга.

Саратов – странный город – огромный (больше 150 тыс.), несуразный, среди степи, высоких обрывистых берегов Волги и ее широкой заливной долины – с *minimum*’ом удобств, город, по-видимому, без традиций, но с вольным духом бродяжной, неуловимой Руси – как сама Волга, которую я не могу видеть без некоторого чувства... как, впрочем, всякую большую реку. Для нас, жителей континента, – это традиционная историческая неизбежная нить к жизни. Через нее здесь все пошло. Всего не напишешь – между прочим, познакомился со здешним председателем Губернской управы Н.Н. Львовым и с ним имел в высшей степени любопытный разговор – о нем при свидании. Чувствую себя так себе, но духом сильно и бодро, и много хороших желаний. Завтра утром уеду на пароходе. Жду ⟨из⟩ Вернадовки известий о Гуле⁴. Поцелуй мою бесконечно любимую крошку⁵. Целую всех.

Твой Владимир

Пиши. Целую нежно. В.

Оп. 7, д. 47, лл. 49–50.

¹ А.А. Корнилов; см. комментарий № 9 к письму № 578. А.А. Корнилов был приглашен в Саратов редактором газеты «Саратовский дневник».

² Письмо полностью приводится в воспоминаниях А.А. Корнилова (АРАН, ф. 518, оп. 5, д. 68, л. 124 об.–125 об.).

³ *Вернадский В.И.* Научный фельетон // Саратовский дневник. 1901. № 191.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 598

24 августа 1901 г., Вернадовка

24.VIII 1901, Вернадовка

Дорогая моя Натуся!

Сейчас уезжаю отсюда. Приехал сюда вчера и разбирался в делах. Год будет очень тяжелый – подробнее напишу из Москвы. От Самойлова получил телеграмму (я ему телеграфировал из Саратова) от 22-го, что Гуля¹ здоров, усердно работает. От тебя получил 2 записки и телеграмму. Благодарю.

С удовольствием проехал по Волге и жалел, что не пришлось больше – на меня сильно действует вода. Теперь чувствую себя так себе – сильные головные боли и мерзну, а теплое платье уложил. Ну, я теперь скоро в Москве.

К 10-му сентября Попов тебе вышлет 100 руб. Крепко целую тебя и Нинулю². Поцелуй всех.

Твой Владимир

Здесь теперь ясный осенний день – сегодня утром были первые заморозки. Прошли дожди, и всходы, по-видимому, хороши.

Целую нежно.

Твой Владимир

Нинульку постоянно вспоминаю.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 1.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

№ 599

26 августа 1901 г., Москва

Авг., 26, 1901, Москва

Дорогая моя, вчера приехал в Москву. Гуля¹ здоров, бодр, совсем вошел в колею – он вчера уже переселился ко мне. Теперь он спит – еще рано, нет 7 час утра. Мне как-то не спится, и я давно уже поднялся. У нас тут как-то все несуразно, неуютно – еще не разложились и пусто без тебя и драгоценной Нинульки². Мне так хочется ее видеть, так недостает ее беготни и лепета...

Вчера с приезда сразу вошел в университетскую возню. В 2 час была строительная комиссия, а в 3 1/2 час меня пригласили в комиссию Трубецкого. К глубокому моему огорчению, Трубецкой уже 3 недели болен, в деревне началось с инфлюэнцы, а теперь болезнь печени – по словам Фохта, страшные страдания и положение очень серьезное. Если же гной проникнет в печень, то положение будет опасное. До сих пор нельзя с уверенностью сказать, как пойдет дело. Просто несчастье преследует – то заболел Лебедев, то теперь Трубецкой – лучшие научные силы из молодых профессоров!

Записка моя напечатана³. Духовской говорил мне, что они решились ее напечатать, не имея моего согласия, так как думали, что ее желательно иметь в материале для Совета целиком. Мое письмо об этом к Трубецкому, очевидно, до него не дошло, так как я адресовал ему на городскую квартиру. Сделано в Комиссии довольно много⁴. Сверх сводки Комиссия составила и проект ответа от Совета на некоторые вопросы Министерства – проекты ответа составлялись по предложению Комиссии и не членами ее – Виноградовым, Умовым и т.д. Я взял вчера на себя составить проект ответа от имени Совета по двум вопросам: 12 и 13 (о государственных экзаменах и о правах лиц, кончающих университет). Буду составлять по своему мнению, придерживаясь в общем принципиального решения Совета, с которым я согласен. Кроме моей, напечатаны записки Алексеева (самая либеральная!⁵) и Тихомирова (архиконсервативная⁶). Я еще их не читал. В общем ответ Московского университета будет, вероятно, хороший. Из С.-Петербурга известия разные; говорят, Ванновский стоит решительно за назначенного ректора (слух идет от Тихомирова). Против него, говорят, идет сильная агитация Сипягиных и К°. Но чем больше я вдумываюсь и всматриваюсь в окружающее, тем более убеждаюсь, что правильное решение неизбежно – вопрос времени. Мне кажется, что у русских людей нет сознания силы и волевого желания. А это приходит и делается неуловимо быстро, так как и сила и желание у них есть.

Завтра в 2 1/2 час дня Совет, во вторник у меня экзамены (на медицинском факультете – неожиданно). Жизнь университета входит целиком. Лекции начну со следующей недели, так как в четверг и среду, когда мог бы начать, –

праздники. С понедельника начну заниматься в лаборатории (тянет) – хочу поставить новые опыты над образованием силикатов из глин действием металлов (начну с магния). Отчасти *experimentum crucis*⁷ – с точки зрения моей теории должен быть новый общий метод получения этих тел, с точки зрения обычных воззрений – ничего не должно получаться. У меня как-то теперь с особенной силой выразилось стремление к научной искательской работе (волевой сознательный элемент в научной работе), и я буду вести такую работу, посвящая ей половину своего лабораторного времени. В голове много новых и старых мыслей. Я хочу идти не по исследованным путям, а находить сами пути. Нередко охватывает всего, временами, странное чувство силы – мыслей, реально исполнимых, принявших конкретную форму возможного опыта и явственно видной цели, так много – одна является за другой бесконечную цепью...

Много будет работы – но тем лучше. Начну сегодня же готовиться к лекциям и курс кристаллографии хочу печатать с осени же. А у меня написана только часть: отделять же буду параллельно чтению лекций.

Теперь о делах с имением. Дело обстоит нехорошо, и я думаю, что необходимы более радикальные средства, чтобы выйти из этого положения. Теперь дело так: у нас срочные платежи эти месяцы, и нам необходимо продать хлеб (т.е. весь наш доход) сейчас же или до 15 сентября. В обычный год – хотя мы часто теряли на этой операции (потери были временами – порядочные), но это было ничего, так как мы не продавали всего хлеба и кое-что выдерживали. Теперь надо продать все – и рожь, и овес, иначе мы не внесем всех нам необходимых платежей. Для ржи это не опасно, если цена ее и повысится, то не настолько: наконец, нельзя все сохранить, но без овса ввиду его большого урожая во всей России можно ждать к январю-февралю большого повышения цен, и мы можем потерять **весь доход с имения за этот год (небольшой – но можем потерять до 1000 руб.**, так как теперь цена овса относительно очень низкая). Можно совсем избежать этого, если иметь 1200 руб. – **на один месяц**. Мне очень не хотелось занимать, и я было дал сгоряча Попову приказание продавать овес, но вчера утром послал обратную телеграмму. Дело вот в чем – нам необходимо сохранить наш оборотный капитал, для чего покрыть все, что взято в банке в этом году, – 3000 руб. Если продать все, что есть хлеба, мы выручим немного более 4000, уплатим 3000, а остальное пойдет на необходимые затраты по имению и 300 руб. нам. Из этих 3000 руб., которые мы можем тратить вновь через 1–2 недели после уплаты, пойдут все платежи в банк и т.д. Но для сохранения кредита нам необходимо хоть раз в год выплачивать все эти 3000 руб., что мы все года аккуратно делаем. Если не продать овес (а положить в элеватор), то мы можем положить в банк всего 1800–1700 руб., а остальных 1200 у нас не хватает, а между тем из банка надо взять для уплаты в Особый отдел Государственного банка не позже 30 сентября – 380 руб. Я хочу просить Пашу⁸, если это его не затруднит, ссудить мне на месяц эту сумму – 1300 руб. Если он может ее дать около 10–15 сентября, то около 15 октября я ему ее верну, взяв назад из банка. Напиши мне его адрес и твое мнение, имеешь ли ты что-нибудь против того, чтобы я обратился за этим к нему или Марку⁹. Я не думаю, чтобы мы имели право терять те сотни рублей, которые можем получить.

Очень мне это неприятно. Но я ясно вижу, что нет ни малейшей возможности без крупных потерь вести хозяйство без оборотного – хотя бы небольшого – капитала, и я решаюсь увеличить на 5(000)–6000 руб. лежащий на имени долг, переведя его в Дворянский банк. Платежи при этом мало увеличатся, а между тем это даст нам вздохнуть свободно. Одно, конечно, необходимо, чтобы на эти 5(000)–6000 руб. не смотреть как на свободные деньги, а тратить их как оборотный капитал, но это зависит, конечно, от нас. Я сделал подсчет того, что мы в последние годы теряем на таких быстрых продажах, на частных мелких временных займах, и сумма получается изрядная – с 1897 г. не менее 4(000)–5000! Конечно, она может несколько казаться больше, так как виднее теперь высшие цены. В значительной степени все это происходило из-за моего страха увеличивать долг, но фактически было гораздо хуже.

Вернулась Матреша¹⁰ и ждет твоего решения. Я не могу брать ее без твоего согласия и указания. Телеграфируй, так как она должна подыскивать место.

Нежно целую тебя, мою дорогую. Так я понимаю, как тебе трудно оставить Марию Ивановну¹¹, но имей в виду, что и нам с Гулей теперь очень здесь трудно без тебя и без драгоценной крошки.

Вчера был Вас. Ник.¹² – он слышал, что Анастасия Сергеевна¹³ опять нездорова. Он потерпел большие убытки на книжной торговле и ищет теперь места... Пойду завтра к Герц.¹⁴

Был Пав. Ив.¹⁵ – сдал он всю рукопись и скоро кончит печатание всего.

О Федоре¹⁶ и Мите¹⁷ никаких известий. Целую нежно.

Твой Владимир

Поцелуй всех и мою дорогую крошку. Скажи ей, что я ее жду, не дождусь...

Чувствую себя так себе – все головные боли и неважно желудок. Так странно, что от тебя сюда нет письма. Отправили ли книги?

Оп. 7, д. 47, лл. 51–53.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ См. комментарий № 7 к письму № 590.

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 578.

⁵ *Алексеев А.С.* Проект реорганизации экзаменов для юристов в университете и в государственной комиссии, поданный в юридический факультет Императорского Московского университета. М., 1901.

⁶ *Тихомиров А.А.* Основные положения проекта устава Императорских российских университетов. На правах рукописи. СПб., б.г.

⁷ Опыт, имеющий важнейшее, решающее значение (лат.).

⁸ Павел Егорович Старицкий.

⁹ М.М. Любошинский.

¹⁰ Прислуга в доме Вернадских.

¹¹ Старицкая.

¹² Возможно, знакомый А.А. Корнилова Василий Николаевич Самсонов, который в 1901 г. заведовал земским книжным складом в Саратове и значился официальным редактором «Саратовского дневника».

¹³ Петрункевич.

¹⁴ Написано сокращенно, возможно, Михаил Яковлевич Герценштейн.

¹⁵ Новгородцев.

¹⁶ Федор Федорович Ольденбург.

¹⁷ Дмитрий Иванович Шаховской.

№ 600

28 августа 1901 г., Москва

Москва, 28.VIII 1901

Дорогая моя Натуся, я очень удивляюсь, что ты жалуешься, не получая от меня писем. Я пишу все время при первой возможности. Началась теперь страдная работа – каждый день заседания, вчера даже два – днем Совет¹, вечером частное совещание у одного из профессоров, сегодня экзамен, завтра опять Совет. Плохо приходится Гуле² – целый день он один, и я думаю, что ему устроено это очень плохо и очень вредно. Вчера в Совете началась баллотировка ответа министру: прошли первые пункты, касающиеся автономии³. В «Вестнике Европы» в октябре будет статья Виноградова об университете и позже ряд статей об университетской реформе: Виноградов оттого и задержал материал⁴. Вчера прочитана какая-то непонятная и странная бумага попечителя о непонятной комиссии из профессоров с ректором и инспектором! Не знаю, как все это кончится.

С овсом телеграмма моя опоздала, и овес Попов запродавал⁵. Можем иметь большой убыток – необходимо, безусловно, иметь оборотные средства, и я поеду на днях справляться в банк о долгосрочном займе 5000 руб.

Крепко целую тебя и Нинульку⁶. Поцелуй всех. Без тебя тут очень грустно. Масса дела. Целую.

Владимир

P.S. Жду твоих известий о Матреше⁷. Решай скорее. Все как-то дома безалаберно. Галю⁸ встретить не могу – заседание – встретит Гуля. На рассмотрении наша передача и реформа гимназий!

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 54.

¹ Совет Московского университета.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий № 7 к письму № 574.

⁴ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Октябрь. С. 537–573.

⁵ См. письмо № 599.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Прислуга в доме Вернадских.

⁸ Очевидно, А.С. Короленко; см. комментарий № 6 к письму № 570.

№ 601

29 августа 1901 г., [Москва]¹

29.VIII 1901

Дорогая моя Натуся, совсем не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем: я пишу очень часто – из Москвы это уже 3-е письмо. Ты не получала долго из Саратова, так как я ехал **туда** и написал **оттуда**, всего письмо должно было пройти около 6 дней. Галя² доехала хорошо. Ее встретил Гуля³

(у меня было заседание) и отлично все устроил. Завтра мы пойдем с ней в Третьяковскую галерею, и она уедет с 5-часовым поездом. Ты мне пишешь, спрашивая, как я думаю, не вредно ли оставаться в таких условиях Ниночке⁴ (благодаря переделкам). Я чувствую, что не могу дать тебе беспристрастного ответа: ты знаешь, что я **совсем** не сочувствую твоему долгому пребыванию в Полтаве, считаю очень вредным, как для Гули устроено это время, не вижу особой пользы для Ниночки в ее пребывании теперь в Полтаве, а не (в) Москве, наконец, просто мы с Гулей здесь совсем заброшены при массе спешной работы – следовательно, беспристрастного ответа я дать не могу. Я считал и считаю, что пользы или желательности вашего промедления нет. Только одно – чувства Марии Ивановны⁵. Скорее бы кончилось такое положение и вы бы приехали.

Поцелуй нежно драгоценную крошку. Целую нежно тебя, поцелуй всех.

Твой Владимир

P.S. Вчера в Совете⁶ прошло (по инициативе Алексея Петровича⁷) очень важное решение в ответе Министерству. Совет высказал свое единогласное (и Тих.⁸) мнение, что профессора могут быть отставляемы от службы только по дисциплинарному суду с представлением мотивов в Совет⁹.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 2.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² А.С. Короленко.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Старицкая.

⁶ См. комментарий № 5 к письму № 578.

⁷ Павлов.

⁸ А.А. Тихомиров.

⁹ Имеется в виду Совет Московского университета.

№ 602

31 августа 1901 г., Москва

Москва, 31. VIII 1901

Дорогая моя, я совсем не понимаю, отчего ты не получаешь от меня писем: я пишу почти каждый день и только во время переездов не писал. Оттого, вероятно, и вышли такие долгие промежутки.

Скорее бы ты была уже здесь. Очень тяжела такая бивуачная жизнь при самом начале работы, когда как-то ни то ни се. А между тем масса работы и без того – фактически мне придется участвовать в комиссии по ответу министру. Хочу написать статью «О возражениях против университетской автономии»¹ и еще небольшую заметку об эмбриологе Вольфе².

Тихомиров выдвинул его имя (из 18 столетия!) как доказательство, что избирательные коллегии не пускают к себе иногда гениев (Вольф – основатель эмбриологии), причем, по-моему, он перепутал факты. Например, в ученой

статье в журнале Министерства народного просвещения³ он ссылается на недопущение Вольфа в университет, который был основан лет через 30 после смерти Вольфа! Факт этот в мелком масштабе получил здесь то же значение, как примеры Бруно и Галилея в борьбе с клерикализмом. Для этого мне надо книги – библиотека откроется 1-го сентября.

Я очень беспокоен за Ниночку⁴. На душе беспокойно и тяжело. Надо перевезти ее, пока не холодно.

Галя⁵ вчера приехала и уехала в С.-Петербург. Едва ей достал место – масса едущих учащихся; достал в спальном в 3-м поезде из отправлявшихся через 1/2 часа один за другим. Она не простудилась; утром были в Третьяковской галерее, которая ей очень понравилась.

Жду твоего ответа о Матреше⁶ – она опять приходила вчера! Говорит, что должна поступить на место – а между тем иначе в доме все грязно и не прибрано, так как Елена⁷ одна – она ведь старая – не успевает, и я не решаюсь с нее требовать.

Елена готовит превосходно. Она предлагает приготовить огурцы, грибы и т.д. на зиму, а то будет поздно. Поповым я написал, чтобы присылали провизию, не дожидаясь тебя. Она очень обижена тем, что ты написала про нее, не написав прямо ей, – она вовсе не отказывалась делать что может, но мыть занавески у нее прямо нет сил – она наняла на это женщину (70 коп.). В сущности, за эту небольшую сумму не стоило, конечно, подымать дело. Она производит впечатление очень порядочной женщины и говорит, что была совсем больна после писем. Я ей обещал тебе написать обо всем и сказать, что об этом она уже сама с тобой пускай говорит.

Гуля⁸ ведет себя **отлично** – и работает и гуляет. Но я очень огорчен, как ему приходится быть одному, когда меня нет, и боюсь, что это прорвется к твоему приезду или после твоего приезда. А между тем именно важно сразу войти в колею!

Вчера он был у Самойлова – Петя⁹ опасно заболел внезапно, Гуля не узнал толком, в чем дело.

Нежно и крепко тебя целую. И Нинульку, драгоценную мою. Не знаю, отчего эти дни как-то за нее тоскливо. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 47, лл. 55–56.

¹ В 1901 г. у В.И. Вернадского вышла одна статья об университетской реформе: «Об основаниях университетской реформы. М., 1901».

² Заметка не была напечатана.

⁴ *Тихомиров А.А.* Современные задачи эмбриологии: (Памяти К.Ф. Вольфа). СПб.: Тип. Балашева, 1894 (извлечение из журнала Министерства народного просвещения, 1894, № 11).

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Прислуга в доме Вернадских.

⁸ Кухарка в доме Вернадских.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Личность установить не удалось.

1 сентября 1901 г., Москва

Москва, 1.IX 1901, суббота

Дорогая моя, Петя¹ вчера умер! У него сделалось воспаление отростка, слепой кишки. Еще в воскресенье Гуля² был у него и не застал его – он пошел слушать какое-то особое богослужение в церкви. Яков Филиппович³ не пришел в университет в то время, когда мы сговорились, и он просил Гулю сходить к ним в четверг. Он принес первое известие о том, что он плох – а вчера утром он умер! Прямо ужас – молодой, прекрасный, полный сил, желаний и мечтаний! Какое-то *memento mori*⁴. Яков Филиппович страшно убит. Родители еще ничего не знают и едут по телеграмме о серьезности положения и необходимости операции...

Гуля перенес бодро и как еще ребенок или скорее юноша: смерть в это время мало сознается, даже когда разражается над близкими. Но все же мне было очень жутко оставить его одного – у меня вчера вечером было заседание Совета с 7 час, и вернулся я, когда он спал.

Я должен тебе откровенно сказать, что я никак не могу понять, по существу, смысла твоего более долгого пребывания в Полтаве. Я безусловно вижу **вред** этого для Гули, и у меня есть некоторый горький осадок. Пока Гуля держит себя превосходно, но боюсь, как бы не прорвалось по возвращении твоём. Надо считаться с индивидуальностью детской.

О Ниночке⁵ беспокоен. Раньше ты писала о переделке труб, теперь о каком-то насморке, и мне тяжело вдали от нее. Еще более то, что слышишь кругом, действует на нервы, и невольно стараешься силой воли не поддаваться и не думать. Во всяком случае, перевези ее при хорошей погоде, а не при скверной. У нас эти дни прекрасная осенняя погода – у вас, судя по словам Лейста, она запоздает на один-два дня, но *maximum* подвинется и к Полтаве...

Очень печальные известия о Трубецком. Нарыв в печени принял скверный оборот, и положение его почти безнадежно...

Дела в Совете⁶ идут хорошо. Теперь заседание в понедельник и вторник; к понедельнику у меня еще надо составить проект ответа. Во вторник будет обсуждение вопроса с попечителем о комиссии с ректором и инспектором. Совет, по-видимому, не настроен выбирать членов в это неопределенное учреждение. Два факультета – юридический и филологический – отказались, и, очевидно, они не сомневаются и в других. Тут есть что-то скверное.

Крепко и нежно целую тебя и Нинусю. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Аматуни женился, был со своей женой – производит милое впечатление (на меня – лучше его). Может быть, он будет жить в Саратове. Был у меня Хренов из Пензы. Герц.⁷ переезжают в воскресенье.

Ан. Ор.⁸ приехал вчера; здоровье его неважно, незадолго перед приездом у него опять было повышение температуры, и он не очень силен.

Оп. 7, д. 47, лл. 57–58.

¹ См. комментарий № 9 к письму № 602.

² Г.В. Вернадский.

³ Самойлов.

⁴ Помни о смерти (лат.).

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ См. комментарий № 5 к письму № 578.

⁷ Возможно, Герценштейны.

⁸ Шкляревский.

№ 604

2 сентября 1901 г., Москва

2.IX 1901, Москва

Дорогая моя, сейчас идем с Гулей¹ на похороны Пети², на вынос мы опоздали, так как Елена³ только что вернулась – она ходила закупать провизию на «Болото», где все, по ее словам, несравненно дешевле и лучше (купила 500 баклажанов за 3 руб.). Гуля ведет себя превосходно, много читает и работает и преисполнен самых лучших намерений, но я не уверен, надолго ли. Вчера ездили с ним проводить Олю⁴, которая провела здесь весь день, но я ее видел только перед отъездом – так она неумело дала знать! Такая она совсем больная. Разговор с ней о Гале⁵ произвел на меня самое безотрадное впечатление. Она думает, что нет **ничего** между матерью и дочерью – они чужие люди. Смотрит она в этом отношении безнадежно. Но говорить мы могли только урывками. По ее словам, Кате⁶ нехорошо, и все это так как-то печально. Вот уже жизнь их пустоцвет, самый яркий, какой-то несмелый эгоизм. Вчера у меня был проездом Аргутинский. Он поправился и полон всяких научных планов и задач. Работа его шла хорошо, и он находится теперь в этом отношении в периоде повышенном. Очень меня тревожит болезнь или нездоровье Нинуськи⁷. Я уже тебе писал, что моя телеграмма Попову опоздала; он без нужды поспешил и напутал.

Целую нежно.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 59.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² См. комментарий № 9 к письму № 602.

³ См. комментарий № 7 к письму № 602.

⁴ О.И. Алексеева.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ Е.И. Короленко.

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 605

4 сентября 1901 г., Москва

4.IX 1901, Москва

Дорогая моя, вчера приехала Мария¹ вполне благополучно. Эти дни все наезды – вчера был Сергей Митрофанович², он едет в Полтаву и, может быть, уже у вас. Он говорит, что у М.Н.³ положение серьезное – какая-то сыпная болезнь, связанная с изменением крови. В общем он скорее производит грус-

тное впечатление – от одних отстал, к другим не пристал. Накануне у меня была проездом Александра Михайловна⁴. Она отдана на 3 года под явный надзор полиции – с запрещением въезда в массу городов, после больших пререканий выхлопотала заграничный паспорт и на днях туда уезжает. Магазин ей пришлось закрыть с огромными потерями⁵. Она теперь совсем нервно измучилась, страшно устала, и у нее прямо потребность отдохнуть. Все же она человек сильный, с большим умственным интересом и не пропадет.

У нас начинается чтение лекций – я начну в четверг. Сегодня – Совет с попечителем. Дело у нас подвигается в общем хорошо – не знаю, что будет дальше⁶. Не помню, писал ли тебе, что на место 2-го товарища министра здесь называют Янжула и Виноградова⁷.

Вчера приехал Боря⁸ с Алекс. Алекс.⁹ Он у нас обедал. Все такой же милый, славный, *bon enfant*¹⁰. В лаборатории у нас начинается работа – у меня остается при университете Скрицкий, о котором завтра подаю бумагу в факультет. Диссертация Пав. Ив.¹¹ еще не напечатана.

Целую нежно тебя и дорогую крошку¹². Поцелуй всех.

Твой Владимир

P.S. О 15-летнем юбилее¹³! забыл и узнал из твоего письма, дорогая.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 60.

¹ Личность установить не удалось.

² Очевидно, Зарудный.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Калмыкова.

⁵ Очевидно, имеется в виду склад народных изданий, который А.М. Калмыкова открыла в Петербурге в 1889 г. В 1890 г. издала каталог книжного склада, который явился ценным пособием для составления народных библиотек, а также составленные ею две серии дешевых книг для народа под заглавиями: «Жизнь прежде и теперь» и «Силы природы и труд человека».

⁶ См. комментарий № 5 к письму № 578.

⁷ На место второго товарища министра народного просвещения с 17 ноября 1901 г. был назначен Г.Э. Зенгер.

⁸ Возможно, Б.К. Алексеев.

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Хороший ребенок (фр.).

¹¹ Новгородцев.

¹² Н.В. Вернадская.

¹³ Речь идет о 15-летнем юбилее со дня свадьбы В.И. и Н.Е. Вернадских.

№ 606

6 сентября 1901 г., Москва

6.IX 1901, Москва

Дорогая моя Натуся, сегодня начал читать лекции – много студентов. Но чувствую себя неважно – первую лекцию едва дочитал – сердцебиение и неприятное ощущение, вероятно, от духоты. Но прочел и вторую. Все-таки нехорошее начало. Чувствую себя так себе, и неприятное ощущение в сердце

продолжается. Сегодня была комиссия – мой проект ответа на 14-й вопрос – о сближении профессоров и студентов прошел¹. Я думал и говорил соответственно, что он вызовет некоторые несогласия по отношению к инспекции, но Алексеев (!) заявил, что он думает, что тут разногласий не будет, и все, что я внес об инспекции в этот ответ, прошло единогласно! Гуля² ушел покупать ботинки, и я хочу написать несколько слов, чтобы письмо пошло сегодня. О здоровье моем не беспокойся, если повторится или будет продолжаться неприятное ощущение – обращусь к Кабанову. Я пишу, так как всегда лучше писать все.

Теперь обо всяких делах: для Марьи³ **непрерывно** надо паспорт, а то в Москве ее держать не будут, я сказал дворнику, что ты привезешь к 15.IX, так что ты об этом похлопочи.

У Олеховского осталась моя записка об Исачековской экскурсии⁴ – он взял ее списать и хотел прислать, если возможно, достань ее, а то вся моя поездка пропадет.

Слишком много всяких заседаний, и совсем не остается времени работать. Общественная жизнь хорошо, но еще лучше научная работа, а ей как-то мало места. Хотя бы иметь долю честолюбия! А то мне даже неприятно, когда хвалят (например, мою записку), стараешься перевести разговор и т.д.

Только что получил твое письмо, что приедешь 11-го. Очень рады. Целую нежно дорогую детку – радость и тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Гуля ведет себя отлично.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 61.

¹ См. комментарии № 7 и 8 к письму № 574.

² Г.В. Вернадский.

³ Прислуга в доме Вернадских.

⁴ *Вернадский В.И.* Заметки о геологическом строении Исачек. 1901 // Тр. Геол. ком. 1903. № 7. [В ст. И. Моразевича.]

№ 607

8 сентября 1901 г., Москва

Москва, 8.IX 1901, суббота

Дорогая моя, пишу несколько слов – надеюсь, что письмо дойдет к тебе до отъезда, больше писать не буду. Чувствую себя не скверно – пойду сегодня посоветоваться с Кабановым.

Гуля¹ вчера был у Швабе² смотрел на звезды, а сегодня он с несколькими товарищами пошел на Дорогомилевские каменоломни на экскурсию. Вчера вечером было у нас очень скучное и утомительное заседание Совета³, теперь два дня отдыха от заседаний.

Целую тебя и драгоценную крошку⁴ (впрочем, это название теперь к ней не совсем подходит) крепко и жду вас. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Р.С. Иду к Кабанову не от боли, а вследствие неприятного, несколько давящего ощущения в области сердца и выше.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 62.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Ф. Швабе – физик-механик и оптик, имел в Москве оптический магазин (Кузнецкий мост) и фабрику.

³ Совет Московского университета.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 608

5 декабря 1901 г., Москва¹

Москва, 5.XII 901

Дорогая моя, не забудь сохранить расписку письма в Моршанский банк (там должны быть вложены вексель, письмо и повестка). Пошли Трубецкому (князь Сергей Николаевич – дом Эйлера, Кудринская ул.) Устав С.-Петербургского студенческого общества (он находится на бюро среди университетских бумаг), напиши ему, что посылаешь по моему указанию.

Миклашевской уже послал следующую телеграмму: «Глубоко поражены кончиной дорогого Ивана Николаевича². Всей душой с Вами в вашем горе. Вернадские».

Устроился так себе – у окна боковое сиденье.

Целую нежно и детей.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Борисоглебский, 9, **Москва**.

Оп. 7, д. 47, л. 63.

---

¹ Открытка написана в поезде, на почтовом штемпеле стоит «Казань».

² Миклашевский.

№ 609

23 декабря 1901 г., Петербург

29.XII 901, Петербург

Дорогая моя Натуся, пишу тебе несколько слов в номере у Самойлова. Я так затуркался, что очень мало кого видел и мало где был. Как-то устал, и, в сущности, все впечатления делают на меня грустный оттенок. Вчера был сперва у Оли¹. Нюта² уже у тебя, и я думаю, что для нее это лучше. А ты, моя драгоценная, горячо любимая Туська, так уже привыкла собою жить для других, что это ничего, что тебе еще тяжелее? Моя бедная Натуся. Леля³ говорит, что Катя⁴ всецело ее к тебе отпускает. Нюта рассказала о твоём приглашении очень поздно, Леля послала телеграмму Кате и оттого решил ее отъезд.

Она может сколько угодно ходить к той подруге, которая там у нее есть. Леля много рассказывала о Кате, которой положение очень тяжелое, так как у Б.⁵ характер трудный. Из огня (да) в полымя, да еще более горькое, так как у Кати тут есть горячая любовь и сознание близкой смерти дорогого человека... Вот тяжелая жизнь, и так она прошла без расцвета!

Вчера же зашел к Паше⁶, но он уже уехал и до поезда не хотел возвращаться домой. Виделся вчера много с Агафоновым и еще рядом людей, но как-то все внешне. Вечером заходил к Сергею⁷, но его не застал, а потом – в вечернем заседании на докладе Книповича⁸. Как он постарел!..

Сегодня утром заседание, потом осмотр минералогического собрания Академии наук. Кстати, сегодня я видел Леонида Александровича⁹ – завтра с ним познакомлюсь с Зеленским. Говорят про последнего здесь плохо, но тут такая атмосфера зубоскальства и злословия, что мне прямо тяжело и грустно!

Сейчас пойду обедать в гостиницу, где будет компания геологов и минералогов, а потом вечером поеду к Ивану¹⁰, к которому пока еще не поспел...

А Петербург на меня сделал грустное впечатление, и всплывают старые – еще детские – воспоминания, и я чувствую себя во многом мертвым. Вспоминаются горячие мечты и сильные желания детства и юности и пережитые молодые годы. А теперь – хотя я чувствую себя целиком **сильным** в научной области, и мысль смело и спокойно смотрит вперед, но нет ни сильных желаний, ни мечтаний юности, нет вкуса (к) жизни. И когда едешь по старым улицам с новыми заплатами – видишь, как повернулось колесо жизни, чувствуешь отживание, и становится грустно. Самая обстановка Катиной квартиры, наполненной реликвиями старой нашей семьи, той смесью старой культуры и почтенного бюргерства – русского необразованного помещицья – рядом изящные старые часы, хорошая книга и наравне дрянная олеография или кричащая буржуазная, но старая – безделушка...

Бедненькая моя Туся – так часто думаю о тебе и о нашей бесценной дeтке¹¹. Напиши, как твое здоровье? Что пишет Аня¹² о Гуле¹³? Целую нежно.

Твой Владимир

Пиши непременно.

Оп. 7, д. 47, лл. 64–65.

¹ О.И. Алексеева.

² А.С. Короленко.

³ О.И. Алексеева.

⁴ Е.И. Короленко.

⁵ Б.К. Алексеев.

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ Сергей Федорович Ольденбург.

⁸ *Книпович Н.М.* Работы экспедиции для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана в 1898–1901 гг. // *Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей.* СПб., 1902. С. 167–168.

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Иван Михайлович Гревс.

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² А.Е. Любошинская.

¹³ Г.В. Вернадский.

№ 610

26 декабря 1901 г., [С.-Петербург]¹

26.XII 901, утро

Дорогая моя, пишу тебе несколько слов – все время затуркан разными свиданиями с людьми. Я даже устал от всех разговоров с друзьями и товарищами, но все же это от времени до времени надо. И концы в С.-Петербурге такие, что утомляешься. Вчера, например, утром отправился осматривать коллекцию Норпа и там остался завтракать в большой компании, потом уехал к Анне Сергеевне и Павлу Николаевичу², очень было приятно у них, вечером у Оли³ и затем заезжал, но не застал П...⁴ И еще масса людей, у которых надо мне быть по делу или по желанию.

Я думаю выехать 30-го и 31-го быть в Москве. Поцелуй нашу ненаглядную крошку⁵. Что Гуля⁶? Целую нежно.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Борисоглебский, 9 (Поварская), **Москва**.

Оп. 7, д. 47, л. 66.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Милюковы.

³ О.И. Алексеева.

⁴ Личность установить не удалось, так как фамилия написана сокращенно и неразборчиво.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 611

28 декабря 1901 г., С.-Петербург

СПб., 28.XII 901, утро

Дорогая моя Натуся, вчера получил от тебя письмо, в котором ты пишешь, что не получаешь от меня писем. Я пишу 3-е. Все время затуркан разными мелочами и в общем довольно безалаберно провожу время. Сегодня иду брать билет – выеду или 29-го вечером, или 30-го днем. Евдокия Ивановна¹ нездорова, теперь ей лучше. Я был у нее 2 раза. Она очень беспокоится, не получая от тебя ответа на какое-то ее письмо или посылку.

Съезд² малоинтересен: для меня были только любопытны свидания с людьми, но так много на это тратить времени я не люблю. А еще многих не видел. Хочется скорее в Москву, к тебе и к Нинуле³. Ты не пишешь ничего о Гуле⁴. Поцелуй мою бесконечно любимую детку. Нежно тебя целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Поварская, Борисоглебский, 9, **Москва**.

Оп. 7, д. 47, л. 67.

---

¹ Голицына.

² Имеется в виду XI съезд русских естествоиспытателей и врачей, который проходил в Петербурге с 20 по 30 декабря 1901 г.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 612

13 апреля 1902 г., Грозный

Грозный, 13.IV 902

Дорогая моя, сегодня утром еду на осмотр нефтяных промыслов около Грозного. Приехали вчера вечером сюда в отвратительную погоду: дождь и холодно. Сегодня по крайней мере нет дождя. Поместились с большим комфортом у Стрижова. В Серноводске меня встретил Родненский, очень хороший юноша, наш студент, и мы сделали чрезвычайно интересную для меня поездку в Михайловское, в Сунженские горы и на горячие источники. К сожалению, нельзя было фотографировать. По описанию, «асфальт» около Михайловского, единственное месторождение на Кавказе, никуда не мог попасть в схему этих месторождений, которую я придавал этому месторождению, и я думал, что это другой минерал. Но оказался асфальт, только условия его генезиса были выяснены неверно. Между прочим, нашли богатейшие отложения древних животных – птиц (??) – кости и т.д. третичного возраста в тесной связи с асфальтом. В то же время и горячие источники выяснены для меня с химической стороны. «Окисленный сероводород» горных инженеров оказался опалом, и ясна целая страница истории этой местности.

Надо кончать, ждут лошади. Спешу кончить, так как погода может перемениться. Мой маршрут дальше: сегодня поездка на нефтяные промыслы около Грозного (верст 15), вечером уеду в Петровск. Завтра там подготовлена поездка на месторождение серы и на штольню с неизвестным газом. Вечером уеду в Баку, где Шелковников все подготовит и с нами проедет и в Шемаху (он хорошо знает местные языки и местных жителей). О своих дорожных приключениях позже. Чувствую себя так себе – горло временами побаливает, но меньше. Нежно целую и цыпку¹. Поцелуй всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 76, д. 48, л. 1.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 613

13 апреля 1902 г., Грозный

№ 3¹

13.IV 902, Грозный

Дорогая моя Натуся, только что вернулись с экскурсии, где видели очень много, и погода исправилась. Через 2 час едем в Петровск, где ночуем, и опять целый день – первый день Пасхи – экскурсируем.

Сегодня в первый раз видел выходы естественные нефти и большие ее разработки, и опять натолкнулись на открытое здесь большое животное, ископаемое, третичное. Мне кажется, это что-то вроде большого тюленя – но я совсем мало знаю в этих вещах, а Алексея Петровича² нет. Он еще не вы-

копан; к нему приставлен военный караул (кавказец – милиционер на часах), так что все-таки культура. Ждут приезда специалиста из С.-Петербурга.

Такая поездка дает очень много, и чувствую я себя значительно лучше, но в общем настроение очень неважное. Не буду об этом писать, так как ты не любишь, когда я разбираюсь в себе, а между тем такой фон настроения невольно сказывается. Значительный фон безразличия к вопросам жизни. Может быть, это нервная усталость, а может быть, и есть философское безразличие?

При общении с природой невольно всматриваешься в конкретные вопросы и в них обсуждаешь все с большим интересом, но чувствуешь, что настоящим образом это далеко не захватывает. Все урегулировано – но и только...

Но оставим это. Мне очень хочется иметь скорее сведения о тебе и детях, что Гуля³, что моя дорогая Нинуська⁴? Как встретились с бабушкой?

В тех письмах указал тебе только на происшествие, с нами случившееся. Дело было вот в чем. Поместились мы в поезде с Яковом Филипповичем⁵ довольно плохо: места у окон, маленькие, проходные. В том же поезде ехал один из кончивших университет естественников – Шелковников, который сговорился с нами ехать в Баку, Шемаху и т.д. Юноша очень скромный, маленького роста, должно быть, грузин. Он принял самое горячее участие в неудобствах нашего положения, и, переговорив с обер-кондуктором и т.д., вместе с другими студентами (Горного института и т.д.) устроил нам помещение в отдельном купе, где уже сидели 2 господина. В Рязани мы перешли в это отделение, причем Яков Филиппович справился у одного пассажира, свободно ли место. Вскоре после звонка вошел другой господин – верзила огромного роста и начал выражать свое неудовольствие, что мы вошли в его купе. Тогда я спросил, разве это его купе, а не общее помещение – он заявил, что да, и я отправился объясняться с обер-кондуктором. Тот заявил, что это общее помещение и что тот господин с одним билетом, как и все прочие. Во время разговора нашего подошел и этот господин и на платформе начал объяснять, что ему дал это купе какой-то Никита Петрович и т.д., и когда Шелковников пытался говорить с ним или с обер-кондуктором, он начинал грубо его обрывать, заявляя, что студенты – острожники и т.д., что их надо всех посадить, что невежды, кто говорит с ним, не зная, хочет ли он разговаривать, и т.д. Когда Шелковников объяснял обер-кондуктору, что они, студенты, просили его об этом месте для нас и что как он – этот господин – так говорил при профессоре и т.д., то этот господин стал кричать и о профессорах что-то вроде того, что и их надо посадить в острог и т.д., и в конце концов назвал бедного Шелковникова дураком. Чтобы прекратить сцену и не дать Шелковникову выкинуть какую-нибудь историю, я потребовал жандарма и был составлен протокол (узнай у Георгия⁶, каково течение этого дела), причем фамилия этого господина Перлов (московский купец?), о «дураке» в протоколе умолчено, только обвинение в острожниках, крике и т.п. Все время Перлов говорил о плохом воспитании лиц, с ним разговаривающих. На этом дело не кончилось. Поезд тронулся – он отправился к какому-то губернаторскому чиновнику, заявляя, что его обижают студенты, армяне и евреи (Яков Филиппович) – все низшие нации. После Рязьска, поезд еще не тронулся, Якова Филипповича еще не было, в его отсутствие мы призвали сторожа устроить постели (поднять верх), вошел этот господин и спокойно, сбросив вещи Якова Филипповича, начал вновь все расстраивать. Я отправился за обер-кондуктором и

предложил ему поднять верх, согласно правилам, Перлов говорил, что ему неудобно и он не хочет ехать так, чтобы над ним что-нибудь лежало, и отказался дозволить поднять. Через некоторое время обер-кондуктор вернулся с начальником станции и сторожем, и, несмотря на сопротивление Перлова, верх подняли, а он отправился было жаловаться – но звонок, и поезд тронулся, он вернулся. Вагон принял нашу сторону (в первой истории ряд свидетелей), и кругом начали говорить, что если опять повторится, то его надо посадить и т.д. Пассажир в конце концов успокоился, что-то ворча – «хорошие воспитатели», «дурак – кто смеется» (кажется, его встретили смехом) и т.д., но потом был молчалив и вел себя прилично, стараясь не сидеть в вагоне. Надо ехать. Всего лучшего.

Целую нежно тебя и Нинусю. Поцелуй всех наших. Что в Полтаве? Что Гуля?

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 2–4.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Павлов.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Самойлов.

⁶ Георгий Егорович Старицкий.

№ 614

15 апреля 1902 г., Баку

№ 4¹

15.IV 902, Баку

Моя дорогая Натуся, до сих пор имел о тебе только одну телеграмму в Грозный и совсем не знаю, как ты себя чувствуешь, и что моя дорогая Нинуся² и как Гуля³? Вчера, по дороге сюда, выезжая из Петровска, послал тебе телеграмму и просил тебя телеграфировать мне в Баку и завтра надеюсь иметь от тебя телеграмму. Может быть, завтра или послезавтра застану здесь твое письмо. Так трудно без вестей.

Что-то делается в Полтаве? Здесь опять слухи об усиливающемся аграрном движении, главным образом ближе к Харьковской губернии⁴. Здесь тоже чувствуется тяжелое настроение, вызванное упадком цен, и этот упадок сильно чувствуется даже в Баку. В Биба-Эйбите, где мы сегодня были, едва 1/3 часть скважин работает, остальные закрылись. По-видимому, здесь от кризиса выигрывают крупные фирмы.

Наша поездка до сих пор идет очень удачно, и видели и вынесли мы необыкновенно много. Вчера в Петровске, где мы прекрасно поместились, благодаря любезности Стрижова в конторе его нефтяного дела, мы сделали большую поездку на целый день в отроги Терского хребта – в Кичи-Уйташ и Кукуртау. День был чудесный, весенний свежий воздух прямо бодрил. Сперва, несколько верст, дорога шла вдоль берега Каспийского моря, и я вдыхал с наслаждением пропитанный запахами водорослей воздух моря. Кичи-Уйташ – изящное ущелье – отроги гор, выходящие к морю. Здесь находятся разведчики на нефть, которые ведутся компанией, в которой работает

Стрижов. С ними был студент Родненский, его отец, служащий в конторе, и заведующий разведками молодой, живо всем интересующийся самоучка-интеллигент, кончивший Коммиссаровское училище⁵ в Москве, с сильным и глубоким интересом к науке и жизни. То, что я видел здесь, мне лично дало очень много. Между прочим, мы посетили штольню, в которой в прошлом году был взрыв и погибли человек 10 рабочих и штейгер от неосторожно зажженной спички. Из нее выделяется неизвестный и непонятный им газ, и работа прекратилась, так как рабочие более 10 мин не могут выносить действия газа. Мы вошли туда осторожно, без света и могли свободно пройти в глубь земли сажень на 15–20, в полусвете, когда глаз привык, можно было всюду видеть действие какого-то разъедающего газа. Железо труб окислилось и отлетает скорлупами, всюду масса выделений белых кристаллов, мне кажется, квасцов, высокая температура. Далеко нельзя было пройти, так как часть стены штольни обвалилась, по-видимому, во время землетрясения в Шемахе. Все стены пропитаны каплями жидкости, она собирается красивыми, грушеобразной формы каплями на деревянных закрепах наверху. Это оказалась свободная **кислота**, я думаю, серная. Воздух удушлив, местами выделяется вонючий сероводород, течет густая черная нефть. Я собрал продукты, собираю жидкости, и я думаю, вполне точно определяю газ – это, вероятно, свободный серный ангидрид, но, может быть, тут есть и еще что-нибудь.

Обедали – встречали Пасху – запросто, тут же, доморощенным образом. Все время разговор был тесно связан с вопросами окружающей нас жизни – делами нефти и химическими процессами природы. Но невольно постоянно переносился разговор на вопросы дня, на вопросы студенческие, университет и общие явления жизни, так как они тесно обступают кругом и здесь. По всем городам и здесь высланные студенты и рабочие. В Петровске – промысел нищих, выдающих себя за высланных административно студентов, должно быть, каких-нибудь бродяг – героев Горького. Недавно они – голодные – разнесли съестную лавку на базаре, ссыльные рабочие от времени до времени расхаживают кучками, и обыватели слышат только: «Вставай, просыпайся рабочий народ»... Трудно представить себе, сколько здесь это возбуждает толков. На отдельных конкретных фактах я как-то особенно ясно понимаю *le revers de la medaille*⁶ – что они делают своими глупыми выходками и исключениями. Целый ряд студентов не возвращается в университет, но, по рассказам, среди них растет озлобление и резко формируются крайние группы. И в то же время это брожение вносится далеко, в самую глубь провинции, во все слои общества. Забывают, что студент теперь не такой мальчик, какой он был раньше, нередко это человек, который всю жизнь свою стоит на своих ногах! Вот теперь с нами пресимпатичный молодой человек 24-х лет – мой слушатель, о котором я тебе писал. Он уже три раза вылетал из университета, **частию по ошибке**. Он говорит, что если бы у него были средства, не задумался бы уехать за границу. С большим интересом к науке, полный энергии, умный, ловкий и здоровый – он мне очень пришелся по душе. Страстный охотник, стрелок, он ехал вчера – верст 40 – верхом. Он третий год работает в рудном деле, был на Челекене, где целых 3 месяца прожил в невероятных условиях, без воды – пил солонцеватую воду, на припеке, без тени – работал в адской обстановке, возился с рабочими персами и русскими, делал разведки и вел самостоятельное дело. Не задумываясь, он хотел войти попробовать в эту штольню, о которой я говорил, с плохой предохранительной лампой – безо-

пасно ли или взорвет, и я должен был удержать его решительным протестом. Раньше он каждое лето уже года три, со старших классов гимназии, работал на механических заводах и получил даже свидетельство на сборщика машин. И теперь ведет самостоятельные и ответственные работы по разведкам. Это не мальчик и не чиновник... В Кукуртау посетили серный рудник, собрали лучшие, какие я видел для Кавказа, кристаллы серы; генезис месторождения для меня – ясен, и я в первый раз видел этот тип. Вернулись поздно вечером, в темноте, в звездную ночь по горной, местами отвратительной дороге. Несколько раз чуть не вывернулись, но приехали благополучно. Сегодня приехали сюда, где нас встретил Шелковников. Он подготовил нам многое, и сегодня с ним и с другим моим учеником Эминовым посетили Биба-Эйбат. Они устроили мне полное посещение Нобелевского дела, так как родственник Эминова – главноуправляющий Нобеля. Выеду отсюда, вероятно, послезавтра. Думаем завтра и послезавтра осмотреть все производство Нобеля в окрестностях Баку, затем поедем на сопки в Алят и Коби, по дороге в Тифлис, оттуда в Шемаху. Здесь поместился отлично, благодаря Шелковникову и Эминову, которые возятся со мной так, что мне совестно.

Нежно целую тебя и Нинулю. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 5–6.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ В письме от 11 апреля 1902 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Все под впечатлением аграрных движений, закончившихся вполне и повлекших за собой тяжелую расправу. Было столкновение грабившей толпы с войском. Толпа была совершенно пьяна. Первый раз выстрелили в воздух, затем в народ, 4 человека убиты, есть раненые. Теперь производятся экзекуции: сечение! Сравнительно с Харьковской губернией экзекуция мягкая, т.е. секутся только виновные, а там все поголовно, но и здесь расправа совершается жестоко, секутся и те, которые по закону изъяты от телесных наказаний. Протестующих крестьян, ссылающихся на закон, секут особенно жестоко... Район беспорядков был 100 верст в длину, 50 в ширину... Грабежи вначале были небольшие, но постепенно страсти разгорались и грабители становились смелее. Полиция бездействовала, и это поддерживало их убеждение в правоте своей и законности захвата. Теперь они страшно подавлены, и дядя уверен, что они совсем сломлены. Другие уверяют, что они не подавлены, а ожесточены! В Полтаве продолжается какая-то подпольная деятельность, прокламации распространяются, по слухам, усиленно...» (ф. 518, оп. 3, д. 268, л. 1 об.; 4).

⁴ Точнее, Коммиссаровское техническое училище.

⁶ Обратная сторона медали (фр.).

№ 615¹

17 апреля 1902 г., Баку

№ 5²

Баку, 17.IV 902

Дорогая моя, вчера получил твою телеграмму, но письма сюда нет. Вчера страшный «норд» совсем не позволил экскурсировать. Пишу рано утром – сейчас выезжаю в Балаханы, около Баку, и поздно вечером думаю уехать в Шемаху. Нежно целую.

Твой Владимир

Нинусе³ послал одновременно карточку.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 442, л. 1.

---

¹ Открытка с общим видом промыслов в Балаханах.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Н.В. Вернадская.

№ 616¹

17 апреля 1902 г., Баку

№ 6²

17.IV 902, Баку

Дорогая моя, сейчас выезжаю из Баку. Осмотрел много и хорошо. Сегодня сделал экскурсию с геологом компании Нобеля Андерсоном в главные местности, выясняющие строение нефтеносной области. Едем сейчас в Кюгдамир, куда приедем утром, оттуда в Шемаху – Маразу (где есть новые сопки). Вернемся назад той же дорогой в Тифлис, куда думаем приехать утром 22 апреля. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 442, л. 2.

---

¹ Открытка с видом Девичьей башни (Киз-Кали), Баку.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

№ 617

21 апреля 1902 г., Тифлис

№ 7¹

Тифлис, 21.IV 902

Дорогая моя, только что приехал и спешу набросать тебе несколько слов. Все эти дни был далеко от железной дороги. Вчера вечером со станции Кюгдамир, куда приехал из Маразы (около 100 верст от нее), послал тебе телеграмму. Здесь получил твое письмо, так был ему рад.

Поездка идет очень хорошо. Много вынес и много видел. Но уже хочется скорее назад в деловую, текущую жизнь – особенно теперь, когда видел все главное, что надо было. Да, наконец, и общие тяжелые условия и здесь дают себя чувствовать, и не могу я их забыть. Перед отъездом из Баку написал тебе было длинное письмо – 1/2 этого листа, но не знаю, куда его задевал, – не могу найти и теперь пишу вновь.

Баку произвел на меня сильное впечатление, и те два-три дня, которые я там провел, дали мне очень много для выяснения некоторых научных вопросов, давно меня занимавших. Обставлена была наша поездка благодаря Эминову и Шелковникову прекрасно – так, как я бы никогда не мог ее обставить

сам. Обедал в Баку у родственников Шелковникова в интеллигентных армянских семьях и видел там много любопытных людей и любопытных разговоров. Но всюду тяжелым ударом встречает царство произвола, которое на Кавказе нередко выражается в особенно сильной форме.

Теперь здесь кризис – выслано с прошлого года до 20 000 рабочих назад, кризис, в котором гибнут более мелкие фирмы и выигрывают на нем крупные. На меня производит впечатление, что кризис для фирм, которые основывали свое производство в России, не временный, а связанный с общим расстройством нашего хозяйства. Выдерживают свободно фирмы, ведущие дело главным образом с заграницей. Теперь здесь идет борьба за синдикат, и они проведут это дело, так как Министерство финансов, официально отказавши, в действительности все им разрешит. Падет это на потребителя (иностранного – мы патриоты, – говорил мне один инженер. Впрочем, добавил, в конце концов, конечно, это отразится на русских). Любопытная форма самоуправления довольно большого района, в котором развилось это дело, – все сосредоточено в руках «Съезда нефтепромышленников», имеющего свое бюро. Съезд проводит дороги, облагает нефтепромышленников и заводчиков, строит школы и больницы (кажется, пока одну), содержит полицию и т.д., но голоса неравные. Нобель имеет 100 голосов, другие по одному и т.д., так что здесь полное царство магнатов. Любопытно, однако, что центральная власть оказалась бессильной сладить с вечно меняющимися потребностями жизни и верховодит самая несовершенная форма земства – «нефтяной парламент», как его здесь называют.

Хватит нефти здесь ненадолго. Уже во многих местах наблюдается ее истощение. Вопрос ближайших десятков лет – ее истощение. Что тогда будет? Главное в мире месторождение – Балаханское – осмотрел очень хорошо: к нам прикомандировали Dr Andersseon'a – геолога компании Нобеля, и картина месторождения стала для меня теперь совершенно ясной. Я посетил все решающие строения местности, спорные пункты и могу теперь сознательно-практически отнестись ко всему, что придется читать и что пишут об этом месторождении. Но тем более рождается вопросов.

Видел производство керосина и т.д. Нельзя себе представить, какое тягостное и в то же время оригинальное впечатление производят Баку и его окрестности: без деревьев, с массой пыли, без воды, всюду нефтяные вышки, грязь и ужасные ветры. А между тем вырос богатый, огромный город. Ветер такой, что один день мы потеряли: задул «норд», и абсолютно невозможно было ничего видеть. Пришлось вернуться из Балахан в Баку, в гостиницу, потом пошли обедать к родным Шелковникова и затем вечером попали на завод. Ветер поднимал не только пыль, но и мелкие камни, дышать было трудно, горизонта совсем не было видно...

Настроение мое так себе, но я думаю иногда, что это уже моя природа такая. Чувствую себя в общем здоровым, но горло всю дорогу от времени до времени разбалывается, и в Баку после «норда» совсем было больно. Теперь почти прошло.

Сейчас надо идти – в Музей, если он не заперт (приехали сюда в воскресенье), затем сегодня же напишу тебе о поездке в Шемахе и Маразу – очень сильное сделала она на меня впечатление. Как бы хотелось уйти от русской

жизни, но она захватывает со всех сторон, и всюду та же картина тяжелая. Я как-то особенно сильно чувствую теперь разложение власти, и иногда становится тяжело, что в этом разложении сильно пострадает не та или иная форма правления, а русская культура и русский народ как живое целое...

Крепко и нежно целую тебя, мою дорогую. Что моя Нинулька²? Совсем забыла папу? Поцелуй всех. Еще напишу.

Твой Владимир

Пишу в Москву, куда думаю быть 28-го.

Оп. 7, д. 47, лл. 7–8.

---

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

№ 618

25 апреля 1902 г., Владикавказ

№ 9¹

Владикавказ, 25.IV 902

Приехали сюда днем, дорогая моя Натуся, и вечером уезжаем в Москву. Там надеюсь получить от тебя письмо. Хочется уже скорее домой. Переменили поезда, и нам приходится или ждать ночь в Ростове, или день в Минеральных Водах, или ехать «прямым путем» через Никитовку–Лозовую и приехать в Москву несколькими часами позже! Решили ехать в Минеральные Воды и побегать – там специальный курсовой поезд. Очень порывался в Полтаву, но при необходимости быть в Москве 30-го – мог пробыть всего один день. Как решается лето?

На Казбеке получил твою телеграмму, там сделали утомительное поднятие в горы к ломкам горного хрусталя, но материал везде очень интересный.

Целую горячо и нежно тебя и Нинусю². Поцелуй всех. 28-го днем надеюсь быть в Москве.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 9.

---

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

№ 619

27 апреля 1902 г., [в поезде по пути в Москву]¹

№ 10²

27.IV 902

Дорогая моя, пишу несколько слов с дороги. Завтра будем в Москве: очень много видел и возвращаюсь полный сил и вновь не отдохнув. Как решила ты с летом? Надо мне знать это скорее. Делать ли в доме Вернадовки приспособление?

В Тифлисе был на могиле твоего брата³, там теперь все исправлено, и могила в порядке. Оставил цветы – розы и сирень. К сожалению, не удалось снять фотографию, так как шел дождь.

В Казбеке мы поднялись довольно высоко на месторождение хрустала – обо всем напишу подробнее из Москвы.

Нежно и горячо целую тебя, Нинусю⁴. Поцелуй всех. Были ли известия от Оли⁵ и Гали⁶?

Напиши о Нинусе – как она себя чувствует, узнала ли бабушку? Как нашла Мария Ивановна⁷ – изменилась ли она?

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 47, л. 10.

---

¹ Письмо написано в поезде по пути в Москву, почтового штемпеля на открытке нет.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Николай Егорович Старицкий, умер в 1872 г.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ О.И. Алексеева.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Старицкая.

№ 620

29 апреля 1902 г., Москва

№ 12¹

29.1 V 902, Москва

Дорогая моя Натуся, вчера получил от тебя письмо и так был ему рад, так грустно и трудно без известий. Что же моя дочка² – не хочет уезжать из Полтавы? Самостоятельный, маленький человек. Напиши мне скорее, как выясняется лето и устраивать ли в Вернадовке? От Кати³ есть письмо – завтра перешлю, из которого видно, что вопрос о Гале⁴ совсем для нее не решен. Она совсем, бедная, разбита переживаемым ею.

Здесь сразу охватили всякие новые известия и новые впечатления. Масса всяких новостей, странных проявлений текущей русской жизни. Пишу тебе перед аудиенцией, которую дает профессорам Зенгер⁵. Между прочим, Ванновский **накануне** отставки не знал о ней и вел разговоры с некоторыми из профессоров, как будто он еще долго будет министром⁶. Его прямо выгнали! Говорят, поводом послужил проект его средней школы, который он хотел провести помимо Государственного совета, так как там он встречал несочувствие, и с которым не согласился Государь.

Товарищем министра народного просвещения⁷, говорят, назначается Шварц⁸, изменивший свои воззрения, какие он высказывал в записке 10 профессоров в 1899 г.! Рассказывают, что Зенгер считает автономию университетов несовместимой с самодержавием, как Витте считает несовместимым с самодержавием земство. В этом смысле Зенгер говорил, будучи еще товарищем министра, в Одессе и Киеве. Странная пропаганда государственных идей... В Москве все спокойно; говорят об отставке Трепова⁹, так как деятель-

ность охраны в смысле возбуждения рабочего движения потерпела фиаско. «Гужон» работает – рабочие новые. Всюду вести о беспорядках – аграрные в Черниговской губернии, рабочие в Твери, Севастополе, Баку и т.д. В Баку крупные беспорядки произошли через день после нашего отъезда – 21.IV, а между тем их никто не ждал, хотя в разговорах нефтепромышленники указывали на беспокойное настроение. Говорят, была масса печатных прокламаций на местных и русском языках и произошло столкновение толпы с полицией, причем, говорят, есть убитые полицейские. Разогнали толпу казаки. Всюду на юге беспокойно, и я в первый раз в жизни слышал в вагонах странные отголоски и разговоры; много лет езжу по России, но такое впечатление выношу впервые...

Вот тебе главные здешние новости – из области «политики». Как ни хочется от нее уйти, а не уйдешь! Скоро у меня начнутся экзамены, а до них масса работы: хочу кое-что обработать из привезенного интересного материала, уже засел за корректуру, надо кончать старые работы. Дорогой много обдумывал, кое-что прочел и интенсивно, сильно работала и работает моя научная мысль. Чувствую себя бодро, и только хотелось бы быть вместе.

На курсах¹⁰ курсистки – все три – приняты. Герье уступил после того, как встретился с решительными заявлениями профессоров, действовавших через Давыдовского. Так что там теперь спокойно – 8 мая у меня там экзамены.

Только что было представление Зенгеру¹¹ – на этот раз одних профессоров, без инспекции. Зенгер произнес речь, в которой говорил, что счел своим долгом, посетив старейший университет, изложить здесь, в Москве, свои намерения. Говорит он недурно, с излишним и шокирующим пафосом. Он указал, что с сентября начнет действовать комиссия для выработки устава, и он надеется, что в начале 1903 г. устав и штаты можно уже внести в Государственный совет. В комиссию вместе с представителями других ведомств будут приглашены выборные университетских коллегий. Это самое важное из того, что он сказал. Все время он делал впечатление человека, боящегося сказать что-нибудь лишнее, взвешивал каждое слово...

Только что у меня была Татьяна Сергеевна¹², она едет с детьми в Анапу; рана мальчика не заживает! У Демов – скарлатина. Митя¹³ за границей и вернется к середине мая: его брату хуже, и он туда его вызвал. Очень жаль, что не повидаюсь с ним эти дни.

Так мне и не пришлось написать тебе дальше – после Шемахи. Все время был в разъездах и только и послал с дороги две карточки, да сегодня утром. А между тем впечатлений я вынес очень много и очень разнообразных. Трудно сказать, что иногда производит впечатление – отдельные отрывочные картинки, сцены – отдельные слова. Вспоминаются мне, например, два очень глубоких для меня впечатления. Мы лезли в гору – довольно высоко – к расселине Курос-Цвери, около Казбека, где находятся кристаллы горного хрусталя, кальцита, альбита. Идти было трудно. В высоких сапогах я скользил по узкой тропинке, покрытой пучками еще сухой, прошлогодней травы. Неловкое движение – и можно полететь вниз. И я как-то всей душой понял, что все дело в воле, в определенном ясном сознании цели, в ее конкретном желании. Надо ставить определенно и прочно ногу и не давать места страху. Чем дальше, тем хуже. Вот уже близко на глаз гора – а впереди почти отвесный,

покрытый той же сухой травой, скользкий склон. Идти еще труднее; цепляясь палкой, руками, медленно передвигаясь, мы все ближе подходим, и только ясное сознание **цели**, заставляет забывать все и упорно идти вперед. Долго, медленно и иногда безнадежно. Но вот мы влезли. На небольшой площадке, почти отвесной, – перед нами открылась удивительная панорама: Казбек с его двумя вершинами и далекие горы, все в снегу, красиво и блестяще освещенные солнцем. А у нас под ногами – в узких расщелинах скал – места рождения красивых друз хрусталя и других минералов, которые мы видим не в экземплярах музеев, а в природной неприкосновенности создания; перед ними слабы наши молотки, их надо взрывать – мы можем только их видеть. Спуск был еще тяжелее. И только мысль о **цели**, как говорил наш проводник грузин Георгий – только не надо **бояться**, трудное становится возможным, и я чувствовал, как моя неповоротливая, засидевшаяся природа изгибалась и приспособлялась (к) моей **воле...** И в этом простом – детски ясном – впечатлении как-то сразу все время пути мне стали ясными более широкие и далекие горизонты жизни. Душа крепла и куда-то рвалась... Ну, о другом после.

Нежно и крепко целую тебя и Нинулю мою. Поцелуй всех. Гуля¹⁴ завтра напишет.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 11–12.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

³ Е.И. Короленко.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Григорий Эдуардович Зенгер – товарищ министра народного просвещения с 17 ноября 1901 г., был назначен министром народного просвещения 11 апреля 1902 г.

⁶ П.С. Ванновский 11 апреля 1902 г. высочайшим рескриптом был уволен от должности министра народного просвещения, официально по прошению.

⁷ С 29 апреля 1902 г. товарищем министра народного просвещения был назначен директор Императорского института экспериментальной медицины Сергей Михайлович Лукьянов.

⁸ Александр Николаевич Шварц в это время был одним из попечителей Рижского (1900–1902) и Варшавского (с 1902) учебных округов, министром народного просвещения был назначен в 1908 г.

⁹ Очевидно, имеется в виду Дмитрий Федорович Трепов, московский оберполицмейстер (1896–1905).

¹⁰ Высшие женские курсы, организованные В.И. Герье взамен запрещенных «Коллективных уроков», были открыты в 1900 г. В.И. Вернадский принял приглашение преподавать на них кристаллографию и минералогию. В апреле 1900 г. в качестве члена-учредителя он вошел в состав Общества для доставления средств Высшим женским курсам. В 1905 г. после окончания полномочий В.И. Герье Вернадский был избран директором Высших женских курсов, но приступить к своим обязанностям не смог, так как в конце сентября этого года его избрали помощником ректора Московского университета.

¹¹ См. комментарий № 5.

¹² Личность установить не удалось.

¹³ Очевидно, Д.И. Шаховской.

¹⁴ Г.В. Вернадский.

№ 621

1 мая 1902 г., [Москва]¹

№ 13²

1.V 902

Дорогая моя Наталочка, так я рад получать часто от тебя письма. Эти дни совсем затуркан всякой возней и потому толком не могу написать тебе. Запустил корректуру, захватили всякие университетские и другие дела. Теперь пишу несколько слов, вернувшись от Трубецкого, с которым очень хорошо и много говорил о разных делах, и ожидаю Ивана Ильича и Анастасию Сергеевну³ и Павла Ивановича⁴. Верно, они сейчас придут.

У нас теперь Аня⁵, которая приехала сюда по всяким делам – с гимназией и француженками. Завтра придет Марк⁶. Гуля⁷ очень хорошо держит себя, тяготеет гимназией, но сдерживается – молодцом. Он очень часто в театре и сегодня, между прочим. Попевает.

Лета часть мне надо провести в Вернадовке, но ты знаешь, как я рад, когда ты и Нинуся⁸ у Марии Ивановны⁹. Если вы будете там, то, конечно, я проведу в Вернадовке minimum времени и приеду к вам.

Посылаю тебе 100 руб. – тебе, должно быть, нужны деньги. Получил я в этом году меньше – гонорара меньше рублей на 200–300. Уплатил все долги и <за> квартиру. С деньгами справлюсь. Маша¹⁰ справляется хорошо и готовит очень недурно.

Нежно целую свою птичку. Ей и тебе завтра напишу. Гуля говорит, что он тебе или бабушке пишет аккуратно, и вчера он написал. Обнимаю нежно.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 13–14.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: «...захватили всякие университетские дела...» и т.д.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Петрункевичи.

⁴ Новгородцев.

⁵ А.Е. Любошинская.

⁶ М.М. Любошинский.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Н.В. Вернадская.

⁹ Старицкая.

¹⁰ Прислуга в доме Вернадских.

№ 622

3 мая 1902 г., Москва

№ 14¹

3.V 902, Москва

Дорогая моя Наталочка, приехал сюда, и меня захватила сутолока – заседания всякого рода, масса различных неоконченных дел, и все время работаешь урывками – то одно, то другое, без всякого перерыва. Вчера вечером факультетское заседание женских курсов², сегодня Совет университета. Днем с Яковом Филипповичем³ усиленно работал эти дни над окончанием «Обзора работ по минералогии России за 1899-1900 гг.»⁴, работы еще много, а мы хотим закончить все к 24 мая.

Гуля⁵ ведет себя хорошо, рвется в Полтаву, я его удерживаю до конца занятий, так как не вижу никакой возможности достигать более раннего окончания занятий путем лжи. И ему полезна известного рода выдержка – у них безобразно распушены занятия – ничего они не делают. В воскресенье хочу проехать с ним за город – в Троице-Сергиеву лавру – никогда там не был.

Известия из Полтавы, которые ты пишешь, чрезвычайно затрагивают⁶. Правилен ли слух о Урусове, который ты сообщала⁷? Ты с ним познакомилась? Он очень хороший знакомый Ивана Ильича и Анастасии Сергеевны⁸. Здесь рассказывают, что с Плеве имел разговор Старицкий (Ал. Павл.?) и что ему Плеве говорил, что он стоит за земство, но земство не должно затрагивать вопроса о самодержавии.

Видела ли ты Ольх.⁹ Мне Трубецкой решительно опровергает известия о систематических жестокостях Оболенского¹⁰: он говорит, что Оболенский бил нагайками и правого и виноватого **во время** бунта, но после бунта не было телесных сечений, которые были в Полтавской губернии. Известия у него от его родственников – другие, и здесь об Оболенском передают всякие ужасы. Крестьянские волнения – слабые отголоски Полтавского – были и в Судженском уезде Курской губернии.

Здесь были Иван Ильич и Анастасия Сергеевна – так приятно было их видеть. Аня и Марк¹¹ еще не уехали – целые дни они во всяких разъездах, и я вижу их немного. У Дёпов скарлатина в очень легкой и нестрашной форме, но она ходит в Москве, так как Медвединскую гимназию из-за этого распустили.

В «North American Review» идет любопытная полемика Победоносцева с Кропоткиным о современном положении России¹². Странное время, и странные совпадения.

Я думаю после 24 мая проехать в Вернадовку, а оттуда, уже вернувшись к факультетским и Советским заседаниям в Москву (31 мая), проехать в Полтаву. Как дальше распределится лето, совсем не знаю. Много надо работать и многое надо сделать, а времени так мало, и так быстро оно бежит.

Нежно и горячо тебя целую и мою птичку Нинуську¹³. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 15–16.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 10 к письму № 620.

³ Самойлов.

⁴ См.: Ежегодник геологии и минералогии России, 1903–1904. Т. 6, отд. 3.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ В письме от 30 апреля 1902 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «...Сегодня утром в «Полтавских ведомостях» правительственное распоряжение о передаче губернатором дел вице-губернатору, говорят, новым губернатором назначен кн. Урусов – племянник Сипягина, вытщенный как ничтожество, человек очень плохой? Отрадного мало. А Оболенскому новый орден, между тем как он от здешнего губернатора отличался только большею жестокостью. В этом, в поголовном сечении взбунтовавшихся деревень, выразилась его распорядительность!» (ф. 518, оп. 3, д. 268, л. 24–24 об.).

⁷ В 1902 г. князь Николай Петрович Урусов был назначен Полтавским губернатором вместо Александра Карловича Бельгарда.

⁸ Петрункевичи.

⁹ Михаил Александрович Ольховский.

¹⁰ Иван Михайлович Оболенский в 1902 г. был Харьковским губернатором.

¹¹ Любошинские.

¹² См.: Constantin Pobiedonostseff. *Russia and Popular Education // The Nouth American Review*, 1901. Vol. 173, № 9 (September); Prince P. Kropotkin. *Russian schools and the Holy Synod // Ibid.* 1902. Vol. 174, N 4 (545). P. 518–527.

¹³ Н.В. Вернадская.

№ 623

5 мая 1902 г., Москва

№ 15¹

5.V 902, Москва

Дорогая моя, сегодня собрались было с Гулей² в Троице-Сергиеву лавру, но проспали – он вернулся вчера поздно вечером с литературного заседания у одного из товарищей – Сохновского: они разбирали Шекспира. Сейчас идем куда-нибудь за город в лес. Мне хочется из города.

Посылаю тебе карточку с портретом Толстого, который мне очень нравится.

Аня и Марк³ здесь: немку нашли, ищут теперь квартиру, покупают бычка и т.д.

Крепко и нежно целую тебя и Нинусю⁴. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Гуля будет, вероятно, не раньше четверга.

Оп. 7, д. 48, л. 17.

---

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский.

³ Любошинские.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 624

5 мая 1902 г., [Москва]¹

№ 16²

5.V 902, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером уехали Аня и Марк³, и мы с Гулей⁴ остались одни. Любошинские наняли квартиру и немку и т.д. и закончили все свои дела. Вчера у нас были Спиров и Александр Павлович⁵, и мы имели всякие сведения о Полтаве. Бедный Гуська – должен еще неделю оставаться в гимназии, так как занятия у них продолжены до 20 мая: распоряжение Зенгера⁶, и, говорят, в старших классах опять введены экстемпоралии. Беда, когда власть попадает в руки ограниченных и глупых людей! Я совсем не противник более продолжительных занятий (хотя бы до 20 мая), так как нахожу, что в России при громадном количестве праздников масса времени пропадает для работы и люди не приучаются к настоящей работе, но, очевидно, в таком случае необходимо, чтобы время не пропадало даром и чтобы учились, а у них все не организовано, и вместо занятий идет какое-то нытье – самое развращающее времяпрепровождение. Гимнастика, да повторение катехизиса! Удивительна вера в циркуляры и в формальное исполнение дела, какая выразилась в этом предписании Зенгера.

Это время чувствую себя неважно. Опять возобновились прежние боли в суставах, головные боли и общее недомогание. Опять маленький жар (вчера вечером 37,45). Сегодня зайдет Кабанов, которого я встретил, и я с ним посоветуюсь. Может быть, простудился, возвращаясь из бани, или недомоганье случайно совпало. Неприятны головная боль и тяжесть в голове, так как приходится много работать.

Среди всех здешних дел я очень запустил печатание лекций⁷ и корректуру⁸. Надо нагонять – много времени ушло на другую работу и неизбежные разговоры. Да благодаря недомоганью не могу заниматься как следует. Скверная погода – отсутствие тепла также сказывается.

Получила ли 100 руб.? Вчера было тебе заказное письмо от Штевен, которое я направил тебе в Полтаву.

У Денов легкая форма скарлатины. Я виделся с ним, так как он живет в гостинице и изолирован от семьи.

Горячо и нежно целую тебя и Нинуську⁹. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Гуля, вероятно, выедет 18-го.

Оп. 7, д. 48, лл. 18–19.

---

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания, так как в нем говорится о занятиях Гули в гимназии и т.д.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Любощинские.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Старицкий.

⁶ В это время Г.Э. Зенгер – министр народного просвещения.

⁷ Очевидно: *Вернадский В.И.* Минералогия. Кристаллография: Лекции для студентов медицинского факультета Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1903.

⁸ Возможно: *Вернадский В.И.* Основы кристаллографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1903.

⁹ Н.В. Вернадская.

№ 625

9 мая 1902 г., [Москва]¹

9.V 902, утро

Дорогая моя, вчера среди экзамена не успел написать тебе. Вчера не было от тебя письма, хотя ты пишешь, что посылаешь каждый день. Я их так жду.

Бедный Гуля² сидит здесь вследствие глупого распоряжения Зенгера продолжить занятия до 20.V. На Совет послал телеграмму министру с вопросом, как быть, так как почти все закончено – но ответа нет. Глупые люди – думают, что государственная твердость заключается в проведении *couste que couste*³ всяких мер, даже тех неразумии, которые ясны каждому. Только расшатывают порядок жизни.

Был у меня Кабанов – он нашел у меня прежнее состояние – также неправильности в сердце и т.д. Температура вчера не подымалась выше 37,2, и самочувствие лучше несколько. Мне как-то совестно лечиться и так заботиться о своем здоровье, но до известной степени я чувствую себя обязанным.

Кабанов советует мне взять minimum 15 ванн, как в прошлом году, и затем около 3 недель (или 2?) покупаться в море, в Крыму, я думаю. Тогда можно было бы устроить так, чтобы на август поехать всем в Крым – ведь ты хотела? Меня смущает только неизбежный наезд туда массы знакомых и т.д., чего бы хотелось избежать. Он прописал мне опять те же лекарства (которые я в поездке и употреблял): 1) хинин с антипирином и аспирином и 2) ляпис с белладонной. Затем боржом и некоторую диету – меньше мучнистого и возможно больше зелени и фруктов. Вот, кажется, все. Голова еще тяжелая, и чувствую себя так себе.

Это время много и хорошо работал над курсом⁴. Я кончаю теперь главу об общих геометрических правильностях многогранников, и мысль моя с удовольствием вошла в эту область. Мне, кажется, удалось рельефно вывести общие принципы наблюдаемых геометрических законов и дать им надлежащее место в связи с критикой основных начал в связи с теорией материи. На лето работу прекращу, и мне хотелось бы еще напечатать одну (5-ю главу) – не знаю, успею ли.

Вчера был экзамен на женских курсах⁵ – сошел очень недурно. Эти дни мало кого вижу. В университете бываю урывками – только работаю с Самойловым над обзором⁶. Главная масса времени идет на работу над курсом. Здесь и из С.-Петербурга слухи об обысках и арестах – в газетах все проникают известия о беспорядках (Вильно, Саратов). Здесь ходят слухи о крупных беспорядках, бывших в Варшаве. В С.-Петербурге, между прочим, был произведен в его отсутствие обыск у Кетрица – и министр вошел в Сенат об его удалении из мировых судей. Но куда теперь пойдет энергия и работоспособность всех удаляемых, и какое странное время!

Крепко и нежно целую тебя и драгоценную Нинулю⁷. Поцелуй всех.

Твой Владимир

У Попова в Вернадовке несчастье. От брюшного тифа умерла его старшая дочь – Юлия, а теперь в той же болезни лежит и опасно его жена. Он, бедный, сильно убит.

В газетах прочел о смерти дочери Петрово-Соловово Ал. Мих. – это, кажется, последняя... Первая умерла несколько лет назад, какой ужас!

Оп. 7, д. 48, лл. 20–21.

¹ Письмо написано в Москве, так как занятия в университете не закончились, о чем есть указания в тексте: «...вчера среди экзамена не успел написать тебе... и т.д.

² Г.В. Вернадский.

³ Во что бы то ни стало (фр.).

⁴ См. комментарий № 7 к письму № 624.

⁵ См. комментарий № 10 к письму № 620.

⁶ См. комментарий № 4 к письму № 622.

⁷ Н.В. Вернадская.

11 мая 1902 г., [Москва]¹

11.V 902

Дорогая моя Наталочка, Гуля² сейчас уехал почтовым и в понедельник утром будет. Я послал телеграмму с припиской: доставить утром.

У него еще будет, кажется, 2 или 3 дня занятий, но занятия идут безалаберно, и сидеть ему нечего. Он вел себя все время очень хорошо и очень стремился в Полтаву.

Я совершенно не знаю, как долго буду здесь. Еще сверх того не знаю, безопасно ли ехать в Вернадовку перед Полтавой, чтобы не занести какой-нибудь болезни. Из Географического общества также не имею никаких известий и ничего не знаю о командировке. Думал сперва – около 24 мая – после экзаменов проехать в Вернадовку, оттуда в Полтаву, но не знаю.

Письмо Штевен я выслал заказным (оно было заказное, и я написал на нем твой адрес полтавский).

Павла Ивановича³ предложил к конкурсу юридический факультет единогласно – под председательством Комаровского, с которым он теперь помирился. Его я вижу редко – у него экзамены. Самойлов прошел окончательно в Новой Александрии, выбран в адъюнкт-профессора: теперь весь вопрос, чтобы его утвердили⁴. Надеюсь, что это устроится, иначе ему надо бросить эту деятельность и искать другую. Но деятельность в России вообще так тяжела и неприятна.

Чувствую себя физически лучше – глотаю всякие лекарства и придерживаюсь режима в еде. Но душевное мое настроение очень неважное – резкое отсутствие *Lebenslust*⁵. Мне не хочется писать об этом, да и тебя это только огорчает...

Вижу немного народу, да и видеть никого не хочется. Работы всякой начатой столько, что и не успеваю. Много и хорошо думаю. Надо бы поработать над курсом⁶, но не знаю, успею ли.

Получила ли моя Нинуська⁷ карточку?

Нежно и крепко целую ее и тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 22–23.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания – говорится о продолжении занятий в Московском университете: «Думал сперва – около 24 мая – после экзаменов проехать в Вернадовку...» и т.д.

² Г.В. Вернадский.

³ Новгородцев.

⁴ Я.В. Самойлов был утвержден зав. кафедрой минералогии и геологии в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства.

⁵ Жизнерадостность (нем.).

⁶ См. комментарий № 7 к письму № 624.

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 627

12–13 мая 1902 г., Москва

17.V 902, Москва, вечер

Дорогая моя, пишу теперь один в квартире. Гуля¹ уехал, Маша² сидит на кухне; наверху раздается музыка, я пишу и думаю теперь о некоторых вопросах курса – о тех странных кристаллических структурах, благодаря которым вещество одного и того же состава распадается на две разности – правую и левую³. Хотелось бы слышать лепет дорогой девчоночки⁴, видеть тебя и Гулю рядом, здесь, вблизи.

Так в большой квартире неуютно, такое уж странное человек создание: много ли, мало ли кругом пустого места – как все это относительно и как странно – и смешно, что это интересует, влияет на настроение и требует насмешливо-юмористического самоанализа, чтобы показать всю мелочь подобных впечатлений. Но я все же ушел к себе в спальную и там теперь пишу.

Сегодня чувствую себя значительно лучше, может быть, оттого, что тепло. Но режим в еде, установленный мне Кабановым, положительно мне полезен. Кстати, Кабанов конкурирует теперь на кафедре в Харьков и в Одессу. И я думаю, что было бы жаль, если бы он не попал, – безусловно, хороший человек, горячо преданный знанию, и хороший врач.

13.V, утро

Вчера письмо не докончил. Сейчас экзамен, и я иду на него, но хочу бросить эту записку. Вчера не было от тебя письма, а я так жду твоих писем. Что-то последнее время ты стала писать не каждый день, как говорила.

Так тяжелы и неприятны эти экзамены. Из Вернадовки давно не имею никаких известий, боюсь, что Марии Николаевне⁵ хуже. Бедный Александр Иванович⁶! Не знаю также, как туда поехать перед Полтавой. Здесь эти дни прекрасная погода, и так хочется вдаль от душного города. В Москве в последнее время опять обыски и аресты. Недавно арестован Спирмунт, и в магазине «Труд» был обыск. Вот уж время!

Нежно и горячо целую тебя и дорогих детей – Гулю и цыпку.

Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, л. 24.

¹ Г.В. Вернадский.

² Прислуга в доме Вернадских.

³ См. комментарий № 7 к письму № 624.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Жена А.И. Попова.

⁶ Попов.

№ 628

17 мая 1902 г., [Москва]¹

17.V 902, утро

Дорогая моя Натуся, вчера не успел ответить на твое большое письмо. У меня был экзамен с утра до вечера. Моя дорогая, когда я послал записку², на которую ты отвечаешь, я знал, что она тебя огорчит, но мне не хотелось, что-

бы я от тебя скрывал то, что в данную минуту тяготит или волнует меня. Но ты ее неверно поняла³. То настроение, о котором ты пишешь в письме, – твое чувство, конечно, при тесной совместной жизни не могло быть неизвестным мне. Для этого не надо частых речей – оно нередко проявляется во взглядах, жесте, тех полусловах, которые нередко более дают, чем логически ясные, но всегда очищенные признания. Но мое настроение тобою неверно понято. Оно не есть следствие личной неудовлетворенности жизнью, как **она сложились у меня**, – это гораздо более глубокое и сильное чувство, связанное с жизнью **вообще**. Поэтому такое настроение может быть особенно сильно тогда, когда мысль особенно глубоко и хорошо работает, когда дух проникает в окружающее и когда ты чувствуешь ускоренный темп смелого вхождения в окружающую мглу. Искренняя и смелая мысль есть часто страдание. То, что тебя удивляет, – соединение тяжелого настроения по отношению к «целям» жизни и хорошей работы мыслию – совершенно понятно.

Мне не хочется в данную минуту писать более определенно об этих вопросах – мне хотелось бы только дать тебе несколько понять то настроение, которое часто меня охватывает, особенно когда я чувствую сильный и очень глубокий настрой и биение мысли. Теперь я переживаю как раз такой период, и давно я не чувствовал силу напряженности своего аппарата, проникающего глубоко, глубоко в неизведанное. Я не хочу, чтобы ты сочла это настроение пессимизмом – я очень далек от этого философского верования. Пессимизм предполагает возможность существования – хотя бы в идее – того, в чем я совершенно сомневаюсь, и если бы то, чего недостает пессимисту, было ему каким-нибудь чудом дано – меня бы оно не удовлетворило...

Присланное тобою письмо М.⁴ я не читал, так как я думаю, что ты прислала его мне, неверно представляя мое настроение. Уничтожить его? Я думаю, все, как сложилось, очень сложно и во многом здесь надо мириться с неизбежным. Случившееся значительно надорвало многие жизни, но повернуть назад вновь нельзя. В несчастную минуту моего настроения случилось это, и мне тяжело, конечно, но что же я могу сделать теперь? – что в личном порыве Я лишил Марию того, что в конце концов в ее полной противоречиями, неуравновешенной и странной натуре – являлось самым живым и глубоким – ее чувства к тебе. Я давно ее не видел и в эти приезды в С.-Петербург почти не говорил с ней, а изредка письма не могут поддерживать живого полного дружеского общения, но я думаю, что это настроение ее, связанное с тобою, составляет для нее глубокое страдание. Но сделать здесь едва ли что можно. В таких вопросах надо быть фаталистом. Поскольку жизнь не дает жить минутою или вечностью, такая струя страдания, связанная с невозвратно происшедшим, всегда будет, и против нее бороться я не знаю как. Не знаю потому, что она связана только со своей собственной оценкой себя самого и своего собственного действия. Это то, что до известной степени выражалось как нести крест свой, конечно, лучше, кто может и кому это свойственно – нести его без резкого и острого проявления. Но я не думаю, чтобы можно было сглаживать бывшее: можно только находить новые точки опоры вместо испорченных или уничтоженных...

Еще мне хочется сказать тебе несколько слов. Я думаю, что твое настроение по отношению ко мне неверно, как неверно ты понимаешь и мои слова о детстве и юности. Все это связано с **гармонией** чувств и мирозерцания,

когда передо мною открывалось многое, существование чего я теперь не вижу. Этой гармонии позже не было, и жизнь – и мысль – не оставила ей места. А между тем области чувства это не касается, и мое глубокое чувство любви к тебе не порвалось. За это время жизнь – семейная, совместная жизнь – дала то новое, чего я не испытал настоящим образом раньше – чувство к детской раскрывающейся душе. И оно только тормозится вечным страхом потери этого – интенсивной заботой о сохранении.

Надо кончать, моя дорогая Натуська, не знаю, ясно ли я высказал тебе свое настроение, но я как раз в настоящую минуту не особенно хочу писать об этом. Не знаю, удастся ли выехать 25 мая. Отчего ты мне не отвечаешь на мои письма? О поездке летом в Крым⁵? О Гале⁶?

Нежно целую. Ужасно хотелось бы видеть и слышать Нинуську⁷. Поцелуй детей обоих нежно.

Твой <Владимир>

P.S. Ты пишешь о новых работах по гипнотизму, открывающих «новый» мир. Как истории мысли – возможности этого я не вижу, но вызвавшее его настроение понимаю. Нравственность я считаю вообще очень условной вещью, а всю связанную с формой семьи или государства – и по существу внешней и неважной частью человеческой природы. Тут правы диаметрально противоположные воззрения.

Прочел на днях «Новые рассказы» Андреева⁸. Какая тяжелая вещь и особенно тяжелая и – противная местами – потому что он сильный художник – больной, холодный и сухой.

Оп. 7, д. 48, лл. 25–26.

---

¹ Письмо написано в Москве, так как в нем говорится об экзаменах в Московском университете и т.д.

² См. письмо № 626.

³ В письме от 13 мая 1902 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Ты пишешь, что у тебя душевное настроение скверное и резкое отсутствие *Lebenslust*. Ты пишешь, что не хочешь писать об этом, так как это меня огорчает. Но меня огорчает не разговор о твоём настроении, а самый факт твоей грусти и духовной неудовлетворенности. Я часто о тебе думаю. Гораздо, гораздо чаще, чем выражаю это словами. И даже больше, когда говорю о другом, занята чем-нибудь, даже во сне – мысль о тебе меня не покидает. Но какое-то странное мучительное стеснение и неловкость мешают мне высказывать словами свои затаенные чувства и думы о тебе. Если б я могла вернуть тебе твою молодость и жизнь – не знаю, с каким счастьем бы это сделала. Но об невозможном говорить нечего, выходят одни пустые слова, и я даже не допускаю себя до *Grubeleien* (раздумий (нем.) – *Red.*) и раскаяния о многом и прежде всего о том, что связала твою жизнь со своей. Я помню, как ты еще давно, до всяких испытаний, раз сказал, что самым счастливым временем твоей жизни было детство и ранняя юность. Тогда у меня екнуло сердце. Человек, для которого любовь не была расцветом, самым полным и ярким в жизни – очевидно, ошибался в своем чувстве, не получил того, о чем мог мечтать. И позже я еще менее сдержала обещание счастья. Я не могу сказать, до чего горько и очень мучительно у меня за тебя в том затаенном уголке души, который почти всегда заперт у меня на ключ и который я почти никогда не позволяю себе раскрывать, потому что *Grubeleien* и позднее раскаяние ничего не вернут и ничему не помогут. Они не вернут тебе молодости и твоего выбора жизни, возможности счастья, хотя ты вовсе не стар, но все зависит от собственного чувства и взгляда на себя. Значит, к чему это письмо, но я иногда думаю, что это чувство стеснения, которое я не могу иначе назвать, как ощущением мучительной духовной стыдливости, – мешает мне стать ближе к тебе...» (ф. 518, оп. 3, д. 268, л. 57, 60).

⁴ Возможно, Мария Сергеевна Гревс.

⁵ В письме от 20 мая 1902 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «О Крыме мы поговорим при свидании...» (ф. 518, оп. 3, д. 268, л. 70 об.).

⁶ В письме от 17 мая 1902 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Получила прилагаемое Нютино письмо вчера и очень огорчена невозможностью позвать ее, пригласить. Бывают же такие сложные положения, когда приходится делать выбор – кем, чьими чувствами пренебречь, кого забросить? Но я не могу оставить маму, и для нее и для себя, и не могу позвать Нюту сюда, но это мне очень тяжело. Посылаю тебе это письмо и не буду писать Нюте до твоего ответа. Может быть, ты придумаешь какой-нибудь выход?..» (ф. 518, оп. 3, д. 268, лл. 65–65 об.).

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ *Андреев Л.Н.* Новые рассказы. СПб.: Знание, 1902.

№ 629

21 мая 1902 г., Москва

21.V 902, утро

Дорогая моя, совсем завален экзаменами и т.д., не успел написать тебе. Сейчас еду на экзамен. Очень хочется выехать, но боюсь, что не выберусь раньше 7–9 дней. Придется, вероятно, все-таки поехать в Вернадовку раньше, но я думаю, теперь там ничего.

Крепко целую детей и тебя. Не забыла меня Нинуська¹? Получила ли мое большое письмо в ответ?

Целую.

Твой <Владимир>

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 48, л. 27.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 630

23 мая 1902 г., Москва

23.V 902, Москва

Дорогая моя, написал тебе за это время только карточку. Все время экзамены и наезды. Очень устал от всего этого и теперь пишу сейчас после экзамена с головной болью. В этом году устроил переэкзаменовки, чтобы не ставить доек, и ничего не достиг! Отвечали по 4 раза, откладывая экзамен на несколько дней, и являлись с тем же абсолютным незнанием – так что в конце концов большее утомление и те же – несколько меньше – двойки. Очень неприятны обманы, с которыми сталкиваешься, и иногда не знаешь, как с ними быть.

Был Сергей¹ с Сегоней², который сегодня у Ансерова. Сегодя произвел на меня тяжелое впечатление: смесь Шуры³ с Надеждой Федоровной⁴. На вид здоровый юноша, но психически – болезненный на вид: мне больно было смотреть на него и его слушать... В его обращении, взгляде, разговоре – что-то утрированное, неискреннее, манерное – и не умное! Ты знаешь, мне

кажется, тут тоже – и в этом отношении – будет драма. Сергей – все тот же – силы его слабее; все интересный собеседник, знающий эрудит, но видеть мне его с Сегоней было тяжело. Был Митя⁵, я тебе писал, кажется, и сегодня его жду. Он проехал в Ярославль к семье, о которой целый месяц он ничего не знал. Уж это я совсем не понимаю. Сегодня он будет. Сегодня здесь и Иван Ильич⁶, он был у меня перед экзаменом, и надеюсь его сегодня же увидеть. Вчера у меня долго был профессор Андрусов из Юрьева, он здесь ищет дачу. Много любопытного рассказывал о Шемахе и всех таких делах. Вчера же был у меня Павел Иванович⁷ – видишь, какое общество. Я думаю все-таки перед Полтавой съездить в Вернадовку; на днях был у меня [Мазингер] Иуда (его определение не состоялось – Алексеенко ответил мне, что срок службы Введенского продолжен). Мария Николаевна⁸ поправляется, и все там лучше. Но мне необходимо быть там по хозяйственным и земским делам.

Очень мне хотелось бы в Полтаву. А тут как нарочно все дела. 29-го мая – факультет и важный. Хотел сперва уехать в понедельник 27-го, но 29-го обсуждается тяжелый и неприятный инцидент Марковников–Зелинский. Как-то неловко не быть в такое затруднительное время, когда многие члены факультета уклоняются ввиду щекотливости обстоятельства. И я не был на Фоминой, где дело решалось, многие думали, что я, подобно многим, уклонился. Я был в Шемахе.

Если дело сложится так, то уеду 29 мая в Вернадовку и буду в Полтаве в начале июня, а оттуда на месяц с лишком с Гулей⁹ в Керчь–Тамань.

Нежно и крепко целую тебя и детей. От Гули получил письмо – скоро ответу. Напрасно ты дала ему «Бездну» Андреева¹⁰. Это больной, полупорнографический рассказ во вкусе Верлена.

Не забыла меня моя дочка¹¹? Целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 28–29.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² С.С. Ольденбург.

³ Александра Павловна Ольденбург.

⁴ Ольденбург.

⁵ Д.И. Шаховской.

⁶ Петрункевич.

⁷ Новгородцев.

⁸ Попова.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Андреев Л.Н. Бездна // Курьер. 1902, 10 января, № 10.

¹¹ Н.В. Вернадская.

№ 631

26 мая 1902 г., [Москва]¹

26.V 902, утро

Дорогая моя Натуся, сегодня получил твое письмо, а то два дня не имел их. Я всегда так их жду. Ты пишешь, что я редко пишу, но я пишу гораздо больше тебя, так как от тебя я имею почти только краткие записки, и, мне кажется, ты неясно представляешь себе, как я теперь занят. И вот теперь не знаю

еще, когда уеду. Столько осталось недоконченной работы. Не думаю, чтобы уехал завтра, должно быть, придется ехать 29-го. Экзамены у меня кончились 24 мая. Затем теперь надо сдать в печать все-таки, чтобы не сильно затянуть дело, а у меня еще много непросмотренной корректуры и недоконченного текста². Несколько рисунков еще не кончено. Затем надо подготовиться к летней поездке: надо кое-что взять и просмотреть из библиотеки, достать карты и т.п. Для окончательной отделки главы о кристаллографических формах еще есть не прочитанные большие работы. Все в кабинете еще не прибрано – сейчас иду туда для этого, и у меня осталось много всяких официальных бумаг и писем, некоторые сложные. Наконец, необходимы закупки, необходимо привести перед отъездом в порядок корреспонденцию, которую я это время запустил. Эти же дни и днем и вечером заседания по разным земским делам, и я целые дни занят! Наконец, если завтра не уеду, то у меня еще два факультетских заседания, которые, конечно, отнимут время. Весьма вероятно, что уеду в четверг в Вернадовку, где буду 31 мая. Пробуду там дня 4–5 и затем поеду в Полтаву. Совсем не знаю, когда ехать на Тамань: мне кажется, Гуле³ нехорошо в Полтаве (судя по твоим письмам), и я не вполне тебя понимаю – ты пишешь, что не можешь с ним бывать, так как занята другим делом, но это ведь тоже **дело** и очень важное⁴. Из Географического общества до сих пор не получаю ни денег, ни открытого листа.

У меня это время перебивала масса народу. Ансеров совсем успокоил Сергея⁵ про Сегоню⁶ и не нашел у него даже признаков туберкулезных осложнений. Эти дни был Иван Ильич⁷, он уехал этой ночью. Отсюда все более или менее разъезжаются. Павел Иванович⁸ вчера уехал на дачу под Москвой.

Нежно и крепко целую тебя и детей. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 30–31.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания, – говорится об экзаменах в Московском университете и т.д.

² Имеется в виду работа В.И. Вернадского «Основы кристаллографии», о которой он в письме № 664 писал: «...в конце недели сдам в печать последние странички “Кристаллографии”. Печатается медленно, более года».

³ Г.В. Вернадский.

⁴ В письме от 23 мая 1902 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Гуля почти всегда один, товарищей у него нет. Я очень занята, а когда зову его гулять или читать, он отказывается, ссылаясь на усталость, но, вероятно, ощущая общее неудовлетворение мной, которое меня очень огорчает, но которое не умею побороть. Вообще у него требовательность в характере. Возраст этот трудный. Я боюсь всяких осложнений и могущих произойти кризисов, связанных с физическим ростом организма, возмужалостью. Эта сторона страшно пугает меня» (ф. 518, оп. 3, д. 268, лл. 75–75 об.).

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ С.С. Ольденбург.

⁷ Петрункевич.

⁸ Новгородцев.

№ 632

27 мая 1902 г., [Москва]¹

27.V 902

Дорогая моя, вчера забыл написать тебе, чтобы ты писала уже мне в Вернадовку. Но это ясно из контекста моего письма. Употребляю все старания, чтобы скорее уехать, и надеюсь завтра или послезавтра выехать. Очень соскучился за вами; что моя Нинуся²? Поцелуй ее и Гулю³ – надеюсь скоро увидеться.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 48, л. 34.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

№ 633

3 июня 1902 г., Вернадовка

31.V 902, утро, Вернадовка

Дорогая моя, третьего дня приехал в Вернадовку и теперь сижу здесь, занимаюсь счетами и т.п. Хочется скорее уже к вам в Полтаву. Здесь теперь хорошо, стоят теплые дни. Сад разросся, много тени, масса птиц, соловьи, и все полно зелени. Я думаю, детям было бы здесь хорошо.

Я довольно много гуляю, осматриваю хозяйство, проверяю счета, читаю. Эти дни все бессонница – совсем почти не могу спать, и это довольно утомляет: много комаров, может быть, они мешают.

На днях выеду, должно быть, или в ночь с 4 на 5, или в ночь с 5 на 6-е, так что 6 или 7 днем буду в Полтаве.

Нежно целую тебя и детей¹. Поцелуй всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 48, л. 33.

---

¹ Н.В. и Г.В. Вернадские.

№ 634

16 июля 1902 г., Брест

Брест, 16/VII 902

Дорогая моя, еду отлично.

Очень меня беспокоит известие о Гуле¹ в Одессе! Не понимаю, как я не прочел в Полтаве, но теперь надо ехать.

В Харькове видел Георгия² – уговаривал его ехать прямо к морю. Он колеблется. Вид у него хороший, в Киеве только страдал от жары. Жарко ночью в закупоренном (несмотря на мои протесты) вагоне – ужасно было.

Нежно и горячо целую. Что Ниноля³? Поцелуй всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 48, л. 32.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Очевидно, Г.Е. Старицкий.

³ Н.В. Вернадская.

№ 635

17 июля 1902 г., Берлин

Берлин, 17.VII 902

Сегодня приехал в Берлин, моя дорогая Натуся, и пишу тебе. Остановился пока в «Silesia Hotel», где останавливался и раньше, но долго не останусь. Недорого, но чрезвычайно шумно, на самом модном месте в центре города. Завтра пойду в библиотеку, выясню условия работы и тогда решу, где остановиться. Хочу в тихой части города, где-нибудь около Tiergarten'a.

Из Торуня писал уже тебе карточку. Мне бы очень хотелось передать все разнообразные впечатления этих дней. Мысли бежали, дробились и углублялись – впечатления дороги, чтений, впечатления Торуня, воспоминания – известия текущей жизни, обдумывание работы – все это временами утомляло, и я находился в непрестанном живом потоке мыслей. Временами раскрывалась их тесная, разнообразная завеса, и передо мной один момент проносилось настоящее бесконечное, я на миг туда заглядывал. И странно это бывало при очень сильной мысленной работе, иногда при отдельной «блеснувшей мысли», иногда перед минутной дорожной панорамой или красивой сценой. Но мысли не уловишь.

В Торунь приехал вечером, почти ночью. Город оказался очень далеко от вокзала, на другой стороне Вислы, и я долго ехал через огромный мост, по совершенно пустынным улицам заснувшей крепости. Первое впечатление было неприятное: долго провозился с багажом, надули с извозчиком, и я ехал, не зная, что найду, как выберусь. Казалось, лишний, ненужный расход и трата времени, так как меньше всего я хочу бивуачной жизни туриста.

Но утро, которое я провел в Торуня, дало мне много, и я совсем не жалею, что побывал в нем. Уже в 6 час городок поднялся. Я обошел его почти весь – путеводителя не оказалось, но я довольно быстро ориентировался и устроил знакомства! Наиболее интересно было мне восстановить картину Торуня того времени, когда он сыграл роль в истории мысли. История Коперника связана с Торуней и с Фрауэнбургом, и я привык считать его твердыней германизма. Это «крижацкий» город – центр германизма, и между тем до сих пор, после 100-летнего господства Пруссии и систематической германизации, Торунь наполовину **польский** город. По внешности это мало заметно: надписи почти все немецкие, только всюду мелькают славянские фамилии; но достаточно посетить первую католическую церковь, чтобы почувствовать

скрытое, но сильное биение иной стиснутой чуждыми рамками жизни. Католическое население сохранилось польское. Польская речь слышится среди простого народа, и здесь ведется энергичная борьба чисто народной газеты – «Gazeta Toruriska», с одним из редакторов которой я познакомился (другой сидит в тюрьме за статьи против немцев). Газета расходуется в 6000 экземпляров. Большая часть горожан, однако, немцы, но сохранившийся **внизу** до сих пор слой славянского народа дает как-то вполне ясно понять, что было в XV–XVI вв., когда культура поляков и польского общества была выше полуварварской тогда Пруссии крестоносцев, когда быстро ополячивались немецкие горожане и обратное явление не могло идти в **пределах** Польши. Эти впечатления для меня имели значение живого исторического факта.

О Копернике и от Коперника осталось здесь мало. Сохранились немногие дома, ратуша, церкви. В церкви Св. Яна, где он был священником, теперь находится как бы национальный музей, в котором сосредоточены следы былой исторической жизни Польши, и я как-то всей душой понял значение церкви в этой местности. Старинный, недоконченный собор напоминает мне гораздо более роскошные и сохраненные церкви Кракова... Это провинциальная церковь страны, где воцарились другая культура и другая вера. Недалеко безвкусный, казенный протестантский храм. В церковь Яна сносятся отовсюду старые иконы, надгробные памятники – времен Собеских и более новых, из старых, теперь уничтоженных католических церквей сюда снесены отдельные части – разных эпох, и все здесь приютилось, как бы в последнем убежище религиозно народного чувства... Коперник жил в эпоху протестантизма, его деятельность, однако, носила характер борьбы за католичество, и он был дружен с вождями реставрации католичества в Польше. Эта сторона его жизни – как и вся жизнь – до сих пор не поставлена в настоящие культурные рамки... Посетил в Торунь городской музей в ратуше и саму ратушу, затем польский музей, приютившийся в частной гостинице. Он содержится польским научным обществом, но все вещи принадлежат отдельным лицам, сохраняющим на них право собственности. Боясь секвестра прусского правительства. Я посетил его с Крумковским, редактором «Gazeta Toruriska». Научный интерес иссяк в здешнем польском обществе: здесь в Познани нет ни поляков ученых, ни литераторов – это Польша демократическая – очень странное делает впечатление. Крумковский, говоривший со мной смешанным русским языком (он знает ряд языков славянских), – живой, совсем не похожий на поляка, как мы их привыкли видеть, скорее на чеха, рассказывал мне много любопытного. Тут идет борьба **⟨не⟩** на жизнь, **⟨а на⟩** смерть с немцами и польский католический «хлоп» выходит победителем! Никто по-польски не учит – образованные классы не умеют грамотно писать по-польски: литература только политическая и «народная», но ясно и ярко чувствуется, как она сильно и цепко держится народной волей! Здесь поляки – сторонники русских и России, как чехи и другие славяне, и для меня было это новое явление, хотя я о нем раньше читал... Не буду теперь писать об этом – боюсь, не скучно ли тебе читать такие письма? Между прочим, любопытные народные переживания государственной жизни. Помимо всего, ежегодно Торунь посещается малорусским населением: это галицкие горцы, которые сплавляют сюда лес, – так называемые Flisak¹, и Тори и в русском говоре малороссов называется – Торунь. Это один из путей народных общений. Между прочим,

обратила ли ты внимание на грозное аграрное движение в Галичине – то же, что в Полтаве, но резче и сильнее.

Целую нежно. Что дуся²?

Твой Владимир

С величайшим и глубоким интересом читал дорогой Deussen'a «Geschichte der Philosophie»³ – его изложение индийской мне открывает многое. Читал еще Eucken'a «Lebensanschauungen der grossen Denker»⁴ – об этом позже. Здесь поразительное количество русской литературы.

Оп. 7, д. 48, лл. 35–36.

¹ Сплавщик, плотогон (пол.).

² Н.В. Вернадская.

³ Deussen Paul. Allgemeine Geschichte der Philosophie mit besonderer Berücksichtigung der Religionen. Leipzig: F.A. Brockhaus. Bd. 1, Abt. 1–3. 1894–1908; Bd. 2, Abt. 1–3. 1911–1917.

⁴ Eucken Rudolf. Die Lebensanschauungen der grossen Denker. Eine Entwicklungsgeschichte des Lebensproblems der Menschheit von Plato bis zur Gegenwart. Leipzig: Veit comp., 1890.

№ 636

3 августа/21 июля 1902 г., Берлин

Берлин, 3.VIII/21.VII 902, воскресенье, утро

Дорогая моя Наталочка, наконец вчера получил от тебя первое письмо: так был рад – давно не имел известий, и уже как-то было не по себе. Что, получила ли Ниноля¹ первую картинку раскрашенную, как она хотела (зайцы); сегодня посылаю другую. Начал работать в библиотеке и усердно занимаюсь. Сделал уже очень много благодаря способности быстро читать. Но передо мной раскрывается такая необъятная, плохо разработанная область, что я временами совсем нахожусь в смущении. Я теперь одновременно иду по разным следам, но пока не приступаю ни к каким крупным записям. Выясняю себе отдельные вопросы, главным образом касающиеся лиц: Неморария, Парацельса, Дависсона, Бартолина и т.д. Библиотека огромная; работаю в ней 8–9 час, выключая завтраки и т.д. Вечером сижу дома, читаю газеты и т.д. Сегодня библиотека закрыта; пойду в зоологический сад и музеи. Сговорился с Вормсом, который работает также в библиотеке. Александры Михайловны² нет в Берлине.

Передо мной раскрывается огромная, мало разработанная область человеческой мысли, но все время глубоко тяжелое чувство недостатка своих сил и знаний, но я убежден, что справлюсь. Странно, к этой области меня тянуло чуть не с самой ранней юности, а между тем у меня временами беспокойное чувство, что я отрываюсь в область, чуждую эксперимента. Между тем я так ясно и резко вижу, как недостаточно понимаются самые обычные наши идеи и законы науки благодаря недостаточной критически исторической оценке – такие воззрения, как сила, эволюция, энергия, эфир, волнообразное движение атома и т.д., требуют исторической критики: иначе они основаны на предрассудках и, несомненно, такой характер носят в умах очень многих и ученых и публики. Я еще не знаю, как расположу план курса³, у меня три плана. Один – очевидно, непосильный – изложение абстрактное: история на-

уки есть история мысли: человеческая мысль развивалась, и есть законы ее развития, так же как есть законы всякого другого естественного явления. Задачей истории наук должно явиться найти законы развития мысли, условия открытий, появление «гениев», внутреннего развития методов как научного мышления, так <и> опыта и наблюдений. Тут много любопытных вопросов: **почему** истина обыкновенно не понимается сразу, **каков** будет вероятный ход дальнейшего развития мысли, есть ли несколько или только **один** цикл развития человеческой мысли. Удивительны с этой точки зрения одинаковые приемы работы и научных открытий, которые появляются, например астрономические открытия древних американцев, и европейцев, <и> азиатов, хирургические аппараты японцев и европейцев и т.д. Но эта область – теперь недоступна мне для работы, так как нет такого и полного изложения фактов. Это дело будущего.

Я колеблюсь теперь между **двумя** путями. **Картина** развития мысли; общие схемы того, как шло это развитие и как постепенно достигалось научное самосознание. Необходимо в общих чертах идти в хронологическом порядке и, давая общую картину раскрытия перед человеческим сознанием науки, в то же время всюду указывать на отдельные самостоятельные течения, которые замирали, хотя указывали верный путь будущего. Это был бы правильный курс лекций, но для этого надо обладать гораздо большим образованием, чем имею я, так как надо тесно связать такую картину с развитием религии, философии, искусства и литературы, общественно-го сознания. Наконец, есть **третий** путь, на котором я, должно быть, остановлюсь: выработка основных идей научного мирозерцания: понятие о Вселенной, атоме, движении, эволюции, виде, химическом элементе, эфире, Земле, минерале, кристалле, ископаемых и т.д. Первая лекция – общее введение.

Нежно и крепко целую тебя, Нинулю. Поцелуй Марию Ивановну⁴. Пиши. Что Гулик⁵. Здесь холодно и дождливо, не знаю, ехать ли на море, разве на юг? Целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 40–41.

¹ Н.В. Вернадская.

² Калмыкова.

³ Речь идет о подготовке курса лекций «Очерки по истории современного научного мировоззрения», который В.И. Вернадский прочитал в 1902–1903 гг. в Московском университете. В процессе работы у него собрался огромный материал, который он хотел впоследствии оформить в виде книги. Но при жизни автора были опубликованы только первые три лекции в журнале «Вопросы философии и психологии» (СПб., 1902, № 65) под заглавием «О научном мировоззрении», которые несколько раз переиздавались. Остальные лекции впервые были опубликованы в 1981 г. (*Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки.* М.: Наука. Т. 1).

⁴ Старицкая.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 637

[3 августа/21 июля 1902 г., Берлин]¹

Дорогая моя, сегодня послал тебе письмо – забыл написать адрес, пиши мне прямо – Берлин, Jagerstrasse, 68, «Hotel Voje».

Иначе письмо будет странствовать на poste restante и т.д. Это маленький простой отель (Familien Heim)², все-таки в центре города, на окраинах только комнаты в семьях, что неудобно. Плачу 2 марки 25 пфеннигов (если бы взял на месяц, платил бы 2 марки) – недорого, чисто и тихо. Но на улице все-таки шумно.

Целую.

Твой Владимир

Сегодня от тебя опять нет письма.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава, Poltawa, Russie.**

Оп. 7, д. 48, л. 37.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Семейный приют (нем.).

№ 638

5 августа/23 июля 1902 г., Берлин

Берлин, 23.VII/6¹ VIII 902

Дорогая моя Наталочка, вчера и сегодня получил твои письма и очень благодарю тебя. Гулины² и Нютино³, Адино⁴ письма получил и Гулины на днях отошло.

У вас хорошая погода, а у нас ужасная: дождь и пасмурно; сегодня первый хороший (относительно) день. Если так будет продолжаться, то не стоит ехать к океану, а надо уж куда-нибудь на юг, например в Геную. От Георгия⁵ получил карточку, он в [...] ⁶ устал.

Много работаю и много думаю. Не буду тебе писать о настроении в связи с работой: оно нервное, неважное. Подавляют масса материала, малознание, слабость моих умственных сил. Нередко жалею, что вообще взял подобную работу. Но это, конечно, пустяки. Берлин не люблю, и он на меня сделал еще худшее впечатление, но библиотека чрезвычайно богата, достаю совсем редкие вещи, и я мирюсь и с Берлином, и с шумом в библиотеке. Надеюсь, что ты получаешь аккуратно мои письма и Нинуся⁷ тоже. Как бы мне хотелось ее видеть!!

Здесь теперь даже нет порядочной музыки – всюду оперетки (мне жалко тратить на них деньги), и только в одном театре дают другое, но все давали Верди, «Кармен» и т.п., и мне теперь не хотелось их слушать. Может быть, послезавтра пойду на «Севильского цирюльника»⁸ или на «Фиделио»⁹. В театре тоже не был. Был в Минералогическом музее, где не застал Клейна, но весь этот институт совсем захирел, так как во главе стоит вполне бездарный ученый, и для меня в нем ничего интересного: в минералогии и кристаллог-

рафии он отстал, хотя у них удивительные средства и удобства для работы, затем сегодня был в Kunstgewerbemuseum. Больше всего, однако, бываю в библиотеке. В один из первых хороших дней уеду куда-нибудь ins Griin¹⁰ на целый день.

Невольно много думаю над курсом¹¹ и нахожу его необычайно трудным, а между тем я ясно вижу, что если его не прочту, то ничего не сделаю. Вот приблизительно первая лекция – до середины XVII столетия. I. Введение – о задачах истории науки. Науки о неорганической природе и их роль в развитии мировоззрения. Они выяснились и разбились к середине или концу XVII столетия. Два их направления: 1) науки о Земле и космосе, 2) о материи и энергии. II. Наука в эпоху средних веков. Ее положение в связи с развитием философии и религии. Бессознательная коллективная работа. III. Выяснение формы и размеров Земли (Тосканелли, Колумб и т.д.). IV. Падение геоцентрической системы – Коперник. V. Падение системы эпициклов – современная система мира: Бруно, Кеплер, Галилей. VI. Создание методов и инструментов астрономии и физики. Браге, Галилей и Флорентийская академия. Микроскоп. Телескоп. Угломерные приборы. VII. Идея силы и первые динамические представления. Бенедетти. Галилей. VIII. Проникновение точного метода в химии. Парацельс. Алхимики. Бойль. IX. Выработки современной математики в связи с задачами, которые ставятся изучением неорганической природы. X. Эксперимент в науках описательных и науках о жизни: Везалий–Гарвей. XI. Зарождение точных описательных наук. XII. Наука, философия и религия к середине XVII в.

Мне хочется изложить это в 20–25 лекциях и довести, таким образом, почти до конца 17 столетия – когда уже начинается более резкая специализация, когда вновь мощно и глубоко расцвела философия и началось подавляющее влияние фактов.

Мне хочется все время продержаться этот курс в связи с развитием общих идей, с выяснением общего научного миросозерцания. Я думаю, что это совершенно самостоятельный фактор в нашей жизни, влияния которого никто не избежит. И тут чувствуется недостаток знаний. Завтра хочу начать писать. Но следует обработать так, чтобы через год напечатать.

Между прочим, здесь достал оба издания (16 века) Иордана Неморария – писателя, вероятно, XIII в., у которого нашлись совершенно точные и ясные указания на основные теоремы механики. Их открытие было сделано Галилеем, а предшественника видели в Леонардо да Винчи. Но все это так не изучено. Надо было бы изучить рукописи, так как **оба** издания неполные, а рукописи известны. Но это уже большая работа для будущего.

Нежно целую тебя и нашу драгоценную детку. Поцелуй Марию Ивановну¹².

Твой Владимир

P.S. Здесь ряд описаний полтавских событий¹³. Между прочим, есть знакомые имена – пишут о какой-то подписи (в письме) Александра Павловича¹⁴, в числе 11 человек, в котором жаловались на слабость, проявленную администрацией («Освобождение». № 2)¹⁵. Правда ли это?

Теперь читаю Данте – впервые по-итальянски: какая сила, и на меня местами он особенно теперь действует.

¹ В переводе со старого стиля на новый у В.И. Вернадского вкралась ошибка – 23 июля соответствовало не 6, а 5 августа.

² Г.В. Вернадский.

³ А.С. Короленко.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ Г.Е. Старицкий.

⁶ Название города написано неразборчиво.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Опера Д. Россини (1816).

⁹ Опера Л. Бетховена (1805).

¹⁰ За город (нем.).

¹¹ См. комментарий № 3 к письму № 636.

¹² Старицкая.

¹³ См. письмо № 614 и комментарий № 4 к нему.

¹⁴ Старицкий.

¹⁵ Нелегальный журнал русской либеральной интеллигенции и земцев-конституционалистов. С 1902 по 1905 г. за границей (Штутгарт–Париж) под редакцией П.Б. Струве вышло 79 номеров. Имеется в виду статья: *И. Крестьянские беспорядки. Письмо из Полтавы (Освобождение. 1902. № 2. С. 23–25)*, в которой автор писал: «Достаточно, кажется, свирепствовал губернатор, но все же не удовлетворились его подвигами некоторые господа помещики. Интересное собрание происходило в помещении губернской земской управы в то время, как свистела губернская розга по деревням. Собравшиеся решили принести жалобу на слабость, якобы проявленную администрацией, подписались под ней 11 чел.: член губернской управы А. Старицкий (помещик с. Васильевки), П. Гриневич – бывший член губернской управы и бывший председатель Константиноградской уездной управы князь Эристов – полтавский уездный предводитель дворянства (помещик д. Гавронцы) и другие ограбленные помещики» (с. 24).

№ 639

8 августа/26 июля 1902 г., Берлин

26.VII/8.VIII 902, Берлин

Дорогая моя!

Посылаю часть писем Гули¹, очень благодарю за письма. Удивляюсь, что не получаешь моих, я пишу почти через день. Кроме карточек и маленьких писем, написал, кажется, 4 больших (может быть 3?). Неужели пропадают? Вчера видел Александру Михайловну², она вернулась в Берлин. Очень приятно было ее видеть.

Вчера заказал платье у хорошего портного, но дорого – 70 марок!

Нежно целую. Получает ли деточка³ мои письма? Сегодня ей посылаю 3-е и сегодня или завтра 4-е.

Целую Марию Ивановну⁴.

Твой Владимир

¹ Г.В. Вернадский.

² Калмыкова.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Старицкая.

9 августа/27 июля¹ 1902 г., [Берлин]²

27.VII 902

Дорогая моя, посылаю еще одно письмо Гули³. Неужели ты все еще не получаешь моих писем? Я пишу очень часто. У нас все скверная погода, и я не знаю совсем, как устроиться с морем, во всяком случае, куда-нибудь да поеду, так как чувствую потребность. Работа моя идет очень хорошо: весь план ее у меня выяснился, и я теперь работаю над первыми главами⁴. Но сидя в библиотеке, не успеваю писать, и потому, во всяком случае, надо на несколько дней куда-нибудь уехать.

28.VIII

Получил твое письмо о смерти Петра Павловича⁵. Как это неожиданно, и как казалось неверным его предчувствие, что он не будет уже работать, что его деятельность кончена, о чем он говорил нам в последнее свидание. Его жизнь так бы еще была теперь нужна.

Меня все-таки беспокоит здоровье Нинули⁶, и я жду с нетерпением известий. Я уверен, что ты мне телеграфируешь, если ей будет нехорошо. Надо обратить внимание на ее желудок, так на вид она совсем хороша.

Сегодня совсем холодно. Я думаю, нельзя уже будет купаться ни в море, ни в океане, кажется, здесь сезон только до 15 августа н.ст.? Недавно вернулась Калмыкова с моря – холодно, и в газетах пишут, что все оттуда уезжают. Я все более склоняюсь к Копенгагену: 1) Данию никогда не видел, и интересно, 2) ближе и дешевле. Тогда думаю взять Rundreise⁷: Берлин–Копенгаген и т.д. Если поеду в Копенгаген, то проеду на побережье Рюген–Кенигсберг–Нюрнберг–Прага и т.д. Но еще окончательно не знаю. Здесь пробуду неделю, по крайней мере.

С Нютой⁸ – ужасно, и как тут помочь – трудно. Сейчас напишу.

Только что вернулся из прогулки с Вормсом: были утром в аквариум, а потом с час прогулялись по Tiergarten'у.

Нежно и крепко целую тебя и драгоценную Нинульку. Поцелуй Марию Ивановну⁹.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 38–39.

¹ Несмотря на то что письмо написано за границей, дата дана по ст.ст., так как о смерти своего дяди Петра Павловича Старицкого Н.Е. Вернадская сообщила в письме от 23 июля 1902 г. ст.ст.

² Письмо написано в Берлине, что следует из его содержания: В.И. Вернадский собирается купить билет Берлин–Копенгаген и т.д.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ См. комментарий № 3 к письму № 636.

⁵ Старицкий.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Круговая поездка (нем.).

⁸ А.С. Короленко. Речь идет о желании племянницы В.И. Вернадского продолжить образование на Высших женских курсах, против чего категорически возражала ее мать. В письме от 23 июля 1902 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Посылаю письмо Нюты. Ответь ей скорее и сделай что возможно. Это ужасно со стороны ее матери и тетки. Чудовищный эгоизм» (ф. 518, оп. 3, д. 268, л. 94 об.). См. об этом письма № 642 и 643).

⁹ Старицкая.

12 августа / 30 июля 1902 г., Берлин

Берлин, 30.VII 902

Дорогая моя Наталочка, я окончательно решил ехать в Копенгаген, туда мне и пиши (poste restante)¹. Думаю поселиться около Копенгагена в Skodsborg'e – довольно известном Seebad'e². Библиотеки там больше берлинских, сообщение с местом купания прекрасное и, судя по описаниям, красивые места. Если будет очень холодно, не буду купаться, думаю выехать в воскресенье или понедельник. Помимо всяких других соображений, гораздо приятнее ехать в неизвестные и красивые места, чем опять туда, куда мало тянет, как в Голландию. То, что я мало знаю датский язык, не имеет значения, все же я знаю его больше голландского.

Это время я весь под впечатлением столь неожиданной смерти Петра Павловича³! Так тяжело вообще, когда так уходят люди среди работы, среди нужды в них. Это был один из многих русских людей, которым жизнь не дала проявить все их силы: было бы другое, если бы не случилось 1 марта 1881 г.! и если бы земская жизнь получала полное и правильное развитие. Тогда он был в полном блеске сил... У меня лично всегда было такое теплое, сердечное чувство к нему, и так мало я ожидал его ухода... Мне бы хотелось, чтобы ты положила от нас венок на его могилу, или, если близкие думают почтить его память иным способом, приняла от нас в этом участие.

Деньги Попов вышлет, и напиши ему, чтобы выслал еще, если не хватит.

Здесь вчера весь вечер провел со мной Грабарь, проездом в Рейхенгалль около Мюнхена. Между прочим, он рассказывал о том, что Павел Иванович⁴ женится на его двоюродной сестре, Будилович. Эта история тянется давно, и не согласны родители, хотя она девушка совсем совершеннолетняя. Кажется, и теперь это решено помимо отца. По словам Грабаря, она умная девушка, с большим характером, но в последние 2–3 года жила в ужасной умственной и нравственной обстановке. Во всяком случае, все это очень неожиданно. Не правда ли?

Работа моя идет хорошо⁵ – в том смысле, что план курса совсем выясняется, но я почти ничего не написал, думаю писать главным образом в Дании. Передо мной стоят ясные картины, выясняются общие рамки работы. Первые главы мысленно очень обдуманы. Я представлял средние века – как непрерывную эпоху брожения человеческой мысли, но созданные, прочные и мощные формы постоянно подавляли неуклонно и интенсивно идущее стремление человеческой мысли в неизведанное. В этих формах – по их характеру – живое исследование и изучение природы, проявление отдельных личностей могло найти только два пути – сперва в ремесле и технике, где ему оказался простор в цеховых рамках, а затем в искусстве. И здесь традиция и формы работы почти не позволяют видеть проявление свободной и мыслящей человеческой личности, которая в действительности все создала. Одновременно всюду видно проявление брожения, искания новых, настоящих путей – в истории бесконечных религиозных сект, в постоянном появлении отдельных ученых, шедших отдельно, имена которых нам сохранились единицы из тысяч и т.д. Не было одного – не было неизбежного и необходимого **фиксирования** достигнутого отдельной личностью, ибо для того чтобы оно могло оказать

влияние на умы людей, необходимо время, необходимо преодоление известной инерции. То, что ими было создано, умирало с ними, быстро и легко уничтожалось враждебными формами жизни и также быстро искажалось в ближайшие же годы наростами сторонней, иногда идущей бесплодным путем мысли последователей. Но в середине, во второй половине XV столетия была создана такая фиксирующая сила, сделавшая **равными** в области мысли силы отдельной личности и враждебной или безразличной к ней среды. Такая великая, фиксирующая сила была создана в открытии **книгопечатания**. Оно вышло из той же среды, из которой вышли и другие открытия, где в рамках средневековой жизни таилась чуждая ее формам работа научных исследователей – из мастерских, из техники. Кто открыл книгопечатание? Неизвестно, лишь Гутенберг усовершенствовал то, что в несовершенной форме создано в мастерских Голландии, откуда позже появились рудименты и других столь же крупных открытий, как телескопа и микроскопа, а несколько раньше созданы элементы современной живописи. С книгопечатания победа мыслящей личности была обеспечена, и мы видим, как быстро, как ясно и сильно идет неуклонное развитие. Ко второй половине XVII столетия все основные элементы современной научной жизни вылились в ясные формы, и процесс их зарождения и составляет цель моего курса. Я думаю, что даже в той спешной и малообработанной форме, какую я придаю ему теперь, он дает много нового. Между прочим, выясняется любопытное влияние Аристотеля на возрождение естествознания, но об этом в конце курса.

Нежно и горячо целую и драгоценную детку⁶ и Гулика⁷, если он приехал. Поцелуй Марию Ивановну⁸.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 45–47.

¹ До востребования (фр.).

² Морской курорт (нем.).

³ Старицкий.

⁴ Новгородцев.

⁵ См. комментарий № 3 к письму № 636.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Старицкая.

№ 642

15/2 августа 1902 г., Берлин

2/15.VIII 902, Берлин

Дорогая моя Наталочка, Гале¹ писал, и о ней можно хлопотать, хотя я очень не уверен, чтобы можно было добиться результата, так как конкуренция очень большая. А она еще не писала мне, на какой хочет факультет!

У вас жарко, а здесь я мерзну, и постоянные дожди, так что здесь серьезное бедствие – пропал в значительной степени хороший урожай. Скоро думаю уехать в Копенгаген, где пробуду возможно дольше, может быть, удастся купаться? А оттуда я теперь думаю проехать северным путем, не возвращаясь в Германию, через Упсалу, Стокгольм, через Финляндию и Петербург. Но еще

определенно не знаю. Эти места я совсем не знаю, а между тем ехать почти одинаково долго и разве немногим дороже. В Копенгагене, Упсале и Стокгольме ознакомлюсь с минералогическими музеями и институтами, очень богатыми – там искони (особенно в Стокгольме) центр минералогических работ. Здесь вчера несколько часов провел в Горной академии, осматривая хорошо музей, которого я еще не видел. С точки зрения преподавания мне совсем здесь нечему учиться, и во многом у нас поставлено живее. Здесь какой-то fatum²: во главе кафедр полные ничтожности – Клейн в университете, Шейбе (еще хуже) в Горной академии, к счастью, их обоих не застал, в Политехникуме – Гиршвальд еще хуже. Теперь новая и очень важная кафедра в Горной академии – учения о рудных месторождениях – занята Крушем – тоже gar nichts³. Музей его пойду осматривать сегодня. Их всех нет, но здесь ассистент Шейбе – доктор Бэр, более живой и с интересом. Завтра хочу поехать в Штегелиц осмотреть Оптический институт Фуэсса.

Работаю больше всего в библиотеке, но пока еще мало пишу. А дома читаю текущие вещи и Данте: кончаю его «Inferno»⁴. Необыкновенно сильно передает она мировоззрение и кругозор прогрессивных людей, стоящих в рамках средневековой школы. Начал теперь читать по истории прикладных искусств и это время разбирался в истории эмали. Я чувствую, что проникаю в живущую среду, где складывалась современная научная мысль.

Нежно целую и мою родную крошку⁵. Гулик⁶ в Полтаве? Как он, отчего не пишет? Его письма к бабушке очень хорошие. Целую его нежно. Поцелуй Марию Ивановну⁷. Георгия⁸ приглашаю в Копенгаген.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 48–49.

¹ А.С. Короленко; см. комментарий № 8 к письму № 640 и письмо № 643.

² Судьба, рок (лат.).

³ Абсолютное ничто (нем.).

⁴ Ад (ит.), название первой части «Божественной комедии» Данте.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Старицкая.

⁸ Г.Е. Старицкий.

№ 643

17/4 августа 1902 г., Берлин

4/17.VIII 902, Берлин

Дорогая моя Наталочка, послезавтра утром уезжаю из Берлина – дня на два или на один в Нюрнберг, а затем, проехав через Берлин, в Копенгаген. Я думаю, что из Копенгагена поеду через Стокгольм к Финляндии. Может только задержать и заставит выбросить этот путь только страх морской болезни, если будет бурное море в конце августа.

Здесь Павел Иванович¹, который едет в Москву. О своих планах, о которых я тебе писал в прошлом письме, он молчит и, очевидно, Грабарь проболтался, не имея на то полномочий. Павел Иванович остается на курсах:

Герье во всем уступил² – были уже **избрания** профессоров, и с будущего года деканом на филологическом факультете будет Любавский. Между прочим, в профессора туда выбран Мануйлов, и, таким образом, и другой факультет курсов будет поставлен на правильную дорогу.

Мне уже хочется из Берлина – так он мне не по душе. Эти два дня теплых, но необыкновенно сумрачных; за целый день не видно солнца. Висит над городом какая-то серая пелена.

Отчего Гулечка³ мне не напишет? Что Нинуська⁴, не забыла меня? На днях я пришлю ей серию карточек, я не хочу посылать по одной, так как все-таки на почте через столько рук они перебиваются... Очень бы мне хотелось ее видеть.

Я уже тебе писал, чтобы ты мне писала в Копенгаген, *poste restante*⁵. Сегодня, воскресенье, все заперто; днем был в Музее естественно-историческом, а затем пойду вечером куда-нибудь с Павлом Ивановичем и Александрой Михайловной⁶. Оба они увлекаются Берлином, удивительно, какие разные бывают впечатления и настроения.

Нежно и крепко целую тебя. Поцелуй дорогую дочку. Приехал ли Гуля? Нежно целую всех.

Твой Владимир

P.S. О Нюте⁷ я написал Оле⁸ откровенно и прямо – боюсь, слишком резко, все, что думаю. Ее желание написать пришло слишком поздно. Не написав прямо, ничего нельзя было бы добиться. Я долго колебался, как быть. Куда писать Ивану⁹ – не знаю; я писал Маше¹⁰, спрашивая адрес Ивана, но ответа не получил, и где он, не знаю. Вероятно, должен быть раньше в СПб. из-за лекций? Боюсь, что не удастся устроить¹¹. Я считаю, что раз у Кати¹² не будет средств (?) для Нютиного учения, мы должны дать ей возможность кончить. Так я и писал. Что ты думаешь?

Оп. 7, д. 48, лл. 51–52.

¹ Новгородцев.

² Высшие женские курсы, см. комментарий № 10 к письму № 620.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ До востребования (фр.).

⁶ Калмыкова.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ О.И. Алексеева.

⁹ И.М. Гревс.

¹⁰ М.С. Гревс.

¹¹ Речь идет о продолжении образования А.С. Короленко на Высших женских курсах, куда она поступила, но по настоянию матери была вынуждена оставить учебу. См. комментарий № 8 к письму № 640.

¹² Е.И. Короленко.

20/7 августа 1902 г., Нюрнберг

Нюрнберг, 7/241 902

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда и завтра уезжаю. Переночую в Берлине и затем прямо в Копенгаген. Надеюсь очень там иметь письма твои, так глупо распорядился, что из Берлина их отправил прямо в Копенгаген (не рассчитал поезда и думал миновать Берлин). Ездил ночью изменять на почту, но, кажется, немцы не поняли, так как в день отъезда письма не получил.

Нюрнберг произвел на меня сильное впечатление. Он во многом остался старым городом на вид: здесь опять чувствуется энергическая сознательная жизнь демократии – совокупным усилием поколений и отдельных личностей город принял тот своеобразный, полный красоты вид, который резко отличает его от остальных современных городов. Он чем-то – совсем в другом роде – напоминает мне Флоренцию. Для меня все это было довольно неожиданно: так особенно ясно понимаешь, что именно в такой среде могли развиваться и из нее выходить те «мастера», которые явились в конце концов новаторами и в науке и в искусстве. Чрезвычайно интересен Германский музей: в нем чрезвычайно много любопытнейшего материала по истории науки, в первый раз я видел в большом количестве собранными приборы алхимиков и т.д. Я завтра все утро посвящу внимательному его осмотру. Гуле² посылаю 10 снимков с видов Нюрнберга, с рисунков пером Шотте, они передают картину города лучше, чем фотографии. Мне очень часто жаль, что его нет здесь со мной, так много бы открылось его молодому уму. А что наш малыш³? Получил ли серию картинок из Берлина? Как бы мне хотелось ее увидеть! Не забыла она меня?

Здесь много думается – и в области научной работы, и по отношению к русской жизни, и в области общих философских и религиозных вопросов. Я теперь обдумываю одну из первых вступительных лекций к курсу, которую, может быть, издам отдельно в «Вопросах философии», – об отношении науки и философии (отчасти религии) в развитии мысли⁴. Писать буду в Копенгагене. Странно, эти старые, давно уже складывавшиеся у меня мысли стали особенно ярки эти дни, благодаря разговорам с Павлом Ивановичем⁵ (с которым я не вполне согласен) и прочитанной брошюре кн. Кропоткина об анархизме и науке⁶. В этой последней Кропоткин дает любопытную и, по моему мнению, совершенно неверную картину развития человеческой научной мысли в 18–19 столетиях.

Ты знаешь, что я смотрю на значение философии в развитии знания совсем иначе, чем большинство натуралистов, и придаю ей огромное, плодотворное значение. Мне кажется, это стороны одного и того же процесса, стороны, совершенно неизбежные и неотделимые. Они отделяются только в нашем уме. Если бы одна из них заглохла, прекратился бы живой рост другой. Развитие научной мысли никогда долго не идет дедукцией или индукцией, оно должно иметь свои корни в другой, более полной поэзии и фантазии области: это или область **жизни**, или область **искусства**, или область, не связанная с точной дедукцией или индукцией, рационалистическим процессом – область **философии**. Философия всегда заключает зародыши, иногда даже предвосхищает

целые области будущего развития науки, и только благодаря одновременной работе человеческого ума в этой области получается правильная критика неизбежно схематических построений науки. В истории развития научной мысли можно ясно и точно проследить такое значение философии как **корней** и жизненной атмосферы научного мышления... Дорогой и здесь по вечерам читаю с невольным увлечением Deussen'a «Историю индийской философии» и великолепные, глубокие гимны Вед⁷!

Нежно тебя целую, мою дорогую, и моих двух дорогих детей. Что Гулька не пишет? Когда он едет в Москву? Забыл тебе ответить на твой вопрос, что письма Ивана Ильича⁸ и других я своевременно получил. Нежно целую. Поцелуй Марию Ивановну⁹. Что Евдокия Ивановна¹⁰?

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 53–54.

¹ Описка у В.И. Вернадского – 7 августа соответствовало 20 августа н. ст.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ См. комментарий № 3 к письму № 636.

⁵ Новгородцев.

⁶ *Кропоткин П.А.* Анархия: ее философия, ее идеал. Geneve, 1900.

⁷ См. комментарий № 3 к письму № 635.

⁸ Петрункевич.

⁹ Старицкая.

¹⁰ Голицына.

№ 645

21/8 августа 1902 г., [Копенгаген]¹

21/8.VIII 902

Дорогая моя, только что приехал в Копенгаген, нанял номер и отправился на почту, где получил всю свою корреспонденцию. Несколько дней не имел писем и здесь получил их три. Объясняюсь наполовину по-немецки, наполовину смело коверкая датский язык, например: *tre cartes-lettres*² и т.д. Погода недурная, но в море (2 часа) сильно качало, я, впрочем, перенес переезд превосходно. Завтра утром поеду в Skodsborg, мне хочется моря и не хочется жить в большом городе. Странное впечатление – вся страна, возделанная, напоминает слегка Голландию, очень оригинальная.

Нежно целую тебя и детей. Поцелуй Марию Ивановну³. Минутку в Берлине видел Нину⁴. У них все хорошо. Получили ли дети мои карточки-рисунки? Что и где Евдокия Ивановна⁵?

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**, Poltava, Russie.

Оп. 7, д. 48, л. 55.

¹ Письмо написано в Копенгагене, что следует из его содержания: «...только что приехал в Копенгаген...»

² Три (датский), закрытые почтовые карточки (фр.).

³ Старицкая.

⁴ Очевидно, Нина Егоровна Жедринская.

⁵ Голицына.

№ 646

23/10 августа 1902 г., Клампенборг

Klampenborg, 10/23.VIII 902

Дорогая моя Натуся, пишу тебе из Клампенборга, куда недавно переехал. Погода стоит исключительно холодная, и я не знаю, можно ли будет купаться. Сегодня я купался, но очень холодно, написано 12°R, но думаю – меньше. Но еще утром, когда купался, было значительно теплее, а к вечеру похолодало, и теперь пасмурно и холодно. Здесь совсем не то море, как океан где-нибудь в Шевенингене, совсем небольшое и несчастное, но все-таки приятное. Однако так холодно, что едва ли придется долго купаться, да я еще не уверен, придется ли. Клампенборг – минут 20 от Копенгагена, и каждый час есть поезд, поселился очень комфортабельно в «Bad Hotel» – тихо и хорошо. Недалеко огромный лес, буковый, отчасти сосновый, в несколько квадратных верст. Здесь хочу начать писать свой курс¹. Сегодня, однако, не придется. Был сегодня в университете, где познакомился с профессором Уссингом, и он угощал обедом (здесь в Клампенборге) меня и Маленграфа – минералога, бывшего раньше профессором в Амстердаме, а затем главным геологом Трансваальской республики. Теперь уже довольно поздно, они уехали, а я остался. Не успел сегодня рассмотреть хорошенько и минералогический институт, в котором много интересного. Маленграф едет теперь назад, в Преторию, и рассказывал довольно много любопытного: тип очень почтенного, хорошего ученого, но до конца мозга европейского «буржуа», но культурного «буржуа», смотрящего с негодованием на тех, кто все благо видит в деньгах, но в то же время считающего, что жизнь без комфорта и без известного цикла знаний не есть жизнь цивилизованного человека. И Маленграф и Уссинг – порядочные и точные работники, отчасти минералоги, но главным образом петрографы. Они ученики Грота, но теперь находятся под влиянием Брёггера, талантливого норвежского минералога.

Утром 11/24

Погода пасмурная, холодный ветер, должно быть, не решусь купаться. Сегодня съезжу в Копенгаген в музеи, но сегодня воскресенье, и все закрывается довольно рано. Затем хочу начать писать. Если нельзя будет купаться, не стоит здесь жить, и придется возвращаться назад, в Москву, так что, может быть, я вернусь раньше, чем думал. Окна моей комнаты выходят в сад и в море, даже в такую погоду Зунд хорош, вдали видны корабли. Обыкновенно, говорят местные жители, вода в Зунде в это время слишком теплая, а теперь такая холодная, что с трудом можно купаться. В океане и открытом море, должно быть, еще холоднее. Местные жители не запомнят такого лета. Я не думаю теперь ехать в Стокгольм – очень далеко, хотя и интересно, а, вероятно, поеду назад ближайшим путем через Штеттин, Данциг, Варшаву. Однако

еще не знаю – может быть, поеду в Стокгольм, чтобы воспользоваться случаем. С другой стороны, надо писать...

Мне уже хочется скорее быть на месте, так как здесь при невозможности купаться чувствую себя не причем. Чисто туристических наклонностей у меня нет. Завтра пойду в библиотеку.

Нежно и крепко целую тебя, Гулю², Нинуську³. Георгий⁴ мне писал, что он уже собирается скоро быть в Полтаве. Пашин⁵ мешочек в Берлине достал, но в нем ничего не было. Его вещи взяты были тогда же. Семья этих Зигмундов (которые переехали) произвела на меня впечатление очень порядочных людей. Нежно целую. Поцелуй от меня Марию Ивановну⁶.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 56–57.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 636.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.Е. Старицкий.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Старицкая.

№ 647

26/13 августа 1902 г., Клампенборг

Клампенборг, 13/26.VIII, утро

Дорогая моя, собрался было совсем уезжать – такая невозможная погода, но сегодня хороший теплый день, и я еще остался, чтобы выждать, нельзя ли купаться. Но эти дни мне вообще как-то не по себе, думаю, с желудком, а сегодня ночью начались такие боли под ложечкой (желудок?), чуть не до крику. И сейчас опять повторились, что-то вроде спазм. Никогда у меня этого не было, и я уже думаю, не простудился ли я, купаясь в тот холодный день, так как в слабой степени под ложечкой болело все эти дни. Если еще повторится, то и завтра не решусь купаться, а уеду. Я думаю теперь ехать в Дрезден, а затем домой и, может быть, через Полтаву, так как теперь это небольшая разница. Сидеть здесь не имеет смысла, раз нельзя купаться. Я тебе буду телеграфировать, если решу ехать в Дрезден. Неудачна сюда поездка! Да и вообще, может быть, напрасно поездил и истратил деньги: можно было бы в библиотеке и в Москве получить почти то же.

Начал писать, и работа идет медленно, но, мне кажется, удачно. Я стараюсь отделать мысль, но боюсь, что слишком разрастется работа и общее философское введение займет почти две лекции, если не больше¹. Но, с другой стороны, нельзя не остановиться на этих основных воззрениях. Я с интересом работаю над этими вопросами, которые здесь только намечаю, до известной степени здесь ставлю *points sur les* i² долголетней своей мыслительной работы. Очень часто, однако, становится жутко выступать с окончательной оформленностью своей мысли, к которой я не питаю большого уважения и не считаю ее подлежащей публичному выступлению. Было бы приятнее оставить это все для себя и продолжать так же работать, как работал до сих пор. Заставляют меня выступить внешние рамки профессора и сознание необхо-

димости выражения такой внутренней работы заурядного научного рабочего, каким я себя знаю, в академической жизни, а следовательно, и в литературе. То, что я передумываю и перечувствую, – передумывали и перечувствовали многие другие точные исследователи в настоящее время. А в России перед молодежью должны выступать люди убеждения, должны ставиться общие вопросы, особенно когда они ставят на должное место то, что в жизни теперь теряет свое значение. Для меня этот курс и эта книга (а я теперь ясно вижу, что у меня выйдет – и скоро – книга) есть выражение общественных, гражданских обязанностей.

Как бы то ни было, работаю, и работа укладывается в рамки. Сейчас опять пройду гулять и, если не повторятся боли, поеду в Копенгаген, хочу осмотреть художественные музеи. Работа теперь складывается так, что непосредственно сейчас же можно и не рыться в библиотеке.

Нежно и горячо целую тебя и детишек³. Поцелуй Марию Ивановну⁴.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 58–59.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 636.

² Точки над «и» (фр.).

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

⁴ Старицкая.

№ 648

26/13 августа 1902 г., Клампенбург

Клампенбург, 13.VIII 902

Дорогая моя!

Посылаю поразительный гимн Ригведы¹ в метрическом переводе Дейсена²; он довольно, по-видимому, точно отвечает содержанию. Попробуй перевести. Это произведение неизвестного поэта (и крупнейшего мыслителя?), жившего minimum за 1000 лет до Христа, за много столетий раньше Будды, Сократа и всей греческой философии и науки. А как он **современен**, как глубоко заставляет он теперь даже биться мысль. Я вижу в нем первый скачок в бесконечное, так как таким великим сомнением отрицается творец всякого рода (богов – обычных – он поставил уже сам **после** создания мира) и корень бытия переносится в находящееся вне мира (Nicht Sein) – в нарождающееся и исчезающее, неуловимое и необъяснимое – влечение сердца, в чувство любви. Пожалуйста, постарайся перевести.

14.VIII

Завтра отсюда уезжаю. Погода совершенно невозможная: опять холодно, дождь, и никакой надежды на улучшение. Еду в Дрезден, а затем в Россию. Пробуду в Дрездене недолго. Чувствую себя так себе: все-таки голова временами тяжелая.

Пишу, идет, однако, медленно, но у меня совсем ясен план, и, следовательно, берет время только процесс писания³. Мог бы писать и в Полтаве, так как мне никуда теперь не приходится (идти) справляться: некогда, и все

справки и окончательную отделку откладываю до Москвы. Нежно и горячо целую. Поцелуй Нинулю⁴.

Твой Владимир

Гуля⁵ уехла?

RIGVEDA X. 129

1. Damals war nicht das Nichtsein, noch das Sein,
Kein Luftraum war, kein Himmel drüber. –
Wer hielt in Hut die Welt; wer schloss sie ein?
Wo war der tiefe Abgrund, wo das Meer?
2. Nicht Tod war damals noch Unsterblichkeit,
Nicht war die Nacht, der Tag nicht offenbar. –
Es hauchte windlos in Ursprünglichkeit
Das Eine, ausser dem kein andres war.
3. Von Dunkel war die ganze Welt bedeckt,
Ein Ozean ohne Licht, in Nacht verloren; –
Da ward, was in der Schale war versteckt,
Das Eine durch der Glutpein Kraft geboren
4. Aus diesem ging hervor **zuerst entstanden,**
Als der Erkenntnis Samenkeim, die Liebe; –
Des Daseins Wurzelung im Nichtsein fanden⁶
Die Weisen, forschend **in des Herzens Triebe**
5. Als quer hindurch sie ihre Messschnur legten,
Was war da unterhalb? und was war ober? –
Keimträger waren, **Kräfte**, die **sich** regten,
Selbstsetzung drunten, Angespantheit droben.
6. Doch, wem ist auszuforschen es gelungen,
Wer hat, woher die Schöpfung stammt, vemommen?
Die Götter sind **diesseits** von ihr entsprungen!
Wer sagt es also, wo sie hergekommen? –
7. Er, der die Schöpfung hat hervorgebracht,
Der auf sie schaut im höchsten Himmelslicht,
Der sie gemacht hat **oder nicht gemacht,**
Der weiss es! – **oder weiss auch er es nicht**⁷?

Оп. 7, д. 48, лл. 60–61.

¹ Ригведа – собрание преимущественно религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы. Оформился к X в. до н.э.

² *Deussen Paul*. Allgemeine Geschichte der Philosophie mit besonderer Berticksichtigung der Religionen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1894. S. 126–127.

³ См. комментарий № 3 к письму № 636.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Три строки В.И. Вернадский отметил вертикальной чертой и около них слева на полях написал: «Какая удивительная мысль! NB!»

⁷ Последние две строки В.И. Вернадский отметил вертикальной чертой и слева на полях написал: «NB!!»

№ 649

30/17 августа 1902 г., Дрезден

Дрезден, 17.VIII 902

Дорогая моя, вчера рано утром приехал и на днях уезжаю. Думаю ехать прямо в Москву, был бы не прочь заехать в Прагу, Бреславль и поэкскурсировать, но нет времени. Надо писать, и так уже нехорошо, что отчасти прервал свою работу. Еду завтра в Фрейберг и оттуда прямо в Москву. Туда и пиши. Оттуда – через день, на день-два заеду в Вернадовку, где необходимо быть по хозяйственным соображениям. Всячески пытался выкроить приезд в Полтаву, не удалось.

Чувствую себя так себе: я думаю, мне довольно-таки вредна ресторанный и гостиничная жизнь. Мысль работает очень сильно. Работу – «Введение» – скоро кончу (уже написал 35 страниц), но оно разрослось¹. Все сильнее поднимается чувство недовольства им, но стараюсь ему не поддаваться. Хотелось бы скорее быть вместе, не опаздывай в Москву. Ты мне не писала, где Евдокия Ивановна² – может быть, она здесь близко?

Нежно и горячо целую тебя и Нинолю³.

Твой Владимир

Поцелуй Марию Ивановну⁴.

Для Гули⁵, верно, лучше, что я раньше приеду, но ты не опаздывай. Вчера видел здесь Янжула, произвел он на меня тяжелое впечатление: больной, озлобленный и переживший себя.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава, Poltava, Russie.

Оп. 7, д. 48, л. 62.

---

¹ См. комментарий № 3 к письму № 636.

² Голицына.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Старицкая.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 650

31/18 [августа] 1902 г., Дрезден

Дрезден, 18/31 902

Дорогая моя, сегодня от тебя не было письма. Вчера я получил твое письмо от 11 августа, пересланное мне из Копенгагена, но еще вчера же ждал прямого письма по телеграмме из Копенгагена. Оно должно было бы быть получено, если бы ты написала вскоре после телеграммы. Еще два дня я буду пользоваться здешней почтой и затем не буду иметь известий до Москвы. Хотел ехать сегодня вечером в Фрейберг, но отложил до утра, так как сегодня все заперто (воскресенье), а затем вечером хочу пойти в оперу – дают «Волшебную флейту» Моцарта, которую я никогда не слышал. Вчера был также в опере, давали очень красивые места «Летучего голландца» Вагнера, от-

дельные части которого я слышал только в концертах. Оркестр очень хорош. Из Фрейберга, чтобы не ехать ночью здесь, выеду, должно быть, утром рано 20-го и поеду прямо в Москву.

Чувствую себя так себе. Ожидаю очень тяжелого года, и все, что случилось этим летом у нас, дает мало утешительного. Так это тяжело. В университете, в центре всех тяжелых событий¹, трудно спокойно научно заниматься, а все же для научной работы надо спокойствие. Но ничего не поделаешь.

Я урывками пишу дальше свое «Введение»². Очень неудобна такая перерывчатая работа. В общем я им не особенно доволен: мне не удастся выразить то, что я бы хотел, и постоянно при этой работе чувствую слабость своего ума и недостаток знаний, нередко довольно элементарных. И это довольно мучительно.

Сегодня послал 16 открытых карточек Нинуле³. Скажи ей, что я страшно по ней соскучился и надеюсь, что она не запоздает в Москву.

Чувствую себя так себе, все головные боли и тяжесть в голове часто, а затем временами сердце неважно и желудок. Все старческие немочи!

Нежно и горячо целую тебя, моя дорогая, и поцелуй Нинуську. Поцелуй Марию Ивановну⁴ и Георгия⁵, Маку⁶.

Твой Владимир

Что Мака? Переехала ли она в Полтаву?

Мне очень бы хотелось прочесть тебе свою работу до лекций. Я думаю начать курс по истории науки в начале сентября. Теперь, между прочим, читаю с интересом Намак'а «Das Wesen des Christentums»⁷. О вопросах религии это время много думал.

Оп. 7, д. 48, лл. 63–64.

---

¹ В.И. Вернадский имел в виду мощные студенческие выступления, которые неоднократно прерывали занятия в 1901/1902 учебном году и в результате которых несколько сот студентов были исключены из университета и высланы из Москвы на 2–4 года без права поступления в другие университеты и без права преподавания.

² См. комментарий № 3 к письму № 636.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Старицкая.

⁵ Г.Е. Старицкий.

⁶ Мария Егоровна Старицкая.

⁷ *Harnack Adolf. Das Wesen des Christentums. Leipzig: J.C. Hinrichssche Buchhandlung, 1907.*

№ 651

2–3 сентября/20–21 августа 1902 г., Дрезден, Прага

Дрезден, 2.IX 902, вагон ж. д.

Дорогая моя, сегодня утром приехал из Фрейберга и еду в Прагу. Долго колебался, жалко денег и времени, главным образом денег, так как, вероятно, приеду на день позже в Москву, может быть, еще заеду в Краков. Вышла судьба. Отправился на почту получать твои письма и опоздал к поезду. Сегодня получил твое письмо от 16.VII, моя дорогая. Ты уже теперь знаешь причину моего отъезда из Копенгагена. А теперь чудная погода! Только что выехал из

Зунда и попал на континент, началась хорошая погода. В море была порядочная качка, и большинство пассажиров страдало, но я нет, и думаю теперь, что не подвержен морской болезни.

Очень жаль, что не удалось покупаться.

Нежно целую тебя и детку¹. Поцелуй Марию Ивановну² и Георгия³.

Твой Владимир

Осталась немецкая марка, хочу использовать.

В Фрейберге вчера с большим интересом осмотрел большие минералогические собрания, видел обоих профессоров – Баха и Колобяна.

Чувствую себя так себе. Хочется скорее работы без переездов, а то прервал писание, что очень неудобно. Когда будешь в Москве?

Мешочек Паши⁴ везу.

Прага, 3.IX 902, утро

Не удалось послать в Германии, так как таможенный осмотр был первой остановкой. Еду или сегодня вечером и тогда пробуду несколько часов в Кракове, или завтра утром и пробуду в Варшаве. Прага удивительно оригинальный город, и я вчера до сумерек бродил в разных его частях. Странно, есть сходство с Москвой – католическая Москва. Сейчас иду в музей, где надеюсь застать Славика – минералога, с которым я в переписке, но вчера не видел.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 65–66.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Старицкая.

³ Г.Е. Старицкий.

⁴ П.Е. Старицкий.

№ 652

23 августа¹ 1902 г., Варшава

Варшава, 23.VIII 902

Дорогая моя, еду сейчас в Москву самым скорым поездом. Буду там завтра днем. Удивительно хорошая здесь стоит погода по сравнению с севером! Из Москвы напишу подробнее, вероятно, сейчас же уеду в Вернадовку, где надо будет пробыть дня 2–3.

Нежно и горячо целую тебя и деточку². Поцелуй Марию Ивановну³, и Георгия⁴, и Макочку⁵.

Твой Владимир

P.S. Забыл написать, что из посланных 16 картинок Нине – 3 (головы животных) посылает их ей Калмыкова, которая просила непременно напомнить об этом Нине.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 48, л. 67.

---

¹ 23 августа ст.ст.

² Н.В. Вернадская.

³ Старицкая.

⁴ Г.Е. Старицкий.

⁵ М.Е. Старицкая.

№ 653

3 сентября 1902 г., Москва

Москва, 3.IX 902

Дорогая моя, ждал тебя сегодня, но, к большому огорчению, вместо этого твоя карточка, что ты думаешь остаться еще несколько дней в Полтаве. Как бы ты не попала под разьезды курских маневров. Очень меня беспокоит это, выбрали для переезда с Нинусей¹ самое скверное время. Теперь бы ты переехала хорошо.

Масса работы. Завтра лекции и в четверг. Также завтра очень важное факультетское заседание, в пятницу профессорское заседание. Масса возни с университетскими и кабинетными делами. Ждал было тебя и не переходил в вычищенную спальную, но теперь перехожу завтра: неудобно на бивуаке, да и устаю на неустроенном.

Пишу вечером. Только что ушли братья Трубецкие² и Павел Иванович³. Много теперь всяких серьезных событий.

Нежно целую.

Твой Владимир

Скажи Нинульке, что я крепко ее целую и жду сюда.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 48, л. 68.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие.

³ Новгородцев.

№ 654

6 сентября 1902 г., [Москва]¹

6.IX 902

Дорогая моя, вчера получил от тебя письмо, из которого вижу, что это письмо еще застанет тебя в Полтаве. Пишу несколько слов, так как все-таки надеюсь скоро увидимся и не пишется. Ты спрашиваешь моего мнения о вашей задержке, но ведь ты его прекрасно знаешь, я не согласен в этом отношении с тобою и не понимаю, зачем тебе формальное согласие, раз по

существо я согласиться не могу. Вызывать же по телеграфу и т.д., как ты пишешь, не могу, так как вообще неприятно быть в такой роли. Я не согласен не только потому, что вообще эта первая половина сентября всегда самая трудная часть времени, когда накапливается масса работы и очень неудобно неустройство дома, но еще и потому, что считаю, что неблагоприятно перевозить Нину² на север с юга в скверную погоду, а здесь погода держится только до середины сентября. Много и не раз мы с тобою об этом говорили. Я был так уверен в том, что ты приедешь вовремя, что у тебя остались мои бумаги к лекциям, и мне теперь не совсем удобно справляться. Ну, да в общем справился, лишняя только работа. К сожалению, ты пропустила удобное время для перевозки Нины, и я боюсь, что теперь попадешь в разгар маневров: справься и узнай, как это дело обстоит. Может быть, тебе надо будет переждать. В конце сентября, около 23, я уеду на земское собрание в Моршанск.

Гуля³ ведет себя прекрасно, хорошо работает, но и для него так, как устроилось, я не считаю полезным.

Чувствую себя так себе, сегодня начал лечить зубы. Лекции начались, и масса всякой работы. Вчера у меня были Иван Ильич и Михаил Ильич⁴, последний приезжал сюда лечиться, он вдруг оглох. Поправился. Самойлов утвержден с 1-го сентября⁵. Очень за него рад. У бедного Тихоновича несчастье: жена умирает от родов (мальчик), заражение крови. Вот ужас! Надежды мало. В Крыму был проездом Борис⁶: не забудь узнать о его стихотворениях. Он молодцом. Был от тебя (ты не писала? – ничего не получил) и Корол. (?)⁷ студент Павел Сильвинский, его устроил. Аню⁸ эти дни не видел. Раньше обедал у нее, но я устаю теперь эти часы и теперь обедаю дома.

Нежно и горячо целую тебя и Нинульку, нашу баловницу. Поцелуй Марию Ивановну⁹, Маку¹⁰, Георгия¹¹.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 48, лл. 69–70.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: «...лекции начались» и т.д.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Петрункевичи.

⁵ Я.В. Самойлов 1 сентября 1902 г. утвержден профессором Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии.

⁶ Возможно, Б.К. Алексеев.

⁷ Фамилия написана сокращенно, вопросительный знак проставлен В.И. Вернадским.

⁸ А.Е. Любоцинская.

⁹ Старицкая.

¹⁰ М.Е. Старицкая.

¹¹ Г.Е. Старицкий.

6 декабря 1902 г., Тамбов

Тамбов, 6.XII 902

Дорогая моя, вчера был на земском собрании, пока очень вялое и скучное, но есть интересные дела. Сегодня заседание с 2 час, и опять будет заседание неинтересное. Поселился вместе с Марком¹, ночью, когда приехал, спросо-нья мне сказали, что он уехал в Москву, и я едва нашел помещение в какой-то плохонькой гостинице рядом и утром зашел в «Славянскую» узнать, не оставил ли мне Марк писем, оказалось он сам тут!

В общем настроение собрания очень вялое, обыденное, но, как всегда, для меня интересное, когда я погружаюсь в местную жизнь, которую наблюдаю много лет. Будут важные и вопросы о народном образовании...

Нежно целую. Как ведут себя Гулик² и Нинулька³? Очень жду от тебя известий. Корректур не получал⁴.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Борисоглебский (д. Писемского), Поварская, Москва.

Оп. 7, д. 48, л. 71.

¹ М.М. Любошинский.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Возможно: *Вернадский В.И.* Основы кристаллографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1903.

8 декабря 1902 г., [Тамбов]¹

XII 902, утро

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов. Собрание очень вялое и затягивается (может быть, сознательно) на мелочных или безразличных в общественном отношении вопросах. Иначе идет работа в комиссиях, которые в общем пришли к хорошим результатам. Чолокаев держится такой политики, что не пускает на первое рассмотрение доклады, имеющие мало-мальски политический, общественный характер, и тянет собрание, беря его измором. Очень вероятно, что оно скоро разъедется. Воронежская история получила большую огласку и вызвала большое возбуждение, многих испугав. Воронежское губернское собрание не состоялось (впервые в течение 40 почти лет), в значительной степени под тем впечатлением, что при таких угнетенных условиях гласные не находят возможности работать. Это повторение студенческой забастовки! Всюду странные ((и) в общем досадные) формы русской оппозиции. Вчера...² прошло несколько принципиальных вопросов, но боюсь, ... до собрания Марк³ мучился от зубной боли, а к [врачу] ид[ти] не хочет. В общем здоров.

Нежно целую и детей⁴ и тебя.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Борисоглебский, 9 (у Поварской), **Москва**.

Оп. 7, д. 48, л. 72.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Здесь и далее утрачен текст (оторван угол открытки).

³ М.М. Любошинский.

⁴ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 657¹

3 апреля 1903 г., Новая Александрия

⟨№⟩ 1²

Н. Александрия, 3.IV 903

Дорогая моя, пишу несколько слов. Вчера доехали прекрасно и вечером уже сделали экскурсию в окрестности, чудная была погода, и мы переправились на лодке через Вислу, посетив интересные места. Места здесь очень красивые. Сегодня едем за 16 верст в Казимерж, а ночью выезжаем в Домброво. Яков Владимирович³ встретил страшно радушно, и здесь я застал Сиому, чувствую себя старым профессором. И странно, многое в деятельности приобретает другую окраску. Гуля⁴, кажется, не скучает, и я надеюсь, ему не будет скучно.

Погода изменилась, снег сейчас [толчуга], но тепло, и мы все-таки едем. Хорошо, что захватили высокие сапоги.

С нетерпением жду известий о тебе и Нинусе⁵. Нежно целую всех.

Твой Владимир

Пиши ⟨в⟩ Новую Александрию, профессору Якову Владимировичу Самойлову для передачи (первое письмо – в Кельце).

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 49, л. 1.

---

¹ Письма 657–659 отправлены из Царства Польского, где В.И. Вернадский вместе с сыном Георгием и учениками И.Ф. Сиомой, К.А. Ненадкевичем и А.Н. Криштофовичем 1–15 апреля 1903 г. проводили экскурсию по маршруту: Новая Александрия, Казимерж, Домброво, Сосновец, Олькуш, Кельце. Экскурсию помог организовать и принял в ней участие ученик В.И. Вернадского профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства Я.В. Самойлов.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Самойлов.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Н.В. Вернадская.

6 апреля 1903 г., Кельце

⟨№⟩ 2¹

Кельце, 6.IV 903, утро

Дорогая моя, сегодня Пасха, сидим в Кельце, и кругом снежный буран. Идет мокрый, липкий снег и дует страшный вихрь. Вероятно, наш сегодняшний маршрут придется изменить и вообще многое изменить из-за погоды.

Вначале она нам благоприятствовала. Здесь все было в цвету, цветут плодовые деревья, уже зеленеют леса, и на полях масса цветов и травы, и первые дни около Новой Александрии и в Домброве мы много видели, и перед нами начали разворачиваться основные черты совершенно не изученной, но полной интереса минералогии Польши. Край любопытный и чрезвычайно интересный в этом отношении. То, что мы видели в Домброве, я нигде никогда не видел, и передо мной стала в резкой и яркой ясности картина новейших химических процессов, шедших, как ясно, на огромном пространстве всего этого края и едва затронутым в легких и нередко ошибочных штрихах геологами и минералогами первой половины XIX столетия. В Домбровском руднике «Париж» мы видели чуть ли не единственную в большом каменноугольном бассейне разработку каменного угля «разносом», т.е. разработку каменного угля на поверхности, не только из глубоких колодцев или шахт. Перед нами в огромной яме, выработанной работой сотен людей десятки лет перед нами, открылись мощный (до 20 м) пласт каменного угля, уходящий на земную глубину, и местами в виде остатков небольшие холмики из чистого каменного угля. Этот пласт, так называемый Regen – богатство всего Силезского бассейна, исключителен по своей мощности, и только в миниатюре я нечто подобное видел в Центральной Франции. Посещение этого рудника было в высшей степени поучительно, так как оно открыло мне много для меня новых черт из минералогической истории этого тела, и здесь мы собрали богатейший материал раньше совершенно неизвестных в науке кристаллических минералов этой местности. Каменный уголь прорезан более новой трещиной, и по ней подымались растворы, осаждавшие горный хрусталь, соединения железа и цинка.

В Домброве нигде нельзя было ночевать, и мы отправились ночевать в новый город Сосновец, на самой границе; был дождь и слякоть, приехали вечером. Утром вчера проснулись, и новый вид – кругом зима. Мы все-таки поехали по железной дороге, верст 80–100, в Олькуш – центр цинковых рудников, единственных в России. Такой тип отложений цинка некогда существовал еще в Прусской Силезии, затем в Северной Африке. Некоторый аналог ему представляет колоссальное месторождение Альтенберг около Ахена, богатство которого быстро уменьшается. При страшном снеге и вьюге мы поехали на лошадях в Болеслав, за 6 верст, надеясь видеть там что-нибудь в шахтах, и в общем превосходно видели и рассмотрели главную разработку этой местности (и России), большею частью оставаясь под землей. Гуля² впервые был в шахтах, но мы не спускались по колодцам (шахтам), а прошли более удобно по боковым спускающимся вниз ходам – штольням. Но все другие части поездки в Олькуш пришлось отбросить. Земля на несколько вершков покрылась снегом; мы решили ехать в Кельце, центр нашей экскурсии. Здесь снега не было, а ночью он пошел и здесь, и теперь кругом липкий снег.

Гуля ведет себя очень хорошо, и я думаю, ему очень интересно. А я чувствую себя довольно странно в качестве уже старого профессора. Мы смеемся, что я окружен учениками разных поколений – профессор Самойлов, ассистент Сиома, студент Ненадкевич и гимназист Гуля. Сегодня Ненадкевича уже нет, и эту часть экскурсии мы делаем вчетвером. Много разных вопросов подымается и дебатруется нами, и очень много видишь и слышишь интересного из жизни здешнего края. Читать приходится мало, но поездка сталкивает с жизнью на каждом шагу.

Нежно и крепко целую тебя и всех. Что моя дорогая Нинуля³? Вспоминает ли она меня? С нетерпением жду твоего письма сюда, которое надеюсь получить завтра.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 2–4.

---

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

№ 659

9 апреля 1903 г., Кельце

№ 3¹

8.IV 903, Кельце

Дорогая моя, вчера получил твое письмо и карточку и очень был рад. Мы весь день вчера просидели в городе. Был снежный буран, о котором жители не запомнят и лет 30. К вечеру перестал снег, но было холодно и нельзя было выйти никуда из города. Уже помышляли бросить экскурсию. Сегодня утром было еще холодно, еще не стаял снег, но мы отправились в каменоломни Буквки и Ветржно около города. После полудня погода разъяснилась, и теперь я пишу тебе между двумя экскурсиями (около 5-ти вечера) при солнце, в городе совсем нет снега, и за городом он исчезает. Гуля² с Сиомой отправились в [Кадрусню] в 1 1/2 верстах от Кельце, а я жду пальто, которое порвал, и пользуюсь временем набросать тебе несколько строк.

Много интересного, и мысль работает все время, много вижу, наконец, пребывание на воздухе и в другой обстановке – очень хорошо. Чувствую, что отдыхаю от текущей работы и опять набираюсь сил для нового рабочего периода. Очень любопытно и много дает и то, что улавливаешь из польской жизни.

Здесь разговоры с Сиомой и Самойловым ставят передо мною много нового в смысле оценки тех сторон деятельности, которую я как-то упускал из виду и не принимал во внимание. Это совершенно новые отношения самостоятельно работающих учеников и их **старшего** товарища. Оказывается, что они гораздо больше сознают себя школой, чем я...

Вчера не успел дописать. Только что вернулись в город, и в перерыве между экскурсиями пишу еще раз. Утром ездили на Медяну Гуру (Медную Гору), где лежат старинные заброшенные разработки медных руд. Местность чудная, и погода была очень хорошая, и теперь светло, тепло, прекрасные виды и воздух.

Мне хочется вернуться к затронутой вчера теме. Я не понимал ясно, что, в сущности говоря, и по методам работы и по целям все у меня работавшие представляют нечто цельное и уже между ними идут с другими споры, толки и разговоры, они возбуждают и возражения и нападают; в то же время все чувствуют себя чем-то единым. Для меня это было совершенно неожиданно, и я в сильной степени, гораздо более резкой, чем раньше, чувствую ответственность за характер и направление работ своих и учеников. Между прочим, выясняется, что, может быть, удастся устроить Попова профессором в Екатеринославе, по крайней мере, я начну хлопоты, так как это хорошо и для его здоровья.

Из газет вижу, что везде необычайные снежные бури. Как-то у вас? Скоро пять лет Нинуле³, хотел написать «крошке», но это к ней не подходит. Гуля большой и ведет себя хорошо.

Нежно и крепко целую тебя и Нинулю и всех (нетерпеливо жду письма в Новую Александрию).

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 7–8.

---

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

№ 660

[13 апреля 1903 г.]¹, Ивангород

Ивангород

Дорогая моя, пишу с дороги в Москву. В Новую Александрию приехали на пароходе по Висле из Сандомира. В Новой Александрии застали твои 2 письма, очень был рад их получить.

Гуля² чувствует себя прекрасно и очень доволен экскурсией, и видели мы довольно много.

Нежно целую.

Твой Владимир

Поцелуй всех и Нинулю³. Напиши о ней подробнее.

Дорогая маленькая, очень жалею, что надо возвращаться. Экскурсия мне так много дала...⁴

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 46, л. 1.

---

¹ Дата устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Открытка написана карандашом, внизу одна строка не сохранилась.

15 апреля 1903 г., Москва

№ 4¹

15.IV 903 Москва

Дорогая моя Наталочка! Сегодня приехали с Гулей² в Москву, и я здесь нашел твои письма. Очень рад знать, что все у вас благополучно. Мне хочется иметь больше подробностей о Нинусе³ и ее жизни, я как-то неясно представляю ее из писем. Как она с бабушкой⁴? Все ли так же не теряет минуты времени в раскрывающейся перед ней картине летней, оживленной природы?

Тебе тут несколько писем (также и фрейлен), я отсылаю их тебе завтра заказным письмом.

24 апреля у меня начинаются экзамены; завтра читаю последнюю лекцию на курсах⁵ и теперь примусь за спешное печатание последних листов книги по кристаллографии⁶. Мне хочется к 1-му мая совсем с ней разделаться.

Чувствую себя так себе, должно быть, на Висле, на пароходе, где провел ночь и было очень сыро, немного, верно, простудился, и опять начались слабые ревматические боли.

Но в общем чувствую себя хорошо и опять вполне и целиком готов много работать. Настроение мое неважное. Чувствую как бы усталость – не физическую, и общие вопросы, связанные со всем мировоззрением, выступают вперед, гнетут и давят. Отчасти, может быть, это связано с тем новым и неожиданным для меня пониманием своего «учительского» отношения к ряду самостоятельно идущих в науке людей, о котором я писал тебе в письмах с поездки. На меня всегда такой «успех» действует болезненно тяжело, и чувство вороны в павлиньем наряде выступает горько и неприятно. Но, конечно, это ни в чем не отразится, но я как-то не могу не писать к тебе в письмах всего, что переживаю (хотя твои последние письма больше внешнего содержания). Такое сознание слабости и вялости своей мысли и недостатка созидательной силы не уменьшит и не увеличит ее действительной величины и является просто неприятным аксессуаром в не зависящей от него работе и жизни. Все равно с пути, которым пошел, не сверну, так как сознание своей слабости не касается правильности избранного направления и выражения своего сознательного отношения к миру.

Но всю поездку – среди интенсивной и глубокой работы – научной и среди неожиданного более резкого сознания «учительства» – неотступно проходила неизменным фоном усталость жизни и печально юмористическое отношение к своей личности...

Дорогой читал только урывками, но меня все более и более начинают завлекать новые отделы физики, связанные с явлениями, которые проявились нам в радиоактивных веществах и т.п. Мне хочется перед летом еще кое-что сделать в этом отношении, и я начинаю понимать, что в некоторых непонятных и случайных явлениях мы имеем проявление того же нового для нас понимания вещества, которое начинает раскрываться последние годы. Хочу начать работу в связи с явлениями кристаллизации.

Об Аргут.⁷ узнаю и напишу. Был у Ани⁸ и не застал (не входил). Гуля видел потом ее. Все Наталя⁹ больна и страдает ухом – беденькая девочка.

Очень жаль, что с Любощинскими прерваны сообщения; для Гули было бы очень хорошо видеться. Гуля, кажется, чувствует себя хорошо.

Нежно целую.

Твой Владимир

Поцелуй Нинулю и всех.

Оп. 7, д. 49, лл. 5–6.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ М.И. Старицкая.

⁵ Высшие женские курсы; см. комментарий № 10 к письму № 620.

⁶ См. комментарий № 4 к письму № 655.

⁷ П.М. Аргутинский-Долгоруков.

⁸ А.Е. Любощинская.

⁹ Наталия Марковна Любощинская.

№ 662

17 апреля 1903 г., Москва

⟨№⟩ 5¹

17.IV 903, Москва

Дорогая моя, вчера пришло твое письмо от 14 апреля, где ты пишешь о том, что Нинуле 5 лет². А мы с Гулей³ об этом забыли! Так бы хотел я посмотреть на нее в ее радости и гордости такой взрослостью...

Здесь тепло, даже жарко, верно, в Полтаве совсем хорошо. Как ты довольна фрейлен? За сколько сговорилась с Пашей⁴? Она очень старается, и все в порядке. Я ей сказал, чтобы и Гаврила⁵ здесь обедал, а то он, кажется, постничает. Вчера мы были с Гулей в трудном положении; ты не оставила простыней, мы открыли твой шкаф Гулиным ключом и взяли 4 простыни, как сговорилась со стиркой?

Аргутинские не были здесь. Вероятно, им надо писать в Казань. В письмах отца Ел. Ал.⁶ нет адреса: он живет в Reichenbach (Schleswig), может быть, прямо писать туда? Его фамилия – А. Fleischer.

Только что заходила Аня⁷. Я был у них два раза и не заставал. Натуле⁸ лучше.

Я чувствую себя лучше, боли бывают редко. Сегодня посылаю за боржомом. Вчера был трудный день: часа 3 читал на курсах⁹, заканчивал лекции, потом факультет. Сегодня Совет. В воскресенье думаем идти на экскурсию, возьму Гулю и Маркушу¹⁰. Я хочу устроить минералогическую экскурсию в окрестности Москвы с курсистками и студентами (должно быть, отдельно), но для этого надо ориентироваться сперва самому. Раньше я этого не делал, но, собственно говоря, это обязанность, которую надо исполнять. Я стал теперь несколько вдумчивее относиться к этой стороне своей деятельности, так как ясно начинаю сознавать результаты и последствия, которые прежде конкретно не представлял себе.

Эти дни работаю с Сергеем Платоновичем¹¹ над научным каталогом нашего музея. Берет это около 3–4 час в день: мы с ним запустили работу благодаря его экзаменам. Теперь работаем над серебром.

Очень нам неуютно тут с Гулей без тебя и без Нинуси! Гуля ведет себя прекрасно; вчера у него был Вольф, сегодня вечером он идет в Общество испытателей природы на заседание, куда я, может быть, приду после Совета.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю. Поцелуй всех.

Твой Владимир

От Гольштейна получил милую записку по поводу присылки моей статьи «О научном мировоззрении»¹². Он просит тебе передать выражение своего самого горячего etc. чувства преданности и т.д.

Оп. 7, д. 49, лл. 9–10.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская родилась 14 (27 н.ст.) апреля 1898 г.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Прасковья Кирилловна Казакова – прислуга в доме Вернадских, жившая в их семье более 40 лет, до кончины В.И. Вернадского.

⁵ Гаврила Павлович Щедров.

⁶ Елизавета Александровна Аргутинская.

⁷ А.Е. Любощинская.

⁸ Н.М. Любощинская.

⁹ Высшие женские курсы.

¹⁰ М.М. Любощинский.

¹¹ Попов.

¹² См. комментарий № 3 к письму № 636.

№ 663

19 апреля 1903 г., [Москва]¹

№ 6²

19.IV 903

Дорогая моя, так всегда жду писем и так рад получать их. Вчера пришло твое письмо от 15. Я думаю приехать на начало мая. Напиши, как устроить с Пашей³: гораздо удобнее, чтобы она была здесь, и тогда надо ей что-нибудь дать для еды – сколько в день?

Все эти дни много всякого отвлекающего от главной работы «дела». До сих пор не мог начать как следует заканчивать свою книгу⁴. Так мало осталось! и никак не кончу.

Сегодня утром был в библиотеке, взял новую литературу, и потом меня все более и более начинает завлекать тема «Дидро и энциклопедисты». Для меня это – официальное начало современного научного мировоззрения. Я думаю, что возможно выяснить что-то крупное, прогрессивное в науке, что часто ставится в заслугу **позитивизму**, имеет корни в этом движении XVIII столетия, а философские построения позитивизма выросли на него со стороны позже. До известной степени и сам позитивизм является результатом того же великого научного построения, представителем которого в XVIII столетии явился Дидро, но это одна из ветвей, наименее важных.

Все эти обобщения мысли «философов» XVIII столетия очень мало глубоки, если их рассматривать с точки зрения истории философии, но они приобретают иной смысл и значение, когда подойти к ним как к проявлениям научного мировоззрения.

Потом был на диспуте Кистяковского. Просидел до 5 часов и оттуда отправился к А.П. Иванову, с которым завтра отправимся на экскурсию в Обираловку. Едет Гуля⁵, и беру Маркушку⁶. Я боялся, что на первый раз ему будет трудно, но Аня⁷ не боится, а ему, я думаю, полезно и хорошо. Вернулся домой в 7-м часу, в 7 час у меня была та барышня (Злотникова), о которой я говорил тебе. Довольно много говорили, но у меня все-таки впечатление неопределенное. Я думаю, что у нее есть природное стремление к философским идеям, и ум ее довольно смел и своеобразен; но что-то в нем есть странное.

Вечером был на концерте Никиша и до сих пор под впечатлением превосходного исполнения и много вынес глубокого, особенно из героической симфонии Бетховена и впервые мною слышанного Waldleben⁸ Вагнера и рапсодии Листа. Временами я совсем забывался, и мне казалось, что звуки проникают меня всего и я физически чувствую их не ухом, а всем существом.

Теперь поздно, надо рано вставать, но хочется набросать тебе несколько слов. Возвращался с Гулей и Фаворским (очень милый). Так странно слышать и видеть выросшее новое, молодое поколение. Гуля уже хочет читать Менделеева, толкует и мыслит о каталитических явлениях. В концерте кучи знакомых – про тебя расспрашивала София Владимировна⁹. Был у меня Ник. Ник.¹⁰, который вернулся из Саратова и говорит, что Адя¹¹ на две недели на днях едет в С.-Петербург и что он показался ему в минорном настроении. Здесь застал карточку Щербатского, очень жалею, что я его не видел, так как меня интересует его работа. Между прочим, в Саратовской губернии в двух уездах – опять аграрные волнения, стреляли в земского начальника, а в другом избili или убили станowego... Говорят про Ковно и Вильну.

Чувствую себя недурно. Мысль работает как-то напряженно, интенсивно, и я все более увлекаюсь «новой физикой», тут много глубокого и чувствуется подход к обобщениям, которые могут быть поставлены наряду с ньютоновыми.

Нежно целую. Поцелуй дорогую нашу девочку¹². Целую всех.

Твой Владимир

В концерте видел Моллова.

Оп. 7, д. 49, лл. 11–12.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: библиотека, диспут, экскурсия, устройство домашней прислуги на лето и т.д.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ П.К. Казакова.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 655.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ М.М. Любошинский.

⁷ А.Е. Любошинская.

⁸ Музыкальная картина из оперы Рихарда Вагнера «Зигфрид».

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Возможно, Николай Николаевич Львов.

¹¹ А.А. Корнилов.

¹² Н.В. Вернадская.

22 апреля 1903 г., [Москва]¹⟨№⟩ 7²

2.IV 903

Дорогая моя, посылаю письма Гольштейнов, которые ты хотела прочесть. В общем, как всегда, у меня двойственное чувство, мне всегда и приятно искреннее близкое чувство друзей и тяжело, так как я сильно и больно чувствую слабость и недостатки своей мысли³.

Сегодня закончил и в конце недели сдам в печать последние странички «Кристаллографии»⁴. Печатается медленно, более года. Написал и предисловие. Так или иначе, это результат моей многолетней работы и мысли. Но сильно чувствуются недостатки труда.

Сегодня был Адя⁵, уехал в С.-Петербург на две недели. Он полон планов и работ и, как всегда, делает хорошее, милое впечатление. Он говорил, что Сиротинин посоветовал Тале⁶ ехать на кумыс и вообще, по-видимому, сильно встревожил их.

Может быть, я поеду на день-два в С.-Петербург.

Завтра идем с Гулей⁷ на экскурсию, в прошлый раз нам помешал дождь. Но Гуля сегодня у товарища (Сахновского), вернется поздно, а завтра надо рано вставать, не знаю, как справится. Теперь 1/2 12-го, а его еще нет.

У нас сегодня жарко, а то уже начинались было холода. Я как-то не чувствую так ярко природы и весны, как переживаешь ты. Конечно, приятно вырваться из душного города, но такого охватывающего чувства весны или прелести и красоты природы у меня нет.

Все это время я в каком-то довольно тяжелом и грустном настроении, может быть, от этого не чувствую весны.

Сегодня был у Любошинских. У них уже кончается карантин, вот уже протянулся!

Вернулся Пав.Ив.⁸ – был у меня, а вчера была Лидия Антоновна⁹. Они нашли место в Севастополе Катерине Егоровне¹⁰. Не знаю, чем кончились твои переговоры с ней? Постараюсь ей дать знать, чтобы она повидалась с нами.

Поцелуй от меня дорогую Нинульку¹¹ и скажи, что я очень хочу получить от нее письмо и что я очень хотел бы сам поцеловать ее. Весело ли ей?

Нежно целую. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

P.S. Конечно, можно отказаться от Общества С.-Петербургских курсов¹², но надо заплатить долг с 1898.

Оп. 7, д. 49, лл. 13–14.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: сдача корректуры и т.д.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ В письме от 26 апреля 1903 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «...только что получила твое заказное письмо от 22-го со вложением прелестных писем Гольштейнов. У тебя целая литература писем по поводу «Научного мировоззрения». Павел Иванович (Новгородцев. – Ред.) первый открыл эту твою статью, без него ты бы ее не напечатал так скоро. Я благодарна ему!» (ф. 518, оп. 3, д. 269, л. 25).

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 655.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ Т.Ф. Корнилова.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Новгородцев.

⁹ Новгородцева.

¹⁰ В письме от 26 апреля 1903 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Очень я рада и благодарна Новгородцевым, что они приискали место моей милой Клавдии Николаевне (ты, надеюсь, по ошибке пишешь Катерине Егоровне) в Севастополе. Адрес Клавдии Николаевны: Сущево-Казанская ул., д. 18 Кротова, кв. Сашина. Устрой ей скорее свидание с Новгородцевыми!» (ф. 518, оп. 3, д. 269, л. 28).

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² Очевидно, Общество для доставления средств С.-Петербургским высшим женским курсам.

№ 665

25 апреля 1903 г., [Москва]¹

25.IV 903

Дорогая моя, все это время в сутолоке и мало успеваю делать. Вчера целый день экзамен на курсах², и сегодня еще буду заканчивать. Всякие заседания университетские и т.д. берут очень много времени. Читаю урывками, а законченный почти текст и корректуры все не могу отправить³.

Гуля⁴ напишет на днях. Он совсем взрослый юноша, во многом еще неопределившийся, но в общем хороший и с большим интересом. Ведет он себя очень хорошо; негодует все на то, что их задержали до 20 мая. Я теперь не знаю как быть, если Любощинские уедут около 10 мая, с тем временем, как я думал проехать в Полтаву. Оставить его одного, конечно, нельзя. У Любощинских выяснится на днях. Я раньше рассчитывал поселить его у них, так как карантин у них кончен или почти кончен. Вчера утром заходил к ним, у Натули⁵ опять хуже в ухе. Все дети поблекли и сильно исхудали, да и Аня⁶ измучилась и имеет очень усталый, осунувшийся вид.

На днях надо пойти сниматься. Не люблю я этого, но получил от профессора Эббена письмо, в котором говорится, что в начале июня бывшие ученики и сотрудники Грота хотят ему подать альбом с фотографиями. По совету Любощинских снимусь у Фишера.

Пашу⁷ думаю оставить только на время своего отъезда в Полтаву. Она много работает со стиркой и починкой. Кажется, много белья осталось вообще нестиранного.

Видел несколько раз Павла Ивановича⁸. Он весь в планах будущей работы и ближе сошелся с киевлянами, они думали даже начать идеалистический журнал. В С.-Петербурге готовится сборник «Проблемы позитивизма»⁹, в числе сотрудников – Вася¹⁰ – о трестах. Неизвестно только, выйдет ли что из этого.

Нежно целую. Поцелуй дорогую Нинульку¹¹. Целую всех.

Твой Владимир

Иванова¹² письма (карточки?), о котором пишешь, не читал. В заседании Совета Озеров¹³ вполне и окончательно пошел с Самоквасовым и произнес даже глупую речь в защиту их мнений. Производит печальное впечатление.

Какие ужасы в Кишиневе! В Киеве была паника, о которой ты читала, верно. Очень упорные идут слухи, что часть всей этой истории вызвана была зубатовской полицией, которая пытается обратить рабочее социал-демократическое движение в антисемитское. Некоторые профессора и другие люди в Киеве получили по почте воззвания еврейских комитетов с просьбой сдерживать и с указаниями на агитацию¹⁴.

Оп. 7, д. 49, лл. 15–16.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: экзамены на курсах и т.д.

² Вышие женские курсы; см. комментарий № 10 к письму № 620.

³ См. комментарий № 4 к письму № 655.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Н.М. Любошинская.

⁶ А.Е. Любошинская.

⁷ П.К. Казакова.

⁸ Новгородцев.

⁹ Очевидно, сборник не вышел.

¹⁰ Василий Васильевич Водовозов.

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² В письме от 20 апреля 1903 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Надеюсь, ты прочел карточку Ивана...» (ф. 518, оп. 3, д. 269, л. 18).

¹³ Иван Христофорович Озеров профессор юридического факультета Московского университета.

¹⁴ Весной 1903 г. по России прокатилась волна еврейских погромов. Наиболее жестокими и дикими погромы были в Кишиневе. В письме от 15 апреля 1903 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Петр получил от своего брата письмо из Кишинева об еврейском побоище. Он пишет, что убито 37 человек, тяжело ранено 160 и которые [от] ранений умрут, 400 душ поранено менее опасно, и имущество все разбито вдребезги у тех евреев, которых били, остались они, в чем были, русских не трогали. Картина ужасная, пуху валяется по улице на 1/2 аршина» (ф. 518, оп. 3, д. 269, л. 13 об.). В.И. Вернадский вместе с другими деятелями науки и культуры послали коллективную телеграмму протеста городскому голове Кишинева (текст телеграммы см.: *Толстой Л.Н.* ПСС. М.: Госиздат, 1954. Т. 74. С. 111).

№ 666

28 апреля 1903 г., Москва

28.IV 903, Москва

Дорогая моя, дня два не писал тебе и теперь пишу немного (написал много)¹. Все время в какой-то сутолоке и ничего не успеваю сделать и не успеваю никак обдумать и ориентироваться как следует. Мысль невольно бросается в разные стороны, и известный дилетантизм мешает правильно работать. Так и теперь, в свободное время, вместо того, чтобы работать над тем, над чем бы следовало, я много читаю совершенно «стороннего». Все более меня начинают привлекать энциклопедисты, и в голове моей рисуется яркая картина движения мысли XVIII в. Удивительно, что эта сторона ее совершенно не затронута в литературе, поскольку я знаю. По крайней мере нет ни одного сочинения в этом направлении. В главных работах, посвященных энциклопедистам, эта сторона работы мысли отступает на второй план и даже совершенно выпадает. Между тем именно в этот век наука и точное знание играли не меньшую, если не большую роль в истории человечества, чем в наше вре-

мя. В Полтаву я беру ряд сочинений, которые хочу прочесть и которые сюда относятся. Но этим самым отходят на второй план первые очерки из истории научного мировоззрения – над учеными и открытиями XV–XVI столетий.

Вчера сделал небольшую экскурсию в Мневники. Очень холодно, но мы прошли верст 15. Для меня много интересного. Мне хочется уяснить себе процессы химические кругом и выяснить возможность полевых экскурсий. В этом большая потребность кругом, и нет никакого ответа на нее со стороны профессоров и преподавателей. Целый день сегодня с Сергеем Платоновичем² и Елизаветой Дмитриевной³ разбирали и классифицировали привезенный из поездок материал. Многого пробуются теперь в лаборатории. Есть безусловно новое и много для меня неясного. Может быть, я решусь приступить к началу «Минералогии Российской империи», большому труду, рассчитанному лет на 5–6. Буду вести не один, с Сергеем Платоновичем, Яковом Владимировичем⁴ и, должно быть, Ивановым (Леонидом Ликарионовичем). На днях спишусь с Карпинским, чтобы добыть согласие Академии наук на издание и, может быть, некоторые средства. Но, с другой стороны, боязно брать эту работу, так как она отвлекает от лабораторной работы. А у меня скопилось столько вопросов! И я начинаю все больше задумываться над явлениями радиальной энергии, над которыми хочу самостоятельно работать. Кое-какие опыты поставлю до отъезда в Полтаву; завтра Умов обещал дать мне немного радия и полония. Если моя идея верна, в кристаллизации удастся открыть новую и неожиданную область явлений! Соединить обе работы трудно, и я пока в некотором недоумении. И всюду чувствуешь недостаток сил и знаний, и бег мысли не поспевает за ее осуществлением. Хочется большего, и мысль не доходит до конца, который чувствуется.

В С.-Петербург не поехал. Как раз заседание важное. Сегодня утром был у Горожанкина (завтра он у меня) по поводу мелкого доклада, но практически важного – об ассистентах. Затем строительная комиссия – по поводу нашей постройки. Между прочим, Кирпичников умирает, говорят, отравление крови.

Чувствую себя так себе. Ты спрашиваешь, отчего я в тяжелом и грустном настроении. Ничего не случилось, и я думаю, это просто нервное настроение, конечно, связанное и с общими условиями жизни страны и недовольством собою и усталостью жизнью. Но на это, конечно, нет надобности обращать внимание.

Был сегодня с визитом у Моллова и затем заходил к Новгородцеву. Клавдия Николаевна⁵ (которую я видел) устроилась у Марии Ивановны Водовозовой.

Нежно целую. Поцелуй всех и мою драгоценную деточку⁶. Гуля⁷ у Герценштейна (второй раз). Он очень хорошо себя ведет. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 17–18.

¹ Два слова вписаны над строкой после окончания письма.

² Попов.

³ Ревуцкая.

⁴ Самойлов.

⁵ Кратова; см. комментарий № 10 к письму № 664.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Г.В. Вернадский.

1 мая 1903 г., [Москва]¹⟨№⟩10²

1.V 903

Дорогая моя, пишу немного, так как надеюсь в воскресенье или понедельник выехать в Полтаву. Здесь теперь Адя³ и Митя⁴, много и хорошо с ними говорил. Сегодня был на похоронах Кирпичникова. Что-то стали умирать профессора. Говорят, серьезно заболел Мануйлов.

Я не совсем с тобою согласен о Гуле⁵. Вполне признаю в нем и интерес мысли, и много хорошего в работе, но я думаю, что он далеко не привык настоящим образом работать, но, по-видимому, очень способный и все хорошо усваивает. Советовать ему очень внимательно относиться к урокам не могу, так как сам не относился к ним так в гимназии. Но я нахожу, что он мало читает по-настоящему, и в этом году главное чтение – беллетристика, которая при соединении с небрежностью к урокам немного даст хорошего. Если взять год целиком, то в смысле работы он дал ему немного. Поэтому, имея в виду приобретение привычки подчиняться некоторым рамкам и исполнение хотя бы тяжелого и неприятного дела, я считаю очень важным именно для Гули. «Дело» в гимназии в настоящее время в значительной степени заключается в том, что она открывает двери высшего образования и дает немного, при большой затрате времени, знаний и навыков мысли. В этом последнем смысле гимназия Гули лучше большинства, например тех, в которых был я. Я считаю, что Гуля пользовался чрезвычайно большим количеством всякого рода удовольствий, не мог устать от «работы» и при этих условиях ему просидеть лишних 8–10 дней беды бы не было никакой. Но как складываются обстоятельства, если Любощинские уедут раньше, довольно трудно его здесь оставить и придется разрешить ему уехать раньше. Нехорошо это еще и потому, что он будет, конечно, как 1-й ученик в привилегированном положении.

Сегодня вечером он у Понкеевых и Любощинских. А у меня вечером гости. Ивана Ильича⁶ нет, и нет никаких известий. Не заболели ли? Сегодня заходила и Карол. Ив.⁷, которой он говорил, что будет в Москве и у нас 29–30 апреля.

О кишиневских беспорядках⁸ – берет ужас и негодование. Здесь ходят всякие слухи о том, что делалось. Читала ли ты в «Праве»⁹ статью Набокова¹⁰? Многие адвокаты (в том числе Алексеев) уехали в Кишинев как представители частных обвинений. По моему мнению, губернатор Раабен¹¹ и главные представители администрации должны быть отданы под суд по обвинению в убийстве (соучастие). Ведь это совсем то, что делалось с армянами в Турции! И такое же отношение местных властей!

Нежно целую тебя и Нинулю¹². Поцелуй всех.

Еще не снимался. Пойду, может быть, завтра. Скоро увидимся.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 19–20.

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: о похоронах московского профессора А.И. Кирпичникова и т.д.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Петрункевич.

⁷ Личность установить не удалось.

⁸ См. комментарий № 14 к письму № 665.

⁹ «Право» – еженедельная юридическая газета, либерального (с 1905 г. кадетского) направления издавалась в Петербурге с 1898 по 1917 г. под редакцией В.М. Гессена и Н.И. Лазаревского.

¹⁰ *Набоков В.Д.* Русская уголовно-юридическая книжная литература за 1902 год // *Право*. 1903. № 11. С. 11–15; № 3. С. 151–158; № 5. С. 282–291.

¹¹ Викентий Самойлович фон Раабен в это время был Бессарабским губернатором.

¹² Н.В. Вернадская.

№ 668

16 мая 1903 г., Москва

16.V 903, Москва, (№) 12¹

Дорогая моя Наталочка, приехал сегодня утром и доехал отлично. Здесь жара. Вечером 16 °R – то, что не было в Полтаве, и так уже дня 3–4. Но еще цветет сирень, и на улицах продают ландыши.

Об экзаменах (перезэкзаменовках) не имею никаких известий, но как раз сегодня в 2 час было заседание правления, на котором и я должен был присутствовать, посвященное будущему устройству минералогического и геологического кабинетов. Они согласились и нас отделили. Тихомиров² нас поддержал, но в общем они все соглашались. Здесь говорят, что ректором будет Цветаев (Тихомиров – попечителем куда-то), а помощниками называют Мароховца и Лахтина³. Но все это комеражи⁴.

Точно так же комераж и о Витте⁵. Он не смещен, и, кажется, это пустые слухи.

Сегодня видел Трубецкого, который заходил ко мне и долго сидел. Он очень хвалит Лаурвик в Норвегии, где недорого, но море там почти несоленое, в фиордах приливы и отливы незаметны, не холодно. Ехать дешевле морем, но это для тебя неприятно, и я думаю, что те части Норвегии (Южной), где они были, много теплее немецкого побережья Северного моря. Вид он имеет очень усталый. Был у Павла Ивановича⁶, застал у них большое общество – Екат. Мих. и Алекс. Ив.⁷, но просидел недолго, так как Павел Иванович должен был идти на какое-то заседание. Дома все благополучно. Как-то неуютно и грустно одному. Гулины⁸ брюки вышли. В гимназию зайду, если возможно, завтра.

Был Федор⁹, но уехал, он приезжал искать учителя, и Павел Иванович, кажется, им нашел.

Дорогой все время почти ехал один в купе и прочел целую книгу Duhem: *Le Mixte et la combinaison chimique essai sur l'evolution d'une idee*¹⁰, кроме номеров новых журналов. Мысль все время работает очень сильно, но не знаю, как со всем справлюсь. Мне кажется, я просил командировку с 15 июня, так что едва ли могу раньше переехать границу. Но не уверен.

Посылаю тебе газеты «Русские ведомости», где есть фельетоны беллетристические. Иван¹¹ не приехал. Забыл тебя спросить, послала ли ты мое письмо к Виноградову, которое я оставил, в Польшу?

Поцелуй нежно и горячо детей. Целую всех.

Твой Владимир

В Харькове видел Краснова. Все такой же. Поет и работает. Видел и его палатку – целый большой дом со всякими затеями. Он говорит, что должен продавать для этого дачу в Сочи, и ищет покупателя. В общем очень с ним было приятно, но как-то и грустно.

Нежно тебя целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 21–22.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² А.А. Тихомиров в это время ректор Московского университета.

³ Ректором Московского университета на второе четырехлетие был оставлен А.А. Тихомиров (ректор с 19 августа 1899 г.), помощником ректора 7 февраля 1903 г. на 4 года был назначен А.И. Кирпичников, а после его смерти (20 апреля 1903 г.) – ординарный профессор, секретарь физико-математического факультета Леонид Кузьмич Лахтин.

⁴ Сплетни (устар.; от фр. *comméage*).

⁵ Сергей Юльевич Витте с 1903 г. председатель Комитета министров (впоследствии Совет министров) и был им до 1906 г.

⁶ Новгородцев.

⁷ Личности установить не удалось.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Очевидно, Ф.Ф. Ольденбург.

¹⁰ *Duhem Pierre. Le Mixte et la combinaison chimique essai sur revolution d'une idee. P.: C. Naud, 1902.*

¹¹ И.М. Гревс.

№ 669

18 мая 1903, [Москва]¹

18.V 903, воскресенье, (№) 13²

Дорогая моя! До сих пор нет от тебя писем. Вчера был в гимназии, но не мог видеть директора: в понедельник в 8 1/2 час утра пойду. Завтра вообще занятой день: 8 1/2 – директор, 9 – переэкзаменовка на курсах³, в 10 – экзамен в университете, а в 7 час вечера Совет Общества испытателей природы. Я теперь очень доволен, что пошел: будет решаться принципиально важный вопрос. Опять один из губернаторов (тот же самый, говорят, невероятно глупый и грубый, калужский)⁴ не разрешает производить естественно-исторические исследования в своей губернии. Теперь столкновение произошло из-за Алекс. Павл.⁵, которому сверх того и Калужское земство поручило вести эти работы. Он лаборант университета, и это уже совершенное безобразие, что губернатор будет не позволять вести работы научным лицам, служащим в университете! Совсем царство паши в Калуге.

Вчера вечером у меня были Новгородцевы. Сегодня хотим поехать с Сергеем Платоновичем⁶ в Петровское-Разумовское к Федорову и погулять. Вчера у меня неожиданно был проездом Алатуни. Очень он тебе кланяется. Он переходит в С.-Петербург, в новое Министерство мореплавания. По-видимому, оно возмутило воду бюрократии: открылось много новых мест. Его жена была опасно больна, едва оправилась.

Посылаю свою карточку, так как ты их любишь. Это старый экземпляр, когда я снимался года 2–3 назад. Я должен был взять 1 карточку, но не взял,

и мне ее теперь отдали. Заказал 1/2 дюжины таких маленького формата. Она еще годится, я даже тогда был седее, чем теперь. Как она тебе нравится?

Оля⁷ прислала свою маленькую карточку и большой портрет Кира⁸. Вчера или третьего дня тебе послал письмо со вложением какого-то письма, пришедшего на твое имя. Павел Иванович⁹ просит тебе сказать, что о Лучинской он говорил Пузыревскому etc.

Слухи о Витте¹⁰ – стары, и все эти известия, по-видимому, неверны. Кончаю сдачу своего курса: рисую и вожусь с литературой и совсем подавлен массой мыслей и новых, и старых книг и статей, которые нахожу здесь¹¹. Мысль тянет и в область учения о фазах и в минералогию и теперь все более увлекает то историей мысли XVIII столетия, то чисто теоретико-познавательными вопросами об инерции. Прямо все это давит. Может быть, набросаю заметку о книге Duhem'a, о которой писал, для «Научного слова»¹².

Нежно целую. Поцелуй детишек¹³. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 23–24.

---

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: посещение гимназии сына, экзамены и т.д.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Высшие женские курсы; см. комментарий № 10 к письму № 620.

⁴ В 1903 г. губернатором в Калужской губ. был Александр Александрович Офросимов.

⁵ Личность установить не удалось.

⁶ Попов.

⁷ О.И. Алексеева.

⁸ К.А. Алексеев.

⁹ Новгородцев.

¹⁰ См. комментарий № 5 к письму № 668.

¹¹ *Вернадский В.И.* Минералогия. Кристаллография: Лекции для студентов медицинского факультета Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1903.

¹² Эта статья В.И. Вернадского не была опубликована.

¹³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 670

20 мая 1903 г., [Москва]¹

20.V 903

Дорогая моя! Спешу отправить бумаги Гули². Кажется, достаточно. Идут экзамены. Очень устаю. Сегодня или завтра напишу.

Целую нежно детей³ и тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, л. 25.

---

¹ Письмо написано в Москве, что следует из его содержания: идут экзамены.

² Имеется в виду заграничный паспорт Г.В. Вернадского. Н.Е. Вернадская 28 мая с детьми выехала из Полтавы в Берлин, а затем на побережье Северного моря.

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

24 мая 1903 г., Москва

Москва, 24.V 903 (№) 14¹

Дорогая моя, эти дни совсем не писал тебе среди сутолоки экзаменов. Каждый вечер у меня кто-нибудь бывал, и я совсем не успевал писать; сильно уставал. Сегодня передышка. С 27 начинаются экзамены у медиков. Продолжатся 4 дня. Боюсь, что не удастся уехать в Вернадовку раньше 2-го июня.

Я думаю, что ты получила уже Гулин паспорт². Отдельному отъезду его за границу я не сочувствую, ибо совершенно не вижу никакой надобности в той спешке, какой ты обставляешь свой отъезд за границу. На Северном море едва ли настоящий сезон начинается раньше 1-го июля н.с. Так говорит и Павел Иванович³, который там был.

Помимо экзаменов и корректур, у меня теперь очень неприятное дело на курсах⁴. Я уже тебе говорил об нем – это недовольство курсисток экзаменами «молодого» Павлова; теперь они написали ему коллективное оскорбительное письмо, где обсуждают мотивы его поступков, указывая, что он «ловит» их на свои лекции, несправедлив и т.д., и выражают надежду, что он откажется от чтения им лекций. Так как вся история произошла на экзамене, где я должен был быть ассистентом и не пришел туда лишь по забывчивости, то она мне сугубо неприятна. Я чувствую долю своей вины, хотя и невольной. Все это неприятно по двум причинам, <во-)>1-х, Павлов совершенно ничего не предполагал и никаких злостных намерений против курсисток не имел. Все это на него обрушилось, как *dans la machine*⁵, <во-)>2-х, совершенно невозможны какие бы то ни было правильные отношения на курсах, если профессора будут иметь *in spe*⁶ возможность получать подобные письма, без всяких разговоров с ними, без объяснений. Я думаю, что из молодых геологов никто и не пойдет на место Павлова, да и понятно. Дело в том, что они копаются в **мотивах** поступков Павлова и, правду сказать, беспорядка из-за экзаменов – последнее дело в принижении духа учебного заведения. Он был, очевидно, нетактичен, читал в году неудачно, но из-за этого невозможно обвинять человека в подлости. Да и о чтении лекций они должны были с ним раньше объясниться. 27-го факультет по этому делу, боюсь, что Герье напутает. Я говорил и с одной из курсисток, мне кажется, они находятся в таком аффекте, что ничего не понимают.

Из министерства я не получил отпуска до 12-го сентября, мне (и Алексею Петровичу⁷) дали отпуск только до 1-го сентября! Не знаю, как устроюсь. Советуют там «заболеть», но это неприятно.

Говорил с директором гимназии. Он очень огорчен отъездом Гули без спроса; говорил, что такой отъезд нарушает общую дисциплину, так как мальчики знают, что он уехал и что ему ничего не будет за это и т.д. Он решительно настаивает, чтобы Гуля не опаздывал к началу, **к 18-му августа**. Так что Гуля лишил себя возможности отпуска сам. Я переговорил с Пашей⁸, она может быть здесь к его приезду. Писала ли ты M-lle Tripet?

Нежно целую тебя и детей⁹. Поцелуй всех.

Твой Владимир

P.S. Масса всякой возни. Теперь и с оставлением, и с новыми специалистами, и с недостатком мест. Здесь устраивается новый университет под покровительством Великого князя Сергея Александровича¹⁰ – в него хотят превратить Катковский лицей¹¹. Забыл спросить, как ты устроилась с гулиными денежными бумагами?

Оп. 7, д. 49, лл. 26–27.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский; см. комментарий № 2 к письму № 670.

³ Новгородцев.

⁴ Высшие женские курсы; см. комментарий № 10 к письму № 620.

⁵ Интрига (фр.).

⁶ В будущем (лат.).

⁷ Павлов.

⁸ П.К. Казакова.

⁹ Г.В. и Н.В. Вернадские.

¹⁰ Сергей Александрович, сын Александра II.

¹¹ Катковский Императорский в память цесаревича Николая лицей в Москве (1868–1917), закрытое высшее учебное заведение для детей дворян и буржуазии. При открытии имел 11 классов – 8 гимназических и 3 университетских. В университет лицей преобразован не был, но с 1906 г. существовал четырехлетний курс юридического факультета.

№ 672

29 мая 1903 г., Москва

29.V 903, Москва, утро (№) 15¹

Дорогая моя, меня беспокоит и удивляет отсутствие известий от тебя. Не знаю, выехала ли ты и где ты теперь? Надеюсь, что ты телеграфируешь из-за границы². Не знаю, куда тебе писать, и на всякий случай пишу на имя Аргутинского несколько слов. Не пишется, когда не знаю, где ты. Ты это время пишешь мало и не часто. Масса работы, и я ею совсем подавлен. Экзамены с утра до вечера, а потом заседания. Уеду отсюда 1-го или 2-го июня.

Видел Дм. И.³, Федора⁴, Ивана Ильича⁵. Федора здоровье плохо. Сиротинин нашел, что левое легкое затронуто, он сильно устает, но говорит, что в этом году не имеет возможности отдохнуть.

Адя⁶ был болен, но теперь ему лучше.

Жду с нетерпением известий от тебя. Нежно и горячо целую и дорогих детей⁷.

Твой Владимир

Мой сердечный поклон Петру Михайловичу⁸ и Елизавете Александровне⁹.

От Батюшкова получил телеграмму, что Норрис Александру Васильевну¹⁰ принимает¹¹. Я ей писал об этом.

Перешел было на вегетарианство и чувствую себя лучше, но вчера пришлось обедать с Ячевским и снова ел мясное. Был Вульф, везет жену на кумыс, серьезно угрожающего у нее нет ничего.

Теперь начинаются хлопоты с оставлением. У меня теперь заняты все места в институте. Остаются Карандеев (должно быть, поеду хлопотать к попечителю, может быть, к министру), Сургунов (разрешат ли – армянин!) и

Аршинов. Ассистентом – Иванов. Два новых студента¹², из лучших на курсе, вошли в институт. Много и с этим всяких хлопот. Очень тоскливо без писем. Что Нинуля¹³?

Оп. 7, д. 49, лл. 28–29.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 2 к письму № 670.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ Ф.Ф. Ольденбург.

⁵ Петрункевич.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ Г.В. и Н.В. Вернадские.

⁸ Аргутинский-Долгоруков.

⁹ Аргутинская.

¹⁰ Гольштейн.

¹¹ Речь идет об издании перевода А.В. Гольштейн. В письме от 30 мая 1903 г. из Берлина Н.Е. Вернадская писала: «...Батюшков принял перевод Александры Васильевны и просит ее скорее высылать рукопись» (ф. 518, оп. 3, д. 269, л. 47).

¹² Возможно, Генрих Иосифович (Осипович) Касперович и Дмитрий Николаевич Артемьев.

¹³ Н.В. Вернадская.

№ 673

30 мая 1903 г., Москва

30.V 903, утро, Москва, ⟨№⟩ 16¹

Дорогая моя, наконец сегодня получил твою карточку, а то сильно беспокоился и хотел посылать телеграмму. Сильно устаю среди массы работы. Вчера послал тебе письмо в Берлин на адрес Аргутинского. Сегодня последний экзамен, но завтра будет переэкзаменовка. Вчера утром внезапно умер Бугаев, вечером накануне я с ним разговаривал в заседании, где он председательствовал, и оставался еще несколько минут с ним позже – говорил о Карандееве. Так эта смерть – *memento mori*². Мне очень недостает, что ты в своих письмах иногда ни слова не пишешь о детях.

Что Нинуля³? Гулик⁴?

Нежно и крепко целую. Сомневаюсь, чтобы удалось уехать раньше 2-го отсюда.

Твой Владимир

Пиши в Вернадовку или лучше дай по получении письма туда телеграмму, если раньше мне ее не посылала. Что Нинуля в немецкой земле, как себя чувствует?

Оп. 7, д. 49, л. 30.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Помни о смерти (лат.).

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.В. Вернадский.

3 июня, 1903 г., Вернадовка

Вернадовка, 3.VI 903

Дорогая моя, вчера приехал сюда, но до сих пор не знаю, как вы доехали. Последнее письмо было от Гули¹ за Варшавой.

Здесь все в полном цвету. Сад очень уже хорош и сильно вырос. Ожидается большой урожай: и овес, и рожь, и пшеница – все очень хорошо.

Останусь здесь несколько дней, надо принять все счета и многое обсудить. Затем буду кончать небольшую работу о законе Гаюи для физического журнала Московского общества любителей естествознания².

Чувствую себя так себе. Несколько устал, да и теперь как-то не в порядке желудок.

Это все действует на настроение духа, которое неважное. Может быть, действует так некоторое нервное утомление, вызывая очень тяжелое настроение. Вероятно, это связано с нервной усталостью, так как нет никаких поводов к тоскливости, а страдать от Welt Schmerz³ в разных видах, пожалуй, комично.

Очень хотелось бы видеть и тебя, и детей, но, правду сказать, поездка к океану меня совсем не привлекает и совсем не тянет, так что еду я за границу без всякого entrain⁴.

Да и опять придется быть на людях.

В общем лучше и приятнее было бы пожить в деревне. Удивительно разные у нас с тобою вкусы – то, что на тебя сильно действует, на меня не производит (впечатления) и т.д. Меня совсем теперь не тянет море в той форме, в какой оно является в курортах. Если бы ехать за границу, то, может быть, в Италию, среди остатков былой человеческой жизни и человеческого искусства, а природу хотелось бы искать в менее отделанном виде или, пожалуй, в менее абстрактном виде. Море в курорте для меня нечто вроде неба – прекрасного и свободного в городе. Иногда оно в лунную, звездную ночь так прекрасно, но долго его так видеть – скучно и тяжело.

Надо отнести письмо, а потому спешу кончить. Нежно и горячо целую тебя и детей⁵. Гуле напишу на днях. Жду с нетерпением письма.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 31–32.

¹ Г.В. Вернадский.

² *Вернадский В.И.* Закон Гаюи и векториальное строение кристаллов // Труды Отд-ния физ. наук О-ва любит. ест. 1904. Т. 12, вып. 1. С. 1–14.

³ Мировая скорбь (нем.).

⁴ Увлечения (фр.).

⁵ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 675

6 июня 1903 г., Вернадовка

⟨№⟩ 17¹

6.VI 903, Вернадовка

Дорогая моя, уже дней 8–9 ничего не знаю про вас. Утешаю себя тем, что это неизбежно при поездке за границу, но я просил прислать телеграмму из Берлина сюда и ее не получил! Что моя маленькая деточка², как она себя чувствует в чужой стране, моя дорогая? Часто о ней думаю – о ее ласковой, умной природе. Сегодня пишу Любощинским, может быть, они знают о вас. Очень прошу тебя не позволять Гуле³ кататься на лодке по морю и вообще быть осторожнее с морем, не особенно я спокоен, когда он там.

Чувствую себя очень неважно, так что настоящим образом не занимался. Кончал счета с Поповым. Не начал еще свою статью для физического журнала⁴. Здесь все время прохладные дни, жары были как раз раньше, и я никак не попаду вне города в жару, то, чего так сильно хочет моя природа. На Северном море, верно, опять холодно или прохладно.

Пока больше ничего не пишу, так как хочу чтобы письмо пошло к поезду. Каждый день два раза отправляю на почту, а писем нет и нет.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, л. 33.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 674.

№ 676

7 июня 1903 г., Вернадовка

⟨№⟩ 18¹

Вернадовка, 7.VI 903, утро

Дорогая моя Наталочка, наконец вчера получил твое первое письмо из Берлина и значительно успокоился, а то так тоскливо без всяких о вас известий. Ужасно я рад, что моя девочка² видела Tiergarten, и так мне дороги и близки хорошие, настоящие впечатления для нее и для Гули³. Иногда, занимаясь теперь тем или другим вопросом, я ясно и полно вспоминаю вынесенное из далекого прошлого, из далеких впечатлений даже детства. Прорываются даже отрывки тогдашних мыслей. Так, теперь я читаю II том Beazley. The dawn of modern geography⁴, и передо мной всплывают многие мысли и впечатления раннего чтения, с возраста Гули...

Сегодня жарко, и я оживаю. Вероятно, была маленькая инфлюэнца. Вероятно, проеду прямо за границу, остановлюсь только где-нибудь на ночевку и осмотрю, кстати, может быть, в Дрездене или Бреславле, где мне хочется видеть минералогический музей и где я никогда не был.

Ты как-то писала, что дала Гуле прочесть Приютинские письма⁵, для меня это было тяжело, может быть, это и неверное чувство. Мне как-то кажется,

что мы все (почти) до такой степени поставили в разлад слово и дело, что давать это на суд молодому слагающемуся существу едва ли следует. В общем в конце концов это период неудачной попытки сознательной жизни. Да я еще думаю, что в основе его лежало заблуждение, нельзя строить идеал общественной жизни на строго правильной моногамической (и моноандрической) семье. Люди очень разные, и семья в этом смысле не имеет ничего прочного.

Очень хочется видеть всех вас, и теперь меня не страшит даже Sylt с его холодным морем. Может быть, там даже хорошо будет? Если нет, может быть, ехать в Бретань?

Здесь теперь очень хорошо. Молодой сад в расцвете, много тени, и есть хорошие уголки. Балкон обвит диким виноградом, и я пишу, в стакане стоят розы. Мне хочется как-нибудь в году – недели 2–3 – приезжать и работать ручным трудом в саду или в поле. Я начинаю чувствовать и эту потребность.

Горячо и крепко целую тебя, мою дорогую, и детишек. Беденькая Туська, мои последние письма были кислые?

Пусть Гуля не ездит на лодках, очень боюсь. В Sylt'е мы сделаем экскурсии, как только получу твой адрес, вышлю туда недавно вышедший геологический очерк.

Нежно целую.

Твой Владимир

Аде⁶ лучше, и он, говорят, поправился. Может быть, он будет за границей. Теперь моя мысль много работает в исторических вопросах, но боюсь, что я тут дилетант, – но беды нет – я хочу выяснить себе картину прошлого, и она не такая, как рисуют. О многом хотелось бы поговорить, особенно с Иваном⁷ и Сергеем⁸, но Ивану писал и ответа отчего-то не получил.

Оп. 7, д. 49, лл. 34–35.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ *Beazley Ch.R.* The dawn of modern geography... London: J. Murray, 1897–1906. Vol. 3.

⁵ Имеются в виду письма ближайших друзей юности Н.Е. и В.И. Вернадских (А.П., С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, И.М. и М.С. Гревс, А.А. Корнилов, А.Д. и Д.И. Шаховские, А.Н. Краснов, Л.А. Оболянинов, С.Е. Крыжановский), которые были объединены Братством; см. комментарий № 1 к письму № 26 – *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1886–1889. М.: Наука, 1988. Т. 1. С. 86–87.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ И.М. Гревс.

⁸ С.Ф. Ольденбург.

№ 677

9 июня 1903 г., Вернадовка

9.VI 903, Вернадовка

Дорогая моя, получил здесь две твои записочки из Берлина. С нетерпением жду известий из Зильта и не знаю, как дети перенесут морской, хотя небольшой, переезд.

Думаю отсюда выехать 11-го вечером, самое позднее 12-го, пришли мне хотя бы открытую карточку в Берлин *poste restante*¹. Я понимаю, что тебе

трудно писать, но ведь трудно почти всем, и, право, уж не очень ты себя утруждаешь письмами (записочками) ко мне. Думаю прямо проехать в Берлин и оттуда в Зильт. На Берлин перевел деньги, и здесь я совершенно ничего не успел написать из своей статьи², а между тем обещал прислать ее в июне. Буду работать на Зильте. В Берлине остановлюсь между поездами. Теперь много корректуры, а затем придется писать отзыв о Тарасенко для Юрьевского университета, и я спешу здесь перечитать его работы. Постараюсь закончить завтра.

Здесь теперь жарко. Ждут дождя. Если не будет дня 2, могут сильно пострадать овес и просо. Много ждется ягод, напиши Поповым, что надо относительно варенья.

Я впервые чувствую прелесть деревни здесь в Вернадовке. Сад подрос, и я думаю, что теперь и тебе, привыкшей всю жизнь к городу и городским дачам, будет легче переносить мелкие неудобства деревенской жизни. Все-таки уже более устроенной. С будущего лета, если не погибнет урожай, можно надеяться поставить правильное и лучше и домашние отрасли. Купим сепаратор для масла и построим чистую избу для молочного хозяйства, а то теперь все это делается грязно. Но, действительно, негде. Теперь виден конец налаживания хозяйства, длившийся среди целого ряда неудач 11 лет. Как много прошло времени!

Не заезжаю ни в Сосновку, ни в Чарновы, так как 1) надо сохранить деньги для поездки, (на затраты) которые придется делать за границей, и 2) нет времени: хочется много сделать летом, а времени совсем мало.

Нежно целую. Поцелуй детей³. Скоро увидимся.

Твой Владимир

10, утро

Дорогая моя, боюсь, что письмо придет к тебе поздно, если я выеду 11-го ночью на 12. Думаю тогда быть в Берлине 15-го. Не знаю, куда ехать, не телеграфируешь ли: Берлин, *poste restante*?

Нежно целую.

Оп. 7, д. 49, лл. 36–37.

¹ До востребования (фр.).

² См. комментарий № 2 к письму № 674.

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 678

20/7 июля 1903 г., Вена

Вена, 20/7.VII 903

Дорогая моя Наталочка, приехал сюда вчера вечером из Краубата в ужасную погоду. Как-то у вас на Зильте? Здесь нашел **одно** твое письмо от 31/13 или от 3/16, и так долго от тебя нет известий! Не понимаю, отчего ты не писала так долго. Из Мюнхена вся корреспонденция аккуратно пересылается. Здесь поместились с Самойловым. Много наших из Кабинета¹: Карандеев (он женится)², Сиома, Иванов, Ревуцкая, Аршинов. Много как-то тяжелого.

Знаешь, Ауновский умер! Я так недавно видел его полного сил и стремлений. Прочли в газетах. Не знаю, не скрывался ли глубокий и тяжелый трагизм в его жизни. Здесь многих нет, многие сильно как-то постарели. Земятченский, вернувшийся с кумыса и сильно осунувшийся. Может быть, погода действует, и как-то грустно.

Завтра и в воскресенье еду на экскурсию, а отсюда хочу уехать 26/13 или 27/14, так что ты рассчитай свои письма (идут через день – 16-го получаю 18-го и т.д.). Одно письмо напиши в Будапешт (poste restante – не post lagemd), венгерцы здесь устроили скандал австриякам: на конгрессе отсутствуют. Я, может быть, проеду в Седмиградю (на золото), а если нет, то в Белград. Следующие письма пиши в Сараево (Sarajevo, Bosna, Congrès Géologique International). Очень тяжело, что давно о вас всех не знаю.

Нежно и горячо целую тебя и детишек³. Пиши.

Твой Владимир

На обороте: Frau N. Vernadsky, Villa Fernsicht, Kampen, Sylt, Deutschland.

Оп. 7, д. 49, л. 47.

¹ Имеется в виду Минералогический кабинет Московского университета.

² Виссарион Виссарионович Карандеев женился 17 сентября 1903 г. на Елизавете Николаевне Шиловской.

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 679

28/15 июля 1903 г., Гейдельберг

Heidelberg, 15/28.VII 903

Дорогая моя, вчера вечером приехал в Гейдельберг. Меня встретил и устроил Павел Иванович¹. Гейдельберга я еще не видел, так как сегодня с утра дождь. Сегодня мы проедем сейчас с Павлом Ивановичем в Фрейбург повидаться с Иваном Ильичем². Митя³ в Берне. Какая масса знакомых и друзей! Я здесь пробуду около недели. Завтра пройду в университет и узнаю условия работы в библиотеке.

Дорогой у меня случился неприятный казус: я потерял в Геттингене билет, его нашли, но меня выпускали после целого ряда историй. Из Ганновера послал тебе карточку и жду теперь твоих писем сюда. Неужели и у вас опять скверная погода? Что Нинуля⁴ и Гулик⁵? С нетерпением жду известий о детях и о всей жизни на Зильте, если бы Павел Иванович меня известил вовремя, еще 4 дня мог бы провести с вами, ну да теперь ничего не поделаешь, узнал в Ганновере.

Здесь хочу работать и докончить так и неконченную на Зильте статью о законе Гаюи⁶. Не думаю, однако, чтобы библиотека была достаточна для удобной работы на тему по истории науки⁷. Я хочу обработать 2 этюда: 1) о прогрессе науки (в связи с демократическим движением) и 2) о значении народных масс в выработке современного научного мировоззрения. Много дорогой думал.

Нежно целую тебя и всех детей.

Твой Владимир

¹ Новгородцев.

² Петрункевич.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ См. комментарий № 2 к письму № 674.

⁷ См. комментарий № 2 к письму № 636.

№ 680

31/18 июля 1903 г., Гейдельберг

Гейдельберг, 18/31.VII 903, утро

Дорогая моя Наталочка, здесь получил одну твою записку, надеюсь, что ты получила мою карточку из Ганновера и будешь писать мне сюда еще несколько дней. Теперь пиши в Мюнхен *poste restante*¹. Отсюда я уезжаю послезавтра, но точно не знаю, когда буду в Мюнхене, там пробуду неделю и затем в Вену. Здесь заниматься неудобно, так как библиотека закрыта, да и не приспособлена для работы в ней, а брать на дом по характеру справочной работы для меня очень неудобно и даже невозможно. Я начал набрасывать свой первый очерк, который обдумал во время поездки и прогулок, – его темой будет 2-я часть вступления в курс, которую я не напечатал в «Вопросах философии», – прогресс науки и народные массы². Я считаю, что интересы научного прогресса тесно и неразрывно связаны с ростом широкой демократии и гуманитарных настроений и обратно. Мне кажется, мы имеем здесь область явлений, до сих пор очень мало сознанных и выраженных.

Гейдельберг готовится к юбилею университета, который будет через неделю – 1 1/2, а потому тем менее возможно здесь заниматься. Был в Минералогическом музее – очень хорошие собрания петрографические. Думал экскурсировать, но погода не располагает: все время перемежающиеся дожди, и в общем дни стоят серые.

Много думается, и иногда устаешь от этого, но в общем это вошло в плоть и кровь и так же неизбежно, как дыхание. Но **удовольствие** процесс мысли мне не доставляет даже тогда, когда удается выяснить раньше непонятое. Так и дорогой я разобрался в очень для меня сложном вопросе полиморфизма в связи с учением о фазах, и появилась у меня совсем новая, многое выясняющая постановка этого вопроса, но это все так же мало радует, как и все проявления жизнедеятельности. Между прочим, при этом у меня произошел комичный инцидент: думая об этом, на перроне в Геттингене, я обронил билет и поехал без него. Заметил, когда поезд тронулся, заявил кондуктору; билет нашли, но потом был у меня ряд объяснений с начальниками станций, которые не хотели было пускать меня дальше, хотя из Геттингена была телеграмма. В общем, однако, уладилось.

Гейдельберг красиво расположен, хотя Фрейбург красивее. Вчера сделал прогулку на Heiligenberg, очень изящный оттуда вид.

Эти два дня думаю посвятить окончанию кристаллографической статьи, которую начал на Зильте³, и этой статьи – по истории науки. Совершенно лишний уезд с Зильта. Можно было бы пробыть и там и делать то же самое, а туристические наклонности у меня иссякли, и новые места в общем не интересуют. Да, книги (конечно, незапрещенные) мои можно уложить в один ящик с камнями и отправить в университет, в Минералогический кабинет, малой скоростью. Что Нинуля⁴ и Гуля⁵.

Горячо и нежно их и тебя целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 39–40.

---

¹ До востребования (фр.).

² Эта работа В.И. Вернадского осталась незавершенной. См.: *Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки*. М.: Наука, 1981. Т. 1. С. 186–187; см. комментарий № 2 к письму № 636.

³ См. комментарий № 2 к письму № 674.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 681

2 августа/20 июля 1903 г., Гейдельберг

Гейдельберг, 2.VIII/20.VII 903

Дорогая моя Наталочка, ни вчера, ни сегодня нет от тебя писем, верно, ты не рассчитала, что я еще в Гейдельберге. Выезжаю завтра утром в Зинген, в Оффенбурге встречаюсь с Иваном¹ и поеду с ним вместе. Павел Иванович² уезжает сегодня из Гейдельберга.

Здесь закончил, наконец, сегодня свою рукопись о законе Гаюи³ и отсылаю ее Есипову в Москву. Сильно затянулась работа, думал кончить еще в Зильте. Еду через Мюнхен в Вену. В Мюнхене пробуду дня 2–3. В Вене конгресс⁴ обещает быть интересным, знаешь, следующий конгресс (в 906 году) предполагают в Мексике!⁵ Вот интересно.

Знаешь, что вся семья Дмитрия Ивановича⁶ в Шпице, в Швейцарии? Митя довольно устал от всяких неприятностей с газетой (теснит ее цензура) и с земской бестолковщиной. Адя⁷ был дома, мало работал и остался на лето в Саратове, доканчивает работу. Говорит, что мало, благодаря болезни, мог заработать литературным трудом, и я думаю, что едва ли он справится.

Нежно и горячо целую тебя и детей⁸. Очень жду от тебя известий. Пиши чаще. [Чуден] Аргутинский. Мой поклон Анне Сергеевне⁹.

Твой Владимир

На обороте: Frau N. **Vernadsky**, Kampen, Sylt, Villa Femsicht.

Оп. 7, д. 49, л. 41.

---

¹ И.М. Гревс.

² Новгородцев.

³ См. комментарий № 2 к письму № 674.

⁴ IX Международный геологический конгресс.

⁵ X Международный геологический конгресс проходил в Мехико в 1906 г.

⁶ Шаховской.

⁷ А.А. Корнилов.

⁸ Г.В. и Н.В. Вернадские.

⁹ Петрункевич.

№ 682

7 августа/25 июля 1903 г., Мюнхен

Мюнхен, 7.VIII/25.VII 903

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал сюда к вечеру. Пробуду здесь, должно быть, до завтрашнего дня и завтра вечером буду в Вене. Завтра открытие конгресса¹. Этими днями в общем я доволен. Анастасия Сергеевна² не приедет в Зильт, у Петрункевича украли паспорт, и теперь они ждут всяких разрешений из России. Они думают побольше пробыть во Фрейбурге. С Иваном³ много и хорошо виделся, хотя виделись мы всего три дня. Он не получил твоего письма (так же как и Гольштейны с Зильта) и очень был огорчен твоим молчанием. Я ему дал твой адрес, и он хотел тебе написать. Конечно, обо всем этом писать трудно, да и так всегда невозможно выяснить ни в словах, ни в письме мысли, но все же не могу не написать, что самое правильное и наименее тяжелое было бы, если бы на все это можно было бы положить печать полного забвения и настоящего, не формального прощения. Все это было и былшем поросло. Я написал это и боюсь, чтобы ты не поняла, что я кого-нибудь обвиняю или чего-нибудь требую, я только рассуждаю. Наиболее человечное было бы решение, которое бы уничтожило все внешние проявления пережитого. Конечно, все люди изменились, и вычеркнуть прошлое – смешная фантазия, но большая разница, чувствовать ли все пережитым и отодвинутым от жизни или нет. Для меня все это уже давным-давно, совсем и безвозвратно пережитое, и мне всегда тяжело, когда я чувствую в тебе это живым, не по отношению ко мне, конечно, а по отношению к другим. Но опять-таки я выражаю здесь не желание, а рассуждаю и не думаю и не хочу тебя в чем бы то ни было обвинять или к чему бы то ни было склонять.

Мне не хочется ехать из Мюнхена ночью, так что думаю ехать завтра утром, может быть, через Инсбрук. В хорошеньких местах, где я был, к сожалению, погода не благоприятствовала видам и теперь довольно серая.

Получил здесь твои и другие письма. Между прочим, Агафонов пишет, что Калмыкова в Берлине и очень огорчена, что мы не дали знать о проезде. Кажется, ее адрес – Postamt, Dorotheenstrasse, Poste restante. Я напишу ей, на всякий случай, твой адрес.

Я очень сочувствую твоему отъезду в Полтаву на вторую часть августа, но, как знаешь, не сочувствую оставанию до 17 августа. По-моему, надо выехать с Гулей⁴, неделей раньше. Странно сидеть при неблагоприятных условиях и подвергаться разным возможным случайностям.

Горячо и нежно целую детей и тебя.

Твой Владимир

Вчера послал картинки Нине⁵ и Володе⁶. Посылал им и раньше. Получили?

Оп. 7, д. 49, лл. 42–43.

---

¹ См. комментарий № 4 к письму № 681.

² Петрункевич.

³ И.М. Гревс.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Возможно, Владимир Маркович Любоцинский.

№ 683

10 августа/28 июля 1903 г., Мюнхен

Мюнхен, 10.VIII/28.VII 903

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил твоё письмо сюда. Я очень мало успеваю делать. Работаю в библиотеке, затем кое-что осматриваю в музеях, но вечера, а, как вчера, дни пропадают или отчасти пропадают вследствие излишней любезности Грота. Вчера я вполне проводил время в бюргерском профессорском Ruhe¹ – катался на лодке, пароходе, купался, ел и т.д. и так целый день. Сегодня вечером опять иду с Гротом и каким-то его другом, отставным баварским консулом в Париже, и дочерью Грота в «Franciscaner Keller», где мы пьем пиво, ужинаем и затем возвращаемся домой... Отказаться неудобно. Мне кажется, постаревший Грот, который перессорился со своими ближайшими учениками, помощниками, хватается за старого ученика, с которым у него сохранились хорошие отношения. Отказаться от его любезности не удастся. А два его помощника – проф. Вейншенк и доктор Грюнлинг его очень не любят, и я между двух сторон, так как у меня хорошие отношения с обоими.

Много думаю над своей статьей о прогрессе науки и развитии демократии (народные массы)², но план ее разрастается, и я не знаю даже, когда приблизительно ее кончу. Я все-таки не хочу выходить за пределы этюда, может быть, двух этюдов.

Нежно и горячо целую тебя и детей³. Гуле на днях напишу.

Твой Владимир

На обороте: Frau Pr. N.Vemadsky, Kampen, Sylt, Villa Fernsicht.

Оп. 7, д. 49, л. 44.

---

¹ Отдых (нем.).

² См. комментарий № 2 к письму № 680.

³ Н.В. и Г.В. Вернадские.

№ 684

14/1 августа 1903 г., Мюнхен

Мюнхен, 14/1.VIII 903

Дорогая моя Наталочка, сегодня от тебя не было письма. Завтра утром приезжает Самойлов, и послезавтра, в воскресенье, я думаю ехать в Зальцбург, где переночую, и затем проеду в Любек, Эйзенберг, Краубат, где сделаю

экскурсию с Гротом и еще некоторыми местными учеными. Оттуда в Вену. Я думаю там иметь известия и от тебя, моя дорогая.

Все это время работал довольно хорошо, но совсем подавляюсь, открывая все новые и новые недочеты в своей мысли и в своем знании; а это очень неприятная вещь, когда приходится касаться таких сложных и неясных вопросов. Очень чувствую недостаток математического и философского образования...

С Гротом уговорился о ряде статей и одну – [«Uber einige Folgerungen aus der Geoltz»]¹ von Haiу – в общих чертах набросал, по крайней мере, совершенно ясен ее план². Я думаю поместить в «Zeitschrift»³ в виде отдельных статей главные новые вещи из моего курса⁴. Обещал Гроту и немецкое изложение докторской диссертации моей, которая прошла без настоящего реферата, не знаю, когда смогу все это сделать. Чувствую, что это надо было бы, но как-то все нет времени и не успеваешь сделать что надо.

Какой ужас петербургские избиения в тюрьмах. Мне кажется, они совершенно потеряли голову или среди них нет ни одного умного человека. Письма Чеботарева производят сильное впечатление и едва ли результат этого впечатления тот, которого, по глупости, ждали и Плеве и Стремоухов... Читала ли ты подробности того, что делалось в Киеве? Это настоящий народный бунт, так же как и в Баку⁵! Десятки убитых в течение лета, недавно в газетах пишут о новом столкновении под Варшавой. Здесь больше всего сведений дает «Times»⁶, которая, очевидно, хочет доказать, что, не имея корреспондента, она все же au courant⁷ русских дел. Немецкие газеты помещают значительно меньше известий, и как-то на меня они производят вообще какое-то бледное впечатление во всех вопросах и событиях дня.

Сегодня послал 16 карточек детишкам – нашим и Милюковым. Целое искусство и все растущее: в Мюнхене молодые талантливые художники этим живут, и есть специалисты. Меня очень интересует вообще это новое проявление демократизации искусства: оно проявляется в иллюстрации книг, в Einsichtskarten⁸, в мелких поделках. Я вижу здесь крупный и любопытный шаг вперед.

Тема моя о прогрессе науки и народных массах⁹ все разрастается. И здесь столько надо обдумать и выяснить себе. Теперь у меня получается совершенно иное впечатление от политических течений начала XIX в. и от таких поэтов, как Шелли. Хочется его еще раз изучить, но пока не успел. В культурно-мировой обстановке его образ рисуется мне как образ одного из провозвестников свободного течения XIX в. Как отражение великих философских идей явился политический радикализм и либерализм начала столетия, но как первое в истории человечества крупное народное движение под влиянием науки явился **социализм**. Его предшественники очень интересны. Это были первые пружины. И мне хочется несколько остановиться на них – на Годвинк, на Овене, Шелли, сен-симонистах. Тем более что я считаю социализм по форме ложным течением и думаю, что у этих первых искателей мысли находится много верного и глубокого. В то же время все яснее становится роль Дидро и энциклопедистов. Но все это наброски мыслей. И сколько кругом неизвестного и непонятого.

Письмо Ивана¹⁰ уничтожил.

Нежно и горячо целую тебя, Гулю¹¹, Нинусю¹². Скажи ей, что я жду от нее письма.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 45–46.

¹ Не разобрано одно слово.

² Статья не была напечатана.

³ Имеется в виду журнал «Zeitschrift für Krystallographie und Mineralogie».

⁴ Статьи не были написаны.

⁵ Летом 1903 г. забастовки охватили весь юг России, в них принимали участие рабочие Баку, Батуми, Тифлиса, Одессы, Киева, Николаева, Екатеринослава. В общей сложности было 120–130 тыс. забастовщиков (см.: Генеральная репетиция Великого Октября. М.: Госполитиздат, 1985. С. 126 и далее).

⁶ «The Times» – ежедневная английская газета, выходит в Лондоне с 1785 г.

⁷ В курсе (фр.).

⁸ Почтовые открытки (нем.).

⁹ См. комментарий № 2 к письму № 680.

¹⁰ И.М. Гревс.

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² Н.В. Вернадская.

№ 685

18/5 августа 1903 г., Эйзенерц

Эйзенерц, 18/5.VIII 903

Дорогая моя, сегодня началась настоящая экскурсия. Удачно. Много видел. Ездим вчетвером. Завтра присоединяется Саль. Только что видел эту пальбу¹.

Нежно целую тебя и детишек².

Твой Владимир

На обороте: N. Vernadsky, Kampen, Sylt, Villa Femsicht.

Оп. 7, д. 49, л. 77.

¹ Речь идет об изображении на открытке: добыча угля или руды открытым способом с помощью взрыва.

² Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 686

23/10 августа 1903 г., [Rosenburg]¹

23/10 903 VIII

Дорогая моя, вчера получил твое письмо, из которого знаю, что ты хочешь ехать вместе с Гулей² 14-го в Полтаву. Очень этому рад. Я напишу еще одно письмо в Берлин, а затем буду писать в Полтаву.

Сейчас еду в экскурсию в Вальдфиртель, к границам Моравии, на целый день.

Не успел отправить. Отправляю с дороги.

Нежно и горячо целую тебя и детишек³.

Твой Владимир

На обороте: Frau N. Vernadsky, Kampen, Sylt, Villa Femsicht, Deutschland.

Оп. 7, д. 49, л. 48.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 687

24/11 августа 1903 г., Вена

11/24 августа 903 г.
Вена, Hotel de France

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе в Берлин, где, надеюсь, это письмо застанет тебя. Я очень рад, что ты едешь в Полтаву и что Гуля¹ едет не один. Как-то только беспокойно, что ты едешь ночью (надеюсь во 2-м классе!) и что выезжаете (из) Зильта в определенный день, не обращая внимания на погоду. А между тем вдруг придется ехать в бурю! Но все эти опасения и страхи, должно быть, не имеют никакого серьезного основания. Мне как-то не совсем по себе, опять «чувствую» сердце, и в связи с этим всегда как-то беспокойно и раздражительно. Я **очень** прошу тебя телеграфировать мне сюда, в Вену, Schotter King, Hotel de France, из Берлина о своем проезде. Я хочу уехать отсюда в пятницу, 27-го утром, и думаю проехать в Белград. Дело в том, что 30-го вечером назначен съезд в Будапеште участников поездки в Боснию, а 31-го выезжаем из Будапешта, и, несмотря на все мои попытки, никакой другой поездки сделать будет нельзя: нет времени. Будапешта я не люблю, сидеть в Вене не хочется, и я думаю воспользоваться 2-мя днями и съездить в Белград. 30/17 августа буду, наверное, в Будапеште, и к этому времени телеграфируй мне о Гуле (Budapest, Hotel Pannonia, Professor Vernadsky). Конечно, телеграфируй туда возможно раньше, т.е. о **переезде границы**, так как 31/18-го выезжаю в 7 час утра в Боснию. 4-го сентября буду в Sarajevo (Bosnien, poste restante) – туда пиши. 9-го сентября буду в Мостаре (Mostar, Bosnien, Congrèss géologique Internationale). Затем пиши в Гравозу (Gravosa, Dalmatien, Autriche, poste restante) – впредь до дальнейшего извещения.

Во всяком случае, в Будапеште к 30/17 августа я жду твоей телеграммы о выезде в Россию. Здесь масса знакомых, много русских, съехавшихся с разных мест. Виделся со многими, но как-то безалаберно. Конгресс довольно бесцветный. И мне как-то тяжело быть на людях. Но, конечно, теперь ничего не поделаешь, и выношу я очень много из всего этого общения.

Ты спрашиваешь, когда я буду в Москве? Я приеду прямо из Гравозы (Рагузы), откуда выеду 11 или 12 сентября н.с., должно быть, через Фиумэ–Загреб–Будапешт–Львов–Киев. Остановлюсь во Львове и, может быть, в Загребе, так что думаю быть около 5-го (русского) сентября в Москве. Нежно и горячо целую тебя и детей².

Твой Владимир

Кстати, в Австрии «postlagemd» неупотребительно. Надо писать по-старому «poste restante».

¹ Г.В. Вернадский.

² Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 688

28/15 августа 1903 г., Прессбург

Прессбург, 28/15.VIII 903

Дорогая моя Наталочка, давно от тебя нет известий, и я несколько беспокоюсь, так как вы должны были выехать из Зильта¹. Просил тебя телеграммой в Central Hotel в Берлине протелеграфировать мне в Вену в Hotel de France (оттуда мне перетелеграфировали бы сюда), но ждал там телеграммы вчера до 5 час дня и сегодня здесь – нет. Или ты не получила моей телеграммы, или подумала, что телеграмма не застанет, или вы еще не в Берлине. Но как-то беспокоюсь, и я скорее проеду в Будапешт, где уже наверное жду известий. Очень прошу тебя не рассчитывать здесь самой, а писать, как я тебе указываю (если ты не послала телеграммы в Вену из-за таких соображений), так как здесь, в боснийской экскурсии, очень трудно рассчитывать, и я устраиваю всегда так, чтобы получать письма etc.

В Белград не поехали, проехали мы с Яковом Владимировичем² в Прессбург, чтобы в тишине подготовиться к боснийской экскурсии. Завтра днем буду в Будапеште. Чувствую себя как-то так себе, ну да это не беда. Как я тебе писал в Берлин, пиши мне в Сараево и затем один раз в Мостар и, наконец, в Гравозу (Gravozza, Osterreich, poste restante).

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю³ и всех твоих. Очень рад, что ты с Марией Ивановной⁴ и что Нинуся у бабушки.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава, Poltava, Russie.

Оп. 7, д. 49, л. 49.

¹ В письме от 19/6 августа 1903 г. из Кампена Н.Е. Вернадская писала: «Мы выезжаем в четверг 14/27 августа» (ф. 518, оп. 3, д. 269, л. 91 об.).

² Самойлов.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Старицкая.

№ 689

29/16 августа 1903 г., Будапешт

Будапешт, 29/16.VIII 903

Дорогая моя Наталочка, сегодня я получил твою телеграмму из Александрова и значительно успокоился. Ты, очевидно, не останавливалась долго в Берлине, как хотела, и я с нетерпением жду твоего письма в Сараево. Здесь я письма не нашел. Пиши теперь одно письмо в Гравозу (Gravozza) и другое в Полд (Pold,

Autriche, poste restante), где я буду 11-го сентября н.с., а затем еще одно пошли во Львов (Lwow, Golicie, Autriche), где я думаю остановиться при проезде домой в Москву около 13–14 сентября н.с. Все эти города к тебе ближе, и письма туда идут из Полтавы недолго. В Москве буду около 4–5 сентября ст.с.

Приехал сюда сегодня днем. Все переполнено, и мы опять поместились с Самойловым в одной комнате. Мне все-таки не очень удобно быть в одной комнате с другим человеком, хотя с Яковом Владимировичем я и очень близок. Приобретается привычка, и иногда хочется одиночества. И теперь Самойлов и многие члены экскурсии ушли осматривать Будапешт со здешним минералогом Зимани, но я остался и пишу тебе эти несколько слов. Вечером сговорились идти на Margareteninsel, в ресторан, но я не знаю, пойду ли. Как-то не хочется быть все время на людях. Едет нас в Боснию 72 человека! И среди них есть довольно-таки неприятные мне немцы (хотя ничего не могу сказать против них, и старые знакомые), как профессор Бергт из Дрездена и т.д. Прямо иногда бессмысленно неприятно действуют люди. Вчера и утром в поезде много читал к экскурсии, хочется взять больше из нее. По-видимому, многое подготовлено и хотят показать культурную (несомненную) работу Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине. И несомненно много они сделали. Очень любопытны данные научной работы, причем, к своему удивлению, я увидел, как много начинают работать балканские ученые – сербы, болгары, румыны – главным образом выученики немецких, менее французских университетов. Очень существенная часть геологии Балканского полуострова выяснена их трудами, и теперь они начинают становиться на первое место в этой работе – главным образом сербы, хорваты и румыны. С ними едет Радванович из Белграда, и в Вене я встретил очень большого моего приятеля Мургочи из Бухареста, с которым был рад видеться.

Конгресс был необычайно **серый** по людям и мыслям. На заседаниях я бывал очень мало, и они были неинтересны. Самое важное – свидание с людьми, но оно мне становится все тяжелее и тяжелее. Много было русских, но как-то наша московская компания (причисляя сюда Самойлова и Сиому) держалась отдельно, хотя я и рад был видеть Земятченского, Агафонова и других. Но живой разговор бывал временами и в большой компании, бывало душно среди пошлых разговоров. Очень опустился и Шарицер (который теперь ректором Черновицкого университета и тебе очень кланяется). Он все зовет меня ехать через Черновцы, но не по пути. Несколько ближе сошелся со Славиком из Праги (хорошо говорит по-русски), но и раньше был с ним в переписке. Из новых, очень многочисленных знакомых едва ли с кем ближе сойдуся, хотя есть и очень милые люди, с которыми есть общие точки соприкосновения, как молодой Борисяк из Петербурга или Редлих из Любека.

Мысль работает все время, не переставая. Надо кончить задуманное, и я ясно чувствую и сознаю, что вместе с учениками можно идти впереди научно-го движения и вести за собой других. Но разве это может быть **целью жизни**?

Конечно, этот съезд был мне не безразличен. Особенно многочисленные посещения музеев и разговоры с отдельными лицами и соприкосновение с молодыми, перед которыми впервые открываются горизонты научного знания, дают многое. Я начинаю видеть свои пробелы, яснее и резче очерчивается путь, и тверже становится вожжа, которой направляется мой научный путь, но в душе стремление к чему-то другому.

Скажи Георгию¹, что я все хочу написать ему и его жене², и все хочется выбрать **настроение**. С дороги надеюсь написать.

Что моя Нинуля?³ Не забыла ли она своего папу?

Горячо и нежно целую тебя, ее. Поцелуй Марию Ивановну⁴ и Маку⁵.

Любящий тебя Владимир

Жду с большим нетерпением письма твоего из России, моя дорогая Натуся.

Оп. 7, д. 49, лл. 50–53.

---

¹ Г.Е. Старицкий.

² Елизавета Петровна Старицкая.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Старицкая.

⁵ М.Е. Старицкая.

№ 690

30/17 августа 1903 г., Будапешт

30/17.VIII 903, Будапешт

Дорогая моя Наталочка, наконец получил здесь твою последнюю карточку из Кампена. Она пространствовала, так как ты в слове Budapest сделала 3 ошибки!

Завтра утром выезжаю в Брчку и надеюсь в Сараеве (буду там от 21–23 августа) иметь дальнейшие от тебя известия.

Здесь осмотрел утром минералогические собрания, и сейчас вечером у нас предварительная *Zusammentreffen*¹ едущих в Боснию (почти 80 человек) с неизбежным ужином (простым – каждый заказывает себе что-нибудь). В компанию, как всегда, привязалось несколько туристов, и она крайне пестрая. Мы с Самойловым чувствуем себя не особенно *gemütlich*² в этой компании; уже очень много различий между нашими привычками и привычками иностранцев. Особенно шокируют некоторые немцы своей грубостью. В Брчку приезжаем завтра вечером, ночуем и целый день затем едем на лошадях. Надо вставать рано утром. Боюсь, что благодаря такой большой компании экскурсия будет не вполне удачная, хотя места посещаем очень интересные и гид издан прекрасно.

Нежно целую тебя. Поцелуй дорогую Нинулю³. Что она делает? Рада ли, что у бабушки⁴? Целую всех.

Твой Владимир

Где Евдокия Ивановна⁵? Что Гуля⁶?

Оп. 7, д. 49, лл. 54–55.

---

¹ Встреча (нем.).

² Уютно (нем.).

³ Н.В. Вернадская.

⁴ М.И. Старицкая.

⁵ Голицына.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 691¹

3 сентября/21 августа 1903 г., Зеница

VIII/3.IX 903, Зеница

Дорогая моя, сегодня утром выехал из Добоэ, где [ночевал]², и буду вечером в Сараево, поселяюсь в окрестностях [Илидж]³. Погода прекрасная. Много интересного, а тяжело официальное политиканство. Из Сараева – подробнее. Нежно целую тебя, Нинусю⁴ и всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава, Russia, Poltawa**.

ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 442, л. 5.

¹ Открытка с видом Добоэ.

² Оторван угол открытки.

³ То же.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 692

4 сентября/22 августа 1903 г., Илиджа

Илиджа, 4.IX/22. VIII 903

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда и в Сараеве получил твою и Гулины¹ телеграммы, которые мне передали на вокзале. Очень благодарю тебя за них, моя дорогая. На почту было идти поздно, и сейчас утром я еду в Сараево, где надеюсь получить от тебя более подробные сведения. Очень меня интересует, как вы доехали и как отнеслась Нинуська² к Полтаве, хотела ли она туда приехать или нет?

Поездка дает очень много. Не только вид новой страны, но и разнообразные разговоры, которые приходится вести с людьми разных стран, национальностей, интересов, дают массу не только впечатлений, но и знаний. Огромное большинство приехавших – немцы, среди которых есть знаменитости и многие мои старые знакомые, но среди них интересных людей немного: точно так же бесцветны большинство французов, большей частью любителей и совсем юных, начинающих ученых, и англичан, которые также мне абсолютно неизвестны, в большинстве по научным работам: это все более молодые, местные геологи. Но я как-то в последнее время всего более сошелся со славянской компанией – здесь очень милая пара Радовановичей (муж и жена), муж – профессор геологии в Белграде, молодой сербский инженер Антула, болгарские геологи Ваннов и Златарский, польский приват-доцент из Галиции Лозинский. В этой компании я провожу довольно много времени, и, мне кажется, делаю успехи в сербском языке, так как заставляю говорить с собою по-сербски. Понимают по-русски они все, так что мы разговариваем иногда так, например с Лозинским, – он говорит мне небыстро по-польски, а я отвечаю ему по-русски. Вообще заметны огромные успехи в знании русского языка, и ясно чувствуется, что его время, как одного из мировых языков, пришло. Мы встречаем постоянно людей, знающих по-русски, а здесь везде вполне возможно обойтись одним русским языком, так как мы в конце кон-

цов объясняем с ним и на улицах, и в магазинах; из славян очень многие знают по-русски. Здесь, в Сараево, ходили только что с горным чиновником – галичанином святогорского рода, говорящим довольно сносно по-русски; в небольшом Брчке тоже встретились австрийцы, знающие по-русски, и их мы встречаем на каждом шагу. Среди немцев – членов конгресса – есть 3–4 человека, знающих по-русски, и теперь просят присылать и русские работы, так как они говорят, что найдут переводчика.

В постоянных разговорах со славянами я, к своему удивлению, замечаю, что я начинаю ближе понимать **русский** язык. Невольно вспоминаю разговоры с Георгием³ о значении славянских языков для познания нашего. Он думал, что они ничего не могут дать. Но вот несколько примеров: «сейчас» – у нас значит совсем не то, что «сей час», так как час – очень много, а сейчас – момент. По-сербски, однако, «час» – значит момент, минута (а «сета» – значит hour – час). Для меня сразу стало понятно значение этого выражения. Тоже возьмем: «под сенью деревьев» – мы говорим всюду «тень», и только для деревни является «сень», но по-сербски «сень» значит **сенка**. Или цыплята, цыпленок – тесно связано со старинным сербским и болгарским словом пиле и т.д. Все время во время моих попыток понять и говорить по-сербски, слушая выражения и речи поляков, сербов и болгар, я начинаю яснее и глубже всматриваться в структуру и смысл нашей русской речи.

* * *

Только что получил твоих три письма с письмом Гольштейн. Очень счастлив Гулиным общением с Иваном⁴ и очень был бы рад, если бы, как говорил, смеясь, про него в разговоре про детей японский профессор Кото (который будет у нас в Москве), Гуля стал большим ученым, чем я, я говорил ему, что мы экскурсируем с Гулей вместе. Этот японец – умный и старый, маленький типичный монгол, резко отличается от всех нас и служит предметом общего внимания. Очень интересны разговоры с ним и с другими по поводу восточных дел. Между прочим, ясно чувствуется крупное фиаско, какое потерпела Россия на Балканском полуострове после убийства второго консула. Наша дипломатия, однако, пользуется у них гораздо большим успехом и известностью, чем у нас.

Здесь много интересного, помимо удивительно красивых южных видов и оригинальной картины горной страны: здесь сменяются разные формации и горы имеют совсем иной облик в зависимости от их строения. Так, до сих пор в долине Босны мы были среди третичных пород, покрытых лесом, с чудными мягкими контурами. Теперь к Сараеву придвинулись из-за них триасовые известковые, почти голые горы, напоминающие в более грандиозной картине Южный Тироль. Маевица, которую мы недавно пересекли, очень мне напомнила Шемахинские отроги Малого Кавказа.

Мы очень много видим показной стороны. Австро-венгры хотят показать нам успехи своей культуры в течение последних 25 лет. До известной степени это все-таки эксплуатация населения, и никак нельзя получить ясной и полной картины. В лучшем случае мы имеем здесь просвещенный абсолютизм прошлого века, быстро, благодаря усовершенствованной технике нового времени, оказавший благоприятное влияние прекращением турецкой неурядицы, но теперь давящий свободную жизнь страны. В то же время

из-за политических интересов здесь все усиливается католическая пропаганда монахов и идет создание крупной промышленности в форме немецкого культуртрегерства⁵. Никаких точных дат получить нельзя. И отовсюду нам говорят о благодетельной работе австрийского чиновничества; это все принимается *a la lettre*⁶ многими членами конгресса, и многие, особенно немцы, говорят в этом отношении бестактные и шовинистические речи. Я надеюсь, что в состоянии буду до конца остаться молчаливым зрителем; сегодня долго колебался – идти ли на банкет, на который нас приглашает «Le gouvernement de la Bosnie et Herzegovne»⁷, но в конце концов, должно быть, пойду, так как не вижу надобности делать демонстрации и из славян некоторым никак нельзя не быть. Но и вся показная картина шита белыми нитками, ибо здесь все достигается вне общественного развития населения, и резкая разница, например, с Болгарией, которая в тот же промежуток времени выдвинула и развила литературу, науку, живую общественную жизнь, чего нет и следа в чиновничьей Боснии. А величины сравнимые, тем более что Босния – это один из крупных рудных центров Европы, а Болгария совсем лишена таких крайне важных «естественных богатств». Босния богата углем, железом и рудами, и недаром Боснийские горы были центром еще до римского горного дела. Боснийские горы с правом зовутся Рудными.

Сегодня был в превосходном музее. Но все это создание стороннего культуртрегерства. В течение долгих лет нет, кажется, ни одного местного учебного, мало пожертвованных, ни одной **местной** силы не привлечено. Главные деятели в музее – чехи и немцы, много сделавшие, конечно, для науки, но не создавшие в стране живого центра. В этом отношении опять невольно напрашивается для меня сравнение с Болгарией.

Связь с сербами здесь старательно прерывается; говорят о босняцком языке (сербский), и люди разных вер называют себя разными народами: «турки» – босняки-мусульмане, не знающие ни слова по-турецки, хорваты – босняки-католики и сербы – босняки-православные. И все ненавидят друг друга. Но в молодежи начинается новое движение – стремление к сближению... Связь с хорватами здесь поощряется, сербы находятся в относительном загоне; сербы-ученые из Сербии – не могут свободно ездить по стране.

Мне пришлось сегодня ходить по лавкам (книжным), я попадал к сербам и хорватам и много вынес интересного. Разговор вел по-русски и (по-)немецки – как пример, мелкий, но оригинальный. Для Гули купил ряд карточек с видами, хочу платить – по 3 крейцера. Вдруг серб-продавец берет одну карточку с видом православного собора в Сараеве и рвет ее на мелкие части. Из разговора выясняется, что он ее не продает, так как там «швабы» написали «Грчка цркв» – тогда как это сербская, и он дал другую карточку с подписью «Сербская церковь».

Опека чиновничества чувствуется всюду, и нам, например, очень трудно избавиться от услужливых, но не всегда приятных провожатых.

В общем у меня впечатление такое: много сделано для внешнего порядка и благоустройства, но не вызваны к жизни живые силы страны и из политических мотивов заглушена единая связь между разными группами сербского народа. Вызваны и усилены между ними стремления к розни, и теперь уже давно вся положительная сторона чиновничьей администрации кончена – начинает все сильнее выступать ее отрицательная, давящая власть. К чему она

приведет страну – трудно сказать. Мне только мельком виднеется та бродячая сила, которая так давно отражается на всем Европейском континенте и которая таится в глубинах народных масс Балканского полуострова.

Завтра еду на целый день в Ворепп – один из центров железных руд Балканского полуострова. Вернусь лишь вечером.

Между прочим, в Сараево был в большой чудной мечети. Я до сих пор не могу отделаться от поразительной красоты арабесков в связи с архитектурными красотами здания. Это совсем для меня новое художественное впечатление...

Как много здесь схожего с Малороссией в другой обстановке. И мотивы музыки и песни – родные.

Нежно и горячо целую тебя и Нину. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 56–60.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.Е. Старицкий.

⁴ И.М. Гревс.

⁵ От немецкого «Kulturträger» – носитель культуры, ироничное название человека (обычно колонизатора), прикрывающего свои корыстные, захватнические цели маской распространителя культуры.

⁶ Буквально (фр.).

⁷ Правительство Боснии и Герцеговины (фр.).

№ 693¹

9 сентября/27 августа 1903 г., Яблонец

Яблонец, 27.VIII/9.IX 1903 г.

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда, в Герцеговину, в долину Неретвы, в бассейн Адриатического моря. Удивительно красивые проехали места. Сегодня едем в Мостар, и затем завтра экскурсия кончается. Хочется домой. Я проеду в Москву довольно быстро и через неделю думаю быть в Москве. Устал несколько от людей и от невозможности распределять время как хочется, наконец, от массы впечатлений. Когда думаешь приехать в Москву? Пиши туда.

Нежно и горячо целую.

Твой Владимир

Что Нинула²?

На обороте: Ее высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Иститутская ул., д. Янович, **Полтава, Poltava, Russie.**

ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 442, л. 6.

---

¹ Открытка с видом Яблонца.

² Н.В. Вернадская.

9 сентября/27 августа 1903 г., Мостар

Мостар, 9.IX/27.VIII 903

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехал в Мостар и получил твою карточку от 21 августа – почти неделю назад. Завтра буду в Гравозе, и экскурсия кончается. Как я писал уже тебе из Яблонеца, я доволен тем, что она кончается, хочется уже вернуться к обычной, нормальной работе, выйти из неустроенной сутолоки и постоянного неизменного общения с людьми. Многие едут еще дальше, в далматинскую экскурсию, другие хотят воспользоваться временем и проехать в Цетине. Но и то и другое было бы мне уже очень тяжело.

Поездка по Герцеговине, которую мы переехали частью по железной дороге, частью на лошадях, была восхитительная. Это самые красивые горные виды, которые я видел до сих пор в этом году. Все время одна панорама сменялась другой, контраст между полными зелени Боснийскими видами и голыми вершинами Герцеговинских гор, возвышающихся стеной, поразителен. Но это горы, почти лишенные растительности, тяжелые и мрачные в своей южной отделке; они напоминают мне Апеннины.

Мостар – совершенно восточный город больше, чем все другие мной виденные города. По своей совершенно чуждой мне природе он очень интересен: переносишься в какую-то чуждую человеческую природу, в которой ищешь с большим трудом и волнением общечеловеческие черты. В этом отношении много дают общечеловеческого мечети, открытая жизнь на улице мелких торговцев и работников, наконец, удивительная своеобразная картина мухамеданских¹ мечетей с кладбищем рядом.

Завале, 10.IX

Вчера не дописал. Хочу отправить сейчас письмо, так как выезжаю из границ Герцеговины, и мои марки не будут иметь значения в Далмации.

Нежно и горячо целую тебя, и Нинулю², и всех. Около 2-го сентября буду в Москве.

Твой Владимир

Пишу перед входом в любопытную ветренницу, откуда идет страшный ветер (фр. – *aven*)³, в любопытнейшей Карстовой области. Внизу «Попово поле» – огромная область, зимой (3–4 месяца) озеро, где плавают парусные суда. Теперь, летом, поле с табаком и кукурузой. Кругом голые скалы и старый православный монастырь. С монахами говорил по-русски, а они – по-старославянски.

Оп. 7, д. 49, лл. 61–62.

---

¹ Магометанских (совр.).

² Н.В. Вернадская.

³ Карстовый провал (фр.).

№ 695

11 сентября/29 августа 1903 г., Дубровник

Дубровник, 11.IX/29.VIII 903

Дорогая моя, приехал вчера вечером в Груч (Гравозу) и нашел там твою карточку от 21 августа. Очень жаль, что ты рассчитала неверно, я бы мог свободно получить карточку от 23 августа или даже от 24 августа. А теперь не знаю о вас больше, чем из Мостара. Сегодня днем уезжаю в Триест на пароходе. Как раз поднялся ветер – sciocscata¹, обещающий перейти в scioccosco², и, очень вероятно, переезд будет бурный. Полу миную. Я уже телеграфировал туда, чтобы письмо мне переслали во Львов, где пробуду ночь и полдня. В Москву приеду 3-го сентября днем в среду и надеюсь еще попасть в университет, в факультет.

Дубровник (Рагуза) в 1/2 час ходьбы от Груча (Гравозы) – старинный городок с резко выраженным итальянским типом, чистый и очень красиво расположенный. Это город прошлого; чисто славянский, изредка слышится итальянская и немецкая речь. Мы обошли его всюду, кругом уже южная растительность – алоэ и пальмы, в полном цвету олеандры. Взял II класс на пароходе «Ллойд-Джордж», но если будет плохо, переменю на 1-й.

Нежно и горячо целую. Очень надеюсь получить письма во Львове. Поцелуй драгоценную деточку³.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Poltava, Полтава, Russie.

Оп. 7, д. 49, л. 63.

¹ Сильный сирокко.

² Сирокко – юго-восточный ветер в Средиземноморье.

³ Н.В. Вернадская.

№ 696

14/1 сентября 1903 г., Львов

Львов, 1/14.IX 903

Дорогая моя, сейчас выезжаю из Львова и в среду буду в Москве. Надеюсь, скоро и ты приедешь? В твоих письмах, которые я здесь все получил, ты как-то неясно об этом говоришь: говоришь, чтобы я тебя вызвал, когда захочу. Как-то это всегда тяжело, точно я делаю какое-то над тобой насилие всякий раз.

Здесь пробыл неделю. Был в Русском народном доме в «Науковом товаристве ім. Шевченкі». Русская жизнь здесь идет слабо, и резко и ясно проявляется влияние оторванности от Украины. Мало сил, и главным образом мало средств. Еду в Москву с двойным чувством. Боюсь, что год будет тяжелый, да, как и вообще, очень тяжелое положение переживает Россия, и, понятно, тяжело в университете. Опять будут волнения, опять будут страдания, перебив работы, а хотелось бы непрерывной научной работы.

Славянам не везет, всюду им живется несладко.

Нежно и горячо целую тебя и дорогую драгоценную крошку¹. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 68–69.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 697

2 сентября 1903 г., поезд Киев–Москва (через Курск)

Из Киева в Курск, 2.IX 903

Дорогая моя Наталочка, не успел тебе написать в Киеве, где все время провел частью разыскивая, частью находясь у Бум.¹ и Лидии Карловны², которая, оказалось, живет очень далеко от вокзала. Самого Киева почти не видел.

Еду в Москву, но по ошибке попал не на Брянский поезд, а на Курский и приеду лишь завтра в 4 1/2 час дня. Вероятно, в четверг же, 4-го, начну лекции. В среду думал быть в факультете, но опоздал. Начнется теперь рабочая, московская жизнь.

Киев не произвел на меня никакого впечатления, впрочем, я его видел только едя по улицам.

В последние дни что-то не везет. В Дубровнике потерял туфли, дорогой в Вену – карандаш и ножик, вчера ночью у меня в вагоне украли зонтик (а у соседей часы, пальто и т.д.). Из Дубровника в Триест была сильная качка, так что я после приступа морской болезни в Поле слез с парохода и перешел на железную дорогу.

Гуле³ будет трудно в гимназии эти два года! Но он должен найти [эффект] в самостоятельной работе. Надеюсь, что он найдет его.

Когда ты думаешь вернуться?

Нежно поцелуй нашу огромную крошку⁴. Горячо целую тебя, и поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, лл. 64–65.

---

¹ Личность установить не удалось, фамилия написана сокращенно.

² Возможно, Вульферт.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 698

4 сентября 1903 г., Москва

Москва, 4.IX 903

Дорогая моя, вчера приехал в Москву. К большому моему огорчению, от тебя нет **никаких** известий, и я несколько беспокоюсь. Гуля¹ здоров.

Нежно целую дорогую деточку² и тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 49, л. 66.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

№ 699

5 сентября 1903 г., Москва

Москва, 5.IX 903

Дорогая моя, вчера наконец от тебя письмо, и Гуля¹ получил. В Вернадовку я не еду – масса работы как научной, так и университетской, да я еще простудился дорогой и чувствую себя неважно. Вчера были у меня гости – Иван Ильич и Анастасия Сергеевна² и Павел Иванович³ с Ник. Ник.⁴ Анастасия Сергеевна просит тебя черкнуть ей словечко. Гуля здоров, но сильно похудел.

Нежно и горячо целую большую крошку⁵ и тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 49, л. 67.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Петрункевичи.

³ Новгородцев.

⁴ Очевидно, Н.Н. Львов.

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 700

28 сентября 1903 г., Моршанск

Моршанск, 28.IX 903

Дорогая моя Наталочка! Вчера весь день пробыл в собрании, на людях, обедал и завтракал у председателя управы Сергея Исид¹. А утром вел счета с Поповым, который приезжал из деревни. Сегодня утром и вчера вечером с 11 1/2 был один и несколько отдыхал в чтении и мысли. На меня всегда земское собрание, особенно уездное, производит впечатление так, что я в это время чувствую биение серой, но самой основной, текущей жизни страны. Я чувствую преемственную, историческую, пассивную силу, из которой в конце концов выливаются новые формы жизни, и улавливаю грохот и ропот бессознательных и малооформленных ее течений. Что из них выльется в будущем – во многом есть дело случая...

Вечером вчера и утром просматривал с большим и живым интересом «Труды Тамбовской археологической комиссии». Из прошлого ко мне подходили тени того же самого, и не раз чувствовалось, что многое сложилось бы

иначе, если бы **случай** был иного рода. Мне кажется, в отрицании **случая** и его значения в исторической жизни страны или народа кроется остаток старых телеологических воззрений и антропоморфического представления об окружающем...

Но признание «случая» и его значения связано с признанием сильного влияния **личности** на окружающее и делает особенно важным и нужным смелое и открытое проявление личного сознания. Ибо случай в исторической жизни не раз есть не что иное, как влияние личного сознания, свободной индивидуальной мысли и деятельности.

Собрание серое. Жалею, что не был вчера, так как вчера провалился de facto² вопрос большой важности (теоретической) о расширении избирательного права. Нет привычки брать вопрос с общей точки зрения, и за временными, текущими вопросами теряется впечатление о неизбежности и отдаленного, иногда гораздо более крупного влияния всякой деятельности, многих отдельных фактов. У людей мало **воображения**. Если бы оно было достаточно развито, многое было бы иное и не было бы возможности существования той государственной, разрушительной политики, какую мы переживаем.

Мне приходится много говорить, что для меня крайне тяжело и неприятно, и я совершенно не умею ясно и глубоко высказать свою мысль, не успеваю быстро постичь реплику, вывести настоящее заключение. Но все-таки вчера удалось отстоять увеличение жалования учителям и увеличение учебных пособий школам, проваленное было в комиссии.

Главным оппонентом является почтенный и уважаемый мною старик Чолокаев. Он постарел, страх перед неизбежным, по его мнению, крахом заставил его податься направо; он чувствует рост оппозиционного настроения и, как старый медведь, сердится и начинает защищать то, что считает временно меньшим из зол. Настроение кругом вялое, но беспокойное. Ясно чувствуется все углубляющееся нарастание недовольства и смуты, не проявляющееся нередко наружу. Чувствуется и ясно видится, что тот рост полубессознательного разлада общества с формами, в какие поставлена его жизнь, все идет дальше. И мрачное может быть будущее. Теряется надежда на мирное и спокойное решение кризиса...

Передай Дмитрию Сократовичу³ – я не знаю его адреса, а он просил известить в течение недели, что я не успел просмотреть его коллекции перед отъездом. О бурых железняках, кроме статей Земятченского, о которых я говорил ему, статьи Краснопольского в «Известиях Геологического комитета 1900»⁴. Все неважно.

Жду сегодня письма от тебя. Что Нинуся?⁵ Гуля?⁶ Как-то здоровье большой малютки?

Нежно целую.

Твой Владимир

Попову говорил о масле. Оправдывается. Поеду в деревню в воскресенье или понедельник. Здесь мороз, шуба как раз.

Оп. 7, д., 49, лл. 71–72.

¹ Сергей Исидорович Попов.

² Фактически (лат.).

³ Старынкевич.

⁴ Об исследованиях бурого железняка А.А. Краснопольским в Елецком уезде Орловской губ. см.: Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета за 1899 г. // Изв. Геол. ком. 1900. Т. 19, № 3. С. 96–102.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 701

3 декабря 1903 г., Тамбов

Тамбов, 3.XII 903

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил от тебя письмо от 1-го и очень был рад ему. Доехал благополучно, попал к началу собрания. Собрание будет, по-видимому, довольно мирное, хотя, может быть, будут подняты и принципиальные вопросы. Пока идет медленно и, как всегда, и интересно, и тяжело, и масса мелочной работы. Хочу скорее послать эту записку, пишу во время перерыва в собрании.

Нежно и горячо тебя и детей¹ целую. Сегодня или завтра утром еще напишу.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 49, л. 73.

---

¹ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 702

5 декабря 1903 г., Тамбов

5.XII 903, Тамбов

Дорогая моя Наталочка, как рад был получить от тебя 2 письма, которые аккуратно передают известия о доме. Скажи Нинульке¹, что и я о ней часто думаю и недавно ей писал.

Собрание становится бурным², у нас идут пререкания с Чолокаевым, который не хочет пускать вопросов, имеющих политический характер. Вчера в комиссии у нас (публичное заседание) происходило в этом отношении с ним объяснение начистоту, и комиссия единогласно решила внести ходатайство о пересмотре земского положения 1890 г. в смысле восстановления **начал** положения 1864 г. и их развития в духе бессословности и большей самостоятельности земства. Сегодня вопрос о мелкой единице³. Кол.⁴ одно время колебался. Сегодня идут объяснения с Чолокаевым по поводу еще некоторых предполагаемых заявлений.

Настроение собрания странное. Неожиданно заявления общего характера встречают сочувствие, но все-таки для нас настроение неясное. Прошла земская газета⁵; управа хотела скромный орган – ни то ни се. В комиссии, по моему предложению, решено было издавать настоящую земскую еженедельную газету и ассигновать на это 8000 руб. И совершенно неожиданно в собрании

вчера, несмотря на возражение Чолокаева, это предложение прошло подавляющим большинством.

Я все-таки чувствую себя вырванным из обычной обстановки; с удовольствием урывками – между заседаниями – читаю разные вещи из области наук, далекие от общественных и политических интересов – книжки журналов, которые захватил с собой. Между прочим, ты мне вместо одного портфелика вложила другой, и я не могу заняться корреспонденцией, так как адреса и письма остались в Москве (также и визитные карточки!).

Марк⁶ чувствует себя хорошо. Поселились мы с ним в одном номере.

Нежно и горячо целую тебя и детишек⁷. Что Гуля – доволен концертом? Целую.

Твой Владимир

Оп. 7, Д. 49, лл. 74–75.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Информацию о губернском земском собрании см.: Тамбовские губернские ведомости. 1903. № 270 от 23 декабря и № 271 от 24 декабря.

³ Имеется в виду мелкая земская единица.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ О земской газете см.: *Краснодубровский С.* Тамбовская земская газета // Тамбовские губернские ведомости. 1903. № 270 от 23 декабря и № 271 от 24 декабря.

⁶ М.М. Любошинский.

⁷ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 703

6 декабря 1903 г., Тамбов

6.XII 903, Тамбов

Дорогая моя, получил сегодня оба письма о болезни Нинуси¹. Очень, конечно, тяжело, когда она больна – особенно вдаль, но я так уверен, что ты сделаешь все что возможно. Собрание идет дальше крайне медленно, но те вопросы, о которых я тебе писал, **пойдут** – может быть, сегодня, завтра. Выдвигаются и другие, практически важные. Целый день уходит на заседание – даже сегодня, в табельный день, утром была комиссия (страховые вопросы), теперь заседание собрания (поднимаются и обсуждаются мелочные вопросы об увеличении жалования и количестве служащих в больницах). Не знаю, не пойдет ли после важный вопрос о цензе. Вечером будет опять или заседание собрания (скучные выборы), или комиссии. Дела не кончатся, и ясно, что будет экстренное собрание.

Нежно и горячо целую. Поеду не раньше понедельника. Поцелуй горячо детей². Целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской** (Поварская), Борисоглебский пер., д. Писемского, **Москва**.

Оп. 7, д. 49, л. 76.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 704

30 марта 1904 г., [С.-Петербург]¹

30.III 904

Дорогая моя, доехал очень хорошо. Поезд был почти пустой. Встретили сестры² и Гуля³. Он тебе вчера писал, так что ты о нем знаешь. Он хочет остаться здесь дольше – кажется, сошелся с Старын.⁴ и Гессен. Я останюсь у Кати⁵ – теперь пишу из Лелиной⁶ квартиры. Мне кажется, я очень легко смогу уехать раньше; как-то не привык проводить время без определенного, ясно выраженного дела. Катя очень плоха на вид.

Нежно целую. Поцелуй мою драгоценную детку, нашу баловницу Ни-нульку⁷.

Жду очень известий, как все у вас – как здоровье твое и Нины.

Твой Владимир

Моя дорогая Тутя, пожалуйста, осторожней будь с простудой.

Оп. 2, д. 33, л. 76.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² О.И. Алексеева и Е.И. Короленко.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Очевидно, Костя (Константин Дмитриевич) Старынкевич; см. комментарий № 2 к письму № 706.

⁵ Е.И. Короленко.

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 705

4 июня 1904 г., Вернадовка

ТЕЛЕГРАММА

Полтава, Институтская,
Старицкой для Вернадской

Из Вернадовки ж.д. № 11

Принята 4.VI 1904 г.

Сейчас приехал. Гуля¹ болен корью. Лежит. Доктор был вчера. Идет нормальный². Приглашаю завтра. Буду телеграфировать.

Владимир

Оп. 7, д. 50, л. 5.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Так в оригинале.

4 июня 1904 г., Вернадовка

Вернадовка, 4.VI 904

Дорогая моя, вчера приехал и застал Гулю¹ больным в сильной довольно кори. Вероятно, захватил во время поездки. За ним ухаживал с огромной нежностью и выдержанностью Костя², которого приглашенный доктор – земский – Плотников (очень хороший и врач и человек) окрестил «брат милосердия». Они мне послали телеграмму, но она разминулась. По-видимому, Гуля заболел 30 или 31 мая. Доктор был 1-го после того, как температура³ была 39,7°; когда я приехал и поставил градусник (достали у фельдшера в Вернадовке, где построен железнодорожный приемный покой, и всегда живет фельдшер), то температура оказалась 37,6, сегодня утром – 36,9, а в 4 час, когда был доктор, – 36,4, и теперь температура нормальная. Усложнилась болезнь главным образом желудком (как всегда у Гули), а затем у него слабый бронхит (теперь прошел – остался его обычный кашель). Плотников его внимательно осмотрел и считает, что все идет хорошо, уже дня через 2 он встанет, а в понедельник, самое позднее во вторник – будет ванна. Сыпь сегодня уже уменьшилась, а на лице шелушится. Появился аппетит. Он говорит, что так как в России, по-видимому, все болеют корью, то лучше ее получить теперь, весной или летом, чем осенью или зимой.

Ужасно тяжело, что из-за этого откладывается твой приезд! Нинусю⁴ нельзя перевезти, пока не дезинфицируем весь дом или по крайней мере ту комнату, где он спал и болел, и его вещи. Возьму у Плотникова машинку с формалином и весь дом вымою. Все время будем проветривать, и к 16 июня Нинуся может приехать. Очень мне хочется пожить с тобой и с деточкой, и хотя здесь холодно (цветет сирень и ландыши – в июне!), но все-таки есть своего рода особое чувство home'a⁵. Очень вас с Нинусей жду; я буду с ней много гулять. Сад ничего себе.

Эмилию⁶ и кухарку привез с собою; все-таки без тебя очень трудно устроиться, да еще теперь мы в карантине с Поповыми, так как М.Н.⁷ боится за Сонечку. Эти два дня А.И.⁸ на лошадиной мобилизации⁹. Здесь очень тяжелые условия – тяжелее Полтавы, берут много народа, так как в Моршанске формируются 2 новых полка для Сибирского корпуса. С одного нашего стана вызвали 5000 человек. Берут и учителей. Из 7 земских врачей взяли 2, взяли фельдшеров, и теперь целое разорение всего земского дела: остаемся без врачей... И они еще всячески стесняют развитие высшего образования! Все объявления остаются напрасными.

Ниночкиной постели нет – напиши Мюр и Мерилизу. Забыл лампу – не захватишь ли из Полтавы? Купи какую-нибудь переносную. Непременно вези подушки. Послал тебе 31.V 150 руб. Хватит? Из Тулы до Вернадовки приплати и **возьми первый класс**, так как тут большое движение в Сибирь. Все время идут войска, везут пушки. В общем настроение тяжелое, и ты ясно и резко чувствуешь, что война рассматривается всеми как бедствие, и чувствуется ее бессмысленность.

Нежно и горячо целую. Очень вас с Нинулей жду. Скажи ей, что папа за ней сильно соскучился.

Твой Владимир

¹ Г.В. Вернадский.

² В «Хронологии» за 1904 г. написано: «...Гуля поехал в Вернадовку с Костей» (далее рукой В.И. Вернадского вписано: «Старынкевич») (ф. 518, оп. 2, д. 33, л. 99).

³ Здесь и далее в письме слово «температура» обозначено – «t°».

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Дом (англ.).

⁶ Прислуга в доме Вернадских.

⁷ М.Н. Попова.

⁸ Александр Иванович Попов.

⁹ Речь идет о мобилизации в связи с начавшейся русско-японской войной 1904–1905 гг.

№ 707

5 июня 1904 г., Вернадовка

5.VI¹ 904, Вернадовка

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе, так как думаю, что ты получила вовремя мою телеграмму и не выехала из Полтавы. Сперва хотел было сам, чтобы ты приехала, так как очень неудобна болезнь Гули² при полном неустойстве всего, и я боялся, что она затянется, но теперь дело явно идет на улучшение и выздоровление. Температура нормальная (утром сегодня 36,7), сыпь пропадает, желудок исправляется. Остается лишь хриплый голос, еще не окончился весь процесс, конечно, слабость и т.п. Я думаю, что завтра или послезавтра он встанет, а затем в понедельник устрою ему ванну, и он уже выйдет на воздух. И погода немного лучше, т.е. теплее, хотя сильный ветер и, думаю, будет гроза, так как барометр падает.

Ужасно досадно, что тебе придется отложить на неделю свой приезд. Так хотелось бы быть всем вместе, и так у нас тут все несуразно пока.

6.VI, утро

Вчера не дописал это письмо. Сегодня Гуле заметно лучше, сыпь почти прошла, осталось очень немного. Сообразив все – сегодня – вероятно, 8 или 9 день болезни. Доктора призвали 1-го (я приехал 3-го), максимум температуры **при сыпи** был 31-го, когда призвали фельдшера. Корь, следовательно, началась 28 или 29 мая³, когда первое повышение температуры Гуля вынес на ногах и не обратил внимания, так как сыпи не было. Уже 4-го температура была нормальная и не повышалась, а 4-го уже сыпь заметно уменьшилась. Таким образом к 16-му июня, когда я очень жду тебя и Нинуську⁴ (очень я за вами соскучился), будет около 20 дней болезни, а она заразительна две недели (по Филатову) – в гимназию пускают через две недели после падения сыпи, так что тогда надо приехать к 20 июня. Сегодня я уже ему устроил свет, завтра он встанет, но еще не выйдет на воздух, и я поеду в Пичаево к Плотникову взять формалин. Гуле очень скучно, немного ему сегодня позволю почитать, затем мы с Костей⁵ бываем и читаем ему, но недостаточно. Ванну устрою во вторник, так как сегодня на спине еще немного сыпи есть.

Сегодня он уже мыл руки. Кашель еще есть, голос несколько сиплый (лучше), насморк заметно уменьшился.

Здесь много хозяйственных трудностей – чисто мелочных. Как со стиркой? Нинулю надо поместить в другую комнату, так как Гуля устроился как раз в ее комнате, и хотя она будет продезинфицирована и весь дом вымыт, но все-таки это недостаточно и лучше ее поместить в нашу спальню, а нам в ее комнате. Ее постельки нет. Дай знать Мерилиз. Получила ли деньги – 150 руб.? Хватит? Или прислать еще? Купи в Полтаве: 1) формалиновых лепешек (в Моршанске нет) для дезинфекции и 2) наружный термометр – неудобно не знать погоды, а старый термометр, кажется, висит у Поповых, и я не хочу у него брать.

Здесь мобилизация⁶ в разгаре. Слухи о том, что из Моршанска берут 15 000 неверен – берут всего 5000, но ожидают возможности второй мобилизации. 12-го июня экстренное земское собрание или обсуждение вопроса о помощи семьям.

В сущности, необходима была бы перестраховка земств. Здесь почти единоголосное осуждение войны; против нее говорят даже [заскорузлые] моршанские купцы.

От тяжелых событий войны ухожу в работу. Начал обрабатывать книгу «Опыт описательной минералогии»⁷. Работы больше, чем думал, но мне кажется, с ней справлюсь, и остов ее к осени будет готов. Во время работы много является вопросов, мыслей и открываются новые соотношения.

Нежно и горячо целую. Вчера послал Нинусе карточку – она из Москвы, не была у Гули, и едва ли может так передаваться корь. Жду с нетерпением твоего решения, когда приедешь.

Коровам, верно, надо делать не прививку болезней, а их испробовать (проба малеином и т.д.?) А.И.⁸ переговорит с ветеринаром.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 33, лл. 134–135.

¹ В подлиннике у В.И. Вернадского ошибочно написано «V», т.е. мая, а далее б.VI – правильно.

² Г.В. Вернадский.

³ В подлиннике у В.И. Вернадского было написано «августа», зачеркнуто и ошибочно исправлено на «июнь» вместо «мая».

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ См. комментарий № 2 к письму № 706.

⁶ Мобилизация в связи с началом русско-японской войны 1904–1905 гг.

⁷ Первый том этой книги «Самородные элементы» состоял из трех выпусков, которые печатались в Издательстве Академии наук в 1908–1910 гг. по выпуску в год.

⁸ А.И. Попов.

№ 708

7 июня 1904 г., Вернадовка

Вернадовка, 7.VI 904, утро

Дорогая моя, Гуля¹ поправляется. Сыпи почти нет. Сегодня ночью довольно сильно кашлял, но температура нормальная. И я думаю, сегодня сделаю ему ванну, как советовал доктор. Завтра – другую, и дезинфицируем комнату, вымоем дом и хорошо проветрим.

Вчера получил прекрасно написанное письмо Ниночки², скажи ей, что я очень рад ее успехам и очень жду ее сюда. Мне досадно, что вы приедете, когда отцветет сирень, теперь в полном цвету. Жаль, что погода неважная. Теперь тепло, но сильные дожди.

Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 50, л. 8.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

№ 709

8 июня 1904 г., Вернадовка

Вернадовка, 8.VI 904, утро

Дорогая моя Наталочка, очень досадно, что ты и Нинуся¹ не можете приехать скоро, но я надеюсь, к 20-му вы приедете. Доктор говорит, что это совершенно безопасно, тем более, что весь дом будет проветрен, вымыт и комната, где был Гуля², дезинфицирована. Она будет все время стоять с открытыми окнами. Сегодня, кажется, будет первый жаркий день. Так тяжело, и я думаю с некоторым опасением, что ты опять попадешь на жару, а раньше все время (было) прохладно, и я еще не снимал вполне шерстяного белья. Я думаю, вы выедете, как я писал 16–18 и к 20-му будете здесь. Все-таки здесь хорошо, есть прелесть молодого сада. Да и не то, что в городе. Пишу утром, мальчики спят, а в комнаты прилетели 2 ласточки и решительно отказываются вылететь, щебечут и тихо сидят на печке, вот Нинуля была бы в восторге, эти две прилетают довольно часто рано утром.

Где M-lle Tripet, не знаю. Пошлю сегодня на почту, чтобы тебе переслали письмо заказное, на которое мне присылают вторую повестку. Есть еще тебе письмо от Ади³, не знаю, пересылать ли?

Мельницу для кофе не взяли. Вообще довольно многого нет, и мы ждем тебя для всяких решений. Главная беда – кровати. О Нинусиной ты писала? Если приедут Петрункевичи и M-lle Tripet, то поместить их есть где, но нет кроватей! А я очень бы хотел пожить с Иваном Ильичем и Анастасией Сергеевной, я предупреждал их о несостоятельности нашего хозяйства, но Иван Ильич сам захотел приехать, и мне они так близки, что я совсем не буду себя чувствовать стесненным нашим неустройством. Ты писала Анастасии Сергеевне? В числе вещей, какие надо привезти, не забудь какое-нибудь зеркало (про термометр писал), у нас нет никакого. Надо еще термометр для ванны, так как здешний совсем испортился.

Гуля вчера встал, но не выходил из комнаты (накануне была ванна). Сегодня он будет по возможности все время на воздухе, и погода, кажется, наконец отличная. Он в общем здоров, но слаб. Свою экскурсию я отложил, но, может быть, 10–12 приедет Сургунов, и мы сделаем поездки, и думаю и Гуля

будет уже отчасти участвовать. Теперь работаю довольно много, написал уже здесь 50 страниц своей книги (“Описательную минералогию”)⁴, но, кажется, 10 страниц в день много: много вычислений, и я теперь вижу, какая огромная работа предстоит! Помимо того, однако, что добрая половина ее сделана, что нет аналогично задуманной переработки минералогии ни на каком языке и что она очень нужна, я смотрю на эту работу еще как обеспечение на ближайшее время на всякий случай: это самостоятельный, обеспечивающий меня на случай потери службы заработок. Во время работы много получается любопытных соотношений и для меня нового. Не знаю, удастся ли, но мне кажется, не менее нового будет и для всех других минералогов. Вчера кончил главу о самородном железе и сегодня буду обрабатывать группу самородных элементов платинового ряда. Конечно, нет книг, но систематически все откладываю на осень-зиму и теперь кончаю на основании мне известного.

Эмилией⁵ и кухаркой доволен, но, конечно, досадно, что нет тебя, так как надо было бы их ввести в колею, а теперь, может быть, я дал и неверное направление. Вводить Эмилию в молочное хозяйство лучше тебе, это ведь щекотливый вопрос. Дойных коров 10, но все это как-то неладно. Вообще запущено много, и мне предстоят еще не очень приятные разговоры с Александром Ивановичем⁶, сильно испорчены местами поля, не уверен, осенью или весной, от разъездов. Придется опять рыть канавы.

Нежно и горячо целую тебя и Нинолю. Скажи ей, что ее ждут цветы, сад и много ягод (яблони от мороза сильно пострадали). Только бы она была весела и здорова.

Твой Владимир

Сегодня Гуле делаю 2-ю ванну. Завтра мытье дома, а дезинфекция сегодня, может быть. (У Гули) температура нормальная.

Оп. 7, д. 50, лл. 9–10.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

³ А.А. Корнилов.

⁴ См. комментарий № 7 к письму № 707.

⁵ Прислуга в доме Вернадских.

⁶ Попов.

№ 710

11 июня 1904 г., Вернадовка

Вернадовка, 11.VI 904

Дорогая моя, завтра еду на собрание в Моршанск. Не знаю, удастся ли вернуться до ночного поезда. Гуля¹ совсем здоров, немного слаб, сегодня он даже немного косил, и они работали с Костей² и Ларионом³ (садовник) в саду. У меня явились строительные наклонности: проводим новые дорожки, чистим и т.д. Вчера сделали дезинфекцию комнаты формалином (употребили 100 лепешек от Шеринга – не забудь привезти), а сегодня весь день мыли дом – весь (и стены комнат) мылом. Не думаю, чтобы бактерии сохранились. Все окна открыты, и все проветривается самым настоящим образом. Очень

ждем Нину⁴ и тебя. Я думаю, вполне безопасно выехать 16-го или даже раньше. Во всяком случае, я на это очень рассчитываю и напишу отсюда, может быть, только еще раз. Совсем в недоумении, стоит ли посылать фрейляйн⁵ кофточку: ведь она разминется с ней⁶.

Погода стоит прекрасная, и не очень жарко. Только бы она продержалась.

Сирень отцветает. Очень жду. Поцелуй дорогую деточку.

Твой Владимир

Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 33, л. 79.

¹ Г.В. Вернадский.

² Старынкевич.

³ Садовник в Вернадовке.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Няня Н.В. Вернадской.

⁶ В письме от 7 июня 1904 г. из Полтавы Н.В. Вернадская писала: «Фрейл. просит тебя выслать ей почтой кофточки, которые Эмилия ей должна была привезти из Москвы» (ф. 518, оп. 3, д. 270, л. 65).

№ 711

1 октября 1904 г., [Моршанск]¹

1.X 904

Дорогая моя, сижу целый день в собрании², в общем необычайно многолюдном, ряд новых гласных. Посылаю тебе телеграмму, которую сегодня послали. Было бы хорошо поместить ее в «Русских ведомостях»³, туда послана одним из моршанцев, но надо переговорить с кем-нибудь, чтобы поместили. Настроение в общем недурное, и это особенно бросается в глаза в нашем сером собрании. В комиссии по поводу редакции телеграммы были споры, но в собрании было только одно возражение (против «на почве расширения самоуправления»), но и оно замолкло. В собрании защищал текст кн. Чолокаев.

На душе беспокойно из-за известий на Востоке. Здесь у многих там близкие люди, так как моршанские войска, которые мы встречали летом, уже за Мукденом. Есть телеграммы от близких. Чем-то это все кончится.

В деревне не был и не знаю, когда выеду, может быть, опоздаю во вторник. Всюду говорят о ржаном черве, местами, особенно на крестьянских землях, сильно попортившем и портящем посевы. Новое – около наших мест появились волки.

Не захватил сюртук, а приходится участвовать в обедах: сегодня обедаю у предводителя Грузинова⁴, сегодня был с визитом у старушки Чолокаевой. В общем всюду одни и те же речи, и ясно, что русское общество находится на **повороте**. Куда оно пойдет, мне кажется, вполне зависит от случая. Если не будет улучшения, то еще через несколько лет, а может быть, месяцев опять придет к повороту.

Прочла ли ты статью Трубецкого? В общем она мне понравилась так себе, кое с чем не могу согласиться. Но здесь ее распространяю, так как в этой среде она должна отвечать вполне настроению.

Что-то Нинуся?⁵ Очень жду от тебя письма.
Нежно и горячо целую тебя, Нинулю, Гулю⁶.

Твой Владимир

Видел на станции Александра Ивановича⁷ – он для чего-то приезжал в Моршанск, но его видел один момент. Сказал ему, чтобы он приготовил мне помещение в своем доме, так как боюсь останавливаться (из-за огня) в доме, переполненном хлебом.

Оп. 2, д. 33, лл. 131–132.

---

¹ Письмо написано в Моршанске, что следует из его содержания: «Видел на станции Александра Ивановича – он для чего-то приезжал в Моршанск...»

² Моршанское уездное земское собрание.

³ См.: Русские ведомости. 1904. № 274, 2 октября. С. 2: «Моршанск. Земское собрание постановило учредить при земской управе школьный совет с участием учителей и учительниц земских школ, которые будут приглашаться по предварительному соглашению с председателем училищного совета и инспектором народных училищ. Собрание постановило открыть в уезде семь народных школ имени наследника цесаревича».

⁴ Предводитель дворянства Моршанского уезда Тамбовской губ. Александр Николаевич Грузинов.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Попов.

№ 712

17 октября 1904 г., Москва

Москва, 17.X 904

Дорогая моя, пишу несколько слов. Нинуся¹ здорова, но много чихала и чихает, так что я не знаю, выпускать ли, но в конце концов выпустил. Сейчас она уходит: что-то возится, уже 10 1/2 утра. Она весела, идет к Любошинским. Я тоже туда пойду завтракать, а затем на заседание в управу, к 1 час дня. Вчерашним **очень** доволен.

Нежно и горячо целую. Поцелуй Марию Ивановну² и наших. Всего лучшего.

Твой Владимир

Гуля³ пишет сегодня Марии Ивановне. Какая безобразная история: очевидно, нарочно⁴.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, Полтава.

Оп. 7, д. 50, л. 1.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Старицкая.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ О чем идет речь, установить не удалось.

18 октября 1904 г., Москва

Москва, 18.X 904

Дорогая моя, Ниночка¹ весела, хорошо ведет себя. Я сегодня ее не выпустил, так как вчера у нее сделался сильнейший насморк, температура нормальная, сегодня насморк меньше. Но очень холодно, и не знаю, выпущу ли завтра. Здесь Ал. Ал. Ершова, которая очень жаждет тебя видеть. Сегодня у меня все время дамы и барышни в гостях: двое Кун², затем Ершова, заходила [Флора] Яковл.³ Гулю⁴ сегодня совсем не видел, утром ушел в гимназию, а к обеду не пришел, надеюсь он у Ани⁵, куда вчера не пришел. Уже самостоятельный человек! Волнуется о происшедшем с Игорем⁶. Все это еще тревожно. Рот вполне успокоил барышень Кун. Ничего серьезного нет – малокровие, нервы. Надо спокойствие. Но как его получить у нас?

Нежно целую.

Твой Владимир

Поцелуй всех и Марию Ивановну⁷. Сейчас иду на скучное заседание в университете. Вечером у меня Юрий Александрович⁸, который приехал на несколько дней.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 2, д. 33, л. 82.

¹ Н.В. Вернадская.

² Евгения Владимировна и Мария Владимировна Кун – слушательницы Московских высших женских курсов с 1904 г.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ А.Е. Любошинская.

⁶ Вероятно, Игорь Владимирович Ильинский. В фонде В.И. Вернадского в «Хронологии» в квадратных скобках вписана фамилия – «Ильинским» (ф. 518, оп. 2, д. 33 л. 33 об.).

⁷ Старицкая.

⁸ Очевидно, Новосильцев.

11 декабря 1904 г., Тамбов

Тамбов, 11.XII 904

Дорогая моя, от тебя нет никаких известий, и я вчера послал тебе телеграмму, так как Аня¹ писала Марку², что ты переехала к ним. В Москву на Совет³ не поехал, так как у нас здесь как раз разгар всяких событий, вызванных высочайшей отметкой Муханову в Чернигове. Новое – организация консерваторов, и теперь здесь определенно говорят: либеральная партия, консервативная партия. Численно они почти равны. В смысле личностей, ораторов, знающих земство лиц перевес на стороне либералов. Но неопределенная по убеждениям группа собрания имеет перевес, и ее голоса зависят от вейний минуты или случайностей. В обеих «партиях (по выражению лидера консерваторов Андреевского) есть крайние элементы – *enfants terribles*⁴. В общем

это совсем новое явление в Тамбовском земстве, и оно интересно с точки зрения роста общественного сознания в России.

В адресе нам удалось отстоять основной пункт об участии свободно избранных представителей русской земли в осуществлении государственной власти, и большинство в собрании было за ним обеспечено. Но затем, как в театре, в окончательное предварительное собрание 9 декабря вечером была принесена телеграмма об окрике на Черниговское земство. К моему удивлению, ясное большинство решительно высказалось за посылку адреса *quand même*⁵, и Чолокаев вынужден был употребить свою дискреционную власть и заявить, что он не допустит оглашения такого адреса в собрании. Вчера это было сделано и занесено в протокол. Сегодня будут еще дальнейшие инциденты (наш протест и т.п.). Адрес приложен к журналу. Но идея простого поздравления не встретила сочувствия, и ясно, что она или провалится, или встретит резкие противоречия значительной группы, так что его не решаются предложить. Царь останется без поздравления. Это настроение тоже любопытное, и мне говорил Чолокаев, что он пошел бы на какое угодно пари, что после царской телеграммы в собрании будут только единичные голоса за посылку политического адреса, и вдруг за него большинство! Реакция на всех парах; здесь она дает себя чувствовать, говорят, арестами, какими-то прокламациями, которых я не видел, но, говорят, разбрасывали в собрании! Поднимаются с двух сторон крайние группы... Герой тут адвокат Луженовский, отметку царя на телеграмме которого ты читала. Это губернский гласный, недавно еще либерал (чуть не анархист, как здесь говорят), теперь *persona grata*⁶ у губернатора и архиерея (о последнем масса анекдотов – воинствующий бюрократ). Это новый тип русского бонапартиста – сторонника самодержавия на демагогической подкладке. Он не гнушается никакими средствами, и теперь тут идет борьба об исключении его из собрания присяжных поверенных. В собрании авторитет его мал, но он уже обвинял нас по поводу адреса, в частном заседании, в крэмле. Его подозревают в устройстве подставной публики с помощью полиции.

Странное время, и странная защита порядка! Все глубже и глубже идет стремление общества **участвовать** в государственной жизни, и силою вещей само просветительство все больше и больше расшатывает бюрократические основы своей устойчивости.

Останусь здесь до конца выборов. Теперь каждый голос на счету.

Горячо и нежно целую. Напиши. Что дети? Что Нинуля⁷?

Довольно бессердечно с твоей стороны оставлять меня без всяких известий.

Целую.

Твой Владимир

Как с квартирой⁸? Послала ли заказное письмо (с векселем) в Моршанский банк? Если тебе нет времени писать, пусть напишет Гуля⁹.

Оп. 2, д. 33, лл. 128–129.

¹ А.Е. Любошинская.

² М.М. Любошинский.

³ Совет Московского университета.

⁴ Здесь: дерзкие, бестактные люди (фр.).

⁵ Во что бы то ни стало (фр.).

⁶ Лицо, пользующееся особым расположением где-либо, у кого-либо (лат.).

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Вернадские переезжали в это время в квартиру при Московском университете.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 715

13 декабря 1904 г., Тамбов

Тамбов, 13.XII 904

Дорогая моя Наталочка, все сижу в Тамбове и никак не могу выехать. Все голоса на счету. Консолидировалась консервативная партия, и голоса почти равны (30–35 в каждой). Решают голоса колеблющихся и организация. А она у них лучше. Ораторов и деятельных людей у них мало, но все земские начальники, назначенные от правительства, и т.п. дают прочное молчаливое ядро. Почти несомненно во главе стоит *de facto*¹ губернатор². Теперь все на выборах управы, и голоса почти равные! Выборы, думаю, будут завтра или послезавтра. Вскоре после выборов собрание разойдется. Меня уже тянет в Москву, хочется заниматься, и эта жизнь на людях крайне тягостна. Ты мне не писала, заняла ли ты квартиру³ после письма Любавского? Что решил Московский Совет?

Здесь настроение в собрании довольно кислое благодаря впервые определившейся **политической** группировке собрания. Чрезвычайно интересно проникновение зубатовщины в крестьянскую среду. Борьба против земских прогрессивных стремлений ведется на почве демагогической. На банкет, за который получила высочайшая благодарность, публика (купцы, крестьянские старшины и т.д.) сзывалась агитацией, во главе которой стоит адвокат и гласный Луженовский, которая выставляла положение, что **господа** (на либеральном банкете) хотят захватить власть у царя и вернуть чуть не времена крепостного права, что охраной народных интересов является самодержавие. Здесь же в биржевом комитете агитация велась на той же почве, что земская олигархия хочет захватить в свои руки власть и с ней купцам, крестьянам и т.д. будет хуже, чем при самодержавии. Полиция старательно покровительствует такому течению – любопытному во многих отношениях. Я думаю, что они играют с огнем, будут, может быть, иметь временный успех, но в конце концов они подрывают корни своего существования.

Протесты наши включены в протокол, но затем никакого дальнейшего движения не имеют. Инцидент может быть не исчерпан.

Здесь познакомился и обедал у очень милой семьи Унковских – у них масса детей, и они переезжают на следующую зиму в Москву.

У них учительницей Лопатина, которая была у Гули⁴.

Жду с нетерпением от тебя известий.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Что Нинуся⁵.

Целую крепко ее и Гулю.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 33, лл. 126–127.

¹ Фактически (лат.).

² Тамбовским губернатором (с 28 августа 1902 г. по 31 декабря 1905 г.) был Владимир Федорович Лауниц.

³ См. комментарий № 8 к письму № 714.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 716

20 декабря 1904 г., Москва

20.XII 904

Дорогая моя! К обеду (5 час) будет Михаил Эрастович Янишевский, профессор Томского политехникума.

Твой Владимир

Может быть, простое вино? И пирожное?

Оп. 2, д. 33, л. 125.

№ 717

11 марта 1905 г., Москва

Москва, 11.III 905

Дорогая моя, все это время я совершенно завален всякой работой, и голова идет кругом. Пишу несколько слов. Эти вечера у меня все заняты, и днем мало свободного времени. Вот сегодняшний день, например. Теперь 3 1/2 час, приехал Вася¹, у меня были Иван Ильич², Дмитрий Иванович³, Анастасия Сергеевна⁴, оба Новгородцева⁵, Петр Дмитриевич⁶, Юрий Александрович⁷, и все частью вместе, частичк» отдельно. Вечером я у Долгорукова, и днем еще надо зайти к Крымскому. Хочу зайти к Любоцинским, где Володя⁸ заболел (по-видимому, ангина). А нет там никого (Аня и Марк⁹ уехали).

Ниночка¹⁰ здорова и весела. Думаю, завтра ее выпустить. Эти дни Гуля¹¹ маленький не приходит, так как им неудобно присылать при болезни Володи. Лунц говорит, что нет ничего серьезного, по-видимому, ангина.

Завтра днем Совет, вечером важное совещание у Юрия Александровича в связи с Булыгинской комиссией¹². В воскресенье днем у меня усиленное бюро профессоров, в понедельник заседание делегатов у попечителя, во вторник частное совещание профессоров Московского университета в связи со съездом и внутренними университетскими делами!

Наше заявление (земское) в Совет министров передано было через Государя и уже поступило к Булыгину. В Петербурге полная каша. Булыгин не знает, что делать, и затягивается вопрос. Очень теперь важно определение функций совещания: оно должно касаться только избирательного закона и условий контроля над выборами, но не должно касаться ни компетенций, ни функций собрания. Это теперь должен быть *mot d'ordre*¹³. Только при этом условии можно идти в комиссию. Одно время Булыгин думал (может быть, и думает) пригласить 104 земца (ноябрьский Петербургский съезд) с **совещательным** голосом! Это, конечно, невозможно. И на верхах в С.-Петербурге склоняются к **всеобщему** избирательному праву. Булыгин думает о трехстепенных выборах на всеобщем избирательном праве. Трепов назначается товарищем министра внутренних дел с правом доклада Государю (равно¹⁴ министру полиции)¹⁵. Здесь идут теперь совещания губернских предводителей и славянофилов, по-видимому, умеренное будет решение – самодержавие с народным представительством на всеоб-

щем праве. В С.-Петербурге группируются реакционеры (Гурлянд, Мещерский, Штюмер, Стишинский, Гурко – последние 3 главных) и организуют кружки в провинции: задача – свести все на нет.

Заседания у попечителя очень интересны. Я хочу внести в Совет университета предложение о выборе делегата от университета в Булыгинскую комиссию, и предварительные переговоры благоприятны.

Нежно целую. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Гуля¹⁶ работает и очень хорошо себя держит, но очень он худой, может быть, так уже время. Нинуля очень часто тебя вспоминает.

Твой Владимир

Посмотри «Русь» 8 и 9 марта – заседание Юридического общества¹⁷ – любопытно¹⁸.

Оп. 2, д. 36, лл. 64–65.

¹ Очевидно, В.В. Водовозов.

² Петрункевич.

³ Шаховской.

⁴ Петрункевич.

⁵ П.И. и Л.А. Новгородцевы.

⁶ Долгоруков.

⁷ Новосильцев.

⁸ В.М. Любошинский.

⁹ А.Е. и М.М. Любошинские.

¹⁰ Н.В. Вернадская.

¹¹ Георгий Маркович Любошинский.

¹² Комиссия министра внутренних дел Александра Григорьевича Булыгина, разработавшая проект закона (июль 1905 г.) об учреждении высшего законосовещательного представительного органа Российской империи – Думы и положение о выборах в нее. Созыв Булыгинской Думы был сорван революционными событиями октября–декабря 1905 г.

¹³ Лозунг (фр.).

¹⁴ В подлиннике слово написано знаком «=».

¹⁵ Д.Ф. Трепов был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией с апреля 1905 г.

¹⁶ Г.В. Вернадский.

¹⁷ Кузьмин-Караваев В. Основы всенародного представительства в России // Русь. 1905. № 59, 8(21) марта (Вторник). С. 2–3; Изнар С. Основы представительства в России (заседание Юрид. о-ва) // Русь. 1905. № 60, 9(22) марта. С. 1.

¹⁸ Фраза написана на полях л. 65 об.

№ 718

25 марта 1905 г., С.-Петербург

Мойка 81, 25.III 905

Дорогая моя Наталочка, доехал отлично. Здесь зима, и на санях. Пишу несколько слов у Оли¹. Как здоровье Нюсуси²? Пиши. Будь дома между 5 и 7 час, переговорю по телефону – может быть, 27 марта. Горячо и нежно целую тебя, Гулю³, Нину.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Старый университет, Моховая ул., **Москва**.

Оп. 2, д. 36, л. 63.

¹ О.И. Алексеева.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

№ 719

27 марта 1905 г., С.-Петербург

СПб., 27.III 905

Дорогая моя Наталочка, от тебя нет никаких известий, и меня это несколько беспокоит, так как когда я уехал, Нина¹ была не совсем здорова. Как она теперь? Отчего ты ничего не пишешь?

Съезд² кончится завтра вечером, и я не попаду на Шиповское бюро³ к Голловину⁴. Скажи Мите⁵. Выеду отсюда, должно быть, в среду. Заседание днем и вечером, и я еще нигде почти не был и никого не видел, помимо съезда. В общем он интересен, и я думаю, что далеко не бесплоден. Общее собрание было всего одно, сегодня – другое, а разделился съезд на секции – общих вопросов, академическую и организационно-фондовую. Я принимаю участие в академической секции. Съехалось до 150–160 человек, которые являются представителями приблизительно 1200–1500 человек. Под запиской 342-х человек⁶ подписалось теперь около 1800 человек с лишком, все-таки меньше половины всего преподавательского персонала высших учебных заведений. Ты уже читала, должно быть, наш протест против исключения Римского-Корсакова⁷; он, между прочим, присутствовал у нас, и я с ним познакомился, даже был вместе с ним товарищем председателя 1-го общего собрания (председатель – Трубецкой Е.).

Сергея⁸ видел урывком и завтра буду с ним обедать, где и поговорю. Завтра утром увижу Чернышева и вообще 29–30 посвящу главным образом Академии. Все-таки много есть привлекательного перейти туда, и если удастся материально устроиться, то я думаю, надо будет решить вопрос положительно⁹.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй детей¹⁰. **Пиши**. Вчера был у Евдокии Ивановны¹¹, она сегодня уезжает в Ниццу. В общем выглядит бодро и хорошо. Видел Гревсов и Катю Кавос (у нее было одно заседание), а затем еще никого. У тети Дуни¹² видел Пашу¹³, и сегодня с ним обедаем у Палкина¹⁴, должно быть. Он молодец, у них на заводе брожение, чуть-чуть не было стачки. Маша¹⁵ из школьных сведений говорит, что брожение глухое, не прекращается и даже, может быть, растет. В общем здесь полный хаос. В Министерстве народного просвещения думают принять ряд репрессивных мер.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 36, лл. 61–62.

¹ Н.В. Вернадская.

² Имеется в виду I съезд Академического союза, который проводился нелегально.

³ Бюро земских съездов под председательством Дмитрия Николаевича Шипова организационно состояло при Московской губернской земской управе.

⁴ Федор Александрович Головин в это время – председатель Московской губернской земской управы.

⁵ Д.И. Шаховской.

⁶ «Записка 342» была составлена группой петербургских профессоров. Основная мысль записки – невозможность существования в России высшей школы без политической свободы. Записку намеревались огласить 12 января, в Татьянин день, в день 150-летнего юбилея старейшего русского университета в Москве. События 9 января помешали этому, но записка была напечатана 14 января 1905 г.

⁷ Возможно, имеется в виду приват-доцент Петербургского университета, зоолог Михаил Николаевич Римский-Корсаков.

⁸ С.Ф. Ольденбург.

⁹ В.И. Вернадский был избран в Академию наук адъюнктом по физико-математическому отделению (минералогия) 4 марта 1906 г. Свою деятельность в Академии наук он начал с заведования Минералогическим отделением Геологического музея имени Петра Великого.

¹⁰ Г.В. и Н.В. Вернадские.

¹¹ Голицына.

¹² Е.И. Голицына.

¹³ П.Е. Старицкий.

¹⁴ Фамилия написана неразборчиво.

¹⁵ М.С. Гревс.

№ 720

29 мая 1905 г., Москва

Москва, 29.V 905

Дорогая моя! Сегодня утром отправил тебе письмо и пишу еще, чтобы выяснить, как нам быть. Ады¹ сейчас уезжает, и в среду или во вторник мы с Гулей² уедем. Как здесь все оставить? Не было ли бы более благоразумно поехать в Вернадовку и, если там удобно и хорошо, перевезти туда Нинулю?³ Дело в том, что: 1) и Петрункевичам не удастся переехать раньше конца июня или начала июля и 2) я не знаю, может быть, мне придется много прожить в Тамбовской губернии. Если начнется избирательная кампания, в той или иной форме, надо там быть. 10 августа я должен быть в Москве для профессорского съезда⁴. Я понимаю, что тебе очень может быть жутко в Вернадовке, и есть много для этого неудобств, но так, как устраивается, придется все время почти быть врозь, и не знаю, насколько это приятно в такое тревожное время. Может быть, можно было бы уговорить приехать в Вернадовку Адю или Шаховского? Благополучнее всего, конечно, поехать и осмотреть все. Если нет, то не выслать ли к тебе в Полтаву Эмилию⁵? Оставлять же здесь без дела Эмилию и Катерину⁶, платить им жалованье и содержать, едва ли стоит. Мне кажется, что тебе следовало бы приехать сюда и распорядиться или же телеграфировать мне, как быть. Мы с Гулей будем ждать телеграммы, и потому очень прошу тебя телеграфировать сейчас же, так как иначе ты нас очень удержишь.

Я не уверен, что в Вернадовке хорошо, но если ты согласна приехать временно в Вернадовку, то заезд сюда невелик и даже не будет стоить дороже, чем содержание всего штата здесь без дела.

Меня как-то не тянет ехать куда-нибудь на дачу и даже к таким близким для меня людям, как Петрункевичи. Я как-то чувствую всю беспочвенность

и искусственность такой обстановки. Надо мне или ехать в Вернадовку, или оставаться в Москве и работать, уехав на ненадолго отдохнуть, на неделю-две. Вернадовка меня не привлекает, но я чувствую тут, по крайней мере, обязанности общественного характера.

Во всяком случае, телеграфируй нам.

Нежно целую. Поцелуй деточку дорогую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 50, лл. 12–13.

¹ А.А. Корнилов.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Речь идет о II съезде Академического союза; см. комментарий № 2 к письму № 719.

⁵ Прислуга в доме Вернадских.

⁶ Прислуга в доме Вернадских.

№ 721

2 июля 1905 г., [Москва]¹

2.VII 905

Дорогая моя, пишу сегодня, приехал вечером. Много впечатлений. Как-то у вас там, так хотелось бы перенестись и знать, что творится, что моя драгоценная Нинуля²? Надеюсь завтра иметь твое письмо.

Я опоздал, и первое заседание бюро³ было вчера. Приехало много народу, и бюро очень многочисленное. Пришло заявление генерал-губернатора⁴, что съезд⁵ не может состояться и ни в каком случае им не будет допущен. Козлов объяснялся и с Головиным, и с князем Павлом Долгоруковым. Головин ему заявил, что он считает съезд необходимым и что он соберется, а затем Козлов может, если хочет, разгонять; из разговора выяснилось, что бюро не может собираться в Управе, тогда Головин сказал, что оно соберется у него на квартире. Павел Долгоруков имел длинный разговор с Козловым и заявил ему, что его дело пускать или не пускать, но он хозяин своей квартиры и может принимать кого хочет и 6 июля будет устраивать у себя съезд. Если они не допустят съезд у него, то соберутся в другом месте. Вчера бюро послало превосходное и откровенное письмо Козлову за подписью всех (пришло заказным), в котором заявило, что съезд будет организован, и вчера же разослало телеграммы всем председателям управ и т.д., в которых указывалось, что съезд состоится, несмотря на запрещение, и об этом написано Козлову. В письме было указано, что мы считаем, что это единственный путь для мирного разрешения кризиса. Письмо должна была отвезти Козлову депутация из Головина, кн. Львова и Федорова. Утром вчера по телефону Головину градоначальник Руднев сообщил о запрещении собираться у него бюро, но бюро состоялось и никто не явился. В разговоре Козлов был очень любезен, протестовал, что он ничего не говорил о разгоне съезда; выяснилось, что Руднев объяснялся с Головиным помимо его ведома. Козлов сказал, что он считает, что съезд должен быть разрешен в этом смысле, вчера же хотел написать в С.-Петербург.

Сегодня мы мирно заседали с 1 час дня у Головина, когда в начале 4-го часа явилась полиция – полицеймейстер и пристав. Очень любопытное и интересное было с ними объяснение. Они предъявили приказание Трепова разойтись. Выяснилось, что Козлов (по телефону) ничего не знал, Трепов помимо него из С.-Петербурга. Составлен протокол, а мы отказались прекратить заседание и вписали в протокол всеми подписанный протест, в котором указали, что считаем действия полиции незаконными и подчиниться незаконному приказанию отказываемся. После удаления полиции заседание продолжалось, и завтра бюро назначено там же. Мы решили, если 6 июля разгонят съезд, всем съездом ехать в Финляндию. В таком случае я тебе буду телеграфировать: **приезжай**, и ты с Ниной тогда поезжай в «Машук»⁶. Все-таки ближе. Как быстро идет время! По-видимому, они боятся, что съезд объявит себя учредительным собранием. В «Слове» указывается на какие-то военные движения или разговоры в военных кружках – о чем мы ничего не знаем! Может быть, этим объясняются такие неразумные действия. Теперь все зависит от того, сколько съедется, если много – съезд будет иметь огромное значение. В С.-Петербурге полная анархия. Они хотят репрессий! С П. Трубецким⁷, который с 26 предводителями всецело перешел к земской программе, у Государя был хороший разговор, но молодая Государыня, которая теперь во главе реакции, его и Гудовича выругала, сказав, что царь может теперь опираться только на простой народ, *et vous êtes des traitres!*⁸ (sic!)⁹. Шереметьев и К^о были необычайно обласканы, и речь им сказал совсем иную (согласен с их программой), но не решился напечатать. В заграничных газетах она напечатана. Так же очень определенны были заявления курского дворянства.

Сергей Трубецкой мне телеграфировал, разминутись, он приезжал даже в Москву, чтобы видеться. Он подал университетскую записку царю. Сабашникову лучше. Сегодня был Саша Зарудный¹⁰, меня не застал, видел Эмилию¹¹. Гуля¹² его видел в Полтаве.

Иван Ильич и Анастасия Сергеевна¹³ не переехали. Думали, мы приедем. Очень убеждаю их приехать.

Нежно и горячо целую. Поцелуй Нинолю. Надеюсь, про Гулю телеграфировала мне, если нет, телеграфируй – как.

Забыл на столе брошюрки от Александра Ивановича¹⁴, о которых говорил. Передай ему. Да, еще надо скостить 1/2 штрафа пастуху и 2 руб. 50 (коп.) – много. Скажи Александру Ивановичу, чтобы 2 руб. 50 коп. ему вернул.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 50, лл. 14–15.

¹ Письмо написано в Москве, так как в нем речь идет об Общеземском съезде, который проводился в Москве.

² Н.В. Вернадская.

³ Бюро Общеземского съезда.

⁴ Московским генерал-губернатором с 14 апреля по 15 июля 1905 г. был генерал-адъютант А.А. Козлов.

⁵ 6–9 июля проходил Общеземский съезд совместно с представителями Городских дум. Съезд выразил свое отрицательное отношение к проектирующемуся А.Г. Булыгиным Положению о Государственной думе.

⁶ «Машук» – имение И.И. Петрункевича в Тверской губ., в котором он жил с 1897 до 1905 г.

⁷ Петр Николаевич Трубецкой – в это время московский предводитель дворянства.

⁸ Вы – предатели! (фр.).

⁹ Так (лат.).

¹⁰ Александр Сергеевич.

¹¹ Прислуга в доме Вернадских.

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ Петрункевичи.

¹⁴ Попов.

№ 722

4 июля 1905 г., Москва

4.VII 905, Москва

Дорогая моя, сегодня получил твое письмо. Очень ему рад. Вчера от Гули¹ телеграмма из Вернадовки, но он ничего не телеграфировал о вас, надеюсь, все хорошо? Получила ли мое 1-е письмо? Вчера написать не успел: целый день был занят. Посылаю копии с нашего протеста на протоколе во время прихода полиции и письма генерал-губернатору Козлову. Сохрани. Пожалуйста, вскрывая всю мою корреспонденцию, может быть что-нибудь нужное.

Вчера у нас бюро было беспрепятственно у Головина же. Полиция не явилась! Вечером было заседание комиссии у меня. Сегодня весь день я захвачен. Утром не успел встать, был не одет, приехал Норпе². Я, говорит, тоже теперь вступил в политическую агитацию! Вот время-то. Он один из главных деятелей на съезде промышленников³. Затем приехал из С.-Петербурга Милюков. В 12 час я был у Норпе, где переговорил с графом Бобринским и другими какими-то промышленниками. Завтракал с Иваном Ильичем⁴, а затем сейчас же пишу несколько слов тебе.

Потом надо по университетским делам, в редакцию «Русских ведомостей», затем в 6 1/2 час заседание с Иваном Ильичем (нам дано одно поручение), а в 8 час бюро!

Вчера был у меня Гессен. Он предлагает мне вместо Милюкова писать в серии «Общественной пользы» книгу об университетской реформе («Великие реформы Александра II»), а Милюков вместо Мякотина берет введение. Мякотин отказался. Мне мысль очень улыбается: 1) я много думал и знаю об этом, 2) меня это очень интересует и 3) это хороший заработок, если выгонят⁵.

В бюро очень интересно, и съезд может быть любопытным. Мы распространим и **свой** проект конституционного устройства, который будет одобрен бюро и затем разослан на места для обсуждения. Вчера было первое его чтение в бюро. Сведения из С.-Петербурга: колебание: 1) диктатура Трепова, и 2) если она не удастся и ни к чему не приведет, то обсуждение Булыгинского проекта общественными элементами, т.е. тогда уступки. Еще одна карта. Из Варшавы странные известия, требующие подтверждения: 8 офицеров приговорены к расстрелу за то, что заявили, что идти на Восток при данных обстоятельствах безнадежно, и война не может быть поведена с надеждой на успех, иначе, как при коренной внутренней реформе, которая должна быть проведена немедленно. За это заявление военным судом были приговорены

к смерти. Солдаты отказались в них стрелять. Были привезены казаки. И тут две версии: 1) офицеры расстреляны казаками, а солдаты напали на казаков и многих убили, и 2) офицеры не расстреляны, но когда казаки начали в них целиться, то присутствующие солдаты их (казаков) расстреляли. Говорят об этом и здесь и в С.-Петербурге, есть в иностранных газетах, но сомнительно все-таки. Если это так, то крупнее «Потемкина» история. В Киеве много арестов, в связи с Одессой. Был обыск у профессора Тихвинского (и в лаборатории). Арестована жена профессора Вагнера и Вера Водовозова. Вася⁶, приехавший из Одессы, попал как раз на обыск к жене. Его не тронули!

Очень жду писем. Пиши чаще. Нежно и горячо целую. Новосильцовский съезд 9-го, так что если не ехать в Финляндию, то и то буду поздно, будешь ли ждать в Вернадовке?

Твой Владимир

Поцелуй детей. Что моя неоценимая баловница⁷? Пусть напишет. Надеюсь Дм. Ал.⁸ ночует?

Оп. 7, д. 50, лл. 16–17.

¹ Г.В. Вернадский.

² Имеется в виду крупный промышленник Магнус Феликсович Норпе.

³ Первое правительственное положение о Государственной думе было принято 6 августа 1905 г. Этому в обществе предшествовала большая организационная работа земцев-конституционалистов и др. Съезд промышленников, так же как и Аграрный съезд и общеземские съезды, явился предпарламентом конституционно-демократического съезда, на этих съездах подробно обсуждался проект конституции и была выработана в общих чертах программа конституционно-демократической партии.

⁴ Петрункевич.

⁵ Вдоль данного абзаца на полях слева В.И. Вернадский приписал: «Окончательный ответ отложил до разговора с тобой. Надо начать печатать в январе-феврале».

⁶ В.В. Водовозов.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Дмитрий Александрович Мазинг.

№ 723

7 июля 1905 г., Москва

7.VII 905, утро, Москва

Дорогая моя, вчера съезд¹ состоялся и было два заседания. Надеюсь, ты получаешь мои письма, это 3-е письмо (одно простое и второе заказное). Пишу урывками, так как занят целый день и не успеваю ничего сделать. Еще, кроме съезда, приехали некоторые профессора, и пришлось с ними возиться. Я послал в вернадовское почтовое отделение извещение, чтобы тебе передавали мою заказную корреспонденцию, получи и рассмотри ее, нет ли там извещения об Моршанском уездном земском собрании? Когда оно будет?

Съезд вчера состоялся в доме князей Долгоруковых, как и было назначено. Собралось около 220 членов съезда (вместо 260–270). В общем приехали **все** видные. Из земцев из 172 членов съезда приехали 140. Приехали и представители городов Сибири (Томска, Иркутска, из последнего Иван Иванович

Попов – редактор «Восточного обозрения», помнишь его?), Кавказа. Сейчас после проверки полномочий явилась полиция – полицеймейстер с несколькими полицейскими офицерами и требовал расхождения съезда. Мы отказались. Составлен протокол, все переписаны, подписан тот же протест, который я тебе послал в прошлый раз. Все это могло быть сделано очень любезно, так как пока в одной комнате полицеймейстер писал протокол, заседание продолжалось и шло в порядке, в присутствии полиции в дверях. Часов в 6 они ушли, заседание закрылось, а вечером в 9 час прошло беспрепятственно второе заседание. На нем приняты прилагаемые резолюции о Булыгинском проекте. Резолюции о принятии в ней участия отложены до следующего съезда, так как собрание оказалось гораздо более левым и нервным, чем мы ожидали; против горячо говорили Оппель (петербургский городской гласный) и Коллюбакин; за – Родичев (великолепно), Кузьмин-Караваев, Арсеньев и Де Роберти. В конце я столкнулся с Иваном Ильичем², он предложил отсрочить вопрос до опубликования закона (следующего съезда), я – оставить открытым до конца съезда. Прошло предложение Ивана Ильича. По существу мы с ним согласны – вопрос тактики. Не знаю, состоится ли съезд сегодня, но у нас уже есть помещение в Гельсингфорсе, и если сегодня нам не удастся проникнуть в дом Долгоруковых, то мы сегодня же вечером уезжаем. Есть частные слухи, что нас оставят в покое и, должно быть, привлекут по статье 29 (арест или штраф). Но, Господи, как это глупо, правду говорят, что кого Бог хочет наказать, отнимает разум. Весь съезд под влиянием этого сильно повернул налево. Сегодня, сейчас заседание бюро (10 1/2 утра), в 1 час дня съезд. Утром ко мне хотел еще зайти Трубецкой поговорить об университетских делах. В бюро пойдет предлагаемое обращение к народу, которое писал Павел Николаевич³, а редактировали Иван Ильич, я и Мануйлов. По-моему, очень удачно.

Прилагаю **превосходную** записку губернского предводителя дворянства (она тоже попала в протокол) в качестве инкриминированного материала. Ее писал М. Стахович⁴. Сперва они не хотели записки, а выбрали депутацию из гр. Гудовича, кн. П. Трубецкого и М. Стаховича. Но Государь Стаховича **не принял**. Тогда предводители собрались и спешно приняли записку, так как Гудович и Трубецкой «косноязычны» и ничего связно сказать не могли! *Tu l'as voulu, George Dandin!*⁵ Юрий Александрович⁶ говорил, что М.Ал.⁷ была больна (женская болезнь), лежала – теперь лучше. Послал большой скоростью два герметических ведра (оказались очень дороги – 15 руб.!!, я заплатил, так как заказал уже). Пусть Попов внесет от меня 15 руб. и занесет в расход. Во многих местах известия об аграрных беспорядках.

Нежно и горячо целую. Поцелуй Нинулю⁸ и Гулю⁹. Дружеский привет Д.А.¹⁰

Твой Владимир

Оп. 7, д. 50, лл. 18–19.

¹ См. комментарий № 5 к письму № 721.

² Петрункевич.

³ Миллюков.

⁴ Михаил Александрович Стахович был предводителем дворянства Орловской губ.

⁵ Ты этого хотел, Жорж Данден! (фр.).

⁶ Новосильцев.

⁷ Новосильцева Мария Александровна, жена Ю.А. Новосильцева.

⁸ Н.В. Вернадская.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Мазинг.

№ 724

9 июля 1905 г., [Москва]¹

9.VII 905

Дорогая моя!

Вчера в 2 1/2 час ночи, наконец, начался съезд². В общем полная победа, и удалось провести все без раскола. Подавляющим большинством голосов (больше 200 против 8) принято предложение бюро об обращении к населению, которое было изменено и средактировано Муромцевым и Набоковым (они сидели накануне до утра, до 6 час, работая всю ночь). В основу положен текст, написанный Павлом Николаевичем³ и измененный нами, а затем был сглажен боевой его характер. На этом сошлись все. Для нас этот шаг важен как прецедент. Затем прошел вопрос об организации представительства из неземских губерний, причем организация дела всецело предоставлена бюро. К следующему съезду⁴ (ко 2-му чтению конституции) мы явимся, таким образом, суррогатом представительства всей России, так или иначе. Из других постановлений важен редактируемый Родичевым доклад с резолюцией Набокова о пассивном сопротивлении всем постановлениям власти, противоречащим правам человека. Съезд в прекрасном докладе Родичева дает яркую и сжатую формулу поведения. Ее у меня еще нет, равно как нет еще доклада (очень хорош) Якушкина о положении России с 6 ноября 1904 (г.) по 6 июня 1905 (г.)

Сегодня конституционный съезд, сейчас (пишу тебе утром) в 10 час бюро, а в 2 час съезд. Бросаю письмо, надо идти. Пришел Беккер. Он говорит, что Бор. Андр.⁵ поправился мало.

Не знаю, сколько останусь. Надеюсь завтра вечером выехать. Может быть, еще проеду к Трубецкому.

Горячо целую всех. На днях, уже скоро, увидимся.

Твой Владимир

Гулю⁶ благодарю за письмо.

Оп. 7, д. 50, лл. 20–21.

¹ Письмо написано в Москве, так как в нем описывается Общеземский съезд, который проходил в Москве.

² Общеземский съезд; см. комментарий № 5 к письму № 721.

³ Милуков.

⁴ Следующий Общеземский и городской съезд состоялся 12–15 сентября 1905 г.

⁵ Возможно, Борис Андреевич Юрковский.

⁶ Г.В. Вернадский.

12 августа 1905 г., Москва

Москва, 12.VIII 905

Дорогая моя, горячо любимая Наталочка, спасибо за телеграммы о здоровье Нинуси¹. Нежно ее целую. Здесь сразу охватила масса событий и впечатлений целую стеной, и я как-то всем своим существом чувствую общественное волнение, и невольно мысль ищет в окружающем хаосе вырисовывающиеся формы будущего! Не писал тебе вчера в Вернадовку, так как поздно вернулся из Царицына, где было заседание бюро², в Москве опять поднялись прежние истории в более резкой форме.

Ты уже знаешь о речи Дурново³, произнесенной им при приеме Головина⁴ и Московской земской управы. Уже после рассылки телеграмм на вчерашнее заседание бюро к Головину обратились губернатор⁵ и новый градоначальник гр. Медем; Головина не было в Москве, по возвращении он имел с ними разговор. Они заявили ему, что заседание бюро не будет допущено и что они примут самые решительные меры, так как получили соответствующие инструкции из С.-Петербурга (пришлют на заседание какого-то «генерала» (sic!) и, одним словом, не позволят собраться). Переговорив с некоторыми членами бюро, Головин решил перенести заседание бюро в Царицыно, так как на его квартире грозил выйти только скандал. Головин заявил и Медему и Джунковскому, что телеграммы разосланы и отменить заседание он не может. Вчера рано утром к нему опять телефонировало московское начальство и заявило, что московские власти снеслись с Треповым, представили ему о нежелательности производить скандал насильственного выдворения из частной квартиры членов бюро и т.д. В конце концов Трепов предоставил все дело на их усмотрение. Поэтому они желали бы иметь: 1) список приехавших на заседание членов бюро и 2) программу вопросов, подлежащих обсуждению. Головин ответил, что после первого разговора с властями он, посоветовавшись с некоторыми членами бюро, перенес заседание в другое место, и оно состоится за пределами Московского градоначальства. «Пожалуйста, не сообщайте нам – где, нам это не нужно. Приказание из С.-Петербурга очень ясное: не допустить заседание бюро на Покровке, в доме Шанк⁶. Раз оно происходит в другом месте, это приказание теряет силу». И вот мы собрались «в другом месте»! Как все это мелко и комически-трагично. Между прочим, выяснилось, что Трепов требовал от Медема разогнать наше заседание и 1-го августа, но что Медем нашел совершенно невозможным начать с этого свое исполнение обязанностей московского градоначальника... На заседании нас было 26 человек. На заседании принципиально решено собрать съезд, но срок окончательно не назначен, должно быть, состоится в первой половине сентября⁷. Очень против быстрого созыва Головин (который склоняется к началу октября). Нижегородские члены съезда прислали делегата с указанием необходимости не спешить созывом съезда. Выработана программа, и работы будет порядочно, раньше начала сентября комиссии не кончат доклады. Вчерне они будут готовы к концу августа, и 21 августа новое заседание бюро *in pleno*⁸ для их обсуждения. Оно назначено в квартире Головина.

Масса впечатлений и известий, и не знаю даже, с чего тебе начать. Сперва еще некоторые общие факты. Милюков арестован, а Анна Сергеевна⁹ под

домашним арестом. У него было заседание какой-то секции бюро Союза Союзом. Перехвачена была повестка, явилась масса полиции и арестовала всех; двоих выпустили сейчас же. В том числе профессора Брандта, которого продержали в Охранном отделении с 7 час вечера до 4 час утра. Его допрашивали, между прочим, об академическом союзе. У Милюкова захвачена записка Брандта, где говорилось об академическом съезде. Милюков и профессор Гордеенко посажены в Выборгскую тюрьму. Есть слух, довольно верный, что их выпустили¹⁰. Вера¹¹, жена Васи¹², сидит в Киеве, определенного преступления ее не указывают, но говорят, она вообще отличается крайней неблагонадежностью. Вася боится за ее глаза.

Очень любопытные известия о движениях в народных массах. Новым законом крестьянам даны огромные (относительно) привилегии в выборах (например, в Тамбовской и 14 других губерниях количество крестьянских выборщиков больше абсолютно всех остальных сословий). Говорят, приходится считаться с тем, что такое привилегированное положение вызовет известное чувство удовлетворения в крестьянстве. По-видимому, расчет был на то, что крестьяне явятся опорой самодержавию. Но этот расчет, вероятно, окажется ложен. Насколько можно судить по известиям, можно ожидать обратного результата и резкой постановки экономических вопросов. Они создали этим неожиданное – благоприятную силу Государственной думы. Теперь весь вопрос заключается в крестьянской избирательской массе. Между прочим, крестьяне *de jure*¹³ получили и другую привилегию. Выборы для других классов населения резко отграничены рамками выборщиков, так что если я не попал выборщиком, я не могу быть и членом Думы, хотя бы был избирателем. Но волостные сходы получили право выбирать и не из членов волостного схода, а из всех жителей волости, крестьян старше 25 лет. По-видимому, это явится выходом для рабочих. Такие обсуждения уже были, и среди рабочих начинается раскол в отношении Думы. О здешнем крестьянском съезде сообщают любопытные сведения; было до 300 человек из 23 губерний – это первый съезд крестьянского союза; съезд был тайный – было два заседания. На них присутствовал английский корреспондент «Standard»; говорят, на втором были социал-революционеры (говорят, 3), но на первом только одни крестьяне. Кажется, только 2 из них были с образованием выше низшей школы. Заседания были в сараях, в полутьме, но очень чинно. Между прочим, приняты резолюции: 1) личность царя должна быть выделена из движения, и нападки на нее не должны быть; 2) Дума должна иметь решающий голос; 3) необходим общий новый надел земли с государственным выкупом у помещиков; 4) равные права и т.д. Доставлены были приговоры с тысячами подписей (Саратовской губернии, Области Войска Донского). Князь Львов рассказывает, что настроение крестьян поразительно изменилось, даже в Тульской губернии. Для северных губерний очень вероятны крестьянские члены Думы – радикальные или либеральные. Скоро выяснится.

Здесь много говорят о новом факте. Среди солдат (говорят, и офицеров) на Ходынке много арестов. В городе циркулируют разные слухи: говорят о подготовлявшемся заговоре в конце июля-начале августа, хотели перебить некоторых офицеров; пропаганда, кажется, социалистической революции. Все это неясно и слишком противоречиво, но вот, кажется, верное: 1) одна пулеметная рота спешно переведена, 2) много арестов среди солдат, 3) ох-

рана генерала Малахова и частью лагеря была поручена казакам и т.д.¹⁴ Во всяком случае, симптоматичное значение любопытное. Я ехал с молодым артиллерийским офицером, возвращавшимся из Владивостока и Маньчжурии. Он рассказывал массу любопытного. Он говорит, что если бы 3 месяца назад, он слышал те разговоры и речи, которые он сам говорит теперь, он бы протестовал и требовал их прекращения. Настроение в армии очень серьезное; мира армия в общем и хочет, (и) не хочет, так как считает, что теперь дух ее поднялся, и в этом отношении известия верные. Она хочет, так как бессмыслие войны и невозможность окончательной победы – ясны; она не хочет, так как считает, что не сделала своего дела и все время была бита японцами не по своей вине. Если армия вернется сюда, она потребует отчета и попытается сделать лучшее будущее. Огромная пропаганда исходит от прапорщиков и офицеров запаса. В то же время и офицерство страстно следит за внутренней жизнью, и главные газеты – «Наша жизнь», «Русь», «Сын Отечества», «Русские ведомости»! Мне трудно тебе передать, но впечатление этот юноша произвел на меня очень сильное. Он из военной среды, на войне его отец и три брата, и он говорит, что видел отца, и тот неузнаваем в политическом отношении... Растет что-то новое. А кругом безумие.

Между прочим, уже для тебя. У меня было *qui pro quo*¹⁵ во время дороги. Мне излагали (офицер и санитарный студент), не зная, конечно, меня, мою статью о голоде¹⁶. Как-то странно чувствовать все проникающую силу печати. Все-таки не напрасно написал. Здесь Тих. Ив. Пол.¹⁷ говорил мне, что он и Челнок.¹⁸ приняли эту статью как открытое письмо к земской организации и, исходя из нее, начали уже дело в общеземской организации. Обращаются во все земства и города и т.д.

Нежно и горячо целую тебя, детей. Поцелуй Аню¹⁹ и всю дорогую [...] ²⁰ (большую и маленькую) Любоцинских. Много мыслей и чувств поднимается во мне иногда таким захватывающим темпом, что стараешься остановить их приток, а то больно, и научных и общественных.

Целую.

Твой Владимир

Иван Ильич²¹, говорят, за границей; бедного Игоря Платоновича²² берут на войну 23 августа. Вчера в печати обсуждалась записка Коковцова и Хилкова о невозможности открыть высшие учебные заведения²³. Слух о Коле²⁴ подтверждается.

Оп. 7, д. 50, лл. 3а-4.

¹ Н.В. Вернадская.

² Бюро Общеземских и городских съездов, в работе которого принимали участие: Ф.А. Головин, Пав. Д. Долгоруков, В.И. Вернадский, Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, А.А. Корнилов, Д.И. Шаховской, Н.Н. Львов, Ю.А. Новосильцев, В.Е. Якушкин, Т.И. Полнер и И.И. Петрункевич.

³ Петр Николаевич Дурново в это время – товарищ министра внутренних дел.

⁴ Ф.А. Головин был председателем Московской губернской земской управы, при которой организационно состояло Бюро земских съездов. После выхода из состава Бюро его председателем Д.Н. Шипова Головин был избран на его место.

⁵ Московским губернатором в это время был Григорий Иванович Кристи.

⁶ На Покровке в доме Шанкс находилась квартира Ф.А. Головина.

⁷ См. комментарий № 4 к письму № 724.

⁸ В полном составе (лат.).

⁹ Милюкова.

¹⁰ П.Н.Милоков был арестован 7 августа на станции Удельная, где он жил вместе с другими делегатами Союза Союзов, которые собрались у него, чтобы обсудить отношение Союза к Булыгинской Думе. Сидел он в «Крестах» целый месяц и без допроса и предъявления обвинения был освобожден.

¹¹ Вера Петровна Водовозова, жена В.В. Водовозова.

¹² В.В. Водовозов.

¹³ Юридически (лат.).

¹⁴ Николай Николаевич Малахов, генерал, в 1905 г. пом. командующего (с 1906 г. командующий) войсками Московского военного округа.

¹⁵ Недоразумение (лат.).

¹⁶ *Вернадский В.И.* Новое бедствие // Русские ведомости. 1905. 9 авг.

¹⁷ Тихон Иванович Полнер.

¹⁸ Очевидно, Михаил Васильевич Челноков – член Московской губернской земской управы.

¹⁹ А.Е. Любошинская.

²⁰ Одно слово не разобрано.

²¹ Петрункевич.

²² Личность установить не удалось.

²³ С марта 1905 г. из-за политической нестабильности занятия во всех учебных заведениях были прекращены.

²⁴ Возможно Н.П. Милюков. См. письмо № 775 и комментарий № 9 к нему.

№ 726

19 августа 1905 г., [Москва]¹

19.VIII 905

Дорогая моя!

От тебя давно нет известий. Не знаю, отчего не пишешь. Маркуша² приехал, сказал в телефон, что все благополучно, но никак не могу его дозваться. Он решительно отказался переехать сюда (не знаю, хорошо ли, что он один) и вчера не пришел, хотя я ему говорил. Сейчас посылаю туда Эмилию³, так как он разъединил и телефон, звонил к нему и вчера и сегодня, и нет ответа. Наконец, со станции дали знать, что вчера с вечера они положили трубку в сторону, и сколько им ни звонят, не отвечают. Мне самому эти дни совсем не было возможности выбраться. То заседания, то все бывает по делам. Вчера было заседание бюро⁴, а утром я писал доклад для съезда⁵, затем сегодня в 11 час утра также заседание бюро – в 9 1/2 утра будет сын Ключевского, которого присылает отец из деревни узнать подробности о Милюкове (который сидит)⁶, в 10 1/2 будет Салазкин. Завтра и все дни подряд заседания! Вчера вечером у меня был Н.Н. Львов. Рассказывал любопытные вещи. Его здоровье плохо, посылают за границу, грозят чахоткой... И вид у него неважный. Балашовская история теперь в руках судебного следователя и так не заглохнет. Казаки отдаются военному суду. Их вывели из Балашова. По-видимому, и губернатора они ударили. Это, по словам Львова, совершенно полудикая, недисциплинированная толпа, занимающаяся грабежами в уезде. Это астраханские казаки из запасных.

Съезд, если не разгонят, будет, может быть, и неплох. Программа выясняется более или менее ясно. Очень вероятно – разгонят, так как есть приказ приставам следить за академическим съездом.

Работать совсем не успеваю эти дни, главным образом мешают люди, так что и после заседаний трудно.

Нежно целую тебя, детей. Поцелуй Любощинских.

Твой Владимир

Известие о мире принято здесь очень спокойно. Конечно, условия неважные⁷, но лучше и не могли быть после такой позорной войны. Общество ожидало много худших, и потому положение Витте⁸ сильно поднялось в общественном мнении. Как Марк⁹ думает с Думой в Козлове? Надо бы подсчитать силы.

Оп. 7, д. 50, лл. 22–23.

¹ Письмо написано в Москве, так как речь в нем идет о заседаниях бюро Общеземского съезда, которые проводились в Москве.

² М.М. Любощинский.

³ Прислуга в доме Вернадских.

⁴ Московское бюро Академического съезда.

⁵ II Всероссийский делегатский съезд Академического союза, на котором вступительный доклад от Московского бюро сделал В.И. Вернадский.

⁶ См. комментарий № 10 к письму № 725.

⁷ Имеется в виду Портсмутский мир (5 сентября 1905 г.), завершивший русско-японскую войну 1904–1905 гг., по условиям которого Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Договор потерял силу после капитуляции Японии во Второй мировой войне.

⁸ С.Ю. Витте подписал Портсмутский мир (см. комментарий № 7). В награду за мир Николай II пожаловал ему титул графа.

⁹ М.М. Любощинский.

№ 727

20 августа 1905 г., Москва

20.VIII 905, Москва

Дорогая моя, вчера получил два письма. Очень рад. Конечно, лучше, если приедешь **23**, так как 24 у меня заседание, и в это время домашняя передряга неудобна. Вчера был Маркуша¹, все у него благополучно.

Масса работы – не успеваю. Я считаю, что Ниночке² теперь в городе не вредно.

В бюро³ мне удалось провести мой проект – немедленно открыть учебные заведения и вызвать агитацию за условия, обеспечивающие спокойную академическую жизнь – свободу собраний, легализацию политических партий, свободу слова. Не знаю, удастся ли на съезде. Я все более убеждаюсь, что **ждать** до января и т.д. – лишь закрывать глаза и дезорганизовываться. Центральное студенческое бюро решило забастовку... По-видимому, московское начальство **колеблется**, что делать с нашим съездом. Но вот будет глупость, если они разрушат съезд при таком его решении!! Это будет прямо невероятно безумно.

Вчера вечером был Норпе. Просидел весь вечер. У него был обыск (!!!), забрали письма, бумаги и т.д. Он рвет и мечет и закусил удила, совершенно радикализируется. По-видимому, и здешние промышленники негодуют, он – председатель бюро Союза промышленников... Очень вероятно, что и у нас тоже будет, но я решительно не имею времени пересмотреть бумаги и все. Милюков⁴ сидит. Был вчера сын Ключевского. Много рассказывал интересного. Отец его хлопочет за Милюкова, с которым Ключевские опять сошлись. Анна Сергеевна⁵ все еще под домашним арестом.

Нежно и горячо целую тебя, детей⁶ и Любощинских.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 50, лл. 2–3.

¹ М.М. Любощинский.

² Н.В. Вернадская.

³ Очевидно, Бюро Академического союза.

⁴ См. комментарий № 10 к письму № 725.

⁵ Милюкова.

⁶ Н.В. и Г.В. Вернадские.

№ 728

30 сентября 1905 г., Моршанск

Моршанск, 30.IX 905

Дорогая моя!

Вчера приехал и получил сейчас же твою телеграмму, за которую очень благодарю. Что то теперь делается с Ниночкой¹, и в университете, и в городе? Начались ли лекции – с нетерпением жду известий.

О Нине Ильинской² нет никаких известий, она нигде здесь не была – ни у инспектора, ни у председателя Управы, а между тем надо начинать уроки, и это весьма недобросовестно. К сожалению, ее адреса я не знаю. Напиши его скорее. Тогда я передал письмо Кате Ильинской, не знаю, что она с ним сделала? Не проехала же Нина Владимировна прямо в Подъем, ни с кем не переговорив?

Между тем, не говоря уже о том, что дети не учатся и дело школы страдает, в то же время на каждую вакансию учительницы здесь есть три кандидатушки, и Нина Владимировна попала только потому, что со мною считаются, и мне крайне неприятно такое ее легкомыслие. Пошли, пожалуйста, ей телеграмму и сообщи сюда (господину инспектору народных училищ) ее адрес.

Собрание³ вчера началось – довольно вялое. Здесь настроение медвежьего угла: идет прежняя жизнь, и только как отдаленные отголоски доходят, в преувеличенном виде, события в столицах и на Руси. В общем настроение уезда консервативное. Не знаю, удастся ли пройти в выборщики, и очень возможно, что состав выборщиков будет средний, и я, как представитель крайних для Моршанска мнений, не пройду. Коллегия будет состоять почти из 150 выборщиков, тогда как на земские выборы больше 20 не являлось. Если даже приедет 2/3, будут все новые, около 100, и вопрос совершенно неясен. Против меня (и Новосильцева) ведется агитация из губернии, и вчера в «Тамбовских

ведомостях» помещена громовая статья, где нас – представителей Тамбова на земском съезде – называют Каинами, чуть не цареубийцами и т.п.⁴ Я сам статью не читал, надо достать. Все-таки, несмотря на нее, попал в председатели докладной комиссии. Чувствуется, однако, что всюду поднимается реакция, и ясно, что центр переμεщается вправо. Если будет резкий порыв влево, какая-нибудь дикая выходка, то общественное сознание туда ярко повернется, и реакция наступит скорее, чем мы думаем. Конечно, она также не примирится с самодержавием, но удовлетворится кое-чем лучше Думы в связи с довольно крупными уступками крестьянам. В сущности, просто людей нет среди умеренных либералов, чтобы организовать крупную силу, с которой бы всем нам пришлось считаться. Или не наступил еще момент?

Нежно и горячо целую. Поцелуй детей. Пусть Гуля⁵ напишет.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 50, лл. 24–25.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Нина Владимировна Ильинская (впоследствии жена Г.В. Вернадского) – учительница в Подъеме Моршанского уезда Тамбовской губ., где протекала земская деятельность В.И. Вернадского.

³ Земское собрание Моршанского уезда.

⁴ Анонимная статья. Мысли вслух // Тамбовские губернские ведомости. 1905. № 206, 28 сентября и № 207, 29 сентября.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 729

Н.Е. Вернадской¹

Дорогая моя!

Забыл предупредить Андреева. Скажи ему по телефону, что сейчас, часам к 10, мы будем в клубе обсуждать вопрос о профессорском союзе. Извинись и скажи, что его присутствие очень желательно и нужно.

Ответь.

Оп. 7, д. 50, л. 11.

---

¹ Записка на визитной карточке В.И. Вернадского без даты.

№ 730

1 февраля 1906 г., Петербург

Петербург, 1.П 906

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов. До сих пор хлопоты неутешительны: как и следовало думать, гораздо труднее выцарапывать чужих¹. Крыжановский² говорил, что он не знал об Ильин.³, тогда бы можно было. Ильинского, он думает, легче, чем Попова.

Сейчас иду с Мануйловым⁴ к Витте⁵. С ним буду иметь разговор. У Дурново⁶ подал ему карточку, прося назначить аудиенцию на несколько минут.

Гуля⁷ был освобожден при любопытных и для меня неожиданных обстоятельствах, о которых при свидании.

Здесь видел сестер⁸ (Нюту⁹ еще не видел! Катя¹⁰ с ней в ссоре, и все это так тяжело). Был у Петрункевичей, Гревс, Сергея¹¹ не застал. Тетя Дуня¹² в весьма воинственном и озлобленном настроении. Мы с Гулей у ней пообедали с Пашей¹³. Были у Старицких, очень они все любезны, и у Крыжановского. Он очень сердечно и хорошо ко всему отнесся. Боюсь, что придется остаться еще на один-два дня.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую, горячо любимую Наталочку. Тебе все здесь шлют самые горячие приветы. Поцелуй мою дорогую Нинулю¹⁴ драгоценную.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 51, л. 1.

¹ В.И. Вернадский приехал в Петербург хлопотать о сыне и его сподвижниках, так как Г.В. Вернадский вместе с И.В. Ильинским и А.И. Поповым был арестован за организацию столовых для голодающих крестьян в Моршанском уезде Тамбовской губ.

² Сергей Ефимович Крыжановский, студенческий товарищ В.И. Вернадского, в это время товарищ министра внутренних дел.

³ И.В. Ильинский.

⁴ А.А. Мануйлов – ректор Московского университета.

⁵ С.Ю. Витте – в это время председатель Совета министров.

⁶ П.Н. Дурново – в это время министр внутренних дел.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ О.И. Алексеева и Е.И. Короленко.

⁹ А.С. Короленко.

¹⁰ Е.И. Короленко.

¹¹ С.Ф. Ольденбург.

¹² Е.И. Голицына.

¹³ П.Г. Старицкий.

¹⁴ Н.В. Вернадская.

№ 731

2 февраля 1906 г., Петербург

Петербург, 2. II 906

Дорогая моя Наталочка, мы решились остаться, главным образом потому, что я хочу взять Гуле¹ заграничный паспорт. Был вчера у Витте² и у Дурново³. У Витте был с Мануйловым⁴, говорили об университетских делах, разговор очень интересный. После разговора с Толстым и Витте для меня ясно, что до осени университет открыт не будет⁵. Витте нам не советовал, как до известной степени «член Московского университета», который ему близок. Он был вообще с нами очень любезен и афишировал откровенность. Министры твердо решили не открывать высшие учебные заведения, ибо, сводя все слышанные указания вместе, неудобно скопление молодежи в столицах и высших школах перед выборами⁶ и при начале Думы⁷; тут возможны движения против Думы, и неизвестно, чем все это кончится. Затем студенты неизбежно начнут митинги, и будут революционные собрания, они будут подавляться военной силой, регулировать которую министерство не в состоянии благо-

даря характеру и устройству русской армии и благодаря тому, что войск в университетских городах недостаточно. Могут произойти несчастия, поправить которые нельзя и ответственность за которые они не хотят брать на себя. Наконец, осенью могут измениться все отношения в стране и (могут быть) достигнуты известные более нормальные условия жизни, так как будет Государственная дума с довольно большими правами и реформированный Государственный совет. Как бы то ни было, это факт крупнейшей важности, который может вызвать полное изменение в жизни страны, ибо будет новый **источник власти**, регулирующий ее жизнь. Сверх того, в Государственном совете будут представители университета⁸, которые могут непосредственно влиять на правительство, и положение профессоров в бюрократической машине и рутине будет иное. Вот сущность указаний.

Вите обещал вмешаться в Моршанское дело⁹, раз я могу ему дать честное слово, что там никакой пропаганды etc. не было. Я это сделал и подал ему записку. Вечером был у Дурново. Прием у него был отменен, но он принял меня в 8 1/2 час вечера, был отменно любезен. В конце концов записав про Игоря¹⁰ и Попова, обещал послать телеграммы и дать ход этому делу. Надеяться можно на благоприятный исход, мне кажется, но некоторое время пройдет. Больше ничего сейчас сделать нельзя. Георгий выпущен, кажется, вне всяких правил с полным нарушением бюрократической рутины, по-видимому, на мою личную ответственность.

Вчера же видел Сергея¹¹ и затем сегодня был в Академии. Отзыв обо мне комиссии до такой степени хвалебный, что мне как-то совестно встречаться после этого с читавшими его людьми. Все-таки ведь это значит **проводить** для выборов и как-то странно читать оценку своей жизни¹². Угол современности совсем иной, чем будущего. В Академии далеко не все так гладко, как можно думать, ибо у них нет денег, и найти мне комнату и необходимые приборы не так легко и быстро можно сделать, как это думалось. А раньше переезжать из Москвы не стоит и невозможно. Так что и будучи в Академии, может быть, придется еще пробыть в Москве до конца года. Все неясно.

Были у Гревсов, Петрункевичей (очень их приятно видеть). Вчера обедали у Гревсов, сегодня у А.И. и С.М. Старицких. Надо ехать на обед. Нежно и горячо целую тебя и дусю Нинусю¹³. Получил я твои записки, благодарю.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 51, лл. 2–3.

¹ Г.В. Вернадский.

² См. комментарий № 5 к письму № 730.

³ См. комментарий № 6 к письму № 730.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 730.

⁵ Университет был открыт 17 апреля 1906 г.

⁶ Имеются в виду выборы в Государственную думу и преобразованный Государственный совет.

⁷ Государственная дума открылась 27 апреля (10 мая) 1906 г.

⁸ В Государственный совет от Академии наук и университетов были избраны и принимали участие в работе 1 сессии с 27 апреля по 10 июля 1906 г.: В.И. Вернадский, Д.И. Багалей, И.И. Боргман, В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахматов.

⁹ См. комментарий № 1 к письму № 730.

¹⁰ И.В. Ильинский.

¹¹ С.Ф.Ольденбург – в это время непрменный секретарь РАН.

¹² В Академию наук В.И. Вернадского выдвинули академики А.П. Карпинский и Ф.Н. Чернышев, и избран он был адъюнктом по физико-математическому отделению (минералогия) 4 марта 1906 г.

¹³ Н.В. Вернадская.

№ 732

8 апреля 1906 г., С.-Петербург

8.IV 906, СПб.

Дорогая Наталочка, пишу тебе несколько слов по важному делу. Относительно Павла Долгорукого положение сильно меняется, и **надо употребить все старания для его выбора**. Это мнение Ивана Ильича¹ и мое, переговоры сейчас же с Киз.², Кишк.³ и т.д. Дело в том, что здесь организован целый поход против него в связи с парижскими инсинуациями о займе⁴, возбужден вопрос в среде Государственного совета, и, говорят, Акимов хочет поднять вопрос о предании его суду за государственную измену. Все это слухи, но такие, которые нельзя оставлять без внимания. При таких обстоятельствах выбор его необходим, и время еще есть. Не забудь, что вы должны еще (московский комитет)⁵ собраться с выборщиками, это только и будет окончательное решение⁶.

Идти мне в Государственный совет⁷ крайне трудно, и я совсем не знаю, как быть. Трудно исключительно с университетской точки зрения, ибо **внезапно** бросить профессию чрезвычайно усложняет дело, и я ввожу полное расстройство в преподавание. Выборы всех 6 лиц, близких к К-Д⁸, по-видимому, обеспечены. Вчера днем и вечером были все предвыборные и партийные собрания в связи с выборами в Государственный совет. Сейчас ЦК⁹, а вечером опять у Фаминцына окончательное намечание лиц.

Нежно и горячо целую. Пишу у Ивана Ильича, и сейчас с ним идем в заседание. У мин.¹⁰ сегодня был, но не застал.

Нежно целую тебя и Нинулю¹¹. **Я очень прошу тебя** переговорить с кем-нибудь из специалистов о ее сыпи. Не опасно ли ее выпускать? Что Гуля¹²?

Твой Владимир

Оп., 7, д. 51, лл. 4–5.

¹ Петрункевич.

² Александр Александрович Кизеветтер.

³ Николай Михайлович Кишкин.

⁴ П.Д. Долгоруков вместе с В.А. Маклаковым сделались жертвой ложных слухов о том, что они оба, находясь в Париже, от лица конституционно-демократической партии препятствовали русскому правительству в получении займа накануне созыва Государственной думы. Во Франции действительно местной русской эмиграцией был образован франко-русский комитет для противодействия займу, но ни упомянутые лица, ни конституционно-демократическая партия не имели к этому комитету никакого отношения. Эти слухи сделались предметом злостных нападок со стороны противников конституционно-демократической партии как справа, так и слева: первые обвиняли кадетов в противогосударственных действиях, вторые – в недостаточной оппозиции (подробно об этом см.: *Долгоруков Павел Дмитрич*. Великая разлука. Мадрид, 1964. С. 342–351).

⁵ Московский комитет конституционно-демократической партии, в состав которого был избран В.И. Вернадский.

⁶ Н.Е. Вернадская состояла членом конституционно-демократической партии, была выбрана секретарем московского городского комитета, исполняла эти обязанности в течение нескольких месяцев, принимала участие в работе съездов. В письме от 9 апреля 1906 г. из Москвы Н.Е. Вернадская писала: «Сейчас иду на заседание московского комитета с выборщиками. Еще более сознаю неправильность решения московского комитета, что не решили вопроса о 3-м депутате самолично. Сегодня... целый поход против кандидатуры Герценштейна. Это создает необходимые условия. Вообще вышло неладно» (ф. 518, оп. 3, д. 272, л. 7).

⁷ Кандидатура В.И. Вернадского в состав Государственного совета была выдвинута в начале 1906 г. от так называемой академической курии (Академии наук и университетов). См. комментарий № 8 к письму № 731.

⁸ Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы), учредительный съезд которой состоялся 12–18 октября 1905 г. На съезде В.И. Вернадский был избран в состав ЦК, параллельно также в состав московского комитета партии и в состав Редакционного комитета, созданного при ЦК для рассмотрения издаваемых партией брошюр. В январе 1906 г. Вернадский вновь был избран в состав ЦК партии.

⁹ Центральный комитет конституционно-демократической партии (партия народной свободы).

¹⁰ Слово написано сокращенно, возможно: «У министра...»

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² Г.В. Вернадский.

№ 733

30 апреля 1906 г., С.-Петербург

СПб., 30.IV 906

Дорогая моя Наталочка, пишу у Лели¹, где я ночевал: сестры² захвали ко мне с вокзала, и я не хотел их огорчать, переехал к ним. Принял вчера еще 20 gr салицилового натра и сегодня уже – 25 gr, приму еще – 5 gr. В общем мне много лучше, боли прошли, хожу еще очень несвободно, но, во всяком случае, лучше, чем вчера.

Днем был в частном пленарном заседании Государственного совета. В общем это обычай не особенно хороший, так как заседания такие не публичны, но председателя мы выбирали. Выбрали Трубецкого, а Фриша большинство не захотело, и, слыша много голосов за Трубецкого, он имел такт отказаться. Речи – Боже мой! Это что-то невозможное. Подумываешь иногда уйти с самого начала. Длинную речь очень нескладно и весьма слабо говорил Витте, защищая свою политику. Вопрос об амнистии³. Кажется, большинство сговорится на формуле Багаляя: амнистии по религиозным, политическим и аграрным делам в пределах, которые укажет Государю серьезность переживаемого страной момента. Черносотенники кричат: «Довольно!», «К делу!», когда ораторы начинают касаться последних событий в присутствии Дурново, Пантелеева и tutti quanti⁴! Я и Шахматов завтра вносим вопрос о полной амнистии, но провести это не сможем. Но наше мнение останется в виде подписанной записки. Адрес будет политический, средний и, думаю, довольно безличный. Состав очень слабый силами и с очень слабым пониманием происходящего в России. Витте, между прочим, говорил, что он больше всего боится 2-й революции, первая пережита, а вторая будет опасна для самого существования Российской империи. Но теперь она не достигнет так врасплох: переживается уже во второй раз.

Приехать сейчас не могу, так как все время будут идти заседания в связи с адресом. После него можно будет приехать. Завтра в 12 час и я записан оратором, хочу говорить и против таких частных, закрытых заседаний.

Сегодня получил твою телеграмму. Переезжаю в «Монрепо», так как здесь утром очень шумно. Приеду при первой возможности. Статья моя в «Свободе и культуре» вышла⁵.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю⁶ драгоценную.

Твой Владимир

Скажи С. Плат.⁷ или Н. Ив.⁸, чтобы они мне написали об университетских делах.

Владимир

Оп. 2, д. 37, лл. 111–112.

¹ О.И. Алексеева.

² О.И. Алексеева и Е.И. Короленко.

³ Требование полной амнистии В.И. Вернадский предложил как третий пункт Адреса, который готовил Государственный совет в ответ на приветственное слово царя по случаю начала работы Государственного совета. Адрес готовила специально избранная комиссия из 18 человек, в которую вошли от академической курии В.И. Вернадский, А.А. Шахматов, Д.И. Багалеи и др. Члены академической курии в индивидуальных и коллективных записках и заявлениях отстаивали идею полной амнистии всех осужденных царскими властями. С этой же идеей Вернадский выступил 4 мая 1906 г. в прениях по обсуждению проекта Адреса императору в Государственном совете. Однако эта идея вызвала яростный протест черносотенного большинства Государственного совета и не была принята.

⁴ И пр. и пр. (ит.).

⁵ *Вернадский В.И.* О Государственном совете // *Свобода и культура*. 1906. № 5.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Попов.

⁸ Очевидно, Николай Иванович Сургунов.

№ 734

3 мая 1906 г., С.-Петербург

СПб., 3.V 906

Дорогая моя, совсем не могу вырваться. Сегодня в 1 час дня официальное открытое заседание Государственного совета об адресе¹. Вероятно, не раз придется говорить, и оно не может окончиться. Выехать опять нельзя. Можно будет лишь после адреса. Вчера было заседание «прогрессивных» членов Государственного совета выборных и назначенных. Впечатление очень тяжелое и безнадежное. И безнадежное с двух сторон – с одной стороны, в смысле необычайно малой умственной силы, а с другой – и потому, что ведь это «цвет» Государственного совета! Мы почти наверно отделимся от них, и это вырешится сегодня, так как мы будем проводить наши взгляды до конца. Послал тебе свою записку об амнистии, получила?

Сегодня первый день чувствую себя много лучше. Могу ходить свободно, и дело, кажется, идет к быстрому поправлению. Заболел Иван Ильич² ревматической инфлюэнцей, лежит и вчера не мог быть в Думе. Вот уже некстати! В Думе пока все идет довольно гладко. В Государственном совете влияние

имеет Витте, говорят, он организует или примкнул к правым и играет на диктатуру, раз только умеренные и состоятельные классы будут достаточно перепуганы радикализмом Думы.

Очень хотелось бы скорее в Москву.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю³ мою золотую.

Твой Владимир

Только 3-го дня получил ее письмо через Жих.⁴ Что в университете⁵? По газетам ничего не пойму.

Оп. 2, д. 37, лл. 109–110.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 733.

² Петрункевич.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Личность установить не удалось, фамилия написана сокращенно.

⁵ В письме от 2 мая 1906 г. Н.Е. Вернадская из Москвы писала: «Днем ко мне заходили Мануйловы. Он говорил, что если вчерашний день пройдет спокойно, без митинга, то и дальше занятия пойдут беспрепятственно!» (ф. 518, оп. 3, д. 272, л. 10).

№ 735

25 мая 1906 г., Москва

Москва, 25.V 906

Дорогая моя Наталочка!

Вчера проехал Георгий¹. Вы разминулись. От него имею известия о Полтаве. Может быть, жалко, что ты не взяла Нинусю²? Ну, да сделано, и нечего говорить. От Нинули и Гули³ давно ничего нет. Сегодня пишу Нинусе и Маше⁴, чтобы она меня известила, если с Нинусей что-нибудь не так. Жутко ее оставлять, бедненькую, одну.

Вчера уехала Екатерина Владимировна⁵ вечером. Пришел ее провожать и отправлять на вокзал Крымский, который решительно захотел ехать с ней, хотя был Игорь⁶.

Только что был фотограф от Фишера. Они просят для альбома твою карточку, или чтобы ты заехала сняться между поездами. Я бы очень хотел также, чтобы ты снялась. Может быть, в Полтаве?

Лекции читаю на курсах⁷, может быть, буду и в университете. Нежно и горячо целую. Поцелуй Маку⁸, дорогую Марию Ивановну⁹.

Твой Владимир

Поклон сердечный Надежде Викторовне¹⁰ и Елизавете Петровне¹¹.

Оп. 2, д. 37, лл. 106–107.

¹ Г.Е. Старицкий.

² Н.В. Вернадская; Н.Е. Вернадская ездила к матери в Полтаву, в это время Н.В. Вернадская была на отдыхе у Гревсов в Финляндии.

³ Г.В. Вернадский после освобождения из-под ареста (см. письмо № 730 и комментарий № 1 к нему) уехал во Фрейбург, где занимался в университете до 27 июля (н.ст.).

⁴ М.С. Гревс.

⁵ Возможно, Екатерина Владимировна Ильинская.

⁶ И.В. Ильинский.

⁷ Высшие женские курсы; см. комментарий № 10 к письму № 620.

⁸ М.Е. Старицкая.

⁹ Старицкая.

¹⁰ Янович.

¹¹ Старицкая.

№ 736

5 июня 1906 г., С.-Петербург

5.VI 906, СПб.

Дорогая моя, пишу несколько слов, чтобы сообщить последние новости. Выяснился, по-видимому, новый поворот в благоприятную сторону. Резких мер не будет. Министерство очень непрочно. Все это слухи, но слухи сегодня и слухи вчера диаметрально противоположны.

Был у Фриша. Он ничего не знает, как будет с Государственным советом. Думает, что заседание Совета будет на следующей неделе, посвященное наказу. Центр работы, если Дума не будет иметь каникул, будет к середине июля. Если ехать за границу, то надо брать отпуск в Государственном совете. Не поехать ли мне 15–20 июня с тем, чтобы вернуться к 15–20 июля? Совсем не знаю. Разговор с Фришем на меня произвел то же впечатление, что *coup d'Etat*¹, не решено, а наоборот. Да это было бы дикое безумие.

Сейчас еду. Тут у меня произошел скандал: разбил зеркало, оно едва стояло! Теперь в конторе хотят 8 руб.!!

Нежно целую. Поцелуй драгоценную Нинусю².

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, л. 108.

¹ Государственный переворот.

² Н.В. Вернадская.

№ 737

9 июня 1906 г., Москва

9.VI 906, Москва

Дорогая моя Наталочка!

Пишу несколько слов по получении твоего письма, в котором ты пишешь, чтобы тебе написать или телеграфировать. Гулину¹ телеграмму Паша² переслал, но она непонятна. Я думаю, он тебе ее перетелеграфировал или переслал? Он мне ее прислал по почте.

“Viens passerontze (sic!) ensemble Auquste moytie Septembre. Georges»³.

Отсюда видно, что он ждет и, слава Богу, не едет. Могу ли я ехать – решительно не знаю. Лучше всего так – вы поедете, и, если я смогу, приеду. Но надежды немного.

Телеграфируй, когда выезжаешь⁴, чтобы я успел приехать в С.-Петербург. Я хочу видеть Нинулю⁵ драгоценную перед отъездом.

Много работаю. Здесь бедный Игорь⁶ ждет статьи – а «Р.В.»⁷ не помещают! Крымский внезапно уехал, испугавшись забастовки. Нежно целую. Поцелуй детей⁸.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, лл. 104–105.

¹ Г.В. Вернадский.

² П.Е. Старицкий.

³ Г.В. Вернадский прислал телеграмму, написанную по-французски не очень грамотно.

⁴ Н.Е. Вернадская с дочерью выехала из Петербурга 13 июня, а во Фрейбург, где учился Г.В. Вернадский, прибыла 16/29 июня (см. ф. 518, д. 272, л. 23–24).

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ И.В. Ильинский.

⁷ Статья И.В. Ильинского была опубликована в газете «Русские ведомости», выходившей в Москве (1863–1918) и являвшейся органом либеральной интеллигенции, а с 1905 г. перешедшей к кадетам (см.: *Ильинский Игорь*. В тюрьме (очерк) // Русские ведомости. 1906. № 161, 23 июня, л. 2–3). В письме В.И. Вернадскому от 29 июня 1906 г. И.В. Ильинский писал: «Дорогой Владимир Иванович! Еще раз благодарю Вас за то, что Вы для меня сделали. Огромное Вам спасибо, спасибо, спасибо. Теперь мне так хорошо и легко стало жить. Не знаю, как Вас и благодарить. Будьте добры, из гонорара, если «Русские ведомости» деньги передали Вам, вычесть 10 руб., которые я у вас взял перед отъездом...» (ф. 518, оп. 3, д. 6822, лл. 2–2 об.).

⁸ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 738

16 июня 1906 г., Москва

Москва, 16.VI 906

Дорогая моя Наталочка!

Вчера приехал сюда, кончил лекции на курсах¹. Завтра экзамены, и затем я буду свободен от университета и вообще академических занятий. Государственный совет неизвестно когда соберется, должно быть, 20–22 июня, и я хочу в понедельник поехать на несколько дней в Вернадовку.

В С.-Петербурге все прежнее неопределенное настроение, здесь также очень тихо, но упадка духа нет. По-видимому, они в С.-Петербурге хотят продолжать прежнюю политику, по возможности не смещая министерство. Сегодня в «Московских ведомостях» появилась в этом смысле телеграмма специального корреспондента, указывающая на то, что победило реакционное течение². Надолго ли, неизвестно? А вместе с тем в С.-Петербурге спириты с Паппюсом участвуют в вызове мертвых теней! Это показывает нервное возбуждение и настроение. Между прочим, «спиритизм» начинает и в обществе играть роль, и я вчера натолкнулся на сильное течение здесь среди молодых ученых... Я лично не верю в возможность долгого продолжения того положения, какое теперь длится, но очень вероятно, что будет министерство из центра Государственного совета.

Нежно целую свою девочку³. Я рад, что она едет за границу, вдаль от тяжелых событий здесь. Вполне понимаю и сознаю, как тебе это тяжело, моя дорогая Наталочка, но для детей это лучшее, что мы теперь можем им дать. Нинулька провожала меня на вокзал, много болтала о своем чтении и поразила меня своими знаниями (все время подчеркивала, что сама их приобрела,

никто не помогал) о землетрясениях, Геркулануме, Помпеях, вулканах, планетах, Марсе и его жителях и т.д. Так было странно чувствовать пробуждение вечного научного интереса в этом маленьком дорогом человечке. И все это было окрашено глубоким чувством любви, желанием быть вместе в области умственных интересов.

Спешу послать это письмо и нежно, горячо тебя целую. Поцелуй детей и попроси Гулю⁴ и Нину писать.

Твой Владимир

P.S. Нине журналы вышлю на днях.

Оп. 2, д. 37, лл. 102–103.

¹ Высшие женские курсы; см. комментарий № 10 к письму № 620.

² «Московские ведомости». 1906. № 152, 16(29) июня, л. 2.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 739

19 июня 1906 г., Вернадовка

Вернадовка, 19.VI 906

Дорогая моя Наталочка, я здесь, приехал сюда вчера и завтра уезжаю. Только в субботу днем окончательно разделался с университетом, были экзамены (5 человек), и вечером выехал сюда. В четверг заседание Государственного совета после долгого перерыва, и начнется, должно быть, правильная работа. Когда-то удастся уехать к вам!

Здесь все на каждом шагу напоминает наше прошлогоднее пребывание, масса всяких мелочей, которые требовали бы твоего присутствия. В общем настроение здесь нервное, как по всей России, все чего-то ждут, всякая мелочь может вызвать большое движение, но все кругом спокойно, и жизнь идет своей обычной прежней чередой. В общем газетные известия о волнениях аграрных в нашей полосе, включая и Саратовскую (губ.), сильно преувеличены, и наше впечатление суммарного характера, концентрировано. Оно не разведено на всю географическую площадь Европейской России. Есть только наличность нервного напряжения и ожидания.

Стоят большие жары, и уже со вчерашнего дня жнут рожь (цена немного больше обычной – 4 руб.). У нас сегодня стали на 100 десятин из 120 десятин посева. Должно быть, к вечеру будет разобрана вся рожь. Урожай средний, как ржи и овса, так и свекловичных. Овсы у крестьян кругом, говорят, пропали.

На хуторе много мелкого нового. Во-первых, сдан сад, и здесь поселился арендатор; сад сдан за 90 руб., и, кроме того, 10 пудов яблок и 10 пудов ягоды. Все остальное ему. Затем с птицей много лучше. Теперь имеется около 1500 яиц. Я думаю, их надо продать, и это, должно быть, деньги. О масле Попов спишется с Чичкиным; я думаю, надо прямо купить тот пресс, о котором ты говорила. Как он называется? Где его купить? Матреша¹ сегодня ушла – началась рабочая пора. С едой – мелкие жалобы на мясо, когда выдает людям Александр Иванович²; сегодня опять у меня было с ним объяснение. При-

ходил пастух Михайло, его внука учиться, и глаза у нее прошли, он просил насчет чая пастухам, как ты устраивала.

Наступление нового будущего чувствуется. Но, Боже мой, какой малый шаг и та аграрная программа, которая нами ставится и которая является колоссальной. Сколько невежества, сколько надо целесообразной работы в связи с общим подъемом культуры... Работы впереди еще масса при нормальном ходе вещей. А что будет, если этот ход испортили?

Не знаю, где мое летнее белье? Здесь не нашел. Придется покупать в С.-Петербурге. Думаю в С.-Петербурге устроиться так, чтобы заниматься в Академии, и при первой возможности поеду за границу. Хочется отдохнуть, хотя и совестно. Если придется выехать поздно, то, может быть, воспользоваться случаем и поехать в Сицилию, где очень много для меня интересного и важного в минералогическом отношении?

Как-то плохо спится все время, не знаю – жара ли или нервное утомление?

Нежно и горячо целую тебя и дорогих детей³. Послал дусе 2 номера журналов – получила? Гуле послал «Русские ведомости»⁴ со статьями Езерско-го⁵ и моей⁶, так как, оказывается, они не получают «Русские ведомости», а, между тем, теперь «Русские ведомости» сделались одним из лучших органов. Я их вышлю тебе, но куда? Если не будет твоего адреса, то *poste restante*⁷.

Завтра в Москве только между поездами. Нежно целую.

Твой Владимир

Напиши, насколько всего ты продала масла – теперь и раньше?

Оп. 7, д. 51, лл. 6–7.

¹ Крестьянка, помогавшая Вернадским по хозяйству в Вернадовке.

² Попов.

³ Н.В. и Г.В. Вернадские.

⁴ См. комментарий № 7 к письму № 737.

⁵ *Езерский Н.* Крестьяне в Думе // Русские ведомости. 1906. № 137, 26 мая.

⁶ *Вернадский В.И.* Письма о Государственном совете // Русские ведомости. 1906, 24 мая.

⁷ До востребования (фр.).

№ 740

21 июня 1906 г., Москва

Москва, 21.VI 906

Дорогая моя Наталочка, заехал между поездами. Сейчас еду в С.-Петербург. Думал найти от тебя письмо – нет. Может быть, писала в С.-Петербург? Теперь пиши в С.-Петербург. Остановлюсь пока в «Монрепо». А затем устроюсь лучше.

Нежно, горячо целую тебя и детей¹. Из С.-Петербурга завтра напишу.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, л. 101.

¹ Н.В. и Г.В. Вернадские.

23 июня 1906 г., Петербург

Петербург, 23.VI 906
ул. Жуковского, 7, гостиница
«Монрепо», комната № 82

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал в С.-Петербург, но вчера не имел ни минуты времени написать тебе. От тебя нет писем, из карточки Гули¹ знаю, что ты переехала в Фрейбург. Среди здешней смуты я душою с вами всеми, моими дорогими.

Здесь положение очень серьезное. Все время меняются настроения, и каждый день приносит неожиданности, в которых трудно разобраться. Еще несколько дней, казалось, стоял довольно серьезно вопрос о конституционно-демократическом министерстве (исключение – министерства военное, морское, иностранных дел и двора). Но теперь подул обратный ветер. Министерство Горемыкина опять осталось на месте, и когда, как оно будет смещено, неизвестно². В значительной мере тут идут всякие влияния – до держав включительно, и, по-видимому германские влияния очень сильны при дворе и действуют в одном духе с придворной камарильей. Говорят о диктатуре графа Игнатьева³.

Настроение в С.-Петербурге – в рабочих, мелких интеллигентных и буржуазных слоях очень повышенное – по-видимому, более повышенное, чем желали сами крайние группы. Взрыв может произойти помимо желания крайних партий, и такой взрыв вызовет самую жестокую репрессию. Его ждут.

Настроение в среде конституционно-демократической партии очень колеблющееся, ибо окружающая среда неумолимым роком подвигается влево. Еще несколько месяцев, может быть недель, и успешность конституционно-демократического министерства как средства вывести страну из тяжелого кризиса, может стать тщетной. Вчера вечером было интереснейшее заседание фракции, где ясно сказалось такое настроение, нервное и повышенное, значительных групп партий под влиянием изменения в настроении страны. В то же время, однако, организация партии идет неуклонно: все равно, будущее России принадлежит ей, и едва ли может прочно установиться иной режим. Я очень доволен своей поездкой в Вернадовку: виделся и переговорил с Казанским – он становится во главе Моршанского комитета конституционно-демократической партии. Аналогичные движения идут всюду...

В войсках движение все становится серьезнее. Трудно сказать, к чему оно поведет, но есть – хотя слабые – движения среди **офицерства**. Может быть некоторое время цезаристский режим со всеми его ужасами.

И все же я с какой-то непоколебимой верой смотрю в будущее.

Я не верю в возможность дикого и бессмысленного конца этому движению, ибо давно подготавливавшееся народное движение слишком глубоко захвачено **идейным** потоком. Могут быть случайности, временные падения, но в общем великая новая демократия выступила на мировую арену. Обдумываю и набрасываю 2–3 статьи в связи с развитием этих мыслей: в России теперь идет борьба трех великих философски-общественных идей:

1. Социалистической, время которой, по моему убеждению, идейно прошло. Она опоздала, так как поколеблена и исчезла **научная** достоверность

ее построений. Жизнь дала ей возможность осуществляться, когда исчезает и улетучивается проникающая ее вера. Но я, вдумываясь в происходящее, все сильнее ценю ее идейное и этическое значение. 2. Анархической – этой великой идеи будущего. Она сменяет социализм как **идеал**. Этим она разрушает ее значение в жизни. Служа стимулом, заставляющим достигать в данный момент максимума достижимого, анархистический и социалистический идеалы, двигая массы и отдельных лиц, оказывают огромное и плодотворное влияние на будущее. Но осуществляться будет не оно. Путь открыт 3-му пути – демократическому, построенному на признании неотъемлемых прав **личности**. Это то течение, выразителем которого должна являться конституционно-демократическая партия. Не знаю, удастся ли мне ясно выразить эти идеи, которые глубоко меня теперь волнуют, и, вдумываясь во все, много я нахожу для себя нового и интересного.

Вчера было заседание Совета – о наказе⁴. Скучное, но нам удалось уничтожить самый скверный пункт. Сегодня другое. Законопроект об (отмене) смертной казни на сегодня прислан⁵. **Первый** шаг сделан – один законопроект из Думы внесен. И какой важный! Что будет в Совете – не знаю. Центр Совета распадается. Опять наша группа единственная организованная⁶. Идут переговоры с отдельными лицами, и я не теряю надежды, что закон об (отмене) смертной казни пройдет.

От Марка⁷ очень интересное письмо о Козловском движении⁸. Его пришлю завтра, хочу показать Паше⁹ и Георгию¹⁰.

Нежно и горячо целую вас всех троих, мои дорогие. Жду с нетерпением от тебя писем, моя Наталочка. Павел Николаевич¹¹ говорил, что его детям лучше.

Буду писать аккуратно. Пишите и ты, и Гуля¹², и Ниноуля¹³.

Получила ли она посланные мною 3 номера ее журнала (две бандероли)? «Русские ведомости»¹⁴ переведу к тебе, «М.В.»¹⁵ перевел к Корнилову, чтобы Фроня¹⁶ не пропагандировала их. «Народное дело»¹⁷ перевожу в Подъем.

Был у меня Николай Фитенков, наш воспитанник. Очень славное впечатление – **живой**, смелый и свободно мыслящий мальчик. Надо будет послать ему книг, что отсюда и сделаю.

Нежно целую.

Твой Владимир

Поселился здесь в 6-м или 5 этаже (еще выше, чем в прошлый раз) – 2 **большие** комнаты за 2 руб., и очень тихо. Очень уж здесь удобное место – и Государственный совет, и Дума, и Петрункевич, и Адя¹⁸ и т.д.

Оп. 2, д.37, лл. 97–100.

¹ Г.В. Вернадский.

² Иван Логгинович Горемыкин был назначен председателем Совета Министров 6 апреля 1906 г. Он отстаивал незыблемость самодержавия, добился роспуска I Государственной думы. Смещен с поста председателя Совета Министров в июле 1906 г. и замещен П.А. Столыпиным.

³ Алексей Павлович Игнатьев с 1905 г. был председателем особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам вероисповедания. Крайний реакционер. Вокруг него группировались наиболее реакционные элементы дворянства. Выступал против созыва Госу-

дарственной думы, был сторонником усиления репрессий. 9 декабря 1906 г. был убит эсером С.Н. Ильинским.

⁴ 3 мая 1906 г. в Государственном совете было принято решение избрать комиссию для составления наказа Государственному совету. 8 мая эта комиссия была избрана. Проект наказа (статьи с 1 по 136) обсуждался, начиная с 22 июня 1906 г. (заседание VI ГС) до 7 июля 1906 г. (заседание XV ГС).

⁵ Законопроект об отмене смертной казни был внесен в Государственный совет Думой, которая единогласно приняла законопроект 19 июня 1906 г. Обсуждение законопроекта в Государственном совете состоялось 27 июня, а 28 июня законопроект передали в специально созданную комиссию, в которую от академической курии был избран В.И. Вернадский. 8 июля Дума была распущена, а 10 июля приостановлена работа Государственного совета обеих палат до 20 февраля 1907 г. В официальном документе комиссии говорится, что она «не успела» распространить законопроект. Когда же в феврале собралась новая Дума, комиссия лицемерно сочла утратившим силу также и законопроект об отмене смертной казни и объявила о своем роспуске. Все это было отмечено в специальном «Докладе» комиссии в феврале 1907 г., который Вернадский как член комиссии подписать отказался.

⁶ Имеется в виду группа, избранная в Государственный совет от Академии наук и университетов.

⁷ М.М. Любошинский.

⁸ Имеются в виду волнения крестьян в Козловском уезде Тамбовской губ. (подробно об этом см.: АРАН, ф. 518, оп. 3, д.1012, лл. 16–23).

⁹ П.Е. Старицкий.

¹⁰ Г.Е. Старицкий.

¹¹ Милюков.

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ Н.В. Вернадская.

¹⁴ См. комментарий № 7 к письму № 737.

¹⁵ «Московские ведомости», одна из старейших русских газет, выходила в Москве (1756–1917).

¹⁶ Личность установить не удалось.

¹⁷ Газета издавалась частным кружком членов партии народной свободы во время деятельности Государственной думы, издатель – член Думы и ЦК партии М.Г. Комиссаров, редактор – член Думы В.Е. Якушкин.

¹⁸ А.А. Корнилов.

№ 742

26 июня 1906 г., Петербург

Петербург, 26.VI 906
ул. Жуковского, 9,
гостиница «Монрепо», № 82

Дорогая моя Наталочка, от тебя давно нет писем. И из Москвы мне что-то не пересылают. Паша¹ показывал мне твое письмо, им полученное, но уже давнее.

Посылаю тебе письмо Марка² и полученное на твое имя письмо Ульяны³. Я вскрыл конверт, написанный твоей рукой.

Положение здесь неопределенное. Толки о конституционно-демократическом министерстве, было заглушенные, поднимаются вновь. Дадут в расчете на полный провал. Я лично надеюсь и верю, что они ошибутся. В Трудовой группе⁴ полный раскол, так как крестьянские депутаты начинают энергично протестовать против диктатуры, довольно бесцеремонной, «трудовиков» интеллигентов. Не знаю, к лучшему это или к худшему.

В Государственный совет передан вопрос о смертной казни, и завтра первое заседание⁵. Очень досадно, что у нас мало сил – никто из нас не оратор, и мы играем довольно печальную роль. Но если вопрос о смертной казни провалится, я думаю, уйдем. Все так неопределенно, что каждую минуту могу и быть свободным.

С нетерпением жду твоего письма о Гуле⁶. Здесь, по-видимому, все борются два течения – диктатуры и уступок, и все зависит от случайностей.

Нежно и горячо тебя целую и дорогую крошку⁷, хотя ее теперь уже крошкой называть нельзя. Поцелуй Гулю. Пиши.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, л. 96.

¹ П.Е. Старицкий.

² М.М. Любошинский.

³ Возможно, прислуга в доме Вернадских.

⁴ Трудовая группа – группировка мелкобуржуазных демократов в Государственных думах дореволюционной России, в состав которой входили депутаты крестьян и интеллигенты народнического толка.

⁵ См. комментарий № 5 к письму № 741.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 743

28 июня 1906 г., С.-Петербург

28.VI 906, СПб.,
ул. Жуковского, 9, «Монрепо»

Дорогая Наталочка, от тебя давным-давно нет писем. Я не знаю, куда ты пишешь, хотя совершенно ясно, что надо было писать в С.-Петербург, и я тебе давным-давно написал свой предварительный маршрут. Как-то трудно писать, когда нет от тебя известий, тем более что ты совершенно свободна и могла бы написать. Из Москвы мне тоже не пересылают твоих писем. Последнее твое письмо было к Паше¹, и я затем ничего не знаю о тебе и о детях².

Здесь очень тяжело. В Государственном совете черносотенное настроение и полное непонимание того, что происходит. Вчера обсуждался вопрос о смертной казни³, и, Боже, что там говорилось! Сегодня выборы комиссии, я, вероятно, войду в нее, так как мы добились права самостоятельного избрания⁴. Соглашение невозможно, и на следующей неделе придется выступить с решительным открытым и публичным ответом⁵. Может быть, скоро удастся и уйти из Государственного совета, и тогда⁶ я скоро приеду к вам. Было бы хорошо.

Общее положение неясное. Конституционно-демократическое министерство весьма вероятно. Как они ни оттягивают, выхода им нет. Но удастся ли ему завладеть движением – неизвестно.

Послал тебе номер «Речи» с моей статьей⁷. Больше не пишу. Жду твоих писем. Поцелуй детей. Нежно целую их и тебя.

Твой Владимир

Получили ли пересланное письмо Марка⁸? Пашу и Георгия видел один раз. Страшно занят.

Оп. 2, д. 37, лл. 94–95.

¹ П.Е. Старицкий.

² Н.В. и Г.В. Вернадские.

³ См. комментарий № 5 к письму № 741.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 741.

⁵ *Вернадский В.И.* Смертная казнь // Речь. 1906. № 110, 27 июня (10 июля).

⁶ В.И. Вернадский вместе с коллегами по академической курии подал официальное заявление об отставке из числа членов Государственного совета сразу после приостановки его заседаний в связи с роспуском Государственной думы указом царя 8 июля 1906 г. Вторично в Государственный совет Вернадский был избран в январе 1908 г. См. комментарий № 8 к письму № 731 и комментарий № 7 к письму № 732.

⁷ «Речь» – центральный орган кадетской партии, ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Основана в Петербурге Ю.Б. Баком. Первый номер вышел 23 февраля 1906 г. В 1906 г. редакторами были О.Е. Бужанский и В.И. Харитон (с № 108). «Речь» пользовалась популярностью в среде либерально-буржуазной интеллигенции. После февральской революции газета выступила против большевиков. Закрыта Петроградским ВРК 26 октября (8 ноября) 1917 г. После этого много раз меняла название: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век», но сохраняла антисоветское направление. Окончательно газета была закрыта 3 августа 1918 г. См. также комментарий № 5.

⁸ М.М. Любошинский.

⁹ Г.Е. Старицкий.

№ 744

2 июля 1906 г., С.-Петербург

СПб., 2.VII 906

Дорогая моя Наталочка, время быстро меняется. То, что казалось невозможным вчера, сегодня получает конкретные формы. На сцену вновь выступил вопрос о конституционно-демократическом министерстве. Сегодня-завтра ожидается начало официальных переговоров, причем кандидатами на премьерство выступают Муромцев и Милюков. Вчера решение Государственного совета еще более ускорило этот выход из положения, так как Государственный совет выразил недоверие министерству. Решение это произошло совершенно неожиданно, благодаря неправильной тактике министерства. Министерство, в лице Коковцова, энергично защищало свой проект и предлагало отклонить проект Думы. Вначале вся тактика умеренных членов Государственного совета заключалась в стремлении избежать всяких указаний на политическую сторону вопроса. Вопрос долго шел в области чисто практической, и министерство более или менее не выходило из этих рамок. Вопрос был обострен Багалеем и мною, и Коковцов быстро воспользовался этими нашими речами (он хорошо говорит) и обратил вопрос в вопрос доверия. Правая и часть центра перешла на его сторону. Это было 30-го. Вчера прения шли уже в новом направлении, и в результате все поправки, внесенные Министерством финансов, провалились (главное – большинством 68 против 55) и проект Думы прошел целиком. В общем вопрос был решен нашими голосами (нас 14).

Сегодня воскресенье, утро. Заседаний нет; сейчас 10 1/2 час утра – Центральный комитет¹. Затем мне придется писать особое мнение о смертной казни², и я, может быть, уеду на весь день в Павловск. Хочется быть одному *ins Grün*³. К сожалению, пока погода пасмурная. В комиссии о смертной казни я остался один поддерживать думский законопроект. Думаю, впрочем, что вопрос сильно изменится, так как отмена смертной казни будет поставлена

условием конституционно-демократического министерства. Если его не будет, то пройдет компромиссное решение, но главная часть смертных казней будет отменена⁴.

Теперь становится все яснее и яснее необходимость реформирования Государственного совета, так как он начал действовать и начал определенным образом влиять на положение дел. Но в какую сторону будет направлено это реформирование, не знаю...

Дорогая моя, я всегда так жду твоих писем и душою все время с вами. Меня беспокоят Гулины⁵ нарывы – что это такое? Следовало бы, может быть, тебе переговорить с доктором. От него получил очень хорошее письмо – буду отвечать на днях. Мне очень нравится ваш план поездки на Рюген. Все более выясняется, что едва ли скоро *выберусь*. Адрес А.С. Милюковой (который Павел Николаевич⁶ с трудом нашел, он теперь весь поглощен делом – работоспособность удивительная) – Интерлакен⁷, Hôtel «Mattenhof». Посылаю № «Речи» сегодняшней – статья «Вотум недоверия» – моя⁸. Подписался на «Речь» Гуле на три месяца – с 1 июля.

Адя⁹ предлагает переехать – к нему. Колеблюсь, так как, может быть, перееду к Георгию¹⁰. А затем у меня есть желание иногда быть одному, как ни близок я с Адей и Георгием. Екатерина Антиповна¹¹ уехала вчера.

Нежно и горячо целую тебя, Ни нулю¹² и Гулю. Получила ли Ниночка все посланные мною журналы? Целую, целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 51, лл. 10–11.

¹ Имеется в виду заседание Центрального комитета конституционно-демократической партии (партии народной свободы).

² См. комментарий № 5 к письму № 741.

³ За город (нем.).

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 741.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Милюков.

⁷ Горно-климатический курорт в Швейцарии.

⁸ Вотум недоверия // Речь. 1906. 2(15) июля. Статья опубликована без подписи.

⁹ А.А. Корнилов.

¹⁰ Г.Е. Старицкий.

¹¹ Корнилова.

¹² Н.В. Вернадская.

№ 745

3 июля 1906 г., С.-Петербург

Москва¹, 3.VII 906

Дорогая моя Наталочка!

Опять все изменилось, в ближайшем будущем вопрос о министерстве опять отложен... В стране начинается полная анархия, но непонимание наверняка поразительное. Очень многие, однако, смотрят вполне безнадежно и считают, что вопрос разрешится только кровью и что остановить процесс нельзя. Это, например, высказывал Платонов. Я лично считаю положение далеко не потерянным и думаю возможным еще направить – в общем – процесс в мир-

ные рамки, но лишь при том условии, если власть будет находиться в руках целого и сплоченного министерства (конституционно-демократического) и если оно широкой агитацией своей аграрной реформы и полным ее проведением получит доверие крестьянских масс. Это еще возможно и даже вполне, так как Дума стоит – пока – твердо в сознании народных масс, несмотря на агитацию крайних левых и правых. В комиссии Государственного совета прошел вопрос о смертной казни очень урезанным, я по некоторым вопросам остался один. Вероятно, на днях вопрос будет в Государственном совете², и придется энергично бороться. Моя заметка печатается, и, если можно будет, я пришлю тебе экземпляр³.

Получила ли ты 300 руб.? Получаешь ли посланные Нинуле⁴ и тебе газеты?

От Нинуси получил письмо, на днях ей пишу. Так странно читать в нем уже не вполне интересы маленького ребенка. Как-то даже грустно, что этот период прошел.

Вчера был занят весь день. Сегодня утром исправлял рукопись своей записки в связи с вопросом о смертной казни. Сейчас отправлюсь в Академию, потом в Государственный совет. Не знаю, не будет ли свободен вечер.

Здесь я переехал ниже, они мне дали две прекрасные комнаты («из любезности») за те же 2 руб. Лифт испортился и еще дня 4 не будет действовать. Думаю остаться здесь до переезда к Георгию⁵.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю, Гулю⁶.

Ан. Серг.⁷ спрашивала, получила ли ты чек?

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, лл. 92–93.

¹ Письмо написано в Петербурге, а не в Москве, так как В.И. пишет о работе в Государственном совете, заседания которого проходили в Петербурге.

² См. комментарий № 5 к письму № 741.

³ См. комментарий № 5 к письму № 743.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.Е. Старицкий.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Очевидно, А.С. Милюкова.

№ 746

6 июля 1906 г., С.-Петербург

СПб., 6.VII 906

Дорогая моя, пишу тебе среди скучнейшего заседания Государственного совета. Идут выборы в постоянные комиссии, подсчет голосов, и все время проходит в полном ничегонеделании. Политическая атмосфера сильно сгустилась, опять идут толки о разгоне Думы¹. Вчера вечером, говорят, было заседание в Петергофе, Столыпин настаивает на роспуске Думы, но Государь не согласился. Опять будет тягучее, тяжелое положение. Я думаю, что оно может длиться еще долго... А из провинции идут вести серьезные, начались пожары, сгорела Сызрань, и идут толки о поджогах и поджигателях – этой традиционной формы народных движений. По-видимому, в связи с поджо-

гами и дикие движения толпы. Из Воронежской и Саратовской губ. грозные движения народных толп, причем в Петровском уезде **сожжены** живыми три агитатора СР², деревня идет на деревню, и начались грабежи и разорения зажиточных крестьянских дворов. Настроение Думы очень повышенное. Опять несколько новых дней волнений. Необходимы новые меры, но найдутся ли они, неизвестно. Теперь в Думе обсуждается обращение к населению, и оно среди очень многих возбуждает всяческие опасения, считают, что это есть призыв к беспорядкам. Смесь страха, ненависти и бессилия. Решительно ничего нельзя сказать, как пойдет дело...

Только что узнал, что почти на неделю заседания Государственного совета отлагаются, но это меня касаться будет отчасти, так как вопрос о смертной казни еще не вышел окончательно из комиссии³. Очень хочется уехать, в действительности это вполне возможно, подав просьбу об отпуске, как делают очень многие, но мне этого не хочется, тем более что, может быть, вскоре придется уйти⁴. Я думаю, впрочем, что резкого разрыва Думы с Государственным советом без какой-нибудь случайности не произойдет. Этого разрыва хочет только правая, и его боится центр.

Вчера начал было заниматься в Академии, но сегодня опять не приходится туда отправиться. Завтра, надеюсь, буду свободен. Может быть, перееду к Павлу Ивановичу⁵, так как Л.А.⁶ с Бобиком⁷ отправляются в Териоки на дачу. Здесь Нина Жедринская с Иваном Александровичем⁸. Они отправляются сперва в Полтаву, а потом за границу, куда Иван Александрович едет лечиться.

Нежно и горячо целую тебя и Гулю⁹ с Нинулей¹⁰. Нинусе на днях напишу. Поцелуй ее за письмо.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 51, лл. 8–9.

¹ Государственная дума была распущена 8 июля 1906 г.

² Социалисты-революционеры (эсеры).

³ См. комментарий № 5 к письму № 741.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 743.

⁵ Новгородцев.

⁶ Л.А. Новгородцева.

⁷ Очевидно, сын Новгородцевых.

⁸ Жедринский.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Н.В. Вернадская.

№ 747

9 июля 1906 г., [Петербург]¹

9.VII 906

Дорогая моя, пишу два слова. Дума распущена² и не на каникулы, а совсем. Факт совершился – надо ждать последствий. Насколько могу видеть положение дел – это акт безумия и самоубийства. Завтра или сегодня вечером напишу тебе подробно.

Нежно и горячо целую тебя и детей³.

Твой Владимир

Послал тебе телеграмму.

Оп. 2, д. 37, л. 113.

---

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 1 к письму № 746.

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

№ 748

10 июля 1906 г., Выборг¹

Выборг, 10.VII 906

Дорогая моя, вчера приехал сюда. Сегодня уезжаю. Положение очень неопределенное. Мы на днях уйдем из Государственного совета², и я при первой возможности приеду за границу. Однако не думаю, чтобы можно было пробыть очень долго. Но хочется полечиться в Теплице.

Нежно и горячо целую.

Твой Владимир

Напишу на днях подробнее.

Оп. 2, д. 37, л. 114.

---

¹ В Выборге проводилось заседание Центрального комитета конституционно-демократической партии, в работе которого принял участие В.И. Вернадский.

² См. комментарий № 6 к письму № 743.

№ 749

11 июля 1906 г., С.-Петербург

11.VII 906, СПб.

Дорогая моя Наталочка!

Только вчера вечером вернулся из Выборга. Положение очень неясное. Манифест¹ от бывших членов Думы подписан 170 чел. Может быть, будут собираться еще подписи. Он отпечатан в Выборге и должен сейчас же распространяться. Примут ли какие-нибудь меры против депутатов – неизвестно². Сегодня большинство их возвращается из Выборга.

Против второй части манифеста много возражали, но когда она была принята большинством, то возражавшие Иоллос, Петражицкий, Герценштейн и другие ее подписали.

Я думаю, что теперь начнется борьба, которая в конце концов может вызвать гораздо более коренное изменение строя России, чем предвиделось несколько недель тому назад. Сделано это, я думаю, по невежеству и полному отсутствию государственного смысла. Столыпин нанес монархии или по крайней мере династии более сильный удар, чем все революционеры вместе взятые. Государственный совет, говорят, распущен до 20 февраля. Сегодня вечером мы собираемся и хотим решить наше коллективное заявление о выходе³. Подадим завтра или послезавтра. Я пробуду здесь дня 3, а затем поеду

в Москву и оттуда за границу в Теплиц. Но паспорт потребует хлопот. «Речь», должно быть, прекратится, ее второй день конфискуют, хотя сегодня ее отобрали, но тайком продают в лавчонках. Я не верю в очень большую продолжительность реакции. Ехать за границу едва ли смогу больше (чем на) 1 1/2 месяца.

Нежно и горячо целую тебя, Нинуся⁴, Гульку⁵. Пиши открытку и в Москву, когда будешь писать сюда и обратно. Нежно целую.

Твой Владимир

Настроение пестрое – все ждут кровавых событий, но одни с надеждой, другие с отчаянием и мрачным пессимизмом.

Оп. 2, д. 37, лл. 116–117.

---

¹ Выборгский манифест – воззвание "Народу от народных представителей", принятое группой депутатов I Государственной думы в Выборге 10 июля 1906 г. в ответ на роспуск царским правительством 8 июля Думы. В совещании принимали участие представители кадетской партии (около 120 человек), трудовиков и социал-демократов (около 80 человек). Первоначальный проект воззвания принадлежал главе кадетской партии П.Н. Милюкову.

² 29 июля 1906 г. все подписавшие Выборгское воззвание были привлечены к ответственности, а в декабре 1907 г. приговорены к трем месяцам тюремного заключения, что дало возможность правительству отстранить наиболее активных членов левых партий от участия в выборах во II Государственную думу.

³ См. комментарий № 6 к письму № 743.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 750

13 июля 1906 г., С.-Петербург

СПб., 13.VII 906

Дорогая моя Наталочка, подал в отставку из Государственного совета и теперь в общем свободен¹. Хлопочу о заграничном паспорте и затем немедленно еду за границу: не знаю, как долго удастся иметь отдых. Я думаю, лучше всего ехать прямо в Теплиц-Шенау и затем поселиться в Шенау. Я боюсь, что селиться очень далеко неудобно, так как надо брать ванны и сейчас ложиться на 1 час. Но, может быть, можно сделать так, что я возьму комнату в Шенау, а вы около? Или лучше, может быть, можно лежать и в ванном заведении. Надо это будет разузнать. Может быть, ехать не в Теплиц? Во всяком случае, я думаю вам надо всем подвигаться пока к Теплицу, так как ничего другого не придумаю.

Здесь все еще продолжается недоумевающее, растерянное состояние. Несколькими напоминает то, что происходило после московских декабрьских дней, но пока реакция не дошла так далеко или ей еще не было прямого повода, вроде всяких резких волнений. Странно наблюдать в этом отношении русское общество и особенно его крайние группы, чрезвычайно быстро поддающиеся настроению отчаяния. Многих смущает отсутствие быстрой реакции со стороны населения. Среди КД² значительные группы смущены Выборгским манифестом³. Иван⁴ утверждает, что это – конец КД партии. Я все же держусь того мнения, что это был верный шаг, и никакого конца партии не вижу.

Я считаю это вполне правильным проявлением пассивного сопротивления, совершенно необходимого в известные моменты истории. Совершенно так же мы поддерживали всеобщую забастовку. С другой стороны, слышишь всякие нападения на КД и за то, что они сделали, и за то, что не сделали. Обедал на днях с Сашей Зарудным – говорит совершенно невероятные вещи, прямо ложь, и на этом основании обрушивается на КД всюду. Придется очень трудно среди легкомысленной и бесшабашной и трусливой русской интеллигенции, но я думаю, партия выдержит и это испытание. Надо будет теперь усиливать организацию и месяца через 1 1/2 созвать съезд. Если можно точно рассчитывать на 1 1/2 месяца. Львов совсем отошел к Гучкову и Столыпину.

На днях появится наше заявление членов Государственного совета. Пока вышло шесть человек. Подписали заявление всего пять, так как Багалея сегодня взял подпись обратно. В общем он боится, чего совершенно нельзя уразуметь. Так это тяжело видеть людишек. Одни, как Багалея, трусят власти, другие, как Вася⁵ и tutti quanti⁶, трусят левых кружков. А в общем это все то же самое.

Здесь я пробуду недолго, может быть, уеду в субботу или воскресенье. Нужно кое-какие кончить дела. Сегодня сидел в Академии, кончал работу о паразите – исследование новых кристаллов, которую обещал сделать для передавшего их в Академию полковника Черника⁷. Завтра закончу, а раньше пойду в министерство хлопотать о заграничном паспорте.

Паша⁸ в Либаве, отправился осматривать суда, которые продает правительство. Георгий⁹ уехал в Полтаву на службу, хорошо, что не кончился срок его отпуска. Сегодня были Федор¹⁰ и Иван; Иван совсем подавлен. Может быть успею к ним заехать, Иван и звал, и как-то он выбит из колеи. Видел Дмитрия Сократовича¹¹, опять приходил мошенник, выдававший себя за Гулю¹². Надо в газеты. Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹³, Гулю.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, лл. 118–119.

¹ См. комментарий № 6 к письму № 743.

² Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы).

³ См. комментарий № 1 к письму № 749.

⁴ И.М. Гревс.

⁵ В.В. Водовозов.

⁶ И пр. и пр. (ит.).

⁷ Вернадский В.И. Кристаллы паразита из Маньчжурии // Зап. Минерал. о-ва. 1906. Ч. 44. С. 523–524.

⁸ П.Е. Старицкий.

⁹ Г.Е. Старицкий.

¹⁰ Ф.Ф. Ольденбург.

¹¹ Старынкевич.

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ Н.В. Вернадская.

№ 751

14 июля 1906 г., С.-Петербург

СПб., 14.VII 906

Дорогая моя, надеюсь, это одно из последних писем. Скоро буду с вами. Задерживает паспорт: могут выдать из министерства, и тогда не надо ехать в Москву. Уеду отсюда, вероятно, 18-го, во вторник, прямо в Теплиц. Где тебя искать? Как свидеться? Телеграфируй: Дрезден, *poste restante*¹. Ехать в Москву – лишняя проволочка. Надеюсь вас застать уже в Теплице.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю², Гулю³. Так рад быть с вами.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, л. 120.

¹ До востребования (*фр.*).

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

№ 752

26 июля 1906 г., [С.-Петербург]¹

26.VII 906

Дорогая моя Наталочка, это последнее письмо, которое я тебе пишу из С.-Петербурга. Выезжаю во вторник или среду. Все еще нет паспорта, уже телеграфировал в Москву попечителю, но нет ответа! Впрочем, в понедельник еще заседание ЦК², на котором я хочу быть, так что все равно раньше вторника выехать не могу.

Где мне тебя ждать? Писал тебе, чтобы телеграфировала в Дрезден, но, оказывается, есть прямые билеты С.-Петербург–Теплиц не через Дрезден, а через Прагу. Тогда я буду ждать телеграмму в Праге!

Нежно целую всех.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 37, л. 121.

¹ Письмо написано в С.-Петербурге, что следует из его содержания: «... я тебе пишу из С.-Петербурга».

² Заседание ЦК конституционно-демократической партии.

№ 753

3 сентября 1906 г., Прага

Прага, 3.IX 906

Дорогая моя, пишу несколько слов. Встретил здесь Славик и потому вчера и сегодня в музее. Сейчас едем в Карльштейн, а завтра утром по Лабел¹ в Дрезден. В Табор не едем. Вещи до Ауссин стоили 74 гел². Вчера были в опере – чешская – Бендль: роскошная обстановка, ничтожное содержание и музыка.

Нежно целую.

Твой Владимир

¹ Старое славянское название р. Эльба.

² Денежная единица в Чехословакии, 100 геллеров равны 1 кроне.

№ 754

23 сентября 1906 г., С.-Петербург

СПб., 23.IX 906

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов у Муханова. Идет заседание ЦК¹, положение очень трудное. Тебе расскажет Котляревский, который обещал зайти и рассказать. Еду сегодня в Гельсингфорс². Был в Академии, Чернышев обещает внести предложение о поручении мне заведования³. Но в общем что-то мнется. Подробности смерти Воробьева⁴ очень тяжелые. На его место можно будет назначить, как хочу. Здесь Митя⁵ – побледнел и похудел – такой милый и жалкенький. Ан. Серг.⁶ прислала письмо на мое имя, прочти. Они уже в Гельсингфорсе. Очень хвалят жену Петра Дмитриевича Долгорукова⁷. Был у Милюковых. Анна Сергеевна⁸ очень усталая, она едет в Гельсингфорс. Напиши Сергею⁹ о Сегоне¹⁰.

Нежно и горячо целую тебя и детей¹¹.

Твой Владимир

По слонам Кауфмана, циркуляр о запрещении участвовать в партиях к профессорам не относится!

Оп. 2, д. 37, лл. 123–124.

¹ Конституционно-демократической партии.

² Н Гельсингфорсе состоялся съезд конституционно-демократической партии с повесткой дня о подготовке выборов во II Государственную думу. Основным докладчиком был П.Н. Милюков.

³ Имеется и виду заведование Минералогическим отделением Геологического музея им. Петра Великого.

⁴ Виктор Иванович Воробьев – устроитель и хранитель Минералогического отделения Геологического музея АН в Петербурге, погиб при исследовании кавказских ледников.

⁵ Д.И. Шаховской.

⁶ Очевидно Л.С. Петрункевич.

⁷ Антонина Михайловна Долгорукова.

⁸ Милюкова.

⁹ С.Ф. Ольденбург.

¹⁰ С.С. Ольденбург.

¹¹ Н.В. и Г.В. Вернадские.

№ 755

2 июля/19 июня 1907 г., Гапаранда

Гапаранда 2.VII/20.VI¹ 1907

Дорогая моя Наталочка, только что приехал в Гапаранду после целого ряда приключений благодаря непониманию языка, в общем мелких и пустых. Отсюда добраться в Йелливару не так легко, как я предполагал. Придется ехать на пароходе, который выходит завтра днем и приходит в Люлео² на сле-

дующее утро! А на лошадях ехать около 10 час, и нельзя быть уверенным, что попадешь к поезду.

Погода чудная и тепло. Пишу тебе в 11 час вечера, а, между тем, совершенно светло.

Между прочим, с меня никто не спрашивал паспорта, и границу я перешел пешком по мосткам, сопровождаемый двумя мальчуганами из Торнео. Осмотр багажа был произведен у входа в улицу в Гапаранде. Начиная с Рахимьяки уже не видно русских властей, кроме солдат, а после Карлебу исчезли и русские надписи. Всюду царит финский язык и явно вытесняет шведский.

Я не жалею выбранного пути – очень интересная страна. Оригинальная, бедная природа, и все же чувство народного сознания делает из нее чудеса... Проезжая по этим местам и вспоминая, что делается у нас, становится тяжело и грустно. А, между тем, я так чувствую, что в конце концов и русский народ способен создать себе жизнь лучше, чем ее создал финский крестьянин. Только бы избавиться ему от давящих его уз и больше знания. Когда все это будет? На чем остановится русское движение? Трудно передать словами бесконечный ряд впечатлений свободной страны, жизнь которой вошла в колею, и страдания не превышают средних, неизбежных в данный исторический момент. Совсем другое у нас...

Хотя ездой, может быть, на Стокгольм я выгадал бы 1/2 дня в Йелливару, но если завтра меня не будет качать, я очень рад проехать до Люлео.

Чрезвычайно характерна картина Финляндии, по которой проехал. Страна сглажена ледником до плоскости, скалы не возвышаются, а составляют ровное дно. На них жалкие деревья, с огромным трудом удобренные поля, и всюду болотистая торфяная земля. Реки и ручьи несут в море темную воду. И я ярко впервые пластически понял, какое колоссальное количество органического вещества уносится в море этими водами – это все продукт энергии организмов, который меня интересует в данное время. Роль их в жизни Земли гораздо значительнее, чем раньше предполагалось. Чтение становится понятным лишь после такого впечатления *de visu*³.

Я надел теплое платье, но очень тепло, несмотря на то что я приближаюсь к полярному кругу. Странно писать в 11 час ночи при яркой заре! Чувствую себя хорошо.

Жаль, что Гуля⁴ не поехал, все-таки ему многое было бы интересно, хотя, с другой стороны, я понимаю вполне его чувство – надо работать, и я сам бы чувствовал себя несчастным, если бы делал всю эту поездку из-за удовольствия. Дорогой, так как Гули не было, все время читал, и мысли носились, смешиваясь с читанным и виденным. Какую массу возможно передумать! И как все это отдельными оттенками! Совершенно как **числа** – ведь в каждом числе – бесконечность (например, между 1 и 2). То же самое с мыслями. Одно время хотел их захватить, но невозможно. Так, около Рихимьяки – новая постройка – сразу является впечатление о западных финнах – отсюда мысль перескакивает на культурную работу идейного течения, сплотившего западных финнов и карелов в одну **нацию**, и бесконечная сеть впечатлений и мыслей встает в этой области. Дорогой одновременно прочел бесталанную книгу Болина о Бойле⁵ и перенесся в XVII век, удивительную речь Ленарда о катодных лучах, работы Люоссаваре и Кирдиаваре о добыче серного колчедана во всем мире. Каждая дает целую новую бесконечную и разнообразную серию мыслей.

А рядом разговор с финнами-спутниками о съезде в Якобстаде, куда они ехали на съезд страховых агентов, страхование жизни **крестьян** – новое коммерческое предприятие на национальной основе. В Улеаборге села веселая молодежь – студенты и студентки – в одинаковых шапочках – хохот, смех, громкий разговор по-фински, неизбежное кокетство и флирт, проходящий почти без изменения через всю историю человечества, красивый в молодости, но заключающий в себе яркое зерно трагизма. Он идет по стремлениям дальше того материала, который может доставить ему человеческая натура.

В финских газетах (для меня доступны только шведские) все переполнено социальными вопросами: ведь социалисты в Финляндии идут впереди и не встретят помещиков и военную бюрократию, этих губителей русской жизни. Но что они дадут Финляндии?

Здесь что-то шумно. Доносится скрипка, шум, и я не знаю, может быть, следовало бы переночевать в Торнео. Объясняюсь с грехом пополам по-**шведски**. По-немецки не понимают, а «знающая по-английски» froken⁶ моего английского не понимает, и я больше ее понимаю, когда она говорит по-шведски!

Завтра до 1 час придется ждать! Не особенно приятная перспектива!

Очень жду письма от вас в Кируне.

Нежно и горячо целую тебя и детей. Как-то их поездка на Иматру? Что Нинуля⁷, устала? Надеюсь, что не очень будет шумно. Горячо обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 38, лл. 33–36.

¹ Описка у В.И. Вернадского 2 июля соответствует 19 июня ст. ст.

² Здесь и далее Лулео (совр.).

³ Глазами очевидца (лат.).

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ *Bolin Wilhelm*. Pierre Bayle, sein Leben und seine Schriften. Stuttgart: F. Frommann, 1905.

⁶ Барышня, девушка (швед.).

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 756¹

3 июля/20 июня 1907 г., Гапаранда

Гапаранда, 3.VII/20.VI 907

Дорогая моя, послал тебе сегодня письмо. Теряю целый день! Пароход идет лишь в 7 час вечера – есть и дневной, маленький, но он приходит (в) Люлео на заре, а большой выходит из Salmis (в 11 км) и приходит, **говорят**, к поезду. Во всей Гапаранде не мог купить путеводителя по шведским дорогам, и в гостиннице нет (есть финляндский)! Погода меняется, и я предпочитаю ехать на большом параходе – «Nouland». Буду утром в Люлео и днем в Галливаре. Здесь живут не спеша – тихий городишко, жизнь начинается с 9 час утра, и раньше нельзя даже получить кофе, закрыта почта и т.д.! Очень тепло – прогуляюсь в окрестностях. Нежно целую тебя и детей².

Твой Владимир

Мостки на карточке – граница: посредине будочка, где берут деньги за проход.

Ее Высокопревосходительству Екатерине Сергеевне **Кавос**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**. Дача Голубева, № 1, Оллила, Финляндской ж.д., Ollila, Finland.

ГАРФ, ф. 1137. оп. I. д. 442, л. 7.

¹ Открытка с видом Гапаранды.

² Н.В. и Г.В. Вернадские.

№ 757

4 июля/21 июня 1907 г., Йелливар

№ 2 (кроме открыток)¹

Йелливар, 21.VI/4.VII 907

Дорогая моя Наталочка, сегодня утром послал тебе телеграмму из Люлео. так как дал адрес Кируна, Норвегия, а Кируна² в Швеции! Надеюсь, ты ее получила вовремя, а то я боюсь, что окажется какая-нибудь Кируна в Норвегии и тогда придется мне ждать моих писем. Не могу понять, как я напутал. Телеграммы в Финляндию не дороже обычных русских (за твою заплатил 1 крону 70 эре), а в Россию вдвое дороже! Здесь от тебя не было телеграммы, как мы условились, раз ничего не случилось...

Погода резко переменилась, и наш поезд из Люлео в Йелливару ехал все время под сильным дождем. В Йелливаре прояснилось было, но пасмурно, а затем пошел дождь, и сейчас (когда пишу тебе 8 час вечера) идет дождь. Но в общем тепло; у меня открыто окно и не холодно.

Я все-таки успел после поездки пешком в Мальмбергет, где находятся главные рудники (но нет гостиницы). От Йелливары 6 км. Там условился с инженерной конторой завтра в 9 час утра быть на рудниках, они мне покажут в первый раз, а затем я буду сам ходить.

Объясняться всюду очень трудно. По-немецки, не говоря уже по-французски, никто не говорит. Чаще всего приходится говорить по-английски (на пароходе с капитаном, инженерами на рудниках). Удивительно малое распространение (или желание) говорить по-немецки, неужели это – сознательная борьба против *Alldeutschland*³, что наблюдается в Голландии? В гостиницах, магазинах, по дороге я смело объясняюсь с помощью «Бедекера»⁴ по-шведски и в общем узнаю, что нужно. Мне кажется, проживи я здесь недели три, я стал бы говорить. Читаю я теперь все свободнее и хочу взять какие-нибудь романы.

Если будет так продолжаться, то солнца в 12 час ночи не увидишь! Гора *Dundreh*, где это видно, в 5 км, и она видна на карточке, которую тебе посылаю. За полярным кругом, а все еще тепло, на дикой каменистой торфянистой почве всюду жалкие изуродованные леса, а в низинах и в культурных местах роскошная растительность. Не даром на флоре Лапландии воспитался Линней и построил современную ботанику!

Меня сегодня дождь прогнал из Мальмбергета (есть три раза поезд с Йелливарой) как раз, когда я стал осматривать отвалы и сразу натолкнулся, по-видимому, на минералогические новинки. Вся эта область до сих пор больше изучена геологически или *a vol d'oiseau*⁵, все такими же наездами, какие делаю я. А между тем, ясно – здесь надо идти иным путем и первым делом – точным

Нина Вернадская

Георгий Вернадский

минералогическим исследованием. Я думаю, приехал сюда не даром. Пробуду в Йелливаре и окрестностях еще 2–3 дня, а затем поеду в Кируну. Может быть, потом опять на день вернусь в Йелливару. Мне хочется выяснить общую картину явления в связи с чисто минералогическими методами изучения вопроса.

Отсюда думаю проехать прямо экспрессом в Стокгольм, оттуда в Христианию, где тоже пробуду ряд дней. Чувствую себя хорошо.

Нежно и хорошо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй детей. Пусть они напишут.

Твой Владимир

Поклон Кавосам – Кате и детям.

Как ты нашла Федора⁶? Получила ли деньги? Едешь ли в Карлсбад – так много хочется знать.

Одновременно посылаю 2 открытки с видами Гуле⁷ и Нине⁸.

Оп. 2, д. 38, лл. 28–29.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Известное рудное сульфидное месторождение в Швеции.

³ Засилье немцев (нем.).

⁴ К. Бедкер – известный немецкий составитель путеводителей по городам и странам, его именем «Бедкер» стали пользоваться как нарицательным для названия путеводителей, составленных другими авторами.

⁵ Бегло (фр.).

⁶ Ф.Ф. Ольденбург.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Н.В. Вернадская.

14/1 июля 1907 г., Стокгольм

Стокгольм 1/14.VII 907

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал в Стокгольм и завтра выезжаю. Собственно говоря, теряю один день, так как сегодня воскресенье и все закрыто, а между тем, раз уже заехал так далеко, хочу осмотреть главное, относящееся к моей специальности. Завтра иду в университет, Геологический комитет и Технический институт и постараюсь осмотреть коллекции и учреждения. Вчера (приехал около 11 час) с 12–2 (час) и с 5–7 1/2 час осматривал минералогическое собрание Академии наук, самое большое в Швеции. Академика Шёгрена не застал, но был его помощник Флинк, который показал мне все очень хорошо, и я вынес довольно много из этого осмотра. В Христианию приезжаю во вторник, утром 3 июля, пробуду там около 2–3 дней, затем поеду, должно быть, в Лангезунд и Крагере. Много будет зависеть от погоды, так как из Лангезунда придется ехать на лодке на небольшой остров Оре. Многое зависит и от того, кого я встречу в Христиании.

Я, кажется, не писал тебе из Нарвика (написал Гуле¹ открытку). Удивительно красивы фиорды, и хотя погода очень мало благоприятствовала, я очень доволен, что туда поехал. Обрато ехал с величайшим комфортом – во 2-м классе, спальном, 2 ночи и один в небольшом купе! Мог бы хорошо заниматься, если бы не шведский инженер С. Винберг (шведский еврей), с которым познакомился в Нарвике, мне много помогал при моих объяснениях, но в то же время необыкновенно оказался разговорчив, и много времени ушло с ним.

Стокгольм красив, но я как-то стал холоден ко всему этому и даже к красотам природы. Мало тянет к этой стороне жизни. Сейчас утром, 11 час, Стокгольм вымирает, все отправились за город. Я снова думал ехать на пароходе в окрестности, которые, говорят, чудно красивы, но в 1 час дня открывается Национальный музей, и я хочу туда пойти – до 4 час. Потом обед, и затем, может быть, поеду на пароходе по озерам или пройду здесь в Стокгольме в парк.

Сравнивая здешние условия жизни с той тяжелой борьбой, какую приходится вести нам, становится тяжело на душе. Я уверен как-то всеми силами души в выносливости и в будущем России, но временами, когда холодный рассудок дает указания на многочисленные крушения исторических организаций, становится жутко. Мысль невольно идет в этой области...

Вчера ходил по магазинам, доставал прения в ригсдаге о железных рудниках. Тут, по-видимому, довольно беззастенчивое царство капитала на почве широкой демократии в жизни (вроде Бельгии), и Кируна является любопытнейшим примером победы частных интересов над интересами государства.

Хочется написать об этом, может быть, сперва для «Русских ведомостей» или «Речи».

От тебя нет письма (должны были переслать из Кируны). Там я получил всего два письма. Пишу на всякий случай в Рейхенгалль, так как не знаю, где ты.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю², мою деточку.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 38, лл. 39–40.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

16/3 июля 1907 г., Христиания

Christiania den, 3/16.VII 1907

Дорогая моя Наталочка, получил здесь твое письмо и письмо Гули¹. Из твоего письма видно, что ты куда-то едешь, но куда, ничего не пишешь! Из Гулиного видно, что ты думаешь поехать в Карлсбад. На всякий случай отправил туда Ане² открытку.

В Берлин не телеграфировал, так как только сегодня ты мне написала, когда ты там будешь... А вчера я был в Стокгольме. Письмо твое из Кируны, о котором пишешь, мне перешлют, должно быть, завтра или послезавтра.

Но я удивляюсь, отчего ты все пишешь в Кируну! Я уже давно был и в Нарвике, и в Стокгольме, и Гулино письмо от 26 правильно направлено сюда.

Сегодня душно, должно быть, будет гроза. Чувствую себя так себе, по правде сказать, все-таки часто недомогается немного, но неважно, и теперь довольно мучительно ноют ноги... Приходит старость со всеми ее следствиями.

Здесь, кажется, застану главного знатока и выдающегося ученого Брёггера, в связи с работами которого я сюда приехал. Его в университете не застал, все заперто, но он оказался членом парламента, и я послал ему туда записку, жду ответа. «Стортинг» – против гостиницы, вход в галереи открыт, ни швейцаров, **никого** нет, и я там был вместе с другими, слышал непонятные мне речи. Боже мой, какая разница с нашими делами.

Остановился в лучшей гостинице, хочется взять ванну etc., кажется, сделал ошибку. Дорого и претенциозно, но в общем все то же можно было бы иметь и в другой. Мне довольно трудно с норвежским языком, привык к шведскому, но это вопрос немногих дней. Здесь зато больше понимают по-немецки и (по-)английски.

Очень скоро буду в Рейхенгалле. Нежно и горячо целую тебя, мою дорожку и золотую деточку!

А Гулька-таки поехал к Ильинским! Da war der Hund begraben³!

Получил от Брёггера ответ, что сегодня в 5 час на 1/2 часа я его застану между заседаниями стортинга!

Сейчас иду в музей.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 2. д. 38. л. 32.

¹ Г.В. Вернадский.

² А.Е. Любошинская.

³ Здесь была зарыта собака (нем.).

17/4 июля 1907 г., Христиания

Христиания, 4/17.VII 907

Дорогая моя Наталочка, надеюсь, что ты уже в Рейхенгалле и нашла там мои письма. От тебя я еще не получил письма из Германии, и последнее сегодня от 29-го (и карточку из Стокгольма). Письмо из Кируны еще не пришло, но я догадываюсь ясно о его содержании.

Я считаю, конечно, Гулю¹ в этом отношении абсолютно свободным. Но думаю, как ты, что, может быть, он не знает своего сердца и т.д., очень вероятно, это чувство серьезное. Так или иначе оно длится уже года 1 1/2 и было связано с глубокими переживаниями его молодого сознания. Вспомни переписку из Вернадовки 1 1/2 года назад, а до этого уже он переживал с Ниной² совместно в дружеском общении молодые порывы души. Очень может быть, так сложится его жизнь. Нина – человек умный (судя по ее вернадовским письмам), самостоятельный (ее отношение к социал-демократическим увлечениям), честный и хороший. Может быть, она со слишком большим характером для Гули, мало затронута интересом к науке, в ней мало развиты поэтические стремления к внешней красоте, есть элемент большой холодности и самолюбия, но я думаю, что ее душевный [...] ³ выше среднего уровня, может быть, даже слишком выше для счастливой семейной жизни.

Я не буду ничего писать Гуле об этом до свидания с тобой, хотя он мне дает свой адрес к Ильинской. Мне кажется, что ты в своем отношении к Нине очень несправедлива и этим отнюдь не способствуешь счастью Гули. Жить, во всяком случае, ему, а не нам. Никакого трагического чувства в связи с этим событием у меня нет. Еще много впереди жизнь даст им нового. Не знаю, надолго ли, но сближение это кажется мне неизбежным. Чем свободнее будут его формы, тем лучше.

Сейчас жду неожиданно встреченного здесь харьковского профессора минералогии Пятницкого, с которым приходится быть вместе. Не могу сказать, чтобы это очень мне улыбалось, но ничего не поделаешь. В 12 час идем к Брёггеру, который урывает нам время между заседаниями парламента. Я ясно неправильно устроил поездку, надо было гораздо более важничать, заранее списываться и т.д. Сделал ошибку. Теперь увижу значительно меньше, так как нет никого из молодых учеников Брёггера, которые могли бы мне показать окрестности. Но я думаю, что справлюсь один. Начну завтра утром или сегодня после обеда. Дня через 3–4 выеду к тебе.

Нежно и горячо целую тебя и дорогую детенку⁴, уже, к сожалению, большую. Скоро и она будет переживать увлечение любви?

Нежно целую.

Твой Владимир

От Ивана Ильича⁵ имею письмо, они в Лозанне, «Hôtel Victoria». Надеются свидеться.

Оп. 27, д. 52, лл. 11–12.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Ильинская.

³ Одно слово не разобрано.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Петрункевич.

19/6 июля 1907 г., Христиания

Христиания, 6/19. VII 907

Дорогая моя Наталочка, послал сегодня тебе телеграмму в Рейхенгалль, где ты, должно быть, получила несколько моих писем как из Кируны, так (и) из Стокгольма и Христиании. А в Берлин я забыл телеграфировать!

Теперь скоро буду с вами и очень к вам стремлюсь. Но приехав сюда, нельзя уже терять время. Вчера и третьего дня экскурсировал в окрестностях Христиании. Брёггер, занятый всецело стортингом, может посвящать мне только минуты, но он удивительно пользуется временем. Знаешь, я заметил огромное впечатление на него, когда он узнал, что я член Государственного совета и Академии! Люди... Он мне дал своего препаратора, говорящего по-немецки и знающего места, который со мной ездит, готовит камни и т.п. Благодаря этому экскурсия будет стоить дорого, но зато без него я ничего бы не мог здесь увидеть.

Теперь предполагаю сделать так: сегодня, 19-го, в 3 час дня выезжаю по железной дороге в Лаурвик, где буду в 9 час вечера и ночью (еду с препаратом).

Завтра в 7 час утра на лошадях и частью пешком прохожу долину Лангенталля и возвращаюсь назад в Лаурвик.

Утром 21-го выезжаю из Лаурвика на лошадях – 2 час до Хельгерана. Там я должен взять лодку (может быть, гребную и, может быть, автоторную) и проехать по островам. Здесь все зависит: 1) от погоды и 2) от того, успею ли я вернуться вечером в Лаурвик и поеду или придется ехать в Лангезунд, откуда надо будет ехать в Христианию на пароходе. Очень будет досадно, если поездка на острова не состоится, если будет большой ветер.

Если погода и т.д. не будет мешать, то я ночью в 12 час с 21 на 22 могу быть в Христиании, 22 днем оттуда выехать, 23 вечером в Берлине и 24 утром в Мюнхене, а вечером в Рейхенгалле!

Но очень может быть, я проеду из Лангезунда, если туда попаду, еще в Кратере и тогда могу попасть в Рейхенгалль 26-го. Если нельзя будет ехать на острова, то попаду 23-го. Вот смысл моей телеграммы.

Страшно хочу быть с вами, нежно тебя и Нинулю¹ целую.

Твой Владимир

Может быть, телеграфируешь адрес в Рейхенгалле – Christeania, «Grand Hôtel».

Очевидно, надо рассчитывать так, что я буду там в понедельник. Или, может быть, еще проще, телеграфируй Мюнхен, Hauptbahnhof². Поезд приходит в Рейхенгалль поздно, около 10 <час> вечера.

Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 9–10.

¹ Н.В. Вернадская.

² Главный вокзал (нем.).

№ 762

20 февраля 1908 г., С.-Петербург

СПб., 20.II 908

Дорогая моя Наталочка, все попытки переговорить по телефону были неудачны. Я немного даже беспокоюсь, так как предупредил днем, что буду звонить между 5 1/2–6. Звонили до 7 по-московски. Нам ответили, что ты не отвечаешь из квартиры. Приехал на большое несчастье. Катя¹ вчера днем стреляла в себя, прострелила левое легкое. Теперь лежит очень слаба и с большими болями. Пока все идет исключительно хорошо. Температура мало повысилась и даже вечером сегодня ниже вчерашнего. Прочти в письме, которое Оля² послала сегодня мне. Останусь здесь и пятницу, приеду в субботу, если не будет ухудшения. Телефонировать завтра Оле между 5–5 1/2 **по-петербургски**. Позже Леля уедет на вокзал к Калишевскому.

Выбран в экстраординарные академики единогласно. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, Моховая ул., **Москва**.

Оп. 7, д. 54, л. 7.

¹ Е.И. Короленко.

² О.И. Алексеева.

№ 763

20 мая 1908 г., Ряжск

Ряжск, 20.V 908

Дорогая моя, еду из Вернадовки в Москву, где, должно быть, переночую, и 22 выезжаю в «С.-Петербург»¹. О тебе еще не имею никаких из«вестий». Из Вернадовки писал. Там очень хорошо «в са»ду, и все так напоминало нашу общую жизнь в деревне, что мне сделалось жаль, что мы в этом году не поехали туда. Но много и тяжелого – хозяйство в связи с административными заботами тоже не[...]² и едва ли бы нам удалось совсем от него отойти. Много тяжелого и с новым положением лендлорда с 17-ю арендаторами. Я нисколько не знаю, как тут быть! Много просьб, часть начинает не платить... Послала ли ты Фатенкову? И какие-то бочки от Бландова³ забыла?

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю⁴ дорогуу.

Твой Владимир

На обороте⁵: Madame N. Vernadsky, Poste restante, Karlsbad, **Карлсбад**.

Оп. 7, д. 52, л. 14.

¹ Оторван угол открытки.

² Не разобрано одно слово.

³ «Бландовы В. и Н. бр.» – торгово-промышленное товарищество (молочные продукты, сельскохозяйственные машины) в Москве.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ На открытке уточнения места пребывания Н.Е. Вернадской, сделанные почтовыми служащими.

№ 764

21 мая 1908 г., Москва

Москва, 21. V 908

Дорогая моя Наталочка, только что приехал сюда и застал твои письма. Я писал тебе в Карлсбад. Не совсем сочувствую, что ты не лечишься.

Еду в С.-Петербург завтра или послезавтра, так как заседание Государственного совета только 24-го¹!

Из деревни писал уже, вытребуй карточку и письмо из Карлсбада. Известно, послали ли Фатенкову? Я совершенно спутался, сколько ему послано.

Гуличка² здоров, прекрасно сдал экзамены.

Нежно и горячо вас обеих, мои дорогие, целую. Сегодня напишу подробнее.

Твой Владимир

На обороте: **Berlin. Madame N. Vernadsky, Poste restante, Берлин, Германия.**

Оп. 7, д. 52. д. 1.

---

¹ См. комментарий № 6 к письму № 743.

² Г.В. Вернадский.

№ 765

24 мая 1908 г., С.-Петербург

СПб., 24.V 908

Дорогая моя Наталочка, только что сегодня приехал; остановился у Сергея¹. Еще никого не видел. Сейчас заседание Государственного совета. Очень рад был получить от тебя здесь письма, но они такие старые – от 19–20! Ужасно это с Нинулей², да и тебе как тяжело!

Не нужно ли денег? Ты знаешь, я неожиданно получил 480 руб. лишних гонорара, так что до времени не буду тратить бумаг.

Я думаю, что лучше вместо Фрисландских островов поехать в Бельгию или Голландию. В Бельгии недалеко от Остенде за Бланкенбергом есть ряд разнообразных местечек, где можно хорошо устроиться (и французский язык), а это **не дальше** и даже, думаю, ближе от Берлина, чем Зильт или Вик³. Очень хорошо и около Гарлема в Голландии. А между тем, это материк, не острова, тот же океан и поездка в новую страну. Немцы, конечно, будут стоять за немецкие курорты, но это не имеет большого значения.

Вчера видел Аню⁴, у которой обедали с Крымским, вчера только вернувшись, все таким же милым. Может быть, Володя⁵ придет, если согласится Марк⁶, который будет 26-го. Володе еще ничего не говорил.

Здесь говорил по телефону с Петрункевичами. Они и не думают ехать за границу. У Ивана Ильича⁷ были боли в печени. Теперь лучше. Буду у них вечером.

С Лелей⁸ говорил по телефону. Она только что вернулась из Риги. Катя⁹ поселилась в полусанатории около Риги. Ее настроение неважное, хочет отсюда уехать, говорит, что мы хотим от нее избавиться! Буду у Лели обедать

и тогда напишу подробнее. Кир¹⁰ болен, у него ухудшение; едет на воды в Старую Руссу.

У Гревсов все нехорошо. Попаду к ним завтра. Они не могут выехать раньше 1/2 июня. Не знают еще, куда.

Сюда сегодня приехала Наташа Ольденбург. У нее болит ухо, и она идет к доктору. Ольденбурги, тверские, поселяются в Машуке. Сергей очень устал, кажется, очень огорчен Сегоней¹², и все как-то здесь грустно.

Шварц¹³ нам грозит на будущий год тяжелыми волнениями. Вообще здесь идет невероятная кутерьма. Сегодня страшно холодно, снег, ветер...

Скажи душе¹⁴, что я все время мыслю с вами и приеду при первой возможности. Я стоял бы за Бельгию или Голландию, если нельзя в Бретань.

Нежно и горячо тебя целую. Пиши.

Твой Владимир

P.S. Выписала ли мои письма из Карлсбада? Вчера получил известие, что в Екатеринослав профессором выбран Иванов. Это уже 4-й из моих учеников...

Оп. 7, д. 52, лл. 15–16.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² Дочь В.И. Вернадского Н.В. Вернадская заболела корью.

³ Курорты на Северном море в Германии.

⁴ А.Е. Любощинская.

⁵ В.М. Любощинский.

⁶ М.М. Любощинский.

⁷ Петрункевич.

⁸ О.И. Алексеева.

⁹ Е.И. Короленко.

¹⁰ К. А. Алексеев.

¹¹ Иммеется в виду семья Ф.Ф. Ольденбурга.

¹² С.С. Ольденбург.

¹³ А.Н. Шварц в это время министр народного просвещения (1908–1910).

¹⁴ Н.В. Вернадская.

№ 766

27 мая 1908 г., С.-Петербург

СПб., 27.V 908

Дорогая моя Натуся, пишу тебе от Паши¹, который болен, лежит. У него гастрическая инфлюэнца. Представь себе, что к нему дозвонился только сегодня. В воскресенье не отвечали из завода, а в понедельник мне сказали на телефоне, что у них телефон испорчен. Я послал даже вчера ему письмо. А сегодня рано утром добился по телефону и узнал, что он болен. Он слаб, и очень плохое самочувствие. Был раньше у доктора Жихарева, а сегодня к нему приходил заводской доктор, прописал слабительное и т.п. Не тиф ли у него? Но температура не имеет тифозного характера. Завтра, если ему не будет лучше, я приеду к нему ночевать. Леля², у которой я был сегодня, тоже ужасна на вид. Катя³ не пишет, и на уплаченную телеграмму получен ответ, что она страшно хочет уехать. Все это как-то тяжело и безвыходно.

Машу Ольденбург видел мельком, у них все болеют дети. Она хотела сегодня выехать, но из Петербурга нельзя выехать по Николаевской дороге. Билетов нет никакого класса, ни на какой поезд! Стоят хвосты, а новых поездов не прибывает! Не знаю, уехала ли она. Она говорит, у Гревс сегодня опять хуже Кате⁴! Прямо ужасно.

Знаешь, с твоими письмами неладно. Кто-то зачеркивает на них Petersburg и пишет Москва! Уже два письма мне переслал Гуля⁵, и теперь я не имею известий с 23-го. Напишу Ольге Алекс.⁶ и попрошу ее переслать, если есть. Буду жаловаться в почтамт, если не получу завтра или сегодня от тебя письма. Вот уже любезность, очевидно, кого-то меня знающего.

Весь день 5 час усердно работаю. Масса корректур, и очень устал. Хочется скорее уехать.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю⁷ мою драгоценную. Чем больше думаю, тем решительно против Фрисландских островов. Для Нины суровое море **вредно**. Это мы знаем по опыту, и, по моему убеждению, крайне неблагоприятно слушаться в этом отношении докторов. Надо принимать их советы с критикой.

Нежно и горячо целую.

Твой Владимир

Был у Корнилова, который весь поглощен дочерью⁸. Знаешь, надо писать выборжцам открытки и т.д. Они доходят. Я написал Кокошкину и Якушкину (адрес: Московская губ., тюрьма, Таганка). Здесь Иван Ильич⁹ получил очень милое письмо Урусова.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 17–18.

¹ П.Е. Старицкий.

² О.И. Алексеева.

³ Е.И. Короленко.

⁴ Е.И. Гревс.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Наталья Александровна Корнилова родилась 19 мая 1908 г.

⁹ Петрункевич.

№ 767

28 мая 1908 г., С.-Петербург

СПб., 28.V 908

Дорогая моя Наталочка, не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем. Я пишу очень часто. Сейчас пишу от Паши¹, где ночую. Ему все-таки не совсем хорошо. Он очень слаб, почти ничего не ест. Утром t была 37°, днем 37,5, вечером 38,0. Вчера тоже 38,0, доктор говорит, что это гастрическая инфлюэнца, но так ли это, неизвестно. Доктор местный, заводской. Я не знаю, не следовало бы его переменить? И вообще ни я, ни Паша в таких делах недостаточно сообразительны. Сейчас 9 1/2 час вечера, а он хочет читать, и разговаривал я с ним много, не знаю, насколько это хорошо.

Все время думаю о лете. Я решительно против Зильта, Фрисландских островов вообще. Мне кажется, лучше всего поехать в Бретань или Нормандию. Нормандия ближе. Очень рад, что ты написала Гольштейн. Судя по твоему письму, мы сходимся в выборе мест. Думаю выехать отсюда 10 июня и 11–12 июня быть в Берлине. Там пробуду один день, экипируюсь. Оставь мне адреса магазинов, куда обратиться, так как я не хочу попасть на специальные магазины, которые занимаются стрижкой русских.

Здесь теперь героем дня Гучков с его речью против военных великих князей². Надо сказать, что, если это игра, то весьма ловкая и в общем очень серьезная для упрочения **житейского** знания Думы. Я не думаю, чтобы правые могли себя отделить от великих князей, и сила придворной камарильи весьма велика. Видел сегодня мало народу, но, кажется, общее настроение связано с этой речью.

Днем было томительное заседание Академии в связи с бестолковыми предложениями Рыкачева, по существу правильными, которые он не мог защитить.

Паша просит тебя или написать М-те Савич в Париж *poste restante*³, или прислать ему адрес Гольштейна. Савич хотят получить всякие указания и советы для жизни в Париже.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую, и дусю Нинулю⁴. Всей душой с вами.

Твой Владимир

О Кате⁵ нехорошо, хочет, кажется, приехать, и опять старое!

Оп. 7, д. 52, лл., 19–20.

¹ П.Е. Старицкий.

² Имеется в виду выступление депутата Александра Ивановича Гучкова в заседании Государственной думы 27 мая 1908 г. о дезорганизации в управлении военным ведомством после русско-японской войны. Единоличная власть военного министра была поделена между Главным управлением Генерального штаба и Советом государственной обороны, который возглавил вел. кн. Николай Николаевич, вновь созданную должность генерал-инспектора всей артиллерии занял вел. кн. Сергей Михайлович, должность генерал-инспектора инженерной части – вел. кн. Петр Николаевич; должность главного начальника военно-учебных заведений – вел. кн. Константин Константинович. По мнению Гучкова «... постановка их во главе ответственных важных отраслей военного дела является делом совершенно ненормальным. Отношение их к другим равноправным инстанциям военного управления, отношения их к своим начальникам, несомненно, носят на себе отпечаток их общественного положения и связанной с ним фактической безответственности» (стб. 1598–1599) (полное выступление см.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия первая, ч. III. СПб.: Гос. тип., 1908. Стб. 1578–1600).

³ До востребования (фр.).

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Е.И. Короленко.

31 мая 1908 г., С.-Петербург

С.-Петербург, 31. V 908

Дорогая моя, пишу тебе из Государственного совета во время тягучей, монотонной и довольно пошлой речи Коковцова¹. Он до такой степени местами элементарен в своих возражениях, что верно говорит Гримм, он считает нас за кретинов.

Вчера было два заседания – вечернее и дневное; сегодня, может быть, не будет вечернего заседания, и я вечером поеду к Паше². С ним говорил по телефону. Температура у него пала, но он слаб. Сегодня ночевал здесь. Я как-то очень устал и весь разбит – надо бы скорее поехать отдохнуть. Думаю выехать 12-го июня, так как 11-го июня заседание Славянское³, на котором я, может быть, буду. Мне безразлично – поехать в Бретань или Бельгию. Я вообще против Зильга и Фрисландских островов. В остальном надо выяснить лишь стоимость и время езды. В Голландии, я думаю, неудобно только потому, что там неизвестен язык и там довольно дорого. Говорят, около Бланкенберга хорошо. Там была одно время сестра Оля⁴. Надо только не в самом Бланкенберге, а в окрестностях. Не надо ли тебе выслать денег? Ты мне ничего не ответила на многочисленные запросы о Фитенкове? Вчера я написал Александру Ивановичу⁵, чтобы он еще выслал на имя директора 20 руб.

Вчера вечером был у Гревсов, у них лучше, и оба старых Гревса повеселели. Маша⁶ просила передать тебе, что, вероятно, 8-го они будут в Берлине и хотела бы тебя видеть. Но я думаю, что ты уже в это время выедешь. Не знаю, может быть, лучше не сразу Нинусе⁷ ехать в море? Может быть, пожить где-нибудь в Германии, около Штутгарта, в Швабской юре? Как ты думаешь?

Сейчас пишу во время невероятно косноязычной речи Шауфуса⁸. Вот уже сапожники, пекущие пироги! Мы хотели протестовать против поведения Акимова⁹, но, кажется, центр струсил даже для минимального протеста. Не знаю, кончится ли сегодня заседание и будет ли ночное. Если не будет, то поеду к Паше.

Два дня праздника, и я хочу двинуть свою работу. Мне хочется издать 1/2 2-го выпуска¹⁰. Но не знаю, может быть, раньше уеду отдохнуть.

Вчера получил очень интересное письмо Нинуси. Скажи ей, что я ей на днях напишу и недавно послал из С.-Петербурга две карточки. Отсылал и из Москвы.

Нежно и горячо вас обеих целую.

Горячо любящий

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 21–23.

¹ Имеется в виду выступление министра финансов В.Н. Коковцова при обсуждении доклада финансовой и временной комиссий по внесенному из Государственной думы законопроекту о начале сооружения Амурской железной дороги (текст речи см.: Государственный совет. Стенографические отчеты 1907–1908. Сессия третья. СПб.: Гос. тип., 1908. Стб. 1500 и сл.).

² П.Е. Старикский.

³ Точнее, Славянский съезд, который проходил в Праге и на который В.И. Вернадский не поехал.

⁴ О.И. Алексеева.

⁵ Попов.

⁶ М.С. Гревс.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Имеется в виду выступление министра путей сообщения Николая Константиновича Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфуса при обсуждении доклада финансовой и временной комиссий по внесенному из Государственной думы законопроекту о начале сооружения Амурской железной дороги (текст речи см.: Государственный совет. Стенографические отчеты 1907–1908. Сессия третья. СПб.: Гос. тип., 1908. Стб. 1514–1521).

⁹ Михаил Григорьевич Акимов – в это время председатель Государственного совета (с 10 апреля 1907 г.).

¹⁰ Очевидно: *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. 1. Самородные элементы, вып. 2. СПб.: Изд-во АН, 1909.

№ 769

1 июня 1908 г., С.-Петербург

СПб., 1.VI 908

Дорогая моя Наталочка, я пишу тебе от Паши¹, который поправляется. Температура у него нормальная, и дня через 3 он выйдет. Очень слаб.

Получил твое письмо с карточкой Гольштейн. Я думаю, лучше всего ехать в Бретань, где заведомо хорошо, например около Морле. Морле от Парижа удобно – утром выехал и в 7 час вечера в Морле. Я скоро приеду. Очень устал, и хочется только довести корректуру до некоторой точки, чтобы до лета отпечатать 1/2 выпуска². Над остальной частью буду работать уже осенью. Несомненно, дорога в Бретань дороже, но там, я думаю, можно устроиться дешевле и лучше. Повидаешь Гольштейнов и Париж. Если решишь в Бретань, я прямо из С.-Петербурга проеду в Париж. У меня еще есть некоторые колебания, не проехать ли мне на Славянское совещание в Прагу³, но, вероятно, нет, так как и тогда мало времени для отдыха. В Праге начнутся совещания 23 июня, а 1–3 августа я хочу быть в Лондоне. Если же я уеду отсюда 8–10, то буду в Париже около 11 и около 15–18 можно быть уже на *plage*⁴! Вернее всего, так и сделаю. Завтра буду обедать с Милюковым и тогда решу.

Сегодня было заседание фракции⁵ с приезжими – конференция. Читали Милюков и Шингарев отчет фракции – очень интересный. Ясно, какую огромную работу сделала фракция. Прений я не слышал, так как уехал в 4 1/2 – сперва в музей – хотел кое-что закончить с корректурой⁶, а вечером к Паше. Моя “корректурa” *de facto*⁷ полная переработка текста и проверка. Из Москвы приехали Юл. Григ.⁸, Ольга Алекс.⁹, Кизев.¹⁰ О.А. говорит, что все благополучно в Москве. Заключенные выборжцы очень довольны тюремным начальством, которое очень внимательно. Это проникло в “Русское слово”¹¹, и тогда появились нагоняи из С.-Петербурга! Щеглов.¹² и К^о хотят жестокости. Но еда отвратительная. Очень много делает Евдок. Вас¹³.

Катя¹⁴ вернулась сегодня! Говорит, что вернулась для доктора, не может есть. Леля¹⁵ уверяет, что для наркотиков. Завтра ее увижу, она остановилась в “Монрепо”.

По-видимому, у Маши Ольденбург тиф!

Чувствую себя хорошо, но очень устал.

Нежно и горячо целую тебя и дорогую, ненаглядную деточку¹⁶. Ей пишу открытку. Целую крепко.

Твой Владимир

Паша тоже советует энергично Бретань. Леля говорит, что Бланкенберг, вроде Остенда, переполнен и модный.

Передай сердечный привет Калмыковой.

Оп. 7, д. 52, лл. 23–24.

¹ П.Е. Старицкий.

² См. комментарий № 10 к письму № 768.

³ См. комментарий № 3 к письму № 768.

⁴ Пляж (фр.).

⁵ Фракция конституционно-демократической партии.

⁶ См. комментарий № 10 к письму № 768.

⁷ Фактически (лат.).

⁸ Юлия Григорьевна Топоркова.

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Очевидно, А.А. Кизветтер.

¹¹ Ежедневная газета буржуазно-либерального направления, выходившая в Москве с 1895 по 1917 г. Издатель (с 1897 г.) И.Д. Сытин.

¹² Фамилия написана сокращенно. Очевидно, имеется в виду Иван Григорьевич Щегловитов – министр юстиции (1906–1915).

¹³ Личность установить не удалось.

¹⁴ Е.И. Короленко.

¹⁵ О.И. Алексеева.

¹⁶ Н.В. Вернадская.

№ 770

4 июня 1908 г., С.-Петербург

СПб., 4.VI 908

Дорогая моя Наталочка, пишу от Паши¹, который быстро поправляется. Температура нормальная, и осталась лишь слабость после перенесенной болезни. Он уже занимается и ведет более здоровый образ жизни. Но выходить еще не выходит. Выйдет сегодня или завтра.

Я послал тебе телеграмму вчера с советом ехать в Бретань. Я выеду отсюда 9 или 10, переночую в Берлине и Кельне и еду прямо в Париж. Переночую, чтобы не ехать ночью. Буду в Париже 12 или 13 июня вечером. Не знаю адрес Гольшптейн? Если успеешь, напиши или **телеграфируй**, где ты будешь, в **Кёльн** или Берлин *poste restante*². Очень хочется уже уехать отсюда, от здешней бивуачной жизни. Не знаю, подождешь ли меня в Париже? Или прямо встретимся уже в Бретани, где ты найдешь лучше?

Был на заседании фракции и конференции КД³. Настроение очень любопытное. Милюков считает, что в данный момент реакция достигла своего апогея. Он не думает, чтобы шло расширение ее влияния. Он думает, что она будет постепенно ослабляться. В Думе среди октябристов значительное полевение и начинают сильно влиять «левые октябристы». Любопытно в разговорах деление на «ответственную» и «безответственную» оппозицию. Может быть, университеты удастся отстоять от Шварца и К^{о4}.

Иван Ильич⁵ очень слаб. Они хотят при первой возможности уехать в Марфино. Ему нужен свежий воздух.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю⁶.

Твой Владимир

Скоро увидимся.

Оп. 7, д. 52, лл. 5–6.

---

¹ П.Е. Старицкий.

² До востребования (фр.).

³ Конституционно-демократическая партия.

⁴ Имеется в виду министр народного просвещения А.Н. Шварц.

⁵ Петрункевич.

⁶ Н.В. Вернадская.

№ 771

6 июня 1908 г., С.-Петербург

СПб., 6.VI 908

Дорогая моя Наталочка, очень рад, что ты уже, вероятно сегодня, выехала из Берлина. Я думаю, что в Бретани будет хорошо, хотя вчера как раз мне Чернышев назвал местечко около Бланкенберга, где, он говорил, и хорошо, и недорого. Но с другой стороны, я рад, что ты повидаетшь Гольштейнов и что Нинуля¹ их увидит. Я выезжаю из С.-Петербурга 10 июня и уже взял билет. Буду в Берлине 11-го вечером и хотел вечером 12-го выехать в Париж. Так как я буду ехать в III классе, то переночую в Кельне и 14-го вечером буду в Париже. Таким образом, я или застаю тебя, или, вернее, приеду к тебе через несколько дней после твоего устройства. В Париже я хочу пробыть несколько дней, дня 3–4. Хочу там кое-что купить, все-таки посмотрю музеи и т.д.

Получил очень милые письма от Якушкина и Кокошкина. В общем они бодры и работают. Всякий раз, когда подумаешь об этом тюремном заключении людей их типа, становится и больно и стыдно, и поднимается негодование.

Гревсы должны были сегодня выехать. Не знаю, как. Все у них как-то безнадежно тяжело. Я был у них ненадолго вчера вечером. Иван² с границы хочет ехать в III классе. Мне представляется это безумием и экономией Коробочки³. Раз ехать больным, то какие же здесь расчеты в 30–40 руб., когда тратят сотни.

На днях кончу свою работу о цезиевом берилле⁴. Когда стал сводить, то оказалось много интересного и нового, раньше мною незамеченного. Вышла довольно большая работа, которую хочу начать печатать или осенью, или в конце лета, и, между прочим, применением минералогического метода мне удалось найти соотношение между нахождением двух химических элементов (цезий и рубидий) в природе. Пишу тебе из Государственного совета. Мысль занята научными вопросами, и мне совершенно невозможно войти в технику мелких и крупных поднимаемых здесь вопросов. Ясно, что страна пустится в горячку крупных предприятий, и флот, и железная дорога, и армия не дадут

средств на расширение культурных задач. На восток будет обращено внимание, и не ясно, чем в конце концов это кончится. Но тратить время на эти вопросы в составе Совета – не стоит. Можно сделать меньше, чем в печати, и трудно совместить с научной работой.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю. Мой горячий, сердечный привет Гольштейнам.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 3–4.

¹ Н.В. Вернадская.

² И.М. Гревс.

³ Действующее лицо поэмы-романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

⁴ Вернадский В.И. О воробьевите и химической структуре бериллов // Изв. АН. 1908. 6-я серия. Т. 2, № 12. С. 975–976.

№ 772

7 июня 1908 г., С.-Петербург

СПб., 7.VI 908

Дорогая Наталочка, вчера послал тебе письмо на имя А.В. Гольштейн. Теперь пишу *poste restante*¹, так как из твоего письма вижу, что Гольштейны уезжают из Парижа. Очень досадно, что я их, по-видимому, не увижу. Не знаю, куда они едут. Вследствие этого остановлюсь на день в Берлине, чтобы купить платье и т.д.; я думаю даже устроить все это утром, так что не опоздаю в Париж. Ночевать буду в Кёльне или Аахене. Хочется уже скорее быть на отдыхе, так как, вероятно, следующий год будет очень тяжелым. Конечно, досадно, что не придется быть в Государственном совете при обсуждении сметы Министерства народного просвещения, но невозможно все совместить.

Кончил работу о цезиевом берилле – воробьевите – и очень рад, что довел ее до конца².

Здесь Катя³, и очень с ней трудно. Она возвращается назад к бар. Нолькен или едет в Финляндию. Так досадно, что мы не можем поселиться вместе и что теперь я не могу ее довезти, так как взял уже билет, не зная, что она придет. Приезжала она, говорит, для доктора, так как не может глотать. Но Леля⁴ убеждена, что закупать наркозы. Катя уверяет, что она их не принимает, но это очень сомнительно. Мне кажется, как несчастный, забитый человек, она говорит неправду. Все это ужасно тяжело. Мне кажется, если бы мы были тут или жили в Вернадовке, она бы приехала. И теперь она говорит о бесцельности жизни и что надо дело, а у нее его нет, и она не может его найти и т.д. Все это как-то безнадежно грустно.

Ивану Ильичу⁵ лучше, и на днях он едет. Паша⁶ поправился и уже ходит на службу. Он подумывает потом об отпуске в Полтаве, но, может быть, это мечты.

Маша Ольденбург поправляется, у нее была жестокая инфлюэнца.

Нежно и горячо тебя целую, моя дорогая, и Нинусю⁷ поцелуй от меня крепко.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 25–26.

---

¹ До востребования (фр.).

² См. комментарий № 4 к письму № 771.

³ Е.И. Короленко.

⁴ О.И. Алексеева.

⁵ Петрункевич.

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ Н.В. Вернадская.

№ 773

27/14 июня 1908 г., Париж

Париж, 14/27.VI 908, суббота

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда. Если бы не было завтра воскресенье, уехал бы завтра, но теперь собираюсь выехать или в понедельник вечером, или во вторник утром. Остановился у Гольштейнов. Очень приятно было их видеть. Аргутинского не застал в Берлине, напишу ему карточку. Хочется быть вместе и хочется из города к свежему воздуху. Завтра хочу зайти к Вырубову, а затем хочу повидать Лакруа и Де Лоне. Париж странно, по-моему, изменился благодаря путям сообщения.

Горячо целую тебя и Нинулю¹ драгоценную.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, «Hôtel Talbot» Primel, par Plougasnon Finistère.

Оп. 7, д. 52, л. 7.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 774¹

6 августа/24 июля 1908 г., на пароходе по пути к Соутгемптону²

6.VIII/23³.VII 908

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе несколько слов, подъезжая к Соутгемптону на пароходе «Vega». Уже видны берега Англии. Переезд был очень мучительный. С 11 час до почти 5 была буря, и я сильно страдал и спал всего 2 час. Так как буря, должно быть, была у вас, постараюсь телеграфировать, если успею, из Соутгемптона. Я в первый раз попал в такую передрагу. Пароход весь дрожал и стонал, двери хлопали, и качка была во все стороны. Малейшее движение вызывало рвоту, и я старался лежать при отвратительном самочувствии. В салоне я был один пассажир, вместо 12⁴, так что у меня была большая каюта, но это меня плохо утешало. Проснулся в 7 час и уже заснуть не мог, так как лег, приехав на пароход, в 9 час и тоже не заснул! Казалось,

что если что с пароходом случится, то ничего не в состоянии сделать, так как такое болезненное было недомогание. Надо было верить прочности судна и целостности машины. Бурного моря почти не видел. Уже около 4 час я приподнялся к окну и кругом вздымались пенистые волны, перебрасывались через перила и грозно боролись с нашим пароходом. Странно, при всем недомогании и отвратительном самочувствии я спокойно лежал, испытывая чувство **гордости** (sic!) в этой борьбе стихии с человеком несчастным и измученным, вроде меня. И сам смеялся и удивлялся этому горделивому чувству. Я встал, чтобы посмотреть на море. Внезапная в море произошла перемена, должно быть, я почувствовал ее еще раньше! Стало тихо и чудно, и теперь солнце! Удивительное чувство борьбы, даже в том случае, когда ее нет, кажется, **океан** боролся с пароходом, то раздавались звонкие удары (вниз!), то с боков нахлестывала волна, пароход шел тише, наклонялся, качался и шел все вперед и вперед! Теперь за чашкой чая даже приятно вспоминать. Послал две карточки из С.-Мало. Здесь всюду английский язык, и в общем я объясняюсь удовлетворительно, не хватает житейских слов.

Нежно и горячо целую тебя и Ни нулю⁵.

Твой Владимир

Пиши.

Оп. 7, д. 52, л. 2.

¹ Письмо написано на бланке: London South Western Railway. Steam Packet Department. Southampton.

² Здесь и далее: Саутгемптон (совр.).

³ Описка у В.И. Вернадского: 6 августа 1908 г. соответствует 24 июля ст. ст.

⁴ В подлиннике слова «(вместо 12)» написаны после слов «большая каюта».

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 775

7 августа/25 июля 1908 г., Лондон

Лондон, Dyne House, 24,
Gordon Street, London W.C.
7.VIII/26.VI¹ 908

Дорогая моя, вчера же в день приезда получил твои письма и пишу о партии КД². Очень тебя благодарю. Я послал тебе письмо и телеграмму, Последнюю не хотели здесь принимать, так как ни Трегастеля (Финистеря), ни Плюгасну нет в списке телеграфных местностей³. Послали на риск отправителя, это та же цена, но управление не ручается за доставку. Пишут такие телеграммы на особых бланках. Получила?

Письмо из Саутгемптона послал из Лондона. Вообще меня сразу встретила практичность и удобство английской жизни, ужасно мне нравятся Англия и англичане. Это было, впрочем, всегда.

Наш пароход опоздал, и потому нам был доставлен экспресс – особый поезд – shiptraiu, подъехавший прямо к пристани. Билеты можно было брать в поезде. И ехал он без остановок до Лондона в третьем классе (мягкие сиденья – наш второй – всего 6 shilling'ов 6 d⁴. В конце концов и Лондон вместо

11 1/4 утра мы Приехали и 12. Поэтому С.⁵ я не видел. Удобства багажа превосходные: никакой платы, не взвешивают, наклеивают одни номера и дубликат номера дают тебе в руки, носильщик и ты разыскиваете по этим билетам багаж по приезде в Лондон, берете и уносите.

В пансионе очень просто и недурно. Оказывается, Струве никто его не рекомендовал! А просто он вычитал объявление в квакерском журнале! И, кажется, попал к порядочным людям. Я устроился за 30 шиллингов в неделю: комната, утренний lunch⁶ и обед (шиллинг – марка почти). Завтракать буду в городе. Место центральное. Комната простая, довольно большая, на самом верху. Порядки любопытные. Обед из 3-х блюд и кофе, галеты и т.д. Предлагают для мяса и пирожного повторение. Кто опаздывает, не получает супа! Идет все быстро. Публика очень милая – большей частью американцы и англичанки.

С английским языком справляюсь совершенно свободно. Не знаю кое-каких житейских слов. Очень выигрываю благодаря плохому знанию языка Струве. Меня приняли в пансионе (какой-то американский доктор из Сан-Франциско) за англичанина с особым выговором! И стал расспрашивать, из какой я части Англии или из колонии!

Вчера был в музее. Удивительное собрание, я совершенно подавлен богатством и широтой постановки. Создать такие учреждения – задача трудная. Но Россия должна иметь. Сегодня иду туда работать, в 10–12 час придет директор Флетчер, которого я еще не видел. Вчера работал уже там в библиотеке.

В Лондоне столько видеть! Не знаю, как справлюсь. Вчера со Струве гуляли вечером по Лондону и встретили одного весьма подозрительного корреспондента английских и американских газет, от которого едва отделались, который был в С.-Петербурге и морочил одно время П.Н.⁷ Роль его была весьма подозрительная. Струве какой-то усталый.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую, и драгоценную деточку⁸. Скажи ей, что здесь в музее есть модель осьминогов и каракатиц длиннее большого стола Трегастельской столовой. Удивительные вещи я видел в геологическом и зоологическом музеях уже вчера при беглом осмотре. Мануйлову и Зернову пишу. Надо, чтобы Коля⁹ подал прошение. Он подал? Адрес Зелинского: Одесса, Малый Фонтан, дача Врун. Доктору Я.Ю. Бардоку для передачи.

Оп. 7, д. 52, лл. 27–28.

¹ Описка у В.И. Вернадского, так как 7 августа 1908 г. соответствует 25 июля (ст.ст.).

² Конституционно-демократическая партия.

³ Trégastel-Primel (Finistere) Plougasnou (Франция).

⁴ d. (от лат. denarius) – символ английского пени, который до февраля 1971 г. равнялся 1/12 шиллинга.

⁵ Очевидно, Петр Бернгардович Струве.

⁶ Второй завтрак (англ.).

⁷ Очевидно, П.Н. Милюков.

⁸ Н.В. Вернадская.

⁹ Николай Павлович Милюков. В открытке от 23 июля/5 августа 1908 г. из Primel'я Н.Е. Вернадская писала: «...очень прошу тебя не забыть тотчас написать обещанные письма о Коле Милюкове Мануйлову и Зернову» (ф. 518, оп. 3, д. 273, л. 64).

9 августа/27 июля 1908 г., Лондон

Лондон, 9.VIII/27.VII 908

Дорогая моя Наталочка, из твоего письма от 7-го я вижу, что ты не получила моей телеграммы из Лондона! 6-го же я послал тебе письмо из Соутгемптона через Лондон. Пишу почти каждый день.

Вчера приехал Вульф. Здесь встретился с Владимиром Васильевичем Келлером. Он делал поездку на Скандинавский полуостров и теперь возвращается в Карабах. Очень было приятно его видеть. Он говорил, что Нина Клейбер кончила гимназию и хочет в этом году приехать одна в Москву, ей хочется самостоятельности и быть вдали от семьи. По его словам, она умный и талантливый человек, но в ней не пробужден никакой серьезный интерес, в том числе нет умственных интересов. Это то, что было бы особенно тяжело Клейберу. Его вспоминаю я здесь часто. С ним я был в этих местах 20 лет тому назад. Здесь же видел бывшую м-ле Арендт, кажется, теперь Вернер. Она здесь с мужем, который изобретатель и что-то здесь продает. По словам Келлера, теперь бумаги ее отца покупаются, так как интерес к воздухоплаванию сильно поднялся.

Сегодня идем с Вульфом и Струпе в зоологический сад и потом в ботанический. Воскресенье, чудная погода, и все в Лондоне заперто.

Видел я пока очень мало. Устроился в библиотеке, начал с Прайором исследовать на радий привезенный образец золота, кое-что видел в Минералогическом музее. Но еще смотреть много и много работы с корректурами. Неприятно, что Британский музей относительно беден новыми научными естественно-историческими журналами. Приходится обращаться в Natural History Library в Кенсингтоне. Там я устроился хороню, мне предоставлено максимум удобств Флетчером, который сам болен и почти не бывает.

Вчера познакомился с секретарем Геологического комитета М-г Howe и через него выработал план поездки в Корнваллис¹, куда думаю ехать в конце недели, Из Корнваллиса вернусь в Лондон. В Корнваллисе, к сожалению, мне почти не придется быть у берегов. Хочу еще проехать в Durham и Derbyshire.

В Ирландии я, кажется, попался, «Zveagh» – какой-то виконт, делающий всему конгрессу вечерние приемы! Нот уже не по мне. Но из-за этого не ехать – было бы малодушием. К сожалению, экскурсии по Ирландии, главные – **после** съезда. Уступка по железной дороге для поездки туда огромная – туда и обратно стоимость одного билета туда и еще 25%, т.е. уступка около 33%.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю², драгоценную. Ей вчера послал карточку.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 29–30.

¹ Здесь и далее: производное от Корнволл (Cornwall), Корнуолл (совр.).

² Н.В. Вернадская.

16/3 августа 1908 г., Лондон

Лондон, 3/16.VIII 908

Дорогая моя Наталочка, сегодня воскресенье, и почты нет. Вчера тоже от тебя не было писем. Выезжаю отсюда в среду и, может быть, в четверг. Давит Лондон, хотя погода чудная и много здесь интересного. Сегодня был со Струве и Вульфом в Wallace Collection – удивительной картинной галерее, подаренной государству. XVIII век французский и английский, голландцы, Рембрандт и Гальс, Веласкес поразительны. Я почти не видел еще здесь художественных собраний и хочу эти дни им посвятить, но у меня еще много неоконченных корректур, надо работать в Британском музее над всякими литературными справками и изменениями написанного.

Посылаю письмо Кати¹ и номер «Daily News»² с характеристикой английского короля. «Daily News» – радикальная газета. В общем меня поразило, как мало можно знать о западной жизни даже по английским газетам. О России здесь пишут мало – подготавливается заем, и считают бесполезным очень раскрывать современную политику правительства, чтобы не возбудить против союза с Россией английского общественного мнения.

Ты мне пиши в S-t Austell в Корнваллисе одно письмо, а потом другое в Camborne. Оттуда напишу, поеду ли раньше в Frizington (в Кумберланде)³ или в Эдинбург.

Здесь чуть не попал на interview⁴ корреспонденту американских газет, весьма подозрительному, но большому пройдохе и очень влиятельному. Сегодня он у меня был, надеюсь, что не пропечатает. Разговор был «академический». Они теперь заняты Турцией и возможными осложнениями и для России.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю⁵. Очень жду известий о Гуле⁶, которому пишу завтра. А из России о холере вести неважные!

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 31–32.

¹ Е.И. Короленко.² Точнее, «The Daily news and Leader» – ежедневная газета, издавалась в Лондоне и Манчестере с 1846 г.³ Здесь и далее: Камберленд (совр.).⁴ Интервью (англ.).⁵ Н.В. Вернадская.⁶ Г.В. Вернадский.

20/7 августа 1908 г., Лондон

Лондон, 20/8¹.VIII 908

Дорогая моя, пишу в вагоне в ожидании отъезда. Приехал заранее и занял место. Из Лондона рад уезжать. Струве проводил меня до вокзала, он очень мил; необыкновенно привлекательна его мысль, все время занятая высокими вопросами, полная эрудиции и глубочайшего интереса к окружающему. Он сильно заставил меня, ушедшего в другую область, вновь окунуться в ве-

ликие вопросы познания. Это совершенно выдающийся человек, и даже его детски великое самодовление и знание своей цены не шокируют. Я должен сказать, что я его недооценивал.

В Лондоне сделал массу покупок, но пока нигде не нашел тебе перья и Нине² часы. Надеюсь еще достать. Здесь всюду теперь перья-чернильницы. Я купил себе одно, которым пишу, неудачное, так как в нем мало для меня чернил (оно-то – 10 1/2 shilling'ов). Платье купил – брюки, сюртук, костюм и заказал осеннее пальто. Будет готово к моему возвращению (5 1/2 фунтов – 55 руб.). Кажется, хороши, но, по-видимому, не особенно удачно выбрал материю. С чемоданом, кажется, ошибся – дорого (15 руб. и неважно). Книги – часть Струве привезет. Здесь поразительно дешевы книги и какие! Получила Нинуля атлас ракушек?

Об Александре Васильевне³ ты ошибаешься. В письме она пишет что пришлет мне в Лондон свои визитные карточки для меня (for information) и, сверх того, напишет самим господам. Но карточки не прислала! Я еще раз перечел вчера ее письмо. А между тем, она написала, так как мне вчера говорил Струве, что ему в библиотеке говорил один из русских, что Steele меня ждет! Объясни Александре Васильевне, если бы я узнал о Steele раньше, я пошел бы без карточки. Я тебе писал, что в Dublin'e я попал к виконту [Zveagh!] Я справился в здешней книге пэров, он новый виконт, так что не беда, что я его не знал (с 1905 г.). Вся семья, по-видимому, военная.

Сейчас погода меняется, и очень печально, если будет плохо в S-t Austell'e. В Кумберланд, должно быть, не попаду. Остановлюсь по дороге в Бристоле, так как, кажется, мне придется брать всюду обратные билеты. Вся поездка в Корнваллис и обратно в Лондон (разными путями) стоит 2 фунта (20 руб.). Я взял обратный билет, но до Лондона не доеду.

Сейчас тронемся. Нежно и горячо целую тебя и драгоценную дусю. Горячо любящий вас обоих.

Владимир

От Лели⁴ письмо с лучшими известиями о Кате⁵!

Оп. 7, д. 52, лл. 33–34.

¹ Описка у В.И. Вернадского: 20 августа 1908 г. соответствует 7 августа ст. ст.

² Н.В. Вернадская.

³ Гольштейн.

⁴ О.И. Алексеева.

⁵ Е.И. Короленко.

№ 779

21/18 августа 1908 г., Сент-Остелль

С-т Остелль 21.VIII 908

Дорогая моя Наталочка, завтра уезжаю в Кемборн. Если погода будет такая же, как указывают газеты, то послезавтра еду в Эдинбург, и Корнваллис сокращу до minimum'a. Сегодня почти целый день дождь, и я промок очень изрядно во время поездки. Но в общем очень доволен тем, что сегодня видел. Даже странно, как много могут дать немногие часы, проведенные в беглом осмотре природного явления. Здесь вся местность изрыта на каолин, и я посетил 3 разработки в окрестностях С.-Остелля – в двух из них меня

захватил дождь, и я промок, так как ходить среди глины и массы грязи было не особенно удобно. Уже и раньше в Лондоне я видел образцы из этих мест, которые мне ясно показали, что этот каолин происходит из гранита в последнюю стадию гранитного извержения. Здесь я впервые увидел это явление, выраженное ярко и для меня несомненно. Из-за этого стоило приехать. Еще больше мне дало посещение так называемого chine stone¹. Я ясно увидел подтверждение того же процесса и, между прочим, какие-то мне совершенно непонятные явления, может быть, в связи с распространением редких элементов, которыми занята теперь моя мысль. Я набрал здесь образчиков. К сожалению, и здесь, как в прошлом году в Швеции, я попадаю в местности, которые находятся в стадии исследования и не изучены. Но с той стороны, с какой они меня интересуют, они и не будут изучены. Но геологическое исследование сильно бы упростило мою задачу.

Местность здесь сильно напоминает Бретань, и говорящий по-английски народ необычно схож, хотя St. Austell находится близко от моря, как Плюгасну, я так и не дошел до морского берега вследствие дождя и не видел, по-видимому, красивых мест. Станный городок С.-Остель – роскошные виллы, масса магазинов, поразительная культурность жизни. Население частью рудокопы, торговцы. В рудниках 8-часовой рабочий день, часть рабочих на велосипедах. Начало работ в 7 час утра, в 3 1/2 час они кончают. Вечер свободен для человеческой жизни. В С.-Остель большая гостиница, где я остановился, «White Hart», кажется, довольно дорогая и какая-то странная и непривычная мне по характеру и строю жизни. По-видимому, обслуживает местных жителей и чисто английских туристов, так как у «Бедекера»² St. Austell не упоминается. Среди храмов в городке Masonic House³! В общем я объясняюсь так, что меня понимают даже в закоулках, но жизнь здесь совершенно чуждая и далекая...

Все забывал тебя спросить, посланы ли книги и камни из Трегастеля? Взяла ли ты квитанции? Отсюда завтра отправлю камни через гостиницу.

Здесь получил твою и Нинусину⁴ карточки. Скажи душе, что я «дикобраза», о котором она пишет, ей не посылал. А послал портрет другого зверя, пускай рассмотрит – какого.

В английской жизни еще больше, чем в Германии и Франции, для меня чуждых имен и чуждых традиций. Поражает, например, влияние Раскина, а я о нем ничего не знаю. Начал читать его биографию Гаррисона⁵. Ряд великих писателей – для меня совершенно неизвестные имена. Жизнь так велика, что всюду прорывается через попытки личности обнять ее своими слабыми силами!

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй нашу душу.

Твой Владимир

Мой дружеский привет Гольштейн. Пиши пока в Эдинбург⁶.

Оп. 7, д. 52, лл. 35–36.

¹ Китайский камень – сильно выветренный гранит, богатый каолином.

² См. комментарий № 4 к письму № 757.

³ Массонский дом (англ.).

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ *Harrison Frederic. John Ruskin. London, 1902.*

⁶ Приписка сделана на полях л. 35.

22/9 августа 1908 г., Пензанс

22.VIII 908

Дорогая моя Наталочка, пишу из Пензаса, очень симпатичного торгового и купального городка, куда попал сегодня днем благодаря английскому воскресенью. В Камборне (где я получил твою карточку) я был сегодня утром; благодаря рекомендации Howe в Лондоне получил и здесь указания и через проф. Барринджера отправился в Dolgvaith Mine, один из самых больших в мире рудников олова. Познакомился с M-r Thomas, управляющим рудника, но осмотреть его не мог: суббота – рабочий расчет, кончается работа раньше, а в воскресенье работы нет. Придется приехать туда в понедельник. Я решил остаться, так как погода стала лучше, и я приехал в Пензанс, на берег моря, 1 час езды от Камборна. Погода холодная, купаться нельзя. Сегодня я бродил по Пензансу и окрестностям. Завтра делаю поездку на Lands End. Приятно провести время около берега моря, и хотя здесь шумно, но нельзя сравнить с Лондоном или С.-Остеллем. Мне еще надо кое-что привести в порядок из своих записей и подготовиться к Шотландии – прочесть убористую работу Гики об окрестностях С.-Андруса по геологии Восточного Файва, который составляет цель моей поездки в Шотландию. Кстати, пиши мне теперь в **St. Andrews, Scotland, poste restante**². Я буду в Эдинбурге, вероятно, не более 2 дней и сейчас же при первой возможности проеду в С.-Андрус. Мне хотелось бы там проездить дня 3. В Эдинбург попаду во вторник. В понедельник, после посещения рудника в Камборне, доеду до Бристоля, где переночую. Не знаю, удастся ли мне заехать во Фризингтон по дороге в Ирландию, кажется, удастся. В Дублине я должен быть 2-го сентября – времени еще порядочно.

Вчерашняя моя поездка привела в полное крушение мое снаряжение. Мои сапоги, которые я, несмотря на твои советы, поправил в Лондоне, развалились, да еще обе пары, так что придется в Эдинбурге купить. Но все-таки одну пару жалко бросать. А другую придется бросить. Здесь удалось сдать в стирку белье, так что я опять могу все ввести в колею. Боюсь только, чтобы из-за него не опоздать в понедельник к поезду.

Сегодня из С.-Остелля послал тебе письмо и письма Оли³ и с ней бар. Нолькен. Я надеюсь, что мне удастся устроить Кате⁴ работу, я убежден, что это если не даст ей центр жизни, то все-таки займет часть ее времени. Очень досадно, что мы не будем жить в Петербурге это время. Иначе можно было бы устроить очень хорошо.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю⁵. Она была, по-видимому, вполне умна? Пишу это письмо для адреса писем в С.-Андрус.

Гольштейн мой сердечный, горячий привет. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, л. 37.

¹ Письмо написано на бланке: "Union Hotel Penzance".

² До востребования (фр.).

³ О.И. Алексеева.

⁴ Е.И. Короленко.

⁵ Н.В. Вернадская.

27/14 августа 1908 г., Эдинбург

Эдинбург, 27/14¹ 908

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером получил твое письмо из Парижа – рад, что ты доехала. Теперь скоро и в Россию. В Фризингтон я написал еще из Бристоля по дороге в Эдинбург – не понимаю, отчего ты туда писала, я, кажется, не указывал. Уезжаю отсюда завтра утром, мог бы выехать сегодня вечером, но хочу видеть дорогу. Еду или в С.-Андрус, или в Eve, смотря по погоде. Если будет хорошая погода, еду прямо в Eve, небольшое местечко на берегу Firth of Forth, около которого расположены главные диатремы (necks). Вчера погода весь день, кроме утра, была ужасная – шел дождь, и Эдинбурга я почти не видел. Был только в музеях, видел здешнего минералога д-ра Шанца, молодого, начинающего, но, кажется мне, хорошего ученого. Удивительно здесь поставлено высшее преподавание, веет чем-то старозаветным. Средства научной работы сосредоточены главным образом в частных руках – это отдельные любители или материально обеспеченные ученые. Поэтому развитие научной работы здесь идет очень неравномерно, и те отрасли знания, которые требуют дорогих институтов, сильно отстают, пока не появятся выдающиеся люди, которые вызовут частные или государственные средства. В значительной мере англичане могут стоять на уровне современной науки только благодаря тому, что на континенте научная работа организована иначе. В частности, для минералогии они это чувствуют. По-видимому, здесь скоро произойдет перемена. Но пока в качестве возможностей в России дело обставлено лучше. У нас только была меньше производительность научной работы, быстро теперь поднимающаяся. Чем больше вдумываешься и всматриваешься в окружающее, тем ярче и сильнее встает в сознании, что только внешние условия, плохая правительственная организация мешают широкому развитию научной работы в России. В частности, по отношению к минералогии и кристаллографии в Англии учиться нечему. Здесь есть богатые собрания минералов, накопленные поколениями любителей, местами поддерживаемые государством (в Лондоне Британский музей получает от парламента 6300 руб. в год на покупку минералов; я прошу для Академии 2000 (руб.)), но в них живая научная мысль не развивается. Во многом они рутинны. В Эдинбурге недурное собрание и превосходная коллекция минералов Шотландии, собранная усилиями Геддле, бывшего профессора химии в С.-Андрусе.

Из С.-Андруса еду прямо в Ирландию, минуя Англию. Переезд из Шотландии в Северную Ирландию самый короткий – всего около 1 1/2 час, и я хочу перед Британской ассоциацией посетить знаменитые и в научном, и в туристическом отношении выходы базальтов Северной Ирландии – знаменитую «мостовую гигантов» и т.д. Экскурсии предполагаются после конгресса², так что для меня они будут недоступны. Я хочу посетить диатремы около Штутгарта, а затем в будущем году указать их в России. Мне кажется, я их видел в Лубенском уезде в Исачках. Диатремы – это трубки, идущие в глубь земли, заполненные разрушенным материалом стенок и вынесенным снизу благодаря взрывам газов внутри земли. Думается мне, что отсюда происходит и значительная часть так называемой космической пыли. Образцы пород, которые я видел здесь, еще больше меня в этом убеждают.

Пиши в Ирландию. Напиши одну карточку или письмо в **Portrush, Midi. Railway Co Hotel**, а затем пиши в **Dublin, British Association for Advancement of Science**. Буду в Дублине 2-го сентября утром. Оттуда уеду раньше 9, вероятно 7-го, прямо в Лондон, а из Лондона в Штутгарт.

Получил письмо от Гули³. Совсем уже сложившийся человек. Я думаю, едва ли теперь он бросит научную работу. Как быстро прошло время, и как незаметно вылупился птенчик! Попов пишет мне, что до 15 августа русского стиля он вышлет тебе 200 руб. Извести, когда получишь. Гревсы в Австрии, в Чехии (*Brandys na Orlici*).

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую, и драгоценную душу⁴. Сердечный привет Гольштейнам.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 52, лл. 38–39.

¹ В письме у В.И.Вернадского пропущен месяц «август».

² Имеется в виду заседание Британской ассоциации наук.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 782

29/16 августа 1908 г., [Или]¹

29/16.VIII 908, суббота

Дорогая моя Наталочка, сейчас приехал сюда и жду свои вещи; на станции не было омнибуса, и мне пришлось пошляться по Или, пока не нашел гостиницу. В С.-Андрусе не было твоего письма: я дал адрес сюда – 1 час езды. Уеду отсюда в понедельник утром в Ирландию. Надеюсь, погода будет благоприятствовать моей экскурсии. То, что я видел около С.-Андруса, чрезвычайно интересно; к сожалению, я не совсем хорошо распорядился своим временем – для осмотра обнажений надо пользоваться отливом! А дни короткие. Представь себе, здесь разгар сезона.купаются (хотя весьма прохладно), а главным образом сезон игры на берегу океана! Попал в С.-Андрусе в страшно фешенебельную гостиницу, где не достал даже комнаты (а остановился рядом в доме). Общество там препротивное: разговор об игре, *matchs*² и т.д. – все это разряженное и обедает во фраках и полуфраках. Странно – на меня оно производило впечатление животное. Казалось, ты имеешь здесь самцов и самок, молодых и старых, *homo sapiens*³. За моим столом нас было 4, только один старик имел человеческое подобие, другие какие-то несчастные. И воспитаны они хуже обычных англичан, которые в общем замечательно милы. В поразительно роскошном отеле характерен подбор литературы: самые элементарные, скорее финансовые справочники, иллюстрации. С.-Андрус – старинный любопытный городок...

Привезли вещи – спешу на экскурсию. Погода переменчивая, хочу воспользоваться отливом.

Нежно и горячо тебя целую, мою дорогую. Нинулю⁴, нашу баловницу, поцелуй нежно. Сердечный привет Гольштейнам.

Твой Владимир

Пошел внезапно дождь! Надеюсь, скоро пройдет, а то я потеряю весь день. Будет крайне досадно, так как Elie – центр моей экскурсии, и я непременно хочу видеть здешние диатремы.

Я все больше подумываю о сокращении моего дублинского пребывания – достаточно пробыть 3–4 дня, затем еще один день на Лондон, затем 2 дня Штутгарт (уран), и мы могли бы съехаться в Берлине. Поездка туристического характера не по мне, а затем то, что мне нужно, я увижу здесь и около Штутгарта. В Дублине же нечего сидеть неделю. Если распределю время так, то выеду из Дублина 6–7.IX н. ст., а из Лондона 9–10.IX. Около 1 сентября русского (ст.) буду в Берлине. Погода как будто проясняется, и я иду.

Оп. 7, д. 52, лл. 40–41.

---

¹ Письмо написано в Или, что следует из его содержания: «...сейчас приехал сюда и жду свои вещи; на станции не было омнибуса, и мне пришлось пошляться по Или...»

² Матчи (анг.).

³ Человек разумный (лат.).

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 783

2 сентября/20 августа 1908 г., Белфаст

Белфаст, 2.IX/20.VIII 908

Дорогая моя Наталочка, пишу из Белфаста, где переночевал, и через часа два еду в Дублин. Вчера в Портраше получил твое письмо. О моих новых планах ты уже знаешь из письма из Или, и я очень жду твоего ответа и твоего мнения. Думаю выехать из Дублина в понедельник утром, а из Лондона – утром в среду и тогда 9-го днем могу быть в Париже. Конечно, все это может измениться.

Мне не везет с морем! Попал для переезда в большую качку – *worst night in the week*¹, по выражению матросов, и хотя в буквальном смысле не болел, но чувствовал себя очень скверно и был на границе болезни! И ехали мы дольше. Вчера в газетах прочел, что переезд в этот день был исключительно скверен, а в некоторых портах была настоящая буря и большие пароходы частью не могли причалить и т.д.

Сегодня вечером надеюсь попасть на открытие ассоциации. Речь будет читать Ф. Дарвин, 50 лет тому назад в Дублине же Уоллес и Ч. Дарвин впервые сделали сообщения, связанные с теорией эволюции. Какой период! Очень, по-видимому, интересны будут новые сообщения Рамзая и Камерлинга-Оннеса. Последний, кажется, покажет жидкий гелий, а Рамзай решительно настаивает на своей теории превращения элементов. Сужу по газетам, надеюсь, удастся взять минимум пикника и массы научных впечатлений.

Удивительно резка разница между Англией, Шотландией и Ирландией. Прямо поразительно. Уже по переезде шотландской границы на равной местности почти сразу чувствуешь, что ты в другой стране. Один язык – но разные нравы, разные люди, разная культура. А про Ирландию и говорить нечего! Ты в стране, ненавидящей Англию и англичан, в стране бедной, но богато

одаренной, в стране ограбленной. Я читаю теперь новую книгу госпожи Грин (вдовы историка)² «Making Ireland»³ – это обвинительный акт, ужасающий, Англии. Надо признать, что целые группы английского общества это чувствуют, и Ирландия выходит победительницей из вековой неволи, но после полного разорения и разгрома нации. Куда Польша! Сейчас в Ирландии разгар новых аграрных бойкотов, эмиграция усиливается, не уменьшается, хотя выкуп земли государством неуклонно ведется. Интересен расцвет кельтского движения. Месяца 2 назад ирландцы добились в Дублине ирландского университета (на государственный счет). И теперь поднят вопрос о кельтском языке в нем. Если бы разница между кельтскими языками Бретани, Валлиса и Ирландии-Шотландии не была бы так велика, было бы большое движение. И теперь я не могу отвязаться от мысли, что ждет Англию в **Европе** – оригинальная федерация? Ведь это логический конец идущего удивительного процесса децентрализации. Здесь всюду карикатуры и картины патриотически-ирландского характера, Дублин-город не хочет приветствовать Британскую ассоциацию из-за **названия**. Кажется, этот шовинизм улажен, но характерен!

Мысль все время работает среди переездов и картин природы и людей. Я обдумываю статью для «Русской мысли» о философии и науке ввиду нападок на идеализм. Не знаю, слажу ли⁴. А в то же время все неуклоннее углубляешься в вопросы минералогические: в значение и характер газов в земной коре (мечтаю открыть короний и т.д.) и в законы распределения в ней химических элементов. Не знаю, что из этого выйдет.

Нежно и горячо целую тебя и драгоценную дусю⁵. Сердечный привет Гольштейнам. В Лондоне остановлюсь там же. Об Александре Васильевне⁶ говорил Струве, но он отнесся очень холодно. О ничтожности беллетристики в «Русской мысли» я с ним говорил, и он признает. С [...] ⁷ они расстались. Здесь есть интересный роман из проблемы рас – black and white⁸, никак не могу его убедить его посмотреть.

Нежно целую.

Твой Владимир

Об Александре Васильевне еще раз переговорю в Лондоне – было бы хорошо, если бы ты ему⁹ написала.

Оп. 7, д. 52, лл. 42–43.

¹ Наихудшая ночь за эту неделю (англ.).

² Имеется в виду историк Джон Ричард Грин (Green).

³ Green A. The Making of Ireland and its undoing. London, 1908.

⁴ Статья не была написана.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Гольштейн.

⁷ Фамилия написана неразборчиво.

⁸ Черной и белой (англ.).

⁹ Возможно, Струве.

№ 784

4 сентября/22 августа 1908 г., [Дублин]¹

4.IX/22.VIII 908, пятница

Дорогая Наталочка, в воскресенье утром уезжаю в Лондон и во вторник или среду, т.е. 8 или 9 сентября н. ст., буду в Париже. Дай мне знать по старому лондонскому адресу: London W.C., 24, Gordon street, «Dyne House», как мне тебя найти в Париже? Я бы хотел выехать на следующий день, в крайнем случае через день. Здесь я, в сущности, взял все, что можно было взять. Конечно, было бы интересно пробыть на докладах Рамзая и т.д. в понедельник, но я сегодня слышал его доклад в другой секции (физики) и в другой обстановке, и для меня совершенно ясно, что он скажет. Я сегодня слышал интереснейший доклад Дьюара о радиии, затем в прениях принимали участие такие физики, как Резерфорд, Томсон, Рэлей. Личные впечатления ужасно много дают, так как я слышал сегодня Стрётта, одного из больших работников по радиоактивности, и ясно, что это человек небольшой. Ждать субботу и воскресенье и выехать в понедельник вечером уже в 1-м классе (спальном) или ждать до вторника не стоит. К сожалению, минералогов здесь мало и поставлено дело в Дублине довольно плачевно. Хочу кончать, так как надо сейчас одеваться к обеду (!), а затем вечером хочу идти на доклад о Галлеевой комете.

Нежно и горячо целую тебя и дусю². Остаюсь на субботу, потому что не видел Дублина.

Все-таки недаром сюда приехал, так как полон новых мыслей. Странно даже, как они возникают. Нежно целую.

Твой Владимир

Очень хотел бы повидать Гольштейнов в Париже.

Оп. 7, д. 52, лл. 44–45.

---

¹ Письмо написано в Дублине, что следует из его содержания: «...минералогов здесь мало, и поставлено дело в Дублине довольно плачевно».

² Н.В. Вернадская.

№ 785

5 сентября/23 августа 1908 г., Дублин

Дублин, 5.IX/23.VIII 908, суббота

Дорогая моя Наталочка, как я уже тебе писал, завтра утром выезжаю из Дублина и вечером буду в Лондоне. Я уже телеграфировал туда своей бывшей хозяйке. В воскресенье поезда идут дольше (на 3 час), но в воскресенье в Англии для путешественника очень неудобно, и все равно день в значительной части потерян для осмотра или работы. В Лондоне у меня немного работы в библиотеке (с корректурой), еще покупки, и во вторник 8.IX/26.VIII или среду 27.VIII буду в Париже. Я буду телеграфировать о времени приезда Гольштейнам по парижскому адресу.

Нежно и горячо целую тебя и деточку¹ дорогу.

Твой Владимир

Сердечный привет Гольштейнам

На обороте: Madame A. de Holstein, Av. pr. de rem. a M-me N. Vernadsky La Tuilerie à Galluisl
Par la Quen Cez Yvelines Seine et oise France.

Оп. 7, д. 52, л. 46.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 786

30 октября 1908 г., Москва

Москва, 30.X 908, утро

Дорогая Наталочка моя, у нас все благополучно. Нинуся¹ ушла в гимназию. У нее все происходят ссоры с Ульяной², и я сегодня хочу завести с ней разговор серьезный в этом направлении. Каждый день эти два вечера приходила Кат. Влад.³, не знаю, ты с ней говорила? Нина брала уроки музыки, занимается с Гулей⁴. Сегодня она поглощена своим рефератом о Примаке.

Не писал тебе эти дни, так как в первый день написали Нина и Катерина Владимировна. Чувствую себя так себе, сегодня лучше, а то старался не выходить из дома, так как, очевидно, у меня маленькая инфлюэнца. У Любощинских выздоровели, Марк⁵ вчера уехал в деревню. С ними я говорил только в телефон.

Жизнь у нас идет без тебя скучной чередой. Как-то чувствуется, что нет в доме центра. Гуля очень мил. Он, по-видимому, рад присутствию своей Нины⁶. Может быть, и получит счастье? Она очень старается.

От Бекарюковых было письмо, что Варя не может прийти в воскресенье. Попов прислал масла и немного птицы. Завтра Ульяна Ивановна поедет за ними.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Целую всех наших.

Твой Владимир

P.S. Есть несколько писем тебе. Оставляю до приезда.

Оп. 7, д. 52, лл. 47–48.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Прислуга в доме Вернадских.

³ Возможно, Е.В. Ильинская.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ М.М. Любощинский.

⁶ Н.В. Ильинская.

№ 787

31 октября 1908 г., Москва

Москва, 31.X 908

Дорогая моя, у нас все благополучно. Нинуся¹ ходит в гимназию, весела, здорова. Сейчас пишу после обеда, у нее Соня². Они волнуются своими гимназическими мелочами, кажется, теперь борьбой с Каролиной Ивановной³. В университете теперь некоторое волнение – учитывается разъяснение

Сената. Студенты спокойны, но неясно, как все сложится, как быть выборной администрации при режиме Шварца. Еще я не видел Мануйлова и не знаю подробностей. Сегодня твои первые карточки с дороги.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7, д. 52, л. 49.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Софья Марковна Любоцинская.

³ Возможно, Лукас – преподавательница женской гимназии А.С. Алферовой, в которой училась Н.В. Вернадская.

ПИСЬМА 1909–1940 гг.

№ 788

21 марта 1909 г., Москва

Москва, 21.III.909

Дорогая моя, очень был обрадован вчера твоей телеграммой¹. Я очень жалел, что не попросил тебя прислать, а ты сама догадалась! У нас все благополучно. Усиленно хочу закончить установку прибора и хочется уехать отдохнуть. Вчера Гуля² с женой³ были у Любошинских, а у меня обедал Крымский. У него всё по-прежнему. Чудак он невероятный! Сережу⁴ не видел – в день отъезда твоего он опоздал и обедал один, а вчера не был вовсе.

Нежно целую и Дусю дорогую⁵. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

АРАН: Ф. 518. Оп. 7. Д. 53. Л. 5.

---

¹ Телеграмма Н.Е. Вернадской не сохранилась.

² Георгий Владимирович Вернадский.

³ Г.В. Вернадский в ноябре 1908 г. женился на троюродной сестре Нине Владимировне Ильинской.

⁴ Очевидно, Сергей Сергеевич Ольденбург, который учился в Московском университете. В письме к В.И. Вернадскому от 18.II.1909 г. С.Ф. Ольденбург писал. «Как Сережа? Судя по его письмам, он порядочно занят и по римскому праву работает» (Ф. 518. Оп 3. Д. 1195. Л. 69).

⁵ Нина Владимировна Вернадская (дочь).

№ 789

9 мая 1909 г., Москва

Москва, 9.V.909

Дорогая Наталочка, пишу тебе от Любошинских, где завтракал. У нас очень холодно. Чувствую себя так себе. Хорошо, что не поехал, не хватило 30 человек! Вот их все расчеты на «центр». Это прямо собрание людей sans foi ni loi!¹

Рядом сидит Ася² и заглядывает в письмо, она тебя целует. Очень жду известий, где в конце-концов устроюсь.

В газетах плохие известия об университете³ – должно быть год будущий будет очень бурный. Я еду отсюда в Петербург во вторник или среду. Масса работы и как-то никак ничего не могу сделать: всё не кончено и всё запущено. Был сегодня Глинка – послезавтра его диспут⁴ – неприятно очень. Говорил с

ним откровенно. Мар.Вас.⁵ видел и ей передал. Сегодня⁶ выдержал на «весьма».

Всего лучшего. Нежно и горячо целую тебя и Нинусю. Жду известий. У нас все благополучно. Как-то вы, мои дорогие.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, poste restante, Hauptpostamt Берлин, Германия⁷

Оп. 7. Д. 53. Л. 6.

¹ Бесчестных (франц.).

² Анна Марковна Любошинская, которую в семье называли Ася.

³ Имеется в виду Московский университет.

⁴ Речь идет о диспуте, в результате которого магистр Сергей Федорович Глинка был утвержден университетским советом в степени доктора минералогии и геогнозии. (См. Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1909. г. М., 1910. С. 98). В.И. Вернадский был оппонентом на этой защите диссертации.

⁵ Возможно, Мария Васильевна Павлова.

⁶ С.С. Ольденбург.

⁷ Почтовыми работниками адрес зачеркнут и неразборчиво написан другой.

№ 790

13 мая 1909 г., Москва

Москва, 13.V.909

Дорогая моя Наталочка, я еще в Москве и уезжаю только в пятницу. Здесь масса всякого дела, с которым никак не могу справиться.

Планы мои изменились¹, и я надеюсь приехать раньше за границу. На Жигули не еду, так как выяснилось, что надо пробыть там около 7 дней и что серы, которая меня интересовала, я там могу не увидеть. Затем 30 мая надо быть в Москве – заседание Совета². Таким образом я думаю, что 26 выеду до 30 мая на экскурсию ближе к Москве в Ярославскую губернию, затем уеду из Москвы 31-го или 1-го, остановлюсь в Ровно, затем около Дрездена и затем раньше 10 июня могу быть на океане. Из твоих писем я вижу, что, как я и думал, с Ниной³ ничего не выйдет и напрасно ты не поставила себя независимо. Неужели ты устроишься с Надей Хмелевской!!!

Хочется уже отдохнуть где-нибудь тихо и спокойно. Очень жду от тебя известий о твоих планах.

В университете неопределенное положение. Совет в понедельник прошел хорошо⁴. В общем все решения прошли единогласно, правые в лице Самоквасова и даже Тарасова поддерживали все предложения, делая лишь поправки, неизбежные, по их мнению, для их приемлемости. Некоторая нота неприязненности – и то мелкой – была в речах Тарасова. Но и то не отражавшаяся на решениях. В конце концов единогласно постановлено: 1) указать Министерству народного просвещения, что год прошел в университете спокойно и очень хорошо (Самоквасов настаивал подчеркнуть, что этим мы обязаны Мануйлову⁵ и администрации университета, но по желанию Мануйлова это только занесено в протокол), 2) ходатайствовать об отмене § 1 правил Высочайше утвержденных Мнение Совета министров (на основании которого

Шварц⁶ и требует ответа у Мануйлова⁷), 3) об утверждении Мануйлова⁸, 4) об отсылке депутации для личных переговоров. В депутацию выбраны Комаровский, Снегирев и Гулевич. Не знаю, будут ли они приняты – депутация к Столыпину и Шварцу. Для меня совсем неясен результат – но, выясняется, что ревизия Жданова⁹ должна, в общем заявить о том, что все найдено в порядке и это, мне кажется, несколько затруднит интригу Шварца. Во всяком случае, в виду всех этих дел, я не хочу уезжать раньше официальных каникул, т.е. 1-го июня.

Недавно, в мое отсутствие, Сомов принес сверток с двумя непринятыми статьями Безобразовой и с письмом Бобринской от марта! Очевидно, он забыл, но удивительна страсть русских барынь отправлять все «с оказией»! Что делать с рукописями?¹⁰

У нас все хорошо. Молодежь держит экзамены – успешно.

Нежно и горячо целую тебя и Нинолю¹¹. Скорее бы вы где-нибудь поселились на месте. Нежно целую.

Твой Владимир

P.S. Диспут прошел благополучно. Говорят, я был суров, а я хотел быть корректным, но строгим¹².

Оп. 7. Д. 53. Л. 7–7а.

¹ Планы зафиксированы в протоколе заседания Физико-математического отделения Императорской Академии наук от 29 апреля 1909 г. В.И. Вернадский обратился в Отделение с просьбой просить Симбирского, Самарского, Тамбовского и Волынского губернаторов о содействии в минералогических экскурсиях или присылке в академию открытых листов: «Я хочу посетить месторождение массивных пород около Ровно Волынской губ. в связи с нахождением в них железа. В Тамбовской губ. хочу посетить старинные купоросные месторождения, настоящим образом неизвестные после старинных академических экспедиций XVIII столетия, в Симбирской – месторождения асфальта, серы, сульфитов и фосфоритов». (Прот. Физико-мат. отделения № VII от 29 апреля 1909 г. § 258 – печатано как рукопись).

² Совет Московского университета.

³ Нина Егоровна Жедринская.

⁴ 30 мая 1909 г. на Совете Московского университета рассматривались 3 вопроса: 1) об избрании Физико-математическим факультетом профессоров Н.А. Умова, Н.Е. Жуковского, А.Г. Павлова и И.А. Каблукова в члены Совета Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений; 2) о присвоении Обществу содействия успехам опытных наук имени Х.С. Леденцова; 3) Совет заслушал доклад о деятельности Профессорского дисциплинарного суда в 1908/09 акад. г. (Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1909 г. Дополнительный выпуск. М.: Тип. ИМУ, 1910. С. 33–40).

⁵ Александр Аполлонович Мануйлов – в это время ректор Московского университета (1905–1911).

⁶ Александр Николаевич Шварц – в это время министр народного просвещения (1909–1910).

⁷ Очевидно, на Совете Московского университета обсуждались изменения, вносившиеся Министерством народного просвещения в указ от 27 августа 1905 г., утверждавший «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». Об этом В.И. Вернадский писал: «1911 год начался, когда университетская автономия юридически перестала существовать. Указ 27 августа 1905 г. сперва кодификационным путем был включен, как примечание к уставу 1884 г.! Затем в споре Совета Московского университета с Министерством народного просвещения он был разъяснен Сенатом в 1909 г. и этим разъяснением сведен на нет». (*Вернадский В.И.* 1911 г. в Истории, русской умственной культуры // В.И. Вернадский. Публицистические статьи. М.: Наука. 1995. С. 191).

⁸ Речь идет об утверждении А.А. Мануйлова в должности ректора царем. «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения» предоставляли право советам университетов и факультетам избирать ректора, его помощников, деканов факультетов, но избранные должны были утверждаться министром народного просвещения, а ректор – царем (Полное собрание законов. Собр. III. Т. 25. № 26692).

⁹ Министерство народного просвещения, стремясь скомпрометировать выбранное правление Московского университета, назначило ревизию, произведенную попечителем Московского учебного округа А.М. Ждановым, но ничего противозаконного не было найдено.

¹⁰ См. коммент. 5 к письму № 792.

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² См. коммент. 4 к письму 789.

№ 791

20 мая 1909 г., С.-Петербург

СПб., 20. V. 909

Дорогая моя, пишу тебе в перерыве в заседании Государственного Совета, где, думаю, заседаю в последний раз¹. От тебя давно нет известий – должно быть ты пишешь в Москву. Сегодня уезжаю в Москву, завтра в 11 часов утра ревизия Минералогического кабинета² и завтра экзамены на женских курсах³.

Как-то ты в Крейцнахе. Немножко боюсь, хорошо ли для Нинуси⁴ – надо ли ей лечиться? Очень жду известий. Должно быть выеду из Москвы за границу 1-го июня – теперь уже скоро. Остановлюсь на день в Ровно, день около Дрездена и затем прямо еду во Францию, а если ты еще будешь в Крейцнахе, то остановлюсь в Штутгарте и сделаю экскурсию, которую хотел на обратном пути.

У меня теперь новые планы заезда в Сицилию – на серу вместо Поволжья.

Здесь два дня ночевал у Паши⁵ – он молодцом, но какой-то всё-таки немного усталый. Может быть он проедет летом в Полтаву. Был у Кауфмана – он сильно изменился, едва ходит, страшно быстро устает. Это какое-то тemento⁶ – быстрой перемены. От всей семьи веет чем-то тяжелым, безнадежным, грустным. Знаешь, еще также тяжела Н. Федор.⁷ и мне как-то ужасно думать о возможности такого ужасного доживания – в семье – без семьи. Рядом безумное ухаживание Сергея⁸ за Сережей⁹ и холодное доживание человека, правда самого по себе холодного и тяжелого. Сегодня относится к ней с холодностью юношеского эгоизма... Это молодая Надежда Федоровна.

Здесь работал над корректурой¹⁰, сводил к порядку всякие дела в музее. В общем, чувствуешь, что только что начинаешь организацию научной работы. Странно говорить о начале после 25 лет работы!

Митя¹¹ здесь очень милый, но выглядит нехорошо. Ан. Серг.¹² хотела тебе написать – через день. Ив.Ил.¹³ выходит! У Ади¹⁴ прелестная девочка¹⁵. Адя с будущего года читает в Политехническом и на каких-то курсах курс русской истории XIX столетия¹⁶.

Сейчас надо кончать.

Нежно и горячо целую тебя и детку. Как-то она. Нину и ее птенцов¹⁷ целую.

Твой Владимир

P.S. Сейчас комично – по вопросу об Урале наша группа¹⁸ соглашается с крайней правой против центра!

Оп. 7. Д. 53. Л. 8–9.

¹ Членом Государственного совета впервые В.И. Вернадский был избран от академической курии (Академия наук и университеты) в марте 1906 г., в июле 1906 г. вместе с коллегами по академической курии подал в отставку в знак протеста против роспуска Думы указом царя от 8 июля 1906 г., вторично членом Государственного совета В.И. Вернадский был избран в январе 1908 г., Совет избрал его в состав аграрной комиссии, исключен в 1911 г. в связи с уходом из Московского университета.

² Минералогический кабинет Московского университета.

³ Точнее, Коллективные уроки Общества учительниц, где В.И. Вернадский был избран в 1897 г. профессором минералогии. С сентября 1900 г. – Высшие женские курсы. В 1906 г. к имеющимся двум отделениям: историко-филологическому и физико-математическому прибавилось медицинское отделение. В 1910–1913 гг. для курсов было выстроено специальное учебное здание (М. Пироговская, 1). В 1918 г. Курсы были преобразованы во 2-й Московский государственный университет, в 1930 г. реорганизованный в три вуза: Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (ныне Московский педагогический университет), Московский 2-й медицинский институт им. Н.И. Пирогова и Московский институт тонкой химической технологии (ныне им. М.В. Ломоносова).

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Напоминание (лат.).

⁷ Надежда Федоровна Ольденбург.

⁸ Сергей Федорович Ольденбург.

⁹ Сергей Сергеевич Ольденбург.

¹⁰ *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. I: Самородные элементы, вып. 2. 1909.

¹¹ Дмитрий Иванович Шаховской.

¹² Анастасия Сергеевна Петрункевич.

¹³ Иван Ильич Петрункевич.

¹⁴ Александр Александрович Корнилов.

¹⁵ Наталья Александровна Корнилова.

¹⁶ А.А. Корнилов вспоминал: «В это время я читал курс истории XIX в. в Политехникуме, в Педагогической академии и на Высших коммерческих курсах Побединского» (*Корнилов А.А.* Воспоминания // *Вопр. истории.* 1994. № 4. С. 132).

¹⁷ Нина Егоровна Жедринская и ее дети: Мария и Володя.

¹⁸ Речь идет об академической курии (Академия наук и университеты) и ее деятельности в Государственном совете.

№ 792

22 мая 1909 г., Москва

Москва, 22.V. 909

Дорогая моя Наталочка, получил твои карточки и листочки из Мюнстера. Я писал тебе из Петербурга, но неверно написал Крейцнах по твоему указанию. Я написал Kreiznach¹. Не знаю, дойдет ли письмо.

Вчера начались экзамены. Сейчас в 10 часов утра будет экзамен государственный в университете – завтра тоже. Среди экзаменационной сутолоки с трудом успеваю заканчивать всякие свои работы и подготавливать свой отъезд. Может быть один день придется этому посвятить весь по окон-

чании экзаменов. Твой план долгого пребывания в Крейцнахе, насколько я понял из твоего письма, меня совершенно не прельщает – мне хочется отдохнуть где-нибудь на просторе, около моря – теплого – а не в немецком местечке. Если ты думаешь всё-таки долго пробыть в Крейцнахе – может быть мне проехать в Париж и там поработать в библиотеке, как я хотел было раньше? Хотя благоразумнее было бы отдохнуть, но я не думаю, чтобы для меня Мюнстер или Крейцнах были бы каким бы то ни было отдыхом. Очень жду выяснения твоих планов – как долго ты думаешь пробыть в Крейцнахе? Когда думаешь ехать к морю? Очень мне этот твой план не нравится.

Пиши пока в Москву. Окончательно отсюда уеду должно быть 1-го июня. Тогда пиши в Дрезден, *poste restante*². Из Дрездена предприму одну небольшую экскурсию, а дальше все связано с твоими планами. 26-го вечером еду из Москвы в Ростов и Ярославль, 30 или 31 буду в Марфино у Петрунковича, а затем 1-го вечером выеду из Москвы, около 4 или 5 июня буду в Дрездене с заездом в Ровно.

Здесь все Шаховские и Илюша³. О Клавдии⁴ не имею никаких известий. Жаль, что не сказали ей известить нас. Любощинских не видел: вчера не мог к ним вовремя дозвониться, а когда дозвонился, то было мне уже поздно к ним идти.

Ты ничего не отвечаешь, что делать с рукописью Безобразовой⁵.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю⁶. Нину и ее птенцов целую⁷.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 53. Л. 10.

¹ Правильно – Kreuznach.

² До востребования (франц.).

³ Илья Дмитриевич Шаховской.

⁴ Клавдия, домработница.

⁵ В письме от 25 мая/7 июня 1909 г. Н.Е. Вернадская писала В.И. Вернадскому: «О рукописи Безобразовой я тебе писала. Думаю, что лучше всего ее сдать Ю.Ф. Семенову, а он отправит ее к ней, когда узнает ее адрес!» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 274. Л. 25 об.).

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Н.Е. Жедринская и ее дети.

№ 793

27 мая 1909 г., Москва

Москва, 27.V. 909

Дорогая Наталочка, вчера кончились экзамены. Завтра вечером еду с Самойловым и К^о в Рыбинск, дальше как предполагал. На Совете¹ 30-го нечего быть, так как в общем положение уладилось. Высылаю тебе «Речь», но с 1-го июня (нашего) подпишись в Германии: дешевле – можно на почте в Крейцнахе (а может быть и в Мюнстере?).

Гуля² вчера приехал с женой³ и сегодня сдал хорошо последний экзамен. У нас все время масса молодежи – приходят к ним.

Сегодня начал уборку в университете и заканчиваю разные дела: масса мелочей. А еще Генр. Иосиф.⁴ заболел и несколько дней не был: у него нервное расстройство, кажется в связи с тяжелыми условиями личной жизни. Его невеста больна туберкулезом и в то же время у них не очень складно. Семенову (поступил к Михайлову) рукопись Безобр[азовой] передали⁵.

Нежно и горячо целую тебя и дорогую деточку.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, Bad Münster am Stein bei Kreuznach, villa Felseneck. **Крейцнах, Германия.**

Оп. 7. Д. 52. Л. 11.

---

¹ См. коммент. 4 к письму 790.

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Генрих Иосифович Касперович.

⁵ См. коммен. 5 к письму 792.

№ 794

7 июня 1909 г. , Ровно

Ровно, 7.VI. 909

Завтра рано утром, дорогая моя Наталочка, уезжаю прямо в Дрезден. Думаю ехать без передвижки. Экскурсией в Ровно¹ чрезвычайно доволен – видел массу и собрал огромный материал. На всяком шагу жалел об отсутствии фотографии. Здесь со мной была Елиз. Дм.², у нее тоже не было фотографии. А между тем удивительные разрезы! Оригинальная природа. Это погребенные под древними морскими (меловыми слоями базальтовые породы – вроде как помнишь на Эльбе. Но скалы наружу почти не выходят...

Знаешь, у меня сейчас являются большие сомнения, ехать ли на океан сейчас же. Не благоразумнее ли мне приехать и взять курс ванн в Крейцнахе? Хотя слабые, но ревматические боли в плечах и руках у меня все время есть и не проходят. Что будет, если они увеличатся? Напиши, что ты думаешь, в Дрезден (или телеграфируй туда). Может быть прямо оттуда проехать к тебе и миновать Штутгарт? Будущее лето, едва ли придется лечиться. Ты не беспокойся: я так совсем здоров и боли слабые, но есть.

Целую нежно и горячо тебя, Ниношу³ (ей я писал отсюда), Нику⁴ и детей ее.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 53. Л. 12.

---

¹ Командировку в Ровенский уезд Волынской губернии В.И. Вернадский вместе с Е.Д. Ревуцкой получил от Академии наук.

² Елизавета Дмитриевна Ревуцкая.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Н.Е. Жедринская.

№ 795

22 июня 1909 г., Дрезден

Дрезден, 22.VI. 909

Только что приехал сюда, моя дорогая. Получил здесь твои письма и остановился в том же Hotel – «Pension Minerva», где и мы были. Хозяйева меня узнали – и все это очень удобно, так как порядочные люди. Ехал сюда курьерским, но долго! Вчера выехал из Ровно через Австрию в 6 часов утра и в 1 час ночи приехал в Одерберг – на Прусскую границу. В Одерберге ночевал (ночевка стоила 2 марки 50 с чаями – совсем недорого) и приехал в Дрезден в 4 дня. Еду на экскурсию завтра, но хочу посетить и галерею. Я писал тебе из Ровно, что у меня ревматизм в обеих руках, и теперь, как будто хуже. Не благоразумнее ли мне взять курс ванн в Крейцнахе? Телеграфируй. Тогда соответственно устраюсь: завтра в Мейсен, а затем послезавтра посетив галерею могу выехать.

Нежно и горячо обнимаю тебя и Нинулю¹ мою. Поцелуй Нину и детишек².

Твой Владимир

На обороте: Gnädigen Frauen N. Vernadsky Villa Felseneck, Bad Münster am Stein bei Kreuznach.

Оп. 7. Д. 53. Л. 13.

¹ Н.В. Вернадская.

² Н.Е. Жедринская и ее дети.

№ 796¹

24 июля/6 августа 1909 г.

Бельведер у Ронского глетчера
6.VIII. 909, 15 час.

№ 2²

Дорогая моя, спустились до Ронского глетчера, входили в грот, сейчас пьем чай и идем дальше. Ниночка³ весела и чувствует себя хорошо. Надеюсь, что всё обойдется. Здесь превосходные, красивые места. К сожалению, тучи и я боюсь, чтобы не пошел дождь – не хочу напрягать силы Нины. Она хотела пить кофе. Нежно целую.

Твой Владимир

Адрес: Madame N. Vernadsky, Hôtel Schöneegg, S¹ Beatenberg.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1137. Оп. 1. Д. 442. Л. 8.

¹ Открытка с видом Бельведера у Ронского глетчера.

² Номер проставлен В.И. Вернадским.

³ Н.В. Вернадская.

№ 797¹

25 июля/7 августа 1909 г.

Gletsch, 7.VIII. 909, утро

№ 3²

Дорогая моя, пишу на всякий случай, так как мы, вероятно, будем раньше письма. Ниночка спала отлично, чувствует себя хорошо, и мы идем сейчас на Гримзель.

Нежно целуем.

Твой Владимир

Адрес: Madame N. Vernadsky, Hôtel Schönegg, Beatenberg.

ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 442. Л. 9.

¹ Открытка с видом: «Gletsch mit Rhonegletscher».

² Номер проставлен В.И. Вернадским.

№ 798

2/15 августа 1909 г., Рим

15/2.VIII. 909. Рим

Дорогая моя, сейчас ходил на почту узнать нет ли от тебя известий и в вечерней газете «Tribuna»¹ прочел телеграмму, сильно меня взволновавшую. Я сперва собрался послать телеграмму в Петербург, но потом раздумал. Известие это следующее: Петербург, 14: «Uno espolisione e avvennto alle 2 pomeridiane; a bordo del sotto marino Drakon, che si trova nell'arsenale del Nawa. Durante l'inspezione dei motori e scoppiato il motore a benzina. Un ingegnere e dodici operai del cantiere sono rimas to feriti, un operaio é morto»².

Я сперва думал, не на Невском ли **заводе**, но в известии сказано в **арсенале** (а арсенал тоже на Неве). Затем говорится о проверке (inspezione), а не постройке. Но Невский завод и Паша³ строили подводные лодки. Очень это все тяжело. Паше я пишу карточку. Извести, если что узнаешь в Неаполь.

Сегодня в Риме воскресенье и мне мало что удалось видеть. Даже форум закрыт после 1 часа. В воскресенье здесь не очень удобно. Завтра решил еще остаться, чтобы повидать музеи и в том числе минералогический. Послезавтра утром уезжаю в Неаполь, где буду таким образом во вторник, вместо понедельника.

Здесь очень жарко – но в общем хорошо. Рим как всегда, как это ни странно, не производит на меня того впечатления, как Флоренция своей целостностью эпохи Возрождения и Неаполь природой. Особенно дольше оставаться не хочется. Развалины в обстановке современного города тяжелы, а эпоха Возрождения в Папских дворцах тоже совсем не то, что в городской общине Флоренции. Но много, конечно, интересного.

Звонят к обеду – а хочу, чтобы ты получила скорее письмо. Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй бесценную деточку⁴.

Твой Владимир

Целую Нину⁵ большую крепко и Мур. – Володю⁶.

Если что с Пашей – не поехать ли тебе в Петербург?

Оп. 7. Д. 53. Л. 20–21.

¹ «Тribuna» – газета, выходившая в Риме.

² «Взрыв произошел в 2 пополудни на борту подводной лодки «Дракон», строящейся на арсенале на Неве. Во время испытания моторов взорвался двигатель внутреннего сгорания. Один инженер и двенадцать рабочих верфи получили ранения, один рабочий умер».

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Н.Е. Жедринская.

⁶ Мария (Мурочка) и Володя Жедринские.

№ 799

4/17 августа 1909 г., [Неаполь]¹

Вторник 4/17.VIII. 909

Дорогая моя. Сейчас еду в Неаполь. Здесь очень жарко (днем больше² 30°), но я чувствую себя хорошо.

От тебя не получил в Риме ни одного письма, хотя писал с дороги, чтобы ты написала сюда. Впрочем, мне не внушают доверия чиновники *poste restante*³.

Пишу несколько слов, чтобы успокоить тебя о Паше⁴. Сегодня в «N. Freie Presse»⁵ указано, что взрыв произошел в Казенной верфи и что строил подводную лодку завод Крейтона. О нем мне говорил раньше Паша, как подозрительном. Ему дают заказы, так как акционер кто-то из великих князей.

Целую всех

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky Beatenberg, Suisse⁶.

Оп. 7. Д. 53. Л. 3.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² В подлиннике «больше» обозначено знаком >.

³ До востребования (франц.).

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Очевидно, «Neue Freie Presse», газета, выходившая в Вене.

⁶ Адрес зачеркнут и вписан другой почтовыми работниками: «Neapel, poste restante».

№ 800

5/18 августа 1909 г., Неаполь

Неаполь, 5/18.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда и получил твои два письма и Гулины¹. Очень благодарю. В Риме, не имел от тебя известий, немало беспокоился, боясь, что Гуля пошел на доломиты.

Здесь поселился в хорошем отеле – «Continental» – на S. Lucia. Из комнаты вид на крепость S. Ovo² и на море. В отелях пусто, и я получил большую комнату для двух с чудным видом, в 3-м этаже (есть lift) за 4 fr. 50. За 3,50

можно иметь маленькую на двор. Хотя там тише, но мне кажется душнее, и я решаюсь платить 1 fr. в день лишней, если не будет очень уже шумно.

В Риме (где жара больше, чем в Неаполе) я прекрасно выдержал испытания жары. Вчера в газетах было перечисление городов, где было больше 30° – в том числе Рим – 32 (а Неаполь не был), а я и не чувствовал.

Все утро вчера до поезда бродил с книгой Гейссена³ в руках по Форуму. Масса **роится** мыслей и в этом движении мысли для меня весь смысл переживания и таких антикварно-художественных прогулок. Мысли бегут и их не поймаешь, а хотелось бы набросать то, что внезапно является и что так тесно связано со всем ранее продуманным и узанным.

В Неаполе сегодня буду в городе, может быть поеду в Помпеи. Но многое хочется для этого прочесть. Выясняется для меня кроме Везувия и моих vulcani fluoriferi – по крайней мере 3 поездки в окрестности Неаполя. Завтра с утра еду в Поццуоли, М. Нуово – Флегрейские поля. Надеюсь, закончить в один день. А затем у меня остается еще Камальдоли, где очень для меня интересны мало понятные reregino. Может быть сделаю поездку на о. Вулкано (в Липарских о-вах) или в Сицилии или на Искью. Еще не решил – но хочется, раз я опять попал сюда, попутно захватить все главные черты вулканической жизни.

Чувствую себя физически очень хорошо – загорел, совершенно не чувствую усталости (как-то «чувствую», что не устаю – странное чувство здоровья?), но рука все-таки дает себя знать. Не больно, а неудобно. Хочу все-таки выкупаться. Купальня против нашего отеля и уже с 5 часов утра там купаются...

Но какая-то внутренняя радость (творческая? – прочитав биографию Гёте – я думаю, это испытывали художники) идет внутри, и я ее чувствую, но не понимаю. Мне кажется бессознательно идет у меня какая-то переработка вопросов научной космогонии. Опять душа рвется к бесконечному. Все это очень тяжело, так как выражается насмешливым и в то же самое время нежным сознанием человеческой суетности и в такие моменты великие эпохи истории и вся судьба человечества кажется неосмысленной и муравьиной. Но выразить не могу, что хочу.

Нежно целую бесценную деточку⁴. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 53. Л. 14–15.

¹ Г.В. Вернадский.

² Точнее, Castel dell'Ovo (Кастель-дель-Ово) – средневековый замок (XII в., перестроен в XVII в.).

³ О какой книге идет речь установить не удалось.

⁴ Н.В. Вернадская.

10/23 августа 1909 г., Неаполь

Неаполь, 10/23.VIII. 909, понедельник

Дорогая моя Наталочка, сегодня ты должна уже быть в Полтаве. А я могу выехать отсюда послезавтра, но совершенно не знаю, удастся ли этим путем попасть на хороший пароход и может быть придется 1–2 дня обождать в Италии, и тогда я проеду куда-нибудь в более тихое место – в Сорренто, Кастелламаре¹ или Амальфи. В субботу идет в Грецию, кажется прекрасный пароход «Messagerien Maritimes» – прямо в Пирей (Афины) и тогда мне нет надобности ехать в Бриндизи. Сегодня пойду сейчас узнавать.

Сделал чрезвычайно интересную поездку в Ночере с Гальдиери. Я нашел здесь больше того, что ожидал и поэтому очень рад, что сюда заехал. В общем явление, которое наблюдал Скакки еще менее понятно: здешние ученые отбрасывают то объяснение, какое давал старик Скакки, но сами никакого дать не могут. Для истории фтора в земной коре эта поездка дала мне много нового: удивительно, как многое получаешь из поездки на место по сравнению с тем, что дают книги! Объяснить явление я не могу сейчас, но для меня вполне ясно **значение** этого явления в истории земной коры – но этой перспективы как раз у здешних ученых нет. Гальдиери – очень милый итальянский доктор, занявшийся геологией, женатый на австриячке. Я у них обедал в русско-простой обстановке. Скажи Дусе², что я в первый раз сделал экскурсию на осле, в примитивной двуколке. Осел не всегда хотел идти, куда мы хотели, но в конце концов с приключениями мы сладили с ним. Картинка жизни: по возвращении в небольшое имение Гальдиери (в Ночере же) перед обедом его жена обращается ко мне и говорит, что я ничего не буду иметь [против], если с нами будет обедать и кучер осла, так как надо приравниваться к обычаям страны. Демократизм итальянцев необыкновенно привлекателен.

Меня поражает чувствуемый всюду **рост** Италии, ее благосостояния и культуры. Это то, что я лет 20 назад так сильно чувствовал в Германии и чего теперь не чувствуешь в ней. Когда же наконец это будет в России!

Вчера сделал километров 25 в Везувии. Поднимался до самого кратера. По рекомендации Гальдиери меня встретил здешний лучший гид – Аложенео Соннино – очень симпатичный, огромный знаток местных минералов, хотя без всякого образования. Он как раз сопровождал всех исследователей Везувия за последние годы и потому прекрасно понимает, что меня интересует как минералога. Я видел с ним очень много. Везувий спокоен, но картина после большого извержения 1906 года изменилась до неузнаваемости. Со мной на Везувии был Блеклов, бежавший из России по делу крестьянского союза. Мы с ним встретились в Помпеях и много любопытного он мне рассказывал о здешнем житье-бытье русских. Между прочим, по-видимому, в связи с правительственной реакцией – идет опять усиление С.-Р.³, оправившихся, к удивлению, от азевовщины. Опять создается партийная пресса. Неужели опять новый период пароксизма смуты, а озлобление кругом всё более и более питается.

Чувствую себя хорошо, но с желудком опять неладно, так что я сегодня не решился купаться! Знаешь, здесь недалеко от Неаполя – в Casamicciolana

[о.] Искья самые знаменитые воды против ревматизма. Руке не лучше – болей нет, но она ослабела.

Нежно и горячо целую. На всякий случай напиши в Афины, так как в Патры может быть проеду из Афин.

Твой Владимир

P.S. Посылаю письмо, на твое имя, которое я распечатал, но, конечно, не читал – кажется К. Кавос. Завтра с Соннино иду вновь на Везувий, на Сомму.

Оп. 7. Д. 53. Л. 16–17.

---

¹ Точнее Кастелламаре-ди-Стабия, бальнеоклиматический курорт в Италии, недалеко от Неаполя.

² Н.В. Вернадская.

³ С.-Р. – социал-революционеры.

№ 802

12/25 августа 1909 г., Неаполь

Неаполь, 12/25.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, сегодня уезжаю из Неаполя в Сорренто или Кастелламаре – еще не решил. Вчера вечером вернулся из поездки на Монте Сомму, порядочно устал и набрал столько материала, что не успею уложить. Для того чтобы попасть на пароход в Грецию в Бриндизи надо было бы выехать сегодня утром. Да я не только не успел уложить свои камни, но и денег от Попова пока еще не получил. Вчера, впрочем, был на почте только утром; сегодня еще не был. Сообщение с Грецией здесь не особенно удачное: из Бриндизи «европейские» пароходы идут только в воскресенье, вторник и среду, как раз на Патры, куда мне хочется быть до Афин. Затем, кажется в субботу есть из Бриндизи греческий пароход. По словам «Бедекера»¹ большие греческие пароходы мало чем уступают «европейским». Если я им поеду, буду в Патрах в понедельник утром, а до Бриндизи – 12 часов ж.д.! Есть пароходы из Неаполя. В субботу идет превосходный французский, но буду в понедельник днем тогда в Пирее (Афины). При этом этот пароход очень дорог в 1-м классе – но, кажется, лучший. Я еще не решил поеду ли через Бриндизи в субботу или воскресенье или прямо из Неаполя. Отчасти зависит от моря. На днях здесь было бурное море и так это внезапно!

Мне хочется, кроме того, немного привести в порядок свои мысли и впечатления и потому я ничего не имею против прожить дня два в тиши. Боюсь не попасть бы на знакомых! В Капри, куда я хотел ехать, говорят, сотни русских. Русская эмигрантская колония на Капри до 300 человек! Там и знакомые Шрейдеры, Глеклов. Шрейдеру я писал, думая, что он в Неаполе, и получил телеграмму, приглашающую в Капри. В Сорренто, правда, Сперанский – но может быть и не встречусь. А Кастелламаре – слишком город.

Вчера всходил на Монте Сомму и сбоку видел Везувий. Он вчера курил. Скажи дорогой детусе², что я все время вспоминаю о ней и так жалел, что она со мной не слезила на Везувий и Монте Сомму – это было бы ей

так интересно! Вынес из Везувия и Ночеры очень много и хочется кое-что зафиксировать. Но поездка моя очень дорога: стал старше и более избалован. Никак не сведу ее дешевле 10 рублей в день с железными дорогами, гидами, экипажами! А прежде 7 рублей – хорошо ездил!

Немного устал – думаю, что не совсем оправился с желудком, и очень утомительная вчера была Монте Сомма. Больше 25 километров пешком по солнцу и среди бездороги.

Здесь совсем не так жарко, и я решил не менять костюма. Лишь его подновить. Теперь заканчиваю совсем свои минералогические поездки. Греция и Балканский полуостров уже ничего в этом смысле не дадут, если только не проеду в Лаврион, куда имею рекомендации.

Как-то ты, моя дорогая Туська! Что твоя фотография? Знаешь особенно вчера я страшно жалел, что не было фотографии – удивительно красив и интересен был Везувий.

Нежно целую тебя, Дусю. Поцелуй всех.

Твой Владимир

P.S. Посылаю пересланные письма – одно мое. Раньше послал тебе письмо К. Кавос.

Оп. 7. Д. 53. Л. 18–19.

---

¹ Имеется в виду путеводитель, издаваемый немецкой фирмой, основанной К. Бедкером в 1827 г.

² Н.В. Вернадская.

№ 803

19/31 августа 1909 г., Афины

Афины 19.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, от тебя до сих пор нет известий и из Патры мне ничего не пересылают. Последнее письмо я получил от 10-го в Неаполе и с тех пор нет никаких известий! Или почта идет плохо или здешняя *pronunciamento*¹ влияет!

Ты знаешь, я долго не мог разобраться, что здесь произошло, так как *coup d'état*² случился в пятницу, а я приехал в понедельник. В греческих газетах, которые я читаю с большим трудом, всюду говорилось о мнении европейской прессы о «действии» [...] – но в чем заключалось это действие, кроме смены министерства, решительно было не видно. И я с большим трудом ориентировался. В жизни города ни в чем не выражается насильственная смена министерства – всё идет своим, обычным чередом, без всяких видимых столкновений – театры, музыка, в гостиницах нигде не слышно ни волнений, ни речи о происшедшем – но среди греков, конечно. Но ведь это все продолжение дальнейшего младотурок: армия выступила и здесь, как сила, аналогично тому, что делалось в XVIII веке в «граде Петра»! Право, круг смыкается. Но здесь армия выступила с требованием реформ, увеличивающих ее силу. Любопытно движение против великих князей. В общем, однако, все кончилось внешне корректно – до созыва палаты.

Я уезжаю сейчас в Олимпию, вернусь в пятницу и в понедельник утром буду в Константинополе. Я взял уже и билет на австрийский большой пароход. В следующий понедельник или воскресенье буду в Одессе. Знаешь, я сделал глупость, поручил Попову послать деньги сюда, а между тем, по-видимому, письма идут ужасно медленно. Я их ждать не буду, и если в субботу я их не получу, то уеду в Константинополь. Надеюсь, что мне денег хватит. Если не хватит, буду тебе телеграфировать, чтобы выслала 50 рублей в Одессу.

В общем, Афины мало интересны. К сожалению, в университете не застал Митцопулоса – он в Европе – и кабинет заперт, так что видеть его не пришлось. Вследствие этого не имею понятия о том, что в нем заключается. Внешне университет весь из белого мрамора, одно из лучших зданий города.

Нежно целую. Поцелуй деточку⁴. Утешаю себя тем, что если бы что было неладно, ты бы телеграфировала, и я имел бы на poste restante⁵ телеграмму.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 53. Л. 23–24.

---

¹ В Испании, в странах Латинской Америки – государственный, военный переворот (исп.).

² Государственный переворот (франц.).

³ Слово написано по гречески, неразборчиво.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ До востребования (франц.).

№ 804

22 августа/3 сентября 1909 г., Афины

Афины, 22.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером вернулся из Олимпии и нашел твою карточку, пересланную из Патры, от 13.VIII. Сегодня здесь застал наконец твои три письма – последнее от 14.VIII. Очень рад был иметь известия о вас, а то я уже начал порядком беспокоиться. Сегодня уезжаю в Константинополь, и моя экскурсия по Греции сильно сокращается. Но дело в том, что если я не поеду сегодня, то из Афин выбраться очень трудно: следующие пароходы идут так, что я попадаю в Константинополь за день до отхода парохода в Россию! Хочу выехать из Константинополя в субботу утром 29-го, 30 днем приеду в Одессу, 31-го выеду из Одессы и 2-го утром в Москве! Уже хочется быть при деле и вместе. Напиши открытку в Одессу. От Попова деньги запоздали¹, но мне хватит. Оказывается не так-то легко совместить с пароходами быструю поездку по Греции. Только по субботам есть прямой пароход в Константинополь – остальные заезжают в Смирну и пр. Пароход до сих пор не пришел и боюсь еще, получу ли место, хотя (за) билет заплатил.

Нежно и горячо целую и драгоценную деточку². Поцелуй всех. Следующее письмо пишу в Москву. Очень уже хочу быть в Москве с вами.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**. С просьбой передать Н.Е. **Вернадской**, Келлиновский пр. (Институтская ул.), д. Янович, **Полтава**, Poltava, Russia.

Оп. 7. Д. 53. Л. 1.

¹ Александр Иванович Попов – управляющий в имении В.И. Вернадского «Вернадовка» Моршанского уезда Тамбовской губернии.

² Н.В. Вернадская.

№ 805

23 августа/4 сентября 1909 г., пароход «Baron Веса»

Пароход «Baron Веса», 23.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, снова на пароходе – из Афин в Константинополь. Превосходный, роскошный, огромный пароход австрийского «Ллойда», перед которым кажется грязным и маленьким тот «Niger» французского «Messagerien Maritimes», на котором я ехал из Неаполя. И относительно дешевле. Пароход итальянский, а не немецкий, но публика большей частью немцы.

Из Афин и Греции, где пробыл недолго, выношу довольно много. В общем, немного жаль, что не видел Милета и Крита, но этого совместить было нельзя: и так очень трудно, оказывается, распределить быстро время в стране, лишенной удобного железнодорожного сообщения. Пароходы идут медленнее, заходят в порты, идут не ежедневно. С другой стороны, Греция теперь находится в волнении, и хотя все, с кем я ни заговаривал, отрицают революцию, но несомненно военное пронунциаменто взбудоражило страну. Странное военное пронунциаменто армии: она выставила требование реформ в смысле приведения ее в боевое состояние (чтобы не переживать вновь те унижения, какие пережила Греция в недавнем столкновении): создание генерального штаба, военной школы, реорганизация армии – признание иностранных офицеров, удаление от командирования великих князей, постройка флота и продажа негодных кораблей и лишних королевских яхт! Какая странная – но понятная – программа. И проведя несколько в стране, чувствуешь всю силу бывшего, лежащего и давящего на греков и всё бессилие и отсутствие будущего в настоящем! Небольшой народ – остаток великого прошлого! Ни Византии, ни Малой Азии им не видать – уже потому, что их мало – а между тем без этого едва ли у них есть государственное будущее...

Станным образом, я вынес много из Греции в той области, в какой не ждал – Афины и Олимпия – дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения – в скульптуре и архитектуре стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений. Нужно было пройти 50–60 годам и от этих первых грубых, но глубоко сильных исканий, и греки поднялись до того совершенства, какого только достигало человеческое творчество. Станным образом при осмотре музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах передо мной стали, как живые, далекие впечатления виденного в том же направлении раньше, и я от скульптуры переходил к об-

щим мыслям о законах человеческого творчества. В общем они всюду одни же – в религии, науке, искусстве.

Быстрое достижение **предела**, а затем такая же возможность быстрого **упадка**. Неужели это неизбежно? Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение всё нового интереса, бросание старых путей, искание новых? Есть ли упадок результат причин психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?

Посещение развалин – для меня тяжело и видеть меланхолическую красоту разрушения – в конце концов давит и тяготит. Я исключаю Парфенон, всё еще сохранивший много красивого – но было бы лучше его восстановить, по крайней мере в его внешней форме. Между тем посещение Греции в значительной степени сводится к посещению развалин ...

Меня уже тянет в Москву, как всегда бывает в конце поездки. Не знаю окончательно, как выберусь из Константинополя. Отчасти зависит от того, как справлюсь с деньгами. Или Константинополь – Одесса, что, вероятно, дешевле, или Константинополь – София – Бухарест – Констанца – Одесса. Из Константинополя удобнее всего выехать в субботу, но тогда придется ночевать в Одессе, так как удобный поезд идет вечером, а я хочу видеть город и посетить университет. Во всяком случае надеюсь 1–3 сентября быть в Москве.

Пароходом ехать очень удобно, но ты ничего не видишь страны. А между тем поездка по железной дороге дает много. И я совсем не жалею поездку (12 часов) по железной дороге в Олимпию, она мне показала совсем другую Грецию, чем пустыни с красивыми красками и контурами около Афин и южных берегов Пелопоннеса, которые я видел с парохода. Здесь по северному побережью Пелопоннеса и несколько глубже в прибрежные области я очутился в саду – виноградников, лесов маслины, дубов, оригинальной светло-зеленой южной сосны. Всюду собирали и сушили изюм – и сейчас же заколачивали его в ящики и накладывали на суда в Патрах и мелких портах, которые проезжал. Ничего подобного не дает пароход – кроме красоты моря. Поэтому мне очень бы хотелось проехать часть Болгарии и Румынии. Может быть сделаю только Софию–Варну и из Варны проеду в Одессу.

Только что прочел очень интересную книжку Гурлитта о Константинополе¹ и читаю это время много. Обратный путь из Олимпии в Афины, где я ехал целый день по знакомой дороге, дал мне очень много. И странную смесь составляли идеи и мысли, возбуждаемые чтением и впечатлениями оригинального нового. Удивительны здесь краски заката и захода солнца – странная растительность, контуры ландшафтов. В первый раз видел удивительно красивое фиолетовое море и ярко-синие светлые дали.

Но странным образом и чтение все более и более отвлекает к тем же вопросам упадка и роста человеческого сознания. Ведь если **упадок** есть неизбежное следствие достижения наибольшего совершенства, то всё человеческое мирозерцание должно строиться на сознании имени или возможности имени абсолютного. Таково мирозерцание верующих людей, какой бы религии они ни принадлежали. А между тем **всё** в душе моей противоречит такому сознанию.

Меня интересует чувствовать будущие шаги человеческой мысли и человеческого сознания в предположении их неуклонного роста. И я стараюсь

фантазией и мыслью почувствовать это будущее в проблесках нового, что теперь является в науке. И в этот день по дороге из Олимпии прочел бездарную книгу Фурманна об энзимах бактерий² – этих созданий не то живого, не то мертвого вещества, химических процессов, в которых материальная причина не соизмерима с эффектом и речь Батесана³ о новых задачах генетики. Здесь начинают придавать математический облик женскому началу – femelity – тому вечно женственному, которое проникает всю поэзию всех времен и народов!

В науке я всюду вижу зарождение этих новых ростков. И мы, уже немолодые ее деятели, должны идти им навстречу, стараться ввести их в наше мировоззрение – только в этом и есть возможность обеспечить возможно долгий неуклонный прогресс человеческого знания.

Наконец, достигли Северного Полюса!⁴ Сказала ты Нинусе? И американец – Немо, почти предсказал Жюль Верн. Знаю из бестолковых отрывков греческих газет и с нетерпением жду газет более человеческих в Константинополе.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй детей. До скорого свидания.

Твой Владимир

P.S. Скажи по телефону кому-нибудь в кабинет, что надо объявить, что в четверг, 3.IX., я начну чтение лекций по минералогии и в субботу, 5.IX., по кристаллографии. Кажется это мои дни. Напомни им при этом, что согласно постановлению факультета, все такие объявления должны идти через Лейста⁵. Пускай пошлют написанные объявления Лейсту и одновременно можно вывесить у нас в кабинете.

Накладной на вещи не получал.

Оп. 7. Д. 53. Л. 25–28.

---

¹ Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду книгу: *Gurlitt Cornelius. Antike Denkmalsäulen in Konstantinopel. München: Georg D.W. Callway, [1910].*

² О какой книге или статье идет речь, установить не удалось.

³ Правильнее, Бейтсон (Bateson); возможно, В.И. Вернадский имел в виду статью W. Bateson – «The progress of genetics since the rediscovery of Mendel's papers» (Jena, 1906).

⁴ Американский полярный путешественник Роберт Эдвин Пири 6 апреля 1909 г. на собачьих упряжках достиг Северного полюса.

⁵ Эрнест Егорович Лейст в это время секретарь физико-математического факультета Московского университета.

№ 806

26 августа/7 сентября 1909 г., Константинополь

Константинополь, 26.VIII. 909

Дорогая моя Наталочка, сегодня уезжаю в Софию. Несколько сбился с поездами, так что в Бухаресте не придется остановиться: надо было выехать отсюда вчера – тем более, что сегодня весь день почти потерял – был дождь и т.д. В Москву приеду 2-го сентября, так что больше писать не буду, разве можно написать из Софии. Удивительное сообщение с Румынией – только на

Кишинев и Одессу. Чтобы попасть в Москву мне выгодно доехать до Одессы и ждать 12 часов! Беру там курьерский поезд на Киев.

Уже очень хочется в Москву, хотя Болгария меня страшно интересует. Вчера узнал здесь от академика Успенского, что Златарский, профессор в Софии, мой старый знакомый, неделю назад умер. Как всё быстро делается.

Нежно и горячо тебя целую и обоих детей¹ тоже. Сегодня пытался купить всяких «подарков» – страшно это трудно и весьма кажется неудачно. Или плохо, или, что нравится, недоступно по цене.

Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**, Moscow, Russia.

Оп. 7. Д. 53. Л. 29.

---

¹ Н.В. и Г.В. Вернадские.

№ 807

17 октября 1909 г., [С.-Петербург]¹

17.X. 909

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов. Обдумав всё, я решил остаться до вторника: выборы в аграрную комиссию в Государственном совете: один голос там не безразличен. Чувствую себя недурно – хотя еще не вполне хорошо.

Был у сестер²: очень тяжело. У Оли должно быть тиф, но врачи до сих пор не пришли к соглашению; температура уже несколько дней – при аспирине – больше 40°. Нюту³ доктора высылают из С.-Петербурга – я думаю, она недели на две может приехать в Москву. Оля очень плоха и сильно изменилась.

Я просил Мануйлова тебе протелефонировать, чтобы ты известила в кабинете: 1) что в понедельник я не буду читать лекции, 2) сказать Твалчрелидзе, что я не буду вечером в понедельник заниматься. О том же надо предупредить Ревуцкую, 3) известить Карандеева или Ферсмана, что во вторник не может состояться наше заседание. О том же надо известить Вульфа и Самойлова. В Академии еще не видел никого кроме Крыжановского и Ненадкевича. Гревсов не видел.

Нежно и горячо целую тебя и Ниночку⁴ драгоценную.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 53. Л. 30.

---

¹ Место написания установлено по содержанию открытки: заседания Государственного совета проходили в Петербурге.

² Ольга Ивановна Алексеева и Екатерина Ивановна Короленко.

³ Анна Сергеевна Короленко.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 808

3 ноября 1909 г. , Москва

Москва, 3.XI. 909

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов, у меня нет открытки и пишу письмо. У нас всё благополучно – сейчас пообедал и иду в лабораторию – теперь 5 1/2 часов. Был Гуля¹ и пошел на английский урок, вечером зайдет Нина² и ее мать³. Я вернусь к 9 часам. Ниночка⁴ весела и здорова, она была у брата в гостях. Ее вызывали по арифметике – она знала. Сейчас готовит уроки и ест тянучки.

Был у Шерер-Набгольца и передал негативы: он сказал о негативе Самойлова, что он прекрасен; твой с конкрециями меди – недурен. С Гаврилой⁵ – ему не очень понравился.

Вульф звонил и сказал, что он был у Н.Н. Локова и на него и его жену копии его произвели сильное впечатление недюженного. От Цейсса выписываем фотографический стол.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй сестер⁶.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 53. Л. 2.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская (Ильинская).

³ София Александровна Ильинская.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Гаврила Павлович Щедров.

⁶ О.И. Алексеева и Е.И. Короленко; Н.Е. Вернадская ездила в С.-Петербург навестить сестру Владимира Ивановича О.И. Алексееву, заболевшую паратифом (см.: Ф. 518. Оп. 2. Д. 38. Л. 92).

№ 809

3/16 января 1910 г., Париж

Париж, 3/16.1. 910

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал в Париж, где получил твое письмо из Полтавы.

Вечером вчера был у Гольштейнов – они всё такие же. Александра Васильевна даже не постарела, Владимир Августович поглощен работой для своих внуков. У них обоих есть конкретная цель в жизни, и они может быть во внуках найдут, чего не нашли в детях. Внуки милые – французы. Лоло уже совсем не bébé¹!

Остановился в гостинице «Quai Voltaire», рекомендованной Пав. Ив.² Как у них?³

Сегодня утром был в институте Кюри. Ее я не застал. По словам Лакруа, сейчас решается ее дело в Академии, и она, сколько мог понять, должна теперь делать визиты к академикам и т.д.

Но в институте застал ее помощника профессора Дебьерна, который мне всё показал. Это живое учреждение, ютящееся в небольших ничтожных ком-

натках; работает 19 человек, большей частью иностранцев. Я познакомился с некоторыми из них. В общем то, что мне нужно, видел.

Как-то всегда странно, из чтения не получаешь чего надо и в то же время схватываешь быстро, что нужно и как-то странно из-за этого приезжать. А между тем, эти неуловимые и неизъяснимые впечатления делают всё. Между прочим, помимо всяких моих указаний, и Дебьерн высказывается, что добыча сейчас значительных количеств радия *la chose la plus importante*⁴ для дальнейшей работы.

Завтра буду утром у Лакруа – у него и завтракать. С ним переговорю об исследовании радиоактивных минералов. К сожалению, другой француз, с которым я хотел об этом побеседовать, Де Лонэ лежит больной.

Париж всегда так тесно связан с столь многим в моей молодости. Я так много здесь передумал и потому я всегда возвращаюсь к нему с удовольствием. И странно, как-то жаль, что время движется – а между тем ведь вся красота Парижа в этих сохранившихся наслоениях огромной былой культурной и сознательной жизни. Странно, отчего жаль прошлого – когда в сущности всё миг один!

Сейчас иду на почту – затем хочу заехать к Агафонову и обедать к Гольштейнам.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй деточку⁵ нашу бесценную. Что Гуля?⁶

Твой Владимир

P.S. Надо будет еще заплатить подати. Странно, что из банка ничего нет. В Берлине писал Нинуле.

Оп. 7. Д. 54. Л. 1–2.

¹ Младенец (фр.).

² Павел Иванович Новгородцев.

³ В письме от 2 января 1910 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Получила прилагаемое письмо от Павла Ивановича. Слава Богу, уже все благополучно кончилось. Лидия Антоновна хотела страстно сына, но уверена, что и девочке она также рада!» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 274. Л. 89об.).

⁴ Самый важный факт (фр.).

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 810

5/18 января 1910 г., Париж

Париж, 5/18.1. 910

Дорогая моя Наталочка, не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем, я писал из Москвы, два письма из С-Петербурга и теперь пишу второе из Парижа. Нинуле¹ писал из Берлина.

От Нинули получаю письма каждый день: она меня трогает своей глубокой нежностью. Иногда кажется, что будущее ее может быть тяжелое, вследствие ее полного любви и нежности сердца, но затем мысль быстро ставит эти чувства в рамки. Не счастье может быть целью жизни, а полная жизнь и ей благодаря глубине ее сердца откроется жизнь может быть полнее, глубже и сильнее, чем другим.

Но Нинуля требует писем, а не открыток, и потому я не могу ей всякий раз отвечать. Пишу ей сегодня.

Уезжаю завтра. Сегодня утром пойду брать билеты, затем в библиотеку Jardin de Plantes для корректуры, затем еще раз заеду в институт м-ме Кюри и к Урбену. Хочу переговорить с Кюри о работе Касперовича или Ненадкевича, которых хочу прислать к ней на 1–2 месяца. Может быть следовало бы кого-нибудь из них прислать в Англию, но надо раньше самому туда съездить. Молодой французский химик Urbain работает как раз над **индием** и мне кажется мы столкнулись! Я вчера у него был, его не застал. После обеда иду с Александрой Васильевной² в Лувр, а вечером у меня будет Агафонов. Знаешь с минералого-кристаллографической точки зрения мы несравненно впереди. И по характеру работы и по методам и по количеству работающих – никакого сравнения. В своеобразной научной работе французской мне кажется они берут лишь большей вековой талантливостью, своеобразной традицией, создавшей им положение в мировом научном мире. Вчера завтракал у Лакруа. Он ярко и глубоко чувствует положение минералогии во Франции, но сделать ему трудно. Недостаток средств и людей теперь чувствуется здесь очень сильно. Лакруа очень сочувственно отнесся к моей идее о международной радиоактивной съемке земной коры. Станным образом, минералоги здесь стоят совсем в стороне от этой работы.

Успеваю очень мало сделать и всё еще мало видел...

В Мюнхене проведу целый день и 8-го утром буду в Вене.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю. Гулечке³ на днях напишу. Его письмо получил.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 54. Л. 3–4.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.В. Гольштейн.

³ Г.В. Вернадский.

№ 811

2 октября 1910 г., Москва

Москва, 2.X. 910 вечер

Дорогая Наталочка моя, пишу несколько слов, чтобы письмо пошло сегодня.

У нас всё благополучно. Нинуся¹ была в гимназии, весела – был Сережа² – он же привел ее из гимназии. Легла она в 8 1/2 часов и сейчас спит.

Погода хорошая, и я ее послал.

Из деревни от Грибакова письмо, которое посылаю. Пришли деревья (накладная сюда, из Вернадовки) – выслал. Нина в восторге – Варичка³ хочет рисовать.

Был у Миссуны – ей лучше. Мне не везет с занятиями, начал сегодня с Линденером и в самый интересный момент бомба с кислородом заупрямилась, ключа не нашел, а французским открыть побоялся. Работать не пришлось.

Вернулся рано и сидел у Нинуси – зачитался гершензоновым Печериным⁴. Действительно по человечески страшно интересно.

Нюта⁵ была у Перовской, вернулась – собирались пить чай, а я хотел написать письмо это и отправить его как вдруг звонок – Соня Бакунина. И я теперь с двумя прелестными племянницами. Всё иде той минае – старость в разных формах и образах.

Нежно целую Марию Ивановну⁶, Нину⁷, Маку⁸, Георгия⁹ и Геленину. Целую тебя.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 54. Л. 9–10.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Возможно, С.С. Ольденбург.

³ Очевидно, Варвара Дмитриевна Бекарюкова (см.: Д. 518. Оп. 7. Д. 83).

⁴ Гершензон М.О. Жизнь В.С. Печерина. М.: Скл.-изд. в конторе журн. «Крит. обозрение», 1910.

⁵ Анна Сергеевна Короленко, дочь сестры В.И. Вернадского, после смерти матери Екатерины Ивановны Короленко жила в семье Вернадских.

⁶ Старицкая.

⁷ Нина Егоровна Жедринская.

⁸ Мария Егоровна Старицкая.

⁹ Георгий Егорович Старицкий.

№ 812

4 октября 1910 г., Москва

Москва, 4.Х. 910

Дорогая Наталочка моя, у нас все благополучно. Нинуся¹ только что пошла в гимназию. Вчера были у нас Варя², Соня³, Гензель, Сережа⁴. Они отчаянно и весело играли и были оживлены. Нина была с Варей на уроке рисования и довольна. Хочет идти и завтра – праздник.

В четверг у меня будет заседание об университетском вопросе–профессора. У Мануйлова больны дети – инфлюенца.

Гуля⁵ вчера был, он работает и вообще всё хорошо. Занимается гимнастикой.

Нюта⁶ вчера ходила за Ниночкой к Мартынову. Ей там очень понравилось.

Ферсману лучше. Эти дни у меня будут занятия, сегодня банкет 10-летие Высших женских курсов⁷ – но я думаю, не пойду. Работа моя идет недурно.

От Грибакова новое письмо. Очень там все не ладится. Надо подумать, как быть.

Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй Марию Ивановну⁸, Нину⁹, Маку¹⁰ и детенышей¹¹. Сейчас иду на лекцию – хочу скорее бросить письмо.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 54. Л. 11.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² В.Д. Бекарюкова.

³ Возможно, Соня Кожевникова.

⁴ С.С. Ольденбург.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ См. коммент. 3 к письму 791.

⁸ Старицкая.

⁹ Н.Е. Жедринская.

¹⁰ М.Е.Старицкая.

¹¹ Очевидно, имеются в виду дети Н.Е. Жедринской.

№ 813

11 октября 1910 г., Моршанск

Моршанск, 11.X. 910

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал – попал почти к началу собрания¹, доехал благополучно. Собрание интересное. Вечером в докладной комиссии являюсь докладчиком по народному образованию и сегодня борьба будет, так как комиссия предлагает отказать епархиальному ведомству в расширении значения его школ в сети. Вырабатывается новая организация школьного дела. Перед нашим приездом (я ехал с Грузиновым – он сейчас **либерал**) в собрании был инцидент: один из гласных (Хрущов) предложил почтить вставанием память Муромцева. Один из гласных (Мансуров!) протестовал, но большинство собрания встало².

Во вторник или среду утром думаю ехать в Вернадовку. Собрание может быть затянется, так как выборы управы – они отложены на конец. Мне хотелось бы раза два проехать в деревню. Поэтому может быть я и не приеду в пятницу.

Надеюсь от тебя скоро получить какие-нибудь известия.

Любопытно, как несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом. Я помню, как еще недавно 80–90 школ в Моршанском уезде казались чем-то большим, сейчас их 120 и будет скоро больше 300!

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю³, Нюту⁴. Что Гуличка?⁵ Пиши. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 54. Л. 12.

---

¹ Моршанское уездное земское собрание, на котором В.И. Вернадский вновь был избран уездным гласным (Ф. 518. Оп. 2. Д. 64, л. 40).

² Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) – кадет, председатель I Государственной думы, видный общественный и политический деятель, политические взгляды которого разделялись не всеми, отсюда инцидент.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Г.В. Вернадский.

12 октября 1910 г., Моршанск

Моршанск, 12.X.910, 7 вечера

Дорогая моя Наталочка, только что вернулся из Вернадовки, пообедаю и иду в комиссию. Я обещал быть и сегодня любопытный доклад – об организации на новых началах агрономической помощи населению. В губернские гласные я не пошел, но должно быть прошел бы очень хорошо – настроение собрания очень хорошее. На мое место выбрали Долгорукого (из Земятчено). Уверяет его двоюродный брат, что Долгорукий прогрессист, близок к мирному обновлению. Его папаша близок к черной сотне или что-то вроде, любопытна эволюция молодых. Вчера в комиссии была очень любопытная попытка организации кустарей-сапожников – были и сапожники. Как всегда в уездном собрании чувствую конкретную пользу своего присутствия.

Буду в субботу, так как пятницу пробуду в деревне. Там лучше, чем я ожидал. Два лагеря Максим¹–Анна²–С³... а с другой стороны В.З.⁴ С сегодняшнего дня выдает Анна. Обе стороны инспектируют друг на друга. Картофель приходится продать по 8 коп. (он плох! и его не сохранили). Постройка не кончена и тут вина М.⁵ На зиму кажется нужен человек. Встретил на станции Зиновия⁶. Он хотел бы. Я думаю, полезно было бы? Масла топленого много. Скажи Нинусе⁷ – Араса⁸ не видел – они в поле. Но лошадки великолепны. Много ягнят и поросят. Скажи в университете, что в субботу читать не буду.

Нежно и горячо целую Нинулю, Ньюту⁹, тебя. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 54. Л. 13.

¹ Максим, крестьянин из Вернадовки.

² Анна, крестьянка из Вернадовки.

³ Имя написано неразборчиво.

⁴ Василий Захарович (в письме к отцу Н.В. Вернадская писала: «Как поживают: Анна, Митрофан, Вас. Зах. и т.д.» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 283, л. 62об.).

⁵ Очевидно, Максим.

⁶ Зиновий, крестьянин из Вернадовки.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ У В.И. Вернадского клички лошадей написаны сокращенно. В письме к отцу Н.В. Вернадская писала: «Поцелуй Криксу и Алкидика» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 283. Л. 63 об.)

⁹ А.С. Короленко.

25 декабря 1910 г., Москва

Москва, 25.XII.910

Дорогая моя Наталочка, вчера были на слан¹ у Любошинских. Всё было хорошо. Вечером был у Новгородцева. Видел Бобика и Ирочку². Ирочке ты привези подарки.

Потерял твою запись праздниковых – не понимаю где! Мне кажется П.К.³ и У.И.⁴ ожидали по 5 руб. – я им дал по 3.

Сегодня у меня обед – Пилип.⁵, Попов, Самойлов! Ученики – профессора – чувствую себя уже совсем перевалившим на другую сторону.

Заканчиваю всякие дела и очень надеюсь завтра выехать. Посылаю 2 брошюры об исследовании радиоактивных минералов – одна, для Паши⁶. В-ричке⁷ много лучше (говорили по телефону из больницы); сегодня она спала 10 часов. Вчера бегал по 8 магазинам, чтобы найти Вудстак⁸. Ю.Г.⁹ не нашла и действительно нигде не было; едва нашел в какой-то лавочке. Сегодня Нюта отнесет эту книгу и подарки с елки, которые прислала Аня¹⁰. Она отнесет их на квартиру.

Посылаю два письма, тобою полученные, из Мюнхена и Финляндии. Бросаю их одновременно с этим. Эти два дня как-то совершенно затуркан окончанием переписки и всяких записей. Но чувствую, что сколько бы ни остался, все равно появлялось бы новое и новое. А потому решил ехать, хотя бы не успел все пересмотреть. Остановлюсь в Петербурге у Петрункевичей. От Ив.Ил.¹¹ получил очень милую карточку. Нюта¹² предупредила Олю¹³ о нашем приезде.

Не забыла ли ты просьбу Лидии Карловны¹⁴? Письмо лежит здесь, и я тебе его на всякий случай посылаю.

Нюта чувствует себя хорошо.

Нежно и горячо целую тебя и дорогую, к сожалению, большую, деточку¹⁵. Целую всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 54. Л. 15–16.

¹ Клан (фр.).

² Дети П.И. Новгородцева.

³ Прасковья Кирилловна Казакова.

⁴ Ульяна Ивановна, прислуга в доме Вернадских.

⁵ Очевидно, Павел Прокофьевич Пилипенко.

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ В.Д. Бекарюкова, у которой была саркома.

⁸ Вудсток, видимо, фамилия.

⁹ Возможно, Юлия Григорьевна Топоркова.

¹⁰ А.Е. Любощинская.

¹¹ Иван Ильич Петрункевич.

¹² А.С. Короленко.

¹³ О.И. Алексеева.

¹⁴ Возможно, Вульферт.

¹⁵ Н.В. Вернадская.

№ 816

28 декабря 1910 г., С.-Петербург

№ 2¹

СПб., 28.XII.910

Дорогая моя Наталочка, от тебя здесь нет известий. Приехал вчера и видел только Лелю², Сергея³ и Федора⁴, Петрункевичей. Остановился у них.

Леля очень плохо выглядит. Ее бесконечно мне жаль. Говорят, Борис⁵ здесь и у нее не был, и она уже много недель не имеет о нем известий... Кир⁶ считает Бориса негодяем и по-видимому, этот совершенно дикий поступок

Бориса связан с перепиской Кира и Бориса. И Леля и Кир боятся всего самого ужасного – скамьи подсудимых для Бориса – они боятся, что он даст этой даме вексель – не от себя. В одном из писем Бориса к Оле есть указания, что он «должник» этой даме. Я не знаю, не решу ли я попытаться что-нибудь узнать, так как сведения, что Борис здесь: 1) Кир его видел, 2) швейцар дома заявил об этом одному из Олиных знакомых, который по просьбе Оли справлялся об адресе Бориса. Оля, не получая долго писем, волновалась, а из телефона этой дамы отвечали, что не знают адреса Бориса. Затем, за шубой Бориса, будто бы для отсылки в Париж, присылали в середине декабря. Трудно представить себе состояние Оли. Она говорит, что больше всего боится встречи Кира с Борисом. Кир настаивает, чтобы Оля не звонила Борису, так как он думает, что в ответ будет ультиматум: Борис приедет, но не один, а с дамой. Но я не понимаю смысла такого поступка, без всякого письменного извещения и предварительных переговоров. Всё это ужасно...

Гревсов не видел. Катя с Иваном⁷ в Финляндии. Говорят, у Кати был уже сахар раньше (в Париже) и прошел. Но она не хочет лечиться. С Машей⁸ теперь Лиза Гревс и Ольденбурги. Сергей болен, но сейчас ничего. Видел у него Костю Старын⁹. – необычайно худого – но Федор говорит, что молодежь Старынкевичей¹⁰ и их компания производят самое хорошее впечатление.

Вчера весь вечер провел у Петрункевичей. У Оли сидела miss Anna¹¹, мешала нашему разговору, и я не смог ее пересидеть! Иван Ильич¹² был несколько нездоров, но сейчас лучше. Весь вечер спорил с Ан. Серг.¹³, как с ней часто [бывает], спор был неясный. Читал им свою речь, она им понравилась¹⁴.

15 января она уже выйдет из печати¹⁵. По-видимому, в заседание Академии придет много народу. Но я теперь вожусь с дальнейшим шагом и сговорился что поднимаю тот же вопрос на ассоциации Академий и через Петербургскую академию переносу составление минералогической радиоактивной карты земной коры на международную почву. Переговорю в Париже с Кюри, Де Лоне и Лакруа – в Вене с Зюссом и Бервертом и Дельтером и, если почва окажется хорошей, из Вены же пришлю записку. Здесь ее переведут по-французски.

Хочу остановиться в Берлине, так как надо узнать об условиях приобретения там коллекции Янсона.

Я полон мыслей и планов. Для меня совершенно выясняется организация систематической спектроскопии минералов комбинацией 4-х спектроскопов, и эту работу организую через Леденцовское общество.

Вчера весь день сидел в музее и сегодня тоже. Сколько интересного кругом! Забыл написать тебе, что Аршинов прислал тебе 20 руб. на settlement¹⁶. Через Ньюту¹⁷ передал Гр.Гр.¹⁸ Леля очень расспрашивала о Гр. Гр., который между прочим долго сидел у нас в день отъезда. Подозревают роман?

Нежно и горячо целую тебя и дорогую Нинулю¹⁹. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 54. Л. 17–18.

¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.

² О.И. Алексеева.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Ф.Ф. Ольденбург.

⁵ Борис Кирович Алексеев.

⁶ Кир Алексеевич Алексеев.

⁷ Екатерина Ивановна и Иван Михайлович Гревсы.

⁸ Мария Сергеевна Гревс.

⁹ Константин Дмитриевич Старынкевич.

¹⁰ Имеются в виду дети старинного друга В.И. Вернадского и С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов Дмитрия Сократовича Старынкевича и его жены Елены Константиновны: кроме упомянутого Кости, были Ада, Дебора, Иоанна, Ирина, Сократ.

¹¹ Фамилию установить не удалось.

¹² Петрункевич.

¹³ Анастасия Сергеевна Петрункевич.

¹⁴ Имеется в виду доклад В.И. Вернадского «Задачи дня в области радия» на годовом заседании Академии наук в Петербурге 29 декабря 1910 г.

¹⁵ Задачи дня в области радия – Известия императорской АН (ИИАН). 6-я сер 1911. Т. 5, № 1.

¹⁶ Расчет (англ.).

¹⁷ А.С. Короленко.

¹⁸ Фамилию установить не удалось. В письмах иначе как Гр.Гр. его не называли. Это жена А.С. Короленко. В мае 1911 г. она дала согласие на венчание, о чем в письме сообщила В.И. Вернадскому, но свадьба не состоялась. См. письмо 841 и коммент. 3 к нему. В письме от 24 октября 1911 г. А.С. Короленко писала В.И. Вернадскому: «От Гр.Гр. получила письмо, он собирался в Петербург на учительские курсы и съезд о малолетних преступниках» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 821. Л. 11).

¹⁹ Н.В. Вернадская.

№ 817

20 января 1911 г., Москва

Москва, 20.1.1911

Дорогая моя Наталочка, Ниноля¹ уехала с Галей² в Петровское. Она весела и мила. Все хорошо у нас. Сейчас иду бросать бюллетень за Тесленко³. Всё утро просидел интервьюер о радии! Известие о моей поездке проникло в печать и ко мне поступает ряд просьб взять с собой на экскурсию и т.д. Любопытно, всё-таки, публику интересуется. Вчера мы выработали план – Касперович едет вместо Ферсмана. А с Ферсманом едем на Урал, если только не очень устану после Ферганы – Закавказья. Получил письмо из Вены от Диллера: я ему указал попробовать синтез ортоклаза с цезием – рубидием – ему удалось – он спрашивает, где я печатал, а наша работа с Касперовичем прервана... И в Академии поставить будет ее трудно.

Нежно целую.

Твой Владимир

P.S. Только что получил письмо Кунца из Нью-Йорка: он назвал новый минерал в честь миллиардера Моргана – морганитом, а теперь оказывается моим воробьевитом!

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анастасии Сергеевне **Петрункевич** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Басков, 4, **Петербург**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 1.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ О каких выборах идет речь, установить не удалось. Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду Николая Васильевича Тесленко – депутата 2-го созыва Государственной думы (20.2–2.6.1907).

8/21 января 1911 г., Вена

Вена, 8/21.1.911

Дорогая моя Наталочка, пишу немного – хочу, чтобы сегодня же получили письмо. Сегодня приехал в Вену рано утром и с Ферсманом осматривал коллекцию Кочубея¹. Мне кажется (и Ферсман тоже думает) она не стоит 200 000 – 300 000 (руб.), которые хочет получить Кочубей. Стоит она значительно меньше – едва ли больше 100 000 руб. Днем были с Ферсманом у минералогического торговца Бёма – выбирали минералы для Университета и Академии².

В Мюнхене видел Грота и Frau Грот. Она очень тебе кланяется, также как и Грот. В Москву она не едет, так как мать стала стара и она [теперь] дома нужна. С Гротом говорил о своей идее исследования радиоактивных минералов. Он обещал поддержку, но мне кажется, и он и другие минералоги не сознают происходящего процесса. Здесь перетолкуем еще с венцами. В Австрии сейчас минералогия поставлена лучше чем в Германии, и здесь есть ряд ученых – интересных. В Мюнхене Грот чувствует отсутствие молодежи. Жалуется и говорит, что я счастлив, что могу находить людей для работы. У них огромный их недостаток. Шире открываются поприща жизни? Или глубже сейчас интерес к научной работе в русском обществе? Если бы нам недолго спокойствие в общественной политической жизни! Как сильно могли бы забиться русская мысль и русская жизнь!

Здесь ворчат всюду на рост русской научной литературы, выражают неудовольствие, но ясно чувствуется, что они будут считаться с фактом. Я хочу поместить об Индии небольшую заметку в Comptes Rendus Парижской академии³, так как Urbain и я идем по одному пути.

Здесь получил письма твои, Гули⁴ и Нинули⁵. Такая дорогая деточка – но не хочет получать открыток! Анастасия Сергеевна⁶ говорит, что она умна и разобрала хорошо дело. Гуле сегодня одновременно с тобой написал. Павлу Ивановичу и Лидии Антоновне⁷ передай мой самый горячий привет и пишу завтра.

Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй деточку. Надеюсь Нюта⁸ скоро будет: она хотела быть до моего приезда. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55.

---

¹ В.П. Кочубей обратился в Академию наук с предложением продать свою минералогическую коллекцию, предварительно осмотрев ее с представителями Академии в Вене. 26 мая 1910 г. была создана специальная комиссия в составе: А.П. Карпинского, Ф.Н. Чернышева, С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского. Отделение физико-математических наук (в заседании 24 ноября 1910 г.) просило В.И. Вернадского съездить в Вену для определения ценности коллекции. В Вену В.И. Вернадский был командирован вместе с А.Е. Ферсманом с 4 по 25 января 1911 г.

² Имеется в виду Московский университет и Петербургская академия наук.

³ Статья В.И. Вернадского в указанном издании не появилась.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Петрункевич.

⁷ Новгородцевы.

⁸ А.С. Короленко.

10/23 января 1911 г., Вена

Вена, 10/23.1.911

Дорогая моя Наталочка, очень благодарю за письма, которые аккуратно получаю. Получил и все пересланные. Мне кажется в деревню придется кому-нибудь из нас поехать – может быть Гуле?¹ Там ведь теперь много продажного хлеба. Вернувшись, начну переговоры об аренде, а если не удастся сдать, придется взять управляющего.

Ужасны трагедии жизни кругом – и Варя² и Кожевникова³ – а в Петербурге Оля⁴, Гревсы⁵, Кауфман. Жизнь жестокая штука... Надеюсь уехать отсюда в пятницу вечером; день пробуду между поездами в Кракове и скоро буду в Москве – раньше, чем думал, должно быть около 18 января – еще не рассчитал. Еду с Ферсманами. Сегодня вечером иду с ними в оперу, к сожалению, на «Севильского цирюльника», на Вагнера билета не достали. Завтра вечером будем у профессора Бекке и пойдем с ним осматривать Volksheim⁶ и новый народный университет Вены. Наученный парижским опытом послал телеграмму-письмо Экскеру, директору радиового института здесь.

Австрия сейчас для минералогии гораздо интереснее Германии. Достаточно сказать, что в Венском университете две кафедры минералогии, кроме петрографии!

Кочубея коллекция интересная. Она стоит теперь, даже пострадавшая, около 150 000 рублей, но теперь надо искать денег... В четверг закончим ее рассмотрение...

Нежно и горячо целую тебя и нашу бесценную детку.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 65–66.

¹ Г.В. Вернадский.

² Варя Бекарюкова. В открытке Н.Е. Вернадской от 30 марта 1911 г. из Москвы: «Днем вчера... были на кладбище с Бекарюковыми, был 40-й день по Варю» (Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 60).

³ В письме от 1 сентября 1911 г. Н.В. Вернадская писала В.И. Вернадскому: «Слышал ли ты, что Маня Кожевникова умерла? Ужасно, так жалко ее мать и Соню и всех» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 275. Л. 116об.).

⁴ Очевидно, В.И. Вернадский имеет в виду свою сестру О.И. Алексееву, которая в 1910 г. потеряла очень близкого человека, сестру Е.И. Короленко, и у которой не сложились отношения с единственным сыном.

⁵ В 1910 г. умерла 16-летняя дочь И.М. и М.С. Гревс Шура.

⁶ Народное общежитие (нем.).

12/25 января 1911 г., Вена

Вена, 12.1.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил твое письмо и Нинулино¹ вместе вчера, так как на нем не было достаточно марок. Так я благодарен тебе, что ты часто пишешь. Хотя ты и говоришь иногда, что мне не нужно вас, но в глубине души наверное этому не веришь. Нютино² письма, о котором пишешь, внутри не оказалось.

Пишу перед сном, немного усталый, так как хочу чтобы письмо пошло скорее. Сегодня сидел над коллекцией Кочубея, затем был в университете у Дельтера, который показывал нам кунштштоки – любопытные вещи, которых я никогда не видел: микроскоп, в который можно рассматривать явления при температуре до 1200°, и печь для минеральных синтезов для 3000° – т.е. для максимальной температуры, которая достигнута! Эта печь стоит больше 6000 рублей. Затем вечером был у Зюсса – президента здешней Академии и имел с ним разговор о радиии. Завтра иду в радиоактивный институт, где меня уже будут ждать. Много любопытного. Я как-то всегда чувствую ярко и глубоко, как много интересного и как мало успеваешь сделать.

Коллекцию Кочубея закончу завтра. По нашей приблизительной оценке ей хорошая цена 150 000 руб., я думаю он будет требовать больше и, конечно, есть у него уники, цену которым определить нельзя. Есть вещи великолепные, и в общем коллекция очень хороша.

Хочу уехать в пятницу вечером. Между поездами в субботу пробуду в Кракове, а затем во вторник в Москве! Я очень был бы рад, если бы ты, если тебе не трудно, меня встретила, моя дорогая Туся. Ферсманы не едут через Краков и выедут из Вены в субботу.

Нигде не могу найти ни «Klio», ни «Eos»! «Эос» никто здесь не знает, а Clio, говорят, такая древность, которая заменена другими более совершенными! Еще буду искать. Свое перо исправил: здесь отделение Ватерманнов; они взяли 5 1/2 крон и дали попросту мне новое. Очевидно, исправлять их не так легко.

Нежно и горячо целую вас обоих, мои дорогие. Нинуля должна была получить и второе мое письмо. Получила?

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 63–64.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

№ 821

12 марта 1911 г., Петербург

Петербург, 12.III.911

Дорогая моя Наталочка, получил твои два письма, Нютино¹ и Нинино². Думаю приехать во вторник или среду. Здесь много всякого дела в связи с экскурсией. Выработали план – кажется, придется ехать позже, в конце апреля, может быть, впрочем, мы изменим план – раньше проедем на Кавказ. Начал всякие хлопоты по организации кабинета и лаборатории³: не знаю, как в конце концов всё устроится. Видел народу еще мало – сегодня еду к Шахматову и Салазкину. Здесь весь Петербург был поглощен историей со Столыпным⁴ – но трагикомическая буффонада, которой она закончилась, была для всех неожиданна.

Нежно и горячо целую тебя, Нинусю и Нюточку.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталии Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 37.

---

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ В.И. Вернадский начал хлопоты по организации научной работы в Петербурге в Академии наук в связи с уходом из Московского университета; имеются в виду минералогический кабинет и радиохимическая лаборатория.

⁴ Председатель Совета министров П.А. Столыпин после того, как Государственный совет не принял его проект закона о введении земского положения в северо-западных и юго-западных губерниях, подал в отставку, которую не принял Николай II.

№ 822

14 марта 1911 г., /Петербург¹

14.III.11

Дорогая моя Наталочка, выезжаю завтра и буду в Москве в среду. Через неделю опять надо будет быть в Петербурге. Вчера был у Паши² – у него очень хорошо, но слишком далеко от всего. Здесь взбудоражил Петербург инцидент Столыпина³ – раньше как-то чувствовалось иное. Вчера был с Машей⁴ на могиле Шурочки⁵ – как всё это тяжело. Кое-как налаживаю здесь работу, сиюж над корректурами.

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁶; Нинулика⁷. Сегодня днем на заседании у И.И.⁸ Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 2.

---

¹ Открытка написана в Петербурге, что следует из ее содержания: «Здесь взбудоражил Петербург инцидент Столыпина...» и т.д.

² П.Е. Старицкий.

³ См. коммент. 4 к письму 821.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ А.И. Гревс.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Иван Ильич Петрункевич.

№ 823

24 марта 1911 г., Петербург

Петербург, 24.III.911

Дорогая моя Наталочка, хорошо, что взял теплое пальто: здесь холод до 9 градусов – санный путь, полная зима!

Видел вчера Олю¹, Петрункевичей. Сегодня вечером у Фаминцына, днем у Е.П. Ковалевского (члена Думы), который интересуется радиом и хочет поднять этот вопрос в обществе². Хочу повидать сегодня же Пашу³, чтобы пере-

дать ему деньги. Вчера мне выдали талон на 2200 рублей, скопленных для нас Шварцем. Я думаю уплатить их все Паше – т.е. мы покроем большую часть дома, а может быть можно будет заплатить и остальное теперь же или осенью. Получил здесь еще 93 руб. с копейками за постановку щитов и 288 руб. жалованья с квартирными и т.д. Таким образом мы материально справимся.

Академики очень хвалят гимназию Шаффе⁴. Чернышев говорит, что это лучшая на Васильевском острове. Он говорит, что Ячевский (мой знакомый геолог) поместил туда свою дочь и в восторге от гимназии. Они рассказывают – про старшие классы, – что там вовсе не узкое, заскорузлое преподавание... Я думаю, что тебе надо бы написать Шаффе о нашем согласии.

Какая шикарная бумага у Сергея!⁵ Совсем не отвечает моему конверту. Нежно целую Нинулю⁶, Нюточку⁷, тебя. Жду писем.

Твой Владимир

Очень возможно, что приеду утром в пятницу. Масса дел.

Оп. 7. Д. 55. Л. 67–67а.

¹ О.И. Алексеева.

² Евграф Петрович Ковалевский – октябрист, депутат III (1907–1912) и IV (1912–1917) Государственных дум. В III Гос. думе был товарищем председателя Комитета народного образования и Комитета о гимназиях. См. письмо 824.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Речь идет о выборе гимназии для дочери Вернадских Ниночки. Гимназия Шаффе ей не понравилась, и она по совету М.С. Гревса перешла в Василеостровскую гимназию Могилянской. (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 64. Л. 44об.).

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ А.С. Короленко.

№ 824

24 марта 1911 г., С.-Петербург

С.-Петербург, 24.III.911

Дорогая моя Наталочка, вчера уплатил Паше¹ 2200 рублей. У нас осталось таким образом меньше половины (около 1400?). Он не хотел брать, но я его убедил. Получил я, оказывается, еще больше – 2295!

Сегодня иду обедать к Сереже Митрофу², которого встретил на улице. Хочу вечером на часок зайти к Кауфману. Вчера вечером был у Фаминцына, который очень мил, всё вспоминал старое Сорренто, и он и его жена очень просили тебя быть у них, когда приедешь. Скажи Нинуле³, что у них около 20 прелестных ручных птичек. Они ее приглашают.

Был вчера у Ковалевского. Оказывается от имени фракции октябристов, Ковалевский при обсуждении бюджета⁴, цитируя очень подробно мою речь в Академий⁵, внес пожелание о необходимости ассигнования достаточных средств на радиоактивные исследования. Я думаю, что я здесь устроюсь. Сговорился с Ковалевским, что к бюджету Академии будет прибавлено на три года по 10 000 рублей на радиоактивные исследования. Знаешь, я чувствую, что если буду работать, добьюсь чего хочу. Из разговоров Фаминцына, Карпинского и других я чувствую с их стороны очень доброжелательное от-

ношение к предположенным мною работам, которые они считают важными и указывают, что Академия обязана во что бы то ни стало их обставить как следует. Мне даже как-то совестно, что так оценивается работа, недостатки которой я чувствую резко и сильно. Но интерес вопроса меня охватывает всё больше и глубже.

Вчера был в Горном институте у Рейнвальда, который геологически изучал Тюя Муюн. Удивительно слабое явление...

Передо мной открываются все новые перспективы – были бы силы...

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁶, Нинулю. Лелю⁷ я нашел лучше, чем раньше.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 3–4.

¹ П.Е. Старицкий.

² Сергей Митрофанович Зарудный.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 823.

⁵ См. коммент. 14 к письму 816.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ О.И. Алексеева.

№ 825

28 марта 1911 г., Петербург

Петербург, 28.III.911

Дорогая моя Наталочка, корректуру¹ получил, благодарю. Сейчас много работаю с корректурой и отчасти готовлюсь к радио. Работы масса и не успеваю толком сделать. Придется ехать должно быть сперва на Кавказ, так как ферганские инженеры выезжают должно быть через месяц. А если попасть в Закавказье позже, будет очень жарко. Хотелось бы выехать около 15 апреля.

Вчера был у Оли², она упала на спину со стула и сильно ударилась. Никого не было, и она лежала, пока не пришла Степанида. Сейчас говорил с ней по телефону, ей лучше, и она даже выезжала на кладбище. Сегодня годовщина смерти отца – я и не знал: не помню всех этих дат.

Вчера был на радиевом заводе с Ненадкевичем. Обещали прислать и остатки радия и т.д. Я остался доволен, что видел, но напрасно не унесли то, что отобрали. Ненадкевич за меня, кажется, остался недоволен и за меня и за себя высказал другому инженеру, что мы остались недовольны холодным приемом! Вечером был на заседании Общества испытателей – отделении минералогии и геологии, где не был с 1888! Попал очень неудачно, так как по предложению Карпинского чествовали женевского профессора Дюпарка, бывшего на заседании, и меня. Карпинский произнес нам речи и очень как-то неловко чувствовать публичные похвалы... Но заседание интересное, хотя очень долго.

Сегодня ко мне заходил сюда Ячевский. Он в восторге от гимназии Шафффе³, где кончила его дочь. Он говорит, что это лучшая гимназия в С.-Петербурге, что *serie technique* совсем не страшны, а, наоборот, усваиваются легко,

но зато девочки научаются не болтать по-французски, а настоящему языку. Очень хвалит теперешнюю начальницу и говорит, что отношение к ученицам хорошее.

Сегодня иду обедать к Гревсам, которых еще не видел, а вечером буду опять в музее писать записку о Ломоносовском институте⁴.

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁵, Нинулю⁶. Что это опять кровь?⁷
Нежно целую.

Твой Владимир

Должно быть приеду в пятницу.

Оп. 7. Д. 55. Л. 61–62.

---

¹ Очевидно, речь идет о работе: *Вернадский В.И.* О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: АН, 1911.

² О.И. Алексеева.

³ См. коммент. 4 к письму 823.

⁴ *Вернадский В.И.* О ломоносовском институте при имп. Академии наук. СПб.: АН, 1911.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Очевидно, речь идет о здоровье А.С. Короленко, которая была больна туберкулезом.

№ 826

21 апреля 1911 г., Евстратовка

21. IV. 911, Евстратовка

Едем очень хорошо, моя дорогая. Чудное теплое весеннее утро – тихо, тепло. Спали хорошо. Едем в новом вагоне.

Очень хотелось бы иметь о вас всех известия, а теперь еще долго не буду их иметь.

Я думаю, что для укладки книг тебе лучше взять не одного Гаврилу¹, но и Ваню². Не забудь оставить Александру Евгеньевичу³ чек именной на 1000 рублей.

Я все-таки забыл кое-какие визиты – придется кое-что написать (например, В.Д. Соколову).

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю⁴, Нюточку⁵. Пускай Нюта будет осторожна. Скажи деточке, что я очень жду ее писем.

Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 5.

---

¹ Имеется в виду Гаврила Павлович Щедров, служитель при Минералогическом кабинете Московского университета.

² Ваня, фамилию установить не удалось.

³ Ферсман.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ А.С. Короленко.

№ 827

22 апреля 1911 г., Новороссийск

Новороссийск, 22.IV.911

№ 2¹

Дорогая моя Наталочка, сегодня утром приехали в Новороссийск и отсюда едем на пароходе. Ехали все время отлично. Погода чудная – летняя. Море сейчас тихое и спокойное и Г.И.², который боится моря, успокоился, кажется. Агент нам сказал, что пароход, который идет – один из лучших («Великий князь Александр») – нам оставлена 4-местная каюта I-го класса.

В Батуме мы должно быть пробудем больше, чем ожидали, так как хотим проехать в Артвин, где пробудем дня 2. Артвин – 90 верст от Батуми, на лошадях, в горы. Около Артвина мы думаем обойти пешком область гранитных пород, где есть надежда найти пегматитовые жилы.

В Батуми приезжаем вечером 24-го, 25 пробудем в городе – должно быть буду тебя просить телеграфировать в Артвин. Посмотрим – 26-го не думаю быть в Батуме?

Чувствую себя недурно, но пока жарко в теплом белье – сниму его однако уже после моря.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю³, Нюточку⁴. Очень хочу о вас известий.

Твой Владимир

P.S. Не забудь же ответить на письмо крестьянина о дубах. Ему надо дать знать, что они нужны, на прежних основаниях (3 руб. фунт). Посылать можно или Якову Владимировичу⁵ или мне в Академию, Геологический музей.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 6.

---

¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.

² Генрих Иосифович Касперович.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Самойлов.

№ 828

25 апреля – 1911 г., Батуми

Батум, 25.IV.911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехали в Батум. Все время была чудная погода, но довольно прохладно. Сейчас пишу рано утром – 5¹/₂ часов утра. Тепло, но небо пасмурное. К.А.¹ и Г.И.² ушли на турецкий базар нанимать возницу. Хотим ехать на целый день к устью Чороха – верст 7–10 от города. Вечером вчера Яков Владимирович³ и Генрих Иосифович послали тебе мою телеграмму. Она должна придти рано утром. Ты, должно быть, общила по телефону С.Я.⁴

Хотим завтра с утра выехать в Артвин – надо выехать часа в 4 утра и приедем туда к вечеру. Там пробудем дня 2 или 1 день. Там пройдем в гранитной области. Оттуда опять вернемся в Батуми. Таким образом в Батуми придется пробыть дольше, чем думали в Москве. Об этом я тебе уже писал.

Очень жду известий от тебя, моя дорогая. Как-то вы все в Москве? Знаешь, из газет вижу, что третьего дня здесь был Краснов! Может быть он не уехал – буду его искать.

Нежно и горячо целую тебя, Нинусю⁵, Нюточку⁶.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Университет, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 7.

---

¹ Константин Автономович Ненадкевич.

² Генрих Иосифович Касперович.

³ Самойлов.

⁴ Софья Яковлевна Самойлова.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ А.С. Короленко.

№ 829

29 апреля 1911 г., Батуми

Батум, 29.IV.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня выезжаем в Тифлис, где надеюсь найти твои письма, нашу всю корреспонденцию.

Если около Батуми есть радиевые минералы, то ничтожные следы, не имеющие никакого практического значения. Вчера вечером вернулись из Артвина – удивительно красивое шоссе по течению быстрой горной реки Чороха – река напоминает Терек. Великолепное шоссе, содержащееся в образцовом порядке. Мы сделали эти 90 верст с большим удовольствием – ехали четверкой, в хорошем фаэтоне. В общем благополучно – вывернулись из экипажа при спуске – но удачно. Константин Автономович¹ и кучер полетели, я выскочил, а Генрих Иосифович² и Яков Владимирович³ остались. Больше других пострадал кучер, но пустяки. В Артвине остановились у самого моста в удивительном красивом месте за городом – в духане. Спали на своих походных кроватях, которыми пользуемся и в гостинице в Батуме – они великолепны. Из Артвина мы экскурсировали целый день. Разделились на две партии (я – Самойлов) другая – Генрих Иосифович и Ненадкевич. Прошли мы пешком по 30 верст в очень интересной живописной местности. С нами были проводники турки, ни слова не знающие по-русски. Край этот более 30 лет находится в русском владении, но население явно сторонится. Всюду пикеты стражи, солдат. Турецкая граница верст 15–20 отсюда. В общем край едва ли очень богат. Всё раскалено, что можно. Леса сильно страдают от скота. В более низких местах мы ехали, впрочем, по чудным местам. Горы были покрыты желтыми душистыми цветами азалий, рядом с ними какие-то мне неизвестные фиолетовые цветы кустами. Внизу виноградники, марты, фиги... Мороз

этого года, который не запомнят старожилы, сильно пагубно подействовал на растительность: пальмы, драцены и тому подобное, растущие в Батуме на вольном грунту, сильно пострадали, пострадали и мандарины.

Сюда еще раз вернется Генрих Иосифович и окончательно отделает эту область, но результат будет отрицательный и в научном отношении не очень большой.

Погода все время нам благоприятствует.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю⁴, Нюточку⁵. Нюте может быть успею еще написать отсюда, и Оле⁶ тоже.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 8–9.

---

¹ Ненадкевич.

² Касперович.

³ Самойлов.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ О.И. Алексеева.

№ 830

30 апреля 911 г., Тифлис

Тифлис, 30.IV.911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехали в Тифлис. Приехали ночью, едва нашли помещение в гостинице, так как наехала масса туристов – все гостиницы заняты.

Сегодня целый день был занят здесь в связи с устройством дальнейшей экскурсии. Утро до 1 часу дня провел в канцелярии наместника¹ и у него в помещении – надо было доставать открытые листы, получать разрешение на покупку карт, часть которых оказалась секретной(!) и т.д. А между тем из Академии наук бумага обо мне не пришла. Послал сегодня телеграмму Сергею². Правда здесь все мне удалось устроить, но это была личная любовь: думаю помог радиий и газетные известия! Узнал здесь, что на днях меня выбрали почетным членом здешнего Общества естествоиспытателей, только что образовавшегося. Завтра днем иду к наместнику, которого еще не видел! Он «пожелал», как мне сказали, со мной познакомиться. Все это здесь поставлено на очень важную ногу, должно быть как было при великом князе Михаиле Николаевиче. У его помощника – Ватаци³ – сегодня был и в разговоре пришлось ему рассказывать о «чудесах радия». Затем был в Горном управлении два раза. Здесь познакомился с молодыми геологами, один из которых Крук, приятель Ненадкевича, едет с нами в Кульп. Там рассматривал всякие минералы и породы и сомнительные пробу на радиоактивность.

Сейчас, вечером, Ненадкевич и Касперович ушли к Алибегову, городскому химику, который приходил с нами познакомиться, осматривать его материал, а я пишу тебе, и в комнате в фонтаскопе лежит один сомнительный минерал из Зангезурского уезда, найденный мною в запущенной коллекции

Горного управления. Может быть и окажется радиевым... Но как все это неясно, не изучено – огромная темная область, в которуюходишь. На ночь Ненадкевич и Касперович попытаются сделать его радиограмму.

Завтра рано утром иду в музей, который переделывается, но нам достанут нужную коллекцию, и мы убедимся – не ошибка ли указание на урановую слюдку из Баксанского уезда...

Днем идем завтра в Ботанический сад – хочу еще зайти к Харичкову.

В Кульп едем послезавтра, 2-го, рано утром; должно быть вернемся к ночи 4-го в Тифлис и 5-го вечером будем в Баку. Генрих Иосифович⁴ остается и начинает самостоятельную экскурсию.

В общем, для меня выясняется очень многое, но больше всего выясняется малое мое знание. Я как-то подавлен раскрывающейся передо мной картиной. Сейчас читаю книжку Лондона о радиации в биологии и медицине⁵. Кажется, это детский лепет будущей сильной речи...

Нежно и горячо целую тебя, Нюточку⁶, Нинулю⁷.

Твой Владимир

Заказного письма, о котором ты пишешь, не получал. Не получил и корректуры (от) Казакова⁸. Написала ли ты Фридендеру и Вегу, чтобы они послали мне всё в Петербург и послали ли статьи? Нежно целую.

Твой Владимир

Немножко простудился, насморк и хрипота. Но самочувствие хорошее.

Оп. 7. Д. 55. Л. 10–11.

---

¹ Наместником Его Императорского Величества на Кавказе в это время был граф Иван Иванович Воронцов-Дашков.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Эммануил Александрович Ватаци был помощником по гражданской части наместника Его Императорского Величества на Кавказе.

⁴ Касперович.

⁵ Лондон Е.С. Радиация, его значение в биологии и медицине. СПб.: Наука и искусство; О. Ришош. и К° 1911].

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Казаков, сотрудник типографии Московского университета; см. коммент. к письму 825.

№ 831

4 мая 1911 г., Тифлис

Тифлис, 4.V.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня вернулись из Кульп и едем завтра утром в Баку – вместе с Самойловым и Ненадкевичем. Касперович остался в Кульпе.

Моя кавказская экскурсия заканчивается. В смысле находок радиевых месторождений, я думаю, этот год будет для Кавказа отрицательным. Кульп также как Чорох ничего не дает для урановых минералов. Поездка туда была любопытна (как все новое), но утомительна. Представь себе, что я сделал 30 верст **верхом**! А затем в Кульп я приехал под дождем вечером, когда ничего не видно, и я решительно воспротивился переезжать верхом вброд горную

речку, так как ровно ничего не видел и с трудом сидел на лошади. Переехал ее в арбе на буйволах. Первую лошадь я сменил (так как мне по моей просьбе дали самую смирную, но она подо мной очень устала и среди дороги отказалась идти) и пересел на лошадь стражника, которая все время подо мной джигитовала, и я должно быть представлял довольно печальную картину, «нервничал» как осторожно выражается Яков Владимирович¹ – попросту очень боялся, когда он подъезжал к моей лошади, когда на нас нападали собаки и т.д. Весь путь был любопытен. Куру мы переезжали в лодке (особой – наймак) в грозу*; для переезда через один из ее протоков лодку доставили нам первобытным образом: лошади ее тянули, а лошадёй держали за хвосты! Обратное из Кульпа я уже не решился ехать верхом и приехал на другую станцию на буйволах, на арбе.

Передо мной стал теперь план работы: искать ли только Ра-минералы и бросать сейчас же раз их **не** нашли – или указывать, **что** мы нашли вместо указанного в литературе. Первый способ дешевле, но зато бесплоден, второй дороже, но научно полезен. Я остановился на втором. И теперь кульповские окрестности обрабатывает Касперович, между прочим мы нашли там область гранитов, о которых никто не знал.

Моя мысль все время ищет путей для дальнейшей работы, так как я предвижу отрицательный результат пути предпринятого для Кавказа. Надо надеяться, найду. Во всяком случае, у меня теперь ряд предположений.

Касперович проэкскурсировал со мной достаточно, и я думаю, он сделает теперь работу хорошо.

Сегодня получил от тебя телеграмму и поэтому пишу это письмо в Петербург, к Петрункевичам. Я уверен, что ты их увидишь. Ниночке² напишу несколько слов или Гуле³ в Москву, чтобы ты знала обо мне, если случайно Петрункевичей нет в Петербурге. Передай им мой самый горячий, нежный привет.

Сейчас еще не поздно, но всё время тучи, собирается дождь, и я не знаю, выйду ли куда, кроме бани, куда собираюсь. Уже две недели в дороге.

От тебя нет писем с 25-го. Очевидно, ты не рассчитала для Тифлиса. Вероятно, они меня ждут в Баку. Я уже тебе писал, чтобы ты вместо Ташкента писала мне на ст. Федченко, Средне-Азиатской железной дороги, до востребования.

Твоего заказного письма сюда не получил.

Нежно и горячо тебя целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 12–13.

¹ Самойлов.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

* Река крутила и вертела лодку. Кура поразительно быстра и картина переезда величественна и красива.

№ 832

6 мая 1911 г., Баку

Баку, 6.V. 911

Дорогая Наталочка, здесь получил твое письмо от 1-го. Приехали вчера ночью и уезжаем сегодня около 6 часов дня. Сейчас здесь дождь и очень мало, что можно видеть. Но, с другой стороны, я не хочу очень форсировать поездку, чтобы не устать.

Выезжаем на пароходе, говорят, хорошо и завтра днем должны быть в Красноводске. Оттуда едем до Самарканда, где я предполагаю остановку на два дня. Море тихое, но кругом ветер и не знаю не нагонит ли он качку.

Я писал тебе одно письмо в Петербург. Это пишу в Москву, к Любошинским. Из Самарканда буду писать уже в Полтаву. Здесь получил письмо Гули¹ – скажи ему, что я ему писал на имя Любошинских.

Самойлов очень волнуется из-за сына. Нинуля² была у них как раз при заболевании? Ничего? Ей я писал из Тифлиса.

Московские выборы все-таки лучше, чем могло быть. Правда, Любавский трусит начальства, но человек честный. Подгулял Елистратов³.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй Любошинских. Детеночка нежно обнимаю. Гулю и Нюточку⁴ также. Жду известий в Самарканде. Адрес пока: Ст. Федченко, Средне-Азиатской железной дороги, до востребования.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, квартира **Любошинских**, Zubовский бульвар, дом Любошинской, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 14.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ Имеются в виду выборы в Московском университете. После увольнения не только от должностей, но и из университета ректора Александра Аполлоновича Мануйлова, помощника ректора Михаила Александровича Мензбира и проректора Петра Андреевича Минакова, были утверждены: ректором университета декан историко-филологического факультета Матвей Кузьмич Любавский, помощником ректора секретарь физико-математического факультета Эрнест Егорович Лейст, проректором – Аркадий Иванович Елистратов.

⁴ А.С. Короленко.

№ 833

9 мая 1911 г., Самарканд

Самарканд, 9.V.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехали сюда. Оказывается эта весна неслыханная по количеству дождей. Пустыня превратилась в болото, всюду хотя и скверная, но трава. Один из бухарцев, с которым мы ехали, говорил, что не только он сам (ему 40 лет), но и его отец не запомнит ничего подобного! Яков Владимирович¹, который хотел видеть пустыню, палящий зной, пустынную пыль, был далее огорчен. Но ехать вследствие этого было очень хорошо.

Здесь получил ответную телеграмму от Бунге, что на руднике никого нет и что Антунович собирается выехать на днях! На меня это производит впе-

чатление даже, что они делают это нарочно, чтобы не пустить нас осмотреть рудник в благоприятных для нас условиях... Мы, во всяком случае, едем и будем там 12-го. Завтра или останемся еще в Самарканде, или уедем в Коканд, где я хочу сделать поездку на месторождение серы.

Самарканд мы видели мельком. Развалины бывшего величия в грязном и вонючем Сартском городе производят сильное впечатление. Мы под вечер заехали на гробницу Тамерлана и затем были на площади Регистана. Всюду разрушение – бывшими здесь землетрясениями – но всюду видишь впечатление не роскоши, а великого художественного гения. На меня очень сильное впечатление произвел Регистан, площадь, с трех сторон окруженная великолепными полуразвалившимися, но еще живыми мечетями. При всем ее своеобразии она напомнила мне знаменитую площадь Венеции с Дворцом Дожей... На этой площади базар, пробираешься среди грязных сартов и других чуждых мусульман. В этих мечетях живут студенты высшей мусульманской школы и толпа бородатых людей и юношей из разных мест Туркестана, нам встретилась – враждебно или уныло смотрела на нас. «Главный профессор», по словам переводчика, вышедший позже всех из мечети, не ответил на наш поклон. Здесь идет своя жизнь и несет свое через меняющуюся человеческую историю. Я очень задумываюсь над вхождением востока в общее русло цивилизации – не боюсь я желтой опасности, так как ясно вижу, что общечеловеческая научная мысль создаст нам там союзников, сделает часть желтой расы близкой с нами, а не с ее старой, иной культурой.

Здесь как-то тяжело чувствовать свое незнание. Узнаешь обо всем по плохим книжкам – нет времени углубляться. Вместе с тем я думаю и я как-то немного постарел для новых впечатлений. Хотя очень интересно.

Нежно и горячо обнимаю тебя и деточку². Пишу в Полтаву, так как отсюда идут письма медленно, уже следующее письмо. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 15–16.

¹ Самойлов.

² Н.В. Вернадская.

№ 834

12 мая 1911 г., Федченко

Федченко, 12.V 911

Дорогая Наталочка!

Только что приехали на станцию, сейчас, через час, уедем в русское село. Жарко, пыльно – поднимается мгла.

Не знаю, что мы увидим; на руднике никого нет и когда там будут – неизвестно.

От тебя давно не имею писем – после Баку. Здесь в Туркестане почта идет медленно.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹, Марию Ивановну², Жедринских, Георгия³.

Очень жду известий, как все устроилось у вас и в Петербурге. Ничего не знаю.

Нежно целую.

Пиши в Златоуст, Уфимской губернии.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Келлиновский пр., д. Янович, кв. М.И. **Старицкой**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 17.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Старицкая.

³ Г.Е. Старицкий.

№ 835

18 мая 1911 г., Коканд

Коканд, 18.V 911

Дорогая моя Наталочка, давно не писал тебе – последнюю открытку прислал из Федченко, но только сегодня попал в более культурные места!

Пять дней мы провели на руднике Тюя Муюн, в предгории Алайских гор, одни. Мы находились вдали от железной дороги – около 50 верст и самое близкое к нам жилье было на расстоянии 2 верст, внутри гор. Я в первый раз был в таком одиночестве. Кроме нас троих не было ни живой души. Жили в палатке, утром привозил нам воду киргиз Тюракуль, с трудом понимавший по-русски. Перед нами раскрывалась удивительная панорама снежного предалайского хребта. Колесная дорога кончалась внизу горы, на которой расположен рудник – дальше в Бухару и Афганистан шла уже верховая тропа. По утрам по ней тянулись караваны, гнали стада, проходили вереницы верблюдов... В первый день нашего приезда один такой караван расположился внизу нас на ночевку. Вечером мы зажгли ацетиленовый фонарь и раз выстрелили из браунинга: кажется и мы и они одинаково друг друга остерегались. Так можно было понять со слов Тюракуля.

В таком одиночестве – конечно относительном, так как нас было трое, есть много своеобразной прелести. Здесь, например, поразительно много птиц и странное впечатление, особенно для меня видеть вблизи горных куропадок, удонов и разнообразных птичек, которые подлетают на несколько шагов и рассматривают тебя с тем же любопытством, с каким мы смотрим на них! Затем прелесть тишины ночи, звуков живого кругом при полном безмолвии человека и его спутников, домашних животных.

Рудник не работал. Телеграмма, которую я посылал из Баку Бунге, вызвала ответ, что «Антунович собирается выехать на днях», но мы его не дождались и видели очень многое, благодаря Константину Автономовичу¹. На нем лежала вся самая тяжелая доля работы. И он кажется очень устал. А я страшно тронут той совершенно сыновьей заботливостью, которой он меня окружил. Я же сам как-то ясно почувствовал, что не даром прошли года и многое мне теперь недоступно, что было легко или возможно раньше...

Посещение рудника мне дало **очень** много – но это было совсем не то, что я ожидал. И ничего подобного я раньше не видел: урановые соединения выделились в пустоте пещер, образовавшихся в известняке. Все мои первоначальные предположения разлетелись при взгляде на природное явление, и я понял Константина Автономовича, правильно определившего явление, но не смогшего дать ему место в схеме известного.

Вниз, в глубину, я не спускался и не пустил Ненадкевича, так как кроме нас никого не было и было неизвестно, в каком положении рудник, в общем в высшей степени небрежно и неосторожно устроенный...

Мы собрали большой материал и у меня намечаются планы дальнейшего исследования: необходимо исследование пещер, их радиоактивности, их минералов. Надо найти спортсмена, любителя спелеологии (наука о пещерах) и минералов. Где его найти?

Фергана поражает совершенно новыми сторонами жизни и природы. Там, где есть вода, – это сад – где ее нет или не хватает – пустыня. По дороге из Ферганы в русское село мы попали в лёссовую бурю, не очень сильную. Тончайшая лессовая пыль в течение нескольких верст, 2-х часов, проникала во все поры, во все вещи и усталые, желтые мы приехали вечером на ночевку. Мы приехали на земскую квартиру, к нам явился пристав и у него мы закусили. Но что должны чувствовать люди, попадающие в такие песчаные бураны днями. Нередко здесь видишь вдали облако – но это облако не воды, а пыли.

Всюду кругом плантации хлопка, риса, редко зерновых хлебов. Сложная система водных каналов, поразительное трудолюбивое земледельческое население. Женщины, закрытые черными покрывалами и уродливыми серыми чехлами, яркие, разноцветные костюмы мужчин – в халатах и чалмах, полуголые и голые ребятишки, особые арбы с огромными колесами, запряженные лошадьми, ослы, верблюды, густое мужское население на улицах и вдоль дорог, особые деревянные широкие кровати над канавами, где сидит и пьет чуждое нам общество – какая странная сказочная картина. И фон природы – неизвестных нам растительных культур – садов из быстро растущих тополей и ив, заменяющих здесь лес, – грязного населения, наслаждающегося розой или разводящего тонкие сорта плодов. Всюду следы старой культурной **выучки** и забитой творившей ее научной и художественной мысли.

Жару мы почувствовали настоящую только теперь, сейчас с Коканд она тяжела, так как это жара пыльного парника, но в горах было хорошо и только иногда бывало днем тяжело идти или подниматься по гористым холмам.

Очень рад известию, что ты квартиру уже наняла. Но вот сколько на тебя пало хлопот, моя бедненькая. Удивляюсь твоей энергии и с покупкой земли – когда-то, помнишь, в молодости мы хотели с тобой поселиться в Крыму – неужели это устроится в старости²? Юг меня все-таки привлекает более севера. Конечно, моя дорогая Натуся, я всецело сочувствую твоему решению. Завтра еду на два дня в окрестности на залежи серы; хочу еще осмотреть месторождения меди на Сырь-Дарье, остановлюсь в Ташкенте и затем еду на Урал.

Хочется уже скорее отдохнуть спокойнее и пожить с вами. Ванны мне нужны, так как ревматизм дает временами знать.

Нежно и горячо целую тебя, Нинолю³ и всех. Жду писем в Златоусте и в Ташкенте, куда их перешлют из Федченко.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 19–22.

¹ Ненадкевич.

² Вернадские приобрели землю в Крыму, в местечке Бати-лиман, где построили дачу.

³ Н.В. Вернадская.

№ 836

21 мая 1911 г., Коканд

Коканд, 21.V. 911

Дорогая моя Наталочка, моя Ферганская экскурсия кончается, и я скоро направляюсь на Урал. Вчера вернулся сюда из поездки на серу в Камыш-Баши. Сегодня днем еду в последнюю экскурсию на месторождения самородной меди на Сыр-Дарье. Оттуда завтра в ночь выезжаю в Ташкент, где пробуду один день и затем направляюсь на Урал.

Вчера и сегодня ожидал твоей телеграммы из Полтавы, но ее не получил и теперь не знаю, не дошла ли она сюда или ты не выехала, как хотела 19-го из Москвы? Ведь мою телеграмму из Федченко ты получила?¹

Эти поездки на серу и медь я делаю вне радиевых изысканий, попутно. Я считаю себя обязанным быть хорошо осведомленным в области минералогии России, не только в ее чисто научном значении, но и прикладном. Поэтому я стараюсь видеть главные типы рудных и полезных ископаемых России и получить в этом отношении определенную картину. С другой стороны, в качестве академика, изменяю и другую сторону своей поездки – стараюсь всюду завязывать связи с целым рядом лиц на местах, интеллигентных и полунинтеллигентных и интересующихся практически или научно минералами для того, чтобы от них получить в Академию материал. В этом отношении и здесь завязываю кое-какие связи.

Сегодня выезжаю вместе с Вебером, который исследует Фергану. Ненадкевич отправляется прямо в Петербург сегодня; он будет отыскивать квартиру для лаборатории, принарамливаясь и к нанятой тобой квартире. Средний проспект очень удобен – так как он выходит к Малой Неве и таким образом относительно недалеко от Академии. Ты не написала, в каком этаже квартира.

Когда ты думаешь ехать из Полтавы? Едет ли Ниночка² с тобой? Как поправила детенышу³ наша с тобой карточка? Масса всяких таких мелочей, которые хотелось бы знать, но письма не дают. И в моих письмах тебе я чувствую, как проходят без выражения унылые огромные области переживаний.

Усталости я не чувствую, но уже хотелось бы кончать, по крайней мере здесь. Я не думаю, чтобы на Урале я пробыл очень долго. Пробуду необходимый минимум и думаю быть в Петербурге ранее 20 июня. Боюсь только, что я приеду днем-двумя раньше Ферсмана. Может быть заеду в Уфу, где отдохну в более культурной обстановке. Златоуст очень скверен, Миасский завод еще

хуже. Может быть, впрочем, вместо Уфы возьму для этой цели Екатеринбург, но это уже в сторону. Когда ты думаешь выехать из Полтавы? Может быть мне заехать за вами из Петербурга в конце июня? Как здоровье Ани?⁴

Коканд – большой город, должно быть самый большой в Фергане, с миллионными оборотами, душный, грязный, азиатский. Крайне непривлекателен. Хочется отсюда убраться скорее, а между тем вот уже второй раз придется сюда возвращаться. Жизнь берет свое. Эту бывшую столицу ханства сделали уездным городом, а между тем она имеет настоящее значение, а не губернский город Скобелев.

Нежно и горячо тебя целую. Поцелуй деточку, Марию Ивановну⁵, Жедринских. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 23–24.

---

¹ Телеграмма от 18 мая 1911 г., посланная по адресу: Москва, Zubовский бульвар, Любошинской, Вернадской, сохранилась: «Все хорошо телеграфируй Полтавы Коканд пиши Златоуст Владимир» (Ф. 518. Оп. 7. Д. 55. Л. 18).

² Н.В. Вернадская.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Е.А. Любошинская.

⁵ Старицкая.

№ 837

23 мая 1911 г., Ташкент

Ташкент, 23.V. 911

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехал сюда утром и завтра рано утром уезжаю на Урал. Твоя телеграмма о неприезде Ферсмана на Урал меня очень поразила, и здесь я получил от него подробные известия. Без него для Урала я как без рук и приходится сильно изменять весь план. Я даже телеграфировал Ферсману не отложить ли все экскурсии, конечно, платные – Крыжановского и Линденера – но из его телеграммы увидел, что это невозможно. Приходится только сильно сжать экскурсии и ограничиться предварительной, правда, необходимой работой. Должно быть мы произведем только внешнюю съемку Ильменских гор. Мне кажется и для этой работы можно было бы задержать Линденера, но дело сделано. В виду этого, моя поездка на Урал изменит характер; я пробуду главным образом на Ильменских горах, частью с Крыжановским, частью с Линденером, которых надо будет ввести в работу. Один маршрут сделаем совместно с ними и должно быть <с> Ревуцкой. На Каменку и Санарку, куда отправился Критский, должно быть не поеду. Заеду в Екатеринбург, должно быть с Крыжановским – сделаю поездку в Липовку, Мурзинку и затем вернусь в Петербург и через Петербург приеду в Полтаву – надеюсь около 20 июня, а может быть раньше.

Мне хочется не только совместно решить все вопросы о нашей заграничной поездке, но и повидать Марию Ивановну¹ и пожить с вами некоторое время в **Полтаве**. Заезд не велик. На Урале нигде нет никаких курортов, и я чувствую потребность серьезно починиться перед зимой. Во время туристи-

ческой поездки я не раз чувствовал себя не как следует: давал знать ревматизм, кашлял и т.д. И сейчас я сижу в Ташкенте в хорошем номере гостиницы, но никуда не выйду. Вчера весь день потерял в Ниукате, в интереснейшей местности на Сыр-Дарье, пролежал вследствие сильного расстройства желудка. Сегодня я чувствую себя довольно хорошо, поеду в первом классе, держу диету, но все-таки это все не ладно. Конечно, может быть вместе с Гр.² тяжело, но мы можем пробыть лишь курс лечения в Вевеге, а затем уехать. Едут ли Жедринские за границу?

В Петербург мне надо заехать, так как там у меня должен быть собран материал для заграницы: корректуры и т.д. Где мне остановиться – можно на квартире нашей или нет? Теперь, подводя итоги поездки сюда, я вижу, сколько я вынес из нее, но больше и резче всего выступает передо мной огромная область работы, которая из нее вытекает. И как-то не знаю, не поздно ли не-сколько я начинаю это большое дело?

Нежно и горячо целую тебя, моя дорогая. Поцелуй деточку³, которая упорно молчит, и всех наших.

Твой Владимир

P.S. Пиши сперва – Миасский завод, потом Екатеринбург до востребования.

Нежно целую. Сегодня послал тебе телеграмму⁴. Должно быть остановлюсь на день в Уфе.

Оп. 7. Д. 55. Л. 25–26.

¹ Старицкая.

² Кого имел в виду В.И. Вернадский, установить не удалось.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Телеграмма от 23 мая 1911 г., посланная по адресу: Полтава, Келлиновский проспект, Старицкой для Вернадской, сохранилась: «Еду Урал сокращаю Приеду Полтаву обратном пути Петербурга за границу поедем вместе Телеграфируй Златоуст Владимир» (АРАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 55. Л. 27).

№ 838

28 мая 1911 г., Златоуст

Златоуст, 28.V. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехал сюда (в Уфе не останавливался, так как хорошо отдохнул в поезде, ехал в 1 классе из Ташкента и сидел около 7 часов в Кинели, откуда тебе писал) и сейчас, утром уезжаю. Здесь мне надо было быть, так как сюда я перевел деньги. Еду в Екатеринбург, так как Миасский завод **горит!** и Линденер запаздывает. В Екатеринбурге сделаю попутную экскурсию на пегматитовые жилы Урала. Из Екатеринбурга вернуться дня через 3–4 в Миасский завод. Но прямо все стихии против уральской поездки – ревизия Кассо, пожар города!

Здесь резкая разница в погоде с югом. Дожди, ветер и только-только хорошо в драповом пальто. Очень надеюсь неделю здесь пробыть и ехать в Петербург, а затем в Полтаву. Получил твою телеграмму, но зачем ты не рассчитала по путеводителю, когда я буду, а телеграфировала сейчас! Ведь я телеграфировал тебе из Ташкента!¹

Нежно и горячо целую тебя, Нинулечку² и всех. От Нинуси получил два письма: буду ей писать из Екатеринбурга.

Нежно целую.

Твой Владимир
Совсем здоров.

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой. С просьбой передать Н.Е. **Вернадской**, Келлиновский пр. (Институтская ул.) д. Янович. **Полтава**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 28.

¹ См. коммент. 4 к письму 837.

² Н.В. Вернадская.

№ 839

29 мая 1911 г., Екатеринбург

Екатеринбург, 29.V. 911, утро

Дорогая моя Наталочка, сейчас 5 часов утра, еще нет – и я собираюсь на экскурсию и пишу тебе несколько строк. Еду на несколько дней на лошадях в Мурзинку, Липовку и т.д. и вернусь в цивилизованный край (сегодня понедельник) думаю к ночи в четверг. Еду с Крыжановским и Ревуцкой.

Вчера весь день пробыл с Крыжановским – осматривал как собрание здешнего музея, так и коллекции, собранные для продажи его братом. Затем пришлось у них завтракать и обедать и я порядочно-таки устал. Очень рано лег спать и не успел ничего сделать: написать тебе и Ферсману, которому пишу также. Ужасно жаль, что его здесь нет!

Здесь для него масса интересного. То, что я видел в собрании Л. Крыжановского, дает для меня много нового, и я с большим удовольствием ожидаю сегодняшней поездки.

Между прочим от Крыжановского узнал, что в Петербург пришли образцы руды из Ферганы, богатой радием типа Тюя Муюна верст за 200–300 от него. Владельцы скрывают места, но обещают нам для научной обработки весь материал, как только сочтут возможным открыть места.

Это вполне возможно и подтверждает правильность моего впечатления, что тип Тюя Муюнского месторождения делает маловероятным, чтобы оно было единственным.

Здесь резкая разница погоды. Я опять надеваю часть теплого белья. Каждый день дожди и порядочные холода. Поразительна разница с югом! Еще цветет сирень, желтая акация, ландыши – весна в полном разгаре! Надо, впрочем, считаться с тем, что в Екатеринбурге уже нет, например, яблонь, не созревают вишни и т.д.

Надо спешить и укладываться. Едем сперва поездом в Невьянск, оттуда на лошадях.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹ и всех. Здесь от тебя писем не имел, должно быть в Златоусте.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 23–30.

¹ Н.В. Вернадская.

№ 840

2 июня 1911 г., Екатеринбург

Екатеринбург, 2.VI. 911, вечер

Дорогая моя Наталочка, только что вернулся в Екатеринбург, сделав экскурсии в несколько дней на лошадях в Мурзинку, Липовку – на месторождение драгоценных камней. Очень интересно. Завтра выезжаю в Миасс по железной дороге. Оттуда, вероятно, еду в Петербург, так что пиши в Петербург. Из Миасса буду телеграфировать. Почта заперта, и я давно уже не имею от тебя писем, не знаю, как у вас. Еще точно не знаю, сколько времени пробуду в Миассе, но уменьшу сколько возможно без вреда для дела. Думаю пробуду не менее 8 дней.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹ и всех наших. До скорого свидания.

Твой Владимир

Не знаю, где мне остановиться в С.-Петербурге.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**. С просьбой передать **Н.Е. Вернадской. Полтава.**

Оп. 7. Д. 55. Л. 31.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 841

4 июня 1911 г., Миасский завод

Миасский завод, 4.VI. 911

Дорогая моя Наталочка, с Уралом мне совсем не везет – здесь получил телеграмму от Линденера, что он приехать не может из-за воинской повинности! Придется значительно изменить вид работы: я начал вести здесь переговоры об обновлении географической карты, служащей базой нашей работы и сделанной в 50-х годах. Здесь сейчас со мной Крыжановский, Ревуцкая и Критский. Только что приехал и пишу на почте: Ревуцкая и Критский остались в Миассе (5 верст отсюда), а мы с Крыжановским устраивали всё. Сейчас он поехал за вещами, а я отсылал отсюда деньги Касперовичу. От Касперовича получил письмо, из которого вижу, что он повел работу превосходно. Я ужасно рад, что в нем не ошибся. Здесь получил твою карточку, но в Миассе телеграммы, какую ждал, не имел. Здесь все устрою и налажу и затем еду в Петербург и Полтаву. Уже хочется скорее немного отдохнуть.

Во время поездки в Мурзинке опять было начался ревматизм – сейчас хорошо. Здесь жарко, а в Екатеринбурге было холодно. Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹ и всех. От Нюточки² получил письмо – грустное³. Но так начинать новую жизнь – ужасно. Зачем? Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келлиновский проспект, д. Янович, **Полтава**.

ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 442. Л. 11.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду письмо А.С. Короленко от 25 мая 1911 г., в котором она писала: «... с Гр.Гр. всё кончилось тем, что, наконец, я дала ему утвердительный и казалось бы решительный ответ. Но его отношение не изменилось, всё такое же нервное, недоверчивое, тяжелое. А что у меня на душе творится не знаю и боюсь даже туда заглянуть. Может быть я сама во всем виновата... Гр.Гр. усиленно торопит, чтобы обвенчаться летом, не уезжать за границу. Может быть так и будет, не знаю...» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 821. Л. 8 об., 9 об.). См. письмо 816 и коммент. 18 к нему.

№ 842

6 июня 1911 г., Миасский завод

Миасский завод, 6.VI. 911

Дорогая моя Наталочка, сейчас переселяемся из Миасского завода на ст. Миасс в 4-х верстах, где нам дали помещение в железнодорожной школе. Отсюда на копи каждый день приходится ездить на станцию Миасс и терять время.

Вчера у меня опять сделалась довольно сильная желудочная болезнь, и я пролежал весь день. Принял Иноземцева, и потом у Ревуцкой оказался висмут, и я его принял. Это было очень неприятно, так как вчера должна была быть первая экскурсия, где мне надо было дать общие указания. Все они отправились одни и в общем довольно мало сделали. Сегодня я чувствую себя вполне здоровым, свежим, и мы отправимся в первую экскурсию. Утром еще до отъезда в Миасс я пойду к одному здешнему купцу, у которого есть продажный осмистый иридий (8–10 руб. золотник!) и у которого я надеюсь пересмотреть запас и выбрать интересный материал за ту же цену. Здесь я не буду больше 5–6 дней. В субботу или воскресенье надеюсь выехать в Петербург и 19–20 быть в Полтаве. Очень хочется отдохнуть. Здесь работа будет трудная, так как придется материал добывать. Надо кончать.

Нежно и горячо целую тебя, Нинульку¹ и всех наших. До свидания!

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 32–33.

¹ Н.В. Вернадская.

№ 843

9 июня 1911 г., Миас

Миас, 9.VI. 911

Дорогая моя Наталочка, послезавтра хочу ехать в Петербург. Уже несколько устал и хочу отдохнуть. Хотя здесь очень интересно. Кажется удастся наладить дело как следует, но мало все-таки здесь пока сил.

Чувствую сейчас совсем себя хорошо – и очень я теперь осторожен и с едой и с экскурсией. Стараюсь себя не утомлять.

Пишу несколько слов перед экскурсией – идем с Владимиром Ильичем¹ на копи.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю² и всех. Ты не написала, можно ли мне остановиться на квартире?

Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келлиновский просп., д. Янович. **Полтава**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 34.

---

¹ Крыжановский.

² Н.В. Вернадская.

№ 844

11 июня 1911 г., Миасс

Миасс, 11.VI.911

Дорогая моя Наталочка, сегодня ездил в Миасский завод и получил там несколько твоих писем. Очень за них благодарю. Бедная Нюточка¹, но я очень рад, что она разорвала с Г.Г.² Забудется всё это, а то была бы связана на всю жизнь!

В Полтаву, конечно, могу не заезжать и ехать прямо за границу, но я очень бы хотел заехать повидать Марию Ивановну³, Георгия⁴. Может быть на обратном пути? С другой стороны, может быть ты с Ниночкой⁵ утомишься, если мало пробыть за границей. Я думаю быть у вас около 19 июня. Послал тебе телеграмму – реши сама, как.

Думал уехать отсюда сегодня. Уже устал и хочется кончить. Но Ферсмана нет и для дела не могу оставить все брошенным. Пришлось отложить поездку на один день – завтра утром уехать в Златоуст (70 верст), повидать там между поездами горного начальника и там захватить поезд, который повезет меня в Петербург. Буду там в среду вечером. Пробуду дня два и затем уеду (в) Полтаву или за границу, согласно твоей телеграмме.

Здесь страшная жара. Я хочу скорее здесь все закончить: я и поседел и похудел, говорят, и хочется мне других впечатлений. Сегодня утром я с Владимиром Ильичем⁶ ездил было на Кисягач к главному лесничему (12 верст), но по дороге его встретили и решили дело о топографической съемке копей. К нам прикомандировывают очень симпатичного живого помощника лесни-

чего Кулика, любителя минералов и природы. Он снимет карту и пойдет следом за работой Елизаветы Дмитриевны⁷ и Владимира Ильича. Но лесничий хочет, чтобы к нам прикомандировали чертежника и для этого надо ехать в Златоуст.

Если мы всего этого добьемся, то у нас для Урала будет сделана большая работа. Владимир Ильич оказывается хорошим работником, и я рад, что не слушался всех наветов. Но, кроме нанесения на карту, мне хочется добыть здесь материал, достаточный для начала работ с уральским радием. Надо добыть 2 пуда нужных минералов – при этом масса всяких мелочей. Тут мы приспособили одного из московских студентов, очень симпатичного, Федоровского, которого здесь встретили.

Думаю, что дело здесь наладил.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Целую. От Нинуси здесь получил письмо, за которое очень ей благодарен. Адрес. Гули?⁸

Оп. 7. Д. 55. Л. 35–36.

---

¹ А.С. Короленко.

² Г.Г. См. коммент. 18 к письму 816.

³ Старицкая.

⁴ Г.Е. Старицкий.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Крыжановский.

⁷ Ревуцкая.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 845

27 августа/9 сентября 1911 г., Берлин, Königgrätzer Strasse, 5

Берлин, 27.VIII/9.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе вечером, вернувшись из библиотеки и прогулявшись. Вы еще с Ниночкой едете в России – еще 12 часов вам ехать.

Вчера вернулся один в свою комнату, за минуту-две до 12 часов. Скоро лег спать и крепко проспал до 6 $\frac{1}{2}$ –7 часов утра. Сегодня работал в библиотеке. Сделал больше, чем ожидал и думаю, дело у меня пойдет быстро. Работал 7 часов, но постараюсь увеличить немного рабочее время: больше утомительно – а у меня еще кое-что есть и другое делать. Я начинаю разбираться в библиотеке и несмотря на дефекты – можно приноровиться и повести дело хорошо. Если оно у меня так пойдет, как сегодня, то удастся сладить скорее. Но завтра перерыв – хотя у меня есть работа и дома.

Завтра хочу поехать в Ботанический сад, если позволит погода. Сейчас она как будто немного хуже.

Обедал в Pschorrbrau¹ – немецкая еда, свежая. Главное быстро. Вечером купил сыр и хлеб. А сейчас заказал к 8 часам себе в комнату чай и 2 яйца. Комнату мне переделали, всё по-прежнему тихо. В то же самое время все

исключительно чисто – совершенно необычно для гостиницы. Я думаю, я никуда и не перееду отсюда.

Прошелся по Тиргартену. Странно, как-то всегда города соединяются с людьми, с друзьями, близкими, знакомыми. И мне в Берлине часто вспоминаются Ал.Мих.², Пав.Ив.³ и главным образом Аргутинский. Здесь я с ним гулял, когда он еще работал у Вальдейера и потом на его духовном облике как-то исключительно сильно отразился современный Берлин и современные немцы той своеобразной идеологией, какую они создали себе в стремлении к мировой жизни. И теперь, какая-то грусть охватывает мою душу в Берлине...

Страшно жду известий о вас. Мне дороги новые шаги нашей деточки.

Марии Ивановне⁴ напишу. Напишу еще несколько слов Нюте⁵. Мне кажется ей теперь одной тяжело. Идя по Тиргартену и ощущая пережитое с Берлином, я как-то особенно понял, что ей, не имеющей в противоположность мне дела в Вилляре или где она⁶, каждое письмо является большим удовольствием. Эти три письма (и также Ниночкины⁷ два) пойду брошу – а затем засяду писать другие, читать, еще работать над книгой.

Горячо и нежно целую тебя и Нинусю нашу. Мне очень тяжело, что я, не желая и не понимая, чем огорчил тебя эти дни, но я весь подавлен внутренней работой, связанной с научной мыслью и переживанием поворота колеса жизни⁸, хотя бы в смерти П.М.⁹

Горячо целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 38–39.

¹ Название рисунка.

² Александра Михайловна Калмыкова.

³ Павел Иванович Новгородцев.

⁴ Старицкая.

⁵ А.С. Короленко.

⁶ А.С. Короленко лечилась в Швейцарии, письмо к В.И. Вернадскому от 26/VIII/8 IX 1911 г., 13.13.1911 г. из Ачкеуса, от 20.IX 1911 г. – из Уекеу, от 23/IX, 24.IX, 27/X, 29.IX, 30.IX, 12.X 1911 г. из Basel'я.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Имеется в виду уход из Московского университета и переезд в С.-Петербург.

№ 846

29 августа/11 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, Königgrätzer Strasse, 5
29.VIII/11.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов вечером немного усталый. Посылаю письмо Нины¹, которое пришло сюда вчера.

Вчера был в Ботаническом саду – это далеко за Берлином. Довольно интересно – превосходные оранжереи. Мне очень было жаль, что не было Ниночки². Сад новый, около 48 десятин. Странно сейчас я как-то выношу особое настроение от этих посещений. Я вижу в живом растительном организме какую-то стихийную силу и во всех изменениях его форм – при всей их ориги-

нальности и красоте – как-то чувствуется холодное, тяжелое и беспощадное усилие. Мысль ясно чувствую, но не могу выразить. Исчезает интерес к форме, так как ясно видишь, что можно проникнуть за нее.

Был ветер, холодно, и я должно быть немного простудился: отразилось на желудке. Но сегодня я совсем здоров – оделся в теплое. Купил плащ. Сегодня, впрочем, теплее вчерашнего и обещают еще тепло.

Опять смерть – Миклашевский. Узнай адрес Пергамента. Михаил Яковлевич? Узнай от Сергея³, в каком положении вопрос о штатах. Из Москвы и Ферсман и Касперович молчат! Я написал Гуле⁴ и Ревуцкой, прося разузнать.

Работаю в библиотеке усиленно. Из тех книг, которые мне очень нужны и из-за которых не подпишу два листа к печати, не достал трех. Завтра поеду в другую библиотеку – и может быть обращусь в Союз прусских библиотек – любопытное и интересное учреждение. Надо необходимо провести это в России и совершенно возможно через Академию.

Думаю завтра закончу с корректурами и примусь за текст⁵. Получил твою открытку с границы, очень благодарю и жду известий. Нежно и горячо целую тебя и Нинусю мою золотую.

Твой Владимир

От Гали⁶ получил письмо – там хорошо – но пансион закрывается самое позднее через три недели. Она пишет о Heimats Weh или Familien Weh⁷.

Послал ей Л. Браун.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 40–41.

---

¹ Возможно, Нина Егоровна Жедринская.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Речь идет о работе В.И. Вернадского над книгой «Опыт описательной минералогии» (СПб.: АН, 1912. Т. 1: Самородные элементы).

⁶ А.С. Короленко.

⁷ А.С. Короленко отдыхала в Arveyes «Hotel de Sapins», откуда 26.VIII/8.IX 1911 г. писала В.И. Вернадскому: «У меня же что-то вроде Heimats Weh, или Familien Weh, или сама не знаю что такое. Хочется в Россию...» (АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 821. Л. 16 об.).

№ 847

31 августа/13 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, Königgrätzer Strasse, 5
31.VIII/13.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил от тебя письмо из Петербурга и перенесся бы к вам. Думаю, скоро уже и я буду в Петербурге, так как работа моя подвигается скорее, чем я думал. Будь иное устройство немецких библиотек – она пошла бы скорее. В Лондоне я наверное выгадал бы – при той же затрате моего труда – несколько дней!

Во всяком случае, для меня ясно, что я кончу работу раньше трех недель. Можешь судить по тому, что на 1-ую часть, на которую я считал минимум 4–5 дней, я потратил 2 ¹/₂. Теперь начал отделять текст о газах и, судя по сегодняшней работе, я вижу, что и его кончу вдвое скорее, чем ожидал. И при этом я отделяю как следует, делая что можно сейчас. Рукопись я тебе буду посылать по частям, а ты отправляй ее в типографию Академии¹. Для этого переговори по телефону в Геологическом музее с Иннокентием Павловичем Толмачевым и попроси его прислать сторожа с разносной книгой. В разносную книгу впиши содержание пакета.

Корректуры уже все отправил. После текста останутся только добавления и исправления, а затем указатели, которые будут идти уже в Петербурге!

Ввиду такой быстроты работы, начинаю подумывать о том, чтобы меня не задержали здесь хлопоты с инструментами. Начну завтра же – спишусь с Эбергардом и посетю некоторые здешние фирмы научных инструментов. Очень бы мне хотелось ознакомиться с работами над мезоторием.

Здесь тепло, а сегодня даже душно. Но завтра предсказывают небольшое охлаждение. Я хожу без пальто.

Знаешь, Нюточка² спрашивала у меня в письме, не у меня ли ее паспорт – я сейчас же все перерыл и не нашел. А одно время, в Лейне, она мне давала! Написал ей тотчас же – еще не имею ответа. На всякий случай, посмотри у себя, хотя я думаю – она найдет у себя.

С нетерпением жду известий о Нинулиных³ впечатлениях в гимназии. Какой адрес Гревсов?

Сейчас мне принесут чай и 2 яйца, и я хочу свести сегодняшнюю работу в библиотеке. Меня уже тянет от книжной работы к опытной.

Нежно обнимаю тебя и деточку. Пашу⁴ целую. Что Милюковы? Видал здесь Каминку – он передавал хорошие известия о Петрункевиче. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 42–44.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ П.Е. Старицкий.

№ 848

2/15 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 2.IX/15. 911

Дорогая моя Наталочка, спасибо за письма! Сегодня посылаю тебе первые страницы рукописи (427–445)¹. Пошли их со сторожем в типографию Академии, с разносной книгой, снесясь по телефону, как тебе писал, с Иннокентием Павловичем Толмачевым. Работа моя подвигается и дальше быстро. Надеюсь во вторник-среду прислать тебе продолжение.

Здесь все время чудная погода, и я много гуляю. Хожу все пешком: за всё время один или два раза ездил по конке! В воскресенье, завтра иду в оперу, на «Валькирию» Вагнера. Хочется музыки.

Посылаю тебе письмо Нюты². Мне кажется, ей нечего сидеть в Веве. В этом смысле я ей пишу. Как это она умудряется заболеть от молока – надеюсь, все сойдет благополучно.

Гуле³ писал, но не имею от него ответа. Писала ли в Зимятчено? Скажи бесценной деточке⁴, что я ей на днях пишу и благодарю ее за ее царапанье. Пишу тебе сегодня утром, так как вчера вечером что-то устал и не написал (вдруг опять сделалось с желудком – сейчас здоров). Изменил режим – не успел закупить продукты и зашел съесть сыр и пиво в хорошую Bierhalle⁵. Сыр мне показался неважным – должно быть от этого. Получив только известие о Нине в гимназии – жду из гимназии.

Как печально кончает Столыпин. Как ужасно и отвратительно убийство – я с ним примириться не могу. Но смерть Столыпина для России безразлична. Посылаю тебе правильную статью «Berliner Tageblatt». То же говорят и другие либеральные газеты.

Моя дорогая Натуся, завтра 3.IX. – 25 лет нашей дорогой мне, близкой жизни. Я не люблю годовщин и юбилеев и всяких приуроченных к внешним фактам или явлениям воспоминаний, но мне хотелось бы в этот день быть возле тебя, моей дорогой, горячо любимой.

Нежно тебя обнимаю. Поцелуй Нинолю нашу.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 44–45.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Пивная (нем.).

⁶ «Berliner Tageblatt» – ежедневная газета, издавалась в Берлине с 1879 по 1916 г.

№ 849

4/17 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 4/17.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера писал тебе и послал заказным вырезку из «Berliner Tageblatt»¹. Сегодня получил твое и Ниночкино² письмо. Очень хорошее письмо деточки, к сожалению, большой, и я ей пишу отдельно.

Получена открытка к тебе Сергея³ (из Gemmi!), где он просит мой адрес, который ему очень нужен. Узнай зачем. Ты не отвечаешь на мои вопросы – я просил тебя: 1) разузнать у Сергея о положении дел в Академии (о штатах) и 2) адрес Аргутинской.

От Гули⁴ получил письмо, которое посылаю. Я думаю ему не стоит покупать этого ценза, так как выборы в Тверской губернии не отвечают его годам.

От Ивана Ильича⁵ получил письмо, которое посылаю. О Ц.К.⁶, конечно, не надо больше говорить. Хорошо было бы, если бы ты написала Ан. Серг.⁷

Меня удивляет молчание Самойлова, который не отвечает на мое письмо: ладно ли у них с Шуриком⁸. Вообще я в недоумении: Касперович не отвечает, а надо решать с Кюри. От Ненадкевича нет вестей (узнай в Геологическом

музее – нет ли), а между тем он должен был бы спуститься с Батугова. Взяла ли вещи из музея?

Мне так хочется к вам в Москву. Хотя ты и говоришь, что мне всё равно и очень тяжело огорчаешь, что это думаешь, но я тут себя чувствую очень неуютно. А между тем боюсь уехать, не сдав рукописи, так как в Петербурге хочу иметь развязанными руки и боюсь надолго отложить затянувшееся печатание⁹. Очень надеюсь всё кончить к концу следующей недели – осталось быть здесь почти две!

Нежно и горячо обнимаю тебя, моя дорогая. Дочку целую тоже крепко.

Твой Владимир

Хотя и не люблю всяких дат жизни, а всё же невольно возвращаешься к 25 годам нашей, страшно мне дорогой близости. Нежно тебя целую.

Оп. 7. Д. 55. Л. 46–47.

¹ См. коммент. 6 к письму 848.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Ф. Ольдербург.

⁴ Г.В. Вернадский в письме от 1/14 сентября из Москвы писал: «Соня Бакунина говорит, что в Новоторжском уезде продается ценз, но дорого, за 4000 рублей, причем можно продать лесу по крайней мере на 1000 рублей, так что ценз обойдется в 3000.

По слухам, этот ценз очень хочет купить Булацель, и поэтому Бакунины, Петрункевичи и другие очень хотят, чтоб я его купил. Говорят, что в Новоторжском уезде мне обеспечено избрание в гласные, что совсем не так в других уездах. Вообще было бы, конечно, очень приятно в Новоторжском уезде, но... «Но» такие:

1. Выборы будут в июле будущего года, когда мне ещё не будет 25 лет, и, следовательно, торопиться мне особенно не стоит;

2. В Весьегонском уезде можно купить ценз за 500–1000 руб., а в Новоторжском уезде – дорогой;

3. Вообще лучше бы еще с тобой обо всем этом лично поговорить.

Деньги 4000 я мог бы достать таким образом: сделать долгосрочный заем у себя самого (дедушкиных денег у меня как раз около 4000. Так как земля – верное приложение и сохранение денег, то по-моему, на такой заем я могу решиться с чистой совестью. Если тебе покажется, что этим предложением следует воспользоваться, телеграфируй мне» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 305. Л. 61–62).

⁵ Петрункевич.

⁶ Имеется в виду ЦК кадетской (Конституционно-демократической, или «Партии народной свободы») партии.

⁷ Анастасия Сергеевна Петрункевич.

⁸ Александр Яковлевич Самойлов.

⁹ См. коммент. 5 к письму 846.

№ 850

6/19 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 6/19.IX. 911, утро

Дорогая моя Наталочка, сегодня утром нет от тебя письма, а почта из С.-Петербурга приходит здесь один раз в день. Я так привык и жду твоих утренних писем. Должно быть что-нибудь задержало! Завтра посылаю тебе вторую часть рукописи¹. Думаю, что всего будет 4 посылки и очень мечтаю закончить всё в начале следующей недели. Сейчас довольно трудная работа:

пишу сводку о газах в земной коре, которой нет. Мне кажется я ее делаю впервые, по крайней мере я не знаю ни одной такой работы. Не знаю, будут ли меня читать.

Послезавтра еду в Потсдам – списался с Эбергардом, от которого получил очень милое и любезное письмо. Очень мне интересно видеть его устройство. Ведь тем, чем я занимался в Москве, занимается Юрбен в Париже, которого я не мог застать, Гартлей в Дублине и Эбергард. Лучший аппарат у Эбергарда. Из здешних минералогов никого не видел: пойду завтра и постараюсь застать Либиша или Беловского. Может быть сегодня зайду к Шейбе. Никто из них не особенно интересен.

Погода переменяется – вчера и сегодня пасмурно и прохладнее – вчера, был и дождь. Но я все-таки много хожу. Чувствую себя недурно, только желудок не ведет себя как следует. Вчера был на диете и принял салициловый висмут. Сейчас чувствую себя хорошо.

От Ньюты² получил вчера телеграмму, что она едет в Веве. Посылаю карточку Самойлова, из которой видишь, что я был прав – у них были больны дети.

Ответь на мои вопросы: 1) адрес Аргутинской, 2) о штатах Академии, 3) о Ненадкевиче.

Был в воскресенье на «Валькирии»³. Чудный оркестр, порядочные голоса и скверная игра. Может быть сегодня или завтра вечером пойду в филармонический концерт. Мне прямо нужна сейчас музыка. Будет зависеть от того, как пойдет работа: много ли придется отделять дома.

Посылаю Ниночке⁴ рисунок альпинистки 4 лет на Монблане. Нежно и горячо обнимаю тебя, моя дорогая Тутя. Нинулю целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 48–49.

---

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ «Валькирия» – опера Рихарда Вагнера (1853).

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 851

9/22 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 9/22.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера опять от тебя не было писем. И я не знаю до сих пор **ничего** из того, что спрашивал. Точно мои письма не доходят! Получила ли и отправила ли в типографию мои рукописи¹? Что Ненадкевич? Как штаты Академии? Как с деньгами Земятченского? Очень меня огорчает, что ты совершенно не отвечаешь на эти и другие вопросы, которые тебе писал.

Вчера был в Потсдаме у Эбергарда. Очень интересно и сам Эбергард мне понравился. Я решил приобрести нужные инструменты (на Леденцовские средства) того же типа, как там. Сегодня списываюсь с потсдамским механиком. Главные два прибора будут стоить 2500 руб., но зато я получу, наконец,

возможность вести работу как следует! Любопытно, что и Эбергарду приходили, очевидно, в голову некоторые из тех мыслей, какие есть у меня. Он тоже думает, что этим путем можно открывать химические элементы. Я иду далее и думаю, что, сделав некоторые методологические поправки, можно этим путем захватить и открыть все элементы! Если сговорюсь с механиком, то должно быть к весне буду налаживать работу в Петербурге. Был и у Либиша – ничего особенно интересного не видел. С Эбергардом, думаю, буду поддерживать научные связи.

Хочу уже в начале будущей недели выехать; может быть удастся выехать в среду! Хочется уже скорее к вам и уже войти в работу. Я думаю к среде кончу. Скажи в типографии (телефон, вызвать надо Владимира Васильевича Нордгейма), чтобы корректуры не присылали в Берлин, а присылали на квартиру.

О приезде буду тебе телеграфировать.

Работаю недурно и чувствую себя так себе – всё время болею желудком и решительно не знаю, как с этим справиться. Досадно всё об этом думать, но мешает. В Потсдаме прямо неприятно было в Астрофизической обсерватории!

Из Москвы ничего не получаю и не знаю, что там делается. Но и мне сейчас масса писем – и отвечать не успеваю.

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю² ненаглядную. Ей постараюсь написать сегодня вечером. Горячо обнимаю.

Твой Владимир

P.S. Не забудь подписаться на «Речь»³, «Русские ведомости»⁴, «Энциклопедический словарь».

С Гулей⁵ согласен. На меня убийство Столыпина тяжело подействовало, тем более, что я лично его знал. Признавая все отрицательное значение его деятельности, я вижу впереди начало тяжелого: кровь родит кровь и Столыпин это испытал и испытают его противники. Выход может быть один – настоящее правовое устройство, но будет оно стоить крови...

Только что пришло письмо, где есть часть ответов. Благодарю очень. О штатах мне страшно важно знать для переговоров с Москвой. Ведь Сергея⁶ по телефону всегда можно вызвать от 8 до 1 часу: он у него на столе.

Нежно целую.

Оп. 7. Д. 55. Л. 50–51.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² Н.В.Вернадская.

³ «Речь» – ежедневная газета, выходившая в Петербурге (1906–1917), центральный орган партии кадетов.

⁴ «Русские ведомости» – одна из крупнейших русских газет, выходившая в Москве (1863–1918), с 1905 г. перешла к кадетам.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ С.Ф. Ольденбург.

11/24 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 11/24.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, все время хочется к вам, мои дорогие. Завтра посылаю тебе третью присылку рукописи (468–490 стр.)¹, которую ты перешли в типографию, как и первые две. Последнюю начал уже обрабатывать и привезу сам. Надеюсь уехать в середине недели, самое позднее в пятницу.

Нюта писала, что хочет приехать сюда в конце недели, тогда она меня не застанет. Она сейчас где-то около Базеля², где Пейкер³. Оттуда она мне не писала. Я написал туда ей о своем отъезде, но она дала такой странный адрес, что я не уверен, что мое письмо дойдет.

Корректуру статьи Вейберга получил – пошли ее по прочтении прямо Толмачеву.

Ответ Сергея⁴ какой-то мифический. Не знаю, что понимать, а между тем сейчас надо отвечать, Касперовичу и мне крайне важно было бы знать точно.

Из Москвы наконец получил письма Ферсмана и Касперовича. Пошлю их тебе, когда на них отвечу, так как они дают интересную картину жизни кабинета⁵. Гуля⁶, которого я просил разузнать, ничего не отвечает! У Ферсмана всё еще ожидание, а Касперович пишет, что успокоился и разводится с женой.

Завтра кончаю с Тепфером о приборе – будет стоить не менее 5000 марок, но зато я ясно вижу, что получаю огромное орудие для проникновения в неизвестное. Знаешь, я это физически чувствую. Мне кажется, я сейчас в своей работе иду отчасти бессознательно: странное ощущение, точно ведет какая-то неведомая мне сила!

Своей работой мало доволен. То, что я делаю – *tour de force*⁷. И всё же посылаю необработанным. И такое чувство – точно не будут читать. Здесь с немцами опять длинные объяснения, что пишем по-русски. Действительно, может быть следовало бы помещать хотя бы краткое резюме на иностранных языках! Но нам надо завоевать самостоятельность. От Ненадкевича получил письмо; кажется очень удачно, его экскурсия!

Ты мне не пишешь об Ане⁸; думаю, что надо понимать хорошо. Пишу ей и Марку⁹ сегодня. Знаешь, я получил как-то письмо от Марии Ивановны¹⁰ и очень тронут.

Нежно и горячо тебя и Нинусю¹¹ целую.

Твой Владимир

Вчера начал и увлекся книжкой Грута о религии Китая¹². Как много тут живого – без ростков, но задатки.

Оп. 7. Д. 55. Л. 52–53.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² А.С. Короленко.

³ Пейкер Александра Ивановна.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ Имеется в виду Минералогический кабинет Московского университета.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Дело необычайной трудности (фр.).

⁸ А.Е. Любошинская.

⁹ М.М. Любошинский.

¹⁰ Старицкая.

¹¹ Н.В. Вернадская.

¹² *Groot Maria*. The religion of the Chinese: In 6. Vol. New York: The Macmillan Company, 1910.

№ 853

13/26 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 13/26.IX. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера послал тебе третью часть рукописи (468–493)¹; теперь сижу над четвертой, которую закончу и увезу с собой. Самое трудное сделано. Уехать в среду, конечно, не удастся, вероятно, выеду в пятницу и в субботу вечером или в воскресенье утром буду в Петербурге. Вчера же заказал Тепферу приборы; будут стоить – без пересылки 5200 или 5400 марок! Оба прибора для меня совсем новые. Ужасно интересно, но как я с ними справлюсь: нужны хорошие помощники. Надо чтобы скорее Касперович и Ревуцкая переходили в Петербург. Может быть, удастся наладить Лезедову. У меня масса планов дальнейшей научной работы – нужны время, средства и люди. И затем, надо все-таки, чтобы работа окупилась и с точки зрения практических применений. Сейчас по возвращении придется заняться печатанием книги², затем отчетом по радио³ и хочу готовить речь для Леденцовского общества о запасах радия в земной коре⁴.

Не знаю, говорила ли ты, как я просил, с Нордгеймом (Владимир Васильевич, Академическая типография – телефон), заведующим академической типографией о том, чтобы мне не пересылали сюда корректуры, а посылали их к нам на квартиру. Я получил опять корректуру сюда, но может быть она была послана до твоих переговоров?

Среди работы почти не успеваю ничего читать, кроме газет. Как-то всё время уходит и переписку запустил и другие работы стоят. Но оказалось вся рукопись в этой своей части у меня мало подготовлена – я ее совершенно перерабатываю и частью пишу вновь. Много приходится читать в связи с этой работой – в последнее время по бактериологии! Все это очень интересно, но как-то особенно сильно чувствуешь свое незнание. Чем дальше живешь, думаешь и работаешь, тем все ярче и глубже встает картина непонятного!

Нежно и горячо целую тебя и Нинулю⁵ драгоценную – теперь скоро увидимся. Не знаю, буду ли еще писать – может быть только пришлю телеграмму о выезде.

Нюта⁶ совсем исчезла с горизонта.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 55. Л. 54–55.

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² То же.

³ См. выступление В.И. Вернадского на Общем собрании АН о состоянии и неотложных нуждах исследований радиоактивных минералов России, которое состоялось 5 мая 1912 г. – Известия АН. 6 серия. 1912. № 13. Т. 6. С. 793–794.

⁴ Вернадский В.И. Радиоактивные руды в земной коре: Речь, прочитанная в заседание 2-го съезда деятелей практической геологии и разведочному делу 27 декабря 1911 г. М.: Общество содействия успехам опытных наук, 1912 // Временник. 1912. Вып. 1. С. 17.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ А.С. Короленко.

№ 854

15/28 сентября 1911 г., Берлин

Берлин, 15/28.IX. 911, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера, не было от тебя письма – должно быть ты решила, что я в среду уже уеду. Уезжаю завтра вечером (с тем поездом, как и ты) и в воскресенье утром буду в Петербурге! Был бы рад, если бы ты приехала на вокзал, хочется уже скорее к вам. Сегодня надеюсь закончить в библиотеке текст. Добавления и исправления начал писать, но их сделаю в Петербурге¹.

Вчера видел Елиз. Алекс.², которая здесь проездом. Она совсем убита, едет в Казань и думает попытаться остаться в России. Хочет похоронить урну П.М.³ здесь. Ведь смерть пришла совершенно неожиданно: они выехали без вещей на прогулку на Гардское озеро с обратными билетами! Она думает, что врачи не узнали болезни – по-видимому, какая-то форма тифа или гастрической инфлюэнцы! Вероятно, то же что было у И.И.⁴ Петр Михайлович умер с сознанием, сам определил время, до которого доживет. Всё это ужасно и жизнь так зыбка. Ну, да ничего не поделаешь.

Нежно и горячо обнимаю вас обеих.

Твой Владимир

От Ньюты⁵ имел телеграмму: «Будет Берлине понедельник». Пишет о письме, которого еще не получил.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский о., 14 линия, 45, **Петербург**, St. Petersburg, Russie.

Оп. 7. Д. 55. Л. 56.

---

¹ См. коммент. 5 к письму 846.

² Елизавета Александровна Аргутинская.

³ Петр Михайлович Аргутинский.

⁴ Очевидно, Иван Ильич Петрункевич.

⁵ А.С. Короленко.

№ 855

22 декабря 1911 г., Петербург

Петербург, 22.XII. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу перед заседанием. Сейчас пойду делать доклад¹. Ньюта² идет слушать. Утром был у Карпинского. Из разговора с ним вынес, что то, что я буду говорить и для него совсем ново, и он думает, что на эти явления не было обращено внимания. А значение их бросается в глаза.

Мои термины останутся – он правду говорит, что надо бы иностранные взять с греческого или латинского языка. Но придумывать нет времени. Сегодня весь день не выходил из дома, после К.³ и обрабатывал речь. Она у меня все-таки длинная, хотя почти нет лишних слов.

Завтра начну дописывать и обрабатывать другую⁴. Ко мне звонил Ал. Викт.⁵ – хочет придти поговорить о деле. Назначил ему завтра.

Нюта сегодня несколько усталая. Вчера я уже ее не застал, но она говорит, что плохо спала. Оля⁶ звонила и сильно огорчилась, что Ниночка⁷ с ней не простилась. Это действительно Нина напрасно сделала.

Нежно и горячо целую тебя и Ниночку драгоценную.

Как вы доехали? Всех Любощинских целую. Нежно тебя обнимаю, моя дорогая.

Твой Владимир

Гулечку⁸ поцелуй и скажи, что я хотел бы иметь от него известия.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любощинской** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Зубовский бульвар, 15, **Москва**.

Оп. 7. Д. 55. Л. 57.

---

¹ С докладом «О газовом обмене земной коры» В.И. Вернадский выступил 22 декабря на 2-м Менделеевском съезде. См.: Известия АН, 6 серия. 1912. № 2. Т. 6. С. 141–162.

² А.С. Короленко.

³ Александр Петрович Карпинский.

⁴ См. коммент. 4 к письму 853.

⁵ Личность установить не удалось.

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 856

25 декабря 1911 г., Петербург

Петербург, 25.XII. 911

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером получил от тебя первое письмо. Очень был ему рад. Беспокоюсь, что не взяли теплого! Здесь тоже очень холодно – сейчас более 16°. Сегодня у меня будут обедать Зелинский и Эйхенвальд. Вчера обедал у Лели¹, очень она грустна. Речь подготовил, но еще не обработал. У меня есть новые выводы, но боюсь, что [речь] будет суха и скучна². Здесь видел немного народу, так как больше сижу и пишу, но, кажется, удастся организовать радиовое дело. Много интересного материала. Моя речь о газах³ прошла так себе: слушали внимательно, но я прочел ее, кажется, очень неважно. Непременно повидай Мензбира (от него имел милое письмо) и Карандеевых. Елизавета Дмитриевна⁴ писала, что Карандеевы остались из-за скарлатины в деревне в Москве. Повидай Миссуну. Сергею⁵ лучше. От деточки⁶ неожиданно получил письмо (раньше твоего) и пишу ей сегодня же.

Нежно и горячо обнимаю вас обеих моих драгоценных. Всех Любощинских целую. Целую тебя крепко.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Zubовский бульвар, д. Любошинских, квартира **Любошинских**, Москва.

Оп. 7. Д. 55. Л. 58.

---

¹ О.И. Алексеева.

² См. коммент. 4 к письму 853.

³ См. коммент. 1 к письму 855.

⁴ Ревуцкая.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Н.В. Вернадская.

№ 857

28 декабря 1911 г., Петербург

Петербург, 28.XII. 911

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов – у нас всё благополучно. Вчера читал и кажется с гораздо большим успехом, чем в первый раз. Иду сейчас на съезд¹, а затем обедаю у Кауфмана. Завтра академический обед и торжество. Был вчера вечером у Петрункевичей. У них всё хорошо – от П.Н.² нет ни слуху ни духу. Скоро жду. Надеюсь, телеграфируешь час, чтобы привезти теплое платье. Нюта³ хорошо себя чувствует.

Нежно целую драгоценную деточку⁴ и тебя, моих дорогих, горячо любимых.

Твой Владимир

Целую Любошинских.

Не забудь подписаться на 1/2 года – «Русские ведомости»⁵.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне Любошинской с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Zubовский бульвар, собственный дом, Москва

Оп. 7. Д. 55. Л. 59.

---

¹ В.И. Вернадский имел в виду Второй Всероссийский съезд деятелей по практической геологии и разведочному делу, который проходил в Петербурге с 26 декабря 1911 г. по 4 января 1912 г.

² Петр Николаевич Милюков.

³ А.С. Короленко.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ См. коммент. 4 к письму 851.

№ 858

22 мая 1912 г., С.-Петербург

СПб., 22.V. 912

Дорогая моя Наталочка, очень рад был получить от тебя письмо с дороги. Ты знаешь, что я очень был против этой поездки и ей совершенно не сочувствую, но теперь говорить об этом нечего. Надо надеяться, что она не будет для тебя и Нинули¹ вредной.

Нюта² вчера уехала – пришлось ехать ей раньше с другим поездом, так как на тот, с которым она хотела, билетов не выдавали! Хотя раньше на вокзале ей сказали, что выдадут. Удивительные порядки. Она многое напутала – с телеграммами и тому подобное и едва собралась, но, во всяком случае, успела уехать и надо надеяться, что всё будет у нее в Москве в порядке.

Вчера имел длинный разговор с Константином Автономовичем³. Были его именины, и он пригласил меня и всех работающих. Он был в ужасном настроении. Первая неудачная любовь. И объяснился он вчера. Он возьмет себя в руки, и я уверен, что всё будет хорошо. Он говорил, что вывел его из равновесия вопрос Паши⁴ и какое-то твое замечание, что он всё еще не может кончить Горного института и т.д. – очевидно, был совсем не в своем настоящем состоянии.

Он хочет кончить как-нибудь Горный институт, чтобы иметь второй диплом и быть дальше в жизни независимым, но не хочет оставлять Академии и говорит, что пока я там, он меня не оставит. Я понимаю так его заботу о дипломе: на случай моей смерти или ухода из Академии. Из разговора с ним я понял и его огромную привязанность ко мне и то, что я чего-то в дружбе не даю ему – того, чего он хочет. Странно, что он кое-что говорил мне совсем, как Крымский. Объект его любви едва ли его стоит, а его соперник совсем плох! Но конечно это страшно тяжело ему: ему 32 года, он никого не любил и характер его жизненной работы своеобразный – для науки он жить не может – ему надо жить для кого-нибудь и раньше он жил для матери, которая умерла года два назад. Очень я боялся влияния на него современной мании самоубийства, но после разговора с ним в этом я совершенно успокоился.

Пороховщикovu написал вчера. Сегодня Прасковья Кирилловна⁵ всё время «отсутствует», куда-то пошла по твоим делам. У меня по делу обедают Владимир Ильич⁶ и Елизавета Дмитриевна⁷. Ферсман вчера уехал на Урал. Вечером пойду проститься к Гревсам, которые завтра уезжают. Получил трогательно милое письмо Ивана Ильича⁸. Посылаю тебе открытки А.С.⁹ и Кати Ильинской. Какой адрес Гули?¹⁰

Нежно и горячо целую тебя и Нинолю. Привет Милюковым.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 1–2.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Ненадкевич.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Казакова.

⁶ Крыжановский.

⁷ Ревуцкая.

⁸ Петрункевич.

⁹ Анастасия Сергеевна Петрункевич.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

25 мая 1912 г., С.-Петербург

СПб., 25.V. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера писал Нинусе¹. Вчера был на панихиде по Петру Федоровичу². Он мало изменился, лишь похудел. Видел его сына³ – удивительно он стал похож на отца. Мы с Пашей⁴ говорили о венке и решили лучше передать некоторую сумму на школу или больницу в Никополе. Я думаю, ты будешь этому сочувствовать.

Вчера же был в Ц.К.⁵ Было немного народа, но в общем чувствуется какое-то более бодрое настроение. Был у И.И.⁶ и А.С.⁷ Иван Ильич молодцом, он загорел и вид у него хороший. А у Анастасии Сергеевны – более усталый. Я думаю с Урала захватить к ним в Марфино, если они не уедут в Крым. От крымской весны они в восторге. Мил. говорит, что наш участок⁸ можно всегда обменять, и мы можем не торопиться.

Был у Кауфманов. Как-то чего-то не хватает в этих отношениях. И я не могу сказать чего – это всегда было. Они уезжают сегодня.

Вчера прошли наши штаты! И мы получили наши деньги – 4200. Сегодня уезжает Крыжановский, завтра – Белянкин и Лезедова. Я хочу ехать 1-го вечером – до Перми проеду с Ревуцкой. В Перми остановлюсь и затем в Кушве встречу с Ферсманом. Константина Автономовича⁹ почти не видел в сутолоке. Хотел было с ним в субботу куда-нибудь отправиться загород, но к нему должен сегодня приехать отец. Может быть это к лучшему. Он чувствует себя скверно. А я плох в таких делах.

Сегодня у меня вечер – Краснов, Митя¹⁰, может быть Ремезов и Паша¹¹.

М. Гревс говорила мне, что по ее справкам – два года назад – те, которые не хотят подчиняться целиком режиму санатория, могут жить рядом в вилле. Конечно, отсюда советовать трудно, но я бы очень хотел этого для Ниночки, даже если это будет и дороже.

Нежно целую тебя и мою деточку. Привет Милюковым.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 3–4.

¹ Н.В. Вернадская.

² Рерберг.

³ Федор Петрович Рерберг.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Имеется в виду Центральный Комитет Конституционно-демократической партии (партии Народной свободы).

⁶ Иван Ильич Петрункевич.

⁷ Анастасия Сергеевна Петрункевич.

⁸ Имеется в виду участок земли, который Вернадские приобрели в Крыму.

⁹ Ненадкевич.

¹⁰ Дмитрий Иванович Шаховской.

¹¹ П.Е. Старицкий.

26 мая 1912 г., [С.-Петербург]¹

26.V. 912

Дорогая моя Наталочка, посылаю присланные письма – в том числе Гулино².

Уезжаю I-го. Надеюсь будешь писать аккуратно и правильно, то есть еще до отъезда получи от тебя письмо из Цюриха.

В случае чего для телеграмм до 6 июня Верхотурье. Я спрошу там на всякий случай телеграмму. Мой постоянный адрес: станция Миасс, Самаро-Златоутовской железной дороги. Для заграничных телеграмм и заказной корреспонденции: Миасский завод (Оренбургская губерния). Пожалуй, лучше не телеграфируй в Верхотурье, а только в Миасский завод: мне оттуда пере-телеграфируют.

Ничего не успею сделать и сейчас никак не слажусь. Да и то сказать – вместо укладки все отделяваю свои очерки по истории естественно-исторических наук в России!³

Вчера вечером были Краснов, Ушинский, Ремезов, Митя⁴.

Было ничего. Только в вопросе об евреях поспорили: Ушинский и Ремезов умеренные антисемиты. Ушинский страшно разочаровался в своем Министерстве народного просвещения и хочет уходить. Он считает для тебя санаторий полезным, так как думает, что все дело у тебя – укрепить нервы. Но я как-то не спокоен с этой «Lebendige Kraft»⁵. Не следовало ли бы тебе повидать Эрисманов? У него был удар, но не знаю, как теперь.

Нежно целую тебя и Нинулю⁶ драгоценную. Привет Милюковым.

Твой Владимир

Иду на вынос Петра Федоровича⁷, потом к Петрункевичам.

На обороте страницы рукой Н.Е. Вернадской написано: *Stresa Italie Gr. Hôtel et des lies Boroucées*⁸.

Оп. 7. Д. 56. Л. 5–6.

¹ Письмо написано в Петербурге, что следует из его содержания: «Уезжаю 1-го».

² Г.В. Вернадский.

³ Речь идет о работе над рукописью «Очерки по истории естествознания в России в XVIII в.», в основу которой были положены лекции, прочитанные И. Вернадским в Петербургском университете в 1912 г. (См.: Русская мысль. 1914. № 1. С. 1–23; Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 63–201).

⁴ Дмитрий Иванович Шаховской.

⁵ Санаторий в Цюрихе, где отдыхала Н.Е. Вернадская.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Рерберг.

⁸ Возможно, это адрес О.И. Алексеевой, которая в это время отдыхала в Италии и о которой В.И. Вернадский упоминает в письме 861.

27 мая 1912 г., Петербург

Петербург, 27.V. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера получил твое и Нинусино¹ письмо из Цюриха. Рад, что вы доехали хорошо. Скажи Нинусе, что очень ее целую за ее «большое» письмо и напишу ей должно быть завтра.

Я хочу выехать 31-го. Еще не брал билета, а говорят все страшно переполнено. Как всегда к концу масса всякой возни и всяких хлопот. Еще ничего не уложено и только что начинаю. Работается в лаборатории очень плохо и как-то всё время расходуется незаметно.

Мой адрес: ст. Миасс, Самаро-Златоустовской железной дороги, а для заказной – Миасский завод. Начну поездку только 5-го июня! Пробуду день в Перми, а 5-го встречу в Кушве с Ферсманом, который должен там меня ждать. Из Кушвы поедем на лошадях (целый день) в Верхотурье. В Миассе – частью по железной дороге, частью на лошадях – будем не раньше 10 июня.

На обратном пути я хочу заехать не только в Вернадовку, но и к Петрункевичам в Марфино, где пробуду несколько дней, дня два-три – так что поеду через Москву.

Напиши мне имя и отчество Шилина и имя, отчество и фамилию управляющего в Вернадовке². Знаешь, странно, что Попова тебе не написала о 100 рублях? Получила ли она их?³

Штаты наши проходят – я не помню, писал ли тебе, что место мы потеряли против нашей лаборатории: его отдали Министерству торговли!

Вчера вечером был у Чернышева в связи с делами музея: все-таки всё это очень неопределенно; не знаю, как всё сложится. Пишу утром и жду сейчас Коловрат-Чирвинского, молодого физика, работавшего у Кюри. Сегодня пойду в город – в банк, покупать платье и т.д., а затем завтракаю у Сергея⁴ в связи с академическими делами.

Несколько устал и очень хочется уже отсюда уехать. Не могу даже сказать, чтобы мне хотелось природы или других каких-нибудь таких впечатлений – мне тяжела сейчас немного та бивуачность, которая чувствуется в работе и жизни. Думаю, что если бы работа не должна была бы прерываться – то мог бы остаться и здесь. Той тяготы к поездке и природе, какие обычно бывают у меня весной, сейчас нет.

Писал Оле⁵. Не напишешь ли ей и Каменской, чтобы получить какие-нибудь сведения? От Нюты вчера имел записку⁶ – она очень довольна, но устала. Леле⁷ писал по адресу: Stresa Italia (Lago Maggion).

Получила ли мои письма и присланные тебе (между прочим Гулино)⁸. Пересылаю письмо Ивана Ильича⁹ – конечно только для тебя.

Нежно обнимаю тебя и Нинулю. Привет Милуковым.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 7–8.

¹ Н.В. Вернадская.

² В письме от 31 мая/13 июня 1912 г. из Цюриха Н.Е. Вернадская писала: «Шилина зовут Стефан Алексеевич, а управляющего в Вернадовке Сергей Петрович, фамилию забыла, если вспомню, напишу» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 276. Л. 19).

³ В письме от 31/13 июня 1912 г. из Цюриха Н.Е. Вернадская писала: «Попова деньги получила, ты теперь наверное получил ее письмо, которое тебе переслала» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 276. Л. 19).

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ О.И. Алексеева.

⁶ Записка А.С. Короленко сохранилась (См.: Ф. 518. Оп. 3. Д. 821. Л. 20).

⁷ О.И. Алексеева.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Петрункевич.

№ 862

30 мая 1912 г., Петербург

Петербург, 30.V. 912

Дорогая моя Наталочка, собрался выехать завтра, но выеду только 1-го, так как хочу видеть Голицына. У меня явился новый план устройства Минералого-геологического музея, к которому, кажется, склоняю Чернышева¹; постройка его и Ломоносовского института рядом в одном месте – рядом с новым зданием Геологического комитета на Среднем (угол 19 линии). Во всех отношениях это было бы удобно! Кстати, говорят, что с осени трамвай пойдет по Среднему к Гавани или от 8 или от 16 линии. Тогда наша квартира окажется лучше и удобнее.

Сегодня завтракал у Сергея². Сережа едет в Швецию и может быть на Азорские острова. Вечером буду у Петрункевичей. Я схватил насморк и вчера не был в Павловске. Паша³ ненадолго заходил ко мне – он не может выехать, так как вопрос о флоте не кончился.

Надеюсь ты получаешь мои письма аккуратно. Сегодня получил телеграмму от Ферсмана, что он будет только 7-го в назначенном пункте (вместо 5-го!). Я думаю, что я проеду прямо в Верхотурье. Нельзя менять при общей экскурсии – наверное Крыжановский сидел лишнее у своих. Немного долго быть без писем, может быть **ты телеграфируешь мне в Верхотурье** (Verchoturie 7/20 июня, poste restante). Если нельзя в Верхотурье, то в Кыштым (Kyschtym), где я буду позже. Верхотурье – Пермской губернии, так что может быть надо указать путь. А то я буду в Миассе не раньше 11–12 июня.

Еще далеко не уложился и много всякого дела, но в общем как-то и не работается сейчас. В четверг в Думе проходят и мои 10 000 на радий. Сегодня утром у меня был Вебер, и я с ним сговорился насчет поездки в сентябре в Фергану. Как-то и хочется поехать и вместе с тем, столько надо будет делать осенью, что не знаю, как и быть!

Сегодня обедает у меня Константин Автономович⁴. Он всё также пришиблен всей этой историей! Вот уже можно сказать, бог Амур-слепой и как бабочка летит на огонь. Ведь его нельзя даже и сравнивать с тем, кого ему предпочли: грубого орангутанга по наружности! И кажется очень малообразованного и далекого от умственных интересов: он работал у меня в Музее – но невидно.

Скажи Нинуле, что Фабр и Талиев⁵ куплены и сданы Прасковье Кирилловне⁶. Высылаю тебе майскую «Русскую мысль».

Нежно целую тебя и Нинолю⁷. Привет Милюковым. Писала ли Оле?⁸
Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 9–10.

---

¹ Феодосий Николаевич Чернышев – директор Геологического музея АН в Петербурге с 1900 г. и директор Геологического комитета с 1903 г.

² С.Ф. Ольденбург.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Ненадкевич.

⁵ Фабр и Талиев – авторы книг.

⁶ Казакова.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ О.И. Алексеева.

№ 863

31 мая 1912 г., Петербург

Петербург, 31.V. 912

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов с вокзала, где заказал плацкарту на завтра. Справлялся сейчас в почтамте – телеграмму в Верхотурье (пишут Verkhotourié) можно послать. Пошли ее 6–7 июня. Должно быть буду в Верхотурье только 7 июня, так как Ферсман запаздывает. Я должно быть проэкскурсирую два дня один около Благодати.

Нежно тебя и Нинолю¹ драгоценную обнимаю. Сейчас иду к Петрункевичам проститься.

Пиши в Миасс. О телеграмме писал тебе вчера: иначе я о вас до 12 июня буду без известий.

Целую.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium Lebendige Kraft». Zürich (V), Цюрих, Швейцария.

Оп. 7. Д. 56. Л. 11.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 864

5 июня 1912 г., поезд «Пермь–Гора Благодатская»

Дорога Пермь–Гора Благодатская
5.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, еду на Урал, куда сейчас выезжаю. Должно быть пробуду дня 2 на Благодати и Кушве – затем еду в Верхотурье. Надеюсь, что и дальше будет хорошая погода. Чувствую себя хорошо.

Нежно и горячо обнимаю тебя и Нинолю¹. Привет Милюковым.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium «Lebendige Kraft», Цюрих, Zürich.

Оп. 7. Д. 56. Л. 12.

¹ Н.В. Вернадская.

№ 865

6 июня 1912 г., Кушвинский завод

Кушвинский завод, 6.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, вот уже я на Урале и начинаю свою экскурсию. Пишу рано утром, к 9 часам приедут казенные лошади и поедем на гору Благодать. Чудное утро – рядом на улице звенит скот, кудахтают куры и слышен звук большой работы чугуна и сталь приготавливающего завода.

Я кажется тебе писал, что Ферсман с Крыжановским напутали и вместо 5-го Ферсман приедет сюда 7-го. У меня таким образом оказались лишние $1\frac{1}{2}$ дня. Я мог бы сидеть в Петербурге, но мне не хотелось задерживать Прасковью Кирилловну¹ и вообще уже как-то на этом расстроенном биваке, когда всё уложено, нельзя было настоящим образом работать. Я решил поэтому пробыть эти $1\frac{1}{2}$ дня в Кушвинском заводе (где мы должны были съехаться) и посетить внимательно классическое месторождение магнетита на горе Благодать. Я был здесь 16 лет назад, но очень недолго, и у меня после того явился ряд вопросов. Для радиевых работ это совсем не нужно, но попутно хочу осмотреть разработки кварца, которые могут дать указания для Ра-минералов. Убедил проехать сюда и осмотреть Благодать Елизавету Дмитриевну², которая никогда здесь не была и с которой мы ехали до Перми. Завтра приедет Ферсман, если не успею кончить, то мы завтра еще втроем осмотрим разработки кварца около станции Азиатской. Вчера приехали сюда к вечеру. Я был у горного начальника, которому Академия наук телеграфировала о моем приезде, но он уехал в отпуск. Помощник его новый, очень любезный, но мало знает. Он направляет меня сегодня на Благодать к горному инженеру Назарову, который заведует разработками в Гороблагодатском округе, и дал лошадей. Я от него в зависимости, что так поздно выезжаю – назначили они 9 часов. Может быть, думали, что я поздно встаю? Но это мне пришло в голову позже. Дают казенных лошадей, которых пришлют уже в гостиницу. Здесь оказались чистые и порядочные «меблированные комнаты». Ввиду опоздания Ферсмана в Верхотурье поедем не на лошадях, а по железной дороге – должно быть завтра вечером. Телеграфировал из Академии etc. с целью добыть для Академии хорошую коллекцию отсюда, а так мне все это представительство тяжело. Но я довожу его до minimum'a. Много в успехе работы здесь зависит от Назарова – не имею о нем понятия. Хочу провести на двух здешних рудниках (отстоят они кажется в 6–7 верстах) весь день сегодня.

Меня провожал Паша³ и Константин Автономович⁴. От Паши узнал, что Нина⁵ уезжает в Рыбницу, и таким образом мы отсюда едем в Витебск? Очень меня интересует судьба моего дальнейшего лета, и я надеюсь иметь в Миассе в этом смысле от тебя известие.

Чувствую себя хорошо. Вчера несколько устал, так как плохо спал; в Перми было душно, а наш поезд уходил в 4 часа утра, да еще по ошибке пришлось ехать на другой вокзал!

Дорогой прочел с большим интересом книгу Спекторского⁶ о социальной физике в XVII столетии; очень любопытная вещь. И многое из того, что я считаю правильным благодаря изучению истории естественно-исторической мысли развито и здесь. Мне хочется о ней и о работе Алексеева⁷ (помнишь о нем говорил Павел Иванович⁸ его ученик) написать заметку – уже в Витебске (?). Вчера почти кончил книгу Бартольда⁹ по истории ознакомления с Востоком. Мысль работает хорошо и многое хочется выразить, если смогу. Что-то мой бесконечно любимый Нинусь!

Нежно целую тебя и ее, мою драгоценную. Привет Милюковым. Жду телеграмму в Верхотурье. Надеюсь ты довольна санаторием.

Целую нежно.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 13–14.

¹ Казакова.

² Ревуцкая.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Ненадкевич.

⁵ Нина Егоровна Иседринская.

⁶ *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии, Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1910. Т. 1.

⁷ Н.Н. Алексеев.

⁸ Павел Иванович Новгородцев.

⁹ *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и в России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911.

№ 866

8 июня 1912 г., Верхотурье

Верхотурье, 8.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехал в Верхотурье и должно быть завтра выедем отсюда на лошадях в Алапаевский завод (160 верст), где возьмем железнодорожный поезд по новой ветке, который идет три раза в неделю.

Приехали на заре, в 4 часа утра, и сейчас же отправились на экскурсию. Ферсман первый нашел тот минерал, для изучения которого приехали сюда. Его видел на месте только в 1820-х годах Купффер! Правду сказать, когда я ехал сюда, я думал, что мы ничего не найдем.

Вернувшись поспали и теперь обедаем (чай, творог, молоко, яичница, сыр). Едем сейчас на экскурсию дальше. Я пишу тебе, воспользовавшись тем, что Ферсман пошел в фотографию зарядить свой аппарат.

Получил твою телеграмму, хотя ее перепутали ужасно. Очень рад был иметь от тебя весточку. Надеюсь дней через 5–6 в Миассе иметь письма и тогда во всем разобраться.

Стоит жаркая погода и нас мучили оводы, слепни, комары. Комарами Верхотурье славится – говорят самые свирепые.

Сам «город» может быть наиболее интересный. Красивый собор XVI–XVII столетия, старинный большой монастырь придают городу особый вид – от него отдает стариной, и он имеет особую физиономию среди уральских виденных мною городов.

Были в земской управе – поразительно мертвая. Старый председатель управы ничего не знающий – впечатление чего-то затхлого. Думали узнать о каменоломнях и почтовых трактах. Узнали весьма мало.

Надо кончать. Нежно и горячо целую тебя и Нинуську¹ неоценимую. Привет Милюковым. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 15–16.

---

¹ Н.В. Вернадская.

№ 867

9 июня 1912 г., Верхотурье

Верхотурье, 9.VI. 1912, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера послал письмо тебе и открытку Нинуле¹. Закончили с Александром Евгеньевичем² работу и сейчас часа через 2 выезжаем на лошадях в Алапаевский завод; приедем туда завтра, ночуем в Топоркове. Погода стоит жаркая, хорошая. Никак не ожидал ни я, ни Александр Евгеньевич, что мы найдем минералы редких земель – теперь вопрос, являются ли они радиоактивными! Едем на лошадях, чтобы не возвращаться прежней дорогой и не сидеть часами на разных станциях, так это и дороже и немного дальше, но зато увижу совсем мне неизвестную часть Урала.

Очень жду в Миассе известий и очень надеюсь, что и ты и деточка чувствуете себя хорошо.

Нежно и горячо вас обеих обнимаю. Привет Милюковым.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48. Sanatorium «Lebendige Kraft» Цюрих, Zürich (V) **Швейцария**.

Оп. 7. Д. 56. Л. 17.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Ферсман.

№ 868

11 июня 1912 г., [Нижнетагильский завод]¹

Салдинский завод, Тагильский завод
11.VI. 1912

Дорогая моя Наталочка, попали, наконец, опять в более цивилизованные края – на железную дорогу! Пишу из вагона по дороге в Кыштым, куда приезжаем утром. Попали сюда, благодаря любезности начальника станции, приехав на товарном поезде: иначе пришлось бы или ждать сутки в Алапаевске

(поезд идет 3 раза в неделю) или ехать 100 верст по ужасной дороге; а вчера лошадей в Алапаевске не было. Чувствую себя хорошо – много кругом интересного.

Нежно обнимаю тебя и драгоценную детку². Привет Милюковым.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium Lebendige Kraft», Zürich. Цюрих, Швейцария, Suisse.

Оп. 7. Д. 56. Л. 18.

---

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю на открытке. На черно-белой открытке изображен Николаевский монастырь г. Верхотурье.

² Н.В. Вернадская.

№ 869

14 июня 1912 г., Миасс

Станция Миасс, 14.VI. 912, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера к ночи приехали на лошадях с Александром Евгеньевичем¹ в Миасс, и я нашел здесь все твои, Ниночкины и другие письма, которые Елизавета Дмитриевна² получила для меня. Очень был рад их иметь, но последнее письмо от 5-го, а телеграмма твоя была 6-го! Так что я дальше не подвинулся. Сейчас едем на экскурсию и вечером тебе напишу. Конечно, я налажу свой строй лета, согласно твоему желанию, но только одно: я не хочу всё передвигаться. Следовательно, если ты хочешь, чтобы я приехал за границу, то я бы хотел где-нибудь поселиться, чтобы работать, лучше всего в Австрии или Италии. В Полтаву вполне согласен ехать, лично чувствую [себя] там хорошо: с Ниночкой мы съездим или в Малороссию или в Крым. Но я сомневаюсь, чтобы Nachkur³ в Полтаве в июле-августе был тебе, при твоей нелюбви к жаре, полезен. Здесь очень интересно, но я не застряну, и так как ты меня раньше торопила, чтобы я не был поздно назад, то я всё так и распределил и сейчас менять не могу.

Нежно и горячо целую тебя и бесценную дочку. Что Гуля⁴? Он не пишет, я адрес ему послал. Обнимаю.

Твой Владимир

На обороте: **Цюрих, Швейцария.**

Оп. 7. Д. 56. Л. 19.

---

¹ Ферсман.

² Ревуцкая.

³ Дополнительный курс лечения (нем.).

⁴ Г.В. Вернадский.

15 июня 1912 г., Миасс

Миасс, 15.VI. 912, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера послал тебе открытку и теперь пишу письмо. Александр Евгеньевич¹ уехал в Миасский завод по нашим делам, Елизавета Дмитриевна² и Лезедова отправились на экскурсию, а я остался здесь закончить кое-какие записи и привести в порядок корреспонденцию. Крыжановского нет и это очень спутало наши все расчеты: у него заболел сын – думали воспаление легких, не то тиф, и очевидно он до сих пор не может выехать. Вообще с Ильменскими горами не везет: сейчас, например, Кулик, которому мы с большими хлопотами выправили отпуск в министерстве, вызван в лагерный сбор и вернется не раньше конца июня!

Должно быть завтра едем на юг – в степь в Санарку (верст 50 отсюда), а затем опять вернемся сюда. Отсюда я уеду назад в Россию. Из твоего письма я вижу, что ты хотела бы теперь дольше пробыть за границей, но, ты помнишь, ты сама настаивала, чтобы я не запоздал к началу 20-х чисел июня, и я всё так распределил. Следовательно, теперь мне затягивать здесь не приходится. Пробуду в крайнем случае лишние 2–3 дня у Петрункевичей.

Ты хочешь, чтобы я ответил тебе на твои вопросы по поводу летнего устройства. Я уже тебе писал, что я согласен со всеми твоими разнообразными планами, но хотел бы знать все-таки всё заранее. Самое неприятное все эти неопределенности. Я очень хотел бы, чтобы ты решила сама, так как в санаторию и ее режим я не верю и думаю, что едва ли она даст больше того, что дало бы тихое и спокойное пребывание в культурно устроенной жизни в русской деревне или на даче. К тонкостям режима у меня никакой веры нет, а здесь вопрос только веры, так как никаких научных оснований этому нет: есть лишь скоропроходящая научная мода. Если ты этому веришь, и это тебе помогает – надо, следовательно, это и делать.

От тебя нет давно писем. Вчера писем совсем не было, сегодня пришло письмо без даты от Ниночки³. Из него я как будто вижу, что тебе хочется остаться за границей? Совершенно не понимаю, причем детские планы Ниночки при решении всего этого вопроса? Вообще как-то все неясно и не понятно, странно из твоих писем. Поэтому пишу тебе ответ на все твои планы:

1. Я согласен приехать за границу из экскурсии. Не согласен жить в санатории. Для того чтобы приехать, надо получить паспорт – следовательно, мне придется списаться с Сергеем⁴ – я думаю, это займет много времени, так как я предупредил его о возможности такой альтернативы. Если жить за границей, не очень бы хотел в Швейцарии, которую не люблю, но можно и в Швейцарии. Удобно было бы около библиотеки большого города, но для этого придется мне должно быть заехать в Петербург, так как там все мои книги и рукописи и придется всё выбрать и разобрать для работы. Но может быть я тогда изменю характер работы и в С.-Петербург не поеду. Не знаю, хочешь ли ты провести всё лето за границей или только недели 3–4? Это мне надо знать для решения вопроса.

2. Согласен заехать за Ниночкой в Финляндию к Милюковым и поехать с ней в Полтаву, сделав какую-нибудь с ней поездку. Согласен и приехать за Ниночкой и уехать с ней в Россию. Я думаю, режим санатория без Таки⁵ для Ниночки вреден – может быть не столько физически, сколько для ее привы-

чек и характера. Все-таки это жизнь, приноровленная для больных, а не для здоровых, режим **больничный**. Я совершенно не знаю, сколько времени ты будешь жить за границей в санатории и у меня двойственное чувство по отношению к этому. Я боюсь, что тебя все будут задерживать и ты пробудешь там очень долго, если я и Ниночка будем в России. Лично я считаю, что Ниночке в Полтаве полезнее, чем в санатории. Но я не знаю, насколько хорошо нам там жить без тебя? Не утомит ли это только Марию Ивановну⁶? Когда я несколько отдохну от экскурсии (чувствую я себя очень хорошо, но постоянно дает себя знать моя обычная болезнь во время поездок – желудок, я сделаю с ней поездку или по Днепру или в Крым.

Меня смущает, однако, то, что Милюковы после 24.VI, кончив свою санаторию, кажется, хотели отправиться путешествовать. Поэтому **не лучше ли мне приехать за ней в Швейцарию, в Цюрих, и, взяв ее, уехать с ней в Полтаву, где ждать тебя? Ты же приедешь в Полтаву в начале августа?** Если ты думаешь, что пребывание Нины и меня в Полтаве без тебя не будет трудно для Марии Ивановны, то немедленно извести меня об этом по адресу Петрункевичей (Ст. Катуар, Московско-Савеловской железной дороги, Марфино, Петрункевичам для передачи мне. Для заказных и телеграмм – ст. Лобня). Я думаю, отсюда уже скоро уехать и писем сюда уже больше не пиши. Я пишу на всякий случай Петрункевичам и Сергею, которого прошу прислать паспорт по адресу Петрункевичей. Может быть ты о своем решении сообщишь мне телеграммой в Заметчино Шилину для передачи мне. В Вернадовку заграничных телеграмм не принимают. Если телеграфируешь немедленно, то я может быть могу получить телеграмму еще и здесь (Miasskij Zavod): пошли, на всякий случай, обе телеграммы.

Мне кажется, что: 1) если ты хочешь еще остаться долго и 2) Милюковы едут еще путешествовать после отъезда из санатория 24.VI, то лучше всего мне заехать за Ниночкой. Ей надо выправить в таком случае отдельный паспорт, так как у меня паспорт командировочный, а другой мне доставать сейчас очень трудно.

Приезжать тебе в Полтаву в **июле** при твоей нелюбви к жаре и твоим перешнем настроении едва ли полезно, и я бы был очень против этого.

Не знаю, как сложится мой август: может быть я тогда занимался бы в Полтаве, может быть на вторую половину уехал бы в Фергану.

Будущий год сулит много всякой работы – не знаю, как со всем справлюсь.

От Гули⁷ нет никаких известий и это меня несколько беспокоит. Нежно и горячо тебя обнимаю. Целую тебя и драгоценную детку. От Лели⁸ получил письмо: я ей писал еще раз о моих беспокойствах в связи с ее денежным делом. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 20–23.

¹ Ферсман.

² Ревуцкая.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ Татьяна Павловна Милюкова.

⁶ Старицкая.

⁷ Г.В. Вернадский

⁸ О.И. Алексеева.

№ 871

17/30 июня 1912 г., Миасс

Миасс, 17/30.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера не успел тебе написать. Вчера получил от тебя письмо, в котором ты просишь телеграфировать о моем решении. Но отсюда телеграфировать нельзя за границу – на Миасский завод (6 верст) проехать не удалось. Я писал тебе о нем уже 3-го дня в ответ на письмо Ниночки¹. Сегодня проеду в Миасский завод и постараюсь протелеграфировать, если там примут. Отсюда уезжаю на днях и проеду за Ниной в Цюрих. Там ты решишь, ехать ли нам с ней в Полтаву (за что бы я стоял) или ждать тебя за границей. На июль ехать тебе в Полтаву при твоём отношении к жаре и настроению я считал бы не полезным. Здесь очень неудобно для экскурсии, что нет Кулика и Крыжановского, и опоздал где-то Белянкин. Как люди не умеют вести общее дело! Пусть Ниночка ждет меня в Цюрихе – беды нет, если она лишний день-два пробудет одна в санатории без Таки².

Нежно целую тебя и ее.

Твой Владимир

На обороте: Madame N. Vernadsky, Keltenstrasse, 48, Sanatorium Lebendige Kraft» Цюрих, Zürich, Швейцария

Оп. 7. Д. 56. Л. 24.

¹ Н.В. Вернадская.

² Т.П. Милюкова.

№ 872

20 июня 1912 г., Миасс

Миасс, 20.VI. 912

Дорогая моя Наталочка, сегодня вернулся из поездки с Александром Евгеньевичем¹. Мы быстро и точно сделали всё что нужно: вчера экскурсировал 14 часов подряд, выехали сегодня в 4 часа утра и зато всё кончили. Так приятно, что с ним не теряешь времени.

Завтра выезжаю, остановлюсь на день-два у Петрункевичей и затем прямо к тебе. Я думаю, лучше всего мне повидаться и переговорить с докторами и решить нам всё совместно. Из твоих писем я как-то не всё понимаю и буду спокойнее, выяснив всё на месте. Если тебе нужно, ты останешься дольше, сколько нужно, а мы с Ниной² поедem в Полтаву или в Витебскую губернию, если ты туда приедешь. Мы с ней можем сделать поездку по Северной Италии. Я уже давно писал тебе об этих планах и телеграфировал. О дне приезда извещу заранее телеграммой: надеюсь, Сергей³ выслал паспорт.

Спешу кончить, чтобы письмо пошло сегодня.

Нежно и горячо целую тебя и Нинолю. До скорого свидания. Нежно обнимаю. Должно быть напишу еще раз – иначе еду впереди писем.

Твой Владимир

P.S. Как-то все-таки не спокоен я санаторным диагнозом. Ну да в Цюрихе всё сам увижу и переговорю.

Нежно обнимаю тебя, мою дорогую.

Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 25.

---

¹ Ферсман.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Ф. Ольденбург.

№ 873

18 августа 1912 г., Бахчисарай

Бахчисарай, 18.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, доехали сюда отлично – спали внизу – освободились места. В поезде встретили одного из моих учеников – А.С. Вагина, служащего в земстве, который дал нам ряд прекрасных указаний.

Еще рано утром и всё закрыто – едва нашел открытку. Осмотрели снаружи ханский дворец. Едем в Мангуш, оттуда в Кокоз, где ночуем. Из Кокоза вместо того чтобы подыматься пешком, едем на Ялту и подъезжаем к Ай-Петри, на которую взойдем. Оттуда спускаемся в Алупку.

Вещи пришлось отправить в Ялту, они опоздали и здесь не удалось их сдать иначе. Я думаю, утром послезавтра мы заедем из Алупки за ними на паровом катере и приедем из Ялты к Ивану Ильичу¹.

Нинулька² весела, бодрa и радостна. Погода чудная.

Вагин много рассказывал. Он говорит, что Владимир Карлович Винберг очень убит³, но бодро работает по-прежнему. Он председатель Ялтинской управы.

Нежно целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Келенский проспект, д. Янович, № 25, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 56. Л. 26.

---

¹ Петрункевич.

² Н.В. Вернадская.

³ У В.К. Винберга умерла внучка Н.И. Клейбер.

№ 874

20 августа 1912 г., Гаспра

Гаспра, 20.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, сегодня днем приехали сюда, и здесь Иван Ильич и Анастасия Сергеевна¹ встретили нас как самых близких родных. Устроились с Ниночкой² наверху в чудном готическом дворце, построенном в начале XIX столетия. Ниночка сейчас уже легла в огромной зале и спит на огромной тахте, а я пишу тебе это письмо и разбираю многочисленную корреспонден-

цию. У нас огромный балкон, с боков открытый, в котором не знаю сколько, но мне кажется гораздо более 100 шагов и открывается поразительный вид на море и горы. Всего 50 шагов длины. Сейчас выходил – всходит луна и чудный нежный вечер. Иван Ильич и Анастасия Сергеевна помещаются внизу.

Мы проведем у Петрункевичей все время, какое сможем. 29-го вечером выезжаем пассажирским 1-м классом в Петербург. Всё занято на эти дни! Приплата против 2-го курьерского, на котором хотели ехать, небольшая. У нас будет маленькое купе, и я смогу все время заниматься. Мы еще не распределили всё время, но думаю, выедем утром 27-го отсюда, 28-го проведем в Батилимане, а 29-го утром осмотрим Севастополь. Здесь не придают большого значения военному положению. По-видимому, вся эта история связана с тем, что открыт заговор матросов овладеть штандартом с царской фамилией и будто бы то же самое было и в Балтийском флоте. Говорят, в Севастополе всё время корабли крейсеруют в пределах береговых батарей и в этих условиях там идет расследование. Эти крымские сведения я слышал дорогой – Иван Ильич говорит, что то же самое появилось в заграничной прессе.

Ниночка чувствует себя отлично и просит тебе об этом написать. Я много с ней и разговариваю, и так чувствуется прелесть раскрывающегося молодого создания. От Георгия³ есть телеграмма, что завтра вечером он будет в Ялте к послезавтра утром будет в Гаспре. Очень рад и видеть его и может быть с ним сделаем куда-нибудь прогулку. Ниночка вчера в Ялте, когда я 2^{1/2} часа ждал очереди записаться на билеты (а платить непременно по глупому расписанию надо приехать вторично!), ездила к Соне Кож.⁴, но дурашка не нашла ее и не могла даже узнать, живет ли Соня там! Она очень хочет ее видеть. От Нюты⁵ есть несколько строк, из которых видно, что она здорова и хочет в начале сентября двинуться в Петербург, но из этих строк больше ничего не видно. Елизавета Дмитриевна⁶ пишет, что получила письмо от Мисс.⁷ и что Миссуна в начале сентября будет уже в Москве. Ферсман пишет, что будет 1-го сентября в С.-Петербурге, а Крыжановский ни слуху, ни духу и ничего не пишет о своей коллекции! Беда с ним, по словам Ферсмана, он ни за что не вернется из своей поездки вовремя.

Здесь уже тебе писала Ниночка, что я опять встретил нескольких лиц, меня знавших, на Ай-Петри, московских студентов, и одного бывшего моего слушателя бактериолога. Они были чрезвычайно любезны и очень хорошо нас устроили в Алушке.

Твои два письма получил и пересланные письма. Очень жду письма о решении Леон. Алекс.⁸ Будь осторожна с едой.

Боюсь, как бы не переменялась погода – здесь сейчас поднялся ветер и над морем тучи. Выходил на балкон – чудно мерцает Млечный путь и красиво бесконечно звезды.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй всех наших. Ниночка сейчас мечтает о кусочке у моря – ей Крым и Черное море очень нравятся. Горячо целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 27–26.

¹ Петрункевичи.

² Н.В. Вернадская.

³ Г.М. Любошинский.

⁴ София Григорьевна Кожевникова.

⁵ А.С. Короленко.

⁵ Ревуцкая.

⁷ Очевидно, Анна Болеславовна Миссуна.

⁸ Леонид Алексеевич, вероятно, полтавский врач.

№ 875

23 августа 1912 г., Гаспра

Гаспра, 23.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе утром перед поездом в Ялту, куда еду брать билеты и затем оттуда в Никитский ботанический сад. Вчера приехал Георгий¹ и мы с ним ходили в Алупку. Он сейчас здесь ночует и едет вместе с нами в Ялту. Погода немного меняется – боюсь, как бы мы не попали в дождь: ночью он и был кажется.

Здесь чудесно и как-то мне не хочется уезжать в сторону. Нинулька² мечтает о Чатырдаге и других восхождениях, но в то же время и ей приятно с Анастасией Сергеевной и Иваном Ильичем³, которые оба с ней страшно милы. А мне хочется провести возможно больше времени с Петрункевичем. Не знаешь еще, когда будет время пробыть с ним так, как в эти дни.

Вчера по дороге встретил Багалея, который был в Бати-лимане – очень хвалит приморские участки, кроме кажется двух, расположенных в низинках. Не знаю точно номера! Если будет сомнение, телеграфирую тебе.

Переговори с Георгием Егоровичем⁴ о приобретении участка земли. Он тоже хочет – склоняется кажется к Пслу. Он говорит, что местами по Десне довольно мрачные места. Из письма Сережи⁵ Ниночка⁶ сообщила, что Гуля⁷ ехать не может – жаль.

Неожиданно вчера получил еще записку от Нюты⁸, которую пересылаю, так как в ней есть известия об Оле⁹. Всё это, очевидно, будет очень тяжело¹⁰.

У меня вышла маленькая неприятность с Крыжановскими. Не получая никаких известий от Владимира Ильича, я послал телеграмму его жене о том, что необходимо ему быть – 1-го и что 5-го идет вопрос о его коллекции, а ключи у него. Вечером в тот же день получил печальное извещение, что умер ее отец. Пришлось вчера посылать еще ей телеграмму с соболезнованием. Но как-то это [тесное] совпадение житейского и печального было неприятно.

Ниночка здесь очень уже чувствует себя дома, но я как-то чувствую, что при хорошем отношении Анастасии Сергеевны и Ивана Ильича это совсем ничего. Она полна всяких мыслей и вопросов и всё время расспрашивает: я думаю, что даже за поездку она очень умственно вырастет. Вчера по дороге мы заходила к Булгаковым и пойдем к ним должно быть завтра. Сергея Николаевича¹¹ не было дома.

Нежно и горячо целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

С Георгием очень было хорошо. Знаешь, мне кажется, он совсем помирился со своей семейной средой.

Оп. 7. Д. 56. Л. 29–30.

---

¹ Георгий Маркович Любошинский.

² Н.В. Вернадская.

³ Петрункевичи.

⁴ Старицкий.

⁵ Очевидно, С.С. Ольденбург.

⁶ Н.В. Вернадская (жена).

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ А.С. Короленко.

⁹ О.И. Алексеева.

¹⁰ В письме к В.И. Вернадскому А.С. Короленко писала о своем беспокойстве за здоровье тёти – Ольги Ивановны Алексеевой, у которой в это время начался бракоразводный процесс с Кириллом Алексеевичем Алексеевым (АРАН. Ф. 519. Оп. 3. Д. 821. Л. 30–31).

¹¹ Сергей Николаевич Булгаков.

№ 876

26 августа 1912 г., Ялта

Ялта, Учан-су, 26.VIII. 912

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе несколько слов уже в Москву, так как в Полтаву письмо не успеет. Георгий¹ тебе уже рассказал всё о нас, и ты знаешь, что мы будем в С.-Петербурге только 1-го утром. В Москве будем днем (4^h–15) 31-го.

Сейчас мы с Ниночкой² пришли пешком в Ялту. Она страстно стремилась повидаться с Соней³. Сейчас они сидят здесь в лесу и наслаждаются друг другом. Соня производит хорошее впечатление, но, я думаю, во многом она другая, чем наша деточка.

М.А.⁴ попросилась поехать с нами. Она больна и теперь говорит, что живет только для детей, для них хочет и лечиться. Никаких других интересов у нее и нет. Всё это тяжело. Сейчас я оставил ее одну у водопада (так называемого), а сам поднялся наверх, не очень далеко от места, где сидят Нина и Соня.

Иван Ильич⁵ был эти дни не совсем здоров, сейчас ему лучше. Лошадей уже нанял и завтра днем выезжаю в Байдарские ворота, где будем ночевать. В Бати-лиман пойдем пешком.

Целую всех Любошинских. Нежно тебя целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любошинской**, с просьбой передать Наталье Егоровне **Вернадской**, Zubовский бульвар, собственный дом, Москва.

Оп. 7. Д. 56. Л. 31.

---

¹ Г.М. Любошинский.

² Н.В. Вернадская.

³ С.Г. Кожевникова.

⁴ Мар. Ан. Кожевникова.

⁵ Петрункевич.

2 октября 1912 г., Моршанск

Моршанск, 2.X. 912

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал сюда и сразу весь день был на заседании. Сегодня утром пишу тебе после дня занятий.

В Москве я видел немногих. Гулю¹ просил тебе написать и должно быть он написал. Гулю встретила Нина², он был весь поглощен ею и Москвой, и в Москве я уже его не видел. Но я должно быть испорчен в этом отношении вроде Марии Ивановны³: на меня – хотя логикой я понимаю, что он счастлив и что Нина его любит и что им хорошо, сердцем я чужд их счастью и не верю в его красоту. Петрункевич говорил, что он переговорит с Кизеветтером и думает, что Гуля может устроиться еще сейчас на Высшие женские курсы репетитором – преподавателем, ведущим практические занятия.

В Москве до сих пор по-прежнему болезненно чувствуется еще университетская история⁴. Меня встретил Самойлов, и с ним я много провел времени, ездив на вокзал и на билетную станцию, доставая билеты, так как Гулька взял на Сибирский – переполненный поезд. С грехом пополам достал верхнее место и доехал недурно. Из рассказов Самойлова как-то опять ярко вырисовалась незажившая рана. Но как люди падают! Помнишь Челинцев, талантливый ученик Зелинского, поступивший с ним как негодяй? Он в прошлом году не читал лекций и хотел защитить диссертацию – докторскую в Казани. Один из оппонентов усомнился в его результатах, проверил его опыты и получил – другие результаты. Челинцев по телефону снял свою диссертацию! Должен сказать, этого я совсем не ожидал и это меня огорчило еще более, чем весь его поступок с Зелинским и Московским университетом. Как ты знаешь, я считаю, что выдающиеся люди, которых очень мало, могут иметь иную мерку. А Челинцев казался одним из немногих талантливых!

Был у Мензбира – ужасно тяжело. Он принял меня с женой, постарел, осунулся, изнервничался. Как только он вышел на минуту к телефону, она начала мне говорить тяжелые вести о себе, о тяжести жизни – и наряду с разумным и глубоким прорывались совсем несуразные и странные суждения. И с Михаилом Александровичем мог поговорить только на лестнице: он сиделка при жене, страшно ему тяжело, был уже один сердечный припадок. Был у Чаплыгина, Новгородцева не застал, но они пришли к Любошинским с Петрункевичем, и я их немного повидал. Марк⁵ очень плох и Аня⁶ неважна. Георгий⁷ говорит, что он нашел Марию Ивановну⁷ значительно слабее...

На обратном пути я хочу остановиться в Москве – между поездами, – чтобы повидать. Хочу заехать к Дав.⁸ и Роту⁹. Здесь видел жену Дав.¹⁰, которая едет в Москву. Кассо сказал Довыдовскому цинично, что мера против университета Шанявского принята, так как они конкурируют с Московским университетом – ушедшие профессора нашли там приют! и там пережидают возвращение. Павел Иванович¹¹ утвержден ординарным профессором Коммерческого института.

Здесь шансы неопределенные. Настроение очень изменилось. Любопытно, что на земском собрании живое участие в прениях принимают крестьяне, чего раньше совсем не было! В городе по **первой** курии, чисто купеческой, забаллотирован в выборщики Рымарев и к общему удивлению блестяще про-

шел к.-д.¹² дворянин Хрущев! Моршанцы от этого не могут опомниться. Выбрано в выборщики 33 священника, но из них, говорят, от 1/2 до 1/3 **левых**. Если это верно, то силы наши равны и вопрос решается 1–2 голосами. Но диапазон прогрессистов очень велик; прогрессист и князь Чолокаев и рядом к.-д. и левее к.-д. Говорят, некоторым священникам велено не приехать, но думают, что они не послушаются, так как то же самое было им велено и при выборах выборщиков, и они все приехали. Мы выставляем прогрессистский список, и может быть двух священников, если они захотят! Меня в список не включаем, чтобы не отшатнуть колеблющихся. Никакой прогрессивной пропаганды нет, есть только пропаганда правых и националистов. Земское собрание деловое, но меня всё более и более изумляет и дает прочную веру – неуклонный, стихийный рост жизни, несмотря ни на что. Новое – настроение против священников, но в Моршанске оно какое-то двойственное, благодаря расколу среди духовенства. На собрании депутат от духовенства произносит демагогические речи! Ну, пока всё.

Нежно и горячо целую тебя, Нинулю¹³, Нюточку¹⁴. Скажи моему детенышу, что ему напишу. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 56. Л. 32–33.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

³ Старицкая.

⁴ Имеется в виду уход В.И. Вернадского и других преподавателей из Московского университета в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо.

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ А.Е. Любошинская.

⁷ Г.М. Любошинский.

⁸ Очевидно, В.Ф. Давыдовский, профессор Московского университета, один из основателей Высших женских курсов, где был деканом физико-математического факультета.

⁹ Очевидно, профессор В.К. Рот – при открытии 1.Х. 1908 г. Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского – председатель попечительского совета университета.

¹⁰ Очевидно, жена В.Ф. Давыдовского.

¹¹ Новгородцев.

¹² Конституционный демократ.

¹³ Н.В. Вернадская (дочь В.И. Вернадского).

¹⁴ А.С. Короленко.

№ 878

4 октября 1912 г., Моршанск

Моршанск, 4.Х. 912

Дорогая моя Наталочка, получил вчера и сегодня оба твои письма очень за них благодарю. Вчера писал Ниночке¹. Сейчас пишу в земском собрании. Оно идет деловито – было несколько «политических» дел (Кассо назначил в земско-городскую гимназию директора, не спросив земства и ответив дерзко глупой бумагой на представление земства, но было выдано 2 месячное жало-

ванье врачу Запольскому, удаленному губернатором; шел вопрос о курсах для учителей в Тамбове и т.п.), которые все решены правильно. Вопрос о выборах несколько волнует, но он совершенно темный. Прогрессивный список (в том числе Грузинов, который хочет идти в Государственную Думу и идет в прогрессисты и Бенкендорф, тоже желающий идти и близкий к к.-д.)² пройдет, если найдется достаточно священников, которые не послушаются своего начальства. В числе священников – выборщиков и отец Петр из Каменки. Здесь среди купечества и дворянства большое недовольство против священников.

Сижу на заседаниях целые дни. Утром от 10–12½ г или 1 часа заседания собрания, от 2½ до 5½ заседания собрания или докладной комиссии, от 8 до 11 – докладная комиссия. Вчера вечером докладная комиссия кончила свои работы, и сегодня весь день будет земское собрание. Завтра в 12 часов будет избирательное собрание. В Москве думаю обедать у Новгородцевых и обещал Лидии Антоновне³ телеграфировать. Надеюсь, что завтра быстро все кончится, но может быть, что выборы затянутся, если силы окажутся почти равными. Хочется уже назад. Нежно и горячо целую тебя, Ниночку, Нюту⁴. Еще раз благодарю тебя за письма: они так переносят к Вам.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский о., 14 линия, д. 45, **Петербург**.

Оп. 7. Д. 56. Л. 34.

¹ Н.В. Вернадская.

² Грузинов и Бенкендорф в списке членов с I по IV Государственных дум не значатся.

³ Лидия Антоновна Новгородцева.

⁴ А.С. Короленко.

№ 879

26 января 1913 г., С.-Петербург

СПб., 26.1.913, суббота

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе вернувшись от Оли¹ с Ниночкой. Нюта² не ездила, сидела дома, так как у нее температура 37,7 и слабость. Сейчас температура 37,6. Ниночка³ молодцом, сейчас играет гаммы. Она не взяла гимназического билета в театр на среду, так как мы идем с ней в концерт не только в воскресенье, но и в понедельник (Архангельский). Оля была очень мила – она всё та же и с Борисом⁴ то же: он был у нее сегодня, но куда не едет и, очевидно, всё это оставлено на волю божию.

Был сегодня на заседании книгоиздательства Поповой: мы приняли издание Лакомба⁵, перевод Александры Васильевны⁶. Ей я напишу завтра. Между прочим скажи Дмитрию Ивановичу⁷, что Б.Б. Веселовский очень просит его ответить на письмо Френкеля, которое он писал ему по поводу того, чтобы Митя⁷ был одним из редакторов земского сборника. Было бы очень хорошо, чтобы Митя согласился: это займет у него немного времени. От Ади⁸ доставлена книга Пыпина для Ниночки – очевидно, он не получил твоего письма.

Сегодня в лаборатории работал мало: много возились с Ненадкевичем с нашими электрическими принадлежностями, вырабатывали план устройства.

Все это очень интересно и заставляет учиться: как все ново и чувствуешь, что это только начатки.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй Гулика⁹, Любощинских и всех наших.

Твой Владимир

P.S. Сейчас иду бросить письмо.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любощинской** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Зубовский бульвар, 15, **Москва**

Оп. 7. Д. 57. Л. 1.

---

¹ О.И. Алексеева.

² А.С. Короленко.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Борис Кирович Алексеев.

⁵ Возможно, имеется в виду издание: *Лакомб Поль*. Присвоение земли: К вопросу о переходе коллективной собственности в частную собственность / Авториз. пер. с фр. А. Баулер. Пг.: Т-во О.Н. Поповой, 1915.

² Гольштейн.

³ Шаховской.

⁴ А.А.Корнилов.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 880

28 января 1913 г., С.-Петербург

СПб., понедельник, 28.1.1913, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера не успел тебе написать, мы получили твою первую карточку – надеюсь, ты не очень тормозишься. Вчера вечером был с Ниночкой¹ на концерте Гофмана: она очень довольна и ушла сегодня веселая в гимназию. Сегодня мы идем с ней днем на выставку Куинджи, а вечером на концерт Архангельского. Ниночка, как всегда, хочет всё большего, мечтает еще раз слышать Гофмана и хочет и музыки и театра и т.д. Она сейчас усиленно читает Ключевского и много уже прочла Гершензона о Николаевском времени². Адя³ доставил все-таки Пыпина. Характерно и Ниночка хочет их прочесть. Она не успела тебе вчера написать и просит тебя об этом уведомить.

Нюта⁴ вчера выходила; температура у нее вчера была нормальная, даже ниже. Вид у нее неважный. Сейчас она еще не выходила из комнаты.

Вчера был на заседании Ц.К.⁵ у Ивана Ильича⁶, но ни о чем не успел переговорить. Работаю в лаборатории всё в прежнем положении. Много с Ненадкевичем возились эти дни в связи с устройством трансформаторов. Сейчас сделаю некоторые корректуры и пойду в лабораторию.

Адю вчера видел у Петрункевича, но не успел с ним переговорить. Узнай адрес Н.И. Астрова. Может быть поговоришь с ним: мне надо знать, если возможно, давала ли Московская дума даром землю (и сколько) за последние 5 лет полезным культурным учреждениям (Высшие женские курсы, Университет Шанявского, Коммерческий институт и т.д.) и на каких условиях⁷. Нежно целую тебя, Гулю⁸. Поцелуй наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Анне Егоровне **Любощинской** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Зубовский бульвар, собственный дом, Москва,

Оп. 7. Д. 57. Л. 2.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Эпоха Николая I / Под ред. М.О. Гершензона. М.: Образование, 1911.

³ А.А. Корнилов.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Центральный комитет Конституционно-демократической партии.

⁶ Петрункевич.

⁷ Вопрос выделения земли городской думой для культурных учреждений интересовал В.И. Вернадского в связи с проектом создания Ломоносовского института Академии наук. См. коммент. 3 к письму 877.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 881

22 апреля 1913 г., С.-Петербург

СПб., 22.IV. 913, вечер

Дорогая моя Наталочка, сегодня мы с Нинулей¹ приехали сюда. Она ходила на экзамен, но ее не спросили. Как ты и думала – она торопилась напрасно. В Москве видел всех Любощинских – они на меня произвели очень хорошее впечатление – все дети. Марк² показался мне очень нездоровым. Видел в Москве очень многих, но еще большого числа лиц, которых хотел видеть, не видел. Как-то я сильно почувствовал – сколько там у нас осталось людей, связанных с нами прошлой жизнью. Расскажу при свидании. Гуля³ приехал в один день с нами – он в очень хорошем виде. Видел всех Шаховских; Митя⁴ очень поддался. Здесь с Сергеем⁵ лучше – у него болезнь ног не от сердца, а подагра. Он уезжает послезавтра в Выборг. Нюта⁶ выглядит хорошо. Едет она в понедельник вечером; сегодня была у доктора – ей умерщвляют нерв и неделю всю до отъезда придется лечиться: совсем это не ко времени.

Я не решаюсь покупать около Ересек – как-то в твоей телеграмме не чувствуется уверенности; затем строиться и дорого и долго. С поездкой за границу, в Америку, и твоим пребыванием в Полтаве едва ли это совместимо. Мне кажется, что если нельзя купить сейчас готового, то лучше выискать не спеша.

Ниночка здорова совсем. Она только что взяла ванну и пишет письма. Нюта ушла на какое-то заседание. Завтра начинаю работу в лаборатории.

Нежно целую. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Институтская ул., д. 25, кв. **М.И. Старицкой**. Полтава.

Оп. 7. Д. 57. Л. 3.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² М.М. Любощинский.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ А.С. Короленко.

№ 882

21 мая 1913 г., [С.-Петербург]¹

21.V. 913

Дорогая моя Наталочка, посылаю тебе накладную и пришедшее письмо. Очень надеюсь, что хорошо доехали. Вчера обедал у Чернышева – был Баклунд и Армашевский. Молодой Чернышев просил кланяться...² и о ней спрашивал. У него родился сын вчера же – всё у них благополучно.

Сегодня иду к Паше³. Только что сговорился с ним – и утром будет в музее Меффери – ведет переговоры о минералогических исследованиях каменного угля.

Прасковья Кирилловна⁴ получила билеты – но агент страхового общества еще не был – я не знаю его телефона – должно быть ты сделала это через Гревсов. Если он долго не будет давать о себе знать, переговорю с Гревсами.

Сейчас масса работы – хочется скорее уже быть вне Петербурга.

Нежно и горячо целую тебя и деточку⁵. Целую всех наших.

Твой Владимир

Имей в виду, что вещи большой скоростью отправлены в Ереськи.

Оп. 7. Д. 57. Л. 4.

---

¹ Письмо написано в Петербурге, что следует из его содержания: «хочется уже скорее быть вне Петербурга...» и т.д.

² Не разобрано одно слово.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Казакова.

⁵ Н.В. Вернадская.

№ 883

21 мая 1913 г., [С.-Петербург]¹

21.V. 913

Дорогая моя Наталочка,

сегодня послал тебе заказные письма и накладную, когда было получено прилагаемое извещение Заметчинской конторы. Звонил Мих.Мих. Карпович, который говорит, что Гуле² через Преснякова предлагают 2 урока в 8 классе гимназии Михельсон по русской истории. Он пишет ему об этом в Доробино. Вот Гульке *embarras derichesses*³.

Получил твою карточку. Спасибо.

Нежно целую.

Твой Владимир

Детоньку⁴ поцелуй.

Оп. 7. Д. 57. Л. 5.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 882.

² Г.В. Вернадский.

³ Затруднение от избытка (при необходимости сделать выбор) (франц.).

⁴ Н.В. Вернадская.

22 мая 1913 г., С.-Петербург

СПб., 22.V. 913

Дорогая моя Наталочка, вчера забыл тебе написать, что контракт с хозяином я подписал – условия старые. Сын его, который приходил, был очень любезен и делал всякие мелкие aimabilités¹.

Вчера был у Паши²: он может тебе выслать 3000 рублей, когда ты захочешь. Уплату долга свободно может ждать до января-февраля. Но у меня впечатление, что деньги ему могут быть нужны, так как положение его на заводе непрочно: против него масса интриг. Я не сторонник его выхода, ибо сейчас огромное дело на нем, за которое на нем лежит ответственность очень серьезная: при этих условиях выход возможен лишь по очень ярким, всем понятным основаниям. В случае ухода теперь будущие неудачи постройки флота падут на него, как на отсутствующего. У них на заводе начались волнения. Вчера арестован сын Николая, рабочий.

В лаборатории у меня эти дни критические. Решится вопрос – не новый ли элемент то, что я выделил. Что это за тело – совершенно теряюсь. Но вся эта область – самая трудная и мало изученная в современной химии – полна фантомов, так как нет прочных и ярких точек опоры. Если окажется действительно новым – я не знаю, что делать. Бросить работу до октября – тогда просто ужасно!

Вопрос о месте для Ломоносовского института и музея сейчас находится в несколько неясном положении – встречаются сопротивления в части гласных. Приходится сейчас писать записку³.

Нежно целую тебя и Нинулю⁴. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

P.S. Ввиду Пашиных дел хочу двинуть вопрос о залоге сейчас же.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Келенский проспект, д. Янович, кв. М.И. Старицкой, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 6.

¹ Любезности (франц.).

² П.Е. Старицкий.

³ Проект создания Ломоносовского института Академия наук выдвинули в 1911 г. К 200-летию юбилею со дня рождения М.В. Ломоносова В.И. Вернадский по поручению Академии наук написал записку «О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук». Она была предназначена для рассылки членам Петербургской городской думы, которая должна была выделить землю для института, но так и не выделила. Одновременно Академия наук обратилась с этим же проектом в правительство. Правительство дало формальное согласие на создание учреждения, однако ни средств, ни земли для этих целей не выделило. В 1912 г. В.И. Вернадский составил вторую записку о Ломоносовском институте, которую передали Николаю II. Царь обещал свое покровительство, но практически записка осталась без ответа. Академия наук в 1912–1916 гг. еще несколько раз подавала свои заявления о необходимости создания Ломоносовского института, но царское правительство не нашло средств для открытия нового научного учреждения.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 885

6 июля 1913 г. [С.-Петербург]

6.VII. 913

Дорогая моя, приехал более чем за час!

Пишу несколько слов, чтобы просить тебя, если поедешь в Полтаву, заказать себе из Ересек экипаж. Пожалуйста, сделай.

Нежно всех целую.

Твой Владимир

Сагальдок

Оп. 7. Д. 57. Л. 7.

№ 886

7 июля 1913 г., Александров

Александров, 7.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу на всякий случай (в) Полтаву. Спального не нашел, взял 1-й класс. Надеюсь доеду хорошо. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 8.

№ 887

9 июля 1913 г., Остенде

Остенде, 9.VII. 913

Дорогая моя, приехал сюда сейчас утром. Ехать было бы отлично (один в купе), но я ночь плохо спал, почти не спал – думаю, отравился газом, а может быть следствие неосторожности в еде. Ужасно это у меня неудобно для путешествий. Чуть-чуть не сделалась у меня морская болезнь в вагоне и самочувствие было такое же. Я думаю, что главная вина в газе (светильном), которым освещались вагоны международного общества – он отвратительно вонял, а закрыть было нельзя. Я же очень чувствителен к СО. Для переезда это не очень хорошо и, если бы я не телеграфировал Самойлову, может быть остался бы ждать следующего парохода (здесь их чуть не 6 в день!). Но сейчас, на воздухе чувствую себя **совсем хорошо**: буду держать режим еде – должно быть я чувствителен к свежести пищи. Сейчас никуда нельзя показать носу – дождь не переставал со вчерашнего вечера. Но ветра нет и переезд на «Принцессе Елизавете» надо надеяться будет хорош. Вчера писал и тебе и Нинусе¹ из Кельна открытки. О Нюточке² никаких вестей не было: только бы она не перепутала.

Нежно обнимаю. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

Из Лондона напишу сегодня же.

На обороте открытки³: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской. Шишаки**, Миргородского уезда, Полтавской губернии, Šišaki, via Kieff, Russie.

Оп. 7. Д. 57. Л. 9.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Открытка с видом: «La Malle Princesse Elisabeth» partant pour Douvres.

№ 888

9/22 июля 1913 г., Лондон

Лондон, 8¹.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу несколько слов, чтобы сказать тебе, что довольно благополучно доехал в Лондон. Была качка, и я несколько болел, но затем заснул дорогой. Чувствую себя недурно. Я думаю, что все это следствие отравы газом. Здесь меня встретил Самойлов и Маркуша². Оба в восторге от Лондона и англичан. Едем в Ливерпуль должно быть послезавтра. Остановился я в том же пансионе, где и они. Сейчас еду на вокзал в Charing Cross: мой чемодан не пришел! Они думают, что он мог придти с следующим пароходом. Я думаю, это следствие непорядков в Кельне. Если он не придет сегодня в 10 часов вечера – будет очень неприятно – там все вещи – не во что и переодеться.

Нежно и горячо обнимаю тебя. Поцелуй всех наших. Пишу несколько слов, так как боюсь, что тебя немного взволнует моя открытка из Остенде. Что Нинуличка³, пусть будет осторожнее с купаньем и лодкой.

Надо кончать. Нежно целую.

Твой Владимир

P.S. Самойлов просит передать тебе свой поклон. Он напишет тебе из Америки. Прилагаю доверенность [Среды]⁴, кажется забыл ее тебе дать.

Оп. 7. Д. 57. Л. 10.

---

¹ Описка у В.И. Вернадского: письмо написано, очевидно, 9 июля, см. письмо 887: «Из Лондона напишу сегодня же».

² М.М. Любоцинский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Фамилия написана неразборчиво.

№ 889

12/25 июля 1913 г., Ливерпуль

Ливерпуль, 12/25 .VII. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня уезжаем. Вчера вечером приехали, попали в очень роскошную и дорогую гостиницу – но может быть это и ничего, так как одну ночь провести было очень хорошо, можно было взять ванну и т.д. Сегодня пишу тебе утром, уже поздно, около 10 часов (у вас, вероятно, около 12^{1/2}, если не больше), а в 2–3 часа едем на пароход. Теперь имей в виду,

что почти 2 недели от меня не будет писем. В Квебеке я зайду на телеграф справиться и может быть ты протелеграфируешь 18-го июля вечером* Софье Яковлевне (Петровское-Разумовское, Софье Яковлевне Самойловой), а она пришлет нам общую телеграмму в Квебек. Общую телеграмму мы пришлем также Самойловой, а она протелеграфирует тебе. Немного неудобно с Шишаками: оказывается, есть другие Шишаки, и 1-го июля Яков Владимирович¹ телеграфировал мне с Маркушей² в Шишаки, и получился ответ, что меня нет там. Эти другие Шишаки также Полтавской губернии, железнодорожная станция и чуть ли не Миргородского уезда. 1-го июля в наших Шишаках не было и телеграфа!

Так грустно быть долго без писем, мы так привыкли даже уже и при переездах быть близко связанными хотя бы письменным словом; совсем отвыкли от старых условий – даже наших отцов – когда на недели обычно при отъездах обрывалось слово. Я думаю, что наши дети увидят, а может быть и мы, возможность переговариваться и при отъездах на далекое расстояние.

Немногие дни в Лондоне промелькнули чрезвычайно быстро. Остановился я в пансионе, очень порядочном, устроенном русским (кажется, немного раньше разорившийся молодой интеллигентный московский купец), где были, кроме нас, Ивероновы. Затем кое-что осмотрел, но недостаточно, – Kensington³, Британский музей, Зоологический сад, галереи ТЭТА⁴ Уолесса. Больше ничего не успел. Виделся с Прайором и Спенсером; жалко, что не успел зайти к Майрсу. Лондон еще более поражает сейчас своим ростом; лошади начинают отступать на второй план и по крайней мере 2/3 всего движения – всё растущего – ведется авто.

Ливерпуль совсем другой тип – грязный портовый город, кажущийся маленьким после Лондона. Здесь царит лошадь и редок относительно авто – как еще в наших городах. Нет никакой особенной охоты гулять и сейчас хочется кончать переписку. Мы сидим все в роскошном большом приспособленном для писанья коридоре – салоне и пишем. Сейчас пойдем на почту. Вчера вечером я пошел на почту, а Яков Владимирович с Маркушей отправились выбирать гостиницу. На почте нашел лишь письмо Гули⁵ (старое) и Елизаветы Дмитриевны⁶ (она пишет, что наш участок в Крыму красив и хорош, но очень круто, ее впечатление, что строиться трудно. Еще мало построек – 3 – у Короленко деревянный барак. Ей кажется, что бывший наш участок у моря сейчас очень хорош, но при людности будет тяжело). От тебя писем не было, но все-таки надеюсь до отъезда получить весточку. Хотя это даст мне известие о вас лишь днем позже. Я немного беспокоюсь, как тебе прошла странация с прогулкой. Вечером заходили и в пароходную контору за письмами, но там я нашел только письмо от Нюты⁷, которое объясняет, отчего она не приехала в Кельн: из-за расходов. Кохендерфер ей не отвечает на 3-е письмо и не присылает денег и ей казались траты на поездку роскошью. Я не знаю, не придется ли послать ей денег, то есть справится ли она с присланными 100 рублями в Америку? Конечно, я бы оплатил ей поездку в Кельн, но сейчас я не решаюсь послать ей денег. Спишись, когда будешь писать, с ней.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Пиши. Поцелуй наших детей. Деточке⁸ посылаю открытку. Очень мне интересно знать, как у вас.

* Мы приедем 19-го, но 18 утро у вас – 17 вечер у нас.

Итак, две недели, если нет каких встречных почт – без писем. Нежно и горячо обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 11–12.

---

¹ Самойлов.

² М.М. Любошинский.

³ В Кенсингтоне располагается Национальный музей науки и промышленности, обсерватория, Королевский дворец.

⁴ Современная транскрипция – Тейт галерея (Tate Gallery) в Лондоне – национальная галерея живописи Великобритании (с 1897 г.).

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Ревуцкая.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ Н.В. Вернадская.

№ 890¹

12/25 июля 1913 г., [Ливерпуль]²

25.VII. 913

Дорогая Наталочка, сегодня отправил тебе письмо и сейчас нашу уже на пароходе; через 1/2 часа – 1 час отходим. Погода хорошая. Много знакомых и русских и иностранцев. Сегодня как раз теперь получил твое и Ниночкино³ письмо – очень рад иметь известия о вас от 7.VII. Каюта недурная. Против какие-то японки, рядом Левинсон-Лессинг.

Нежно всех целую. Следующее письмо должно быть напишу через неделю – придет к вам через две!

Нежно целую.

Твой Владимир

Деточку очень благодарю за интересное письмо. Очень прошу и Гулю⁴ писать.

Пусть она будет осторожна с купаньем и лодкой. Береги себя, моя дорогая.

Маркуша⁵ производит **очень** хорошее впечатление. Сейчас он что-то снимает.

Оп. 7. Д. 57. Л. 13–14.

---

¹ Письмо написано на бланке «Canadian pacific railway atlantic service».

² Письмо написано в Ливерпуле, см. письмо 889.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ М.М. Любошинский.

14/27 июля 1913 г.,
[на пароходе по пути из Ливерпуля в Квебек]

14.VII. ст.ст.

Атлантический океан, воскресенье, 27.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, вот уже еду третьи сутки. Пустынное море. Вчера исчезли последние птицы, которые еще вчера до обеда, всё уменьшаясь в числе, летели за кораблем. Нет ни встречных пароходов, никакого движения. Сегодня с утра прекратилось радиографное сообщение с землей, но еще сегодня мы имели газету с ночными телеграммами! Газета-реклама, издаваемая здесь на корабле. Несколько телеграмм о главных событиях – биржа, Китай, Болгария и Балканы, и разные английские известия. Известия идут с Европейского материка. Вчера к утру мы обогнули Ирландию и с вчерашнего утра все время идем океаном, делая 450–500 верст в сутки – всё дальше на запад. Это путь пустынный, никем не посещаемый, идут лишь большие, редкие пароходы в Канаду и из Канады; поэтому так пустынно.

Пока была погода благоприятная. С вчерашнего дня начались признаки ухудшения. Барометр здесь публике недоступен, где-то спрятан, но по изменению ветра, ряби и характеру волн уже со вчерашнего дня все знали, что может быть качка. Сильной качки еще нет, ждем ее ночью, пишу тебе вечером после обеда, но уже сейчас корабль, державшийся хорошо, начинает раскачиваться. С утра идем среди волнующейся ряби, среди всюду пробегающих барашков, и часа три тому назад появились плоские, но широкие волны. Корабль хороший и крепкий и быстро бежит вперед навстречу свинцовому, покрытому тучами небу.

А ветер с утра неустанно крепнет. Всё с утра становилось холоднее. И сейчас в библиотеке, где я пишу, зажегся электрический «камин», Чернышев предсказывает сильную качку, сильный ветер, бурю. Будет ли это долго? Или быстро пройдет и выйдем опять в хорошую погоду?

Идти нам океаном еще $2\frac{1}{2}$ –3 суток, а затем попадем к американским морям, пройдем между Лабрадором и Ньюфаундлендом, а затем чуть ли не сутки будем идти Святым Лаврентием.

Кругом парохода очень однообразно. Внутри идет своя жизнь, но мне она мало известна. Мы здесь как бы образуем особый мирок, так как нас и так достаточно и не хочется делать новых знакомств. Одних русских, едущих на конгресс, восьмеро. А затем и другие, с которыми мы видимся и говорим. Да и говорить уже о многом не хочется. Здесь директор Венского геологического комитета GeheinerabH Титус – веселый, образованный немец, ему 69-й год, но он живой и полный остроумия человек. Другой француз De Margerie, которого я еще видел в 1888 в Бате. Он и теперь такой же, какой был тогда, маленький, сухопарый. Сейчас он мрачный и молчаливый, все время чувствует себя не по себе. Margerie и Tietus с нами вместе обедают за одним столом, нас – 10.

Сейчас попали в густой туман, ветер усиливается, должно быть мы идем краем циклона. Думаю идти спать, хотя по местному времени едва ли есть $9\frac{1}{2}$ часов, а у вас теперь ночь – без $\frac{1}{4}$ час ночи. С каждым движением ко-

рабля разница увеличивается, мы всё идем на запад, всё навстречу часовой стрелке!

Понедельник, 28.VII. 913, днем

Ночь прошла с качкой, но не очень сильной. Сейчас всё время с утра покачивается – зыбь, но довольно сильная. Мы опять в соединении, но не с землей, а с двумя пароходами, один из которых мы видели утром. Можно послать телеграмму, но Самойлов не предупредил жену, а письмо с извещением из Ливерпуля придет к ней только завтра, получив телеграмму, Софья Яковлевна² может не переслать ее вам.

Не могу сказать, чтобы мне очень нравилось морское плавание – всё время на людях, как-то нельзя делать, что хочешь. Во время качки хотя я и не болею, но все-таки не чувствую себя очень хорошо. А затем сейчас безмолвное холодное море, туман, серая рябь волн. Полная водяная пустыня, полная однообразных красок. Говорят, таково северное море-океан. Сегодня, говорят, были птицы, а мы как раз посередине между Ирландией и Ньюфаундлендом. Переваливаем уже на американскую сторону, и в сегодняшних известиях как будто больше сведений об американских делах.

Я читаю много, большей частью сидя на холодном деке, в пальто и укутавшись в плед. Читаю по истории науки, кое-какие новинки из взятых брошюр и с огромным интересом новую книгу Брайса о Южной Америке³. Мыслью переносюсь туда, охватываю весь земной шар в его мировой политической жизни. Плывя на океаническом корабле, это как-то невольно создается. Здесь уже интересы нового порядка; не дает новая европейская раса, перекинувшаяся за океан, всё охватившая той огромной силой, которую дает научное знание. Наш корабль есть не только полное создание научного мышления, его творение от начала до конца – он как бы прообраз того, чем создается и держится эта мировая политическая жизнь. Точное научное мышление и business⁴. Но business в своих наиболее важных влиятельных формах целиком и с каждым годом все больше – проникается точным научным мышлением.

Брайс поднимает такие интересные вопросы, как вопросы о создании новых наций, творящихся на наших глазах, о будущем двух Америк, об использовании естественных сил. Я очень хочу, чтобы Гуля⁵ прочел эту книгу.

Говорят будет остановка где-то около Ньюфаундленда, и я попытаюсь тогда послать это письмо.

Как мал «свет»! В Лондоне на улице я встречаю одного из своих учеников, как я кажется писал, эмигрировавшего и теперь научно работающего у Рамзая. Здесь, на корабле, неожиданно оказывается один из москвичей, ученик Лебедева, бывший приват-доцентом в Московском университете, ушедший в 1911 году и теперь едущий в Калифорнию, где он надеется получить возможность пройти в университет. Это Эпштейн, работы которого я знаю, должно быть еврей, которому сейчас закрыты двери в России...

Вторник, 16/29.VII. 913

Сегодня с утра кажется самая скверная погода из всех: дождь, холодное волнующееся море, вдали туман и серые облака. Всё серо, ветрено, но качки почти нет. Кажется наш корабль особенно хорошо построен и относительно качает его меньше, чем качало бы другой корабль.

Пишу до завтрака. Встаем рано утром – уже около 6^{1/2} часов утра берем ванну. Сегодня взял только я – Маркуша⁶ и Яков Владимирович⁷ не решились, в 8 часов чай-завтрак, а потом можно есть массу и целый день! На пароходе скучно и потому все эти мелочи играют известную роль. Есть попытки общей жизни, мало удающиеся: вчера был танцевальный вечер (я его не видел, Маркуша и Яков Владимирович смотрели), сегодня общий «спорт» на деке (Маркуша занимался) и т.д. Но как-то общей жизни нет; очень вероятно, что это все зависит от характера пассажиров: англичане и англо-американцы, русские.

Это письмо я заканчиваю, а следующее буду писать Гуле. Постоянно думаю обо всех вас, мои дорогие. Надеюсь, ты бережешь себя, моя дорогая Туся, а деточка⁸ осторожна с купаньем и лодкой. Сегодня 10 дней как я уехал, а кажется так давно и так далеко! Смотрели вчера пароходы обратные – может быть возьму (билеты) на самый большой – «Император» на 7/20 сентября и в середине сентября буду назад!

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Целую детей. Привет Кл.⁹ и Прасковье Кирилловне¹⁰. Как все на Бутовой Кобыле?

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп.7. Д. 57. Л. 15–16.

¹ Письмо написано на бланке Canadian Pacific railway atlantic service».

² Самойлова.

³ *Bryce James. South America, observations and impressions...* London- Macmillan and C^o, 1912.

⁴ Дело (англ.).

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ М.М. Любошинский.

⁷ Самойлов.

⁸ Н.В. Вернадская.

⁹ Клавдия – прислуга в доме Вернадских.

¹⁰ Казакова.

№ 892

1 августа/19 июля 1913 г., Квебек

Квебек, 1/20¹.VIII. 913, пятница, утро

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехали в Квебек – превосходный переезд. Послали телеграмму Софье Яковлевне², она должна тебе протелеграфировать. Надеюсь не перепутает: телеграммы от тебя нет! Писал с парохода тебе и Гуле³, отсюда посылаю написанное письмо Нинуле⁴. Сейчас мы все 8 русских ездим по Квебеку, а в 5 часов дня уезжаем в Монреаль. Завтра там род прогулки-экскурсии. Послезавтра уезжаем в Кингстон и начинаем экскурсию.

Квебек очень оригинален и красив. Надо кончать: меня ждут. Нежно и горячо целую всех. Надеюсь у вас все благополучно. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Шишаки, Миргородского уезда, Полтавской губернии, Šišaki, via Kieff, Russie.

Оп. 7. Д. 57. Л. 17.

---

¹ Описка у В.И. Вернадского, так как 1 августа соответствует 19 июля.

² Самойлова.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 893¹

2 августа/20 июля 1913 г., Монреаль

Монреаль, 2.VIII/20.VII. 913

Дорогая моя Наталочка, вчера послал тебе открытку из Квебека, сегодня пишу из Монреаля. Приехали сюда вчера вечером и думаю сегодня уехать в Кингстон. Остановились в страшно дорогой (пансион обойдется нам 9–10 руб. в день!) и очень неважной гостинице, в которой очень шумно и плохо организовано. Это все Чернышев и Левинсон, которые стремятся к шику и нам не товарищи. Я думаю, что сегодня-завтра мы с ними расстанемся. Весь этот train² нам совсем не подходящ.

К тому же по дороге из Квебека в Монреаль пропал мой багаж, и я никак не могу выяснить, где он находится. Гостиница в высшей степени нелюбезная в этом отношении, хотя принадлежит той же самой компании. Не знаю, как быть дальше, так как там все мои вещи (мой чемодан). Телеграммы тоже не получил пока от тебя: мы пробовали с Самойловым говорить по телефону с Квебеком, но неудачно. Пока здесь все довольно бестолковым кажется – поезда все опаздывают – многие внешне вещи напоминают наши условия. Но, с другой стороны, совершенно иной уклад жизни, большая свобода сказывается во внешних мелочах. Природа этих мест очень напоминает наши места – может быть в связи с характерным ледниковым ландшафтом.

Сейчас иду в университет, в секретариат конгресса³, а затем пойду осматривать минералогический музей. Днем сегодня всякие завтраки, торжественные приемы и поездка за город, которая мне представляется *partie de plaisir*⁴, кажется между прочим будут показывать «индейцев». Все это имеет не особенно приятный характер, и я сперва было думал остаться в Квебеке, но Самойлову и отчасти Маркуше⁵ хотелось быть на этой экскурсии. Может быть увидишь немного и ландшафт страны, да, наконец, здесь увидишься с многими старыми знакомыми и приятелями. Хотя я чувствую себя недостаточно гибким для таких свиданий. Может быть надо немного и бороться с таким своим настроением.

Нежно и горячо целую вас всех моих дорогих. Очень жду от вас известий. Нежно тебя целую, моя дорогая. Береги себя. Пусть Нинуля⁶ будет осторожна. Надо кончать и идти. Напишу может быть сегодня же.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 18–19.

---

¹ Письмо написано на бланке «Place viger Hotel Montreal».

² Шум (франц.).

³ Имеется в виду XII Международный геологический конгресс, который проходил в Оттаве с 7 по 14 августа н.ст.

⁴ Увеселительной прогулкой (франц.).

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ Н.В. Вернадская.

№ 894

3 августа/21 июля 1913 г., Кингстон

Кингстон, 3.VIII/21.VII. 913, воскресенье

Дорогая моя Наталочка, вот уже перед началом экскурсии – но от тебя не имею никаких известий. Или письмо мое и Якова Владимировича¹ не дошло или телеграмму из Квебека нам не переслали. Последнее меня не удивит при здешних порядках, не отличающихся аккуратностью. Мы думали с Яковом Владимировичем направить сюда всю нашу почту из Торонто, но местные геологи не советуют, так как они боятся пропажи; затем оказалось, что если бы мы послали вчера из Монреаля телеграмму в Торонто, то в Кингстон наша почта попала бы только 7-го или 6-го, так как в воскресенье почта не работает. А 6-го вечером мы будем в Торонто и надеемся получить известия. А теперь 14 дней от вас не имею известий, и я и Яков Владимирович стараемся не думать.

Сейчас идет дождь – раньше, да и утром, здесь страшная жара. Приняли нас здесь необыкновенно любезно. Меня в особенности принял любезно профессор Николь, главный руководитель здешней экскурсии, которому, по-видимому, указал на меня гельсингфорский профессор Боргстрем, мой приятель, которого я, к своему сожалению, вчера не увидел в Монреале. Как всегда меня только смущают такие выделения: но так или иначе, мне пришлось сесть в лучший частный (Николя) автомобиль и т.д. Здесь после шума и сутолоки Монреаля очень хорошо. Небольшой английский городок, замерший в воскресенье, и интересный университет, о существовании которого я не знал и который мы только что осматривали. Университет растущий, он начал выделяться лишь последние годы, раньше, по-видимому, прозябал. Здесь при нем главная горная школа Онтарио, главного рудного района Канады. И школа эта производит живое впечатление. Среди профессуры стремление к организации научной работы. Обилие высшего образования, его разнообразных форм, здесь резко бросается в глаза. Ярко вырисовывается и помощь отдельных частных лиц. Так, Кингстонский университет (Kingston's university) состоит из отдельных зданий, построенных на лугу, 12 зданий, если не больше – в красивом стиле старых нормандских замков. Здания построены за последние годы частными лицами и один из них – металлургический институт – построен профессором Николем, про которого другой профессор Годвин сказал мне, что он представляет редкое соединение богатого человека и профессора. Здесь в университетском строе видно яркое влияние германской науки, немецких университетов, но я думаю, что сейчас быстро американские университеты и высшие школы, при поддержке частных лиц и государственных демократий перегонят и оставят в стороне своих первых учителей. Ибо здесь есть стремление к свободной, творческой работе.

Кингстон расположен на берегу Онтарио, но дождь мешает видеть местность. Канада удивительно напоминает мне Россию по своему внешнему виду и как-то в общем облике природы совершенно не чувствуется то чужое, что чувствуется в других странах, когда, например, ты переезжаешь западную границу. Новая страна сказывается в массе мелочей жизни: плохие, русского типа, дороги, деревянные «пешеходы», засаленные и грязные станции, грязные улицы, кое-где мощенные еще досками. Наряду с этим видишь новейшие машины на полях (но теперь они и у нас, хотя бы, например, среди прикубанских или зауральских степей), элеваторы, доки и т.п. Эта сторона сейчас идет и у нас может быть не тем же темпом, но также сказывается на окружающей картине жизни. Поражает меня здесь и гораздо большее проникновение сюда русских, чем я это себе представлял. Русскую речь мы здесь иногда слышим. В Квебеке, Монреале в киосках железных дорог продавцы – русские евреи, с которыми мы говорили по-русски и которые хорошо здесь устроились – один из них, совершенно свободно и правильно говорящий по-русски, живет здесь 8 лет, кончил в Могилеве городскую школу. Русских уроженцев встречаешь и в хронике местных газет. Вернувшийся из геологической экскурсии Толмачев рассказывал, что в одном руднике помощник инженера оказался малороссом, перебившим фамилию и сделавшимся канадским подданным, кончившим свое образование в Америке. В местной прессе указывается серьезно на подымающее значение по численности русского населения; кое-где в западных штатах они составляют заметный элемент. Сейчас указывается новое явление: «нашествие» русских мужиков с Владивостока в Колумбию; местные деятели советуют направлять их в прерии, так как скопление рабочих в морском побережье грозит безработицей. Что это *Drang nach Osten*² старых землеходцев, ищущих земли и лучших условий жизни? Но историческая возможность потеряна. Аляска – русская Америка – была отдана русским правительством по его невежеству и преступному легкомыслию. А между тем не только это одна из богатейших рудных стран, но за ее холодами и пустынями лежат богатейшие земли, степи, будущие житницы, до которых в XVIII столетии докатывалась волна русских землепроходцев. Сейчас судьба русского населения не ясна. По-видимому, правительства штатов стараются не расселять их компактными массами, боясь нового «русского» вопроса, каким является теперь в значительной степени немецкий Виннипег. Растворится ли славянский элемент в общем строе Канады или действительно удержится американская Русь, как ее называют местные русские и украинские газеты. Но сейчас волна передвижения растет. Об этом пишут не только русские, но и канадские газеты; это видишь и в жизни: в Монреале особое бюро для русских рабочих с русскими вывесками, на пароходах из Ливерпуля едут русские мужички; тот же Толмачев рассказывал, что на его пароходе в 3-м классе ехало до 60 русских мужиков, на вид зажиточных, дворовых работников... Идет неустанно творение нового племени на новых местах – в пользу англосаксонской расы?

Вчера на экскурсии видел массу народа и перезнакомился и встретился со старыми приятелями – видел Сядецкого, супругов Лакруа, Термье и т.д. Лакруа получил только здесь мою статью, язык ее переделает и поместит в ноябре в «*Bull. Soc. Miner*»³. Мне очень хочется посетить главные места урановых и ториевых руд в Америке. Но это, по-видимому не так легко, потребует и вре-

мени и денег. Я все-таки думаю, что это сделаю, так как для меня при моем интересе к радиевым явлениям, это было бы важно. По-видимому, я получу здесь и рекомендации и издания. Может быть буду тебя просить около начала сентября или конца августа перевести мне в Нью-Йорк или Вашингтон 500 рублей. Надо будет поехать в Колорадо и Ю. Каролину и ясно, что я не смогу справиться своими деньгами. А между тем, едва ли это будет непроизводительной тратой денег. Между прочим вчера познакомился с председателем комитета нашего конгресса – профессором Адамсом. Он очень горячо отзывался о Нюте⁴! Оказалось, что он был на этом конгрессе делегатом канадской молодежи! Адамс, по-видимому, очень популярный здесь человек и хороший геолог. По-видимому, Нюта выделилась на конгрессе и ее выдвигал Николь и др. Расспрошу потом Адамса подробнее.

Завтра утром едем на автомобилях на осмотр месторождения слюды, апатита и так далее. Выработка слюды здесь самая большая в мире. А сейчас слюда имеет колоссальное значение в электрической промышленности. Это одно из будущих русских производств: было время снабжала Москва через итальянцев Западную Европу, когда слюду употребляли вместо оконных стекол. Затем это «московское стекло» в конце XVIII в. исчезло – а сейчас одна Канада дает его на миллион рублей. Часть поездки сделаем на паровых лодках, частью пройдем пешком. Надо надеяться, не будет дождя. Здесь у Кингстона уже каменные скалы, отшлифованные льдом, как в Финляндии: но климат другой – табак, кукуруза, пшеница. Скорее напоминают – в более грандиозном масштабе скалистые места Киевщины, но в озерный период, там пережитый. А пшеничку здесь едят руками, как у нас – и немцы и другие иностранцы смотрят с удивлением на нас и канадцев, находящих ее вкусной. Мой старый знакомый – берлинский профессор Беловский – не очень далекий человек, но хороший знаток минералов говорит, что он никак не может понять, как можно есть этот «Корн»⁵.

Нежно и горячо обнимаю тебя, моя дорогая. Поцелуй всех детей – пусть Нинуся будет осторожней. Ужасно жду от вас известий. Пишу вам очень часто.

Твой Владимир

Дождь перестал и идет колокольный звон – другой, чем в России, но схожий – а против церковь – но не готическая, а в романском стиле, близка по внешнему первому грубому впечатлению к нашему византийскому или русскому. Как странны эти аналогии внешней структуры!⁶

Оп. 7. Д. 57. Л. 20–21.

¹ Самойлов.

² Натиск на восток (нем.).

³ *Vernadsky V.I. Sur le microcline à rubidium – Bulletin de la Société française de minéralogie (et cristallographie). 1913. Т. 36. Р. 258–269.*

⁴ Племянница В.И. Вернадского А.С. Короленко принимала участие в конгрессе Христианского союза молодежи, который проходил в США весной 1913 г.

⁵ Хлеб (нем.).

⁶ Этот абзац вписан на полях листа 20.

6 августа/24 июля 1913 г., Торонто

Торонто, $\frac{6.VIII}{24.VII}$. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня приехал в Торонто, но здесь не застал ни одного письма от вас. Нет и телеграммы. Успокаиваю себя, что раз нет никаких экстренных известий – у вас всё благополучно, но так или иначе я получил последнее известие от вас только от 7 июля в Ливерпуле. Знаю только о том, что было 17 дней тому назад. Почта в Канаде организована неважно: европейская почта приходит 6 раз в неделю, причем иные дни она приходит по два раза в день, так что по существу еще менее часто. Самойлов получил письмо от 10-го из Москвы, но Шишаки не Москва. Очень удивляет меня, что я не получил телеграммы от тебя, и боюсь, переслала ли тебе нашу телеграмму Софья Яковлевна² – Самойлов в этих делах оказался порядочным путаником.

Здесь сейчас, по-видимому, большой съезд геологов; не знаю, насколько будет интересен самый конгресс. Чрезвычайно интересна была экскурсия. О ней я уже писал вчера Нинульке³. Сейчас сегодня мы сделали интересную поездку уже не минералогического, а геологического характера. То, что я увидел здесь, для меня новое. Канада – в этой части – по рельефу напоминает Финляндию и геологически между ними есть много общего. Здесь и там выходят древнейшие докембрийские горные породы. Мы привыкли считать рельеф Финляндии за результат ледникового периода, движения льда, сгладившего скалы и придавшего особый отпечаток всей природе нашего каменистого севера. Сегодня здесь я мог несомненно убедиться, что рельеф Канады обусловлен не ледником недавнего – относительно – времени, а древней докембрийской (до начала известных нам живых существ) формой поверхности. Ледник лишь слегка окружил ранее существовавший рельеф, открыл его нам, снявши верхние слои. Но может быть мы видим и здесь рельеф, вызванный ледником, только более древним, докембрийским. Невольно поднимается тот же вопрос и для Финляндии и для русского севера.

В Торонто я поместился в одном из университетских колледжей, в студенческой комнате – роскошно и просто обставленного женского колледжа. Это наиболее дешевое устройство. Самойлов и Маркуша⁴ помещаются здесь же. Марка сперва поместили в другом месте, но нам удалось его сюда перевести. По-видимому, Торонто так же мало привлекателен, как и другие виденные мною города. Чего-то в них нет. Лучше других Квебек с его оригинальным красивым расположением и Кингстон, маленький чисто английский город. Впечатление Торонто, как и других канадских городов – чего-то неустановившегося, строящегося. Впрочем я видел Торонто очень мало. Пишу тебе вечером, около 10 часов, в очень красивой библиотеке, а приехали около 6 часов. У нас опять не попал вовремя багаж, и мы много потеряли времени на его разыскивание. Нет его и до сих пор.

Здесь милая публика, больше американцы из Техаса, Южной Каролины и других мест. Может быть и сойдуся и переговорю с кем-нибудь. Но по правде мне все-таки трудно на людях. Я, впрочем, сейчас разошелся и энергично принимаю участие в дебатах на экскурсиях. Сегодня в одном пункте опять за-

ставили канадских геологов задуматься, так как к прежним объяснениям одного загадочного явления – странных форм песчаника – прибавились два других, одно указанное мною (явление грязевых вулканов), другое американцем Рэнсомом, близкая к моему (газовых источников). Я думаю, что одно из них более верное, чем раньше предполагавшиеся и наше посещение было не напрасно, так как сталкиваются люди разной мысли и разного научного опыта.

Здесь мы попадаем в газеты, но в быстрой и энергичной жизни Северной Америки, наш конгресс отнюдь не имеет того значения, какое имел бы он на нашем континенте. Здесь чувствуется другой масштаб, во многом для нас чуждый. Балканский вопрос исчез – газеты посвящают ему несколько строчек, мелким шрифтом. Переполнены фактами мелкими и крупными местной жизни, скандалами, уголовной хроникой, спортом, финансовыми известиями. В общем, пресса по-своему талантливая, но уже очень далекая по своему содержанию от нашего духовного облика.

Поражает роскошь университетского образования, широта возможностей научной работы, но малая индивидуальная сила работников. Крупных талантливых личностей мало. Берется все организацией, средствами, многочисленностью работников. То, что нам показывал вчера Николь – детский лепет, о котором странно рассуждать серьезно.

Нежно и горячо тебя целую, мою дорогую. Поцелуй детей. Ужасно жду от вас писем. Между прочим по поводу поцелуев. Вчера было в газетах интервью с одним из членов конгресса – молодой шведской дамой, про которую писали, что она красива и очень научно известна (последнее явно неверно), которая заявляет, что будет читать лекции о вреде поцелуев. Она утверждает, что ее никто никогда не целовал, даже ее муж. Они сторонники антипоцелуйной лиги. Может быть это и гигиенично – но для меня это возвращение к доисторическому времени... Ну, нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 22.

¹ Письмо написано на бланке «Annesleg Wall Queen's Dark Toronto».

² Самойлова.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ М.М. Любошинский (сын).

№ 896¹

8 августа/26 июля 1913 г., Торонто

Торонто, $\frac{8.VIII}{26.VII}$. 1913, утро

Дорогая моя Наталочка, вчера получил твои два письма, от 8.VII и 12.VII. Но дети – Гуля² и Нинуська³ – не пишут. Ты переслала мне письмо Гули, которое меня перенесло на Псел и было интересно своими живыми отголосками мелочей жизни. Сейчас я думаю, между нами уже установилось письменное сообщение и через час, когда разберется почта, я получу письмо. Получил письмо от Федора⁴, который мне пишет о всё еще тяжелом положении Шуры⁵. Леля⁶ в Берхтесгадене⁷. Здесь я пробуду еще несколько дней, а потом

поеду на большую экскурсию на 10 дней на рудные месторождения Канады. Дальнейший наш план неясен, но я всё больше склоняюсь к тому, чтобы не сидеть здесь лишнее время. Очень было бы интересно проехать в Йеллостонский парк и в Колорадо – но совершенно не знаю, будет ли для этого достаточно времени и денег. С другой стороны, в смысле научных учреждений Америка вовсе не стоит впереди Европы. Не думаю, чтобы здесь был хотя бы один музей, который мог бы стать наряду с лондонским. Во всяком случае, главные музеи я просмотрю и, если останется время, сделаю одну-две минералогические экскурсии.

Конгресс⁸ как конгресс не очень интересен. Интересно общение с людьми. Выставок, которые бывали на конгрессах и представляли интерес, нет совсем. Вопросы решаются в Совете, куда я не вхожу – и сейчас главные и наиболее интересные геологического характера – о геологической карте мира. Съехалось много специалистов, но нет очень крупных, резко выделяющихся фигур, и думаю, что в этом смысле конгресс будет серый. Вчера я познакомился и с женой Адамса, председателя конгресса – и она, так же как и ее муж, высказывали мне всякие комплименты о Нюте⁹. Они говорят, что русские делегаты на Нютином конгрессе¹⁰ произвели самое хорошее впечатление и вообще тот конгресс имел большой успех. С Адамсом имел любопытный разговор обо всем этом движении, которому он придает большое значение. Он считает, что необходимо искать общего между всеми христианскими воззрениями и стремиться к полному развитию личности на почве братства, развивая не только духовную жизнь, но и тело. Поэтому они стремятся к созданию гимназий (в греческом смысле – *gymnasium*), привычке к плаванию и т.д. Следующий конгресс они хотят устроить в Китае и по его словам среди бывших у них на конгрессе китайцев – была выдающаяся по умственным и нравственным силам молодежь.

Меня все глубже захватывает здесь расовый вопрос. Я стараюсь вникнуть в то беспокойное настроение, которое переживается здешним обществом в связи с проникновением желтой и черной рас. Для нас отнюдь не безразлично решение Америки: если доктрина недопускания желтой расы в западное полушарие получит фактическую силу, то всё станет грознее у нас и, мне кажется, Европа должна здесь стать вместе с Азией и не допустить развития этой американской идеи. Желтая раса не может быть заключена в черте оседлости – эта идея одна из самых пагубных для человечества и грозит для нас бедствиями. Европейцы сейчас не могут допустить и идеи Монроэ¹¹, из которой изошла идея западного полушария для белой расы. Мне кажется, здесь назревают вопросы мирового значения для ближайшего будущего. А сейчас, как мне рассказывал один американский профессор, дело дошло до того, что в университеты тихоокеанских штатов не принимают желтых студентов – японцев и китайцев: право они имеют, но *public opinion*¹² против, и они там чувствуют себя *uncomfortable*...¹³ Воображаю, как *uncomfortable* при дерзком и грубом характере энергичных людей, чувствующих за собой общественное сочувствие.

Здесь многое нам чуждо. Поражает какое-то не то фаталистическое, не то безучастное отношение к человеческой жизни в вопросах *business*'а и даже быта. Этим объясняются легко крушения поездов и т.п. При въезде в Торонто такая картинка. Едем в гостиницу с поезда. Ждем отхода поезда, загородив-

шего нам путь. Поезд двигается, мы собираемся идти, но вдруг я слышу в окружающей толпе (иностранцы) подавленный крик ужаса. Оборачиваюсь – американская семья с маленькими детьми бросается в **быстро** двигающийся поезд – детей (4–6 лет) бросают на платформу вагона, а затем туда вскакивают родители. Одна девочка чуть не погибла на наших глазах. Американцы смотрели на это спокойно. Нам сделали экскурсию на пароходе через пороги Св. Лаврентия. Для большего удовольствия машинист пустил пароход более энергично: мы чувствовали сильные толчки (очень красиво и приятно в пене порогов), но не подозревали всей опасности: пароход налетел на камни, получил пробоину... И многое так.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Нежно целую детей. Очень жду писем. Хочется знать, как у вас всё. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 23–24.

¹ Письмо написано на бланке «Annesleg Wall Queen's Dark Toronto».

² Г.В. Вернадский.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Ф.Ф. Ольденбург.

⁵ А.Ф. Ольденбург в письме из Риги от 10 июля 1913 г. писал В.И. Вернадскому о здоровье своей дочери: «У Шуры после нескольких дней очень сильных головных болей и повышенной температуры сделался вдруг паралич ног, чувствительность осталась полная, но из движений только небольшое движение пальцами одной ноги. Вместе с тем появились очень сильные боли в ногах и отчасти в спине, боли иногда продолжающиеся почти без перерыва и не дающие спать несмотря на приемы наркотика... Было сначала опасение менингита, были предположения относительно явлений истерических, но врачи теперь всего определеннее склоняются к предположению, что это страдание спинного мозга, вызванное инфлуэнцной заразой... Шура оказалась очень терпеливой больной, но нервы ее начинают уже не выдерживать напряжения, а что всё еще предстоит впереди...» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1199. Л. 30–30 об.).

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ В Берхтесгадене располагался горноклиматический курорт.

⁸ См. коммент. 3 к письму 893.

⁹ А.С. Короленко.

¹⁰ См. коммент. 4 к письму 894.

¹¹ Идея Монроэ (совр. Монро) коротко выражалась в афоризме: «Америка для американцев». Доктрина Монро провозглашена в 1823 г. в послании президента США Дж. Монро конгрессу. Декларировала принцип взаимного невмешательства стран американского и европейского континентов во внутренние дела друг друга.

¹² Общественное мнение (англ.).

¹³ Стесненными (англ.).

№ 897¹

14/1 августа 1913 г., Торонто

14/1.VIII. 913

Дорогая моя Наталочка, давно не имею писем. Последнее письмо от тебя имел только от 15.VII из Полтавы! А от Ниночки² от 13.VII из Шишак, от Гули³ ни одного. Отчасти виновата отвратительная канадская почта. Жалуемся на нее не мы одни, но и французы, немцы, англичане. Вот уже 2 или 3 дня, по-видимому, нет писем из Европы. Не знаю, неужели то же самое и в Нью-Йорке?

Сегодня вечером выезжаем на экскурсию, которая окончится 24/11 августа. Едем в Садбери и Кобальт. Здесь идет сейчас энергичная, самая большая в мире добыча серебра и никеля. Конгресс, собственно говоря, кончился. Сегодня утром было заседание Совета конгресса, затем небольшое общее собрание; днем будет garden party⁴, затем вечером уезжаем. Будет еще провозглашение нескольких почетных докторов Торонтского университета, в том числе Чернышева. Общее впечатление о конгрессе то же, о каком писал вам раньше. Серое – но сила организации очень велика и значение этого съезда тоже немалое. Выяснился наш план дальнейших поездок – я думаю, мы вернемся около середины сентября. Билет на пароход не берем, так как мне не советует сейчас это делать один из моих приятелей американцев – Mr. Kunz, которого я знаю еще с 1888. Он уверяет, что устроит нас дешевле, раз мы возьмем билеты незадолго до отъезда парохода, а сейчас они идут в Европу довольно свободные. Должно быть поедем на Францию или Германию, может быть даже в Либаву. Должно быть буду все время с Самойловым и Марком⁵, разве что не поеду во Флориду, если они туда поедут. Там уже слишком неприятно жарко. Никак не думал, что мне будет так неприятна эта жара. Это не наша жара, а какая-то тяжелая, влажная. Сейчас, например, 2 часа дня, душно и всё во влажном тумане. Резкая разница в климате. Надо и то сказать: сейчас мы на широте Италии, а в нашей поездке в Штаты будем на широте Африки! Мы достали значительное число рекомендаций и указаний. Пока что наш план следующий: сперва Оттава в Канаде, где хочу осмотреть музей Канадского геологического комитета, оттуда в Чикаго, Нашвилл в Теннесси (и экскурсия на фосфориты в Теннесси), Атланта в Георгии⁶ (и бокситы – руда на алюминий – в Георгии), затем точнее не выяснили, какие местности в Северной или Южной Каролине (монациты). Может быть, отсюда Самойлов съездит с Маркушей во Флориду. Затем Вашингтон (должны быть там не раньше 2 сентября нового стиля), где осмотрим тот тип минералогического института, который хочу создать в Ломоносовском институте. Но сразу масштаб не наш. В минералого-петрографическом институте Карнеги в Вашингтоне – 20 платных работников! Я должен сказать, что такого размаха я не только не ожидал – но даже не решился бы на нем в России настаивать. Я познакомился с директором института Дзем и сговорился о всем. Сейчас ими сделана очень интересная работа на Сандвичевых островах о газах. Швейцарский ученый Брен пытался доказать, что вода не играет роли в вулканических извержениях; работы минералогов и химиков Института Карнеги, по-видимому, совершенно разбивают это утверждение. Из Вашингтона мы думаем побывать в Питтсбурге, Бостоне, Нью-Гавне⁷, Нью-Йорке. Я хочу еще здесь посетить цинковые руды около Франклина и должно быть пегматитовые жилы около Бедфорда. От Ал.Ив. Петр.⁸ получил милое письмо. Он приглашает меня остановиться у него в Нью-Гавне, а Самойлову и Марку указывает недорогой отель (у него нет места) и предлагает с нами поехать в Нью-Йорк. В Нью-Йорке меня обещает устроить и Кунц, но я думаю воспользоваться (приглашением) Александра Ивановича. Любопытно его повидать и с ним поговорить. Многое здесь странно. Делегата китайского правительства, горного инженера П. Вонга остановили на границе и не хотели впускать в Канаду, требуя 500 долларов платы!

Из Гулиного письма узнал о неприятных известиях с черниговскими делами⁹. Я думаю, нет ли здесь недоразумения. Из бумаг отца я знаю, что мы не вписаны в род Ивана Никифоровича Бернадского – а (вписаны) в род Василия Ивановича, который доказывал свое дворянство по полученному им чину. Я пишу Вад.Льв.Модз.¹⁰ об этом: в С.-Петербурге у меня, кажется, есть копии бумаг¹¹. Пусть Гуля ничего не делает пока с тамбовским дворянством¹². Я думаю, что если здесь будет затруднение, то деньги возьмем из другого банка.

Очень тяжело не иметь от вас известий. Много здесь интересного – но как я уже писал – я не хотел бы здесь быть очень долго. И сейчас я не хочу сидеть лишнее, так как много дел дома и как-то во время таких международных съездов особенно поднимается чувство **своего**, хочется двинуть то, что начато и задумано. Особенно ярко чувствуешь значение своего дела, если удастся его довести до конца.

Нежно и горячо целую вас всех. Надеюсь, ты не очень устаешь, моя дорогая? А деточка осторожна с водой? Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 25–26.

---

¹ Письмо написано на бланке «Annesleg Wall Queen's Dark Toronto».

² Н.В. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Прием гостей в саду (англ.).

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ Современная транскрипция – Джорджия (Georgia).

⁷ Современная транскрипция – Нью-Хейвен (New Haven) (англ.).

⁸ Александр Иванович Петрункевич.

⁹ Г.В. Вернадский, желая продолжить общественную земскую деятельность отца в Тамбовской губернии, хлопотал о переводе из черниговских дворян в тамбовские, что ему удалось в начале 1914 г. См. также коммент. 11.

¹⁰ Вадим Львович Модзалевский, племянник В.И. Вернадского, занимавшийся генеалогией малороссийских родов.

¹¹ В открытке от 7 января 1914 г. В.Л. Модзалевский писал: «Многоуважаемый Владимир Иванович, Вы оказались совершенно правы: указом Геральдии от 23 марта 1853 г. № 2443 утвержден был ко внесению в 3 часть родословной книги по Черниговской губернии Ваш дед Василий Иванович Вернадский с детьми: Авксентием, Харитоном, Хрисанфом и Иваном. В письме на имя Вашего сына я дал, к сожалению, неверные сведения, положившись на официальные бумаги, составляемые депутатским собранием, оказалось, что в них род Ваш пропущен по ошибке, теперь же я взял оба дела о Вашем роде и в них нашел разрешение вопроса» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1091. Л. 11).

¹² В письме от 17 августа 1913 г. из Шишак Г.В. Вернадский писал: «...ты пишешь... что мы не черниговские дворяне. До твоего возвращения не буду предпринимать никаких шагов о дворянстве, а тогда поговорим с тобой, как быть. По-моему, все-таки надо пока прямо добиваться приема в тамбовское дворянство по чинам твоим или твоего отца, а потом можно уже восстанавливать и наше не служилое, а родовое дворянство» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 306. Л. 25–25 об.).

№ 898

17/4 августа 1913 г., Садбери

Садбери, 17/4.VIII. 913, воскресенье

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе в вагоне вечером, вернувшись из экскурсии. Сейчас едем в North Point, где будем ночевать. Уже три ночи провели в вагоне в экстренном поезде – довольно удобно, конечно, но все-таки какое-то странное, несуразное времяпровождение.

От вас последнее известие от 15 июля. Из письма, полученного Самойловым от его дочери¹, знаем, что Софья Яковлевна² должна была послать телеграмму тебе о нашем благополучном приезде. Тем непонятнее, отчего **мы** не получили вашей телеграммы от 19-го. Собирался послать вам еще одну телеграмму.

В общем, конечно, всё это интересно, интересны и разговоры, например, с геологами Филиппинских островов, Ю. Африки – много узнаешь из распросов, направленных в сторону, куда сейчас идут мои мысли.

Расовый вопрос, русская эмиграционная волна в Америку, оригинальное и чрезвычайно широкое развитие университетов и высшей школы в Америке, организация научной работы – может быть больше всего сейчас интересуют меня. По сравнению с Америкой я чувствую себя представителем **старого** света. В то время когда в России шла научная работа, Америка была еще провинцией Европы, отдаленной и в идейном смысле, захудалой. Той высокой мировой ступени, какой достигла Россия в своей литературе и, думаю, в искусстве – нет не только в Канаде, но и в Штатах до сих пор. Поражает энергия достижения своей цели. Та новая техника – американская техника, которая так много дала человечеству, имеет и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели во всю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть – на десятки верст страны – превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена и всё для достижения одной цели – быстрой добычи никеля. Сейчас это мировой пункт – главная масса никеля получается здесь, но навсегда часть страны превращена в каменистую пустыню.

Надо кончать. Иначе письмо не попадет на поезд.

Нежно вас всех, мои драгоценные, обнимаю. Надеюсь, у вас всё благополучно. Может быть, завтра в Кобальте будут письма.

Нежно тебя целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 27–28.

¹ Анна Яковлевна Самойлова.

² Самойлова.

№ 899

18/5 августа 1913 г., Кобальт

Кобальт, 18/5.VIII. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил здесь три письма из Полтавщины – последнее твое от 18.VII, письмо Гули¹ и пересланные тобою письма. Так это было приятно мне, перенестись мыслью к вам, в обстановку Бутовой кобылы. Так это отлично от того, что мне приходится видеть здесь.

Здесь наш дом – экстренный поезд. И сейчас я пишу тебе в поезде, стоящем на запасном пути, после экскурсии в окрестностях Кобальта и лазанья в рудники. Мы сегодня и завтра пробудем здесь – кажется мне, напрасно: можно было все сделать в один день. Но, конечно, никогда не являешься хозяином своего дня в такой общей экскурсии.

Пробудем в Кобальте и завтра. Завтра будем посещать серебряные рудники. Сейчас это самое большое месторождение серебра, кажется больше 1/10 серебра, добываемого сейчас на земном шаре, добывается здесь. Странное впечатление производят серебряные жилы – серебро здесь встречается в самородном состоянии. Кое-где оно выходит и теперь на поверхность земли и по земле, на обтесанных льдом скалах можно проследить жилку – в несколько дециметров или сантиметров, состоящую в значительной части из самородного серебра. Переносит это меня куда-то в старинные описания: в Европе встречали подобные явления в давние годы средних веков, в Чили и Перу в эпоху конквистаторов. И здесь нашли серебро случайно, взрывая камень для проведения железной дороги...

Много научно интересного – но я не могу сказать, чтобы я очень резко чувствовал необходимость моего пребывания здесь. Мне кажется, я в каждой местности и всюду сейчас чувствую биение вечного и мне как-то в самой сути своей – не дает очень ясно нового перенос в такой особый мир, каким является Америка.

Все-таки около месяца мы пробудем в Америке; еще передо мной ряд новых впечатлений – но я думаю среди них еще резче выяснятся лишь те общие вопросы, о которых я тебе писал вчера из Садбери. Я думаю, что уже так сложилась моя личность, что потерялась доля упругости, и я сам прежний ишу в новой обстановке свое, которое в разных формах нахожу всюду.

Очень рад, что Гуля начинает попадать на след остатков Шувалова. О дворянстве черниговском я писал уже – надо подождать моего возвращения – я думаю, что здесь есть недоразумение, так как мы должны быть записаны не в род И.Н. Бернацкого, а в род Василия Ивановича². Надо будет пересмотреть бумаги мои в Петербурге³.

Почти получились известия о вас, которые приводят почти к тому числу (18, 19.VIII), когда мы ожидали телеграмму от вас, которая почему-то не пришла. Но все-таки хочется иметь известия более близкие, и мы будем, вероятно, телеграфировать из Американских Штатов.

Здесь очень тяжело чувствуешь – может быть, более тяжело, чем даже у себя на родине – всё безумие правительственной политики в России – Кассо, преследование евреев, тяжелые условия жизни крестьянства, на каждом шагу видишь их отражение здесь в Новом Свете. Не знаю, удастся ли, но мне хочется набросать эти свои впечатления, хотелось бы выразить их так, чтобы затронуть тех, кому попадут мои строки. Но боюсь, что не решусь и не найду в себе достаточно энергии и лишь эти все впечатления глубже уложатся в мою мысль. Может быть, это будет правильнее, так как это наведения, а не окончательные результаты знания. С другой стороны, может быть правильно передавать окружающим и летучие мысли и впечатления человека, привыкшего годами вдумываться в окружающее?

Сегодня в обстановке рудника, во всем окружающем устройстве видишь опять «американское устройство» работы – достижение возможно быстро ре-

зультата, несмотря ни на что. Минимальная охрана человеческой личности, значительное расхищение вековых запасов природы для быстрого получения полезного действия. В конце концов многое теряется совершенно.

Физически чувствую себя так себе. В общем все-таки опять появился мой ревматизм или подагра. Не очень удобно ходить – и ноги и руки дают себя чувствовать. Надеюсь, что дальше не разовьется. Но может быть придется будущей весной или летом подлечиться.

Маркуша⁴ очень хорошо себя чувствует. Самойлов удивительно с ним мил, как настоящий педагог. У Маркуши очень много сейчас и мысли и интереса. По словам Самойлова, он начал только недавно учиться работать – он был поражен до какой степени он мало раньше знал – не имел самых элементарных знаний. Мне кажется, что Маркуша сейчас переживает глубокое чувство – но это мои наблюдения; он мне ничего не говорил, и я не хочу, чтобы это как-нибудь дошло до Любощинских. Я думаю, что чувство его хорошее и глубокое. Расскажу тебе при свидании. Мне кажется, поездка его ему условно полезна.

Нежно и горячо обнимаю тебя и детей. Очень мне дороги известия от вас. Гуле напишу на этих днях. Нежно целую⁵.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 29–30.

¹ Г.В. Вернадский.

² Вернадский.

³ См. коммент. 9, 11 к письму 897.

⁴ М.М. Любощинский.

⁵ Следующее письмо В.И. Вернадского от 23/10 августа 1913 г., которое сохранилось среди писем к Н.Е. Вернадской, адресовано дочери Н.В. Вернадской. Это письмо полностью приводится:

Тимагами, 23/10.VIII. 913

Дорогая моя деточка, моя родная и золотая, сегодня получил письма от мамы¹ и Гули² между 24–27 июля (твоего **не было**) и жадно на них набросился. Мама переслала и ваши письма в Полтаву. Все эти письма меня перенесли на Бутову кобылу, и я так рад вашей энергичной и живой работе.

Дня два не имели почты, а теперь, вероятно, мы будем без почты дней 7–8, так как наша почта едет в Вашингтон, а мы прибудем туда около 1–2 сентября нового стиля. Пересылать в промежуточные станции не решаемся, так как почта здесь не очень аккуратна, и мы нигде не будем долго. Мы из Чикаго поэтому пошлем телеграмму и будем ждать ответной – думаю, удобнее, чем это мы сделали в Квебеке, где телеграммы не получили!

Сегодня последний день экскурсий. Завтра утром мы уезжаем в Соединенные Штаты. Эти дни были очень интересны, особенно вчерашний. Вчера погода была ужасная, самая скверная за всю поездку, лил дождь, я два раза промок, один раз совершенно – но было так интересно, что не жаль.

Мы видели вчера утром новое месторождение никеля в совершенно глухой местности. Руда совершенно нового типа, которую я никогда не видел. После обеда нас повезли по трудной дороге, напоминающей уральские, на новое месторождение золота около озера Киркланда. Здесь золото было най-

дено всего восемь месяцев назад: год тому назад здесь было дикое место. Сейчас все меняется: проводятся дороги, строятся дома и местность захватывается цивилизацией. Но самое интересное, конечно, само золотое месторождение. Такого богатого золотом месторождения так подробно я не видел. Здесь добыли пока всего 4 вагона руды и в ней золота было почти на 1/2 миллиона рублей. Спустились в шахту и нашли здесь, конечно, для нас подготовленное, но удивительное место – стену, покрытую золотом, жилами с самородным золотом.

Ничего подобного не ожидали и сами владельцы. У видя, что богатство золотом не уменьшается, они сейчас начинают настоящим образом строиться – раньше, да и теперь здесь был только «самр» – лагерь – живут в бараках и палатках.

Любопытное зрелище представляет это вхождение цивилизации. С одной стороны, перед входящим в нетронутый лес человеком бежит зверь, гибнут деревья, нетронутая природа теряет свою угрюмую красоту. Но, с другой стороны, область, пропадавшая для человека, является источником его силы и богатства. До сих пор, кроме пушного зверя, ничто не попадало отсюда в мировой обмен.

Странное впечатление делает дорога в нетронutom канадском лесу в этих местах. Лес из осины, похожей на березу с мелкими листочками, очень красивой, мной раньше невидимой сосной, хвои которой расположены редко пучочками (такое *pin* – никуда негодное дерево, так как не очень высоко), из красивых елей, высоких можжевельников и других чуждых нам деревьев. Но весь лес мелкий. Близка каменная почва, слой ее тонок и нет силы деревьям для роста. Этот лес хуже наших лесов Урала или русского Севера – но лучше лесов каменистой степи зауралья – там к тонкому слою почвы присоединяется и относительная сухость климата. Здесь влаги сколько угодно. Озер столько, сколько в Финляндии. Зима стоит 6–5 месяцев и мороз бывает до 30 Фаренгейта ниже нуля! Лес болотистый, как в Витебске, запущенный еще больше. Всюду травы, нам неизвестные. Проезжая по новой дороге, кругом видишь безжалостное истребление нетронутых природы. Истребление нужное и ненужное: следы пожаров от неосторожного обращения с огнем, ненужная рубка. Дома без крыш и всюду палатки, а из палаток торчат железные трубы и идет дым. Вокруг рудника все вырублено – горит электричество. По дороге, скверней нашей проселочной – вблизи растущего будущего города вдруг вывеска: *Barber, up here!*³ А рядом брошен чемодан, ждущий владельца. Проезжая через несколько часов назад, в проливной дождь опять нашли под дождем тот же крепко завязанный чемодан. Звери отошли, но не ушли – еще две недели назад у домов рудника убит был медведь.

Мы видели не только новый рудник, пробивающий дорогу человеку в нетронутые места за золотом, которое окупает большие затраты (здесь считается, что золото в жила выгодно добывать, когда на тонну породы приходится 5 долларов золота; а у озера Киркланда его на 500 долларов на ту же тонну!); за золотом пойдет земледелие. Завоевывается каменистая тайга. Говорят, несколько миль в сторону и есть земли для земледелия – холодные, северные, но плодородные. Мы видели и новый город Тимлитс, существующий всего два года! Открытки его посылаю. Еще 4 года назад в эти места, покрытые лесом, надо было от главной линии железной дороги идти 4 дня; дорог не

было – была лесная глушь. Сейчас улицы, лавки, кинематографы. В лавках купили открытки, газеты, журнал «Scientific American...» Среди жителей есть и русские.

Поднимается новая, богатая страна, с огромным будущим. Всюду вера в это будущее. Меня не прельстило бы работать здесь, как это, например, прельщает некоторых. Видный ученый Седергольм из Гельсингфорса в восторге от Канады; он говорил, что с удовольствием бы переехал сюда, чтобы начать новую жизнь в такой стране с свободным строем жизни и с ясным огромным будущим. Несомненно, это привлекает энергичных людей, менее связанных с нормами прошлой жизни старого света.

Надеюсь бросить это письмо еще сегодня вечером. Едем быстро в поезде среди выжженных и отравленных лесов Садбери.

Нежно и горячо тебя целую, мою дорогую. Поцелуй маму и Гулю и Нину⁴. Мой привет Прасковье Кирилловне⁵, Клавдии⁶, должно быть уже уехала?

Нежно целую. Горячо любящий тебя отец.

Оп. 7. Д. 57. Л. 31–32.

---

¹ Н.Е. Вернадская.

² Г.В. Вернадский.

³ Барбер здесь!

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Казакова.

⁶ Клавдия – прислуга в доме Вернадских.

№ 900

26/13 августа 1913 г., Чикаго

Чикаго, 26.VIII. 913 (н.ст.), утро

Дорогая моя Наталочка, третьего дня вечером приехали в Чикаго и сейчас же с Самойловым отправились на телеграф послать телеграмму. Ждем ответа – его еще нет: прошло, однако, более суток. Ожидаем ответ к вечеру.

Мы в Чикаго задержались один день из-за ответа. Остановились здесь в немецко-американской гостинице «Kaiserhof» – в центре делового города, шумно, довольно дорого, но в общем не без удобств. Все трое в одной комнате, но зато у нас есть ванна. Ею мы пользуемся, но вода не особенно чистая и это уменьшает удобства. Вчера осматривали музей – интересный, но отнюдь не лучше европейских. Все-таки вековая культурная жизнь не может быть быстро создана вновь. Сейчас на каждом шагу сильно чувствуется в научных учреждениях влияние европейской культуры, но совершенно ясно, что научные учреждения Америки теперь в лучших своих представителях равноценны европейским и быстро выйдут из того влияния, какое сейчас чувствуется. Это влияние слабеет с каждым годом.

Пишу урывками среди всяких ожиданий. Телеграммы еще нет, но мы выезжаем сегодня вечером в Нашвилл.

Сейчас получена телеграмма. Очень рады были ей, так как мы надолго лишены писем – нашу корреспонденцию мы получим только в Вашингтоне.

Здесь мне не повезло. Опять моя обычная экскурсионная болезнь – желудок. Я думаю, это следствие не очень хорошего (в смысле качества пищи) питания во время экскурсии в Канаде: наш соотечественник Mr. Startt (Старченков) при всей его любезности не очень хорошо справился с задачей кормления 40 человек. Впрочем, может быть, иначе было и нельзя устроить. Вся провизия или почти вся на 10 дней ехала с нами, в жару, из Торонто. Даже при обилии воды здесь едва ли можно сохранить пищу свежей. Может быть и другая причина. Во всяком случае, я здесь почувствовал себя неважно и сегодня даже часть дня потерял, так как из осторожности старался меньше двигаться, принял висмут и перешел на диету. Я думаю, что завтра буду здоров. Во всяком случае мы уезжаем в Нашвилл, который должно быть более тих и спокоен, так как по сравнению с гигантом Чикаго, городок маленький (едва ли 150 000–200 000 жителей).

Чикаго первый огромный американский город, который я видел. Кажется, он 3-й или 4-й город по величине в мире. Много поражает в нем и улица около озера Мичиган с его большими небоскребами для меня совершенно новое зрелище. В той части Michigan avenue, которая выходит на огромное Мичиганское озеро, большое как море, берег противоположный, которого не виден, а на горизонте видны пароходы, небоскребы с 21 этажом, с огромной колонадой внизу, даже красивы. Поражает банковый квартал, с огромными дворцами-банками. Впечатление, что банки здесь храмы. Сейчас идет отчаянная борьба банков с Вильсоном¹ и конгрессом, немного пытающихся их регулировать. Но силу банков в этом новом свете чувствуешь как-то ярче, чем в старом. Это все открытие. Их силу видишь в Канаде, где они лежат в основе всех предприятий. Банкир здесь имеет совершенно иное общественное положение, чем у нас, где он входит в общество аристократии или богатых слоев. Здесь он стоит в центре самых различных начинаний и в Онтарио участие их в организации конгресса чувствовалось, пожалуй, не меньше, чем участие правительства. Фактически деньги – сила и у нас, но ярко это чувствуешь только здесь в Америке; если будешь смотреть на обычные проявления жизни, а не станешь анализировать общественный процесс.

Но Чикаго велик своими размерами потому, что он состоит не из небоскребов. Весь город с несколько миллионным населением построен из низких, маленьких домиков, переполнен парками. Здания не красивы. Нет той красоты города, которая, например, чувствуется в Париже или Москве.

Город переполнен чужеземцами, быстро перевариваемыми Америкой. Гостиница у нас немецкая, но по-английски говорят здесь все лучше, чем по-немецки, часть прислуги – славяне: горничная украинка из Галичины, проводники на лифте (мы живем в 7-м этаже) – черногорец и словенец, с которыми мы разговариваем по-русски.

Русских и здесь много – и мы их встречали – но наш язык без корня здесь. Сегодня были в Greerar library – своеобразной библиотеке исключительно естественно научной и технической. Я был в ней, так как она издала специальный каталог книг по истории науки, который я хотел иметь. Осмотрели библиотеку – удивительно беден русский отдел. Библиотекарь жаловался на трудность получения (покупки) русских книг. Но ясно, что нет и спроса.

Ниночке¹ посылаю через Самойлова открытки, собранные во время пути. Пишу в Полтаву, так как думаю, что письмо придет к 26-му и вы уже будете

там. Не забудь дать знать заранее в С.-Петербург, чтобы и мою почту не пересылали.

Нежно и горячо целую тебя, моя дорогая. Целую нежно детей и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 33–34.

---

¹ Имеется в виду Томас Вудро Вильсон (Wilson), президент США (1912–1921).

² Н.В. Вернадская.

№ 901

27/14 августа 1913 г., Нашвилл

Нашвилл, 14/27.VIII. 913

Дорогая моя Наталочка, посылаю прилагаемое письмо Гуле¹ и тебе, так как не знаю, где он будет, когда письмо это дойдет до тебя.

Теперь Гуля и Нина² конкуренты в письмах для тебя, моя дорогая. Но когда я пишу, я всегда думаю обо всех вас, и ты читаешь и все эти письма.

Чувствую себя недурно. Но в общем переживаю то, что всегда во мне сильно в таких переездах, какое-то чувство грусти. Читаю одного старого замечательного американского историка-художника Паркмана: Иезуиты в Америке в XVII веке³. И то, что я читаю у него из прошлого здесь красных, и те поразительные по глубине переживания, какие переносили по ясно для нас ошибочным представлениям христиане – одинаково наводит грусть за человечество. И музей в Чикаго, переполненный остатками индо-американской культуры, ведет к тому же. Это не чувство «суета сует и все суета», а что-то другое, это я не могу сейчас выразить словами, но постоянно переживаю в переездах. И оттого мне особенно хочется возвращения к привычному делу. Иначе кажется, что скользишь по поверхности колеса.

Очень неприятны эти приключения с моим желудком. И всякий раз во время поездки они меня изводят. Но ты не беспокойся, я очень осторожен и Яков Владимирович⁴ чрезвычайно за мной ухаживает.

Нежно и горячо тебя целую. Что моя деточка⁵ ненаглядная? Отсюда едем должно быть завтра вечером или послезавтра утром в Чаттанугу на месторождения боксита. Оттуда в Атланту. Здесь юг – жара очень большая.

Нежно целую. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

P.S. Марки эти новые – Калифорнийской выставки 1915 – для Володи Жедринского.

Оп. 7. Д. 57. Л. 35.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

³ *Parkman Francis*. The jesuits in North America in the seventeens century. Boston; Little: Brown and company, 1872.

⁴ Самойлов.

⁵ Н.В. Вернадская (дочь).

30/17 августа 1913 г., Чаттануга

Чаттануга, 17/30.VIII 913

Дорогая моя Наталочка, в последнем письме из Нашвилля, кажется с Гулиным, я писал тебе, что выздоровел и думаю идти на экскурсию, но ошибся. Мне всё не делалось лучше, на фосфориты Нашвилля я не пошел, а просидел дома. Вечером позвал доктора, который предложил мне принять касторку, прописал диету и затем висмут + салол (в какой-то странной микстуре) и, наконец, теперь мне настолько хорошо, что я делал сегодня утром экскурсию на бокситы Чаттануги. Ужасно неприятно, что это так случилось – все-таки часть Чикаго, весь Нашвилл у меня пропали! Сейчас мы поедем за город, вечером вернемся и завтра едем в Вашингтон: Атланту оставляем в стороне, так как месторождения боксита, которые работают, находятся далеко от Атланты, ближе сюда, но завтра воскресенье, и мы должны его терять, и они не дадут нам много нового по сравнению с Чаттанугой. Я очень рад, что я видел здесь, так как боксит (руды на алюминий) я никогда еще не видел в природе.

Здесь мы совсем в новой стране, масса негров и мулатов и в городах, а деревни местами сплошь негритянские, южная незнакомая растительность – верст 100 южнее уже начинается область пальм и вечнозеленых дубов. И здесь много вечнозеленых растений. Мы находимся в красивой местности среди предгорий Аллеганы.

Очень я рад уже повороту назад. Мне хочется быть с вами, войти опять в то дело, которое веду; у меня сейчас масса планов, мыслей, желаний. Теперь недели через 2–2½ мы уже будем ехать назад на пароходе. Вашингтон, где я думаю пробыть несколько дней, и Нью-Йорк – Нью Гавн-Бостон, где мы пробудем не меньше недели, во многом должны нам дать иное: здесь я должен увидеть научно новое.

Вашингтон, 19.VIII/I.X 913

Письмо не докончил, так как решил ехать в Вашингтон, и отсюда письмо придет скорее. Вчера целый день ехал из Чаттануги. Выехали в 10 часов утра курьерским и приехали только сегодня в 7 часов утра. Пишу тебе утром в ожидании вещей. Были на почте, получили письма твое и Нинусино¹ последнее от 2/15.VIII! Это письмо уже пишу в Петербург, так как думаю, что оно едва ли придет много раньше 1-го русского сентября. Надеюсь, ты осторожна с своим здоровьем; едва ли следовало так часто ездить в Полтаву по скверной дороге!

В Вашингтоне я хочу осмотреть музеи, лаборатории и имею рекомендации в Министерство народного просвещения (Buredu of education) хочу ознакомиться с положением высшего образования...

Чрезвычайно интересен здесь в Америке негритянский вопрос. В южных штатах в Теннесси, где мы были, на железных дорогах для черных отдельная ожидальня, на трамваях они могут ехать в определенных местах; в Пульмановский вагон (1-й класс) их не пускают и т.д. В Нашвилле, когда мы были там, был конгресс негров-врачей, и эти врачи были в том же положении. Для нас это так странно, непонятно, неприятно. Можно понять это, всматриваясь в историю вопроса, но нельзя отрицать, что здесь сейчас кроется вопрос ог-

ромного серьезного значения для будущего Соединенных Штатов. А между тем для меня ясно, что в конце концов окончательно решение даст научная мысль. Весь вопрос в достижении неграми образования и денежного обеспечения. Так или иначе перед ними огромный черный континент – нетронутой рабочей силы...

Мне хотелось бы кое-что набросать из мыслей, вызванных Америкой. Я начал набрасывать «Мысли за океаном» и может быть помещу такие свободные по форме очерки в «Русской мысли»². Конечно, если будет время, если смогу работать на пароходе. В Петербурге сразу будет столько времени³, что едва ли можно будет писать, если не набросать основы здесь. А мне хотелось бы кое-что высказать, что, кажется мне, мало сознается русским обществом.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Поцелуй деточку. Как Гулик⁴? Теперь уже ответ на письмо придет не в виде письма – я узнаю! Едва ли успеешь ответить на письмо. Впрочем, может быть в Европу?

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 36–37.

¹ Н.В. Вернадская.

² Замысел В.И. Вернадского не был осуществлен.

³ Времени (видимо описка, должно быть по смыслу вместо слова «времени» слово «дел»).

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 903¹

3 сентября/21 августа 1913 г., Вашингтон

Вашингтон, $\frac{3.IX}{21.VIII}$. 913

Дорогая моя Наталочка!

В Вашингтоне мы застряли на несколько дней. Здесь много интересного и здесь видишь то, что недоступно в других местах. Сегодня мы проработали с Яковом Владимировичем² настоящим образом. Утром часа 3–4 провели в Geophysical laboratory Карнеги, а после обеда часа 2 были у Hillebrand'a а Bureau of Standart. Это два огромных научных учреждения, где ведется исследовательская организованная работа. Работа нового типа у нас почти несуществующая. В Geophysical laboratory ведется организованная работа по опытной минералогии, кристаллографии, геологии целым штатом физиков, химиков, минералогов. 20 ученых, хорошо материально обеспеченных, идут к одной цели – исполняют задачи, им поставленные, – теоретически директором, фактически, очевидно, отчасти и самими работниками. Затронутые вопросы очень важны, и с результатами нам приходится уже считаться. Производительность – научная такой лаборатории огромная, приборы, точность работы совершенно для нас невиданные. Завтра мы опять идем туда – нам покажут многое новое в действии.

Несомненно, в такой форме устроить такое учреждение нам не удастся. Ломоносовский институт³ и в его полном развитии не сможет с ней конкурировать. Этого и не надо, но несомненно придется считаться с Garnegie лабораторией при конструкции нового учреждения. Здесь огромные результаты достигаются коллективной работой и при отсутствии гениальности у ее авторов. Но Дью-директору ее нельзя отказать в умении брать темы для решения вопросов – нужные и важные. Может быть, это и есть крупный талант?

Гиллебранд – единственный химик, работающий сейчас в той области, в которой работаем мы с Ненадкевичем. Самойлов говорит, что вначале он встретил нас чем-то недовольный, но потом была сама любезность, и много я видел у него интересного.

Как всегда я чувствую свое большое незнание в целых областях при соприкосновении с такой работой и такими людьми. И в то же время мой ум никак не может попасть в рамки, в которых идет их работа, и укладывает ее в свои, им неизвестные или кажущиеся неверными, несомненно я выношу из этих посещений очень много – особенно много всяких указаний для будущего и для хода своей работы. Мне кажется, если у меня хватит выдержки характера, я смогу сейчас смелее пойти по тому пути, по которому идти не решался.

Вашингтон красивый и очень приятный город – далекий от шумного, грязного, чуждого нам Чикаго. Вчера после музея мы пошли в Капитолий и попали и на заседание Сената и Конгресса без всякой полиции – свободно всюду! Не знаю, как передать то большое чувство обиды, которое чувствуешь, когда вспоминаешь российские порядки.

Здесь много тяжелого и неприятного. Много даже внешне в России ценишь сейчас не так строго. Лучше у нас организована почта, лучше железные дороги, нет такого сознательного хищнического истощения богатств – но зато весь ужас, все бессмыслие и государственный вред нашей государственной машины и внутренней политики никогда не вставал передо мной с такой силой, как сейчас, когда я могу охватить все уже не с точки зрения европейской, но мировой...

Нежно и горячо целую тебя и детей. Поцелуй всех наших. Жду от тебя телеграммы. Чувствую себя недурно, но ревматизм не прошел.

Нежно целую.

Твой Владимир

На конверте: Ее Высочайшему Председательству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 14 линия, 45, **Петербург**, St. Petersburg, Russia.

Оп. 7. Д. 57. Л. 38.

---

¹ Письмо написано на бланке «Cochran hotel», 14th and K. Streets, N.W. Washington Eugene S. Gochran Manager.

² Самойлов.

³ Ломоносовский институт геохимии, кристаллографии и минералогии был образован в 1932 г. В 1937 г. институт вошел в состав Института геологических наук СССР.

6 сентября/24 августа 1913 г., Вашингтон

Вашингтон, $\frac{6.IX}{24.VIII}$. 913, утро

Дорогая моя Наталочка, завтра уезжаем из Вашингтона в Нью-Йорк и оттуда, должно быть 16-го, выезжаем в Европу. Уже хочется скорее назад, к близким, в обычную жизнь – в работу и круг тех интересов, которые строят нашу среду.

В Вашингтоне много очень интересного и здесь можно было бы пробыть гораздо дольше, чем мы пробудем. Вашингтон сейчас центр ученой жизни Соединенных Штатов. Познакомились здесь с очень милыми людьми и видели много интересного. Именно здесь чувствуется та сила умственной работы новой демократии, которая составляет залог будущего развития человечества. За 10 последних лет Соединенные Штаты в научном отношении сделали огромные успехи: сейчас Америка обходится без той помощи немецких университетов, которая еще недавно являлась неизбежной. Когда я невольно сравниваю эти годы в России, деятельность Шварцев, Кассо и К^о – всю ту патологию, которую представляет из себя наше Министерство народного просвещения, мне делается не только грустно, но жутко. Ведь так или иначе нам приходится считаться с нациями, у которых государственная власть исполняет свое дело и у которых научная творческая работа идет не вопреки сознанию государственных деятелей. Американские ученые жалуются на свое положение в обществе, считают, что их труд недостаточно оплачивается по сравнению с всё увеличивающейся здесь дороговизной жизни, что их положение в обществе – широко – недостаточно почетно, так как общество слишком похвалится деньгами и money manner², businessman³ господствуют не только фактически, но и идеалистически. Но все это ничтожно по сравнению с теми условиями, при каких приходится работать у нас.

Вчера утром с Самойловым были в лаборатории Карнеги. Нам показывали методы работы с печами при высоких температурах и новые приспособления для микроскопа. После обеда мы были у Гесса в Геологическом комитете и затем ⟨у⟩ Парсонса, главного химика Bureau of Mines – двух главных специалистов в Америке по урановым и ванадиевым месторождениям, как раз тем, которые интересуют меня. Вечером и обедал я (здесь завтрак-обед 2 раза) у директора Лаборатории Карнеги – Дзя, в милой семье с детьми. Очень приятная культурная простая обстановка – его жена немка из профессорской семьи. Очень интересный разговор – вернулся я в 11-м часу вечера и только прочел газеты.

Как это ни странно, но у меня сейчас идет пересмотр прошлого моей научной деятельности. Я чувствую, что я давно, с молодости стал на тот путь, который сейчас становится господствующим. Много из того, что мною было еще тогда понято, теперь воспринимается окружающими как новое, помимо моей работы – очень многое до сих пор не создано. У меня не было тогда характера и выдержки, чтобы проводить с боя эти идеи – нет и теперь достаточного в этом смысле желания и, я думаю, уклада работы. Много, конечно, мешает то, что я печатаю главные свои работы по-русски. А между тем другого выхода не вижу.

Сейчас мне хочется закончить кое-что из моих старых кристаллографических начинаний, которые, как я теперь вижу, являются новыми, но в новой обстановке могут быть поняты. Хочется уже к работе.

Нежно и горячо обнимаю тебя, мою дорогую, и детей, нежно любимых. Не имел совсем давным-давно известий от Оли⁴ – не знаю, где она – да и Нюта⁵ давно не писала. Ну да теперь надеюсь быть скоро в Петербурге. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 40.

¹ См. коммент. 1 к письму 903.

² Денежные нравы (англ.).

³ Дельцы (англ.).

⁴ О.И. Алексеева.

⁵ А.С. Короленко.

№ 905¹

8 сентября/26 августа 1913 г., Нью-Йорк

Нью-Йорк, 26.VIII/8.IX. 913

Дорогая моя Наталочка, получил здесь твои письма, адресованные в Нью-Йорк и пересланные в Торонто. Сегодня взяли билет на пароход Norddentschen Sloyd² – «Kaiser Wilhelm d. Grosse» – на 3/16 сентября на Бремен. В Бремен он должен быть 23 сентября; он останавливается в Плимуте и Шербурге (22 сентября), и я сперва было думал проехать через Шербург в Париж, но затем раздумал: уже и так много впечатлений и хочется скорее вернуться к обычной работе. Из Бремена я хочу прямо проехать через Берлин в Петербург. Надеюсь тогда 25/12 сентября быть в Петербурге!

В Нью-Йорк приехали вчера вечером. Сегодня весь день ходили и очень устали. Были главным образом в великолепном естественно-историческом музее в Нью-Йорке, который вполне может конкурировать с лучшими европейскими. Много в нем удивительных вещей. Должно быть два дня пробудем в Нью-Йорке, а затем послезавтра проедем в Нью-Гавн и Бостон. В Нью-Гавне буду у А.И. Петрункевича. Сперва мы с ним списались так, чтобы провести с ним время и в Нью-Йорке, но он заболел, не может выехать из Нью-Гавна, и я проеду к нему. В воскресенье хотим проехать в Дувр, где находится частная минералогическая коллекция Конфильда. С Конфильдом познакомились, он живет в имении за Дувром, привезет нас к себе, и мы у него пробудем день. А затем во вторник выедем!

Хотели было послать сегодня телеграмму, чтобы вы не писали нам напрасно, но Маркуша³ что-то чувствует себя неважно – не знаю, устал ли или у него начинается какая-нибудь болезнь, и мы решились телеграфировать, что всё у нас хорошо. Подождем до завтра.

Может быть в Бремен напишешь в «Нордд. Ллойд» к приезду нашего парохода – «Kaiser Wilhelm d. Grosse» – справиться можно в агентстве в Петербурге⁴, как адресовать.

Нежно и горячо обнимаю тебя. Крепко поцелуй деточку⁵. Уже не пишу ей, так как теперь не долго можно и писать: пароход идет скорее обычных писем. Нежно обнимаю. Надеюсь и Гуля⁶ в Питере – нежно его целую.

О Нюте⁷ имею мало известий. Сегодня мне переслали открытку ее, из которой вижу, что у нее опять была (или есть?) слабость. Я ей писал, что 10/23. IX буду в Берлине – не знаю, когда она думает возвращаться.

Так хочется уже скорее домой. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остр., 14 линия, 45, St. Petersburg, Russie, **С. Петербург**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 41.

---

¹ Письмо написано на бланке «Prince George Hotel» Fifth ave., 28th Stret, New York, Geo. H. Newton, Manager.

² Norddeutscher Lloyd – морское страховое регистрационное агентство.

³ М.М. Любошинский.

⁴ В Петербурге существовало страховое общество «Русский Ллойд».

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ А.С. Короленко.

№ 906¹

29 августа/11 сентября 1913 г.,
на пароходе «France», следующем из Нью-Йорка в Гавр

$\frac{11. IX}{29. VIII}$. 913, утро

Дорогая моя Наталочка, совершенно неожиданно, бросив всё, мы выехали вчера утром и едем на большом, роскошном, быстроходном французском пароходе в Гавр! Маркуша² заболел, по-видимому, тифом. Вначале, в первый день приезда в Нью-Йорк он жаловался на головную боль – температуру мы померили только после того, как у него испортился желудок. Так как температура не очень высокая – не выше 38,2, не уменьшалась, мы обратились к доктору, который не нашел у него ничего, но подозревал тиф. По-видимому, это здесь обычное явление, от воды, которую всюду и все пьют некипяченой! К доктору обратились мы через д-ра Кунца, моего старого приятеля, главного управляющего мировой фирмы «Тиффони», торгующей драгоценностями и драгоценными камнями. Кажется, это самая большая фирма в мире, имеющая отделения в Нью-Йорке и в Париже. Доктор Hollis – главный врач какой-то большой больницы в Нью-Йорке, врач, лечащий самого Кунца несколько лет. Он очень настаивал, чтобы Марк лег в больницу, но Марк и Самойлов непременно хотели уехать скорее на континент. До России доктор находил невозможным отправить Марка, но считал возможным, хотя нежелательным, переезд на хорошем пароходе на континент. Мы отправились в контору – за 5 минут до закрытия (в 5–6 часов в Нью-Йорке все заперто) – оказалось, что первый большой пароход «France» отходит на следующий день в 10 часов утра, а затем надо ждать до 13 сентября. 13 сентября/31. VIII. Лично я считал лучшим выждать и затем мне казалось риском ехать на пароходе, не зная, каков будет переезд и какое направление примет болезнь Маркуши.

Но я считал себя обязанным подчиниться решению Марка, который ни за что не хотел лечь в больницу в Нью-Йорке. Вечером в понедельник мы по телефону сговорились с Кунцем приехать к нему – у нас не было денег – они были в аккредитивах, а банки открываются в 10 часов утра (когда пароход отходит), мы захватили 100 долларов на 16.IX на пароход, которым хотели ехать. У Маркуши было 700 руб. русскими деньгами. В конце концов все устроил Кунц – мы передали ему русские деньги, он обещал постараться добыть назад наш задаток и прислал в 6 часов утра на пароход своего служащего из «Tiffany», которой добыл нам – за минимальную плату – две чудные каюты и без которого мы ничего бы не сделали. Мы приехали с багажом за 12 минут до отхода парохода. Раньше утром мы были у доктора для окончательного решения – с нами был и Кунц, которой отвез Марка на пароход, пока мы с Самойловым, как угорелые, отправились на такси (автомобиль с таксиметром) в гостиницу для расплаты и укладки. Доктор опять считал лучшим лечиться в Нью-Йорке (и я был с ним согласен), он предлагал подождать до 13.IX, думая выяснить, тиф ли это. Так как Марк настаивал и ясно было, что если тиф, то лучше выяснить раньше, то по телефону он вызвал какого-то специалиста и немедленно произвели исследование крови. По словам Голлиса, кровь – характерная для [тифа]. Мы решились ехать – и от доктора уехали на такси сперва за другим такси (здесь извозчики стоят в немногих, определенных местах – их вызывают по телефону), на котором уехали Марк и Кунц, а затем в гостиницу. Такси стоил нам 13 рублей!

Наконец мы выехали – не знаю, сколько мы заплатили, так как всё было устроено на счет «Тиффони», которая постоянно имеет сношения с пароходными компаниями. Кунц говорит, что они постоянно отправляют нарочных в Европу (должно быть не посылают драгоценности по почте) и все трансатлантические компании с ними считаются. Мы оставили ему 700 руб., и он пришлет нам расчет: если нужно больше денег, мы ему вышлем, а если меньше – он мне перешлет в С.-Петербург. Без его сердечного и энергичного отношения мы бы не выехали.

Доктор сказал мне, что Марка организм великолепный; сейчас самочувствие у него хорошее; он лежит в большой каюте-комнате. Каюта на двух, больше обычных в лучшем месте парохода. Удалось это устроить через Кунца, который имел прямые связи с директором пароходной компании. Надо надеяться, что переезд будет хорош. Погода хорошая, но со вчерашнего вечера качает – море в барашках. И сейчас, когда тебе пишу, покачивает. Мы послали Любошинским телеграмму, надеемся, они встретят нас в Гавре. Маркушу придется, вероятно, везти в Париж. Сейчас пошлем им радиограмму.

Конечно, мне очень досадно уехать раньше – во-первых, я не виделся с Петрункевичем, который заболел и не смог выехать в Нью-Йорк, а затем я не видел Нью-Йорка (видел там только чудный естественно-исторический музей) и тех трех больших американских минералогических собраний, которые наметил. Но ничего не поделаешь, оставить Марка я не мог. Есть некоторый страх к переезду: не в моем характере делать такие рискованные шаги. Я думаю, ему лучше было бы спокойно пролечиться в Нью-Йорке, куда к нему приехали бы Любошинские.

Но Самойлов и Маркуша думают иначе. Самойлов чрезвычайно предан и любит Маркушу. Он совершенно заболел и измучился от волнений.

Сегодня утром температура несколько выше. Его осматривал врач парохода, веселый, кажется не очень серьезно относящийся к своим обязанностям, француз. Температура 100,5° по Фаренгейту (т.е. немного больше 38°).

12.IX. 913

Едем по-прежнему хорошо. Вчера вечером, ночь и сегодня часов до 10 утра была порядочная качка, но мы ее перенесли недурно. Сейчас качает, но не очень сильно.

Маркуша лежит в каюте, относительно ему хорошо. Температура понижается утром почти до нормальной, но вечером каждый раз всё выше – вчера была 38,6. Корабельный доктор отрицает болезнь, считая, что мы напрасно его держим в постели, но он приходит утром и его термометры все показывают разное. По-видимому, он порядочный невежда. Сегодня он придет вечером.

Надеюсь, всё пройдет благополучно – до Гавра – оттуда 3^{1/2} часа Париж, и я надеюсь, там встретят Любощинские. Хотели мы послать им радиограмму, но слово в Россию стоит 4^{1/2} франка! Так что телеграмма из 8–9 слов стоила бы более 18 рублей, и ничего мы бы не могли сообщить хорошего. С воскресенья вечером телеграмма будет стоить дешевле втрое, так как мы «подъедем» к европейскому берегу. Подъедем относительно, так как будем от него за сотни верст.

Вчера вечером я лег раньше спать, так как боялся, что при качке у меня сделается морская болезнь и может быть от этого перенес качку отлично.

Сейчас пишу письма, занимаюсь (здесь это очень удобно), хотя временами покачивает.

Нежно и горячо целую тебя, мою дорогую. Теперь недолго. Если всё будет устроено с Маркушей хорошо, может быть проеду на юг Франции, на бокситы и поеду через Мюнхен. Статья моя у Грота пойдет в ближайшей книжке, и он мне писал, что корректура будет готова к моему проезду. В Вашингтоне я познакомился с Шаллером, по поводу работы которого написана статья – мы очень сошлись.

Нежно обнимаю. Завтра пишу Гуле³. Целую крепко тебя и детей. Может быть в Париже застану твои письма?

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 43–44.

¹ Письмо написано на бланке «A Bord de “France”».

² М.М. Любощинский.

³ Г.В. Вернадский.

№ 907

17/4 сентября 1913 г., Гавр

Гавр, 4/17.IX. 913

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером приехали в Гавр. Маркуше¹ лучше; корабельный доктор находит его здоровым; другой считает, что у него малярия; Маркуша, Самойлов, Любощинские² думают, что тиф. Вечером вчера температура³ была 39,2 (он взволновался приездом родителей и встал с постели). Утром и днем – обычно нормальная. Любощинские наняли чудную

виллу за Гавром, встретили. Гольштейнов они не застали и устроили все через Мечниковых⁴.

Самойлов, совершенно усталый от волнений уезжает сегодня. Я еду завтра в Париж, пробуду там 2–3 дня и через Мюнхен возвращаюсь.

С парохода писал тебе, Гуле⁵, Ниноле⁶. Жду сегодня телеграммы от тебя, моей дорогой. Скажи и в музей, что я буду в СПб. должно быть во вторник или среду. Хочется уже скорей к вам.

Нежно и горячо тебя обнимаю, мою дорогую, и детей. Аня и Марк⁷ молодцом.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Васильевский о., 14 линия, 45, St. Petersburg, Петербург, Russie.

Оп. 7. Д. 57. Л. 45.

¹ М.М. Любошинский.

² Анна Егоровна и Марк Маркович Любошинские.

³ В тексте температура обозначена – «t».

⁴ Илья Ильич.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Любошинские (А.Е. и М.М.).

№ 908¹

18/5 сентября 1913 г., Гавр

5/18.IX. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу последнее письмо и то еще не знаю, не приеду ли раньше его. Остался здесь в Гавре, сколько мог по своему билету (в Париж), чтобы повидать Любошинских. Сегодня еду в Париж, где хочу повидать Гольштейнов и Агафонова, а затем музеи. К сожалению, вероятно, не застану никого из ученых, которых мне надо было бы повидать, кроме Гобера, так как сейчас самый глухой сезон. С Гобером хочу осмотреть минералы Мадагаскара, аналогичные тем, с которыми работаю. Днем в воскресенье хочу выехать из Парижа в Мюнхен – может быть выеду даже утром в воскресенье; в Мюнхене пробуду между поездами и во вторник из Берлина выезжаю в Петербург; буду телеграфировать о дне и часе приезда.

Любошинские устроились хорошо за городом. Пишу утром и жду Марка², чтобы идти осматривать здешний музей, который нам покажет Луар, директор музея, племянник Пастера. Луары отнеслись очень тепло к Любошинским, помогли им устроиться – Любошинские получили письмо к ним от Мечниковых, а к Мечниковым обратились от моего имени, не заставши Гольштейнов (они в Галлю). Я непременно зайду в Париже поблагодарить к Мечникову – ведь я его совсем, кажется, никогда не видал! К тому же Луару у меня были письма и [указания] от французских профессоров Биго и Le Gerhil'я, с которыми я ехал на пароходе. Луар – директор здешней бактериологической станции, делает исследование крови Маркуши³.

Вчера я видел доктора, его лечащего, ничего нельзя сказать определенного. Любощинские считают, что у него тиф, но доктор говорит, что сказать ничего нельзя.

Во всяком случае, сейчас Маркуша лежит и оба Любощинские при нем. Жаль, что Марк пропустил из-за этого земские выборы.

Вчера Самойлов уехал в Москву, очень встревоженный тем, что дома у него волнуются. Он весь напуганный и действительно сейчас ничего не может делать. Его любовь и дружба к Маркуше очень трогательны и мне дороги, но во время болезни он совсем невозможен своей нервностью и страхом, когда болезнь близкого отодвигает в его глазах всё и делает его неспособным работать. Но в его отношениях к Маркуше много тонкости и горячего сочувствия.

Ну, теперь скоро увидимся и больше не пишется. У меня сейчас столько планов, желаний и новых пониманий, что мне кажется, будто я помолодел душою.

Что моя дорогая деточка⁴? Вчера от Гули⁵ имел телеграмму.

Нежно целую тебя, Гулю, Нинусю. Привет всем. Нина⁶ в С.-Петербурге? Целую ее. Горячо любящий

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 46–47.

¹ Письмо написано на бланке «Hotel Continental. Le Havre».

² М.М. Любощинский (отец).

³ М.М. Любощинский (сын).

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

№ 909

9 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 9.X. 913, вторник

Дорогая моя Наталочка, Нюта¹ писала тебе сегодня, но я все-таки посылаю эти несколько строк. У нас все благополучно. Сейчас – вечером – Нина² занимается у себя в комнате с Леной³. Нюта ушла к каким-то курсисткам. Вчера обедал у нас Гуля с женой⁴ и Елизавета Дмитриевна⁵. Было очень оживленно – Гуля много рассказывал про Моршанск и весь полон своих впечатлений. И мне было как-то светло: я чувствовал, что здесь я исполнил свой долг – передал следующему за мной поколению вековую, лежавшую на мне, общественную обязанность. Сегодня я говорил с Гулей только по телефону; его не видал. Сегодня был у Лукашевича – он на вид не очень изменился, был очень мне рад, но я попал, когда у него сидела какая-то дама и боюсь, не очень ли он утомился. От него заходил к Аде⁶, его не застал. Но Адя говорил в телефон: он полон впечатлений от Москвы и чувства пережитого им подъема. От Дмитрия Ивановича⁷ славная небольшая открытка мне. Оказывается его «Кооперация»⁸ выходит скоро; секретарем редакции молодой Мануйлов. Во вторник я читаю доклад в Минералогическом обществе – о химическом

составе турмалинов⁹. Одновременно выступает и Федоров¹⁰. Получил письмо от Александры Васильевны¹¹: она пишет о деле Бейлиса¹², но переживает его, по моему мнению, очень узко. Как-то не сознает, что страдания целой нации не могут быть даже сравниваемы с(о) страданиями классов или возрастов в тех случаях, когда их пытаются логически обосновать. Для меня еврейский вопрос аналогичен старому вопросу невольничества, теперешнему черному и желтому вопросам. Нежно целую. Целую всех. Надеюсь, что ты напишешь нам скоро. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 48.

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Очевидно, подруга Ниночки Вернадской, фамилию установить не удалось.

⁴ Г.В. и Н.В. Вернадские.

⁵ Ревуцкая.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ Шаховской.

⁸ *Шаховской Д.И.* Неотложная задача сельскохозяйственной кооперации // Кооперативная жизнь. 1913. № 24. С. 9–10.

⁹ В.И. Вернадский в Отделении геологии и минералогии Имп. С.-Петербургского об-ва естествоиспытателей выступил 9 ноября 1913 г. с докладом «О рубидиевом микроклине». (См.: Труды Имп. С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 1913. Т. XLIV, вып. 1. С. 194).

¹⁰ См. коммент. 9. Одновременно с ним выступил А.Е. Ферсман (а не Федоров – описка у Вернадского) с докладом «К вопросу о природе кварцев из гранитопорфиров».

¹¹ В письме от 19 октября 1913 г. из Парижа А.В. Гольштейн писала В.И. Вернадскому: «Читаю дело Бейлиса... Не могу воздержаться, чтобы не высказать Вам свои “антисемитические” мысли. Вы, конечно, понимаете, что не сочувствовать оправданию Бейлиса я не могу. Вы, конечно, понимаете, что не возмущаться деяниями черной сотни и властей я не могу, но я спрашиваю себя, почему, когда и в России, и даже в других странах совершаются столь же страшные злоупотребления, целый мир не поднимается на защиту жертв этих злоупотреблений и поднимается всякий раз, когда жертвой является еврей? В числе повешенных в России наверно были десятки повешенных невинных людей, все судились, может быть, еще с большим пристрастием, чем судится несчастный Бейлис, и цивилизованный мир целиком не поднимался на их защиту... Почему? Волнения учащейся русской молодежи, бастующей в знак протеста и возмущение кажется мне бессмысленным и возмутительно опасным. Мне кажется, пора бы отделиться от семитофильского романтизма, признать, что евреи, скажем, не хуже неевреев, но не непременно лучше, признать, что их нельзя гнать, но не обязательно любить и делать всякое их дело делом своим. Низость и глупость властей злит меня тем более, что этим делом Бейлиса они прямо оказывают громадную услугу семитофильскому предрассудку» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 440. Л. 24 об., 33–34).

¹² В 1913 г. в Киеве происходил судебный процесс над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Организован царским правительством и черносотенцами. Вызвал протест передовой общественности в России и за рубежом; суд присяжных оправдал Бейлиса.

11 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 11.X. 913

Дорогая моя Наталочка, у нас всё благополучно. Вчера я был у тети Дуни¹ и приглашен ею обедать в понедельник с Ваней Жедринским, который приехал сюда по делам. С ним говорил по телефону, но его еще не видел: у них Володя² доволен гимназией, Нина³, по-видимому, ничего, но Мура⁴ в очень дурном настроении и очень тяготится Пермью и **ничего не делает!** Конечно, нельзя так устраивать жизнь. От Евдокии Ивановны⁵ (с которой говорил о Бейлисе!⁶ Она его считает невинным, но настаивает, что надо читать отчеты в газетах разных направлений, и сама читает не только «Новое время»⁷, но и какие-то другие, кажется петербургские газеты). Пошел к Петрункевичам, где был Адя⁸ и рассказывал о Москве. Он в очень бодром настроении. Завтра пойду в комитет фракции⁹. Я сейчас очень недоволен гимназией – характером сочинений и рефератов. Один реферат по романам Мережковского (Петр и Алексей)¹⁰, не говоря уже о далеко не полном соответствии ряда сцен для молодых девушек, странно давать понятие об истории по Мережковскому. Другой – по истории – литературное сочинение по Ибсену (Бранд!)¹¹. Всё это хорошо на почве культурной высоты и знания великих произведений всемирной литературы, но когда этого нет – учить по Ибсену и Мережковскому, тратить на их чтение время, когда человек должен знакомиться с великими писателями, странно, чтобы не сказать больше. Думаю, что Нина¹² прочтет «Бранда» и не прочтет Мережковского. Но сейчас давать детям и подросткам такое чтение более чем легкомысленно. Хотел говорить об этом с Машей¹³, но телефон всё время был занят.

Нежно и горячо обнимаю. Поцелуй всех. Горячо обнимаю Марию Ивановну¹⁴.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**. Келенский пр., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 49.

¹ Е.И. Голицына.² В.И. Жедринский.³ Нина Егоровна Жедринская.⁴ Мария Ивановна Жедринская.⁵ Голицына.⁶ См. коммент. 12 к письму 909.⁷ «Новое время», одна из крупнейших русских газет (1868–1917), выходила в Петербурге. Издатель с 1876 г. А.С. Суворин. С 1905 г. орган черносотенцев. Закрыта после Октябрьской революции.⁸ А.А. Корнилов.⁹ Имеется в виду комитет Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы).¹⁰ См., например: *Мережковский Д.С.* Антихрист. Петр и Алексей. СПб., 1905. Т. 3.¹¹ См., например, *Ибсен Генрик* Бранд. М.: С. Скирмунт, 1904.¹² Н.В. Вернадская (дочь).¹³ Мария Сергеевна Гревс.¹⁴ Старицкая.

14 октября 1913 г., Петербург

Петербург, 14.X. 913, утро

Дорогая моя Наталочка, у нас все благополучно. Ниночка¹ вчера целый день не была дома. Утром она была у Кати Кавос, занималась; вернулась усталая к завтраку и затем была у Тани². Вечером, незаметно для меня (у меня были Ферсман и Ревуцкая) она засиделась до 10¹/₂ вечера и еще позже пила чай и т.д., так что легла поздно. Сегодня пошла в гимназию с небольшой головной болью, и мы не знали, идти ей или нет. Я жду ее к завтраку сейчас. Она очень волнуется из-за своих волос, они страшно падают у нее. Необходимо принять меры. Жалуется на тебя, что ты не обращала внимания на ее просьбы. Доктор А.А. Корнилов посоветовал средство, которое Нина и Нюта³ хотят употребить. Только что она пришла к завтраку – веселая и говорит, голова болит чуть-чуть (мигрень), уроки у Кати едва ли следует вести: она теряет почти всё воскресенье. Нюта только что вернулась из Лесного. Она чувствует себя недурно. Я сейчас сижу над своим докладом для Минералогического общества – завтра⁴. Он у меня не отделан и не готов. Буду говорить о результатах работы над турмалинами, сделанной мной в Шишаках этим летом. Сегодня я обедаю у Евдокии Ивановны⁵ с Ваней Жедринским. Оттуда хочу проехать к Оле⁶, которая, оказывается, была больна эти дни. И она и Нюта (!) скрыли от меня. Вечером должно быть буду отделявать свой доклад: я не умею его отделявать с точки изложения и слога и стараюсь просто, овладев задачей, идти дальше.

У нас новость в смысле передвижений: по Среднему проспекту идет новый трамвай – № 17, он идет потом по Большому до 1-й линии и набережной. Идет в Смольный институт вместо № 4, который тоже идет туда же к Смоленскому кладбищу. Сообщение с Университетом и Академией лучше. Останавливается на углу 12 и 16 линии и Среднего.

Гуля⁷ обедал у нас в субботу (вместе с Адей⁸), так вижу его мало: говорит по телефону. Всё это время я очень занят, как-то ничего не успеваю сделать. Посылаю тебе твои письма заказным завтра, а также два оттиска моей статьи для Георгия⁹ и Леон. Алекс¹⁰.

Нежно и горячо обнимаю. Поцелуй всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Келенский проспект, д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 50.

¹ Н.В. Вернадская.

² Очевидно, подруга Ниночки Вернадской, фамилию установить не удалось.

³ А.С. Короленко.

⁴ В.И. Вернадский.

⁵ Голицына.

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ Г.Е. Старицкий.

¹⁰ Фамилия не установлена.

16 октября 1913 г., Петербург

Петербург, 16.X. 913

Дорогая моя Наталочка, очень грустно, что ты долго не вернешься. Но может быть это и правильно. Очень жалею, что ты не подождала тогда одного-двух дней – впрочем всегда после более благополучного исхода все «виднее». То же было и со мной с Марком¹ в Америке.

Это время я очень занят и как-то мало успеваю сделать. Вчера вечером делал доклад в Минералогическом обществе², кажется довольно удачно. Странно, что я перед докладом немного волновался, мне казалось, что я не могу удержать в памяти, что хотел. Александр Евгеньевич³ и Елизавета Дмитриевна⁴ оба говорят, что было интересно. Возражал Федоров, по моему мнению, неудачно.

Сегодня у нас будут обедать Паша⁵ и Ваня⁶, а вечером я хочу пойти к Гревсам переговорить с Машей⁷ о чтении в гимназии. Может быть я напишу письмо Балавину⁸, и затем можно этот вопрос обсудить. Ниночка⁹ несколько нервная, ложится, по-моему, поздно. С другой стороны, она взрослеет (7-й класс!), жизнь перед ней раскрывается своими глубокими сторонами, и я бы не хотел, чтобы она привыкла очень много вкладывать в нее забот о своем здоровье. Всегда это неприятно действует, даже у людей слабых, когда это делается хроническим. И в эту неделю у нее несколько вечеров уходят: сегодня у них вечеринка, в пятницу она хочет идти на Нансена в Географическое общество (я достал им всем билеты), в субботу мы с ней в концерте на Чайковском. На Нансена должно быть я не пойду, так как это мой единственный вечер, когда я дома – Ниночка пойдет с молодыми Вернадскими. Мне кажется она бледненькой, и я не знаю все-таки, не отражается ли на ней несколько пищевой режим – то вегетарианство, которого она придерживается. Все-таки, если всмотреться в это дело по существу, можно сказать одно, что пользы такого режима не видно, но вред не доказан. Это утешение малое. Для ее волос Леля¹⁰ убеждает обратиться в волосолечебницу – не знаю, хорошо ли это и вообще я не знаю, как с этим быть. Но ясно, что обратить на это внимание нужно.

Указатель Нина Вернадская делает усердно; иностранный, конечно, она не тронет. Но я так был занят это время, что не успел просмотреть ее работу. Сделаю это сегодня, после заседания Академии. Пишу тебе из лаборатории, среди урывков работы.

Нюта¹¹ также затуркана, как и я – массой раскрывающегося интересного и нужного и невозможностью сладить с делом. Она, кажется, уезжает завтра или (в) пятницу на целый день и ночь в Лесной. Вчера говорил с Сергеем¹². Шуре¹³ сейчас хуже – ее кажется очень расстроила какая-то тяжелая история с рядом бывшей буйной больной. Сережа¹⁴ с женой¹⁵ сейчас в Гельсингфорсе и, кажется, всё у них хорошо.

Кончаю письмо, так как сейчас нельзя будет отрываться – в 2 часа будет заседание, а в 1¹/₂ я назначил свидание с Зильберминцем, ассистентом Земятченского, который представляет работу для напечатания в Академии.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех. Будь осторожна в поездке в Шишаки – но, впрочем, это мое письмо придет поздно. Письма к тебе вышлю завтра. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

P.S. Если не забудешь, купи в Полтаве дополнение¹⁶ (стоит, кажется, 50 коп.) к словарю полтавских писателей и ученых, выпущенное Павловским¹⁷. Сам словарь у меня есть. Посылаю оттиски своей статьи для Л.А.¹⁸ и Георгия¹⁹.

Оп. 7. Д. 57. Л. 51–52.

¹ М.М. Любошинский.

² См. коммент. 4 к письму 911.

³ Ферсман.

⁴ Ревуцкая.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ И.Л. Жедринский.

⁷ М.С. Гревс.

⁸ Балавин, инициалы не известны.

⁹ Н.В. Вернадская.

¹⁰ О.И. Алексеева.

¹¹ А.С. Короленко.

¹² С.Ф. Ольденбург.

¹³ Александра Федоровна Ольденбург.

¹⁴ Возможно, С.С. Ольденбург.

¹⁶ Жена С.С. Ольденбурга – Ада Дмитриевна Старынкевич.

¹⁷ *Павловский И.Ф.* Полтавцы. Иерархи, государственные и общественные деятели и благодетели: Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII века с 182 портретами. Издание Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава: Т-во печатного дела, 1914.

¹⁷ *Павловский И.Ф.* Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава: Типо-литография преемников Дохмана, 1912.

¹⁸ Леонид Александрович, фамилия не установлена.

¹⁹ Г.Е. Старицкий.

№ 913

19 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 19.X. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе среди совершенной сутолоки жизни! Сейчас у меня еще более увеличилось работы и всяких волнений благодаря тому, что вопрос о радиИ становится на видное место. Сегодня написал статью для «Русских ведомостей»¹, которая им передается по телефону и завтра появится там. А утром у меня было интервью в «Вечернем времени»², которое должно появиться – и должно быть появилось – сегодня. Снегиреву я послал подробный расчет. Необходимо иметь на год около 80 000 рублей для того, чтобы поставить дело, и я буду теперь за них бороться. Ведь появилась надежда на излечение рака! Я думаю, что с весны придется организовывать дело широко, и я получу наконец нужные средства.

В лаборатории работа идет систематично и у меня и Ненадкевича видны интересные проспекты для будущего, может быть близкого, но мы с ним всё

время переходим от надежд к надежде. Но все-таки любопытно идти в новой области и вдумываться в нее и искать ответы. А сейчас у меня опять пробуждается интерес к математике и кристаллографии!

А затем мне в ближайшие дни надо дать отчет об Америке для Академии³ и свою биографию для академического словаря⁴ и план общего очерка истории Академии за последние 25 лет!⁵

У нас эти два дня было большое волнение. Вчера Ниночка⁶ явилась к обеду с Леной⁷, в доме которой ожидалась скарлатина (у брата оказалась скарлатинная краснуха) и ей нельзя было дома ночевать. А Ниночка привела ее ночевать! Очень было тяжело объясняться с моей прелестной дочечкой; Лену оставили ночевать в кабинете у меня; сегодня Нину не пустил в гимназию, а субботний обед с Адей⁸ и Митей⁹ перенесли к Гуле¹⁰, так как Адя боялся из-за Талочки¹¹. Теперь Лена уехала домой. Очень досадно легкомыслие моей деточки, но она сделала это от доброго сердца и уверенности, что скарлатина второй раз незаразительна.

Вчера у нас обедала Маша Гревс, которая много помогла в этой истории. Я весь подавлен и поражен ее рассказами о Шуре Ольденбург и обо всем их train – даже не тем, что она говорила, а тем, о чем умалчивала! Это так сильно меня охватило, что даже история с Леной менее на меня повлияла. Сейчас Маша рассказывает, что в 7–8 классе Женской гимназии девочки увлекаются Арцыбашевым «У последней черты», и Шура вся пропитана этой литературой! А в гимназии указывают Ибсена, Мережковского! После разговора с Машей я решил переговорить с Балаевым и пойду к нему эти дни – завтра переговорю в телефон. Маша думает, что этим разговором я могу повлиять.

Сегодня мы с Ниночкой идем в концерт, а Ньюта¹³, Гуля в Религиозно-философское общество. Вчера Ниночка была на Нансене¹⁴, а я свой билет отдал О.Н. Ферсман. Не помню, писал ли, что я обедал у Старицких с Ваней¹⁵ и так далее. Странное впечатление молодая среда – очень кажется милые, au courrant¹⁶ кафешантанов, модного спорта, футуристов и в то же время очень лично порядочные. Кити¹⁷ и Марк Алекс.¹⁸ (производит) впечатление скорее хорошее.

Только что Ниночка передала от Маши¹⁹, что Балаев меня просит зайти в пятницу утром. Нинуся, кажется, очень довольна, что я вхожу в ее гимназические интересы.

Завтра обедаю у Оли²⁰, а вечером у Чернышева на концерте. В понедельник обедают у нас Костя Стар.²¹, Сергей²², говорят, заболел и уехал в Выборг – внезапно – он хотел быть у нас сегодня. На меня что-то посыпались почести – выбрали почетным членом в Общество любителей естествознания в Москве. Вчера в «Речи» была статья Гули²³. Читала?

Надо идти с Ниночкой к Гуле обедать. Ниночка просит написать, что пишет тебе письмо и не успела.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

P.S. Ко мне звонил А.И. Гучков – должно быть о радию.

Оп. 7. Д. 57. Л. 53–54.

¹ Вернадский В.И. О радиевых лучах в России // Русские ведомости. 1913. № 242. 20 окт.

² Радий в России: Беседа // Вечернее время. 1913. 19 окт.

³ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 г. СПб.: 1913. С. 23–24.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 146–156.

⁵ В связи с празднованием 25-летнего пребывания на посту президента Академии вел. кн. К. Романова (1889–1914) было решено подготовить трехтомное издание «Материалы для истории Академии наук в 1889–1914 гг.», которое должно было включать биографические очерки действительных членов, обзоры истории академических учреждений, а также очерк истории Академии наук с 1889 по 1914 г. Написание этого очерка было поручено Вернадскому. Подробно о работе В.И. Вернадского над этой темой см.: *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. Ч. III: Из истории Академии наук. С. 202–249 и коммент. к ней. С. 402–424.

⁶ Н.В. Вернадская.

⁷ Лена, подруга Н.В. Вернадской, фамилию установить не удалось.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ Д.И. Шаховской.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

¹¹ Н.А. Корнилова.

¹² *Арцыбашев М.П.* У последней черты. Мюнхен; Лейпциг: Мюллер, 1914.

¹³ А.С. Короленко.

¹⁴ См. письмо 906.

¹⁵ И.А. Жедринский.

¹⁶ *au sougant* (fr.) – быть в курсе.

¹⁷ Кити.

¹⁸ Марк Алекс.

¹⁹ М.С. Гревс.

²⁰ О.И. Алексеева.

²¹ Очевидно, Константин Дмитриевич Старынкевич.

²² С.С. Ольденбург.

²³ *Вернадский Г.* Северный морской путь: К докладу Г. Фригьофа Нансена // Речь. 1913. № 285(2598), 18(31) окт.

№ 914

22 октября 1913 г., С.-Петербург

СПб., 22.X. 913

Дорогая моя Наталочка, пишу тебе опять из лаборатории. Эти дни совсем мало успеваю делать, частью вследствие того, что веду «светский» образ жизни. Третьего дня у Чернышева просидел до 1¹/₂ ночи, а ушел одним из первых, сейчас после Фаминцына. Было не безынтересно – я говорил с Андрусовым, который вернулся, с Карпинским и т.п. Была хорошая музыка – прекрасный квинтет Шумана: не знаю, больше ли я начинаю входить в музыку или изменился мой вкус, но Шуман, которого я не любил и который на меня не производил никакого впечатления, теперь мне всё больше нравится.

Пишу тебе под тихий шум, в соседней комнате стоит новый аппарат, из которого струя воды вытягивает воздух и где кристаллизуются у меня соли ниода и того, что я считаю ниодом и танталом, а рядом на водяной бане шипят другие растворы. И в этих звуках улавливаю приятный шум идущей мысли – работы...

Только что говорил по телефону с Ниночкой¹, она вернулась от Кати², несколько усталая. Теперь готовит уроки: вечером мы идем с ней в концерт Долиной, где будут исполняться западно-европейские песни с XI по XVIII сто-

летие. Билеты взяла Елизавета Дмитриевна³, которая пойдет с нами и, может быть, придет обедать. Нюта⁴ устала, и Ниночка говорит, что она лежит.

Вчера вечером я был у Ивана Ильича⁵, где был барон Ште... W.W.⁶ из Киева – вопрос шел об украинском движении. Я считаю ошибочной и нежелательной постановку вопроса об областной автономии. Допуская самую широкую форму провинциальной автономии, все права украинского языка, считая, что его развитие раскроет новые стороны вековой жизни этой родной мне по крови отрасли славянского племени, я в то же время думаю, что вопрос об автономии не может ставиться на национальной почве, а права национальностей должны быть основаны на правах человеческой личности... Обедали у нас вчера Костя⁷ и Гуля⁸. Нюты не было. Гуля скоро ушел. А с Костей был хороший разговор об учении – он увлекается естествознанием – в частности кристаллографией и физической химией. Если он устоит в своих стремлениях, я с удовольствием возьмусь ввести его в эту область. У меня все-таки есть некоторое черты старого профессора – ловца людей. И сейчас мысль работает в этом направлении. Вернулся из Москвы Ферсман и рассказывает, что среди слушателей Университета Шанявского появился молодой, резко выделяющийся человек Богословский, полный интереса и исключительных способностей в области кристаллографии и минералогии. Его поддерживают Вульф и Ольга Мих.⁹ – без всяких средств, из семинарии без права поступления в университет он из чистого стремления к науке, живя впроголодь, учится в Университете Шанявского! Я мечтаю теперь взять его в радиевые работы, если только удастся наладить дело. Таланты редки и их надо беречь и охранять – в них все-таки настоящая, живая, вечная сила нации.

А вопрос с радием вырастает. Знаешь, у меня все-таки досадное чувство, что я тогда не очень протестовал, что мне не дали просимых средств. Если бы в 1911 году мне дали 36 000 руб., а не 10 000, то сейчас мы бы знали, **есть или нет** радиевые руды в России, больше знали, чем теперь. Но так или иначе сейчас надо добиваться. Саркома и рак – эти ужасы – мы подходим к борьбе с ними и надо добыть средства борьбы. «Русские ведомости» ведут сейчас энергичную кампанию. К сожалению, моя статья в них безобразно испорчена – напечатали «О радиевых лучах в России» вместо «О радиевых рудах в России»¹⁰! Я писал уже Мануйлову и объяснялся с Аркаданским. Сегодня утром у меня был интервьюер «Дня» и завтра появится мое интервью в «Дне»¹¹. В «Вечернем времени»¹² оно было в субботу. Хочу завтра или послезавтра написать статью в «Речь»¹³.

Твои письма пойдут заказным только завтра – также и мои оттиски о высшем образовании¹⁴. Эти дни были праздники и никак не смог поймать сторожей. А по поводу моих писем о высшем образовании получил целое письмо из Пулкова от академика Белопольского, поднимает вопрос об аристократизме науки, отвечает мне¹⁵. Придется ему отвечать.

Мысль работает хорошо, но как-то мало успеваю делать. Сегодня после интервью с Ферсманом и Крыжановским просматривал новые поступления и покупки минералов в музей, затем около 2 часов работал с Ферсманом над исследованием ортитов из Верхотурья – делали проекции. Затем пришел сюда. А здесь идет все медленно, медленно и не знаю, как и когда выберусь на открытую дорогу. Кажется вдали мелькает огонек, но столько их обманчивых!

Гуле дал 29 руб. на зубы. О шубах ничего не слышал. Приходится дать 100 руб. Линденеру, он совсем в тисках (занял деньги под 20%!)). Деньги у меня есть – да теперь и за статьи получу. В Чернигов Модз.¹⁶ напишу должно быть завтра или в четверг. Не знаю, должен ли я предпринимать какие-нибудь шаги у Цейдлера?

Гулька не только взял 29 (руб), но купил книгу, которую ему хотелось иметь (Историю русской этнографии Пыпина)¹⁷ за 8.50 и перепродал мне, желая покупать книги дальше. Он кажется работает всё лучше и крепче.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Надо кончать, так как сейчас придется следить за работой – нельзя будет отходить от тяги.

Конечно, «Бутово» или «Бутово-Вернадское» прекрасно¹⁸.

Оп. 7. Д. 57. Л. 55–56.

¹ Н.В. Вернадская.

² Е.С. Кавос.

³ Ревуцкая.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Петрункевич.

⁶ Фамилия написана сокращенно и неразборчиво.

⁷ Константин Дмитриевич Старынкевич.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Ольга Мих. – фамилия не установлена.

¹⁰ См. коммент. 1 к письму 914.

¹¹ Месторождения радия в России: Беседа с корр. // День. 1913. 23 окт.

¹² Радий в России: Беседа с корр. // Вечернее время. 1913. 19 окт.

¹³ Источники радия и мезотория // Речь. 1913. 28 окт.

¹⁴ *Вернадский В.И.* Письма о высшем образовании в России // Вестник воспитания. 1913.

№ 5. С. 1–17.

¹⁵ В письме от 18 октября 1913 г. из Пулково Аристарх Аполлонович Белопольский писал В.И. Вернадскому: «С интересом прочел Ваши “Письма” и позволю себе с извинениями высказать по поводу прочитанного свои впечатления. Я не могу согласиться с главным Вашим положением, что наука и образование в настоящее время начинают демократизироваться.

Мне кажется, наука (искусство, знание) есть нечто в высшей степени аристократическое – это идеал, к которому стремится бессознательно масса – демос и долго это стремление не сознается, хотя невидимо и прогрессирует. Ведь всякое творчество требует оценки и эту оценку и в древние и в средние века творцы идей находили никак не у демоса, а именно у аристократии – у людей, успевших наследственным, преемственным путем (путем эволюции) достигнуть состояния духа, способного воспринимать идеи творчества. Замечательные идеи и произведения вдохновенного творчества Западной Европы были поддержаны и оценены меценатами аристократии (Греция, Италия). В Англии наука нашла прибежище в аристократических колледжах. Во Франции расцвет наук создан при последних королях в расцвет аристократии, до вступления во власть демократии. Демосу больше было свойственно разрушать, чем созидать. Если в конце XIX и начале XX веков демос начинает чувствовать потребность в знании, в знании чистом без утилитарианства, то это есть признак его аристократизации. Таким образом, если признать прогресс в нравственном развитии толпы (демос), то, по-моему, его справедливее назвать аристократизацией демоса, чем демократизацией науки. Нужно надеяться, что этого рода эволюция и имеет теперь место, а не та, которая именуется регрессом. Мы приветствовали за Дарвиным эволюцию в переходе от простого к сложному (от «обезьяны к человеку»), от простого мужского к сложному женскому организму; от бесформенной туманности к гармоничной сложной системе миров) и отрицали бы обратный ход, т.е. то, что Вы назвали демократизацией. Простите, если мои мысли Вам покажутся слишком чуждыми. Ход

развития их, начиная с университетской скамьи до сего времени, т.е. в течение 40 лет, был вне влияния современной общественной жизни, а потому мои возражения могут Вам показаться дикими... » (Ф. 518. Оп. 3. Д. 16. Л. 1–2).

¹⁶ Очевидно, Вадим Львович Модзалевский.

¹⁷ *Пытин А.Н.* История русской этнографии: В 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1892.

¹⁸ Фраза вписана наверху слева листа 55. В письме от 18 октября 1913 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала В.И. Вернадскому: «Прелестное это местечко. Я теперь гораздо лучше разглядела его, благодаря осени и отсутствию зелени. Вообще очаровательная наша усадьба. Все решительно зовут ее Бутово. Глас народа – глас Божий! По-моему, нужно звать ее Бутово. Купленная нами горка – Бутово, по которой зовется вся местность Бутовой! Что же ты думаешь?» (Ф. 518. Оп. 3. Д. 276. Л. 146–146 об.).

№ 915

23 октября 1913 г. [С.-Петербург]¹

23.X. 913

Дорогая Наталочка, пишу тебе два слова от Петрункевичей, где мы сейчас с Ниночкой² очень хорошо провели вечер. Вчера тетя Дуня³ звонила в большом возбуждении, рассказав о телеграмме, вызвавшей ее в Полтаву. Она решила было ехать в четверг или пятницу, но сейчас мне звонила от нее Катя Кавос сказать, что она лежит, маленькая у нее инфлюенца, и доктор не советует ей выходить. Я пишу эти несколько слов тебе скорее, так как она боится, что ее телеграмма может быть неверно понята. У нее ничего серьезного нет – но ей конечно не следует ехать при нездоровье.

Нежно целую тебя. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Только что звонил Родичев из Думы – вносят законопроект о 100 000 руб. на радиевые исследования Академии наук в связи с моими интервью⁴.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**. Келенский пр., д. Янович, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 57.

¹ Место написания установлено по штемпелю на открытке.

² Н.В. Вернадская.

³ Е.И. Голицына.

⁴ См. коммент. 1 к письму 913 и коммент. 11, 12, 13 к письму 914.

№ 916

4 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 4.XII. 913

Дорогая моя Наталочка!

Вчера просил Нюту¹ послать тебе письма. Сам не хотел писать, так как не писать о Ниночке² не мог, а волновать тебя не хотел. Сегодня все выяснилось и Ниночка здорова, хотя я ее в гимназию не пустил. Дело было вот в чем. Вернувшись из Геологического комитета, я вчера застал Ниночку несколько взволнованной – у нее сильно болело ухо, и она несколько чувствовала себя не по себе. Но уже к обеду ей было много лучше, и она вчера вечером зани-

малась. Сегодня я ее из предосторожности не выпустил, и она веселенькая завтракает сейчас и занимается.

Сейчас я иду в Академию. Все время завален работой. Знаешь, какая неприятность – я не знаю, куда ты дела вырезки из газет для 1913 года по высшему образованию и сами газеты, нигде не могу найти части твоей работы. У меня только есть часть того, что ты еще не брала для работы. А между тем я должен сдать статью завтра-послезавтра. Очень это неприятно и неудобно. Совершенно не могу себе представить, где это у тебя?

Твое письмо к Як. Андр.³ мы с Ниночкой, обсудив, решили не посылать, так как оно так написано, что внесло бы путаницу. Сегодня я переговорю с Я.А. сам – а его пришлось сегодня пригласить, так как он был не предупрежден и оставил свободное время. Ниночка была всем этим очень огорчена, но взяла себя в руки. Очень жаль, что ты не сделала и не устроила это до отъезда, но ничего не поделаешь.

Сейчас ухажу – масса работы – не знаю, как справлюсь. А тут еще возиться с Ненадкевичем, который и болен и находится в тяжелом настроении.

Нежно целую тебя. Поцелуй Марию Ивановну⁴, Маку⁵, Ниночку⁶.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 58–59.

---

¹ А.С.Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Як. Андр., фамилия не установлена.

⁴ Старицкая.

⁵ М.Е. Старицкая.

⁶ Н.Е. Жедринская.

№ 917

4 декабря 1913 г., [С.-Петербург]¹

4.XII. 913

Дорогая моя, сегодня утром послал тебе письмо, а теперь пишу несколько слов, чтобы сказать, что нашел твои вырезки для статьи о высшей школе, уже ими воспользовался и прочел. Нашла Ньюта². Очень тебя благодарю за аккуратность. Кроме них, еще столько же было не наклеенных и вырезанных. Мне кажется, у меня статья будет интересная³.

Сегодня переговорил с Я.А.⁴ Он будет приходиться через неделю. За урок – дешево – 3 руб. Он доволен Ниночкой⁵.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 59а.

---

¹ Письмо написано в Петербурге, что следует из его содержания.

² А.С. Короленко.

³ *Вернадский В.И.* Высшая школа и научные организации // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 г. СПб., 1913.

⁴ Я.А., вероятно Яков Андреевич, фамилия не установлена.

⁵ Н.В. Вернадская.

7 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 7.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, эти дни совершенно затуркался и не писал. Едва справляюсь со всякими делами, а тут еще приходится видеть много народа. Кончил статью для ежегодника «Речи» о высшей школе в России в 1913 году¹. Мне кажется, что мне удалось затронуть интересные вопросы (о студенчестве). Я диаметрально не согласен с Сергеем², читал ему отрывки – он не согласен, но находит интересными. Сегодня суббота – но у нас были только Гуля³ с женой³ и Паша⁴ – Сергей лежит и Адя⁵ оказывается также болен. Сегодня было заседание Академии: выбирали академиком сверхштатным П.Г. Виноградова! Я попал сегодня в комиссию междуведомственную по вопросу о создании национального музея в Москве – новая работа. Сегодня ко мне явился Лутугин от имени группы Совета Вольного экономического общества предлагать мне быть президентом Вольно-экономического общества. Я, конечно, отказался самым решительным образом.

Мы были как-то у Оли⁶. Она очень нехорошо выглядит и так тяжела ее жизнь. Сегодня у нее Нюта⁷ вечером, но Оля как-то странно отнеслась к ее желанию приехать – сперва отказала, а потом сказала, что Нюта узнает у швейцара, примет ли ее Оля, но чтобы она непременно приехала. А между тем в четверг она говорила о самоубийстве (по поводу нашей Надежды Константиновны⁸) очень странно. Всё это очень тяжело.

В субботу Елизавета Дмитриевна⁹ взяла билеты для нас с Ниночкой¹⁰ и Нютой на концерт Ландовской, туда оказывается идет и Гуля. Сейчас его жена в большом волнении. Она недовольна Морским, хочет менять, боится, не решается и всячески встревожена. Доломанова ее отговорила и наговорила на Морского и т.д. В общем она в чрезвычайном затруднении. Я вчера слышал ее пение и очень был удивлен – у нее **очень** приятный голос, чего никак нельзя было ожидать по тембру ее разговора. Знаешь, мне открылась новая сторона в жизни Гули – я думаю, что голос Нины и ее музыкальность играли и играют огромную роль в их сближении, и я как-то больше понял их совместное сближение. Голос у нее несомненно очень хороший – не знаю, насколько сильный.

Всю эту неделю у нас сутолока – завтра вечером мы у Петрункевичей, завтра днем я с Елизаветой Дмитриевной делаю корректуры, которые страшно сейчас трудные и без Ревуцкой я никак не мог бы справиться. В понедельник у меня обед – приехал Сергей Платонович¹¹ из Новой Александрии – будут он, Елизавета Дмитриевна, А.Е. Орловский, может быть, Ненадкевич или Линденер. Ненадкевич всё еще нездоров. Во вторник вечером у нас Лаппа¹². В четверг обед, где будут Дьяконов, Гуля, Иван¹³, в субботу концерт Ландовской. А в промежутке масса спешных дел – доклад о Ломоносовском институте¹⁴ (Кассо задержал и Чернышев считает дело для этого года пропавшим), затем приходится готовить статью для «Русских ведомостей»¹⁵ и отделять первую главу для «Русской мысли» моих очерков по истории науки¹⁶ и свою автобиографию для академического словаря¹⁷. А я как-то забыл все вехи своей жизни, путаю года.

Сегодня был у меня Н.Фед. Михайлов – сговорились, и я отказался от хроники высшей школы – как и раньше ему это говорил. Буду продолжать мои «Письма о высшей школе»¹⁸. Сегодня решительно отказался дать статью о Г.Н. Вырубове для «Русской мысли». Любопытная и интересная фигура, но я не могу сказать о нем одно хорошее. Фигура странная, но очень недюженная. Уговорил Струве поручить ее Агафонову, от которого имею тяжелое письмо: его материальное положение трагическое. Теперь он жалеет «Речь», когда должно быть поздно.

У меня был как-то Д.И. Иловайский. Он думал, что я **обиделся** за его письмо. Какие странные люди!

Ниночка молодцом, моя драгоценная. Вести ее к доктору нет надобности – она совсем здорова. А на ухо она исключительно обращает внимание из-за твоего воспитания и воспоминания о скарлатине. Вчера она была в Сестрорецке и вернулась восхищенная.

Нежно и горячо тебя обнимаю. Поцелуй Нину¹⁹, Маку²⁰, Марию Ивановну²¹, Георгия²².

Паша читал твое письмо. Он в бодром, хорошем настроении.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 57. Л. 60–61.

¹ См. коммент. 3 к письму 917.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Г.В. и Н.В. Вернадские.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ О.И. Алексеева.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ Надежда Константиновна, личность установить не удалось.

⁹ Ревуцкая.

¹⁰ Н.В. Вернадская.

¹¹ Попов.

¹² Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский.

¹³ И.М. Гревс.

¹⁴ См. коммент. 3 к письму 903.

¹⁵ *Вернадский В.И.* Высшая школа перед 1914 годом // Русские ведомости. 1914. № 1, 1 янв.

¹⁶ *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII веке // Русская мысль. 1914. № 1. С. 1–23.

¹⁷ См.коммент. 4 к письму 913.

¹⁸ *Вернадский В.И.* Высшая школа в России // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. Пг., 1914. С. 303–325.

¹⁹ Н.Е. Жедринская.

²⁰ М.Е.Старицкая.

²¹ Старицкая.

²² Г.Е. Старицкий.

10 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 10.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, сегодня мы были несколько встревожены телеграммой вчерашней твоей с Ниной¹, которую Паша² вчера прозвонил около 11 ночи. Сегодня он не сообщил нам благоприятных телеграмм до моего возвращения к обеду, когда я сам позвонил ему и немного с ним поссорился за невнимательность. Я ему тоже советовал заканчивать спокойно его дела, он сейчас представителем Морского министерства в очень важной комиссии о металлическом голоде. Завтра утром начинается приемка коллекции Кочубея. Очень подвигается теперь вопрос о радиевых суммах. Есть полное согласие Коковцова³: таким образом начнется новое дело, и я смотрю вперед с некоторой опаской, но спокойно. Это время как-то очень завален работой. Сегодня закончил начало своей статьи в «Русской мысли»⁴ – то, что ты читала, отдал. Завтра отвезу или пошлю в «Русскую мысль». Мне кажется, кое-что удалось, но очень много повторяется, но сейчас отделать иначе нет времени, да и вообще не смогу.

Нюта⁵ пошла сейчал в заседание. Ниночка⁶ рядом учит наизусть какие-то французские басни. Жду к себе Лаппу и Гулю⁷.

Нежно и горячо целую тебя, Нину⁸, Маку⁹, Марию Ивановну¹⁰. Пожалуйста, будь осторожна. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, кв. М.И. Старицкой, Келенский пр., 25, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 57. Л. 63.

¹ Н.Е. Жедринская.² П.Е.Старицкий.³ Владимир Николаевич Коковцов в это время был министров финансов (1904–1914).⁴ См. коммент. 17 к письму 918.⁵ А.С. Короленко.⁶ Н.В. Вернадская.⁷ Г.В. Вернадский.⁸ Н.Е. Жедринская.⁹ М.Е.Старицкая.¹⁰ Старицкая.

12 декабря 1913 г., С.-Петербург

СПб., 12.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, только что ушли Иван¹, Гуля², Дьяконов, которые обедали. Было как-то не очень интересно, немножко *kleinbürgerlich*³ в разговоре. Сегодня вечером у Нюты⁴ будут Чертков и толстовцы – я должно быть не выйду, не в очень большом расположении – будет Нюта играть. Ниночка⁵ и Нюта здоровы. Я как-то не могу войти в колею с своей работой, ничего не успеваю и время как-то расходуется. У нас идет энергичная приемка коллекции

Кочубея, но я мало в ней участвую. Главная работа лежит на Ферсмани и его товарищах. Паша⁶ уезжает завтра вечером, собственно говоря ему еще надо было остаться, но ваши телеграммы такие неясные, что я согласен с ним, что при их наличии лучше ему выехать, тем более, что и сам он рвется в Полтаву.

Я постараюсь завтра достать денег тебе из Академии, и ты выходи В.С.⁷, – я из своих не могу сейчас. Я получил из «Речи» 43 руб. и 100 руб. из «Русской мысли». А ты ведь ничего не оставила: что-то говорил кто-то, что ты оставила Гуле, но я не знаю и забыл его спросить. Я думаю, что сейчас должны выдавать, а затем 20. XII можно будет получить. «Русские ведомости» упорно молчат и не высылают.

Конечно, неизвестно, как всё сложится, но я чувствую большую потребность в отдыхе. Очень устал. Может быть дней на 5–6 уеду куда-нибудь с Ниночкой – должно быть около 1 января – в Псков – Новгород или Або – Гельсингфорс. Отложил свой доклад в Минералогическом обществе на после Рождества – взялся прочесть Андрусов.

Сейчас может быть в связи с тем, что сдавал и отделывал статью для «Русской мысли» – очень поглощен XVIII веком⁸. А надо было бы другое. Но даже, если внешне будешь хозяином своей мысли, внутри будет идти другая работа.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, квартира М.И. Старицкой, Келенский пр., д. Янович, 25, **Полтава**⁹.

Оп. 7. Д. 57. Л. 62.

¹ И.М. Гревс.

² Г.В. Вернадский.

³ Kleinbürgerlich (нем.) – мелкобуржуазный.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ В.С., личность не установлена.

⁸ См. коммент. 17 к письму 918.

⁹ Адрес исправлен: «С.-Петербург, Васильевский остров, 14 линия, д. 68, кв. 5». Очевидно, Н.Е. Вернадская вернулась домой.

№ 921

14 декабря 1913 г., [С.-Петербург]¹

14.XII. 913

Дорогая моя Наталочка,

это письмо, вероятно, придет позже приезда Паши², который сегодня выезжает. Ваша телеграмма его едва ли здесь сейчас задержит. Пишу тебе несколько слов перед уходом на концерт. У нас суббота, но пообедали только Гуля³ с женой⁴ и Всеволод Кудрявцев, который очень просил тебе кланяться. Сергей⁵ и Адя⁶ простужены и больны, а Паша должно быть был на заседа-

нии. Сейчас Нина – Гулина жена пошла за Катей Гревс, которая тоже идет в концерт, Гуля с Ниночкой поехали за ее очками, у Нюты⁷ сейчас Довоман и какая-то певица (хорошая) – репетиция – но я боюсь, что Нюта опоздает к Ландовской. Вчера Сергиев нашел у Ниночки небольшое ухудшение близорукого глаза, другой он решительно считает нормальным. Очки оставил те же, так как у нее оказались обе пары очков сломанными, я решительно настоял, чтобы Нина поехала их взять сегодня же. Он нашел, что расстояние между глазами увеличилось на 2^{mm} (?). Ездил с Ниночкой Нюта, и обе они говорят то же самое.

Денег тебе не высылаю, так как получу только 20-го. Из «Русских вестей» прислали что-то исключительно много, гораздо больше платят, чем в «Речи» – больше 80 рублей за эти две статьи. Но эти деньги тебя бы не устроили. Возьми сейчас у Паши (мы с ним так и сговорились) рублей 200, а я после 20-го могу сейчас их прислать.

Сейчас опять увлекаюсь своими «Очерками по истории естествознания в России»⁸, много является мыслей и начинаю сводить работу. В этом отношении полезно помещение в «Русской мысли»⁹, так как иначе, думаю, никогда бы не обработал «Очерки». В лаборатории всё время работа шла плохо и только сегодня я хорошо работал.

Завтра вечером у меня собираются мои минералоги. Был сегодня не очень приятный разговор с Ненадкевичем, которого не хочется огорчать, но никак нельзя. Он все хотел мне объяснить, почему он не хочет быть завтра, но я ему говорил, что убеждать его не хочу и не могу, но с его эгоизмом не согласен и считаю его ложным. В конце концов – *deux coqs*¹⁰ – он и Ферсман...

Получил приглашение в организационный комитет 1-го Всероссийского съезда по раковым болезням! Вот уже никак не мог думать, что когда бы то ни было попаду в такого рода дела. Сейчас начнется у меня довольно горячая работа с организацией радиевых исследований. Будет очень нелегко. Звонила вчера Анна Сергеевна¹¹: оба ее сына хотят ехать, не знаю, удастся ли их устроить.

Надо кончать и идти.

Нежно и горячо целую тебя. Поцелуй Нину¹², Георгия¹³, Маку¹⁴, Пашу, Марию Ивановну¹⁵. Передай Марин Ивановне, что я с большой и глубокой любовью о ней все время думаю.

От Маки получил очень важное письмо (отчего она мне пишет Вы?). Постараюсь сделать для ее *protege*¹⁶, что могу.

Нежно целую.

Твой Владимир

Андрусов меня спас – вместо меня делает доклад в Минералогическом обществе. А я буду делать доклад о радиии после Рождества. Переработаю то, что говорил в Москве.

Оп. 7. Д. 57. Л. 64–65.

¹ Письмо написано в С.-Петербурге, что следует из его содержания.

² П.Е. Старицкий.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ А.С. Короленко.

⁸ Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988.

⁹ См.коммент. 17 к письму 918.

¹⁰ два петуха (фр.).

¹¹ Милокова и ее сыновья: Сергей Павлович и Николай Павлович.

¹² Н.Е. Жердинская.

¹³ Г.Е.Старицкий.

¹⁴ М.Е. Старицкая.

¹⁵ Старицкая.

¹⁶ Протеже (фр.), пользующийся покровительством.

№ 922

16 декабря 1913 г.; С.-Петербург

С.-Петербург, 16.XII. 913

Дорогая моя Наталочка, у нас в общем все сейчас благополучно. Ниночка¹ пошла на репетицию по геометрии; вчера она позже легла и вообще завоевала теперь более позднее окончание дня. Да она уже и большая и хорошо занимается и думает. Мне очень бы хотелось с ней уехать на несколько дней или в Або – Гельсингфорс или в Псков – Новгород. Может быть 31.XII–6.1. 8-го и 9-го января у меня важные заседания. А тут я вдруг получил письмо от Кассо, в котором он пишет, что в начале января он хочет созвать совещание о ради и спрашивает меня, согласен ли я на нем быть! Я отвечаю сегодня, что вполне готов, но прошу известить заранее, так как думал уехать на несколько дней в январе. Как-то ничего не успеваю сделать и это очень тяжело.

Очень тяжело и состояние настроения Ненадкевича, который меня очень беспокоит. Сегодня окончательная приемка коллекции Кочубея: всё оказалось в целости, кроме пропавшего ящика. С коллекцией Кочубея и организацией радиевой экспедиции вся работа нашего музея принимает иной вид, и я не знаю, как мы со всем этим справимся.

Начал было писать тебе на этой закрытое и вдруг увидел, что опять пишу мелко, а нет места для дальнейшего. Напишу больше завтра или сегодня же.

Нежно целую тебя и всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, квартира **М.И. Старицкой**, Келенский пр., 25, **Полтава**².

Оп. 7. Д. 57. Л. 66.

¹ Н.В. Вернадская.

² Адрес исправлен: «С.-Петербург, Васильевский остров, 14 линия, д. 45, кв. 5». Очевидно, Н.Е. Вернадская вернулась домой.

№ 923

2 февраля 1914 г., Выборг

Выборг, 25.II. 914

Дорогая моя Наталочка, как я писал вчера Нинуле¹, я попал не в «Carelin» (где все было занято), а в Hotel «Continental». Адрес: Выборг, Hotel «Continental». Устроился хорошо, тихо. Гуляю и работаю. Сделал меньше, чем думал, кое-что из нужного забыл. Чувствую себя хорошо.

Нежно вас всех моих дорогих обнимаю.

Твой Владимир

Адрес: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 14 линия, 45. **Петербург**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 1.

---

¹ Н.В. Вернадской.

№ 924

27 марта 1914 г., С.-Петербург

СПб., 27.III. 914

Дорогая моя Наталочка, вчера не успел тебе написать и пишу сегодня утром. Вчера у меня был тяжелый день. Утром до 2 часов я был в лаборатории, где меня сильно донимали телефонами [вечером] был в таможне – получал токарный станок). В 2^{1/2} – комиссия по Музею и Ломоносовскому институту, и хотя я пришел минут на 5 позже, за мной уже посылали. Кончилась комиссия в 6^{3/4} вечера! В общем мы закончили эту первую стадию. Министерство народного просвещения демонстративно нас поддерживало. Но мы разошлись с представителями Государственного контроля и Министерства финансов – не сошлись на площадях квартир. Для академиков настаивали 80 кв. сажень. Я в общем считал бы достаточной и те 70 кв. сажень, на которые соглашались представители ведомств, но Голицын и Вальден уперлись: выяснилось, что в Министерстве народного просвещения давно установился обычай, что всегда должность IV класса (ректора университетов, директора [музеев] и т.д.) имеют квартиры 70–80 кв. сажень, и они считали невозможным понижать квартиры академиков-директоров музеев (то же IV класса!). Затем уже по моему настоянию мы не согласились на слишком большое сокращение площади квартир лаборантов и ассистентов. Во всяком случае, дело двинуто, и, если пойдет все гладко, то через 5 лет будет всё закончено!

Вернулся домой, пообедал и отправился в музей, где меня ждала Елизавета Дмитриевна¹. Мы с ней заканчивали проверку работ Еремеева, биографический очерк которого я вчера закончил в лаборатории, где среди работы вел корректуры и переписку. Оттуда надо было ехать на ужин Лучицкого. Немного не окончили с Елизаветой Дмитриевной, но я спешил скорее в ресторан, опоздал на 1/4 часа, а ждал ужина и Лучицкого с К^о почти час! Разговаривал с Кауфманом, Андрусовым и т.д. Довольно-таки это было бестолково.

Кончаю здесь среди работы. На ужине было скучновато. Гуля² нашел, что ничего не дурно, но мне было скучно. Ушел с Сергеем³ раньше и попал домой в 1^{1/2} ночи!

Дома не очень хорошо. Нюта⁴ была у Арронета – он нашел, что затронуто правое легкое. Я не был с Нютой и говорил по телефону, потом с Арронетом: он находит, что небольшой катар в верхнем правом легком. Надо очень быть осторожной, прописал режим, гвоякол⁵... Вчера Нюте было хуже, и температура была около 38°, и она была слаба, плохо спала, сегодня утром она говорила, что температура нормальная. Арронет настаивает, чтобы Нюта лежала в постели, пока температура⁶ повышенная. Есть основание думать, что это инфлюенца, так как и я сейчас себя плохо чувствую, охрип и т.д., и Ниночка⁷ жалуется, и Прасковья Кирилловна⁸. Арронет очень советует Нюте вести более правильный и тихий образ жизни, находит, что нужно поднять питание. Лето в Полтавской губернии находит очень хорошо. Прописал и мышьяк.

Вчера мне говорил Гамбаров, который страшно постарел, что Петрушевский официально утвержден профессором в Политехникуме, странным образом с 1 июля; получена уже и официальная бумага. Я очень рад за него, если успею, ему напишу.

Сюда приехала Анна Руф.⁹, сегодня она и Елизавета Дмитриевна у нас обедают. Вечером у меня Грушевский. Как-то я совсем не смогу справиться с <о> временем.

Нежно целую.

Твой Владимир

Целую всех наших и Марии Ивановне¹⁰ самый нежный привет.

Оп. 7. Д. 58. Л. 2–3.

¹ Ревуцкая.

² Г.В. Вернадский.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ А.С. Короленко.

⁵ Название лекарства: гвоякол.

⁶ «Температура» в тексте письма обозначена – «t°».

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Казакова.

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Старицкая.

№ 925

30 марта 1914 г., С.-Петербург

СПб., 30.III. 914, утро

Дорогая моя Наталочка, так тяжело должно быть теперь тебе в Полтаве¹. И в то же время ясно чувствуется, что мы с тобой подошли к той грани жизни, где окончательно уходит предшествовавшее нам поколение, и мы стали на очередь конца жизни. И если мы прожили жизнь сознательно, дали всё, что нам она могла поставить на испытание, то мы должны и здесь отнестись к ее велениям спокойно и сознательно. Уход поколения перед нами не может

сейчас не считается неизбежным и вполне оправдываемым жизнью. Конечно, отсюда не вытечет, чтобы его было легко пережить и мало изменится чувство, но легче с ним примириться.

Я очень потрясен самоубийством молодого Семенченко: как-то нельзя примириться с этим фактом безумного легкомыслия. Ты знаешь, что мое отношение к самоубийствам молодежи находится в резком противоречии с тем, что сейчас переживается в обществе. Для меня это лица, память о которых не возбуждает во мне ничего, кроме самых отрицательных переживаний; культура самоубийц я не понимаю: считаю, что в подавляющем большинстве уходят из жизни люди низшей расы и что может быть в конце концов и лучше, что они ушли, ибо они были бы в жизни вредны или не нужны. Но мне глубоко жаль окружающих и всегда есть сомнение, не было ли совершено самоубийство в припадке болезни, каким, например, было самоубийство молодого Фаусёка, болезни минутной и недолговечной. Мне кажется, самоубийство молодых не есть случайное явление и не связано только с жизнью нашего общества. Оно тесно связано с ростом культуры, с появлением в общественной среде людей с огромным нравственным и здоровым чувством общественности, проникнутых чувством жизни и ее осознанностью. Всегда при этом появляются и люди обратного направления, для которых недоступно чувство жизни, которые лишены любви к ближним и из которых формируются ряды самоубийц и профессиональных преступников. При росте целого, при отклонении – исключительном – в одну сторону, идут и отклонения и в другую. Таланты и гении имеют противовес в кретинах и идиотах. Люди, творящие жизнь общества и проникнутые ее чувством, имеют себе противовесом те кадры, откуда формируются самоубийцы. А всё же очень трудно примиряться в отдельных конкретных случаях и всегда остается вопрос о непреложности данного фатума...

Вчера был Ушинский и внимательно отнесся к Нютиной² болезни. Он в общем подтвердил диагноз Арронета. Нашел, что в верхушке правого легкого процесс закончился и уже зарубцевалось, в левом же процесс еще идет, с этим он связывает повышение температуры³. Ничего угрожающего он не видит, находит у Нюты сильное малокровие, советует усилить питание, советует ввести мясо, первое время покойную жизнь, прогулки, теплые ванны 2 раза в неделю, мышьяк и лучшее питание. Организм считает здоровым.

Ниночка⁴ себя чувствует недурно; сейчас она поздно встала и читает газеты и физику.

Я чувствую себя так себе. Простуда еще не прошла, но я надеюсь скоро пройдет, так как сегодня мне лучше. Совершенно задавлен набранной работой.

Не помню, писал ли тебе, что у меня был целый вечер М.С. Грушевский. Мы с ним очень много и хорошо говорили, и я надеюсь, что у нас завязалась связь надолго.

Нежно тебя и всех наших целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 58. Л. 4–5.

¹ В Полтаве тяжело болела мать Наталии Егоровны Мария Ивановна Старицкая, которая скончалась 12 апреля 1914 г.

² А.С. Короленко.

³ «Температура» в тексте письма обозначена – «т».

⁴ Н.В. Вернадская.

31 марта 1914 г., С.-Петербург

СПб., 31.III. 914

Дорогая моя Наталочка, часто и мыслью и сердцем с тобою. Мне кажется, ты переживаешь сейчас не только Горе – но и какое-то торжественное чувство. Странно, это Горе, в этой обстановке имеет черты, которые не делают его особенно тяжким по бессмысленности. Здесь есть элемент сознаваемой естественности...

Сейчас у нас как-то не очень ладно. И Ньюта¹ сегодня не очень хорошо себя чувствует; температура не очень высокая – 37,3 – 37,4 и плохо спала. И я порядочно расклеился, температура пустяшная – 37,1, но плохое самочувствие и хриплю. Я сегодня не выходил и не выйду, должно быть завтра. А в четверг я должен читать² на раковом съезде³!

Сегодня у меня целый день разные люди – были Отоцкий и Ярилов в связи с почвенными делами. Сейчас какое-то нервное настроение и во всех обществах поднимается волна ссор, на почве «борьбы за права». Затем сейчас был Данша – директор лаборатории радиевой в Варшаве, обедала Елизавета Дмитриевна⁴, с которой у меня была работа. А во время обеда явился «Доря» Дейш – теперь инженер-гидравлик. Новое поколение выросло.

Ниночка⁵ сейчас сидит читает и отдыхает. У нее была репетиция по физике, а завтра рукоделие и русский. Она сейчас ничего, но мне кажется, и у нее есть маленькая инфлюенца.

Нежно тебя обнимаю и всех вас, мои дорогие.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, квартира М.И. Старицкой, Келенский пр., 25. **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 6.

¹ А.С. Короленко.

² *Вернадский В.И.* О нахождении радиевых руд в России // Труды «Первого Всероссийского съезда по борьбе с раковыми заболеваниями». Пг., 1915. С. 313–314.

³ Первый Всероссийский съезд по борьбе с раковыми заболеваниями проходил в С.-Петербурге с 31 марта по 3 апреля 1914 г.

⁴ Ревуцкая.

⁵ Н.В. Вернадская.

2 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 2.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, сегодня я вышел после двух дней сиденья. Моя инфлюенца прошла, осталась некоторая слабость. Было заседание Академии, сейчас после обеда поеду в Докучаевский почвенный комитет.

Ниночка¹ сегодня идет к Малаховой, какой-то подруге, где она не была. По-видимому, сейчас усердно их подгоняют. Сегодня они были в гимназии Гедды, где им показывали опыты по оптике, которые не были показаны в гимназии.

Нюточке² сегодня опять хуже. Может быть мы напрасно ее выпускали на воздух – сейчас очень скверная погода – ясная с ветром, идет лед. Сегодня у нее температура до 37,8 и слабость. Она страстно хочет выздороветь для своих музыкальных дел и исполняет всё. Так это всё тяжело. Если ей не будет лучше, завтра буду говорить с Ушинским.

От Оли³ (которая хотела сейчас к нам приехать) я узнал, что ты была нездорова. Отчего ты нам не написала. Это так нехорошо. Можно было догадываться по твоим письмам, но этого делать не надо.

Так все тяжело кругом, но я как-то ярко чувствую силу и смысл (хотя мне он для жизни не нужен) жизни, и тяжесть ее меня не тяготит.

Хозяину сказал об отъезде. Саша Зарудный будет у меня завтра.

Нежно всех целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, кв. М.И. Старицкой, Келенский просп., 25 (д. Любошинского), **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 7.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ О.И. Алексеева.

№ 928

3 апреля 1914 г., С.-Петербург

3.IV. 914, СПб.

Дорогая моя Наталочка, сегодня я говорил утром на раковом съезде¹ – не знаю как. На съезде очень сильное течение против лечения радием и рентгенизацией, но течение, на вид, довольно легкомысленное, так как основано не на опыте. По-видимому, поразительно мало знаний в этой области, сейчас в Петербурге, говорят, можно видеть новое и интересное в этой области только в Елисеевской больнице в Лесном. На съезде рассказывают, что в Военно-медицинской академии вся установка производит печальное впечатление. Очень сильно выступают хирурги против радия. Днем работал в лаборатории после долгого перерыва. Чувствую себя недурно, но слабость неприятна.

Нюточка² лежит и волнуется, что не сможет играть 20.IV. в Музыкальном институте. Вчера ее выбрали туда преподавательницей арфы. Ужасно это будет тяжело, если у нее не хватит сил, как раз в тот момент, когда перед ней открывается новая дорога! Она на вид нехороша. Сегодня температура всё повышенная 37,3–37,5. Может быть завтра буду говорить с Ушинским, что делать.

Ниночка³ веселенькая. Сейчас у нее...⁴, и они рядом болтают. На съезде видел Меркулова – он так изменился, что я его не сразу узнал. Время бежит...

Нежно и горячо вас всех обнимаю. Нежно целую.

Твой Владимир

Как твоё здоровье? Конечно, я вполне сочувствую тому, что ты осталась в Полтаве на Пасху.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, квартира М.И.Старицкой, Келенский пр., 25, **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 8.

---

¹ См. коммент. 2, 3 к письму 926.

² А.С. Короленко.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Имя написано неразборчиво.

№ 929

5 апреля 1914 г., С.-Петербург

5.IV. 914, СПб., утро

Дорогая моя Наталочка, у нас все по-прежнему – не особенно хорошо. Нюта¹ большей частью лежит и температура у нее днем, а иногда и вечером повышенная. Меня это беспокоит и сегодня днем придет Ушинский. А между тем сейчас ей так хочется поправиться, и она старается бедненькая все делать, что указывают. Она очень занята своим выбором в Музыкальный институт и полна планов.

Ниночка² молодцом. Удивительно она быстро становится и по виду не девочкой, а расцветает в девушку. Мне кажется, ты найдешь в ней, как это ни странно, огромную перемену. И прелестная из нее вышла девушка. Она занимается не очень много, но много у нее всяких желаний и мысли. Так она часто – порошок, вспыхивает и стремится защищать свою самостоятельность. Однако и фактически приходится считаться с ее ростом.

Вчера у меня были Саша³ и Иван⁴, и она все время сидела с нами. Разговор был близкий, интимный, усталый. И я не знал, потеря ли это для нее времени или более крепкое завязывание ее личности с нашим прошлым и настоящим. А ей все кажется, что слушать разговоры – это входить во что-то большое и важное и не есть трата времени. Вспоминаю и свое прошлое, когда не в такой степени, мне казалось то же самое.

В банке не был – буду после праздников. Проценты, конечно, Паше⁵ надо заплатить, и я был уверен, что ты их сочла. Как жаль, что сразу не рассчитали правильно долгов и платежей. Вероятно, придется отложить теперь уплату Колиного капитала⁶.

Сейчас я начинаю входить в большую работу, которая лежит на мне в связи с обзором 25-летия Академии наук⁷. Масса работы и мало сделано.

А тут новое дело и опять неотложное. В среду я (и Карпинский подписал) поднял в заседании Академии вопрос об исследовании вновь открытых у берегов Сибири земель. Мы с Карпинским заявили, что внесем 30 апреля (ближайшее заседание) особую записку⁸. Поводом послужила записка Толмачева⁹ о подготовительных работах для таких исследований, которую я поддержал. Я считаю, что это исследование должно быть организовано Академией наук. Вероятно, это начало большого дела, которое не только потребует больших –

и очень – средств, но и большой организации. Помимо огромного научного интереса, я считаю, что вопрос имеет и интерес государственный, так как совершенно не безразлично, кому будут принадлежать области около Сибири. А между тем и так архипелаг около о. Врангеля принадлежит Соединенным Штатам! Кажется, вся карта около Челюскина мыса неверна: тут, говорят, целый архипелаг.

Жизнь неуклонно ведет меня не к тому, к чему у меня интерес и способности. Приходится заниматься организаторской деятельностью. Ничего не поделаешь. Конечно, если бы был жив Чернышев – это легло бы на него...¹⁰

Сейчас иду в лаборатории, вернусь раньше, так как к 4 часам дня будет Ушинский.

Нежно и горячо обнимаю всех. Нежно тебя целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 58. Л. 9–10.

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Александр Сергеевич Зарудный.

⁴ И.М. Гревс.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Капитал умершего сводного брата В.И. Вернадского Николая Ивановича Вернадского.

⁷ См. коммент. 5 к письму 913.

⁸ *Вернадский В.И., Карпинский А.П.* Об исследовании вновь открытых земель у северного побережья Сибири // Известия АН. 6 сер. 1914, № 14. Т. 8. С. 1073–1074.

⁹ Толмачев.

¹⁰ Феодосий Николаевич Чернышев умер 2 января 1914 г., вместо него В.И. Вернадский стал директором Геологического и минералогического музея им. Петра Великого Академии наук, до этого он возглавлял только минералогическое отделение музея.

№ 930

7 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 7.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, у нас все по-прежнему, не очень хорошо. Ниночка¹ весела, здорова, учится и полна жизни, но здоровье Нюты² не лучше, большая слабость, она почти все время лежит и температура не понижается, днем 37,4–37,6. Очень ей тяжела эта болезнь, особенно теперь, когда перед ней так многое открылось. Многие советуют ей уехать в санаторий, но ни Арронет, ни Ушинский на этом не настаивают и говорят, что это, конечно, хорошо, но надобности особой нет. Она тебе и не пишет, потому что ей сейчас все это очень трудно.

Вчера с Ниночкой были у Оли³. Теперь Б.⁴ к ней часто заезжает, один. Я боюсь, что это является следствием того, что Оля должна скоро получить деньги... Сегодня звонила Мадлена⁵, приехала Е.И.⁶ в субботу и чувствует себя не скверно. Я к ней заеду должно быть завтра: у меня опять ревматизм, должно быть моя инфлюенца перешла теперь в ноги. Я принял вчера салициловый натр и приму вечером. Очень неприятны эти глупые боли. Масса рабо-

ты и мало успеваю. Вчера с Ниной были перед Олей у Петрункевичей – Иван Ильич все еще не вполне поправился.

Нежно целую всех.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне Вернадской, кв. М.И. Старицкой, Келенский пр., 25 (д. Любошинских), Полтава.

Оп. 7. Д. 58. Л. 11.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ О.И. Алексеева.

⁴ Борис Кирович Алексеев.

⁵ Возможно, прислуга у Е.И. Голицыной.

⁶ Евдокия Ивановна Голицына.

№ 931

9 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 9.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, у нас все по-прежнему. Нюте¹ не лучше, а может быть даже несколько хуже, она, во всяком случае, слабее. Температура не понижается. Думается, что следовало бы еще с кем-нибудь посоветоваться, но в С.-Петербурге даже не знаешь, с кем. Ниночка² весела и хорошо себя чувствует. Мой ревматизм так себе. «Салицилка» помогает.

Вчера мы были с Ниночкой у Евдокии Ивановны³. Она трогательно жалкая – перед открывающимся для нее порогом ухода из жизни. Ждет конца. Очень хорошо, что и ты и Нина⁴ ей пишете. Я думаю, что она давно со всем примирилась и ничем не будет потрясена.

Сейчас все больше захватываюсь работой по историческому очерку Академии⁵, но пока сделал очень мало и не знаю, как справлюсь. Может быть стоило бы потом уехать куда-нибудь отработать (например, в Бати-лиман).

Нежно целую всех. Обнимаю тебя.

Твой Владимир

P.S. Только что звонила Евдокия Ивановна. Очень она потрясена письмом Нины о том, что Марии Ивановне⁶ хуже и что ждут конца и страшно огорчена, что послала утром посылку с безделушками и какими-то глупостями (так говорила), написанными Катей Кавос. Просит написать. Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне Вернадской, кв. М.И. Старицкой, Келенский пр., 25 (д. Любошинских), Полтава.

Оп. 7. Д. 58. Л. 11а.

---

¹ А.С. Короленко.

² Н.В. Вернадская.

³ Голицына.

⁴ Н.Е. Жедринская.

⁵ См. коммент. 5 к письму 913.

⁶ Старицкая.

11 апреля 1914 г., С.-Петербург

СПб., 11.IV. 914

Дорогая моя Наталочка, вчера не писал – сейчас масса всякой возни, да и я не чувствую себя очень бодрым – сильно устаю. С деньгами нельзя переделывать, тем более, что я из твоих писем ничего не понимаю: вместо цифр, ты мне пишешь какие-то указания, что надо купить то-то и то-то и так далее. Это ведь ничего не дает¹. Я возьму 2200; можно отложить возвращение 2000 руб. Колиного долга², и я бы отложил постройку в Крыму. Брать больше – труднее будет справиться с годовыми платежами.

Ниночка³ вчера тебе писала о Мокиевском⁴. Он очень советует Нюте⁵ ехать на кумыс летом; подтвердил диагноз Ушинского; Арронет всё напутал! Мокиевский считает, что Ереськи не очень полезны, по его мнению, там как-то слишком много туберкулезных. Конечно, если не ехать на кумыс, можно устроить режим и в Ереськах. Он указал на диету и дал указания Нюте, как вести себя (клизмы и т.п.) в связи с желудком: находит некоторое раздражение около аппендикса и думает, что надо принять меры. Он не думает, чтобы температура была связана с желудочным заболеванием. Нюте и он считает мясную пищу полезной. Ниночка стала есть мясо – очень изголодалась и сейчас в связи с экзаменами у нее большой аппетит. Она молодец, прилежная девочка. Сейчас (7 часов вечера) еду к Левинсон-Лессингу в Лесное. Очень устал, но обещал и ничего не подделаешь. Заедет за мной Андрусов.

Нежно и горячо обнимаю всех. Нежно целую.

Твой Владимир

P.S. Нюте немного было лучше, но сейчас опять температура поднялась до 37,6.

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, кварт. М.И. Старицкой. Келенский пр., д.25 (Любошинской), **Полтава**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 12.

¹ В письме от 9 апреля 1914 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Теперь опять относительно денег. Я себя чувствую очень виноватой перед тобой, что прибавила тебе хлопот, неверно рассчитав долги, но если возможно, постарайся увеличить сумму займа. В Бутове еще постройка не кончена и обзаведение (лошадь, корова, бричка, ванна, W.C. и пр. и пр.), кроме того, % архитекторский Фролову. Затем Паше % за капитал. Крымский домик не перейдет сметы, но тоже нужно будет 10% уплатить Фролову! Я боюсь дотрагиваться до этих денежных вопросов, чтобы тебя не утомлять ими, когда ты так занят и пережат делами, но я думаю, лучше теперь, если возможно увеличить сразу долг, чтоб свести концы с концами и все дела привести в порядок. Еще раз очень прошу прощения, что неверно рассчитала и увеличила этим твои хлопоты, и, если возможно, возьми сразу больше» (Ф. 618. Оп. 3. Д. 277. Л. 41–41об.).

² См. коммент. 6 к письму 929.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Упомянутое письмо в личном фонде В.И.Вернадского не сохранилось.

⁵ А.С. Короленко.

№ 933

2 января 1916 г., Гельсингфорс

Гельсингфорс, 2.I. 916

Дорогая моя Наталочка, не писал тебе, так как письма идут долго. И сейчас не знаю, когда ты получишь это письмо. Сегодня уезжаю курьерским (взял спальное место) в Усикирку¹, где пробуду воскресенье и часть понедельника. В понедельник вечером думаю быть в Питере.

Ниночка² переживает первый вылет из гнезда: смесь прелестного ребенка и взрослого человека. Удивительно, многое из тех отрывков мыслей и неясных стремлений, которые она мне высказывала, напоминает мне мою юность. Конечно, они покрыты другим оттенком и давно во мне заглохли. Но странно иногда слышать вновь полузабытые отзвуки старых грез.

Мне хочется к ней заехать, так как я думаю и ей это приятно, и я не совсем спокоен.

Здесь очень много видел интересного и сделал всё, что хотел. Думаю, что я, как часто бывает, из-за излишней щепетильности и опасений брать чужое время, наделал и неловкостей. Но, в общем, всё обошлось хорошо.

Сейчас в гостинице жду поезда вечернего – в 11 ч. 30, а сейчас – 9. Рано утром буду в Усикирке. Вьюга, и не знаю, как там.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Для Ниночки я несколько боюсь холодной комнаты. Об этом она тебе при мне писала в открытке. А так, я думаю, ей будет хорошо. Может быть пробуду там дольше, но не думаю. Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 58. Л. 13–14.

¹ Дочь В.И. Вернадского после болезни отдыхала в Усикирке.

² Н.В. Вернадская.

№ 934

9 января 1916 г., С.-Петербург¹

9.I. 916, утро

Дорогая моя Наталочка, Нюте² всё нехорошо. Вчера температура была 40,0° и очень медленно спадала; повысилась чрезвычайно быстро (2¹/₄ – 37,0, а 3¹/₂ часа – 40,0). Вечером я вызвал зубного врача, ассистентку Федорова, она сделала разрез зуба, гноя не было, и по ее мнению никакого влияния данное заболевание зуба на температуру не могло иметь. Сегодня утром мы с Нютой решили позвать Мокиевского (Боркову очень трудно дозвониться и т.д.), и он определил **аппендицит**. Говорит, что почти нет сомнения в болезни (может быть какое-нибудь стрептококковое заражение, но он не думает). Чувствительность в области аппендикса очень ясная и сильная. Странно, что ее раньше не заметил Борков, и Нюта вчера вечером тоже указывала на слабые боли в этой области. Я решил перевести Нюту в нашу спальную, а сам

перешел в ту комнату (твою), где спали. Сегодня у меня скверный день: <в> 2 часа дня Академия, а вечером собрание у меня. Сейчас здесь Нина³, которая очень помогает. Температура у Нюты 37,4.

Нежно и горячо обнимаю тебя и Нинуську – мою бесконечно любимую деточку. Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Пансион Мюльган, Уси-кирки, Финляндской железной дороги.

Оп. 7. Д. 58. Л. 15.

---

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² А.С. Короленко.

³ Возможно, Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

№ 935

14 апреля 1916 г., Ялта

Ялта, 14. IV. 916

Дорогая моя Наталочка, вчера вечером уже в 10-м часу попал к Любошинским. Марк¹ уже лежал в постели, Аня² меня встретила. Попал к ним с большим трудом. В Горную Щель нельзя попасть на извозчике, и я в темноте (из-за войны Ялта не освещается) с большим трудом с багажом по крутым тропкам, через воду пробрался, в сопровождении спасительных мальчиков соседей, на дачу. Там целая свора злых псов, которые охраняют запущенный сад и запущенный дом.

В общем здесь замечательно хорошо. Пишу днем у открытого окна, доносится очень отдаленный неясный шум города, все полно солнцем, проникнуто чистым ароматом цветов – глициний, лавро-вишни, сирени. Вдали видна Ялта и кругом лай, чириканье, пение людского зверья, к которому примешивается пение – еще немного – вольной птицы. Мне кажется, что это действительно очень своеобразный отшельнический уголок для человека, желающего иметь под рукой культурные удобства города, не обладающего нужными для замены их в деревне средствами, и пользоваться прелестями жизни в сельском уединении.

Доехал я сюда с большим трудом. Кстати, генерал в отставке, который с нами ехал, весьма любопытный и интересный. Его фамилия Короленко, и я подозреваю, что он родственник, хотя он был у Владимира Галактионовича³, и они не сосчитались, но сам генерал этими вопросами не интересуется. Он национал-прогрессист и представляет странную смесь нового типа. В Симферополе мне место не было заготовлено, и я по странному совпадению случайностей (мой спутник офицер Малинин всё говорил, что это влияние 13 числа) потерял все три-четыре наладившихся места в автомобилях, и в конце концов вместе с этим офицером приехал на лошадях. Мы выехали с ним в Алушту, так как думали проехать на катере сюда, в Ялту, но к нашему несчастью два дня, как прекратили (из-за подводных лодок) сообщение на катерах. Сегодня, по-видимому, они опять идут! Странное впечатление мертвого Черного моря, без паруса, без лодки, без дымка... Проехали до Ялты не дешевле, а

даже дороже автомобиля, но это была чудная прогулка. Мой спутник – очень милый юноша, приехал к родителям, не видевших его 3 года, перед весной – думает пойдет на фронт. Он уже солдатом сделал всю кампанию прошлого года, был и на отступлении (из Галиции) и в наступлении. Теперь офицер, простой, милый, сердечный русский юноша. Очень многое он рассказывал интересного, и, кстати, скажи Ниночке, что то, что он рассказывал мне о сестрах на **фронте**, о их положении, отношении к ним теперь солдат и лучшего офицерства вследствие уроков жизни, ясно подтвердило для меня всю глубину моих сомнений. Единственным улучшением здесь сделать ничего нельзя, можно погибнуть без смысла. Надо общую меру, и я считаю такой – посылку только пожилых сестер на фронт. Любошинские рассказывают, что молодая Носович должна была уйти оттуда, так как положение там честной девушки стало невозможным. Сегодня утром с Марком и Аней были в городе – прогулка, закупка, хлопоты об обратном билете. Бестолковщина и полное пренебрежение интересами публики – поразительные даже для русских обычаев. На 1–2.V билетов нет. Послал телеграмму в Севастополь. Пытаюсь переговорить с Гаспррой, хочу завтра ехать туда с Любошинским.

Твои телеграммы о Сеславине получил. Так мне жаль, что около меня нет моей дочечки⁴, с которой думал провести эти дни отдыха... Как-то кончилась ее молодая, волевая энергия. Жду с спокойным беспокойством дальнейших известий.

Я думаю, что будет здесь хорошо. О многом надо подумать и хочется свести свои мысли и выяснить пути, настроить волевые задания. Дорогой всё время жил в переживаемом моменте и прочел книгу Прокоповича (не талантливую, но местами любопытную) о русской кооперации⁵. В последнем номере⁶ московской польской «Echo polski» (Ледницкого) – любопытная и **важная** статья о свободной Польше, восстающей из мертвых⁷. Знаешь, я чувствую страшную моральную силу этих вековых стремлений, ее внутреннюю правду, перед которой может быть должны отойти наши опасения из-за временных – все же менее нравственно глубоких интересов нашей страны. Скажи об этой статье Аде⁸. Что Нина⁹, как ее здоровье? Пиши: Ялта, ящ. № 21. Марку много лучше.

Нежно целую тебя, Нинусю¹⁰, Нюточку¹¹, Гулю¹². Любящий тебя

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 58. Л. 16–17.

¹ М.М. Любошинский (старший).

² А.Е. Любошинская.

³ Короленко.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ Прокопович. «О кооперации».

⁶ Слово «номер» написано знаком «№».

⁷ Указанной газеты в московских библиотеках не сохранилось.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ Н.В. Вернадская (жена Г.В. Вернадского).

¹⁰ Н.В. Вернадская (дочь В.И. Вернадского).

¹¹ А.С. Короленко.

¹² Г.В. Вернадский.

17 апреля 1916 г., Горная Щель

17.IV. 916, Горная Щель

Дорогая моя Наталочка, вчера получил обе телеграммы и твою о смерти Виссариона Виссарионовича¹ и Ниночкину² о ее приезде. Ужасна смерть Виссариона Виссарионовича в полном расцвете сил; больно сжимается сердце, когда подумаешь, что решил дело случай, если бы он переехал в Петроград, как я его уговаривал, он остался бы жив. И у него остались прелестные дети, которых он так любил. После всякой такой смерти мне всегда кажется, что как-то легче уходить из жизни... Его научная работа только что раскрывалась, и он представлял оригинальную, своеобразную личность в научной работе, еще не раскрывшуюся. Я писал Ферсману и просил его сообщить мне адрес Елизаветы Николаевны³, его жены. Может быть, ты созвонишься. Также созвонись с Хлопиными – узнай о здоровье Виталия Григорьевича⁴ и его адрес.

От начальника станции в Севастополе получил телеграмму, что на 2-е мая мне оставлено место. Таким образом я 2-го мая выезжаю из Крыма и хочу пробыть дня два в Москве, и числа 6–7 буду в Петрограде.

Сейчас здесь, конечно, хорошо, но я не знаю, надо ли было мне ехать, не есть ли это ненужная роскошь. Конечно, сейчас дело сделано и нечего рассуждать. Стараюсь много гулять. Вчера с Любошинскими были у Петрункевичей в Гаспре, провели очень хорошо время. Иван Ильич⁵ поправился, Анастасия Сергеевна⁶ изменилась еще больше. В среду утром я еду к ним дня на три. Хочется о многом с ними переговорить и надо о многом переговорить с Иваном Ильичем.

В общем мой день здесь проходит так, что утром я гуляю, эти дни с Марком и Аней⁷, но завтра иду один с Пашурой⁸ подальше в лесничество, гуляю еще раз один или с Любошинскими и перед вечерним ужином. Днем читаю и пишу, большей частью на воздухе. Много думаю. Сейчас я набрасываю для себя и для близких о польском вопросе, выходит что-то вроде воспоминаний, а я хочу зафиксировать свою мысль, так как этот вопрос меня начинает очень тревожить. Я думал, что справлюсь с ним скорее. Не знаю, отчего я сейчас как-то больше, чем обычно, стремлюсь к большей определенности в своей мысли и может быть в связи с этим так много старого и бывшего вспоминается. Может быть сказываются и годы – с одной стороны, всплывают воспоминания богатой идейной жизни, а с другой – стремление к большей ясности и определенности мысли. Но в то же время я чувствую все тяжелее и сильнее ответственность переживаемого момента и в этом удобство таких писаний, как я сейчас пишу о польском вопросе, для себя, а не для печати. Конечно, это можно делать в нашей сутолоке жизни очень редко. Но я чувствую ту же потребность и в научной своей работе...

Нежно и горячо целую всех. Аня зовет к вечернему чаю, и письмо кончаю. Нежно целую.

Твой Владимир

Получил сегодня твою открытку от 12.IV. Очень был рад.

Что моя деточка со своей поездкой? И как Ньюта⁹? Гуле¹⁰ писал после письма к тебе. Завтра напишу Ниночке и Ньюте.

¹ Карандеев – ученик и друг В.И. Вернадского, работал с ним в Московском университете, преподаватель Высших женских курсов в Москве, в 1916 г. должен был стать сотрудником В.И. Вернадского в Геологическом и минералогическом музее им. Петра Великого. Был на Западном фронте уполномоченным Всероссийского земского союза и умер 14 апреля 1916 г. от тифа. В память о нем В.И. Вернадский написал статью «Памяти В.В. Карандеева» – «Речь» (1916, 9(22) мая).

² Н.В. Вернадская.

³ Карандеева.

⁴ Хлопин.

⁵ Петрункевич.

⁶ Петрункевич.

⁷ М.М. и А.Е. Любошинские.

⁸ Павел Маркович Любошинский.

⁹ А.С. Короленко.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 937

21 апреля 1916 г., Гаспра

Гаспра, 21.IV.916

Дорогая моя Наталочка, вчера я получил в Ялте письма твои и очень хорошее славное письмо Гули¹. Я ему уже писал раньше и напишу на днях. Всё не получаю адреса Елизаветы Николаевны Карандеевой и не могу ей написать. Но у меня такое чувство, что не надо было все-таки такому специалисту, как Виссарион Виссарионович² идти на фронт, так как его смерть неизбежно чувствуется страной по существу сильнее, чем смерть другого уполномоченного. Конечно, эти рассуждения может быть и неправильны, так как жизнь не может и не должна укладываться в логически разумные рамки и в ней нередко логически правильные выводы являются несправедливыми и неправильными.

Вчера приехал сюда и здесь пробуду дня два. Ивана Ильича и Анастасию Сергеевну³ ужасно рад видеть и много с ними говорил и еще буду говорить. Много хочется выяснить. Я выезжаю 2-го мая, из Севастополя имею уже билет, как писал, а из Симеиза на 2-е мая взял место в автомобиле на Севастополь. До Симеиза меня довезут Петрункевичи, и я пробуду у них еще перед отъездом несколько дней. Иван Ильич думает, что законодательные палаты будут заседать и после июня, и думает приехать в Петроград в конце июня.

Нежно и горячо целую тебя и Нинусю⁴ и Нюточку⁵.

Твой Владимир

Очень жду прямых известий от моей, к сожалению, уже большой дочечки.

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, д. 2. **Петроград**.

¹ Г.В. Вернадский.

² Карандеев.

³ Петрункевичи.

⁴ Н.В. Вернадская.

⁵ А.С. Короленко.

27 апреля 1916 г., Горная Щель

Горная Щель, 27.IV.916

Дорогая моя Наталочка, получил я здесь и твой приписки и письма Гули¹ и Нинуси². На днях им напишу. Уже надо скорее возвращаться – не знаю, надолго ли здесь засиделся, но нельзя выехать раньше, чем назначено и организовать отъезд, а у меня все устроено на 2 мая. Всё время думаю о том, что происходит, о разворачивающихся событиях такой исключительной важности. Читаю газеты с захватывающим вниманием. Вчера получил записку Ади³; я много говорил об этом же с Иваном Ильичем⁴ и сейчас мой ум находится в беспокойстве. Я чувствую важность происходящих явлений, пытаюсь в них разобраться, чувствую эту обязанность и не имею для этого достаточных данных. Но и кругом вижу не меньшую неподготовленность. Я кончил у Ивана Ильича записку о польском вопросе. Иван Ильич очень ее одобрил и считает, что ее надо так или иначе распространить. Не знаю, что сделаю. Первая часть вышла слишком личною, мемуарного характера; я больше думал о детях, когда ее писал. Любощинские, которым она тоже кажется понравилась, очень советуют написать об украинском вопросе. Но это вопрос проще. В нем мы скорее имеем дело с непродуманностью и невежеством русского общества, чем с серьезной трудностью решений в данный момент. Трудности появятся позже, но тогда и обстоятельства будут иные. А сейчас вплотную подходят вопросы экономические и финансовые. Пишу утром, когда хороший день, вообще же погода средняя. Много думаю и кое-что читаю и очень продуктивно в своей научной, химической и минералогической области. Сейчас ухожу с Пашей⁵ и Машурой⁶ в Уч. Кош.

Нежно и горячо обнимаю. Целую Нинусю и Нютика⁷.

Твой Владимир

P.S. Федя Рерберг к Любощинским отнесся по-свински и едва ли может быть на него прочная надежда, о которой ты пишешь, для Георгия.

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 21.

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Вернадская.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Петрункевич.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ М.М. Любощинская.

⁷ А.С. Короленко.

№ 939

29 апреля 1916 г., Горная Щель

Горная Щель, 29.IV.916

Дорогая моя Наталочка, сегодня еду из Горной Щели к Петрункевичам в Гаспру, пробуду там два дня и 2.V через Симеиз выезжаю в Севастополь. Я бы давно уже вернулся, если бы можно было легко выехать из Крыма, но здесь не так-то легко это сделать. Всё приходится делать заранее.

Вчера с Любошинскими ездил на Красный Камень – одну из самых красивых поездок в Крыму, какую я видел по новой, законченной в 1913 г. дороге, в вековом сосновом и буковом лесу и с удивительным видом на море. Все это, конечно, хорошо, но сейчас уже надо приняться вновь за срочную работу. Конечно, я провел эти дни не даром даже и с этой точки зрения. Всё время работает усиленно мысль и многое для меня выясняется; прочел кое-что нужное для научной и общественной работы. Надеюсь сделать и еще кое-что до приезда в Петроград. В Москве остановлюсь у Любошинских. Если что надо, напиши туда.

Нежно и горячо обнимаю. Поцелуй Нинусю¹, Нютика². Гуле³ на днях напишу. Очень благодарю за письмо. Кончаю статью о классификации сероводородных источников⁴. Целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 22.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Очевидно, статья не была опубликована.

№ 940

30 апреля 1916 г., Гаспра

Гаспра, 30.IV.916

Дорогая моя Наталочка, послезавтра уезжаю из Крыма. Давно уже пора, но никак не мог выбраться, взяв заранее (а иначе нельзя) билет на 2 мая. Сейчас только что вернулся с прогулки около моря – чудный сегодня день, и я дважды доходил до моря. Иван Ильич¹ сегодня не гулял, он опять немного как будто бы слабее, но в общем полон сил умственных. Сегодня у него суббота и последний день месяца, и он полон всяких хозяйственных распоряжений. Завтра приезжает управляющий и Иван Ильич освободится; его хозяйничанье не было синекурой.

Я думаю, закончу заметку о Виссарионе Виссарионовиче для Речи². Очень трудно мне о нем писать. Как-то чувствуешь, что уходит раньше тот, который должен был по справедливости меня пережить. Так питается то народное чувство стариков и старух, которые говорили, что «заедают чужой

век». Сегодня довольно много писал в связи с присланной Адей³ его заметкой в связи с нашей Центрального комитета комиссией экономической. Я нахожу, что многое выясняется для себя путем такого писания. Конечно, это едва ли можно будет делать в нервной сутолоке петроградской жизни. Всё время жду с тревогой известий с фронта; беспокоит немного сейчас и Кавказ: боюсь, как бы там не случилось что-нибудь вроде Карпат. Мне кажется, это лето и осень могут быть решающими для немцев: если им не удастся нас сбить сильно – они несомненно проиграли войну. Даже не сбить, а сломать нашу армию и получить большую победу над ней. Взятие Двинска или Риги ничего им не дает. Но крупное наше поражение кажется мне очень мало вероятным, разве опять Сухомлиновы-Григорьевы и К^{о4}, чего кажется сейчас нет. И я невольно все больше склоняюсь к мысли о крупном повороте в нашу сторону к поздней осени, зимой или ранней весной. Но сколько встает сейчас вопросов, требующих работы...

Нежно целую тебя и Нинусю⁵ и Нютика⁶. От Гули⁷ получил хорошее письмо. В Москве его не поймаю.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 23.

---

¹ Петрункевич.

² См. коммент. 1 к письму 936.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Имеются в виду военные деятели: Владимир Александрович Сухомлинов – военный министр (1909–1915), в 1916 г. арестован за неподготовленность русской армии к Первой мировой войне и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению.

⁵ Н.В. Вернадская.

⁶ А.С. Короленко.

⁷ Г.В. Вернадский.

№ 941

1 мая 1916 г., Гаспра

1.V.916. Гаспра

Дорогая моя Наталочка, забыл тебе написать в открытке, чтобы ты купила сборник в память 10-летия I-й Государственной Думы¹, а другой экземпляр переслала наложенным платежом Ивану Ильичу².

Иван Ильич несколько сегодня нездоров. Завтра уезжаю. Целую.

Твой Владимир

На обороте: Ее Превосходительству Наталье Егоровне **Вернадской**. Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 24.

---

¹ Точное название не установлено.

² Петрункевич.

№ 942

25 января 1917 г., Петроград¹

25.I.917

Дорогая моя,

только что приехал и сейчас же пишу эту открытку. Сегодня же тоже напишу вторично Нюточке². О Жедринских никаких известий; Ниночка³ здорова; ее еще не видел; она на курсах. Из Царского звонили вчера – там все благополучно. Гули⁴ нет дома.

Доехал хорошо. С этим поездом из Сайролы без пересадки, а из Антреп есть вагоны до Петрограда – так что может быть выгоднее садиться в другие.

Ямщик взял с меня 5 марок: он посадил вместо себя другого, который (мальчик) сказал, что ему указано 5 марок. Все-таки всегда лучше это выяснить.

Нетерпеливо жду известий.

Нинуся пришла, так я рад ее видеть. Она крепко целует тебя и Нюточку – без нее, она говорит, что очень скучает.

Нежно тебя и Нютика целую. Любящий тебя.

Владимир

На обороте: Ее Вр. Анне Сергеевне **Короленко** с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, санаторий Кирву, ст. **Сайрола**, Карельской железной дороги, **Финляндия**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 26.

¹ Место написания дается по почтовому штампе.

² А.С. Короленко была больна туберкулезом, лечилась в санатории Кирву, где с ней находилась Н.Е. Вернадская.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ В 1916 г. Н.В. Вернадская поступила на Высшие женские курсы в Петрограде.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 943

5 июля 1917 г., Харьков¹

Белгород–Харьков, 5.VII.917

Дорогая моя, еду отлично. Очень мне досадно, что не поручили взять билет Антону² и тебе одновременно: я еду в обычном вагоне и все время есть место (в 1-м классе): полагается 3 пассажира на купе, едут 2. Надо брать **верхнее** место. Вагон до Херсона. Я еду до Полтавы без пересадки. Очень бы я хотел, чтобы ты приехала, так как ясно для меня, что можно тебе проехать, но в 1-м классе. 2-й – заполнен. Может быть, можно поручить взять билет (хотя бы в день выезда) Никифору³ (через Елизавету Дмитриевну⁴). Он толковый.

Как-то [устаю] и от того, что совершается, и [мысль] о Нюте⁵, как-то еще сильнее и глубже схватывает меня среди перерыва нервной работы Петрограда. Что-то у вас? Благополучно ли прошли эти дни? Как Георгий⁶ и его дяди⁷ попали на бунт? Тревожно всё это? Известия неполные имел в Москве и жду с нетерпением Харькова.

Нежно и горячо обнимаю. Приезжай, моя дорогая. Думаю, что при прямом сообщении и из Полтавы можно достичь.

Твой Владимир

До Тулы было всё нормально, в Туле [остановка] и в [коридоры] набились солдаты (из отпусков на фронт)⁸.

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский острв, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 27.

¹ Открытка отправлена из Харькова.

² Антон, фамилия не установлена.

³ Никифор, возможно, служитель Геологического и минералогического музея им. Петра Великого Академии наук.

⁴ Ревуцкая.

⁵ А.С. Короленко скончалась 12 марта 1917 г. от туберкулеза.

⁶ Возможно, Г.Е. Старицкий.

⁷ Александр Павлович, Полтавский уездный предводитель дворянства.

⁸ Открытка написана простым карандашом, приписка сделана в левом углу, текст испорчен почтовыми штемпелями.

№ 944

5 июля 1917 г., /Полтава/¹

Люботин – Полтава, 5.VII.917

Дорогая моя, бросил в Харькове открытку. Не знаю, дойдет ли она до тебя из-за забастовки почты. Очень тревожно уезжать в такое время, а между тем возвращаться (как было у меня мелькнула мысль в Москве) тоже едва ли правильно. Я уже тебе писал, что я очень бы хотел, чтобы ты выехала сюда 1-м классом (**верхнее** место). Может быть сейчас будет трудно, так как будут разбегаться из Петрограда? Как досадно, что мы не устроили этого теперь же со мною. Я представлял поездку более затруднительной, но до Полтавы **херсонским** вагоном вполне возможно. Постарайся устроить.

Ошибка выхода к-д² еще больше. Здешние социалистические газеты (в том числе и «Южный Край», который теперь народно-социалистический!) прямо связывают их уход как акт большевизма. Украинское движение еще в начале своего развития – огромные сложности и трудности ему впереди, и мне кажется, при искреннем сожительстве с ним русского здешнего населения течения шовинистического, зоологического национализма в нем не будут преобладать.

Надо тебе непременно брать 1 класс в херсонском вагоне – может быть можно, если нет панического отъезда петроградцев.

Нежно всех вас целую. Когда-то получим известия?

Твой Владимир

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 28.

¹ Открытка отправлена из Полтавы.

² Речь идет о выходе членов Конституционно-демократической партии из состава Временного правительства 2 июля 1917 г.

№ 945

5 июля 1917 г., Полтава

№ 3¹

Люботин – Полтава, 5.VII.917

Дорогая моя!

Забыл написать: на моем большом столе лежит бумага из Министерства торговли о представителе К.И.Пр. Сил² по статистике. Надо спросить А.А. Кауфмана, согласен ли он им быть и известить тоже Линденера. Я.К.³ звонил раза два тщетно.

Уже тебе писал, что я очень бы хотел, чтобы ты приехала: 1-м классом (непременно) **херсонским** вагоном (в том поезде, в каком ехал я) лучше **верхнее** место (обеспечено спалье – теоретически купе 3-местное. Я всё время еду вдвоем. Второй класс переполнен). Нежно целую.

Твой Владимир

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 29.

¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.

² Очевидно, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), председателем которой В.И. Вернадский был с 1915 г.

³ Личность установить не удалось.

№ 946

6 июля 1917 г., Бутова Кобыла

№ 4¹

Бутова Кобыла, 6.VII.917

Дорогая моя Наталочка, вчера приехал сюда поздно ночью – уже в 12 часов. Ниночка² не получила телеграммы, как и надо думать, и спала. Собаки не отзывались, и можно было бы всё увезти. Едва добудились Павла³. Здесь все прекрасно и тихо, и ясно. Я как-то на всяком шагу чувствую мою дорогую бесценную Нюточку⁴... Всё это так просто, естественно и всё же человеческое чувство с трудом и с большим разрывом переживает этот удар. Дыхание смерти, ее унесшее, глубоко вошло и в мою душу и в меня и там ведет свою подготовительную работу.

Как я уже тебе писал из Харькова и Полтавы, я очень хотел бы, чтобы ты приехала. Думаю, что это вполне возможно для тебя, но в 1-м классе, в прямом вагоне до Полтавы (херсонском). Лучше верхнее место 1-го класса (в купе теоретически 3 места). Я ехал до Полтавы вдвоем. Из Полтавы до Ересек – 6 человек в 1-м классе. Может быть, ты даже в поезде в Харькове можешь перейти в киевский вагон и тогда доедешь до Ересек. Мне не удалось.

Не знаю, как у вас, и очень всё это тревожно. Иногда хочется лучше не думать. Пишешь и не уверен, что письмо дойдет. Дорогой разговоры раскрывают картину разрухи. Очень ясно мысль массы народа направляется к сильной власти, к диктатуре. О ней нередки разговоры в вагоне и путных обывателей. Мне кажется, в провинции сильнее, чем в Петрограде. Украинский вопрос стал мне во всей его сложности, и я думаю, большей сложности,

чем думают сами украинцы. Мне хочется много об этом всем подумать и эти недели собраться с мыслями, обдумать ряд вопросов, которые не успеваешь в суете петроградской жизни. Может быть, это будет оправдание моего отдыха в такое время.

Нинуса выглядит очень хорошо. Она отошла, и она у меня прелестна. Я рад ее видеть и чувствовать ее живой огонек и мысли и чувства.

В Полтаве не успел заехать к Маке⁵, так как наш поезд из Харькова опоздал, а в Полтаве никто не знал, когда выедет киевский! Не знал и дежурный по станции.

Нежно и горячо всех обнимаю.

Твой Владимир

Здесь все в большом порядке⁶.

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 30.

---

¹ Номер проставлен В.И. Вернадским.

² Н.В. Вернадская.

³ Павло – очевидно, сторож, который работал в Шишаках с 1916 г.

⁴ См. коммент. 5 к письму 943.

⁵ М.Е. Старицкая.

⁶ Фраза написана на полях в начале письма.

№ 947

17 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 17.VII.917

Дорогая моя Наталочка, мы с Ниночкой¹ тебя всё это время поджидали, но, очевидно, ты решила не ехать. Я и не писал тебе, думая, что ты приедешь. Теперь такое тревожное и смутное время, что, конечно, издали невозможно решать.

Здесь сейчас все тихо и хорошо, но в общем очень не спокойно по существу. Чувствуется и анархия и необеспеченность будущего. Всё внешне спокойно, нет ни малейших внешних признаков самоуправства, но сбор жатвы идет неправильно, и, думаю, будущий год в смысле посева будет также неправилен. Уборка не идет правильно, так как «сnilka»² назначила в Ерьськах и Шишаках цену за уборку (6 руб.), которую не хотят или не могут платить владельцы (мелкие и крупные). Боюсь, что часть хлеба останется и сейчас уже кое-где застаивается. Также нарушаются глупыми распоряжениями неустановившихся органов мелкого самоуправления и арендные отношения. Очень тревожно за будущее. Теряешься в выходе и иногда кажется, что надо дать вылиться стихийному процессу. Украинский вопрос здесь не стоит очень остро, и, по-моему, он на перепутье. Еще не определилось направление жизни. Его трудности начнутся в дальнейшем, даже если украинская автономия и осуществится в широком масштабе. Для меня это совсем нелепо.

Чувствую себя так себе. Здесь всё время прохладно и даже холодно было, и я не купался еще. Вчера был дождь, и погода неважная, сегодня чудный

день – чуть ли не первый такой с моего приезда. Я ушел сейчас в чтение и работу над изложением старых мыслей о живом веществе. Забыл в Петрограде выписку, но хочу начерно набросать всю статью. Многое выясняется при писании и многое забытое вновь воскресает. Думаю в этой области десятки лет и, мне кажется, могу сказать многое, обычно неизвестное. Но это будет набросок, который потребует большой дальнейшей работы. Отходишь от переживаний тяжелых политики и злобы дня сего в этой работе над частью «вечного». «Вечного» человеческого, таким образом весьма условного.

Нинуся моя – молодец и такая трогательная прелесть.

Нежно и горячо вас всех, моих дорогих, обнимаю.

Твой Владимир

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2. **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 31.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Союз (укр.).

№ 948

19 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 19.VII.917

Дорогая моя Наталочка, все эти дни я все надеялся, что ты приедешь сюда. Писал я тебе об этом и из Харькова и два письма из Полтавы и отсюда. Но почта ужасающая, и я не сообразил тогда всего разгрома ее положения и не послал заказным. Мы имели твое письмо от 11-го, из которого вижу, что ты не получала еще моих писем, и тебя нет. Очень досадно, так хотелось бы с тобою здесь побыть, и думал, что тебе было бы и хорошо и полезно. А доехать в 1-м классе поездом на Херсон (в херсонском вагоне до Полтавы) было бы вполне возможно и, думаю, тебе не очень утомительно. Но, конечно, отсюда не знаешь и всех петроградских впечатлений и обстоятельств.

Здесь живем очень тихо. Сейчас Ниночка¹ работает на жнивях. Она поправилась физически; прелестна и полна исканий в духовной области; полна связи с местностью и с народом и всей душой своей чувствует такую близость. Я думаю, это ей даст очень много, и этого, в такой форме, не было у нас. У меня зачатки одно время были и были тогда тоже связаны с Украиной. Но затем ход времени в абстрактный мой характер отвели меня от этой близости к жизни.

Я начал второй день купаться. Раньше было холодно. У нас всё благополучно. Тебе об этом писала подробно Ниночка. Чувствую себя так себе, временами головные боли и некоторая отяжелелость. Настроение тревожное и грустное, но спокойное. Как мне всё здесь напоминает Нюточку!² И хотя она не любила этих мест, я как-то все время ⟨вспоминаю⟩ ее мысли. В комнату ее я не решаюсь войти. Тяжело – хотя я смерть принимаю как простую вещь, удел всех и свой. И мне, когда начинаю вдумываться, странным становится убиванье и действенная печаль по раньше ушедшим... А всё же нелегко.

Гуляю, брожу, много очень думаю и читаю. Сейчас главной работой является набрасывание давних моих размышлений и мыслей о живом веществе с геохимической точки зрения. Мне хочется связно изложить сколько могу без

книг, выписок (оставил в Петрограде!) и подсчетов, мои мысли. Над ними думаю и к ним постоянно возвращаюсь десятки лет. Излагаю так, что дальнейшая обработка может пойти прямо и точно. Сейчас уже написал более 40 страниц и думаю, что перед отъездом закончу. Несомненно, тут у меня много нового, и многое новое открывается при обработке; подхожу к новым заданиям и вопросам. Так или иначе я ясно чувствую, что надо было это сделать, так как так или иначе это результат всей моей прошлой научной работы. И вместе с тем глубокое неудовлетворение результатом и странное столь обычное для меня чувство, что я делаю не настоящую научную работу. Отчасти чувство «ученого» – настоящей научной работой кажется опыт, анализ, измерение, новый факт – а не обобщение. А тут всё главное – и всё новое – в обобщении. С другой стороны, в этой работе я как-то спокойнее смотрю на окружающее, ибо я сталкиваюсь в ней с такой стороной жизни, которая сводит на нет волнения окружающего, даже в такой трагический момент, какой мы переживаем. Перед всем живым веществом мелким кажется весь ход истории. И странно я через самый грубый на первый раз материализм мог бы подойти этим путем и странным и очень далеким от материализма философским выводом. Их вводить не хочу, но их возможности указываю. Едва ли возможно целиком жизнь свести на физико-химическое. Но это не будет и утешением, ибо в общую схему мироздания она всё же войдет. А не этого хочет мятущийся ум. Ниночка так смешно протестует одному из выводов: не только вид (животного и растения), но и индивид отличается химически. И новые соединения – свои отличные от других – создаются в каждом индивиде и на них могут быть сведены индивидуальные свойства...

Сейчас очень тревожно за судьбу демократии. Получатся чрезвычайно печальные результаты ее применения. Конечно, и без этого было бы плохо. Но тут полное рабство духа, и мысли, и воли. И скорее действительно восставшие рабы, чем граждане. Есть дезертиры, сейчас начинает сказываться страх перед мерами Керенского и Корнилова³. Один из дезертиров говорил Павлу⁴ (при Ниночке): нам одинаково под немецким надзором или как теперь или (как) было. А вчера после того как (через Павла же) в Шишаках стал известен приказ о смертной казни, лишении пайка, возможной облаве – начался отход дезертиров будто бы на фронт. Выборы будут совершенно случайные⁵. Единственное стремление: земля. И в Шишаках и в Ерьсках выбраны пока не лучшие, а худшие и главным образом безземельные. А более зажиточные и хозяева стоят в стороне. Кажется, начинают группироваться в партии хліборобів. Не знаю, кого больше. Украинская автономия – внешнее, но **свой язык** сейчас очень ярко выдвигается и отчасти как признак не только национальный, но и сознательно социальный и вековых столкновений с панством. Следовательно, **очень** глубокий.

Нежно и горячо всех целую. Так жаль, что тебя здесь нет.

Твой Владимир

Ниночка целует. Не пишет. Жнива⁶.

Оп. 7. Д. 58. Л. 31а–2.

¹ Н.В.Вернадская.

² См. коммент. 5 к письму 943.

³ Имеется в виду постановление Временного правительства от 6 июля, по которому всех виновных в призыве... к неисполнению действующих законов... предавать суду и наказывать, как за государственную измену» (Известия. 1917, 11 июля). 12 июля на фронте введена смертная казнь и учреждены «военно-революционные» суды (См.: Политические деятели России 1917 г. М.: Научное изд-во «Большая Рос. энцикл.», 1993. С. 146). А.Ф. Керенский с 8 июля 1917 г. – министр-председатель, с сохранением поста военного и морского министра; Л.Г. Корнилов – с 7 июля 1917 г. командующий Юго-Западного фронта, с 19 июля 1917 г. верховный главнокомандующий.

⁴ См. коммент. 3 к письму 946.

⁵ Имеются в виду выборы в Учредительное собрание.

⁶ Фраза написана на полях л. 31а.

№ 949

21 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 21.VII.917

Дорогая моя Наталочка, мне хочется написать тебе несколько слов по поводу твоего последнего письма о Гуле¹. Мне кажется, я так ясно и полно и глубоко понимаю его настроение и осознаю его решение. Холодным разумом мне кажется, что он мог бы его не делать; он работает столько в связи с теперешним положением и войной, делает столько нужного дела, что не след бы ему его бросать. Но, если я от этих логических рассуждений перейду к целому, мне кажется, я его вполне понимаю и чувствую нужность и правильность того, что он хочет сделать. Как мне лично не тяжело это чувствовать, когда я сознаю, как мне тяжело его решение. Я эту правильность чувствую в его решении – как я не чувствую ее (и логически не сочувствую) (в) решении Сергея².

Но если идти, то надо скорее идти не солдатом, а офицером. Это сейчас нужнее. Опять-таки – и здесь решение идет вразрез с эгоистическими желаниями... Сейчас офицером еще страшнее. Впрочем это слово не выражает моей мысли. **Страха** я не чувствую. Но есть известное настроение печали. Но в нем живешь и из него не выходишь.

Я хочу выехать 5-го августа и надеюсь застать Гулю. Я хочу непременно его видеть перед его решением. Опять-таки, если рассуждать умом, его делать не следует (**без**, может быть), но правильно ли всё решать одним умом в такой момент величайшего потрясения?

У меня такое чувство, что я отдыхал без всякой нужды и сделал это напрасно. Но, конечно, нет надобности смотреть назад на то, что изменить не сможешь, сделанного не переделаешь. Чувствую себя так себе. Во всяком случае, смогу работать лучше и больше, чем работал.

Как я уже писал тебе, я очень ушел это время в чисто научные проблемы, в связи с значением жизни и живого вещества в истории земли. Копашусь мыслью в самых небольших подходах к входу куда-то в здание. Но и эти подходы не расчищены. Я все-таки думаю, что я не напрасно систематически набрасываю свою работу – ясно, что если я ее окончательно обработаю и закончу – будет книга. Но странно как-то себя и весь ход человеческой истории, со всеми ее трагедиями и личными переживаниями – смотреть с точки зрения бесстрастного химического процесса природы. И она в него великолепно входит – подобно тому, как в больших числах человеческих особей

мы улавливаем законности, в которых укладываются, как что-то должное и закономерное – результаты самых тонких и неуловимых колебаний человеческой души.

Среди других книг, которые читаю, читаю сейчас библию. И как-то странно **одновременно** я вижу и чувствую в ней отражение самых несводимых вместе и резко различных настроений моей личности. Я сразу на нее смотрю с непримиримых точек зрения и чувствую целое и единое. Мне часто казалось, что один и тот же человек об одном и том же в одно и то же время может **мыслить** разное и несводимое в одно и **чувствовать** единое. И вот теперь это я ярко переживаю при чтении библии.

Нежно тебя и всех обнимаю. Моего дорогого Гулю особенно.

Твой Владимир

Прочел почти до конца «Политическую экономию» Туган-Барановского³: мне кажутся сейчас так слабы основы этического оправдания и заработной платы в полном объеме с зачислением в нее всей прибыли капиталиста. Не менее слабы, как оправдания прибыли капиталиста. Есть третий забытый: те люди, которые делают **творческий акт**, которые дают и рабочим и капиталистам получать доход. Экономисты за «машинами» забыли творящих их людей. Можно с тем же правом, как говорят об эксплуатации рабочего, говорить об эксплуатации капиталистами и рабочими в совокупности творцов и создателей орудий производства. Они большей частью находятся вне капиталистов и вне рабочих. Можно создать очень стройную теорию и ввести в обращение большой запас совершенно, сколько знаю, неиспользованных фактов.

Для Украины ясно: если правительство будет действительно сильно, Центральная Рада никаких прочных корней не получит надолго, а может быть и совсем. Если же правительство будет слабо – возможны самые невозможные положения с Украиной. Но сейчас среди мыслей и работы, столь далекой от текущих моментов, не могу совсем свести в порядок мысли об украинском вопросе.

Оп. 7. Д. 58. Л. 33–34.

¹ Г.В. Вернадский.

² С.Ф. Ольденбург.

³ *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. СПб.: Тип. акц. общ. «Слово», 1909.

№ 950

22 июля 1917 г., Бутова Кобыла

Бутова Кобыла, 22.VII.917

Дорогая моя Наталочка, хочу выезжать 5–6.VIII., а вчера прочел в газетах об ограничении передвижения. Как хорошо, что ты не приехала. Мне сюда до сих пор не прислали свидетельства из Министерства земледелия об обратном приезде. Позвони, пожалуйста, Арцыбашеву (Дмитрий Дмитриевич – его телефон в книжке) или Георг. Александр. Клюссу (секретарь Ученого комите-

та – телефон комитета) и скажи об этом. Я написал Арцыбашеву, но не знаю, приехал ли он в Петроград?

Вчера послал тебе письмо, вложив в Ниночкино¹. Я тебе писал уже о всем распределении моего дня и о той отвлеченной атмосфере мысли, в которой живу – на фоне печали личной и общественной. Ниночка сейчас много работает в поле. Она очень много, несомненно, думает, и мне чрезвычайно дорого то, что у нее есть ясная **своя** мысль и **своя** дорога. И та и другая прикасаются к вечному. Так было и у Нюточки². В другой форме, но то же самое. Очень жалко, что не взял сюда Нютиных рукописей – но может быть все-таки мне было бы сейчас еще трудно. Надо дать пройти времени.

Сейчас пасмурно, ветрено, но тепло. Погода стоит неважная. Хорошие дни наперечет, а тепла не было. Но как-то я довольно стал равнодушен к погоде, и даже к теплу – не то, что прежде.

С тревогой смотрю в будущее. Я верю в силу России, но думаю, что могут быть бессознательно сделаны величайшие ошибки, которые направят ход истории в не ту сторону, в которую могут направить, и, в частности, что может быть многое потеряно для человечества, что создано русской историей в форме большого единого государственного целого. Сейчас весь вопрос в силе правительства.

Ну, нежно и горячо тебя целую. Поцелуй всех наших. Любящий тебя

Твой Владимир

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2, **Петроград**.

Оп. 7. Д. 58. Л. 35.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² А.С. Короленко.

№ 951

26 июля 1917 г., Бутова Гора

Бутова Гора, 26.VII.1917

Дорогая моя Наталочка, я теперь и сам вижу, что приехать тебе сюда было бы трудно по вероятным условиям отъезда. Вчера тебе Ниночка¹ писала об Аде². Я вполне присоединяюсь к этой мысли, которая и мне пришла независимо. В качестве больного ему будет возможно устроить переезд. А между тем сейчас ему жить в его квартире (4-й этаж) и питаться в Петрограде будет чрезвычайно трудно. Жить в Крыму едва ли своевременно. Здесь же я не буду повторять доводов Ниночки – но тоже укажу их: 1) соседство доктора Яковенко, который к нему хорошо относится, 2) очень гигиенические и хорошие условия жизни у нас на хуторе, 3) относительная легкость доставать припасы и вероятность того, что это сохранится и зимой, 4) порядочность семьи Берез, которую я могу подтвердить. Между прочим, Мария³ большая любительница цветов и устроила очень недурные цветники у нас и у себя. Думая об Аде, я считаю, что может быть лучше всего ему поселиться у нас.

Очень грустно решение Гулички⁴. Вчера я ему послал письмо в твоём. Я понимаю душой его решение, но умом его разделить не могу и всегда такие

противоречия тяжелы. А нам с тобой суждено пережить то, что сейчас переживают миллионы... Ужас войны, страх за ближних, личное горе и печаль в общем горе и печали.

Тяжело бессилие человека бороться с этим несчастьем. Опять не всё дело в логическом разуме, который видит ужас и преступление войны, но добиться иных условий существования не может, ибо жизнь строится не по разуму.

Думаю о Любощинских. Как это тяжело⁵. О Машуре⁶ надо бы справиться в Красном Кресте (у Иваницкого). Они, наверное, теперь имеют известие. Конечно, при разрухе почты мой совет запоздал.

Ужасна эта история с кражей в Сенате⁷ – она производит впечатление даже в наше время невероятного. Ниночка тебе должно быть писала, что мы видели здесь Леонт.Тр.⁸, Мих.Ив.⁹ Одно время у нас здесь были разговоры о земле очень большие. Л.Т. вполне все разумно и ясно понимает. Ниночка говорит, что и М.И. задумался. Но делают они здесь, в Земельном комитете дело неважное: пытаются вводить изменения земельные, вмешиваясь в аренды, беря излишки земли и т.д., без толку и внося смуту. Последнее время, говорят, начинается отпор в деревнях, организуются мелкие собственники и, говорят, за последнюю неделю в этом смысле начинается резкий перелом в Шишаках. Впечатление такое, что в деревне происходит перелом в связи с общим положением, все (и Яковенки, которые поправили и сами говорят, что кругом все очень поправили) одобряют меры суровые Корнилова и Керенского¹⁰. Дезертиры, которые были в [Ереськах] и Шишаках, исчезли – большей частью сейчас отправились на фронт, отдельные немногие, говорят, очень скрываются. Прочел с величайшим интересом брошюру Реклицкого: О земле в Полтавщине¹¹. **Очень** умная и чрезвычайно поучительная вещь, заставляющая думать. Хочу о ней написать в «Речь»¹².

Нежно целую. Хочу ехать 3-го в Полтаву, а 5-го в Петроград. Целую всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 51. Л. 13–14.

¹ Н.В. Вернадская.

² А.А. Корнилов.

³ Мария, личность не установлена.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Тяжело у Любощинских.

⁶ Мария Марковна Любощинская.

⁷ История с кражей в Сенате.

⁸ Леонт. Тр., личность не установлена.

⁹ Мих. Ив., личность не установлена.

¹⁰ См. коммент. 3 к письму 948.

¹¹ Брошюра Реклицкого о земле в Полтавщине. Хочу о ней написать в «Речь» (26.VII.1917 г.).

¹² Статья В.И. Вернадского не была написана.

11 августа 1921 г., Александровск

11.VII.921, Александровск,
Мурманская биологическая станция

Дорогая моя! Пишу несколько слов, пишет Ниночка¹. Здесь хорошо работаем² – думаем выехать из Мурманска 20 или 24. Не знаем, как в теплушке или в вагоне, если достанем места.

Твое письмо через Ник.Георг.³ получил и препараты, а от Александра Евгеньевича⁴ нет ни вестей, ни известий, ни твоего письма. В Хибины должно быть не заеду – не хочу разбрасываться. Сейчас много думаю о загранице, но не знаю, насколько это удастся устроить, а между тем для научной работы это было бы необходимо. Но меня смущает голод: уезжать при этих условиях неприятно⁵.

Обдумал курс лекций по химии моря и весь поглощен этими вопросами. Много вынес.

Нежно целую. Надо кончать. Привет всем.

Твой Владимир

Папа, по-моему, начал поправляться, а я, говорят, очень сильно поправилась с приезда и прибавила в весе⁶.

Оп. 7. Д. 58. Л. 36.

¹ Н.В. Вернадская.

² В.И. Вернадский и его дочь Нина Владимировна – в это время студентка Военно-медицинской академии – приняли участие в Северной научно-промысловой экспедиции. Эта экспедиция была создана при Научно-техническом отделе ВСНХ 3 мая 1920 г. для научно-практического исследования Русского Севера. Руководил научной деятельностью отрядов и обработкой собранных материалов Ученый совет во главе с президентом Российской Академии наук А.П. Карпинским. Вернадский работал на Мурманской биологической станции Ленинградского общества естествоиспытателей в Александровске. Она была основана в 1904 г., хорошо оборудована и давала возможность экспериментально работать. Командировка была рассчитана на месяц. В.И. собирал материал по живому веществу. В письме к А.Е. Ферсману от 11 августа 1921 г. В.И. Вернадский писал: «Собрав материал для работы, выяснил яснее себе методы будущих начинаний. Теперь надо было бы конструировать приборы, организовать настоящее исследование, но как это все делать в петроградских условиях? Буду хлопотать о заграничной поездке, но меня останавливает вопрос о голоде. Уезжать в такой момент, не знаю, сочту ли допустимым и правильным» (Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. М.: Наука, 1985. С. 103).

³ Ник.Георг., личность не установлена.

⁴ Ферсман.

⁵ Ректор Парижского университета Поль Аппель обратился к неперемемному секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу с письмом от 6 декабря 1921 г., в котором сообщал об избрании В.И. Вернадского профессором Парижского университета и о приглашении его в Париж для чтения курса лекций. На заседании Общего собрания Академии наук 1 апреля 1922 г. В.И. Вернадский читал записку следующего содержания: «Благодаря полученному Академией извещению о выборе меня профессором Парижского университета и принятия мною на время этого приглашения, с одной стороны, и, с другой стороны, вследствие новых обязанностей, принятых мною, с согласия Конференции, в качестве директора Государственного радиового института, состоящего при Академии, характер моей заграничной командировки должен быть изменен. Я должен направиться прежде всего в Вену и, может быть, Чехословакию в связи с необходимостью установить правильную связь Радиового института и связанного с ним Радиового завода с аналогичными учреждениями Западной Европы. В Йохимове в Чехословакии

находится единственный радиевый завод, научно правильно поставленный, а в Вене Радиевый институт, с которым необходимо иметь самые тесные сношения, тем более что до сих пор в России нет для сравнения ни одного эталона радия и наши определения не связаны с мировыми определениями. Оттуда я направляюсь в Париж» (АРАН. Протоколы заседаний Общего собрания РАН. 1922, § 90. С. 28 – типогр. экз.).

В.И. Вернадский получил разрешение на командировку и в июне 1922 г. с женой и дочерью выехал за границу. Сроки возвращения в Россию Вернадский откладывал несколько раз, из-за чего вступил в конфликт с советской властью, которая обвиняла его в желании эмигрировать из России. В письме от 22 декабря 1922 г. Вернадский информировал Академию наук о том, что в декабре вернуться в Россию не может и что остается во Франции до весны, так как лекции в Сорбонне, из-за которых он приехал во Францию, он закончит в марте–апреле. Кроме того, он отметил: «Денег на командировку я не получил и здесь могу жить и работать только на средства французские» (АРАН. Протоколы заседаний Общего собрания РАН. 1922, § 327. С. 111). В письме к А.Е. Ферсману от 25 апреля 1923 г. Вернадский писал: «Я очень сознаю, что мне надо было бы скорее вернуться, но, несмотря на всё мое сознание, я, наоборот, хочу здесь дольше остаться и буду просить продления командировки. В мои годы надо кончать дело своей жизни – а таким для меня является научная работа. Издав геохимию и минералогию, переработав живое вещество и силикаты – в общем я его закончу» (Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. М.: Наука, 1985. С. 109). Командировка Вернадского была продлена до 1 сентября 1924 г. (АРАН. Протоколы заседаний Физико-математического отделения АН. 1922. § 229. С. 75 – типогр. экз.). Но Вернадский не смог вернуться к этому сроку в Россию из-за начатых и не оконченных работ по геохимическому изучению живого вещества и исследованию африканских и других радиоактивных минералов. Решение Комитета французских ученых о выделении Вернадскому дотаций из фонда Л. Розенталя материально обеспечивало эти работы в течение года. (АРАН. Протоколы заседаний Физико-математического отделения РАН. 1924. § 352. С. 58–59 – типогр. экз.). Вернадский в письме к А.Е. Ферсману от 3 августа 1924 г. объяснял причины увеличения сроков пребывания в Париже: «Я совершенно не собирался эмигрировать и оставаться здесь надолго. То, чего я хотел, – продления командировки без содержания, мне представляется таким правом моим, которого я как свободный человек лишиться не хочу» (Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. С. 114).

В Париже академики П.П. Лазарев и А.Ф. Иоффе ознакомились с работами Вернадского и признали их большое научное значение. Несмотря на это Академия наук вынуждена была принять решение, по которому В.И. Вернадский с 1 сентября 1924 г. сохранял только звание академика. Но вместе с тем на заседании Отделения физико-математических наук 3 сентября 1924 г. было принято решение: «Просить Наркомпрос сохранить за Академией право при возвращении В.И. Вернадского в Ленинград включить его вновь в число действительных членов Академии без новых выборов» (АРАН. Протоколы совещаний Физико-математического отделения РАН. 1924. § 352. С. 59 – типогр. экз.). Еще до возвращения в Ленинград В.И. Вернадский с 1 октября 1925 г. был включен в список сотрудников Академии наук, получающих штатное содержание. В начале марта 1926 г. В.И. Вернадский вернулся в Ленинград.

⁶ Приписка сделана карандашом рукой Нины Владимировны Вернадской.

№ 953

26 мая 1926 г., Москва

Москва, 26.V. 1926

Моя дорогая, вчера вечером, вернувшись (от Мензбира), нашел твое письмо к Маке¹. Очень рад и очень огорчен, что ты не уехала отдохнуть.

Сейчас много здесь вижу народа и много хлопот. Проспекты очень хорошие. Вся организация Сам.² не только восстановлена – но расширена. По Морскому институту я получил сейчас штат 7 лиц с полным *carte blanche*³ и замещении и распределении работы⁴. Федор.⁵ восстанавливает работу – на это я не рассчитывал, так что придется обдумать, как повести дело. По Радиевому институту 1550 руб. выслано телеграфом, а затем они мне заявляют – по-

терпите до октября – а затем «мы вас всячески поддержим» – реально еще до переговоров получили две суммы (около 4 тыс.), раньше не переводившиеся. Сегодня окончу переговоры. Для живого вещества двигаю (10 тыс.) и через Наркомат здравоохранения – представит Тарас⁶. Сейчас знакомлюсь здесь с работой КЕПС. Конечно, жаль, что Лаз.⁷ нет, но важнее мое ознакомление. Я чувствую из переговоров, что мои идеи сейчас встречают благоприятную почву. Очень важно скорее все это напечатать. Лебедев обещает двинуть работу (Шатиловской станции) самым энергичным образом. Я думаю, что очень подхожу к осуществлению, и сейчас очень задумываюсь о формах.

Нежно и горячо обнимаю. Спасибо за письмо Нинуси⁸; Георгию⁹ написал и напишу Нине¹⁰. Девочки¹¹ и Машура¹² уехали к [Марку]¹³. Всё расскажу.

На обороте: Наталье Егоровне **Вернадской**, Васильевский остров, 7 линия, 2. Ленинград.

Оп. 7. Д. 59. Л. 1.

¹ М.Е. Старицкая.

² О какой организации идет речь, установить не удалось.

³ Свобода действий (фр.).

⁴ Имеется в виду Морской научный плавучий институт в Москве, где В.И. Вернадскому удалось наладить экспериментальную работу по изучению живого вещества. Вернадский был членом Ученого совета указанного института.

⁵ Возможно, Н.Т. Федорова – ученый секретарь Московского отделения Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил СССР.

⁶ Очевидно, Лев Александрович Тарасевич, который в это время возглавлял ученый медицинский совет Наркомздрава СССР (1918–1927).

⁷ Очевидно, Петр Петрович Лазарев, который в это время был председателем Московского отделения КЕПС.

⁸ Н.В. Вернадская-Толль. Письма от дочери Вернадские получали сначала из Праги, где она в 1926 г. вышла замуж за археолога Н.П. Толля, а с 1939 г. из США, куда они переехали. Нина Владимировна после отъезда за границу в России ни разу не была.

⁹ Г.В. Вернадский после отъезда за границу до 1927 г. жил в Праге, а затем в США, так же как сестра в Россию ни разу не приезжал.

¹⁰ Н.В. Вернадская (Ильинская).

¹¹ Очевидно, внучки М.М. Любошинского.

¹² Мария Марковна Любошинская.

¹³ М.М. Любошинский.

№ 954

26 сентября 1926 г., Москва

26.IX.926, утро, воскресенье,
Москва, Зубовский, 15

Дорогая моя, доехал отлично. Вчера не написал, так как тебя известили о моем приезде. Вчера уже видел очень многих и завтра у меня ряд деловых заседаний, а сегодня вечером совещание об образовании Московского отделения Радиевого института, на что надо будет пойти. Был вчера у Дм. Моис.¹ с Пашей² – его жена³ (и он) горячо тебе кланяются. Удивительно она молода! Напоминает чем-то Анастасию Сергеевну⁴. Виделся с Дмитрием Ивановичем⁵ – с ним иду сегодня в музей. Ивана⁶ застал уезжающим. Вчера же видел Павловых (им обоим по 72 года 40 лет свадьбы) – она бодрa (трогательно вспоминает о Ниночке⁷), он очень постарел. Завтра вечером

хочу быть у Мензбира, сегодня у Александрова. Очень тяжело полное падение преподавания минералогии здесь после смерти Самойлова и Вульфа. Заменены людьми с очень малыми знаниями. Университет, где был в старом помещении факультета, удручающе грязен и представляет что-то некультурное...! Во вторник еду в Киев, милейшая Татьяна Ивановна⁸ (помнишь, она была у нас проездом из Белого моря) должна была взять мне билет вчера – международный. Марку⁹ напишу отсюда: он глубоко ошибается – в Борисе Александровиче¹⁰ он имеет настоящую поддержку¹¹. Поймет это позже.

Нежно всех обнимаю.

Здесь без Ани¹², дорогой, так ее отсутствие чувствуется.

На обороте: Ст. **Академическая**, Октябрьской жел. дороги, **Залучье**. Анне Егоровне **Любощинской** для Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 2

¹ Дмитрий Моисеевич Петрушевский.

² П.Е. Старицкий.

³ Петрушевская.

⁴ Петрункевич.

⁵ Шаховской.

⁶ И.М. Гревс.

⁷ Н.В. Вернадская.

⁸ Татьяна Ивановна, фамилия не установлена.

⁹ М.М. Любощинский.

¹⁰ Борис Александрович Линденер.

¹¹ М.М. Любощинский с 1926 по 1929 г. – сотрудник Сапропелевой станции Комиссии по изучению естественных производительных сил АН СССР в Залучье, а Б.А. Линденер был ученым секретарем КЕПС АН СССР (1915–1926).

¹² А.Е. Любощинская.

№ 955

28 сентября 1926 г., Москва¹

28.IX.926

Дорогая моя, вчера получены две твои открытки – к сожалению, ты ничего не написала – нашла ли лошадей и т.д.? Так что я несколько тревожусь и жду известий в Киеве. Ничего из твоих открыток понять не могли.

Сегодня еду в Киев. Свои дела веду пока успешно. Организацию при Морском институте восстановили?² Главные радиевые дела улаживаю – вопрос с Семашко принимает благоприятное направление³, но я хочу отложить до следующего приезда, когда выйдет моя статья⁴. Денежные дела, в связи с устройством Нины Владисл.⁵, выяснил, и она будет теперь же назначена. Тяжело полное крушение минералогических кафедр здесь после смерти Самойлова и Вульфа: два довольно невежественных «ученых» читают лекции – добра такие суррогаты не принесут.

Нежно и горячо обнимаю всех.

Твой Владимир

Жду в Киеве писем и оттуда напишу Марку⁶; Здесь весь под впечатлением русской иконописи.

Твой Владимир

На обороте: Ст. *Академическая*. Октябрьской жел. дор., *Залучье*. Анне Егоровне *Любошинской* для Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 2а.

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю.

² См. коммент. 4 к письму 953.

³ Николай Александрович Семашко в это время был Наркомом здравоохранения РСФСР, и Вернадский вел переговоры с ним об организации работы по изучению изотопов и применению их в медицине. К сожалению, несмотря на положительное решение этого вопроса Н.А. Семашко работы не могли проводиться из-за отсутствия средств, так как смета Комиссариата здравоохранения была урезана (См.: Записка академика В.И. Вернадского о необходимости организации биогеохимической лаборатории: Док-ты по истории Академии наук СССР. 1926–1944 г. Л.: Наука, 1988. С. 40–41). В Москве он также решал вопрос об образовании Московского отделения Радиевого института (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 47. Л. 6).

⁴ *Вернадский В.И.* Изотопы и живое вещество // Докл. АН СССР. 1926, дек. С. 215–218.

⁵ Нина Владисл., личность установить не удалось.

⁶ М.М. Любошинский.

№ 956

30 сентября 1926 г., Киев

Киев, Большая Владимирская,
Украинская Академия наук, 30.IX.926

Моя дорогая, доехал отлично и здесь встретил самый горячий дружеский отзыв. Приехал вчера к вечеру, устроился в Академии, где мне отвели сперва одну комнату, а потом перевели в другую – теплее. Сейчас же пошел к Василенко – они встретили меня как родного, накормили обедом, предлагают переехать к ним, но я думаю, что я буду только у них обедать. Вечером в 10-м часу вернулся в Академию, куда меня проводил Николай Прокофьевич¹. Между прочим, на меня произвела самое великолепное впечатление их семья – его жена Наталия Дмитриевна, ученый историк, которой он гордится – необычайно о нем заботится и, несомненно, в значительной мере его спасла в трудную пору его жизни. Я думаю, что это брак в самой благородной его форме (если будут дети). Вернувшись, итак, вечером в Академию, меня страшно дружески встретил Липский, собравший в моей комнате (он тебе горячо кланяется) и остатки сохранившихся вещей – вечером поздно, в 11-м часу, когда я уже собирался спать, пришел Перетц, здесь живущий.

Сегодня пишу тебе рано утром – нет 8 часов, выпив чай с Липским, который тут же живет и встает, как мы, в 6 часов. К 9-ти часам пойду ловить Личкова – сегодня открытие съезда² вечером. Завтра заседание Академии наук, 2-го отделения, где я может быть сделаю доклад о моих работах по живому веществу³ – так просит Липский. На съезд, по-видимому, приехало немного. Я думаю, что 5–6 выеду из Киева, едва ли удастся выехать раньше 5-го, съезд кончается 6-го.

Ехал в Киев в международном. В Москве была, скверная погода в последний день, и я не знаю, немного ли простудился (небольшой насморк и першит в горле – хриплю) или отразилась та зараза, которой ты боялась. Всё это в слабой степени, но так как я по глупости забыл взять драповое пальто, то я несколько беспокоился, как буду в Киеве. В последний день в Москве и в вагоне был весь в шерстяном белье и все время носил твою жилетку (очень хорошо, что ее взял), но здесь (уже с Конотопа) тепло. В теплом невозможно ходить: вчера шли с Николаем Прокофьевичем из его дома в чудную звездную теплую «украинскую» ночь, и идти мне было жарко. И сегодня мягкий, почти летний день, ясный, безоблачный, солнечный. Осень едва чувствуется в растительности...

В Москве добился всего главного. Мне восстановили всю организацию в Плавучем Морском институте – причем Коган, гроза всех, председатель сметной комиссии, мне сказал, что он восстановил кредиты по моему письму, хотя он (*entre nous*⁴ – как сказал) относится нехорошо к самому Морскому институту. Но, во всяком случае, я получаю 3 места, правда, мало оплачиваемые (66 руб.) в Петербурге и 2 в Москве и этим оплачу часть работников. Для Радиевого (института) добились главного и может быть удастся добиться небольшого повышения заработной платы – если бы не взял билета – пришлось бы для этого ехать к самому Рыкову(!)⁵ по предложению «начальника» Главнауки⁶ – я написал ему письмо и Хлопин должен был добиваться аудиенции.

Конечно, всё это может держаться лишь при постоянном напряжении энергии и постоянном внимании и постоянных переговорах и хлопотах. По-видимому, выясняется форма создания Московского отделения Радиевого института (средства частью от треста) в связи с воссозданием Радиевого завода (строят должно быть в Москве).

Знаешь, впервые я почувствовал начинающееся влияние моих идей в среде биологов, и главным образом молодых. Хочется верить, что это первые ласточки. Еще их не читали, но о них знают и их **ищут**. До сих пор я искал и добивался работы в этом направлении – впервые обращаются **ко мне**. Ярилов, оказывается, в почвоведении (для пропаганды идей, как он говорил) изложил подробно мою первую русскую статью, молодой Зенкевич – зоолог – говорит мне, что пора перейти от статической работы и взгляда на природу к ее динамическому охвату, как это вытекает из моих идей (это он совершенно правильно определил – хотя я этого прямо нигде не говорю), и они хотят идти по этому пути, молодой Северцов по своей инициативе предлагает двинуть работу по моим методам в государственных заповедниках, в организации которых он играет сейчас роль... Это, надеюсь, только первые отзвуки. Тарасевич говорит, что Сема⁷ хочет мне помочь, но я отложил свое свидание с ним до тех пор, пока выйдет моя статья об изотопах и живом, которая печатается сейчас в докладах Академии – сдал в печать⁸. Немного мне тревожно, как ты доехала до Залучья⁹, из твоих не очень ясных открыток – вижу, что как будто ты доехала до Академической, но дальше нет известий. От детей нет писем. В Москве все время я был под впечатлением осмотра икон. Я понял поразительную красоту и глубину. Думаю, что в XII–XVI вв. русское искусство есть столь же великое создание в человеческой культуре, каким в XIX в. явилась русская литература и музыка. И мы этого не знали и не понимали. Дмитрий Иванович¹⁰ получил место (240 руб.) почти наверно – уже работает. От него

есть превосходные письма тебе и мне, трогательные глубиной и проникновенностью. Везу с собой.

Нежно и горячо всех вас, моих дорогих, обнимаю. Надеюсь, что всё с тобой хорошо.

Оп. 7. Д. 59. Л. 3–4.

¹ Василенко.

² В Киеве проходил Второй Всесоюзный съезд геологов, на котором В.И. Вернадский сделал доклад о земных оболочках (См.: АРАН. Ф. Разряд IV. Т. 12. Д. 12. С. 4).

³ Указанный доклад В.И. Вернадского состоялся (См.: АРАН. Ф. Разряд IV. Т. 12. Д. 12. С. 4).

⁴ Между нами (фр.).

⁵ Алексей Иванович Рыков в это время – председатель Совета Народных Комиссаров СССР (1924–1930) и председатель СНК РСФСР (1926–1929).

⁶ Заведующим Главного управления научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями (Главнаука) с середины 1923 г. был Федор Николаевич Петров.

⁷ Фамилия написана сокращенно, очевидно, Н.А. Семашко.

⁸ См. коммент. 4 к письму 955.

⁹ В Залучье жила сестра Н.Е. Вернадской А.Е. Любоцинская, где ее муж М.М. Любоцинский, потерявший во время революции все свое состояние, работал.

¹⁰ Шаховской.

№ 957

1 октября 1926 г., Киев,

Киев, 1.X.926

Моя дорогая, пишу утром рано. Вчера начался съезд¹. Погода стоит удивительная – вчера было жарко, как летом – жарко даже в летнем пальто.

Пришли и помешали писать днем – от тебя нет ни одного письма из Залучья, и я не знаю, как ты доехала – имею только известие, что попала в Академическую – и то предполагаю по догадкам, так как очень неясно.

Я попал, к моему большому огорчению, в председатели съезда (редакционного комитета) – придется быть до конца. И вообще – это много времени и забот.

2.X

Не успел написать. Написал Ане² для тебя и пишу тебе в Питер. Выезжаю 6-го.

3.X

И вчера не успел написать. По-видимому, приходится выехать 7-го, так как 6-го закрытие съезда и обычно в это время бывают всякие затруднения.

От Ниночки³ прекрасное, полное жизни письмо. У них все благополучно. Надежда Эрастовна⁴ была так мила, что его переслала.

Чувствую себя так себе – маленькая простуда всё еще не прошла, а затем, как ты знаешь, вся эта сутолока совсем не в моем духе. Сегодня воскресенье – у меня множество дел – хочу сделать визиты и не пойду на экскурсии.

Нежно и горячо обнимаю. Думаю, что это письмо придет почти одновременно с моим приездом. Погода стоит чудная. Нежно целую. От тебя пришли письмо и карточка, и я успокоился.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 5.

---

¹ См. коммент. 2 к письму 956.

² А.Е. Любошинская.

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Успенская.

№ 958

17 августа 1928 г., Киев

Киев, 17.VIII.928

Моя дорогая, сегодня прекрасно и вовремя доехал в Киев без опозданий. Погода пока прекрасная. Не знаю, останется ли такой.

На станции Минеральные Воды познакомился с железнодорожным инженером, очень милым, Лопатинским, с которым и ехал в маленьком купе вдвоем, что было очень удобно, так как в других – 4-х местных – была другая публика (все даровая), постоянно сменявшаяся.

Здесь нашел работу в полном ходу¹; то, что меня беспокоило, оказалось – в общем в исправности, но уже 25 августа начнется свертывание нашей работы, так как мой приезд был необходим. А.П. Вин.² не получил моей открытки, так что меня не встретил и чуть-чуть сегодня вся моя экспедиция не уехала из Киева на три дня. Я отложил поездку на завтра; завтра выезжаем, после 4-х часов, на моторной лодке в Староселье (1½ часа езды) и там ночуем – оттуда в Чернь, тоже по Днепру в лодке, в грабовый лес, где соберем вымирающие растения Тгара patans, которые сейчас в цвету (водное: одно из самых древних использований человека – собирал во время свайных построек Швейцарии; нас интересует по своеобразию химического состава; богато железом и марганцем, но полного анализа никто не делал). Ночуем в Черни в лесничестве и в понедельник возвращаемся по Днепру в Киев. Думаю, что во вторник поеду в Боярку к Николаю Прокофьевичу³, который будет здесь завтра утром в Академии, и я его завтра увижу.

Сейчас пишу тебе вечером, в десятом часу, скоро лягу спать. Пил чай и провел вечер с президентом Академии Заболотным, который живет в комнате рядом; большинство академиков в разъезде: нет ни Липского, ни Крымского; нет и некоторых других, которых хотел видеть, как Холодного. Открыто окно в сад; на улице шум и со всех сторон – с собачьим лаем – слышно пение – среди городского шума. Украина.

Посылаю тебе два письма Ниночки⁴, которые застал здесь. Ей напишу по возвращении из Черни и Староселья.

Крепко и нежно обнимаю тебя, мою дорогую, и жду письма. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 6.

---

¹ Летом 1928 г. работу по изучению живого вещества по договоренности с Украинской Академией наук В.И. Вернадский организовал в 20 км от Киева на Днепре на Старосельской

биологической станции Украинской АН. В июне в Киев выехало шесть (из 10) научных сотрудников возглавляемой В.И. Вернадским Биогеохимической лаборатории (Биогел). Экспедицию возглавил А.П. Виноградов. Группа химиков располагала для своих работ химической лабораторией в Киевском институте народного хозяйства. Биологическая группа, состоящая из двух человек, была пополнена приглашенными для работ по выработанному плану местными специалистами (энтомологами и ботаниками). Приехав в Киев, В.И. Вернадский непосредственно руководил биологической группой (См.: Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. // АРАН. Ф. Разряд IV. Оп. 12. Д. 21. С. 293).

² Александр Павлович Виноградов.

³ Василенко.

⁴ Н.В. Вернадская.

№ 959

21 августа 1928 г., [Киев]¹

21.VIII.928

Моя драгоценная, надеюсь, что это письмо еще дойдет до тебя. Я только что вернулся из поездки более чем за 60 верст от Киева, с большими приключениями – моторная лодка не могла идти на обратном пути – мотор испортился – и мы приехали на пароходе, который запоздал на несколько часов. Попадали под дождь и грозу, пришлось ночевать с минимальными удобствами, частью на сене на полу в лесничестве, частью в палатке. Три дня, проведенные на воде и в лесу, обветрили меня, и я загорел за это время больше, чем за все лето.

Чувствую себя хорошо; менее устал, чем многие из молодежи, но сегодняшний день у меня пропал в деловом смысле: вместо утра приехали в Киев в 1/2 3-го дня, и я не попал в Боярку к Василенко, которые меня ждали. Думаю завтра утром ехать в Боярку, вернусь вечером. А утром в четверг еду в Староселье, где проведу весь день и ночую, и вернусь в Киев только в пятницу. В Староселье я был только ночь (приехал туда в 12 ночи, а уехал рано утром) и не мог видеть работу сотрудников.

В общем работа налажена, и я надеюсь, что мы получим точные результаты и дело станет на твердую почву².

От Ниночки³ очень хорошее и интересное письмо от 10.VIII, которое посылаю тебе в Петербург. Ей я писал.

Спешу кончить эти несколько строк – так как придет сейчас служащий Никифор Прокофьевич⁴ и отнесет на почту это письмо.

Нежно обнимаю. Завтра утром пишу в Петербург.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 7.

¹ Письмо написано в Киеве, что следует из его содержания: «...приехали в Киев в 1/2 3 дня...».

² См. коммент. 1 к письму 958. Конкретные результаты произведенной работы см. в Отчете Биогеохимической лаборатории (Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Т. II // АРАН. Ф. Разряд IV. Оп. 12. Д. 21. С. 271–273).

³ Н.В. Вернадская.

⁴ Никифор Прокофьевич (фамилию установить не удалось), сторож в Украинской АН.

22 августа [1928 г.], Киев

Киев, 22.VIII., утро

Дорогая моя, вчера послал тебе последнее письмо в Кисловодск, а это направляю в Питер. Надеюсь, что ты его получишь сейчас же по приезде. Посылаю последние письма Ниночки¹, которой сегодня же пишу.

Вчера, как писал тебе, вернулся из Чернино после двух ночей, которые провел, не раздеваясь – всё время на воздухе, на реке и в лесу. Одну ночь спал в палатке на берегу Днепра. Чувствую себя отлично – говорят, загорел сильно от ветра и от солнца.

Сейчас пишу утром. Так как спал не очень много во время поездки, я вчера лег в 8 часов и проспал, почти не просыпаясь, до 5^{1/2}. Вечером хотел было пойти к Шапошникову (акад.), которого встретил по приезде, но почувствовал, что это не благоразумно, и послал Никифора Прокофьевича² (сторож, который всегда здесь в Академии при мне) сказать, что не буду.

Сегодня – пишу рано утром до чая – еду в Боярки к Николаю Прокофьевичу³; должен был вчера, но запоздал и послал ему телеграмму, что приеду сегодня. Проведу там целый день. Вернусь в Киев к вечеру. Завтра утром, если погода будет хорошая, еду в Староселье, должно быть на пароходе – хочу осмотреть тамошнюю работу – а затем побуду в лесу и на берегу Днепра. Сейчас погода хорошая. Во время поездки в Чернино нас, хотя и сильно, мочило – на Днепре (я был в чужом непромокаемом из брезента ⟨плаще⟩ и покрыты мы были импровизированной на моторной лодке палаткой), но в общем погода была чудная. Дождя не было, когда мы ходили.

Очень доволен, что видел в природе Тара natans, много интересных разговоров и так хорошо в лесу и на большой реке. Но очень сильное впечатление резкой и какой-то жуткой перемены **природы**, отражения на ней переживаемого социального переворота в жизни человека. Нет сейчас устойчивости и нет в ней никакого столь сильно действующего на нас впечатления вековой мощности. Осталось таким чудное звездное небо, которым я наслаждался, как давно не было, на берегу Днепра в украинскую, но холодную ночь, когда там ночевал у костра и в палатке (пятеро в небольшой), но всё остальное находится в разрушительном движении. Исчез навсегда нетронутый девственный лес, который и на меня и на Ниночку произвел такое чарующее впечатление в 1919 г.; всюду вырублено и рубки и делаемые по теперешним «планам» и без всякого плана хищническим инстинктом собственника крестьянина, которому всегда apres pou le déluge⁴! – одинаково и беспощадны и варварски. Попытка улучшения – ростки будущего или обреченные на гибель слабые проявления созидательного творчества – исчезают в массе разрушений. Никакого улучшения хозяйства, бедность, истребление дичи – охотники производят впечатление чего-то совершенно бессмысленно дикого, и их масса производит впечатление memento mori⁵. Стихийная биологическая сила в конце концов выйдет из всего этого в своем проявлении: рост населения, которому некуда деться при теперешних социальных условиях и

рождение нового поколения, слабого по талантам и одаренности, но жадного к жизни.

Нежно целую.

Оп. 7. Д. 59. Л. 8–9.

---

¹ Н.В. Вернадская.

² Фамилию установить не удалось.

³ Василенко.

⁴ После нас хоть потоп (фр.).

⁵ Грозное напоминание об опасности, угрозе, гибели, крахе и т.п. (лат.).

№ 961

25 августа 1928 г., Киев

Киев, 25.VIII.928, суббота

Дорогая моя, сегодня только что приехал из Староселья, где ночевал, и еду через 1¹/₂ часа в Кончу (на моторной лодке). Оттуда вернусь в понедельник утром в Киев. Вернувшись, пойду брать билет. Приеду в Петербург должно быть в пятницу или четверг, самое позднее в субботу 18.25 вечера. Выеду утром в среду или четверг. Не знаю будут ли билеты. Получил твои письма от 21–22.VIII и Ниночкино¹ от 19.VIII – пришлю его по возвращении из Кончи. Ниночкино письмо очень бодрое.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Чувствую себя хорошо – работа здесь идет хорошо.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2. Наталье Егоровне Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 10.

---

¹ Н.В. Вернадская-Толль.

№ 962

27 августа 1928 г., [Киев]¹

27.VIII.928

Моя дорогая, надеюсь, что ты уже приехала. Сегодня вернулся из Кончи-Засны, где провел два дня. Билет взял на послезавтра, среду, но на скорый поезд уже не было, и буду в пятницу утром. Работа заканчивается – в общем все главное сделано.

Тороплюсь отправить письмо – нежно обнимаю.

Твой Владимир

Получил записочку от Н.Э.² – очень ее благодарю. Горячий привет Фед.Ив.³ Мало кого застал в Киеве – все в разъездах. Нежно обнимаю.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2. Наталье Егоровне **Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 11.

---

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² Надежда Эрастовна Успенская.

³ Федор Иванович Успенский.

№ 963

28 августа 1928 г., Киев

Киев, 28.VIII.928

Дорогая моя, на скорый нет билетов до пятницы – поэтому еду почтовым (только там есть мягкий вагон!) без пересадки. Приеду в пятницу утром, выезжаю в среду днем.

Думал было пробыть дня два в Боярке и вернуться к 1-му, но решил лучше вернуться раньше.

Надеюсь, ты доехала благополучно.

Нежно обнимаю. Георгино¹ письмо, о котором ты писала, что пришлешь, не получил.

Твой Владимир

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2. Наталье Егоровне **Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 12.

---

¹ Г.В. Вернадский.

№ 964

июня 1933 г., [Москва]¹

8. VI. 1933

Дорогая моя, застрял здесь и выезжаю 10-го. Три дня 5–7 был на съезде по гелию². 5-го был у Вор.³ – имел большой разговор – он обещал 7-го дать мне знать; сегодня 8 и от него нет письма и дозвониться к нему я не мог. Сегодня дозвонился до Мирошн.⁴, но говорил с его секретарем и завтра в 10^{1/2} буду ему звонить. Сегодня большую часть дня пробыл на Радиовом заводе. По-видимому, дело в том, что мою командировку⁵ Академия наук направила на суммы Совета Народных комиссаров, очевидно, рассчитывая так сохранить свои валютные суммы. А эти суммы все сняты. Завтра буду стараться по телефону выяснить возможности. Если нужно, останусь лишний день. Получил твои письма и очень благодарю и так радостно было знать о Танечке⁶.

Фед. Густ.⁷ застал здесь; он застрял, видел еще немного друзей, так как 5–7 были сплошь почти, кроме вечеров, заняты. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. **Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 14.

---

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю на открытке.

² Съезд по гелию проводился при Госплане СССР.

³ Очевидно, Ефим Павлович Воронов.

⁴ Возможно, И. Мирошников.

⁵ См. коммент. 2 к письму 965.

⁶ Татьяна Толль.

⁷ Личность установить не удалось.

№ 965

9 июня 1933 г. [Москва]¹

9.VI.933

Дорогая моя, пишу несколько слов у Кати Чернояровой: застал их всех. Выезжаю завтра. Пишу, чтобы сказать, что сейчас был в Кремле и с командировкой² все выяснил. Завтра буду еще раз более конкретно все выяснять. Выедем возможно скорее. Нежно целую.

Твой Владимир

Катя, ее дочка и ее очень милая внучка (Зиночка) просят кланяться.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 13.

---

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю на открытке.

² Здесь и в следующих письмах (№ 966–969) речь идет о полугодовой командировке в страны Западной Европы, куда Вернадский выехал 11 августа 1933 г. вместе с женой. Он посетил Чехословакию, Польшу, Францию, Англию, где читал лекции по радиогеологии и научно работал.

№ 966

16 июля 1933 г. [Москва]¹

16.VI.933

Дорогая моя, пишу тебе спешной почтой потому, что задерживаюсь. Я был три раза в Кремле у Воронова и вчера передал Молотову бумагу, которую писал еще в Петербурге. Вопрос официально поставлен.

Вчера бумага была у него, и сегодня, думаю, что он до нее дойдет. Это единственное, чего удалось добиться. Не знаю, какой путь выберет Молотов. Завтра буду звонить, чтобы узнать ответ, очевидно, не выеду, потому что не исключено, что Молотов меня вызовет, а 18-го праздник! Завтра буду в 5 часов звонить Воронову в Кремль, но он может там не быть, и предлагают позвонить ему на квартиру в 11–12 часов ночи! Или утром на следующий день. Ужасно, что здесь нет телефона!

Ясно, что не выеду и 18-го, потому что билет (купить) мне обещают помочь из Совнаркома, а 18-го выходной день.

Опять разговоры об отложении поездки² на начало будущего года, на осень, на март! На последнее я решительно не соглашаюсь, но все это провизорно в связи с неизвестным решением Молотова.

С изданием книг все улаживается. «Геохимия»³ (должен получить в ближайшее время 3000 руб.), «Силикаты»⁴ (получил сейчас 1500) и «Биогеохимические очерки»⁵ (выйдут в первой четверти 1934 года, а «Силикаты» и «Геохимия» осенью).

Приехал Анатолий Михайлович⁶, и они со всеми детьми поселяются на даче здесь, а потом Анатолий Михайлович думает приехать в Петербург искать там работу и хочет поселить семью около Петербурга. Я думаю, он прав. Он молодцом выходит из трудностей жизни.

Здесь приехал для [мамы]⁷ Дмитрий Иванович⁸ и вчера приехала Наташа⁹ его с мужем¹⁰ – очень хорошо с ними [забылся].

Все дела теперь заканчиваю и эти дни уже буду «ждать погоды». Не так просто будет и просто выехать. Это уже придется идти еще выше Молотова. Но, конечно, ничего нельзя гадать, пока нет ответа, что я вообще не очень люблю думать о том, чего может быть и не будет. Мне кажется, в таком случае придется хлопотать о немедленном отъезде, но это потребует большого времени.

С Вороновым говорил и об отдыхе [по случаю] – в «Железе» можно иметь комнату. Не думаешь ли, что будет сыро?

Ехать же далеко не хочется. Может быть, самое благоразумное, ехать на месячный отдых в «Железе» и по возвращении сейчас же начать хлопотать о паспортах?

Видел Волгина – он забыл (и кажется, действительно) известить меня о решении снять мою статью из ноябрьского сборника и поместить ее в «Известиях» Академии. Я сговорился с ним об отдельном ее издании.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 15–16.

¹ Письмо написано в Москве, что явствует из его содержания: «Я был три раза в Кремле».

² См. коммент. 2 к письму 965.

³ *Вернадский В.И.* Очерки геохимии. 4-е изд. (2-е рус.). М.: Гос. науч.-техн. горно-геол.-нефт. изд-во, 1934.

⁴ Земные силикаты, алюмосиликаты и их аналоги. Из лекций В.И. Вернадского в Моск. ун-те, изд. в 1910–1912 гг. – 4-е изд., перераб. и приведенное к новому уровню знаний С.М. Курбатовым и В.И. Вернадским. Л.; М.: ОНТИ, Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1937.

⁵ *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. Вып. 1: Значение биогеохимии для познания биосферы. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

⁶ Фокин.

⁷ Возможно, имеется в виду жена Д.И. Шаховского – Анна Николаевна Шаховская.

⁸ Шаховской.

⁹ Наталия Дмитриевна Шик.

¹⁰ Михаил Владимирович Шик.

№ 967

21 июля 1933 г. [Москва]¹

21.VII.933

Я всё еще сижу здесь, моя дорогая, и не ясно даже, когда выеду, на всякий случай пишу. Ответ должен был быть дан вчера, потом сегодня – но его нет. Я дал телефон Аси² – но Воронов говорил мне сегодня, что физически Молотов до бумаги еще утром не дошел. Трудно представить себе, до какой степени все делается медленно, бестолково, с бесконечной тратой времени. Я очень надеюсь на благоприятный ответ, но уверенным быть не могу. Если будет вполне благоприятный, явится вопрос, не выгодно ли остаться и получить самому паспорта³? Подумываю и об этом.

Сегодня был в Лаборатории низких температур. Очень интересная работа и в корне все не прочно. Во главе огромного научно-исследовательского института ряд людей с малыми знаниями. Сговорился с ними о некоторой работе, которая меня интересует и которую, несомненно, можно сделать. Но я не поручусь, что эта лаборатория просуществует сколько-нибудь долго и даст какие-нибудь серьезные результаты, что выдающийся инженер не будет заменен каким-нибудь невеждой.

Я уеду отсюда, как только получу наконец ответ. Ужасно неудобно быть без телефона; тратить множество времени даром. Очень рад, что Ниночка⁴ сохранила свою [работу], но, вероятно, Н.П.⁵ придется вести другую структуру работы.

Твой Владимир

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, д. 2, кв. 12. **Н.Е. Вернадской.**

Оп. 7. Д. 59. Л. 17.

---

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² А.М. Любоцинский.

³ См. коммент. 2 к письму 965.

⁴ Н.В. Вернадская-Толль.

⁵ Николай Петрович Толль.

№ 968

23 июля 1933 г., Москва

Москва, 23.VII. 1933

Моя дорогая, я решил добиться во что бы то ни стало ответа и потому пробуду здесь или до тех пор, когда выяснится, что выбрано будет первое решение о безвалютной поездке, или же получу паспорта с командировкой¹. Сейчас вопрос об отсрочке (пока?) не ставили, а поставлен вопрос о командировке с августа. Бумага лежит уже у М.², но пока он до нее не дошел. Я непрерывно и по телефону, и письменно, и лично с разных сторон добиваюсь. Тут много рутины, бестолковщины, бюрократизма и фактической загруженности центральной власти, которая должно быть измучена и при всем желании не может правильно вести данное дело.

Вчера не дозвонился до Воронова. Отвез письмо Б.³, но затем не мог с ним созвониться. Письмо он получил. Виделся в комиссариате с Бубновым – обещал 23 или 25 переговорить с Молотовым.

Обедал вчера у Грабаря, который очень мил и всегда мне с ним приятно видеться. У Петрушевских (Дмитрий Моисеевич сейчас в Узком) заболела опасно внучка – сегодня зайду к Грабарю узнать о здоровье. Это очень страшно, так как у них чувство «девочки у них не живут» – так рассказывал Грабарь. Вечером был у Зелинских: мальчуган нежный и ласковый и прелестный в развертывающемся сознании. Они послезавтра едут в Залучье, имеют твердое купе без пересадки: из Москвы ближе и едут днем. Завтра буду у них обедать.

Третьего дня был в Лефортово, осмотрел лабораторию низких температур и сговорился о совместной работе – хочу поставить исследование «дыхания

Земли гелием» (т.е. радиоактивным процессом). Ужасно странное чувство. Я образно как будто его чувствую и вижу: до сих пор ни одного факта, это важно, и **никто** этого не думал, создание моей научной фантазии, которое странно глубоко чувствую и почти вижу в каких-то своеобразных внутренних образах: внутренний глаз, о котором где-то читал. Но важно ли, что ясно вижу, как это точно проверить.

Я написал Александру Евгеньевичу⁴ в связи с этим – узнай, когда он приедет. Надо бы в Хибинах в начале августа устроить на довольствие одного молодого физика. Скажи ему по телефону, если он в Питере.

Может быть, поеду осматривать воздушную установку полета в стратосфере, куда едет из Радиевого института Вериго.

Но в общем, кроме хлопот, читаю романы – сейчас, верно, изменю, так как уже это слишком долго. Видел много народа – более или менее случайного.

Здесь, в Москве, сейчас очень скверные условия для еды, и я больше, может быть, чем нужно бы, на Паше⁵, так как боюсь заболеть от иной пищи. Паша много работает, устал, убеждаю и я, и другие подать на персональную пенсию. Он приедет и всё ждет, как и я с своим делом: должен ехать вдвоем, а его компаньон исчез и запаздывает и, когда приедет, неизвестно, а без него и он ехать не может.

Очень скверно с бельем: взял всего недостаточно. Устраиваю стирку. Но для меня ясно, что если я уеду, все попадет в трясины.

Очень неудобно без телефона – пробовал на почте – невозможно: дикое устройство. Хожу к Асе⁶ (15 м) и от нее говорю.

Пойду сейчас – хочу добиться личного свидания с секретарем Молотова. В еде (кроме тех случаев, когда обедаю дома или в гостях) принципиально не ем ни мяса, ни мясного, ни рыбы. Но очень всё неважно. Может быть, даже попробую в дорогом ресторане, но как будто и там не этих продуктов нет.

Сейчас Машура⁷ с мужем и детьми уехала. Анат. Мих.⁸ хочет ехать в Петербург вскоре. Но я ему ничего не говорил, чтобы он был у нас, так как будет Паша.

Сейчас иду, пошлю спешной почтой письмо это, затем к Асе, говорить по телефону и затем буду делать, что выяснено будет по телефону. И расстояния велики и ждать приходится.

Завтра с Пашей пойдем в Нескучный сад и обедаю у Зелинских. Завтра выходной день – значит в смысле хлопот – пропал. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Очень рад, что у Ниночки⁹ устроилось с [кассами]. Но, очевидно, Николаю Петровичу¹⁰ придется изменять строй жизни.

По твоим открыткам Маке¹¹ слежу – но просил мне спешной почтой.

Оп. 7. Д. 59. Л. 18.

¹ См. коммент. 2 к письму 965.

² Очевидно, Вячеслав Михайлович Молотов, который в это время занимал пост председателя Совета народных комиссаров.

³ Очевидно, Андрей Сергеевич Бубнов, который в это время возглавлял Наркомат просвещения.

⁴ Ферсман.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Анна Марковна Любоцинская.

⁷ Мария Марковна Фокина.

⁸ Анатолий Михайлович Фокин.

⁹ Н.В. Толль.

¹⁰ Толль.

¹¹ Мария Егоровна Старицкая.

№ 969

2 августа [1933 г., Москва]¹

2.VIII.

Дорогая моя, в вагоне после ухода Комл.² вспомнил, что не взял твои карточки! **Спешно телеграфировал** с Курского вокзала. Надеюсь, получила вовремя и выслала. Всё есть, и если бы были карточки (я сегодня свои получил), могли бы выехать сейчас же. Особым порядком быстро и паспорта, и деньги³.

Я думаю, ехать лучше через Варшаву, дешевле и быстрее. Выехав позже (1 ч. 30 дня), вместо часа на Ригу – приедем в 11 часов утра вместо 4-х!, если правильно дали справку в бестолковом и безграмотном учреждении – Интурист.

Мои заседания завтра.

Не выехать ли нам 8–10? Надо готовиться.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Ниночке⁴ не могу писать: заграничных открыток нет и нет бумаги, а конверты такие, что, как говорят, за границу нельзя.

Постараюсь всё устроить, если твои карточки придут, чтобы до 6 всё получить.

На обороте: **Спешная почта.**

Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. **Вернадской**.

Адрес: В. Вернадский. Zubовский б-р, 15, кв. 28.

Оп. 7. Д. 59. Л. 19.

---

¹ Год и место написания открытки установлены по почтовому штемпелю.

² Возможно, Леонид Васильевич Комлев – в это время сотрудник Государственного радиового института.

³ См. коммент. 2 к письму 965.

⁴ Н.В. Толль.

№ 970

28 февраля 1934 г. (Ленинград)¹

28.II.934, утро

Дорогая моя, от тебя еще нет известий. Надеюсь, что ты хорошо доехала и тебя встретили. Мне надо знать, с каким поездом ты приедешь, чтобы достать автомобиль. Не знаю, застанет ли тебя письмо, но надеюсь, что ты известишь точно о поезде, когда будешь назад.

У нас здесь нехорошо. С Сергеем² наступило на следующий день после твоего отъезда резкое ухудшение. По-видимому, так же как с опухолями ног просмотрели и желудок. Врач думает, что ухудшение связано с «отравлением крови» от желудка – но это, по-видимому, начало конца. Страдания огромные,

ослабел. Я его не вижу. Мало спит. Вчера дал Е.Г.³ морфий. Хотели вечером впрыснуть – но не впрыснули. Очень это тяжело.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Как Паша⁴? Жду письма.

Владимир

На обороте: Москва, Zubовский бульвар, 15, кв. 28. **П.Е. Старицкому** для передачи **Н.Е. Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 20.

---

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Елена Георгиевна Ольденбург.

⁴ П.Е. Старицкий.

№ 971

15 декабря 1934 г., Москва

15.XII.934, Москва, утро

Моя дорогая, доехал отлично. Встретил меня Ник.Дм.¹ – очень дружелюбный и Хлопин. Устроился в гостинице «Метрополь». Кажется, хорошо, но, может быть, номер придется переменить, так как рядом с постелью уже с 7 часов, а, может быть, и раньше шумят, а так как я здесь, по-видимому, должен буду ложиться поздно, то может быть придется его переменить. Значительная часть дня прошла в ожиданиях и хлопотах в Комиссариате народного просвещения. В конце концов свиделся с Бубновым и выяснил все положение Радиевого института. Стройка на 1935 г. пропущена («месяц раньше»), но на 1936 г. будет, но это всё очень неясно. Положение лаборатории и устройство Академии – хаос. Наша лаборатория выйдет в конце концов. Еще не видел никого, кроме своих из Биогеохимической лаборатории. Днем я обедал у Паши². Паша поправился: у него была небольшая инфлюэнца. Видел еще Наташу³, деток⁴, Маку⁵ и т.д. Все благополучно. Машура⁶ была на службе. Видел младшего Пашу⁷. Пока всюду имел автомобиль. От Паши поехал в Комиссариат народного просвещения, где к 6 часам (прислали машину), но Бубнова видел только в 8^{1/2} вечера! Ждали. Вечером вернулся пешком в «Метрополь» (проводил Хлопин). До 11^{1/2} деловой разговор с Виноградовым. Он доволен своей квартирой, приглашал и меня, а когда я отказался, Хлопина, хотя неволью! Сейчас 8^{1/2} часов утра. В 10 часов у меня Баринов.

Нежно целую.

На обороте: **Ленинград**. Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. **Н.Е. Вернадской**.

Оп. 7. Д. 59. Л. 21.

---

¹ Возможно, Николай Дмитриевич Зелинский.

² П.Е. Старицкий.

³ Очевидно, Наталия Марковна Любоцинская.

⁴ Внучки М.М. Любоцинского.

⁵ Мария Егоровна Старицкая.

⁶ Мария Марковна Любоцинская.

⁷ Очевидно, один из внуков М.М. Любоцинского.

17 декабря 1934 г., (Москва)¹

17.XII.934

Дорогая моя, пишу вторую открытку. Чувствую себя хорошо. Заседания скучные² – нет жизни, так как основные вопросы не рассматриваются, да и нет веры, что они могут быть рассматриваемы. Сегодня кончил свой доклад, который будет 20-го³. Лаборатория начнет работать через месяц, думаю. В общем будет немного лучше, чем в Ленинграде. Для этого переезжать не стоило. Ну, может быть, через несколько лет уладится: но если несколько лет – то много иксов. Паша⁴ все-таки не поправился со своей основной работой. Он не осторожен. Бывал до сих пор каждый день. Сегодня не буду. Сегодня заседание отделения (навязанное, бюрократическое), обедаю у Зелинского, вечером доклады геологической группы. В гостинице устроился хорошо. Академия платит комнату непосредственно и проезд туда и обратно. На еду и т.п. выдают те двести рублей, которые получил в Ленинграде. В общем это всё оплатит львиную долю расходов. До сих пор машины были предоставлены для поездок хорошо – правда, я пользовался еще Комиссариатом народного просвещения и институтами Федоровского⁵ и Зелинского⁶. Даже мало хожу и невозможно было эти два дня: скользко. Митя⁷, очевидно доволен возможностью санатория. Я ему вчера дал 250, но это мало. У меня сейчас есть деньги, но у меня еще будут такие же расходы и было бы хорошо, чтобы ты выслала ему 150 руб. Он очень устал и без лечения работать не может: я и не углублял разговора. Надо несколько больше оплаты пансиона. Я бы мог выдать 100 – но, мне кажется, 350 мало. Лучше 400. Очень боюсь, что ты пойдешь сама на почту, а у вас, верно, скользко. Будь осторожна. Мне предлагают квартиру – в старом доме, которую надо отделать Александру Евгеньевичу⁸ поручил искать. Можно той же площади и 4 комнаты. Но это все обещания, которые, конечно, не исполняются. Во всяком случае, постараюсь посмотреть. Устроено и хорошее общежитие (комнаты) для академиков, не полное. Мне кажется, не партийное ли главным образом. Чувствую себя хорошо.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Вчера обедал в академической столовой – «хорошо» – 3 руб. обед.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 22.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² Имеется в виду Общее собрание Академии наук, которое впервые проходило в Москве (15–22 декабря), в связи с переездом Президиума АН и ее основных научных учреждений из Ленинграда в Москву. На декабрьской сессии рассматривались и утверждались планы научно-исследовательской работы Академии наук на 1935 г., разработанные учреждениями АН, утверждены организационные изменения в составе учреждений АН и произведены выборы руководителей учреждений (Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 21).

³ 20 декабря В.И. Вернадский выступил на заседании Отделения математических и естественных наук АН СССР с докладом «О некоторых явлениях в радиогелиологии», который был опубликован под названием «О некоторых очередных проблемах радиогелиологии» (Изв. АН СССР. Сер. 7. 1935. № 1. С. 1–18).

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Имеется в виду Институт прикладной минералогии.

⁶ Имеется в виду Институт органической химии.

⁷ Д.И. Шаховской.

⁸ Ферсман.

№ 973

17 декабря 1934 г. (Москва)¹

17.XII.934

Моя дорогая, послал тебе сегодня открытку. Не знаю, дойдет ли она до тебя, послана из Академии с той маркой, какую мог достать. Письмо получил – спасибо. Я тебе писал, чтобы ты послала Дмитрию Ивановичу² 150 руб. Я дал ему 250, но я думаю, что лучше ему иметь 400 для санатория. Он, бедненький, чувствует такую слабость – что это надо. И надо лечиться, почему было бы очень хорошо попасть в КСУ³. Сегодня уже первое заседание Академии. В общем всё идет так, как будто у нас всё благополучно с переездом. Сессия сырая, как и должно быть. Сегодня хотели с Зелинским быть у Петрушевского, который, говорят, находится в очень подавленном настроении – но при выезде из Академии была такая гололедица и дождь, немедленно леденевший, что не решились. А через 1¹/₂ часа погода изменилась, и можно было свободно идти по городу. Гололедица третий день. Боюсь, как ты. Будь осторожна. Был у Пилипенко, но его не застал. Может быть, еще придет (он на выборах). Два дня из-за гололедицы не гулял, а сегодня неожиданно хорошо прошелся. Местность около университета изменилась до неузнаваемости!

18.XII., утро

Завтра мой доклад – мне кажется, он не может пройти незамеченным⁴. Я, по крайней мере, считаю, что удалось выразить то, что хотел. Вчера в 10 часов вечера пришел ко мне Пилипенко, а еще **позже!** Хлопин и Блох., любезно передавший свой разговор с тобою. Лег спать в 11¹/₂. Нежно⁵.

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. Н.Е. Вернадской.

Оп. 7. Д. 59. Л. 23.

¹ Место написания открытки установлено по почтовому штемпелю.

² Шаховской.

³ Комиссия содействия ученым при Совете Народных Комиссаров СССР (1931–1937) занималась в основном вопросами науки, а вопросы быта ученых перешли полностью в ведение профсоюза.

⁴ Доклад состоялся 20 декабря 1934 г. См. коммент. 3 к письму 972.

⁵ На этом открытка обрывается.

19 декабря 1934 г., Москва

Москва, 19. XII. 934

Дорогая моя, вчера получил твое письмо и очень всегда рад весточке.

Один день лишний остаюсь в Москве. На 23.XII предполагается созвать организационный комитет геологического конгресса¹; вечером в этот день будет заседание Минералогического кружка и Метеоритной комиссии². Так что я вчера заказал билет на стрелу на 23 и должен таким образом приехать в Петербург 24 со стрелой, то есть днем около 12 часов. Скажи по телефону и в секретариат (1.47.55), и в гараж (6.26.29), чтобы встретили.

С «Известиями», по-видимому, это общее правило – ни Д.И.³, ни Паша⁴ не могут подписаться: **через учреждение**. Сегодня буду говорить в секретариате и думаю, что устрою. А московскую газету какую-нибудь – «Вечернюю» или «Правду» выпиши.

Паше советуют выйти в отставку и тогда хлопотать о пенсии. Он всё еще несколько колеблется, но я думаю, это правильно. Он от гриппа поправился, но всё же его обычная болезнь его мучает. Он очень хрупенький. Я почти каждый день бывал у них. Был вчера. Обычно там и обедал, но эти два дня к ним не попаду.

Вчера было первое общее собрание⁵. И было обсуждение проекта Устава (безобразное творчество), вчера выступил и я с определенной резкой и откровенной критикой. Большое публичное заседание. Представь себе, оказалось, что главный автор Деборин (сидел рядом случайно). Он обиженно и очень неумно отвечал. Очевидно, был для публики инцидент. Но провести им Устав в таком виде явно не удастся.

Вчера утром был у Кати Чернояровой, приехал утром в 10 часов, в начале 11-го и застал спящих (выходной день). Очень милое и хорошее впечатление они делают. Это, я думаю, сердечность Кати – доброе хорошее сердце. Это всегда у нее было. Но и остаток братьев и сестер не поддерживают связи. Они хотят познакомиться с Булоцелями (не знают их фамилии после развода – девичьей фамилии О.Д.). Верно, будут тебе писать. Девочка **очень** славная. Вечером был у Розанова – он собрал несколько человек академиков; он сохранил и квартиру и библиотеку, но я приехал к нему в 9 часов вечера, в начале десятого, кое-кого застал, но начали отъезжать около 11! Уехал в 12 (с Ляпуновыми – вот чудак!). Очень тяжелое впечатление Лузин: не спит, головные боли. Такой *ancien régime*⁶ (ужин Московский!) старой Москвы ему, конечно, вреден. О загранице он вновь хлопочет. В Rouah он не попал – отказали. Александр Евгеньевич⁷ тоже хочет в Карлсбад. Я начну хлопоты теперь же на 2¹/₂–3 месяца, в Италию и Англию⁸. Писем французских еще не прочел. Пробежал. Utbain, по-видимому, много напутала. Завтра вечером мой доклад. Александр Евгеньевич среди всей сутолоки сделал крупное обобщение – но сидит до 3–5 часов утра, вычисляя.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Привет П.К.⁹, А.Д.¹⁰, Гревсам¹¹, Сереже¹² (как Агафонов¹³). Сейчас (9 ч. утра) жду Федоровского, заедет за мной на машине и повезет к себе. О силикатах. В 12 доклад Фр.Юл.¹⁴, а затем свидание с одним сибирским геологом (Ильиным). Хочу поймать Волгина и издательство. Мне сказал Яковкин, что Наталье Егоровне¹⁵ послана книга Звенигородского и обещал все сделать. Думаю сделает, если проследить.

Оп. 7. Д. 59. Л. 24.

¹ Имеется в виду XVII Международный геологический конгресс, который проходил в Москве с 21 по 28 июля 1937 г.

² В.И. Вернадский был председателем Метеоритной комиссии, созданной по его инициативе в Академии наук СССР в 1933 г.

³ Дмитрий Иванович Шаховской.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ См. коммент. 2 к письму 972.

⁶ Старый режим (фр.).

⁷ Ферсман.

⁸ В 1935 г. В.И. Вернадский получил разрешение на трехмесячную заграничную командировку для работы в библиотеках Лондона, Рима, Парижа над книгой «Биогеохимическая энергия в земной коре». По состоянию здоровья ему не удалось побывать в Лондоне и Риме, а работал над книгой только в парижских библиотеках с 24 октября по 4 ноября. Остальное время жил с Натальей Егоровной в семье дочери в Праге.

⁹ Прасковья Кирилловна Казакова.

¹⁰ Очевидно, А.Д. Шаховская.

¹¹ Гревсы.

¹² Личность установить не удалось.

¹³ Фамилия написана неразборчиво.

¹⁴ Франц Юльевич Левинсон-Лессинг.

¹⁵ Вернадская.

№ 975

20 марта 1935 г., Москва

Москва, Малый Харитоньевский пер., 4
20.III. 935

Моя дорогая, вчера не успел тебе написать. С.М.¹ еще здесь – ждет решения: вид хороший. Я надеюсь, что он добьется. Я видел его вчера и сегодня, заезжая к Паше². Паша, получив пенсию, чувствует себя недурно, по-моему. Видел Дмитрия Ивановича и Анну Николаевну³. Митя всё еще слаб, и мне не нравится какаято одутловатость его лица.

Сегодня смотрел квартиру. Я не смотрел квартиру на Садовой у Пресни, так как мне кажется, квартира на Дурновском, 1 **вполне** нам подходит. Думаю, что не ошибаюсь – но, во всяком случае, до твоего осмотра я окончательно не решаю, но прошу ее задержать. Это небольшой особняк среди очень чистого двора-садика. Новая постройка – 1926 – строило немецкое торговое представительство. Два этажа – я смотрел только верхний, так как ты не хочешь вниз. Есть еще полуподвальный этаж. Квартира относительно чистая, комнаты высокие, на солнечную сторону, центральное отопление: площадь около 89 кв. м. Кабинет – большая комната, больше 35 кв. м (меньше моего), есть еще 4 комнаты, но две (6 кв. м и 7 кв. м), конечно, должны быть соединены.

Будет, следовательно, 4. Своя прачечная внизу. **Большая** (относительно) кухни с газовой плитой; ванна с газовым отоплением (вроде как в Праге). Есть какие-то кладовки, кажется. Один ход. Лестница, мне кажется, более крутая, чем у нас, в два перехода. Кто будет жить внизу – не знаю.

Это культурная новая квартира – иностранца. В сущности, если бы мы захотели держать прислугу, не приходящую, можно было бы иметь в полу-подвальном помещении, сухом и теплом. Нижний этаж такой же...

Если потребуется ремонт, то небольшой относительно, и, следовательно, очень скоро станет вопрос о переезде. Ломать ли нам, старикам, так жизнь? Сейчас надо это окончательно решать. Я думаю, что я не смогу долго вести два института, быстро оба растущие, и придется выбирать. Хочу заняться, как ты знаешь, своей книгой над биогеохимической энергией жизни с философским уклоном, дающей новый аспект явлений жизни. Было бы лучше всего эту книгу писать там, где Танечка⁴. Но, если здоровье позволит, я не хотел бы бросить института здесь. Очевидно, оба института – и биогеохимический, и радиевый – будут еще долго в сдавленном состоянии. На постройку и того и другого, на приведение их в нормальное положение в ближайшее время надежды мало. Радиевый институт, очевидно, останется в Петербурге, а Биогеохимический – в Москве. С другой стороны, наиболее близкие люди здесь, в Москве.

Сегодня достанут план квартиры, и я тебе его сегодня же постараюсь послать. Очень жду известий от тебя – о Ниночке⁵, очень всё же беспокоюсь.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 25.

¹ Очевидно, Сергей Михайлович Фокин.

² П.Е. Старицкий.

³ Шаховские.

⁴ Т.Н. Толль.

⁵ Н.В. Толль.

№ 976

22 марта 1935 г., [Москва]

22.III. 935

Дорогая моя, вчера вечером я был у Зелинского и туда мне Машура¹ прозвонила твою открытку. Рад, что Ниночка² выздоровела.

Вчера и накануне ночью я чувствовал себя неважно с сердцем; Александр Павлович³ согласно твоему письму взял мой пульс – и нашел его не вполне хорошим, с небольшим перебоем. Сегодня по его совету я не пойду днем на два заседания, на которых хотел быть, просижу и пролежу дома (я в общезжитии академиков – на Малом Харитоньевском – кроме меня, Карпинские и Курнаков), так как завтра и послезавтра трудные дни. Завтра мой доклад в Академии⁴. Принял *adonis vernalis* и чувствую себя лучше. Все-таки неприятно повторение сердечного недомоганья. Поеду обедать к Паше⁵, оттуда на заседание, где я председательствую в 6 часов.

У Зелинских всё хорошо – прелестный нежный и быстро развивающийся мальчуган.

Они знают домик, квартира в котором мною выбрана и удержана. Я надеюсь, она тебе понравится, они очень ее хвалят. Раз решили переезжать, едва ли найдем лучшее. Близки бульвары и скверы, говорят, в задней части двора, где я не был (сейчас снег), небольшой садик. Дом и снаружи отличается благоустройством, и построен в 1926 немцами с культурными требованиями.

Плана еще не дали, обещали вчера, будет готов сегодня утром. Так как я надеюсь или 26, или 27 быть в Петербурге, то может быть не стоит пересылать, а привезу.

Неожиданно быстро меняется вся жизнь – раз мы из заграницы уже вернемся в Москву, а не в Петербург.. Когда видишь все ужасы, которые переживают старые слабые люди, невинно- странно даже считаться с чувством, что ломаешь условия жизни, когда перешел за 70 лет.

Эта квартира очень близко к Асе⁶ и к Новинскому бульвару.

В Академии хаос. Хорошо, что сменили заведующего хозяйством Флаума⁷. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 59. Л. 26.

¹ М.М. Любошинская.

² Н.В. Вернадская.

³ Виноградов.

⁴ С 21 по 25 марта 1935 г. проходила сессия Академии наук СССР. В.И. Вернадский выступил на заседании Отделения математических и естественных наук 23 марта с отчетом о деятельности Биогеохимической лаборатории начиная с 1931 г., когда он последний раз докладывал в Отделении о работе Лаборатории (см. АРАН. Ф. 2. Оп. 4 а. Д. 5. Л. 209–227).

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ А.М. Любошинская.

⁷ Анатолий Яковлевич Флаум в 1934 г. входил в состав «тройки» (В.П. Волгин, А.Я. Флаум и А.Ф. Кошелев), отвечающей за переезд из Ленинграда в Москву учреждений Академии наук и их размещение в Москве.

№ 977

24 марта 1935 г., [Москва]¹

24.III. 935, утро

Моя дорогая, это последнее письмо. 26-го выезжаю. Заказал билет. Еще не знаю, какой поезд. Чувствую себя так себе. Сегодня лучше. Принимаю adonis – вероятно, помогло.

План квартиры везу. По-видимому, это исключительный случай. Мои доклады – собственно один ответственный (в отделении) – прошли благополучно².

Вчера Мака³ передала твои две открытки. С.М.⁴ успокоился. Такая же история с Виталием Григорьевичем⁵!

Сейчас 10 (час) – Лазарев. 12 – Отделение, 6 – Общее собрание, 8 – Биогеохимическая лаборатория – может быть, Общее собрание пропущу.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Ниночке⁶ написал.

Здесь настоящая зима. Хорош бы я был без шубы!

На обороте: Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, 2, кв. 12. **Н.Е. Вернадской.**

Оп. 7. Д. 59. Л. 27.

---

¹ Место написания установлено по почтовому штемпелю.

² См. коммент. 4 к письму 976.

³ М.Е. Старицкая.

⁴ Сергей Михайлович Фокин.

⁵ Хлопин.

⁶ Н.В. Толль.

№ 978

5 мая 1939 г., Киев

Киев, 5 мая 1939

Дорогая моя, вчера прекрасно доехали с опозданием почти в два часа. Вагоны чистые, удобства большие, но всё это бедно и в значительной мере основано на старье. Вагоны скрипят, постельное белье заштопанное и тому подобное. Но всё чисто и хорошо. Еды было дано тобой вдоволь, так что мы брали только чай. Нас встретили служащие Института биохимии, оказалось, меня встречал, было, директор академик Палладин, но не мог ждать и откладывать заседание. Оно всё же началось с большим опозданием. Первый докладчик Коштоянц из Москвы не приехал: заболел сын. Мне пришлось появиться на заседании – туда отвезли на роскошном автомобиле. Новое прекрасное здание. Я через 1/2 часа всё же ушел, так как себя берегу. Чувствую себя прекрасно. Александр Павлович¹ ухаживает, как за родным. С ним интересные разговоры. Мы даже больше говорили, чем читали. Съезд², по-видимому, серый, как сер и сам Палладин³, сын талантливого отца⁴, моего большого приятеля, академика русской Академии.

В Киеве чудная весна – все цветет, тепло. Говорят, и 1-го мая у них была летняя погода.

Нас поместили в одной из двух лучших гостиниц на Крещатике (сохранившем название, когда я был в последний раз, он назывался, кажется, улицей Воровского) в Гранд-Отеле. Лифт не действует, ресторана нет, чисто и фактически бедно с потугами на внешний лоск. В другой гостинице, где лифт действует, не могли иметь комнаты ниже 7-го этажа. Не решились взять, так как лифт может испортиться.

Вечером Александр Павлович хотел съесть и выпить чего-нибудь горячего (хотя бы чаю), не мог ни в гостинице, ни поблизости.

Всё также на бивуаке.

Сегодня его доклад⁵, и он готовился до часу ночи, а я крепко спал. И сейчас, около 8, он встанет, и мы пойдем искать, где можно выпить чай, я не решусь кофе. Его доклад, думаю, будет хорош, мы много о нем говорили.

Говорят, вчера нельзя было получить чай в гостинице, так как испортился кипятильник. Может быть починили. Но дефекты в мелочах, например штеп-

себя есть для лампы на столе, где пишу, но винтиков в проволоке нет, дверь плохо затворяется.

Хорошо, что чисто.

Постарайся выяснить с домом отдыха. Хочу сегодня зайти к Богомольцу.

Нежно и горячо обнимаю тебя, мою дорогую. Жду известий о детях. Привет Ане⁶, Прасковье Кирилловне⁷. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 1–2.

¹ Виноградов.

² Точнее, конференция по вопросам сравнительной физиологии.

³ Александр Владимирович Палладин.

⁴ Владимир Иванович Палладин.

⁵ Доклад А.П. Виноградова назывался «Об эволюции химического элементарного состава организмов».

⁶ Г.В. Вернадский и Н.В. Толль.

⁷ А.Д. Шаховская.

⁸ Казакова.

№ 979

6 мая 1939 г., Киев

Киев, 6 мая 1939,
Гранд-Отель, Крещатик

Моя дорогая, сегодня кончается конференция по сравнительной биохимии¹. В общем я доволен – видел новых для меня людей и новое. Из старых – их мало осталось – сегодня видел Крымского, который остался на старой квартире, на 6-м этаже (несколько раз в день поднимается). Постарел, но сохранил и духовную силу и работоспособность. Сейчас положение его гораздо лучше. Его признают как ученого и ценят – это улучшило и его материальное положение. Сыну его 10 лет: он показывал мне карточку (славный мальчик: он говорит, талантливый). Учится по-украински и мать его – малограмотна, говорит только по-украински. Живут в Свенигородке.

С ним я пошел пешком обедать (с Александром Павловичем) на ул. Короленко (бывшая Б. Владимирская). Киев внешне сильно изменился, но население жалуется, ничего нет и нельзя купить. В разговорах это [тут] больше чувствуется, чем в Москве.

Пошел, было, после обеда к Холодному, но надо лезть в гору – Киев для прогулок в этом смысле [труден]. Еще не был у Днепра.

Пишу в 4^h–20 – сегодня в 5^h–30 последнее заключительное заседание. Завтра утром пойду осматривать Геологический институт и переговорю с Бурксером и Чернышевым (новый академик и вице-президент. Геолог – очень хорошее впечатление). Завтра же мы сделаем поездку по Днепру в Староселье, а затем до 13-го устраиваемся в одном из санаториев, связанных с Академией, должно быть около Киева (Преображенское в Голосеевском лесу – около 45 минут езды по хорошей дороге).

На этом съезде долго не останусь и должно быть 15 выедем в Москву.

Пожалуйста, напиши сейчас адрес Марии Ивановны Безсмертной – в книжечку забыл вписать.

Жду письма. Может быть будет, на заседании получу.
Нежно обнимаю. Привет Ане², Паше³, Прасковье Кирилловне⁴.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 3.

---

¹ Точнее, конференция по сравнительной физиологии, которую проводила Украинская академия наук.

² А.Д. Шаховская.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Казакова.

№ 980

11 мая 1939 г., Киев

Киев, 11 мая 1939

Дорогая моя, пишу несколько слов. Сегодня приехал в Киев из дома отдыха в окрестностях – в Преображенском.

Почту всю получил сегодня. 13-го утром переезжаем в Киев. Холода неприятные, но очень хорошо живу в огромном яблочном саду среди леса.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

На обороте: Москва, 2, Дурновский пер., 1^б, кв. 2. Наталье Егоровне Вернадской.

Оп. 7. Д. 60. Л. 4.

№ 981

12 мая 1939 г., Преображенское

Преображенское, около Киева
Дом отдыха, 12 мая 1939

Дорогая моя, вчера был в Киеве и послал тебе открытку и получил почту – спасибо за письма. Я думаю, что Е.Гр.¹ права – вероятно, дети не выдержали гнета – духовного гнета.

Вчера был еще раз у Крымского. Личкова² не застал – очень досадно – послал ему записку. Это нелегкое дело для меня: Крымские на 6 этаже, Лиля – на 4-м, Личков – на 5. Лиля устроилась с своей приятельницей совсем хорошо – культурно. Благодаря Богомольцу ее и выселили в ...³, семья в которой живет – профессорская, очень порядочная.

Я вчера получил от Академии машину и объездил (Киев). Ходить по городу (всюду горы в Киеве) и лазить по высоким этажам мне действительно не по силам. Вчера осмотрел Геологический институт, вновь созданный, очень порядочный человек Б.И. Чернышев стоит во главе новой внутренней академии и полный академик. Мне он очень понравился. Здесь же я застал и старого моего приятеля, бывшего харьковского минералога Пятницкого – больше 80 лет – работает. Несмотря ни на что здесь работа налаживается

вновь. Только что была разрушена Ежовым. Вернули пока одного палеонтолога.

Нас отвезли на машинах назад в Голосеево. Здесь очень хорошо. Стало тепло – утром 7°, а днем 14–16 °С. Конечно, это не лето. Всё в цвету. Мы во флигеле в яблочном саду, который в полном цвету.

Завтра начинается другая конференция⁴. Если не будет доклада Александра Евгеньевича⁵, постараюсь зайти к Василенко. Она на службе, так что к ней можно только к вечеру.

Уезжаем отсюда завтра в 3 1/2 часа – пришлют машину. Не знаю, в какой гостинице нас устроили.

Гуляю здесь много. Чудный лес, точнее лес-парк с многостолетними дубами (еще не все в листьях), липами. Много грабового леса.

Сегодня написал Георгию⁶, завтра постараюсь написать Ниночке⁷. Выезжаем в 3 1/2 часа 15-го и, значит, будем в Москве утром. Никто не знает, когда приходит поезд, а расписания еще нет. Говорят, будет 15-го. Будем телеграфировать. Мы ехали 19 часов, а должны были ехать 18, если и обратно 18, то мы должны быть в 9 1/2 утра, так что тебе нельзя ехать утром в Узкое – поедем вместе, когда уложимся.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Привет Прасковье Кирилловне⁸, Ане⁹.

Оп. 7. Д. 60. Л. 5–6.

¹ Возможно, Елена Георгиевна Ольденбург.

² Имеется в виду Леонид Семенович Личков – отец Бориса Леонидовича Личкова, который был репрессирован (1934–1939).

³ Одно слово неразборчиво (похоже на слово «подъем»).

⁴ Имеется в виду Конференция по пегматитам.

⁵ Ферсман.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Н.В. Толль.

⁸ Казакова.

⁹ А.Д. Шаховская.

№ 982

6 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 6.VII. 940

Дорогая моя Натусенька, все время о тебе, бедненькой, думаю. Завтра надеюсь тебя повидать¹. Я даже откладываю свою поездку к наркому народного просвещения Потемкину (для метеоритов) – протестуют врачи. Устраиваю всё это иначе.

Здесь все о тебе спрашивают и замечательно сердечно ко всему этому относятся.

Сегодня должно было быть заседание бюро о метеоритах. Я его заменил надписью протокол (в бюро три лица: Фесенков, Кулик и я), который привозит мне Н.Н.² У Потемкина надо было говорить о получении одного метеорита из школы в Татарском селе. Достаточны: Фесенков и Кулик.

Черкни, если можешь, несколько строчек.

Как действует вытяжень ноги? Не очень ли больно? Поведала ты, что это больная нога?

Нежно обнимаю. До завтра.

Твой Владимир

Георгию³ посылаю сегодня письмо. Завтра пойдет. Письмо Ниночке⁴. Открытки. Гревсу написал о твоей беде.

Ответ ты подготовь, если ты можешь писать, к завтраму. Не знаю, в какой форме свиданье.

Оп. 7. Д. 60. Л. 7.

¹ Н.Е. Вернадская упала в комнате и получила трещину бедренной кости. Лечилась в Кремлевской больнице.

² Николай Никифорович, шофер, фамилию установить не удалось.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Толль.

№ 983

9 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 9.VII. 940, утро

Моя драгоценная Натусенька, постоянно о тебе думаю и так страдаю твоей бедой. Надеюсь, что скоро сможешь вернуться сюда, но ясно, что придется пробыть неделю-другую?

З...¹ у меня крепки и в старости оказывает. Надо быть в движениях осторожным. Хорошо для будущего.

Дима² не звонил. Я предупредил Прасковью Кирилловну³.

Посылаю тебе всё, что просила.

Передал через Веру Григорьевну⁴ 10 руб. двум носильщикам. Она говорила, что один из них [малолетка], кажется, [разыскивал] на «водку» (много меньше 5 руб.), а другой из водителей, многодетный по семье – для него деньги нужны на более производительные траты.

Как будто исполнил все твои поручения.

Завтра приеду, но от тебя сказали, что прием от 4–6, и я боюсь, у тебя мне сказали от 7 до 9 по средам, так я передал и Паше⁵, с которым мы собираемся приехать.

Завтра уезжает Виталий Григорьевич⁶ из Узкого, а из Москвы 14-го, а президиум, где мы проведем наши решения, должен быть 16-го! Может быть придется быть одному, если не приедет Ферсман, который застрял в Хибинах. Вчера с Виталием Григорьевичем составили записку.

Я сейчас невольно мыслью ушел в новое – в вопросы энергетики планеты. Под влиянием чтения новой книги – хорошей – Ферсмана, недавно вышедшей⁷ – ее критики, я решил прежде всего набросать положения – теоретические, но очень важные, о которых я теперь больше 20–30 лет думаю и которых немного коснулся на лекциях в Париже в 1923 г. и напечатал в «Géochimie»⁸ в 1924 и развил в русском издании в 1934⁹. Сейчас могу развить много дальше и принципиально иное, чем у Ферсмана.

Очень меня это занимает, и я откладываю ноосферу и физическое пространство – хочу написать об основных принципах энергетики биосферы и планеты Земли.

Как рушатся все планы, но ничего, всё идет вперед.

Не знаю, пока не нашел нового адреса Ниночки¹⁰. Если не найду, не забудь мне дать завтра.

Нежно целую. Моя бедненькая. Они мне говорили, что тебя «помучили». Только бы не даром.

Твой Владимир

Скоро должны приехать Аня¹¹, А.П.¹² и Кулик (старый путанник из путанников) и, может быть, [Малюга]¹³.

Оп. 7. Д. 60. Л. 8.

¹ Неразборчиво одно слово.

² Личность установить не удалось.

³ Казакова.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Хлопин.

⁷ Ферсман А.Е. Геохимия. Л.: ГНТИ хим. лит., 1939. Т. IV.

⁸ Vernadsky V.I. La Géochimie. Paris: Alcan, 1924.

⁹ Вернадский В.И. Очерки геохимии. М.: Гос. науч.-техн. горно-геол. нефт. изд-во, 1934.

¹⁰ Н.В. Толль.

¹¹ А.Д. Шаховская.

¹² Очевидно, Александр Павлович Виноградов.

¹³ Фамилия написана неразборчиво, возможно, сотрудник Биогеохимической лаборатории Д.П. Малюга.

№ 984

12 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 12.VII. 1940, пятница

Моя дорогая, все время душою с тобой, моя бедненькая. Ну да ничего не поделаешь – хорошо, что можно выскочить без больших потерь из этого бедственного случая.

Старость мирится со многим. [Рационализм] – ее мудрое правило.

Сейчас приедет А.П.¹ – я был весь день до сих пор на процедурах: ванна, электричество, завтрак, массаж. Хотел было еще доктор, но я чувствую себя (сердцем) явно лучше, и он отменил.

Вчера был у зубного врача (хорошее впечатление), и она меня успокоила – болезнь десен – лечат – прибавилось новое, но надо поправиться.

Вчера закончил подготавливать к печати работу, в основе которой лежит моя идея. Труд четырех лиц и многих месяцев. **Мое представление подтвердилось**, и открываются большие горизонты.

Вчера же был К.П. Флоренский – сын философа, математика, теолога, страдающего совершенно [невинно] в ГПУ. С ним сговорился о работе моей [точно] над правизной и левизной и другой, которую он начал по моему указанию еще раньше. Наконец близится реальность моей лаборатории².

Начал читать **интересный** роман Ванды Василевской «Земля в ярме»³. Постараюсь купить и прислать тебе. Всё больше сознаю действенность того процесса, который мы переживаем. Видимость, мне кажется, все больше пе-

рекрывается стихийной реальностью – и эта реальность далеко не совпадает по своему направлению – ножницы высказываемого и реального расходятся.

Вместо предполагавшихся очерков по физическому пространству и ноосфере должно быть здесь напишу очерк – об энергетике биосферы и земной коры. Мысль идет в этом направлении.

Посвященная тебе книга «Биогеохимические очерки»⁴ вышла вместо 1930 через 10 лет⁵, поступила в продажу, но ко мне не прислали. Добиваюсь.

Нежно обнимаю, моя дорогая Наталочка.

Ниночкиного⁶ адреса не нашел. Напишу Георгию⁷.

Твой Владимир

Аня⁸ уезжает в отпуск 20.VII. Скоро и отпуск Александра Павловича. В воскресенье буду с Пашей⁹.

Оп. 7. Д. 60. Л. 9.

---

¹ Александр Павлович Виноградов.

² Биогеохимическая лаборатория АН СССР.

³ *Василевская Ванда*. Земля в ярме. М.: Худ. лит-ра, 1939.

⁴ *Вернадский В.И.* Биогеохимические очерки. 1922–1932 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

⁵ Описка у В.И. Вернадского, вместо «лет» написано «дней».

⁶ Н.В. Толль.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ А.Д. Шаховская.

⁹ П.Е. Старицкий.

№ 985

19 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 19.VII. 940

Дорогая моя Натусенька, вчера я говорил с Александром Павловичем¹, и он мне разъяснил несколько те операции, которые с тобой делали. Косточка, которая сломалась (в «шейке»), но которая не сдвинулась сейчас, соединена неподвижно металлической проволокой (обычно платинированной). Александр Павлович говорит, что это довольно обычная операция. Они говорили, что операция при новокаине удалась хорошо. Платинированная проволока останется и мешать не будет.

Здесь я узнал несколько случаев, где лица старше тебя выходили благополучно из такой беды: организм справлялся в благоприятных случаях, как в твоём.

Еще с деньгами не рассчитали – все время как-то уходило – но я сказал Тане².

В воскресенье буду с Аней³.

Прасковья Кирилловна⁴, кажется, будет очень рада Кате Ильинской, и я им сказал, чтобы они переговорили.

Сегодня еду для глаз – узнать, можно ли 9% диоптрии или продолжать 8%.

Надо как-нибудь с Мар.Ник.⁵: она очень хочет тебя видеть.

Много сейчас думаю – и буду писать⁶ – не о пространстве, как рассчитывал – а об энергии и рассеянии элементов. В мысли не [волен]. К вопросу

о рассеянии я возвращался в 1890, 1924, 1937. Сейчас четвертый раз, а об энергии Земли всю научную жизнь подхожу, очень мало эта проблема подвинулась за время моей жизни.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Ивану⁷ и Сергею Митрофановичу⁸ написал.

Под утро получил и уже сегодня сделаю вспрыскивание.

Иностранные научные журналы приходят только **немецкие**.

Оп. 7. Д. 60. Л. 10.

---

¹ Виноградов.

² Личность установить не удалось.

³ А.Д. Шаховская.

⁴ Казакова.

⁵ Мария Николаевна Столярова.

⁶ Написанных на эти темы статей не обнаружено.

⁷ И.М. Гревс.

⁸ Зарудный.

№ 986

23 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 23.VII. 1940

Моя дорогая Натусенька, хотя завтра я увижу тебя с Пашей¹, но мне хочется тебе послать эти строки, так как сегодня будет Ник.Никиф.² Сегодня он привезет ко мне Ирину³ и Константина Константиновича Матвеева (из Свердловска).

Я очень много думал в последнее время в связи со своей работой и начинаю набрасывать статью, которую – вопреки всем планам – закончу здесь, в Узком, – о рассеянии атомов в земном веществе – живом и косном в связи с энергетическим строением планеты⁴. Это результаты работы и размышлений многих лет. Под влиянием новой книжки (в общем хорошей) Ферсмана⁵ я решил высказаться, так как он эти вопросы затронул, по моему мнению, не глубоко и в основном неверно. И тут со мной случился casus⁶ – я хотел выяснить, **кто** первый ясно и определенно поставил в науке вопрос о значении на нашей планете свободных атомов, и забыл, что сделал это я, и даже ясно указал на это в моих книгах, и в том числе в вышедших сейчас моих «Био-геохимических очерках»⁷, давно, 50 лет назад – в 1890 г. в речи в Москве и возвращался, углубляя и уточняя, в течение всей жизни. Теперь перечитал свои старые статьи и сделал крупный шаг вперед. Удивительно, как по мере старения – и должен сказать, по мере чрезвычайного (сам удивляюсь) расширения материала, над которым работаю, **массы** фактов, которыми обладаю, я забываю хронологические даты. Стараюсь пополнять хронологию⁸. Кстати, мы не могли быть в Царском селе⁹ в 1929, как ты установила; думаю, ты права, в Ст. Петергофе¹⁰ (забыл, как называлась точно эта местность, бывший охотничий домик, кажется) мы были в 1930 и 1931. В Царском селе мы были в 1928 в конце, в октябре или декабре: был снег, но не все время. Ибо тут я

виделся с Коганом и моя книга «Живое вещество» (сейчас вышла как «Био-геохимические очерки») сохранившийся корректурный экземпляр – в предисловии – помета **май** 1929. Книга должна была выйти в 1930 г.!

А были мы в Царском селе при снеге – осенью или ранней зимой 1928 значит. Были, помню, один месяц.

Приехал Александр Евгеньевич на десять дней. Сегодня в президиуме будет рассматриваться вопрос об урановой тройке, где я председатель¹¹. Она будет не при Геологическом отделении, а при Президиуме Академии, пополнится физиками и химиками. Я хочу отказаться от председательствования – должен быть председателем директор Радиевого института В.Г. Хлопин. Пишу заявление в этом смысле¹².

Нежно и горячо тебя обнимаю.

Твой Вернадский

Оп. 7. Д. 60. Л. 11.

¹ П.Е. Старицкий.

² Николай Никифорович, шофер.

³ Возможно, Ирина Дмитриевна Борнеман-Старынкевич.

⁴ Указанная статья В.И. Вернадским не была опубликована.

⁵ См. коммент. 7 к письму 983.

⁶ Случай, происшествие (лат.)

⁷ См. коммент. 4 к письму 984.

⁸ В.И. Вернадский имел в виду материалы к задуманной им автобиографической книге «Пережитое и передуманное». В фонде ученого (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Л. 25–64) сохранилось 40 объемных папок «Хронологии», которая включает в себя документы, копии с документов, письма, выписки из книг, библиографию, газетные вырезки, а также фрагментарно, за разные периоды написанный Вернадским текст воспоминаний. Книгу он готовил с помощью Натальи Егоровны и секретаря А.Д. Шаховской с конца 30-х годов до конца жизни.

⁹ С 1918 до 1937 г. Детское село, а затем г. Пушкин.

¹⁰ Петродворец с 1944 г.

¹¹ В письме к Б.Л. Личкову В.И. писал: «Образована у нас по нашей и Хлопина инициативе “тройка” под моим председательством (из меня, Хлопина, Ферсмана)» (Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1940–1944. М.: Наука, 1980. Л. 29).

¹² 25 июня 1940 г. по предложению «тройки» при Отделении геологических наук АН СССР была создана временная комиссия по урану, в которую вошли В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман и С.И. Вольфович для выработки плана и направления предстоящих работ. 30 июля В.И. Вернадский на заседании Президиума АН СССР сделал доклад о результатах работы комиссии. На этом заседании была утверждена постоянная Комиссия по проблеме урана в следующем составе: председатель – В.Г. Хлопин, заместители председателя – В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе, члены комиссии – И.В. Курчатов, В.И. Вавилов, Д.И. Щербаков, А.П. Виноградов, Г.М. Кржижановский, П.Л. Капица, А.Е. Ферсман, П.П. Лазарев, А.Н. Фрумкин, Л.И. Мандельштам, Ю.Б. Харитон. (Там же. С. 30).

№ 987

26 июля 1940 г., Узкое

Узкое, 26.VII. 1940

Дорогая моя Натусенька, бедненькая. Хотел вчера тебе написать, но что-то помешало, и я не успел к приезду машины (Ал.Павл.)¹. Сегодня днем еду в город – наконец-то нам дают комнату, но, кажется, хорошую, в 3-м этаже, а меньше во 2-м. Принципиально я останавливаюсь на 2-м этаже и, если комната будет не очень мала, то возьму ее. Заеду и к Прасковье Кирилловне² – скажу о Кате Ильинской и о денежных делах.

Начал писать сразу – и обдумывать **две** статьи. В сущности, я думаю о них десятки лет. Но книга Ферсмана (не охватившего всю проблему) заставила меня mettre les points sur les «i»³. Думаю, что в ближайшее время их закончу – так для меня все ясно.

Вчера кончил Воспоминания Витте⁴ – перенесся в прошлое. Как удивительно всё произошло. Ясно видишь безумие людей, которые стали во главе. И при всей глубине ума Витте – он не предвидел того, что произошло – но к чему шел исторический процесс, который мы переживали одновременно. Будущее мелькало для него в гибели династии, но он совсем не понял новых социальных форм – люди реальные политики являлись ему в виде революционеров-**анархистов** – он проглядел социализм и коммунизм. Террор и убийства царили – казни и войны. Но он смотрел на политику России во всем аспекте, как немногие. И значение 1/3 населения (думаю, больше, учитывая Украину и Белоруссию) «инородцев» и значение Евразии – Японии и Китая. Сейчас всё это еще ярче и по-новому проявляется. То, что установилось преходяще. Устойчивого равенства сил нет, да его и не будет, пока будет история человечества.

Ты получила мое письмо? (до моего приезда – передала Екатерина Матвеевна⁵). Представь себе, что они переменяли и ничего не объявили: по средам, когда мы были, было время от 6 до 8. Так будет и впредь.

Марии Николаевне⁶ несколько раз звонил – но никто не подходит к домовому телефону. Напишу ей открытку.

Нежно обнимаю – уже 11-й час, а к 12 придет Н.Н.⁷, а у меня еще много неотложных мелочей.

Чувствую себя лучше, что видно по адонису: вчера 1 раз и 1 валидол. Сегодня утром принял адонис в виду [поездки].

Моя бедненькая – Тусенька. В «Воспоминаниях» Витте ужасно [рад] Сереже Крыжановскому. А я ярко помню, как он сердечно помог при этом, когда арестовали Георгия⁸!

Книга Витте обвинительный акт против Николая II, его жены⁹, царедворцев и Столыпина. Тоже замечательный документ.

Когда мы были в Детском селе – должно быть, осенью или зимой 1928, а не 1929, так как предисловие к не вышедшему «Живому веществу»¹⁰ подписано **маем** 1929, а раньше я в санатории сговорился с профессором Коганом, стоявшем во главе издательства.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 12.

¹ Александр Павлович Виноградов.

² Казакова.

³ Ставить точки над «и» (фр.).

⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания: В 3 т. М.; П.: Печатный двор, 1923–1924.

⁵ Ферсман.

⁶ Столярова.

⁷ Николай Никифорович, шофер.

⁸ Речь идет о Г.В. Вернадском. См.: *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской 1901–1908. М.: Наука, 2003. С. 206–207.

⁹ Александра Федоровна.

¹⁰ *Вернадский В.И.* Живое вещество. М.: Наука, 1978.

№ 988

9 августа 1940 г., Узкое

Узкое, 9.VIII. 1940, пятница

Дорогая моя бедненькая Натуся, сегодня еду к ушному врачу, и Н.Н.¹ заведет к тебе это письмо.

В воскресенье собираемся к тебе с Пашей². Здесь какая-то из наших знакомых дам (не Скочинская ли?) расспрашивала меня про Марию Николаевну Столяр.³, говоря, что она очень ею была довольна, а теперь ее от нее отчислили, так как она не того района. Очевидно, что-то с ней случилось. Хочу ближайшие дни к ней дозвониться.

Узкое сейчас переполнено, но хорошая погода. Тебе, бедненькой, еще труднее?

Сегодня заеду возьму пенсию и заеду на квартиру за почтой. Работаю хорошо. Хочу загладить все грехи – страшно непростительно запущенную корреспонденцию. Месяцами не отвечал.

А фактически ничего не закончил летом, а между тем уже оно почти всё прошло. Но мысль упорно работает всё время.

Эти дни чувствую себя лучше – может быть в связи с погодой.

Нежно целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 13.

¹ Николай Никифорович, шофер.

² П.Е. Старицкий.

³ Столярова.

№ 989

20 августа 1940 г., Узкое

Узкое, 20.VIII. 1940

Дорогая моя, завтра буду у тебя, но хочу послать тебе эти строки.

Букет тебе послан **лично** ею (она подчеркнула это), Еленой Константиновной («хозяйкой»)¹. Хорошо, чтобы ты ей написала.

Сегодня у меня будет Аня², которая вчера вступила в работу. Я еду затем (с Ал.Пав. и Хр.Густ.)³ на выставку – смотреть Вегетационный домик. Завтра приедет Прасковья Кирилловна⁴, и мы перевезем твои вещи, а потом с Пашей⁵ будем у тебя. Послезавтра увижу Бориса Личкова, который приехал в командировку в Москву на несколько дней.

Я работаю медленно, но, мне кажется, плодотворно над статьей в «Доклады» Академии наук «Несколько соображений об энергетической структуре геологических оболочек»⁶. Дается она мне не очень легко. Решил ее отделить от «Проблем биогеохимии», она небольшая, но я иду в разрез с господствующими представлениями.

Нежно мою бедненькую обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 14.

¹ Елена Константиновна – «хозяйка» в санатории «Узкое».

² Анна Дмитриевна Шаховская.

³ Александр Павлович и Христина Густавовна Виноградовы.

⁴ Казакова.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Статья не была опубликована.

№ 990

24 августа 1940 г., [Узкое]¹

24.VIII 940

Моя дорогая!

Завтра будем с Пашей². Посылаю два письма – одно (Георгия)³ пришло сегодня. Другое Ниночки⁴.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 15.

---

¹ Записка написана в Узком, так как В.И. Вернадский вернулся из санатория в Москву 30 августа. См. письмо 992.

² П.Е. Старицкий.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Н.В. Толль.

№ 991

28 августа 1940 г., Узкое

28 августа 1940 г., Узкое

Моя дорогая, вчера не написал тебе, как хотел, так как Александр Павлович¹ приехал неожиданно, я чувствовал себя скверно, он приехал вместе с Малышеком из Баку, не предупредив меня.

Очень досадно, что я сегодня решил не приезжать к тебе, так как у меня гриппозное состояние (нормальная температура) и сейчас неважное самочувствие. Вл.Льв.² советует очень не ехать. Послезавтра до 12 все равно возвращаюсь. Мария Николаевна³ вернулась и 30 обещала быть.

Здесь, по-моему, неправильно выдерживается диета – то есть Вл.Льв. указания не выполняются, и дома, думаю, будет лучше.

Эти дни как раз хорошо работал. Пишу несколько слов, так как может быть удастся вместо меня приехать Паше⁴.

Посылаю выдержки из моих записей 1920 г. – двадцать (более) лет тому назад. Меня поразила первая страница (ее прочти и Паше) прямо **предвидение**: читал теперь – это видно. А тебя попрошу, если не трудно (старые чернила), **прочти** всё и на отдельных маленьких листиках напиши свой комментарий к тому, что там написано⁵.

Не повезло нам с тобой в Узком.

Нежно тебя, мою дорогую Натусю, обнимаю.

Любящий тебя Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 16.

---

¹ Виноградов.

² Владимир Львович, лечащий врач.

³ Столярова.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921, октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994; То же. Январь 1920 – март 1921. Киев: Наукова думка, 1997.

№ 992

29 августа 1940 г., Узкое

Узкое, 29.VIII. 1940

Моя дорогая Натусенька, чувствую себя так себе – температура нормальная, желудок не вполне – все по-прежнему. Думаю, что это вода. Очень многие здесь больны. Все старания Владимира Львовича¹ напрасны. А затем насморк, голова – частью прилив, частью связано с насморком. Думаю, что когда приеду в Москву, быстро улучшится, раз дело в пище и воде.

Очень рад, что Паша² был у тебя. Аню³ еще не видел, но по телефону с ней говорил. Сегодня она у меня будет и поможет уложиться. Завтра часов в 10 утра выеду.

Прочла ты мои крымские записи. Очень жаль, что вел их урывками, иногда несколько записей в год – иногда больше. Здесь у меня еще очень интересные на 1921 – поездка в Москву и Москва. Много вспоминается. Совсем забытое. Но заставить себя постоянно писать – невозможно.

Было бы хорошо, чтобы ты прочтя, что тебе Аня передала, написала, что помнишь.

К тебе буду 1-го сентября уже из Москвы.

Между прочим прочел во время болезни несколько легких и интересных книг А. Церетели «Пережитое», перевод с грузинского, и Олдингтон «Суший рай». Последний – сперва впечатление неопределенное и я было его перелистывал, но затем прочел и хотя тенденциозно, но местами глубоко и новое мировоззрение близко к тому, которое вытекает из моего мировоззрения (конец) – думаю, что это то окружение мысли, которое привело к понятию биосферы биогеохимии. Тут идет от Уэллса? Достань. Это, кажется, не та книжка, которую видел у тебя.

Нежно тебя обнимаю, моя бедненькая Натусенька.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 18.

---

¹ Владимир Львович, лечащий врач.

² П.Е. Старицкий.

³ А.Д. Шаховская.

№ 993

30 августа 1940 г., Москва

Москва, 30.VIII.940, утро

Дорогая моя, только что приехал. Чувствую себя неважно. Я убедился, что в основе всего вода, и принимаю меры. Жалею, что сам не посмотрел. Сейчас поставлю градусник. Сегодня будет Мария Николаевна¹.

В Узком много больных желудком. Удивительно, что пытались это скрывать, как со смертью Архангельского.

В связи с водой, я рад, что вернулся в Москву.

Нежно тебя, мою драгоценную, целую. Будь осторожна. Если это связано с водой, то в Москве я быстро поправлюсь.

Конечно, не надо напрягать тебе глаза. Очень интересен дневник, который я вел в поезде из Симферополя в Москву в 1921 и по приезде. Жаль, что не вел все время². Но это невозможно при моей работе.

Нежно целую.

Твой Владимир

Температура = 36,5 – **нормальная.**

Оп. 7. Д. 60. Л. 17.

---

¹ Столярова.

² См. коммент. 5 к письму 991.

№ 994

31 августа 1940 г., Москва

31.VIII.940, Москва

Моя дорогая, пришло письмо от Георгия¹ авиапочтой от **20 августа!** Все благополучно. Ниночку² в Нью-Йорке допустили к экзамену³.

Посылаю тебе их сейчас же.

Завтра буду с Пашей⁴.

Мария Николаевна⁵ мне утром прописала опий – но я не принял, так как характер расстройства изменился после переезда в Москву. Думаю, моя мысль о воде правильна. Температура нормальная 36,3 – прилив к голове – поставил горчичники. Спал хорошо – компресс на живот, а сейчас диганель.

Надо нам послать Георгию по авиапочте письмо. Приготовь – Аня⁶ узнает – постарается достать тонкой бумаги и соответственный конверт.

Нежно обнимаю, мою бедненькую, дорогую Наталочку.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 19.

---

¹ Г.В. Вернадский.

² Н.В. Толль (Вернадская).

³ Дочь В.И. Вернадского Нина Владимировна закончила медицинский факультет Карлова университета в Праге, но для медицинской практики в США необходимо было подтвердить свой диплом сдачей экзаменов.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Столярова.

⁶ А.Д. Шаховская.

№ 995

5 сентября 1940 г., [Москва]¹

5 сент. 940

Дорогая моя Натуся,

посылаю тебе ряд писем. Письмо Георгия² нашлось. Сегодня взял пенсию и снялся для паспорта. Был в зоологическом саду, где гулял. Хотя пошел дождь – но хорошо.

Принял сегодня «Карлсбад» и ослабил диету. Чувствую себя **гораздо лучше**. Нежно обнимаю. Письмо завезет Н.Н.³ Паша⁴ звонил – у нас всё хорошо. Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 20.

---

¹ Записка написана в Москве, куда Вернадский вернулся из Узкого 30 августа, вскоре заболел и никуда из Москвы не выезжал.

² Г.В. Вернадский.

³ Николай Никифорович, шофер.

⁴ П.Е. Старицкий.

№ 996

10 сентября 1940 г., Москва

Москва, 10.IX.940, вторник

Дорогая моя Наталочка,

завтра будем у тебя с Пашей¹. Очень обрадовался, что с ногой тебе легче. Надеюсь, это не в ущерб прочности выздоровления.

Вчера послала Аня² 540 руб. Ивану³. Ему я написал. Сейчас у меня на текущем счету 11 235,21 к. Но издательство заплатило значительно меньше, чем должно было. Я теперь выясняю.

Спасибо, что сообщаем о здоровье – позвони сегодня к вечеру.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 21.

---

¹ П.Е. Старицкий.

² А.Д. Шаховская.

³ И.М. Гревс.

№ 997

13 сентября 1940 г., Москва

Москва, 13.IX.940

Моя дорогая Натусенька, всё время мыслью и сердцем с тобою, моей беденькой. Екат. Алекс.¹ звонила – к ней поеду при первой возможности. Цертелевой позвоню сегодня. Вчера в заседании видел Белянкина, который говорит, что Варв. Ист.² получила пенсию, как я просил, и всё устроено. Вчера

вернулись Ферсманы. Он похудел – но немного. Очень тяжел развал, который наблюдается кругом. Н.И. Вавилов арестован по «политическому» делу. Это тоже проявление развала и гниения. Человек в полном расцвете сил и самый крупный ученый – агроном в нашей стране с огромными достижениями для страны.

Ездил сейчас с Криновым в Парк культуры и отдыха – разговаривали о деле. Нежно целую – не успел написать. Будем с Пашей³ в воскресенье.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 22.

---

¹ Екатерина Александровна Черноярва.

² Личность установить не удалось.

³ П.Е. Старицкий.

№ 998

14 сентября 1940 г., Москва

Москва, 14.IX.940

Дорогая моя,

посылаю письмо Ниночки¹ от 6.VIII, сегодня полученное.

Говорил с Цертелевой-Кастариани и прочел выдержки из твоей сегодняшней открытки.

Завтра буду с Пашей². Чувствую себя так себе – но «нормально» жизнь не прерывается.

Был сегодня у Прянишникова, узнавал о Н.И. Вавилове. Ферсманы вернулись, шлют привет.

Был занят вопросом о вирусах, в связи с комиссией Гамалеи, в которую вошел³. Завтра расскажу.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 23.

---

¹ Н.В. Толль (Вернадская).

² П.Е. Старицкий.

³ 28 июля 1940 г. В.И. Вернадский Президиумом АН СССР выбран в академическую комиссию по изучению вирусов при Биологическом отделении, которую возглавил Николай Федорович Гамалея (См.: Ф. 518. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об.).

№ 999

17 сентября 1940 г., Москва

Москва, 17.IX.940

Моя дорогая Натусенька, посоветовавшись с Марией Николаевной¹, я решил завтра к тебе не ехать. Вместо меня вызови Аню². Она тебе всё расскажет.

Сегодня я вызвал Марию Николаевну, так как я проснулся (спал хорошо – и всё в порядке) с большой ноющей болью в спине, в руках, шее и т.д., которая у меня бывает во время гулянья. Я принял сегодня – до Марии Никола-

евны – три раза идоедел, 3 капли валидола – потом по ее указанию строфант (5 капель). Сейчас по ее указанию 2 капли нитроглицерина. Мне значительно лучше, но давление 200/80. Такого еще не бывало у меня. 23 августа давление было 160/80 (после подутина). Сегодня я утром впустил подутин – была Ел.Сем.³ Последний раз подутин принимал 23 августа же. Может быть, без сегодняшнего подутина было бы давление еще больше. Мария Николаевна, если ничего не произойдет, будет послезавтра.

Вероятно, у меня уже давно это подготовлялось. Вчера после заседания чувствовал себя хорошо. Был у меня вечером Комлев.

Мне жаль, что не буду в вирусной комиссии, но надеюсь, что скоро оправлюсь. Опять диуратин–адонис-подутин и нитроглицерин. Это, знаешь, изрядно.

Нежно тебя, мою дорогую, целую. Как ты себя чувствуешь?

Твой Владимир

Шубников, кажется, берется исследовать кристаллизацию белков.

Оп. 7. Д. 60. Л. 24.

---

¹ Столярова.

² А.Д. Шаховская.

³ Ел.Сем., медсестра.

№ 1000

18 сентября 1940 г., Москва

Москва, 18.IX.940, 5 часов

Дорогая моя Натусенька. Аня¹ тебе расскажет обо всем. Давление 160/65. Сегодня мне лучше. Мое скверное ощущение проходит. Но эту ночь было очень неприятно – до 3-х часов я не мог заснуть, и всё время в области аорты и между лопатками очень всё ныло.

Очень неудобно писать – лучше я тебе напишу после. Паша² и Аня расскажут тебе обо мне.

Нежно тебя целую. Думаю, все благополучно пройдет.

Беденькая моя Натуся.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Д. 33.

---

¹ А.Д. Шаховская.

² П.Е. Старицкий.

№ 1001

19 сентября 1940 г., [Москва]¹

19.IX.1940 г.

Дорогая моя Натусенька! У меня инфлюенца. Чувствую себя так себе.

Была Мария Николаевна². Давление 165/65, температура – 37°, ...³ подействовал.

Фромгольд упал у себя на квартире, но его в сущности не надо.

Мария Николаевна также, очевидно, чувствует ответственность.

Вчера вечером у меня были Паша⁴, А.П.⁵,...⁶ Хорошо, что Гр.⁷ переехали. Боюсь, что ты не разбираешь мои каракули. Но пишу лежа.
Нежно целую, мою дорогую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 25.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Два слова неразборчиво.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Александр Павлович Виноградов.

⁶ Дана еще одна фамилия, возможно, Виталий Григорьевич Хлопин.

⁷ М.С. и И.М. Гревсы.

№ 1002

20 сентября 1940 г., [Москва]¹

20.IX.940

Моя дорогая Наталочка! Сегодня у меня была Мария Николаевна². Она считает, что если температура у меня не нормальная (сейчас 37,2), а повышенная температура связана с сердцем – А.П.³ тоже считает это возможным (он сейчас у меня). Так как Фромгольд на 4–5 дней уехал после своего падения – мы решили с Александром Павловичем просить Яковлева. Аня⁴ будет сейчас звонить. Это будет, конечно, за мой счет. Я тоже этого хочу.

Никаких доказательств, что температура от инфлюенцы, нет, а между тем диагностически очень важно выяснить ее происхождение.

Чувствую себя не скверно. Александр Павлович тоже считает, что температура может быть от сердечной болезни.

Я окончил тебе записку, так как пошлю Николая Никифоровича⁵ с утра <с> письмами. А затем он должен отвезти Александра Павловича.

Нежно тебя обнимаю, мою дорогую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 34.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Виноградов.

⁴ А.Д. Шаховская.

⁵ Николай Никифорович – шофер.

№ 1003

22 сентября 1940 г., [Москва]¹

22.IX.40

Дорогая моя Наташечка, диктую Ане², так как поставил градусник, а иначе Паша³ и З.⁴ могут опоздать, так как нас задержали Ферсманы, которые только что уехали.

Чувствую себя недурно, но меня врачи, в том числе и Александр Павлович⁵ упорно убеждают, что раз только температура связана с сердцем, то

надо быть сугубо осторожным, так как из мелочи может разгореться большая. И надо по возможности лежать, минимально ходить, в этом смысле я подчинился строгому режиму и сократил неизбежные переходы до минимума. Насколько я могу разобраться, это всё связано с тем, что диагноз в этого рода заболеваниях не очень точен. Но, во всяком случае, я вполне сознаю правильность этих указаний и принимаю все меры к их исполнению – будь спокойна.

Моя дорогая, постоянно мыслью и сердцем с тобой. Нежно обнимаю.
Жду письма очень. Неудобно писать.

Твой Владимир

Температура в 3.30 ч. – 36,9–37,0.

Оп. 7. Д. 60. Л. 26–27.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² А.Д. Шаховская.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Зинаида Михайловна Супрунова.

⁵ Виноградов.

№ 1004

24 сентября 1940 г., Москва

Москва, 24.IX.940, 7¹/₂ утра

Моя дорогая Наталочка!

Хочу тебе написать о выяснившемся ходе лечения. После разговоров с Фед.Ив.¹, Марией Николаевной² и Александром Павловичем³ для меня выяснилось, что врачи исходят из представления, что у меня проявляется тот же процесс, который был в 1937 г., приводит одно время к потере руки. Температуру они относят к сердечным явлениям, но какого рода эти явления, они не знают. В 1937 г. лопнул один из мелких кровеносных сосудов и окончилось благополучно. Если бы теперь это кровоизлияние или воспалительный процесс коснулся более важного для организма проявления, могут быть большие неприятности. Александр Павлович мне говорил об эндокардите – я не разобрался в его рассуждениях – еще раз спрошу при случае. Сегодня утром возьмут кровь, так как, помимо температуры, быстрое выпадение эритроцитов (кажется – красных кровяных шариков) при этом меняется. Когда выздоровеет Егор Егорович⁴, с ним будет консультация.

Во всяком случае сейчас они будут чрезвычайно осторожны. Надо лежать и позволят встать, только если 5–10 дней будет все время нормальная температура. Вчера весь день была нормальная (до 36,9), а вечером (6^h–40) 37,2. Сегодня (7^h–15) – 36,5.

Как видишь, это дело затяжное, и так как я заинтересован в ряде крупных научных проблем, то я, помимо всего прочего, буду и сам активно проводить нужный режим.

Старость имеет и свои хорошие, но и свои тяжелые стороны. Умственно живу интенсивно. Привожу в порядок переписку и многочисленные недокон-

ченные обязательства. Хорошо, что голова свежа, и мысль работает интенсивно. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 28.

---

¹ Федор Иванович Яковлев.

² Столярова.

³ Виноградов.

⁴ Егор Егорович Фромгольд.

№ 1005

25 сентября 1940 г., Москва

Москва, 25.IX.940

Моя дорогая, у меня вчера были и Александр Павлович¹, и Мария Николаевна², с обоими я говорил о своей болезни. Вдумываясь в свое самоощущение, я вижу, как всегда, насколько приближены заключения врачей и насколько они «далеки»³ от субъективных показаний.

Поэтому важны⁴ те независимые указания, которые можно применять. Реакция крови дала определенный результат. Количество осевших кровяных шариков равно 35, вместо нормальных 12–13. Мария Николаевна будет меня держать в постели помимо температуры, пока не спустится количество шариков до 12–13. Я думаю, что это показывает, что кровь мало вязкая. Конечно, очень тяжело и неприятно лежать, но чувствую я себя совсем ничего, и когда к себе присматриваюсь, то вижу, что и в движении пальцев и тому подобное можно всегда заметить какие-либо изменения, отражающие неизбежную флотенцию организма по отношению к внешним и внутренним условиям.

Вчера правая рука давала в мизинце болезненные и связанные с сердцем ощущения, которые сегодня почти прошли. Пока человек жив, он всегда всё чувствует. Я тебе пишу только несколько слов, чтобы держать в курсе. С перепиской и с деловыми бумагами буду осторожен.

Пишу утром.

Нежно⁵ обнимаю.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 47.

---

¹ Виноградов.

² Столярова.

³ Одно слово неразборчиво.

⁴ Со слова «важны» письмо написано рукой А.Д. Шаховской.

⁵ Окончание письма написано рукой В.И. Вернадского.

№ 1006

27 сентября 1940 г., [Москва]¹

27.IX.40

Дорогая моя, диктую Ане². У меня вчера к вечеру температура поднялась до 37,0; бывший в это время у меня Александр Павлович³ решительно считает это повышением, то есть указанием на существование какого-нибудь внутреннего фокуса.

Следовательно, приходится считать, что бывшие два дня нормальной температуры вышли из счета. Александр Павлович рассчитывает, что Фромгольд сможет, может быть, определить более точно место фокуса.

Чувствую себя ничего, но, конечно, лежание не укрепляет. Сейчас позвонила Мария Николаевна⁴. Фромгольд будет в 11 часов, напишу после.

Фромгольд считает, что бывшее у меня 17-го по 18-ое сентября явление аналогично тому кровоизлиянию, которое в 37 году выразилось временной неспособностью владеть правой рукой. Нарушилось кровообращение – питание некоторой части сердечного мускула. Единственное основное условие – лежать по крайней мере три недели. Он говорит, что такие явления лечат в Америке лежанием до десяти месяцев.

Организм борется, восстанавливая нарушенное и этот процесс восстановления, особенно, в моем возрасте, совершается медленно. Температура, конечно, восстановится. Он говорит, что, конечно, потом можно облегчить лежание, выходить к столу, сидеть в кресле. Дал режим еды, причем советует есть и мясное, птицу или рыбу, считая это, при условии, что я пью довольно много кофе или (что всё равно) чай, желательнее с этой точки зрения. Помимо докторского визита, я имел с ним интересный разговор о правизне и левизне и первый раз почувствовал реально вопрос об особом пространстве, занятом телом организма. Прилагаю тебе два письма: Б.Л. Личкова и его отца, из которых ты увидишь то положение, в которое он попал. Аня получила официальное известие, что Дмитрий Иванович⁵ умер 25-го января. Хочется списаться с Еленой Григорьевной⁶ и получить от нее некоторые выписки. Завтра Аня едет на два дня к своей матери.

Нежно⁷ тебя, мою дорогую, целую. Чувствую себя не скверно. Подал официальное заявление о невозможности принимать участие в работах сессии.

Фромгольд упал в комнате, ударившись лицом – пострадал нос (нелады).
Целую.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 29–30.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² А.Д. Шаховская.

³ Виноградов.

⁴ Столярова.

⁵ Шаховской.

⁶ Елена Григорьевна Ольденбург.

⁷ Окончание письма написано рукой В.И. Вернадского.

№ 1007

29 сентября 1940 г., [Москва]¹

Воскресенье, 29.IX.940

Моя дорогая, пишу тебе утром – спал хорошо. Вчера под вечер была Мария Николаевна², а вечером Виталий Григорьевич³. Все занимались разговорами о новом шаге Гитлера с Японией. Страх, что мы будем захвачены.

Я думаю, да это видно из официального немецкого сообщения, что нас держат в курсе дела. Опять коренные ошибки Англии – крушение ее политики по отношению Япония–Китай. Я надеюсь, что мы удержимся от вмешательства.

Вчера у меня была странная температура 36,3–35,8, причем с 10 утра до 4.0 держалась 35,8–36,0 – низкая температура, связанная с реакцией сердца. Но Мария Николаевна делает *longo uigina*, что на это правильно смотрит. Слабости я не чувствую, но связь с сердечной деятельностью была ясна, так как после утренней нормальной 36,3 я почувствовал (резко руки) понижение температуры и стал мерить. Это всё не имеет сколько-нибудь значения, но показывает правильность диагноза.

В Академии новый неожиданный арест академика. Арестован за два дня до доклада в Академии И.К. Луппол. Директор Горьковского музея и Института мировой литературы – образованный видный коммунист. Это уже внутренние счета.

Читаю между прочим и романы. Перечитал некоторые рассказы Гоголя. Теперь читаю «Анну Каренину». Сплошь я никогда не мог ее дочитать и читал только не сплошь все-таки. Сейчас попробую прочесть всё подряд.

Опять обдумываю статью о состоянии физического пространства.
Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Вчера у меня была Зиночка⁴ – ей грозит неприятность: в речи преподаватель... или... неудачно говорил о назначениях кончающих в отъезд из Москвы... не считаться с тем, что имеют квартиры в Москве и больных бабушек.

Имей в виду, чтобы не допустить к себе Сушкину, которая не моя симпатия, Прасковья Кирилловна сказала ей по телефону, что я так болен, что ко мне никого не пускают.

Твой Владимир

Оп. 7. Д. 60. Л. 31.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Хлопин.

⁴ З.М. Супрунова.

№ 1008

1 октября 1940 г., [Москва]¹

1.X.940

Моя дорогая, диктую Ане², хотя вполне могу писать и сам; делаю это, согласно твоему желанию. Очень меня беспокоит, что у тебя произошло с ногой. Постарайся сегодня дать нам знать с Ньюшей³. Посылаю тебе письмо Гревсов, из которого видно, что они хорошо устроились.

Я чувствую себя хорошо и надеюсь, что меня скоро выпустят. Температура была 29-го 35,8–36,2, вчера (30-го) 35,9–36,8, сегодня утром 35,8. Она понижена, как и надо было ждать, но вчера была даже не пониженная. Са-

мочувствие не скверное, голова свежая, читаю по возможности легкое и не волнуемое, но мысль работает бессознательно, чувствую в области физического пространства и что-то складывается. Аня мне читает вслух, чтобы не утруждать глаза, но они не в плохом состоянии. Очень жду тебя, Мария Николаевна⁴ будет между 12-ю и 1 часом, тогда припишу. Читаю «Анну Каренину», но очень идет это медленно. Очень не люблю, когда плохо кончается. Первого тома «Войны и мира» не нашли.

Нежно обнимаю. Твой Владимир⁵

Мария Николаевна сказала, что всё хорошо; завтра будут брать кровь на анализ, а она будет послезавтра.

Оп. 7. Д. 60. Л. 37.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² А.Д. Шаховская.

³ Очевидно, так В.И. Вернадский назвал А.Д. Шаховскую.

⁴ Столярова.

⁵ Все письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме: «Нежно обнимаю. Твой Владимир».

№ 1009

3 октября 1940 г., [Москва]¹

З.Х.940

Дорогая моя, пишу тебе несколько слов, чтобы сообщить результаты исследования крови. Вместо 35, которые были неделю тому назад, – 32. Мария Николаевна² говорит, что хорошо, что есть тенденция к понижению, но нельзя вставать, пока реакция не будет 15. Она говорит что думала, что придется лежать 5 недель, а Фромгольд рассчитывал на 10 недель. Она выслушала сердце и нашла его в хорошем состоянии. А я рассчитывал, что мне позволят уже сидеть. Придется подчиняться, ничего не поделаешь. Сегодня у меня был Александр Павлович³, Александр Евгеньевич⁴ и Борисяк.

Читаю и чувствую себя, если бы не то, что лежать, то хорошо. Аня⁵ читает мне частию вслух.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Температура сегодня 36,0–36,4.

Оп. 7. Д. 60. Л. 38.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Виноградов.

⁴ Ферсман.

⁵ А.Д. Шаховская.

⁶ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме: «Нежно обнимаю. Твой Владимир».

№ 1010

4 октября 1940 г., [Москва]¹

4.X.940

Дорогая моя, на воскресенье запиши Зиночку² и Пашу³. Я писал тебе вчера, что мне придется не менее 10 дней лежать, но пока всё идет нормально. Я написал сегодня Диме, и, очевидно, Диме, Зине и Сереже придется неожиданно и быстро возместить плату за учение. Напоминает мне это Крыловскую басню о медведе⁴, к сожалению, в последнее время всё чаще и чаще. Отчетная сессия Академии для Лаборатории прошла, по-видимому, блестяще.

Чувствую я себя недурно, очень жду тебя. Сейчас утром температура 35,95. Мария Николаевна⁵ будет завтра, если будет нужно. Всё равно до крови ничего решать нельзя, а кровь возьмут 9-го.

Сегодня у меня будет Александр Игнатьевич Андреев, которого я очень люблю и уважаю, и я узнаю ленинградские новости. Он приехал защищать докторскую диссертацию.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир⁶

Оп. 7. Д. 60. Л. 40.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² З.М. Супрунова.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ См., например: *Крылов ИЛ. Пустынный и медведь: Басни. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 109–111.*

⁵ Столярова.

⁶ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме последних 2-х строк.

№ 1011

6 октября 1940 г., Москва

Москва, 6 окт. 1940

Моя дорогая, пишу несколько слов, так как ты не любишь, когда я сам пишу.

Сегодня пришла открытка от Ниночки¹, которую тебе посылаю.

Ей написал открытку.

Вчера вечером у меня был народ. Я сам вызвал Казакова и Виноградова, а вдруг приехал Александр Евгеньевич, который уже 2-й раз ко мне заезжает. Очень интересный разговор.

Мария Николаевна была вчера и будет завтра. <В> 9 <час.> сделают кровь, и она тогда хочет пригласить Фромгольда. Если «роэ» покажет понижение, хотя бы до 25, она думает, что можно ослабить режим. Переменила лекарство – вместо прежнего (3 <раза> адонис, 2 – папаверин, ландыш и 2-строфант 5 <по> капель) – один адонис, три раза капли (20), уменьшенный строфант, ландыш и папаверин (утром). Советует больше есть сахара – как лекарство – сладкие фрукты и т.п.

Сегодня получил разрешение послать Танечке² 100 долларов, как просил; подписано, по-видимому, еще более высокой инстанцией.

Чувствую себя недурно. Нежно обнимаю.

Твой Владимир

Когда умер Вася Водовозов – в 1936? В каком месяце?³

Оп. 7. Д. 60. Л. 32.

---

¹ Н.В. Толль (Вернадская).

² Татьяна Николаевна Толль.

³ В архиве В.И. Вернадского хранится дело («Хронология. 1884–1943», составленная Н.Е. Вернадской в 1942–1943 гг.), в котором на 1936 г. записано: «Покончил с собой В.В. Водовозов. Через несколько дней лишила себя жизни и его жена» (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 64. Л. 73). На самом деле это случилось в 1933 г. в эмиграции.

№ 1012

8 октября 1940 г., Москва

Москва, 8.X.940

Дорогая моя, хочу тебе послать письмо Димы и письмо Агафонова¹. Страшно был рад, когда я его получил. Письмо характерное, он весь тут. Как он мог думать, что когда он официально иностранец, он мог пользоваться какими-нибудь правами французского гражданина в такой момент². Думаю, что и из денежной передрыги он, как всегда, вывернется³. Интересна его идейная ломка, которая идет. Странно, что он ничего не пишет про своего Мишу⁴. И я забыл ему об этом написать. Я известил его брата⁵. Я никогда не видел Маклакову и не понимаю, про какую другую даму он пишет⁶?

Диме я написал сегодня: «Я сделаю всё, что могу, чтобы ты мог закончить свое высшее образование». И задал ему ряд вопросов. Как всегда, его письмо немножко бестолковое, но практическое. И хорошее. Моя открытка с ним разминувшись, так как я тоже написал ему 4-го октября. Я думаю, что я смогу поддержать Зиночку⁷, Диму и Сережу – пойдет большая часть гонорара за «Биогеохимические очерки». У меня всё идет нормально, сегодня будет, вероятно, Мария Николаевна⁸, но в сущности говоря, пока не будет новых данных анализа крови, никаких изменений ждать нельзя. Но всё же пусть посмотрит.

Значит, завтра ты выпишешь Анюту и Аню⁹.

Нежно обнимаю, моя дорогая.

Твой Владимир¹⁰

Оп. 7. Д. 60. Л. 48.

---

¹ Письмо В.К. Агафонова от 29 августа 1940 г. из Juen-les-Pins сохранилось, см.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4д. Л. 41–12.

² В указанном выше письме В.К. Агафонов писал: «В безумном взаимострелении, в реках крови бытия человечество в судорожном порыве к какой-то новой жизни – к человеческому муравейнику или к неведомым формам свободы и братства? Мы не увидим с тобой окончания этой гигантской борьбы, но хотелось бы дожить до момента, когда выяснится всё же, у кого больше шансов на победу – у человеческого творческого духа или же у звериного начала – вечного взаимного истребления. Хотелось бы принять участие в этой борьбе, конеч-

но, не в физической, а в духовной части ее. Но где? Здесь это невозможно для иностранца, каковым я числюсь, несмотря на 30-летнее пребывание во Франции и на двадцатилетнюю научную работу на ее Земле и над ее землею. Подумываю об Америке, написал даже Георгию (Г.В. Вернадскому. – *Ред.*). Но в Америку (Соед.Шт.Сев. Америки) выписывают лишь членов политических партий, но я, как ты знаешь, уже больше 20 лет политикой не занимаюсь и ни в какой партии не состою» (Там же. Л. 41–41 об.).

³ В указанном в коммент. 1 письме В.К. Агафонов писал: «К сожалению, события последних месяцев (главным образом, отрыв от Парижа) сделали мое материальное положение почти трагическим: даже я, казалось бы, побывавший в переделках, всё же приуныл. Ну, авось, как-нибудь вывернемся» (Там же. Л. 42).

⁴ Миша, сын В.К. Агафонова.

⁵ Агафонов Александр Константинович (см. его письма к В.И. Вернадскому: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 3. Л. 6).

⁶ В указанном в коммент. 1 письме В.К. Агафонов писал: «Здесь, в Ницце, месяца 4 тому назад скончалась Марья Васильевна, мать Сережи (покойного) и Володи; недели две тому назад умерла в Париже Марья Алексеевна Маклакова, сестра Василия Алексеевича Маклакова, который по-прежнему стоит во главе русского эмигрантского комитета в Париже...» (Там же. Л. 42).

⁷ З.М. Супрунова.

⁸ Столярова.

⁹ А.Д. Шаховская.

¹⁰ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме двух последних строк, с незначительной правкой В.И. Вернадского в тексте.

№ 1013

9 октября 1940 г., Москва

9.X.940, Москва

Дорогая моя, вчера у меня была Мария Николаевна¹ и будет завтра, сегодня взяли кровь. Мария Николаевна говорит, что она просмотрела мои старые анализы крови и нашла, что и тогда было довольно высокое РОЭ – 15 и даже 20. Поэтому она решила, что если завтра будет 25, то она позволит мне перейти в другую комнату и лежать одетым. Она выслушала мое сердце и осталась им довольна. Сегодня пришли два письма от Маши², и мы заплатили за них 1 руб. 20 к., так как Маша не приклеила марок. Посылаю тебе свое письмо. Очевидно, они немножко отошли от ужасных условий своей квартиры. Только бы здоровье их не пошатнулось. Вчера у меня была Наташа³, очень рад был ее видеть, она имеет хороший вид! Я вчера прочел чрезвычайно интересную книгу, произведшую на меня громадное впечатление, китайского философа Ни-Schih называется она «Chinese Renaissance»⁴. Я очень хочу, чтобы ты ее прочла. Она поднимает большие и глубокие вопросы в общечеловеческом масштабе. Я ее задержу до твоего приезда. Написана она блестяще.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир⁵

P.S. Из письма Валериана⁶, кто эта дама, мать умершего Сережи и живого Володи⁷?

Оп. 7. Д. 60. Л.4 1.

¹ Столярова.

² М.С. Гревс.

³ Возможно, Наталия Марковна Любощинская.

⁴ Hu-Shih «Китайский ренессанс» (правильно: Hi-Shih).

⁵ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме последних двух строк.

⁶ В.К. Агафонов.

⁷ См. коммент. 6 к письму 1012.

№ 1014

10 октября 1940 г., [Москва]¹

10.X.940

Дорогая моя, только что была Мария Николаевна². РОЭ у меня – 20, то есть то, что бывало и в нормальное время. С завтрашнего дня она позволяет перейти в кабинет и там полулежать на этом кресле, но можно выходить пить чай, обедать и ужинать в столовую. Никаких движений тяжелых руками не делать и пока не ходить, кроме этих переходов. 16-го опять возьмут кровь и в той или иной форме я буду под надзором Марии Николаевны.

Теперь о тебе и о твоём переезде. Я считаю, что тебя нужно внести на руках в квартиру по лестнице и хорошо бы, чтобы они дали своих санитаров и свою машину. Если же это нельзя, то надо нанять. Мария Николаевна находит, что иначе нельзя сюда перевезти, и она думает, что они это сделают. Во всяком случае, переговоры, могут ли они это сделать. Тем более, что я сам не могу быть при твоём переезде. Твой план с Николаем Никифоровичем³ и дворником не реальный: для этого нужна сноровка и сила. Переговори об этом как можно скорее. Может быть, они смогут ко всему хорошему, что они сделали, и это сделать.

Мария Николаевна меня выслушала и нашла, что с сердцем все хорошо. У меня все-таки неправильный желудок, но это, очевидно, от лежания. Сейчас температура – 35,85, а утром была – 36,2.

Если тебя оставят до вторника, то напиши, кого ты хочешь на воскресенье: Павла Егоровича⁴, конечно, а кроме него, Зиночку⁵ или Нину Евгеньевну? Зиночка была у меня сейчас, ее нужно поддержать до мая. Бедненькая теперь почувствовала, что значит четверка по латыни. Они заявили, что раз хотя одна четверка, то никаких стипендий. По-видимому, теперь ей не грозит опасность назначения вне Москвы.

Нежно обнимаю.

Твой Владимир⁵

Оп. 7. Д. 60. Д. 42–43.

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² Столярова.

³ Николай Никифорович, шофер.

⁴ Старицкий.

⁵ З.М. Сапунова.

⁶ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, кроме последних двух строк.

№ 1015

12 октября 1940 г., [Москва]¹

12.X.940

Дорогая моя, мне кажется, было бы, может быть, хорошо, чтобы в воскресенье кто-нибудь к тебе приехал, во всяком случае, Паша². Вчера у меня был Паша, и мы решили, что можно не ехать, но сейчас я ему позвоню, что не лучше ли ему поехать. Мне кажется, нужно выяснить, какую машину они тебе дадут, будут ли два санитаря, чтобы тебя внести, всё это можно оплатить. Вещи тебе привезет Николай Никифорович³, и он будет тоже там. Конечно, решающий голос должны иметь врачи Кремлевской больницы, и мое мнение должно отойти на второй план. Николай Никифорович считает, что раз в тебе четыре пуда или меньше, то он может тебя внести, но, как молодой, он рассуждает легкомысленно, не учитывая, что ты больной человек. Температура у меня вчера была нормальной, и сегодня утром – 36,2, самочувствие тоже нормальное, даже вчера одно время было лучше, чем все эти дни. Заболел Александр Павлович⁴; в парикмахерской в Днепропетровске при бритье его заразили, и он слег, была высокая температура, головная боль, опухоль и т.д. И врач, которого ты знаешь, считает, что ему нужно быть очень осторожным.

Как всё хрупко!

Нежно обнимаю.

Твой Владимир⁵

Оп. 7. Д. 60. Л. 44.

---

¹ См. коммент. 1 к письму 995.

² П.Е. Старицкий.

³ Николай Никифорович, шофер.

⁴ Виноградов.

⁵ Письмо написано рукой А.Д. Шаховской, за исключением последних двух строк.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абамелик-Лазаревы, княжеский грузинский род, богатые помещики, владельцы заводов на Урале

Агафонов Валериан Константинович (1863–1955), геолог, минералог, почвовед, проф. Таврического ун-та (Симферополь) и Сорбонны с 1921 г., друг В.И. Вернадского со студенческих лет

Адольф Андрей Викентьевич, директор 5-й Моск. мужской гимназии, в которой учился Г.И. Вернадский

Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914), государственный деятель, министр юстиции (1905–06), статс-секретарь, назначенный член (с 1906), председатель (1907–14) Гос. совета

Аксенов Геннадий Петрович, исследователь творчества В.И. Вернадского

Александр I (1777–1825), российский император с 12 марта 1801 г.

Александр III (1845–1894), российский император с 1881 г.

Александра Федоровна (наст. имя Алиса Гессен Дармштадтская) (1872–1918), российская императрица, с 1894 г. жена Николая II

Александренко Василий Никифорович (1861–1909), выпускник юрид. фак-та Петербург. ун-та, проф. (1888–1909) международного права в Варшаве

Александров Семен Петрович (1891–1962), горный инженер, в 20-х годах руководил радиевым рудником Тюя-Муюн в Средней Азии

Алексат Павел Карлович (1868–1913), минералог и химик, ученик В.И. Вернадского, вел практические занятия в Моск. ун-те (1897), хранитель Минерал. кабинета Моск. ун-та (с 1897), сверхштатный ассистент (с 1898), штатный ассистент (с 1909) при кафедре минералогии Моск. ун-та

Алексеева (девичья фамилия Вернадская) Ольга Ивановна (1864–1920), сестра В.И. Вернадского

Алексеев Александр Семенович (1851–1916), юрист, приват-доцент (с 1879), орди-

нарный проф. гос. права (с 1886), декан юрид. фак-та Моск. ун-та, возглавлял возобновленное Юрид. о-во при Моск. ун-те (1910–13), сотрудник, чл. ред. комитета и пайщик «Юридического вестника»

Алексеев Борис Кирович (1884–1934), сын К.А. и О.И. Алексеевых, племянник В.И. Вернадского

Алексеев Кир Алексеевич (1860–1923), корнет лейб-гвардии уланского полка, после отставки (1879) служил членом Новомосковского уездного по крестьянским делам присутствия, почетным мировым судьей, муж Ольги Ивановны Вернадской

Алексеев Н.Н., учитель П.И. Новгородцева

Алексеев Михаил Мартинович (1848–?), выпускник Харьковского ун-та, д-р финансового права, попечитель Казанского (1899–1901) и Харьковского (с 1901) учебных округов

Аматуни Никодим Исаевич, выпускник юрид. фак-та, казначей Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та (с 1887)

Алферов Александр Данилович, канд. Моск. ун-та, преподаватель Марининского женского училища, женской гимназии Пусель и др. учебных заведений в Москве

Андерсон (Andersson), д-р, геолог компании Нобеля на Кавказе

Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959), историк, археограф

Андреев Константин Алексеевич (1848–1921), математик, чл.-корр. Петербург. АН (с 1884), преподаватель в Харьковском ун-те (1873–98), проф. Моск. ун-та (1898–1921), председатель Харьковского мат. о-ва (1883–98)

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), писатель

Андреевский Владимир Михайлович (1856–?), земский деятель Тамбовской губ., предводитель дворянства, чл. Гос. совета (с 1906)

Андреюшкин Пахомий Иванович (1865–1887), студент физ.-мат. фак-та Петербург, ун-та, чл. террористической фракции «Народной воли», участник покушения 1.III 1887 г. на Александра II). Повешен

Андрусов Николай Иванович (1861–1924), геолог и палеонтолог, чл.-корр. (1910), акад. (1914) Императорской АН

Аничков Николай Милюевич (1884–1916), педагог (с 1864), директор департамента Министерства народного просвещения (1884–96), товарищ министра народного просвещения (1896–97), чл. Гос. совета (с 1906), служил в Сенате в департаменте герольдии (с 1898)

Анненкова-Бернард (по мужу Дружинина) Нина Павловна (1864–?), писательница

Ансеров Александр Алексеевич, практикующий врач в Москве

Антонович Владимир Бонифатьевич (1834–1908)

Антонович Дмитрий Владимирович (1877–1945)

Антонович Максим Алексеевич (1835–1918), критик, переводчик, с конца 60-х годов занимался естествознанием, в частности геологией

Антула Дмитрие (1870–1924), сербский геолог, экскурсировавший с В.И. Вернадским по Боснии в 1903 г.

Аппель (Appell) Поль Эмиль (1855–1930), франц. математик, чл.-корр. (1911) Императорской АН, ин. поч. чл. (1925) АН СССР

Аргутинская Елизавета Александровна (Else), жена П.М. Аргутинского

Аргутинский-Долгоруков Петр Михайлович (1854–1911), врач и писатель, служил военным врачом (1879–84), экстраординарный (с 1893) и ординарный (с 1897) проф. Казанского ун-та, лечил детей В.И. Вернадского

Аренд (по мужу Вернер), знакомая Н.Е. и В.И. Вернадских в Париже

Аристотель (Aristoteles) (384–322 до н.э.), древнегреческий философ

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), юрист, либеральный публицист, литературовед и общественный деятель, почетный акад. Петербург. АН (с 1900), один из основателей партии демократических реформ, вел в «Вестнике Европы» внутреннее обозрение (с 1880)

Архангельский Андрей Дмитриевич (1879–1940), геолог, чл.-корр. (1925), акад. (1929) АН СССР

Арцруни (Arzruni) Андреас (Андрей Еремеевич) (1847–1898), немецкий минералог, чл.-корр. Петербург. АН (с 1895), проф. Бреславльского (Вроцлавского) ун-та (с 1884) и Высшей технической школы в Алене (с 1884)

Арцыбашев Дмитрий Дмитриевич (1873–1942), специалист по с.-х. машиностроению и прикладной ботанике

Аршинов Владимир Васильевич (1879–1955), геолог, заслуж. деятель науки РСФСР (1941), проф. Моск. горной академии и Моск. геолого-разведочного ин-та минерал. сырья, где был научным руководителем (1915–55)

Ауновский Александр Александрович (1872–?), минералог, ученик В.И. Вернадского, окончил Моск. ун-т в 1894 г.

Афанасьев Николай Николаевич (1856–?), д-р медицины, врач Дома призрения Казакова в Москве, лечил детей В.И. Вернадского

Ахлестышев Павел Дмитриевич, земский деятель Моск. губ., почетный мировой судья г.Москвы, губернатор Тверской губ. (с 1889), камергер Двора Его Императорского величества

Багалеи Дмитрий Иванович (1857–1932), выпускник Моск. ун-та, украинский историк, акад. АН УССР (1919), приват-доцент (с 1883), проф. (с 1887), ректор (1906–10) Харьковского ун-та, чл. Гос. совета (1906–13 с перерывами), городской голова в Харькове

Баклунд (Backlund) Хельге (Олег) Оскарович (1878–1958), геолог и петрограф, старший ученый хранитель Геолог. и минералог. музея Императорской АН (с 1912), проф. в Або (Финляндия) (с 1918), проф. Упсальского ун-та в Швеции (1923–1943)

Бакунина (ур. Любошинская) Софья Марковна (1889–1979), дочь М.М. и А.Е. Любошинских, жена М.А. Бакунина, хозяйка имения «Горная Щель», в эмиграции в Бельгии

Бакунин Павел Александрович (1820–1900), брат известного революционера-анархиста М.А.Бакунина, земский деятель

Бак Юлиан Борисович, инженер путей сообщения, издатель газ. «Речь» (1906–1918)

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт-символист, переводчик. В 1920 г. эмигрировал

Бардок Яков Юльевич (1857–1929), микробиолог, ученик И.И. Мечникова, один из организаторов Антирабической ст. (позднее Ин-т им. Мечникова) в Одессе, ее руководитель (1888–90), вел курс микробиологии в Новороссийском ун-те (1895–1929)

Барин Арвед (Barrin Arvede) Луиза–Сесиль Буфф (1840–1900), французский историк и литературный критик

Барринджер (Barringer), проф., в Лондоне при его содействии В.И. Вернадский посетил один из самых больших рудников олова в Великобритании

Барруа (Barrois) Шарль Эжен (1851–1939), французский геолог и палеонтолог, проф. в Лилле, ин. чл.-корр. Петербург. АН (с 1897; почетный чл. – с 1930)

Бартолин (Bartholinus) Эразм (1625–1698), датский естествоиспытатель, проф. математики и медицины в Копенгагенском ун-те

Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), востоковед, чл.-корр. (1910), акад. (1913) Императорской АН

Баталин Иван Андреевич (1844–?), журналист, основатель газ. «Минута» (конец 70-х годов XIX в.), ж. «Колосья» (1882), «Новое слово» (1895)

Багюшков Федор Дмитриевич (1857–1920), филолог, историк литературы, критик, приват-доцент (1885–98) и проф. Петербург. ун-та, проф. Психоневрол. ин-та в Петербурге, редактор ж. «Мир божий» (1902–06)

Баумгауэр (Baumhauer) Генрих Адольф (1848–1926), немецкий минералог, преподаватель в Люднинггаузене (с 1873), проф. (с 1896) ун-та во Фрейбурге

Бах (Bach) Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор и органист

Бахметьев Георгий (Юрий) Петрович, русский посол в Болгарии (90-е годы XIX в.)

Бедекер (Beadeker) Карл (1801–1859), немецкий издатель, основал в 1827 г. в Кобленце изд-во путеводителей по странам мира

Бекарюков Иван Дмитриевич, двоюродный брат И.М. Гревса

Бекетов Николай Николаевич (1826–1911), основатель русской школы физико-химиков, чл.-корр. (1877), акад. (1886) Императорской АН

Бекке (Веске) Фридрих Иоганн Карл (1855–1931), немецкий минералог, чл.-корр. (1912) Императорской АН

Беккер Борис Валентинович, инженер путей сообщения, препод. Имп. Моск. инж. уч-ща, проф. Моск. отд-я Имп. русск. техн. о-ва

Беккер Всеволод Вячеславович, врач гор. психиатрической больницы им. Н.А. Алексеева в Москве

Беккерель Анри (1852–1908), открыл (1896) естеств. радиоактивность солей урана.

Ноб. пр. (1903) совм. с П. Кюри и М. Склодовской-Кюри

Белопольский Аристарх Аполлонович (1854–1934), астроном, акад. (1903) Императорской АН

Белох (Beloch) Карл Юлиус (1854–1929), немецкий историк античности

Белянкин Дмитрий Степанович (1876–1953), геолог, минералог, петрограф, чл.-корр. (1933), акад. (1943) АН СССР

Бём (Böhm) Юлиус, торговец минералами в Вене

Берви Федор Вильгельмович (Васильевич) (1867–?), врач-хирург, выпускник (1893) мед. фак-та Дерптского (Тартуского) ун-та, участник борьбы с голодом и болезнями в Тамбовской губ. в 1891–92 гг. вместе с В.И. Вернадским

Бергт (Bergt) Вальтер Адольф (1864–?), д-р философии (с 1888), ассистент Минералого-геологического музея в Дрездене (с 1892), приват-доцент (с 1895), экстраординарный проф. Дрезденской высшей технол. школы (с 1899)

Бертран (Bertrand) Марсель (1847–1907), французский геолог, проф. геологии в École des Mines

Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор, дирижер и пианист

Бизлей (Beazley) Чарлз Рэймонд (1868–1955), английский географ

Бландов Николай Иванович, капитан-лейтенант в отставке, директор торгово-промышленного т-ва «Бр. В. и Н. Бландовы» в Москве

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), государственный и общественный деятель, председатель Археологической комиссии (1886–1917), чл. III Гос. думы, чл. Гос. совета (с 1912), товарищ министра внутренних дел (с 1916), обергофмейстер (с 1916), председатель Совета объединенного дворянства (1906), эмигрант с 1919 г.

Боголепов, владелец квартиры в Москве, в которую должен был переехать В.И. Вернадский

Боголепов Николай Павлович (1846–1901), государственный деятель, юрист, проф. римского права в Моск. ун-те, ректор ун-та (1883–87; 1891–93), попечитель Моск. учебного округа (с 1895), министр народного просвещения (1898–1901)

Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896), художник

Богомолец Александр Александрович (1881–1946), патофизиолог, акад. (1929) ВУАН, акад. (1932) АН СССР

Бойль (Boyle) Роберт (1627–1691), английский химик, физик и философ, чл. Лондонского королев. о-ва

Боймкер (Baumker) Клеменс (1853–1924), немецкий философ

Болин (Bolin) Вильгельм (1835–1924), немецкий философ

Болсунов Максим Михайлович, заведующий таможней в Ялте, друг Е.И. Короленко

Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюстен Карон (1732–1799), французский драматург

Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944), геолог и палеонтолог, акад. АН СССР (1929; чл.-корр. – 1921), сотрудник Геол. комитета (1896–1932), проф. и зав. кафедрой исторической геологии Петербург. (Ленингр.) горного ин-та (1911–30), основатель и руководитель кафедры палеонтологии Моск. ун-та (1939–42), инициатор создания и первый директор Палеонтологического ин-та АН СССР (1930–44)

Боттичелли (Botticelli) Сандро [наст. имя и фам. Алессандро Филлипепи (Filiperipi)] (1445–1510), итальянский живописец

Браве (Bravais) Огюст (1811–1863), французский кристаллограф, чл. Парижской АН (1854), проф. Политехи. школы в Париже

Браге (Brahe) Тихо (1546–1601), датский астроном

Брандт Александр Андреевич (1885 – после 1930), инженер, проф., инспектор (1896–1902), директор (1907–18 с перерывами) Ин-та инженеров путей сообщения, председатель Академического союза (1905), чл. партии кадетов, после эмиграции возглавлял кафедру термодинамики в Белградском ун-те

Бреггер (Brogger) Вальдемар Кристофер (1851–1940), норвежский петрограф, проф. ун-та в Осло (1890–1917), почетный чл. АН СССР (1930; чл.-корр. – 1898)

Бродрик (Brodrick) Вильям Сент Джон, виконт Мидльтон (1856–1942), английский государственный деятель, депутат палаты общин от консервативной партии (с 1880), военный министр (1900–03), министр по делам Индии (1903–05)

Бронников Федор Андреевич (1827–1902), художник, проф. исторической живописи

Бруно (Bruno) Джордано Филиппо (1548–1600), итальянский философ и поэт, представитель пантеизма, был обвинен в ереси и сожжен инквизицией в Риме

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938), парт. и госуд. деятель, возглавлял Наркомат просвещения РСФСР (1929–1937)

Бугаев Николай Васильевич (1837–1903), математик, чл.-корр. Петербург. АН (с 1897), проф. (с 1866), декан (1886–91) Моск. ун-та, один из основателей Моск. мат. о-ва, его президент (1891–1903)

Будда (632–544 до н.э.), имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме

Бужанский Осип Евсеевич, пом. присяжного поверенного, редактор газ. «Речь»

Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919), государственный деятель, тамбовский вице-губернатор (с 1887), калужский (с 1888) и московский (с 1893) губернатор, пом. моск. генерал-губернатора (1902–04), министр внутренних дел (1905), чл. Гос. совета (с 1905)

Булье (Bouillier) Франциск (1813–1900), французский философ, чл. Парижской АН (с 1875)

Бунге Николай Христианович (1823–1895), экономист и государственный деятель, акад. Петербург. АН (1890; чл.-кор. – 1859; почет. чл. – 1881), проф. (с 1850), ректор (1859–62; 1871–75; 1878–80) Киевского ун-та, министр финансов (1881–86), председатель Комитета министров (1887–95)

Бурксер Евгений Самуилович (1887–1965), украинский химик, геохимик, чл.-корр. (1925) ВУАН

Бэйль (Bayle) Пьер (1647–1706), философ, историк религии

Бэкон (Bacon) Роджер (ок. 1220–ок. 1292), английский философ и естествоиспытатель, преподавал в Оксфордском ун-те (до 1277), обличал феодальные нравы, идеологию и политику, за что по приказу церковных властей в 1277 г. заточен в монастырскую тюрьму

Бэр, ассистент д-ра Шейбе в Горной академии в Берлине

Бюффон (Buffon) Жорж-Луи Леклерк де (1707–1788), французский естествоиспытатель, почетный чл. Петербург. АН (с 1776)

Вавилов Сергей Иванович (1891–1951), физик, акад. (1932), президент (с 1945) АН СССР

Вагина Александра Федоровна, владелица частной женской школы в Москве (Каретный ряд, дом Шик)

Вагнер (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор

Вагнер (девичья фам. Дзвонкевич) Екатерина Николаевна, выпускница (1889) физ.-мат. отд-я С.-Петербург. высших женских

курсов, занималась научной и литературной работой

Вагнер Юлий Николаевич (1865–?), зоолог, работал на Соловецкой, Севастопольской и Николаевской зоолог, сщ, хранитель Зоолог, кабинета Петербург, ун-та (с 1890), проф. Киевского политех, ин-та (1898–1911)

Вальден (Walden) Павел (Пауль) Иванович (1863–1957), акад. (1910) Императорской АН, поч. чл. (1927) АН СССР

Василевская Ванда Львовна (1905–1963), писательница

Ваннов, болгарский геолог, принимавший участие вместе с В.И. Вернадским в экспедиции по Боснии в 1903 г.

Ванновский Петр Семенович (1822–1904), государственный деятель, генерал (с 1883), военный министр (1881–98) и министр народного просвещения (1901–02)

Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935), историк права, член ЦК кадетской партии, акад. (1920) ВУАН, ее президент (1921)

Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856–1933), художник и археолог

Вахтеров Василий Порфирьевич (1853–1924), педагог, методист начального обучения, инспектор народных училищ г. Москвы, действительный чл. (с 1889) и товарищ председателя Моск. комитета грамотности

Введенский Александр Иванович (1856–1925), философ-идеалист, крупнейший представитель русского неокантианства, преподаватель кафедры философии в Петербург. ун-те (с 1890), проф. Военно-юридической академии, Историко-филологического ин-та, Женского педагогического ин-та и Высших женских курсов Раева и Бестужевских высших курсов, председатель Петербург. филол. о-ва (1897–1917)

Вебер Лев Николаевич, Мака, Мика, сын от первого брака А.В. Гольштейн

Везалий (Vesalius) Андреас (1514–1564), естествоиспытатель, основоположник анатомии

Вейншенк (Weinschenk) Эрнст (1865–1921), немецкий петрограф, проф. ун-та в Мюнхене

Веласкес (Velazquez) Диего (1599–1660), испанский живописец

Вейберг Сигизмунд Александрович (1872–1944), польский минералог и кристаллограф, окончил Московский ун-т (1897), проф. Варшавского ун-та и директор Минералогического института (1935–1939)

Вейсбах (Weisbach) Людвиг Юлиус (1871–1906), немецкий геолог, проф. Горной академии во Фрейберге

Вейсман (Weismann) Август (1834–1914), немецкий зоолог, приват-доц. (с 1863), проф. (1873–1912) Фрейбургского ун-та

Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830–1904), историк, востоковед, лингвист, нумизмат, археолог, экстраординарный акад. (1861–78; почетный чл. с 1890) Петербург. АН, попечитель Киевского учебного округа (с 1888)

Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), критик и историк литературы, приват-доцент Петербург. ун-та (с 1897), проф. Петербург. высших женских курсов и Психоневролог. ин-та, автор «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»

Верещагин Николай Васильевич, владелец магазина земледельческих машин на Петровке в Москве, редактор-издатель ж. «Вестник русского сельского хозяйства»

Вернадская (девичья фамилия Константинович) Анна Петровна (1837–1898), мать В.И. Вернадского

Верди (Verdi) Джузеппе (1813–1901), итальянский композитор

Вериго Александр Бронеславович (1893–1953), физик, работал в Гос. радиовом институте

Верлен (Verlaine) Поль (1844–1896), французский поэт-символист Вернадская (по мужу Толль с 1926 г.) Нина Владимировна (1898–1985), дочь В.И. Вернадского, врач-психиатр, училась в Украинской академии художеств в Киеве (1918–19), на физ.-мат. фак-те Таврического ун-та (1920–21), в Военно-медицинской акад. в Петрограде (1921–22), окончила медицинский фак-т Карлова ун-та в Праге, где работала врачом до 1939 г., затем переехала в США, работала в психиатрической клинике около Бостона (1940–53). после чего вела частную практику

Верн (Verne) Жюль (1828–1905), франц. писатель

Вернадская (девичья фамилия Шигаева) Мария Николаевна (1831–1860), первая русская женщина-экономист, первая жена И.В. Вернадского

Вернадская (по мужу Толль) Нина Владимировна (1898–1986), дочь В.И. Вернадского, врач-психиатр, окончила медиц. фак-т Карлова ун-та в Праге, где работала врачом до 1939 г., в 1926 г. вышла замуж за археолога

Н.П. Толля, в 1929 г. у них родилась дочь Татьяна, в 1939 г. семья переехала в США

Вернадская (ур. Ильинская) Нина Владимировна (1884–1971), двоюродная сестра Георгия Вернадского, вышла за него замуж в 1908 г.

Вернадский Василий Иванович (1769–1838), дед В.И. Вернадского

Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), сын В.И. Вернадского, историк, выпускник историко-философского фак-та Моск. ун-та (1905–10), ученик В.О. Ключевского, в 1910 г. перешел в Петербург. ун-т, где работал под руководством С.Ф. Платонова, приват-доцент (с 1913), магистр русской истории (с 1917), проф. Пермского (1918–20), Таврического (1921) ун-тов, после отъезда за границу проф. юридического факта Карлова ун-та в Праге (1922–27), в 1927 г. по приглашению М.И. Ростовцева переехал в США, где преподавал русскую историю в Йельском ун-те в НьюХейвене (1927–73)

Вернадский Иван Васильевич (1821–1884), отец В.И. Вернадского, экономист, проф. политэкономии и статистики Киевского (1846–50) и Моск. (1850–56) ун-тов, Главного педагогического ин-та и Александровского лицея в Петербурге (1861–68), чиновник особых поручений при министре внутренних дел (с 1856), управляющий конторой Государственного банка в Харькове (1869–76), одновременно председатель О-ва взаимного кредита (с 1870) и помощник председателя Харьковского статистического комитета, основатель и редактор-издатель ж. «Экономический указатель» (1857–61) и «Экономист» (1858–60), председатель Петербург. комитета грамотности и председатель Политико-экономического комитета Вольного экономического о-ва, чл. Географического о-ва, Моск. о-ва сельского хозяйства, Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа

Вернадский Николай Иванович (1851–1874), сводный брат В.И. Вернадского, сын И.В. Вернадского от первого брака

Вернацкий Иван Никифорович, прадед В.И. Вернадского

Веселовский Борис Борисович (1880–1954), историк, экономист, д-р экон. наук (1943), проф. Моск. ун-та и Моск. инженерно-экономического ин-та им. С. Орджоникидзе (20–40 гг.)

Вильгельм (Wilhelm) II Фридрих-Виктор-Альберт (1859–1941), германский император и прусский король (1888–1918)

Винберг Владимир Карлович (1836–?), выпускник Лесного и Межевого ин-тов, ви-

ноградарь, земский деятель, избирался гласным Ялтинского уезда, чл. и председателем Ялтинской уездной земской управы и гласным Таврического губ. собрания, мировым судьей Ялтинского уезда, председателем Губ. земской управы (1872–81), чл. Петербург. комитета грамотности (с 1887), отец Л.В. Клейбер

Вильсон Томас Вудро, президент США (1912–1921)

Винберг С., шведский инженер, с которым В.И. Вернадский познакомился в Нарвике в 1907 г.

Виндельбанд (Windelband) Вильгельм (1848–1915), немецкий философ-идеалист, проф. ун-тов в Цюрихе, Фрейберге, Страсбурге и Гейдельберге

Виноградов Александр Павлович (1895–1975), геохимик, биогеохимик, акад. (1953) и вице-президент АН СССР (1967–1975)

Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), историк-позитивист, ординарный акад. Петербург. АН (1914; чл.-корр. – 1892), проф. Моск. (1884–1902; 1908–11) и Оксфордского (с 1903) ун-тов, гласный Моск. городской думы (с 1897). После Октябрьской революции эмигрировал в Англию

Вите Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель, чл. Гос. совета (с 1903), министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Совета министров (1905–06)

Власовский Александр Александрович, обер-полицеймейстер Москвы

Водовозова (девичья фамилия Токмакова) Мария Ивановна (1869–1954), книгоиздательница (Петербург, 1895–1900), жена Н.В. Водовозова

Водовозова (девичья фамилия Шейдакова) Вера Петровна (?–1936), жена В.В. Водовозова

Водовозов Василий Васильевич (1864–1936), народник, публицист, юрист и экономист, в 1880-е годы примкнул к народническому революционному движению, был сослан на 5 лет в Архангельскую губ. (1887), сотрудничал в «Неделе», «Северном вестнике», «Русской жизни», «Русском богатстве» и др., в 1926 г. эмигрировал

Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), историк, акад. (1930) АН СССР

Вольский Владимир Казимирович (1877–?), студент мат. фак-та Моск. ун-та (с 1895), сын К.К. Вольского

Вольский Казимир Казимирович, земский деятель Тамбовской губ., присяжный поверенный при окружном суде

Вольтер (Voltaire) (псевд., наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ (Arouet]) (1694–1778), французский писатель, философ, историк, чл. Французской АН (1746)

Вольф Каспар Фридрих (1733–1794), русский естествоиспытатель, акад. Петербург. АН (с 1767), возглавлял кафедру анатомии Петербург. АН (с 1768)

Вольфович Семен Исаакович (1896–1980), химик-технолог, чл.-корр. (1939), акад. (1946) АН СССР

Воробьев Виктор Иванович (1875–1906), минералог, устроитель и хранитель Минерал. отд.-я Геол. музея АН в Петербурге, погиб при исследовании кавказских ледников

Воронов Ефим Павлович (1895–1957), гос. деятель, сотрудник Комиссии содействия ученым при СНК СССР

Вульф Георгий (Юрий) Викторович (1863–1925), кристаллограф, чл.-корр. (1921) РАН, работал в Варшавском ун-те (1885–1909), проф. Казанского (1907–1908), Московского (1909–1911, 1917–1925) ун-тов и Народного ун-та им. А.Л. Шанявского (1911–1917)

Вульферт (ур. Малецкая) Лидия Карловна (?–1913), крестная мать В.И. Вернадского

Вырубов Григорий Николаевич (1843–1913), минералог, химик, философ-позитивист, издатель сочинений А.И. Герцена

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895), ученый и государственный деятель, почетный чл. Петербург. АН (1888), проф. (с 1862) и директор (с 1875) Петербург. технолог. ин-та, проф. Михайловской акад. (с 1865), министр финансов (1888–92)

Вяземский Леонид Дмитриевич (1848–1909), генерал-лейтенант, начальник Главного управления уделов, чл. Гос. совета (с 1899)

Гайдебуров Василий Павлович (1866–?), журналист, сын П.А. Гайдебурова, от которого в 1893 г. получил в наследство еженедельную газ. «Неделя» с еженедельными приложениями «Книжки недели»

Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893), публицист, издатель-сотрудник (с 1869) и издатель-редактор (с 1875) газ. «Неделя»

Галактионов Николай Михайлович (1861–?), вольнопрактикующий врач в Москве, у которого лечилась Н.Е. Вернадская

Галилей (Galilei) Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик, астроном, поэт, филолог и критик

Гальс, совр. Хале (Hals) Франс (между 1581 и 1585–1666), голландский живописец

Гамалея Николай Федорович (1859–1949), микробиолог и эпидемиолог, чл.-корр. (1939), почет. член (1940) АН СССР; акад. (1945) АМН

Гамбаров Юрий Степанович (1850–1926), юрист, специалист по теории права, проф. Моск. ун-та (1884–99), Петербург. политех. ин-та, один из основателей Высшей русской школы общественных наук в Париже (1900), преподавал в Брюссельском ун-те

Гарвей (Harvey) Уильям (1578–1657), английский врач, составивший карту кровообращения

Гаррисон (Harrison) Фредерик (1831–1923), английский политический деятель и писатель

Гаюи, совр. Аюи (Haiiy) Рене Жюст (1743–1822), французский минералог и кристаллограф, ин. почетный чл. Петербург. АН (с 1806)

Гартвиг Андрей Федорович, педагог, секретарь Комиссии по вопросу о всеобщем обучении при Моск. комитете грамотности

Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888), писатель

Гассенди (Gassendi) Пьер (1592–1655), французский философ-материалист, работал также в области математики, астрономии, механики, истории науки

Геддле, шотландский химик и минералог, проф. химии в С.-Андрюсе, автор коллекции минералов Шотландии, которая хранится в Эдинбурге

Гейден Петр Александрович (1840–1907), земский деятель, президент Вольн. эконом. о-ва (с 1895), один из лидеров октябристов (1905) и мирнообновленцев (1906)

Гейм, швейцарский альпинист, участник VII Международного геологического конгресса (1897), который проходил в С.-Петербурге

Гельмонт (Хельмонт) (Helmont) Ян Баптист ван (1579–1644), голландский естествоиспытатель

Генералов Василий Денисович (1867–1887), русский революционер-народовец, принял активное участие в подготовке покушения на Александра III, готовившегося группой А.И. Ульянова. Казнен в Шлиссельбургской крепости. С В.И. Вернадским был в Совете объединенных землячеств

Гензель Павел Петрович (1878–1949), экономист, проф. Моск. ун-та, с 1930 г. проф. Northwestern University (USA)

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906), экономист и общественный деятель, сотрудник одного из московских земельных банков (1886–1901), приват-доцент Моск. ун-

та (с 1903), адъюнкт-проф. Моск. с.-х. ин-та (с 1904), постоянный сотрудник «Русских ведомостей» и других периодических изданий, депутат I Гос. думы

Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк литературы, публицист

Герье Владимир Иванович (1837–1919), русский историк, проф. Моск. ун-та (1868–1904), организатор Моск. высших женских курсов (1872), чл. Гос. совета (1907)

Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943), юрист, публицист и политический деятель, один из лидеров партии кадетов, депутат II Гос. думы, редактор газ. «Речь», эмигрант, с 1921 г. издавал «Архив русской революции»

Гехайнраб (Geheinerabh, Tituc) Титус, директор Венского геолог. комитета

Гиллебранд (Hillebrand), сотрудник бюро стандартов в Вашингтоне

Гитлер (Hitler) (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889–1945)

Гинцбург Илья Яковлевич (1859–1939), скульптор

Гишман Леонард Леопольдович (1839–1921), д-р медицины, окулист, приват-доцент (с 1868), экстраординарный проф. (с 1875), ординарный проф. (с 1885), засл. проф. (1893–1905), директор офтальмологической клиники Харьковского ун-та

Глаголева Александра Александровна, воспитательница детей А.Е. Любошинской с 1895 г., а затем ухаживала за М.Е.Старицкой и жила с ней до ее смерти

Глинка Сергей Федорович (1855—1924), геолог и минералог, приват-доцент Петербург. ун-та (с 1885), проф. и зав. Минерал. кабинетом Моск. ун-та (с 1911)

Глюк (Gluck) Кристоф Виллибальд (1714–1787), австрийский композитор

Годвин (Godwin) Уильям (1756–1836), английский политический деятель, публицист, писатель, историк

Голицына Евдокия Ивановна (ур. Зарудная) (1832–?), родная сестра М.И. Старицкой

Голицын Борис Борисович (1862–1916), князь, физик, геофизик, акад. (1908) Императорской АН

Головин Федор Александрович (1867 или 68 – после 1929), земский деятель, председатель Моск. губ. земской управы, участник земских съездов 1904–05 гг., один из основателей партии кадетов, чл. ее ЦК, депутат и председатель II и III Гос. думы, деятель Земгора, комиссар Временного правительства по министерству двора (1907), после Октябрьской революции работал в сов. учреждениях

Голубев Федор Александрович (1856–?), д-р медицины, старший ординатор Военного госпиталя в Москве

Гольцев Виктор Александрович (1850–1906), публицист, писал статьи в «Русских ведомостях», «Русской правде», «Голосе», «Вестнике Европы», «Русской мысли», где вел ежемесячное «Политическое обозрение», а с 1855 г. стал ее фактическим редактором

Гольштейн (Holstein) Александра Васильевна, известная бакунистка, на руках которой умер М.А.Бакунин; переводчица, друг В.И. и Н.Е. Вернадских

Гольштейн Владимир Августович (1849–1917), бакунист, врач, практиковавший в Париже, привлекался по нечаевскому делу, эмигрант

Гонкуры (Goncourt), братья Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870), французские писатели

Гордеенко Яков Николаевич, инженер путей сообщения, проф. Ин-та инженеров путей сообщения, чл. О-ва вспомощ. недостаточным студ. Ин-та путей сообщения

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), государственный деятель: министр внутренних дел (1895–99), председатель Совета министров (апрель–июль 1906; 1914–16), чл. Гос. совета (с 1899)

Горн (Horn) Фредерик Винкель, шведский литературовед

Горожанкин Иван Николаевич (1848–1904), ботаник, проф. и зав. кафедрой морфологии и систематики растений Моск. ун-та (с 1881)

Горький Максим (псевд., наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), писатель

Готье В.Г., владелец книжного магазина в Москве, автор «Каталога большою частью редких и замечательных книг» (М., 1893) и др.

Грабарь Владимир Эммануилович (1865–1956), специалист в области международного права, проф. Юрьевского (Тартуского) (1893–1918), Воронежского (с 1918) и Моск. ун-тов, науч. сотр. Ин-та права АН СССР и Всесоюз. ин-та юридических наук

Гревс Александра Ивановна (1894–1910), дочь И.М. и М.С. Гревс

Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, проф. Высших женских курсов (1892–1918) и Петерб. ун-та (1899–1941), друг В.И. Вернадского

Гревс (девичья фамилия Зарудная) Мария Сергеевна (1860–1941), выпускница Бес-тужевских высших женских курсов, педагог,

общественный деятель, двоюродная сестра Н.Е. Вернадской

Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, один из создателей Петербург. (ленингр.) школы медиевистики, проф. Высших женских курсов (1892–1918) и Петербург. (Ленингр.) ун-та (1899–1941), друг В.И. Вернадского со студенческих лет

Гримм Давид Давидович (1864–1934), специалист в области римского права преподавал в Дерптском (Юрьевском) (1899–91) и Петербург. (с 1894) ун-тах, в Училище правоведения (с 1891); ректор Петербург. ун-та (1910–11), чл. Гос. совета (с 1907) от акад. курии, после Октябрьской революции эмигрировал

Грин (Green) Алиса София Амелия (1848–1929), английский историк, жена Д.Р. Грина

Грин (Green) Джон Ричард (1837–1883), английский историк-позитивист

Грот (Groth) Пауль Генрих фон (1843–1927), немецкий минералог и кристаллограф, проф. и консерватор научных коллекций в Мюнхене, чл.-корр. (1883) Императорской АН, поч. чл. (1925) АН СССР

Грот (девичья фамилия Семенова) Наталья Петровна (1828–1899), писательница, жена Я.К. Грота

Грузинов Александр Николаевич, предводитель дворянства Моршанского уезда Тамбовской губернии

Грушевский Михаил Сергеевич (1886–1934), историк, акад. (1923) ВУАН и акад. (1929) АН СССР

Гулевич Владимир Сергеевич (1867–1933), биохимик, чл.-корр. (1927), академик (1929)

Гуаданини Иван Александрович (1844–1911), землевладелец, земский деятель Тамбовской губ., чл. III Гос. думы

Гудович Василий Васильевич, шталмейстер, почетный мировой судья, предводитель дворянства Петербург. губ., председатель Петербург. губ. земского собрания и губ. училищного совета

Гужон Юлий Петрович (1854 или 1858–1918), промышленник, крупнейший пайщик Т-ва шелковой мануфактуры (Москва), Т-ва Моск. металл. з-да (ныне з-д «Серп и молот») и др. предприятий, председатель (1907–17) Моск. о-ва заводчиков и фабрикантов

Гук, Хук (Нооке) Роберт (1635–1703), английский естествоиспытатель, основоположник современной теории кристаллов, чл. Лондонского королев. о-ва (1663), секретарь того же о-ва (1677–83), проф. Лондонского ун-та

Гульельмини (Guglielmini) Доминик (1655–1710), итальянский врач, математик, кристаллограф

Гумбольдт (Humboldt) Александр Фридрих (1769–1859), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник

Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1941), писательница, переводчик, театральный критик, редактор-издатель ж. «Северный вестник» (1895–97)

Гурко Владимир Иосифович (1863–1927) государственный деятель, генерал-лейтенант, управляющий земским отд-м Министерства внутренних дел (с 1902), товарищ министра внутренних дел (с 1906), чл. Гос. совета (с 1912), командующий Западным фронтом при Временном правительстве, как ярый монархист в сентябре 1917 г. выслан за границу

Гурлянд Илья Яковлевич, д-р полицейского права, на гос. службе (с 1891), чиновник особых поручений при министре внутренних дел (с 1904), чл. Совета министра внутренних дел (с 1907)

Гус (Hus) Ян (1371–1415), национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации

Гутенберг (Gutenberg) Иоганн (между 1394–99 (или в 1406)—1468), немецкий изобретатель книгопечатания

Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический и государственный деятель, депутат и председатель (с 1910) III Гос. думы, председатель Центрального военно-пром. комитета, военный и морской министр Временного правительства (1917), эмигрант

Гюйгенс, Хёйгенс (Huygens) Христиан (1629–1695), нидерландский механик, физик и математик, создатель волновой теории света

Давидсон Вильям (XVII в.), шотландский врач, кристаллограф, работал во Франции, где был первым проф. химии (1630) в Jardin du Roi в Париже

Дависсон (XVII в.), шотландский алхимик

Давыдов Николай Васильевич, земский деятель Моршанского уезда, Тамбовской губ.

Давыдовский Василий Федорович (?–1928), проф. Моск. ун-та, один из основателей Моск. высших женских курсов (впоследствии 2-й Моск. гос. ун-т), где преподавал и был деканом мат. отд-я, преподаватель Практической акад. коммерческих наук, председатель пед. совета в женской гимназии З.Д. Перепелкиной

Даль Владимир Иванович (1801–1872), писатель, лексикограф, этнограф, чл.-кор. Петербур. АН (1838)

Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265–1321), итальянский поэт

Дарвин (Darwin) Фрэнсис (1848–1925), английский ботаник, сын Чарлза Дарвина

Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора

Деборин (наст. фам. Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), историк, философ, акад. (1929) АН СССР

Декарт (Descartes) Рене [латинизированное имя Картезий (Renatus Cartesius)] (1596–1650), французский философ и математик

Де Лоне (De Launay) Луи (1860–1938), французский геолог и минералог, организатор экскурсий по Франции во время VIII Международ. геол. конгресса (1900), в которой принял участие В.И. Вернадский

Делянов Иван Давыдович (1818–1897), государственный деятель, директор публичной библиотеки (ныне им. Салтыкова-Щедрина) (1861–82), министр народного просвещения (1882–97), чл. Гос. совета (с 1874)

Демьянов Александр Алексеевич (1866–?), земский деятель Тверской губ., чл. II Гос. думы

Ден Владимир Эдуардович (1867–1933), экономико-географ и статистик, проф. Моск. ун-та

Державин Гаврила Романович (1743–1816), поэт

Джаншиев Григорий Аветович (1851–1900), публицист, чл. редколлегии «Русских ведомостей»

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938), генерал-майор, моск. вице-губернатор (с 12.VIII 1905), моск. губернатор (с 11.XI 1905), товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов (с 1913), командир бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии (с 1915), начальник 15 Сибирской стрелковой дивизии

Дидро (Diderot) Дени (1713–1784), французский философ и писатель

Диккенс (Dickens) Чарлз (1812–1870), английский писатель

Дмитриев С.Ф., участник Крымской экспедиции В.И. Вернадского (1899)

Долгорукова Antonina Михайловна, жена Петра Дмитриевича Долгорукова, князя, общественного и политического деятеля

Долгоруков Петр Дмитриевич, князь, общественный и политический деятель

Досекин Николай Васильевич (1863–?), художник-пейзажист

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель, чл.-кор. Петербур. АН (1877)

Дриш (Driesch) Ханс (1867–1941), немецкий биолог и философ-идеалист, работал на Биологической станции в Неаполе (1891–1907), проф. Гейдельбергского (с 1911), Кельнского (с 1920), Лейпцигского (с 1921) ун-тов, с 1922 г. работал в США, с ним В.И. Вернадский путешествовал по Германии в 1888 г.

Дубовской Николай Никанорович (1859–1918), художник-передвижник

Дурново Иван Николаевич (1834–1903), государственный деятель, министр внутренних дел (1889–95), председатель Комитета министров (1895–1903)

Дурново Петр Николаевич (1845–1915), государственный деятель, директор Департамента полиции (1884–93), товарищ министра внутренних дел (1900–05), министр внутренних дел (с октября 1905), чл. Гос. совета (1906)

Духовской Михаил Васильевич (?–1903), юрист, доцент Демидовского юрид. лицея, приват-доцент (с 1885), экстраординарный проф. (с 1892), ординарный проф. (с 1898) Моск. ун-та, гласный Моск. городской думы (с 1893)

Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк, акад. Петербур. АН (с 1912), приват-доцент (1889), экстраординарный проф. (с 1889), ординарный проф. (с 1901) на кафедре русского права Дерптского (Тартуского) ун-та

Дьюар (Dewar) Джеймс (1842–1923), английский физик и химик, в 1898 г. впервые получивший жидкий водород

Дэна, правильное Дана (Dana), Джеймс Дуайт (1813–1895), американский геолог, проф. геологии и минералогии ун-та в Нью-Хейвене (1855–92)

Дюгамель (Duhamel) Жан-Мари-Констан (1797–1872), французский математик, проф. Политех. школы и Сорбонны

Дюпарк (Duparc) Луи-Клод (1866–1932), швейцарский минералог, петрограф, с 1892 г. проф. Женевского ун-та, чл.-корр. (1912) Императорской АН

Дюфе (Dufay, Du Fay) Шарль Франсуа (1698–1739), французский физик, чл. Парижской АН (1723), директор Ботанического сада (с 1732)

Евреинова Анна Михайловна (1844–1919), д-р права Лейпцигского ун-та, редактор (с 1885), редактор-издатель (1888–90) ж. «Северный вестник»

Ежов Николай Иванович (1895–1940), нарком внутренних дел СССР (1936–1938), нарком водного транспорта (1938–1939)

Елистратов Аркадий Иванович (1872–1955), правовед, проф. кафедры полицейского права Моск. ун-та (1917), декан юрид. ф-та Таврич. ун-та

Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917), государственный деятель, автор трудов по с.-х. и экономическим вопросам; почетный чл. Петербург. АН (с 1899), министр земледелия и государственных имуществ, чл. Гос. совета

Ершов Михаил Дмитриевич (1861–1919), тульский земский деятель, чл. Гос. совета от Тульского губ. земского собрания (1906–09)

Есипов Владимир Владимирович (1867–?), юрист, проф. Варшавского ун-та, редактор «Варшавского дневника»

Жедринская Мария Ивановна (1894–?), дочь Нины Егоровны и Ивана Александровича Жедринских

Жедринская Нина Егоровна, родная сестра Н.Е. Вернадской (1871–1936)

Жедринский Иван Александрович (1868–1942), муж Н.Е. Жедринской с 1893 г.

Желябов Андрей Иванович (1851–1881), народник, член «Народной воли»

Жихарев Сергей Степанович, земский деятель Тамбовской губ., сенатор

Жуковский Николай Егорович (1847–1921), основоположник совр. аэродинамики, чл.-корр. (1894) Императорской АН

Заболотный Даниил Кириллович (1866–1929), микробиолог, чл.-корр. (1928), акад. (1929) АН СССР; акад. (1922) и президент (1928–1929) ВУАН

Зарудная Анастасия Сергеевна, в семье звали Аней (1865–?), двоюродная сестра Н.Е. Вернадской, дочь С.И. Зарудного

Зарудная (девичья фамилия Мясново) Зоя Алексеевна, тетя Н.Е. Вернадской, жена С.И. Зарудного

Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934), адвокат, получивший известность как защитник на политических процессах: 1-го Совета рабочих депутатов 1905 г., ЦК крестьянского союза, лейтенанта Шмидта, по делу о покушении на Николая II, по делу Бейлиса и др.; после Февральской революции примкнул к партии народных социалистов и

вошел в состав Временного правительства в качестве товарища министра юстиции, а 24 июля (6 августа) вошел министром юстиции в состав 3-го Временного правительства, после корниловского мятежа вышел из состава Временного правительства, в 1918 г. отошел от партии народных социалистов, в советское время персональный пенсионер (по ходатайству Общества политкаторжан), любимый двоюродный брат Н.Е. Вернадской

Зверев Николай Андреевич (1850–1917), юрист, проф. Моск. ун-та, сенатор, чл. Гос. совета

Зеленский Михаил Самуилович (1829–1890), д-р медицины, специалист по детским болезням, приват-доцент Медико-хирургической акад. (1863–87), директор школы Женского патриотического о-ва (1864–1890), врач-консультант в Ведомстве учреждений императрицы Марии

Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953), химик-органик, акад. (с 1929) АН СССР

Земятченский Петр Андреевич (1856–1942), геолог и почвовед, чл.-корр. АН СССР (1928), проф., зав. кафедрой минералогии Петербург. ун-та (1898–1926), организатор и директор первого в стране Гос. исследовательского керамического ин-та АН СССР (1919–27), сотрудник Почвенного ин-та АН СССР, оппонент докторской диссертации В.И. Вернадского

Зенгер Григорий Эдуардович (1853–?), филолог и историк, экстраординарный проф. Нежинского историко-филологического ин-та (с 1877), доцент (с 1885) Варшавского ун-та, ординарный проф. (с 1894), декан историко-филологического фак-та (1896), ректор (1897–99) Моск. ун-та, попечитель Варшавского учебного округа (с 1900), товарищ министра народного просвещения (с 1902)

Зенкевич Лев Александрович (1899–1970), гидробиолог, чл.-корр. (1953), акад. (1968) АН СССР

Зернов Дмитрий Николаевич, профессор анатомии Московского ун-та

Зильберминц Вениамин Аркадьевич (1887–1939), геолог, минералог, сотрудник Биогео–хим. лаборатории АН СССР (с 1935)

Златарский Василий Николаевич (1866–1909), болгарский историк, член Болгарской АН, чл.-корр. Петербург. АН, преподавал (с 1895) в Софии в высшем училище, преобразованном в университет

Золя (Zola) Эмиль (1840–1902), французский писатель

Зонке Л. (1842–1898), мюнхенский кристаллограф, у которого В.И. Вернадский после окончания ун-та в 1888 г. изучал геометрическую теорию строения кристаллов

Зюсс (Suess) Эдуард (1831–1914), австрийский геолог, чл.-корр. (1887), поч. чл. (1901) Императорской АН

Ибервег (Ueberweg) Фридрих (1826–1871), немецкий философ, логик и историк философии

Ибсен (Ibsen) Генрик (1828–1906), норвежский поэт и драматург

Иванов Леонид Ликарионович (1877–1946), минералог, проф. Екатеринослав. горного училища, ученик В.И. Вернадского

Игнатъев Алексей Павлович (1842–1906), граф, государственный деятель, Иркутский (1885–89) и Киевский (1889–96) генерал-губернатор, председатель особых совещаний по охране государственного порядка и вопросам вероисповедания

Израэльс, Израэлс (Israels) (1824–1911), голландский живописец

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920), историк, публицист

Ильинская Нина Владимировна, жена сына В.И. Вернадского Георгия Владимировича Вернадского, учительница в селе Подьем Моршанского уезда Тамбовской губ.

Ильинский Игорь Владимирович, брат жены Георгия Владимировича Вернадского, сына В.И. Вернадского

Иоллос Григорий Борисович (1859–1907), корреспондент, редактор газ. «Русские ведомости», чл. партии кадетов, депутат I Гос. думы, убит черносотенцами

Ионин Леонид Алексеевич (1857–?), врач-психиатр в Полтаве, услугами которого пользовалась М.И. Старицкая

Иоффе Абрам Федорович (1880–1960), физик, чл.-корр. (1918), акад. (1920) РАН и АН

Кабанов Николай Александрович (1864–?), практикующий врач в Москве, услугами которого пользовалась семья В.И. Вернадского

Кабат Иван Иванович, директор хоз. департамента Министерства внутренних дел, чл. Совета по тарифным делам Министерства финансов

Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942), физикохимик, чл.-корр. (1928), поч. чл. (1932) АН СССР

Кавос (ур. Зарудная) Екатерина Сергеевна (1861–1917), художница, двоюродная

сестра Н.Е. Вернадской, дочь С.И. Зарудного, сестра М.С. Гревс

Казаква Прасковья Кирилловна (1874–1958), прислуга в доме Вернадских (1908–1915)

Калмыкова (девичья фамилия Чернова) Александра Михайловна (1849–1926), общественная и политическая деятельница. Постоянная сотрудница газ. «Южный край» в Харькове (1880–81), участвовала в создании женской воскресной школы в Харькове (1885), педагог воскресной школы для рабочих в Петербурге (с 1885), открыла книжный склад народных изданий (1889–1902), входила в редакцию ж. «Новое слово», «Начало», была тесно связана с деятельностью групп «Освобождение труда» и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», оказывала большую материальную помощь изданию «Искры» и «Зари», после Октябрьской революции работала в Ленингр. отд. народного образования и Педагогическом ин-те им. К.Д. Ушинского

Кальвин (Calvin) Жан (1509–1564), французский деятель Реформации, основатель кальвинизма

Камерлинг-Оннес (Kamerlingh Onnes) Хейке (1853–1926), нидерландский физик и химик, профессор Лейденского ун-та, лауреат Нобелевской премии, впервые получил жидкий гелий (1908)

Кант (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, основоположник немецкой классической философии.

Капица Петр Леонидович (1894–1984), физик, чл.-корр. (1929), акад. (1939) АН СССР, Ноб. пр. (1978)

Капнист Павел Александрович (1840–1904), государственный деятель, окончил юридический фак-т Моск. ун-та, управлял канцелярией Министерства юстиции, прокурор Московской судебной палаты, попечитель Московского учебного округа (1880–95), сенатор (с 1895)

Карандеева Елизавета Николаевна, жена Карандеева В.В.

Карандеев Виссарион Виссарионович (1878–1916), ассистент В.И. Вернадского в Моск. унте (с 1903) и его ученик, приват-доцент Моск. ун-та (1910–1911), преп. минералогии Моск. высш. женских курсов

Кареев Николай Иванович (1850–1931), историк, чл.-кор. Российской АН (1910; почетный чл. АН СССР – 1929), проф. Варшавского (1879–84) и позднее Петербург, ун-тов

Карно (Carnot) Мари Франсуа Сади (1837–1894), французский государствен-

ный деятель, президент Третьей республики (1887–94)

Карпинский Александр Петрович (1846–1936), русский геолог, общественный деятель, академик Петербург. АН (1896), президент АН СССР (с 1917), адъюнкт и профессор Горного ин-та в Петербурге, организатор Геол. комитета

Касперович Генрих (Георгий) Иосифович (Осипович) (1881–1912), минералог, хранитель Минералог. кабинета Моск. ун-та, ученик В.И. Вернадского

Кассо Лев Аристидович (1865–1914), юрист, доцент Дерптского (Тартуского) (1892), проф. Харьковского (с 1895) и Моск. (с 1899) ун-тов, директор Имп. лицея (1908–10), министр народного просвещения (1911–14)

Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919), экономист, статистик и общественный деятель, один из организаторов и лидеров партии кадетов, приват-доцент Петербург. ун-та, проф. Высших женских курсов в Петербурге

Квашнин-Самарин Степан Дмитриевич (1838–1908), земский деятель Тверской губ.: председатель Губ. земской управы (1883–91), председатель школьной комиссии (с 1897), чл. Губ. управы (1905–06); чл. Гос. совета (1906–08)

Келлер Владимир Васильевич, юрист, участник борьбы с голодом в Моршанском уезде в 1891–92 гг., в его имени «Карабах» в Крыму отдыхали Вернадские

Кеплер (Kepler) Иоганн (1571–1630), немецкий астроном, открыл закон движения планет

Керенский Александр Федорович (1881–1970), юрист, эсер, предс. Времен. пр-ва

Кетриц Бернард Эрнестович (7–1918), юрист, земский деятель Тверской губ., присяжный поверенный, чл. Петербург. комитета грамотности

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, проф. Моск. (1909–11) и Пражского (с 1922) ун-тов, чл. Моск. комитета грамотности (1894)

Кирпичников Александр Иванович (1845–1903), засл. проф. Моск. унта, редактор-переводчик

Кислаковский Евгений Диодорович, хранитель Минерал. кабинета Моск. ун-та (1887–94), вел практические занятия со студентами в Моск. ун-те

Кистяковский Владимир Александрович (1865–1952), физикохимик

Кишенский Дмитрий Павлович (1858–?), хирург, практиковавший в Москве, лечивший Г.В. Вернадского в 1900 г.

Кишкин Николай Михайлович (1864–1930), один из лидеров кадетов, врач

Кларк (Clerke) Агнес Мэри (1842–1907), английский астроном

Клейбер (девичья фамилия Винберг) Лидия Владимировна, жена И.А. Клейбера

Клейбер Иосиф Андреевич (1863–1892), астроном, приват-доцент Петербург. ун-та, председатель научного отд. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, друг В.И. Вернадского

Клейбер Нина Иосифовна (?–1912), дочь И.А. и Л.В. Клейбер

Клейн (Klein) Карл (1842–1907), немецкий минералог, проф. и директор Минералого-петрограф. ин-та в Геттингене (с 1877), проф. Берлинского ун-та (с 1887) и директор Минералого-петрограф. ин-та в Берлине

Клюсс Георгий Александрович, уч. секр. и член Ученого комитета Мин-ва земледелия

Книпович Николай Михайлович (1862–1939), зоолог, почетный чл. АН СССР (1935; чл.-корр. – 1927), приват-доцент Петербург. ун-та (с 1893), был уволен из него «как политически неблагонадежный», проф. Женского (1-го Ленинград.) мед. ин-та (1911–1930), сотрудник Зоологического музея Петербург. АН (1894–1921)

Ковалевский Евграф Петрович, депутат третьей (1907–1912) и четвертой (1912–1917) Гос. Думы

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), юрист, общественный деятель, проф. Моск. (с 1877) и Петербург. ун-тов, Политех. ин-та, Высших женских курсов, депутат I Гос. думы (1906), чл. Гос. совета (с 1907), стоял близко к кадетам

Коган (правильно Каган), проф., зав. научным отделом Госиздата

Козицын Иван Сидорович (1871–?), студент естественного фак-та Моск. ун-та (с 1891), ученик В.И. Вернадского

Козлов А.А., генерал-адъютант, Московский генерал-губернатор с 14 апреля по 15 июля 1905 г.

Кокорцев Владимир Николаевич (1853–1943), государственный деятель, товарищ министра финансов (1896–1902), гос. секретарь (1902–04), министр финансов (1904–14), председатель Совета министров (1911–1914), чл. Гос. совета (с 1905)

Кокоскин Федор Федорович (1871–1918), юрист, публицист, лидер партии кадетов, депутат I Гос. думы

Кокшаров Николай Иванович (1818–1892), минералог, адъюнкт (1855), экстраординарный (1858) и ординарный (1866) акад. Петербург. АН, смотритель Главной геофизической обсерватории (1849–52), преподаватель (с 1846), проф. (1851–55) и директор (1872–81) Горного ин-та в Петербурге, Лесного и Межевого ин-тов (1854–62), директор Минерал, музея АН (1866–73)

Колобян, профессор во Фрейберге

Коловрат-Червинский Лев Станиславович (1884–1921), физик, радиолог, работал у М. Кюри

Колоколов Георгий Евграфович (1851–?), юрист-криминалист, доцент (с 1881), экстраординарный (с 1884), ординарный (с 1894), засл. (с 1904) проф. Моск. ун-та

Колубакин Александр Михайлович (1869–?), политический деятель, активный член конституционно-демократической партии

Комаровский Леонид Алексеевич (1845–?), юрист, специалист в области международного права, преподавал с 1874 г., ординарный проф. Моск. ун-та (с 1881) и Имп. лицея в память цесаревича Николая

Комлев Леонид Васильевич (1904–1979), геохимик, сотр. Гос. радиевого ин-та

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), юрист, почетный чл. Моск. ун-та (1892), почетный академик (1900), сенатор (с 1891), чл. Гос. совета (с 1907)

Константинович Мария Петровна, сестра А.П. Вернадской, матери В.И. Вернадского

Константинович Ольга Петровна, сестра А.П. Вернадской

Корнилов Александр Александрович (1862–1925), юрист, историк, писатель, один из организаторов партии кадетов, комиссар по крестьянским делам Конского уезда Радомской губ. (Польша) (1887–92), комиссар по крестьянским делам при восточно-сибирском генерал-губернаторе Горемыкине, в начале 1900-х годов после возвращения в Петербург за литературную деятельность был арестован и выслан, после Октябрьской революции проф., преподавал русскую историю в Петрогр. политех. ин-те, друг В.И. Вернадского со студенческих лет

Корнилова Наталья Александровна (Талочка) (1908–1990), дочь А.А. Корнилова (Ади), художник-оформитель

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал

Коро (Corot) Камиль (1796–1875), французский живописец, мастер пейзажа

Коробочка, действующее лицо поэмы-романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842)

Короленко Анна Сергеевна (Нюта) (1884–1917), арфистка, преподавательница Петербург. музыкального ин-та, племянница В.И. Вернадского, дочь его сестры Е.И. Короленко. С 1910 г. после смерти матери жила в семье Вернадских

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель, общественный деятель, троюродный брат В.И. Вернадского

Короленко (девичья фамилия Вернадская) Екатерина Ивановна (1864–1910), сестра В.И. Вернадского

Костомаров Николай Иванович (1817–1885), русский и украинский историк, этнограф, писатель, проф. Киевского (1846) и Петербург. (1859–62) ун-тов

Костюшко (Kosciuszko) Тадеуш (1746–1817), руководитель Польского восстания 1794 г.

Котляревский Сергей Андреевич (1873–?), писатель и политический деятель, приват-доцент Моск. ун-та, участник земских съездов, в 1905 г. один из учредителей конституционно-демократической партии и чл. ее ЦК, депутат I Гос. думы (1906)

Котовщиков Александр Иванович, д-р медицины, чл. Моршанской уездной управы, инспектор врачебного отд. Тамбовского губ. правления

Краснов Андрей Николаевич (1862–1914), ботаник и географ, проф. Харьковского ун-та (1899–1911), основатель Батумского ботан. сада (1912), друг В.И. Вернадского

Краснопольский Александр Александрович (1853–?), геолог, горный инженер, работал в музее Горного ин-та, в Геол. комитете занимался геологическими изысканиями на Урале

Крейц (Kreutz) Феликс (1844–1910), польский минералог, проф. (1870–87) ун-та во Львове, чл. Академии (с 1888) и директор естественно-мат. отд-я Академии в Кракове (с 1893)

Креннер (Krenner) Джозеф Александр (1839–1920), сотрудник Национального музея (с 1870) и проф. минералогии и геологии Политехникума в Будапеште (с 1894), чл.-кор. (с 1874), действительный чл. (1885) Венгерской АН

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959), парт., гос. деятель, акад. (1929), вице-през. АН СССР (1929–1939)

Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906), публицист-народник, сотрудник ж.

«Отечественные записки», «Русское богатство»

Криштафович Николай Иосифович (1866–1941), геолог, редактор-издатель «Ежегодника по минералогии и геологии России» (1896–1916)

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), теоретик анархизма, географ и геолог

Крыжановский Владимир Ильич (1881–1947), геолог, минералог, ученик В.И. Вернадского, с 1934 г. работал зав. музеем Ломоносовского института

Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935?), государственный деятель, служащий Министерства внутренних дел (с 1896), товарищ министра внутренних дел (1906–1911), сенатор (1907), гос. секретарь (с 1911)

Крылов Иван Андреевич (1769–1844), писатель, баснописец, акад. (1841) Императорской АН

Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), востоковед, славист, писатель, преп. Моск. унта (с 1896), непрам, секретарь ВУАН (1918–1928)

Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), востоковед, славист, писатель, преподаватель Моск. ун-та (с 1896), непрременный секретарь Украинской АН (с 1918), ее действительный член

Кудрявцев Всеволод Александрович (1885–1953), математик

Кузьмин Василий Иванович (1851–?), врач, проф. хирургической факультетской клиники медицинского фак-та Казанского ун-та

Куинджи А. Ив. (1841–1910), русский живописец

Кулик Леонид Алексеевич (1883–1942), геолог, специалист по метеоритам

Кун Мария Владимировна, Евгения Владимировна, слушательницы Моск. высших женских курсов

Кунц (Kunz) Георг Фредерик (1856–1932), амер. геолог и минералог, президент Mineralogical Club (New York)

Курнаков Николай Семенович (1860–1941), физикохимик, акад. (1913) Императорской АН

Курчатов Игорь Васильевич (1902/3–1960), физик, акад. (1943) АН СССР

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958), общ. деятель и публицист

Кюри (Curie) Пьер (1859–1906), французский физик, чл. Французской АН (1905), преподавал в Школе индустриальной физики и химии в Париже (1882–1904), проф. Париж-

ского ун-та (с 1904), лауреат Нобелевской премии (1906)

Кюри (Склодовская) Мари (1867–1934). Ноб. пр. по физике (1903) совм. с П. Кюри и А. Беккерелем, Ноб. пр. по химии (1911), чл.-корр. (1907) Императорской АН, поч. чл. (1926) АН СССР

Лазарев Петр Петрович (1878–1942), физик, биофизик, геофизик, акад. (1917) Императорской АН

Лакруа (Lacroix) Альфред Франсуа Антуан (1863–1948), французский минералог и петрограф, чл. Французской АН (1904), почетный чл. АН СССР (1924), проф. Национального музея естественной истории

Ламе-Флери (Lame-Fleury) Жюль Ремон (1797–1878), французский писатель, автор учебных и популярных книг

Ландовская (Ландовска, Landowska) Ванда (1879–1959), польская пианистка, клавиесинистка

Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749–1827), французский астроном, математик и физик, чл. Парижской АН (1785), автор космогонической гипотезы об образовании Солнечной системы

Лаппо-Данилевская (девичья фамилия Бекарюкова) Елена Дмитриевна, жена А.С. Лаппо-Данилевского

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк, ординарный академик Петербург. АН (1905; адъюнкт – 1899; экстраординарный акад. – 1902), секретарь научного отд. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, приват-доцент (с 1890) и проф. Петербург. ун-та и Археологического ин-та

Лассвиц (Lasswitz) Курд (1848–1910), немецкий философ

Лахтин Леонид Кузьмич, проф. Моск. ун-та

Лебедев Георгий Глебович, минералог, адъюнкт кафедры минералогии и кристаллографии Горного ин-та

Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), физик, преподаватель (с 1892), проф. (с 1900) Моск. ун-та

Лебедянец Александр Никандрович (1878–1941), агроном и агрохимик, проф., ученик В.И. Вернадского, директор Шатиловской опытной станции (1906–1927)

Левенгук (Leeuwenhoek) Антони ван (1632–1723), голландский натуралист, основоположник научной микроскопии, чл. Лондонского королев. о-ва (с 1680)

Леви (Levy) Опост-Мишель (1844–1911), французский минералог и петрограф

Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939), геолог, петрограф, чл.-корр. (1914) Императорской АН, акад. (1925) АН СССР

Левицкий Александр Павлович (1873–?), сын П.И. Левицкого, студент естественного фак-та Моск. ун-та (с 1893)

Левицкий Павел Иванович, агроном, прогрессивный земский гласный Чернского уезда Тульской губ., муж двоюродной сестры И.Е. Вернадской Варвары Александровны, урожденной Свечиной

Лейст Эрнест Егорович (1852–1918), геофизик, проф. Моск. ун-та

Лемуан, французский геолог, с которым В.И. Вернадский экскурсировал по Франции во время VIII Международного геологического конгресса (1900)

Ленард (Lenard) Филипп (1862–1947), немецкий физик, проф. в Гейдельберге и Киле, директор Физического и радиологического ин-та Гейдельбергского ун-та, Нобелевский лауреат (1905)

Лесгафт Петр Францевич (1837–1909), педагог, анатом и врач. Основатель научной системы физического воспитания, проф. Петербург. ун-та

Либиш (Liebisch) Теодор (1852–1922), немецкий минералог, проф. Геттингенского ун-та (1887–1908)

Линденер Борис Александрович, минералог, ученик В.И. Вернадского, науч. сотр. Моск. ун-та, ученый хранитель Геологического и минералогического музея Петербург. АН, управляющий делами КЕПС АН (с 1918)

Линкольн (Lincoln) Авраам (1809–1865), государственный деятель США, президент США (с 1860)

Линней (Linné) Карл (1707–1778), шведский естествоиспытатель, чл. Парижской АН (1762)

Липский Владимир Ипполитович (1863–1937), ботаник, акад. (1919) ВУАН

Лист (Listz) Ференц (1811–1886), венгерский композитор, пианист, дирижер

Литвиновы, семья Михаила Павловича Литвинова (1846–1918) [земский деятель, врач-психиатр, старший врач (1880–95) Бурашевской колонии в Тверской губ., в Смоленском губ. земстве (1896–97), ординатор в частной лечебнице д-ра Фрея в Петербурге (с 1898), председатель Земской управы Новоторжского уезда Тверской губ. (1905), директор «Коронационного убежища» в Москве (1906–17)]

Личков Борис Леонидович (1888–1966), геолог, первый директор Украинского геол. ком-та (1918–27), секретарь КЕПС (с 1927), зав. отд. подземных вод Гидролог. ин-та в Ленинграде (1924–34), проф. (с 1948) в Киеве, Ташкенте, Самарканде, Ленинграде. Был репрессирован в 1934 г.

Личков Леонид Семенович (1855–1943), статистик, общ. деятель, отец Б.Л. Личкова

Лозинский, Лозина-Лозинский Михаил Александрович, юрист, обер-секретарь I департамента Сената, секретарь Петербург. комитета грамотности (с 1893)

Лойола (Loyola) Игнатий (1491?–1556), основатель (1540) и первый генерал иезуитского ордена Иисуса Христа

Ломоносов М.В. (1711–1765), первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, с 1745 г. первый русский академик Императорской АН, член Академии художеств (1763), в 1755 г. по инициативе М.В. Ломоносова основан Московский университет

Лопатина Елена Егоровна (Георгиевна), учительница Г.В. Вернадского

Лочка (Loczka) Джозеф (1855–1912), венгерский химик, сотрудник отд. минералов в Венгерском национальном музее

Луар, директор Музея в Гавре, племянник Л. Пастера, директор бактериологической станции

Лугинин Владимир Федорович (1834–1911), участник Крымской кампании, вышедший в отставку, в 1860 г. переселился в Париж, где устроил химическую лабораторию, приват-доцент (1890–99), проф. химии (1899–1906) Моск. ун-та

Луини (Luini) Бернардо (1475–1480 – после 1533), итальянский живописец 332

Лукас Каролина Ивановна, преподаватель женской гимназии А.С. Алферовой, в которой училась Н.В. Вернадская

Лукьянов Сергей Михайлович, товарищ министра народного просвещения. С 1902 г. директор Ин-та экспериментальной медицины

Луппол Иван Капитонович (1896–1943), акад. (1939) АН СССР

Лури Б.А. (?–1905), минералог, ученик В.И. Вернадского

Лутугин Леонид Иванович (1864–1915), геолог, проф. (1897) Горного института в Петербурге

Лучицкий Владимир Иванович (1877–1949), геолог, петрограф, акад. (1945) АН УССР

Львов Николай Николаевич (1867–1944), политический деятель, предводитель дворянства Саратовской губ. (1893–1900), один из основателей «Союза освобождения», участник земских съездов (1904–05), чл. ЦК партии кадетов, депутат I, III и IV Гос. думы

Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936), историк, акад. (1929) АН СССР

Любошинская (ур. Старицкая) Анна Егоровна (1865–1930), сестра Н.Е. Вернадской, дочь Е.П. Старицкого, жена М.М. Любошинского

Любенкова Юлия Львовна, дочь Л.В. Любенкова, помогала А.А. Корнилову в организации борьбы с голодом в Тульской губ. в 1893 г.

Любенков Лев Владимирович, владелиц с. Понарино Богородицкого уезда Тульской губ., где разместился центр по борьбе с голодом, организованный А.А. Корниловым в 1893 г.

Любошинская Анна Марковна (в замужестве Сербина) (1902–?), дочь А.Е. и М.М. Любошинских, в эмиграции во Франции

Любошинская (в замужестве Бакунина) Софья Марковна (1890–?), дочь М.М. и А.Е. Любошинских, гимназическая подруга Н.В. Вернадской

Любошинская (девичья фамилия Старицкая) Анна Егоровна (1864–1930), родная сестра Н.Е. Вернадской

Любошинская Мария Марковна (в замужестве Фокина) (1894–1988), дочь А.Е. и М.М. Любошинских

Любошинская Наталья Марковна (в замужестве Мостовая) (1901–?), дочь А.Е. и М.М. Любошинских

Любошинская (по мужу Бакунина) Софья Марковна (1889–?), дочь А.Е. и М.М. Любошинских

Любошинский Владимир Маркович, сын М.М. Любошинского

Любошинский Георгий Маркович (1897–1921), сын А.Е. и М.М. Любошинских

Любошинский Марк Маркович (1865–1953), юрист, земский деятель Тамбовской губернии, эмигрант с 1931 г.

Любошинский Марк Маркович (1891–?), сын А.Е. и М.М. Любошинских, выпускник физ.-мат. фак-та Моск. ун-та, во время Октябрьской революции юнкер Константиновского артиллерийского училища в Петрограде, после революции эмигрировал в Чехословакию

Любошинский Павел Маркович (1906–1992), сын А.Е. и М.М. Любошинских, эмигрант с 1922 г., в 1955 г. вернулся в СССР

Лянец Альфред Иванович (1855–?), д-р медицины, врач в Москве, услугами которого пользовался В.И. Вернадский

Ляпунов Александр Михайлович (1857–1918), математик, чл.-корр. (1900), акад. (1901) Императорской АН

Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943), языковед-славист, чл.-корр. (1907) Императорской АН, акад. (1923) РАН

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855), воронежский вице-губернатор, симбирский губернатор, чл. Главного правления училищ (с 1819), попечитель Казанского учебного округа (1819–26), реакционер, ратовавший за закрытие Казанского ун-та; за злоупотребления был сослан сначала в Ревель, а затем в Одессу

Мазинг Дмитрий Александрович, учитель в с. Епифане Тульской губ. и затем в Вернадовке Тамбовской губ. Мазингер Иуда

Майрс (Miers) Генри (1858–1942), англ. минералог, кристаллограф

Максимович Павел Павлович (1817–1892), педагог, общественный деятель, чл. Тверской губ. земской управы (1866–77), учредил в Твери на собственные деньги школу для приготовления сельских учительниц (1870), которой присвоено имя ее основателя

Малахов Николай Николаевич, генерал, в 1905 г. помощник, с 1906 г. командующий войсками Московского военного округа

Маленграаф, минералог, профессор в Амстердаме, главный геолог Трансваальской республики

Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, общественный деятель, проф., проректор (1905–08) и ректор (1908–11) Моск. ун-та, кадет, чл. ЦК партии кадетов, министр просвещения Временного правительства (1917), после Октябрьской революции эмигрировал, но вскоре возвратился и сотрудничал с советской властью

Малляр (Mallard) Эрнст (1833–1894), французский кристаллограф, проф. минералогии в Ecole des Mines в Париже, чл. Французской АН, ин. чл.-кор. Петербург. АН, председатель Минерал, о-ва во Франции, членом которого состоял В.И. Вернадский

Малюга Дмитрий Петрович (1902–1969), биогеохимик, сотрудник Биогеохимической лаборатории

Мандельштам Леон Исаакович (1879–1944), физик, чл.-корр. (1928), acad. (1929) АН СССР

Мансуров Борис Павлович (1828–1910), юрист, археолог

Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, общественный деятель, проф., проректор (1905–08) и ректор (1908–11) Моск. ун-та, кадет, чл. ЦК партии кадетов, министр просвещения Временного правительства (1917), после Октябрьской революции эмигрировал, но вскоре возвратился и сотрудничал с советской властью

Марковников Владимир Васильевич (1837–1904), химик, проф. Казанского (с 1869), Новороссийского (с 1871) и Моск. (с 1873) ун-тов

Матейко (Matejko) Ян (1838–1893), польский художник

Мачтет Григорий Александрович (1852–1901), поэт и беллетрист, участник революционного движения 60-х годов

Медведев Анатолий К., двоюродный брат В.И. Вернадского

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик, открывший периодический закон химических элементов, разносторонний ученый. педагог и общественный деятель. чл.-корр. Петербург. АН 1876). проф. Петербург. технолог. ин-та (1864–66), Петербург. ун-та (1856–90), где его лекции слушал В.И. Вернадский

Мензбир Михаил Александрович (1955–1935), зоолог, acad. АН СССР 1,1929; чл.-корр. – 1896; почетный чл. – 1926), проф. Моск. ун-та (1886–1911 и 1917–19) и Высших женских курсов. В 1911 г. вместе с В.И. Вернадским и другими проф. покинул ун-т в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо

Менье, Мёнье (Meunier) Ст., французский геолог

Микельанджело (совр. Микеланджело) Буонаротти (Michelangelo Buonarroti) (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941), писатель

Мечниковы: Илья Ильич (1845–1916), Ноб. пр. (1908, совм. с П. Эрлихом) и его жена

Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), публицист, издатель ультрареакционной газеты-журнала «Гражданин», отстаивал дворянские привилегии и незыблемость самодержавия

Миклашевский Иван Николаевич (1858–1901), историк-экономист и статистик, преподавал в Петровской с.-х. академии, Ярославском лицее и Харьковском ун-те

Миклашевский Александр Николаевич (1864–1911), экономист, приват-доцент Моск. ун-та (с 1895), проф. политэкономии и статистики Юрьевского (Тартуского) ун-та (с 1896)

Миклашевский Николай Николаевич (1860–1909), юрист, общественный деятель, земский деятель Черниговской губ. (с 80-х годов XIX в.), чл. окружного суда, чл. I Гос. думы, чл. «Союза освобождения», один из видных деятелей партии народной свободы

Мильтон (Milton) Джон (1608–1674), английский поэт, политический деятель, мыслитель

Милюкова (ур. Смирнова) Анна Сергеевна, жена П.Н. Милюкова

Милюков Николай Алексеевич, племянник Павла Николаевича Милюкова

Милюков Николай Павлович (Коля), сын П.Н. Милюкова

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк, публицист и политический деятель, приват-доцент Моск. ун-та (1886–94), читал лекции по русской истории в Софийском и Чикагском ун-тах, один из организаторов партии кадетов (1905), председатель ее ЦК и редактор центрального органа – газ. «Речь» (1907), чл. III и IV Гос. думы, министр иностранных дел во Временном правительстве, после Октябрьской революции эмигрировал

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), экономист, государственный деятель, товарищ министра внутренних дел (с 1859), фактически руководитель работ по подготовке Крестьянской реформы 1861 г., председатель Комиссии по разработке Земской реформы 1864 г., статс-секретарь по делам Польши (с 1864), чл. Гос. совета (с 1865)

Минский (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1855–1937), писатель, переводчик

Мирбо (Mirbeau) Октав (1848 или 1850–1917), французский писатель

Миссуна Анна Болеславовна (1869–1922), геолог, хранитель геологических коллекций МОИП (1906–1909), сотрудница Геологич. кабинета Моск. высших женских курсов, впоследствии 2 Моск. ун-та, ученица В.Д. Соколова

Модзалевский Вадим Львович (1882–1920), историк, сын двоюродной сестры В.И. Вернадского

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986), предс. Совета Народ. Комиссаров СССР (1930–1941)

Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи (1689–1755), французский просветитель, правовед, философ

Мороховец Лев Захарович (1848–?), физиолог, проф. Моск. ун-та, Петровской с.-х. и Лесной акад.

Моррис (Morris) Уильям (1834–1896), английский художник, писатель, теоретик искусства

Мочалов Инар Иванович (р. 1932), философ, историк науки, исследователь творчества В.И. Вернадского

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), кадет, предс. первой Гос. Думы

Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич (1848–?), юрист, доцент (1876–81), ординарный проф. (1881–1901), засл. проф. (с 1902) Моск. ун-та

Муравьев Николай Валерианович (1850–1908), юрист, прокурор Петербург. (с 1881) и Моск. (с 1884) судебных палат, министр юстиции (1894–1905), посол в Риме (с 1905)

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), юрист и политический деятель, проф. Моск. ун-та (1877–84), участник земских съездов (1904–05), чл. ЦК кадетской партии, председатель I Гос. думы

Мушкетов Иван Васильевич (1850–1901), геолог и географ, преподаватель (1877), проф. (с 1896) Петербург. горного ин-та, сотрудник (с 1882) Геологического комитета, преподавал (с 1882) в Ин-те инженеров путей сообщения и других учебных заведениях, исследователь Урала, Средней Азии и Кавказа

Мюссе (Musset) Альфред де (1810–1857), французский писатель, чл. Французской академии (1852)

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), историк, публицист, один из лидеров партии народных социалистов, руководитель Союза союзов (1905–06), чл. редколлегии ж. «Русское богатство» (1904), в эмиграции (с 1918), проф. Софийского ун-та

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), один из лидеров кадетов, юрист, публицист, депутат I Гос. думы, редактировал «Вестник партии народной свободы»

Некрасов Павел Алексеевич (1853–1924), математик, приват-доцент (1885–86), экстраординарный (1886–90), ординарный (с 1890) проф., секретарь (с 1887), декан физ.-мат. фак-та (с 1891), пом. ректора (с 1891), ректор

(1893–95) Моск. ун-та, попечитель Московского учебного округа (с 1898)

Немцова (Němcová) Божена [урожд. Барбара Панклова (Panklova)] (1820–1862), чешская писательница

Ненадкевич Константин Автономович (1880–1963), химик-минералог, чл.-корр. АН СССР (1946), ученик В.И. Вернадского

Нефедьев Евгений Алексеевич, юрист, специалист в области гражданского права, проф. Казанского (с 1892) и Моск. (с 1896) унтов, пом. ректора Моск. ун-та (с 1899)

Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), немецкий философ-идеалист, проф. философии в Базеле (1869–78)

Нобель Альфред Бернхард (1833–1896), учредитель Нобелевских премий, в 1867 г. изобрел динамит, предприниматель, возглавлял нефтепромысловое предприятие в Баку

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), юрист и философ, проф. Моск. ун-та (1896–1911), директор и проф. Моск. высшего коммерческого ин-та (с 1906), эмигрировал в 1917 г., сотрудничал в ж. «Русская мысль»

Нордгейм Владимир Васильевич, управляющий типографией Императорской АН (с 1907)

Обольянинов Лев Александрович (1861–192?), прогрессивный земский деятель в Гдовском уезде

Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956), геолог и географ, акад. АН СССР (1929; чл.-кор. – 1921), проф. Томского технолог. ин-та (1919–21), Таврического ун-та в Симферополе (1918–19) и Московской горной академии (1921–29), председатель Комиссии (Комитета) по изучению вечной мерзлоты (с 1930), директор Ин-та мерзлотоведения АН СССР (с 1939)

Озеров Иван Христофорович (1869–?), экономист, приват-доцент (1895), проф. Моск. (1901–07; 1911–17) и Петербург. (с 1907) ун-тов, Моск. коммерческого ин-та (с 1913)

Олдингтон (Aldington) Ричард (1892–1962), англ. писатель

Ольденберг (Oldenberg) Герман (1854–1920), немецкий санскритолог, проф. Кильского ун-та

Ольденбург (девичья фамилия Бекарюкова) Мария Дмитриевна, жена Ф.Ф. Ольденбурга

Ольденбург (девичья фамилия Берг) Надежда Федоровна (1831–1909), выпускница Смольного ин-та, мать С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов

Ольденбург (девичья фамилия Клеменц, по первому мужу Головачева) Елена Григорьевна (1875–1955), вторая жена С.Ф. Ольденбурга (с 1923), науч. сотр. Эрмитажа

Ольденбург (девичья фамилия Тимофеева) Александра Павловна (1864–1891), жена С.Ф. Ольденбурга

Ольденбург Сергей Сергеевич (Сегоня) (1888–1934), литератор и политический деятель, сын С.Ф. Ольденбурга

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, акад. Петербург. АН (1900), преподаватель (с 1889) и проф. (с 1894) Петербург, ун-та, непреходящий секретарь АН СССР (1904–29), директор Ин-та востоковедения АН СССР (1930–34), друг В.И. Вернадского со студенческих лет

Ольденбург Федор Федорович (1862–1914), общественный деятель и педагог, брат С.Ф. Ольденбурга и друг В.И. Вернадского со студенческих лет

Орлов Петр Павлович (1859–?), химик, выпускник Моск. ун-та (1882), лаборант при технической лаборатории Моск. ун-та (1885), приват-доцент (с 1901), экстраординарный проф. (с 1904) Томского ун-та, преподаватель курсов при управлении Моск. учебного округа для приготовления учителей средних учебных заведений по школьной гигиене (с 1909)

Орловский Владимир Георгиевич (1874–?), геолог, ученик В.И. Вернадского, студент естественного фак-та Моск. ун-та (с 1893), чл. Подкомиссии по платине КЕПС и чл. ред. комитета по изданию «Материалов для изучения естественных производительных сил России»

Осборн (Osborn) Генри Фэрфилд (1857–1935), американский биолог-палеонтолог, ин. чл.-корр. Российской АН (с 1923)

Остаде (Ostade) Адриан ван (1610–1685), голландский художник-жанрист и гравер

Оствальд (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853–1932), немецкий физико-химик и философ, иностранный чл. Петербург. АН (1896)

Отт Федор Владимирович, земский деятель Вышнего Волочка, в 1894 г. назначен чл. Тверской губ. управы, в 1897 г. забаллотирован

Павлов Алексей Петрович (1854–1929), геолог, палеонтолог, чл.-корр. (1905), акад. (1916) Императорской АН, РАН и АН СССР

Павлова Мария Васильевна (1854–1938), палеонтолог, проф. Моск. ун-та, почет. чл. (1930) АН СССР, жена Павлова А.П.

Павловский Иван Францевич (1851–1922), историк, археолог

Палладин Владимир Иванович (1859–1922), ботаник и биохимик, чл.-корр. (1905), акад. (1914) Императорской АН и РАН Паркман

Пантелеев Александр Ильич (1838–?), генерал, помощник шефа жандармов и командир отдельного корпуса жандармов (1897–1900), Иркутский военный генерал-губернатор (1900–03), чл. Гос. совета (с 1903)

Парацельс (Paracelsus) (1493–1541), врач и естествоиспытатель, один из основоположников ятрохимии

Паскин А.С., земский деятель, председатель управы (с 1871) в Бежецком уезде Тверской губ., председатель Тверской губ. управы (с 1894), кандидат правых, забаллотирован в гласные Тамбовской губ. в 1897 г.

Паульсен (Paulsen) Фридрих (1846–1908), немецкий ученый, проф. философии и педагогики Берлинского ун-та, почетный чл. Моск. психолог. о-ва

Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932), правовед, проф. Петерб. ун-та передвижник (1844–1930)

Перец Владимир Николаевич (1870–1935), историк литературы, акад. (1914) Императорской АН и акад. (1919) ВУАН

Перов Василий Григорьевич (1833–1882), живописец, один из организаторов Товарищества передвижников

Перовская Софья Львовна (1853–1881), народница, член «Земли и воли», «Народной воли»

Пестель Павел Иванович (1793–1826), декабрист

Петров Федор Николаевич (1876–1973), медик по образованию, парт. деятель, возглавлял (1923–1927) Главнауку в Наркомпросе

Петр, отец, см. Трескин Петрово-Соловово Василий Михайлович (1850–1908), Тамбовский уездный предводитель дворянства (с 1887), кандидат прав. чл. Моск. комитета грамотности (с 1893)

Петрункевич Александр Иванович (1875–?), зоолог, выпускник естественного фак-та Моск. ун-та, образование продолжил во Фрейбурге у известного проф. зоологии Вейсмана; сын И.И. Петрункевича, в 1903 г. женился на студентке Фрейбургского ун-та американке, жил в Америке

Петрункевич Анастасия Сергеевна, жена Ивана Ильича Петрункевича

Петрункевич Владимир Иванович (1877–?), студент юридического фак-та Моск. ун-та (с 1896); сын И.И. Петрункевича

Петрункевич (девичья фамилия Мальцева, по первому мужу Панина) Анастасия Сер-

геевна (?–1932), дочь владельца чугунолитейных, стекольных, хрустальных заводов, жена И.И. Петрункевича

Петрункевич Иван Ильич (1843–1928), общественный и политический деятель, председатель «Союза освобождения» (1904), участник земских съездов (1904–05), один из основателей и видных лидеров партии кадетов, председатель ее ЦК, чл. I Гос. думы, издатель центрального органа кадетской партии – газ. «Речь», эмигрант (с 1917)

Петрункевич Михаил Ильич (1845–1912), врач и земский деятель, выпускник Медико-хирургической акад., земский врач в Тверской губ., гласный Тверского уездного земства (с 1870), гласный Петербург. городской думы, председатель Петербург. городской больницы, чл. I Гос. думы

Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942), историк-медиевист, акад. АН СССР (1929; чл.-кор. – 1924)

Пилипенко Павел Прокофьевич (1877–1940), минералог, преподаватель Томского, проф. Моск. (с 1927) и Саратовского ун-тов, ученик В.И. Вернадского

Пири (Peary) Роберт Эдвин (1856–1920), амер. полярный путешественник

Платон (Plátōn) (428 или 427 – 348 или 347 до н.э.), древнегреческий философ

Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, академик АН СССР (1920), проф. Петербург. ун-та (с 1899)

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный деятель, директор департамента полиции (с 1881), сенатор и товарищ министра внутренних дел (1884–94), министр, статс-секретарь по делам Финляндии (с 1899), министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1902). Убит эсером Е.С. Созоновым

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), государственный деятель, юрист, сенатор (с 1868), чл. Гос. совета (с 1872), обер-прокурор Синода (1880–1905)

Попов Александр Иванович, управляющий в имении Вернадовка Моршанского уезда Тамбовской губ.

Попова Мария Николаевна, жена А.И. Попова

Попов Иван Иванович (1862–1942), революционер-народоволец, писатель, чл. ЦК «Народной воли», после 1906 г. был близок к кадетам, сотрудничал в газ. «Речь», «Новь», «Русские ведомости» и др.

Попов Сергей Исидорович, земский деятель, председатель Моршанской уездной земской управы

Попов Сергей Платонович (1872–1964), минералог и кристаллограф, преподаватель Ин-та с.-х. и лесоводства в Новой Александрии (с 1898), проф. Таврического ун-та в Симферополе, зав. кафедрой минералогии и петрографии Воронежского ун-та (1937–46)

Поссе Владимир Александрович (1864–1940), журналист и общественный деятель, редактор ж. легальных марксистов «Новое слово» (1897) и «Жизнь» (1898–1901). После закрытия царским правительством ж. «Жизнь» издавал его в 1902 г. за границей. В 1906–07 гг. выступал за создание независимых от социал-демократической партии рабочих кооперативных организаций в России. В 1909–17 гг. издавал и редактировал ж. «Жизнь для всех». После Октябрьской революции занимался литературной деятельностью

Поссе Константин Александрович (1847–1928), ученый и общественный деятель, математик, почетный чл. Петербург. АН (с 1916), проф. Петербург. ун-та 269»

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929), писатель

Потемкин Владимир Петрович (1877–1946), с 1940 г. нарком народного просвещения РСФСР, акад. (1943) АН СССР

Прайор (Prior) Георг (1862–1936), английский минералог, ассистент (с 1887), позднее хранитель минералов минералогического отд-я Британского музея в Лондоне

Прайор (Preyer), (Прейер) Вильям (1841–1897), англ. физиолог, преподавал в Петербург. ун-те (1867–82) и в Училище правоведения

Пресняков Евгений Александрович (1897–1962), геолог

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), экономист, член Времен. пр-ва

Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1866–?), публицист, чл. совета и секретарь (с 1893) Петербург. комитета грамотности, земский деятель Самарской губ., чл. I Гос. думы

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948), чл.-корр. (1913) Императорской АН, акад. (1929) АН СССР

Пятницкий Порфирий Петрович (1859–?), проф. (с 1901) кафедры минералогии и геологии Харьковского ун-та

Пулфрич (Pulfrich) Карл (1858–1927), нем. физик, приват-доцент ун-та в Бонне (с 1888), науч. сотр. (с 1890) и руководитель отдела научных измерительных приборов предприятия Цейса в Йене Путята

Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), историк литературы, славист, чл.-корр. (1891), акад. (1898) Императорской АН

Пятницкий Порфирий Петрович (1859–1940), геолог, минералог

Радзивиллы, княжеский род Вел. кн-ва Литовского (с XIV в.), затем Речи Посполитой, в XVIII–XX вв. России и Пруссии, крупные земельные магнаты и государственные деятели

Радищев Александр Николаевич (1749–1802), писатель

Радованович (Radovanovic) Светолик (1863–1928), югославский геолог и палеонтолог

Рамзай (Ramsay) Уильям (1852–1916), англ. физик и химик, чл.корр. (1901), ин. поч. чл. (1913) Императорской АН

Рачинский Сергей Александрович (1833–1902), деятель по народному образованию, педагог, ботаник, проф. Моск. ун-та

Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1866–1941), минералог, ученица В.И. Вернадского, его ассистентка на Высших женских курсах, хранитель, затем ст. научн. сотр. Минералог, музея АН СССР, научн. сотр. Радиевского ин-та

Резерфорд (Rutherford) Эрнест (1871–1937), английский физик, заложивший основы учения о радиоактивности и строении атома, чл. Лондонского королев. о-ва, в 1907 г. занял кафедру физики в Манчестере, директор Кавендишской лаборатории

Рейе (Reye) Карл Теодор (1838–1919), математик, проф. Страсбургского ун-та (1872–1908)

Ремезов Евгений Иванович (1862–?), врач, выпускник (1888) медицинского фак-та Петербург. ун-та, врач городской богадельни в Петербурге, друг В.И. Вернадского с гимназических лет

Рерберг Наталья Николаевна (?–1901), двоюродная сестра М.И. Старицкой, ее муж – инженерный генерал Петр Федорович Рерберг, ее мать – родная сестра матери М.И. Старицкой – Анна Михайловна Герсевичева

Римский-Корсаков А.Л., врач, земский деятель Тверской губ.

Римский-Корсаков Михаил Николаевич, зоолог, приват-доцент Петербург. ун-та

Роберти, де, Евгений Валентинович (1843–1915), социолог и философ позиционист, последователь О. Конта, проф. в Петербурге (1908–15)

Родичев Дмитрий Измайлович, земский деятель Тверской губ.

Родичев Петр Измайлович, земский деятель

Родичев Федор Михайлович (1856–?), юрист, тверской помещик, земский деятель, Весьегонский уездный предводитель дворянства, один из лидеров партии кадетов, чл. ее ЦК, участник земских съездов в 1904–05 гг., депутат Гос. думы всех созывов, после Февральской революции – комиссар буржуазного Временного правительства по делам Финляндии, после Октябрьской революции эмигрант

Рождественский С.В., составитель «Исторического обзора деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902»

Рокасовский Владимир Платонович, губернатор Тамбовской губ. с сент. 1889 г.

Рокин (Rosquain) Теодор Феликс (1833–1925), французский историк

Романов Константин Константинович (псевдоним КР) (1858–1915), второй сын Вел. кн. Константина Николаевича; поэт, военный деятель, президент Петербург. АН (1889–1915), главный начальник военно-учебных заведений (с 1900), генерал-инспектор военно-учебных заведений (с 1910)

Росни (Rosny) Джозеф-Гектор, французский писатель

Россетти (Rossetti) Христиана Джорджина (1830–1894), английская поэтесса

Руднев Владимир Матвеевич, читал курс лекций по строительному искусству в Моск. техн. училище

Рунич Дмитрий Павлович (1778–1860), попечитель Петербург. учебного округа (1821–26), реакционер, известный гонениями на либеральную профессуру

Рыкачев Михаил Александрович (1840–1919), метеоролог, академик Петербург. АН (1896), директор Главной физической обсерватории (1896–1913)

Рыков Алексей Иванович (1881–1938), гос. и полит. деятель, предс. СТО (1926–1930), нарком связи СССР (1931–1936)

Рэлей, Рейли (Rayleigh) Джон Уильям (1842–1919), английский физик, один из основоположников теории колебаний, чл. Лондонского королев. о-ва (1873), директор Кавендишской лаборатории

Сабанеев Александр Павлович (1843–1923), химик, работал в Петровской земледельческой и лесной академии (с 1868), преподаватель (с 1871) и проф. (1884–1914) Моск. ун-та

Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943), выпускник физ.-мат. фак-та Моск. ун-та, крупный капиталист, один из основателей в 1909 г. «Книгоиздательства М. и С. Сабашниковых», участник организации Народного ун-та Шаньявского, председатель правления, чл. Т-ва издания «Русских ведомостей» (с 1912)

Сабашников Сергей Васильевич (1873–1909), выпускник физ.-мат. фак-та Моск. ун-та, крупный капиталист, один из основателей «Книгоиздательства М. и С. Сабашниковых», брат М.В. Сабашникова

Сабо (Szabó) Джозеф (1822–1894), венгерский геолог, с которым В.И. Вернадский познакомился в Англии в 1888 г.

Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932), биохимик, профессор женского медицинского ин-та в Петербурге (1898–1911), ректор и профессор Крымского ун-та в Симферополе (1918–25), министр народного просвещения Временного правительства (1917)

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889), писатель

Самойлова Анна Яковлевна (1899–1974), агрохимик

Самойлов Яков Владимирович (Филиппович) (1870–1925), геолог, минералог и биогеохимик, ученик В.И. Вернадского, зав. кафедрой минералогии и геологии в Ин-те с.-х. и лесоводства в Новой Александрии (1902–06), проф. С.-х. академии в Москве (1906–25), приват-доцент (1907–11) и проф. (1917–25) Моск. ун-та, директор НИИ минералогии и петрографии Моск. ун-та, организатор и первый директор Научного ин-та по удобрениям (с 1919)

Самоковасов Дмитрий Яковлевич (1844–?), юрист, и.д. доцента (с 1873), экстраординарный (1873–83), ординарный (1883–92) проф. Варшавского и проф. (1894–1903) Моск. ун-тов

Сапеги, боярско-магнатский (с XVII в.) княжеский род в Вел. кн. Литовском и Речи Посполитой, в XVIII–XX вв. – в России и Австрии

Сахаров Иван Николаевич (1863–1919), юрист, московский присяжный поверенный, секретарь Моск. комитета грамотности (1890–95), секретарь Комиссии по устройству сельских библиотек Моск. комитета грамотности

Сахаров Юрий, сын Сахарова Ивана Николаевича (1863–1919), юриста, московского присяжного поверенного, секретаря Моск. комитета грамотности (1890–95), секретаря

Комиссии по устройству сельских библиотек Моск. комитета грамотности

Свечина (девичья фамилия Зарудная) Александра Ивановна, родная сестра М.И. Старицкой

Свешникова Елизавета Петровна (1848–1918), педагог, писательница, сотрудница ж. «Посредник», начальница земской учительской школы в Твери (1888–1905)

Свешников Митрофан Иванович (1862–?), юрист, приват-доцент (с 1888) Петербург. ун-та, читал лекции на фак-те восточных языков (1892), с 1893 г. на юридическом фак-те, чл. Юридического о-ва

Седергольм (Sederholm) Якоб Иоханнес (1863–1934), финский геолог, чл.-корр (1910) Императорской АН

Селешников С.И., автор «Истории календаря и хронологии» (М.: Наука, 1972)

Семашко Николай Александрович (1874–1949), гос. и парт. деятель, нарком здравоохранения РСФСР (1918–1930), акад. (1944) АМН СССР

Семенова (девичья фамилия Гольштейн) Наталия Владимировна, дочь А.В. и В.А. Гольштейн

Семенов Алексей Юлиевич, внук А.В. и В.А. Гольштейн

Семенов Юлий Федорович (1873–1947), литератор, зять А.В. Гольштейн

Семенченко Анна Андреевна, жена С.Г. Семенченко

Семенченко Сергей Георгиевич (1872–?), адвокат, полтавский земский деятель

Сергеевич Василий Иванович (1832–1910), юрист, проф. Моск. (с 1871) и Петербург. (с 1872) ун-тов

Сергей Александрович (1857–1905), Вел. кн., московский генерал-губернатор, почетный президент Моск. комитета грамотности

Сеченов Иван Михайлович (1829–1905), естествоиспытатель-материалист, основоположник русской физиологической школы и естественно-научного направления в психологии, почетный акад. Петербург. АН (1904; чл.-корр. 1869). Преподавал в Медико-хирургической акад. в Петербурге (1860–70), Новороссийском (1871–76) и Петербург. (1876–88) ун-тах, на Бестужевских высших женских курсах, на Пречистенских курсах для рабочих (1903–04)

Сибирцев Николай Михайлович (1860–1900), ученый-почвовед, ученик В.В. Докучаева, с 1894 г. зав. кафедрой почвоведения Новоалександрийского ин-та с.-х. и лесоводства

Сиома Иосиф Феликсович, минералог, ученик В.И. Вернадского, участник его Ми-

нералог. кружка, затем лаборант Минералог. кабинета Варшавского ун-та

Сиягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), государственный деятель, московский губернатор (1891–93), товарищ министра внутренних дел (с 1894), министр внутренних дел (с 1900), убит эсером С.В. Балмашевым

Скалон Василий Юрьевич (1846–1907), общественный деятель, публицист, гласный Московских губ. и земского собраний (1871), председатель Уездной земской управы (1874–83), издатель-редактор еженедельной политической и общественной газ. «Земство» (1880–82), редактор «Трудов Вольного экономического общества» (1886–89), сотрудник центрального управления Министерства финансов

Скрицкий Н.А., минералог, ученик В.И. Вернадского

Слудский Федор Алексеевич, математик, декан Моск. ун-та

Смирнов Сергей Григорьевич, преподаватель Моск. 5-й мужской гимназии и других учебных заведений

Соколов Алексей Петрович (1854–1928), физик, проф. (с 1891) физ.-мат. фак-та Моск. ун-та

Соколов Владимир Дмитриевич (1855–1917), геолог, проф. Московских высших женских курсов и Московского высшего технического училища

Соколов Дмитрий Николаевич (1867–1919), геолог, внештатный сотрудник геологического отд., Геологического и минералогического музея Петерб. АН

Соколовский Павел Емельянович (Эмильевич) (1860–?), д-р римского права юрид. фак-та, ординарный проф. (с 1895) Моск. ун-та

Соловейчик Илья Исидорович, востоковед, кандидат Московского ун-та, чл. Восточной комиссии Моск. археологического о-ва

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, публицист, богослов, поэт

Сохоцкий, председатель гос. комиссии Моск. ун-та, чл.-кор. Моск. археол. о-ва (с 1888)

Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951), историк права, социолог, проф. Варшавского ун-та, ректор ун-та Св. Владимира в Киеве

Сперанский Михаил Нестерович (1863–1938), историк, чл.корр. (1902) Императорской АН, акад. (1921)

Спиноза (Spinoza, d'Espinoza) Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерландский философ

Спиров Михаил Иванович, пом. управляющего Управления межевой частью Министерства юстиции, знакомый семьи Старицких, вел финансовые дела Н.Е. Вернадской

Стариков, владелец дома в Москве, угол Трубниковского пер. и Поварской ул., в котором жили В.И. Вернадские (1894)

Старицкая (в замужестве Жедринская) Нина Егоровна (1871–1936), родная сестра Н.Е. Вернадской

Старицкая (девичья фамилия Зарудная) Мария Ивановна (1829–1914), мать Н.Е. Вернадской

Старицкая Елизавета Петровна, жена Г.Е. Старицкого

Старицкая Мария Егоровна, Мака (1870–1942), родная сестра Н.Е. Вернадской

Старицкая Софья Марковна, см. Любошинская

Старицкий Александр Павлович (1841–1925), полтавский уездный предводитель дворянства (1904–1908), член первой Гос. Думы

Старицкий Георгий Егорович, юрист, присяжный поверенный округа Харьковской судебной палаты, городской судья в Полтаве, родной брат Н.Е. Вернадской

Старицкий Егор Павлович (1825–1899), судебный деятель, председатель коммерческого суда в Тифлисе (с 1853), сенатор (с 1867), председатель Межевой палаты (с 1862), чл. Гос. совета (с 1879), главноуправляющий кодификационным отд., затем председатель департамента законов Гос. совета, отец Н.Е. Вернадской

Старицкий Николай Егорович, брат Натальи Егоровны, умер в 1872 г.

Старицкий Павел Егорович (1858–1942), родной брат Н.Е. Вернадской, инженер-технолог, выпускник Петерб. технолог. ин-та (1887), зав. чертежной адмиралтейских Ижорских заводов (с 1888), механик заводов Мальцевского т-ва Орловской губ. (с 1890), механик заводов того же т-ва Калужской губ. (с 1891), директор Людиновского машиностроительного и чугунолитейного завода и Сукресненского чугунолитейного завода Моск. акционерного о-ва Мальцевских заводов (1895–1901), главный мастер Невского механического и судостроительного завода (с 1902)

Старицкий Петр Павлович (1836–1902), подполковник, чл. Губернской земской управы (1878–86), председатель Полтавской уездной земской управы, дядя Н.Е. Вернадской

Старынкевич-Борнеман Ирина Дмитриевна (1890–1989), химик, минералог, уче-

ница и сотрудница В.И. Вернадского, дочь Д.С. Старынкевича

Старынкевич Дмитрий Сократович (1863–1920), выпускник Петерб. технолог. института (1890), друг В.И. Вернадского, муж Н.П. Милоковой

Старынкевич Константин Дмитриевич, сын Д.К. Старынкевича

Стахович Михаил Александрович, предводитель дворянства Орловской губ. Стишинский

Стебут Иван Александрович (1833–1923), ученый-агроном, проф. в Горы-Горещком земледельческом ин-те (ныне Белорусская с.-х. академия) (с 1860) и Петровской земледельческой и лесной академии в Москве

Стенон, Стено, Стенсон (Steensen) [латинизированное имя Steno, Stenonius] Николаус (Нильс) (1638–1686), датский естествоиспытатель

Столетов Александр Григорьевич (1839–1896), физик, преподаватель (с 1866) и проф. (с 1873) Моск. ун-та

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель, губернатор Гродненской (1902) и Саратовской (1903–06) губ., министр внутренних дел (1906), одновременно председатель Совета Министров

Стризов И.Н., сотрудник одной из железнодорожных компаний на Урале, в 1901 г. передал в дар Моск. ун-ту различные минералы из Западной

Строгановы, Строгоновы, русские купцы и промышленники, крупные деятели XVI – нач. XX в., имели огромные владения на Урале и в Сибири Строжевский, учитель

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), политический деятель, экономист, философ, главный представитель легального марксизма, редактор ж. «Новое слово» и «Начало» (90-е годы XIX в.)

Суворов Николай Семенович (1850–1909), д-р церковного права, ординарный проф. (с 1884) юридического фак-та Моск. ун-та

Супрунова З.М. (замужем Дири-на, 1919–1997), внучатая племянница В.И. Вернадского

Суинберн (Swinburne) Альджернон Чарлз (1837–1909), английский поэт

Сургунов Николай Иванович (?–1919), ученик В.И. Вернадского, участник его Минералог. кружка, сотрудник Минералог. кабинета Моск. ун-та (до 1911) и Минералог. кабинета Моск. сельскохозяйственного ин-та

Суслова Надежда Прокофьевна (1843–1918), первая русская женщина-врач

Сухомлинов Владимир Александрович, военный министр (1909–1915)

Сушкина Надежда Николаевна (1889–1975), микробиолог, почвовед

Таганцев Николай Степанович (1843–1923), юрист-криминалист,

Талиев Валерий Иванович (1872–1932), ботаник, приват-доцент Харьковского ун-та, затем проф. Моск. с.-х. академии

Тарасевич Лев Александрович (1868–1927), микробиолог, патолог, возглавлял уч. мед. совет Наркомздрава СССР (1918–1927)

Тарасов Иван Трофимович (1846–?), д-р полицейского права, ординарный проф. (с 1880) и секретарь (с 1896) юридического фак-та Моск. ун-та

Тарасов Николай Григорьевич, учитель живописи, валяния и зодчества 5-й Моск. гимназии, в которой учился Г.В. Вернадский

Твалчрелидзе Александр Антонович (1881–1957), минералог и пертограф, акад. (1941) АН Груз. ССР, ученик В.И. Вернадского

Термье (Termier) Пьер-Мари (1859–1930), французский геолог, ин. чл.-кор. АН СССР (с 1925)

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920), естествоиспытатель, дарвинист, один из основоположников русской школы физиологии растений, чл.-корр. Петербург. АН (1890), чл. Лондонского королев. о-ва (1911), проф. Петровской земледельческой и лесной академий (1870–92), Моск. ун-та (с 1878). В 1911 г. покинул ун-т в знак протеста против действий реакционного министра просвещения Л.А. Кассо

Тиханович Николай Николаевич (1872–1952), геолог, сотрудник Геол. ком-та (с 1904), проф. Моск. нефтяного ин-та (1943–52), ученик В.И. Вернадского

Тихомиров Александр Андреевич (1851–1931), зоолог, экстраординарный проф. (с 1888), секретарь физ.-мат. фак-та (с 1891), ректор (с 1899) Моск. ун-та

Тихвинский Михаил Михайлович (1868–1927), химик, проф. Киевского политех. ин-та, затем Петроградского политех. ин-та

Тихомиров Дмитрий Иванович (1844–1915), педагог, деятель по народному образованию, чл. Моск. комитета грамотности

Тодхунтер (Todhunter) Исаак (1820–1884), английский математик

Толль Николай Петрович (1894–1985), археолог, муж дочери В.И. Вернадского

Толль Татьяна Николаевна (1929), внучка В.И. Вернадского

Толмачев Иннокентий Павлович (1872–1950), геолог, палеонтолог

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), государственный деятель, обер-прокурор Синода (с 1865), одновременно министр народного просвещения (1866–80), министр внутренних дел (с 1882)

Толстопятов Михаил Александрович (1836–1890), минералог, читал лекции по минералогии (с 1861) в Моск. ун-те, предшественник В.И. Вернадского на кафедре минералогии

Томсон (Thomson) Джозеф Джон (1856–1940), английский физик, чл. Лондонского королев. о-ва (1884), в 1915–20 гг. президент, лауреат Нобелевской премии (1906), проф. Кембриджского ун-та (1884–1919), руководитель Кавендишской лаборатории

Топоркова Юлия Григорьевна (в замужестве Губарева), выпускница (1888) Петерб. высших женских курсов

Торквемада (Torquemada) Томас (ок. 1420–1498), с 80-х годов глава испанской инквизиции (великий инквизитор)

Тосканелли (Toscanelli) Паоло дель Поццо (1397–1482), итальянский ученый-гуманист, космограф и астроном, убежденный сторонник учения о шарообразности Земли

Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906), московский оберполицмейстер (1896–1905). С 11 января 1905 г. петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, ведавший полицией

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1929), религиозный философ, правовед и общественный деятель, проф. в Киеве и Москве (1906–18), чл. Гос. совета

Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1866–1938), скульптор

Трубецкой Петр Николаевич, московский предводитель дворянства

Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), философ, публицист, общественный деятель, проф. (с 1900) и ректор (1905) Моск. ун-та

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), экономист, приват-доцент Петербург. ун-та легальный марксист, чл. партии кадетов

Тугенгольд Александр Яковлевич, врач-дезинфектор в Москве

Тютрюмов Александр Михайлович, товарищ председателя Петербург. комитета грамотности (с 1893)

Ульянов Александр Ильич (1866–1887), участник революционного движения в Рос-

сии, старший брат В.И. Ленина, студент Петербург. ун-та (с 1883), секретарь Студенческого научно-литературного о-ва (при ун-те), зам. председателя Совета объединенных землячеств (председатель – В.И. Вернадский), чл. террористической фракции партии «Народной воли», за покушение на Александра III был арестован и казнен

Умов Николай Алексеевич (1846–1915), физик, профессор Новороссийского (с 1875) и Моск. (с 1893) ун-тов, президент (с 1897) Моск. о-ва испытателей природы, один из учредителей «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова»

Унковский Алексей Михайлович (1828–1893 или 1894), общественный деятель (друг М.Е. Салтыкова-Щедрина), предводитель дворянства Тверской губ. (с 1857), участник подготовки реформы 1861 г., в 1859 г. отстранен от должности, сослан в Вятку

Уоллес (Wallace) Альфред Рассел (1823–1913), английский естествоиспытатель, один из основоположников зоогеографии, создатель (одновременно с Ч. Дарвином) теории естественного отбора

Урусов Николай Петрович, кн., Полтавский губернатор (с 1902)

Успенская (ур. Ващенко) Надежда Эрасовна (1862–1942), жена Ф.И. Успенского

Успенский Федор Иванович (1845–1928), историк-византист, чл.-корр. (1893), акад. (1900, история и древности русские), акад. (1916, история и политические науки) Императорской АН

Ушинский Николай Григорьевич (1863–1934), доктор медицины, проф. Варшавского и Новороссийского ун-тов, проф. Таврического ун-та, друг В.И. Вернадского

Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1846–1946), англ. писатель

Фабр (Fabre) Жан Анри (1823–1915), фр. энтомолог

Фальборк Генрих Адольфович (1864–?), деятель народного образования, публицист, товарищ председателя Петербург. комитета грамотности (1893), чл. партии кадетов

Фаминцин Андрей Сергеевич (1835–1918), ботаник-физиолог, академик Петербург. АН (с 1889), организовал ботаническую лабораторию в АН

Федоров Евграф Степанович (1853–1919), кристаллограф, петрограф, минералог, геолог, геометр, акад. Российской АН (с 1919; адъюнкт по минералогии – 1901), проф.

Моск. с.-х. ин-та (1895–1905), директор Петербург. горного ин-та (с 1905)

Федоров Николай Тихонович (1893–1959), физик, учен. секр. Моск. отделения КЕПС

Федоровский Николай Михайлович (1886–1956), минералог, чл.-корр. (1933) АН СССР

Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945), минералог и геохимик, академик АН (с 1919), ученик и друг В.И. Вернадского, с 1909 г. преподавал в Моск. ун-те, в 1911 г. покинул его в знак протеста против деятельности министра народного просвещения Л. Кассо, с 1912 г. старший хранитель Минерал. музея АН

Ферсман (ур. княжна Оболенская) Ольга Николаевна (1887–?), первая жена Ферсмана А.Е.

Ферсман (ур. Рожанская) Екатерина Матвеевна (1903–1980), вторая жена Ферсмана А.Е.

Фесенков Василий Григорьевич (1889–1972), астроном, чл.корр. (1927), акад. (1935) АН СССР

Филатов Нил Федорович (1847–1902), врач-педиатр

Филипов Третий Иванович (1825–1899), государственный деятель и писатель, товарищ гос. контролера (с 1878), гос. контролер (с 1889)

Флавицкий Константин Дмитриевич (1830–1866), живописец

Флаум Анатолий Яковлевич, в 1934 г. входил в состав «тройки» (В.П. Волгин, А.Я. Флаум, А.Ф. Кошелев), отвечающей за переезд учреждений Академии наук из Ленинграда в Москву

Флоренский Кирилл Павлович (1915–1982), минералог, биогеохимик, планетолог, ученик В.И. Вернадского

Фогт (Vogt) Йухан Герман Ли (1858–1932), норвежский петрограф и геолог, проф. в Христиании (Осло), ин. чл.-кор. Петербург. АН (1912), принимал с В.И. Вернадским участие в экскурсии по Франции в 1900 г.

Фойхт, Фойгт (Voigt) Вольдемар (1850–1919), немецкий физик, проф. ун-та в Геттингене (с 1883)

Фокин Анатолий Михайлович (1892–1979), историк, геолог, муж М.М. Любошинской

Фома Аквинский (Thomas Aquinas) (1225 или 1226–1274), философ и теолог

Френкель Яков Ильич (1894–1952), физик-теоретик, чл.-корр. (1929) АН СССР

Фриккен (Fricken) Вильгельм, немецкий зоолог

Фриш Эдуард Васильевич (1833–1907), государственный деятель, обер-прокурор Сената (с 1870), товарищ министра юстиции (с 1876), чл. Гос. совета (с 1883), председатель Гос. совета (1906–07)

Фролов Дмитрий Матвеевич, архитектор, социалист-народник, член Полтавской городской управы, в 1919 г. член Харьковской городской управы

Фромгольд Егор Егорович, врач

Фрумкин Александр Наумович (1895–1976), акад. (1932) АН СССР

Фуке (Fouque) Фердинанд Андре (1828–1904), французский минералог, чл. Парижской АН (с 1881), проф. естественной истории неорганических веществ в Коллеж де Франс в Париже (с 1887)

Фуэсс, физик руководитель оптического ин-та в Штеглице, Германия

Ханелес Семен Абрамович, земский врач, у которого лечились Любошинские

Харитон Юлий Борисович (1904–1996), физик, чл.-корр. (1946), акад. (1953) АН СССР

Харичков Константин Васильевич (1865–1921), химик-органик

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920), д-р римского права, экстраординарный проф. (с 1899) и секретарь (с 1899) юридического фак-та Моск. ун-та

Хилков Михаил Иванович, министр путей сообщения в 1895 г.

Хлопин Виталий Григорьевич (1890–1950), радиохимик, чл.-корр. (1933), акад. (1939) АН СССР, ученик В.И. Вернадского

Холодный Николай Григорьевич (1882–1953), ботаник и микробиолог, акад. (1929) ВУАН

Хотяинцев Д.В., земский начальник Арзамасского уезда

Хрущов А.Г., кадет, товарищ министра финансов последнего состава Врем. прав-ва

Цебриков Владимир Михайлович (1867–?), геолог, сверхштатный ассистент при кафедре геологии (с 1894), приват-доцент (1900–11) Моск. ун-та, который покинул в 1911 г. в знак протеста против действий реакционного министра просвещения Л.А. Кассо

Цейс (Zeiss) Карл Фридрих (1816–1888), немецкий оптик-механик, основатель оптической фирмы в Йене

Цертелев Дмитрий Николаевич (1852–1911), земский деятель Тамбовской губ., поэт, переводчик и публицист 155–157

Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869–1942), чл.-корр. (1924) РАН, акад. (1929) АН СССР

Чарнолуцкий Владимир Иванович (1865–?), деятель народного образования, секретарь Петербург. комитета грамотности (с 1893)

Челинцев Александр Николаевич (1874–1962), экономист-аграрник

Черноярова (ур. Константинович) Екатерина Александровна (1863–1942), двоюродная сестра В.И. Вернадского

Челноков Михаил Васильевич, гласный Московской губ. земской управы

Чермак, Чермак-Зейзенегт (Tschermak-Seusenegg) Густав (1836–1927), австрийский минералог и петрограф, действительный чл. АН в Вене (1875), почетный чл. Петербург. АН (1912), преподавал в Венском ун-те (1861–1906), директор Минералог. кабинета Венского ун-та (1868–77)

Черник Георгий Прокофьевич (1864–?), минералог, военный инженер, чл. Петербург. минерал. о-ва (с 1898)

Чернышев Борис Исидорович (1888–1950), палеонтолог, акад. (1919) ВУАН

Чернышев Феодосий Николаевич (1856–1914), геолог, палеонтолог, акад. Петербург. АН (1909), сотрудник (с 1882), директор Геологического музея АН в Петербурге (с 1900), директор (с 1903) Геологического комитета

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), философ, историк, публицист, общественный деятель, проф. Московского университета (1861–68), московский городской голова (1882–83)

Чолокаев Николай Николаевич (1830–1920), обществ. деятель Моршанского уезда Тамбовской губернии, губернский предводитель дворянства (с 1891), чл. Гос. совета от земства (1906–1909)

Чупров Александр Иванович (1842–1908), экономист, публицист, либеральный общественный деятель. В «Русских ведомостях» сотрудничал в течение 35 лет и был одним из членов писательской артели, издававшей эту газету

Шарицер (Scharizer) Рудольф (1859–1935), австрийский минералог, профессор ун-та в г. Грац (с 1899)

Шауфус-Шафгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус Николай Константинович (1846–1911), сенатор, генерал-лейтенант, управляющий

курско-киевской ж.д., директор московско-курской ж.д. (с 1892), начальник управления железными дорогами с 1905 г., министр путей сообщения (1906–09), чл. Гос. совета (1908)

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), языковед, историк древней русской культуры, академик Петербург. АН (с 1894), проф. Петербург. ун-та (с 1908), чл. Гос. совета (1906)

Шахматов Мстислав Вячеславович (1888–1943), историк

Шаховская Анна Дмитриевна (1889–1959), личный секретарь В.И. Вернадского (с 1938), впоследствии хранитель его Кабинета-музея в Ин-те геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР

Шаховская (девичья фамилия Сиротина) Анна Николаевна (1860–1951), жена Д.И. Шаховского (с 1886)

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939), князь, историк-публицист, государственный и общественный деятель, внук декабриста Федора Петровича Ш., друг В.И. Вернадского со студенческих лет, земский деятель Ярославской губ., один из основателей и сотрудников ж. «Освобождение», чл. Совета «Союза освобождения», участник земских съездов (1904–05), чл. партии кадетов (с 1905), министр государственного призрения во Временном правительстве, в начале 1920-х годов служил в кооперации

Шаховской Илья Дмитриевич (1887–1916), сын Д.И. Шаховского

Шванебах Петр Христианович (1848–1908), экономист

Шварц Александр Николаевич (1848–1915), физиолог, государственный деятель, преподавал в Моск. ун-те (1875–1900), попечитель Рижского (1900–02), Варшавского (1902–05), Московского (1905) учебных округов, министр народного просвещения (1908–10), чл. Гос. совета (с 1907)

Шевырев Петр Яковлевич (1863–1887), русский революционер-народник, студент физ.-мат. фак-та Петербург. ун-та (с 1883), чл. Совета объединенных землячеств (В.И. Вернадский – председатель), соратник А.И. Ульянова по террористической фракции «Народной воли», казнен вместе с А.И. Ульяновым и другими по делу о покушении на Александра III

Шейбе (Scheibe) Роберт (1859–1923), немецкий минералог, ассистент (с 1885), проф. минералогии (с 1895) Горной академии во Фрейберге

Шелковников, окончил университет, сопровождал В.И. Вернадского во время поездки в г. Баку

Шелли (Shelley) Перси Биш (1792–1822), английский поэт-романтик

Шереметьев Павел Сергеевич, граф (1871–1943), чл. Гос. совета, уполномоченный Всероссийского земского союза

Шерер (Scherer) Вильгельм (1841–1886), немецкий филолог, проф. в Вене (с 1868), Страсбурге (с 1872), Берлине (с 1877)

Шерер-Набгольц Шик (ур. Шаховская) Наталья Дмитриевна (1891–1942), дочь Д.И. Шаховского

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), земский деятель, врач, публицист, один из лидеров кадетов, депутат II и IV Гос. думы

Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920), земский деятель, председатель Московской губ. земской управы (1893–1904), чл. Гос. совета (1906–09)

Шкляревский Анатолий Орестович (1869–1902), минералог, первый ученик В.И. Вернадского, ассистент Минералог. кабинета Моск. ун-та (с 1894)

Шмидт (Schmidt) Шандор (1855–1904), венгерский минералог

Шрауф (Schrauf) Альбрехт (1837–1897), минералог, проф. Венского ун-та

Штевен (в замужестве Ершова) Александра Алексеевна (1865–1933), педагог, писательница

Штельцнер (Stelzner) Альфред Вильгельм (1840–1895), немецкий геолог, проф. во Фрейберге

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), председатель Совета Министров, министр внутренних дел, губернатор Ярославской губ.

Шубников Алексей Васильевич (1887–1910), кристаллограф, акад. (1953) АН СССР

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), государственный деятель, министр юстиции (1906–13), председатель Гос. совета (в начале 1917)

Щербakov Дмитрий Иванович (1893–1966), геолог, минералог, чл.-корр. (1946), акад. (1953) АН СССР, ученик В.И. Вернадского

Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942), востоковед, индолог и тибетолог, акад.

Петербург. АН (1918; чл.-кор. – 1910), проф. Петербург. ун-та

Эпштейн Моисей Соломонович (1890–1938), гос. деятель, ученик Лебедева

Эрисман Федор Федорович (Гульдрейх Фридрих) (1842–1915), основоположник научной гигиены в России, по национальности швейцарец, жил в России с 1869 по 1896 г., проф. Моск. ун-та (с 1882), в 1896 г. уволен по политическим мотивам

Юрбен (Urbain) Жорж (1872–1938), фр. химик, чл.-корр. (1925) АН СССР

Юрковский Борис Андреевич, студент Петербург. ун-та, принимал участие в борьбе с голодом в Тамбовской губ. в 1892 г.

Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912), историк, публицист, общественный деятель, приват-доцент Моск. ун-та (1890–99), внук декабриста И.Д. Якушкина, действительный чл. О-ва любителей российской словесности при Моск. унте (с 1884), товарищ председателя комиссии о введении в России всеобщего обучения (с 1894), членом которой был В.И. Вернадский

Янжул (девичья фамилия Вельяшева) Екатерина Николаевна (1855–1935), общественная деятельница, активная участница различных просветительных обществ и организаций, жена И.И. Янжула

Янжул Иван Иванович (1846–1914), экономист, статистик, проф. финансового права Моск. ун-та (с 1876), акад. Петербург. АН (1895), фабричный инспектор Московского округа (1882–87)

Янович Надежда Викторовна, полтавская дворянка, некоторое время служила классной дамой в Ин-те в Тифлисе, где подружилась с семьей Е.П. Старицкого

Ярилов Арсений Арсеньевич (1868–1948), почвовед

Яроцкий Александр Иванович, проф. медицинского фак-та Юрьевского (Тартуского) ун-та

Яцевич Ю.В., составитель сборника «Начальное народное образование в Полтавской губернии» (Полтава, 1894)

Ячевский Артур Артурович (1863–1932), ботаник, миколог, фитопатолог, чл.-корр. (1923) РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к восемнадцатому тому	5
ПИСЬМА. 1895–1900 гг.	9
ПИСЬМА. 1901–1908 гг.	153
ПИСЬМА. 1909–1940 гг.	376
Именной указатель	594

Научное издание

ВЕРНАДСКИЙ
Владимир Иванович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати четырех томах

Том восемнадцатый

Письма жене –
Н.Е. Вернадской

Утверждено к печати
Ученым советом

Института геохимии и аналитической химии
им. В.И. Вернадского Российской академии наук,
Комиссией РАН по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского

Художник *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *А.Б. Васильев,*

Р.В. Молоканова, Т.А. Печко, Т.И. Шеповалова

Компьютерная верстка *С.В. Ииутиной*

Печать иллюстраций соответствует
представленному архивному материалу

Подписано к печати 07.04.2013

Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 51,2. Усл.кр.-отг. 51,2. Уч.-изд.л. 58,4

Тип. зак.

Издательство «Наука»

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-038131-5

9 785020 381315